БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики

ПРАВО, ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Чебоксары, 25 июня 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 34+33(082)
ББК 94.3
П68

Рекомендовано к публикации на основании приказа Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии №01-01-05/91 от 30.04.2026

Рецензенты: **Васильев Федор Петрович**, д-р юрид. наук, доцент ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», член Российской академии юридических наук
Радина Оксана Ивановна, д-р экон. наук, профессор филиала ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске

Редакционная коллегия: **Фомин Эдуард Валентинович**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

П68 **Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы** : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 25 июня 2026 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2026. – 646 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908172-09-7

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки и права. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья.

Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы. Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:
PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 34+33(082)
ББК 94.3

© БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2026
© Издательский дом «Среда», 2026

ISBN 978-5-908172-09-7
DOI 10.31483/a-10899

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики представляет сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы».**

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки и права. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Общие вопросы экономических наук.
2. Международная экономика и право.
3. Менеджмент и маркетинг.
4. Экономика предпринимательства.
5. Социально-экономические процессы в обществе.
6. Вопросы социально-экономической эффективности предприятий.
7. Актуальные вопросы юриспруденции.
8. Трудовое и предпринимательское право.
9. Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.
10. Правовые проблемы развития российской государственности.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Абакан, Арзамас, Брянск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Калининград, Киров, Красногорск, Краснодар, Липецк, Магадан, Набережные Челны, Нальчик, Нижневартовск, Нижний Новгород, Оренбург, Петропавловск-Камчатский, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Сибай, Сочи, Ставрополь, Тамбов, Тула, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Чебоксары, Шуя, Ярославль) России и Республики Беларусь (Жлобин, Минск).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации) и университеты и институты России (Башкирский государственный аграрный университет, Воронежский государственный университет, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Вятский государственный университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Дальневосточный федеральный университет, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Донской государственный технический университет, Ивановский государственный университет, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Камчатский государственный технический университет, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Кубанский государственный университет, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Международный банковский институт, МИРЭА – Российский технологический университет, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижневартовский государственный университет, Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко,

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Приволжский государственный университет путей сообщения, Российский государственный социальный университет, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Российский государственный университет туризма и сервиса, Российский новый университет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российский университет кооперации, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самарский юридический институт ФСИН России, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Северо-Восточный государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Тамбовский государственный технический университет, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тюменский индустриальный университет, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Университет прокуратуры Российской Федерации, Университет управления «ТИСБИ», Уральский государственный университет путей сообщения, Уральский государственный экономический университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфимский университет науки и технологий, Финансовый университет при Правительстве РФ, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова), Республики Беларусь (Белорусский государственный аграрный технический университет).

Отрадно отметить, что участниками конференции являются представители разных направлений деятельности: как ученые, так и практические работники сферы правовой и экономической жизни нашего общества.

Редакционная коллегия выражает сердечную благодарность нашим глубокоуважаемым авторам за участие в подготовке и издании сборника материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы».** Мы надеемся на наше дальнейшее сотрудничество и желаем всем успехов в научно-педагогической и исследовательской деятельности.

Главный редактор
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики
Э.В. Фомин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Акчурин Р.Р. Теоретико-правовые основы кадровой безопасности в высокотехнологичных организациях: сущность, риски и нормативное обеспечение 14

Аллагулова Р.З. Роль золотовалютных резервов в обеспечении экономической безопасности государства 19

Андреева Е.С., Сергеева А.В. Модель акционерной добавленной стоимости (sva) в управлении стоимостью компании 23

Баразгова К.Р. Сравнительный анализ трудового потенциала регионов Урала 26

Белицкий К.А. Влияние санкционных ограничений на стратегии устойчивого развития предприятий нефтегазового сектора 29

Боровкова В.А., Боровкова В.А., Потемкина Е.С. Прогнозирование стоимости акций ПАО ЕвроТранс на основе риск-ориентированного подхода 33

Бурьянова Н.В., Бурьянова С.В. Акселераторы как драйверы молодежного предпринимательства: стратегическая оценка международной практики 39

Вистунова М.Р. Экономические последствия развития маркетплейсов в России 41

Войнова А.А. Энергетический фактор как системный риск в проектном финансировании ЦОД 44

Гузиева Л.М., Уянов К.М., Гузиев Ж.А. Эволюция форм международных банковских расчетов в условиях глобализации 47

Дружинина С.А., Львова П.А. Инфляция и рост цен при снижении покупательной способности 51

Зубов Д.В. Налоги как фактор экономической безопасности 53

Зубов Д.В. Обеспечение экономической безопасности предприятия (фирмы) в условиях антикризисного управления 54

Зубов Д.В. Роль налоговой системы в обеспечении социальной безопасности 56

Зубов Д.В. Роль финансовых рынков в обеспечении экономической безопасности 58

Зуркова К.О. Использование цифровых технологий в обеспечении экономической безопасности предприятий 60

Квитко Э.К. Обеспечение экономической безопасности в сфере внешнеторговой деятельности 62

Квитко Э.К. Роль фондовых рынков в обеспечении экономической безопасности 64

Квитко Э.К. Фискальная эффективность и угрозы финансовой безопасности: структурный анализ налоговой системы России в контексте снижения сырьевых доходов 66

Коннова О.А., Иноземцева М.С. Трансформация рынка интеллектуального труда в США и перспективы России в условиях автоматизации 68

Кононенко В.В. Финансовые инструменты повышения конкурентоспособности продуктовых розничных сетей в условиях цифровой трансформации 71

Логинова Э.В. Финансовое мошенничество в сфере государственных закупок 76

Манзуллина И.И. Проблема софинансирования в реализации совместных научных проектов университетов и внешних грантодателей 80

Мирзабекян А.С. Коррупция как угроза безопасности современного государства и общая концепция противодействия проблеме 82

Михалев Д.А. Байесовский подход к прогнозированию угроз технологическому суверенитету в системе экономической безопасности 84

Ожаровская Д.В. Злоупотребление полномочиями арбитражного управляющего при реализации имущества должника: экономико-правовой анализ 87

Сидоренко К.В. Влияние санкций на экономику Российской Федерации 91

Соколов Д.А. Формы и методы государственного регулирования экономики 94

Такмазян К.М. Актуальные проблемы малого и среднего бизнеса 96

Троян Д.С. Виды и источники прибыли предприятия: теоретико-правовой аспект 99

Труфанов Н.А. Антикризисные меры обеспечения устойчивости и роста малых и средних производственных предприятий в условиях высокой стоимости заемного капитала и экономического спада 101

Труфанов Н.А. Использование искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления финансовых рисков и махинаций для предприятий 103

Труфанов Н.А. Отмывание денежных средств через легальный бизнес: признаки фиктивных операций и методы финансового расследования 106

Хуснутдинова А.С., Тютрина Д.В. Фармакоэкономика в ветеринарии: оптимизация затрат на лекарственные препараты при лечении продуктивных животных 109

Шепель С.Ю. Внедрение искусственного интеллекта в процесс ценообразования в сфере НИОКР 112

Шеренкова М.П. Финансирование импортозамещающих проектов: роль государственной поддержки и частных инвестиций 114

Шорохова В.Г. Финансовая деятельность государства и органов местного самоуправления ..118

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Гусейнова Г.М., Черданцева А.С. Налоговый статус цифровых валют: сравнительный анализ зарубежной практики и фискальной политики России 121

Зайнуллин М.А. Практика самозанятости в зарубежных странах 123

Кравченко В.М. Расширение БРИКС и новая экономическая география 126

Лепешев Д.М. Финансовые расследования в сфере противодействия финансированию терроризма: теоретические основы, методология и современные вызовы 129

Меркулова С.С. Финансовые риски дистанционного мошенничества и антифрод-анализ в банковском секторе 132

Пименова О.В. Анализ факторов, влияющих на принятие мер таможенного регулирования в отношении экспорта продукции никелевой промышленности России 134

Севрюков М.В. Взаимодействие права, экономики и управления в условиях цифровой трансформации 138

Шуляк П.В. Методика проведения комплексного анализа ЭБ предприятия или организации 140

Шуляк П.В. Структурный и функциональный анализ в исследовании ЭБ 142

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Белицкий П.П. Международный транспортный коридор МТК «Север–Юг» и его вклад в трансформацию логистической инфраструктуры 145

Бессонова Д.С. Организационно-экономический механизм управления качеством образовательных услуг: алгоритмизация процессов верификации и мониторинга надпрофессиональных компетенций посредством смарт-контрактов 147

Богатенко А.А., Александров С.Г. Способы продвижения спортивных событий и брендов 149

Борисов Г.М., Усков С.В. Этика и нормы служебного поведения чиновников в Древней Японии 152

Боровкова Е.Ю. Совершенствование межведомственного взаимодействия как фактор повышения эффективности деятельности многофункциональных центров 158

Ващук Е.В. Нейромаркетинг и айтрекинг как инструменты анализа и управления потребительским поведением 161

Вершняк А.А., Михнева С.В. Мотивация и стимулирование труда в современных организациях как факторы управления деловой карьерой 163

Головкова А.А., Михнева С.В. Методы и проблемы подбора персонала в современной организации 165

Иващенко П.А., Гасникова С.Ю. Роль стратегического планирования в развитии персонала в нефтегазовых организациях 168

Кузьмина А.М., Маврин С.А. Анализ производительности Ubuntu Server с использованием eBPF 171

Лебедев В.Э. Правовые аспекты организации фестивальных мероприятий 174

Михалев Д.В. Компаративный анализ геотаргетинга и геофенсинга в системе инструментов мобильного маркетинга 177

Мкртчян А.А., Гусева Т.Е., Михнева С.В. Особенности принятия и исполнения управленческих решений в условиях жёстких бюджетных ограничений (на примере Волгограда) 180

Мынта Д.М. Информационно-коммуникационные технологии в логистике 182

Покуль В.О., Сулима С.А. Особенности потребления музыкального контента в digital-среде 185

Солостина Т.А. Концепция человеческого капитала как теоретическая основа управления человеческими ресурсами 188

Целищева З.А., Будняя М.В. PR-стратегии продвижения молодежных мероприятий: теоретические аспекты и региональный опыт (на примере ХМАО – Югры) 192

Шпак А.С., Кравченок Д.Ю. Поиск и анализ сигналов о проблемах в системе удержания и привлечения корпоративных клиентов в территориальном филиале коммерческого банка 195

Щербинина Д.О. Социально ответственный и устойчивый маркетинг как основа развития современного бизнеса 205

Юшин В.С. Внедрение современных механизмов мотивации персонала (на примере ООО «Компания Спэйси») 208

Юшин В.С. Совершенствование системы мотивации персонала в условиях современного предприятия на примере ООО «Компания Спэйси» 211

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Боровкова В.А., Боровкова В.А., Александров В.В. Влияние доступности банковского финансирования на инвестиционную активность компаний: межстрановой анализ на данных всемирного банка 215

Жабина Т.В. Кризис традиционного инструментария оценки финансовой устойчивости стратегически значимых предприятий (на примере ПАО «Мечел») 221

Зарамышев А.А., Каракян К.С. Математическое моделирование и информационные технологии в задаче линейной модели амортизации 223

Кобзев М.А. Влияние налоговых реформ на предпринимательскую активность и экономическую безопасность 227

Кононенко В.В. Финансово-экономическая диагностика конкурентоспособности X5 Group и ПАО «Магнит» на основе системы финансовых, операционных и цифровых показателей 232

Кудашева К.А. Бухгалтерская отчетность как инструмент допуска к бюджетным средствам: угрозы экономической безопасности заказчика при фальсификации данных участником закупки 236

Машкин А.Л., Аристова Д.В. Анализ методов управления рисками на транспорте 239

Мягкая С.А. Система финансовых индикаторов как раннее предупреждение угроз экономической безопасности 242

Сидоров А.О. Зарубежный опыт обеспечения экономической безопасности предпринимательства в регионах..... 245

Соболева С.В. Применение общих законов организации в управлении изменениями на Дальнем Востоке (на примере Магаданской области)..... 249

Соболева С.В. Управление организационными изменениями в условиях Дальневосточного региона: трансформация общих законов организации (на примере Магаданской области) 251

Соколова Л.Г. Политика управления заработной платой на предприятии..... 254

Спицын Д.А. Особенности ревизии в строительстве: объекты, методы и специфика контроля..... 258

Уянаева М.Б., Байсиева М.Р. Стадии жизненного цикла интернет-стартапа и их специфика в контексте туристической отрасли 263

Филимонов М.В., Федулкина В.С. Комплексное отраслевое ИТ-решение для делового туризма 268

Чечкина Е.В. Сравнительный анализ ответственности индивидуального предпринимателя и корпоративных организаций 272

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Акопьян В.А. Оценка функциональной грамотности обучающихся в системе общего образования: взгляд эксперта 275

Бабенко А.О. Потребительские предпочтения женской аудитории при выборе одежды в цифровой среде..... 278

Белкина И.А., Илларионова О.В. Влияние библиотечного обслуживания на чтение сельского населения как социально-экономический процесс 283

Ефремов Е.А. Проблема нехватки квалифицированных кадров в промышленности Чувашской АССР в 1960-е гг. и методы её решения..... 289

Жукова О.Г., Каипбекова С.В., Пашаева А.М., Эфендиева Я.М. Жизнь и здоровье как объекты экономической оценки: теория, затраты и риски 292

Завражнов В.В., Басова Е.В. Возможности современных программ в социальной поддержке неполных семей..... 296

Зотова П.С. Влияние факторов безопасности на организацию и методику проведения международных спортивных соревнований (на примере Олимпийских игр 1972–1984 гг.).....298

Казанков А.И. Профилактика и борьба с наркоманией в современном обществе..... 302

Ключников Д.С. Политико-правовые механизмы деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации по восстановлению и долгосрочному развитию Донецкой Народной Республики..... 304

Красникова Н.Н., Пусева М.В. Формирование профессиональных предпочтений современной молодёжи: региональный аспект 309

Кузьмина А.М. Применение искусственного интеллекта для анализа социально-экономических характеристик сельских поселений..... 310

Маланина К.А. Детские праздники в сельском учреждении культуры как фактор социально-экономических изменений досуговых практик 313

Михайлова Э.А., Афанасьева О.Н. Особенности современной регионализации 319

Молодых Т.А., Пусева М.В. Карьерное консультирование как инструмент социальной поддержки граждан: зарубежный опыт 323

Павленко С.А. Суверенность самосознания в цифровую эпоху: социологический анализ трансформационных практик 324

Пестич М.А., Кизим В.Р. Математическое моделирование и информационные технологии в задаче максимизации прибыли предприятия 332

Петров Д.С., Сьянова А.А. Искусственный интеллект как инструмент социальной архитектуры в городском пространстве: концептуальные основы и урбанистические практики 336

Поздеева О.Г., Балуто Д.А. Угрозы экономической безопасности региона и направления их нейтрализации 345

Рязанцева П.А., Рязанцева Д.А., Кравченко С.А., Шипиль Д.Д., Летучая С.Р., Костенко А.Н., Шарапова О.В. Формирование современности: основные социально-экономические факторы и их социальные последствия 349

Соколова Д.А., Дулина Г.С. Психологическая готовность современного студента вуза к предпринимательской деятельности 352

Сомова С.Р., Штырхунова М.В. Психологическое сопровождение предпринимателей и организаций в процессе создания и развития бизнес-клубов: коучинговый подход 355

Хубецова А.А. Влияние демографической ямы на рынок труда в Российской Федерации 358

Четверикова Н.А. Кастомизация как социальная технология управления потребительским поведением 362

Шуликов А.О. Формирование политической элиты в Камчатском крае: структура, факторы и тенденции 364

Якушин В.Н., Бурда А.А., Бабенко Б.Д., Смирнов И.С., Титов М.Д. Технологии преодоления языкового барьера в условиях цифровой трансформации социально-экономических систем 367

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Валиахметов А.А., Насретдинова З.Т., Матвейчук Н.М. Влияние корпоративных и облачных информационных систем на формирование ценностных ориентаций личности в сфере малого бизнеса 371

Газиева А.В., Ежукова И.Ф., Газиев Р.Р. Внутренние медиа нефтяного предприятия как инструмент адаптации молодых специалистов: экономический аспект 374

Джаббарова А.Э. Роль социальных сетей в формировании имиджа бренда 378

Ишханян А.Э. Основные направления повышения экономической эффективности деятельности ПАО «Ростелеком»: теория и практика 381

Колесникова В.А. Влияние цифровизации на эффективность деятельности предприятий речного транспорта 386

Кононова В.Е. Роль корпоративной социальной ответственности в деятельности современной организации 390

Кузнецов А.В. Устойчивое развитие промышленных предприятий в Чувашской Республике: стратегические приоритеты и практические результаты 393

Мурадов С.В. Роль HR-стратегий в обеспечении культурной синхронизации стратегических альянсов в инновационных секторах 396

Мурадов С.В. Современные методы повышения квалификации персонала 399

Недвижай П.Д. Взаимосвязь бережливого производства и клиентоориентированности как фактор повышения эффективности и производительности предприятия 406

Недвижай П.Д. Бережливое производство: философия эффективности и российский опыт трансформации 409

Попова И.М., Абдулина Е.А. Влияние работодателей на формирование личности молодого специалиста в учебном заведении 411

Спицын Д.А. Автоматизация процесса финансовых расследований как инструмент повышения экономической безопасности предприятия 414

Томилов Г.А., Тукова Е.А. Современные подходы к управлению организацией в условиях цифровой трансформации: опыт трейд-маркетинга в оптовой компании «Авто-Траст» 417

Трушников А.В. Наукоёмкие технологии в повышении энергоэффективности инфраструктуры железнодорожного транспорта (на примере Кировской дистанции электроснабжения ОАО «РЖД») 419

Филиппова (Антонова) К.А., Луцков И.А. Оценка активов организации и источников их формирования как основа прогнозирования финансового состояния 422

Хомутова Д.О., . Применение технологий искусственного интеллекта как фактор повышения конкурентосопособности предприятия 427

Чуваньков В.С., Лунегов В.Н. Задача максимизации дохода: от производной к управленческому решению 429

Шеренкова М.П. Преодоление кадрового дефицита в условиях импортозамещения: стратегии взаимодействия бизнеса и образовательных учреждений 433

Шматко А.Т. Методологические основы интегрированной оценки эффективности и оптимизации бизнес-процессов в цифровой экосистеме мониторинга транспорта нефтедобывающей промышленности 436

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аллаярова С.Р., Романов П.А. Цифровизация земельных отношений: роль ЕГРН и электронных сервисов 439

Аралбаева А.Ф., Кагарманов Д.И., Сафаров В.Р. Новый порядок перераспределения земель: санация границ или ограничение прав собственников 441

Ахметшин А.А. Правовые аспекты применения ИИ в бизнесе 443

Бадамшина В.Р., Суворова Е.А. Реализация конституционной обязанности сохранять природу и окружающую среду в экологическом праве: проблемы и пути совершенствования законодательства 446

Гаврилова У.А. Охрана авторских прав в сети Интернет 450

Денисов Л.В., Вьюниченко С.С., Спатарь А.А. Психологические аспекты взаимодействия следователя с представителями средств массовой информации в процессе предварительного расследования по уголовным делам 452

Ефремова И.Д. Институт бесплатной юридической помощи в РФ: проблемы эффективности и пути совершенствования на примере Краснодарского края 456

Ефремова С.В. Правовые новации в сфере противодействия цифровым манипуляциям на выборах 459

Захарова С.В., Путилина П.Р. Алиментные обязательства по семейному праву России 461

Илюшкин А.А., Лягин К.А. Познание и классификация правомерного поведения: общетеоретические аспекты 464

Крашенинникова К.В. Порядок реализации совместно нажитого супругами залогового имущества в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц 467

Крюков А.А. Вещные права на земельный участок 470

Махмутов И.А., Миннахметова И.И. Внесудебные механизмы разрешения административно-правовых споров и их соотношение с судебным порядком 477

Меджидов Ф.А. Организационно-правовые основы обеспечения законности при осуществлении государственных закупок 481

Московченко В.А., Овдиенко А.А. Правовая природа определения причин недействительности договора купли-продажи 483

Нещеретов Р.В. Гарантии реализации гласности в гражданском судопроизводстве 487

Паевская С.Л. Институциональные механизмы реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в РФ: трудности обеспечения и защиты 489

Панасюк А.Н. Недопустимость произвольного формирования границ КРТ как гарантия прав правообладателей 493

Перовский А.В. Анализ текущего состояния нормативно-правового регулирования применения информационных технологий в делопроизводстве 497

Попазов Н.В. Гарантийный срок в договоре подряда: пресекательный, претензионный или срок существования обязательства? Проблемы разграничения и исчисления 501

Прохоров Д.В. Органы власти в сфере противодействия терроризму 506

Рутковский П.С. Особенности исполнения отдельных видов административных наказаний в деятельности полиции 509

Саркисян В.Г., Руднев В.Р. Опровержение сведений, порочащих индивидуального предпринимателя 512

Сафаров В.Р., Кужин И.А., Гладков Д.А. Самовольное занятие земельного участка: понятие, признаки и правовые последствия 515

Сементьев Ю.А. Правовой режим объектов, созданных с применением систем искусственного интеллекта: вопросы принадлежности исключительного права в предпринимательской деятельности 517

Халимов Д.И. Проблемы и перспективы развития законодательства, регулирующего службу в полиции 520

Харисов Р.Р. Актуальные вопросы правового статуса единоличного исполнительного органа коммерческой корпорации 523

Хеж С.Э. Проблема легитимации криптовалюты как объекта финансовых правоотношений 525

Чечкина Е.В. Соотношение рассмотрения дел в кассационных судах общей юрисдикции и в Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации 528

Шайдуллина А.А., Лягин К.А. Правоприменительная политика государства при пробелах в законодательстве 530

ТРУДОВОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кильдиярова И.К. Автоматизация и технологическая безработица 533

Лавриненко А.А. Проблемы применения трудового законодательства в деятельности органов внутренних дел 535

Леканова Е.Е. Принцип ограничения использования детского труда: международно-правовой и национальный аспекты 537

Сафаров В.Р., Кужин И.А., Гладков Д.А. Гражданско-правовой механизм осуществления и защиты субъективных прав в отрасли трудового права 540

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Анисимов О.Е. Особенности криминалистической модели преступлений, связанных с нарушением требований транспортной безопасности 543

Вирясова Ю.О. О способах совершения побегов и предупреждении побеговой активности из учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества 545

Ворсин А.М. К вопросу о законодательной конкретизации опасного и особо опасного рецидива в ст. 18 УК РФ 549

Дедов С.В. Феномен романтизации и эстетизации скулшутинга в TikTok: механизмы цифровой нормализации и профилактики 552

Колодиева И.Н. Использование систем видеонаблюдения в УИС для предупреждения и раскрытия преступлений 555

Леканова Е.Е. Неправомерное использование инсайдерской информации: межотраслевой аспект 557

Миннахметова И.И., Миролюбов С.Л. Проблемы в определении института военной адвокатуры 560

Паксютова М.И., Кубанов В.В. Об особенностях снятия судимости в уголовном праве России 562

Паксютова М.И. Об этапах развития института судимости в уголовном законодательстве России 566

Покинтелица К.А. Проблемы квалификации убийства, совершенного в соучастии 568

Покинтелица К.А. Проблемы разграничения форм соучастия в убийстве 571

Родин М.А. Использование биометрических данных, связанных с охраной учреждения 573

Свиридова Я.М. Виды убийств в уголовном праве и их отграничение от простого состава убийства 575

Соловьев О.Г., Бражник С.Д. Некоторые технико-юридические аспекты описания признаков объекта преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ) 578

Соловьева Л.Ю. Актуальные проблемы социального контроля над киберпреступностью и возможности применения механизмов социально-правового регулирования в России 581

Соловьева Л.Ю. Позитивная девиация в правовом регулировании противодействия киберпреступности: от догоняющей реакции к опережающему контролю 585

Соловьева Л.Ю. Роль средств массовой информации в системе неформального социального контроля над киберпреступностью 595

Стеблевская Д.Д. Причины, способствующие совершению коммерческого подкупа 600

Стеблевская Д.Д. Проблемы квалификации коммерческого подкупа 603

Стеблевская Д.Д. Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 606

Степанов А.А. Финансовое расследование как ключевой инструмент выявления и противодействия махинациям при фиктивном и преднамеренном банкротстве 608

Цапина В.А. Криминалистическая характеристика пострадавших от преступлений торговли людьми 614

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Григорьев С.С. Государственная служба в странах СНГ: общие тенденции и пути развития 617

Исмаилов З.Б., Ракитова А.С., Сидорова В.А., Михнева С.В. Реализация национального проекта «Туризм и гостеприимство» в Российской Федерации 619

Казанков А.И. Проблема правового статуса курортов 621

Ковалев В.С., Михнева С.В. Актуальные угрозы комплексной безопасности субъекта РФ: классификация и виды 623

Михнева С.В., Ковалев В.С. Национальная безопасность субъекта РФ 625

Морозова Н.В., Минеева Н.В. Совершенствование деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних 628

Моторкина А.Д., Михнева С.В. Особенности территориальной организации местного самоуправления в городах федерального значения Российской Федерации 631

Моторкина А.Д., Михнева С.В., Литвиненко З.Г. Социальный контракт как правовой инструмент преодоления бедности: эффективность и пробелы в правовом регулировании 634

Плаксина В.Н. Государственная политика Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта: актуальные проблемы и перспективы развития 636

Половцев И.Н. О приведении Национального стандарта ГОСТ Р 58203-2018 «Оценка воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия» на соответствие правилам ИКОМОС 640

Симонтенко Н.С. Проблемы цифровизации в судебной системе Российской Федерации 643

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Акчурин Ришат Ринатович
студент
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
г. Москва

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: СУЩНОСТЬ, РИСКИ И НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретико-правовые основы кадровой безопасности как функциональной составляющей экономической безопасности организации. Проведён критический анализ научных подходов к определению понятия «кадровая безопасность» применительно к высокотехнологичному сектору. Систематизированы кадровые риски, характерные для операторов дата-центров, включая квалификационные риски, риски нелояльности, информационные угрозы и риски, порождаемые неправомерным поведением самого работодателя. Дана оценка нормативно-правового и организационного обеспечения кадровой безопасности, обоснована ключевая роль локального нормотворчества в преодолении разрыва между рамочным федеральным регулированием и отраслевой спецификой деятельности.*

Ключевые слова: *кадровая безопасность, экономическая безопасность, кадровые риски, высокотехнологичный сектор, коммерческая тайна, локальное нормотворчество, информационная безопасность, дата-центры.*

Введение

Обеспечение защищённости хозяйствующих субъектов от внутренних угроз в условиях цифровой трансформации приобрело системный характер. Для высокотехнологичных предприятий – в том числе операторов дата-центров – персонал одновременно выступает главным производительным ресурсом и потенциальным вектором риска. Ошибка при подборе работника, слабая адаптация, конфликт интересов, нелояльность, утрата квалификации или несанкционированное распространение служебной информации способны обернуться финансовыми потерями, срывом производственного процесса и репутационными последствиями.

Специфика операторов дата-центров состоит в том, что их персонал взаимодействует с высоконагруженным оборудованием, энергосистемами, клиентскими данными и закрытыми конфигурационными параметрами. Кадровая ошибка здесь имеет иную цену, нежели в традиционном сервисном бизнесе: простой мощностей, утечка технических сведений или конфликтное увольнение инженера с уникальной компетенцией могут затронуть операционную устойчивость и исполнение договорных обязательств перед клиентами.

Несмотря на значительный массив научных публикаций по кадровой безопасности, проблематика организаций, работающих с критической цифровой инфраструктурой, остаётся недостаточно изученной. Настоящая статья направлена на заполнение этого пробела: систематизировать теоретические подходы, классифицировать отраслевые кадровые риски и оценить достаточность действующего правового регулирования применительно к операторам дата-центров.

1. Сущность кадровой безопасности и её место в системе экономической безопасности организации

Кадровая безопасность традиционно рассматривается как подсистема экономической безопасности организации. В.К. Сенчагов связывал экономическую безопасность с защищённостью интересов и способностью системы к развитию, что позволяет трактовать её не только

как защиту от ущерба, но и как условие нормального воспроизводства экономических отношений [1]. Структура экономической безопасности охватывает финансовую, информационную, правовую, технико-технологическую, имущественную и кадровую составляющие, которые на практике взаимосвязаны: финансовая устойчивость зависит от дисциплины работников, информационная безопасность – от их поведения, правовая безопасность – от соблюдения процедур приёма, обработки персональных данных, режима коммерческой тайны и увольнения.

В академической литературе выделяются три основных подхода к пониманию кадровой безопасности. Первый рассматривает её как направление кадровой работы, нацеленное на сохранение и развитие кадрового потенциала. Второй определяет её как предотвращение негативного воздействия на экономическую безопасность через снижение рисков, связанных с персоналом и трудовыми отношениями [2]. Третий трактует её как состояние защищённости организации от кадровых угроз [3]. Для высокотехнологичных компаний наиболее продуктивным представляется синтез этих подходов, поскольку угроза здесь возникает как из действий нелояльного сотрудника, так и из банального дефицита компетенций.

Принципиально важно, что персонал выступает одновременно субъектом угроз и объектом защиты. По мнению П.А. Ибрагимова и Х.Г. Гусайниева, кандидаты, действующие и бывшие сотрудники могут создавать угрозы для организации, однако сами работники также подвержены рискам со стороны работодателя – управленческих ошибок, конфликтной среды, нарушений трудовых прав [4]. Кадровая безопасность не должна строиться как система тотального подозрения; её задача – снижать вероятность ущерба через правомерные процедуры и чёткое распределение ответственности.

Теоретическое обоснование экономического значения кадровой безопасности опирается на концепцию человеческого капитала Г. Беккера: профессиональная подготовка и накопленный опыт формируют особый вид капитала, потеря которого обходится организации значительно дороже, чем затраты на подбор замены [5]. Ресурсный подход Дж. Барни дополняет эту логику: квалифицированная команда, корпоративные знания и межфункциональное доверие являются ресурсами, которые ценны, редки, трудно копируемы и сложно заменимы, – то есть составляют основу устойчивого конкурентного преимущества [6]. Если организация не защищает такие ресурсы от утраты, выгорания или перехвата конкурентами, она теряет часть экономической основы своей деятельности.

Кадровая безопасность имеет чёткую правовую границу. Работодатель вправе проверять квалификацию кандидата, устанавливать режим коммерческой тайны, разграничивать доступ к информации и применять дисциплинарные меры, однако все эти действия должны соответствовать трудовому законодательству, принципу недопустимости дискриминации и требованиям к обработке персональных данных. Нарушение этих правил само превращается в источник риска: незаконное увольнение, дискриминационные проверки или неправомерный сбор сведений о работнике влекут трудовые споры, административную ответственность и утрату доверия персонала.

Для операторов дата-центров кадровая безопасность неотделима от непрерывности производственных процессов. Если критическая операция зависит от одного инженера, болезнь или конфликтное увольнение этого специалиста могут нанести ущерб, несопоставимый с формальным нарушением дисциплины. Угрозой становится не только нелояльность, но и отсутствие передачи знаний – зависимость от персональных компетенций, которые нигде не задокументированы. Поэтому кадровая безопасность требует должностных инструкций, наставничества, регламентов передачи опыта и кадрового резерва.

2. Классификация кадровых рисков применительно к высокотехнологичным организациям

Разграничение понятий «кадровый риск», «кадровая угроза» и «кадровая опасность» имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Риск выражает вероятность неблагоприятного результата, связанного с работником, трудовыми отношениями или управленческой ошибкой. Угроза указывает на конкретный источник возможного ущерба – лицо,

решение, процедурную уязвимость. Опасность описывает состояние, при котором условия для реализации риска уже сложились, но ущерб ещё можно предотвратить. Организация, работающая только с угрозами, реагирует поздно – расследует утечку или ищет замену ушедшему специалисту. Работа с рисками позволяет действовать превентивно.

Первое основание классификации – источник риска. Внутренние риски формируются внутри организации: приём неподходящего кандидата, нарушение дисциплины, конфликт в подразделении, разглашение служебной информации, злоупотребление доступом к ресурсам. Внешние риски действуют из внешней среды: дефицит квалифицированных специалистов, переманивание сотрудников конкурентами, недобросовестные действия соискателей, рост киберугроз. И.Н. Махмудова и Н.В. Соловова связывают внешние риски с конкурентной средой и информационными атаками, а внутренние – с поведением персонала и состоянием управленческих процедур [7].

Второе основание – характер ущерба. Имущественные риски проявляются в хищении или порче оборудования. Финансовые риски возникают при ошибках расчётов, сговоре при закупках, штрафах за нарушения законодательства. Информационные риски выражаются в утечке персональных данных или разглашении коммерческой тайны. Правовые риски связаны с трудовыми спорами и незаконными увольнениями. Репутационный ущерб возникает, когда кадровый конфликт выходит за пределы организации. А.Р. Алавердов предлагает более детальную классификацию – по прогнозируемости, управляемости, характеру потерь, этапам работы с персоналом и возможности страхования [8].

Применительно к операторам дата-центров каждый из перечисленных видов риска приобретает специфическое содержание. Квалификационный риск здесь не сводится к формальному несоответствию образования: работник может иметь профильный диплом, но не иметь практического опыта с конкретным типом оборудования или конфигурацией сети. Ограниченность рынка инженерных специалистов в регионах присутствия дата-центров усиливает зависимость от удержания ключевого персонала. Снижение квалификационного риска требует системного наставничества, периодической оценки компетенций и документирования технологических знаний.

Информационные риски в дата-центрах отличаются повышенной латентностью. Сотрудник получает доступ к закрытым параметрам конфигурации оборудования, программным интерфейсам, клиентским данным и схемам инфраструктуры. По данным аналитического отчёта InfoWatch о российских утечках информации ограниченного доступа за 2023–2024 гг., в 2024 году было зафиксировано 778 случаев потери конфиденциальных сведений, причём доля инцидентов, связанных с умышленными действиями внутренних нарушителей, составила 18,5% [9]. Это подтверждает, что технические меры защиты не могут полностью заместить кадровые процедуры.

Специфическим для майнинговых дата-центров является риск инсайдерского использования мощностей в личных интересах – несанкционированное выделение вычислительных ресурсов в обход учётных систем. Он обнаруживается не сразу, поскольку не всегда отражается в видимых отклонениях операционных показателей, и требует технических средств мониторинга в сочетании с кадровыми контрольными процедурами.

Отдельного внимания заслуживают риски, порождённые неправомерным поведением самого работодателя. Незаконный отказ в приёме, дискриминационные требования, задержка заработной платы, нарушение режима рабочего времени, незаконное увольнение – все эти действия создают правовые, финансовые и репутационные последствия для организации. По имеющимся данным, около трети увольнений обусловлены конфликтом с руководством [10]. Конфликтное расставание может повлечь отказ передать дела, распространение негативной информации и сохранение несанкционированного доступа к корпоративным системам.

3. Нормативно-правовое и организационное обеспечение кадровой безопасности

Нормативная основа кадровой безопасности имеет несколько уровней. Федеральные законы устанавливают общие правила: как заключать и расторгать трудовой договор, как

обрабатывать персональные данные, как вводить режим коммерческой тайны, как обеспечивать охрану труда и противодействовать коррупции. Локальные нормативные акты переводят эти правила на язык конкретной организации. Текущие управленческие документы – приказы, акты, журналы учёта, протоколы инструктажей – показывают, как правила применяются на практике.

Трудовой кодекс Российской Федерации образует фундамент кадровой безопасности, регулируя заключение трудового договора, права и обязанности сторон, дисциплину труда, материальную ответственность, режим рабочего времени, охрану труда и порядок увольнения. Через трудовой договор работодатель получает право требовать исполнения трудовой функции и соблюдения внутреннего распорядка, однако договор не может заменить должностную инструкцию, регламент доступа к информации и правила обращения с имуществом.

Федеральный закон №152-ФЗ «О персональных данных» обязывает работодателя определять цель обработки, не собирать избыточных сведений, ограничивать доступ к данным и прекращать их обработку по достижении цели. Федеральный закон №98-ФЗ «О коммерческой тайне» связывает охрану конфиденциальных сведений с определением их перечня, ограничением и учётом доступа, регулированием порядка обращения с носителями. Принципиально важно, что режим коммерческой тайны имеет юридическую силу лишь при его надлежащем оформлении: формулировка о конфиденциальности в трудовом договоре без реальных процедур не защищает работодателя.

Антикоррупционное законодательство – Федеральный закон №273-ФЗ «О противодействии коррупции» – расширяет содержание кадровой безопасности за пределы классической трудовой дисциплины. В коммерческой организации антикоррупционные меры обычно выражаются в политике предупреждения коррупции, порядке уведомления о конфликте интересов, правилах работы с подарками и закупочных регламентах. Применительно к дата-центрам особую роль играет контроль закупочных решений, поскольку специалисты по оборудованию нередко участвуют в оценке и выборе поставщиков. Статья 204 УК РФ о коммерческом подкупе создаёт уголовно-правовые риски для лиц, наделённых полномочиями принимать юридически значимые экономические решения от имени организации, что требует системного выявления таких должностей и установления соответствующих ограничений.

Центральный вывод анализа нормативной базы состоит в следующем: федеральное законодательство задаёт лишь общие рамки, оставляя значительную часть регулирования на усмотрение работодателя. Оно регламентирует дисциплинарную ответственность, но не предоставляет эффективных инструментов для превентивного управления рисками, характерными для высокотехнологичного сектора. Следовательно, основным механизмом обеспечения кадровой безопасности выступает локальное нормотворчество.

Локальные нормативные акты работают как инструмент кадровой безопасности при трёх условиях: они не противоречат закону, работники с ними ознакомлены, а организация применяет их последовательно. Формальное положение о коммерческой тайне не защищает организацию, если перечень конфиденциальных сведений не определён, доступ к ним не разграничен, а работники не понимают, какие действия запрещены. Исследование PwC по экономическим преступлениям 2024 года фиксирует, что наиболее разрушительными угрозами для компаний остаются киберпреступность, коррупция и мошенничество при закупках [11] – все они имеют выраженную кадровую природу и не перекрываются исключительно техническими средствами.

Организационная структура обеспечения кадровой безопасности должна распределять ответственность между несколькими функциональными блоками. Руководство утверждает политику безопасности и выделяет ресурсы. HR-служба отвечает за процедуры подбора, адаптации, обучения, оценки и кадрового документооборота. Юридическая служба проверяет соответствие локальных актов законодательству и сопровождает служебные расследования. ИТ-подразделение управляет учётными записями, правами доступа и журналами событий. Служба безопасности контролирует пропускной режим. Руководители подразделений

обеспечивают повседневное соблюдение правил. Разрыв взаимодействия между этими субъектами – наиболее распространённая причина неэффективности системы кадровой безопасности на практике.

Режим доступа к объектам, помещениям и информационным системам образует операционный слой кадровой безопасности. Работник должен иметь права доступа, соответствующие его трудовой функции, а не сложившейся организационной привычке. Особого внимания требует процедура прекращения доступа при переводе и увольнении: блокировка учётных записей должна совпадать по времени с правовым прекращением трудовых отношений, а не следовать за ним с задержкой. Отчёт ACFE о профессиональном мошенничестве 2024 года показывает, что значительная часть инцидентов связана с отсутствием внутренних контролей или обходом уже существующих процедур [12].

Для операторов дата-центров нормативно-правовое обеспечение кадровой безопасности требует учёта производственной специфики. Универсальная кадровая политика недостаточна: внутренние регламенты должны детально описывать режим допуска к техническим помещениям, порядок передачи смен, правила обслуживания высоконагруженного оборудования, процедуры документирования технических знаний при увольнении инженера. Формальный подход к ознакомлению сотрудников с должностными инструкциями в данной отрасли является системной уязвимостью.

Заключение

В результате проведённого анализа можем сформулировать следующие выводы.

Во-первых, кадровая безопасность для высокотехнологичных организаций не может сводиться к кадровому делопроизводству или административному контролю. Это сложная междисциплинарная система, требующая интеграции HR-департамента, юридической службы, ИТ-подразделения и службы безопасности.

Во-вторых, специфика операторов дата-центров определяет приоритетный набор кадровых рисков: квалификационный дефицит инженерно-технического персонала, высокая цена ошибки при обслуживании оборудования, латентные информационные угрозы, инсайдерское использование вычислительных мощностей, а также риски конфликтного увольнения специалистов с эксклюзивными компетенциями.

В-третьих, разрыв между требованиями федерального законодательства и реальной необходимостью защиты специфических отраслевых активов преодолевается исключительно за счёт развитой системы локальных нормативных актов, учитывающей уникальность бизнес-процессов. При этом локальные акты эффективны лишь тогда, когда они не ограничиваются формальным ознакомлением работников, а подкреплены техническими средствами контроля и последовательным правоприменением.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку отраслевых методик оценки кадровых рисков для операторов дата-центров, а также на изучение практики построения систем локального регулирования кадровой безопасности в высокотехнологичном секторе российской экономики.

Список литературы

1. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс / В.К. Сенчагов. – М.: Дело, 2005. – 896 с. EDN POCTNV

2. Долженкова Ю.В. Управление кадровой безопасностью организации: теория и практика / Ю.В. Долженкова, М.С. Токсанбаева. – М.: Прометей, 2024. – 188 с.

3. Есикова Р.С. Кадровая безопасность как одна из составляющих экономической безопасности организации / Р.С. Есикова // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – №6. – С. 14–19. EDN YNXFUD

4. Ибрагимова П.А. Кадровая безопасность: риски, угрозы, пути совершенствования / П.А. Ибрагимова, Х.Г. Гусайниева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – №5. – С. 112–118. DOI 10.26726/1812-7096-2021-5-127-133. EDN FOBENH

5. Беккер Г. Человеческий капитал: Теоретический и эмпирический анализ / Г. Беккер. – Нью-Йорк: NBER, 1964.

6. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage / J. Barney // Journal of Management. – 1991. – Vol. 17. No. 1. – P. 99–120.
7. Махмудова И.Н. Кадровая безопасность: организация и управление / И.Н. Махмудова, Н.В. Соловова. – Самара: Самарский университет, 2022. – 156 с. EDN CRRSBA
8. Алавердов А.Р. Управление кадровой безопасностью организации: учебник и практикум / А.Р. Алавердов. – М.: Юрайт, 2020. – 234 с.
9. InfoWatch. Россия: утечки информации ограниченного доступа, 2023–2024: аналитический отчёт. – М., 2025. – URL: https://www.infowatch.ru (дата обращения: 30.01.2026).
10. Цветкова И.И. Оценка кадровой безопасности предприятия с помощью индикаторного подхода / И.И. Цветкова, Н.И. Клевец // Бюллетень науки и практики. – 2017. – №1. – С. 88–94. DOI 10.5281/zenodo.244250. EDN XHXRKJ
11. PwC. Global Economic Crime Survey 2024. – London: PricewaterhouseCoopers, 2024. – URL: https://www.pwc.com/gx/en/services/forensics/economic-crime-survey.html (дата обращения: 30.01.2026).
12. ACFE. Occupational Fraud 2024: A Report to the Nations. – Austin: Association of Certified Fraud Examiners, 2024.

Аллагулова Регина Забировна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-167364

РОЛЬ ЗОЛОТОВАЛЮТНЫХ РЕЗЕРВОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: *в статье исследуется роль золотовалютных резервов как стратегического элемента обеспечения экономической безопасности государства в условиях трансформации мировой финансовой системы. Рассмотрены теоретические основы формирования резервов, их функции и структура. На основе анализа статистических данных Банка России, Международного валютного фонда и Всемирного совета по золоту за 2020–2025 годы выявлены основные тенденции изменения структуры международных резервов, включая процессы дедолларизации и увеличения доли монетарного золота. Особое внимание уделено опыту Российской Федерации по адаптации резервной политики к внешним шокам, включая санкционное давление. Сделан вывод о трансформации роли золотовалютных резервов в условиях геополитической нестабильности и необходимости оптимального управления резервами для поддержания макроэкономической стабильности.*

Ключевые слова: *золотовалютные резервы, экономическая безопасность, международные резервы, монетарное золото, дедолларизация, Банк России, санкции, валютная политика.*

В современной глобальной экономике, характеризующейся высокой волатильностью финансовых рынков, геополитической нестабильностью и трансформацией международных расчетных систем, вопрос обеспечения экономической безопасности государства приобретает особую актуальность. Одним из ключевых элементов такой безопасности выступают золотовалютные резервы (международные резервы) страны, представляющие собой высоколиквидные финансовые активы, находящиеся в распоряжении центрального банка и правительства.

Размер запаса золотовалютных резервов является одним из важнейших макроэкономических показателей развития экономики, а его постоянный рост – показателем стабильности не только экономики, но и других сфер государства [1]. Однако в условиях нарастающих глобальных вызовов возникает необходимость переосмысления не только количественных параметров резервов, но и их качественной структуры, а также принципов управления ими.

Целью настоящей работы является комплексный анализ роли золотовалютных резервов в обеспечении экономической безопасности государства с учетом современных тенденций трансформации мировой финансовой архитектуры. В работе решаются следующие задачи: уточнение теоретических основ формирования и функционирования резервов; анализ динамики и структуры международных резервов на примере РФ; выявление факторов, влияющих на резервную политику в условиях санкционного давления и дедолларизации.

Согласно определению Международного валютного фонда, золотовалютные резервы представляют собой «внешние активы, которые имеются в свободном распоряжении органов денежно-кредитного регулирования и контролируются ими в целях удовлетворения потребностей в финансировании платежного баланса, проведения интервенций на валютных рынках для оказания воздействия на валютный курс и в других соответствующих целях» [1]. В состав резервных активов включаются монетарное золото, валютные резервы (активы в иностранной валюте, включая наличные деньги, депозиты и ценные бумаги), специальные права заимствования (СДР), а также резервная позиция в МВФ.

Официальные золотовалютные резервы выполняют несколько ключевых функций: формирование запаса ликвидности; финансирование дефицита баланса текущих операций; проведение валютных интервенций при осуществлении курсовой политики; обслуживание международных расчетов [2]. При этом размер резервов должен существенно перекрывать объем денежной массы в обращении, что является важным условием доверия к национальной валюте.

Золотой резерв играет стратегическую роль в системе обеспечения экономической безопасности государства, выступая не только финансовым, но и политико-экономическим инструментом укрепления национального суверенитета [3]. Исторически золото сохраняет значение универсального эквивалента стоимости, а его качества – стойкость, компактность, однородность, легкая делимость – делают его незаменимым в качестве страхового актива.

Анализ динамики международных резервов Российской Федерации за последние годы демонстрирует несколько значимых тенденций. Согласно данным Банка России, на 1 января 2025 года объем международных резервов составлял 609,1 млрд долларов США [4]. В течение 2025 года наблюдался устойчивый рост этого показателя. По состоянию на 4 июля 2025 года международные резервы достигли 690,6 млрд долларов, а в декабре 2025 года – рекордного значения 754,9 млрд долларов [4]. Прирост за 2025 год в целом составил 23,9% [4].

Особого внимания заслуживает структурная динамика резервов. В структуре валютных резервов большую долю занимал американский доллар, составляющий более половины их объема [1]. Однако начиная с 2018 года Банк России последовательно реализует политику дедолларизации. Доля долларовой валюты в общем объеме структуры золотовалютного резерва России в 2018 г. снизилась почти на 22% (с 43,7% до 21,9%) [2]. Одновременно происходило наращивание доли евро (с 25,1% до 32%), китайского юаня (с 0,1% до 14,7%), а также других валют.

Наиболее значимым структурным сдвигом стало увеличение доли монетарного золота в международных резервах. Если на 1 января 2020 года доля золота составляла около 20%, то к концу 2025 года этот показатель достиг 43,3% – максимального уровня с 1995 года [5]. В абсолютном выражении стоимость монетарного золота в резервах выросла с 195,7 млрд долларов на начало 2025 года до 326,5 млрд долларов в декабре 2025 года [5]. Почти 90% годового прироста резервов было обеспечено ростом цен на золото [5].

Современная трансформация структуры золотовалютных резервов обусловлена комплексом факторов как внешнего, так и внутреннего характера. Ключевым событием, изменившим подходы к управлению резервами, стало замораживание части российских валютных резервов странами Запада в 2022 году. Этот прецедент подорвал доверие к основным резервным валютам и их эмитентам, продемонстрировав уязвимость традиционных резервных активов перед геополитическими рисками [6].

В ответ на эти вызовы Банк России ускорил процесс дедолларизации. В 2023 году из валютной структуры резервов были исключены доллар США и евро, а целевые доли перераспределены в пользу китайского юаня (60%) и золота (40%) [7]. Данное решение отражает глобальную тенденцию, наблюдаемую во многих странах. В 2025 году доля золота в резервах центральных банков впервые с 1996 года превысила долю казначейских облигаций США [8].

Значимым фактором выступает также ценовая динамика на мировом рынке золота. В 2025 году цены на золото достигли исторических максимумов, превысив 4000 долларов за тройскую унцию [5]. Это создает благоприятные условия для переоценки золотых активов и увеличивает привлекательность золота как средства сохранения стоимости. Среднегодовая доходность золота за 20-летний период составила 9%, что существенно превышает темпы инфляции [6].

Золотовалютные резервы выполняют ряд важнейших функций, непосредственно связанных с обеспечением экономической безопасности государства. Первой и наиболее очевидной функцией является возможность проведения валютных интервенций для стабилизации курса национальной валюты. В апреле 2020 года Центральный банк России продал 19,2 млрд рублей (252 млн долларов) для поддержки рубля в условиях паники на валютном рынке [1]. При этом такие интервенции приводят к быстрому сокращению резервов и при достижении опасного минимума становятся неэффективными [1].

Вторая функция – покрытие дефицита платежного баланса и обслуживание внешнего долга. Для развивающихся стран, особенно в периоды кризисов, наличие резервов является критически важным для предотвращения дефолта по внешним обязательствам.

Третья функция – поддержание доверия к национальной экономике и ее финансовой системе. Наличие значительных золотых запасов способствует укреплению доверия граждан к финансовой системе и национальной валюте [3].

Четвертая функция – обеспечение политической стабильности и поддержание авторитета страны на международной арене. Динамика резервов рассматривается аналитиками как важный индикатор состояния и перспектив развития государства.

Пятая функция – формирование «запасника» на случай экстренных ситуаций, когда другие механизмы стабилизации экономики могут оказаться недоступными.

Несмотря на рекордные показатели международных резервов России, существуют серьезные вызовы, связанные с их управлением и использованием. Значительная часть валютных резервов остается под санкционными ограничениями, что ограничивает возможности их оперативного использования [9]. В этих условиях золото приобретает особое значение как актив, не подверженный блокировке.

Однако даже золотые резервы сталкиваются с новыми вызовами. В 2025 году Банк России впервые в истории приступил к прямым продажам золота из резервов на внутреннем рынке [10]. Это вынужденная мера, связанная с необходимостью поддержания ликвидности государственных компаний, осуществления бюджетных платежей и сдерживания падения рубля в условиях снижения валютных поступлений от экспорта энергоносителей. Данная тенденция вызывает обеспокоенность, поскольку резервы истощаются быстрее, чем правительство способно их восстановить [10].

Возникает принципиальный вопрос об оптимальном объеме золотовалютных резервов. Простое накопление золотовалютных резервов – некое омертвление вложенных в них средств, которые могли бы быть более эффективно использованы, находясь в хозяйственном обороте [1]. Следовательно, целесообразным является не безграничное аккумулирование резервов, а достижение их оптимального объема, соответствующего условиям конкретной страны. Однако реальная практика идет по пути накопления резервов, когда это возможно, и их расходования в сложных экономических ситуациях, когда это необходимо [1].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Золотовалютные резервы остаются неотъемлемым элементом системы обеспечения экономической безопасности

государства, выполняя функции стабилизации валютного курса, обслуживания внешнего долга, поддержания доверия к финансовой системе и страхования от внешних шоков.

В современных условиях глобальной геополитической нестабильности происходит фундаментальная трансформация подходов к формированию и управлению резервами. На смену традиционной ориентации на резервные валюты (прежде всего доллар США) приходит стратегия диверсификации с увеличением доли монетарного золота и валют стран – торговых партнеров. Этот процесс, получивший название дедолларизации, является объективной реакцией на возросшие риски, связанные с использованием доллара в качестве инструмента политического давления.

Опыт Российской Федерации демонстрирует как успехи в адаптации резервной политики к внешним вызовам (значительное увеличение доли золота и китайского юаня), так и сохраняющиеся проблемы (санкционная блокировка части валютных резервов, необходимость использования золота для покрытия текущих потребностей бюджета). В этих условиях ключевой задачей становится поиск баланса между накоплением и расходованием резервов, а также дальнейшая оптимизация их структуры с учетом долгосрочных интересов экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Костина Е.И. Золотовалютные резервы и их роль в экономике государства / Е.И. Костина, Д.А. Иванова // Вектор экономики. – 2020. – №12. – URL: http://www.vectoreconomy.ru (дата обращения: 27.05.2026). EDN VXEYZH

2. Лисенюк А.А. Значение структуры и динамики золотовалютных резервов России в обеспечении экономической безопасности страны / А.А. Лисенюк, И.С. Фадеева// Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2019. – Т. 2. – С. 734–737. EDN PMKFNU

3. Неизвестных, Д. М. Золотой резерв как элемент экономической безопасности страны / Д. М. Неизвестных // Экономика и управление. Маркетинг. – 2018. – Вып. 56 (126). – С. 36–37.

4. Россия: международные резервы выросли на 23,9% в 2025 году до рекордных $754,9 млрд. – URL: interfax.ru (дата обращения: 27.05.2026).

5. Региональная экономика и управление: учебное пособие / Е.Г. Коваленко, Г.М. Зинчук, С.И. Маслова [и др.]. – СПб.: Питер, 2005. – 288 с. – ISBN 5-469-00711-1. EDN TYWYOL

6. О стратегии развития экономики России / С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров [и др.] // Экономическая наука современной России. – 2011. – №3 (54). – С. 7–31. EDN OIOUNP

7. Усков В.В. Риски внешнеэкономической деятельности в условиях современных вызовов и угроз национальной экономике / В.В. Усков, М.Г. Кекутия // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, №9-1. – С. 680–690. DOI 10.34670/AR.2022.73.65.004. EDN SICPXU

8. Валько, Д. В. Экономическая безопасность: учебное пособие для вузов / Д.В. Валько. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – 150 с. – ISBN 978-5-534-10627-5.

9. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России / В.К. Сенчагов // ЭКО. – 2007. – №2. – С. 2–17.

Андреева Елизавета Сергеевна
магистрант
Научный руководитель
Сергеева Анна Викторовна
канд. экон. наук, преподаватель, доцент

Тульский филиал
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве РФ»
г. Тула, Тульская область

МОДЕЛЬ АКЦИОНЕРНОЙ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ (SVA) В УПРАВЛЕНИИ СТОИМОСТЬЮ КОМПАНИИ

Аннотация*: в статье представлен детальный анализ концепции акционерной добавленной стоимости (Shareholder Value Added, SVA), фундаментальные основы которой были заложены профессором А. Раппапортом. Раскрываются философские предпосылки модели, её структурные элементы, ключевые этапы вычислений и практическая применимость в парадигме управления, ориентированного на стоимость (VBM). Выполнено сопоставление сильных и слабых сторон методики SVA с традиционными метриками рентабельности. Установлено, что главным индикатором способности фирмы генерировать ценность вы-ступает превышение рентабельности инвестированного капитала (ROIC) над его средне-взвешенной стоимостью (WACC).*

Ключевые слова*: SVA, акционерная добавленная стоимость, Раппапорт, управление сто-имостью предприятия, WACC, NOPAT, инвестированный капитал, горизонт конкурентных преимуществ.*

Эффективный корпоративный менеджмент в современных экономических условиях невозможен без применения объективных инструментов оценки. Центральный вопрос, стоящий перед руководством, заключается в том, формирует ли предприятие действительную экономическую ценность для владельцев или лишь демонстрирует формальную бухгалтерскую прибыль. Исследователи И.В. Косорукова, С.А. Секачев и М.А. Шуклина подчёркивают, что управление, ориентированное на стоимость (Value-Based Management, VBM), выступает передовой парадигмой финансового менеджмента, нацеленной на максимизацию долгосрочной рыночной капитализации бизнеса как главного мерила управленческой эффективности [3, с. 412]. Классические индикаторы, такие как чистая прибыль или рентабельность продаж, игнорируют альтернативную стоимость собственного капитала, что нередко провоцирует принятие неоптимальных стратегических решений. Как резюмируют А.Г. Грязнова и М.А. Федотова, VBM трансформируется из узкой финансовой технологии в целостную бизнес-философию, объединяющую стратегическое планирование, бюджетный контроль и систему мотивации персонала [2, с. 518]. При этом С.А. Бондаренко и С.В. Пупенцова справедливо указывают на терминологический парадокс: несмотря на слово «акционерная» в названии, данная метрика по своей сути оценивает эффективность всего инвестированного капитала, включая средства кредиторов, а не только владельцев [4, с. 6].

В этом контексте особую аналитическую ценность приобретают показатели остаточного дохода, среди которых ведущую роль играет модель SVA,разработанная А. Раппапортом.

Методология SVA, созданная в Келлогской школе менеджмента (США), базируется на фундаментальной аксиоме: генерация стоимости для акционеров происходит исключительно в тех случаях, когда доходность вложенных средств превышает затраты на их привлечение [5, с. 34]. Иными словами, положительный экономический эффект (SVA > 0) достигается лишь при условии, что рентабельность новых инвестиций (ROIC) строго выше средневзвешенной стоимости капитала (WACC). В обратной ситуации, даже при наличии формальной бухгалтерской прибыли, происходит эрозия стоимости бизнеса.

Принципиальное отличие SVA от других метрик остаточного дохода, таких как EVA (экономическая добавленная стоимость, предложенная Г.Б. Стюартом), заключается в акценте на длительности периода конкурентных преимуществ. А. Раппапорт настаивает на необходимости чёткого ограничения прогнозного горизонта тем временным отрезком, в течение которого фирма способна удерживать свои конкурентные позиции. В долгосрочной перспективе разрыв между ROIC и WACC неизбежно привлекает новых игроков на рынок, что ведёт к обострению конкуренции и компрессии рентабельности. Следовательно, процесс создания добавленной стоимости не может быть бесконечным и жёстко лимитирован сроком сохранения конкурентных преимуществ отрасли и самой компании.

По своей сути SVA демонстрирует капитализированную величину изменения текущей стоимости операционных денежных потоков, скорректированную на текущую стоимость инвестиций (как в оборотный, так и во внеоборотный капитал), инициировавших данное изменение [5].

Ключевые компоненты модели SVA.

NOPAT (Net Operating Profit After Tax) – прибыль, которую компания получает от основной деятельности: она уже уменьшена на сумму налогов, но ещё не учитывает выплаты по процентам. Иными словами, это чистая операционная прибыль после уплаты налогов.

Инвестированный капитал (IC) – совокупный объём ресурсов, задействованных в операционном цикле. На практике рассчитывается либо как сумма собственного капитала и долгосрочных обязательств, либо как величина совокупных активов за вычетом краткосрочных пассивов.

WACC (Weighted Average Cost of Capital) – средневзвешенная стоимость капитала, которая отражает усреднённую цену привлечения как собственных, так и заёмных средств с учётом их удельного веса в общей структуре капитала компании.

Свободный денежный поток (FCF) – объём денежных средств, остающихся в распоряжении фирмы после финансирования всех необходимых капитальных и оборотных инвестиций. Эти средства потенциально доступны для распределения между провайдерами капитала.

Базовый алгоритм расчёта выглядит следующим образом:

$SVA = NOPAT – (WACC \times IC)$

В рамках подхода дисконтированных денежных потоков (DCF) модель трансформируется в:

$$SVA = \Sigma\, FCF_t / (1 + WACC)^t – IC_0$$

Согласно методологическим основам, метрика SVA, аналогично EVA, применяется в практике управления стоимостью для решения двух ключевых задач:

Оценка рыночной стоимости предприятия. Показатель выступает расчётной базой, на основании которой формируется итоговый вывод о цене бизнеса на конкретную дату.

Аудит эффективности инвестиционных решений. Метрика позволяет верифицировать, привели ли вложенные средства к созданию новой добавленной стоимости или же нерациональное управление спровоцировало «разрушение» существующей ценности.

Практическая реализация модели базируется на ряде допущений, представленных на рисунке 1.

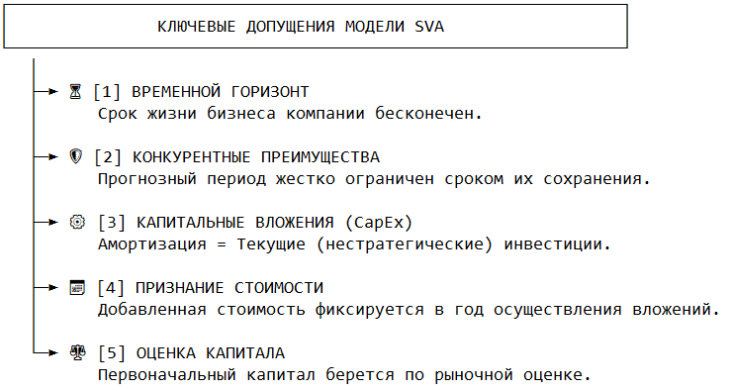


Рис. 1. Ключевые допущения модели SVA

Проанализируем преимущества модели SVA.

Первое преимущество SVA – ориентация на генерацию ощутимой ценности. В основе подхода SVA лежит фундаментальное правило: компания считается создающей стоимость лишь в том случае, если её рентабельность превосходит затраты на капитал. Это позволяет отличить компании, которые действительно увеличивают благосостояние акционеров, от тех, которые показывают бухгалтерскую прибыль, но не покрывают стоимость используемого капитала.

Третье преимущество – согласование интересов менеджмента и акционеров: менеджеры фокусируются на показателях, напрямую влияющих на стоимость; снижается риск принятия решений, выгодных в краткосрочной, но вредных в долгосрочной перспективе; прозрачность критериев оценки эффективности.

Модель SVA не лишена недостатков. К ним относят: сложность расчёта (требует прогнозирования на длительный период, субъективность допущений при прогнозировании).

Кроме того, неучёт нефинансовых факторов: репутационный капитал, интеллектуальная собственность, качество менеджмента, экологические и социальные аспекты.

Также отмечается сложность для нефинансовых менеджеров: барьеры понимания (сложность финансовых концепций, неочевидная связь с операционной деятельностью). Как подчёркивает С.В. Валдайцев, «оценка бизнеса на основе дисконтирования денежных потоков требует высокой квалификации оценщика и осторожных прогнозов, особенно в условиях нестабильной внешней среды» [1, с. 345].

Несмотря на указанные ограничения, модель SVA остаётся востребованным инструментом как в крупных корпорациях, так и в консалтинговой практике. Применение SVA позволяет менеджменту принимать более обоснованные инвестиционные решения, избегать краткосрочных действий в ущерб долгосрочной стоимости и выстраивать прозрачную систему оценки эффективности.

Список литературы

1. Валдайцев С.В. Оценка бизнеса и управление стоимостью предприятия: учеб. пособие для вузов / С.В. Валдайцев. – М.: Юнити-Дана, 2001. – 720 с. EDN VLQRFJ

2. Оценка бизнеса: учебник / под ред. А.Г. Грязновой, М.А. Федотовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 736 с.

3. Косорукова И.В. Оценка стоимости ценных бумаг и бизнеса: учебное пособие / И.В. Косорукова, С.А. Секачев, М.А. Шуклина. – Университетская серия. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. – 672 с. EDN SDSUBJ

4. Бондаренко С.А. Применимость фундаментальных показателей концепции ценностно-ориенти-
С.В. Пупенцова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22. №3. – С. 5–13. DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(3).5-13. EDN HZVABA

5. Одинцова А.Л. Оценка бизнеса на основе модели добавленной стоимости акционерного капитала (SVA) (на примере ПАО «Татнефть») / А.Л. Одинцова // Экономика и социум. – 2020. – №5(72).

Баразгова Ксения Руслановна
магистрант

Научный руководитель
Кочкина Елена Михайловна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ УРАЛА

Аннотация: *в статье представлен статистический анализ трудового потенциала в регионах Урала. Рассмотрены количественные и качественные характеристики трудового потенциала. По большинству показателей проведено сравнение регионов между собой и со среднероссийскими показателями. На основе выбранных показателей выполнен кластерный анализ, позволивший определить лучшие и худшие регионы в выбранном признаковом пространстве.*

Ключевые слова: *регион, трудовой потенциал, население в трудоспособном возрасте, рождаемость, смертность, здоровье населения, качество жизни, образование, кластерный анализ, центроид.*

Экономика региона функционирует, используя имеющиеся ресурсы. При этом основным ресурсом любого региона был и остаётся трудовой потенциал его жителей. Для характеристики трудового потенциала целесообразно использовать количественные и качественные характеристики.

К количественным характеристикам, которые в основной своей части связаны с демографическими процессами [3], можно отнести численность населения в трудоспособном возрасте, соотношение мужского и женского населения, соотношение численности населения младше и старше трудоспособного возраста, рождаемость и смертность населения и т. д.

Качественные характеристики трудового потенциала включают в себя физическую, интеллектуальную и социальную составляющие.

Доля населения в трудоспособном возрасте на Урале составляет 56,2%, что несколько ниже среднероссийского показателя. Наибольшего значения названный показатель достигает в Республике Башкортостан (57,4%), а наименьшего – в Курганской области (52,5%). При этом надо отметить, что доля населения в трудоспособном возрасте по сравнению с 2010 г. сократилась как по России в целом, так и во всех регионах Урала. Доля населения старше трудоспособного возраста в регионах Урала увеличивается быстрее, чем доля населения младше трудоспособного возраста. Растут коэффициенты демографической нагрузки, и в большей мере за счёт лиц старше трудоспособного возраста. Численность занятых, приходящихся на одного пенсионера, на Урале колеблется от 1,14 в Курганской области до 1,78 в Челябинской области.

Смертность населения на Урале превышает рождаемость, при этом смертность в трудоспособном возрасте на Урале выше, чем в среднем по России. Наибольшего значения этот показатель достигает в Курганской области (735,6 на 100 000 человек), а наименьшего – в Республике Башкортостан (529,9). Продолжают снижаться коэффициенты рождаемости, а коэффициенты смертности после резкого всплеска в 2021 г. вернулись к прежним уровням,

которые, тем не менее, превышают уровни рождаемости. С 2015 г. идёт снижение суммарных коэффициентов рождаемости. И хотя величина этого показателя на Урале выше среднероссийского, тенденция является настораживающей [3].

Увеличивается ожидаемая продолжительность жизни, хотя она и продолжает оставаться ниже, чем в целом по России [2]. При этом продолжительность жизни мужчин меньше, чем у женщин. Сократились показатели младенческой смертности. Количество детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1 000 родившихся живыми на Урале сопоставимо со среднероссийским показателем, который снизился почти в два раза. Наиболее благоприятная ситуация отмечается в Удмуртской Республике (2,4), а наименее благоприятная – в Курганской области (4,6). Что касается материнской смертности, то наиболее высокого значения этот показатель достигает в Курганской области, а наиболее низкого – в Челябинской области.

Важнейшей характеристикой трудового потенциала является здоровье населения. Показатель заболеваемости на 1000 человек населения во всех регионах Урала выше среднероссийского значения. Самая неблагоприятная ситуация складывается в Курганской области. При этом уровень заболеваемости увеличивается. Наиболее распространёнными заболеваниями являются заболевания органов дыхания.

По результатам проведённых социологических опросов доля населения, высоко оценившая состояние своего здоровья, в среднем по регионам Урала достигает 54,1%. Наибольшая удовлетворённость состоянием своего здоровья отмечается в Удмуртской Республике (60,1%), а наименьшая – в Оренбургской области (46,8%). Также проводился опрос, касающийся удовлетворённости населения медицинской помощью. В среднем по Уралу удовлетворены оказываемой медицинской помощью 55,9% населения.

Главные причины ухудшения здоровья населения – это условия жизни и качество медицинского обслуживания. Условия для оказания качественной медицинской помощи неодинаковы в регионах Урала. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций наиболее высокая в Челябинской области, а наиболее низкая – в Пермском крае. По численности населения на одну больничную койку лидирует Свердловская область (113,3), аутсайдером является Челябинская область (136,9). Наиболее загружены врачи в Курганской области, а средний медицинский персонал – в Челябинской области.

Условия жизни связаны с получаемыми доходами, наличием жилья и качеством среды проживания. Наибольшая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума характеризует Курганскую область (13,7%), а наиболее благоприятная ситуация сложилась в Свердловской области (7,6%). Аналогичная ситуация характеризует и потребительские расходы населения, которые авторы рассматривают как показатель уровня жизни населения [1].

Наиболее существенной характеристикой качества трудового потенциала выступает его интеллектуальная составляющая. В этом случае должны рассматриваться показатели, характеризующие образование и научные исследования. Выпуск квалифицированных рабочих и служащих превышает среднероссийский показатель. Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, также выше среднероссийского значения. Наибольшего значения последний показатель достигает в Пермском крае. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на Урале ниже среднероссийского значения. По указанным программам большее количество учащихся отмечается в Свердловской области, а наименьшее – в Курганской области.

После проведённого анализа показателей, характеризующих трудовой потенциал, авторы провели сравнение регионов Урала. Для сравнения использовались методы кластерного анализа. Применялись иерархические агломеративные методы. В качестве объектов анализа взяты регионы Урала. Ставилась задача разделить регионы на однородные группы в выбранном признаковом пространстве, которое включало 34 показателя. В состав показателей вошли показатели, непосредственно характеризующие трудовой потенциал, а также показатели, оказывающие на него влияние.

В качестве меры близости регионов использовалось обычное евклидово расстояние, а в качестве меры близости между группами регионов использовался метод Варда, предполагающий использование в качестве целевой функции внутригрупповой суммы квадратов отклонений.

Регионы делились на три кластера. По значению центроидов определялись лучший, средний и худший кластеры. В лучший кластер вошли Пермский край, Свердловская, Челябинская и Оренбургская области. Республика Башкортостан и Удмуртская Республика формируют средний кластер. В Курганской области большинство рассматриваемых показателей имеют худшие значения, в результате Курганская область выделена в отдельный худший кластер (рис. 1).

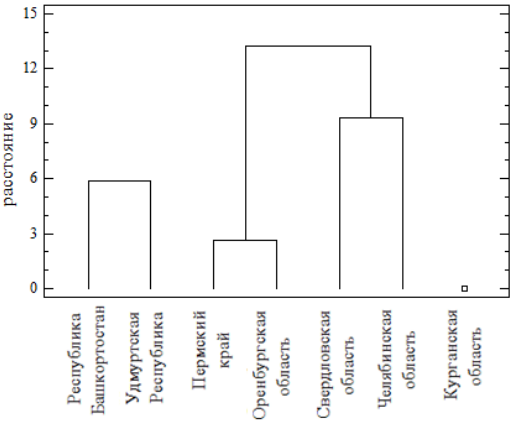


Рис. 1. Дендрограмма кластеризации регионов Урала

Список литературы

1. Агеносов А.В. Потребительский потенциал регионов: статистический анализ (на примере регионов Урала) / А.В. Агеносов, Е.М. Кочкина, Е.В. Радковская // Фундаментальные исследования. – 2023. – №6. – С. 88–94.

2. Алексеева Н.В. Статистическая оценка влияния условий и образа жизни людей на продолжительность их жизни / Н.В. Алексеева, Л.И. Носоченко // Актуальные проблемы в контексте современных научных исследований: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2024. – С. 183–187. EDN DZQRKU

3. Сухарев Е.С. Влияние демографической ситуации на экономическое развитие Российской Федерации / Е.С. Сухарев, Ю.Г. Потемкина // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7. №4. – С. 56–63. DOI 10.58224/2658-5286-2024-7-4-56-63. EDN LFKFMD

Белицкий Кирилл Андреевич
магистрант
Научный руководитель
Палеев Денис Леонидович
канд. техн. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168326

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

Аннотация: *статья посвящена исследованию влияния санкционных ограничений на стратегии устойчивого развития ведущих нефтегазовых компаний. На основе анализа отчетов восьми крупнейших зарубежных и российских компаний за 2019–2023 годы рассмотрена динамика выбросов парниковых газов, объемов добычи углеводородов и затрат на реализацию целей устойчивого развития. Сравнительный анализ показал разнонаправленные тренды: компании развитых стран пересматривают климатические приоритеты в пользу традиционной добычи, тогда как корпорации Китая и Саудовской Аравии сохраняют приверженность климатическим целям, наращивая «зелёные» инвестиции. Российские компании, несмотря на санкционное давление, актуализируют стратегии в сторону активизации климатической повестки. Обоснована необходимость баланса интересов всех стейкхолдеров при разработке стратегий устойчивого развития. Предложены практические рекомендации по оптимизации стратегий для различных групп компаний.*

Ключевые слова: *зеленая экономика, климатическая повестка, устойчивое развитие, стратегии устойчивого развития, нефтегазовые компании, санкции, выбросы парниковых газов, энергопереход, ESG-стратегии, декарбонизация.*

Современная глобальная экономика переживает период беспрецедентной турбулентности, обусловленной трансформацией системы международных экономических отношений и ужесточением санкционного давления на ключевых игроков энергетического рынка. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о влиянии внешних ограничительных мер на долгосрочные стратегические приоритеты крупнейших корпораций, особенно функционирующих в нефтегазовом секторе – отрасли, являющейся фундаментом энергетической безопасности и одновременно крупнейшим источником антропогенного воздействия на климат. Нефтегазовые компании оказались в эпицентре пересечения двух разнонаправленных трендов: нарастающего давления в пользу декарбонизации и необходимости обеспечения надёжного энергоснабжения в условиях геополитической нестабильности [7]. После 2022 года санкционные ограничения против российской экономики достигли масштабов, сопоставимых с периодами холодной войны, что вынудило как российские, так и многие зарубежные компании пересматривать стратегические ориентиры в области устойчивого развития, адаптируя их к новой реальности ограниченного доступа к технологиям, финансовым ресурсам и рынкам сбыта [6; 8].

Принятие в 2015 году странами-членами ООН семнадцати целей устойчивого развития ознаменовало новый этап эволюции корпоративного управления, когда вопросы экологической ответственности и социальной справедливости стали восприниматься как неотъемлемые условия долгосрочного успеха [1]. Нефтегазовые компании, обладающие колоссальными ресурсами, оказались в авангарде этого процесса, интегрируя принципы устойчивого

развития в стратегические документы и ставя амбициозные цели по сокращению выбросов, развитию возобновляемых источников энергии и повышению энергоэффективности [3]. Однако реализация этих стратегий наталкивается на препятствия, связанные с изменением геополитической конъюнктуры, заставляющей компании балансировать между климатическими обязательствами и необходимостью обеспечивать энергетическую безопасность и доходность акционеров [5]. Именно поэтому исследование влияния санкций на стратегии устойчивого развития нефтегазовых компаний имеет не только академический, но и выраженный практический интерес.

В научной литературе накоплен значительный массив исследований, анализирующих имплементацию целей устойчивого развития в корпоративные стратегии. Многие авторы подчёркивают, что интеграция принципов устойчивого развития становится критическим фактором доступа к рынкам капитала и доверия инвесторов, а компании, игнорирующие этот тренд, рискуют имиджевыми и финансовыми потерями [2]. В отраслевом разрезе особое внимание привлекают нефтегазовые компании, которые в силу своей масштабности и значительного воздействия на окружающую среду являются одновременно наиболее уязвимыми и наиболее способными к реализации крупных инвестиционных проектов в области низкоуглеродных технологий. Исследования А.В. Шевелевой и М.В. Черевик анализируют процесс интеграции климатической повестки в стратегии ведущих нефтегазовых транснациональных корпораций развитых и развивающихся стран [4]. Сравнительный анализ ESG-стратегий российских и зарубежных нефтегазовых компаний представлен в работах А.В. Ещенко и Д.А. Косяковой, а также Н. Титовой, в то время как М.И. Рябова соотносит стратегии в плане темпов энергоперехода и значимости климатической повестки [7]. Особый пласт исследований касается влияния геополитических факторов на реализацию стратегий устойчивого развития. В работах В.В. Авиловой и М.А. Измайловой отмечается, что российские компании не отказываются от УР, адаптируя программы к новым реалиям, поскольку партнёры из дружественных стран также ориентируются на этот тренд [6]. С.А. Шубин и Е.М. Киселёва указывают на необходимость пересмотра подходов с учётом интересов государства и сотрудников [5]. Макаренко, Тяглов и Шевелева анализируют устойчивое финансирование российских и зарубежных нефтегазовых компаний в условиях фрагментированной экономики [8]. Однако большинство работ затрагивают лишь отдельные аспекты, не уделяя внимания комплексному анализу динамики выбросов, добычи и инвестиций в до- и постсанкционный периоды. Данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Для сравнительного анализа были выбраны восемь ведущих нефтегазовых компаний: саудовская Saudi Aramco, китайские Sinopec Group и CNPC, американская ExxonMobil, британская Shell, а также российские ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром» и ПАО «ЛУКОЙЛ». Источниками данных послужили годовые отчёты и отчёты об устойчивом развитии за 2019–2023 годы. Хронологические рамки выбраны неслучайно: период включает этап активного внедрения климатических инициатив (2019–2021) и фазу острого санкционного кризиса (2022–2023), что позволяет провести качественное сравнение стратегий до и после введения ограничений. Ключевыми индикаторами стали выбросы парниковых газов Scope 1 и Scope 2, объёмы добычи углеводородов и затраты на реализацию целей устойчивого развития. Их взаимосвязь позволяет оценить реальную эффективность стратегий: рост выбросов при падении добычи и увеличении инвестиций свидетельствует о неэффективности, тогда как снижение выбросов при росте добычи указывает на успех внедрения зелёных технологий.

Результаты анализа демонстрируют существенные различия в подходах. Saudi Aramco в 2019–2021 годах сократила выбросы на 4,5% при снижении добычи на 6,8%, однако в 2022 году рост добычи на 10,5% привел к увеличению выбросов лишь на 5,9% благодаря снижению интенсивности сжигания газа. Затраты на НИОКР в области УР выросли в 1,7 раза. Китайские компании демонстрируют ещё более впечатляющие результаты: Sinopec при

росте добычи на 9,8% сократила выбросы на 1,2%, увеличив расходы на охрану среды в 2,1 раза. CNPC при росте добычи нефти на 1,8% и газа на 25% увеличила выбросы всего на 5%, активно реализуя программы лесовосстановления и повышая инвестиции в экологические технологии более чем в 1,5 раза.

Совершенно иная картина у ExxonMobil и Shell. ExxonMobil, несмотря на декларируемую приверженность климатическим целям, столкнулась с отклонением акционерами большинства экологических инициатив. Руководство компании публично заявило о нереалистичности достижения углеродной нейтральности к 2050 году, сместив фокус на доходность акционеров. В январе 2025 года президент США подписал указ о выходе из Парижского соглашения, что создаёт дополнительный импульс для развития нефтегазового сектора. Shell, принявшая в 2022 году амбициозную стратегию «Энергия для прогресса», к 2024 году пересмотрела планы снижения выбросов на 2030 год с 20 до 15% и отказалась от промежуточных целей на 2035 год. Компания начала сворачивать проекты в области ВИЭ, продавать солнечные активы и сокращать штаты. При этом затраты на экологические программы выросли в 3,3 раза к 2022 году, но уже в 2023 году сократились на 9,5%, что указывает на сворачивание климатических инвестиций [7; 8].

Российские компании демонстрируют противоположную траекторию. ПАО «НК «Роснефть» утвердило стратегию достижения углеродной нейтральности к 2050 году, сократив выбросы на 4,9% при снижении добычи на 5,4%, а затраты на экологию выросли в 1,8 раза. ПАО «Газпром» в 2023 году утвердило Климатическую стратегию до 2050 года, сократив выбросы загрязняющих веществ на 22,7% и парниковых газов Scope 1 на 11,4%, при этом затраты на охрану среды выросли на 35%. ПАО «ЛУКОЙЛ» снизило выбросы на 13,6% при стабильных объёмах добычи, увеличив финансирование экологических программ почти в 1,5 раза. Российские компании актуализируют цели в сторону активизации климатической повестки, что связано с необходимостью импортозамещения и обязательствами в рамках Стратегии низкоуглеродного развития РФ до 2050 года и планов достижения углеродной нейтральности к 2060 году [5; 6].

Сравнительный анализ показывает, что зарубежные компании развитых стран пересматривают приоритеты, отказываясь от части климатических инициатив в пользу традиционной добычи и доходности акционеров, что обусловлено достигнутым прогрессом в снижении загрязнений [7]. Компании Китая и Саудовской Аравии сохраняют приверженность целям УР, рассматривая климатическую повестку как инструмент технологической модернизации и геополитического влияния. Российские компании, несмотря на санкции, наращивают экологические инвестиции, руководствуясь государственными приоритетами и необходимостью технологического суверенитета [5; 6; 8].

На основе анализа сформулированы рекомендации. Западным компаниям рекомендуется сохранять приверженность базовым показателям Парижского соглашения, не форсируя убыточные инициативы, но и не отказываясь от них полностью во избежание репутационных потерь. Компаниям России, Китая и Саудовской Аравии целесообразно сохранить намеченные показатели до достижения целевых значений в международных рейтингах (80+ баллов по УР и 50 баллов по уровню загрязнений). Для российских компаний особенно важна дорожная карта, включающая внедрение систем мониторинга выбросов метана, локализацию производства оборудования для ВИЭ и систем улавливания углерода, переход на стандарты отчётности, признаваемые в дружественных юрисдикциях, и согласование климатических целей с региональными планами развития [5; 6; 8].

Проведённый анализ представляет собой комплексную оценку ожиданий и результатов реализации стратегий устойчивого развития до и после введения санкций. Исследование выполнено на основе открытых источников, что создаёт определённое ограничение и указывает на необходимость дальнейших исследований с привлечением непубличных данных и

интервью с менеджментом. Дальнейшее изучение вопроса связывается с региональными аспектами развития зелёной экономики, что позволит выстроить стратегию пространственного развития нефтегазовой отрасли России с учётом глобальных климатических трендов и локальных социально-экономических условий. Влияние санкций на стратегии устойчивого развития оказывается неоднозначным и разнонаправленным, что требует взвешенной политики как со стороны корпораций, так и государственных регуляторов, стремящихся обеспечить баланс между экономической эффективностью, энергетической безопасностью и экологической ответственностью в условиях нарастающей геополитической неопределённости [8].

Список литературы

1. Domingo-Posada E. Sustainable Development Goals and Corporate Strategy: A Map of the Field / E. Domingo-Posada, P.L. González-Torre, M.M. Vidal-Suárez // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2024. – Vol. 31. No. 4. – P. 2733–2748.

2. Утевская М.В. Формирование стратегий компаний с учетом целей устойчивого развития / М.В. Утевская, А.А. Шиян // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2022. – №4(71). – С. 61–66. DOI 10.52897/2411-4588-2022-4-61-66. EDN PPRELL

3. Мальков Д.Э. Корпоративная социальная ответственность как один из основных элементов стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса / Д.Э. Мальков, А.В. Комарова // Московский экономический журнал. – 2023. – Т. 8. №3. – Ст. 38. DOI 10.55186/2413046X_2023_8_3_122. EDN WUDLDT

4. Шевелева А.В. Анализ и оценка процесса интеграции климатической повестки в стратегии ведущих нефтегазовых ТНК развитых стран / А.В. Шевелева, М.В. Черевик // Экономика и предпринимательство. – 2018. – №4(93). – С. 164–168. EDN YXKPSW

5. Шубин С.А. Устойчивое развитие российских компаний в современных геополитических реалиях / С.А. Шубин, Е.М. Киселева // Экономические науки. – 2023. – №5. – С. 319–326. DOI 10.14451/1.222.319. EDN CDADVA

6. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений / М.А. Измайлова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13. №2. – С. 185–201. DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201. EDN BHXXJT

7. Рябова М.И. Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода / М.И. Рябова // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16. №1. – С. 219–243. DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243. EDN ODFHZX

8. Макаренко Е.Н. Устойчивое финансирование российских и зарубежных нефтегазовых компаний в условиях фрагментированной экономики / Е.Н. Макаренко, С.Г. Тяглов, А.В. Шевелева // Финансовые исследования. – 2024. – №2(83). – С. 10–20. DOI 10.54220/finis.1991-0525.2024.83.2.001. EDN GFMWNW

Боровкова Валерия Анатольевна
канд. экон. наук, доцент, доцент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург
Боровкова Виктория Анатольевна
д-р экон. наук, доцент, доцент
АНО ВО «Международный банковский институт»
г. Санкт-Петербург
Потемкина Екатерина Сергеевна
магистрант
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СТОИМОСТИ АКЦИЙ ПАО ЕВРОТРАНС НА ОСНОВЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

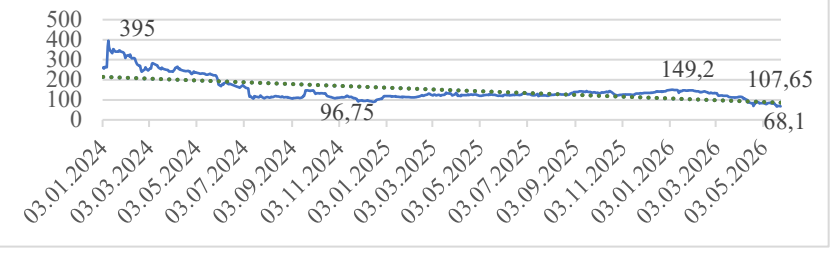
Аннотация: *трансформационные процессы, происходящие сегодня в экономике и обществе предопределяют необходимость применения риск-ориентированного подхода, в том числе к прогнозированию стоимости акций. В статье выполнен анализ акций ПАО «ЕвроТранс» на основе финансовой отчетности по МСФО и технических индикаторов. Установлено расхождение между операционной эффективностью и уровнем долговой устойчивости. Показано, что текущая рыночная цена акций учитывает высокий уровень финансовых рисков. Определены факторы, способные изменить динамику котировок в перспективе.*

Ключевые слова: *акции, технический и фундаментальный анализ, RSI, MACD, прогнозирование стоимости, рыночные мультипликаторы, долговая нагрузка.*

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексной оценки инвестиционной привлекательности компаний топливно-энергетического сектора, в частности ПАО ЕвроТранс в условиях высокой долговой нагрузки и активной инвестиционной фазы. Цель работы заключается в определении текущего финансового состояния компании на основе фундаментального и технического анализа, выявление факторов, способных повлиять на динамику ее акций. Практическая значимость заключается в формировании обоснованного вывода для потенциальных инвесторов.

Результаты. Для проведения технического анализа и оценки динамики акций были использованы ежедневные данные котировок с 2024 года по апрель 2026 года, данные о динамике ключевой ставки и инфляции [6; 9].

На рисунке 1 представлена динамика котировок ПАО ЕвроТранс, визуально разделяющаяся на 3 блока. В 2024 году наблюдалась нисходящая динамика, стоимость упала почти в 4 раза, с 395 до 97 руб., в 2025 наблюдалась стагнация с элементами восходящего тренда к концу года и в 2026 году котировки снова приняли негативную тенденцию, снизившись со 149 до 68.



Для оценки тренда использован индикатор MACD, рассчитываемый как разность 12 дневной и 26 дневной экспоненциальных скользящих средних (формула 1). Сигналом к смене тренда служит пересечение линии MACD с сигнальной линией EMA 9 (формула 2).

$$MACD = EMA_{12} - EMA_{26} \quad (1)$$

$$Signal = EMA_9(MACD) \quad (2)$$

где EMA_{12} – экспоненциальная скользящая средняя за 12 дней;
EMA_{26} – экспоненциальная скользящая средняя за 26 дней;
Signal – экспоненциальная скользящая средняя MACD за 9 дней.

На рисунке 2 представлен индикатор технического анализа MACD, характеризующий схождение и расхождение скользящих средних за 12 и 26 дней, а также скользящую среднюю за 9 дней, отражающую сигнал к сделке. Пересечение MACD сверху сигнальной линии означает рекомендацию к продаже – усиление медвежьей позиции, снизу к покупке актива. Линия MACD в большенстве случаев находится в области ниже 0, что свидетельствует о нисходящем тренде стоимости акций, к тому же линия MACD на протяжение почти всего периода располагается ниже сигнальной линии, что интерпретируется, как медвежий сигнал, означающий более слабый импульс движения по сравнению с долгосрочным трендом.

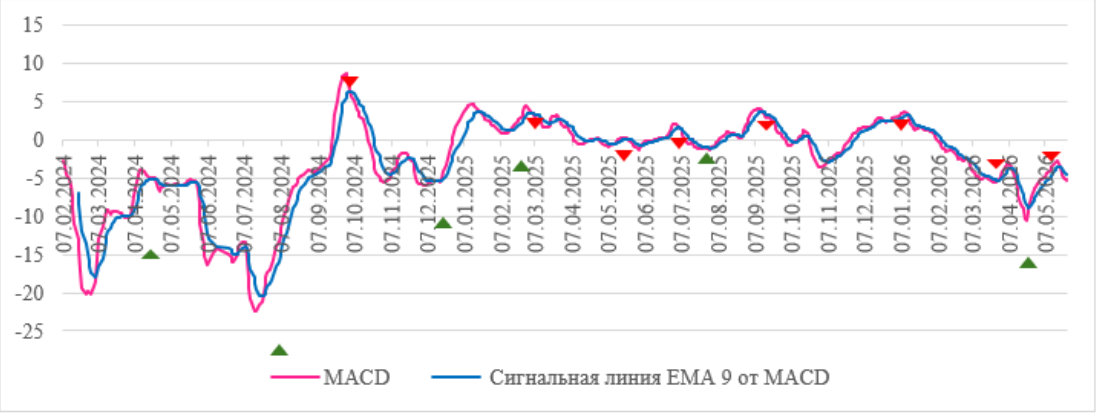


Рис. 2. MACD и сигнальная линия акций ПАО ЕвроТранс

RSI, отражающий уровень перекупленности и перепроданности акции. Осциллятор рассчитывается по формуле 3, на основе 14-дневного периода в интервале от 0 до 100, при динамике ниже уровня 30 индикатор означает перепроданность, при значениях выше 70 перекупленность.

$$RSI = 100 - \frac{100}{1 + \frac{\frac{1}{14}\sum_{i=1}^{14}\max(P_i - P_{i-1}, 0)}{\frac{1}{14}\sum_{i=1}^{14}\max(P_{i-1} - P_i, 0)}} \quad (3)$$

где P_i – текущая цена акции;
P_{i-1} – цена предыдущего дня.

Исходя из динамики осциллятора, в 2024 году акции характеризовались низкой инвестиционной привлекательностью, в 2025 году находились в балансе и на уровне перекупленности, а с начала 2026 года индикатор отражает потенциал к росту актива.

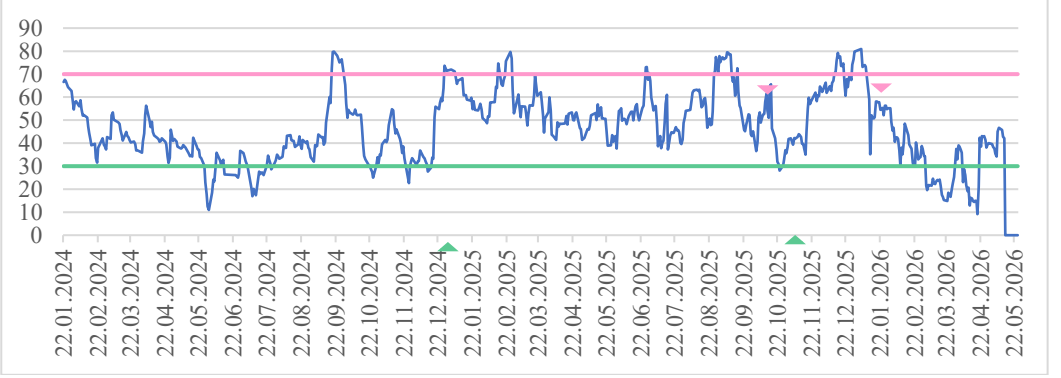


Рис. 3. RSI акций ПАО ЕвроТранс

Проведенный технический анализ акций ПАО ЕвроТранс указывает на устойчивый нисходящий тренд, MACD фиксирует медвежью конфигурацию, RSI на уровне 30 оставляет потенциал для дальнейшего снижения цены без технических предпосылок к развороту.

Таблица 1

Показатели финансовой отчетности ПАО ЕвроТранс за 2025 год

Показатель	Значение
Выручка, млн руб.	265 771
Чистая прибыль, млн руб.	4 792
EBIT, млн руб.	18 600
Ставка налога на прибыль, %	25
Собственный капитал, млн руб.	34 401
Долгосрочные обязательства, млн руб.	44 112
Инвестированный капитал (с арендой), млн руб.	78 514

По итогам 2025 года выручка Группы достигла 265,8 млрд руб., что на 42,7% превышает показатель предыдущего года. Однако рост выручки не сопровождался пропорциональным увеличением чистой прибыли, которая составила 4,8 млрд руб., снизившись на 13,5% относительно 2024 года. Основной причиной расхождения является опережающий рост процентных расходов, увеличившихся с 7,6 до 11,9 млрд руб. (на 57,2%).

На основе показателей, представленных в таблице 1, были рассчитаны финансовые мультипликаторы, позволяющие оценить рентабельность использования капитала, долговую нагрузку и инвестиционную привлекательность компании. Результаты расчетов приведены в таблице 2.

Таблица 2

Анализ мультипликаторов финансовой отчетности ПАО ЕвроТранс

Формула расчета	Пояснение	Обозначение	Расчет
$ROE = \frac{NI}{E}$	NI – чистая прибыль; E – собственный капитал	Рентабельность собственного капитала, %	4792 / 34401*100 = 13,93
$NOPLAT = EBIT \times (1 - T)$	EBIT – прибыль до вычета процентов и налогов; T – ставка налога на прибыль	Чистая операционная прибыль после налогообложения, млн руб.	18600 * 0,75 = 13950
$ROIC = \frac{NOPLAT}{E + D + L}$	E – собственный капитал; D – долговые ценные бумаги; L – кредиты и займы	Рентабельность инвестированного капитала, %	13950 / 81003*100 = 17,22
$EPS = \frac{NI}{N}$	N – количество обыкновенных акций в обращении	Прибыль на акцию, рублей на акцию	30
$\frac{Net\ Debt}{EBITDA} = \frac{D + L + AP - C}{EBIT + DA}$	AP – торговая и прочая кредиторская задолженность; C – денежные средства и их эквиваленты.	Долг / EBITDA	77283 / 20418 = 3,79
$CR = \frac{EBIT}{I}$	I – расходы по выплате процентов	Коэффициент покрытия процентов	18600 / 11866 = 1,57
$FCF = CFO - CAPEX$	CFO – денежный поток от операционной деятельности; CAPEX – капитальные вложения	Свободный денежный поток, млн руб.	7831 – 14575 = -6744
$\frac{P}{E} = \frac{P}{EPS} = \frac{MV}{NI}$	P – рыночная цена обыкновенной акции; MV – рыночная капитализация;	Отношение рыночной цены компании к чистой прибыли	13288 / 4792 = 2,77
$P/S = \frac{MV}{R}$	R – выручка	Отношение рыночной цены компании к выручке	13288 / 265771 = 0,05

Исходя из расчетов сформированы выводы:

- показатель ROE фиксирует доходность, генерируемую за счет средств акционеров. Значение 13,93% означает, что за 2025 год каждый рубль, вложенный собственниками, принес 14 копеек чистой прибыли. С точки зрения акционерной стоимости, ROE выше ставки по банковским депозитам, однако уступает альтернативной доходности вложений в сопоставимые по риску активы. Для компаний с высокой долговой нагрузкой обычно требуется более высокая доходность для компенсации риска;

- значение Долг/EBITDA на уровне 3,79 показывает, что для погашения всей чистой задолженности компании потребовалось бы почти четыре года операционной прибыли (EBITDA) при условии, что вся она направляется на снижение долга. В отраслях с высокой капиталоемкостью средним уровнем считается 2–2,5, увеличение диапазона указывает на повышенную чувствительность компании к росту процентных ставок и возможные трудности с рефинансированием;

- ICR 1,57 означает, что операционная прибыль превышает процентные расходы лишь в 1,57 раза. Для стабильных компаний целевым ориентиром ICR обычно является значение выше 3, текущий уровень свидетельствует о высокой уязвимости бизнеса к операционным и макроэкономическим шокам;

- отрицательное значение FCF означает, что компания тратит на капитальные вложения больше, чем генерирует от текущей деятельности, данный режим финансирования

характерен для фазы активного инвестиционного цикла, ПАО ЕвроТранс направляет средства в строительство ТЭС и развитие сети ЭЗС;

- мультипликатор P/E 2,77, указывает на недооцененность акций, инвесторы готовы платить 2,77 руб. за 1 руб. чистой прибыли, в то время как среднеотраслевое значение P/E для российских компаний топливно-энергетического сектора в 2025 году составляло около 6–10 [1]. Однако низкий P/E обусловлен не операционным ростом, а высокой долговой нагрузкой и отрицательным денежным потоком, которые рынок закладывает в цену акции. Таким образом, дисконт в оценке отражает не потенциал роста, а финансовые риски;

- значение P/S 0,05 означает, что рыночная капитализация компании составляет лишь 5% от годовой выручки. При сохранении текущей структуры капитала даже рост выручки не приведет к пропорциональному росту капитализации, пока не улучшится долговая дисциплина.

ПАО ЕвроТранс демонстрирует классический для капиталоемких предприятий разрыв между операционной эффективностью и финансовой устойчивостью, где выручка растет, но чистая прибыль снижается под давлением процентных расходов. Снижение ключевой ставки с 21% в 2025 году до 14,5% в 2026 году создает благоприятные условия для снижения стоимости заемного финансирования. Главным риском компании выступает долг, при Долг/EBITDA = 3,79 и ICR = 1,57 бизнес остается уязвимым к любому увеличению стоимости заимствований или операционной просадке. Отрицательный свободный денежный поток добавляет нагрузку, поскольку новые инвестиции требуют нового долга, который увеличивает расходы по процентам. Потенциал переоценки акций вверх не наблюдается, поскольку не происходит снижение показателя Долг/EBITDA на целевой уровень компании 2,5 и выход FCF в положительную зону, до этого момента акции сохраняют высокий уровень риска, не компенсируемый текущей доходностью [7].

Тем не менее, согласно утвержденной стратегии развития ПАО ЕвроТранс [7] и макроэкономическим факторам, динамика акций примет восходящий тренд (табл. 3).

Таблица 3

Внешние и внутренние факторы роста котировок

Фактор	Характеристика	Ожидаемый эффект
Снижение ключевой ставки ЦБ	С 21% в 2025 году до 14,5% в мая 2026 года	Уменьшение процентных расходов по кредитам с плавающей ставкой, рост чистой прибыли
Рост рынка ЦФА	Объем выпущенных ЦФА в 2025 году превысил 1 трлн. руб.	Удешевление альтернативного источника заемного финансирования
Государственная поддержка энергетического сектора	Льготное кредитование проектов ВИЭ и зарядной инфраструктуры [3; 8]	Снижение CAPEX при строительстве планируемых проектов: ЭЗС, ТЭС и ветрогенерации
Оферта мажоритариев (август 2027)	Безотзывное обязательство выкупить до 20 млн акций по 350 руб. [5]	Психологическая поддержка цены, ограничение потенциала снижения и создание целевого ориентира стоимости
Рост цен на нефтепродукты	Оптовая выручка составляет 92% от общей	Влияние на выручку и EBITDA

Достижение ориентиров, установленных в программе развития компании, становится возможным в текущих макроэкономических условиях с ключевой ставкой 14,5% и

государственной поддержкой сектора, подразумевающий компенсацию затрат на оборудование до 60%. Публичная оферта выкупа акций у миноритариев в 2027 году создает высокую инвестиционную привлекательность для малых инвесторов, тем не менее на текущий момент количество акций компании достигает 159149 млн акций, из них мажоритарными держателями является 61%, миноритарными 39%. Выкуп объявлен на уровне 20 млн акций, что составляет 62,1 млн акций или 30% от всех акций, держателями которых выступают миноритарии. Данный факт повышает интерес малых акционеров к удержанию акций до августа 2027 года.

Заключение. Перспективность вложений в акции топливно-энергетических компаний зависит от множества факторов, включая макроэкономическую, геополитическую ситуации, развитие технологий, регуляторные изменения и др. Эти инвестиции сопряжены с рисками, которые необходимо тщательно анализировать [2]. Проведенное исследование показывает, что ПАО ЕвроТранс сталкивается с ожидаемыми трудностями, характерными для фазы активного инвестиционного цикла. Рост выручки и масштабные вложения в энергетические проекты создают базу для будущего увеличения операционной эффективности. Несмотря на риски и текущую долговую нагрузку, компания располагает рядом опорных точек для восстановления, оферта миноритариев с ценой выкупа 350 рублей за акцию задает долгосрочный ценовой ориентир. Государственное субсидирование зарядной инфраструктуры снижает капитальные затраты по одному из стратегических направлений, ожидаемое смягчение денежно-кредитной политики способно уменьшить затраты на обслуживание долга. Технический анализ не дает сигналов к развороту, однако зона перепроданности по RSI находится вблизи. При реализации благоприятного сценария акции обладают потенциалом восстановления.

Список литературы

1. АТОН. Российский рынок акций: актуальные метрики. – URL: https://www.aton.ru/upload/iblock/fce/bl8yja63360wlx23klev1qogc79qy220.pdf (дата обращения: 05.06.2026).

2. Рынок ценных бумаг и корпоративные финансы / В.А. Боровкова, В.А. Боровкова, Д.Г. Родионов, А.А. Степанчук. – СПб.: Лань, 2026. – 496 с.

3. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Решение от 30 июля 2025 г. №25-68767-02154-Р «Об утверждении порядка предоставления субсидий на приобретение электрозарядных станций». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512761/ (дата обращения: 25.05.2026).

4. Отчетность ПАО «ЕвроТранс» по МСФО и РСБУ. – URL: https://investera.ru/screener/EUTR/otchetnost (дата обращения: 25.05.2026).

5. ПАО «ЕвроТранс». Годовой отчет за 2025 год. – URL: https://news.stocksi.ru/0S8YI7r3Lq/ГОДОВОЙ%20 ОТЧЕТ_21.05.2026.pdf (дата обращения: 25.05.2026).

6. ПАО «ЕвроТранс». Исторические данные по акциям. – URL: https://ru.investing.com/equities/yevrotrans-pao-historical-data (дата обращения: 25.05.2026).

7. ПАО «ЕвроТранс». Устойчивое развитие. – URL: https://www.evrotrans-ao.ru/green/ (дата обращения: 30.05.2026).

8. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 29 июля 2025 г. №2030-р «О направлении бюджетных ассигнований на субсидирование создания зарядной инфраструктуры для электромобилей». – URL: https://base.garant.ru/412434212/ (дата обращения: 25.05.2026).

9. Центральный банк Российской Федерации. Данные об инфляции (с 01.01.2024 по 25.05.2026). – URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 25.05.2026).

Бурьянова Наталья Владимировна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область
Бурьянова Софья Владимировна
студентка
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
г. Москва

DOI 10.31483/r-167179

АКСЕЛЕРАТОРЫ КАК ДРАЙВЕРЫ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация*: в статье рассматривается роль акселераторов как стратегических инструментов развития молодежного предпринимательства в условиях глобальной экономики. Авторы акцентируют внимание на том, как стартапы становятся катализаторами инноваций и экономических трансформаций. Особое внимание уделено международному опыту акселерационных программ, в том числе таких, как Y Combinator, 500 Startups, Techstars, а также российским примерам – ФРИИ, Сколково, Sber500. Анализируются ключевые принципы работы акселераторов, включая методологии lean startup, customer development, менторскую поддержку и глобальную направленность. Подчеркивается значение акселераторов в создании условий для масштабирования инновационных проектов и формирования новой генерации предпринимателей.*

Ключевые слова*: стартап, акселератор, международные практики, инновации, инвестиции, бизнес-модель, менторство, трекшн, предпринимательская экосистема, молодежное предпринимательство.*

В современной рыночной экономике ключевую роль играет развитие предпринимательского потенциала среди молодежи. Молодые предприниматели приносят новые взгляды и нестандартные подходы, что позволяет не только формировать инновационные продукты и услуги, но и активно развивать рынки – как внутри страны, так и на международной арене. Стартапы становятся мощным двигателем экономических преобразований, привлекая внимание инвесторов, корпораций и правительств по всему миру. В данной статье рассматривается феномен международного роста стартап-движения и анализируется, каким образом акселераторы служат стратегическим инструментом поддержки молодых предпринимателей – предоставляя доступ к наставничеству, инфраструктуре, инвестициям и глобальным связям. Исследование основано на международной практике и подчеркивает роль акселераторов как платформ для масштабирования идей и формирования новой волны бизнес-лидеров.

Главная идея стартапа это их инновационность. Его можно рассматривать как «дерзкую идею» с большим риском, которая держится на идеи создателей. Именно идейность и концепция цепляют инвесторов и бизнес-ангелов вкладываться в проект. В международном опыте существует термин R&D (Research and Development) – деятельность компании по созданию новых продуктов, технологий или улучшению существующих технологических процессов. Данная концепция является основополагающей внутри разработки не только стартапов, но и существующих бизнесов. Внутри бизнеса речь идет про крупные компании, создаются стартап-команды, как целые департаменты, для которых выделяется определенный бюджет (инвестирование внутри компании). Возвращаясь к самостоятельным стартап-компаниям, сразу возникает вопрос: «откуда берется финансирование на развитие идеи продукта, и где искать тех самых инвесторов?». Ответом на этот вопрос становиться акселерационные программы.

Акселераторы выступают в роли катализаторов стартап-идей, предоставляя стартапам структурированную и интенсивную поддержку для ускоренного развития. В рамках акселерационных программ участники – оунеры стартапов – получают доступ к широкому спектру ресурсов и услуг, направленных на трансформацию инновационных концепций в устойчивые бизнес-модели.

Ключевыми компонентами таких программ являются образовательные модули: тренинги и мастер-классы по стратегическому планированию, маркетингу, управлению финансами и другим аспектам предпринимательства. Менторская поддержка от опытных наставников и отраслевых экспертов способствует более эффективному принятию решений и развитию проектов. В конце данных программ происходят «демо-дни (от анг. Demo-day) ». В рамках которых участники в формате elevator pitch презентуют свои идеи инвесторам, представителям венчурных фондов и бизнес-ангелам (независимые предприниматели), расширяя свою профессиональную сеть и увеличивая шансы на привлечение финансирования. Инфраструктурная поддержка, включая предоставление рабочих пространств, технических ресурсов и доступа к современным технологиям, позволяет стартапам сосредоточиться на разработке и тестировании своих продуктов. Финансовая помощь в виде стартовых инвестиций, грантов или субсидий облегчает преодоление финансовых барьеров на начальных этапах развития.

Международные практики в акселерационных программах формировались на протяжении последних двух десятилетий и стали фундаментом для множества успешных стартапов по всему миру. Акселераторы как форма поддержки предпринимательства начали активно развиваться в начале 2000-х годов, и одним из первых ярких примеров стал Y Combinator, основанный в 2005 году в США. Он ввёл понятие ограниченной по времени, структурированной программы с менторской поддержкой, инвестициями и интенсивной образовательной составляющей. За ним последовали Techstars, 500 Startups, Seedcamp и другие, каждая из которых предложила собственную модель развития проектов, но с общими ключевыми принципами: менторство, интенсивная проработка бизнес-модели, трекшн и финальный демодень перед инвесторами.

Международные акселерационные программы строятся на идее быстрого роста и выхода на рынок. Принципы, заложенные в их основу, включают:

Lean startup и customer development – методологии, ориентированные на тестирование гипотез, получение обратной связи от реальных пользователей и итерационное улучшение продукта;

ментор-дривен подход – участие предпринимателей, инвесторов и экспертов, которые не только делятся знаниями, но и открывают доступ к деловым связям и инвестиционным возможностям;

фокус на трекшн (*traction*) – измеримый прогресс (в виде роста клиентов, дохода, пользователей), который является ключевым критерием успеха в акселерационной программе;

глобальная ориентация – стартапы сразу обучаются работать с международными рынками, адаптировать продукт и подачу под разные культурные и бизнес-контексты;

краткосрочная, *но интенсивная программа* – за время которой команда должна от MVP дойти до рыночного лонча или пилотных продаж.

Российские акселераторы во многом брали за основу эти международные модели. Например, ФРИИ (Фонд развития интернет-инициатив), созданный в 2013 году, стал одним из первых масштабных акселераторов в России, использующих элементы lean и customer development, а также предоставляющих pre-seed финансирование. Сколково, запущенный как технопарк и инновационный кластер, постепенно развил и акселерационную компоненту, делая ставку на международные партнёрства и выход стартапов на зарубежные рынки. Корпоративные акселераторы – например, Sber500 – формируются в партнёрстве с международными структурами, как в случае с 500 Startups, и перенимают практики западных коллег, включая менторские треки, питч-сессии, англоязычное обучение и KPI-ориентированную систему развития.

Сегодня международный опыт в акселерации становится неотъемлемой частью экосистемных решений: стартапы получают поддержку не только в виде теоретических знаний, но и доступ к реальным рынкам, пилотным проектам с крупными корпорациями, участию в глобальных конкурсах и инвестиционных форумах. Это позволяет формировать предпринимательскую культуру мирового уровня, даже при локальном запуске.

Список литературы

1. Kerrest F. Zero to IPO: Over $1 Trillion of Actionable Advice from the World's Most Successful Entrepreneurs / F. Kerrest. – URL: https://www.zerotoipobook.com (дата обращения: 08.09.2023).

2. Global. We invest in the world's potential. – URL: https://500.co (дата обращения: 20.05.2026).

3. Магидей Н. Зачем стартапам акселераторы / Н. Магидей, Д. Филонов // Forbes: ведущий деловой журнал в мире. – URL: https://sber500.forbes.ru/zachem-startapam-acselerator (дата обращения: 08.09.2023).

4. Rerell Sber500 – ожидания и реальность: честный отзыв от финалиста третьего набора акселератора. – URL: https://vc.ru/life/242392-sber500-ozhidaniya-i-realnost-chestnyi-otzyv-ot-finalista-tretego-nabora-akseleratora (дата обращения: 08.09.2023).

5. Кизеев В. Опыт внедрения международных практик бизнес-образования в российских вузах / В. Кизеев // Петербургский международный экономический форум. – 2024.

Вистунова Милана Романовна
студентка
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются экономические последствия развития маркетплейсов в России. Анализируется их влияние на малый и средний бизнес (упрощение доступа к рынкам, новые конкурентные условия), изменения в поведении потребителей: рост интернет-торговли и повышение ожиданий от покупок. Оцениваются перспективы развития, риски и вызовы. Результаты статьи подчёркивают значимость маркетплейсов как драйверов экономического роста и содержат рекомендации, как для госорганов, так и для бизнеса.*

Ключевые слова: *маркетплейсы, цифровая экономика, малый и средний бизнес, пункты выдачи заказов, экономические последствия.*

Маркетплейс – интернет-ресурс, объединяющий множество продавцов для предложения товаров покупателям. Исследование данной темы актуально и необходимо для понимания текущих трендов и формирования эффективной политика, как для бизнеса, так и для государства. Также актуальность связана с: ростом онлайн-торговли в мире изучения маркетплейсов; изменение потребительского поведения – потребители требуют удобства и разнообразия, что стимулирует конкуренцию и улучшает качество обслуживания; поддержка малого и среднего бизнеса – маркетплейсы помогают малым и средним предприятиям выходить на широкую аудиторию без значительных затрат. Сростом онлайн-торговли в мире связана актуальность изучения маркетплейсов. Маркетплейсы (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет) предлагают продавцам полный пакет услуг (поддержку, рекламу, продвижение), что помогает масштабировать продажи и выходить в новые регионы.

Маркетплейсы стали важным инструментом, как для малого, так и для среднего бизнеса в России, так как они предоставляют доступ к широкой аудитории, снижая барьеры входа. Малому бизнесу сложно удерживать марку в таких условиях [3, с. 104]. В 2024 году объём

онлайн-платежей вырос на 24%, а число покупок в интернете –на 12%, что подтверждает их растущую роль. Однако с 2025 года комиссии маркетплейсов возросли до 37% для некоторых категорий товаров. Крупные платформы диктуют другие правила, снижая конкурентоспособность малого и среднего бизнеса. Также в развитых регионах у маркетплейсов возможности выше. В отдалённых территориях бизнес сталкивается с логистическими проблемами. Кроме того, маркетплейсы вытесняют традиционную оффлайн-торговлю, приводя к закрытию магазинов и снижению разнообразия товаров. Для устойчивого развития малого бизнеса важно учитывать региональные особенности, искать оптимальные бизнес-модели продаж и обеспечивать регулирующую поддержку государства.

Рост онлайн-продаж в России изменил структуру занятости, особенно в сфере электронной коммерции. За последние три года как крупные маркетплейсы, так и службы доставки создали сотни тысяч рабочих мест. Наиболее востребованы: специалисты по управлению категориями товаров; аналитики данных. Развитие инфраструктуры логистики (ПВЗ, складские комплексы) также стимулирует создание рабочих мест, особенно в отдалённых регионах. В условиях санкционного давления маркетплейсы позволили сохранить занятость населения, в том числе за счет гибких форм и самозанятости. Кроме того, они выступили драйвером развития региональных брендов [1, с. 40].

Таким образом, маркетплейсы способствуют количественному росту рабочих мест, что требует взаимодействия бизнеса, образования и государства для пересмотра кадровой политики.

Развитие маркетплейсов в России связано с рядом проблем, способных замедлить рост сектора. Ключевые вызовы: Дискриминационная политика комиссий: отечественные продавцы платят 40–45% от выручки, зарубежные (в основном китайские) –около 15%, что давит на местный бизнес.

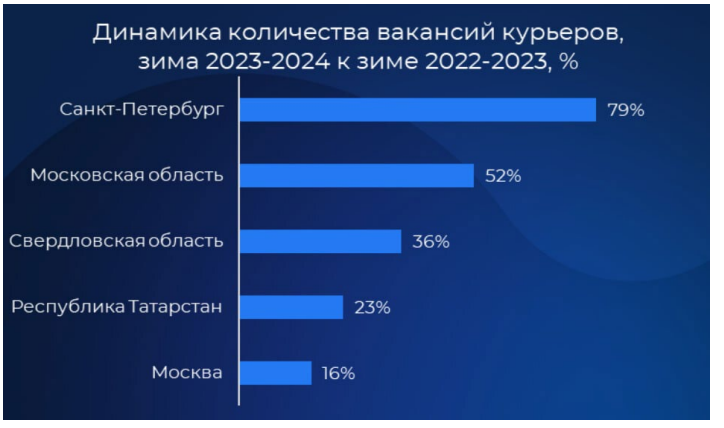


Рис. 1. Динамика кол-ва вакансий курьеров в России по регионам в 2022–2023 гг.

С каждым годом маркетплейсы становятся все более популярными среди потребителей. Например, Wildberries, AliExpress, Ozon, Яндекс.Маркет, уже завоевали доверие миллионов пользователей по всему миру [5, с. 145]. Влияние на традиционную розницу: за 2025 год доля площадей под магазинами одежды и обуви в торговых центрах сократилась на 10–15%. Рост цен: на маркетплейсах цены практически в 2 раза превышают уровень официальной инфляции, что ухудшает доступность товаров. Слабое юридическое регулирование: высокая доля контрафакта, зависимость продавцов от односторонних условий оферты, незащищённость.

Перспективы развития маркетплейсов в России связаны с переходом бизнеса и потребителей в онлайн и цифровизацией экономики. Маркетплейсы дают малому и среднему бизнесу доступ к рынкам за пределами мегаполисов. Ожидается, что маркетплейсы займут до 85% российского онлайн-рынка в ближайшие годы. Для этого нужны инвестиции в:технологическую инфраструктуру; клиентский сервис; прозрачные схемы поставок. Ключевые

направления развития: усиление контроля и прозрачности рынка, переход к «белой» экономике; формирование стандартов качества и защиты прав продавцов и покупателей. Развитие маркетплейсов будет стимулировать цифровизацию смежных секторов, делая цифровые платформы ключевыми элементами экономической системы. Таким образом, маркетплейсы сохранят лидирующую роль в развитии электронных продаж и будут способствовать цифровой трансформации экономики России.

Рис. 2. Анализ проблем и вызовов развития маркетплейсов в России

В ходе исследования выявлено, что маркетплейсы в России стали катализаторами изменений в цифровой экономике. Они открывают малому и среднему бизнесу доступ к рынкам, способствуют росту продаж, повышению эффективности. Однако развитие маркетплейсов меняет конкурентную среду. Влияние на рынок труда проявляется в создании новых рабочих мест в логистике и цифровом управлении, но требует развития взаимодействия бизнеса, образования и государства.

Ключевые проблемы: высокая комиссия для продавцов, неравные условия на рынке, негативное воздействие на розничную торговлю, слабое регулирование. Это создаёт риски для устойчивости онлайн-продаж и требует выработки сбалансированной правовой базы. Важным вызовом является доминирование крупных маркетплейсов, которое может привести к монополизации рынка и ограничению конкуренции [4, с. 245].

Перспективы развития связаны с интеграцией инновационных сервисов, совершенствованием логистики и повышением прозрачности операций. Развитие электронной коммерции в России происходит в тесной взаимосвязи с цифровизацией экономики, совершенствованием логистических сервисов и внедрение технологий персонализации клиентского опыта [2, с. 21]. Маркетплейсы выступают драйвером перестройки структуры экономики, влияя на предпринимательскую активность, занятость, модернизацию рынков. Для устойчивого развития необходима координация между бизнесом и законодательством.

Список литературы

1. Ельшин Л.А. Влияние развития маркетплейсов в регионе на число самозанятых / Л.А. Ельшин, А.К. Мусаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2026. – №1. – С. 39–43. DOI 10.24412/1998-5533-2026-1-39-43. EDN URNYPL

2. Зинченко С.В. Перспективы развития электронной коммерции в России: вызовы и драйверы роста / С.В. Зинченко // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2025. – №4. – С. 18–43. DOI 10.21685/2227-8486-2025-4-2. EDN GYNBDT

3. Ооржак К.А. Экономический анализ маркетплейсов: влияние на малый бизнес в России / К.А. Ооржак // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2025. – №3(53). – с. 102–106. EDN UGONVH

4. Урустемов С. Вклад маркетплейсов в развитие национальной экономики: возможности, вызовы и перспективы / С. Урустемов // Вестник науки. – 2025. – Т. 2, №2 (83). – С. 241–249. EDN USLYNG

5. Харламова И.Ю. Маркетплейсы как инструмент развития малого и среднего бизнеса / И.Ю. Харламова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №4 (142). – С. 142–146.

Войнова Анастасия Александровна
магистрант
Научный руководитель
Токмачева Надежда Викторовна
канд. экон. наук, доцент

Южно-Российский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК СИСТЕМНЫЙ РИСК В ПРОЕКТНОМ ФИНАНСИРОВАНИИ ЦОД

Аннотация: *в статье рассматривается проблема трансформации энергетического фактора из операционной статьи затрат в системный риск проектного финансирования центров обработки данных. На основе анализа статистических данных и экспертных оценок показано, что стремительный рост вычислительных мощностей привел к устойчивому дефициту электроэнергии в Московском регионе и вынужденному переносу проектов в регионы с избытком мощностей. Выявлены механизмы влияния энергетических ограничений на параметры проектного финансирования, включая рост строительных и операционных рисков. Сформулированы рекомендации для кредиторов по интеграции энергетического анализа в процесс структурирования сделок.*

Ключевые слова: *проектное финансирование, центры обработки данных, энергетический риск, системный риск, цифровая инфраструктура, управление рисками.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта в последние годы дало мощный импульс росту вычислительных мощностей по всему миру. Россия не стала исключением. Однако за этим технологическим рывком последовала и обратная сторона – стремительно начало расти энергопотребление центров обработки данных. Если прежде стоимость электроэнергии воспринималась как рядовая статья эксплуатационных расходов, то теперь сам доступ к мощности всё чаще решает, состоится проект вообще или нет.

Масштаб сдвига хорошо заметен по динамике ввода мощностей. За 2025 год в стране ввели около 5 тыс. новых стойко-мест – почти в три раза меньше, чем годом ранее. Столичные дата-центры заполнены на 95%, и сетевые компании всё чаще отказывают новым объектам в подключении: свободные мощности зарезервированы вплоть до 2028 года. О том, что в крупных городах попросту заканчивается свободная электроэнергия, говорил и президент «Ростелекома» Михаил Осеевский [1]. Пётр Истомин из компании CHINT добавляет, что в столичном регионе дефицит мощностей сохранится ещё несколько лет [2].

Выходит, что главным препятствием для новых ЦОД становится не дефицит площадок или капитала, а именно энергоснабжение. Для участников рынка проектного финансирования это означает необходимость заново пересмотреть устоявшиеся подходы к оценке рисков.

Проектное финансирование представляет собой особый способ организации инвестиционной деятельности. Его суть заключается в том, что для реализации проекта создаётся специальная проектная компания (SPV). Основным источником возврата вложенных средств служат будущие денежные потоки от проекта. Это делает проектное финансирование одной из самых рискованных форм финансирования. Любой фактор, который может нарушить генерацию запланированных денежных потоков, приобретает критическое значение.

В российской экономической литературе под системным риском понимается такой тип угроз, реализация которых способна вызвать каскадный эффект, дестабилизирующий не только отдельный проект, но и целые отрасли. Энергетический фактор приобретает свойства системного риска по нескольким причинам. Во-первых, он воздействует не на единичный проект, а на целый кластер взаимосвязанных инвестиционных инициатив в сфере ИИ-

инфраструктуры. Во-вторых, его проявление не зависит от действий конкретного заёмщика или спонсора, а определяется макроэкономическими и инфраструктурными условиями. В-третьих, его материализация влечёт за собой не просто удорожание проекта, а полную ревизию его финансовой модели.

Современные подходы к управлению рисками предлагают создавать специальные резервные фонды в рамках бюджета проекта для покрытия возможных последствий. Однако специфика энергетического риска для центров обработки данных заключается в том, что его последствия часто не поддаются количественной оценке на этапе бюджетирования. Дефицит мощностей или отказ в подключении ведут не к удорожанию проекта, а к его принципиальной нереализуемости в заданных локационных и временных рамках.

Масштаб энергетического вызова для отрасли центров обработки данных в России подтверждается официальной статистикой. По данным Системного оператора Единой энергетической системы, по состоянию на 2026 год присоединённая мощность ЦОД в России, включая майнинг, составляет 4,2 ГВт. За три года доля центров обработки данных в общей структуре электропотребления страны увеличилась вдвое: с 1,4% в 2022 году до 2,2% в 2025 году. По итогам 2026 года этот показатель может возрасти до 2,4% [4]. При этом прогнозы на ближайшие пять лет свидетельствуют о возможности достижения совокупной потребляемой мощности в 15,3 ГВт. Данная динамика говорит о формировании новой базовой нагрузки, которая уже сегодня влияет на режимы управления энергосистемой.

Наиболее остро проблема проявляется в Московском регионе. Заполненность столичных ЦОД достигла 95%, а энергосетевые компании начали систематически отказывать в заключении договоров на технологическое присоединение новых объектов, поскольку доступная мощность либо уже используется, либо зарезервирована до 2028 года. Как отметил на конференции ЦИПР-2026 генеральный директор «РТК-ЦОД» Давид Мартиросов, в 2024 году в России было введено 14 тыс. серверных стоек, а в 2025 году – только 5 тыс., то есть почти в три раза меньше [3]. Основными причинами такого замедления он назвал высокую ключевую ставку и ограничения на подключение к сетям из-за локальных дефицитов электроэнергии.

Ситуация усугубляется деятельностью майнинговых ферм. По данным, которые привёл Давид Мартиросов, в России сейчас работают 130 тыс. майнинговых ферм, потребляющих около 11 ГВт электроэнергии, при этом около 1 ГВт приходится на майнеров в Москве. Объём энергопотребления одного только московского майнинга превышает потребление всех коммерческих дата-центров в стране. Заместитель министра цифрового развития Евгений Филатов подтвердил, что ведомство работает над тем, чтобы развести понятия ЦОД и майнинга, запретив майнинг в энергодефицитных районах и высвободив мощности для центров обработки данных. В ответ на системный характер проблемы Министерство энергетики РФ опубликовало проект постановления о введении запрета на майнинг цифровых валют в Москве, Московской области и отдельных территориях Курской области на срок с 1 июля 2026 года по 31 декабря 2032 года.

В качестве одного из возможных решений рассматривается строительство центрами обработки данных собственной генерации. Замминистра цифрового развития Евгений Филатов отметил, что уже есть примеры компаний, которые планируют такие проекты, чтобы работать в «островном» режиме и не зависеть от единой энергосистемы. Председатель правления ассоциации «Цифровая энергетика» Тамара Меребашвили подтвердила, что США и Китай уже пошли по пути строительства ЦОД с собственной генерацией, что становится мировым трендом. При этом она напомнила, что Схема и программа развития электроэнергетических систем России на 2025–2030 годы не предусматривает строительства генерации специально для дата-центров.

Энергетический дефицит напрямую влияет на ключевые параметры проектного финансирования центров обработки данных. В классической модели проектного финансирования кредиторы оценивают три основных блока рисков: строительные, операционные и рыночные риски. Энергетический фактор затрагивает все три категории одновременно.

Для кредиторов это означает, что при оценке проектов необходимо включать в анализ не только текущую доступность мощности, но и долгосрочные планы развития энергосистемы в регионе размещения ЦОД. Классические модели due diligence, где энергетический фактор рассматривался как второстепенный, более не применимы. Банкам и инвестиционным фондам требуется новый подход к структурированию сделок, в котором энергетическая составляющая оценивается на уровне стратегического анализа наряду с финансовыми показателями спонсоров проекта.

Энергетический фактор трансформировался из операционной статьи затрат в системный риск, определяющий саму возможность реализации проектов строительства центров обработки данных в России. За период 2022–2026 годов доля ЦОД в структуре электропотребления страны удвоилась, а в Московском регионе свободные мощности для подключения новых объектов практически исчерпаны. Это привело к кратному сокращению ввода новых стойко-мест и вынужденной региональной экспансии проектов.

Для проектного финансирования данные изменения имеют принципиальное значение. Банк, который прежде оценивал прежде всего спонсора, площадку и прогноз спроса, теперь вынужден начинать разговор с другого вопроса – хватит ли проекту электроэнергии и на каких условиях она достанется. Энергетика перестала быть фоновым параметром и встала в один ряд с финансовым положением инициаторов: без ответа на этот вопрос остальные расчёты во многом теряют смысл.

Отсюда вытекает несколько практических следствий. Прежде чем входить в сделку, разумнее смотреть не на сегодняшнюю свободную мощность, а на то, что заложено в планах развития сетей региона на горизонте окупаемости, – иначе подтверждённое сейчас присоединение через пару лет может обернуться отказом. Проекты, рассчитанные на собственную генерацию, при прочих равных выглядят надёжнее: они меньше зависят от очереди на подключение и от решений сетевых компаний. Наконец, сам кредитный договор стоит достраивать ковенантами, привязанными к тарифу и сохранению доступной мощности; так часть энергетического риска переводится в плоскость, которую стороны хотя бы способны контролировать.

Если свести сказанное воедино, картина выглядит так. Каждый новый дата-центр – это не просто здание со стойками, а заявка на дополнительные гигаватты, которых у энергосистемы сейчас попросту нет. Электроэнергия превращается в дефицитный товар, и за неё центры обработки данных конкурируют со всеми остальными потребителями. Дорожает при этом не только само строительство дата-центров – технологическое присоединение, резервирование мощности, собственная генерация, – но и проекты в соседних отраслях, которым приходится брать энергию и сетевой ресурс на уже перегретом рынке. Поэтому энергетический дефицит правильнее читать не как локальную трудность отдельной стройки, а как межотраслевой фактор, меняющий экономику проектов, – и оставлять его на периферии при структурировании финансирования больше нельзя.

Список литературы

1. У мегаполисов в России заканчиваются электрические мощности // CNews. – 2026. – URL: https://corp.cnews.ru/news/top/2026–04–09_minpromtorg_anonsiroval (дата обращения: 23.06.2026).

2. Истомин П. Почему дата-центры бегут из Москвы / П. Истомин // РБК Компании. – 2026. – URL: https://companies.rbc.ru/news (дата обращения: 23.06.2026).

3. «РТК-ЦОД» возглавил Давид Мартиросов // Коммерсантъ. – 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8462203 (дата обращения: 23.06.2026).

4. Пилениекс Д. / Д. Пилениекс // Энергия единой сети. – 2026. – 27 мая. – URL: https://clck.su/nLWRR (дата обращения: 23.06.2026).

5. Лукашов Н.В. Актуальные подходы к ресурсному управлению рисками инновационных проектов / Н.В. Лукашов // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2023. – №39(2). – С. 218.

6. Минэнерго опубликовало проект запрета цифрового майнинга в московском регионе и Курской области // Интерфакс. – 2026. – URL: https://www.interfax.ru/ (дата обращения: 23.06.2026).

Гузиева Лейла Межгитовна
канд. экон. наук, доцент
Уянов Казбек Мухадинович
студент
Гузиев Жамал Алимович
студент

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ БАНКОВСКИХ РАСЧЕТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье уточняется категориальный аппарат международных банковских расчетов (МБР), разграничиваются понятия «международные расчеты» и «трансграничные платежи». Анализируется эволюция форм МБР (аккредитив, инкассо, банковский перевод) и роль национальных валют в глобальной финансовой архитектуре. Особое внимание уделяется динамике валютной структуры мировых расчетов и роли международных платежных систем (SWIFT, Fedwire, TARGET). Авторы предлагают авторское определение МБР, подчеркивающее их двойственную природу: движение денежных средств и обмен юридически значимой информацией.*

Ключевые слова: *международные банковские расчеты, трансграничные платежи, аккредитив, инкассо, банковский перевод.*

В условиях глобализации мировой экономики международные расчеты приобретают ключевое значение, охватывая внешнеторговые операции, движение капитала и некоммерческие платежи. Банки играют центральную роль в обслуживании этих расчетов, однако в научной литературе и нормативных документах наблюдается терминологическая путаница: понятия «международные расчеты», «международные банковские расчеты» и «трансграничные платежи» часто используются как синонимы, что приводит к размыванию границ ответственности и специфики правового регулирования [1, ст. 140].

Цель исследования – анализ теоретических аспектов международных банковских расчетов (МБР), их эволюции и современной структуры, а также уточнение сущности этой экономической категории.

Методы исследования: теоретический анализ и синтез, метод историзма, сравнительный анализ.

В научной литературе понятие «международные банковские расчеты» часто отождествляется с «международными расчетами» и «трансграничными платежами», что, на наш взгляд, ошибочно. МБР являются частью системы международных расчетов, регулируемой помимо национального законодательства и международных соглашений еще и межбанковскими корреспондентскими соглашениями [7, с. 476]. Они шире трансграничных платежей, так как включают не только денежную операцию, но и обмен документами и информацией.

Для уточнения категориального аппарата проведем сравнительный анализ дефиниций термина «международные расчеты» (табл. 1).

Таблица 1

Дефиниции термина «международные расчеты»

№	Определение	Форма	Субъекты	Цель
1	Денежные расчеты между юр. и физ. лицами разных стран, связанные с внешней торговлей, кредитами, инвестициями, некоммерческими платежами [Финансовый словарь, 52]	Трансграничные денежные расчеты	Юр. и физ. лица из разных стран	Внешняя торговля, кредиты, инвестиции, некоммерческие платежи
2	Регулирование платежей по денежным требованиям и обязательствам, возникающим в связи с экономическими, политическими и культурными отношениями между юр. лицами и гражданами разных стран [Сухарев, Крутских, 7]	Трансграничные платежи	Юр. лица и граждане разных стран	Регулирование платежей в рамках экономических, политических и культурных отношений
3	Взаимные платежи и расчеты между странами, организациями и гражданами на территории разных стран [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 19]	Трансграничные платежи и расчеты	Организации и граждане разных стран	Не раскрыта
4	Расчеты юр. и физ. лиц (резидентов и нерезидентов) РФ с лицами на территории других государств за товары (работы, услуги) [Большой юридический словарь, 7]	Трансграничные расчеты	Резиденты и нерезиденты РФ, лица других государств	Внешняя торговля
5	Денежные расчеты между учреждениями, предприятиями, банками и лицами разных стран, связанные с внешней торговлей, кредитами, инвестициями, некоммерческими платежами [Прохоров, 6]	Трансграничные денежные расчеты	Учреждения, предприятия, банки и лица из разных стран	Внешняя торговля, кредиты, инвестиции, некоммерческие платежи
6	Системы платежей по денежным требованиям и обязательствам между государствами, их юр. и физ. лицами в результате экономических, политических, научно-технических, культурных и иных связей [Фаминский, 8]	Трансграничные платежи	Государства, их юр. и физ. лица	Обслуживание экономических, политических, научных, культурных и иных связей
7	Осуществление платежей и/или иных действий, направленных на прекращение денежных обязательств, между государствами, юр. и физ. лицами через счета уполномоченных кредитных учреждений в разных государствах [Салтанова, 20]	Трансграничные платежи и/или иные действия	Государства, юр. и физ. лица, кредитные учреждения	Не раскрыта
8	Совокупность национальных и международных законов и правил, регулирующих механизм организации международных расчетов, а также совокупность банковских и иных учреждений, обеспечивающих проведение платежей и контроль [Причина А. О., 18]	Организация и регулирование расчетов	Юр. и физ. лица, банковские и иные учреждения	Не раскрыта

Источник: составлено авторами по материалам [1–3, 8–10, 14].

Анализ дефиниций показал, что в большинстве источников трансграничный платеж выступает основной формой международных расчетов. Однако расчеты могут осуществляться и в неденежной форме – с помощью векселей, зачетом взаимных требований [9, с. 177]. Наиболее точной представляется трактовка Салтановой Е.В.: «трансграничные платежи и/или совершение иных действий, направленных на прекращение денежных обязательств» [9, с. 176].

По субъектному составу наиболее исчерпывающим является определение Причиной А.О., включающее юридических и физических лиц, а также банковские учреждения [7, с. 476]. Однако корректнее определять субъектный состав через их роль: плательщики, получатели платежа, поставщики платежных услуг. Банки являются неотъемлемым участником именно МБР, выступая не только посредниками, но и плательщиками, и получателями платежа.

Включение в цели «обслуживания политических, культурных и иных связей» избыточно, так как любые расчеты имеют экономическую цель.

Таким образом, ключевые характеристики международных расчетов:

– форма – платежи и/или иные действия, направленные на прекращение денежных обязательств;

– субъектный состав – плательщики и получатели платежа в разных странах, поставщики платежных услуг;

– цель – экономическая (внешняя торговля, инвестиции, кредитование, некоммерческие платежи).

Нормативно-правовую основу составляют национальное валютное законодательство, международные нормы, а также межбанковские корреспондентские соглашения [4, ст. 140; 10, ст. 3].

Формы международных банковских расчетов представляют собой сложившиеся в международной практике способы оформления, передачи и обработки платежных и товарораспорядительных документов. Исторически сложились три основные формы: аккредитив, инкассо и банковский перевод [10].

Аккредитив представляет собой специальную схему расчета, при которой деньги за товар или услугу перечисляются продавцу не напрямую, а через банки. Согласно UCP 600, аккредитив является сделкой, обособленной от контракта купли-продажи [10, ст. 3]. Преимущества аккредитива: высокая степень юридической защиты и сбалансированные риски. Недостатки: сложный документооборот, высокая стоимость и низкая скорость выполнения платежей.

Расчеты по инкассо представляют собой поручение экспортера своему банку получить от импортера денежный платеж или акцепт векселя при предъявлении документов, подтверждающих передачу товаров [10]. Преимущества: более низкие комиссии по сравнению с аккредитивом и минимальные риски для импортера. Недостатки: длительность обработки документов и риски для экспортера при отказе импортера от платежа.

Банковский перевод представляет собой расчеты платежными поручениями с использованием международной валюты расчетов. Эта форма является наиболее распространенной в современной практике, составляя около 97% общего объема операций в российской банковской системе [11, с. 42]. Главное преимущество – низкая стоимость и высокая скорость проведения платежей. Однако риски для участников существенно возрастают: при авансовом переводе – для импортера, при оплате после поставки – для экспортера.

Эволюция форм МБР отражает борьбу между безопасностью и эффективностью: от наиболее защищенного, но дорогого аккредитива к наиболее быстрому и дешевому банковскому переводу.

В современных условиях МБР осуществляются через корреспондентские счета (ностро и лоро) с использованием зарубежных филиалов банков. Межбанковские корреспондентские

отношения связывают как коммерческие, так и национальные банки большинства стран мира [11, с. 45].

Трансграничные операции банков связаны как с обслуживанием клиентов, так и с осуществлением межбанковских сделок – купли-продажи валют, кредитных и депозитных операций, клиринговых сделок. Банки обслуживают преимущественно международные коммерческие сделки, однако международные некоммерческие платежи также проводятся посредством банковской системы [7, с. 477].

Результаты анализа позволяют предложить авторское определение, трактующее международные банковские расчеты как совокупность трансграничных денежных расчетов и (или) иных действий, направленных на прекращение денежных обязательств между экономическими агентами (плательщиком и получателем платежа), осуществляемых посредством банковской системы и регламентируемых международными правовыми нормами, национальным законодательством и межбанковскими соглашениями.

Предложенное авторское определение международных банковских расчетов позволяет устранить терминологическую неопределенность в нормативных документах, зафиксировать обязательное участие банковской системы и межбанковских соглашений как отличительный признак МБР, а также создать методологическую основу для классификации современных форм расчетов, включая операции с цифровыми валютами центральных банков.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.

2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2003. – 703 с.

3. Внешнеэкономический толковый словарь / под ред. И.П. Фаминского. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 512 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.

5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2012 №29 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции». – URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 15.05.2026).

6. Официальный сайт SWIFT. – URL: https://www.swift.com/ (дата обращения: 15.05.2026).

7. Причина А.О. Межбанковские расчеты в современной банковской системе / А.О. Причина // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XII Международной конференции. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. – С. 475–478. EDN ZDMIWD

8. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2019. – 512 с.

9. Салтанова Е.В. Понятие международных расчетов: подходы, определения / Е.В. Салтанова // Образование и право. – 2013. – №5 (45) – 6 (46). – С. 174–178. EDN QBSOQJ

10. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (UCP 600). Публикация Международной торговой палаты №600. – Вступили в силу 01.07.2007.

11. Усоскин, В.М. Платежные системы и организация расчетов в коммерческом банке: учеб. пособие / В.М. Усоскин, В.Ю. Белоусова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 191 с. EDN YLXKNN

12. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 1168 с.

13. Финансовый словарь // Академик. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/ (дата обращения: 15.05.2026).

Дружинина Софья Алексеевна
студентка
Львова Полина Андреевна
студентка
Научный руководитель
Щеглова Алёна Евгеньевна
канд. пед. наук, доцент, доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

ИНФЛЯЦИЯ И РОСТ ЦЕН ПРИ СНИЖЕНИИ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ

Аннотация: *статья раскрывает проблему инфляции. Авторами объясняются причины снижения покупательной способности денег, даются рекомендации по адаптации к высокому уровню инфляции.*

Ключевые слова: *финансовая подушка безопасности, личная финансовая стабильность, финансовый резерв, накопления, инфляция, стагфляция, покупательная способность, реальные доходы, сбережения, инфляционные ожидания, кризис, адаптация домохозяйств, реальные активы, снижение тревожности, управление личными финансами.*

Заблуждения учебников экономики в условиях кризиса.

Распространено мнение, что когда у людей уменьшается доход, они начинают покупать меньше. Но с 2020 года мы наблюдаем явное проявления стагфляции, потому что цены растут, несмотря на то, что доходы населения снижаются обратное: цены растут, а реальные доходы населения снижаются. В этой статье мы разберемся в причинах роста цен, когда у людей мало денег, а также разберём механизмы, способствующие росту цен.

Основные причины снижения покупательной способности.

1. Доходы: Если зарплата растёт на меньший процент по сравнению с уровнем инфляции, то реальный доход человека уменьшается.

2. Кредиты: Высокая процентная ставка делает ипотеку и кредиты недоступными для большинства людей, особенно в молодом возрасте, так как у них не хватает средств для их погашения.

3. Сбережения: если процентная ставка вклада меньше уровня инфляции, то сбережения обесцениваются.

Одновременное действие этих факторов может погрузить экономику в состоянии экономической депрессии.

Причины роста цен, несмотря на снижение доходов:

1) инфляция издержек: Повышение цен на рабочую силы, сырьё и энергию заставляет производителей повышать цены на конечный продукт;

2) негибкость спроса на товары первой необходимости: существует ряд необходимых продуктов, товаров и услуг, которые люди будут покапать вне зависимости от роста цен;

3) импортная инфляция из-за ослабления валюты: Обесценивание национальной валюты ведет к росту цен не только на импортные товары, но и на отечественные, если при их производстве используется импорт.

Причины инфляции:

1) парадокс между кредитами и вкладами: при борьбе с инфляцией обычно ужесточают денежно кредитную политику, что нередко ухудшает ситуацию и даёт обратный эффект. Это может замедлить экономический рост и негативно сказаться на уровне производства, так как многие производители могут разориться и перестать производить свои товары;

2) психологическое влияние инфляционных ожиданий: ожидание роста цен ведет к их росту. Это происходит из-за того, что потребители начинают закупать товары пока они не подорожали. Таким образом растёт спрос, что и вызывает рост цен;

3) несовершенство макроэкономической статистики:

официальные индексы потребительских цен (ИПЦ) часто не отражают реальную ситуацию, поскольку структура расходов у разных слоев населения сильно отличается:

1) для малоимущих, которые тратят на еду и коммунальные услуги большую часть своего дохода, реальная инфляция может быть намного выше официальной;

2) для среднего класса этот показатель составляет около 12%.

3) наиболее обеспеченные группы ощущают инфляцию лишь на уровне 7%.

Для наиболее точной оценки кризиса необходимо анализировать объёмы продаж в натуральном выражении. Если при номинальном росте розничных цен падают продажи реального объёма продаж, то рынок не развивается. Это говорит о снижении покупательной способности на рынке.

Исторические примеры и закономерности.

В экономической истории прослеживается несколько подобных кризисов. Веймарская Германия (1920-е годы) столкнулась с гиперинфляцией, когда цены становились вдвое больше каждые несколько дней. Стагфляция в США в 1970-х потребовала сильного повышения ставок ФРС до 20%, и выйти из кризиса удалось только за счет увеличения производства. Современный пример Аргентины (2018–2024) показывает, как инфляция в 50–250% становится нормой на фоне падения реальных доходов.

Как адаптироваться к новой реальности.

Со стороны государства нужно совершить следующие действия: вместо популистской эмиссии денег и жесткого контроля цен, государство должно сфокусироваться на стимулировании производства – заменить субсидирование потребительского спроса точечной поддержкой производителей путем временного снижения НДС на социально значимые товары.

С точки зрения корпоративного сектора, предприятиям гораздо эффективнее сфокусироваться на оптимизации своего товарной линейки, концентрируясь на наиболее прибыльных позициях, где 20% товаров дают 80% прибыли (по принципу Парето, 80/20). Также важно запускать более доступные линейки продуктов и повышать энергоэффективность, чтобы сократить производственные расходы.

Частное домохозяйство: для финансовой стабильности отличным решением будет учет расходов и доходов в натуральном выражении (например, в килограммах, литрах, штуках). Следует заранее приобрести необходимые товары, которые не должны истощаться, и менять накопленные сбережения на реальные активы или инструменты, которые не обесцениваются.

Прогноз и новая парадигма.

В ближайшие 5–7 лет человечество может оказаться в ситуации, когда расходы будут увеличиваться быстрее, чем доходы. Старый принцип, где высокий спрос способствует увеличению цен, сменяется новый: инфляция затрат повышается на фоне падающего спроса. Социальное расслоение продолжает распространяться все больше и больше, поэтому единственным надежным механизмом стабилизации экономики станет рост производительности труда благодаря активному распространению модернизированных технологий. В противном случае, когда цены на товары повышаются, а денег у людей не хватает, так как доходы людей на протяжении длительного периода остаются неизменными, может стать постоянной проблемой в будущем.

Список литературы

1. Адрианов В.Д. Инфляция: причины возникновения и методы регулирования: монография / В.Д. Адрианов. – М.: Экономика, 2010. – 184 с. – ISBN 978-5-282-03015-0.

2. Орлов А. О социально-экономической природе современной инфляции / А. Орлов // Общество и экономика. – 2005. – №4. – С. 95–105. EDN OXGKAV

3. О роли глобальных факторов в инфляции: аналитическая записка / В. Абрамов, А. Морозов, А. Синяков, А. Стерхова; Банк России. – М.: Банк России, 2022. – 25 с.

Зубов Дмитрий Вячеславович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

НАЛОГИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *налоги играют ключевую роль в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации, поскольку они формируют основную доходную базу государства и влияют на стабильность финансовой системы. В данной статье рассмотрена роль налоговой системы как фактора экономической безопасности, анализируются текущие тенденции развития налоговой системы РФ и выявляются основные риски налоговой безопасности. Кроме того, предложены направления укрепления налоговой системы с целью поддержания устойчивости экономики и снижения угроз экономической безопасности. Статья написана простым языком от лица студента, содержащим живые рассуждения и примеры, что делает изложение понятным и последовательным.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, налоговая система, налоговая политика, налоговая безопасность, налоговая нагрузка, риски, бюджет, Российская Федерация.*

Экономическая безопасность государства напрямую зависит от устойчивости бюджетной системы. Налоги формируют около 90% доходов консолидированного бюджета РФ, что делает налоговую систему ключевым элементом национальной безопасности. Неэффективная налоговая политика ведет к дефициту бюджета, росту долга и снижению финансирования государственных программ [1, с. 173].

Цель работы – анализ роли налоговой системы в обеспечении экономической безопасности РФ, выявление рисков и путей их нейтрализации.

Налоговая система выполняет три функции, значимые для безопасности: фискальную (наполнение бюджета), регулирующую (стимулирование отраслей) и социальную (формирование доверия) [3, с. 193]. Налоговая безопасность включает экономический (оптимальная нагрузка), правовой (качество законодательства) и социальный (налоговая культура) аспекты [4, с. 63]. Низкая культура ведет к уклонению и росту теневого сектора [5, с. 8].

В 2023 году налоговые поступления составили 46,8 трлн руб. (+11,3%), в консолидированный бюджет – 36,2 трлн руб. (+7,7%). Рост отмечен по налогу на прибыль (+24%), НДС (+11%), НДФЛ (+14%). Количество выездных проверок сократилось вдвое благодаря цифровизации [7]. Однако сохраняются риски: высокая доля косвенных налогов и сырьевых платежей, зависимость от внешней конъюнктуры, доля прямых налогов около 37% (в развитых странах выше), налоговая нагрузка на среднее предприятие достигала 50% прибыли [2, с. 41; 6].

Ключевые угрозы налоговой безопасности: чрезмерная нагрузка, высокие административные издержки, рост недоимки, неэффективные льготы, дисбаланс распределения доходов, несовершенство законодательства, коррупция, низкая налоговая культура, уклонение, теневая экономика, отток капитала [9]. Эти риски ведут к дефициту бюджета, социальной напряженности и замедлению роста. Внешние шоки (санкции, волатильность цен) усиливают уязвимость [10].

Для снижения рисков предлагается следующее.

1. Дифференциация нагрузки (прогрессивное налогообложение, 15% НДФЛ при доходах свыше 5 млн руб.).
2. Усиление ресурсных и экологических платежей.
3. Реформа льгот (замена отраслевых льгот инвестиционным вычетом).
4. Совершенствование законодательства (устранение противоречий, упрощение).
5. Повышение прозрачности и информирования граждан.
6. Цифровизация (онлайн-кассы, электронный документооборот, предзаполненные декларации) [7].

7. Формирование налоговой культуры (образовательные программы).

Комплексная реализация этих мер повысит собираемость, снизит теневой сектор и укрепит экономическую безопасность.

Налоговая система является определяющим фактором экономической безопасности. Стабильные поступления, оптимальная нагрузка и доверие граждан создают основу для устойчивого развития. Предложенные меры направлены на снижение уязвимостей и обеспечение суверенного развития государства.

Список литературы

1. Балакина Д.А. Налоги в системе экономической безопасности государства / Д.А. Балакина // Контентус. – 2019. – № S11. – С. 164–169. EDN JECXIR

2. Левкина Е.В. Налоговая политика как фактор финансовой безопасности государства / Е.В. Левкина, А.В. Локша, И.А. Мохирева // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, №1 (30). – С. 192–195. – DOI: 10.26140/anie-2020-0901-0044. EDN CKZNJJ

3. Дивина Л.Э. Налоговая составляющая экономической безопасности Российской Федерации / Л.Э. Дивина // Российское предпринимательство. – 2014. – Т. 15, №8. – С. 39–45. EDN SCBVKR

4. Левкина Е.В. Налоговая политика как фактор финансовой безопасности государства / Е.В. Левкина, А.В. Локша, И.А. Мохирева // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2022. – №1 (30). – С. 192–195.

5. Левшукова О.А. Налоговая безопасность России как элемент экономической безопасности государства / О.А. Левшукова, В.В. Топыгова // Деловой вестник предпринимателя. – 2023. – №4. – С. 62–65. EDN XSQGCU

6. Шумилина В.Е. Налоги как фактор обеспечения экономической безопасности государства / В.Е. Шумилина, И.С. Слепушкина // Наука и мир. – 2024. – №2 (68). – С. 6–10.

7. Аналитическая служба РБК. Что показали налоговые итоги 2023 года // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/economics/11/03/2024 (дата обращения: 16.06.2026).

8. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Итоги работы ФНС России за 2023 год. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/12081295/ (дата обращения: 16.06.2026).

9. Федеральная служба государственной статистики. Консолидированный бюджет Российской Федерации. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/budget_2023.pdf (дата обращения: 16.06.2026).

10. Финансовый университет при Правительстве РФ. Налоговая безопасность как часть экономической безопасности государства: аналитический обзор. – URL: https://www.fa.ru/org/div/cp/analytics/Documents/tax_security.pdf (дата обращения: 16.06.2026).

11. Общественная палата Российской Федерации. Мониторинг налоговой культуры населения и цифровизации ФНС. – URL: https://www.oprf.ru/press/news/2873/ (дата обращения: 16.06.2026).

Зубов Дмитрий Вячеславович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (ФИРМЫ) В УСЛОВИЯХ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: *в условиях экономической нестабильности обеспечение экономической безопасности предприятия становится приоритетной задачей антикризисного управления. В статье рассмотрены сущность экономической безопасности хозяйствующего субъекта, основные угрозы в кризисный период и роль антикризисного управления как инструмента их минимизации. Предложены ключевые направления обеспечения безопасности: мониторинг индикаторов, управление ликвидностью, диверсификация, регуляторный контроль. Обосновано, что системное упреждающее управление рисками является основой устойчивости предприятия.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность предприятия, антикризисное управление, угрозы, устойчивость, ликвидность, мониторинг.*

Экономическая безопасность предприятия является фундаментальным условием его стабильного функционирования. В условиях кризиса – финансовой нестабильности, спада спроса – она приобретает особую остроту. Кризис создает угрозы разрушения производственного, технологического и кадрового потенциала [1]. Антикризисное управление выступает основным инструментом защиты экономических интересов хозяйствующего субъекта [2; 5].

Цель работы – анализ роли антикризисного управления в обеспечении экономической безопасности предприятия, выявление ключевых угроз и обоснование направлений их нейтрализации.

Под экономической безопасностью предприятия понимается защищенность его научно-технического, технологического, производственного и кадрового потенциала от угроз, а также состояние эффективного использования ресурсов для обеспечения стабильного функционирования [1; 5]. Структурные элементы: сохранение платежеспособности, планирование денежных потоков, обеспечение занятости [5].

Антикризисное управление – система мер по минимизации рисков и угроз, позволяющая развивать приоритетные направления в нестабильных условиях [2; 5]. Оно включает не только реагирование на кризис, но и превентивное выявление угроз.

В кризисных условиях ключевые угрозы [1; 4]:

– разрушение производственно-технологического потенциала – износ фондов, отсутствие средств на модернизацию;

– дефицит ликвидности и рост задолженности – каскад неплатежей, нехватка оборотных средств;

– кадровые потери – уход квалифицированных работников;

– усиление регуляторного давления – риски штрафов и проверок;

– волатильность спроса – кассовые разрывы.

Антикризисное управление позволяет предприятию сохранить потенциал для развития. Ключевые инструменты [2; 4; 5]:

– мониторинг индикаторов безопасности – система показателей и пороговых значений для раннего выявления угроз [1; 2];

– управление ликвидностью – жесткая кредитная политика, диверсификация клиентской базы, финансовый резерв [4];

– управление запасами и оптимизация затрат – бережливое производство;

– регуляторный контроль – аудит цепочек поставок, реестр контрагентов, контроль качества [4];

– диверсификация – расширение клиентской базы, новых рынков и продуктов [4];

– адаптация стратегии и управление персоналом – сохранение ключевых сотрудников, мотивация.

Обеспечение экономической безопасности требует системного подхода, объединяющего финансовые, операционные, правовые и кадровые инструменты. Ключевой принцип – переход от реактивного реагирования к упреждающему управлению рисками [4]. Реализация комплекса мер обеспечивает защиту потенциала предприятия и создает основу для посткризисного развития.

Список литературы

1. Бендиков М.А. Экономическая безопасность промышленного предприятия в условиях кризисного развития / М.А. Бендиков // Портал магистров ДонНТУ. – URL: https://masters.donntu.ru (дата обращения: 16.06.2026).

2. Фаталиева С.Р. Значение антикризисного управления в системе экономической безопасности предприятия / С.Р. Фаталиева // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2025. – С. 222–223. – DOI: 10.31483/r-138893. EDN TKFKKE

3. Медик И.Н. Обеспечение экономической безопасности предприятия (фирмы) в условиях антикризисного управления / И.Н. Медик // Прогрессивная экономика. – 2021. – №12. – С. 5–19. DOI 10.54861/27131211_2021_12_5. EDN EBZUBI

4. Как компания СИЗ выстроила систему управления рисками в период кризиса // РБК Компании, 22.01.2026. – URL: https://companies.rbc.ru (дата обращения: 16.06.2026).

5. Антикризисное управление как механизм обеспечения экономической безопасности предприятия / С.А. Диякова, Е.А. Горбенко, Ю.А. Живицына, И.А. Плясовица // Вестник Академии знаний. – 2023. – №2 (55). – С. 426–431. EDN QQGANP

6. Каранина Е.В. Экономическая безопасность предприятия в условиях нестабильности / Е.В. Каранина, А.В. Каранин // Экономика и управление. – 2024. – №3. – С. 56–63.

7. Сенчагов В.К. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России / В.К. Сенчагов, С.Н. Митяков // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №2. – С. 44–58. EDN WFMKJV

8. Глазьев С.Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием / С.Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. – 2021. – №3 (69). – С. 14–19. DOI 10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19. EDN AOJQPU

Зубов Дмитрий Вячеславович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

РОЛЬ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *налоговая система является ключевым инструментом социальной безопасности, реализуя перераспределительную функцию и финансируя социальные обязательства. В статье рассмотрена социальная функция налогов, проанализированы проблемы ее реализации в РФ и предложены направления укрепления социальной безопасности через совершенствование налогообложения. Обосновано, что справедливая налоговая политика снижает неравенство и укрепляет социальную стабильность.*

Ключевые слова: *социальная безопасность, налоговая система, социальная функция налогов, перераспределение доходов, прогрессивное налогообложение.*

Социальная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности. Она предполагает защищенность населения от бедности, социального неравенства, недоступности образования и здравоохранения [1]. Ключевая роль в ее обеспечении принадлежит налоговой системе, которая аккумулирует средства для социальных программ и перераспределяет доходы между группами населения [2].

Актуальность темы обусловлена высоким уровнем социального неравенства в России (коэффициент Джини около 0,41–0,42), недостаточной эффективностью социальной функции налогов и необходимостью повышения социальной защищенности граждан в условиях бюджетных ограничений [3].

Цель работы – анализ роли налоговой системы в социальной безопасности РФ, выявление проблем и обоснование направлений совершенствования.

Налоговая система выполняет фискальную, регулирующую и социальную функции [5]. Социальная (перераспределительная) функция заключается в сглаживании неравенства через перераспределение доходов [5]. Реализуется по двум направлениям [1; 3]. Первое – финансирование социальных обязательств: здравоохранение, образование, пенсии, соцподдержка. От объема налоговых поступлений зависит качество и доступность социальных услуг [1; 4]. Второе – перераспределение доходов через прогрессивное налогообложение, налоговые вычеты и льготы [3].

В России социальный потенциал налоговой системы используется недостаточно [3]. С 2001 года действует плоская шкала НДФЛ (13%). При плоской шкале эффективная ставка для состоятельных граждан регрессивна – они имеют больше возможностей для уменьшения базы. Налог не сглаживает, а углубляет разрыв в доходах [3]. С 2021 года введена ставка 15% для доходов свыше 5 млн руб., но этого недостаточно – доля таких доходов незначительна.

Кроме того, в России крайне низок необлагаемый минимум по НДФЛ. В советский период он был сопоставим с прожиточным минимумом. К 2005 году снизился до 14,7% прожиточного минимума [3]. Это противоречит принципу социальной справедливости – налогом облагаются доходы, необходимые для жизнеобеспечения. Система социальных вычетов также ограничена: предельные суммы (120 тыс. руб.) не пересматривались годами, процедура получения сложна.

Эти проблемы создают угрозы социальной безопасности [3; 4]. Высокое неравенство ведет к снижению социальной мобильности и росту напряженности. Недостаток налоговых поступлений ограничивает финансирование соцуслуг. Несправедливая система провоцирует массовое уклонение от налогов, сужая доходную базу бюджета [3; 4].

Для повышения социальной эффективности предлагается [3; 6; 10]:

– восстановление прогрессивного налогообложения высоких доходов с необлагаемым минимумом на уровне прожиточного минимума [3];

– повышение необлагаемого минимума по НДФЛ до уровня прожиточного минимума [3];

– совершенствование социальных вычетов – расширение перечня, увеличение предельных сумм, упрощение получения;

– усиление администрирования и борьба с уклонением для расширения базы [10];

– увязка налоговой политики с социальными результатами – население поддержит повышение налогов при выполнении социальных обязательств [6];

– дифференциация налогообложения имущества и роскоши для усиления перераспределения.

Налоговая система – фундаментальный инструмент социальной безопасности. В России ее социальный потенциал используется недостаточно. Предложенные меры позволят снизить неравенство, повысить доступность социальных услуг и укрепить социальную стабильность. Реализация этих мер требует политической воли, но именно они являются основой устойчивого развития и социального согласия.

Список литературы

1. Новожилова В.В. Роль налогов в обеспечении социальной безопасности / В.В. Новожилова, В.В. Гайдова // Цифровое моделирование экономики. – 2024. – №4. – С. 239–249. EDN JVGWEO

2. Калинина И.И. Роль налоговой системы в обеспечении социальной безопасности РФ / И.И. Калинина // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – №5. – С. 87–91.

3. Евстафьева А.Х. Налоговая система Российской Федерации: состояние и перспективы развития / А.Х. Евстафьева, О.Н. Боровских // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – №11. – DOI: 10.26726/rppe2025v11ttsot. EDN EYJVQO

4. Функции налогов // Самарский государственный экономический университет. – URL: https://lms2.sseu.ru (дата обращения: 10.06.2026).

5. Президент В. Путин заявил о связи повышения налогов с социальными гарантиями и безопасностью // Интерфакс. – 2025. – 25 дек. – URL: https://www.interfax.ru (дата обращения: 10.06.2026).

6. Сенчагов В.К. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России / В.К. Сенчагов, С.Н. Митяков // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №2. – С. 44–58. EDN WFMKJV

7. Повышение НДС и социальные обязательства государства // ФедералПресс. – 2025. – 24 сент. – URL: https://fedpress.ru (дата обращения: 10.06.2026).

Зубов Дмитрий Вячеславович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *финансовые рынки являются ключевым механизмом перераспределения капитала и трансформации сбережений в инвестиции, что определяет их прямое влияние на экономическую безопасность. В статье рассмотрены функции финансового рынка, проанализированы современные тенденции развития российского финансового сектора, выявлены основные угрозы (санкционные ограничения, волатильность, структурные дисбалансы) и предложены направления укрепления финансовой системы. Обосновано, что устойчивый финансовый рынок является необходимым условием суверенного развития.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, финансовый рынок, фондовый рынок, банковский сектор, финансовая стабильность, санкции, регулирование.*

Экономическая безопасность государства определяется устойчивостью финансовой системы. Финансовые рынки обеспечивают аккумулирование и перераспределение ресурсов, трансформацию сбережений в инвестиции, влияя на экономический рост и способность противостоять вызовам [3].

Цель работы – анализ роли финансовых рынков в обеспечении экономической безопасности РФ, выявление рисков и обоснование направлений укрепления финансовой системы.

Функции финансовых рынков.

Финансовый рынок выполняет функции, влияющие на экономическую безопасность [3; 8]:

– распределительная – перелив капитала, трансформация сбережений в инвестиции;
– ценообразующая – формирование цен на активы;
– управление рисками – хеджирование;
– информационная – распространение экономической информации.
– регулирующая – поддержание макроэкономической стабильности;
– нарушение данных функций ведет к дестабилизации финансовой системы.

Состояние финансового рынка РФ.

Российский финансовый рынок имеет структурные уязвимости [1; 2]:

– доминирование банковского сектора (около 70% под контролем государства) [2];
– недостаточная развитость фондового рынка – капитализация 37,4 трлн руб., отношение к ВВП – 23% [2];
– зависимость от экспорта сырья – доля энергоносителей – 49% (2023) [1];
– зависимость от иностранного капитала – доля иностранных инвесторов – 48% до 2022 г. [4].

Угрозы финансовой безопасности.

Ключевые угрозы [2; 5; 8]:

– санкционные ограничения – отключение от SWIFT, заморозка активов [4];
– волатильность валютного рынка;
– кредитные риски – просрочка в корппортфеле – 4,0% [9];
– долговая нагрузка населения – просрочка по необеспеченным кредитам – 12,9% [9];
– экзогенные шоки – снижение доходов, отток депозитов [5].

Российский финансовый рынок устойчив к внутренним шокам, но уязвим к внешним [5].

Направления укрепления финансовой системы.

Для снижения рисков предлагается [2; 4; 5; 7]:

– развитие внутреннего рынка – национальная платежная инфраструктура (МИР, СПФС), цифровой рубль [2];

– диверсификация структуры рынка – развитие рынка акций и облигаций [7];

– совершенствование регулирования – макропруденциальные лимиты, надбавки к рискам [9].

– снижение зависимости от внешних факторов – дедолларизация, расчеты в нацвалютах;

– повышение финансовой грамотности – защита инвесторов [7];

– антикризисные механизмы – приостановка торгов, поддержка из ФНБ [4];

– управление валютным рынком – плавающий курс, интервенции ЦБ [6].

Заключение.

Финансовые рынки – определяющий фактор экономической безопасности. Их устойчивость обеспечивает распределение ресурсов и макроэкономическую стабильность. Предложенные меры направлены на снижение уязвимостей и обеспечение суверенного развития.

Список литературы

1. Взаимообусловленность финансовой и энергетической безопасности России // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, №3. – С. 84–95.

2. Банк России. Обзор финансовой стабильности II–III кварталы 2025 года // cbr.ru, 26.11.2025. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.06.2026).

3. Финансовые рынки в обеспечении экономической безопасности: роль, типы и их описание // Научный журнал СФУ. – 2024.

4. Когнитивное моделирование финансового рынка России в контексте экономической безопасности // Финансы: теория и практика. – 2020. – Т. 24, №3. – С. 91–103.

5. Программа развития финансового рынка на 2026–2028 годы // Банк России, 16.09.2025. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.06.2026).

6. Яковлев А.А. Роль фондового рынка в обеспечении экономической безопасности России. Дипломная работа. – Красноярск: СФУ, 2018.

7. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Инвестиции в России. – 2015. – №12. – С. 17–25.

8. Сенчагов В.К. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России / В.К. Сенчагов, С.Н. Митяков // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №2. – С. 44–58. EDN WFMKJV

9. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. – 2025. – №4. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.06.2026).

Зуркова Ксения Олеговна
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается роль цифровых технологий в системе экономической безопасности предприятий в условиях цифровой трансформации. Анализируются возможности цифровизации для повышения защищённости бизнеса, а также новые угрозы, возникающие при внедрении цифровых решений.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, экономическая безопасность предприятия, цифровые технологии, кибербезопасность, цифровые риски, информационная безопасность.*

Современные процессы цифровизации экономики обусловлены быстрым развитием информационных технологий и коммуникаций. Цифровая трансформация экономики является приоритетным направлением развития России. Переход на новые технологические уклады даёт предприятиям конкурентные преимущества: ускорение бизнес-процессов, снижение транзакционных издержек, повышение прозрачности управления.

Актуальность статьи заключается в том, что в условиях нарастающей геополитической нестабильности, волатильности финансовых рынков и ужесточения санкционного давления, обеспечение экономической безопасности предприятия выходит за рамки классической защиты коммерческой тайны и переходит в плоскость стратегического управления устойчивостью, то есть способностью организации сохранять стабильность и эффективно развиваться за счёт грамотного распределения ресурсов, управления рисками и адаптации к изменениям. Цифровая трансформация бизнеса, с одной стороны, создает новые уязвимости, а с другой – предоставляет принципиально новые инструменты для прогнозирования рисков и оперативного реагирования. Актуальность исследования также обусловлена необходимостью пересмотра традиционных методик оценки экономической безопасности в пользу интеллектуальных систем, способных обрабатывать большие данные и выявлять скрытые угрозы на ранних стадиях их зарождения.

Цифровизация в контексте экономической безопасности представляет собой не просто автоматизацию учёта или переход на электронный документооборот, а комплексное изменение моделей управления, производственных цепочек и взаимодействия с контрагентами на основе информационных технологий, при котором безопасность становится встроенной функцией, а не надстройкой. Внедрение цифровых технологий ускоряет получение цифровых услуг, позволяет быстро находить нужную информацию по ценам, продуктам, услугам и поставщикам, выбирая наиболее интересные варианты без значительных усилий, но одновременно с этим возникают новые уязвимости, требующие пересмотра традиционных подходов к обеспечению экономической безопасности предприятий.

Цифровые технологии стали бесценным инструментом в области экономической безопасности предприятия по целому ряду причин. Они открывают возможность сбора, обработки и анализа огромных массивов данных, что позволяет предприятиям принимать обоснованные решения на основе точной информации. Применение алгоритмов машинного обучения и элементов искусственного интеллекта позволяет не только интерпретировать текущие показатели, но и прогнозировать макроэкономические и отраслевые тенденции,

заблаговременно идентифицировать финансовые риски и оптимизировать внутренние бизнес-процессы с учётом выявленных закономерностей [1].

В условиях стремительного роста числа и сложности кибератак цифровые средства защиты становятся обязательным элементом корпоративной инфраструктуры: современные системы кибербезопасности обеспечивают многоуровневую защиту конфиденциальных сведений и финансовых данных, предотвращая несанкционированный доступ, утечки и разрушительные воздействия на критически важные информационные активы. Кроме того, Цифровизация существенно трансформирует финансовый блок деятельности предприятия, упрощая проведение онлайн-платежей, организацию электронной коммерции и автоматизацию бухгалтерского учёта, а внедрение таких инструментов, как электронные кошельки и криптовалюты, не только повышает скорость и удобство расчётов, но и усиливает контроль над транзакциями, снижая вероятность мошеннических операций и ошибок персонала [2].

Цифровые платформы позволяют автоматизировать управление рисками, контролировать финансовые потоки и анализировать потенциальные угрозы для предприятия. Это способствует улучшению уровня экономической безопасности и минимизации финансовых рисков.

Системы мониторинга и аудита на базе цифровых технологий позволяют в режиме реального времени осуществлять контроль над финансовыми операциями предприятия, проверять исполнение утвержденных бюджетов и осуществлять внутренний аудит, что помогает обнаруживать финансовые нарушения на самых ранних стадиях и предотвращать потери.

Однако цифровая трансформация порождает угрозы, которые отсутствовали в традиционной экономике. Среди них, например, внешние угрозы, такие как хакерские атаки, промышленный шпионаж, и внутренние, включающие ошибки сотрудников и злоупотребление доступом. Угрозы также могут быть техническими, связанными со сбоями оборудования, организационными, обусловленными недостаточной координацией служб, и кадровыми, возникающими из-за низкой цифровой грамотности персонала.

Особую опасность представляют комбинированные атаки, использующие одновременно технические уязвимости и социальную инженерию, а также зависимость от импортного программного обеспечения и оборудования, которая в условиях санкционных ограничений становится стратегическим риском для предприятия.

Среди ключевых проблем противодействия угрозам можно выделить отсутствие единых стандартов цифровой безопасности для разных отраслей, дефицит квалифицированных кадров в области кибербезопасности и экономической безопасности, низкую интеграцию между службой безопасности, ИТ-отделом и руководством предприятия, сложность оценки экономической эффективности мер защиты и быстрое изменение ландшафта угроз, опережающее развитие защитных решений [3]. Кроме того, большинство инцидентов в сфере информационной безопасности происходит по причине человеческих ошибок и недостаточной технологической компетентности персонала, что требует особого внимания к вопросам обучения и повышения квалификации кадров, а также формирования культуры цифровой гигиены среди всех сотрудников, а не только ИТ-специалистов.

Система обеспечения экономической безопасности предприятия в условиях цифровизации должна строиться на принципах комплексности, охватывающей все уровни управления и все виды активов, непрерывности, предполагающей постоянный мониторинг и анализ угроз, адаптивности, позволяющей системе перестраиваться при изменении внешней среды или внутренних условий и интеграции, означающей встраивание функций безопасности в бизнес-процессы [4]. В рамках цифровой трансформации предлагается создание и внедрение информационных технологий, устойчивых к киберугрозам, а также развитие механизмов обнаружения и предупреждения угроз с ликвидацией последствий их проявления, при этом особое значение имеет построение интегрированной системы сбора, передачи и анализа показателей деятельности предприятия, динамики внутренних и внешних угроз и ситуации на рынке по цифровым каналам с целью использования данной информации для повышения уровня экономической безопасности.

Можно сделать вывод, что экономическая безопасность в условиях цифровизации экономики приобретает особое значение и в данной движение уже существующих активов должно соблюдаться с использованием цифровых носителей и каналами в их разных форматах. В связи с этим меняется сама суть производственных, а в дальнейшем и социально-экономических отношений. По этим причинам необходимы специалисты о области экономической безопасности, которые будут выявлять, а также предотвращать различного рода правонарушения. Цифровая трансформация системы безопасности не может быть сведена к установке отдельных программных продуктов – максимальная эффективность достигается при условии, что цифровизация охватывает все аспекты деятельности предприятия, а безопасность становится неотъемлемой частью корпоративной культуры и управленческих решений, интегрированной в общую структуру управления предприятием через выстраивание сквозных цифровых процессов сбора, передачи и анализа данных для оперативного принятия решений на всех уровнях.

Список литературы

1. Дмитриев А.В. Внедрение инструментов цифровой безопасности в деятельность организаций / А.В. Дмитриев // Вестник АГТУ. – 2025. – С. 26–35.

2. Докукина А.А. Экономическая безопасность предприятий в фокусе задач управления в условиях цифровой трансформации / А.А. Докукина. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2024. – 159 с. EDN OBSKQH

3. Каснерик А.Ю. Экономическая безопасность организации в условиях цифровой трансформации / А.Ю. Каснерик, А.Д. Туфатулина // Бизнес-пульс: III Междунар. науч.-практ. студ. конф. – Минск, 2025. – С. 62–65.

4. Экономическая безопасность в эпоху цифровизации: вызовы, риски и стратегии устойчивого развития / И.С. Ферова, С.А. Козлова, Е.А. Осадченко, Н.Н. Подтихова. – М.: Русайнс, 2025. – 209 с. EDN FCYHCN

Квитко Эвелина Константиновна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в современной внешней торговле России обострились факторы, угрожающие экономической безопасности страны. На внешнеторговую сферу воздействуют геополитическая нестабильность, санкционное давление и сырьевая зависимость экспорта. В статье выявляются основные риски и уязвимости внешнеторговой деятельности Российской Федерации, включая преобладание экспорта сырья и зависимость от конъюнктуры мировых рынков, а также влияние санкций и глобальной конкуренции. Описаны ключевые направления обеспечения экономической безопасности: диверсификация экспорта в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью, снижение критической импортозависимости и переход на расчёты в национальных валютах. Особое внимание уделено необходимости мониторинга показателей внешнеэкономической безопасности и поддержания их в пределах пороговых значений. Сделан вывод о том, что для эффективной нейтрализации угроз требуется комплексный подход государственной политики – от защиты интересов отечественных производителей на мировых рынках до разработки единой стратегии внешнеэкономической безопасности.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, внешнеторговая деятельность, риски, угрозы, диверсификация экспорта, санкции, внешнеэкономическая политика.*

Глобальные изменения последних лет актуализировали проблему экономической безопасности во внешней торговле России. Согласно *Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года*, мировая система переходит к многополярности, сопровождающейся геополитической нестабильностью. Экономическая безопасность определяется как состояние защищённости экономики от внутренних и внешних угроз, при котором сохраняются экономический суверенитет и стратегические приоритеты. Во внешнеторговой сфере это особенно важно, так как через внешние связи страна получает ресурсы для роста, но одновременно подвергается рискам.

Пандемия и санкции 2022 года показали уязвимость модели внешней торговли России. К середине 2022 года под ограничения попало около 40% импорта из ЕС. Цель работы – анализ угроз экономической безопасности во внешней торговле и мер по их нейтрализации.

Угрозы и риски. Основные внешние угрозы – санкции (финансы, технологии, логистика) и формирование торговых блоков без участия РФ. Глобальные риски связаны с волатильностью цен на сырьё: более 2/3 российского экспорта – минеральные ресурсы. В развитых странах 70–80% экспорта – готовая продукция. Сырьевая модель делает экономику зависимой от внешней конъюнктуры.

С импортной стороны – критическая зависимость от оборудования, технологий, лекарств. В 2022 году это привело к дефициту. Импортозамещение идёт медленно. Также существует опасность новой зависимости (Китай, Турция).

Внутренние проблемы: низкая конкурентоспособность несырьевых товаров, криминализация ВЭД (уклонение от пошлин, вывод капитала, контрабанда).

Текущие тенденции. К 2022 году более 50% экспорта – энергоносители. Санкции 2022 года затронули высокие технологии, банки (отключение от SWIFT), логистику. Номинальный экспорт вырос из-за цен, но с 2023 года снижается. Импорт восстановился за счёт Азии (доля Китая выросла с 44% до 68%). Параллельный импорт в 2024 году достиг $36 млрд, но это недолгосрочное решение.

Меры по обеспечению безопасности. Главное – диверсификация экспорта в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью (машиностроение, IT, АПК). Второе – снижение критической импортозависимости (лекарства, микроэлектроника, станкостроение). Третье – переход на расчёты в национальных валютах (доля рубля и юаня в торговле с КНР – около 90%). Четвёртое – мониторинг индикаторов: доля несырьевого экспорта, концентрация партнёров, объём теневого вывоза капитала. Пятое – усиление таможенного и валютного контроля, закрытие правовых лазеек.

Заключение. Обеспечение экономической безопасности во внешней торговле требует качественной трансформации: от сырья к высоким переделам, от узкого круга партнёров к диверсификации, от доллара к нацвалютам. Необходим единый стратегический документ по внешнеэкономической безопасности с пороговыми значениями и межведомственной координацией. Это позволит сохранить суверенитет в глобальной экономике.

Список литературы

1. Обеспечение экономической безопасности в сфере внешнеэкономической деятельности / С.А. Коноваленко, Н.Г. Гаджиев [и др.] // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5, №1. – С. 251–270.

2. Вагина А.В. Обеспечение экономической безопасности во внешнеторговой сфере Российской Федерации / А.В. Вагина // Проблемы современной экономики: материалы VI Междунар. науч. конф. – Казань: Молодой ученый, 2017. – С. 117–122. EDN ZDSOXB

3. Радикальная адаптация: как изменилась внешняя торговля России после пандемии и санкций // Коммерсантъ. – 2025. – 27 июня.

4. Решетников М. Торговля между Россией и Китаем преимущественно ведется в нацвалютах // Российская газета. – 2023. – 19 сент.

5. Цейко В.И. Экономическая безопасность внешнеторговой деятельности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / В.И. Цейко. – М., 2006. EDN NJWISJ

Квитко Эвелина Константиновна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *фондовые рынки обеспечивают привлечение долгосрочного капитала, перераспределение ресурсов и управление рисками, что определяет их влияние на экономическую безопасность. В статье рассмотрены функции фондового рынка, проанализированы структурные особенности российского фондового рынка, выявлены основные угрозы и предложены направления укрепления. Обосновано, что развитый фондовый рынок является необходимым условием суверенного развития.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, фондовый рынок, капитализация, финансовые риски, санкции, регулирование.*

Экономическая безопасность государства зависит от устойчивости финансовой системы, ключевым элементом которой является фондовый рынок. Фондовый рынок обеспечивает привлечение долгосрочного капитала, перераспределение ресурсов и управление рисками [3]. Развитый фондовый рынок создает условия для экономического роста и снижает зависимость от банковского кредитования.

Цель работы – анализ роли фондового рынка в обеспечении экономической безопасности РФ, выявление рисков и обоснование направлений укрепления.

Функции фондового рынка.

Фондовый рынок выполняет функции, влияющие на экономическую безопасность [3; 7]:

– инвестиционная – трансформация сбережений в инвестиции;
– распределительная – перелив капитала между отраслями;
– ценообразующая – формирование рыночных цен на активы;
– управление рисками – хеджирование;
– информационная – распространение информации о эмитентах.

Нарушение данных функций ведет к дефициту инвестиций и снижению доверия [7].

Состояние российского фондового рынка.

Российский фондовый рынок характеризуется уязвимостями [1; 2]:

– низкая капитализация – 37,4 трлн руб., отношение к ВВП – 23% (2022);
– высокая концентрация – 80% капитализации приходится на 10 эмитентов;
– доминирование нефтегазового сектора;
– санкционные ограничения – отключение от международных платформ;
– снижение доли иностранных инвесторов (с 48% до 5–10%);
– низкая доля розничных инвестиций.

Угрозы экономической безопасности.

Ключевые угрозы [2; 4; 7]:

– санкционные ограничения – заморозка активов, падение индексов;
– низкая капитализация – ограничение привлечения инвестиций;
– высокая волатильность – снижение прогнозируемости;
– зависимость от сырьевых цен;
– снижение ликвидности после ухода нерезидентов;
– недостаточная защита прав инвесторов;
– преобладание спекулятивных стратегий.

Направления укрепления фондового рынка.

Для снижения рисков предлагается [2; 4; 5]:

– стимулирование IPO – налоговые льготы, упрощение листинга [5];
– развитие коллективных инвестиций – ПИФы, пенсионные накопления.
– повышение финансовой грамотности населения;
– совершенствование регулирования – упрощение раскрытия информации;
– развитие инфраструктуры – депозитарии, клиринг, цифровые платформы;
– снижение зависимости от иностранного капитала – внутренние инвесторы;
– диверсификация эмитентов – выход несырьевых компаний;
– развитие инструментов хеджирования – фьючерсы, опционы;
– противодействие киберугрозам;
– налоговые стимулы – ИИС третьего типа [5];
– укрепление корпоративного управления.

Заключение.

Фондовый рынок – важнейший элемент экономической безопасности. Его развитость обеспечивает привлечение инвестиций, перераспределение ресурсов и управление рисками. Предложенные меры направлены на повышение устойчивости рынка и снижение зависимости от внешних факторов. Их реализация укрепит экономическую безопасность России.

Список литературы

1. Взаимообусловленность финансовой и энергетической безопасности России // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, №3. – С. 84–95.

2. Банк России. Обзор финансовой стабильности II-III кварталы 2025 года // cbr.ru, 26.11.2025. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.06.2026).

3. Финансовые рынки в обеспечении экономической безопасности: роль, типы и их описание // Научный журнал СФУ. – 2024.

4. Когнитивное моделирование финансового рынка России в контексте экономической безопасности // Финансы: теория и практика. – 2020. – Т. 24, №3. – С. 91–103.

5. Программа развития финансового рынка на 2026–2028 годы // Банк России, 16.09.2025. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.06.2026).

6. Яковлев А.А. Роль фондового рынка в обеспечении экономической безопасности России. Дипломная работа / А.А. Яковлев. – Красноярск: СФУ, 2018.

7. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития / С.Ю. Глазьев // Инвестиции в России. – 2015. – №12. – С. 17–25.

8. Сенчагов В.К. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России / В.К. Сенчагов, С.Н. Митяков // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №2. – С. 44–58. EDN WFMKJV

9. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. – 2025. – №4. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.06.2026).

Квитко Эвелина Константиновна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ФИСКАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И УГРОЗЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СНИЖЕНИЯ СЫРЬЕВЫХ ДОХОДОВ

Аннотация: *в статье рассматривается роль налогов как ключевого фактора финансовой безопасности Российской Федерации. Финансовая безопасность понимается как защищённость финансовой системы государства от угроз, обеспечивающая стабильность экономики и выполнение государством своих обязательств. Обоснована взаимосвязь эффективной налоговой системы с устойчивостью бюджета и экономической безопасностью страны. Проанализировано современное состояние налоговой системы РФ, приведены актуальные данные о налоговых поступлениях и структуре доходов бюджета. Выявлены существующие проблемы – зависимость бюджета от сырьевых доходов, высокая доля косвенных налогов, теневой сектор экономики – и показано, как они влияют на финансовую безопасность. Отмечены меры, предпринимаемые государством (совершенствование налоговой политики, цифровизация администрирования, разовые налоговые сборы), направленные на укрепление финансовой стабильности. В заключение подчеркнуто, что сбалансированная налоговая политика и повышение налоговой прозрачности способствуют укреплению финансовой безопасности РФ и устойчивому развитию экономики.*

Ключевые слова: *налоги, финансовая безопасность, налоговая система, бюджетная устойчивость, налоговая политика.*

Финансовая безопасность – важнейшая составляющая экономической безопасности страны. Она отражает состояние финансовой системы, при котором гарантируется устойчивое развитие экономики, выполнение социальных обязательств и защита национальных интересов. Ключевой элемент финансовой безопасности – налоговая система. Налоги обеспечивают основную часть доходов государства и служат ресурсной базой для исполнения государственных функций. От эффективности налогообложения зависит стабильность экономики и способность противостоять угрозам.

Кризисные явления 2014–2015 гг., пандемия 2020 г., санкции подтвердили, что прочность бюджета зависит от надёжности налогового механизма. Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года требует снижения зависимости бюджета от внешних факторов. Цель статьи – анализ влияния налоговой системы на финансовую безопасность РФ, выявление проблем и мер их решения.

Налоги в системе финансовой безопасности. Налоговая безопасность – состояние защищённости налоговой системы, при котором поступлений достаточно для выполнения государством функций, но не подрывается развитие реального сектора. Налоги выполняют три функции: фискальную (наполнение бюджета), распределительную (снижение неравенства) и регулирующую (стимулирование отраслей). Эффективная налоговая политика снижает зависимость от внешних заимствований и укрепляет финансовую безопасность.

Текущее состояние налоговой системы РФ. В 2023 году ФНС собрала 46,8 трлн руб. налогов (+11,3% к 2022 г.). Однако федеральные доходы выросли лишь на 1% из-за падения цен на углеводороды. Поступления от нефтегазовой отрасли снизились на 13,6%. Это доказывает высокую зависимость бюджета от сырьевой конъюнктуры.

Структура налогов: НДПИ – 27%, НДС – 20%, налог на прибыль – 22%, НДФЛ – 18%. Доля косвенных налогов велика, а прямых – около 37%. В развитых странах прямые налоги

составляют 70–80%. Преобладание косвенных налогов усиливает социальную напряжённость, а зависимость от сырья – риски падения доходов.

Проблема теневой экономики: её доля оценивается в 12–30% ВВП. Теневой сектор снижает собираемость, вынуждая либо недополучать доходы, либо повышать нагрузку на добросовестных налогоплательщиков.

Позитивные изменения: цифровизация администрирования (единый налоговый счёт, электронные чеки). Внедрение ЕНС с 2023 года сократило невыясненные платежи в 23 раза. Количество выездных проверок снизилось вдвое, доначисления выросли за счёт аналитики. В 2023 году введён разовый налог на сверхприбыль (10% от сверхприбыли 2021–2022 гг.) – ожидаемые поступления около 300 млрд руб.

Недостатки: сохраняются правовые коллизии, случаи разглашения налоговой тайны, что подрывает доверие бизнеса.

Перспективы и меры. Для укрепления финансовой безопасности необходимо:

– диверсификация налогового потенциала ненефтяного сектора;

– оптимизация структуры в пользу прямых налогов (прогрессивный НДФЛ, налог на имущество);

– борьба с уклонением через цифровизацию и обмен информацией;

– повышение прозрачности и диалог с обществом.

Заключение. Налоги – краеугольный фактор финансовой безопасности РФ. Они обеспечивают ресурсную базу государства. Проблемы (сырьевая зависимость, перекос в косвенные налоги, теневая экономика) ослабляют безопасность. Однако цифровизация, разовые сборы и адаптивная политика уже дают результаты. Требуется продолжение реформ для устойчивости бюджета даже в кризис.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 (ред. от 24.07.2023) «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – №20. – Ст. 2902.

2. Шумилина В.Е. Налоговая политика как фактор обеспечения экономической безопасности государства / В.Е. Шумилина, А.А. Широкобородова // Направления совершенствования экономической безопасности Российской Федерации в условиях спада экономики и пандемии: монография. – Ростов н/Д: AUS Publishers, 2021. – С. 76–88. EDN DRZQZM

3. Мусаев Д.К. Налоги как фактор финансовой безопасности / Д.К. Мусаев, А.К. Моденов // Актуальные исследования. – 2020. – №18 (21).

4. ТАСС. ФНС нарастила перечисления в бюджетную систему РФ в 2023 году на 11,3 % // Новости экономики и бизнеса. – 2024. – 5 марта. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20160911 (дата обращения: 16.06.2026).

5. Егоров: Налоговые поступления в бюджет РФ в 2023 году составили 46,8 трлн рублей // Российская газета. – 2024. – 19 марта. – URL: https://rg.ru/2024/03/19/egorov-nalogovye-postupleniia-v-biudzhet-rf-v-2023-godu-sostavili-468-trln-rublej.html (дата обращения: 16.06.2026).

6. РБК. Госдума приняла закон о налоге на сверхприбыль крупного бизнеса // РБК Бизнес. – 2023. – 21 июля. – URL: https://www.rbc.ru/business/21/07/2023/64ba3f2d9a794769423d9be4 (дата обращения: 03.07.2026).

7. За 2023 год ФНС собрала налогов более чем на 36 трлн рублей // Клерк.ру со ссылкой на исследование FinExpertiza. – 2024. – 5 марта. – URL: https://www.klerk.ru/buh/news/599228/ (дата обращения: 16.06.2026).

8. Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №2. – С. 5–27.

Коннова Оксана Алексеевна
канд. экон. наук, доцент
Иноземцева Мария Сергеевна
студентка

ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет туризма и сервиса»
д.п. Черкизово, Московская область

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА В США И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ АВТОМАТИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние технологической трансформации на сектор умственной деятельности. На основе опыта США сопоставляются концептуальные подходы глобальной цифровизации, выявляются общие закономерности изменений профессиональной занятости в сфере обработки информации. Авторами описываются процессы упрощения аналитических задач, анализируются риски для специалистов среднего звена и предлагаются варианты адаптации полученных выводов к российским условиям в контексте дефицита трудовых ресурсов. В статье обосновывается солидарность с выводами современных исследователей о том, что искусственный интеллект выступает как технология общего назначения, кардинально меняющая инновационные и производственные процессы.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, автоматизация интеллектуального труда, занятость.*

В современной экономике происходит значительный структурный сдвиг, обусловленный внедрением прикладного программного обеспечения и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в сферу профессиональных услуг. Центральную роль в этом процессе играет когнитивный средний класс, который традиционно выступает фундаментом социальной стабильности и основным потребителем интеллектуальных услуг.

Если на предыдущих этапах технологического прогресса автоматизация производственных процессов затрагивала преимущественно физический труд, то на текущем этапе изменения касаются непосредственно специалистов, ответственных за обработку информации и принятие управленческих решений. Под интеллектуальным трудом в рамках данного исследования понимается деятельность, направленная на создание, обработку и интерпретацию информации с использованием специализированных знаний.

Текущая динамика обусловлена тем, что алгоритмические системы выполняют формализованные логические операции с более высокой эффективностью, чем человеческий капитал. Как отмечается в фундаментальных исследованиях технологических сдвигов [5], ключевое отличие современного ИИ от прежних волн автоматизации заключается в его межотраслевом характере, способности к самосовершенствованию (машинному обучению) и непрерывному расширению спектра замещаемых задач, включая высококвалифицированные функции. Это позволяет классифицировать ИИ как «технологию общего назначения» (General Purpose Technology), сопоставимую по масштабу влияния с электрификацией или появлением вычислительной техники [5].

В США данный процесс уже привел к существенному снижению спроса на специалистов начального уровня в юриспруденции и финансовом консалтинге [8]. Для российской экономической модели данный практический пример имеет особое значение, ввиду острого дефицита трудовых ресурсов. При сохранении в 2025 году рекордно низкой безработицы – 2,2% [3], нехватка кадров в ключевых отраслях достигает почти 3 млн чел. [1].

В сложившихся обстоятельствах автоматизация профессиональных услуг – процесс делегирования рутинных интеллектуальных функций программным алгоритмам – выступает необходимым условием поддержания темпов роста производительности и, как подтверждается

международным опытом, служит мощным драйвером экономического роста за счет оптимизации рутинных процессов. Наибольшему воздействию подвергаются квалификации, характеризующиеся высокой степенью повторяемости операций и предсказуемостью итогового результата. К данной категории относится функционал подготовки отчетной документации, аудит типовых контрактов и разработка базового программного кода [6].

В представленных ниже статистических данных (табл.1) отражено, как внедрение технологий способствует компенсации кадрового дефицита в различных сферах деятельности.

Таблица 1

Оценка потенциала автоматизации и роста выработки в РФ

Сфера деятельности	Дефицит кадров, тыс. чел.	Потенциал замещения рутины, %	Ожидаемый прирост выработки, %
1. Программная разработка	600	45	+25
2. Финансы и аудит	180	60	+30
3. Государственное управление	350	50	+15
4. Инженерное проектирование	130	30	+20

Происходящие изменения трансформируют сложившуюся социально-профессиональную структуру. Профессии классифицируются по уровням в зависимости от степени участия программных средств в производственном цикле. Эту иерархию можно представить в виде вертикальной модели (рис. 1), на вершине которой находятся разработчики систем и эксперты высшей квалификации, обладающие уникальными компетенциями. Средний сегмент занимают специалисты, осуществляющие верификацию результатов работы алгоритмов, а основание формируют работники сферы услуг, предполагающей обязательное личное присутствие.

В экономике США фиксируется тенденция к росту доходов специалистов экспертного уровня, поскольку цифровые инструменты позволяют им масштабировать результаты деятельности [7]. В то же время возможности карьерного роста для когнитивного среднего класса существенно ограничиваются. Ввиду того, что задачи начального уровня делегируются программным средствам, начинающие специалисты лишаются условий для приобретения первичных практических навыков [4].

Рис. 1. Классификация профессий в зависимости от степени участия программных средств в производственном цикле

Мы разделяем тезис о том, что ИИ не просто сокращает спрос на определенные виды деятельности, но кардинально меняет структуру занятости: снижая востребованность рутинных интеллектуальных операций, он одновременно создает новые высокотехнологичные рабочие места и требует от человека развития комплементарных навыков, таких как критическая верификация и стратегическое управление. На практике это формирует диспропорцию, при которой наблюдается избыток соискателей на позиции начального уровня при сохраняющемся дефиците квалифицированных экспертов.

Для минимизации негативных последствий требуется формирование национальной системы непрерывного профессионального развития, способствующей переходу специалистов к функциям стратегического управления и контроля. Необходимым направлением является государственное содействие программам переподготовки кадров в области взаимодействия с цифровыми интеллектуальными ассистентами, что согласуется со стратегическими ориентирами развития сквозных технологий в РФ [1]. В условиях, когда ИИ трансформирует саму методологию инноваций («изобретает метод изобретения»), требуется актуализация образовательных стандартов. Акцент должен быть сделан на развитие навыков критического синтеза и верификации данных, что позволит выпускникам интегрироваться в более сложные производственные процессы, минуя этап рутинизированного труда.

Технологические изменения диктуют необходимость фундаментального пересмотра кадровой политики. Анализ международного опыта подтверждает, что основной риск связан не с физическим сокращением рабочих мест, а с девальвацией традиционных интеллектуальных навыков [4]. Для российских условий это означает необходимость приоритетного обучения методам управления сложными системами и критической интерпретации информации [1]. Государственная поддержка должна быть ориентирована на группы населения, чья профессиональная устойчивость снижается, а также на стимулирование внедрения суверенных программных разработок [1].

Список литературы

1. О национальном развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – №41. – Ст. 5700 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 12.04.2026).

2. Bresnahan T.F. General purpose technologies «Engines of growth’? / T.F. Bresnahan, M. Trajtenberg // Journal of Econometrics. – 1995. – Vol. 65, No. 1. – P. 83–108. EDN HIMACP

3. Дефицит кадров на российском рынке труда: тенденции и вызовы / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). – М.: ЦМАКП, 2024. – 45 с. – URL: http://www.cmacp.ru (дата обращения: 15.05.2026).

4. Acemoglu D. Tasks, Automation, and Wage Inequality / D. Acemoglu, P. Restrepo // Econometrica. – 2022. – Vol. 90, No. 3. – P. 1073–1116.

5. U.S. Bureau of Labor Statistics. Occupational Outlook Handbook: Legal and Financial Occupations / U.S. Bureau of Labor Statistics. – Washington: BLS, 2025. – URL: https://www.bls.gov/ooh (дата обращения: 10.05.2026).

6. Rosen, S. The Economics of Superstars / S. Rosen // The American Economic Review. – 1981. – Vol. 71, No. 5. – P. 845–858.

7. Felten, E. Occupational exposure to AI, text generation, and employment / E. Felten, M. Raj, R. Seamans // Journal of Technology Transfer. – 2021. – Vol. 48. – P. 40–52.

8. Численность и состав рабочей силы в Российской Федерации в 2025 году: статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М.: Росстат, 2025. – URL: https:// rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

Кононенко Владислав Витальевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-167697

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКТОВЫХ РОЗНИЧНЫХ СЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается изменение роли финансовых инструментов в обеспечении конкурентоспособности продуктовых розничных сетей в условиях цифровой трансформации. Обосновано, что в современном ритейле финансовые инструменты воздействуют на конкурентные преимущества не только через привлечение капитала, управление ликвидностью, инвестиции и контроль затрат, но и через операционные, клиентские и цифровые контуры бизнес-модели. Особое внимание уделено разграничению финансовых инструментов и цифровых решений: искусственный интеллект, аналитика данных, омниканальные сервисы и цифровая логистика не являются самостоятельными финансовыми инструментами, однако выступают объектами финансирования и механизмами повышения отдачи от финансовых вложений. В результате предложена расширенная классификация инструментов финансово-экономического обеспечения конкурентоспособности розничных сетей, включающая цифрово-интеграционный блок. Выделение данного блока позволяет учитывать влияние цифровых решений на маржинальность, оборачиваемость запасов, эффективность промо, удержание клиента и операционные расходы.*

Ключевые слова: *финансовые инструменты, конкурентоспособность, розничные сети, продуктовый ритейл, цифровая трансформация, омниканальность, искусственный интеллект, цифрово-интеграционный блок.*

Введение.

Развитие продуктового ритейла в последние годы сопровождается усилением конкуренции, ростом требований покупателей к доступности товаров, развитию цифровых каналов и качеству клиентского опыта. Для розничных сетей конкурентоспособность всё в меньшей степени определяется только размером торговой площади или широтой ассортимента. Более значимым становится способность компании поддерживать устойчивую маржинальность, эффективно управлять запасами, обеспечивать быстрый оборот капитала, развивать

программы лояльности и использовать цифровые решения для повышения финансового результата.

В классической логике финансового менеджмента финансовые инструменты рассматриваются как средства формирования и распределения финансовых ресурсов, управления капиталом, денежными потоками, инвестициями и финансовыми рисками [1]. Однако в условиях цифровой трансформации ритейла их роль становится более сложной. Финансовые решения всё чаще направляются не только на открытие магазинов, закупку оборудования или поддержание ликвидности, но и на развитие цифровой инфраструктуры, аналитики данных, омниканальных сервисов, систем прогнозирования спроса и цифровой логистики.

Современные исследования розничной торговли показывают, что цифровые технологии меняют структуру конкуренции, размывают границы между онлайн- и офлайн-каналами, повышают значение персонализации, данных и интеграции клиентского опыта [4; 6]. При этом цифровизация сама по себе не гарантирует конкурентного преимущества: её значение проявляется только тогда, когда технологические решения трансформируются в рост выручки, повышение маржинальности, снижение издержек, ускорение оборачиваемости запасов и укрепление клиентской базы.

Цель настоящей статьи состоит в уточнении роли финансовых инструментов в системе формирования конкурентоспособности продуктовых розничных сетей в условиях цифровой трансформации и обосновании расширенной классификации инструментов финансово-экономического обеспечения конкурентных преимуществ.

Роль финансовых инструментов в обеспечении конкурентоспособности розничных сетей.

Конкурентоспособность розничной сети можно рассматривать как способность компании устойчиво преобразовывать ресурсы, торговую инфраструктуру, клиентскую базу, финансовые вложения и управленческие решения в экономический результат, превосходящий конкурентов по ключевым параметрам. В стратегическом подходе М. Портера конкурентное положение компании связано не только с действиями прямых соперников, но и с давлением покупателей, поставщиков, новых участников рынка и товаров-заменителей [2]. Для продуктового ритейла это особенно важно, поскольку конкуренция развивается одновременно по цене, формату, доступности товара, логистике, качеству сервиса и цифровому взаимодействию с покупателем.

Финансовые инструменты выступают одним из базовых механизмов обеспечения конкурентоспособности, поскольку именно они позволяют компании финансировать рост, поддерживать ликвидность, модернизировать активы, управлять рисками и контролировать операционные расходы. В продуктовом ритейле эта связь имеет выраженную отраслевую специфику. Высокая частота покупок требует постоянного управления запасами и поставками; ценовая чувствительность потребителей усиливает значение промо и собственных торговых марок; масштабирование сети требует капитальных вложений; развитие онлайн-каналов связано с инвестициями в IT, доставку, аналитику и логистику.

В традиционном понимании финансовые инструменты могут быть связаны с привлечением заёмного капитала, использованием лизинга, управлением оборотным капиталом, инвестиционным бюджетированием, страхованием и управлением финансовыми рисками. Однако для розничной сети важен не только сам факт использования таких инструментов, но и результат их применения. Например, инвестиции в распределительные центры имеют значение для конкурентоспособности только при снижении логистических затрат и повышении доступности товаров; вложения в цифровые сервисы важны не сами по себе, а через рост частоты покупок, удержание клиента и повышение эффективности операций.

Следовательно, финансовые инструменты в ритейле следует рассматривать не изолированно, а во взаимосвязи с операционными и клиентскими результатами. Такой подход согласуется с логикой сбалансированной системы показателей, в которой финансовые результаты анализируются вместе с клиентскими, процессными и инновационными факторами развития компании [5]. Для продуктовых розничных сетей это означает необходимость учитывать,

каким образом финансовые решения преобразуются в маржинальность, денежный поток, оборачиваемость, лояльность покупателей и цифровую эффективность.

Трансформация роли финансовых инструментов в условиях цифровизации ритейла

Цифровая трансформация существенно меняет среду применения финансовых инструментов. В исследованиях цифровой трансформации подчёркивается, что она затрагивает не только внедрение отдельных технологий, но и изменение бизнес-модели, организационных процессов, каналов взаимодействия с клиентами и способов создания ценности [8]. Для розничных сетей это означает переход от преимущественно офлайн-модели конкуренции к интегрированной модели, в которой физические магазины, онлайн-заказы, мобильные приложения, программы лояльности и доставка формируют единую систему взаимодействия с покупателем.

Омниканальность является одним из ключевых проявлений такой трансформации. W. Piotrowicz и R. Cuthbertson отмечают, что развитие информационных технологий в розничной торговле приводит к размыванию границ между физическими и цифровыми каналами, а центральной задачей становится их интеграция в единый клиентский опыт [6]. Это меняет и финансовую логику развития ритейла: инвестиции в цифровые каналы должны оцениваться не только как IT-затраты, но и как фактор изменения выручки, операционной эффективности и клиентской лояльности.

Аналогично, искусственный интеллект и аналитика данных начинают использоваться для прогнозирования спроса, управления ассортиментом, оптимизации запасов, персонализации предложений и повышения эффективности логистики. Исследования применения AI в розничной торговле показывают, что данные технологии позволяют анализировать поведение покупателей, прогнозировать потребности, улучшать процессы обслуживания и поддерживать интеграцию онлайн- и офлайн-операций [7]. Однако с финансово-экономической точки зрения эти технологии не являются самостоятельными финансовыми инструментами, хотя и начинают играть значимую роль. Они выступают объектами финансирования, инфраструктурой принятия решений и механизмами повышения эффективности уже применяемых финансовых инструментов.

Поэтому в современных условиях формируется новая цепочка воздействия финансовых инструментов на конкурентоспособность: финансовые вложения направляются в цифровые и операционные решения; данные решения влияют на запасы, логистику, промо, клиентскую активность и расходы; затем эти изменения отражаются в маржинальности, выручке, денежном потоке и устойчивости конкурентных преимуществ. В этой логике цифровые решения не заменяют финансовые инструменты, а усиливают или ограничивают их результативность.

Данный подход особенно важен для продуктового ритейла, где даже небольшое улучшение оборачиваемости запасов, снижение списаний, повышение точности промо или рост удержания покупателей может давать значимый финансовый эффект в силу масштаба операций. Следовательно, классификация финансовых инструментов повышения конкурентоспособности должна учитывать не только традиционные финансовые механизмы, но и цифрово-интеграционный контур, через который финансовые ресурсы преобразуются в операционный и клиентский результат.

Классификация инструментов финансово-экономического обеспечения конкурентоспособности розничных сетей

Традиционные классификации финансовых инструментов обычно акцентируют внимание на источниках финансирования, управлении капиталом, инвестициях, оборотных средствах и рисках. Такой подход сохраняет значение, однако он не в полной мере отражает специфику современного ритейла, где конкурентный эффект финансовых решений проявляется через комплекс взаимосвязанных процессов: развитие форматов, управление товарными запасами, цифровую логистику, клиентскую аналитику, промоэффективность и персонализацию предложения.

В связи с этим целесообразно использовать более широкую категорию – инструменты финансово-экономического обеспечения конкурентоспособности розничных сетей. Она позволяет рассматривать не только классические финансовые инструменты, но и управленческие и цифровые механизмы, которые имеют измеримую связь с финансовыми результатами. Предлагаемая классификация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация инструментов финансово-экономического обеспечения конкурентоспособности розничных сетей

Группа инструментов	Содержание группы	Связь с конкурентоспособностью
Инструменты финансирования роста и масштабирования	кредиты, облигации, лизинг, реинвестирование прибыли	расширение сети, развитие форматов, рост рыночного охвата
Инструменты управления оборотным капиталом и ликвидностью	управление запасами, кредиторской задолженностью, денежными потоками	финансовая устойчивость, доступность товаров, непрерывность операций
Инвестиционные инструменты обновления и модернизации активов	CAPEX, оценка окупаемости, модернизация логистики и IT	рост производительности, отдача торговой площади, снижение ограничений
Инструменты управления финансовыми рисками	страхование, лимитирование рисков, управление долгом, стресс-тестирование	снижение чувствительности к ставкам, инфляции, сбоям поставок и спросу
Инструменты финансово-экономического управления маржинальностью и затратами	бюджетирование, управление промо, контроль себестоимости и расходов	повышение маржи и ценовой гибкости
Цифрово-интеграционный блок	AI-прогнозирование, клиентская аналитика, цифровая логистика, омниканальность	трансформация финансовых вложений в операционные и клиентские результаты

Источник: составлено автором.

Предложенная группировка показывает, что цифрово-интеграционный блок не должен смешиваться с традиционными финансовыми инструментами. Его специфика состоит в том, что он связывает финансовые решения с цифровой инфраструктурой и позволяет оценивать, насколько инвестиции в данные, аналитику, автоматизацию и омниканальные сервисы действительно повышают финансовую отдачу бизнеса.

К цифрово-интеграционному блоку целесообразно относить только те цифровые решения, которые имеют измеримую связь с финансово-экономическими параметрами конкурентоспособности. К таким параметрам относятся маржинальность, оборачиваемость запасов, снижение списаний, сокращение stock-out, эффективность промо, удержание клиента, рост частоты покупок, снижение логистических затрат и повышение операционной эффективности. Если цифровая технология не имеет такой связи или её результат не может быть экономически интерпретирован, её включение в классификацию финансово-экономического обеспечения конкурентоспособности является методически необоснованным.

Таким образом, цифрово-интеграционный блок выполняет роль связующего элемента между финансовыми вложениями и конкурентным результатом. Например, финансирование AI-прогнозирования спроса может снижать избыточные запасы и потери, аналитика промоэффективности – повышать отдачу маркетинговых бюджетов, клиентская аналитика – увеличивать удержание и персонализацию, а цифровая логистика – уменьшать операционные расходы и повышать доступность товара. В каждом случае конкурентный эффект возникает не из факта цифровизации, а из способности компании преобразовать цифровые решения в конкретный финансово-экономический результат.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, финансовые инструменты сохраняют центральное значение в обеспечении конкурентоспособности продуктовых розничных сетей, поскольку именно они обеспечивают финансирование роста, управление ликвидностью, инвестиционное развитие, контроль затрат и устойчивость бизнес-модели.

Во-вторых, в условиях цифровой трансформации механизм воздействия финансовых инструментов на конкурентоспособность становится более сложным. Их результат проявляется не только в финансовых показателях, но и через операционные, клиентские и цифровые параметры: товарные запасы, логистику, промоэффективность, программы лояльности, цифровые каналы и аналитику данных.

В-третьих, цифровые технологии не следует рассматривать как самостоятельные финансовые инструменты. Искусственный интеллект, Big Data, омниканальные сервисы и цифровая логистика выступают объектами финансирования и механизмами повышения эффективности применения финансовых инструментов. Их значение для конкурентоспособности определяется способностью влиять на маржинальность, оборачиваемость, расходы, удержание клиента и денежный поток.

В-четвёртых, классификация инструментов финансово-экономического обеспечения конкурентоспособности розничных сетей может быть дополнена цифрово-интеграционным блоком. Его выделение позволяет точнее учитывать специфику современного продуктового ритейла и анализировать не только традиционные источники финансирования и управления затратами, но и цифровые механизмы преобразования финансовых вложений в операционные, клиентские и финансовые результаты.

Список литературы

1. Ковалёв В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика: учеб. пособие / В.В. Ковалёв. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2007. – 1024 с. – ISBN 978-5-482-01505-6.

2. Портер М.Е. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов: учебник / М.Е. Портер. – 1-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 454 с. – ISBN 5-9614-0143-0.

3. Grewal D. The Future of Retailing / D. Grewal, A. Roggeveen // Journal of Retailing. – 2016. – Т. 93, №1. – С. 1–6. – DOI 10.1016/j.jretai.2016.12.008.

4. Hänninen M. Digitalization in retailing: Multi-sided platforms as drivers of industry transformation / M. Hänninen, A. Smedlund, L. Mitronen // Baltic Journal of Management. – 2017. – Т. 13, №2. – С. 152–168. – DOI 10.1108/BJM-04-2017-0109.

5. Kaplan R.S. The Balanced Scorecard – Measures That Drive Performance / R.S. Kaplan, D.P. Norton // Harvard Business Review. – 1992. – Vol. 70, No. 1. – P. 71–79. EDN BLHFZZ

6. Lu H.-P. Technology roadmap of AI applications in the retail industry / H.-P. Lu, H.-L. Cheng, J.-C. Tzou, C.-S. Chen // Technological Forecasting and Social Change. – 2023. – Vol. 195. – Art. 122778. – DOI 10.1016/j.techfore.2023.122778. EDN YYEGED

7. Piotrowicz W. Introduction to the Special Issue Information Technology in Retail: Toward Omnichannel Retailing / W. Piotrowicz, R. Cuthbertson // International Journal of Electronic Commerce. – 2014. – Vol. 18, No. 4. – P. 5–16. – DOI 10.2753/JEC1086-4415180400.

8. Verhoef P.C. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda / P.C. Verhoef, T. Broekhuizen, Y. Bart, A. Bhattacharya, J.Q. Dong, N. Fabian, M. Haenlein // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – P. 889–901. – DOI 10.1016/j.jbusres.2019.09.022. EDN BUXXSM

Логинова Эльвира Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: *в статье рассматриваются структурные трансформации российской экономики за последние 40 лет, ключевым из которых является переход от плановой модели хозяйствования к рыночной. Данный процесс, начавшийся в 1992 году, носил не эволюционный, а скачкообразный характер, что существенно затруднило адаптацию экономических субъектов и населения к новым условиям. Принципиальное различие между плановой и рыночной экономикой заключается в механизмах распределения ресурсов и ценообразования: если в советский период государство выступало единственным регулятором, определявшим объёмы, стоимость и каналы распределения продукции, то в современной России указанные функции преимущественно делегированы частным предпринимателям и юридическим лицам, за исключением отдельных сфер (например, системы государственных закупок). Вместе с тем даже в сегментах, полностью контролируемых государством, сохраняются риски реализации мошеннических схем, что требует дополнительного внимания со стороны контролирующих органов.*

Ключевые слова: *финансовое мошенничество, госзакупки, демпинг, аффилированные лица, аукцион, №44-ФЗ.*

Государственные закупки – явление отнюдь не новое для экономики: в истории присутствует множество прототипов данного процесса. Свое начало, согласно историческим справкам, госзаказы берут с эпохи правления Алексея Михайловича: для перевоза различного продовольствия от лица Государя назначалась определенная цена, при этом подрядчик выбирался не на конкурсной основе. Торги стали открытыми и публичными лишь при императоре Петре I. Такое решение было принято им с целью поддержания конкурентной среды и попытками свести к минимуму коррупцию, ведь уполномоченные правящие чины могли назначать в качестве подрядов своих родственников, что в наше время является одним из признаков аффелированности. Также стоит отметить, что при нем же ужесточились меры контроля за надлежащим исполнением таких контрактов.

Следующим этапом являются времена Советского Союза, хотя это можно считать своего рода упразднением государственных закупок, ибо при плановой экономике в них не было необходимости, так как она предполагала централизованное управление. Иными словами, государство является единоличным владельцем всех ресурсов, производств и т. д. Таким образом, конкуренция практически полностью исключена, спрос потребителей отходит на второй план, уступая место нуждам страны в соответствии с проводимой политикой, например, уклон на развитие сельскохозяйственного сектора.

Однако стоит отметить, что тотальный контроль со стороны государства не искоренил мошенничество: предприятия подделывали отчетность о перевыполнении плана, учитывали бракованный товар как исправный или снижали качество производимого товара, чтобы сэкономить на ресурсах. В условиях дефицита, возникшего из-за ограниченного предложения, разрастался сектор теневой экономики, где можно было найти желанную продукцию, но столкнуться с активной спекуляцией стоимости.

26 декабря 1991 года СССР прекратил свое существование, и это событие послужило толчком для кардинальных экономических перемен. Так как предприятия стали переходить в частную собственность, запланированное распределение ресурсов государством стало невозможным. Однако в таком случае возникает вопрос: что делать с обеспечением

муниципальных учреждений? Возвращение на рынок государственных заказов – решение. Первым нормативно-правовым актом. регламентирующим деятельность в сфере госзакупок, является Закон РФ №2859–1 от 1992 года «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» [1].

Проанализировав содержание данного нормативно-правового акта, можно прийти к следующим выводам:

– регулировались только госзакупки федерального уровня, региональный упоминается вскользь, местный и вовсе отсутствует;

– закон носит исключительно декларативный характер, т.е. максимально кратко изложены лишь основные принципы процесса госзакупок, а механизм взаимодействия сторон не отрегулирован;

– в законе упоминается выбор подрядчика на конкурсной основе, однако отсутствует какой-либо регламент проведения конкурса, и не понятно, как поставщики получают уведомление о его проведении;

– также не упоминается, каким образом проходит отбор поставщиков: хоть это и конкурс, где все равны, должен быть какой-то критерий, на основании которого в нем можно участвовать;

– слишком большие штрафные санкции за невыполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, что могло спугнуть многих потенциальных поставщиков.

Таким образом, можно убедиться, что рассматриваемый закон носит достаточно поверхностный и общий характер, подробно изложена лишь ответственность за невыполнение обязательств. Так как отсутствует конкретизация насчет многих составляющих процесса госзакупок, можно найти и использовать в собственных интересах различные лазейки. Самая основная – сотрудничество с аффилированными лицами, однако на тот момент не было официального запрета на это. Аффилированные лица – это физические или юридические лица, способные прямо или косвенно влиять на деятельность компании или предпринимателя [2]. Иными словами, государственные контракты могли заключаться с субъектами, тесно взаимосвязанными с заказчиками, что является коррупцией. Цены на такие заказы могли намеренно завышаться, чтобы по истечении контракта разделить прибыль между участниками сговора. Предположительно, тогда же могли использоваться фирмы-однодневки, которые, получив заказ и предоплату по нему, банкротились. Также стоит отметить, что недобросовестные заказчики могли намеренно завышать стоимость контракта, чтобы впоследствии потребовать неустойку от поставщика. Исходя из всего вышесказанного, можно прийти к выводу, что такая система госзакупок была рискованна для обеих сторон, потому что механизм не был строго ограничен нормативной базой.

Так как Закон №2859–1 был по своей сути далек от совершенства, ему на смену пришел №60-ФЗ в 1994 г. Данные нормативно-правовые акты являются схожими, однако №60-ФЗ исправил некоторые недостатки предыдущей версии [3]:

– отношения между заказчиком и поставщиком строго закреплены государственным контрактом, а не на договорной основе, как это было ранее;

– появилось строгое разграничение между федеральными и региональными нуждами, а также источниками их спонсирования;

– государственные контракты формировались на основе целевых программ, что исключало возможность использования системы госзакупок в собственных интересах уполномоченными лицами;

– отказ от неустойки в размере 50% от стоимости недовыполненного заказа, все регулировалось исключительно законодательством и государственным контрактом.

Таким образом, новый закон частично ограничил коррупционные связи и иные мошеннические схемы. Однако последний подпункт имел противоположное значение. Так как не было предусмотрено единой системы штрафов, их размер был полностью зависим от воли заказчика, который мог манипулировать этим. Искусственное завышение могло быть применимо

для того, чтобы получить от поставщика по истечении контракта «откат». Занижение штрафных санкций грозило недобросовестным исполнением обязательств со стороны поставщика. Также такие «щадящие» условия не упразднили махинации с использованием фиктивных организаций, с которыми заключались контракты, а после они банкротились, оставляя деньги при себе или находясь в доле с заказчиком.

Следующим этапом в развитии госзакупок был Федеральный закон №94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», принятый в 2005 г [4]. Если рассматривать его в совокупности с предыдущими версиями, то напрашивается очевидный вывод: этот федеральный закон является бесспорным прорывом в системе законодательства. Если прототипы носили, скорее, чисто теоретический характер и содержали минимум конкретики, то рассматриваемая версия выполнена по модели нормативно-правовой базы, которая применяется по сей день. К колоссальным нововведениям можно отнести следующие:

– единый порядок для всех уровней власти: федеральный, региональный, местный;

– проведение торгов на конкурсной основе позволило одерживать победу любому предпринимателю, предложившему наименьшую цену;

– с темпом научно-технического прогресса появился сайт госзакупок;

– введение большого количества формальных процедур для противодействия коррупции.

В целом, закон сыграл положительную роль в организации и процессе госзакупок, однако был ряд негативных последствий: на регулярной основе поставщики так сильно занижали цены, чтобы получить контракт, что это напрямую отражалось на качестве продукции; отдавалось сильное предпочтение аукционам, при этом недооценивались конкурсы, которые для некоторых видов деятельности, например, для интеллектуальной, были бы более эффективными; обилие сложных формальных процедур, вследствие чего многие старались закупаться у одних и тех же поставщиков, исключая конкурс. Таким образом, можно сделать вывод, что №94-ФЗ имел колоссальный потенциал для своего времени, однако основная проблема – отсутствие контроля качества исполнения договора, ибо, как было отмечено ранее, уклон делали на бюджетности проведения работ.

В 2013 г. был принят новый закон, регламентирующий процесс госзакупок – ФЗ №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5]. Как минимум, исходя из названия, уже можно сделать вывод о первом различии с ФЗ №94-ФЗ: предыдущий закон регламентировал по большей части только размещение заказов, а действующий и актуальный по сей день нормативный акт – все этапы процедуры госзакупок. Положительных аспектов множество: заказчики теперь заранее публикуют планы-графики закупок; максимальная цена на аукционе рассчитывается исходя из действительных цен на рынке по принципу среднего арифметического; введена система требований к закупаемым товарам и услугам и предельным ценам, что нейтрализует риск приобрести необоснованно дорогую продукцию; создана единая информационная система, что делает процесс прозрачным, ведь можно ознакомиться с договором, дополнительными соглашениями и прочими документами прямо на сайте. Также разительным отличием от №94-ФЗ является активное применение антидемпинговых мер: как выше было рассмотрено, основным недостатком предыдущего закона являлось чрезмерное занижение цены, что в современной версии было упразднено. Когда поставщик снижает цену более, чем на 25% от изначальной, он обязуется предоставить обоснование такой низкой суммы и предоставить гарантию, банковскую, например, в повышенном размере, чтобы таким образом гарантировать соответствующее качество поставляемой продукции. Стоит обратить внимание, что порядок процедуры госзакупок сводит к минимуму закупки у одного и того же поставщика, если он не является территориальным монополистом в своей сфере деятельности, например, ЖКХ. Такой порядок способствует снижению коррупционных связей и фиктивных госконтрактов.

Однако, как бы хорошо ни была защищена та или иная сфера юридически, всегда найдутся лица, которые воспользуются пробелом в законе. Одним из самых распространенных способов мошенничества является сотрудничество с аффилированными лицами. Цена может намеренно завышаться до допустимого порога, при котором коэффициент вариации должен быть менее 33% [6]. Одному из аффилированных подрядчиков достанется контракт, после чего он либо исчезнет с этими деньгами, либо поставит товар ненадлежащего качества, сэкономив, и разделит прибыль с заказчиком. Подобная схема расценивается как мошенничество, вследствие чего сговорившимся субъектам грозит 159 УК РФ. Также может быть реализован картельный сговор: требования к продукции «подгоняются» под конкретного участника торгов, чтобы он одержал победу. Дальнейшее развитие ситуации аналогично предыдущему примеру. Фирмы-однодневки тоже используются и в наше время. У заказчиков есть возможность заключать контракт у единственного поставщика, если его сумма составляет менее 600 тыс. руб. Таким образом, крупные организации могут дробить большие контракты и заключать их с фиктивными фирмами-однодневками, после чего те, не способные выполнить обязательства, исчезают с деньгами. Также одной из возможных махинаций можно считать заморозку аукциона, причем осуществляться может с обеих сторон. Поставщики могут подавать жалобы на заказчика, вследствие чего ФАС заморозит на некоторый срок аукцион, тем самым срывая сроки поставок, изначально запланированных организатором торгов. Заказчик может действовать по следующей схеме [7].

1. Компания объявляет закупку по 44-ФЗ и привлекает поставщиков.
2. После определения победителя заказчик отменяет процедуру под предлогом «ошибок в документации».
3. Победителю предлагают заключить прямой договор из-за «срочности поставки».
4. Поставщик отгружает товар на склад, который фактически оказывается фиктивным.
5. После этого связь с заказчиком прекращается.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что законодательство в сфере государственных закупок претерпело множественные изменения. Рассмотрев все этапы эволюции нормативно-правовых актов, можно убедиться в том, что на каждое нововведение находится лазейка, которую возможно впоследствии использовать в собственных интересах. Однако нельзя не обратить внимание на то, что в наше время вероятность совершения мошеннических действий стремительно сводится к минимуму: хотя и остались все те же самые риски, защищенность и заказчика, и поставщика, возросла: ФАС тщательно следит за заключенными контрактами.

Список литературы

1. Закон РФ от 28 мая 1992 г. №2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд»;

2. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 №223-ФЗ;

3. Федеральный закон от 13.12.1994 №60-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»;

4. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 №94-ФЗ;

5. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 №44-ФЗ;

6. Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем): Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 2 октября 2013 года №567 // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153376/ (дата обращения: 03.07.2026). – П. 3.20.2.

7. Гражданский контроль государственных закупок. – URL: https://gkgz.ru/fiktivnye-zakazchiki-vyhodyat-na-rynok-goszakupok-po-44-fz/ (дата обращения: 12.06.2026).

8. Усков В.В. Риски безопасности проведения аукциона застройщиками в современных условиях развития экономической безопасности России / В.В. Усков // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2022 года) / Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 80–90. – EDN AZFPUU.

Манзуллина Илина Ильдаровна
студентка
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»
г. УФА, Республика Башкортостан

ПРОБЛЕМА СОФИНАНСИРОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ И ВНЕШНИХ ГРАНТОДАТЕЛЕЙ

Аннотация: *в статье исследуются актуальные проблемы и особенности процесса софинансирования совместных научных проектов, реализуемых университетами в партнерстве с внешними грантодателями. Анализируются основные механизмы и модели распределения финансовых ресурсов, выявляются препятствия и риски, связанные с координацией и управлением финансами.*

Ключевые слова: *гранты, финансирование, финансовые риски, грантополучатель, грантодатель, грантовое финансирование.*

Совместное финансирование научных грантов университетами и внешними грантодателями становится все более популярной моделью поддержки научных исследований. Такая форма финансирования обеспечивает дополнительные ресурсы, стимулирует межуниверситетские и межотраслевые инициативы, однако сопряжена с рядом финансовых рисков, которые могут негативно сказаться на успешности реализации проектов.

Софинансирование со стороны вуза при получении гранта – это обязательное или добровольное вложение собственных средств университета в проект, реализуемый за счет грантовых средств. Такой подход показывает заинтересованность вуза в реализации проекта и повышает его шансы на получение финансирования, а также способствует более эффективной реализации инициативы.

Основные моменты софинансирования со стороны вуза:

1. Объем софинансирования: Размер собственных средств вуза может варьироваться в зависимости от требований грантодателя и условий конкурса. Обычно он составляет от 10% до 50% от общей стоимости проекта.

2. Формы софинансирования: финансовые вложения, материально-техническая база, услуги, работа сотрудников, предоставление помещений и оборудования [3].

3. Цели софинансирования:

– демонстрация заинтересованности и ответственности вуза.

– повышение конкурентоспособности заявки.

– обеспечение устойчивости реализации проекта.

Преимущества совместного финансирования:

– увеличение объёма ресурсов для масштабных и долгосрочных проектов.

– распределение рисков между участниками.

– повышение практической значимости исследований за счёт участия бизнеса.

– доступ к дополнительным ресурсам (оборудование, базы данных, экспертиза партнёров).

– укрепление партнёрских связей.

– рост конкурентоспособности университета на национальном и международном уровнях.

– стимулирование коммерциализации научных разработок.

Этапы реализации проекта с софинансированием.

1. Подготовка заявки: согласование целей, бюджета, ролей участников.

2. Заключение соглашений: договоры между университетом и грантодателями, фиксация долей софинансирования.

3. Реализация проекта: координация действий, мониторинг расходования средств.

4. Отчётность: предоставление отчётов каждому грантодателю с учётом их требований.

5. Оценка результатов: анализ эффективности проекта и перспектив дальнейшего сотрудничества [1].

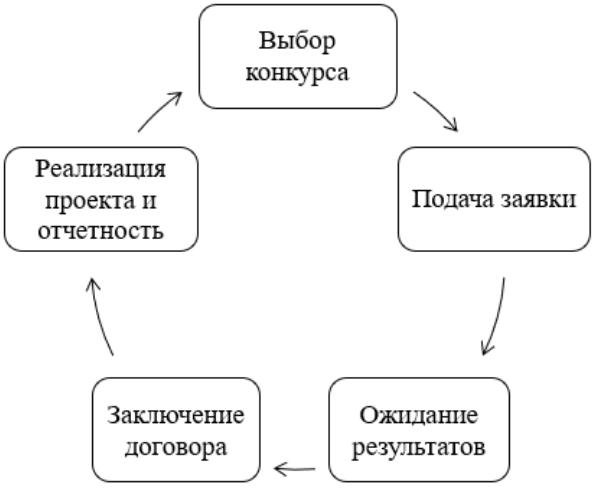


Рис. 1. Основные этапы получения гранта

Финансовые и ресурсные ограничения.

1. Недостаток финансирования. Нехватка внутренних ресурсов ограничивает возможности вузов по участию в совместных проектах, особенно если они требуют значительных инвестиций в оборудование, лаборатории или цифровые платформы.

2. Требования к софинансированию. В некоторых случаях грантодатели устанавливают жёсткие условия по размеру и условиям софинансирования проекта, что может быть сложно выполнить, особенно для небольших вузов или в условиях ограниченного бюджета.

3. Проблемы с материально-технической базой. Устаревшая инфраструктура многих вузов не соответствует современным стандартам, что затрудняет проведение передовых исследований и снижает шансы на получение финансирования [2].

Меры по решению вышеизложенных проблем:

1. Развитие систем управления проектами и грантовых программ. Создание специализированных подразделений для администрирования проектов, внедрение автоматизированных систем учёта и отчётности.

2. Повышение квалификации сотрудников в области финансового менеджмента, управления проектами и работы с международными стандартами.

3. Использование механизмов связанных грантов, которые стимулируют партнёрство университетов и компаний, например, в инновационной сфере.

4. Развитие программ поддержки междисциплинарных исследований и сотрудничества с индустриальными партнёрами.

5. Совершенствование правовой базы для более чёткого регулирования отношений между участниками грантового процесса.

Сотрудничество университетов с внешними грантодателями является важным инструментом развития науки и инновационной деятельности. Оно открывает широкие возможности для проведения масштабных исследований, повышения качества научных результатов и укрепления позиций университета. Однако для достижения максимальной эффективности необходимо преодолевать существующие проблемы, выстраивая системные механизмы взаимодействия и развития партнерских отношений. Только при таком подходе сотрудничество сможет стать драйвером научного прогресса и устойчивого развития высшего образования.

Список литературы

1. Лавриненко Я.Б. Эмпирическое исследование грантовой поддержки научных исследований в российских университетах / Я.Б. Лавриненко, В.И. Тинякова, Л.А. Шишкина // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, №1. – С. 471–484. DOI 10.18334/vinec.13.1.117296. EDN GPGPKC
2. Шапиева А.В. Грантовая поддержка молодёжи: учеб. пособие / А.В. Шапиева; ФГБОУ ВО «Забайкальский гос. ун-т». – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2018. – 123 с.
3. Белявский О.В. Научные и образовательные организации как участники грантовых правоотношений / О.В. Белявский // Образование и право. – 2018. – №9. – С. 237–244. EDN YNJLYT

Мирзабекян Анастасия Сергеевна
студентка
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОБЛЕМЕ

Аннотация: *в статье рассматривается коррупция в России как системная угроза безопасности. Особое внимание уделяется здравоохранению и образованию, где взяточничество негативно влияет на молодежь. Предлагается стратегия, включающая меры принуждения и превентивные инструменты: прозрачность финансов, стимулирование госслужащих, развитие гражданского общества. Победа над коррупцией требует политической воли и преодоления восприятия взяток как нормы.*

Ключевые слова: *коррупция, угроза национальной безопасности, правовой нигилизм, административная рента, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, теневая экономика, гражданское общество, социальная деградация, взятка.*

Коррупция в России стала системообразующим фактором, пронизывающим все социальные слои, от бытового до бюрократического. Это делает её уникальной угрозой, отличающейся от других видов преступности. Традиционные уголовные деяния осуждаются обществом, тогда как коррупция часто воспринимается как справедливый обмен в условиях дефицита публичных благ.

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующее законодательное поле, включая Федеральный закон «О противодействии коррупции», демонстрирует парадоксальную неэффективность. Причина кроется не в юридических коллизиях, а в особенностях общественного сознания, где взятка не ассоциируется с аморальностью или уголовной ответственностью. Бакаев фиксирует тревожную картину. Для большинства граждан коррупционный контакт выступает бытовой условностью, подобной оплате услуги. Это приводит к формированию «иллюзии выгоды». Участник мздоимства получает краткосрочный позитивный результат (ускоренная госуслуга, «нужный» диагноз, диплом), но долгосрочный ущерб для общества – деградация инфраструктуры, рост теневого сектора – оказывается экстернализированным, то есть вынесенным за рамки его моральной ответственности.

Результирующие эффекты коррупции для национальной безопасности носят полисистемный характер. В экономической сфере, как подчеркивает Архипов, коррупционные потоки конституируют обширный сектор теневой экономики, продуцируя хронический бюджетный дефицит и нецелевое расходование государственных ресурсов. Масштабы этого явления таковы, что отдельные исследователи оценивают теневой сектор в России в 20–40% ВВП,

причём значительная доля этих средств циркулирует именно через механизмы административной ренты и откатов при госзакупках.

Инвестиционная привлекательность страны падает катастрофическими темпами. Транзакционные издержки бизнеса, связанные с необходимостью преодоления коррупционных барьеров (согласования, разрешения, сертификации), становятся сопоставимыми с налогами. Стратегический инвестор, оперирующий длинными деньгами, никогда не войдёт в юрисдикцию, где контрактное право подменяется личной договорённостью. Криминологический аспект, выделяемый Гаухманом, заключается в том, что коррупционные сети становятся питательной средой для общеуголовной, террористической и экстремистской преступности. Именно через коррумпированных чиновников происходит легализация наркотрафика, оборот оружия и «крышевание» незаконных миграционных потоков.

Наиболее тяжёлые последствия лежат в социальной плоскости. Системная коррупция ведёт к моральному разложению и деградации человеческого потенциала. Когда статус и доступ к благам определяются не компетенциями, а размером взятки, общество запускает механизм негативного отбора – на вершину иерархии поднимаются не профессионалы, а ловкие оппортунисты.

Парадоксальным образом попытки институционального упорядочивания сталкиваются с пассивным, но эффективным сопротивлением социума, который выстраивает альтернативные каналы доступа к благам. Аникин отмечает, что глубинные слои общественного сознания воспринимают взятку не как преступление, а как «дело житейское». Это создаёт уникальную ситуацию: борьба с коррупцией тормозится не только из-за сопротивления чиновников, но и из-за отсутствия запроса на эту борьбу со стороны обывателя, который сам использует взятки в быту.

Наиболее поражёнными сферами, определяющими ключевые параметры качества жизни нации (здоровье, продолжительность жизни, образовательный и когнитивный потенциал), являются здравоохранение и образование. Конкретные проявления здесь выражаются в следующем:

1) взятки за поступление в вузы и сдачу ЕГЭ;

2) фиктивные дипломы и диссертации, обесценивающие высшее образование;

3) «благодарности» врачам за доступ к качественному лечению, операциям или дефицитным препаратам;

4) искусственное затягивание бесплатных процедур для стимулирования платного приёма.

Пагубнейшим следствием является формирование с раннего детства установки на взятку как нормальный способ решения проблем. Ребёнок, видящий, как его родители «договариваются» с учителем или заведующим отделением, инкорпорирует эту модель как естественный алгоритм поведения. К 18–20 годам это уже полностью сформировавшийся коррупционный агент, который не испытывает внутреннего сопротивления при передаче незаконного вознаграждения.

Ключевым фактором усиления коррупционных рисков здесь выступает дефицит квалифицированных кадров и неадекватное материальное стимулирование. Наиболее компетентные специалисты мигрируют в частный сектор с конкурентной оплатой труда. Оставшийся же в государственной клинике или школе педагог оказывается в институциональной западне: формально являясь бюджетником, он вынужден искать неформальные источники дохода для выживания. Непрозрачность механизмов финансирования создаёт идеальную среду для сокрытия нелегальных транзакций и имитации бурной деятельности.

Правовая доктрина предпринимает попытки создания институциональных заслонов. В правотворческую практику внедрён механизм антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, направленный на выявление типичных юридико-технических лазеек (коррупциогенных факторов): широта дискреционных полномочий, наличие двусмысленных отсылочных норм, отсутствие чётких административных процедур.

Хабибулин справедливо указывает, что правовая норма должна формулироваться с предельной чёткостью, без избыточных отсылочных положений. Однако исключительно юридико-экспертной деятельностью проблему не решить. Корень зла кроется не в качестве текстов законов, а в избыточном государственном регулировании, которое душит предпринимательскую инициативу. Когда для открытия небольшого кафе требуется 30–40 разрешений, взятка становится рациональным способом упрощения этих громоздких процедур.

Для минимизации коррупции необходим комплексный подход, выходящий за рамки ужесточения наказаний (статья 290 УК РФ). Эмпирические данные показывают, что повышение санкций без изменения условий среды приводит лишь к росту цены риска, но не к исчезновению самого явления.

Для борьбы с коррупцией и повышения эффективности госуправления необходимо следующее.

1. Повысить зарплаты госслужащим, чтобы они соответствовали средней по стране, и привлечь квалифицированных специалистов.
2. Внедрить строгий контроль расходов с прозрачным бюджетом, регулярными отчетами и независимым аудитом.
3. Создать независимые антикоррупционные органы с реальными полномочиями.
4. Перейти на электронные платформы для госзакупок для обеспечения прозрачности.
5. Сократить бюрократические барьеры и ввести уведомительный принцип для упрощения административных процедур.
6. Проводить просветительскую работу и формировать культуру честности через медиа и тренинги.

Список литературы

1. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения / А.Г. Хабибулин // Журнал российского права. – 2007. – №7. – С. 290–300.
2. Аникин А. Противодействие коррупции / А. Аникин // Законность. – 2006. – №5. – С. 170–176.

Михалев Данил Алексеевич
аспирант, преподаватель
Набережночелнинский институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Набережные Челны, Республика Татарстан

БАЙЕСОВСКИЙ ПОДХОД К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ УГРОЗ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация*: в статье обосновывается применение байесовского подхода для прогнозирования угроз технологическому суверенитету в системе экономической безопасности. В качестве перспективного инструмента предлагается использование динамических байесовских сетей с непрерывными переменными. Предложенный подход обеспечивает большую робастность прогнозов в условиях стрессов и структурных сдвигов по сравнению с частотными методами. Полученные результаты подтверждают перспективность динамических байесовских сетей для обоснования стратегических решений по обеспечению экономической безопасности и технологического суверенитета.*

Ключевые слова*: байесовские сети, технологический суверенитет, экономическая безопасность, прогнозирование, неопределенность, экономические шоки.*

Развивая в экономической науке байесовский подход к прогнозированию угроз технологическому суверенитету в системе экономической безопасности, целесообразнее использовать динамические байесовские сети. В рамках экономической теории они позволят учитывать временную динамику экономических процессов, инерцию технологических изменений и запаздывающие эффекты от объема инвестиций в экономику, государственной политики, а также накопление рисков под влиянием внешних и внутренних шоков. Как

отмечает О.Г. Алешина, экономические шоки представляют собой «разрушение структурных связей» в системе, приводящее к необходимости поиска нового равновесия, и их анализ требует учета как экзогенных, так и эндогенных факторов [1, с. 40]. Динамические байесовские сети представляют для этих целей эффективный вероятностный инструментарий.

Они строятся как последовательность временных срезов, где каждый срез – это состояние показателей в определенный момент времени, а межвременные дуги показывают, как прошлые значение влияют на будущие. Это соответствует базовым принципам байесовское методологии: априорные представления об экономических связях обновляются новой информацией с помощью теоремы Байеса, формируя более точные апостериорные оценки. Л.С. Звягин подчеркивает, что «главным отличием байесовской методологии от различных других подходов является то, что исследователь еще до получения необходимых данных определяет уровень доверия к возможным моделям и затем представляет эту модель в виде определенных вероятностей. Затем, используя теорему Байеса, исследователь находит еще одну совокупность вероятностей, являющихся пересмотренными уровнями доверия к возможным моделям, при этом учитывая новую полученную исследователем информацию [3, с. 30]. Аналогичный механизм обновления вероятностей на основе априорных знаний и поступающих данных применяется в современных экономических прогнозах [4, с. 181].

Развивая идеи предыдущих исследований [2], постепенно направляясь к нужному результату отметим, что при моделировании угроз технологическому суверенитету в системе экономической безопасности целесообразно использовать байесовские сети с непрерывными переменными. В этом случае каждая величина описывается нормальным распределением, а зависимость между узлами сети может быть представлена в виде линейной регрессии (1):

$$X_i = \beta_{i0} + \sum_{j=1}^{k} \beta_{ij} X_j + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где X_i – исследуемый показатель технологического развития, β_{ij} – коэффициенты влияния родительских узлов, а ε_i – случайная ошибка, имеющая нормальное распределение с математическим ожиданием равным нулю и дисперсией σ_i^2

В динамическом варианте модели указанное уравнение дополняется межвременными срезами (2):

$$X_i^{(t)} = \beta_0 + \sum_j \beta_j X_j^{(t)} + \sum_k \gamma_k X_k^{(t-1)} + \varepsilon_i^{(t)}, \quad (2)$$

коэффициенты γ_k показывают силу влияния предыдущих периодов. Благодаря этому сеть учитывает важные экономические эффекты, например, высокую импортозависимость, то есть настоящий уровень во многом определяется предыдущими периодами и накопленными технологиями и созданными цепочками поставок; запаздывающий эффект инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (далее – НИОКР), в этом случае результаты финансирования проявляются с существенной задержкой во времени от 3 до 7 лет в минимальной перспективе; постепенное накопление позитивных или негативных изменений в уровне технологического суверенитета. Необходимо также обозначить узлы сети: санкционные ограничения (ВС), уровень импортозависимости по критическим технологиям (ИЗ), объем и эффективность инвестиций в НИОКР (ИНИОКР), квалификация кадров в высокотехнологичных секторах экономики (КК), доля отечественных разработок (ДОТ), интегральный уровень технологического суверенитета (ТС) и экономической безопасности (ЭБ).

Механизм функционирования модели включает несколько последовательных стадий. Сначала формируются априорные распределения параметров ($\beta\, \gamma\sigma^2$) на основе данных статистики, экспертных оценок и результатов исследований. Далее строится начальная сеть B_0 для момента t = 0 и переходная сеть B-вектор, описывающая условные зависимости между временными срезами. При поступлении новой информации или данных, например,

ежеквартальной статистики, сведений о новых санкциях или достигнутых результатов по НИОКР происходит байесовское обновление апостериорных распределений всех зависимых узлов (рис. 1).

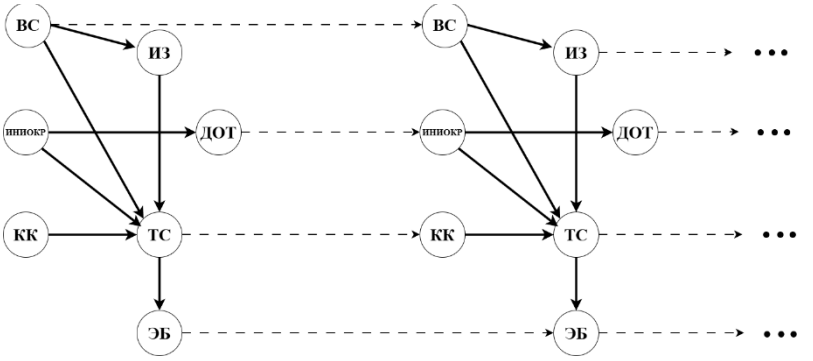


Рис. 1. Байесовская сеть прогнозирования угроз технологического суверенитета в системе экономической безопасности

Как отмечает группа исследователей, байесовские методы дают возможность «обновлять...апостериорные значения параметров...основываясь на априорном распределении вероятностей и исходов из новых данных» [4, с. 181].

Преимущества динамических байесовских сетей в экономическом анализе заключается прежде всего в естественной работе с неопределенностью, характерной для процессов обновления технологических укладов и протекающих геополитических противостояний. Модель позволяет учитывать системные риски и корреляционные каскады, демонстрируя большую робастность по сравнению с частотными методами максимального правдоподобия. М.Г. Успаева и А.М. Гачаев отмечают, что в условия стрессов и структурных сдвигов байесовские оценки «обладают большей устойчивостью и лучше отражают системный характер риска» [6, с. 340]. Кроме того, динамических подход поддерживает сценарное моделирование долгосрочных последствий экономической политики [5].

Несмотря на очевидные преимущества, применение динамических байесовских сетей имеет определенные недостатки. К их числу относится необходимость экспертного подтверждения структуры сети и условных зависимостей, а также вычислительная сложность при большом числе узлов и длительном горизонте прогнозирования. Однако эти ограничения преодолеваются путем комбинирования статистических данных с экспертными оценками, использования современных алгоритмов МСМС (Гиббса и Метрополиса-Гастингса) [6, с. 339].

Таким образом, внедрение динамических байесовских сетей позволяет повысить обоснованность стратегических решений в сфере экономической безопасности и технологического суверенитета, открывая перспективы создания нового пригодного для данных целей инструментария, и гармонично дополняя существующие модели, усиливая их вероятностный и динамических компонент в условиях неопределенности.

Список литературы

1. Алешина О.Г. Внешние и внутренние шоки в экономике: методология / О.Г. Алешина // Экономика и управление инновациями. – 2022. – №2 (21). – С. 39–60. – DOI 10.26730/2587-5574-2022-2-39-60. – EDN LTMRUU

2. Ваславская И.Ю. Совершенствование инструментария обеспечения технологического суверенитета в условиях роста системных угроз / И.Ю. Ваславская, Д.А. Михалев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2026. – №1. – С. 5–10. – DOI 10.17513/vaael.4459. – EDN TZANNC

3. Звягин Л.С. Метод байесовских сетей и ключевые аспекты байесовского моделирования / Л.С. Звягин // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. – 2019. – Т. 1. – С. 30–34. – EDN VYDMBX.

4. Зибирев О.Н. Байесовские методы в экономическом прогнозировании / О.Н. Зибирев, А.В. Шутко, С.Г. Руднев // Индустриальная экономика. – 2023. – №6. – С. 180–186. – DOI 10.47576/2949-1886_2023_6_180. – EDN MOYUFO

5. Карева Д.Е. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд второй / Д.Е. Карева, В.В. Шмат // ЭКО. – 2015. – №12 (498). – С. 45–65. – EDN UYXEFN
6. Успаева М.Г. Байесовские и частотные подходы к калибровке структурных моделей кредитного риска с учетом редких дефолтных событий и корреляционных каскадов в финансовых сетях / М.Г. Успаева, А.М. Гачаев // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, №11–1. – С. 339–349. – DOI 10.34670/AR.2026.19.92.049. – EDN JWYRQF

Ожаровская Дана Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-168060

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация: *в статье рассматривается один из видов правонарушений в сфере банкротства, а именно случаи, когда субъектом противоправных действий выступает не должник, а арбитражный управляющий. В отличие от распространённой практики сокрытия имущества самим банкротом с целью уклонения от возврата заёмных средств, в данной работе акцент сделан на нарушениях, совершаемых лицами, осуществляющими процедуру банкротства. Исследуются правовые и организационные аспекты злоупотреблений со стороны арбитражных управляющих, а также возможные механизмы противодействия таким нарушениям.*

Ключевые слова: *банкротство, махинации с банкротством, арбитражный управляющий.*

Арбитражный управляющий – это обязательный участник судебной процедуры признания несостоятельности. Его статус подробно описан в №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ст. 213.9. Кандидатуру управляющего утверждает арбитражный суд. Уполномоченное лицо, которое должно соблюдать баланс интересов сторон в процедуре банкротства. Он исполняет функцию связующего между всеми участниками процесса банкротства: судом, кредиторами, должником и другими лицами, привлекаемыми к рассмотрению спорных вопросов. Как третье незаинтересованное лицо, необходим для того, чтобы пресекать злоупотребление данным правом предпринимателей в корыстных целях.

Арбитражный управляющий имеет право вынести имущество организации на торги, чтобы с этой суммы покрыть долг перед кредиторами. Это его единственная возможность присвоить имущество себе. Поскольку он назначает цену за ликвидные активы, то он может её занизить для выставления на аукцион, чтобы перепродать в дальнейшем по рыночной стоимости через аффилированные лица. То есть выгода данной махинации для него – разность между реальной стоимостью того, что он выносит на торги, и суммой долга банкротящейся организации. Подобная афера вполне реальна к реализации и было достаточно её прецедентов, но по общедоступной статистике из федеральных ресурсов, нельзя установить частоту подобных происшествий, поскольку вина арбитражного управляющего в этом случае очень трудно доказуема, если нет вещественных улик сговора.

Из доступных источников информации, представлен график по совершенным преступлениям по количеству банкротящихся предприятий; количеству с введением наблюдения за организациями, подавшими на банкротство; количеству предприятий, в которые ввели внешнего управляющего (приобщения арбитражного управляющего в процесс банкротства); количество поданных исков насчет правонарушения во время банкротства и число удовлетворенных исков, а также количество осужденных по УК РФ ст. 195. ч. 1. Именно по этим

статьям арбитражный управляющий несет ответственность за свои неправомерные поступки перед законом, обе статьи имеют общую суть: несение ответственности за сокрытие имущества и реальной стоимости активов банкротящегося предприятия. Разница лишь в мерах нанесенного ущерба и меры последующего наказания.

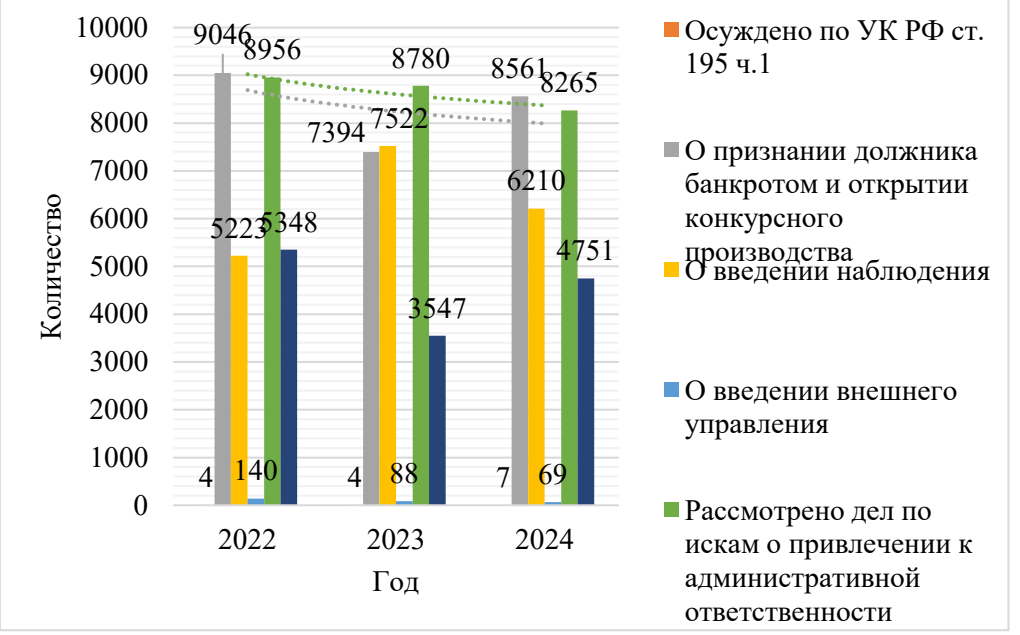


Рис. 1. Сравнительная гистограмма за период 2022–2024 гг.

Исходя из приведенного графического анализа можно сделать вывод о том, что ежегодное количество хозяйствующих субъектов, признанных банкротом по решению суда, соразмерно количеству исков, отправленных в арбитражный суд для привлечения к административной ответственности. Стоит заметить, что половину из них не удовлетворяют. По линии тренда оба показателя не имеют сильно выраженного убывания или возрастания, что может быть индикатором существующей проблемы. Отсутствие жестких мер наказания, а также трудное доказательство вины влечет за собой увеличение склонности к совершению неправомерных действий, что доказывают множество исследований в области расследования финансовых преступлений.

Для рациональной оценки вероятности успешного совершения преступления от лица арбитражного управляющего далее используется формула Беккера-Эрлиха по концепции экономической теории преступления

$$Y^U = Y^0 + W_S(t_j) - F(t_i) + W_U(t_i),$$

где F – тяжесть наказания (в денежном эквиваленте);
Y_0 – имущественное состояние изначально;
W_S – доход, полученный от совершения махинации;
t_i – время, потраченное в периоде t на нелегальную деятельность;
W_U – доход от добросовестного исполнения обязанностей;
t_j – время, потраченное на добросовестное исполнение обязанностей;

Исходя из ФЗ-127 ст.20.6 о вознаграждении арбитражного управляющего в деле о банкротстве, определяется легальный доход как 30,000.00 руб. в месяц и также 25,000.00 руб. единовременной выплатой. Максимальный штраф по КоАП РФ ст. 14.13. составляет 100,000.00 руб., а по УК РФ ст. 195 ч.1 максимальный штраф это 2,000,000.00 руб., а доход, извлеченный из разницы между реальной и оценочной стоимостью может варьироваться от конкретного объекта и масштаба долговых обязательств предприятия перед кредиторами, поэтому данная переменная так и остается переменной в формуле.

$$EU = (1 - p) \times U(Y^S, t_i) + p \times U(Y^U, t_j),$$

где EU – ожидаемая преступником полезность от совершения преступления;
U – функция полезности преступления для преступника;
p – вероятность поимки и последующего наказания.

Вероятность субъективно мала, в случае с уголовной статистикой, что делает ожидаемую полезность выразительной, особенно в случае, если Yu превышает сумму штрафа. Также в данной махинации нарушается принцип формулы, заключающийся в разделении своего времени на правомерную и преступную деятельность, поскольку само преступление осуществляется во время законной деятельности, отчего альтернативные издержки по формуле упущенной выгоды сводятся к нулю.

Инициатор махинации находится в выгодной ситуации, а поскольку владелец хозяйствующего субъекта не может вмешиваться в процесс банкротства, это накладывает эффект беспомощности, когда на ситуацию невозможно повлиять, при условии того, что с высокой вероятностью апелляцию отклонит суд. Также и арбитражного управляющего назначают случайным образом лишь относительно, такое правило ограничивает тех предпринимателей, кто желает совершить махинацию, но также и ограничивает добросовестных бизнесменов, у которых возникли проблемы с погашением кредитных обязательств по объективным причинам.

Отсюда возникает необходимость внесения дополнения к законодательству, которое бы обязывало привлечение независимого эксперта, которой будет являться аудиторская компания, имеющая лицензию. С использованием уже существующего реестра аудиторских независимых фирм, составление реестра с аккредитацией – аудиторы, прошедшие проверку СРО. Или ввести новый вид лицензии для тех аудиторских компаний, что будут брать госзаказы на проведение аудита по запросу от арбитражного суда.

Таким образом в рассмотрение дела о банкротстве будет включен дополнительный этап:

1) принятие заявления о банкротстве юридического лица судом;
2) решение суда об обоснованности заявления;
3) начало процедуры признания юридического лица банкротом;
4) наблюдение;

Назначение аудиторской проверки. Выбор арбитражным судом независимой аудиторской организации осуществляется из Списка независимых аудиторских организаций в порядке возрастания номеров, начиная с независимой аудиторской организации, имеющей первый порядковый номер в Списке независимых аудиторских организаций.

5) финансовое оздоровление;
6) внешнее управление;
7) конкурсное производство;
8) исключение юридического лица из ЕГРЮЛ.

Вознаграждение оказываемой услуги независимой аудиторской организацией будет закреплено также в законодательстве, только фиксированной суммой, поскольку определение времени на предоставление полного аудиторского заключения обычно составляет 3 месяца, за исключением подачи заявления об отсрочке при объективных обстоятельствах. Либо в фиксированном выражении процента от суммы баланса организации, подвергаемой аудиту.

Процесс банкротства затянется в следствие дополнения процедурой аудита на квартал, что никак не скажется на сумме долга организации перед кредиторами, поскольку начисление процентов по долгу останавливается в момент признания организации-банкротом. При перекрестном проведении анализа материальной и бухгалтерской составляющих организации, исключаются ошибки пересчета. Стоимость проведения процедуры банкротства и так поднялась за последние годы, потому будет не лишним дополнить её важным элементом, который будет исключать возможность неправильной оценки имущества организации, тем самым сократит случаи нанесения ущерба кредиторам и самому должнику.

Сговор «аудитор + арбитражный управляющий» возможно аннулировать системой подбора, если внести запрет на повторное назначение той же группы лиц на судопроизводство в течение 3 лет. И требование случайной ротации обоих.

Поскольку аудит осуществляется в первую очередь на основе документов и первичной документации, то при попытке сокрытия её должником, проведение аудита становится нереализуемо. На такой случай дополнительно ввести «презумпцию недобросовестности», если должник не предоставил необходимые документы аудиторской организации, тогда аудитор имеет право сделать заключение на основе косвенных данных (выписки банков, данные контрагентов, гос. реестры). А также во избежание сокрытия имущества до начала процедуры банкротства, необходимо обязать должника предоставить документацию в том виде и определении, что необходима по нормам для проведения аудита всей бухгалтерии.

Пример того, как может выглядеть дополнительный пункт в ФЗ «О несостоятельности»: «После введения процедуры наблюдения арбитражный суд в обязательном порядке назначает независимую аудиторскую проверку достоверности бухгалтерской отчётности должника и наличия/стоимости активов. Аудиторская организация назначается из утверждённого Судом при Верховном Суде РФ реестра методом случайного выбора (по порядковому номеру с ротацией привлекаемого арбитражного управляющего). Вознаграждение аудитора – фиксированная сумма, кратная МРОТ, либо 0,5% от балансовой стоимости активов, не более 1 000 000 рублей. Срок проверки – 3 месяца, с возможностью едино разового продления на 2 месяца по мотивированному ходатайству. Заключение аудитора является обязательным для принятия решения о введении последующих процедур».

Подобная мера может столкнуться с определенными рисками сопротивления со стороны общества, поскольку это вызовет удорожание процедуры банкротства вновь, а также некоторые юридические затруднения с внедрением нового закона и последующие за этим разработки полной концепции введения аудитора, как дополнительное звено, регламентирование его ответственности, прав и обязанностей.

А пока на данный момент ключевым уязвимым местом действующей процедуры банкротства остается *отсутствие обязательной независимой верификации* бухгалтерской отчётности должника и стоимости его активов на момент введения процедуры. Именно на этом этапе арбитражный управляющий (действующий добросовестно или недобросовестно) получает возможность легитимировать заниженную оценку имущества, что в дальнейшем делает невозможным полное удовлетворение требований кредиторов или ущемляет интересы владельцев банкротящейся организации.

Список литературы

1. Судебная статистика РФ. Уголовная статистика: форма №14 (по ст. 275 УК РФ «Государственная измена»). – URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 24.05.2026).

2. Федеральный ресурс. Банкротство статрелиз 2025: статистический обзор / Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. – URL: https://clck.ru/3UTgGu (дата обращения: 24.05.2026).

3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.12.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/580ce99bb535ff0732425243dee69a925bfe56ac/ (дата обращения: 24.05.2026).

4. Усков В.В. Классические методы оценки государственного противодействия экономическим преступлениям в России / В.В. Усков, Д.Н. Полтораченко // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, № 2. – С. 22–32. – DOI 10.55186/2413046X_2025_10_2_35. – EDN QATDCC.

5. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/cd9e7b3faed04ce5a1863ac280a28ee438df0280/ (дата обращения: 24.05.2026).

Сидоренко Кирилл Вадимович
студент
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается комплексный анализ влияния экономических санкций на ключевые секторы экономики Российской Федерации. Представлены подробные хронология и типология антироссийских санкций, динамикой ВВП. Особое внимание также уделяется мерам адаптации политики государства по отношению к запретам: валютные ограничения, параллельный импорт, субсидирование, переориентация торговли на «дружественные» страны, переход на национальные валюты (БРИКС, ЕАЭС, ШОС).*

Ключевые слова: *санкции, Российская Федерация, экономика, адаптационная политика, макроэкономические последствия.*

Актуальность темы заключается с санкционным давлением на Россию, которое кардинально изменило условия функционирования национальной экономики и требует всестороннего анализа её адаптационных возможностей.

Санкционное давление, оказываемое на Россию начиная с 2014 года и резко усиленное в период 2022–2024 годов, стало беспрецедентным явлением в новейшей экономической истории. Чтобы проанализировать макроэкономические последствия и меры адаптации, необходимо четко представлять хронологию развития этих ограничений, и уметь классифицировать сами вводимые ограничения.

Цель данной статьи – общий анализ влияния антироссийских санкций на экономику Российской Федерации, включающий три взаимосвязанных блока: *систематизацию санкционного давления, эмпирическую оценку макроэкономических последствий, изучение адаптационной политики.*

Санкции делятся на определенные этапы. Первый этап: 2014–2021 годы – отраслевые санкции. Санкционное давление началось после присоединения Крыма в 2014 году и носило точечный характер. Первоначально были введены персональные санкции против конкретных лиц и компаний, а затем ограничения затронули три ключевые сферы экономики. Однако в этот период Россия сохраняла доступ к SWIFT, резервы Центрального Банка РФ не были заморожены, а экспорт углеводородов в Европу продолжал расти.

Второй этап: 2022 год – глобальное расширение. Февраль-март 2022 года стал переломным моментом. Во-первых, *заморожена значительная часть золотовалютных резервов ЦБ* – около 300 млрд долларов. Во-вторых, крупнейшие банки *отключены от SWIFT*. В-третьих, введен *официальный запрет на импорт российских энергоносителей* – угля, нефти, газа. За несколько недель Россия оказалась отрезанной от значительной части мировых рынков капитала, технологий и традиционных экспортных направлений.

Третий этап: 2023–2026 годы – вторичные санкции и ужесточение потолка цен. Во-первых, активно развиваются *вторичные санкции* – давление оказывается не только на российские, но и на иностранные компании из Китая, Турции, ОАЭ, Казахстана, которые помогают обходить ограничения. Во-вторых, *ужесточён потолок цен на нефть* – лимит в 60 долларов за баррель. На этом этапе санкции превратились в инструмент долгосрочного сдерживания технологического развития и экспортных доходов России [1, с. 44].

Теперь перейдем к классификации. Санкции делятся на четыре группы. *Первая группа – финансовые санкции.* Это самый мощный удар. Сюда входят: заморозка активов ЦБ,

отключение банков от SWIFT, блокировка счетов бизнесменов. Цель – лишить Россию внешнего финансирования и возможности проводить международные расчёты в долларах и евро.

Вторая группа – торговые санкции. Они делятся на экспортные и импортные. Экспортные ограничения касаются вывоза из России: под запрет попали нефть, уголь, алмазы. Импортные ограничения касаются ввоза в Россию: запрещены высокие технологии, микроэлектроника, авиадвигатели и так далее. Это попытка отрезать российскую промышленность от современных тенденций.

Третья группа – персональные и корпоративные санкции. Под них попали сотни физических лиц (представители власти, бизнеса, госкомпаний) и тысячи юридических лиц. Их активы замораживаются, а лицам запрещён въезд в страны, устанавливающие санкции.

Четвёртая группа – транспортно-логистические санкции. Запрещён вход российских судов в порты стран ЕС, запрещены полёты российской авиации в воздушном пространстве Европы, США и Канады, ограничены автомобильные перевозки. *Таким образом*, санкционное давление прошло три этапа: от отраслевых ограничений через глобальное расширение до вторичных санкций.

Падение российской экономики в 2022 году оказалось менее глубоким, чем прогнозировали большинство экспертов. ЦБ РФ ожидал снижение Внутреннего Валового Продукта на 8–10%, но тем не менее фактический спад составил около 2,1% по данным Росстата. В 2023 году прирост ВВП составил около 3,6%, в 2024 году – примерно 3–4%. Однако восстановление неравномерно: больший вклад внесли обрабатывающая промышленность (особенно оборонный сектор) и строительство, тогда как спектр торговли и услуг восстановился лишь частично.

Вот как можно представить ключевые показатели инфляции по годам и месяцам (табл.).

Таблица

Месяц/Год	Годовая инфляция, %	Курс доллара (руб.)	Ключевая ставка, %
01.03.2022	-	>120	9,5 → 20
Апрель 2022 (пик)	17,8	~90–110	20
Июнь-Август 2022	~15 (оценка)	50–60	15–10
01.12.2022	11,9	~70	7,5
01.06.2023	3–4	~80	7,5–10
01.12.2023	~7 (оценка)	~90	16–18
01.05.2024	~8–9 (оценка)	>100	16–18

На фоне сжатия экономики рынок труда столкнулся не с ростом безработицы, а с острым дефицитом кадров. Уровень безработицы опустился до исторического минимума – 2,8–3,0% в 2023–2024 годах. Причины: отток трудовых мигрантов, частичная мобилизация (около 300 тыс. человек), эмиграция высококвалифицированных специалистов (IT-инженеры, врачи, учёные), а также рост спроса на рабочую силу в оборонной промышленности и импортозамещающих производствах. Таким образом, макроэкономические последствия санкций оказались менее разрушительными, чем первоначальные прогнозы, однако экономика переживает структурную перестройку, сопровождающуюся инфляцией, дефицитом кадров [2, с. 20].

Столкнувшись с огромным количеством введенных санкций со стороны ЕС и США в отношении Российской Федерации, правительство оперативно начало размещать комплекс защитных механизмов. В мае 2022 года государство легализовало ввоз товаров без разрешения правообладателей. Перечень включал тысячи позиций: от автомобилей до

микроэлектроники и медицинского оборудования. По данным Минпромторга, за 2022–2024 годы объём параллельного импорта превысил 30 млрд долларов. Наибольший эффект достигнут в сегментах и автопрома. Однако проблема подлинности товаров и отсутствие заводской гарантии ограничили доверие бизнеса. Западные регуляторы ответили вторичными санкциями: ряд банков в этих республиках попал под блокирующие меры, что вынудило их ужесточить комплаенс. В результате к концу 2024 года «серый» импорт усложнился, наценки выросли до 30–50%.

С целью поддержки системообразующих предприятий правительство инициировало программу льготного кредитования с ставками в диапазоне 3–10% годовых, при этом банки получали компенсацию за недополученную маржу (разница между ценой продажи товара и его себестоимостью (затратами на производство или закупку), выраженная в деньгах). Эти меры помогли поддержать строительную отрасль, однако привели к росту стоимости жилья на 20–30% в крупнейших городах [3, с. 2].

Санкции вынудили Россию развернуть экспортно-импортные потоки с Запада на Восток и Юг. Если в 2021 году около 55% внешнеторгового оборота приходилось на ЕС и США, то к концу 2024 года их доля упала ниже 15%. В абсолютных цифрах товарооборот с Китаем достиг рекордных 240 млрд долларов в 2023 году. В рамках БРИКС, ЕАЭС и ШОС ускоренно внедрялись расчёты в рублях, юанях, дирхамах ОАЭ, рупиях и тенге. Доля доллара и евро в экспортных расчётах России сократилась с 70–80% до 45–50%. Сдвиг во внешнеэкономической карте привёл к доминированию Китая и Турции и увеличению объёма расчётов в национальных валютах, но при этом породил риски вторичных санкций.

Санкции не спровоцировали экономического краха, однако спровоцировали устойчивые структурные изменения: рост роли государства, смещение акцентов в сторону Азии, дефицит передовых технологий и квалифицированных кадров. Успешность дальнейшего развития будет определяться способностью России создавать собственные инновационные решения и справляться с региональными диспропорциями.

Список литературы

1. Мигранян А.А. Влияние экономических санкций: научные подходы и концепты / А.А. Мигранян, Д.Д. Вышегородцев // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2025. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ekonomicheskih-sanktsiy-nauchnye-podhody-i-kontsepty (дата обращения: 04.06.2026). DOI 10.22363/2313-2329-2025-33-3-557-578. EDN EIEKOD

2. Гимпельсон В.Е. Дефицит кадров в российской экономике: анализ на основе данных опросов предприятий / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2024. – №3. – С. 25–44.

3. О мерах поддержки системообразующих организаций в условиях санкций: постановление Правительства РФ от 10.03.2022 №336 (ред. от 25.05.2024). – М., 2024.

Соколов Давид Александрович
студент
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент
Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация*: в статье исследуются теоретические и практические аспекты государственного регулирования рыночной экономики, анализируются основные формы и методы воздействия государства на экономические процессы, а также обосновывается необходимость государственного вмешательства в условиях современных вызовов.*

Ключевые слова*: государственное регулирование, рыночная экономика, методы регулирования, экономическая политика, «провалы» рынка.*

Любая рыночная экономика не может существовать и эффективно функционировать без государственного регулирования. Неконтролируемые рыночные процессы, как свидетельствует исторический опыт, способны приводить к разрушительным последствиям для общества и окружающей среды. В связи с этим ключевой задачей современной экономической теории и практики является поиск оптимальной меры и наиболее действенных форм государственного вмешательства, которые, не разрушая рыночной природы хозяйства, обеспечивали бы высокую социально-экономическую эффективность [1, с. 30].

Современные экономические исследования и практический опыт убедительно доказывают, что «чистая» рыночная экономика, полностью свободная от государственного влияния, является лишь теоретической моделью, не существующей в реальности.

Как справедливо отмечается в литературе, неконтролируемые рыночные процессы, предоставленные сами себе, обнаруживают внутреннюю склонность к монополизации, циклическим кризисам и социальной поляризации. Именно в связи с этим вопрос об оптимальных формах и методах государственного воздействия на экономику приобретает не только теоретическое, но и прикладное, практическое значение.

Необходимость государственного регулирования экономики обусловлена объективными «провалами» рынка. Как отмечают исследователи, рыночный механизм, при всех его достоинствах, не способен решать ряд важнейших задач. К числу таких «провалов» относятся: тенденция к монополизации и ослаблению конкуренции; неспособность производить так называемые «общественные блага» (национальная оборона, фундаментальная наука, общественная инфраструктура); игнорирование внешних эффектов (экологических и социальных последствий хозяйственной деятельности); а также неспособность обеспечить социально справедливое распределение доходов [4, с. 12]. Именно эти ограничения рынка создают объективную основу для вмешательства государства, призванного корректировать и дополнять действие рыночных сил.

В экономической науке и практике сложилось разграничение двух основных форм государственного регулирования: прямой и косвенной. Прямое вмешательство предполагает административное воздействие государства на экономических субъектов и осуществляется через государственную собственность, законотворчество. Косвенное вмешательство реализуется посредством инструментов экономической политики (налогово-бюджетных, денежно-кредитных), не ограничивая при этом свободу предпринимательского выбора.

Соответственно формам регулирования выделяются и методы государственного воздействия, которые традиционно подразделяют на три основные группы: правовые, административные и экономические.

Правовые методы составляют фундамент всей системы регулирования. Государство устанавливает «правила» для всех экономических агентов посредством разработки законодательных и нормативных актов. Ключевое значение в данном контексте имеют Гражданский кодекс Российской Федерации, антимонопольное законодательство, законы о защите прав потребителей, о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также другие нормативно-правовые акты, которые формируют правовую основу рыночной экономики.

Административные методы базируются на властных полномочиях государства и включают меры запрета, разрешения и принуждения. Они применяются в тех случаях, когда экономические методы оказываются недостаточно эффективными. К числу административных методов относятся: антимонопольные меры (контроль за экономической концентрацией, пресечение недобросовестной конкуренции); введение обязательных стандартов (экологических, санитарных, социальных); установление минимальных социальных гарантий (МРОТ, пособия по безработице); государственное регулирование цен на отдельные виды товаров и услуг [3, с. 14].

Экономические методы занимают центральное место в системе государственного регулирования рыночной экономики. Они оказывают влияние на экономические процессы косвенным образом, посредством формирования условий, стимулирующих субъектов экономической деятельности к действиям, соответствующим целям государственной политики. В рамках экономических методов выделяют две подгруппы: прямые (целевое финансирование, государственные закупки, субсидии предприятиям) и косвенные (налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика).

Анализ практики государственного регулирования в Российской Федерации позволяет выявить ряд характерных особенностей. Во-первых, Россия традиционно характеризуется высокой степенью концентрации экономической власти и значительной ролью государственного сектора в ключевых отраслях (топливно-энергетический комплекс, оборонная промышленность, транспортная инфраструктура). Во-вторых, в условиях внешнего санкционного давления и структурных ограничений усиливается значение государственного регулирования как инструмента обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета.

Особую наглядность необходимости государственного вмешательства продемонстрировал кризис, вызванный пандемией коронавируса в 2020 году. В этот период Правительством РФ и Банком России был принят беспрецедентный пакет мер поддержки экономики, включавший: отсрочку по уплате арендных платежей для малых и средних предприятий; налоговые каникулы для наиболее пострадавших отраслей (туризм, авиаперевозки, общественное питание); обнуление импортных пошлин на социально значимые товары; льготное кредитование системообразующих организаций; а также меры по обеспечению рублевой и валютной ликвидности банковской системы [6]. Данный опыт подтвердил, что в кризисных ситуациях именно государство выступает единственным институтом, способным стабилизировать экономику и предотвратить социальный коллапс.

В то же время государственное регулирование имеет свои границы. Недопустимы любые формы вмешательства, разрушающие рыночный механизм (тотальное директивное планирование, централизованное установление цен на подавляющее большинство товаров, административное ограничение конкуренции). Задача государства – не подменять рынок, а создавать условия для его эффективного функционирования, корректируя его «провалы» и обеспечивая социальную справедливость [2, с. 178].

Таким образом, исследование показывает, что государственное регулирование экономики необходимо в любой развитой рыночной системе. Формы и методы включают правовые,

административные и экономические инструменты. Наиболее эффективно сочетание прямых и косвенных методов. Для российской экономики, учитывая ее структурные особенности и современные внешние вызовы, ключевыми направлениями государственной политики должны оставаться: развитие конкуренции, поддержка малого и среднего предпринимательства, инвестиции в человеческий капитал и социальную инфраструктуру, а также обеспечение макроэкономической стабильности. Перспективы дальнейших исследований включают детальный анализ результативности использования различных инструментов государственного регулирования в разнообразных секторах национальной экономики, а также разработку научно обоснованных рекомендаций по их оптимизации и повышению эффективности.

Список литературы

1. Воробьев А.А. Государственное и региональное управление социально-экономическими процессами: учеб.-метод. пособие / А.А. Воробьев, С.Н. Котенкова. – Казань, 2017. – 114 с. EDN XRPKXZ

2. Васильев В.П. Государственное регулирование экономики: учебник и практикум для вузов / В.П. Васильев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 178 с. EDN FRGXNF

3. Гриневич Ю.А. Государственное регулирование экономики в таблицах и схемах: учеб.-метод. пособие / Ю.А. Гриневич, Д.М. Шатунов. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. – 68 с.

4. Гребенников П.И. Микроэкономика: учебник и практикум для вузов / П.И. Гребенников, Л.С. Тарасевич, А.И. Леусский. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 547 с.

5. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства. Правовые проблемы / Е.П. Губин. – М.: Юристь, 2015. – 320 с.

Такмазян Карен Меликович
студент
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Аннотация: *статья посвящена анализу актуальных проблем малого и среднего предпринимательства, сохраняющих значимость для российской и мировой экономики. Рассматриваются ключевые барьеры: ограниченный доступ к финансовым ресурсам, высокая административная нагрузка, распространение теневой занятости, кадровый дефицит, пространственная неравномерность развития, а также риски цифровизации и зависимости от маркетплейсов. Обосновывается необходимость системного подхода к государственной поддержке МСП, включающего снижение бюрократических барьеров, развитие финансовых инструментов, повышение цифровых компетенций и региональную адаптацию мер поддержки.*

Ключевые слова: *малый бизнес, средний бизнес, предпринимательство, МСП, экономическое развитие, государственная поддержка, цифровизация, финансирование, административные барьеры, рынок труда.*

Малый и средний бизнес (МСБ) выступает одним из ключевых институтов современной рыночной экономики, обеспечивая гибкость хозяйственной системы, формирование конкурентной среды и стимулирование инновационной активности. В условиях структурной трансформации экономики и усиления глобальной конкуренции значение данного сектора возрастает, поскольку именно малые и средние предприятия способны оперативно адаптироваться к изменениям внешней среды. Вместе с тем в российской экономике потенциал

МСБ реализуется не в полной мере, что обусловлено наличием комплекса системных ограничений.

Актуальность статьи заключается в необходимости выявления факторов, препятствующих устойчивому развитию малого и среднего предпринимательства, а также разработке направлений совершенствования государственной политики в данной сфере. В современных условиях МСБ рассматривается не только как источник занятости, но и как важный элемент формирования инновационной экономики и диверсификации хозяйственной структуры.

Одной из центральных проблем остаётся ограниченный доступ к финансовым ресурсам. В отличие от крупных корпораций, МСП зачастую сталкиваются с более жёсткими условиями кредитования, высокими процентными ставками и необходимостью предоставления залогов, которыми они не располагают в достаточном объёме. Это существенно снижает их инвестиционную активность и ограничивает возможности масштабирования бизнеса. Как отмечается в исследованиях World Bank, доступ к финансированию является одним из главных барьеров для роста МСП в большинстве стран.

Не менее значимым фактором выступает административная нагрузка. Несмотря на предпринимаемые меры по упрощению регулирования, предприниматели продолжают сталкиваться с бюрократическими процедурами, сложной системой отчётности и частыми изменениями законодательства. Это требует дополнительных ресурсов – как временных, так и финансовых – и снижает общую эффективность деятельности. В научной литературе по экономике подчёркивается, что институциональная стабильность напрямую влияет на уровень предпринимательской активности.

Особого внимания заслуживает проблема теневой занятости и неформальных практик ведения бизнеса. В условиях высокой фискальной нагрузки и нестабильности законодательства многие малые и средние предприятия вынуждены уходить в «серую» зону, что снижает налоговые поступления в бюджет и ограничивает возможности для получения государственной поддержки. Такое положение дел не только консервирует низкую производительность труда, но и создаёт риски для самих работников, лишённых социальных гарантий. Преодоление этого барьера требует не ужесточения контроля, а создания прозрачных и понятных условий ведения бизнеса, при которых выход из тени становится экономически выгодным для предпринимателя.

В условиях санкционного давления и политики импортозамещения роль МСБ становится особенно значимой: малые и средние предприятия способны быстрее переориентироваться на внутренний спрос, замещать ушедшие ниши и формировать новые цепочки добавленной стоимости. Однако именно для этой категории бизнеса возникли дополнительные сложности – с логистикой, валютными операциями, закупкой комплектующих и программным обеспечением. Таким образом, внешние шоки не только создают риски, но и открывают новые окна возможностей, реализация которых требует адресной государственной поддержки.

К числу проблем также относится недостаточный уровень цифровизации и инновационной активности. Многие малые предприятия не располагают необходимыми компетенциями и ресурсами для внедрения современных технологий, что снижает их конкурентоспособность. В условиях ускоряющейся цифровой трансформации экономики это становится особенно критичным. Исследования OECD показывают, что цифровой разрыв между малыми и крупными компаниями продолжает увеличиваться, усиливая структурные дисбалансы.

Одним из реальных драйверов цифровой трансформации МСБ в последние годы стали маркетплейсы и экосистемы (Ozon, Wildberries, «Яндекс»). Они снижают порог входа на рынок, предоставляют готовую логистику и аудиторию. Однако зависимость от условий цифровых платформ несёт и новые риски: жёсткие комиссии, алгоритмическое регулирование, возможность блокировки продавца без чёткой процедуры апелляции. Следовательно, цифровизация МСБ требует как развития цифровых компетенций, так и формирования справедливых правил взаимодействия с платформами.

Важно учитывать и пространственную неравномерность развития МСБ. Показатели предпринимательской активности в Москве, Санкт-Петербурге и регионах-донорах существенно отличаются от большинства субъектов РФ, где сохраняется низкий платёжеспособный спрос, слабая транспортная и цифровая инфраструктура, а также дефицит квалифицированных кадров. Это означает, что универсальные меры поддержки малопродуктивны: необходима региональная адаптация инструментов – от микрозаймов до образовательных программ.

Отдельного внимания заслуживает кадровый вопрос. МСП испытывают трудности с привлечением и удержанием квалифицированных специалистов, поскольку не могут конкурировать с крупными компаниями по уровню заработной платы и социальным гарантиям. Это приводит к снижению производительности и ограничивает потенциал развития. Кроме того, предприниматели нередко сталкиваются с дефицитом управленческих компетенций, что отражается на качестве стратегического планирования.

Важным аспектом является и уровень предпринимательской культуры. Недостаточная готовность к риску, ограниченные знания в области ведения бизнеса и слабое развитие деловой инфраструктуры препятствуют формированию устойчивой предпринимательской среды. В этой связи значительную роль играют образовательные программы и государственные инициативы, направленные на поддержку предпринимательства.

Перспективы развития МСБ связаны с формированием благоприятной институциональной среды. Важнейшими направлениями являются снижение административных барьеров, развитие финансовых инструментов поддержки, стимулирование инновационной активности и развитие предпринимательской культуры. Особое значение имеет интеграция МСБ в цифровую экономику, что позволит повысить его конкурентоспособность.

В долгосрочной перспективе развитие малого и среднего бизнеса должно стать одним из ключевых факторов экономического роста. Формирование эффективной системы поддержки предпринимательства, развитие человеческого капитала и создание благоприятных условий для ведения бизнеса позволят существенно увеличить вклад МСБ в экономику страны.

Таким образом, анализ показывает, что проблемы малого и среднего бизнеса носят комплексный характер и требуют системного подхода к их решению. Эффективная поддержка МСП предполагает не только улучшение доступа к финансированию, но и снижение административных барьеров, развитие цифровых компетенций, повышение качества человеческого капитала и формирование благоприятной институциональной среды. Только при сочетании этих факторов возможно создание условий для устойчивого роста и повышения вклада МСП в экономику.

Список литературы

1. Блинов А.О. Малое предпринимательство: теория и практика / А.О. Блинов. – М.: Дашков и К°, 2020. – 356 с.

2. Лапуста М.Г. Малое предпринимательство / М.Г. Лапуста, Ю.Л. Старостин. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 320 с.

3. Орлова Е.Р. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в России / Е.Р. Орлова // Российское предпринимательство. – 2021. – Т. 22. №4. – С. 1123–1136.

4. Цифровая экономика Российской Федерации: программа развития. – М., 2021.

Троян Дарьяна Сергеевна
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ВИДЫ И ИСТОЧНИКИ ПРИБЫЛИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: *статья посвящена теоретико-правовому анализу прибыли как индикатора эффективности хозяйствующего субъекта. Автором систематизируются подходы к трактовке балансовой, чистой и экономической прибыли, а также исследуются источники их формирования в условиях частых изменений налогового законодательства РФ. Отдельное внимание уделяется разграничению явных и неявных издержек: обосновывается, почему бухгалтерская прибыль систематически завышает реальный финансовый результат по сравнению с экономической. Делается вывод о том, что выбор корректной модели управления прибылью напрямую зависит от понимания её правовой и экономической природы.*

Ключевые слова: *прибыль, виды прибыли, балансовая прибыль, чистая прибыль, налогооблагаемая прибыль, экономическая прибыль, бухгалтерская прибыль, финансовый результат, издержки, факторы прибыли, предпринимательская деятельность.*

С позиций хозяйствующего субъекта прибыль нельзя сводить лишь к разнице между доходами и расходами. В российской правоприменительной практике эта категория выступает одновременно и целью предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ), и объектом налогообложения (гл. 25 НК РФ). Именно двойственная природа прибыли – экономическая и юридическая – порождает коллизии: то, что выгодно с точки зрения бухгалтерского учёта, нередко противоречит требованиям налоговой оптимизации. Актуальность избранной темы обусловлена тем, что в условиях нестабильности 2024–2025 годов разграничение балансовой, налогооблагаемой и чистой прибыли становится инструментом снижения судебных рисков, а не просто абстрактной теоретической задачей. Таким образом, теоретико-правовое исследование прибыли приобретает практическую значимость для выработки обоснованных управленческих и правовых решений в современном предпринимательстве [6, с. 112].

На практике, финансовый результат предприятия раскладывается на три ключевых показателя, каждый из которых отвечает на свой управленческий вопрос (табл. 1).

Таблица 1

Функциональное различие видов прибыли

Вид прибыли	Формула (упрощённо)	Для чего нужен юристу/менеджеру
Балансовая	Выручка – (себестоимость + коммерческие расходы)	Оценка общей эффективности до вычета обязательств
Налогооблагаемая	Балансовая – льготы – доходы по ценным бумагам	Расчёт базы по налогу на прибыль (ст. 247 НК РФ)
Чистая	Налогооблагаемая – налог на прибыль – санкции	Определение суммы, доступной для дивидендов или развития

Таким образом, если бухгалтерская прибыль (кредитовое сальдо счёта 99) игнорирует альтернативные издержки, то экономическая прибыль, в отличие от неё, включает

упущенную выгоду. Следовательно, с точки зрения инвестиционного права, положительная бухгалтерская прибыль ещё не означает рентабельность бизнеса – в отличие от экономической.

На практике прибыль растёт не только за счёт увеличения выпуска товаров. В условиях 2024–2025 годов ключевым драйвером стало повышение цен (инфляционная составляющая). Из-за этого прямая связь «больше произвели – больше заработали» ослабевает. Чтобы по-настоящему увеличить прибыль, нужны не ценовые скачки, а внутренняя эффективность: снижение затрат, грамотная налоговая политика и реальное развитие производства [5, с. 87].

Балансовая прибыль – это итог работы компании за квартал или год. Она складывается из трёх частей: (1) доход от основной продажи товаров или услуг, (2) результат от прочих операций (продажа имущества, сдача в аренду) и (3) внереализационные разницы (штрафы, пени, списание долгов). Все эти данные берутся из бухгалтерского учёта и баланса предприятия [1, с. 233].

Важнейшим компонентом системы показателей прибыли является прибыль от реализации продукции, товаров, работ и услуг, составляющая, как правило, основную долю общего финансового результата предприятия. Наряду с ней выделяется прибыль от прочей реализации, а также доходы и расходы от внереализационных операций: по ценным бумагам и от долевого участия в совместных предприятиях, штрафы, пени и неустойки полученные и уплаченные, прибыль и убытки прошлых лет, выявленные в отчётном году, поступления по долгам и дебиторской задолженности, а также поступления финансовой помощи от других предприятий и организаций [6, с. 198].

Налогооблагаемая прибыль определяется как разность между балансовой прибылью и суммой прибыли, облагаемой налогом на доход по ценным бумагам и от долевого участия в совместных предприятиях, а также суммой льгот по налогу на прибыль в соответствии с налоговым законодательством, которое периодически претерпевает изменения. Данная категория прибыли имеет первостепенное значение с юридической точки зрения, поскольку именно на её основе исчисляются налоговые обязательства предприятия перед государством [3, с. 56]. Льготируемая, то есть не облагаемая налогом прибыль, в свою очередь, формирует ту часть финансового результата, в отношении которой государство устанавливает специальные правовые режимы с целью стимулирования отдельных видов деятельности.

Чистая прибыль представляет собой ту часть финансового результата, которая остаётся в распоряжении предприятия после уплаты всех налогов, экономических санкций и отчислений в благотворительные фонды. В большинстве случаев чистую прибыль направляют на увеличение оборотных средств, формирование фондов и резервов, а также на реинвестирование в производство.

Бухгалтерская прибыль – это кредитовое сальдо по счёту 99 «Прибыли и убытки». Простыми словами: берём всю выручку, вычитаем явные расходы (зарплата, аренда, материалы) – получаем бухгалтерскую прибыль. То, что не оплачено деньгами (например, работа самого владельца без зарплаты), тут не учитывается [2, с. 94].

А вот экономическая прибыль жёстче: из выручки вычитают всё – и явные траты, и упущенную выгоду (например, если бы владелец сдал свой кабинет в аренду или положил деньги в банк под процент). Если после этого остаётся минус – бизнес выгоднее закрыть [1, с. 418].

Экономическая прибыль характеризует предпринимательский доход, свидетельствующий об окупаемости расходов торгового предприятия и его способности к самофинансированию и саморазвитию. Прибылью для торгового предприятия служит разница между продажной ценой товаров и ценой их приобретения, включая издержки обращения. При этом внереализационная деятельность также имеет собственные доходы и затраты, которые в конечном счёте формируют чистую прибыль предприятия [6, с. 223].

Все факторы, от которых зависит итоговая прибыль, можно разделить на две практические группы: зависящие от компании и независящие.

1. Независящие факторы (внешние). Компания не может их изменить, но должна учитывать: ставки налогов (гл. 25 НК РФ), нормы амортизации, ключевую ставку ЦБ, инфляцию и рыночные цены на сырьё.

2. Зависящие факторы (внутренние). Вот что компания реально контролирует:

1. Цены на товары. Их можно менять в рамках договоров и маркетинга.

2. Себестоимость. Снижается за счёт выбора надёжных поставщиков и условий поставок (скидки, отсрочки).

3. Оборачиваемость денег. Чем быстрее покупатели платят, тем меньше нужны кредиты и проценты по ним.

4. Производительность труда. Зависит от квалификации персонала и организации работы.

Таким образом, максимизировать прибыль можно двумя путями: либо наращивать выручку, либо грамотно управлять внутренними факторами в рамках закона. Второй способ часто проще и безопаснее.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ (в ред. от 31.10.2024).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 №117-ФЗ (в ред. Федерального закона от 12.07.2024 №176-ФЗ). Глава 25 «Налог на прибыль организаций».

3. Вечканов Г.С. Микроэкономика: учебник для вузов / Г.С. Вечканов, Г.Р. Вечканова. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2024. – 368 с.

4. Иванов И.Н. Экономика промышленного предприятия: учебник / И.Н. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 395 с.

5. Ковалёв В.В. Финансы организаций (предприятий): учебник / В.В. Ковалёв, Вит.В. Ковалёв. – М.: Проспект, 2024. – 352 с.

Труфанов Никита Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ И РОСТА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ СТОИМОСТИ ЗАЕМНОГО КАПИТАЛА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА

Аннотация: *в статье рассмотрены меры помощи малым и средним производственным предприятиям для сохранения устойчивости при дорогом заемном капитале и спаде спроса. Актуальность темы связана с тем, что производство требует сырья, оборудования, запасов и оборотных средств, а кредит при высокой ставке становится рискованным источником роста. Цель статьи – обобщить практические антикризисные решения для МСП. Использованы анализ открытых данных Банка России, ФНС и рассмотрение нормативной базы. Показано, что наиболее значимыми являются управление денежным потоком, снижение лишних затрат, кооперация, обучение персонала и осторожное использование мер поддержки. Сделан вывод, что устойчивость чаще обеспечивается не расширением долга, а точным управлением ресурсами и спросом.*

Ключевые слова: *МСП, производственный сектор, заемный капитал, экономический спад, устойчивость бизнеса, антикризисные меры.*

Малые и средние производственные предприятия важны для экономики РФ: они выпускают комплектующие, материалы, товары для внутреннего рынка и создают рабочие места в регионах. Статус МСП подтверждается через единый реестр ФНС, который ведется на

основе закона №209-ФЗ. При спаде такие предприятия уязвимы: спрос снижается, постоянные расходы остаются, а складские запасы продолжают «замораживать» деньги.

Высокая стоимость заемного капитала усиливает давление. По данным Банка России, на дату обращения ключевая ставка составляла 14,5% годовых. Это не означает одинаковую ставку по всем кредитам, но показывает общий уровень дорогих денег. Цель статьи – рассмотреть меры, которые помогают производственным МСП сохранить платежеспособность и найти осторожные возможности роста. Объектом анализа выступают производственные МСП, предметом – антикризисные меры их устойчивости.

Особенность производственного МСП состоит в длинном денежном цикле: сначала закупается сырье, затем идет выпуск продукции, после этого ожидается оплата от заказчика. При спаде и дорогих кредитах такой цикл становится рискованным. Было проанализировано, что главные проблемы связаны с нехваткой оборотных средств, ростом себестоимости, задержками платежей, зависимостью от поставщиков и нехваткой квалифицированных кадров.

Первой антикризисной мерой можно назвать управление денежным потоком. Предприятию важно видеть будущие платежи хотя бы на два-три месяца вперед: зарплату, налоги, аренду, закупки и ожидаемые поступления. На практике это может быть простая таблица, но она помогает заранее понять, где возникнет кассовый разрыв. При нехватке средств безопаснее сначала обсуждать предоплату, отсрочки и продажу лишних запасов, а не сразу брать новый кредит.

Вторая мера – оптимизация затрат без потери качества. В производстве нельзя просто заменить материалы на худшие или резко сократить персонал: это может привести к браку и потере заказчиков. Более разумным выглядит поиск внутренних потерь: простоев оборудования, лишних складских остатков, перерасхода энергии, неудачной логистики. Такая экономия снижает потребность в заемных деньгах.

Таблица 1

Угрозы и антикризисные меры для производственных МСП

Угроза	Последствие	Мера адаптации
Дорогой кредит	Рост долговой нагрузки	Финансовый план, льготные программы, отказ от лишних займов
Спад спроса	Недозагрузка мощностей	Смежная продукция, новые заказчики, предзаказы
Рост затрат	Снижение маржи	Контроль брака, энергосбережение, пересмотр закупок
Кадровый дефицит	Срыв сроков	Обучение, наставничество, удержание ключевых сотрудников

Третья мера связана с диверсификацией и кооперацией. При спаде опасно зависеть от одного крупного заказчика. Для части предприятий рабочим вариантом становятся смежные изделия, мелкосерийные заказы, совместные закупки, аренда оборудования у партнеров и участие в программах поддержки МСП. Однако универсальной стратегии нет: многое зависит от отрасли, региона, долговой нагрузки и управленческих решений. Отдельно следует отметить цифровые инструменты. Даже простой учет запасов, заказов и платежей помогает быстрее замечать проблемы. Выводы и дальнейшие перспективы. В ходе рассмотрения темы было показано, что при высокой стоимости заемного капитала производственным МСП важно опираться не только на кредиты, а на финансовую дисциплину, контроль затрат и гибкую работу с рынком. Наиболее устойчивыми выглядят предприятия, которые заранее планируют денежные потоки, не накапливают лишние запасы, сохраняют качество продукции, обучают персонал и используют поддержку без завышенных ожиданий.

Список литературы

1. Моденов А.К. Выбор экономически безопасной стратегии предприятия / А.К. Моденов, М.П. Власов // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2022 года) / Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 29–37. – EDN EVSFEB.
2. Моденов А.К. К вопросу влияния конкурентоспособности и риска на экономическую безопасность предприятия / А.К. Моденов, В.В. Усков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, №8–1. – С. 335–341. – DOI 10.34670/AR.2025.88.70.035. – EDN QZMNTK.
3. Усков В.В. Методы оценки влияния импортозамещения на стимулирование развития отечественного производства в РФ / В.В. Усков, Д.А. Дударов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, №9А. – С. 691–698. – DOI 10.34670/AR.2022.28.57.005. EDN UAZALQ
4. Усков В.В. Цифровой реинжиниринг как инструмент повышения конкурентоспособности малых предприятий на глобальных рынках / В.В. Усков, Д.А. Ильина // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, №1. – С. 162–171. – DOI 10.55186/2413046X_2025_10_1_11. – EDN WZNJIT.
5. Усков В.В. К вопросу анализа некоторых факторов оценки кредитоспособности и наступления банкротства физических лиц в РФ / В.В. Усков, М.А. Субботина // Человек. Общество. Инклюзия. – 2023. – Т. 14, №3–1 (55). – С. 150–158. – EDN CTOJZL.

Труфанов Никита Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ И МАХИНАЦИЙ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается использование методов искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) для выявления финансовых рисков и мошенничества на предприятиях. Объектом исследования являются финансовые операции компаний, а предметом – технологии анализа данных для обнаружения аномалий. Цель работы – проанализировать возможности ИИ/МО в обнаружении подозрительных платежей, нетипичных операций, искажения отчётности, фиктивных контрагентов и признаков внутреннего мошенничества. Выполнен обзор научных публикаций по тематике, выделены основные методы (классификация, кластеризация, поиск аномалий, анализ временных рядов, NLP) и их ограничения. В результате приведены выводы об эффективности применения ИИ/МО: например, ML-модели способны повышать точность обнаружения мошенничества до 85 % при снижении ложных срабатываний до 92 %. Выявлено, что ИИ помогает быстро находить сложные паттерны в больших объёмах транзакционных данных. Вместе с тем отмечены ограничения: зависимость от качества и разметки данных, необходимость защиты личной информации, «чёрный ящик» моделей и потребность участия специалистов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, машинное обучение, финансовые риски, мошенничество, обнаружение аномалий, финансовый контроль, риск-менеджмент.*

Обнаружение финансовых рисков и мошеннических операций становится всё более актуальной задачей в современных финансовых системах. Объёмы транзакций непрерывно растут, и традиционные методы анализа не всегда позволяют своевременно выявлять аномалии. Предметом работы являются методы ИИ и МО для обнаружения аномальных финансовых операций, а объектом – финансовые риски и мошенничество на предприятиях. Цель исследования – оценить возможности ИИ/МО в раннем выявлении подозрительных платежей, нетипичных транзакций, искажений отчётности, фиктивных контрагентов и внутренних злоупотреблений. Для достижения цели поставлены задачи: проанализировать научные

публикации по теме, описать основные ML-методы и области их применения, сформировать таблицу возможностей ИИ для различных видов рисков и выявить ограничения таких подходов.

В научных работах отмечается, что ИИ помогает выявлять скрытые риски, признаки отмывания денег и мошеннических операций. При этом единых методик оценки эффективности таких инструментов для разных схем пока нет. Гипотеза работы: ИИ и машинное обучение повышают скорость и точность поиска финансовых аномалий, но требуют качественных данных, прозрачных моделей и контроля специалистов.

Системы ИИ позволяют выявлять разнообразные финансовые риски и подозрительные операции. К таким рискам относятся, например, подозрительные платежи (необычно крупные или часто повторяющиеся), нетипичные операции (отличающиеся от нормального поведения клиента), искажение отчётности (манипуляции с финансовыми данными), завышенные расходы и фиктивные контрагенты, созданные для вывода средств. Также важна детекция признаков внутреннего мошенничества, когда сотрудники совершают некорректные операции (ошибки в учёте, двойные платежи и т. п.). Все эти аномалии могут указывать на хищения или злоупотребления. Для выявления данных рисков применяются методы машинного обучения: классификация обучает модель различать легитимные и мошеннические операции по историческим данным. Например, логистическая регрессия, метод опорных векторов и случайный лес позволяют автоматизированно «помечать» подозрительные транзакции. Методы кластеризации (группировка данных) помогают выявлять естественные «скопления» похожих операций без меток. Аномалийный анализ (выявление выбросов) – автоэнкодеры и алгоритм Isolation Forest находят отклоняющиеся от нормы транзакции. Для анализа временных рядов (последовательностей транзакций) используют рекуррентные нейронные сети (RNN, LSTM), способные уловить сложные временные паттерны в поведении клиента. Эти методы позволяют быстро анализировать большие объёмы разнотипных данных.

При этом у ИИ-систем есть ограничения. Результаты строго зависят от качества данных: неточная или неполная разметка повышает риск ложных срабатываний. К тому же модели «чёрного ящика» мало прозрачны для аудиторов: сложный набор весов нейросети трудно объяснить контролёрам. Использование больших данных влечёт риск утечки персональной информации и нарушений конфиденциальности. Кроме того, нет единых стандартов обработки данных и недостаточно квалифицированных специалистов для внедрения ИИ. Например, отсутствие федеральных методик приводит к рассогласованию результатов анализа. Несмотря на это, практический опыт показывает, что ИИ лишь дополняет деятельность специалиста: модели помогают быстрее заметить аномальные операции, но окончательное решение остаётся за экспертом. Важно также обеспечить защита финансовых и персональных данных при применении таких систем.

В результате анализа литературы и обобщения практических данных выделены возможности применения ИИ и МО для разных видов финансовых рисков. Суммируем эти выводы в таблице 1. Она демонстрирует соответствие типов аномалий, используемых ML-методов и их практической полезности, а также указывает возможные ограничения (табл. 1).

Таблица 1

Возможности ИИ и машинного обучения при выявлении финансовых рисков

Вид риска	Методы ИИ/МО	Практическая польза	Возможное ограничение
Подозрительные платежи и нетипичные транзакции	Классификация, поиск аномалий	Быстрое обнаружение выбросов в потоках операций	Требуется разметка исторических данных; риск ложно-положительных срабатываний
Искажение финансовой отчётности	Анализ данных (кластеризация, NLP, аномалии)	Выявление нестыковок и скрытых схем (анализ текста отчётов)	Сложность обработки разнородных данных; неполнота исходной информации
Завышение расходов	Регрессия, кластеризация, поиск аномалий	Автоматический контроль сомнительных накладных и платежей	Необходимость учёта контекста (мены, цены); высокие требования к данным
Фиктивные контрагенты	Графовые модели, кластеризация, аномалии	Обнаружение цепочек подставных юрлиц (последовательность операций) [9]	Требуется интеграция с внешними реестрами; возможно массовое ложное совпадение
Внутреннее мошенничество	Модели аномалий, классификация	Мониторинг отклонений в поведении сотрудников; превентивный контроль	Доступ к внутренним бизнес-правилам; риск «шумовых» отклонений

В целом, представленные данные показывают: технологии ИИ могут значительно ускорить и улучшить обнаружение финансовых аномалий. Например, в одном исследовании при помощи ML достигалась точность распознавания мошеннических транзакций до 97,5 %. Уменьшение доли ложных срабатываний (до 92 %) делает системы более применимыми. Однако эти достижения основаны на обширных данных и тщательной подготовке моделей. Результаты авторского анализа подтверждают: ИИ-решения дают наибольший эффект при адекватном объёме данных и участии специалистов, а не как «волшебная таблетка» для безопасности.

Проведённый анализ подтвердил, что использование ИИ и методов машинного обучения в финансовом контроле помогает заблаговременно выявлять риски и мошеннические схемы. Выявлены ключевые преимущества: автоматизация обработки транзакционных данных позволяет заметно повысить скорость и точность детектирования аномалий. В то же время подчёркнута необходимость качественного сопровождения: эффективность моделей возможна лишь при достаточном объёме и корректности данных, ясности критериев принятия решений и постоянном контроле со стороны экспертов. Соответственно, ИИ и машинное обучение должны рассматриваться как вспомогательный инструмент в руках финансовых специалистов. По итогам работы сделан вывод: технологии ИИ полезны для повышения проактивности финансового мониторинга, но они требуют надлежащей подготовки данных и грамотной настройки под задачи предприятия.

Список литературы

1. Моденов А.К. Сравнительный анализ платформ для анализа данных планирования и прогнозирования / А.К. Моденов, А.Г. Лихоносов // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2022 года) / Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 38–49. – EDN SVTOKS.

2. Усков В.В. К вопросу разработки адаптивных моделей ценообразования в строительстве для минимизации финансовых и информационных рисков / В.В. Усков, М.Д. Копалеишвили // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, №8–1. – С. 326–334. – DOI 10.34670/AR.2025.64.68.034. – EDN QEOUZQ.

3. Усков В.В. Определение правовых понятий в сфере информационной безопасности организации / В.В. Усков, О.В. Харченко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №11. – С. 551–554. – DOI 10.47643/1815–1337_2025_11_551. – EDN JZHYRB.

4. Цифровая экономика и безопасность: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / В.В. Усков, А.П. Дурандина, А.А. Бобошко, А.И. Васильченко. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024. – 139 с. – ISBN 978-5-7422-8575-5. – EDN PKOEPI.

Труфанов Никита Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЧЕРЕЗ ЛЕГАЛЬНЫЙ БИЗНЕС: ПРИЗНАКИ ФИКТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ И МЕТОДЫ ФИНАНСОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: *в статье анализируется маскировка преступных доходов через легальные коммерческие схемы. Предметом исследования являются характерные признаки фиктивных хозяйственных операций, а объектом – механизмы их обнаружения в ходе финансовых расследований. Цель – выделить ключевые «красные флаги» и описать методы проверки подозрительных сделок. В работе рассмотрены: способы использования реальных предприятий и документов для придания легитимности незаконным потокам, отличия мнимых сделок от обычных и признаки их фиктивности; а также методы финансового расследования (анализ банковских операций, проверка контрагентов, сопоставление денежных потоков с поставками и др.). Основные результаты – обобщённый перечень признаков фиктивных операций (отсутствие экономического смысла сделки, непропорциональные суммы, связанные переводы между аффилированными, использование фирм-»однодневок», дробление платежей и пр.) и соответствующих методов проверки. Вывод: для надёжного выявления отмывания необходимо оценивать совокупность этих признаков и анализировать реальную экономическую сущность операций, а не ограничиваться формальной проверкой документов. Практический смысл работы заключается в том, что перечисленные признаки и процедуры проверки могут применяться в внутреннем контроле компаний и при проведении финансовых расследований.*

Ключевые слова: *отмывание доходов, фиктивные операции, легальный бизнес, финансовое расследование, экономическая безопасность, подозрительные сделки, финансовый контроль.*

Актуальность темы определяется тем, что отмывание «грязных» денег через видимо законный бизнес подрывает экономическую безопасность. Преступные доходы часто проходят через реальные компании и договоры, чтобы скрыть их нелегальное происхождение. Например, с юридическим бизнесом связывают этапы «смешивания» и «интеграции» средств, когда преступники объединяют незаконные доходы с легальными операциями. Объектом работы выступают механизмы скрытия таких доходов, предметом – признаки фиктивных операций и методы их расследования. Цель исследования – обобщить типичные признаки мнимых сделок и описать методики их выявления. Задачи: проанализировать актуальность проблемы и механизм использования легального бизнеса для маскировки доходов; определить, чем фиктивная операция отличается от реальной; перечислить характерные признаки фиктивности и методы их проверки; сформулировать гипотезу – что успешное выявление сложных схем возможно лишь при комплексном учёте множества критериев. В законодательстве (Федеральный закон №115-ФЗ) предусмотрена обязанность организаций устанавливать внутренние процедуры контроля за «подозрительными» операциями (например, банки,

агентства по недвижимости и др.). Глубокого систематического обзора темы недостаточно: акценты в литературе обычно ставятся либо на отдельные «красные флаги», либо на общие рекомендации международных стандартов (FATF), без конкретизации на фиктивных операциях в бизнесе. Поэтому задача сформулирована применительно к практике финансового мониторинга и расследования.

Работа носит теоретико-аналитический характер. Для её выполнения использованы методы анализа нормативных источников и научной литературы, сравнительный анализ, обобщение и системный подход. Применялись также анализ признаков фиктивных операций и финансово-экономический анализ. Это позволило систематизировать сведения из Федерального закона №115-ФЗ, методических рекомендаций Росфинмониторинга и ФАТФ, а также публикаций по тематике. Поскольку конкретных статистических данных не приводится, справедливо констатировать: точных подтверждённых сведений по масштабам и количеству таких схем нет.

Преступные доходы маскируются через легальный бизнес несколькими путями. Злоумышленники могут организовывать фиктивные поставки товаров и услуг по поддельным сделкам, переоценивать цены или совершать «круговые» транзакции между аффилированными фирмами. При этом для прикрытия операций используют настоящие компании с их счетами и штатом, заключают контракты и оформляют документы, чтобы создать видимость реального бизнеса. Таким образом, сделка внешне законна, но служит лишь ширмой для перевода средств.

Характерные признаки фиктивности операций включают ниже перечисленное.

Отсутствие реального экономического смысла сделки. Например, деятельность компании не требует дополнительных закупок или услуг, указанных в договорах, или сделка не связана с управлением ликвидностью бизнеса. Несоразмерность суммы с масштабом бизнеса. Слишком крупная или слишком мелкая сумма для данного предприятия вызывает подозрение. Частые переводы между аффилированными лицами. Регулярные платежи между взаимосвязанными компаниями могут указывать на оформление мнимых возвратов средств. Использование фирм-»однодневок» и номинальных контрагентов. Подозрение вызывают контрагенты без реальных активов или штата (например, фирмы без отзывов в открытых источниках), а также наличие большого числа «однодневок». Резкий рост оборотов без видимых причин. Внезапное увеличение объёмов продаж или закупок без объяснения экономической необходимостью. Дробление платежей (структурирование). Одна и та же сумма разбивается на несколько мелких операций (обычно чуть ниже отчетных порогов), чтобы скрыть общий масштаб «продвигаемых» средств. Возврат денег по цепочке. Средства уходят от одной фирмы к другой и затем возвращаются назад, что не соответствует реальным поставкам или услугам. Трудно верифицируемые товары или услуги. Сделки оформляются на объекты, которые сложно проверить или которые фиктивны (например, «консалтинговые услуги» невыполнимого характера). Отсутствие первичных подтверждающих документов. Например, нет актов выполненных работ, накладных на товары, или они имеют явные несоответствия. Противоречия и связь участников. Различие в данных первичных документов (даты, суммы), совпадение реквизитов (адрес, телефон, учредители) у разных участников операций.

Ни один из перечисленных признаков сам по себе не гарантирует отмывание; необходимо оценивать их совокупность и проверять факты.

Методы финансового расследования включают: Анализ банковских операций. Изучение движений средств по счетам для выявления аномальных поступлений, круговых переводов и цепочек транзакций. Проверка контрагентов. Установление реальности и благонадёжности компаний: анализ учредительных данных, проверка адресов, штата, отсутсвие негативной истории. Анализ договоров и первичных документов. Сверка условий контрактов и стоимости с фактическими поставками; поиск несостыковок в документах (несуществующие услуги, завышенные цены). Сопоставление денежных потоков и поставок. Проверка соответствия объёма и сроков оплаты реальному товарообмену или оказанным услугам. Выявление цепочек платежей. Отслеживание маршрутов платежей через разные счета, включая их

объём и периодичность. Проверка деловой цели операции. Оценка экономического смысла сделки: служит ли она бизнес-цели или лишь формальному перекрытию операций. Анализ бухгалтерской и налоговой отчётности. Сверка заявленных доходов/расходов с реальными транзакциями; выявление «дефектов» в учёте. Идентификация конечных выгодоприобретателей. Установление реальных бенефициаров через анализ цепочек собственников и связей компаний.

Такие методы применяются комплексно: анализ структуры сделки сочетается с проверкой документов и источников происхождения средств. Как отмечено, даже при наличии формального контракта фиктивность выявляется только при анализе экономической сути и сопутствующих признаков.

По результатам анализа сформулированы ключевые выводы. Признаки, отражённые в таблице, часто накладываются друг на друга, и наиболее информативны в совокупности. Например, отсутствие реального содержания сделки и аномальные цепочки переводов прямо указывают на мнимую природу операций. Однако окончательный вывод о наличии схемы отмывания возможен только при совместном учёте нескольких факторов. Ниже приведена таблица с основными признаками, сопутствующими рисками и методами их проверки.

Таблица

Признак операции	Возможный риск	Метод проверки	Практическое значение
Нет реального экономического смысла	Сокрытие преступных доходов	Проверка контракта и фактической отгрузки	Выявление мнимых сделок
Несоответствие суммы масштабу	Завышение/занижение оборотов	Сверка оборотов и масштабов бизнеса	Обнаружение аномалий в стоимости операций
Частые переводы между связанными	Круговые переводы (обналичивание)	Анализ банковских транзакций, связи компаний	Выявление схем взаиморасчетов
Фирмы-«однодневки» и номиналы	Анонимность получателей, риск уклонения	Проверка регистрации контрагентов, адресов	Определение фиктивности контрагентов
Дробление платежей	Избежание контроля (порог 600 тыс.)	Выявление искусственного разбиения одной суммы	Фиксация попытки скрыть полный объём средств

Из таблицы видно, что признаки обычно рассматриваются совместно. Особо важны те, которые указывают на системную фиктивность (отсутствие реальных поставок, аномальные схемы переводов). Однако даже такие признаки требуют подтверждения дополнительными данными и проверками. В итоге комплекс методов позволяет сформировать обоснованное заключение о незаконности схемы или, наоборот, опровергнуть подозрения при наличии объяснений для каждого факта.

В результате работы достигнуты поставленные цели: обобщены признаки фиктивных операций и описаны методы их проверки. Установлено, что для надёжного выявления схем отмывания необходимо сочетать формальный анализ документов с оценкой экономического содержания сделок. Практическая значимость заключается в том, что приведённые признаки и методы могут быть использованы при разработке правил внутреннего контроля компаний и в работе правоохранительных органов. Основные выводы: выявление отмывания требует не только формальной проверки отчётности, но и анализа реальной деловой цели операций; конечный вывод об отмывании делается на основе совокупности обнаруженных признаков и подтверждающих документов.

Список литературы

1. Дурандина А.П. Регулирование оборота криптовалют в России / А.П. Дурандина // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2022 года) / Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 10–15. – EDN XZXAGE.

2. Нейгум Е. А. Влияние теневизации экономики на обеспечение экономической безопасности организаций / Е.А. Нейгум, А.В. Шеховцова, Т.А. Лелявина // Петербургский экономический журнал. – 2020. – №3. – С. 15–26. – DOI 10.24411/2307–5368–2020–10019. – EDN PTMBHH.

3. Усков В.В. Классические методы оценки государственного противодействия экономическим преступлениям в России / В.В. Усков, Д.Н. Полтораченко // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, №2. – С. 22–32. – DOI 10.55186/2413046X_2025_10_2_35. – EDN QATDCC.

4. Усков В.В. К вопросу о понимании сущности экстремизма и терроризма / В.В. Усков, Э.А. Шаряпова // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, №8–1. – С. 242–249. – EDN VHSUSJ.

5. Цифровая экономика и безопасность: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / В.В. Усков, А.П. Дурандина, А.А. Бобошко, А.И. Васильченко. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024. – 139 с. – ISBN 978–5-7422–8575–5. – EDN PKOEPI.

Хуснутдинова Анна Сергеевна
студентка
Тютрина Дарья Викторовна
студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ФАРМАКОЭКОНОМИКА В ВЕТЕРИНАРИИ: ОПТИМИЗАЦИЯ ЗАТРАТ НА ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ ПРИ ЛЕЧЕНИИ ПРОДУКТИВНЫХ ЖИВОТНЫХ

Аннотация: *в статье анализируются финансовые затраты на лечение крупного рогатого скота при акушерско-гинекологических, инфекционных и неинфекционных заболеваниях на предприятии Краснодарского края. Установлено, что более 12% всех затрат предприятия приходится на фармакологическое обеспечение. Приведены данные по затратам на лечение эндометрита, инфекционных заболеваний, гипофункции яичников и др. Предложены направления оптимизации: методологическая модель фармакоэкономического анализа и анализ «затраты-эффективность». Оптимизация должна базироваться на диагностических и профилактических мероприятиях.*

Ключевые слова: *фармакоэкономика, оптимизация затрат, ветеринарные лекарственные средства.*

Современная ветеринарная медицина характеризуется значительными финансовыми затратами на закупку, перевозку и применение лекарственных средств, что особенно явно прослеживается при выполнении финансовых отчетов в крупных сельскохозяйственных комплексах. В действительности установлено, что более 12% всех затрат предприятия уходит на фармакологическое обеспечение ветеринарных структур [1].

На базе одного из предприятий Краснодарского края изучим количество затрат на 25 голов крупного рогатого скота голштинской породы, имеющих заболевания акушерско-гинекологической, инфекционной и неинфекционной этиологии. В таблице 1 отражены результаты исследования [4].

Таблица 1

Финансовые затраты на лечение коров голштинской породы при акушерско-гинекологических, инфекционных и неинфекционных заболеваниях (на 25 голов) [2; 3; 5]

№ п/п	Заболевание/Группа заболеваний	Количество больных коров, гол.	Основные лечебно-диагностические мероприятия	Затраты на 1 голову, руб.	Общие затраты на группу, руб.
Акушерско-гинекологические заболевания					
1	Эндометрит (гнойно-катаральный)	10	Клинический осмотр (2 раза); внутриматочное введение препаратов (3–5 процедур); утеротонические средства; системная антибиотикотерапия; лабораторные исследования	3 500–4 200	35 000–42 000
2	Эндометрит (послеродовой)	8	Ректальное исследование; УЗИ матки; внутриматочные препараты (3–5 процедур); утеротоники; симптоматическая терапия	2 800–3 500	22 400–28 000
3	Кисты яичников	4	Ректальное исследование; УЗИ яичников; гормональная терапия (простагландины, гонадотропины) (2–3 инъекции); контроль эффективности	1 500–2 200	6 000–8 800
4	Задержание последа	3	Клинический осмотр; ректальное исследование; отделение последа; утеротоническая терапия; внутриматочное введение антисептиков; симптоматическая терапия	3 800–4 500	11 400–13 500
Инфекционные заболевания					
5	Инфекционные респираторные заболевания (комплекс)	8	Клинический осмотр; термометрия; аускультация; антибиотикотерапия (7–14 дней); муколитики; бронхолитики; витаминотерапия; лабораторные исследования	5 000–6 500	40 000–52 000
6	Мастит (инфекционный)	6	Клинический осмотр вымени; исследование молока (субклинический мастит); антибиотикотерапия (внутрицистернально + системно); противовоспалительные средства; симптоматическая терапия; контроль эффективности	4 800–6 000	28 800–36 000

Окончание таблицы 1

№ п/п	Заболевание/Группа заболеваний	Количество больных коров, гол.	Основные лечебно-диагностические мероприятия	Затраты на 1 голову, руб.	Общие затраты на группу, руб.
7	Лептоспироз	4	Клинический осмотр; взятие крови; серологические исследования (РА, РМА); антибиотикотерапия (стрептомицин, тетрациклин) (5–7 дней); симптоматическая терапия; регидратация	4 500–5 800	18 000–23 200
Неинфекционные заболевания					
8	Гипофункция яичников	5	Ректальное исследование; УЗИ яичников; гормональная терапия (гонадотропины, простагландины) (2–3 инъекции); контроль полового цикла	1 200–1 800	6 000–9 000
9	Родильный парез	3	Клинический осмотр; внутривенное введение кальция (2–3 инъекции); сердечные средства; витаминотерапия; контроль состояния	2 500–3 200	7 500–9 600
10	Кетоз (субклинический)	4	Клинический осмотр; лабораторное исследование крови (кетоновые тела); глюкозотерапия; витаминотерапия; коррекция рациона	1 800–2 500	7 200–10 000
Итого по	25				

В итоге проведенной аналитической работы удается установить, что оптимизация затрат при лечении крупного рогатого скота должна быть основана на ранее проводимых диагностических и профилактических мероприятиях и связана с ними. Отсюда формируются ключевые направления фармакоэкономики. К таким направлениям можно отнести следующие.

1. Оптимизация ветеринарных затрат через создание методологической модели фармакоэкономического анализа – полный статистический анализ всех затрат на лекарственные средства. Данное направление состоит из статистической, аналитической и имитационной моделей.

2. Анализ «затраты-эффективность» и «затраты-полезность» – методика, основанная на поэтапном анализе всех затрат за промежуток времени в определенной последовательности, согласно следующим этапам: анализ затраты-эффективность, анализ затраты-полезность, сохраненные годы качественной жизни и анализ влияния на бюджет [4; 5].

Таким образом, использование изученных направлений оптимизации фармакоэкономических затрат позволяет установить их высокую эффективность при оптимизации затрат сельскохозяйственных предприятий, что положительно влияет на региональную экономику.

Список литературы

1. Быковская М.А. Фармакоэкономика: учебно-методическое пособие для студентов факультета биотехнологии по специальности «Ветеринарная фармация» / М.А. Быковская, М.В. Базылев. – Витебск: ВГАВМ, 2016. – 24 с.

2. Лукьянов П.Б. Компьютерные программы «КОРАЛЛ»: автоматизация управления ветеринарными мероприятиями / П.Б. Лукьянов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2021. – №11. – С. 50–57. DOI 10.31442/0235-2494-2021-0-11-50-57. EDN MROVYQ

3. Мельцов И.В. Оценка эффективности системы ветеринарного контроля в Иркутском районе Иркутской области / И.В. Мельцов, Л.Я. Юшкова, А.В. Юдаков, А.В. Запрудских // Нормативно-правовое регулирование в ветеринарии. – 2026. – №1. – С. 63–66.

4. Понамарёв В.С. Методологические особенности реализации фармакоэкономических моделей в ветеринарной медицине / В.С. Понамарёв // Нормативно-правовое регулирование в ветеринарии. – 2024. – №1. – С. 66–69. DOI 10.52419/issn2782-6252.2024.1.66. EDN KCQSEK

5. Попова Е.А. Основы фармакоэкономики / Е.А. Попова, М.И. Кодониди, О.Г. Ивченко. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2022. – 68 с. EDN ZYMSYG

Шепель Светлана Юриковна
студентка
Научный руководитель
Анисимова Марина Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ НИОКР

Аннотация: *в статье отмечается, что внедрение цифровых технологий и методов искусственного интеллекта создает новые возможности для совершенствования процессов анализа себестоимости промышленной продукции. Выявлены преимущества применения искусственного интеллекта в ценообразовании по сравнению с традиционным способом. Отмечается важность использования искусственного интеллекта в мониторинге цен на материалы, что позволяет контролировать стоимость исполнения долгосрочных контрактов.*

Ключевые слова: *цифровизация, искусственный интеллект, ценообразование, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.*

В современных условиях развития промышленности особую актуальность приобретает вопрос повышения эффективности процессов формирования цен на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Сложность ценообразования в сфере НИОКР обусловлена высокой степенью уникальности разрабатываемой продукции, длительными сроками реализации проектов, значительным объемом исходных данных и необходимостью оперативного анализа большого количества экономической и производственной информации. Н.Н. Горбачевым, И.И. Ганчеренок отмечается, что одним из наиболее перспективных направлений совершенствования системы ценообразования в НИОКР является внедрение технологий искусственного интеллекта [1].

Отечественные авторы внесли значительный вклад в развитие роли искусственного интеллекта в трансформации ценообразования. В.Д. Деркович рассматривает возможности искусственного интеллекта в области прогнозирования цен, корректировки стоимости продукции и автоматизации рутинных операций, подчеркивает его значимость как инструмента повышения эффективности и укрепления конкурентоспособности предприятий [2]. М.М. Ащепкова, Е.В. Дрогин, О.М. Шупило выявили беспрецедентную точность и гибкость искусственного интеллекта в преобразовании стратегии ценообразования в бизнесе [3]. М. А. Анисимова отмечает усиление использования искусственным интеллектом моделей в ценообразовании, основанных на динамичных инновациях, что позволяет быстро адаптироваться к меняющейся среде [4]. В общем случае в экономической литературе под

искусственным интеллектом в сфере ценообразования понимается совокупность цифровых технологий, программных алгоритмов и аналитических систем, способных автоматически анализировать финансово-экономические показатели предприятия, рассчитывать себестоимость продукции, выявлять отклонения затрат, прогнозировать изменения стоимости ресурсов и формировать рекомендации по определению экономически обоснованной цены контракта.

Особенно важным применение искусственного интеллекта становится для предприятий промышленного комплекса, осуществляющих разработку научно-технической продукции, в том числе в рамках государственного оборонного заказа. Значительное количество расчетно-калькуляционных материалов, необходимость анализа прямых и накладных расходов, оценка рентабельности, подготовка документации для Федеральной антимонопольной службы и государственного заказчика требуют высокой скорости обработки информации и минимизации вероятности ошибок.

На промышленных предприятиях значительный объем времени экономических подразделений затрачивается на подготовку расчетно-калькуляционных материалов, распределение накладных расходов между товарными группами, проверку экономической обоснованности затрат и формирование прогнозных цен контрактов. При традиционном подходе обработка информации осуществляется вручную либо с использованием разрозненных программных комплексов, что существенно увеличивает вероятность возникновения ошибок и снижает скорость подготовки документации.

Внедрение искусственного интеллекта предполагает создание единой автоматизированной системы анализа себестоимости продукции, основанной на обработке данных бухгалтерской отчетности, контрактной документации, производственных показателей и статистики исполнения ранее заключенных контрактов. Такая система способна автоматически распределять накладные расходы между товарными группами, рассчитывать коэффициенты рентабельности, выявлять аномальные отклонения затрат и прогнозировать стоимость выполнения новых контрактов.

Себестоимость продукции состоит из суммы прямых и накладных расходов. Если сумма накладных расходов слишком большая, значит и себестоимость продукции будет завышенной. В таком случае необходимо оценивать сам состав данных расходов, на предмет необоснованности величин включенных в него статей. Если же накладные расходы будут непропорционально низкими – заказчику стоит задуматься, не является ли это намеренным занижением себестоимости для победы в тендере на получение контракта.

Как показывает практика, применение искусственного интеллекта в ценообразовании на промышленную продукцию позволяет:

− автоматически производить распределение накладных расходов пропорционально выручке предприятия;

− формировать расчетную себестоимость продукции относительно объективно распределенных накладных расходов, а также рекомендации по корректировке структуры затрат, что снижает вероятность предъявления претензий со стороны государственного заказчика и Федеральной антимонопольной службы, а также повысить объективность формирования цены контракта;

− анализировать показатели рентабельности и производительности труда предприятия, прогнозировать эффективность исполнения будущих контрактов, определять допустимый уровень прибыли.

При использовании традиционного подхода в ценообразовании продукции указанные расчеты требуют значительных временных затрат со стороны экономических подразделений предприятия. Внедрение искусственного интеллекта позволяет сократить время подготовки расчетно-калькуляционных материалов в среднем на 40–60%, снизить вероятность арифметических ошибок и повысить точность прогнозирования себестоимости продукции [5].

Важным преимуществом внедрения искусственного интеллекта является возможность постоянного мониторинга цен на материалы, комплектующие изделия, энергоресурсы и услуги кооперации. Система способна автоматически анализировать изменение рыночных индикаторов и прогнозировать влияние инфляционных процессов на стоимость исполнения долгосрочных контрактов. Это особенно важно для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, сроки выполнения которых могут составлять несколько лет.

Список литературы

1. Горбачев Н.Н. Искусственный интеллект в управлении и управление искусственным интеллектом / Н.Н. Горбачев, И.И. Ганчеренок // Глобальная конкуренция и цифровое лидерство: сценарии устойчивого будущего: монография. – Минск: Информационно-вычислительный центр Минфина Республики Беларусь, 2025. – С. 36–54. EDN FJNEGM

2. Деркович В.Д. Искусственный интеллект в ценообразовании: возможности, практика и перспективы развития / В.Д. Деркович, В.Ф. Карпович // Современная научно-образовательная среда: междисциплинарный подход: сборник статей Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 декабря 2025 г.). В 3-х ч. – Уфа: Аэтерна, 2025. – С. 33–37. EDN YNEZRI

3. Ащепкова М.М. Интеграция ценообразования с искусственным интеллектом / М.М. Ащепкова, Е.В. Дрогин, О.М. Шупило // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – №2–2(120). – С. 32–34. DOI 10.24412/2411-0450-2025-2-2-32-34. EDN LXOSOI

4. Анисимова М.А. Регулирование конкуренции в сфере интеллектуальной собственности как условие развития наукоемкой экономики / М.А. Анисимова // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы III Уральского экономического форума (Екатеринбург, 21–22 октября 2021 г.). – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2021. – С. 71–74. EDN ENSRVH

5. Эффективность госзакупок и изменение способов определения поставщиков в условиях внешнеэкономических ограничений: правовые аспекты / Е.А. Скворцов, М.А. Анисимова, В.П. Черданцев, И.М. Гулиев // Международный правовой курьер. – 2025. – №1. – С. 62–67.

6. Анисимова М.А. Будущее картелей на торгах: доказательства, ответственность / М.А. Анисимова // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 14 мая 2025 г.). – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2025. – С. 11–14. EDN VPGRUM

Шеренкова Мария Петровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ФИНАНСИРОВАНИЕ ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩИХ ПРОЕКТОВ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Аннотация: *в статье исследуется проблема финансирования импортозамещающих проектов как ключевого условия достижения технологического суверенитета Российской Федерации. Цель работы – систематизировать основные механизмы государственной поддержки промышленных предприятий, проанализировать текущее состояние рынка частных инвестиций в условиях ограниченного доступа к западному капиталу и предложить направления совершенствования финансовой архитектуры импортозамещения.*

Ключевые слова: *импортозамещение, государственная поддержка, частные инвестиции, Фонд развития промышленности, льготное кредитование, государственные закупки, технологический суверенитет, инвестиционные фонды, государственно-частное партнёрство, финансовые инструменты.*

Анализ современных публикаций и исследовательских подходов.

Институциональная основа и нормативное регулирование финансирования импортозамещения. Финансовое обеспечение политики импортозамещения в Российской Федерации

опирается на систему нормативных актов, включая Федеральный закон «О промышленной политике» и отраслевые планы импортозамещения, утверждённые профильными министерствами. Ключевым элементом институциональной архитектуры выступает таксономия проектов технологического суверенитета, определяющая приоритетные направления для государственной поддержки. В научной литературе подчёркивается, что эффективность финансовых механизмов напрямую зависит от качества правового регулирования – чёткости критериев отбора проектов, прозрачности процедур распределения средств и наличия механизмов контроля за их целевым использованием. Исследователи отмечают, что государственная структурная политика импортозамещения требует комплексного подхода, включающего кластерно-рыночные, платформенно-технологические, институциональные и финансово-инвестиционные инструменты. При этом основным субъектом такой политики выделяется государственно-частное партнёрство, которое позволяет объединить ресурсы и компетенции обеих сторон для решения масштабных задач технологической модернизации.

1. Природа Механизмы государственной поддержки импортозамещающих проектов. Государственное финансирование импортозамещения реализуется через широкий спектр инструментов, среди которых центральное место занимает Фонд развития промышленности (ФРП). С момента своего создания в 2015 году фонд профинансировал более двух тысяч проектов из 79 регионов России, общая сумма выданных льготных займов превысила 670 млрд рублей, при этом большая часть средств была направлена на импортозамещающую продукцию, не имеющую отечественных аналогов. Механизм работы ФРП предполагает предоставление займов по ставкам 3% и 5% годовых в суммах от 5 млн до 2 млрд рублей, что делает такое финансирование доступным для предприятий различного масштаба. Важно отметить мультипликативный эффект: вместе со средствами фонда в экономику страны привлечено около 1,5 трлн рублей частных инвестиций. Кроме того, значимым инструментом поддержки выступает грантовая программа «доращивания» поставщиков корпораций, реализуемая Минэкономразвития с 2022 года, в рамках которой уже поддержано 100 технологических проектов на сумму более 15 млрд рублей, причём 70% из них реализуются малыми технологическими компаниями. Приоритетные направления поддержки охватывают электронную и электротехническую промышленность, нефтегазовое, железнодорожное и энергетическое машиностроение, что соответствует задачам обеспечения технологического суверенитета страны.

2. Роль государственных закупок как инструмента поддержки отечественных производителей. Система государственных закупок выступает не только как канал формирования спроса на импортозамещающую продукцию, но и как косвенный механизм финансирования отечественных производителей. В рамках унификации инструментов импортозамещения при осуществлении закупок по Законам №44-ФЗ и №223-ФЗ предусмотрены три категории мер поддержки: полный запрет на участие для иностранных производителей, ограничение по принципу «второй лишний» и ценовые преференции для отечественных товаров. Перечень продукции, в отношении которой введён полный запрет, насчитывает почти 150 категорий – от лифтов и вертолётов до аудиторских и консультационных услуг, а ограничения охватывают ещё более широкую номенклатуру – около 500 категорий товаров, включая строительные материалы, промышленное оборудование, медицинские изделия и продукты питания. Исследования показывают, что при правильной настройке нормативно-правовой среды государственные закупки могут стать мощным инструментом формирования устойчивого спроса, локализации технологий и стимулирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, однако их эффективность сдерживается наличием многочисленных исключений и недостаточной институциональной проработкой механизмов контроля.

3. Частные инвестиции в условиях ограниченного доступа к западному капиталу. После 2022 года доступ к западным инвестициям для российских компаний существенно ограничился, что потребовало перестройки всей системы привлечения частного капитала. Как отмечают аналитики, рынок инвестиций не исчез, но изменился его состав: ключевыми

игроками стали частные инвесторы и фонды из стран Азии, Ближнего Востока и СНГ, российские венчурные и частные фонды, государственные структуры, а также крупные российские корпорации, которые заменяют международных инвесторов. Приоритетными нишами для инвестиций выступают импортозамещение (производство компонентов, оборудования, материалов), технологии (разработка ПО, кибербезопасность, финтех), агробизнес и логистика. При этом традиционные инструменты – банковские кредиты и IPO – уступают место альтернативным способам привлечения капитала: краудфандингу и краудинвестингу, частным инвестициям через бизнес-сообщества, корпоративным партнёрствам и государственным субсидиям.

4. Проблема импортозамещения институтов прямых инвестиций. Одним из наиболее острых вопросов современной финансовой архитектуры импортозамещения является замещение ушедших западных фондов прямых инвестиций. Как отмечает глава инвестиционного холдинга Kismet Capital Group Иван Таврин, за последние четыре года накопленный пул прямых иностранных инвестиций в Россию сократился с 500 до 270 млрд долларов, и восполнить этот разрыв возможно только через развитие отечественной индустрии private equity. Сегодня в России объём инвестиций в частный бизнес под управлением специализированных фондов составляет менее 1% ВВП, тогда как в мире этот показатель достигает 9%. При этом в стране сосредоточено более 10 трлн рублей пенсионных накоплений и средств страховых компаний, однако 80% этих денег инвестированы в инструменты с фиксированной доходностью, а на рынке альтернативных инвестиций практически ничего не работает. По оценкам экспертов, для заметного вклада в экономику достаточно высвободить около 5% долгосрочного капитала пенсионных фондов и страховых компаний – примерно 500 млрд рублей, что при размещении через несколько десятков фондов даст мультипликативный эффект. Определённые шаги в этом направлении уже сделаны: Центральный банк смягчил условия участия негосударственных пенсионных фондов в IPO, разрешив им приобретать до 10% от общего объёма размещения вместо прежних 5%

Перспективные формы государственно-частного партнёрства в финансировании импортозамещения. Научные исследования выделяют несколько ключевых форм государственно-частного партнёрства в сфере импортозамещения: инвестиционный контракт жизненного цикла, проектно-модернизационное партнёрство и партнёрство по внедрению передовых технологий. Эти форматы позволяют распределить риски и ответственность между государством и бизнесом, обеспечивая долгосрочную устойчивость импортозамещающих проектов. Конкретные примеры демонстрируют эффективность такого взаимодействия: на «Заводе бурового оборудования» в Оренбургской области льготные займы ФРП позволили запустить роботизированный цех, сократить трудоёмкость операций механической обработки в два раза и увеличить долю предприятия на рынке бурильных труб с 30 до 40%. На ярославском заводе «Красный Маяк» благодаря 74,7 млн рублей из ФРП мощности по выпуску тяжёлых промышленных вибромоторов выросли в девять раз, что позволило заместить импорт из США, Германии, Италии и Китая. Эти кейсы подтверждают, что сочетание государственного льготного финансирования и частных инвестиций создаёт основу для реального технологического прорыва в критически важных отраслях.

Выводы и система мер по повышению эффективности финансирования импортозамещающих проектов.

Проведённый анализ позволяет заключить, что существующая система финансирования импортозамещающих проектов в Российской Федерации демонстрирует позитивную динамику, однако сталкивается с рядом системных ограничений. Ключевым достижением является создание и масштабирование институтов государственной поддержки, прежде всего Фонда развития промышленности и грантовых программ «доращивания», которые обеспечивают доступное финансирование для сотен предприятий и привлекают значительные объёмы частных инвестиций. Вместе с тем остаются нерешёнными проблемы, связанные с дефицитом долгосрочного капитала для прямых инвестиций, недостаточной глубиной

проработки инструментов государственно-частного партнёрства и сохраняющейся асимметрией информации между государственными структурами, бизнесом и финансовыми институтами.

Развитие институтов долгосрочного инвестирования. Для восполнения утраченного пула прямых иностранных инвестиций необходима системная работа по созданию отечественной private equity индустрии, использующей пенсионные накопления и средства страховых компаний в качестве источника «длинных» денег для импортозамещающих проектов. Требуется дальнейшее смягчение нормативных ограничений для негосударственных пенсионных фондов в части инвестирования в акционерный капитал частных компаний, а также разработка механизмов государственного страхования таких инвестиций для снижения рисков. Целесообразно создание специализированных фондов прямых инвестиций, ориентированных на приоритетные отрасли импортозамещения, с софинансированием со стороны ВЭБ.РФ и частных инвесторов.

Совершенствование механизмов государственной поддержки. Необходимо расширение линейки программ Фонда развития промышленности с учётом отраслевой специфики и масштаба предприятий, включая специальные продукты для малых технологических компаний, которые демонстрируют наибольшую гибкость и готовность решать сложные задачи импортозамещения. Важно упрощение процедур подачи заявок и сокращение сроков принятия решений по предоставлению льготных займов, а также внедрение системы «единого окна» для доступа к различным мерам государственной поддержки. Целесообразно увеличение объёмов финансирования грантовых программ «доращивания» с учётом высокого спроса – общий объём запрошенного финансирования по программе превысил 80 млрд рублей.

Оптимизация механизмов государственных закупок. Следует пересмотреть перечни исключений из запретов и ограничений на закупку иностранной продукции с целью минимизации лазеек для обхода национального режима. Необходима разработка чётких критериев для выдачи разрешений Минпромторга на закупку импортной продукции, а также усиление контроля за соблюдением установленных квот на долю закупок товаров российского происхождения для заказчиков, работающих по Закону №223-ФЗ. Целесообразно внедрение системы рейтингования поставщиков, учитывающей уровень локализации производства и глубину переработки, что позволит стимулировать не просто замену конечного продукта, а создание полных технологических цепочек внутри страны.

Формирование системы мониторинга и оценки эффективности. Требуется внедрение обязательной системы оценки бюджетной и экономической эффективности каждого поддержанного проекта с учётом мультипликативных эффектов для смежных отраслей. Необходима разработка единой методологии расчёта показателей импортозамещения, позволяющей объективно оценивать вклад каждого проекта в снижение зависимости от иностранных поставок. Целесообразно создание открытой базы данных о реализованных проектах, содержащей информацию об источниках финансирования, достигнутых результатах и возникших проблемах, что позволит тиражировать успешные практики и избегать повторения ошибок.

Таким образом, повышение эффективности финансирования импортозамещающих проектов требует системной трансформации всей финансовой архитектуры – от совершенствования инструментов государственной поддержки до создания полноценной индустрии отечественных прямых инвестиций. Комплексное применение предложенных мер позволит не только восполнить образовавшийся инвестиционный разрыв, но и создать устойчивую финансовую основу для технологического суверенитета и долгосрочной конкурентоспособности российской промышленности.

Список литературы

1. Усков В.В. Методы оценки влияния импортозамещения на стимулирование развития отечественного производства в РФ / В.В. Усков, Д.А. Дударов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, №9А. – С. 691–698. – DOI: 10.34670/AR.2022.28.57.005. EDN UAZALQ

2. Борисов В.Н. Метод оценивания процесса импортозамещения на российском рынке инвестиционного оборудования и его статистическое обеспечение / В.Н. Борисов, О.В. Почукаева // Вестник НГУЭУ. – 2019. – №3. – С. 94–108. – DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-094-108. – EDN Э2РШ. EDN GZPDBV

3. Лакин А.А. Подходы к оценке инновационных проектов в рамках программ импортозамещения / А.А. Лакин // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, №3. – С. 17. – EDN PPYXБЭ. EDN PPYXSG
4. Импортозамещение: хотеть недостаточно // Российская газета. – Экономика и жизнь, 2015. – URL: http://www.eg-online.ru/article/261445/ (дата обращения: 05.07.2026).
5. Мартьянова М.А. Влияние импортозамещения на экономику России в 21 веке / М.А. Мартьянова, А.В. Голубин // Вектор экономики. – 2024. – №12 (102). – EDN XJOBYB.

Шорохова Виталина Григорьевна
студентка
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье анализируется сущность и содержание финансовой работы государства и муниципалитетов как важнейшего инструмента публичного управления. Последовательно раскрываются базовые принципы – законность, гласность, плановость, а также специальные принципы самостоятельности муниципалитетов и их государственной финансовой поддержки. Результатом анализа становится целостное представление о финансовой деятельности публично-правовых образований.*

Ключевые слова: *финансовая деятельность государства, финансовая деятельность местного самоуправления, местное самоуправление, принцип законности, принцип гласности.*

Актуальность исследования обусловлена современными экономическими вызовами и необходимостью эффективного перераспределения публичных денежных фондов. Анализ принципов и механизмов финансовой деятельности государства и местного самоуправления имеет не только теоретическое, но и практическое значение для совершенствования бюджетного законодательства.

Нет лучшего способа управления государством, чем управление при помощи денег, более эффективного средства управления человечество пока не придумало. Регулируя и направляя потоки денежных средств для образования денежных фондов, которые затем используются на нужды общества, государство, таким образом, стимулирует или, наоборот, сокращает деятельность по определенным направлениям.

Между понятиями «деньги» и «финансы» существует принципиальная разница. Деньги – это универсальная мера, через которую узнается величина трудовых затрат производителей. Финансы же – это экономический рычаг, который занимается распределением и перераспределением созданного в стране продукта и дохода, а также контролирует процесс формирования и расходования денежных фондов.

Будучи обобщенным понятием, финансы объединяют в себе не только различные, но и разнородные экономические и правовые институты, отношения, возникающие в сфере финансов, приобретают ту юридическую фазу, которая предопределена ролью и функциями соответствующего финансового института [3, с. 142].

Финансовую деятельность государства можно определить как особый вид государственной деятельности, которая включает в себя и законодательную деятельность представительных органов государства в области финансов (установление и введение налогов и сборов), и управленческую деятельность органов исполнительной власти, направленную на создание,

распределение и использование фондов денежных средств, как централизованных, так и децентрализованных, необходимых для финансового обеспечения деятельности органов государства, безопасности и обороны страны, социально-экономического развития общества, а также на практическую реализацию нормативных правовых актов в сфере финансовых отношений [4, с. 146].

В ходе финансовой деятельности государство непрерывно вносит коррективы в процесс формирования денежных фондов. Одновременно проводятся многочисленные согласования между различными уровнями управления.

Всё это делается ради одной цели – добиться такого положения, при котором доходы фонда равны его расходам.

Правовая основа финансовой деятельности возникает из-за товарно-денежных отношений в обществе и потребности в специальных денежных фондах для удовлетворения общественных нужд. Такую деятельность ведут государство, муниципалитеты и хозяйствующие субъекты.

При этом предприятия, использующие государственную или муниципальную собственность, находятся в более жёстких рамках по сравнению с частными.

В основе финансовой деятельности любого государства лежат определённые принципы, которые в России прямо зафиксированы в Конституции Российской Федерации. Речь идёт об основополагающих положениях, обязательных для всей публичной власти. Среди них можно выделить три важнейших: законность, гласность и плавность.

Законность в финансовой сфере означает, что все этапы – от создания денежных фондов до их использования – строго регулируются нормами финансового права.

Гласность реализуется через публичное информирование граждан, в том числе через СМИ, о проектах финансовых документов, отчётах об их исполнении, а также о результатах проверок и ревизий.

Плановость предполагает, что финансовая деятельность государства и муниципалитетов опирается на систему финансово-плановых документов: федеральный бюджет, региональные и местные бюджеты, бюджеты государственных внебюджетных фондов социального назначения.

Безусловно, базовым фондом государства выступает его бюджет, формирующий основу экономики, наряду с децентрализованными фондами денежных средств государственных предприятий и учреждений.

Однако превалирующая роль названных фондов не означает, что финансовая деятельность государства не затрагивает функционирование иных фондов, в том числе выражающих личные финансы. Напротив, через налоги, социальные выплаты, регулирование доходов и сбережений государство активно влияет на финансовое положение граждан, связывая публичные финансы с личным потреблением и накоплением [2, с. 282].

Деятельность государства и муниципалитетов в финансовой сфере – это многоступенчатый и детально урегулированный нормами права процесс, включающий планомерное создание, распределение и расходование денежных фондов, которые необходимы для решения публичных задач.

Важно подчеркнуть, что в финансовой деятельности участвуют все три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Исходя из этого следует понимать, что сводить её лишь к «управленческой» функции неверно, так как это комплексный правовой и экономический процесс.

Местное самоуправление ведёт финансовую деятельность через свои органы в рамках их компетенции, а в отдельных случаях – с прямым участием населения соответствующей территории.

Финансовую деятельность на уровне местного самоуправления осуществляют преимущественно представительные и исполнительные органы муниципалитетов, которые утверждают бюджет и контролируют его исполнение. Однако в ряде случаев к этому процессу

напрямую привлекается население: через публичные слушания по бюджету, инициативное бюджетирование, территориальное общественное самоуправление или сходы граждан. Таким образом, финансовая деятельность местного самоуправления не сводится только к бюрократическим процедурам, а предполагает участие жителей в распределении и контроле публичных средств.

Уникальность финансовой деятельности заключается в её всепроникающем характере, так как в ней участвуют все ветви власти. Конечная цель финансовой деятельности – достижение баланса публичных доходов и расходов, однако на практике поиск равновесия приводит к использованию кредитных механизмов и бюджетному дефициту, что отражает объективные противоречия между общественными потребностями и реальными экономическими возможностями государства.

Подводя итог, стоит сказать, что финансовая деятельность государства и местного самоуправления – это сложный правовой механизм, затрагивающий интересы каждого гражданина. Без неё невозможно функционирование ни бюджетной системы, ни социальных программ, ни обороноспособности. Поэтому её регламентация нормами финансового права и контроль со стороны всех ветвей власти – не прихоть, а необходимость.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 ред. от 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.05.2026).

2. Белогорцева Х.В. Финансовая деятельность государства и борьба с экстремизмом и терроризмом / Х.В. Белогорцева // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2024. – С. 282–284. EDN RPBIZO

3. Запольский С.В. Финансовый механизм как основа российской государственности: научная статья / С.В. Запольский // Государство и право. – 2024. – №11. – С. 139–151. DOI 10.31857/S1026945224110127. EDN XCZTAJ

4. Пепчук А.А. Финансовая деятельность государства: понятие, формы, методы и принципы / А.А. Пепчук // Научный вектор: сборник научных трудов. – Ростов н/Д.: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2024. – С. 146–148. EDN MEAKOD

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Гусейнова Гузель Мухтаровна
почетный работник сферы образования РФ,
канд. экон. наук, доцент, доцент
Черданцева Анастасия Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный экономический университет»
г. Санкт-Петербург

НАЛОГОВЫЙ СТАТУС ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ И ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу современного состояния налогообложения криптовалют в условиях глобального перехода к автоматическому обмену информацией. На примере подходов Европейского Союза, США и Китая рассматриваются три различные модели регулирования: всеобъемлющая регламентация, ужесточение налогового контроля и тотальный запрет. Особое внимание уделяется российской системе налогообложения цифровой валюты, введенной в 2025–2026 годах, а также предлагаются направления ее совершенствования с учетом международного опыта и национальных интересов.*

Ключевые слова: *криптовалюта, цифровая валюта, налогообложение, MiCA.*

2026 год стал переломным моментом в налогообложении криптовалют, когда 48 юрисдикций, включая страны Европейского Союза, Великобританию, Бразилию и Южную Корею, внедрили Основу отчетности по криптоактивам ОЭСР, ознаменовав переход от эпохи саморегулирования к эре принудительного налогового контроля. В данных условиях каждая страна выбирает собственный подход, и в статье анализируются три принципиально различные модели.

Европейский Союз демонстрирует наиболее комплексный путь, основанный на системной интеграции и налоговой прозрачности. Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets) создал унифицированное правовое поле для всех 27 государств-членов [6], а Директива DAC8 (Directive on Administrative Cooperation), вступившая в силу с января 2026 года, обязывает провайдеров крипто-услуг собирать информацию о налоговом резидентстве пользователей и передавать её для автоматического обмена между странами ЕС. Ключевая новация – механизм принуждения, позволяющий блокировать транзакции, если пользователь в течение 60 дней не предоставит требуемые данные [4]. Налоговые ставки при этом различаются: в Германии доходы от продажи криптовалют, удерживаемых более года, полностью освобождаются от налога на прирост капитала, что стимулирует долгосрочные инвестиции; во Франции действует фиксированная ставка 30%, а Испания требует декларирования зарубежных криптоактивов при превышении порога в 50 тысяч евро [5].

Соединенные Штаты избрали путь от саморегулирования к автоматическому контролю. Криптовалюта здесь традиционно рассматривается как имущество, что означает применение правил прироста капитала, однако именно в 2026 году произошёл качественный сдвиг благодаря внедрению формы 1099-DA (Digital Asset Proceeds From Broker Transaction), обязывающей криптобиржи автоматически сообщать в Налоговую службу информацию о продажах и обменах активов. Однако слишком большое количество транзакций с криптовалютой усложняет контроль.

Совершенно противоположная ситуация в отношении криптовалют сложилась в Китае. Абсолютно любая операция с применением криптовалют – майнинг, купля-продажа, инвестирование, использование в качестве платежного средства – запрещена, что объясняется

экологической политикой страны, необходимостью экономии электроэнергии. Следовательно, не возникает вопрос о налогообложении операций с цифровыми валютами. Но на практике запретительные меры не привели к исчезновению рынка криптовалют, что можно рассматривать как потерю налоговых доходов бюджета страны [2, с. 51; 7].

В налоговом регулировании криптовалют в России за последние два года произошли существенные изменения. С введением прогрессивной системы налогообложения с 2025 года доходы физических лиц от майнинга облагаются по прогрессивной шкале: доходы до 2.4 млн руб. – по ставке 13%, а сумма превышения – по ставке 15%; доходы юридических лиц облагаются налогом на прибыль по ставке 25%. Доход от майнинга определяется на основании рыночных котировок криптовалюты на закрытии суточных торгов крупных иностранных бирж с пересчётом в рубли по курсу Банка России, при этом можно вычитать документально подтверждённые расходы. Хотя и по статусу криптовалюты приравниваются к имуществу, на операции купли-продажи криптовалюты минимальный срок владения и имущественный налоговый вычет в размере 250 000 руб. не распространяются [1, ст. 217 п. 1 пп. 17, ст. 220 п. 2 пп. 1].

При операциях купли-продажи доход определяется исходя из фактической цены, но не ниже рыночной котировки, уменьшенной на 20%, а при покупке стоимость не может превышать рыночную котировку, увеличенную на 20% [1, ст. 282.3]. Важно, что операции с цифровой валютой, включая майнинг и реализацию, не облагаются НДС [1, ст. 149 п. 1 пп. 28, 29], что устраняет двойное налогообложение. Кроме того, ФНС РФ ведёт реестр майнеров, а непредоставление сведений влечёт штраф в 40 тысяч рублей [1, ст. 129.16]. В январе 2026 года Госдума приняла в первом чтении законопроект, выводящий майнинг и оборот цифровой валюты из-под действия общего закона о государственном контроле, что делает ФНС РФ единственным контролирующим органом и создаёт условия для специализированного регулирования.

Российская модель обладает рядом преимуществ, которые важно сохранить и развить: дифференцированный подход к налогообложению майнинга и торговых операций, отсутствие налога на добавленную стоимость и применение ставки налога на доходы физических лиц, сопоставимые с доходами от ценных бумаг. Однако главное преимущество фискальной политики России заключается в возможности создать регулируемый рынок «с нуля», учитывая ошибки других стран. По оценкам РАКИБ, в стране насчитывается около 11 миллионов владельцев криптоактивов на сумму до 550 миллиардов рублей [3], которые в настоящее время находятся вне правового поля, и их легализация могла бы принести значительный налоговый доход.

Вместе с тем действующая система требует дальнейшего совершенствования по четырём основным направлениям.

Первая проблема – сложность расчёта налогооблагаемой базы для активных трейдеров, использующих децентрализованные финансы, кросс-чейн мосты и множественные кошельки. В отличие от США, где внедрена форма 1099-DA, в России отсутствует механизм автоматической передачи данных от иностранных бирж в ФНС. Решением могло бы стать создание национальной сети лицензированных крипто-бирж и автоматической передачей данных в налоговые органы по аналогии с системой, действующей на фондовом рынке.

Вторая проблема касается налогообложения майнинга: действующее правило требует уплаты налога на прибыль в момент получения криптовалюты, а не в момент её реализации, что создаёт проблему ликвидности для майнеров. Перенос момента налогообложения на дату реализации, как это сделано в Германии и США, позволил бы снизить налоговую нагрузку и устранить риск уплаты налога с нереализованного дохода.

Третья проблема – отсутствие интеграции с глобальной системой CARF (Crypto-Asset Reporting Framework): Россия пока не присоединилась к автоматическому обмену информацией о крипто-активах с другими странами, что хотя и создаёт налоговый суверенитет, но одновременно позволяет капиталам уходить в юрисдикции с более прозрачным режимом. В

среднесрочной перспективе целесообразно рассмотреть возможность присоединения к CARF с сохранением контроля над передаваемыми данными.

Четвёртая проблема – отсутствие стимулов для долгосрочных инвестиций: в отличие от Германии, где удержание криптовалюты более года освобождается от налога, в России подобной льготы нет. Предлагаем ввести полное освобождение от налога на прирост капитала при удержании криптовалюты более трех лет по аналогии с минимальным сроком владения по имуществу.

Таким образом, налогообложение криптовалют вступило в новую фазу, и глобальный тренд однозначно движется от анонимности к прозрачности, от саморегулирования к автоматическому контролю. Россия выбрала собственный путь легализации майнинга и операций с криптовалютой при сохранении государственного контроля и создании национальной инфраструктуры. Действующая налоговая система уже обладает рядом преимуществ, однако её дальнейшее совершенствование – внедрение автоматического обмена информацией между биржами и налоговыми органами, перенос момента налогообложения майнинга на дату реализации и введение стимулов для долгосрочных инвестиций – позволит стране получить конкурентное преимущество в борьбе за капиталы и технологии будущего.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 16 июля 1998 года: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 05.06.2026).

2. Гусейнова Г. М. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта: теория и практика / Г. М. Гусейнова // Новые финансовые решения в условиях перехода России к модели экономики предложения: монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 49–54. EDN VFBLEQ

3. Законна ли криптовалюта в России? Полный разбор 2026 года. – URL: https://moskvach.ru/article/zakonna-li-kriptovalyuta-v-rossii-polnyy-razbor-2026-goda (дата обращения: 04.06.2026).

4. Конец крипто-анонимности в Европе: все, что нужно знать о Директиве DAC8 в 2026 году. – URL: https://vc.ru/id1582425/2692688-direktiva-dac8-v-evrope (дата обращения: 04.06.2026).

5. Налогообложение криптовалюты в разных странах мира. – URL: //https://iworld.com/ru/blog/tax-cryptocurrency#close (дата обращения: 04.06.2026).

6. Положение MiCA 2026. Руководство по лицензированию & соблюдению требований. – URL: https://adamsmith.lt/ru/mica-license-2025/ (дата обращения: 04.06.2026).

7. Регулирование криптовалюты в Китае: что изменилось для схемы КАРГО с USDT. – URL: https://scsconsulting.io/blog/regulirovanie-kriptovalyuty-v-kitae-kargo-usdt-2026 (дата обращения: 04.06.2026).

Зайнуллин Максим Альбертович
магистрант
ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПРАКТИКА САМОЗАНЯТОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: *статья посвящена анализу практики самозанятости в зарубежных странах в условиях трансформации современного рынка труда и развития цифровой экономики. Рассматриваются сущность самозанятости, ее основные признаки, преимущества и риски, а также особенности правового и социально-экономического положения самозанятых граждан. Особое внимание уделяется сравнительному анализу моделей регулирования самозанятости в странах Европы, США и Канаде.*

Автором показано, что самозанятость в разных странах выступает как важный инструмент повышения занятости населения, развития малого предпринимательства и адаптации экономики к новым формам трудовой деятельности. При этом выявлено, что эффективность самозанятости во многом зависит от государственной политики в сфере

налогообложения, социальной защиты, правового статуса самозанятых и регулирования платформенной занятости.

Ключевые слова: *самозанятость, фриланс, платформенная занятость, налоговые режимы, малое предпринимательство, цифровая экономика, рынок труда, социальная защита, зарубежный опыт, государственное регулирование.*

Введение.

Самозанятость в современном мире выступает одной из наиболее динамично развивающихся форм экономической активности населения. Ее распространение связано с трансформацией рынка труда, ростом цифровых платформ, изменением структуры занятости, а также стремлением граждан к более гибким формам получения дохода. Во многих зарубежных странах самозанятость рассматривается не только как способ индивидуального предпринимательства, но и как важный элемент национальной экономической политики, направленной на снижение безработицы, стимулирование инноваций и расширение налоговой базы.

Актуальность изучения практики самозанятости в зарубежных странах обусловлена тем, что различные государства выработали собственные модели регулирования данного сектора. Эти модели различаются по степени правовой формализации, налоговой нагрузке, уровню социальной защищенности самозанятых и степени государственной поддержки. Сравнительный анализ зарубежного опыта позволяет выявить наиболее эффективные подходы к регулированию самозанятости и определить возможности их адаптации в других национальных экономиках.

Сущность и особенности самозанятости.

Самозанятость представляет собой форму трудовой деятельности, при которой физическое лицо самостоятельно организует процесс труда, несет ответственность за результаты своей работы и получает доход непосредственно от своей деятельности, а не по трудовому договору с работодателем. В зарубежной практике к самозанятым часто относят индивидуальных предпринимателей, независимых специалистов, фрилансеров, ремесленников, владельцев микробизнеса, а также лиц, работающих через цифровые платформы.

Развитие цифровых технологий значительно расширило сферу самозанятости. Появление онлайн-платформ для поиска заказов, удаленного взаимодействия с клиентами, продажи товаров и услуг создало новые возможности для трудовой активности. В то же время это поставило перед государствами новые задачи, связанные с правовым статусом платформенных работников, налогообложением трансграничных доходов и обеспечением социальных гарантий.

Практика самозанятости в странах Европы.

В европейских странах самозанятость занимает заметное место в структуре рынка труда, однако подходы к ее регулированию существенно различаются. В Германии самозанятые играют важную роль в сфере ремесел, консалтинга, креативных индустрий и малого бизнеса. Государство поддерживает развитие индивидуального предпринимательства через программы льготного кредитования, консультационную помощь, профессиональное обучение и механизмы поддержки стартапов. При этом немецкая система отличается высокой степенью правовой формализации и достаточно строгими требованиями к регистрации деятельности и уплате налогов.

Особый интерес представляет практика Великобритании, где статус self-employed является распространенной формой занятости. Британская модель характеризуется сравнительно простыми процедурами регистрации и отчетности, что делает самозанятость доступной для широких слоев населения. Вместе с тем в последние годы в стране активно обсуждается проблема ложной самозанятости, когда работодатели формально переводят работников в статус независимых исполнителей для снижения социальных обязательств. Это вынуждает государство усиливать контроль за разграничением трудовых и гражданско-правовых отношений.

В Италии и Испании самозанятость также имеет широкое распространение, особенно в сфере услуг, туризма, торговли и семейного бизнеса. Однако в этих странах проблема социальной защищенности самозанятых стоит особенно остро. Высокая зависимость от конъюнктуры рынка и ограниченный доступ к системам страхования делают самозанятых экономически уязвимой категорией. В результате государства постепенно развивают механизмы поддержки, включая субсидии, налоговые льготы и участие в программах социального страхования.

Самозанятость в США и Канаде.

В Соединенных Штатах Америки самозанятость традиционно является важной частью экономики, основанной на ценностях индивидуальной инициативы и предпринимательства. К самозанятым относятся независимые подрядчики, владельцы малого бизнеса, консультанты, представители свободных профессий и участники платформенной экономики. Американская модель отличается высокой степенью рыночной свободы, но при этом предполагает значительную личную ответственность за налоговое планирование, медицинское страхование и пенсионные накопления.

Одним из факторов роста самозанятости в США стало бурное развитие цифровых платформ, таких как Uber, Lyft, Upwork, Fiverr и других. Эти сервисы существенно расширили возможности получения дохода вне традиционных трудовых отношений. Однако рост платформенной занятости вызвал масштабные дискуссии о правовом статусе работников. Центральным вопросом стал выбор между признанием их независимыми подрядчиками и наделением правами наемных работников. Судебная практика и законодательные инициативы в разных штатах демонстрируют неоднозначность подходов к решению этой проблемы.

Канада во многом следует схожей модели, однако канадская система социальной поддержки отличается большей институциональной устойчивостью. Самозанятые граждане Канады обязаны самостоятельно уплачивать налоги и пенсионные взносы, но при этом имеют доступ к ряду государственных и провинциальных программ поддержки малого бизнеса и профессиональной деятельности. Важной особенностью является активное развитие образовательных и консультационных сервисов для начинающих предпринимателей, что способствует снижению рисков и повышению устойчивости самозанятости.

Государственное регулирование и меры поддержки.

Практика зарубежных стран позволяет выделить несколько ключевых направлений государственного регулирования самозанятости. Прежде всего это правовое признание статуса самозанятого и установление четких критериев разграничения между независимой трудовой деятельностью и наемным трудом.

Вторым важным направлением является формирование специальных налоговых режимов. Во многих странах применяются упрощенные схемы учета и уплаты налогов, позволяющие снизить барьеры входа в легальный сектор экономики. Такие режимы особенно востребованы на начальных этапах деятельности, когда доходы самозанятых еще нестабильны. Упрощение отчетности и снижение административных издержек являются одним из наиболее действенных стимулов к легализации деятельности.

Третье направление связано с системой социальной защиты. В наиболее развитых моделях самозанятые получают доступ к пенсионному страхованию, пособиям по временной нетрудоспособности и иным формам поддержки.

Четвертым элементом выступает институциональная поддержка: образовательные программы, консультационные центры, субсидии, гранты, льготное кредитование, цифровые сервисы регистрации и взаимодействия с государством. Зарубежный опыт показывает, что самозанятость развивается наиболее успешно там, где государство не ограничивается фискальной функцией, а формирует полноценную экосистему поддержки малого самостоятельного труда.

References

1. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition / A.L. Kalleberg // American Sociological Review. – 2009. – Vol. 74. – No. 1.
2. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class / G. Standing. – London: Bloomsbury Academic, 2011.
3. De Stefano V. The Rise of the «Just-in-Time Workforce»: On-Demand Work, Crowdwork and Labour Protection in the Gig-Economy / V. De Stefano. – Geneva: ILO, 2016.
4. Eurofound. Exploring Self-Employment in the European Union. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.
5. World Bank. World Development Report: The Changing Nature of Work. – Washington, DC: World Bank, 2019.

Кравченко Виктория Максимовна
студентка
Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

РАСШИРЕНИЕ БРИКС И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается современное состояние и ключевые аспекты развития объединения БРИКС, которое в настоящее время охватывает порядка 45–46 % мирового населения и контролирует значительную долю глобальных стратегических ресурсов, включая углеводороды и продовольствие. Вдоль макрорегионального коридора «Латинская Америка – Африка – Ближний Восток – Азия» формируется транснациональная зона развития, сопровождающаяся созданием новых логистических узлов (ОАЭ, Суэцкий канал). В складывающихся условиях фиксируется трансформация глобальных товарных и финансовых потоков: отмечается интенсификация взаимной торговли между странами-участницами, а также расширение практики расчётов в национальных валютах. Вместе с тем сохраняется ряд системных противоречий, среди которых – структурные дисбалансы между государствами-членами, внутриблоковая конкуренция и усиление внешнего санкционного давления.*

Ключевые слова: *БРИКС, расширение, экономическая география, глобальные потоки, риски.*

Расширение БРИКС в 2024 году запустило механизм комплексной трансформации глобальных экономических потоков. Если ранее объединение воспринималось преимущественно как политический союз, то сегодня оно превращается в один из центров формирования новой архитектуры международных экономических отношений. Процессы трансформации охватывают все ключевые аспекты: переориентацию товарных потоков, формирование новых инвестиционных коридоров и фундаментальные изменения в валютно-финансовой сфере.

Актуальность темы заключается в том, что изучение этих процессов необходимо для понимания того, как перераспределяются торговые потоки, инвестиционные маршруты и центры принятия решений в условиях многополярности.

Трансформация глобальных товарных потоков проявляется прежде всего в стремительном росте взаимной торговли внутри БРИКС. По итогам 2024–2025 годов совокупный взаимный товарооборот стран-участниц объединения превысил 1 трлн долларов и продолжает расти. Этот показатель отражает не просто количественное увеличение торговли, но качественные

изменения в её географии и структуре, обусловленные стремлением стран БРИКС снизить зависимость от традиционных западных рынков.

Снижение зависимости от традиционных западных рынков носит не спонтанный, а стратегически осознанный характер. Если ранее потоки энергоресурсов и продовольствия в значительной степени контролировались корпорациями с центром принятия решений в США и Европе, то сегодня формируется новая система в рамках самого БРИКС, что существенно повышает устойчивость цепочек поставок к внешним шокам.

Значимую роль в этих процессах играет Новый банк развития (НБР) БРИКС. Созданный изначально странами «пятерки», НБР к середине 2025 года существенно расширил состав участников: к нему присоединились Алжир, Колумбия и Узбекистан, а также Бангладеш, ОАЭ и Египет, принятые ранее. На данный момент НБР одобрил более 120 инвестиционных проектов на общую сумму 40 млрд долларов. Превратившись из замкнутого банка БРИКС в глобальный инструмент развития, институт вместе с изменением товарных и инвестиционных маршрутов обеспечивает создание независимого экономического контура объединения [1, с. 65]. Этот контур не направлен на полную изоляцию от западной экономики, но обеспечивает странам – участницам существенно большую устойчивость и независимость от внешних воздействий.

Наиболее очевидным вызовом для устойчивости БРИКС+ выступает разрыв в уровнях экономического развития между участниками объединения. Разница между ВВП на душу населения Объединённых Арабских Эмиратов (около 50 тыс. долл. США) и Эфиопии (примерно 1,5 тыс. долл. США) составляет более чем 30-кратную величину. Такая поляризация создаёт противоречия при согласовании общих правил торговли. Государства с высоким доходом на душу населения (ОАЭ, Саудовская Аравия) заинтересованы в продвижении технологических стандартов и «зелёных» ограничений, тогда как страны с низким уровнем дохода (Эфиопия, Уганда) ставят во главу угла индустриализацию и доступ к дешёвым энергоресурсам без экологических оговорок. Этот дисбаланс способен парализовать выработку консолидированных решений по ключевым вопросам экономической политики.

Вторым пластом внутренних противоречий является прямая экономическая и политическая конкуренция между отдельными членами БРИКС+. Отношения между Саудовской Аравией и Ираном, несмотря на дипломатическое урегулирование при посредничестве Китая в 2023 году, сохраняют значительный потенциал конфликтности, особенно в сфере нефтяного экспорта и регионального влияния. Конкуренция между ОАЭ и Саудовской Аравией за статус ведущего финансового и логистического хаба Ближнего Востока также приобретает новые формы внутри БРИКС. Обе страны стремятся привлечь транзитные потоки из Китая, развивают специальные экономические зоны, что при отсутствии наднационального регулирования может привести к избыточному инвестиционному дублированию и снижению эффективности.

Со стороны западных стран (США, Европейский союз, Великобритания) расширение БРИКС воспринимается как вызов монополии традиционных институтов глобального управления. Основным инструментом противодействия становится политика санкционного давления. Риск вторичных санкций распространяется не только на Россию и Иран, находящиеся под прямыми ограничениями, но и на компании третьих стран, включая новых членов БРИКС. Это создаёт «эффект охлаждения»: многие частные компании предпочитают воздерживаться от операций, которые могут быть истолкованы как помощь подсанкционным участникам БРИКС, даже если формально такие операции не запрещены [2, с. 78].

Процесс институционального расширения БРИКС, начавшийся в 2024 году с присоединением Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии, привёл к качественному сдвигу в глобальной экономической географии. Если ранее объединение из пяти стран воспринималось как заметный, но всё же ограниченный клуб крупных развивающихся экономик, то сегодняшняя конфигурация БРИКС+ (девять полноправных членов) превращает его в один из центров силы, перекраивающий традиционные карты мирового хозяйства.

Первое и наиболее очевидное изменение – демографическое измерение. После включения Эфиопии (более 120 млн человек), Египта (свыше 110 млн) и других стран совокупное население БРИКС+ превысило 3,5 млрд человек, что составляет приблизительно 45–46% от общемирового. Это означает, что внутри объединения сегодня состоит почти половина человечества не сопоставимый ни с одним другим межгосударственным образованием. Новые страны дали БРИКС контроль над ключевым сырьём, которого раньше у союза почти не было. Саудовская Аравия, Иран и ОАЭ являются крупнейшими производителями и экспортёрами нефти и природного газа. Египет, помимо Суэцкого канала, обладает развитой газовой инфраструктурой и выступает важным звеном в цепочках поставок сжиженного природного газа. Таким образом, БРИКС+ превратился из сугубо «китайско-индийского» центра переработки в самодостаточную ресурсную экосистему, где сырьевые экспортёры соседствуют с главными мировыми потребителями энергии и промышленными гигантами.

Самым наглядным проявлением новой экономической географии стало формирование трансконтинентального пояса развития, протянувшегося от Латинской Америки через Африку и Ближний Восток в Южную и Юго-Восточную Азию. Этот пояс не является административно оформленной структурой, но представляет собой де-факто – складывающуюся сеть двусторонних и многосторонних торгово-инвестиционных связей, подкреплённых транспортной инфраструктурой [3, с. 28].

Параллельно формируются сухопутные коридоры. Международный транспортный коридор «Север-Юг», связывающий Россию с Ираном и Индией, после принятия Ирана в БРИКС получает организационную поддержку в рамках объединения. Строительство ж/д в Эфиопии и Египте, а также создание путей от портов Красного моря вглубь Африки – всё это часть одной глобальной картины. Получается, что расширение БРИКС привело не просто к увеличению цифр, а к настоящей перестройке всей мировой экономики.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что расширение БРИКС с пяти до девяти и более стран привело к трансформации глобальной экономической географии. Альянс, в котором проживает почти половина жителей Земли и который управляет важнейшими ресурсами – от нефти на Ближнем Востоке до аграрного потенциала Африки, создал самостоятельный экономический контур. В рамках этого контура происходят переориентация товарных потоков (рост взаимной торговли зерном, нефтью, промышленными товарами), формирование новых инвестиционных коридоров и валютно-финансовые сдвиги (расширение расчётов в национальных валютах, активизация Нового банка.

Список литературы

1. Глобальная динамика БРИКС+: доклад Московского клуба / В.А. Садовничий, А.А. Акаев, И.В. Ильин [и др.]. – М.: Изд-во Московского университета, 2025. – 765 с.

2. БРИКС в мировых финансах и экономике: монография / под общ. ред. И.З. Ярыгиной, В.И. Герасимова. – М.: МГИМО-Университет, 2024. – 541 с.

3. Общая валюта БРИКС для межгосударственных переводов на базе технологии блокчейн. – 2024.

Лепешев Дмитрий Михайлович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ФИНАНСОВЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, МЕТОДОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретико-методологические основы проведения финансовых расследований в сфере противодействия финансированию терроризма (КФТ). Анализируется правовая природа данного явления, эволюция схем финансирования, а также специфика взаимодействия уполномоченных органов. Особое внимание уделено современным методам выявления подозрительных операций, процессуальным сложностям формирования доказательной базы и актуальным вызовам, с которыми сталкиваются правоохранительные органы и подразделения финансовой разведки в условиях цифровизации экономики.*

Ключевые слова: *финансирование терроризма, финансовые расследования, FATF, легализация доходов, криптовалюты, Росфинмониторинг, финансовая разведка, OSINT.*

В условиях глобализации финансовых рынков и стремительного развития цифровых технологий финансирование терроризма приобретает всё более сложные, многоуровневые и трудно выявляемые формы. Террористические организации активно используют международную финансовую систему, неформальные каналы денежных переводов, виртуальные активы и подставные юридические лица для аккумулирования и перемещения денежных средств. По данным Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), схемы финансирования терроризма непрерывно эволюционируют. Это диктует необходимость адекватного совершенствования методов их выявления и расследования. Финансовые расследования в сфере противодействия финансированию терроризма (КФТ) сегодня представляют собой особый вид правоохранительной деятельности, который органично сочетает элементы глубокого финансового анализа, оперативно-розыскной работы и международного сотрудничества. Эффективность таких расследований во многом определяет способность государства нейтрализовать террористические угрозы еще на стадии их финансовой подготовки, до момента реализации преступного умысла.

Правовая природа финансирования терроризма диктует особый подход к его выявлению. Данное явление представляет собой одну из ключевых угроз международной безопасности, и для целей правового регулирования принципиально важно разграничивать понятия «терроризм», «террористическая деятельность» и «финансирование терроризма», поскольку каждое из них обладает самостоятельным юридическим содержанием. В международном праве базовым документом выступает Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Согласно ее положениям, финансирование терроризма означает незаконное и умышленное предоставление или сбор средств любым методом, прямо или косвенно, с намерением их использования для совершения террористического акта. Существенное отличие финансирования терроризма от классического отмывания денег заключается в происхождении средств: предметом финансирования могут выступать не только доходы от преступной деятельности, но и абсолютно законно полученные активы.

Центральное место в международной системе противодействия занимает FATF, разрабатывающая стандарты, которые охватывают требования к уголовному законодательству, надлежащей проверке клиентов и международному сотрудничеству. В российском правовом поле понятие финансирования терроризма закреплено в Федеральном законе от 07.08.2001 №115-ФЗ, а уголовная ответственность установлена статьей 205.1 УК РФ. Законодатель

трактует это понятие максимально широко, охватывая не только прямое предоставление денег, но и финансирование вербовки, вооружения и подготовки. Таким образом, финансирование терроризма образует самостоятельный состав преступления, не требующий наступления последствий в виде уже совершенного теракта.

Анализ международной практики показывает, что современные схемы перемещения преступных активов отличаются значительным разнообразием. Несмотря на усиление контроля, традиционная банковская система остается одним из уязвимых каналов. Террористические структуры используют счета подставных лиц, многоуровневые транзакции через транзитные юрисдикции и искусственное дробление сумм для обхода порогового контроля. Наряду с банковским сектором всё большую популярность приобретают криптовалюты и цифровые активы. Их децентрализация, трансграничный характер и высокая степень анонимности делают биткоин и альткоины удобным инструментом для бесконтрольной переброски средств. Особую сложность для правоохранителей представляют «монеты конфиденциальности» и сервисы крипто-микширования, целенаправленно запутывающие следы в блокчейне.

Кроме того, высокой уязвимостью обладает некоммерческий и благотворительный сектор. Пользуясь значительным общественным доверием и доступом к международным финансовым потокам, преступники либо создают фиктивные гуманитарные фонды, либо внедряются в легальные организации, тайно перенаправляя часть пожертвований на террористические нужды. Еще одним изощренным механизмом выступает торговое финансирование (TBML), при котором скрытое перемещение ценностей осуществляется через манипуляции в международных торговых сделках, например, путем завышения или занижения стоимости товаров в инвойсах или заключения фиктивных внешнеторговых контрактов. В противовес сложным схемам, для автономных террористических ячеек и лиц, действующих в одиночку, характерно самофинансирование. Использование личных легальных сбережений или доходов от мелких общеуголовных преступлений практически не поддается выявлению методами традиционного финансового мониторинга из-за незначительности оперируемых сумм.

Выявление столь разнообразных и скрытых схем требует применения специфической методологии. Финансовое расследование в сфере КФТ носит преимущественно проактивный характер, поскольку нередко инициируется еще до наступления реального ущерба с целью предотвращения теракта. Практика выработала два основных вида таких расследований: параллельное, сопровождающее основное уголовное дело по факту терроризма, и самостоятельное, которое возбуждается исключительно на основе анализа подозрительной финансовой активности и может привести к раскрытию ранее неизвестной преступной сети.

Отправной точкой расследования всегда выступает выявление подозрительных операций. Для этого применяется комплексный подход, фундаментом которого является автоматизированный мониторинг транзакций и процедуры надлежащей проверки клиентов (KYC/CDD). Углубленное изучение источника средств дополняется методами сетевого анализа, позволяющими визуализировать финансовые цепочки и выявлять узловых участников – скрытых спонсоров и посредников. На современном этапе критически важное значение приобретает внедрение передовых технологий: алгоритмов машинного обучения для снижения доли ложных срабатываний банковских систем, программного обеспечения для деанонимизации криптовалютных переводов, а также разведки по открытым источникам (OSINT), помогающей обогатить финансовый профиль фигуранта данными из глобального информационного пространства.

Успех применения описанной методологии напрямую зависит от слаженного взаимодействия субъектов расследования. Ключевую координирующую роль играют подразделения финансовой разведки. ПФР аккумулирует сообщения о подозрительных операциях от обязанных субъектов, проводит их глубокий аналитический срез и направляет материалы в правоохранительные органы для процессуального закрепления. Международный обмен такими данными осуществляется в рамках сети Egmont Group. В свою очередь, правоохранительные органы, в частности следственные подразделения при поддержке оперативных служб,

трансформируют аналитические выводы в процессуальные решения. Важнейшим звеном в этой цепи остается частный сектор – финансовые учреждения, выполняющие двойственную функцию: они не только выступают объектами жесткого регулирования, но и служат главным источником доказательной информации.

Собранная в ходе межведомственного взаимодействия информация ложится в основу доказательной базы, формирование которой всегда сопряжено со значительными процессуальными сложностями. Предмет доказывания по делам о финансировании терроризма включает в себя не только объективный факт перемещения средств, но и субъективную сторону – доказывание умысла. Осведомленность обвиняемого о том, что перечисляемые им средства будут использованы для террористических целей, доказать крайне сложно, так как прямые улики встречаются редко. В качестве доказательств привлекаются банковские выписки, данные систем мониторинга, показания свидетелей и заключения финансово-аналитических экспертиз. Всё большую доказательную силу сегодня приобретают электронные следы: переписки в защищенных мессенджерах, активность в социальных сетях и ключи от криптовалютных кошельков. Неотъемлемой мерой процессуального принуждения в рамках таких расследований является замораживание активов, реализуемое как в уголовно-процессуальном порядке, так и через административные механизмы блокировки на основании санкционных перечней.

Международная и российская практика расследований наглядно демонстрирует, насколько стремительно трансформируются подходы к противодействию этой угрозе. Если анализ терактов 11 сентября 2001 года показал, что переводы крупных сумм через официальные банки вообще не вызывали подозрений, то последующие расследования (например, в отношении запрещенной в РФ организации ИГИЛ) столкнулись с целой квазигосударственной финансовой системой, сочетавшей контрабанду нефти, систему неформальных переводов «хавала» и краудфандинг в интернете. Лишь тотальный координированный обмен разведданными между государствами позволил заблокировать эти масштабные каналы.

Тем не менее, органы расследования продолжают сталкиваться с серьезными системными барьерами. Технологические вызовы, связанные с развитием протоколов децентрализованных финансов (DeFi) и инструментов сокрытия IP-адресов, выводят значительную часть денежных потоков из-под традиционного надзора. Юрисдикционные преграды делают исполнение международных запросов о правовой помощи через офшорные зоны чрезмерно долгим, что критично для оперативного пресечения терактов. Кроме того, аналитические подразделения страдают от колоссального уровня ложноположительных срабатываний систем мониторинга, когда подавляющее большинство сигналов алгоритмов не имеет отношения к реальной противоправной деятельности. Ситуация усугубляется тем, что сами террористические организации непрерывно совершенствуют методы конспирации, внедряя многоуровневые корпоративные структуры и регулярно меняя маршруты финансовых транзакций.

Заключение.

Методология финансовых расследований в сфере КФТ представляет собой сложную систему взаимосвязанных аналитических, оперативных и процессуальных инструментов. Финансирование терроризма – это высокоадаптивный транснациональный феномен, бороться с которым исключительно в рамках классического уголовного процесса невозможно. Эффективность нейтрализации этой угрозы напрямую зависит от качества национального законодательства, степени интеграции частного финансового сектора в архитектуру безопасности, технической оснащенности уполномоченных органов (в том числе за счет внедрения технологий искусственного интеллекта и блокчейн-аналитики) и, главное, от уровня межгосударственного доверия при оперативном обмене разведывательной информацией. Практика убедительно доказывает, что лишение террористических сетей финансовой подпитки на ранней

стадии остается наиболее действенным и безальтернативным инструментом предотвращения масштабных трагедий и обеспечения глобальной стабильности.

Список литературы

1. Кобозева Н.В. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: практическое руководство / Н.В. Кобозева. – М.: Инфра-М, 2022.
2. Гусаков Н.П. Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности / Н.П. Гусаков, И.В. Андронова, Е.Б. Завьялова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, №3. – С. 139–160.
3. Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №33 (часть I).
4. Тисен О.Н. Борьба с финансированием терроризма в современных условиях: научно-практическое пособие / О.Н. Тисен. – М.: Международный учебно-методический центр финансового мониторинга (МУМЦФМ), 2024.

Меркулова Серафима Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА И АНТИФРОД-АНАЛИЗ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются финансовые риски, возникающие при дистанционном банковском обслуживании и использовании социальной инженерии. На основе актуальных данных Банка России за 2025 год анализируются масштабы операций без добровольного согласия клиентов, роль антифрод-систем, проблема дроп-счетов и особенности расследования цифровых следов. Автор приходит к выводу, что эффективная защита требует не только технической блокировки подозрительных переводов, но и объединения риск-скоринга, поведенческой аналитики, межведомственного обмена данными и финансовой грамотности клиентов.*

Ключевые слова: *финансовые риски, мошенничество, антифрод, социальная инженерия, дроп-счета, дистанционное банковское обслуживание, расследование.*

Финансовое мошенничество в цифровой среде стало одной из наиболее заметных угроз для банков, граждан и предпринимателей. Дистанционные сервисы ускорили платежи и сделали их удобными, но одновременно повысили скорость вывода похищенных средств. Поэтому анализ таких операций является важной частью дисциплины «Финансовые риски, анализ и расследование финансовых махинаций»: здесь соединяются банковский риск-менеджмент, цифровые доказательства и правовая оценка поведения участников.

Актуальность темы подтверждается статистикой Банка России. В 2025 году объем операций без добровольного согласия клиентов вырос на 6,4%, а количество таких операций – на 31,2%. Всего злоумышленники похитили 29,3 млрд рублей, при этом банки с помощью антифрод-систем предотвратили 134,16 млн мошеннических операций на сумму 13 895,4 млрд рублей [1]. Эти данные показывают, что защита становится эффективнее, но преступники меняют тактику и чаще используют массовые схемы на небольшие суммы.

Цель данной статьи – рассмотреть финансовые риски дистанционного мошенничества, методы антифрод-анализа и особенности расследования операций, совершенных под влиянием обмана. Объектом исследования выступают операции клиентов финансовых организаций, а предметом – признаки, по которым банк, регулятор и правоохранительные органы могут выявлять и пресекать финансовые махинации.

Главной причиной потерь остается социальная инженерия. Мошенник воздействует не столько на банковскую систему, сколько на человека: представляется сотрудником банка, курьером, оператором связи или государственным сервисом, просит назвать код, установить приложение удаленного доступа, перейти по фишинговой ссылке либо перевести деньги на «безопасный счет». Для банка такая операция часто выглядит как действие самого клиента, поэтому ключевой задачей становится оценка необычности поведения, а не только проверка правильности пароля или кода подтверждения.

Финансовый риск проявляется на трех уровнях. Первый – прямой ущерб потерпевшего. Второй – расходы банка на расследование, претензионную работу, возможное возмещение и усиление защитных процедур. Третий – системный риск, связанный с падением доверия к безналичным расчетам. Если граждане считают, что цифровой платеж невозможно защитить, они чаще переходят к наличным и менее охотно используют финансовые сервисы.

В 2025 году средняя сумма одной операции без добровольного согласия клиента снизилась до 18,6 тыс. рублей против 22,9 тыс. рублей в 2024 году [1]. На мой взгляд, это не означает снижения опасности. Скорее, мошенники стали дробить хищения, чтобы отдельный перевод выглядел менее подозрительным. Для расследования это создает проблему: ущерб по одному эпизоду может казаться небольшим, но при объединении множества эпизодов формируется крупная преступная схема.

Антифрод-анализ строится на сравнении текущей операции с обычным поведением клиента. Учитываются сумма, время, устройство, геолокация, IP-адрес, новый или старый получатель, скорость ввода данных, частота переводов и история похожих операций. Например, если клиент обычно совершает бытовые платежи в своем регионе, но ночью отправляет деньги незнакомому получателю, операция должна получить высокий риск-балл. Однако банк не может блокировать все нестандартные платежи, потому что часть из них законна. Поэтому важен баланс между безопасностью и доступностью сервиса.

Значимым инструментом является база реквизитов злоумышленников. Закон «О национальной платежной системе» предусматривает ответственность банков за ненадлежащее проведение антифрод-мероприятий при переводе по реквизитам, содержащимся в базе Банка России [2]. Кроме того, с 2023 года действует онлайн-обмен между Банком России и МВД России через ФинЦЕРТ: после обращения потерпевшего правоохранительные органы могут быстрее получать данные о мошеннической операции и ее получателе [3].

Отдельная проблема – дроп-счета. Дропом называют лицо, которое предоставляет карту или счет для приема и вывода похищенных денег. По данным Банка России, в 2025 году средний срок жизни карты дропа резко сократился: если раньше операции могли идти более месяца, то теперь они часто пресекаются в течение дня, а средняя сумма операций на одного дропа снижена с 1–3 млн рублей до 100–150 тыс. рублей [4]. Это говорит о развитии контроля, но также о переходе преступников к более дробным цепочкам.

Расследование дистанционного мошенничества отличается тем, что основные доказательства находятся в цифровой среде. Важны логи банковского приложения, детализация звонков, переписка, сведения об устройстве, адреса входа, реквизиты получателя и дальнейшая цепочка переводов. Чем быстрее потерпевший сообщает о случившемся, тем выше вероятность остановить движение денег. Поэтому специальная кнопка в мобильном приложении банка, обязательная для крупных банков с 1 октября 2025 года, имеет практическое значение: она упрощает подачу заявления и получение электронной справки для полиции [1].

Данные МВД подтверждают масштаб проблемы. В 2025 году число киберпреступлений в России снизилось с 775 тыс. до 663 тыс., но мошенничеств было зарегистрировано около 344 тыс., а материальный ущерб составил 189,5 млрд рублей [5]. Разница между банковской статистикой и данными МВД объясняется тем, что не все случаи проходят как перевод в приложении: часть потерпевших снимает наличные, передает деньги курьерам или использует несколько каналов.

Заключение.

Дистанционное финансовое мошенничество является комплексным риском для клиента, банка и финансовой системы. Данные за 2025 год показывают, что антифрод-системы предотвращают огромный объем хищений, но число выявленных операций без согласия клиента продолжает расти. Поэтому борьба с такими махинациями должна строиться не только на расследовании, но и на раннем выявлении рискованных сценариев.

Наиболее эффективной представляется комбинация технологий и организационных мер: поведенческий анализ операций, проверка новых получателей, выявление дроп-счетов, использование базы Банка России, быстрый обмен информацией с МВД и понятные предупреждения для клиентов. Чем быстрее риск превращается в конкретное действие банка и правоохранительных органов, тем ниже ущерб от финансовых махинаций.

Список литературы

1. Усков В.В. Классические методы оценки государственного противодействия экономическим преступлениям в России / В.В. Усков, Д.Н. Полтораченко // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, №2. – С. 22–32. – DOI 10.55186/2413046X_2025_10_2_35. – EDN QATDCC.

2. Моденов А.К. Количественная оценка информационной безопасности в условиях цифровой экономики: модели и методы / А.К. Моденов, В.В. Усков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, №8–1. – С. 318–325. – DOI 10.34670/AR.2025.22.28.033. – EDN LXKAZQ.

3. Банк России. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2025 год // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 03.06.2026).

4. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 №161-ФЗ: ред. от 09.04.2026 // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 03.06.2026).

5. Между Банком России и МВД России начнется онлайн-обмен информацией о мошеннических операциях // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=17142 (дата обращения: 03.06.2026).

Пименова Оксана Валерьевна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»
г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-168371

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРИНЯТИЕ МЕР ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ НИКЕЛЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Аннотация: *в статье представлен анализ факторов, оказывающих влияние на принятие решений об установлении тех или иных мер таможенного регулирования в отношении российских предприятий никелевой промышленности в условиях внешнего санкционного давления на российских участников мирового рынка никеля. В рамках исследования установлено, что среди определяющих факторов наиболее значимыми являются стратегическое значение никеля для экономики России, потребности федерального бюджета в таможенных доходах, производственная деятельность крупнейшего производителя ПАО «ГМК «Норильский никель», а также волатильность мировых цен на никель, рост производства никеля в Индонезии и др.*

Ключевые слова: *таможенное регулирование, никель, экспорт никелевой продукции.*

Российская Федерация входит в число ведущих мировых производителей никеля и изделий из него, однако под давлением конкуренции со стороны Индонезии и западных санкций её позиции на мировом рынке ослабли, и в этой связи экспорт российских предприятий переориентировался на азиатский рынок с определёнными рисками недополучения прибыли. Научные работы в данной области исследования посвящены в большей степени анализу

динамики внешней торговли никелем необработанным и изделиями из него, а также деятельности ПАО «ГМК «Норильский никель» как крупнейшего производителя данной продукции [1, с. 46–48; 2, с. 19–22; 5, с. 5–11; 6, с. 67–72; 7]. Тем не менее комплексному анализу факторов, влияющих на принятие решений в области таможенного регулирования, не уделено должного внимания до сих пор.

Система тарифного и нетарифного регулирования экспорта необработанного никеля за анализируемый период прошла через серьёзные изменения. На наш взгляд, анализ хронологии принятых мер позволяет выделить четыре режима функционирования системы таможенного регулирования в отношении экспорта никеля: либеральный (2016–2021 гг.), приспособительный к кризису (2022 – первая половина 2023 гг.), фискальный (2023–2024 гг.) и период стабилизации со стратегическим планированием (с 2025 года по настоящее время). При этом каждый из этих режимов складывался под влиянием целого ряда внешних и внутренних факторов.

Первым по значимости внешним фактором выступает ситуация на мировом рынке никеля и мировые цены, определяемые балансом глобального спроса и предложения. В 2016–2018 гг. среднегодовая цена никеля на Лондонской бирже металлов (LME) держалась в диапазоне 10–13 тыс. долл. за тонну [4], и государство не проявляло особого фискального интереса к ставкам вывозных пошлин. Начиная с 2020 года спрос со стороны аккумуляторного сектора поднял цену до 25,6 тыс. долл. за тонну в среднем за 2022 год, а в марте 2022 года на LME зафиксировали кратковременный скачок до 100 тыс. долл. за тонну. По данным INSG, цена на никель на LME с начала 2023 года имеет тенденцию к снижению, упав с 30 000 долларов США за тонну до уровня, близкого к 15 000 долларов США за тонну. В мае 2025 года цены восстановились до максимума в 15 725 долларов США за тонну, что совпало с ослаблением доллара США и заявлением правительства Республики Индонезия о повышении роялти за сырье [12]. Снижение цен закономерно вело к уменьшению таможенной стоимости экспортируемого никеля и сокращению базы для расчёта вывозных пошлин при их введении. Именно это и сделало идею гибких ставок вывозных пошлин в определённой мере необходимым решением: привязка ставки к обменному курсу рубля позволяла компенсировать недополученные доходы в российский бюджет в условиях одновременно снижающихся мировых цен на металл и ослабленного курса рубля.

Вторым внешним фактором стал структурный сдвиг на стороне мирового предложения никеля, и прежде всего стремительное наращивание индонезийского производства. Вследствие того, что Индонезия начала наращивать добычу никеля, ситуация на рынке сильно изменилась: из дефицитного в 2021 году рынок стал профицитным. По прогнозу INSG от 22 апреля 2026 года, лишь в 2026 году возможен переход к небольшому дефициту в 32 тыс. тонн [8]. По нашим оценкам, на объёмы потребления никеля может повлиять также обострение геополитической ситуации на Ближнем Востоке и последующий рост цен на топливо, а также прогнозы по производству, связанные с возможным снижением объёма квот на добычу никелевой руды в Индонезии, в том числе на добычу никеля на руднике PT Weda Bay Nickel. Таким образом, конкурентоспособность Индонезии выступает постоянным долгосрочным ограничителем: доходный потенциал от экспортных пошлин в российский бюджет объективно ограничен мировыми ценами на никель, на который сильно влияет конкуренция Республики Индонезия.

До 2022 года санкционный риск существовал, скорее, как потенциальный, однако после февраля 2022 года санкционное давление стало системным. В декабре 2023 года Великобритания запретила импорт российских цветных металлов. США и Великобритания 12 апреля 2024 года объявили о запрете импорта и отстранении российского никеля, алюминия и меди от торгов на LME и CME. Критически важным следствием санкций апреля 2024 года для таможенного регулирования стало то, что российский никель утратил возможность оцениваться по стандартному биржевому примеру LME, на который ориентировались методические рекомендации ФТС в целях контроля таможенной стоимости. В этой связи ФТС

вынуждена разрабатывать новые ценовые индикаторы контроля, отличные от биржевых европейских площадок.

Ещё одним внешним фактором, стратегическим по своему характеру, является глобальный переход к «зелёной» экономике и связанный с ним рост спроса на никель со стороны производителей аккумуляторов для электромобилей [3]. Этот фактор, с одной стороны, создаёт долгосрочный спрос на никель первого класса, производителем которого является Россия; с другой стороны, он стимулирует рост производства в Индонезии, подрывающий позиции российского никеля на мировом рынке.

Таким образом, внешние факторы показывают, что российская система таможенного регулирования в отношении экспортёров никеля реагировала на изменения скорее «вдогонку», чем заблаговременно. При этом именно совокупность всех этих факторов сформировала ту среду, в которой было необходимо определять первоочерёдность мер таможенного регулирования.

Если внешние факторы задают рамки и возможности для таможенной политики, то внутренние определяют, как именно государство эти возможности может использовать. В отношении экспорта продукции никелевой промышленности в 2016–2026 годах можно выделить четыре основных внутренних фактора. Во-первых, это потребности федерального бюджета в таможенных доходах. В этой связи введение гибких ставок вывозных пошлин в октябре 2023 года позволило изъять дополнительную рублёвую прибыль экспортёров, возникшую после ослабления рубля, не снижая при этом конкурентоспособности российского металла на ключевых рынках.

Второй внутренний фактор – стратегическое значение никеля в экономике и военно-промышленном комплексе России. Никель первого класса является незаменимым компонентом жаропрочных сплавов для авиационных и ракетных двигателей и входит в список стратегически важного минерального сырья [9]. Правительство РФ рассматривает никель не только как источник таможенных доходов, но и как объект экономической безопасности, незаконный экспорт которого создаёт прямую угрозу промышленному суверенитету [10].

Третий внутренний фактор – производственная деятельность крупнейшего производителя никеля ПАО «ГМК «Норильский никель» как крупнейшего участника мирового рынка. Высокая концентрация российского производства никеля на одном предприятии означает, что любые производственные события этой компании отражаются на объёмах экспорта. Производственный план ПАО «ГМК «Норильский никель» на 2026 год предусматривает диапазон производства никеля в пределах от 193 тыс. до 203 тыс. тонн при незначительном снижении по меди и металлам платиновой группы. Это свидетельствует о том, что компания адаптировала производственную стратегию к новым условиям и приняла необходимые меры: оптимизация логистики и реализация программы снижения издержек на 2024–2026 годы [3].

Четвертый внутренний фактор – экологическая политика и крупные природоохранные программы. Разлив дизельного топлива в Норильске в мае 2020 года, повлёкший штраф в размере 146 млрд руб., и последующий запуск «Серной программы» (проект по улавливанию диоксида серы с инвестициями 2,4 млрд долл. в 2024 году) ужесточили экологические требования к предприятию. Капитальные затраты компании в 2024 году составили 2,4 млрд долл. США, значительная часть которых направлена на экологические проекты в рамках программы «Чистый Норильск» и демонтажа ветхих объектов [11]. Таким образом, экологический фактор влияет на принятие решений по установлению тех или иных мер таможенного регулирования двояко: высокие экологические затраты снижают рентабельность производства, но создают необходимость в льготах по НДПИ (налог на добычу полезных ископаемых) и таможенным платежам. С другой стороны, устойчивая инвестиционная репутация компании (с акцентом на экологию, социальную ответственность и корпоративное управление) повышает её привлекательность для партнёров из Китая и других перспективных рынков, что расширяет возможности для сбыта на их рынках и снижает потребность в государственных субсидиях.

Таким образом, все рассмотренные факторы показывают, что таможенное регулирование даёт результат в том случае, если нормы национального законодательства не остаются статичными. Для государства важно, чтобы принятие таких мер происходило быстро с учётом волатильности мировых цен или валютных курсов, и при этом поступления в федеральный бюджет должны оставаться регулярными; в то же время предприятия никелевой промышленности должны иметь возможность активно осуществлять свою экспортную деятельность на новых рынках.

Список литературы

1. Антропова М.Ю. Механизмы воздействия глобальных экономических кризисов на развитие мирового рынка никеля / М.Ю. Антропова // Инновации и инвестиции. – 2023. – №1. – С. 46–48. EDN VHAIXR

2. Денисова Н.А. Разрешительный порядок экспорта черных и цветных металлов / Н.А. Денисова, А.А. Кононов // БИТ. – 2020. – №2(14). – С. 19–22. EDN CJUYLM

3. Итоги производственной деятельности ПАО «ГМК «Норильский никель» за I квартал 2026 года. – URL: https://nornik-upload.storage.yandexcloud.net/iblock/0b8/0b826fb6a870820309caa47517138ce0/nornickel_production_results_1q_2026_rus_full.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

4. Лондонская биржа металлов (LME). – URL: https://www.lme.com/ (дата обращения: 02.06.2026).

5. Нагайцева А.В. Цветные металлы в условиях глобализации: влияние на экономику и стратегические перспективы / А.В. Нагайцева // Экономика и парадигма нового времени. – 2025. – №4(37). – С. 5–11. EDN KPHOIT

6. Остапенко В.В. Анализ конкурентных преимуществ ПАО ГМК «Норильский никель» / В.В. Остапенко // Вестник науки и образования. – 2018. – №4(40). – С. 67–72. EDN YWLZHV

7. Пацюк В.Д. Анализ эффективности деятельности по отчетности об устойчивом развитии на примере ПАО «ГМК «Норильский никель» / В.Д. Пацюк // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – №s1. – URL: https://esj.today/PDF/70FAVN124.pdf (дата обращения: 06.06.2026). EDN RJNOMH

8. По оценкам INSG, в 2026 г. на рынке никеля сложится дефицит металла. – URL: https://mec-analytics.ru/media/news/po-otsenkam-insg-v-2026-g-na-rynke-nikelya-slozhitsya-defitsit-metalla (дата обращения: 11.06.2026).

9. Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» №923 от 13.09.2012 (ред. от 29.04.2026 №488). – URL: https://base.garant.ru/70227832/ (дата обращения: 01.06.2026).

10. Расширенное заседание коллегии ФТС России 24.03.2025. – URL: https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/627129 (дата обращения: 07.06.2026).

11. Финансовый обзор (MD&A) // Годовой отчёт ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2024 г. – URL: https://ar2024.nornickel.ru/ru/business-overview/financial-overview.html (дата обращения: 29.05.2026).

12. The world nickel market in 2025 and 2026 – five years of surpluses. – URL: https://stainless-steel-world.net/the-world-nickel-market-in-2025-and-2026-five-years-of-surpluses/ (date of access: 16.06.2026).

Севрюков Михаил Васильевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается, как право, экономика и управление связаны между собой и как вместе влияют на жизнь общества. Анализируется текущее состояние этих сфер, выявляются основные трудности и определяются возможные направления развития. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий на привычные правила работы и взаимодействия.*

Ключевые слова: *право, экономика, управление, цифровая экономика, правовое регулирование, эффективность, государственное управление.*

Сегодня наша жизнь зависит от того, насколько слаженно работают три важные системы: законы (право), хозяйство (экономика) и руководство (управление). Законы устанавливают правила игры, экономика создает товары и деньги, а управление помогает достигать поставленных целей. Последние годы – кризисы, санкции и быстрое развитие технологий – показали, что в связке этих трех частей есть серьезные сбои.

Цель данной работы – разобраться, как обстоят дела в этих трех сферах сегодня, какие есть сложности в их взаимодействии и куда двигаться дальше. Для этого мы рассмотрим, как внешние факторы влияют на право, экономику и управление, выделим основные проблемы и наметим возможные пути их решения.

При подготовке статьи использовались следующие общенаучные методы:

Описательный метод, метод наблюдения, метод сравнения и аналитический метод.

Мы увидели, что право, экономика и управление развиваются с разной скоростью. Экономика и технологии бегут вперед, а законы и административные процедуры часто не поспевают за ними. Это создает «серые зоны», где непонятно, что разрешено, а что запрещено.

Выяснилось, что на три сферы одни и те же факторы действуют по-разному.

В табл. 1 это показано наглядно.

Таблица 1

Влияние внешних факторов на право, экономику и управление

Фактор	Право	Экономика	Управление
Цифровизация	Появляются новые законы об информации	Данные становятся дорогим товаром	Управление уходит в интернет и приложения
Санкции	Быстрая разработка нужных законов	Перестройка поставок и производств	Создание антикризисных штабов
Изменения в обществе	Усиление защиты личных данных	Меняются профессии и спрос на труд	Учет мнения граждан через обратную связь

Также мы выделили три основные проблемы: разная скорость изменений в экономике и праве, избыток правил и инструкций, а также нехватка кадров, разбирающихся одновременно в праве, экономике и управлении.

Таким образом, мы пришли к выводу, что будущее за гибкими и цифровыми инструментами регулирования: экспериментальными правовыми режимами, умными контрактами, платформенными решениями. Все три сферы должны работать как единый организм, а не по отдельности. Тема взаимодействия права, экономики и управления активно обсуждается в научной литературе. Рассмотрим, что говорят по этому поводу ведущие исследователи.

С. С. Алексеев в своем фундаментальном учебнике «Общая теория права» [4] заложил основы понимания права как системы, которая не существует в отрыве от общества и экономики. Право, по Алексееву, – это не просто набор запретов, а инструмент упорядочивания общественных отношений, в том числе хозяйственных. Без этого теоретического фундамента сложно понять, зачем вообще нужно правовое регулирование экономики.

А.В. Габов в статье «Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики» [1] подробно разбирает, как именно цифровизация меняет правовую систему. Он подчеркивает: «без адекватных правовых решений реализовать цели, поставленные государством для развития цифровой экономики, нельзя». По его оценке, изменения в праве «не косметического характера, они существенным образом изменят и отечественную правовую систему». Кроме того, Габов обращает внимание на то, что «новизна и даже футуристичность многих задач» требуют совершенно иного подхода к правовому регулированию. В другой своей работе, посвященной цифровым платформам [3], он вводит понятие «платформенное право» и говорит о том, что «платформизация экономики» оказывает серьезное влияние на привычные правовые механизмы.

Т. Я. Хабриева в статье «Право в условиях цифровой реальности» [2] делает акцент на активной роли права. Она пишет: «право не может оставаться в стороне от процессов цифровизации, оно должно не только реагировать на них, но и моделировать будущие состояния общественных отношений». Эта мысль очень важна: право не должно быть пассивным наблюдателем, оно обязано предвидеть изменения и заранее готовить для них нормативную почву. Хабриева также отмечает, что цифровые технологии не только создают новые вызовы, но и дают инструменты для их преодоления.

С.Ю. Глазьев в книге «Рывок в будущее» [5] рассматривает экономические аспекты технологического развития. Он говорит о необходимости перехода к новому технологическому укладу и о том, какую роль в этом переходе должно сыграть государственное управление. Хотя Глазьев делает упор на экономику,

его идеи прямо касаются темы нашей статьи: без грамотного управления и современной правовой базы экономический рывок невозможен.

Таким образом, все четыре автора сходятся в главном: право, экономика и управление должны развиваться согласованно. Если одна из сфер отстает, это тормозит развитие всего общества. Особенно остро эта проблема стоит в эпоху цифровой трансформации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Право, экономика и управление – это три неразрывно связанные сферы, которые не могут успешно развиваться по отдельности. Основные сегодняшние трудности связаны с тем, что техника и хозяйственная жизнь бегут вперед, а законы и административные процедуры едва за ними поспевают. Это создает правовые пустоты, избыточное регулирование и кадровый голод на специалистов междисциплинарного профиля.

Выход видится в переходе от жесткого управления сверху к гибкому сотрудничеству, которое поддерживается умными программами и современными цифровыми решениями. Экспериментальные правовые режимы, смарт-контракты, платформенные сервисы – это не просто модные слова, а реальные инструменты, которые уже сегодня помогают налаживать взаимодействие права, экономики и управления.

Прочность всей системы в будущем будет зависеть от того, насколько быстро законы смогут приспосабливаться к переменам в экономике при поддержке современных методов управления. Как показывают труды Габова, Хабриевой и других ученых, право должно не просто реагировать на изменения, а предвидеть и моделировать их.

Список литературы

1. Габов А.В. Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2020. – №3. – С. 39–47. – EDN YQDYYC.

2. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – №1 (253). – С. 85–102. – DOI 10.12737/art_2018_1_7. – EDN YKWEZL.

3. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2021. – №4. – С. 13–82. – EDN LWDBGO.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – 568 с. – ISBN 978-5-392-01858-1. – EDN VNCGTX.
5. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с. – ISBN 978-5-6041071-1-9. – EDN VQDBYV.

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ЭБ ПРЕДПРИЯТИЯ ИЛИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье представлена авторская методика комплексного анализа экономической безопасности предприятия, объединяющая финансовые, производственные, кадровые и правовые показатели в единую систему индикаторов. В отличие от существующих узконаправленных подходов, предложена иерархическая модель расчёта интегрального показателя с учётом отраслевой специфики, что позволяет своевременно выявлять угрозы и повышать обоснованность управленческих решений.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, комплексный анализ, система индикаторов, интегральный показатель, угрозы.*

Введение.

В условиях экономических санкций и нестабильности рынков предприятия РФ нуждаются в инструменте для оперативной оценки уровня своей экономической безопасности. Современная геополитическая обстановка делает такую оценку критически необходимой для выживания бизнеса. Отсутствие единой методики, учитывающей различные аспекты деятельности, приводит к запоздалой реакции на угрозы. Существующие методики анализа экономической безопасности часто узконаправлены или не учитывают взаимосвязь функциональных областей, что снижает эффективность защитных мер.

Цель статьи – разработка универсальной методики комплексного анализа экономической безопасности на основе взаимосвязанных индикаторов и интегральной оценки с учётом отраслевой специфики. Предлагается синтез финансовых, производственных, кадровых и правовых показателей в единую модель. Для достижения цели необходимо проанализировать существующие подходы, разработать систему показателей и предложить методику расчёта интегрального показателя. Исследование охватывает полный цикл – от теории до практической верификации, обеспечивая научную новизну и прикладную ценность работы.

Анализ существующих методик.

На ранних этапах теории экономической безопасности предприятия (ЭБП) доминировали финансово-ориентированные модели, сосредоточенные на оценке платежеспособности и ликвидности. Хотя они быстро выявляли кризисы, игнорировались нефинансовые аспекты, такие как производственный потенциал и рыночная позиция, что делало предприятия уязвимыми к угрозам. Ключевым недостатком этих моделей была их статичность и ориентация на ретроспективные данные, что не учитывало динамику внешней среды. Это осознание привело к поиску более широких концептуальных рамок.

Следующим этапом стал ресурсно-функциональный подход, который расширил анализ ЭБП, включая ключевые функциональные области и рассматривая безопасность как способность эффективно использовать и защищать ресурсы. Завершающим этапом стали комплексные концепции экономической безопасности (ЭБ), которые интегрируют различные факторы

и акцентируют внимание на межфункциональных связях, рассматривая безопасность как системное свойство.

Отечественные методики анализа ЭБ предприятий используют проверенные инструменты финансовой диагностики, что обеспечивает сопоставимость результатов и упрощает контроль. Однако, они имеют недостатки: слабая межфункциональная интеграция и недостаточный учёт отраслевой специфики. В литературе отмечаются проблемы, такие как отсутствие рекомендаций по формированию оценочных показателей и неопределённость приоритетов для разных предприятий. Ограничения в оценке угроз и уязвимостей снижают практическую ценность анализа, особенно в нефинансовых сферах. Адаптация зарубежных методик оценки экономической безопасности к российским условиям может быть полезна. В отличие от статичных отечественных моделей, зарубежные подходы учитывают динамику угроз и изменчивость внешней среды, что делает их более устойчивыми к экономическим шокам. Гибкие инструменты позволяют фиксировать текущее состояние защищенности и прогнозировать кризисные сценарии. Экономическая безопасность зависит от множества факторов, и зарубежные индикаторные системы, такие как модели раннего предупреждения, помогают получить полную картину уязвимостей и улучшить оценку рисков. Их адаптация в России повысит прогностическую ценность анализа и создаст основу для стратегического планирования защиты предприятий от экономических вызовов.

Система индикаторов ЭБ.

Система индикаторов экономической безопасности предприятия должна основываться на принципах релевантности, измеримости и чувствительности к угрозам, что позволяет учитывать мультифакторную природу рисков. Релевантность подразумевает выбор показателей, связанных с ключевыми аспектами и угрозами, исключая незначимые данные. Измеримость обеспечивает количественную оценку индикаторов для объективного мониторинга, а чувствительность позволяет своевременно реагировать на изменения уровня риска. Соблюдение этих принципов предотвращает перегрузку системы незначительными показателями, субъективные оценки и инертность индикаторов.

Иерархическая структура системы индикаторов включает три уровня: нижний – частные индикаторы, отражающие конкретные аспекты (финансовую устойчивость, производственный потенциал и т. д.); средний – групповые индексы для факторного анализа; верхний – интегральный показатель, который синтезирует информацию и даёт обобщённую характеристику состояния объекта. Иерархия обеспечивает системный подход к детальному и агрегированному анализу для стратегических решений. Финансовые индикаторы, такие как коэффициенты ликвидности, играют ключевую роль в оценке устойчивости и платежеспособности. Коэффициент текущей ликвидности показывает способность погашать обязательства за счёт оборотных активов, коэффициент быстрой ликвидности исключает запасы, а абсолютная ликвидность отражает долю обязательств, покрываемую наличными. Для долгосрочной устойчивости используются коэффициент автономии и плечо финансового рычага, высокие значения которых указывают на уязвимость к рыночным колебаниям. Показатели рентабельности (ROA и ROE) оценивают эффективность ресурсов и прибыльность, и их снижение в условиях неопределённости может указывать на необходимость изменения стратегии. Производственные индикаторы, такие как коэффициент загрузки мощностей и степень износа основных фондов, помогают оценить производственный потенциал и выявить риски. Высокий износ оборудования при низкой загрузке сигнализирует о скрытых угрозах, которые могут проявиться при росте спроса. Мониторинг этих показателей важен для диагностики производственной безопасности и выявления технологической нестабильности. Также важны индикаторы инвестиций в обновление основных средств, так как низкий уровень инвестиций при высоком износе создает долгосрочные угрозы. Сочетание производственных и финансовых индикаторов формирует полную картину экономической безопасности, где операционная устойчивость поддерживает финансовую стабильность. Включение производственно-

технологического блока в систему индикаторов необходимо для адекватной диагностики угроз и принятия сбалансированных управленческих решений.

Заключение.

В ходе исследования была разработана авторская методика комплексного анализа экономической безопасности предприятия, решившая все поставленные задачи: проведен обзор существующих подходов, выявлены их плюсы и минусы, создана система показателей, охватывающая ключевые аспекты, и предложен способ расчёта интегрального показателя с обоснованием пороговых значений. Основной результат – система взаимосвязанных индикаторов экономической безопасности, включающая финансовую, производственную, кадровую и правовую составляющие, что преодолевает ограничения узкопрофильных методик, а также разработана методика расчёта интегрального показателя с учетом отраслевой специфики. Практическая значимость методики заключается в её универсальности для диагностики уровня экономической безопасности на предприятиях разных отраслей, что позволяет своевременно выявлять угрозы и разрабатывать защитные меры. Дальнейшие исследования предполагают апробацию методики на различных предприятиях для проверки её универсальности и корректировки пороговых значений, а также автоматизацию расчёта интегрального показателя и расширение индикаторов в ответ на изменения угроз.

Список литературы

1. Андрианова И.Д. Метод многошаговой процедуры определения экономической безопасности промышленных предприятий в условиях неопределенности внешней среды / И.Д. Андрианова, Ф.Ф. Юрлов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2025. – №1. – С. 7–14. DOI 10.52452/18115942_2025_1_7. EDN KYSGFN

2. Вартанян В.М. Обзор и анализ моделей и методов оценивания уровня экономической безопасности предприятия / В.М. Вартанян, А.Н. Скачков, Д.С. Ревенко // Открытые информационные и компьютерные интегрированные технологии. – 2012. – №54. – С. 163–166.

3. Волкова Ю.А. Исследование подходов к трактовке сущности экономической безопасности промышленной организации / Ю.А. Волкова // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2023. – №2. – С. 20–23. EDN VJIIMY

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭБ

Аннотация: *статья посвящена разработке интегрированной методики структурно-функционального анализа электронного бизнеса, объединяющей архитектурные и процессные аспекты. Предложена модель из пяти компонентов и матрица «компонент – функция», а также метод оценки взаимосвязей на основе взвешенного графа для выявления критических узлов. Результаты подтверждают применимость модели для диагностики узких мест и повышения устойчивости бизнес-систем.*

Ключевые слова: *электронный бизнес, структурный анализ, функциональный анализ, интегрированная модель, архитектура предприятия, критические узлы, взвешенный граф, центральность, бизнес-функции, устойчивость системы.*

Введение.

С усложнением архитектуры электронного бизнеса и увеличением взаимозависимых компонентов традиционные методы анализа теряют точность в оценке системных взаимосвязей. Это создает проблему неполноты анализа, что затрудняет прогнозирование сбоев и узких мест, критичных для надежности ЭБ-систем. Необходим комплексный подход,

объединяющий архитектурные и процессные аспекты, чтобы выявить скрытые зависимости и повысить точность прогнозирования в электронной коммерции.

Цель работы – разработать интегрированную методику структурно-функционального анализа, позволяющую выявлять ключевые узлы и функции, влияющие на устойчивость и производительность бизнеса. Исследование направлено на создание целостной картины ЭБ, где архитектурные компоненты рассматриваются в контексте бизнес-функций, что способствует более эффективному управлению и обоснованным решениям.

Обзор методов анализа ЭБ.

Традиционный структурный анализ электронного бизнеса (ЭБ) основывается на архитектурных моделях, таких как клиент-серверная, многоуровневая и сервис-ориентированная архитектуры (SOA), которые помогают организовать компоненты информационной системы. Эти модели стандартизируют описание инфраструктуры и упрощают коммуникацию между разработчиками, но имеют ограничения при анализе современных динамичных экосистем ЭБ. Основной недостаток заключается в их неподвижности, что приводит к устареванию архитектурных диаграмм и несоответствию между формальной структурой и реальным функционированием систем. Это требует интеграции структурного и функционального анализа. Функциональный анализ, использующий методы моделирования бизнес-процессов, часто игнорирует архитектурные ограничения, что приводит к идеализированным описаниям. Количественные методы оценки эффективности ЭБ, такие как анализ узких мест, могут быть поверхностными без учета архитектуры, что ограничивает глубину анализа и не выявляет причинно-следственные связи.

В литературе рассматриваются комплексные подходы, такие как методы на основе архитектуры предприятия и расширенные версии IDEF, которые объединяют структурные схемы и функциональные модели. Эти методики используют унифицированные нотации и многослойные представления для описания статической организации компонентов и связанных бизнес-процессов. Формальная интеграция обеспечивает согласованность между архитектурой и поведением системы, улучшая прослеживаемость решений. Однако реализация требует строгой методологии и инструментов. Анализ существующих методик выявляет ограничения, такие как высокая сложность и ресурсоемкость моделирования, а также недостаточная поддержка обратных связей между структурой и функциями. Это затрудняет корректировку архитектуры на основе функционального анализа, что подчеркивает необходимость разработки более адаптивных интеграционных методик.

Интегрированная модель анализа.

Существующие подходы к анализу электронного бизнеса (ЭБ) делятся на структурные и функциональные, что приводит к фрагментарному восприятию системы. Архитектурные модели фиксируют статическую конфигурацию элементов, а функциональный анализ сосредоточен на процессах, игнорируя материальный носитель. Это мешает выявлению влияния изменений в структуре на бизнес-функции и наоборот, ограничивая возможности оптимизации. Для решения этой проблемы необходимо разработать интегрированную модель, объединяющую архитектурные представления с функциональным назначением компонентов. Такой синтез создаёт целостную картину ЭБ, где каждый элемент рассматривается как структурная единица и носитель функции. Это позволяет выявлять скрытые зависимости и оценивать системные эффекты. Концептуальное ядро модели основывается на принципах взаимного соответствия между архитектурными элементами и бизнес-функциями, что позволяет перейти к динамическому анализу, где изменения архитектурных параметров влияют на функциональную нагрузку и производительность.

Предложенная интегрированная модель структурно-функционального анализа включает пять ключевых компонентов: интерфейсный, логический, управленческий, интеграционный и ресурсный. Каждый из них выполняет определенные функции, поддерживая бизнес-операции и способствуя созданию ценности в электронном бизнесе. Интерфейсный компонент взаимодействует с пользователем, логический реализует бизнес-правила, управленческий

координирует потоки, интеграционный связывает системы, а ресурсный управляет активами. Это позволяет проводить операционализированный анализ, где каждый элемент влияет на производительность системы. Разработанная матрица «компонент – функция» помогает выявлять дублирование и пробелы в функциональном покрытии, а четкое распределение ролей способствует созданию системы приоритетов и оценке влияния компонентов на устойчивость модели.

Метод оценки взаимосвязей основан на формализации их в виде ориентированного взвешенного графа, где вершины – архитектурные компоненты, а ребра – потоки данных. Весовые коэффициенты определяют интенсивность связей, что позволяет перейти к математической модели для анализа структурных характеристик системы. Идентификация критических узлов осуществляется через расчет показателей центральности, что помогает выявить важные компоненты и анализировать уязвимость к сбоям. Это позволяет определить узлы, выход из строя которых значительно снижает эффективность функционирования электронного бизнеса, создавая основу для оптимизации архитектуры..

Вывод.

Разработанная интегрированная структурно-функциональная модель анализа электронного бизнеса преодолевает ограничения традиционных подходов, объединяя архитектурные и процессные аспекты. Это обеспечивает целостное представление о системе и улучшает выявление взаимосвязей. Апробация модели на реальном кейсе подтвердила ее эффективность в идентификации критических узлов и взаимосвязей между архитектурными элементами и бизнес-функциями, что повышает точность диагностики проблем. Результаты исследования подтверждают практическую применимость модели для выявления узких мест и обоснования управленческих решений, что способствует надежности бизнес-систем.

Работа вносит вклад в теорию системного анализа электронного бизнеса, предлагая методику, адаптируемую к различным цифровым платформам. Модель обобщает принципы структурного и функционального анализа, что делает ее универсальным инструментом в условиях растущей сложности. Дальнейшие направления работы включают автоматизацию применения модели, расширение анализируемых метрик и интеграцию с методами машинного обучения для прогнозирования состояний системы, что повысит оперативность и глубину анализа в динамичных цифровых средах.

Список литературы

1. Арзуманян М.Ю. Архитектура предприятия как инструмент трансформации государственных организаций / М.Ю. Арзуманян, А.С. Трофимцева // Интернет и современное общество: сборник научных статей XVIII Объединенной конференции IMS-2015. – СПб., 2015. – С. 11–15. EDN ULMJDJ

2. Бабкин А.В. Инструментарий оценки цифровой зрелости интеллектуальной промышленной экосистемы на основе коэволюции и экосистемной синергии / А.В. Бабкин, П.А. Михайлов, Е.В. Шкарупета [и др.] // π-Economy. – 2025. – №4. – С. 32–53.

3. Балашова И.Ю. Онтолого-ориентированная информационная система верификации формализованных документов / И.Ю. Балашова, Е.А. Дзюба, Н.А. Попова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2024. – № 1. – С. 11–20. DOI 10.35330/1991-6639-2024-26-1-11-20. EDN AHOGNU

4. Балаян В.С. Трансформация корпоративного управления в эпоху цифровизации: вызовы и возможности / В.С. Балаян // Вестник евразийской науки. – 2024. – №4. – С. 1–5.

5. Балдин К.В. Информационные системы в экономике / К.В. Балдин, В.Б. Уткин. – М.: Дашков и К, 2017. – 395 с.

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Белицкий Петр Павлович
студент
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР МТК «СЕВЕР–ЮГ» И ЕГО ВКЛАД В ТРАНСФОРМАЦИЮ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Аннотация: *в статье исследуется вопрос влияния международных транспортных коридоров на скорость вывода товара через призму логистического маркетинга в условиях трансформации глобальных цепей поставок. Рассматриваются роль и динамика развития международного транспортного коридора «Север–Юг» в контексте геополитических изменений 2022–2025 годов. Анализируются маркетинговые инструменты оптимизации логистических решений: цифровизация транспортных процессов, мультимодальная координация и клиентоориентированный подход. На основе статистических данных за 2023–2025 годы установлено, что грузопоток по МТК «Север–Юг» увеличился на 39% за последние пять лет, достигнув 21,5 млн тонн в 2025 году, при сокращении времени доставки с 35–45 до 15–20 дней по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал. Эффективность транспортных коридоров определяется не только инфраструктурными параметрами, но и маркетинговой стратегией позиционирования, интеграцией цифровых платформ и гибкостью адаптации к изменениям внешней среды.*

Ключевые слова: *транспортные коридоры, логистический маркетинг, скорость доставки, МТК Север–Юг, мультимодальные перевозки, цифровизация логистики, конкурентоспособность маршрутов.*

Международные транспортные коридоры представляют собой сложные социально-экономические системы, выходящие за рамки простых маршрутов перемещения грузов. Речь идет о многокомпонентных структурах, интегрирующих транспортную, таможенную, информационную и финансовую инфраструктуру через территории множественных государств. Маркетинговая концепция организации транзитных маршрутов позволяет сокращать затраты и дает возможность получения значительных конкурентных преимуществ перед другими участниками транспортного рынка [1].

Геополитическая обстановка 2022–2025 годов кардинально изменила логистическую конфигурацию Евразии. По данным Министерства транспорта РФ, объем грузоперевозок по территории Российской Федерации в 2025 году достиг 6,9 млрд тонн, при этом контейнерные перевозки железнодорожным транспортом приблизились к отметке 5 млн ДФЭ [2]. Переориентация грузопотоков с западного направления на восточное и южное создала беспрецедентную нагрузку на альтернативные коридоры – и одновременно сформировала новую реальность, где конкурентоспособность маршрута определяется не столько его географическим расположением, сколько способностью оператора предложить клиенту интегрированное логистическое решение.

В условиях санкционного давления активизировано развитие альтернативных коридоров, в частности МТК «Север–Юг», пропускная способность которого должна вырасти на 85% (до 35 млн т/год к 2030 г.) [3]. Переориентация создает логистические вызовы, требующие

адаптации маршрутов, технологических стандартов и гармонизации нормативно-правовой базы, что частично решается через меморандумы с Ираном, Туркменистаном, Азербайджаном и переговоры с Индией.

По восточному маршруту коридора «Север–Юг» в 2025 году средние сроки доставки сократились с 33 до 16 дней благодаря согласованным единым тарифным условиям на железных дорогах России, Казахстана, Туркменистана и Ирана [4]. Это результат не инфраструктурных улучшений самих по себе, а системной работы по институциональной синхронизации – устранению административных барьеров, унификации документооборота и созданию сквозных тарифных коридоров, где клиент работает не с отдельными перевозчиками, а с интегрированным логистическим продуктом.

Объем контейнерных перевозок по МТК «Север–Юг» за десять месяцев 2025 года увеличился в 1,7 раза по сравнению с 2024 годом и достиг примерно 8,9 тыс. ДФЭ [6]. Хотя эти цифры пока остаются скромными на фоне 7,9 млн TEU общего контейнерооборота российских железных дорог, динамика свидетельствует о формировании устойчивого спроса на южное направление – спроса, который будет расти по мере стабилизации операционных процессов и снижения логистических рисков.

Среди логистических факторов ключевое значение имеют скорость и надежность поставок, наличие товара и уровень логистических затрат. Маркетинговая задача оператора транспортного коридора – не просто обеспечить физическое перемещение груза, а сформировать у клиента устойчивое восприятие маршрута как предсказуемого, контролируемого и экономически обоснованного логистического решения [5].

Маркетинговая стратегия в этих условиях строится не на абстрактной «доступности маршрута», а на конкретных сервисных гарантиях:

− фиксированное время доставки с компенсацией за просрочку;

− прозрачное отслеживание груза через цифровые платформы;

− гибкие тарифные схемы в зависимости от объема и регулярности отправлений;

− комплексное страхование и таможенное сопровождение.

Эффективность транспортных коридоров определяется комплексом факторов, среди которых маркетинговая стратегия позиционирования играет не меньшую роль, чем инфраструктурные параметры. МТК «Север–Юг», продемонстрировавший рост грузопотока на 39% за последние пять лет, иллюстрирует потенциал альтернативных логистических маршрутов в условиях глобальной реконфигурации цепей поставок. Сокращение времени доставки с 35–45 до 15–20 дней по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал создает убедительное конкурентное преимущество, реализация которого требует системной маркетинговой работы с целевыми сегментами грузоотправителей.

Логистический маркетинг выступает как методология интеграции операционных и коммуникационных процессов, обеспечивающая не только физическое перемещение груза, но и формирование устойчивого клиентского опыта, включающего прозрачность, предсказуемость и гибкость логистических решений. Цифровизация транспортных процессов – от Национальной цифровой транспортно-логистической платформы до систем электронных перевозочных документов – создает технологическую основу для реализации клиентоориентированной модели управления транспортными коридорами.

Стратегическим направлением развития транспортных коридоров, в том числе Север–Юг является формирование интегрированных логистических экосистем, объединяющих инфраструктурное развитие, институциональную гармонизацию и маркетинговое продвижение маршрутов как элементов антирисковой стратегии клиента. Достижение целевых показателей – увеличение объема перевозок по международным транспортным коридорам не менее чем в полтора раза к 2030 году – потребует не только инвестиций в физическую

инфраструктуру, но и целенаправленной работы по формированию конкурентных преимуществ российских маршрутов в новой архитектуре евразийских грузопотоков.

Список литературы

1. Синяева И.М. Маркетинг услуг: учебник / И.М. Синяева, О.Н. Романенкова, В.В. Синяев; под ред. Л.П. Дашкова; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – 5-е изд., стер. – М.: Дашков и К°, 2022. – 251 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=684412 (дата обращения: 27.05.2026).
2. Коммерческие перевозки грузов и грузооборот в странах Содружества Независимых Государств в январе-феврале 2025 года. – URL: https://new.cisstat.org (дата обращения: 29.05.2026).
3. Прудникова А.А. Перспективы развития международных транспортных коридоров на территории России в условиях санкционного давления / А.А. Прудникова, А.А. Тетянец // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-mezhdunarodnyh-transportnyh-koridorov-na-territorii-rossii-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya (дата обращения: 19.06.2026). – DOI 10.24412/2949-6454-2025-0230. – EDN ADAZCG
4. РЖД: Объем контейнерных перевозок по МТК «Север – Юг» вырос в 1,7 раза – до 8,9 тыс. ДФЭ. – URL: https://portnews.ru/news/384716/ (дата обращения: 29.05.2026).
5. Аминь Ж. Моделирование и оптимизация российско-китайских логистических каналов в условиях увеличения товаропотоков / Ж. Аминь, С.Г. Абсалямова // Прогрессивная экономика. – 2023. – №2. – С. 5–22. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-i-optimizatsiya-rossiysko-kitayskih-logisticheskih-kanalov-v-usloviyah-uvelicheniya-tovaropotokov (дата обращения: 02.06.2026). – DOI 10.54861/27131211_2023_2_5. – EDN KAVHUO

Бессонова Дарья Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
г. Тюмень, Тюменская область

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ВЕРИФИКАЦИИ И МОНИТОРИНГА НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Аннотация: *трансформация системы управления качеством образовательных услуг в условиях цифровой экономики требует переосмысления подходов к оценке результатов обучения – мониторинга надпрофессиональных компетенций. В статье рассматривается организационно-экономический механизм верификации достижений обучающихся, который в настоящее время связан с высокими рисками субъективизма из-за преобладания ручных процедур подтверждения данных. Необходимость алгоритмизации данных процессов посредством интеграции смарт-контрактов в архитектуру цифрового портфолио студента. Техническая и правовая основа смарт-контрактов их специфика применения для автоматизированной фиксации событий, подтверждающих развитие гибких навыков. Рассмотрены ограничения технологии, связанные с жесткостью формализованного языка и необходимостью использования «оракулов». Внедрение смарт-контрактов позволяет существенно сократить административные издержки вузов, минимизировать влияние человеческого фактора и сформировать среду доверия на рынке труда.*

Ключевые слова: *управление качеством образования, надпрофессиональные компетенции, смарт-контракт, технология распределенных реестров, блокчейн, цифровое портфолио, транзакционные издержки, алгоритмизация бизнес-процессов.*

Трансформация системы управления качеством образовательных услуг в условиях цифровой экономики требует переосмысления подходов к оценке результатов обучения. Фокус внимания был сосредоточен на академических достижениях, а сегодня критически важным становится мониторинг и верификация надпрофессиональных компетенций. В современной

парадигме высшей школы эти процессы неразрывно связаны с концепцией цифрового двойника обучающегося, где электронное портфолио выступает не просто архивом документов, а динамичной моделью, аккумулирующей информацию о студенте на всех этапах его жизненного цикла [1]. Согласно ГОСТ Р 57720-2017, портфолио призвано системно представлять данные об обучающемся, поддерживая процессы его профессионального развития и обеспечивая прозрачность образовательной траектории [1].

Но цели цифровизации и организационно-экономический механизм управления качеством в большинстве российских университетов сталкивается с существенными барьерами. Анализ практик вузов демонстрирует, что процессы сбора и верификации достижений студентов, включая внеучебную активность и проекты часто остаются фрагментированными [2]. Личные кабинеты функционируют как изолированные хранилища, а подтверждение подлинности сертификатов, грамот или фактов прохождения практик осуществляется вручную ответственными сотрудниками деканатов и учебных управлений [2]. Организация бизнес-процессов влечет за собой высокие транзакционные издержки, критическое снижение скорости обработки данных и сохраняет риски субъективизма, что снижает объективность оценки сформированности компетенций [2]. Сложность представляет мониторинг надпрофессиональных навыков, который трудно поддается формализации и требует комплексной оценки преподавателей, тьюторов, руководителей проектов и работодателей.

Преодоление и снижение противоречий, экономических издержек требует алгоритмизации процессов верификации, что может быть достигнуто за счет интеграции смарт-контрактов. С технической и правовой точек зрения, смарт-контракт представляет собой компьютерный код, который при наступлении заранее определенных условий способен автоматически выполнять заложенные в него функции без направленного дополнительно выраженного волеизъявления сторон [3]. В блокчейн, где информация хранится в виде криптографически связанной цепочки блоков, использование хеш-функций гарантирует неизменность записей: любое несанкционированное изменение исходных данных неизбежно приведет к генерации иного хеша, делая фальсификацию записей вычислительно неосуществимой [4]. Смарт-контракт – это инструмент автоматизации бизнес-процессов, позволяющий исключить избыточные звенья в цепочке взаимодействия между студентом, университетом и работодателем [5].

Алгоритмизация мониторинга надпрофессиональных компетенций посредством смарт-контрактов предполагает переход от ручного подтверждения к автоматизированной фиксации событий. В образовательной среде это реализуется через разработку смарт-контрактов, например, на базе платформы Ethereum и языка Solidity, которые позволяют фиксировать факт освоения конкретной компетенции и автоматизировать расчет ключевых компонентов индекса образования обучающегося [6]. При успешной защите командного проекта, прохождении ассессмента или получении обратной связи от индустриального партнера, инициатор события подписывает транзакцию. Смарт-контракт автоматически верифицирует полномочия подписанта и инициирует запись о начислении баллов за соответствующую надпрофессиональную компетенцию в цифровой профиль студента. Так как данные сохраняются в децентрализованной среде, не контролируемой какой-либо отдельной организацией, то формируется объективная история развития гибких навыков обучающегося [6].

Важно, что при формировании организационно-экономического механизма необходимо учитывать и объективные ограничения технологии. Смарт-контракты более жестки и ограничены по сравнению с традиционными юридическими договорами, поскольку не обладают гибкостью естественного языка [3]. Оценки надпрофессиональных компетенций, например такие как эмпатия, ситуативное лидерство не могут быть полностью кодифицированы в инфраструктуре блокчейна. Смарт-контракт не имеет прямого доступа к информации, не записанной в реестр, что делает его зависимым от так называемых «оракулов» – доверенных третьих сторон или внешних систем, которые предоставляют входные данные для исполнения контракта [3]. Но использование оракулов в виде интегрированных систем университетского

мониторинга и платформ проектной деятельности позволяет обойти это ограничение, обеспечивая бесшовную передачу данных о внеучебных достижениях в блокчейн-среду.

Внедрение алгоритмизированных процессов верификации на базе смарт-контрактов трансформирует экономику образовательного учреждения. Автоматизация контроля над данными и бизнес-процессами позволяет существенно сократить трудозатраты административного персонала, минимизировать риски человеческого фактора и повысить скорость предоставления верифицированной информации заинтересованным сторонам [5]. Работодатель, получив доступ к публичному ключу цифрового профиля выпускника, может самостоятельно и без запросов в деканаты подтвердить наличие у кандидата конкретных надпрофессиональных компетенций, подтвержденных историей проектной деятельности. Смарт-контракты не просто технологическое новшество – это фундаментальный элемент нового организационно-экономического механизма управления качеством, обеспечивающим непрерывность, криптографически гарантированную подлинность и экономическую эффективность мониторинга компетенций в масштабе всей образовательной экосистемы.

Список литературы

1. Василекина О.М. Цифровое портфолио как необходимая часть технологии цифрового двойника студента / О.М. Василекина. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-portfolio-kak-neobhodimaya-chast-tehnologii-tsifrovogo-dvoynika-studenta (дата обращения: 11.06.2026).

2. Сотова В.А. Цифровое портфолио студента в практике ведущих российских университетов / В.А. Сотова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-portfolio-studenta-v-praktike-veduschih-rossiyskih-universitetov (дата обращения: 11.06.2026).

3. Кулажина А.О. Смарт-контракт: заблуждения и реальность / А.О. Кулажина. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-zabluzhdeniya-i-realnost (дата обращения: 13.06.2026).

4. Мебония М.А. Технология блокчейн. Примеры блокчейна и его применение / М.А. Мебония. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-primery-blokcheyna-i-ego-primenenie (дата обращения: 15.06.2026);

5. Букатников А.А. Анализ эффективности применения технологии распределенных реестров / А.А. Букатников, И.Т. Пинегина. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-primeneniya-tehnologii-raspredelennyh-reestrov (дата обращения: 19.06.2026);

6. Обзор проблем внедрения технологии распределенного реестра / М.В. Горбунова, А.Я. Омётов, М.М. Комаров, С.В. Беззатеев. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-problem-vnedreniya-tehnologii-raspredelennogo-reestra (дата обращения: 20.06.2026).

Богатенко Александра Александровна
студентка
Александров Спартак Геннадьевич
канд. пед. наук, доцент

Краснодарский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
г. Краснодар, Краснодарский край

СПОСОБЫ ПРОДВИЖЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ И БРЕНДОВ

Аннотация: *статья посвящена вопросу анализа ключевых и наиболее актуальных способов продвижения, которые позволяют не только привлечь целевую аудиторию, но и сформировать устойчивую эмоциональную связь, превращая обычных зрителей в преданных поклонников и лояльных потребителей.*

Ключевые слова: *спортивный маркетинг, продвижение брендов, целевая аудитория, социальные сети, геймификация.*

В современных условиях, когда спорт стал не только частью здорового образа жизни, но и мощной индустрией, эффективное продвижение спортивных событий и брендов вышло на первый план. Успех любого турнира, команды или продукта теперь определяется не только спортивными результатами, но и грамотно выстроенной коммуникационной стратегией.

Цифровизация и рост конкуренции за внимание аудитории требуют от организаторов и маркетологов выходить за рамки традиционной рекламы, используя комплексный подход. Современные методики включают в себя все: от вирусного маркетинга в социальных сетях и сотрудничества с блогерами до создания уникального опыта для болельщиков на стадионах и за их пределами [1].

Цели спортивного маркетинга могут быть различны.

Для организаторов показатель успеха – это количество людей на трибунах, а также перед экранами телевизоров, распроданные билеты, растущее число фанатов в социальных сетях, повышение общей узнаваемости мероприятия.

Для брендов и спонсоров же – это эффективность продвижения продукции и услуг среди целевой аудитории.

Рассмотрим наиболее важные компоненты спортивного маркетинга и их влияние на успех спортивных мероприятий [2].

Первым шагом успешного продвижения как спортивных событий, так и брендов является определение целевой аудитории. Для успешной реализации задуманного необходимо иметь четкое понимание о том, кого мы хотим привлечь к мероприятию. Например, если бренд или организаторы нацелены на привлечение молодежи, то в этом случае эффективным инструментом будут цифровые каналы продвижения, так как молодое поколение активно взаимодействует с контентом. Если же приоритетной аудиторией являются семьи, то в этом случае инструментом привлечения могут стать специальные предложения, такие как билеты по скидке, детские зоны и развлекательные программы. В целом, анализ целевой аудитории и ее предпочтений позволяет понять, какие ценности и эмоции люди ассоциируют с тем или иным видом спорта, это позволяет создать более успешную маркетинговую кампанию [5].

После определения целевой аудитории следующим значимым этапом становится выбор каналов коммуникации, которые наиболее точно соответствуют ее поведенческим привычкам. Социальные сети сегодня занимают центральное место в продвижении спортивных событий, поскольку позволяют не только распространять информацию, но и выстраивать диалог с болельщиками. Например, короткие видеоролики с яркими моментами матчей, закулисные съемки, интервью со спортсменами и интерактивные форматы вроде голосований или конкурсов прогнозов способствуют росту вовлеченности. Важно, что такой контент легко адаптируется под разные платформы. Прямые трансляции в социальных сетях с тренировок или пресс-конференций создают эффект присутствия и укрепляют эмоциональную связь аудитории с событием или брендом [4].

Не менее действенным инструментом является сотрудничество со спортивными блогерами и лидерами мнений, которые уже обладают доверием своей аудитории. Грамотно выбранный инфлюенсер способен не только анонсировать турнир или продукт, но и органично интегрировать рекламу в повседневный контент, будь то обзор экипировки, челлендж или совместная тренировка. Такой подход особенно эффективен для привлечения молодежи, которая зачастую воспринимает рекомендации блогеров как более аутентичные, чем традиционную рекламу [3].

Перспективным направлением, набирающим обороты в последние годы, выступает использование технологий виртуальной реальности (VR) и дополнительной реальности (AR). Они позволяют брендам и организаторам создавать иммерсивный опыт, который ранее был недоступен. Например, с помощью VR-очков болельщик может «присутствовать» на матче с лучшей точки обзора, не выходя из дома, а AR-фильтры в социальных сетях дают возможность «примерить» форму любимой команды или сфотографироваться с виртуальным трофеем. Такие инновации не только повышают вовлеченность молодой аудитории, но и генерируют вирусный контент, который распространяется с минимальными затратами. Кроме того, все больше большее значение приобретает персонализация коммуникаций на основе анализа больших данных (big data). Собирая информацию о поведении пользователей, маркетологи могут отправлять индивидуальные предложения, скидки на мерч, напоминания о старте продаж билетов на любимые команды [5]. Такой подход повышает лояльность и

конверсию, поскольку каждый болельщик чувствует себя особенным. Так, марафон в Бостоне, используя данные о прошлых забегах участников, стал рассылать персонализированные тренировочные планы от имени легенд марафона. В результате 89% бегунов, получивших такой план, зарегистрировались на следующий год – на 34% больше, чем в контрольной группе. Наконец, нельзя игнорировать и интеграцию с киберспортом: виртуальные турниры по футболу, баскетболу или гонкам привлекают миллионы зрителей, а бренды спонсируют не только реальные, но и цифровые команды, создавая перекрестное продвижение между традиционным и электронным спортом [4].

Создание уникального опыта для зрителей выходит далеко за рамки самого соревнования. Организаторы все чаще внедряют мобильные приложения, которые помогают болельщикам ориентироваться на стадионе, заказывать еду без очередей, участвовать в викторинах и получать эксклюзивный контент. Кроме того, элементы геймификации – начисление баллов за посещение матчей и обмен их на мерч – превращают пассивного наблюдателя в активного участника. Для брендов, выступающих спонсорами, открываются возможности ненавязчивого присутствия: размещение логотипов в приложении, организация фан-зон, розыгрыш призов с символикой [1].

Еще одним важным направлением остается работа с традиционными медиа, но в обновленном формате. Телевизионные трансляции сегодня дополняют онлайн-комментариями, аналитикой в реальном времени и возможностью выбора угла камеры. Пресс-релизы и эксклюзивные интервью публикуются не только в газетах, но и на специализированных спортивных порталах, агрегаторах новостей и в подкастах. Такой микс традиционных и цифровых каналов позволяет охватить максимально широкую аудиторию – от заядлых болельщиков старшего возраста до поколения, привыкшего получать информацию со смартфона [3].

Особого внимания заслуживает послесобытийная коммуникация. Успешное продвижение не заканчивается финальным свистком. Рассылка благодарственных писем участникам, публикация фото- и видеоотчетов, создание хештегов для обмена впечатлениями и анонс будущих событий помогают сохранить интерес и сформировать базу лояльных зрителей для следующих проектов. Более того, именно в постпериод часто проявляется долгосрочный эффект спонсорской интеграции: потребители делятся фотографиями с брендированными элементами, обсуждают продукт в соцсетях, тем самым бесплатно распространяя информацию [1].

Таким образом, современное продвижение спортивных событий и брендов превращается в комплексную экосистему, где каждый компонент – от точного портрета целевой аудитории до грамотного постсопровождения – влияет на итоговый результат. Ключевым становится не просто привлечь внимание, а удержать его через эмоции, удобство и ощущение причастности. В условиях перенасыщенного информационного поля именно способность маркетологов создавать живой, искренний и интерактивный диалог с болельщиками определяет, превратится ли случайный зритель в преданного фаната, а одноразовый покупатель – в пожизненного амбассадора бренда.

Список литературы

1. Александров С.Г. Значение систем автоматизации и искусственного интеллекта в физкультурно-спортивном совершенствовании занимающихся / С.Г. Александров, А.Э. Бондаренко // Экономика и устойчивое развитие региона в контексте цифровой трансформации: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов. – Иваново: ИФ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2025. – С. 105–108. EDN LCVCSA

2. Алексунин В.А. Маркетинговый подход к управлению спортивной индустрией / В.А. Алексунин, В.А. Баскаков // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2016. – №3 (5). – URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 27.04.2026).

3. Дмитриев А.Г. Спонсорство в футболе: цели, возможности, мотивы / А.Г. Дмитриев, И.А. Кашаева // ТДР. – 2011. – №5. – URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 27.04.2026). EDN QCMLML

4. Малыгин А.В. Маркетинг в спортивной индустрии. Для тех, кто в игре: учеб. пособие / А.В. Малыгин. – М.: Юрайт, 2024. – 336 с.

5. Фуренко А.А. Специфика продвижения спортивных мероприятий как объекта комплекса маркетинга / А.А. Фуренко, Г.А. Катин // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2021. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 27.04.2026). DOI 10.18413/2408-9346-2021-7-4-0-7. EDN CFHXGX

Борисов Глеб Михайлович
студент
Усков Сергей Владимирович
канд. пед. наук, преподаватель

Московский областной филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Красногорск, Московская область

DOI 10.31483/r-166671

ЭТИКА И НОРМЫ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧИНОВНИКОВ В ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению особенностей организации служебной деятельности раннесредневекового японского чиновничества, а также выявлению у него зачатков корпоративной культуры. Авторы стремятся проследить влияние принципов государственной службы, которыми руководствовались японские бюрократы, на сложившееся в государстве положение. Авторами делается вывод о том, что во многом именно особая «корпоративная культура» японских государственных служащих явилась причиной постепенного разложения государственного аппарата, существовавшего на протяжении нескольких столетий. Данное исследование может быть полезно специалистам в сфере управления, а также специалистам-востоковедам.*

Ключевые слова: *государственная служба, корпоративная культура, служебное поведение, Древняя Япония, бюрократия.*

Выражается признательность кандидату психологических наук Ершовой Ларисе Владимировне за помощь в подготовке статьи к публикации.

Введение.

О знаменитой на весь мир японской бюрократии, пожалуй, хотя бы раз слышал каждый. Она уходит корнями в далёкое прошлое, как бы скрываясь за веками господства военного сословия на Японских островах. Можно сказать, что за время существования у её представителей сложился свой особый образ, сформировалось своё отношение к службе и долгу, свои ритуалы и прочие отличительные черты, иначе говоря, возникла своя «корпоративная культура».

Объектом данного исследования является бюрократический аппарат Древней Японии, а предметом – его «корпоративная культура», под которой понимается система норм, ценностей, ритуалов, символов и многого другого, во что верили и чем руководствовались японские чиновники.

В первой главе приведён понятийный аппарат, основные элементы корпоративной культуры, а также краткая характеристика эпох. Во второй главе автор переходит к описанию образа японского чиновника, а также к анализу организационных основ его деятельности.

Целью данного исследования является анализ основных составляющих корпоративной культуры государственных служащих Древней Японии, а также выявление их влияния на эффективность государственного управления. Исследование базируется на древнеяпонских сводах законов, исторических произведениях и хрониках, дневниках аристократов, трудах отечественных и зарубежных востоковедов, а также на работах российских управленцев.

1. Корпоративная культура: понятийный аппарат.

1.1. Понятие «корпоративной» культуры.

В Древней Японии не существовало ни термина, ни самого понимания корпоративной культуры, однако в данном исследовании для удобства этим понятием обобщается ряд ритуалов, форм работы и прочей связанной с термином информации, ведь впервые данное

обозначение было использовано лишь в XIX веке немецким фельдмаршалом Хельмутом фон Мольтке, а после оно было введено в теорию менеджмента Терренсом Дилом и Алланом Кеннеди в 1982 году [1, с. 32–33]. Термин «корпоративная культура» часто используется как синоним термина «организационная культура», который также стал популярным в тематической литературе [2, с. 188]. Оба термина имеют множество трактовок и несколько различий, например, Дэвид Крепс определил корпоративную культуру как «нематериальный актив, удовлетворяющий непредвиденные обстоятельства», а Элдридж и Кромби установили, что «культура организации представляет собой уникальную совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения, определяющую способ объединения для достижения поставленных целей». Однако автор будет исходить из того, что данные понятия всё же имеют больше сходств, чем различий, а потому будет использовать их как синонимы.

Краткая характеристика описываемых эпох:

В данном исследовании автор сконцентрировался на анализе источников из двух периодов – Нара и Хэйан, входящих в эпоху «японской древности» (40 тысяч лет назад – 1185 год н.э.). Кратко обозначим основные особенности каждой из них [10, с. 32–89]:

Период Нара (710–794 гг.).

Данный период назван по местонахождению первой постоянной столицы Японии (совр. город Нара – ранее *Хэйдзё-кё*). Его начало знаменует в Японии создание «государства, основанного на законах» (*«рицурё кокка»*). Окончательно формируется государство централизованного типа в соответствии с китайским образцом – именно в этом временном промежутке на ближайшие несколько столетий оформляется система государственной службы, закреплённая в нормативно-правовых актах.

Период Хэйан (794–1185 гг.).

Данный период назван по местонахождению новой столицы – *Хэйан-кё* («Столица мира и спокойствия», совр. город Киото), которая формально сохраняла столичный статус до 1868 года. Данный период известен как «золотой век японской культуры», в котором выработались собственно японские культурные формы, несмотря на это, период ознаменован упадком государственной власти и «закупориванием» столичной аристократии (*«отё кокка»* – придворное государство), которая выказывала открытое и полное отсутствие интереса к положению дел в провинции. Государство утратило былую централизованность, а провинциальные элиты оказались предоставлены сами себе. К концу эпохи законодательная база, созданная в период Нара, уже не соответствовала реалиям, а экономическая база государства была уничтожена распространением частных поместий (*сёэн*) (Ранее считалось, что вся земля в стране принадлежала Государю: её жаловали за заслуги, выдавали неосвоенные земли в разработку и т.д., в эпоху Хэйан родовитые особы «забыли» об этом, желая приумножить свои зе-мельные владения (доходило даже до прямого захвата), наделённых «налоговым иммунитетом». На несколько столетий власть оказалась в руках знатного дома Фудзивара, а во второй половине XII века властные полномочия были перехвачены представителями военно-аристократических домов Тайра и Минамото, в результате чего в стране вспыхнула «гражданская война» 1180 – 1185 гг. (война *Гэмпэй*), завершившаяся установлением в Японии первого военного правительства – сёгуната Камакура.

1.3. Основные элементы корпоративной культуры.

Как части составляют целое (*синекдохи*) (японский принцип, гласящий: «Часть ведёт к целому, малое – к большому, единичное – к общему»), так и корпоративная культура состоит из элементов. Единства в их определении, надо отметить, нет. За основу в данном исследовании были взяты её классические элементы [3, с. 17–18]: культура управленческой деятельности (управленческие навыки и знания), стиль управления (система средств, методов и форм взаимодействия с коллективом), структура управления (взаимосвязанная система элементов и уровней управления), философия организации (идеи, принятые в организации, а также отражающее её предназначение, главное направление её деятельности и т. д.), система ценностей, являющая собой ядро организационной культуры (принятые в организации

приоритеты, имеющие значение для всех её сотрудников, например: цели, характер внутренних взаимоотношений, исполнительность, профессиональная этика и т. д.).

2. Японское чиновничество и его корпоративная культура.

2.1. «Правовая основа» корпоративной культуры в Древней Японии.

Общество на Японских островах развивалось в условиях относительной изоляции – контакты с материком, пускай и затруднительные, но имели место. Именно они позволили японцам перенимать китайско-корейские правовые нормы. До начала VII века в Японии господствовало бесписьменное право, однако всё изменилось с написанием принцем Умаядо (известен он под своим посмертным именем – Сётоку) «Законоположения из 17-ти статей» (датируется 604 годом, хотя некоторые историки сомневаются в его подлинности). В данном документе чётко прослеживается зарубежное этико-правовое влияние, однако он, хотя и отражал основные принципы взаимодействия чиновников с Государем, аристократией и простым народом, не оказал значительного влияния на современников, ведь его положения носили преимущественно рекомендательный характер и были обращены именно к человеческой личности – к изменению мировоззрения и привычек, например, Сётоку призывает чиновников «уничтожить в себе жадность и отбросить желания», разбирать дела, не беря взяток (на сегодняшний день, для тех, кто разбирает жалобы, извлечение выгоды стало постоянством, [они только] увидев взятку решают дела» - из текста «Уложения» можно видеть, что проблема борьбы с коррупцией была актуальна уже в то время), а также «отбросить гнев», не быть завистливыми и т.д. [6, с. 49–53].

Первым значимым памятником права, интересующим нас в данном исследовании, стал составленный по образцу танского свода законов «*Юн-хуэй люйлин»* кодекс *«Тайхо рицурё»* (где *«Тайхо»* – девиз правления Государя Момму – «Великое сокровище», *«рицу»* – уголовное право, а *«рё»* – гражданско-административное), введённый в действие в 702 году, в течение 15 лет кодекс подвергался многочисленным правкам, которые были вызваны практическими требованиями, а в результате в 718 году был составлен кодекс *«Ёро рицурё»*, в действие введён лишь в 757 году [5, с. 8–9]. Основной упор автор планирует сделать именно на его анализ и комментарии к нему *(«Рё-но гигэ»*, 833 г. и *«Рё-но сюгэ»*, 920 г.), ведь данный свод законов формально не был отменён вплоть до XIX века (однако реально же он прекратил своё действие с развалом единого «правового государства»). Стоит также отметить, что он хорошо подходит для исследования, ведь в нём описывалось примерно всё, что касается корпоративной культуры: система рангов и их соответствие должностям (Закон I «О постах и рангах»), организационная структура как общегосударственного управления, так и отдельных ведомств (Закон II «Об учреждениях и штатах»), обучение служащих, их аттестация (в данном законе также приводятся четыре достоинства, необходимые чиновнику: добродетельность и верность долгу, чистота и искренность, справедливость, усердие и трудолюбие) и порядок присвоения должностей, а также провинности чиновников и наказания за них (Закон XI «Об учебных заведениях», Закон XII «О выдвижении [достойных] и о присвоении [рангов]» и Закон XIV «О проверке и аттестации»), оплата труда различных категорий чиновников (Закон XV «О жалованье»), нравы и обязанности служащих (Закон XVIII «Об этике и обязанностях»), форма одежды чиновников разных рангов (Закон XIX «О тканях и одеяниях»), их организационная деятельность (Закон XXI «О делопроизводстве и документации»), отпуска служащих (Закон XXV «Об отпусках и днях отдыха, отпусках для траура») и т. д.

2.2. Ранговая и должностная система в раннесредневековой Японии.

Ещё в Древней Японии отмечался стремительный рост чиновничьего аппарата, а потому современники считали необходимым как-то упорядочить его деятельность. Для этого на основе китайско-корейского управленческо-политического опыта была разработана особая система рангов, число которых не было постоянным: изначально их было 12, а в кодексе *«Ёро рицурё»* – 9. Каждый ранг имел ещё степени, разряды и ступени: начиная с 4-го старшего ранга и до начального 9-го каждая степень «старшая-младшая» делилась ещё на 2-е ступени – «верхнюю и нижнюю» [5, с. 11–12].

Каждый ранг соответствовал определённому посту, т.е. только человек с высоким рангом мог занимать высокую должность. Часто должность, ранг или сан были достаточно более важными, чем собственное имя: титулами и должностями люди именовали друг друга даже в кругу семьи, например, в *«О:кагами»* имена чиновников из рода Фудзивара не используются, они записаны должностями и чинами, например: «принцесса Первого ранга», «Левый министр», «господин, Вступивший на Путь» и т.д. [7, с. 25–26], а в «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон указывает на то, что чиновника низкого ранга могли презирать как ничтожество, пока он не получал достойную должность.

Стоит отметить, что по мере разложения государственного аппарата в эпоху Хэйан должности всё чаще получали люди, которые им не соответствовали, а ранги присваивались тем, кто не был их достоин. Существовала практика продажи рангов и должностей – про чиновников, купивших ранг, говорили, что от них «пахнет медью» – *«досю»* [8, с. 105]. Благодаря «Запискам у изголовья» нам известен случай, когда ранг, возможно и в шутку, был присвоен животному: «Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки придворного пятого ранга, и её почтительно титуловали госпожой мёбу» [11, с. 11].

Образованность чиновника высоко ценилась, особо почитались знания в области т.н. «китайской науки» (Т.е. китайского языка, на котором велась вся документация (даже после создания в IX веке японской фонетической азбуки), китайской поэзии (нужно было уметь ещё и писать) и литературы, китайской истории и математики), однако столичная аристократия полагала, что знатность происхождения и влиятельность рода – важнейшие факторы при назначении на должность, а потому в стране укрепился наследственный принцип занятия должностей (*«фудай»*), в котором аристократы видели больше преимуществ, чем в принципе «использования талантов» – *«ёсай»* [11, с. 106]. Наглядно закрепление данного принципа иллюстрируют представители аристократического рода Фудзивара, в руках которого сосредоточилась вся власть в стране. Их многолетнее правление получило название *«сэккан сэйдзи»* («режим регентов и советников»). Оно полностью себя оправдывает, ведь представители разных ветвей Фудзивара, занимая должности регентов при малолетних Государях (*сэссё*) и канцлеров (*кампаку*) при повзрослевших, не терпели конкуренции и часто устраняли своих противников ненасильственными методами (что очень важно в преимущественно буддийском обществе), передавая должности своим родственникам. Так, например, в 931 году из 15-ти высших должностей: 11 занимали представители рода Фудзивара, 2 – члены дома Тайра и ещё по одной – Минамото и Татбиана [4, с. 103–104]. Наглядно отношение правящего клана к соперникам иллюстрирует история Сугавара-но Митидзане, который, как говорится в *«О:кагами»*, «талантами и учёностью превосходил всех в мире» [7, с. 59]. Он пал жертвой менее талантливого, зато более родовитого Фудзивара-но Токихира, который оболгал Митидзанэ, устранив его со своего пути.

2.3. Отношение японского чиновничества к служебным обязанностям.

У древнеяпонских чиновников не было чётко установленного рабочего графика. Ещё в 636 году было предложено установить фиксированный рабочий график для служащих: с 6 часов утра до 12 часов дня, однако дальше обсуждения эта идея не продвинулась. Во времена реформ Тайка всё-таки было решено, что чиновникам надлежит являться на службу около 4 часов утра и заканчивать работу в полдень [11, с. 121], однако сведений о том, следовали ли этому графику служащие, у нас нет. Уже к середине эпохи Хэйан чиновники обычно работали по ночам, однако большая часть их деятельности уже состояла из церемоний, не имевших практического смысла. Скуку от подобной «работы» разгоняли обильным поглощением алкоголя [11, с. 122]. Это кажется вполне нормальным для системы, где основные органы государственной власти вовсе не были озабочены практической стороной управления, уделяя куда больше внимания служебному дресс-коду (высоте придворных шапок, шлейфам у официальных нарядов, цветам одеяний и т. д.).

Уже тогда чрезмерная иерархичность японской бюрократии, которая выражалась как прямо, так и косвенно, например, через расположение (места на собраниях Государственного

совета и важных мероприятиях, различались по высоте, т.е. если человек низкого ранга садился выше служащего с более высоким рангом, то такая ситуация непременно вызывала осуждение), подобные примеры встречаются во многих исторических произведениях: и в *«О:кагами»* (см. Свиток четвёртый – «Министр двора Мититака»), и в «Повести о смуте годов Хэйдзи» (см. Свиток первый – «О том, как Мицуёри пошёл на совет во дворце, а также о том, как Киёмори прибыл в Ро-кухара»). Неудивительно, что японское чиновничество эпохи Хэйан отличалось удивительной степенью конформизма и адаптивности [8, с. 104] в условиях противостояния политических группировок и карьеризма, несмотря на это, среди важнейших качеств, присущих образцовому подданному, присутствовали конфуцианские идеалы: верность (долгу, Государю и т. д.) и сыновняя почтительность, которая выступала главным принципом функционирования семьи и государства. Чиновник должен был быть подобен отцу своим подчинённым, а если у него не было жены и детей, то считалось, что он не способен наставлять нижестоящих менее опытных служащих, т.е. не мог в полном объёме выполнять служебные обязанности [8, с. 109–111]. Взаимосвязь сыновней почтительности и верности была очевидна: служение Государю с сыновней почтительностью – это и есть верность, а принцип уважения к отцу на государственном уровне соответствовал преданности Императору [8, с. 112].

Считалось, что подданный должен давать мудрые и обоснованные советы Государю, не боясь навлечь на себя его гнев. Ценились также прямота и способность критиковать действия или заявления высокопоставленных государственных деятелей. Так, например, в «Повести о доме Тайра» содержатся следующие строки: «Если вассал не боится советовать Государю, страна пребудет в мире! Если сын не боится дать советы отцу, в доме пребудет добродетель!» (см. Свиток второй - «Сигнальные огни»). Значимыми считались и практические умения служащего: своевременность действий, безбоязненное решение трудных задач, чёткое соблюдение ритуала, старательность и стремление к совершенствованию собственного мастерства, а также способность убеждать [8, с. 121]. Одной из важнейших составляющих служебной деятельности считались церемонии и ритуалы, которые часто мешали управлять государством, так, например, отправка войск на подавление восстания Тайра-но Тадацунэ была задержана на два месяца, а причиной был Правый министр Фудзивара-но Санэсукэ, который настаивал, что в таком важном деле необходимо дождаться благоприятного календарного дня, подходящего для выступления.

Реальное же отношение к обязанностям отследить довольно сложно, ведь разнообразных примеров (как положительных, так и отрицательных) слишком много, да и зависит отношение к службе от самого человека. Примеры такого отношения могут варьироваться от Тайра-но Сигэмори, который является олицетворением идеального конфуцианского чиновника, до огромного числа известных историкам тунеядцев, пьяниц (например, Фудзивара-но Митидзанэ, который, как считается, умер не от оспы, а от пьянства), трусов и властолюбцев, государственных преступников, мятежников и разбойников.

Упомянутые в тексте идеалы, стоит отметить, часто отодвигались знатными чиновниками, преследовавшими интересы своей семьи, на второй план. Примечателен в данном контексте пример Правого министра Фудзивара-но Канэиэ, который, сговорившись со своим сыном Митиканэ, обманом лишил Императора Кадзана престола, чтобы усадить на него своего внука – будущего Государя Итидзё [7, с. 47–48]. Отношение же к самим чиновникам со стороны народа тоже было неоднозначным, однако это уже вопрос для другого исследования. Для обобщённого описания того, как выглядел и что представлял из себя типичный хэйанский чиновник, нам прекрасно подойдёт (пускай и несколько радикальная, но от этого не менее занимательная) цитата историка Джеймса Мёрдока: «Расплодившаяся стая жадных, жалких, праздных дилетантов, зачастую мерзко распущенных, совершенно бездельных, не способных ни на единое достойное свершение» [11, с. 33].

Заключение.

В рамках данной работы автором была предпринята попытка привести характеристику организационной культуры государственных служащих Древней Японии. Исследование позволило выявить соответствие действий японских бюрократов и основных элементов корпоративной культуры, базировавшейся на основе китайских управленческих практик, буддизма (он действительно прочно укрепился в сознании к XII веку) и конфуцианских норм. Основываясь на результатах исследования, можно отметить, что организационная культура древних японских бюрократов не представляла собой некое «единое целое», ведь внутри неё существовал постоянный конфликт между «государственным» и «личным», а параллельно с ним на национальном уровне велась борьба между «управленческой эффективностью» и «эстетикой», однако обычно выбор делался в пользу второго параметра (ожидаемо от страны, в которой цветение ирисов и любование луной считались государственными праздниками, а чиновники благодарили своё начальство за назначения ритуальными танцами), а потому, как писал Айван Моррис, остаётся удивляться тому, как данная система управления смогла просуществовать столько, сколько просуществовала.

Список литературы

1. Садиева Жанар. Теоретические аспекты понятия корпоративной культуры / Жанар Садиева // Исследования молодых ученых: материалы LXIV Междунар. науч. конф. (Казань, июнь 2023 г.). – Казань: Молодой ученый, 2023. – URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/498/18106 (дата обращения: 08.05.2026).

2. Романова Л.И. Современный подход к различиям организационной и корпоративной культуры / Л.И. Романова, С.С. Иванова // Вестник науки. – 2018. – №8 (8). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-razlichiyam-organizatsionnoy-i-korporativnoy-kultury (дата обращения: 08.05.2026).

3. Измалкова С.А. Организационная культура и управление инновациями: организационно-экономические аспекты менеджмента: учеб. пособие для высш. проф. образования / С.А. Измалкова, В.А. Князева, Н.С. Лаушкина. – Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2012. – 337 с.

4. Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки / С.С. Пасков; отв. ред. Г.И. Подпалова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. – 196 с.

5. Воробьёв М.В. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII век) и право раннего средневековья / М.В. Воробьёв. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 384 с.

6. Сётоку-тайси «Уложение семнадцати статей» / пер. и коммент. В.А. Матвеенко // Гуманитарные исследования. – 2020. – №2. – С. 5.

7. О:кагами – Великое зерцало / пер. с древнеяп., исслед. и коммент. Е.М. Дьяконовой. – СПб.: Гиперион, 2000. – 288 с.

8. Грачёв М.В. Образ чиновника в раннесредневековой Японии: идеал и действительность / М.В. Грачёв // Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. – 2014. – Т. 52. – С. 105–124.

9. Повесть о доме Тайра: эпос XIII в. / пер. со старояп., предисл. и коммент. И. Львовой. – М.: Худож. лит., 1982. – 703 с.

10. История Японии: учебник для студентов вузов / под ред. Д.В. Стрельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 592 с.

11. Моррис А. Мир блистательного принца: придворная жизнь в древней Японии / Айван Моррис; пер. с англ. Д. Харитонова. – М.: Дело РАНХиГС, 2019. – 464 с.

Боровкова Елизавета Юрьевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Аннотация: *в статье рассматриваются современные подходы к организации межведомственного взаимодействия в системе предоставления государственных и муниципальных услуг на примере деятельности многофункциональных центров. Исследуются особенности функционирования системы межведомственного электронного взаимодействия, влияние цифровизации государственного управления на качество предоставления услуг населению, а также проблемы, возникающие в процессе взаимодействия органов государственной власти и МФЦ. Особое внимание уделяется вопросам повышения эффективности информационного обмена между ведомствами, сокращения административных барьеров и совершенствования организационно-управленческих механизмов взаимодействия. На основе анализа современных тенденций развития системы государственных услуг сформулированы предложения по совершенствованию межведомственного взаимодействия в условиях цифровой трансформации публичного управления.*

Ключевые слова: *межведомственное взаимодействие, МФЦ, государственные услуги, цифровизация, СМЭВ, государственное управление, цифровая трансформация, электронное взаимодействие, публичное управление.*

Современный этап развития системы государственного управления Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий, совершенствованием механизмов предоставления государственных услуг и переходом к сервисной модели взаимодействия государства и граждан [4]. Одним из ключевых направлений административной реформы выступает развитие многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), деятельность которых основана на принципе «одного окна» и предполагает тесное взаимодействие различных органов государственной власти [2].

Эффективность функционирования МФЦ напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия, поскольку значительная часть государственных услуг требует обмена информацией между различными ведомствами, использования электронных информационных систем и координации административных процедур. В условиях цифровой трансформации государственного управления возрастает необходимость совершенствования механизмов информационного обмена, повышения уровня автоматизации процессов и сокращения административных барьеров [6].

Актуальность исследования обусловлена тем, что несмотря на активное развитие системы межведомственного электронного взаимодействия, в деятельности МФЦ сохраняются проблемы, связанные с интеграцией информационных систем, различиями в регламентах работы ведомств, техническими ограничениями цифровой инфраструктуры и недостаточной скоростью обработки межведомственных запросов. Указанные обстоятельства требуют дальнейшего совершенствования организационных и технологических механизмов взаимодействия между государственными структурами. Целью статьи является исследование современных проблем межведомственного взаимодействия в системе предоставления государственных и муниципальных услуг и определение направлений повышения эффективности деятельности МФЦ в условиях цифровизации государственного управления.

Межведомственное взаимодействие представляет собой согласованную деятельность органов государственной власти и организаций, направленную на обмен информацией,

координацию действий и обеспечение эффективного предоставления государственных услуг населению [5]. В современных условиях данное взаимодействие становится одним из ключевых факторов повышения качества государственного управления, поскольку обеспечивает интеграцию различных управленческих процессов и оптимизацию административных процедур.

Развитие системы межведомственного взаимодействия в Российской Федерации тесно связано с формированием сети многофункциональных центров. Создание МФЦ стало важным этапом административной реформы, направленной на упрощение процедур получения государственных услуг, сокращение временных затрат граждан и повышение доступности публичных сервисов [3]. В настоящее время МФЦ выполняют функции посредника между населением и органами государственной власти, обеспечивая прием документов, консультирование граждан и организацию межведомственного обмена информацией.

Важнейшим элементом современного межведомственного взаимодействия является система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), предназначенная для автоматизированного обмена данными между государственными органами. Использование СМЭВ позволяет значительно сократить объем бумажного документооборота, ускорить обработку запросов и повысить прозрачность административных процедур. Кроме того, внедрение электронного взаимодействия способствует снижению административной нагрузки на граждан, поскольку необходимость самостоятельного сбора документов из различных ведомств существенно сокращается [4].

Несмотря на положительные результаты цифровизации государственных услуг, практика функционирования МФЦ показывает наличие ряда проблем, оказывающих влияние на эффективность межведомственного взаимодействия. Одной из наиболее значимых проблем является недостаточная интеграция информационных систем различных ведомств. В ряде случаев используемые цифровые платформы имеют ограниченную совместимость, что затрудняет оперативный обмен информацией и увеличивает сроки предоставления услуг [3].

Дополнительные сложности связаны с различиями в административных регламентах и организационных процедурах отдельных ведомств. Отсутствие единых стандартов информационного обмена и различный уровень цифровой зрелости государственных структур приводят к возникновению задержек при обработке межведомственных запросов [1]. Существенное влияние на эффективность взаимодействия также оказывает высокая нагрузка на сотрудников МФЦ, связанная с постоянным увеличением объема предоставляемых услуг и расширением перечня государственных сервисов.

Особую актуальность в современных условиях приобретают вопросы информационной безопасности и защиты персональных данных граждан. Развитие электронного документооборота и цифровых платформ требует обеспечения высокого уровня защищенности информационных систем, предотвращения несанкционированного доступа к данным и соблюдения требований законодательства в области обработки персональной информации.

Анализ современных тенденций развития системы государственных услуг показывает, что дальнейшее совершенствование межведомственного взаимодействия должно быть связано с повышением уровня цифровой интеграции органов власти, развитием единой цифровой инфраструктуры и внедрением современных технологий обработки данных. Одним из перспективных направлений является использование интеллектуальных информационных систем и технологий искусственного интеллекта для автоматизации отдельных административных процедур и повышения скорости обработки запросов. Важным направлением совершенствования деятельности МФЦ является развитие клиентоориентированного подхода в системе предоставления государственных услуг. В современных условиях качество работы государственных учреждений оценивается не только по скорости выполнения административных процедур, но и по уровню удобства для граждан, доступности цифровых сервисов и степени удовлетворенности населения качеством обслуживания.

Для повышения эффективности межведомственного взаимодействия целесообразно реализовать комплекс организационных и технологических мероприятий, направленных на совершенствование процессов информационного обмена между ведомствами. К числу таких мероприятий относятся дальнейшая модернизация системы СМЭВ, внедрение единых стандартов электронного документооборота, повышение уровня автоматизации обработки межведомственных запросов, а также развитие единой цифровой платформы государственных услуг. Кроме того, значительное внимание необходимо уделять повышению квалификации сотрудников МФЦ и органов государственной власти в области использования современных цифровых технологий. Эффективность функционирования системы межведомственного взаимодействия во многом зависит от уровня профессиональной подготовки персонала, способности сотрудников адаптироваться к изменениям цифровой среды и использовать современные инструменты управления информационными процессами.

Таким образом, межведомственное взаимодействие является важнейшим инструментом повышения эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг в современных условиях цифровой трансформации государственного управления. Развитие системы МФЦ и внедрение электронного взаимодействия между органами власти способствуют сокращению административных барьеров, повышению доступности услуг и улучшению качества обслуживания населения [2].

Вместе с тем проведенный анализ показывает, что в системе межведомственного взаимодействия сохраняются проблемы, связанные с интеграцией информационных систем, различиями в регламентах ведомств, техническими ограничениями цифровой инфраструктуры и необходимостью дальнейшего совершенствования организационных процессов.

Повышение эффективности деятельности МФЦ требует комплексного подхода, включающего развитие цифровых технологий, совершенствование нормативно-правового регулирования, внедрение единых стандартов информационного обмена и повышение уровня цифровой зрелости органов государственной власти [2]. Реализация указанных направлений позволит обеспечить дальнейшее развитие сервисной модели государства, повысить качество государственных услуг и укрепить доверие граждан к системе публичного управления.

Список литературы

1. Агаларов А.В. Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации: правовой аспект / А.В. Агаларов // Молодой ученый. – 2025. – №5 (556). – С. 213–217. – URL: https://moluch.ru/archive/556/122312 (дата обращения: 15.05.2026);. EDN EHEWNF

2. Джамалудинова М.Ю. Повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг на основе многофункционального центра (МФЦ) / М.Ю. Джамалудинова, Д.М. Омарова, А.Р. Агамирзоева, М.М. Абдулаева // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kachestva-predostavleniya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-na-osnove-mnogofunktsionalnogo-tsentra-mfts (дата обращения: 19.05.2026). DOI 10.47576/2949-1916.2024.3.3.007. EDN OHYEMP

3. Мамиконян Н.А. Цифровые платформы в государственном управлении / Н.А. Мамиконян // Молодой ученый. – 2023. – №6 (453). – С. 107–108. – URL: https://moluch.ru/archive/453/100015 (дата обращения: 15.05.2026);. EDN QRAQMO

4. Морозова О.А. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении: учебник для вузов / О.А. Морозова, В.В. Лосева, Л.И. Иванова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 156 с. – ISBN 978–5-534–18554–6 // Образовательная платформа Юрайт: сайт. – URL: https://urait.ru/bcode/586356 (дата обращения: 15.05.2026);

5. Тюшняков В.Н. Технологии межведомственного электронного взаимодействия в государственном и муниципальном управлении / В.Н. Тюшняков // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2012. – №8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-mezhvedomstvennogo-elektronnogo-vzaimodeystviya-v-gosudarstvennom-i-munitsipalnom-upravlenii (дата обращения: 15.05.2026). EDN PBVBNN

6. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски / Ю.А. Холоденко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, №3. – С. 43–78. – DOI 10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78. EDN TLNZWL

Ващук Евгения Владимировна
студентка
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

НЕЙРОМАРКЕТИНГ И АЙТРЕКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Аннотация: *в современной маркетинговой среде актуальность приобретает изучение глубинных когнитивных реакций потребителей, которые не поддаются фиксации традиционными методами опроса. Данная статья посвящена анализу интеграции нейромаркетинговых инструментов, в частности технологий айтрекинга, в комплексный процесс оценки потребительского поведения. Айтрекинг позволяет объективно определить зоны интереса и когнитивную нагрузку субъекта, минимизируя субъективные искажения ответов.*

Ключевые слова: *нейромаркетинг, айтрекинг, визуальное внимание, потребительское поведение.*

В настоящее время компании все чаще сталкиваются с необходимостью более глубокого изучения потребительского поведения. Это связано с тем, что в условиях высокой конкуренции и большого объема информации традиционные методы маркетинговых исследований не всегда позволяют получить полное представление о том, как человек воспринимает рекламные сообщения и какие факторы влияют на его выбор. Многие решения принимаются на подсознательном уровне, поэтому результаты опросов и анкетирования не всегда отражают реальные мотивы потребителей. В связи с этим возрастает интерес к нейромаркетингу, который позволяет исследовать реакции человека на различные маркетинговые стимулы с использованием современных технологий.

Одним из наиболее распространенных инструментов нейромаркетинговых исследований является айтрекинг. Данная технология дает возможность отслеживать движение глаз и определять, какие элементы рекламного контента привлекают внимание пользователя в первую очередь, а какие остаются незамеченными. Изучение визуального внимания имеет большое значение для маркетинга, поскольку именно зрительное восприятие является одним из ключевых факторов, влияющих на принятие решения о покупке. Анализ фиксаций взгляда, тепловых карт и траекторий движения глаз позволяет получить объективную информацию о реакции потребителей на рекламные материалы и оценить эффективность используемых маркетинговых коммуникаций.

Нейромаркетинг как отдельное направление маркетинговой деятельности и особый раздел нейроэкономики представляет собой комплекс специальных мероприятий – нейроисследований, замеров, экспериментов, тестирований для глубинного понимания того, каким образом мозг респондента реагирует на тот или иной стимул, тестируемый в ходе исследования.

Нейромаркетинговые исследования изучают эмоциональные и поведенческие реакции респондентов. В ходе таких исследований исследователи пытаются зафиксировать физиологические и нейронные сигналы, чтобы понять, почему и каким образом происходит принятие решения о покупке товара или совершении покупателем иного целевого действия и какое именно действие происходит в определенный момент времени (в случае, когда используется специфическое оборудование для замеров) [1, с. 91].

Айтрекинг (с англ. «eye tracking» – «отслеживание глаз») – технология, которая фиксирует движение глаз. Чтобы произвести замеры, используют специальное устройство – айтрекер [2].

В рамках айтрекнг-исследований анализируются следующие ключевые окуломоторные показатели.

1. *Фиксация* – момент, когда зрачки участника задерживаются на элементе пользовательского интерфейса достаточно долго, чтобы его обработать.

2. *Саккада* – момент, когда глаз участника движется, блуждает по интерфейсу, ни на чем не останавливаясь.

3. *Тепловая карта* – это представление о том, куда смотрел один участник в исследовании. Тепловая карта создается на основе фиксаций продолжительностью от 100 до 500 мс. «Горячие» фрагменты карты показывают области с большим количеством фиксаций участников. Тепловая карта строится по результатам исследований, а не формируется автоматически [3].

К преимуществам айтрекинга относятся:

– объективность (фиксирует естественные реакции пользователя, не поддающиеся фальсификации);

– точность (обеспечивает измерение времени фиксации взгляда с высокой точностью);

– информативность (предоставляет исчерпывающие данные о взаимодействии пользователя с продуктом или услугой).

Недостатки:

– стоимость (айтрекинг относительно дорогостоящий метод исследования);

– сложность проведения (требует наличия специального оборудования и программного обеспечения);

– необходимость привлечения специалистов (интерпретация результатов исследований может нуждаться в помощи экспертов).

Несмотря на некоторые ограничения, айтрекинг остается мощным инструментом, способным открыть новые грани восприятия человека [4].

Нейромаркетинг можно отнести к одной из самых быстро развивающихся областей на стыке маркетинга, когнитивной психологии и анализа данных. Исследовательские центры все чаще переходят от теоретических экспериментов к прикладным моделям, которые помогают прогнозировать внимание аудитории, эмоциональную вовлеченность и вероятность покупки. Ключевой тренд ближайших лет – этичный нейромаркетинг.

Сбор нейроданных требует прозрачности: пользователи должны понимать, как и зачем используются их биометрические показатели. Компании, которые внедрят политики конфиденциальности с пояснениями на простом языке, укрепят доверие. К 2030 году искусственный интеллект, обученный на нейроданных, сможет прогнозировать поведение аудитории с точностью до 90%. Маркетологам стоит инвестировать в обучение нейроаналитике и сотрудничество с нейробиологами, чтобы оставаться на гребне волны.

Технологии нейромаркетинга, в частности айтрекинг, являются эффективным инструментом изучения потребительского поведения. Анализ движений глаз позволяет получить объективную информацию о распределении визуального внимания и выявить элементы рекламного контента, которые оказывают наибольшее влияние на восприятие информации потребителями.

Список литературы

1. Сяглова Ю.В. Маркетинговые исследования и рыночная аналитика: учебник для вузов / Ю.В. Сяглова, Т.П. Маслевич, Н.Б. Сафронова. – М.: Дашков и К°, 2025. – 320 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=731284 (дата обращения: 17.06.2026).

2. Джат Ю. Что такое айтрекинг и где применяется технология / Ю. Джат. – URL: https://blog.rt.ru/b2c/chto-takoe-aitreking-i-gde-primenyaetsya-tekhnologiya.htm (дата обращения: 17.06.2026).

3. Mish: агентство интернет-маркетинга. Фиксация, саккада, тепловая карта: как тестировать юзабилити с помощью айтрекинга. – URL: https://www.sostav.ru/publication/fiksatsiya-sakkada-teplovaya-karta-kak-testirovat-yuzabiliti-s-pomoshchyu-ajtrekinga-48987.html (дата обращения: 17.06.2026).

4. Айтрекинг: окно в сознание потребителя // Диалоговые интеллектуальные технологии: сайт. – URL: https://intellectdialog.com/glossary/metod-issledovaniya-ajtrejking (дата обращения: 03.06.2026).

Вершняк Ангелина Андреевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

МОТИВАЦИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРОЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты мотивации и стимулирования труда работников в современных условиях построения деловой карьеры. Анализируются ключевые подходы к формированию эффективной системы мотивации и стимулирования в управления персоналом, выявляются основные проблемы и направления их решения. Особое внимание уделяется роли нематериальных факторов и корпоративной культуры.*

Ключевые слова: *мотивация, стимулирование, трудовая деятельность, деловая карьера, управление деловой карьерой.*

В современных условиях развития экономики и трансформации рынка труда особое значение приобретает эффективное управление человеческими ресурсами. Организации функционируют в условиях высокой конкуренции, дефицита квалифицированных кадров и изменения ценностных ориентиров работников на субъективно-индивидуальные. В связи с этим мотивация и стимулирование труда становятся ключевыми инструментами обеспечения устойчивого развития. Особенно важны вопросы мотивации и стимулирования в вопросах построения и управления деловой карьеры. Сегодня деловую карьеру рассматривают в трех позициях: как вертикальный профессиональный должностной рост, 2) как приобретение новых профессиональных знаний, навыков и умений, 3) субъективное восприятие самим сотрудником в соответствии со своим личным опытом работы и представлений о своей карьере. Мотивация профессионального роста влияет на управление деловой карьеры, стремление к повышению квалификации и новым возможностям продвижения в должностном разрезе. Руководитель обязан в процессе различных методов управления персоналом обратить внимание на этот факт. Какая мотивация преобладает у сотрудника в его трудовой деятельности и принять меры для удовлетворения его потребностей. При этом желание работника повышать свои профессиональные компетенции и расти в служебной карьере необходимо стимулировать и поощрять, создавать необходимые условия.

Стимулирование труда представляет собой систему внешнего воздействия на работника, направленного на повышение его трудовой активности. Оно реализуется через материальные и нематериальные стимулы. Мотивация же является внутренним процессом, отражающим потребности, интересы и ценности личности. Взаимосвязь этих категорий обеспечивает формирование устойчивого и результативного трудового поведения.

Классические теории мотивации, такие как теория потребностей А. Маслоу [1], теория двух факторов Ф. Герцберга [2] и теория ожиданий В. Врума [3], остаются актуальными и в современных условиях. Они позволяют объяснить причины поведения работников и формируют основу для разработки управленческих решений. Однако современные реалии требуют их адаптации с учётом цифровизации, изменения структуры занятости и роста требований к качеству трудовой жизни. Материальное стимулирование традиционно занимает важное место в системе мотивации. Оно включает заработную плату, премии, бонусы и различные компенсационные выплаты. Несмотря на свою значимость, материальные стимулы не всегда обеспечивают долгосрочную вовлечённость работников. Практика показывает, что при

достижении определённого уровня дохода на первый план выходят нематериальные факторы [2]. Нематериальная мотивация включает признание достижений, возможность профессионального роста, участие в управлении, гибкость условий труда и благоприятный психологический климат. Эти элементы способствуют формированию внутренней заинтересованности работника и повышают его удовлетворённость трудом [1; 4].

Особую роль в системе мотивации как фактора управления деловой карьерой играет корпоративная культура. Она формирует систему ценностей, норм и правил поведения в организации. Сильная корпоративная культура способствует повышению вовлечённости сотрудников, укреплению командного взаимодействия и снижению текучести кадров. Организации, уделяющие внимание развитию культуры, достигают более высоких результатов [5]. Современные тенденции показывают, что эффективная система мотивации должна быть комплексной и гибкой. Индивидуализация подходов к стимулированию позволяет учитывать особенности работников, их потребности и ожидания. В условиях дефицита кадров это становится важным конкурентным преимуществом. Значительное влияние на мотивацию оказывает цифровизация. Использование цифровых технологий позволяет автоматизировать процессы управления персоналом, внедрять системы оценки эффективности и повышать прозрачность стимулирования. Однако, цифровизация также предъявляет новые требования к компетенциям работников и усиливает необходимость их постоянного обучения. Одной из актуальных проблем является недостаточная эффективность традиционных систем мотивации. Во многих организациях наблюдается формальный подход к стимулированию, отсутствие обратной связи и недооценка нематериальных факторов. Это приводит к снижению вовлечённости и росту текучести кадров [4].

В государственном и муниципальном управлении мотивация персонала как фактор развития служебной деловой карьеры имеет свою специфику. Здесь важную роль играет сочетание материальных стимулов с общественным признанием, стабильностью и возможностями профессионального развития [5]. Совершенствование системы мотивации в данном секторе требует изменений в нормативной базе и управленческих практиках. Важным направлением развития является внедрение человекоцентричного подхода. Он предполагает учёт индивидуальных потребностей работников, создание комфортных условий труда и обеспечение баланса между работой и личной жизнью. Такой подход способствует формированию устойчивой мотивации и повышению эффективности деятельности.

Исследование основных методов стимулирования и мотивации с учетом их основных характеристик и результативности рассмотрены в таблице 1.

Таблица 1

Основные методы мотивации и стимулирования труда

Метод	Характеристика	Результат
Материальное стимулирование	Заработная плата, премии, бонусы	Рост производительности
Нематериальная мотивация	Признание, развитие, участие	Повышение лояльности
Социальные гарантии	Льготы, стабильность	Снижение текучести
Организационные методы	Гибкий график, удаленная работа	Удовлетворенность трудом

Таким образом, мотивация и стимулирование труда являются ключевыми элементами системы управления деловой карьерой и персоналом. Их эффективное использование позволяет повысить производительность труда, улучшить качество работы и обеспечить устойчивое развитие организации.

Проведённый анализ показал, что современная система мотивациии и стимулирования трудовой деятельности как фактор управления деловой карьерой должна быть комплексной, адаптивной и ориентированной на человека, клиентоцентричной. Только при таком подходе возможно достижение высоких результатов как самого работника, так и всей организации в целом.

Список литературы

1. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-4461-1227-2.
2. Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман. – М.: Вершина, 2007. – 240 с. – ISBN 978–5-9626–0362–0.
3. Врум В. Труд и мотивация / В. Врум. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 476 с. – ISBN 5-7598-0169-X.
4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: актуальные технологии найма, адаптации и аттестации: учебное пособие / А.Я. Кибанов. – М.: КноРус, 2020. – 360 с. – ISBN 978-5-406-05751-7.
5. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг; под ред. С. К. Мордовина. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 848 с. – ISBN 978-5-459-00574-7.
6. Баранова И.В. Мотивация и стимулирование персонала: сущность и специфика понятий / И.В. Баранова, Н.Д. Буланчиков // Социально-экономическое развитие регионов в условиях цифровой трансформации: сборник статей Международной научно-практической конференции. – В 2 ч. Ч. 2. – Омск: ОмГА, 2024. – С. 19–26. EDN XULUJE
7. Вагнер В.А. Мотивация и стимулирование персонала / В.А. Вагнер, О.А. Лымарева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №1–1 (95). – С. 45–49. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-stimulirovanie-personala-2 (дата обращения: 09.06.2026). DOI 10.24412/2411-0450-2023-1-1-45-49. EDN IPZGDP

Головкова Арина Анатольевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ПОДБОРА ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются современные методы подбора персонала, особенности организации процесса найма сотрудников, а также основные проблемы, возникающие при формировании кадрового состава организаций. Особое внимание уделяется цифровым технологиям, тестированию кандидатов и использованию искусственного интеллекта в HR-практике. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к оценке соискателей в условиях динамичного рынка труда.*

Ключевые слова: *подбор персонала, отбор персонала, рекрутинг, управление персоналом, тестирование, искусственный интеллект, рынок труда, HR-технологии.*

В условиях динамично меняющегося рынка и цифровизации экономики кадровые вопросы и управление персоналом становятся ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность организации. Эффективное управление человеческими ресурсами не только способствует повышению производительности труда, но и формирует положительный имидж компании, что, в свою очередь, привлекает талантливых специалистов. Процессы управления персоналом включают в себя систему принципов и норм, регулирующих отношения между работодателем и работником, а также механизмы, направленные на оптимизацию использования трудовых ресурсов, в частности, найм персонала, его адаптацию, аттестацию сотрудников, мотивацию и стимулирование трудовой деятельности [1].

Современные организации функционируют в условиях высокой конкуренции и постоянных изменений внешней среды. В таких условиях особую значимость приобретает качество человеческих ресурсов. Именно персонал выступает главным фактором достижения стратегических целей организации, поэтому вопросы поиска, привлечения и удержания

квалифицированных специалистов занимают центральное место в системе управления персоналом [2].

В науке управления персоналом найм сотрудников включает в себя несколько важных составляющих: речь идет о подборе, отборе и приеме на работу работников в соответствии с их уровнем образования и профессиональной подготовки, квалификации, стажем трудовой деятельности при удовлетворении квалификационных требований работодателя и организации. Наиболее важным является изначально первый процесс – это подбор персонала, за ним уже следует отбор из имеющихся кандидатов на должность, и в заключении осуществляется юридическое оформление приема на работу конкретного сотрудника на определенную должность для выполнения трудовой функции на основе профессионального стандарта в соответствии с нормами трудового законодательства Российской Федерации (для работников органов государственной власти и местного самоуправления в соответствии с нормами законодательства о государственной гражданской или муниципальной службе Российской Федерации [3]) с установлением трудовой функции.

Подбор персонала представляет собой процесс поиска и привлечения кандидатов, обладающих необходимыми профессиональными и личностными качествами. Отбор персонала является следующей стадией и предполагает выбор наиболее подходящего кандидата из числа претендентов. Эффективность данных процессов напрямую влияет на производительность труда, корпоративную культуру и устойчивость организации.

Одним из наиболее распространённых методов подбора персонала остаётся рекрутинг через цифровые платформы трудоустройства. Использование специализированных сайтов позволяет работодателям быстро размещать вакансии и получать большое количество откликов. Однако значительный поток резюме требует применения дополнительных инструментов оценки и фильтрации кандидатов [4].

Важную роль в системе подбора играет собеседование. Наиболее результативным считается структурированное интервью по компетенциям, основанное на анализе реального опыта кандидата. Данный подход позволяет получить объективную информацию о профессиональных достижениях, уровне ответственности и способности решать практические задачи.

Дополнительным инструментом оценки выступает тестирование. Профессиональные тесты используются для проверки уровня знаний и навыков, необходимых для выполнения должностных обязанностей. Психологическое тестирование позволяет оценить особенности личности, коммуникативные способности, стрессоустойчивость и потенциал профессионального развития.

Существенные изменения в кадровом менеджменте связаны с развитием цифровых технологий [5]. В настоящее время многие компании используют системы искусственного интеллекта для автоматизации отдельных этапов найма. Алгоритмы способны анализировать резюме, сопоставлять компетенции кандидатов с требованиями вакансии и формировать рейтинг наиболее перспективных соискателей. Несмотря на технологический прогресс, процесс подбора персонала сопровождается рядом проблем. Одной из наиболее значимых является дефицит квалифицированных специалистов. Многие работодатели сталкиваются с ситуацией, когда требования к кандидатам существенно превышают возможности рынка труда. Другой проблемой выступает субъективность оценки. Даже опытные рекрутеры могут принимать решения под влиянием личных предпочтений и когнитивных искажений. Для минимизации подобных рисков используются стандартизированные процедуры оценки, коллегиальные интервью и объективные критерии отбора. Особое значение имеет проблема достоверности информации, представляемой кандидатами. Неточности в резюме, преувеличение профессионального опыта и уровня квалификации могут привести к ошибочным кадровым решениям. Поэтому важным этапом становится проверка рекомендаций и подтверждение представленных сведений.

Цифровизация рекрутинга создает не только новые возможности, но и определенные риски. Использование алгоритмов искусственного интеллекта может приводить к

воспроизведению скрытых ошибок обучающих выборок. В связи с этим автоматизированные решения должны использоваться исключительно как вспомогательный инструмент при принятии кадровых решений.

Практика показывает, что наибольшую эффективность обеспечивает комплексный подход, сочетающий анализ документов, интервью, тестирование и современные цифровые технологии. Такой формат позволяет учитывать как профессиональные компетенции кандидатов, так и их личностные особенности. При этом важно выявить соответствие кандидата не только квалификационным требованиям, но и ориентиры в профессиональном развитии, приверженность миссии и задачам компании, понять ценностные ориентации каждого конкретного кандидата. Ошибочное представление может стоить не только временных и материально-денежных затрат, но и просчетов в системе управления персоналом.

В таблице 1 представлен сравнительно-сопоставительный анализ методов подбора персонала с учетом их целевой направленности, преимуществ, положительных сторон и недостатков.

Таблица 1

Сравнительная характеристика методов подбора персонала

Метод	Цель	Преимущество	Ограничение
Рекрутинг	Поиск кандидатов	Широкий охват	Большой поток резюме
Собеседование	Оценка компетенций	Личное взаимодействие	Субъективность
Тестирование	Проверка знаний	Объективность	Не учитывает все факторы
ИИ-системы	Автоматизация отбора	Высокая скорость	Риск алгоритмической предвзятости

Таким образом, подбор персонала является важнейшим направлением кадрового менеджмента управленческой деятельности любой организации. Совершенствование методов оценки кандидатов и внедрение инновационных технологий позволяют повысить качество кадровых решений и обеспечить устойчивое развитие организации в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации / А.Я. Кибанов. – М.: Инфра-М, 2024.

2. Одегов Ю.Г. Управление персоналом: учебник и практикум для вузов / Ю.Г. Одегов, Г.Г. Руденко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 445 с.

3. Михнева С.В. Новеллы государственного и муниципального управления современной России в ракурсе единой системы публичной власти / С.В. Михнева // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – 2023. – С. 294–297. EDN KLPMHP

4. Веснин В.Р. Управление персоналом. Теория и практика / В.Р. Веснин. – М.: Проспект, 2024.

5. Базаров Т.Ю. Управление персоналом / Т.Ю. Базаров. – М.: Академия, 2025.

6. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. – СПб.: Питер, 2024.

Иващенко Полина Алексеевна
студентка
Гасникова Светлана Юрьевна
канд. культурологии, доцент
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ПЕРСОНАЛА В НЕФТЕГАЗОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретико-методические основы стратегического планирования развития персонала в нефтегазовой организации. Обосновано, что развитие персонала должно рассматриваться как значимое направление стратегического управления. Раскрыто содержание стратегического планирования развития персонала, определены его основные этапы. Особое внимание уделено отраслевой специфике нефтегазовых организаций.*

Ключевые слова: *стратегическое планирование, развитие персонала, нефтегазовая организация, человеческий капитал, кадровый резерв, компетенции, HR-аналитика, кадровые разрывы.*

Персонал как один из ресурсов современных предприятий занимает крайне важную роль в обеспечении безопасного и нормального их функционирования, в связи с чем идеи развития персонала становятся одними из наиболее существенных среди направлений стратегического управления нефтегазовой организацией. Для предприятий данной сферы кадровая политика тесно связана с вопросами технологической безопасности, надежности производственных процессов, соблюдения отраслевых стандартов и сохранения профессионального опыта сотрудников внутри бизнес-системы (т. е. их удержания). Учитывая сложившийся на рынке труда дефицит квалифицированных работников, а также воздействие на нефтегазовую отрасль санкционных ограничений при одновременном сохранении приоритетности задач обновления производственных технологий, проблематика стратегического планирования развития персонала остается крайне актуальной, что определило цель и границы настоящего исследования.

Цель развития персонала – повышение трудового потенциала работников для решения личных задач и задач в области функционирования и развития организации [1, с. 56].

Стратегическое планирование развития персонала следует рассматривать как долгосрочный процесс, направленный на согласование целей организации и возможностей ее работников. Противопоставляя стратегическое планирование текущему кадровому администрированию, подчеркнем, что данный процесс ориентирован прежде всего на будущую потребность компании в квалификациях, на смену технологий и подготовку кадрового резерва, который будет способствовать дальнейшим качественным преобразованиям внутри предприятия. Еще Армстронг М. справедливо отмечал, что стратегическое управление человеческими ресурсами должно быть связано с целями организации, системой включения работников в трудовые процессы, управлением талантами и оценкой вклада HR-практик в результаты деятельности предприятия [7, с. 360].

Вместе с тем, в отечественных реалиях стратегическое планирование развития персонала обладает собственной спецификой; в национальной практике оно обычно опирается на кадровую стратегию, планирование, оценку персонала, обучение и возможности профессионального продвижения. Так, например, Кибанов А.Я. и Дуракова И.Б. рассматривали управление персоналом как направление, которое предполагает увязку кадровой стратегии (в том числе внешней, направленной на привлечение персонала) с долгосрочными задачами организации [4, с. 301]. Соответственно, для нефтегазовой организации крайне важно иметь в

распоряжении заранее выстроенную и продуманную систему привлечения, удержания и развития (подготовки) работников под будущие задачи производства и управления.

Методическую основу стратегического планирования развития персонала составляют типовые процедуры, которые можно представить в относительно последовательной хронологии сменяющих друг друга стадий:

1) анализ текущего кадрового состава, возрастной структуры, уровня квалификации, текучести и обеспеченности основных должностей;

2) прогноз потребности в персонале с учетом производственных планов и технологических изменений;

3) выявление кадровых разрывов между имеющимися и требуемыми компетенциями;

4) формирование программ обучения, наставничества, организация работы с кадровым резервом и развитие работников;

5) оценка результата через показатели производительности, удержания, закрытия вакансий внутренними кандидатами и снижения затрат на поиск работников.

Помимо того, что процесс управления и стратегического планирования развитием персонала обладает выраженными национальными особенностями, к ним добавляется и отраслевая специфика. В частности, отечественным нефтегазовым организациям характерно то, что их производственные объекты зачастую территориально удалены, большая часть работ на них связана с вопросами безопасности (которые на современном этапе получили беспрецедентный характер), при этом ошибки персонала могут приводить к огромным технологическим и экономическим потерям. В этом отношении Тонышева Л.Л. и Якунин Д.Е. при разработке алгоритма стратегического планирования развития нефтегазосервисного предприятия подчеркивали целесообразность анализа внешней среды, конкурентных преимуществ, стратегических целей и показателей результативности с опорой на связь между стратегией конкретного предприятия и состоянием внешней среды [6, с. 23]. Считаем важным транслировать данные идеи и на сферу стратегического планирования кадрового развития, поскольку подготовка персонала должна соотноситься с производственной стратегией предприятия.

Острота вопросов оснащения предприятий нефтегазовой отрасли достаточным количеством кадров усиливается текущей ситуацией на рынке труда. По данным исследования TNF и консалтинговой компании «Апрайт», в 2025 г. в нефтегазовой отрасли России было занято более 782 тыс. человек, а незакрытая кадровая потребность оценивалась в 21 тыс. человек. Текучесть персонала в нефтесервисе и производстве оборудования для нефтегаза достигала 22%; фактически можно сделать вывод о выраженном давлении рынка труда на предприятия нефтегазовой отрасли в части обеспеченности кадрами [3]. С учетом сложившейся ситуации стратегическое планирование развития персонала должно решать задачу удержания профессионального состава организации и подготовки работников к выполнению новых производственных функций (в том числе при их возможной унификации и расширении).

Как категория управления кадры здесь являются человеческим капиталом, содержание которого является более широким относительно простой категории работников. Так, Еремина И.Ю. и Бабаева Л.И. подмечают, что в человеческий капитал, входят знания работников, их цифровые навыки и способность использовать профессиональный опыт, что становится ресурсом конкурентоспособности нефтегазовых компаний в условиях цифровизации и санкционного давления [2, с. 47]. Следовательно, развитие персонала в нефтегазовой организации должно быть связано с оценкой имеющихся знаний, выявлением дефицита компетенций и формированием карьерных траекторий для рабочих, инженерно-технических специалистов и управленцев (чтобы одновременно удерживать их, развивать и закрывать внутренние потребности в персонале).

Практическое содержание стратегического планирования развития персонала раскрывается через инструменты кадрового анализа, в целях чего применяются аудит кадров,

составление матриц компетенций, проведение оценки результативности обучения, формирование планов преемственности, индивидуальных планов развития, внедрение HR-аналитики и показателей эффективности программ по кадровому развитию. Однако здесь важно согласиться с позицией Рудневой Л.Н. и Курушиной Е.В., которые обосновывали, что развитие персонала нефтегазовых компаний должно быть основано на компетентностном подходе, поскольку именно он позволяет связать между собой обучение, оценку, продвижение по карьерной лестнице и кадровый резерв с финансово-экономической устойчивостью компании [5, с. 3086].

Таким образом, стратегическое планирование развития персонала в нефтегазовой организации представляет собой процесс управления, направленный на согласование кадрового потенциала с долгосрочными целями предприятия, содержание которого раскрывается через анализ текущей кадровой ситуации, прогноз потребности в компетенциях, разработку программ обучения и оценку достигнутых результатов. Именно поэтому теоретико-методическая основа стратегического планирования развития персонала должна объединять под своим началом стратегическое управление, компетентностный подход, HR-аналитику и отраслевые требования, что позволяет рассматривать развитие персонала как фактор стабильного функционирования и долгосрочного развития нефтегазовой организации.

Список литературы

1. Галынчик Т.А. Менеджмент знаний как неотъемлемая составляющая развития персонала / Т.А. Галынчик, С.Ю. Гасникова // Наука Красноярья. – 2021. – Т. 10. №4. – С. 53–65. – DOI 10.12731/2070-7568-2021-10-4-53-65. – EDN EAJSOV

2. Еремина И.Ю. Человеческий капитал как основной ресурс конкурентоспособности нефтегазовых компаний в условиях цифровизации и санкционного давления / И.Ю. Еремина, Л.И. Бабаева // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2023. – №8(224). – С. 45–49. – DOI 10.33285/1999-6942-2023-8(224)-45-49. – EDN EISGHQ

3. Карта рынка труда нефтегазовой отрасли: аналитическое исследование // Промышленно-энергетический форум TNF, консалтинговая компания «Апрайт». – 2025. – URL: https://oilgasforum.ru/storage/settings/54/TNF2025_labor_market_research.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация: учебное пособие / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. – М.: Инфра-М, 2024. – 301 с.

5. Руднева Л.Н. Развитие персонала как фактор экономической устойчивости нефтегазовых компаний / Л.Н. Руднева, Е.В. Курушина // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. №8. – С. 3085–3100. – DOI 10.18334/epp.13.8.118488. – EDN UYYUMR

6. Тонышева Л.Л. Разработка алгоритма стратегического планирования развития нефтегазосервисного предприятия / Л.Л. Тонышева, Д.Е. Якунин // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – №4. – С. 21–28. – DOI 10.24158/pep.2018.4.4. – EDN YWXYEW

7. Armstrong M. Armstrong's Handbook of Strategic Human Resource Management / M. Armstrong. – 8th ed. – London: Kogan Page, 2024. – 360 p.

Кузьмина Анна Михайловна
студентка
Маврин Сергей Алексеевич
канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»
г. Самара, Самарская область

АНАЛИЗ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ UBUNTU SERVER С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ EBPF

Аннотация: *в статье рассматривается технология eBPF как средство углубленного мониторинга производительности Ubuntu Server. Показаны ограничения классических утилит (top, iostat, netstat), не позволяющие идентифицировать конкретные файлы, функции и короткоживущие процессы. Описаны архитектура eBPF, механизмы проб и верификатор ядра. Приведена инструкция по установке BCC и bpftrace в Ubuntu Server с примерами проверки работоспособности. Сделан вывод, что внедрение eBPF позволяет администратору перейти от реактивного устранения проблем к проактивному анализу узких мест, а доступность инструментов в стандартных репозиториях снижает порог входа.*

Ключевые слова: *системные вызовы, eBPF, Ubuntu Server, мониторинг производительности, BCC, bpftrace, трассировка ядра, диагностика Linux, kprobe, производительность серверов.*

При диагностике проблем производительности в операционных системах семейства Linux начинающие системные администраторы неизбежно сталкиваются с типовыми вопросами, среди которых можно выделить следующие вопросы. Чем обусловлено аномальное снижение отклика сервера. Какой процесс создаёт избыточную нагрузку на подсистему ввода-вывода. Какое приложение использует конкретный сетевой порт.

Классические средства мониторинга – top, iostat, vmstat, netstat, htop – предоставляют оперативную, но агрегированную информацию о состоянии системы. Их ключевой недостаток заключается в том, что они оперируют усреднёнными значениями и не позволяют выполнить следующие задачи. Установить, какие именно файлы вовлечены в операции чтения или записи при высокой утилизации диска. Идентифицировать конкретную функцию внутри исполняемого файла, ответственную за пиковую загрузку процессора. Детектировать короткоживущие (эфемерные) процессы, время жизни которых не превышает интервала дискретизации данных, например 100 мс. Такой процесс может быть инициирован, выполнить целевую операцию и завершиться до того, как инструмент класса top выполнит очередной сбор показателей. Следовательно, для решения указанного класса задач требуются механизмы событийно-ориентированного наблюдения с минимальными накладными расходами, работающие на уровне ядра операционной системы.

Одним из таких механизмов является технология eBPF (Extended Berkeley Packet Filter), позволяющая выполнять верифицированные программы в ядре Linux в ответ на различные системные события. eBPF предоставляет возможность наблюдения за работой ядра без остановки сервера. Для наглядности можно провести аналогию. Ядро Linux подобно крупной производственной площадке. Традиционные инструменты мониторинга обходят площадку раз в секунду и фиксируют обобщённые показатели. eBPF позволяет разместить миниатюрные датчики непосредственно на любом оборудовании, которые срабатывают в момент наступления события и не вмешиваются в ход производственного процесса. Безопасность обеспечивается верификатором ядра. Перед запуском каждая программа eBPF проходит строгую проверку, гарантирующую отсутствие бесконечных циклов, обращений к недопустимой памяти и опасных операций. Для начинающего администратора Ubuntu Server наиболее полезны следующие сценарии. Мониторинг дисковых операций, отслеживание задержек

чтения и записи, выявление медленных операций. Сетевой мониторинг, отслеживание новых соединений и анализ сетевой активности по процессам. Трассировка системных вызовов, наблюдение за системными вызовами процессов. Обнаружение аномалий, выявление подозрительной активности.

Рассмотрим несколько примеров практического применения eBPF. Программа eBPF представляет собой небольшой фрагмент кода, загружаемый в ядро и выполняемый при наступлении определённого события. События (hooks, пробы) – это места в коде ядра или пользовательских приложений, к которым можно «прикрепить» программу eBPF. Основные типы событий включают kprobe и kretprobe (точки входа и выхода функций ядра, гибко, но может быть нестабильно), tracepoints (заранее определённые «зацепки», более стабильны), uprobe (точки входа в функции пользовательских программ). Карты (maps) – это структуры данных в ядре для хранения счётчиков, временных меток и результатов работы программ eBPF. Верификатор – это компонент ядра, проверяющий каждую программу eBPF на безопасность перед запуском.

Для работы с eBPF существуют готовые инструменты. Для начинающих наиболее удобным вариантом является BCC (BPF Compiler Collection). Это коллекция готовых инструментов eBPF командной строки (около 100 штук), каждый из которых решает одну конкретную задачу и работает «из коробки». Если готового инструмента нет, используется язык bpftrace. Его синтаксис, вдохновлённый языками DTrace и AWK, позволяет быстро писать простые программы eBPF для нестандартных задач. Далее рассмотрим процесс установки и настройки этих инструментов на примере операционной системы Ubuntu Server. Перед установкой любого нового ПО необходимо обновить локальный кэш списка доступных пакетов, чтобы система знала о последних версиях и зависимостях. Это стандартный первый шаг при установке пакетов в Ubuntu. В выводе отображаются строки загрузки метаданных и итоговая сводка об успешном завершении. Обновление списка пакетов выполняется с помощью команды: «sudo apt update» (рис. 1).

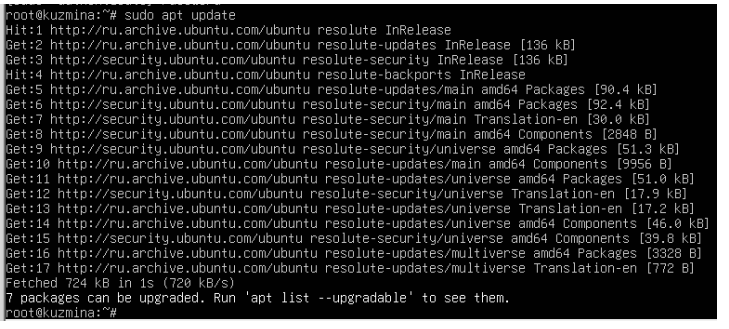


Рис. 1. Обновление списка пакетов

Рассмотрим установку BCC и заголовков ядра с помощью команды: «sudo apt install -y bpfcc-tools linux-headers-$(uname -r)" (рис. 2). bpfcc-tools – коллекция готовых инструментов eBPF (например, biolatency-bpfcc, tcpconnect-bpfcc), которые позволяют сразу начать мониторинг системы без написания кода. linux-headers – необходимы для компиляции программ eBPF и взаимодействия с ядром. Флаг -y автоматически подтверждает установку.

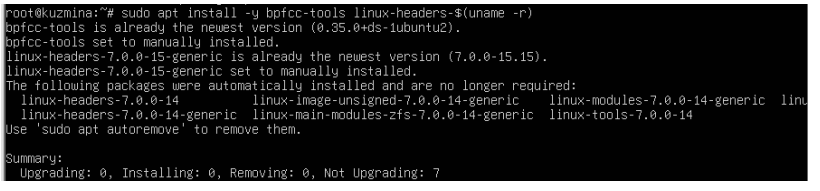


Рис. 2. Установка BCC и заголовков ядра

Проверим количество установленных инструментов BCC командой «ls /usr/sbin/*bpfcc* | wc -l» (рис. 3). Проверка, что установка прошла успешно и все инструменты BCC доступны. Команда ls выводит список файлов, а wc -l считает количество строк – так можно быстро убедиться, что пакет установился корректно. Вывод представляет собой число, отражающее количество утилит BCC в системе.

Рис. 3. Проверка количества установленных инструментов BCC

Далее выполним установку пакета bpftrace через «sudo apt install» (рис. 4). Проверка, что установка прошла успешно и все инструменты BCC доступны. Команда ls выводит список файлов, а wc -l считает количество строк – так можно быстро убедиться, что пакет установился корректно. Вывод представляет собой число, отражающее количество утилит BCC в системе.

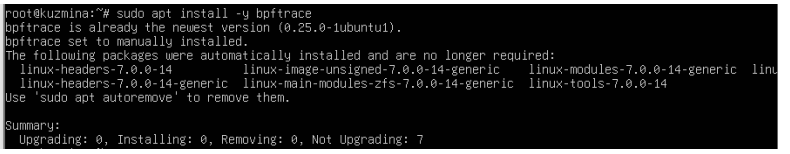


Рис. 4. Установка пакета bpftrace

Проверим работоспособности bpftrace с помощью команды: «sudo bpftrace -e 'BEGIN { printf(«eBPF работает!\n»); exit(); }' ” (рис. 5). Проверка, что eBPF-подсистема ядра работает корректно и bpftrace может загружать программы в ядро. Если команда не выдаст ошибку и покажет приветственное сообщение – значит, всё настроено правильно. Вывод содержит строку «eBPF работает!», подтверждающую корректную работу eBPF-подсистемы ядра.

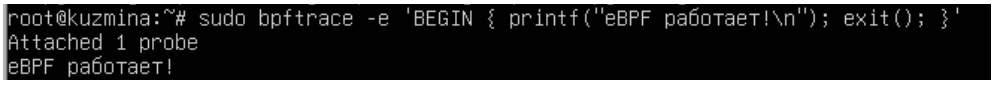


Рис. 5. Проверка работоспособности bpftrace

Технология eBPF меняет способ мониторинга Linux-систем. Для начинающего администратора Ubuntu Server eBPF открывает окно во внутренности операционной системы, которое раньше было доступно только разработчикам ядра. Утилиты семейства BCC (biolatency-bpfcc и другие) и язык bpftrace должны стать частью арсенала каждого системного администратора. Они помогают быстрее находить причины проблем и увереннее чувствовать себя при диагностике производительности. Рекомендуется начать с малого: установить BCC, запустить sudo biolatency-bpfcc во время штатной работы сервера и проанализировать типичные задержки.

Таким образом, технология eBPF представляет собой парадигмальный сдвиг в подходах к мониторингу и анализу производительности операционных систем Linux. Показано, что классические средства диагностики, основанные на агрегированных данных, не способны обеспечить необходимый уровень детализации для решения современных задач по эксплуатации серверной инфраструктуры. Внедрение инструментов eBPF, таких как BCC и bpftrace, позволяет системному администратору перейти от реактивного устранения последствий сбоев к проактивному анализу узких мест. Для администраторов Ubuntu Server доступность этих инструментов через стандартные репозитории значительно снижает барьер входа, поскольку избавляет от необходимости сборки из исходных кодов. Дальнейшее развитие данного направления видится в интеграции мониторинга на базе eBPF в комплексные системы управления ИТ-инфраструктурой для автоматизации процессов диагностики и обеспечения отказоустойчивости.

References

1. BCC (BPF Compiler Collection) Documentation. – URL: https://github.com/iovisor/bcc (date of access: 23.06.2026).
2. bpftrace Documentation. – URL: https://github.com/iovisor/bpftrace (date of access: 23.06.2026).
3. Ubuntu Server Administration Guide. – URL: https://ubuntu.com/server/docs (дата обращения: 23.06.2026).
4. Linux Man Pages: top(1), iostat(1), vmstat(8), netstat(8). – URL: https://man7.org/linux/man-pages/ (date of access: 23.06.2026).

Лебедев Виктор Эдуардович
д-р ист. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕСТИВАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация: *потребности любого общества проявляются как в материальных, так и в духовных ценностных ориентациях и установках людей, в их стремлении реализовать свой личностный потенциал. Это определяет, в том числе, и развитие профессиональной event-сферы, ее нормативное регулирование, формирование рынка услуг, на котором появляется все больше разнообразных событийных мероприятий. Среди них фестивальные event'ы выступает одним из важных и востребованных инструментов формирования и развития такой традиционной ценности как культура сотрудничества и взаимодействия, которая представляет собой систему объединения индивидов для реализации общих интересов самосохранения и саморазвития.*

Ключевые слова: *фестивальное движение, event-менеджмент, событийные мероприятия, правовое регулирование.*

Организация любого мероприятия, от закрытых вечеринок до крупномасштабных событий, реализуется исключительно в рамках правового регулирования. Данный аспект темы нашел освещение в исследовательской литературе. В частности, вопросы правового обеспечения фестивальных мероприятий специально рассматриваются в работах М.Н. Малеиной [1; 2]. В них подчеркивается, что значимость правового регулирования фестивальной деятельности обусловлена тем, что при ее организации возникает целый комплекс отношений разной статусной значимости, а именно:

– между организатором и органом исполнительной власти формируются административные отношения в силу указания об этом в нормативном акте субъекта РФ или муниципального образования;

– между организатором и третьими лицами (например, театрально-зрелищная площадка, подрядчик, арендодатель и др.) создаются гражданские отношения по проведению мероприятия;

– между организатором и участниками выстраиваются гражданские отношения по оказанию услуг в связи с проведением мероприятий.

Организация фестивалей является масштабным событием. В них задействуются большое количество участников, различные площадки и оборудование, они регламентируются соответствующими законодательными актами, правовыми нормами и правилами организации массовых мероприятий.

Имеется ряд основополагающих правовых документов, которые регулируют деятельность организаторов массовых мероприятий:

– Федеральный закон от 19 июня 2004 г. №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [3];

– Федеральный закон №38-ФЗ от 13 марта 2006 г. «О рекламе» [4];

– Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях №195-ФЗ от 30 декабря 2001 г. (КоАП РФ) [5];

– Уголовный кодекс Российской Федерации №63-ФЗ от 13 июня 1996 г. [6].

Все массовые мероприятия условно делятся на публичные мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикеты) и культурно-досуговые, спортивные, театральные события, в том числе и фестивали. Организация первой группы мероприятий носит разрешительный характер и напрямую регулируется ФЗ №54. Группа событий, к которым относятся и фестивальные мероприятия, имеет в основном уведомительный характер, но требует многих согласований на разных этапах их организации.

В Свердловской области к вышеперечисленному пакету регламентирующих документов добавляется основной локальный документ – Постановление Правительства Свердловской области от 30.05.2003 №333-ПП «О мерах по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении на территории Свердловской области мероприятий массовым пребыванием людей» [7]. Согласно ему, в список основных согласований по подготовке и проведению мероприятий входят:

– администрация города или области;

– администрация площадки фестиваля;

– скорая медицинская помощь;

– служба пожарной безопасности;

– служба взрывобезопасности; охранное предприятие;

– УМВД;

– Всероссийская Организация Интеллектуальной Собственности (ВОИС) и Российское Авторское Общество (РАО).

В случае, если организуемое мероприятие задействует объекты, составляющие культурное достояние или охранные участки (например, парки, скверы), необходимы согласования также с региональными Министерством культуры, Министерством по управления государственным имуществом и Министерством природных ресурсов и экологии.

При разработке концепции и сценарного плана любого мероприятия следует иметь в виду, если его проведение связано с различными рисками, включая наличие на событии массового скопления людей, процесса торговли, организатор обязан обеспечить присутствие полиции, скорой медицинской помощи, службы противопожарной безопасности и иных необходимых служб [8].

Согласно основному закону, регулирующему сферу сервисной деятельности, проведение массовых мероприятий разрешено в интервале с 8:00 до 23:00 часов. В том случае, когда локальные нормативно-правовые акты не содержат в себе информации о временных рамках проведения событий, а у организаторов есть необходимость увеличить время их проведения, необходимы также дополнительные согласования с администрацией площадки, на которой проводится мероприятие, администрацией города или области и службами безопасности.

Мероприятия проводятся в соответствии с утвержденными их планами, программами, правилами, регламентами и требованиями по обеспечению безопасности участников и зрителей. Данное положение регламентирует список предоставляемых документов для того, чтобы при проведении событий не возникло проблемных ситуаций.

Для их проведения рекомендуется подготовить следующий пакет документов:

– документы, определяющие общий порядок организации деятельности участников мероприятия;

– документы, регламентирующие деятельность сооружения (имеется в виду площадка мероприятия);

– инструкцию о порядке организации и проведения мероприятий, утвержденную соответствующим органом местного самоуправления;

– план сооружения с указанием местонахождения пункта охраны общественного порядка, пунктов медицинской помощи и связи, средств пожаротушения и источников водозабора, стоянок служебных и личных транспортных средств, служб коммунального и бытового обслуживания, мест общего пользования;

– схему организации движения зрителей, путей наполнения и эвакуации трибун, передвижения транспортных средств на прилегающей территории;

– схему маршрутов движения и очередность эвакуации зрителей и участников мероприятия при чрезвычайных ситуациях;

– правила поведения посетителей спортивного сооружения;

– положение о проведении мероприятия, утвержденное организатором мероприятия;

– акт готовности сооружения, всех служб для проведения мероприятия, подписанный руководителем сооружения и представителем организации, проводящей данное мероприятие.

В рамках вопроса о правах и обязанностях организаторов и участников фестивальных мероприятий следует четко обозначить позиции как одних, так и других.

В обязанности организаторов входит:

– предоставление информации о времени и месте проведения культурно-массового мероприятия, правилах поведения на территории публичного исполнения, об афишах, специальных программах;

– обеспечение качества публичного исполнения и фиксации начала и окончания представления;

– подготовка технического оснащения места проведения мероприятия в соответствии с требованиями, предъявляемыми к временно предназначенным объектам, включая оборудование ограждений, установку сцены, мест для зрителей, оборудование звукоусиливающей аппаратур;

– обеспечение безопасности проведения мероприятия, исходя из всех соответствующих правил, а также внешних опасностей;

– организация в месте проведения массового мероприятия предоставление медицинской помощи, работы пунктов питания, выездной торговли, пунктов хранения, туалетных комнат;

Организатор фестиваля также вправе:

– самостоятельно устанавливать цены на платные услуги;

– составлять программу мероприятия;

– выбирать исполнителей;

Участники, в свою очередь, обладают следующими правами:

– свободно проходить на объект проведения фестиваля, если иное не предусмотрено порядком его проведения или если оно не проводится на платной основе;

– воспользоваться благами культуры, иными результатами деятельности организатора с учётом установленных правил бесплатно или за определённую плату.

Участники мероприятий одновременно наряду с реализацией отмеченных прав должны выполнять ряд обязанностей в ходе проведения массового мероприятия:

– предъявлять представителям администрации объекта проведения мероприятия билеты или документы, дающие право на его посещение;

– проходить специальный контроль при входе на территорию, если это установлено порядком;

– не проносить на мероприятие запрещённые предметы, не использовать самостоятельно фейерверки, петарды, огнеопасные изделия.

Несоблюдение обязанностей как организаторами, так и участниками фестивальных мероприятий влечет за собой гражданскую, административную или уголовную ответственность.

Таким образом, анализируя феномен «правовое регулирование фестивальных мероприятий» следует иметь в виду его серьезное социальное и культурное значение. В современных условиях всё более повышается активность участников событийных, культурных, спортивных и иных массовых мероприятиях, что обуславливает необходимость их строгого

нормативного регулирования. Всё чаще улицы, бульвары, парки, скверы, площади используются для проведения, в том числе и фестивальных мероприятий, посредством чего удовлетворяются отдельные потребности людей, например, такие, как культурный отдых, духовное развитие и другие. Кроме того, уровень проведения массовых мероприятий весьма серьезно влияет на восприятие людьми управленческих процессов в целом в городе или области.

Список литературы

1. Малеина М.Н. Правовое регулирование оказания услуг по организации и проведению массовых культурно-зрелищных мероприятий в открытых общественных местах / М.Н. Малеина // Журнал российского права. – 2013. – №3. – С. 32–40. EDN PYOJTX

2. Малеина М.Н. Организация проведения массовых культурно-зрелищных мероприятий в открытых общественных местах: основные понятия, правовое регулирование / М.Н. Малеина // Культура: управление, экономика, право. – 2008. – №4. – С. 15–17. EDN LLWUVT

3. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 №54-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103 (дата обращения: 21.06.2026).

4. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 №38-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968 (дата обращения: 21.06.2026).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 10.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.06.2026) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 22.06.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 22.06.2026).

7. Постановление Правительства Свердловской области от 30.05.2003 №333-ПП «О мерах по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении на территории Свердловской области мероприятий с массовым пребыванием людей». – URL: https://docs.cntd.ru/document/802008854 (дата обращения: 22.06.2026).

8. Абдуллин А.Р. Обеспечение безопасности в местах массового пребывания людей при проведении различных мероприятий / А.Р. Абдуллин // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2018. – №3. – С. 151–154. EDN YTRKIK

Михалев Дмитрий Владиславович
студент
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЕОТАРГЕТИНГА И ГЕОФЕНСИНГА В СИСТЕМЕ ИНСТРУМЕНТОВ МОБИЛЬНОГО МАРКЕТИНГА

Аннотация: *в статье рассматриваются современные инструменты мобильного маркетинга – геотаргетинг и геофенсинг – как технологии персонализированного взаимодействия с потребителем. Анализируются сущность и принципы функционирования каждой технологии, проводится их сравнительная характеристика. Рассмотрены практические сценарии применения в розничной торговле и событийном маркетинге. Определены преимущества, ограничения и тенденции развития данных инструментов в условиях цифровой трансформации потребительского рынка.*

Ключевые слова: *мобильный маркетинг, геотаргетинг, геофенсинг, локационный маркетинг, цифровой маркетинг, мобильная реклама, персонализация, потребительское поведение.*

В условиях стремительного роста числа пользователей смартфонов и повсеместного распространения мобильного интернета маркетинговые коммуникации претерпевают

существенную трансформацию. По данным аналитического агентства «We Are Social» совместно с «Meltwater», число уникальных пользователей мобильных устройств превысило 5,6 млрд человек – около 69% населения планеты [7]. В этом контексте мобильный маркетинг становится одним из наиболее эффективных каналов взаимодействия бизнеса с аудиторией, открывая возможности для точечного и персонализированного воздействия на потребителя.

Мобильный маркетинг представляет собой совокупность маркетинговых активностей, направленных на взаимодействие с потребителями посредством мобильных устройств. Его отличительной чертой является возможность учёта местоположения пользователя в режиме реального времени. Среди инструментов мобильного маркетинга особое место занимают геотаргетинг и геофенсинг – технологии, основанные на привязке рекламного воздействия к географическому положению пользователя [4, с. 84].

Геотаргетинг (от англ. geo – земля и targeting – нацеливание) – технология показа рекламного сообщения пользователям, находящимся в определённом географическом регионе: стране, городе, районе или в заданном радиусе от конкретной точки. Реализуется на основе данных об IP-адресе, GPS-координатах, сигналах Wi-Fi и сотовых сетей. Согласно официальной документации Яндекс Директ, геотаргетинг позволяет управлять географией показов рекламы вплоть до конкретного района города, учитывая регулярное местоположение пользователя за последние 90 дней [6].

Геофенсинг (от англ. geo – земля и fence – забор) – более точная разновидность геолокационного маркетинга, основанная на создании виртуальных периметров вокруг реальных физических объектов. При пересечении пользователем установленной границы система инициирует заданное действие: push-уведомление, SMS или показ рекламного баннера в приложении. Для работы геофенсинга применяются технологии GPS, Bluetooth Low Energy (BLE) и RFID, а радиус геозоны варьируется от 50 метров до нескольких километров [3].

Несмотря на схожую природу, геотаргетинг и геофенсинг существенно различаются по масштабу, точности и механизму воздействия. Сравнительная характеристика технологий представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ геотаргетинга и геофенсинга

Параметр	Геотаргетинг	Геофенсинг
Масштаб охвата	Широкий: страна, регион, город	Локальный: конкретный объект, периметр
Точность определения	Средняя (IP, Wi-Fi, GPS)	Высокая (GPS, Bluetooth, RFID)
Механизм воздействия	Показ рекламы в заданной зоне	Событие при пересечении периметра
Тип сообщения	Баннеры, контекстная реклама, таргет в соцсетях	Push-уведомления, SMS, реклама в приложении
Радиус воздействия	От 1 км до сотен км	От 50 м до 1–2 км
Сферы применения	Региональный бизнес, туризм, интернет-торговля	Ритейл, рестораны, события, банки
Стоимость реализации	Относительно невысокая	Выше (требует приложения или платформы)
Эффективность конверсии	Средняя	Высокая (воздействие в момент покупательского намерения)

Геотаргетинг и геофенсинг дополняют друг друга: первый эффективен для формирования спроса и узнаваемости бренда на уровне региона, второй – для стимулирования немедленной покупки в момент нахождения потребителя вблизи точки продаж.

Практическое применение геофенсинга наиболее широко представлено в розничной торговле. Торговые сети выстраивают виртуальные периметры вокруг своих магазинов: пользователь, оказавшийся в зоне конкурента, получает push-уведомление с альтернативным предложением или купоном. В событийном маркетинге периметры создаются вокруг площадок концертов, выставок и конференций – участники получают уведомления о расписании и специальных предложениях партнёров [2].

Применение геолокационных технологий сопряжено с рядом ограничений. Главным из них является конфиденциальность данных: в России сбор и обработка геолокационной информации регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» [1], требующим явного согласия пользователя. Эффективность геофенсинга также зависит от наличия у потребителя мобильного приложения с разрешёнными правами геолокации, что сужает охватываемую аудиторию [5, с. 204].

Среди перспективных направлений развития геолокационного маркетинга выделяется интеграция с искусственным интеллектом, позволяющим прогнозировать поведение потребителя на основе истории перемещений. Развитие сетей 5G повысит точность и скорость определения местоположения, расширив сценарии применения геофенсинга. Параллельно усиливается тенденция к интеграции геолокационных данных с CRM-системами и программами лояльности [6].

Таким образом, геотаргетинг и геофенсинг представляют собой взаимодополняющие инструменты мобильного маркетинга, обеспечивающие новый уровень релевантности рекламного воздействия. Их грамотное сочетание позволяет выстраивать коммуникацию с потребителем в нужном месте и в нужный момент, повышая процент совершённых покупок и формируя устойчивые поведенческие паттерны. В условиях цифровой трансформации потребительского рынка освоение данных технологий становится конкурентным преимуществом, определяющим эффективность маркетинговой стратегии в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 04.06.2026).

2. Геотаргетинг и мобильный маркетинг. – URL: https://vc.ru/marketing/995398-geotargeting-i-mobilnyi-marketing (дата обращения: 04.06.2026).

3. Геофенсинг как новый уровень многоканального взаимодействия. – URL: https://vc.ru/marketing/316107-geofensing-kak-novyi-uroven-omnikanalnosti (дата обращения: 04.06.2026).

4. Котлер Ф. Маркетинг 5.0: технологии следующего поколения: учебник / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван. – М.: Эксмо, 2021. – 272 с. – URL: https://flibusta.club/b/727216 (дата обращения: 04.06.2026).

5. Петрик Е.А. Интернет-маркетинг / Е.А. Петрик. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2004. – 299 с. – URL: https://www.klex.ru/84r (дата обращения: 04.06.2026).

6. Яндекс. География показов: геотаргетинг. – URL: https://yandex.ru/support/direct/efficiency/geotargeting.html (дата обращения: 04.06.2026).

7. We Are Social, Meltwater. Digital 2024: Global Overview Report. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (дата обращения: 04.06.2026).

Мкртчян Арман Арсенович
студент
Гусева Татьяна Евгеньевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЖЁСТКИХ БЮДЖЕТНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Аннотация: *в статье исследуются особенности принятия управленческих решений органами местного самоуправления в условиях бюджетного дефицита на примере Волгограда. Анализируются ограничения, влияющие на муниципальное управление, рассматривается оптимизация расходов и повышение эффективности бюджетных решений. Обосновывается необходимость применения риск-ориентированного подхода и программно-целевого метода бюджетирования.*

Ключевые слова: *управленческие решения, бюджетные ограничения, муниципальное управление, программно-целевое бюджетирование.*

Современная система муниципального управления в России функционирует в условиях хронического недофинансирования. Согласно данным Минфина РФ, значительная часть местных бюджетов имеет устойчивый дефицит, вынуждая органы власти принимать решения в условиях острой ресурсной ограниченности. Волгоград не является исключением: на протяжении последних лет городской округ испытывает значительное давление долговых обязательств и недостаточность собственных доходов. Проблема принятия управленческих решений в условиях жёстких бюджетных ограничений приобретает в этом контексте особую научную и практическую актуальность. С одной стороны, органы местного самоуправления обязаны выполнять установленные законом полномочия; с другой – ограниченность финансовых ресурсов объективно сужает пространство выбора управленческих альтернатив и повышает цену ошибочных решений.

Принятие управленческих решений представляет собой центральный элемент управленческой деятельности, охватывающий процессы сбора информации, формулирования альтернатив, их оценки и выбора оптимального варианта действий [3]. В управленческих теориях данный процесс рассматривается в условиях относительной свободы выбора; однако реальная практика государственного и муниципального управления неизбежно сопряжена с существенными ограничениями – правовыми, временными, политическими и, прежде всего, финансовыми.

Концепция «жёстких бюджетных ограничений», введённая в научный оборот Я. Корнаи применительно к плановой экономике, была впоследствии адаптирована к анализу публичного сектора [4]. В условиях жёстких бюджетных ограничений субъект управления лишён возможности компенсировать неэффективные решения дополнительными ресурсами – любой перерасход влечёт за собой сокращение финансирования других статей либо наращивание долговой нагрузки. Применительно к муниципальному уровню жёсткость бюджетных ограничений обусловлена рядом факторов: высокой долей межбюджетных трансфертов при низкой автономии расходов, закреплёнными мандатами по предоставлению общественных благ, ограниченными возможностями заимствования, а также отсутствием права на эмиссию.

Это формирует особую управленческую среду, в которой ошибки при планировании и исполнении бюджета имеют прямые социальные последствия.

Волгоград относится к числу крупных российских городов с устойчивой зависимостью от межбюджетных трансфертов. Бюджет Волгограда на 2025 г. утверждён Волгоградской городской Думой в декабре 2024 г. в объёме 37,67 млрд руб. при нулевом дефиците. Вместе с тем за счёт собственных налоговых и неналоговых доходов формируется лишь 35% этой суммы (13,5 млрд руб.), тогда как безвозмездные поступления из вышестоящих бюджетов запланированы в объёме 24,15 млрд руб. – свыше 64% всех доходов [5].

Бюджет на 2026 год, принятый в первом чтении, предполагает аналогичную пропорцию: при общем объёме 40,9 млрд руб. собственные доходы оцениваются в 15,4 млрд, а дотации из федерального и областного бюджетов – в 25,4 млрд руб. Структура расходов муниципалитета характеризуется высокой долей защищённых статей. Расходы на образование в бюджете 2025 года превышают 15 млрд руб. и являются крупнейшей статьёй, а совокупные расходы на социальную сферу составляют около 16,8 млрд руб. – порядка 45% всех расходов Волгограда. Это существенно сужает пространство для управленческого манёвра при необходимости перераспределения ресурсов или оптимизации расходов.

Дополнительным фактором давления служит обслуживание долговых обязательств: в бюджете 2026 г. на эти цели зарезервировано 736 млн руб. На региональном уровне ситуация аналогична – областной бюджет Волгоградской области на 2025 г. принят с дефицитом 6,5 млрд руб. (3,3% от расходов), а госдолг области на 1 января 2026 г. утверждён в размере 83,7 млрд руб. [2]. В 2025 году корректировка областного бюджета повлекла синхронное увеличение доходов и расходов на 1,45 млрд руб. при сохранении дефицита на прежнем уровне. В этих условиях управленческие решения о новых расходных обязательствах, как правило, требуют либо поиска целевых субсидий из вышестоящих бюджетов, либо компенсирующего сокращения иных статей.

Анализ практики управления Волгограда позволяет выделить несколько характерных особенностей, отличающих процесс принятия решений в условиях ресурсной недостаточности: 1) сужение горизонта планирования, когда дефицитный бюджет вынуждает ориентироваться на краткосрочные результаты; 2) усиление роли вышестоящих уровней власти: значительная часть решений принимается на государственном уровне через предоставление субсидий; 3) усиление неформальных практик согласования с бизнес-структурами, госкорпорациями и региональными властями при дефиците финансовых инструментов, что снижает управляемость бюджетного процесса; 4) феномен «избегания ответственности» за непопулярные решения: сокращение расходов, повышение тарифов [1]. Преодоление деструктивных последствий бюджетных ограничений предполагает применение комплекса управленческих инструментов.

Программно-целевое бюджетирование (ПЦБ) является одним из наиболее действенных инструментов повышения эффективности расходов. В отличие от постатейного финансирования, ПЦБ ориентирует управленческие решения на достижение измеримых результатов, обеспечивает обоснованность приоритетов и создаёт механизм мониторинга исполнения. Волгоград перешёл на программный бюджет в 2014 году; тем не менее качество целевых показателей муниципальных программ остаётся неравномерным.

Риск-ориентированное планирование предполагает систематическую идентификацию бюджетных рисков – недопоступления доходов, роста социальных расходов, удорожания заёмного финансирования – и их учёт при формировании управленческих решений. Внедрение данного подхода позволило бы снизить вероятность кризисных ситуаций в исполнении бюджета. Муниципально-частное партнёрство (МЧП) открывает возможности для реализации инфраструктурных проектов без прямой нагрузки на бюджет. Несмотря на ограниченную распространённость МЧП на муниципальном уровне в России, ряд волгоградских проектов в сфере ЖКХ и транспорта реализовывался с привлечением частного капитала [6]. Цифровизация управленческих процессов снижает транзакционные издержки принятия и

исполнения решений, повышает оперативность бюджетного контроля. Внедрение информационных систем в сфере муниципальных финансов – резерв повышения качества управления [3].

Анализ принятия управленческих решений в Волгограде показывает, что жёсткие бюджетные ограничения оказывают деформирующее воздействие на муниципальное управление: усиливают зависимость от вышестоящих уровней власти, стимулируют неформальные практики и снижают ответственность за принимаемые решения. Бюджетная ограниченность не является непреодолимым барьером для эффективного управления. Применение ПЦБ, риск-ориентированного планирования, механизмов МЧП и цифровых инструментов позволяет существенно повысить качество управленческих решений без увеличения ресурсного обеспечения.

Список литературы

1. Федеральный закон «Бюджетный кодекс Российской Федерации» №145-ФЗ от 31.07.1998.
2. Закон Волгоградской области «Об областном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» №110-ОД от 05.12.2024.
3. Виханский О.С. Менеджмент: учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – 6-е изд. – М.: Магистр, 2021. – 656 с.
4. Корнаи Я. Дефицит / Я. Корнаи; пер. с венг. – М.: Наука, 1990. – 607 с.
5. Официальный сайт Администрации Волгограда. Бюджет для граждан. Отчёт об исполнении бюджета Волгограда за 2024 год; Проект бюджета на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. – URL: https://www.volgadmin.ru (дата обращения: 02.06.2026).
6. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» №419-ФЗ от 30.11.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 01.05.2026).

Мынта Дмитрий Максимович
студент
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛОГИСТИКЕ

Аннотация: *в статье рассматривается роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в современной логистике, анализируются основные виды ИКТ, включая системы управления цепочками поставок, технологии автоматической идентификации, телематику, облачные сервисы и платформы на основе искусственного интеллекта. Определены ключевые эффекты внедрения ИКТ в логистическую деятельность: повышение прозрачности, скорости и точности управления материальными и информационными потоками.*

Ключевые слова: *логистика, информационно-коммуникационные технологии, управление цепочками поставок, RFID, телематика, искусственный интеллект, блокчейн, цифровая платформа, ERP-системы, умный склад.*

На современном этапе развития экономики логистика перестает быть вспомогательной функцией и превращается в один из ключевых факторов конкурентоспособности предприятий. Эффективность управления материальными, финансовыми и информационными потоками напрямую зависит от скорости обработки данных, качества коммуникации между участниками цепочек поставок и своевременности принятия управленческих решений. В

этих условиях информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся не просто инструментом, а фундаментом современной логистической системы.

Под информационно-коммуникационными технологиями в логистике понимается совокупность методов, программно-аппаратных средств и сетевых решений, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, передачу и защиту данных в процессах планирования, организации и контроля товародвижения. ИКТ позволяют интегрировать всех участников логистической цепи – от поставщиков сырья до конечных потребителей – в единое информационное пространство.

Особую роль технологии играют в условиях глобализации и роста международных цепочек поставок. Применение эффективных ИКТ-решений способствует снижению логистических издержек в среднем на 15–30%, сокращению времени выполнения заказа на 20–40% и повышению точности прогнозирования спроса до 85–90% (по данным аналитических отчетов логистических ассоциаций) [1].

К основным видам ИКТ, применяемым в логистике, относятся следующие.

1. Системы управления цепочками поставок (SCM – Supply Chain Management). Они обеспечивают комплексное планирование, мониторинг и оптимизацию потоков ресурсов и готовой продукции. В отличие от традиционных ERP-систем, SCM-решения ориентированы на внешнюю координацию между контрагентами. Крупнейшие вендоры: SAP SCM, Oracle SCM, Manhattan Associates [4].

2. ERP-системы (Enterprise Resource Planning). Интегрируют все внутренние бизнес-процессы компании – складской учет, закупки, сбыт, финансы, кадры. Популярные примеры на российском рынке: 1С:ERP, Галактика ERP, SAP S/4HANA [3].

3. Технологии автоматической идентификации:

– штрихкодирование (одномерное и двумерное, например, Data Matrix, QR-код);

– RFID (радиочастотная идентификация) – позволяет считывать данные с меток на расстоянии до 10–15 метров без прямой видимости, одновременно до нескольких сотен объектов. Частота использования: UHF (860–960 МГц) для складской и транспортной логистики;

– QR-кодирование (активно применяется в маркировке товаров, в том числе в государственной системе «Честный ЗНАК» и системе «Меркурий» для прослеживаемости животноводческой продукции) [2].

4. GPS/ГЛОНАСС-телематика. Используется для мониторинга транспорта в реальном времени, контроля расхода топлива, соблюдения скоростного режима и маршрутов, расчета прогнозируемого времени прибытия (ETA). Современные телематические системы также включают контроль температуры в рефрижераторах, открытие дверей, работу двигателя на холостом ходу [4].

5. Облачные платформы и цифровые логистические маркетплейсы (например, «АТИ.Школа логистики», CargoON, Trans.eu, Delimobil Logistics). Они позволяют грузовладельцам и перевозчикам обмениваться заявками, отслеживать статус доставки в реальном времени и проводить электронный документооборот (ЭДО) с юридически значимой электронной подписью [2].

6. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения. Применяются для:

– прогнозирования спроса на основе исторических данных и внешних факторов (погода, сезонность, макроэкономические показатели);

– динамической маршрутизации с учётом дорожной ситуации в реальном времени;

– автоматической классификации грузов и распознавания дефектов на складах с помощью компьютерного зрения;

– оптимизации размещения товаров на складе (слоттинг) с учётом частоты отгрузок и габаритов [3].

7. Технологии распределенного реестра (блокчейн). Обеспечивают прозрачность, неизменность и децентрализацию транзакций в цепочке поставок. Это особенно важно для отслеживания происхождения товаров (например, продуктов питания, лекарств, алмазов),

борьбы с контрафактом и автоматизации расчётов через смарт-контракты (например, автоматическое списание оплаты при подтверждении доставки через GPS-метку) [2].

Информационно-коммуникационные технологии в логистике выполняют ряд ключевых функций.

1. Информационную – обеспечивают всех участников достоверными и актуальными данными о состоянии грузов, транспорта и складских остатков в режиме, близком к реальному времени (near real-time).

2. Коммуникационную – сокращают временные и финансовые затраты на обмен документами, согласование условий поставок и решение спорных ситуаций. Среднее время обработки одного документа снижается с 15–20 минут до 1–2 минут.

3. Управленческую – позволяют автоматически генерировать оптимальные маршруты, распределять заказы по складам и транспортным средствам, прогнозировать риски сбоев (например, риск опоздания поставки на основе истории работы перевозчика).

4. Контрольную – дают возможность в режиме реального времени отслеживать выполнение ключевых показателей эффективности (KPI): точность доставки (OTIF – On Time In Full), сохранность груза, время простоя транспорта, долю брака при отгрузках.

Роль искусственного интеллекта и блокчейна в логистике будущего

Особого внимания заслуживает синергия ИИ и блокчейна. Если ИИ отвечает за оптимизацию и прогнозирование, то блокчейн – за доверие и безопасность данных между разными юридическими лицами. Например, в международной контейнерной логистике платформа TradeLens (разработанная IBM и Maersk, а затем переданная в управление отраслевому консорциуму) позволяла всем участникам (экспедитору, перевозчику, порту, таможне) видеть единую версию событий по каждому контейнеру, а смарт-контракты автоматически инициировали платежи при прохождении контрольных точек [2].

Процесс внедрения ИКТ в логистику осуществляется поэтапно и требует тщательного планирования. На первом (подготовительном) этапе проводится аудит существующих информационных потоков, описываются бизнес-процессы «как есть» и «как должно быть», выбирается архитектура ИКТ (локальное развёртывание, облако или гибрид). На втором этапе автоматизируется первичный документооборот и внедряются системы штрихкодирования или RFID для учёта товаров. Третий этап предполагает интеграцию ERP-системы с модулями управления складом (WMS) и транспортом (TMS), а также настройку электронного обмена данными (EDI) с ключевыми контрагентами. Четвертый этап – переход к цифровой экосистеме, объединяющей всех партнеров по цепочке поставок через облачные платформы и API-интерфейсы. На пятом этапе внедряются предиктивные модели на базе ИИ и блокчейн-решения для повышения доверия и прозрачности.

Несмотря на очевидные преимущества, цифровая трансформация логистики сталкивается с рядом барьеров. К ним относятся: высокая стоимость внедрения и обслуживания систем (лицензии на WMS/TMS могут составлять миллионы рублей плюс ежегодное сопровождение), недостаточная совместимость различных платформ между разными компаниями (проблема «информационных островов»), дефицит квалифицированных кадров на стыке логистики и ИТ (нужны как профильные логисты, понимающие SQL и API, так и разработчики, знакомые со складскими процессами), а также растущие риски кибербезопасности (логистические компании становятся целью атак с требованием выкупа за разблокировку систем управления) [3].

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии являются ключевым драйвером эффективности в современной логистике. Они не только автоматизируют рутинные операции, но и трансформируют саму модель управления материальными потоками – от реактивной (реагирование на уже произошедший сбой) к предиктивной (предсказание и предотвращение сбоев) и, в перспективе, к самонастраивающейся (автономная логистика). Дальнейшее развитие ИКТ в логистике будет направлено на создание полностью прозрачных, автономных и клиентоцентричных цепочек поставок, где информационная скорость

опережает физическое перемещение груза, а конечный потребитель может в любой момент получить точный прогноз доставки с точностью до 15-минутного интервала. Компании, которые инвестируют в ИКТ сегодня, получат устойчивое конкурентное преимущество в виде низких издержек, высокой точности и лояльности клиентов в ближайшие 5–7 лет.

Список литературы

1. Медникова О.В. Дигитализация рынка транспорта и логистики: интеграция информационных систем. Российский опыт внедрения цифровых технологий в организации логистических процессов / О.В. Медникова, Т.Б. Матвиевская // Вестник Академии знаний. – 2021. – №4 (45). – С. 197–204. DOI 10.24412/2304-6139-2021-11357. EDN OGCHIK

2. Сердюкова Л.О. Цифровые платформы развития инновационной транспортно-логистической системы / Л.О. Сердюкова // Economy. – 2020. – Т. 13, №2. – С. 64–78. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/digital-platforms-for-development-of-innovative-transport-logistic-systems (дата обращения: 30.05.2026).

3. Макаров И.Н. Цифровая трансформация логистики: роль человеческого капитала в адаптации к новым технологиям / И.Н. Макаров // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 8, №6 (159). – С. 209–218. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82746557 (дата обращения: 31.05.2026). DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.06.08.023. EDN SJYHQX

4. Решетников В.В. ИТ в логистике: от цифровых двойников до роботизации складов: интервью с директором-экспертом практики «Управление цепями поставок» компании «Рексофт Консалтинг» / В.В. Решетников // РБК Компании. – URL: https://companies.rbc.ru/news/edLvmFdIWQ/it-v-logistike-ot-tsifrovyih-dvojnikov-do-robotizatsii-skladov/ (дата обращения: 31.05.2026).

Покуль Владимир Олегович
канд. экон. наук, доцент
Сулима Степан Андреевич
магистрант

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО КОНТЕНТА В DIGITAL-СРЕДЕ

Аннотация: *в статье рассматривается поведенческая сегментация слушателей музыкального контента в условиях цифровой платформенной среды. Цель исследования заключается в уточнении типов слушателей, значимых для выбора инструментов продвижения музыкальных исполнителей. Использованы методы теоретического анализа, обобщения, сегментации и интерпретации результатов эмпирического маркетингового исследования. Обосновано, что жанровая и демографическая сегментация должна дополняться поведенческими критериями: частотой прослушивания, регулярностью открытия новых исполнителей, источниками информации, вовлеченностью в социальные сети и восприимчивостью к визуальному контенту.*

Ключевые слова: *музыкальный маркетинг, поведение слушателей, сегментация, digital-среда, стриминговые платформы, социальные сети.*

Цифровая трансформация музыкальной индустрии изменила не только каналы распространения контента, но и саму логику взаимодействия между исполнителем и слушателем. В традиционной модели музыкального рынка потребитель чаще выступал как покупатель физического носителя, посетитель концерта или зритель теле- и радиоэфира. В digital-среде слушатель одновременно является пользователем платформы, участником рекомендательной системы, источником поведенческих данных и распространителем контента.

Особое значение имеет различие между потреблением уже знакомой музыки и открытием новых исполнителей. Пользователь может слушать музыку ежедневно, но при этом крайне редко выходить за пределы привычных жанров, плейлистов и артистов. В таких условиях ключевой задачей продвижения становится не только увеличение количества контактов с

аудиторией, но и преодоление инерции выбора. Это требует сочетания алгоритмических, социальных и визуальных механизмов: попадания в плейлисты, поддержки релиза короткими видео, активации фанатского распространения и формирования доверия через рекомендации людей, которым пользователь уже верит.

Современные стриминговые платформы работают не только как витрина музыкального каталога, но и как механизм распределения внимания. Алгоритмы учитывают историю прослушиваний, пропуски, лайки, сохранения, добавления в плейлисты, поведение похожих пользователей и коммерческие сигналы. В результате исполнитель конкурирует не только с другими артистами, но и с логикой платформы, которая предпочитает контент, способный быстро удерживать пользователя и подтверждать релевантность через поведенческие метрики.

При этом алгоритмические рекомендации не являются полностью самостоятельным каналом продвижения. Они усиливают те треки и артистические образы, которые уже получают подтверждение со стороны аудитории: дослушивания, сохранения, повторные прослушивания, переходы в профиль, подписки, пользовательские плейлисты. Поэтому успешная digital-стратегия должна строиться как система взаимного усиления: социальные сети приводят первичный трафик, визуальный стиль формирует узнаваемость, контентная поддержка удерживает внимание, а поведенческие сигналы на стримингах повышают вероятность дальнейшей алгоритмической видимости.

В этих условиях продвижение музыкального исполнителя не может строиться только на жанровом позиционировании или демографическом описании аудитории. Два слушателя одного возраста и с похожими жанровыми предпочтениями могут по-разному реагировать на релиз, следовательно, для музыкального маркетинга важно учитывать не только то, какую музыку слушает аудитория, но и то, как именно она это делает.

Объем российского рынка музыкальных сервисов по итогам 2025 года увеличился на 23% и достиг 46 млрд рублей, при этом эксперты прогнозируют сохранение двузначных темпов роста (около 20%) и в 2026 году. Согласно отчетам Национальной федерации музыкальной индустрии (НФМИ), среднемесячная аудитория российских стримингов превышает 84 млн человек, а количество уникальных подписчиков только одного ключевого игрока – «Яндекс Музыки» – в первом квартале 2026 года достигло 34,5 млн пользователей [1].

В экосистеме «Яндекс Музыки» преобладает потребление через персонализированные автоматические подборки, ориентированные на локальную аудиторию, что заставляет артиста фокусироваться на качестве метаданных, строгой регулярности релизов и адаптации визуального оформления под запросы русскоязычных слушателей. Аудитория «VK Музыки» глубоко интегрирована в социальную сеть, где прослушивание неразрывно связано с активностью в сообществах, репостами и прямыми рекомендациями пользователей. В этом случае ключевое значение приобретает SMM-маркетинг, посевы в пабликах и стимулирование создания пользовательского контента (UGC) [3].

В условиях информационного изобилия наблюдается существенная дифференциация пользовательского поведения. Одни слушатели активно исследуют новые релизы и регулярно открывают новых исполнителей, другие ориентируются преимущественно на рекомендации друзей и лидеров мнений, третьи доверяют алгоритмам платформ, а часть аудитории остаётся приверженной привычному музыкальному репертуару [2]

На основании теоретического анализа и результатов эмпирического маркетингового исследования (n=151 чел. из числа активных потребителей музыкального контента, основной метод- опрос) нами было выявлено пять поведенческих сегментов слушателей музыкального контента (рис. 1).

Рис. 1. Поведенческие сегменты слушателей
и рекомендуемые инструменты продвижения

Первый сегмент – активные исследователи. Это слушатели, которые регулярно открывают новых исполнителей, используют плейлисты и социальные сети, реагируют на визуальный контент и обладают высокой вероятностью стать ранними сторонниками артиста. Для данного сегмента эффективны pre-save-кампании, тизеры, короткие видео, добавление в плейлисты и регулярная контентная поддержка.

Второй сегмент – социально ориентированные слушатели. Их музыкальный выбор во многом определяется рекомендациями друзей, блогеров, сообществ и публичным социальным одобрением. Для них важны репосты, комментарии, реакции других пользователей, коллаборации и пользовательский контент. При работе с этим сегментом социальные сети выполняют не только функцию охвата, но и функцию доверия.

Третий сегмент – алгоритмические слушатели. Они открывают музыку через рекомендательные подборки, радио по треку, автоматические плейлисты и персонализированные рекомендации. Для них важна работа с платформенными сигналами: метаданными, сохранениями, удержанием, повторными прослушиваниями и релизной дисциплиной. В этом случае продвижение должно быть связано с пониманием логики стриминговых сервисов и постоянной аналитикой результатов [4].

Четвертый сегмент – визуально-эмоционально вовлеченные слушатели. Они реагируют на образ исполнителя, эстетику, клипы, короткие видео, личные истории и эмоциональный контекст. Для этой группы музыка воспринимается не изолированно, а как часть авторского повествования. Обложка, аватар, визуальный стиль профиля, backstage-контент и сторителлинг становятся элементами единого пользовательского впечатления.

Пятый сегмент – пассивно-эпизодические слушатели. Они редко знакомятся с новыми артистами и предпочитают привычные музыкальные траектории. Для перехода к новому исполнителю им требуются более сильные стимулы: социальное доказательство, попадание в привычный тематический плейлист, выраженный эмоциональный хук, контекстная реклама или рекомендация от значимого источника.

Предложенная типология не отменяет жанровую или демографическую сегментацию, а дополняет ее. Жанр, возраст и социальный контекст по-прежнему важны, однако они не объясняют полностью маркетинговую восприимчивость аудитории. Поведенческий подход позволяет точнее соотносить сегменты слушателей с каналами продвижения, форматами контента и ожидаемыми действиями пользователя: прослушиванием, сохранением, подпиской, репостом, комментарием или участием в сообществе, а полученные выводы могут быть

использованы при разработке стратегий продвижения независимых музыкальных исполнителей: для активных исследователей целесообразны тизеры и короткие видео; для социально ориентированных слушателей – блогеры, UGC и фан-сообщества; для алгоритмических слушателей – метаданные, сохранения и повторные прослушивания; для визуально-эмоциональной аудитории – клипы, Reels и сторителлинг; для пассивных слушателей – контекстные подборки и социальные доказательства.

Список литературы

1. Исследование рынка музыкального стриминга в России // Официальный сайт Национальной федерации музыкальной индустрии (НФМИ). – URL: nfmi.ru (дата обращения: 12.05.2026).

2. Рынок стриминговых музыкальных сервисов России. 2022–2024 годы. Прогноз до 2029 года // Официальный сайт J'son & Partners Consulting. – URL: https://json.tv/analytic/rynok-strimingovyh-muzykalnyh-servisov-rossii-2022–2024-gody-prognoz-do-2029-goda/ (дата обращения: 12.05.2026).

3. Datta H. Changing Their Tune: How Consumers' Adoption of Online Streaming Affects Music Consumption and Discovery / H. Datta, G. Knox, B.J. Bronnenberg // Marketing Science. – 2018. – Vol. 37, No. 1. – P. 5–21.

4. Freeman S. Don't mess with my algorithm: Exploring the relationship between listeners and automated curation and recommendation on music streaming services / S. Freeman, M. Gibbs, B. Nansen // First Monday. – 2022. – Vol. 27, No. 1.

Солостина Татьяна Анатольевна
канд. пед. наук, доцент
АНО ВО «Российский новый университет»
г. Москва

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Аннотация: *в статье исследуется концепция человеческого капитала как фундаментальная теоретико-методологическая основа современной системы управления человеческими ресурсами. Особое внимание уделено двойственной природе человеческого капитала в образовательных учреждениях, где он выступает одновременно внутренним стратегическим ресурсом и ключевым внешним продуктом деятельности. Развитие способностей сотрудников и использование их опыта становятся главным конкурентным преимуществом. Человеческий капитал можно рассматривать на разных уровнях – индивидуальном (через формирование компетенций), организации (особая роль отводится мотивации, определяемой корпоративной культурой) и общественном (на уровне населенного пункта, региона, страны или мира).*

Ключевые слова: *человеческие ресурсы, человеческий капитал, человеческий потенциал, инвестиции, уровни человеческого капитала: индивидуальный, организационный, общественный, компетенции, мотивация.*

В условиях перехода к цифровой экономике и обществу знаний ключевым фактором конкурентоспособности любой организации становятся не материальные активы, а люди. Трансформация социальных процессов и модернизация системы образования диктуют необходимость переосмысления классических подходов к менеджменту. В данном контексте концепция человеческого капитала выступает не просто как теоретическая модель, а как фундаментальная основа для формирования передовых стратегий управления человеческими ресурсами. Инвестиции в непрерывное обучение, здоровье и благополучие сотрудников сегодня напрямую определяют актуальность и устойчивость как отдельных предприятий, так и государства в целом.

Теория человеческого капитала занимает важное место в ряду научных концепций управления человеческими ресурсами. Разработанная нобелевскими лауреатами Т. Шульцем и Г. Беккером, данная теория стала важным этапом в развитии экономической науки. Опираясь

на предшествующие представления о человеческих ресурсах, они, а также их многочисленные сторонники и оппоненты, провели параллели между человеческими ресурсами и природными (такими как возобновляемые ресурсы, например, плодородная земля), а также инвестициями в материальные активы. Эта теория, по сути, развивает идеи Карла Маркса о взаимозаменяемости труда, земли и капитала как основных факторов производства, что предполагает у них наличие общих характеристик [3].

Проведенный обзор современных определений, позволяет рассматривать человеческий капитал как стратегический актив, который определяет конкурентоспособность бизнеса и экономический рост, эффективное управление которым требует системного подхода, включая обучение, мотивацию и использование технологий. Инвестиции в сотрудников окупаются через повышение производительности и создание конкурентных преимуществ [7].

Человеческий капитал является неотъемлемым свойством человека, который им обладает. Человек, без вложений в него не имеет экономической ценности, поскольку его природные способности ограничены для современной хозяйственной деятельности. Но с рождения, в процессе развития и воспитания, человек обладает определёнными задатками, которые можно развивать и применять в работе или других видах деятельности – это его *потенциал*.

Российские исследователи неоднократно обращаются к определению данного понятия. Академик Заславская Т.И. считает, что «человеческий потенциал отражает личностные профессиональные качества и сыгранность игроков, их коллективный дух и волю к победе» [4]. Локосов В.В. даёт свою дефиницию данного понятия: «человеческий потенциал – есть совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определённых социально-исторических и природно-географических условий» [6].

Человеческий потенциал может быть реализован полностью, частично, оптимально или даже чрезмерно, что может привести к истощению со временем. Однако без вложений других ресурсов, которые обычно оцениваются в деньгах, человеческий потенциал не превращается в экономически полезный актив. Таким образом, инвестиции, выраженные в денежном эквиваленте или в другой форме, являются ключевой составляющей человеческого капитала.

Вторая важная черта капитала, в том числе и человеческого, – это отдача, то есть получение выгоды от его использования. В отличие от обычных расходов, которые направлены на немедленное удовлетворение потребностей, инвестиции делаются с прицелом на будущую прибыль. Человеческий капитал формируется именно ради будущих выгод: возможности производить продукцию для себя, работать или обменивать результаты труда, заниматься бизнесом и получать прибыль, создавая и используя другие ресурсы, а также создавать и продавать интеллектуальную собственность.

Инвестиции в человеческий капитал могут принимать разные формы: *усилия и труд* – как собственные, так и других людей (например, медицинская помощь, обучение, воспитание, социализация и т. п.); *материальные ресурсы* – питание, лекарства, учебная литература, компьютеры для получения образования и др.; *информация* (знания, представления, убеждения, ценностные установки и пр.); *природные феномены* (место жительства, воздух, пресная вода, тепло, свет и элементы окружающей среды); особым и важным ресурсом является *время*, связанное со всеми перечисленными категориями.

При анализе формирования и развития человеческого капитала важно учитывать все эти ресурсы в их естественной форме. Однако для оценки, сравнения и определения эффективности использования капитала, их целесообразно переводить в денежный эквивалент. Оценка стоимости может быть сложной, поскольку для некоторых ресурсов нет рыночной цены, а себестоимость определить невозможно из-за их непроизводственного происхождения. Тем не менее с определёнными допущениями общий объём инвестиций в человеческий капитал можно оценить в денежном выражении с достаточной точностью.

Человеческий капитал можно рассматривать на разных уровнях: индивидуальном, на уровне организации и общественном [2].

Человеческий капитал, рассматриваемый *на индивидуальном уровне*, представляет собой совокупность личных качеств и навыков человека, которые можно назвать «*компетенциями*». Эти компетенции не возникают сами по себе, а требуют инвестиций для своего развития. Различают следующие виды индивидуальных компетенций [5]:

– *психофизиологические компетенции* – это здоровье, физические особенности человека – его физическая сила, выносливость, стрессоустойчивость и другие подобные качества;

– *социальные компетенции* – это навыки взаимодействия с другими людьми, знание норм поведения и умение работать в команде;

– *общекультурные компетенции* – это знания и навыки, необходимые для жизни в современном обществе, включая умение пользоваться технологиями, понимать историю и культуру;

– *профессиональные компетенции* – это навыки и знания, которые могут быть использованы для получения дохода, например, в виде заработной платы, прибыли от предпринимательства или инвестиций.

Развитие человеческого капитала на индивидуальном уровне требует осознанных инвестиций в различные виды компетенций, которые в свою очередь влияют на способность человека адаптироваться и преуспевать в обществе. Таким образом, компетенции рассматриваются как атрибут индивида и формируют его личный человеческий капитал.

На уровне организации в управлении персоналом широко используется понятие «человеческий капитал организации (ЧКО)». Это понятие охватывает все инвестиции, сделанные компанией в развитие человеческих ресурсов, включая работоспособность, интеллект, творческие способности и навыки сотрудников. Отдача от этих инвестиций проявляется в виде прибыли, которая образуется как разница между добавленной стоимостью, созданной сотрудниками, затратами на их оплату и самими инвестициями в их развитие.

Независимо от размера организации, формы собственности или отрасли, формирование и анализ человеческого капитала эффективно сочетается с управлением знаниями. В отличие от компетенций, знания могут рассматриваться как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Системный подход к анализу коллективных знаний организации превышают сумму знаний отдельных сотрудников благодаря их взаимодействию.

Однако, с точки зрения теории знания, для его эффективного использования важна *мотивация* сотрудника. Именно человек, обладающий знанием, решает, как, где и в каком объёме его применять. Аналогично, в коллективе существует групповая мотивация, которая формируется корпоративной культурой и влияет на готовность делиться знаниями и применять их для достижения общих целей.

С позиции теории человеческого капитала, роль мотивации в его формировании и использовании трактуется по-разному [1]:

1) *мотивация как внешний двигатель* – согласно этой точке зрения, мотивация – это самостоятельная сила, существующая внутри человека или группы, которая побуждает к развитию и применению человеческого капитала; стимулирует инвестиции в образование и навыки, превращая потенциал в реальный капитал как для индивида, так и для организации;

2) *мотивация как компонент потенциала* – другая интерпретация рассматривает мотивацию как составную часть человеческого потенциала, наряду со знаниями и навыками. В совокупности эти элементы формируют человеческий капитал на любом уровне;

3) *мотивация как тип компетенции* – третья точка зрения видит в мотивации один из видов внутренних компетенций человека, существующих на индивидуальном уровне. В этом случае мотивация организации рассматривается как совокупность индивидуальных мотивов её членов.

Несмотря на отсутствие возможности подтвердить какую-либо из этих интерпретаций, первая является наиболее понятной и удобной для анализа.

Наконец, рассмотрим *общественный уровень* человеческого капитала. Здесь можно выделить несколько подуровней: локальный уровень (город, поселок или городской округ),

региональный уровень (субъект федерации – область, край, республика), межрегиональный (территория, объединяющая несколько образований, связанных экономическими или демографическими связями), национальный уровень (страна в целом), глобальный уровень (весь мир, где речь идёт о человеческом капитале всего человечества). Принципы формирования и использования общественного человеческого капитала схожи с теми, что применяются внутри организации. Однако, в данном случае, управление этими процессами осуществляется государственными или муниципальными органами.

В заключение следует отметить, что согласно концепции управления человеческим капиталом, сотрудники организации – это не просто рабочая сила, а ценный ресурс, способный внести значительный вклад в достижение стратегических целей организации. Развитие навыков и знаний персонала, использование их сильных сторон позволяет повысить эффективность работы каждого сотрудника и, как следствие, всей организации. Накопленный опыт и знания сотрудников формируют человеческий капитал организации, который в условиях глобальной экономики знаний становится важнейшим конкурентным преимуществом. Если индивидуальный человеческий капитал принадлежит одному человеку и увеличивает его личный доход, то общественный капитал – это синергия ресурсов всех граждан, определяющая глобальную конкурентоспособность государства.

Таким образом, применение концепции человеческого капитала как теоретической основы позволяет организациям, включая образовательный сектор, оперативно реагировать на социальные вызовы, объективно оценивать эффективность вложений в людей и обеспечивать устойчивое развитие в современной экономике знаний.

Список литературы

1. Антонова О.В. Внедрение инновационных технологий в управление персоналом на предприятии / О.В. Антонова // Экономика, управление и финансы в цифровом обществе: материалы международных научно-практических конференций. – Курск, 2024. – С. 7–11. EDN HCLWYP

2. Гафарова К.Э. Характеристики, уровни и формы человеческого капитала / К.Э. Гафарова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №6–1 (112). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-urovni-i-formy-chelovecheskogo-kapitala (дата обращения: 09.06.2025).

3. Гусев А.А. Управление человеческими ресурсами – важнейший фактор успеха проекта / А.А. Гусев // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7, №3. – С. 113–117. DOI 10.58224/2658-5286-2024-7-3-113-117. EDN FLSKUB

4. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – №3. – С. 5–16. EDN PVKUDZ

5. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / под науч. ред. д.п.н. И.Ю. Тархановой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018.

6. Локосов В.В. Человеческий потенциал: определение и структура / В.В. Локосов. – URL: https://www.fnisc.ru/files/File/Uchen_sovet_17_04_24_Lokosov.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

7. Рябова И. Самый ценный экономический ресурс / И. Рябова. – URL: https://econs.online/articles/ekonomika/samyy-tsennyy-ekonomicheskiy-resurs/ (дата обращения: 21.05.2026).

Целищева Зухра Абдурашидовна
канд. культурологии, доцент
Будняя Мария Владимировна
студентка

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

PR-СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО – ЮГРЫ)

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты разработки PR-стратегий для продвижения мероприятий в сфере молодежной политики. Особое внимание уделяется специфике целевой аудитории – молодежи как «цифрового поколения», а также региональным особенностям Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего традиционные и цифровые каналы коммуникации, работу с лидерами мнений и партнерские инструменты. Предлагаются критерии оценки эффективности PR-продвижения молодежных мероприятий.*

Ключевые слова: *PR-стратегия, молодежная политика, продвижение мероприятий, ХМАО – Югра, цифровые коммуникации, оценка эффективности.*

Актуальность исследования обусловлена несоответствием между традиционными формами коммуникации государственных структур и коммуникационными ожиданиями современной молодежи как «цифрового поколения». Государственная молодежная политика, являясь приоритетным направлением РФ, сталкивается с низкой вовлеченностью молодежи в мероприятия, что напрямую связано с неэффективностью их PR-сопровождения. ХМАО – Югра обладает уникальной региональной спецификой, требующей адаптации PR-подходов к местным условиям.

В современном коммуникационном пространстве, характеризующемся высокой конкуренцией за внимание аудитории и стремительным развитием цифровых технологий, разработка грамотной PR-стратегии становится критически важным элементом успешного продвижения общественно значимых инициатив. Особую актуальность это приобретает в сфере молодежной политики, где целевая аудитория отличается динамичностью ценностных ориентиров, высоким уровнем цифровой грамотности и критическим отношением к традиционным формам коммуникации.

PR-стратегия представляет собой долгосрочный план коммуникаций, определяющий, как организация будет выстраивать отношения с целевой аудиторией, партнерами, СМИ и обществом. Она включает анализ текущего имиджа, формулировку целей, выбор ключевых сообщений, каналов и инструментов продвижения, а также разработку шагов для достижения желаемого результата. Ключевыми характеристиками PR-стратегии являются уникальность, ситуационный подход и гибкость [9].

В контексте государственной молодежной политики PR-стратегия приобретает особую значимость. Как отмечают О.О. Коршунова и Е.М. Литвинова, стратегическое использование PR-технологий становится ключевым инструментом трансформации государственной молодежной политики, позволяя ведомствам эволюционировать от бюрократического регулятора к роли «навигатора возможностей» [3]. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре разработка комплексной PR-стратегии продвижения молодежных мероприятий направлена на трансформацию их восприятия от формальных событий до ожидаемых социальных инициатив [1].

Понимание молодежи как особой социально-демографической группы имеет фундаментальное значение для выстраивания эффективной PR-стратегии. Согласно определению, закрепленному в основах государственной молодежной политики РФ, молодежь это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями [6]. При этом молодежь выполняет три важнейшие социальные функции: воспроизводственную, инновационную и трансляционную. Именно инновационная функция делает молодое поколение особенно восприимчивым к новым форматам коммуникации, цифровым платформам и нестандартным PR-решениям.

Современная молодежь – это «цифровое поколение», для которого онлайн-пространство является основной средой обитания. Молодые люди лучше всего откликаются на динамичный, визуально насыщенный и интерактивный контент. Клиповое мышление требует от PR-специалистов умения говорить коротко, динамично и визуально. Сегментированность молодежной аудитории (школьники, студенты, работающая молодежь) обусловливает необходимость дифференцированного подхода к каналам коммуникации и типам сообщений [7].

Важной особенностью молодежной аудитории является высокое недоверие к институционализированным источникам информации. Эффективная коммуникация требует перехода от вертикального, одностороннего информирования к горизонтальному, диалоговому взаимодействию [3]. PR в сфере молодежной политики должен создавать «экосистему диалога», в которой молодой человек чувствует себя равноправным участником коммуникации.

Мероприятия в сфере молодежной политики обладают рядом характеристик, отличающих их от коммерческих событий. Они имеют некоммерческий, социально ориентированный характер, их целью является достижение социально значимых результатов – вовлечение молодежи в общественно полезную деятельность, формирование гражданской идентичности, патриотическое воспитание [6]. Продвижение таких мероприятий часто осуществляется в условиях ограниченных бюджетов, что требует поиска нестандартных, «партизанских» PR-решений и активного использования бесплатных каналов коммуникации [1]. Кроме того, они являются инструментом реализации государственной молодежной политики и должны соответствовать определенным ценностным установкам.

Ключевыми инструментами продвижения в молодежной среде являются цифровые каналы (прежде всего социальные сети ВКонтакте), работа с лидерами мнений, партнерские программы, контент-стратегия и интерактивные форматы. Как отмечают М.В. Будняя и З.А. Целищева, системный PR-подход является не декоративным элементом, а фактором, обеспечивающим переход от вертикального управления к горизонтальному сопровождению, что усиливает вовлеченность молодежи в социально-экономическое развитие [1].

Региональная специфика ХМАО-Югры определяется географическими, социально-экономическими, культурными и демографическими особенностями. Огромная территория и низкая плотность населения создают вызовы для продвижения мероприятий, требуя использования онлайн-трансляций и цифровых платформ для дистанционного участия. Высокий уровень доходов населения, обусловленный развитием нефтегазового сектора, делает молодежь менее мотивированной к участию в социально ориентированных мероприятиях, поэтому PR-стратегия должна делать ставку на ценности и смыслы, а не на материальные стимулы. Многонациональный состав населения требует учета культурных особенностей и инклюзивности PR-материалов [2].

Важной особенностью ХМАО-Югры является активная грантовая поддержка молодежных проектов. Федеральное агентство по делам молодежи выделило региону почти 200 млн рублей на развитие системы молодежной политики [8]. Ежегодно проводится конкурс на предоставление грантов Губернатора ХМАО-Югры для физических лиц, где заявители могут получить до 1 млн рублей [5]. Для координации этих процессов создана цифровая платформа «Единый личный кабинет активиста Югры» (ЕЛКА), которая служит единой точкой входа для подачи заявок и участия в мероприятиях [4].

Оценка эффективности PR-продвижения молодежных мероприятий должна основываться на комбинации количественных и качественных KPI. Количественные показатели включают охват аудитории, количество регистраций, число публикаций и показатели вовлеченности. Качественные показатели – изменение уровня информированности, отношения к государственным инициативам, удовлетворенность участников и долгосрочные изменения в поведении [1]. Особое значение имеет анализ обратной связи, который позволяет выявить проблемные зоны и скорректировать стратегию.

Таким образом, продвижение мероприятий в сфере молодежной политики требует глубокого понимания специфики молодежной аудитории, особенностей самих мероприятий и регионального контекста. Ключевыми инструментами остаются цифровые каналы, работа с лидерами мнений, партнерские программы и контент-стратегия. Региональная специфика ХМАО – Югры требует адаптации общих подходов к местным условиям с учетом географической разобщенности, экономических и культурных факторов. Развитая система грантовой поддержки и цифровая платформа ЕЛКА создают благоприятные условия для реализации эффективных PR-стратегий. Системный PR-подход является фактором, обеспечивающим трансформацию восприятия государственных молодежных инициатив от формальных мероприятий до ожидаемых социальных событий.

Список литературы

1. Будняя М.В. PR-стратегия продвижения региональных мероприятий в сфере молодежной политики (на примере ХМАО-Югры) / М.В. Будняя, З.А. Целищева. – 2025. – С. 116–119. – URL: https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10819.pdf (дата обращения: 18.06.2026). EDN DXCOHT

2. Департамент молодежной политики, гражданских инициатив и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – URL: https://depos.admhmao.ru/ (дата обращения: 18.06.2026).

3. Коршунова О.О. Практика применения PR-технологий в деятельности «Росмолодежь» / О.О. Коршунова, Е.М. Литвинова. – 2026. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-pr-tehnologiy-v-deyatelnosti-rosmolodezh (дата обращения: 18.06.2026).

4. Платформа «Молодежь России». – URL: https://myrosmol.ru/ (дата обращения: 18.06.2026).

5. Премия Губернатора Югры в целях поощрения и поддержки талантливой молодежи 2026. – URL: https://elkanko.ru/contests/premiia-gubernatora-iugry-v-celiax-pooshhreniia-i-podderzki-talantlivoi-molodezi-2026 (дата обращения: 18.06.2026).

6. Распоряжение Правительства России от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/ (дата обращения: 18.06.2026).

7. Ростовская Т.К. Молодежная политика в современной России / Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова. – М.: Юрайт, 2020. – 155 с. – URL: https://molod.rgub.ru/ebook/?id=464#page/6 (дата обращения: 18.06.2026). EDN AORBEF

8. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). – URL: https://fadm.gov.ru/ (дата обращения: 18.06.2026).

9. Чумиков А.Н. Связи с общественностью: теория и практика / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. – М.: Дело, 2006. – 552 с. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/wealth/public_relations_theory/doc/ (дата обращения: 18.06.2026).

Шпак Александр Сергеевич
канд. техн. наук, доцент
Школа экономики и менеджмента ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
г. Владивосток, Приморский край
Кравченок Диана Юрьевна
бакалавр, студентка
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
г. Владивосток, Приморский край

DOI 10.31483/r-168286

ПОИСК И АНАЛИЗ СИГНАЛОВ О ПРОБЛЕМАХ В СИСТЕМЕ УДЕРЖАНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ФИЛИАЛЕ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Аннотация*: в статье проведено исследование проблем удержания и привлечения корпоративных клиентов в территориальном филиале коммерческого банка с позиции системного подхода. Цель исследования – поиск сигналов о наличии проблем, связанных с совершенствованием системы удержания и привлечения корпоративных клиентов. Представлена система взаимодействия коммерческого банка с корпоративными клиентами, выполнена сегментация клиентов по составу и по моделям организации деятельности, систематизированы ключевые подходы к привлечению и удержанию корпоративных клиентов банка.*

Анализ организационной структуры, динамики количества корпоративных клиентов и должностных инструкций позволил систематизировать прямые взаимосвязи между подразделениями, которые непосредственно задействованы в процессах привлечения и удержания корпоративных клиентов. На основе полученных данных SWOT-анализа определены сигналы о наличии проблем, определена ключевая проблема и сделана её декомпозиция, сформулированы выводы и рекомендации.

Ключевые слова*: корпоративный клиент коммерческого банка, системы удержания и привлечения корпоративных клиентов банка, системный подход, SWOT-анализ.*

Введение.

Актуальность исследования заключается в том, что привлечение клиентов в коммерческий банк – довольно сложная и трудоёмкая миссия. В случае, если даже с ней получилось справиться и овладеть интересом возможного потребителя, этого может быть мало. Необходимо приложить максимум усилий, чтобы не потерять привлечённого клиента, удержать на долгое время и получить его лояльность, переведя в состав постоянных.

Ключевым условием достижения стратегических целей для коммерческого банка, повышения его конкурентоспособности, усиления финансовой и экономической роли в банковском сообществе является обеспечение неуклонного роста производственно-коммерческих показателей. Основой такого роста является корпоративный сектор. Развитие банковского бизнеса напрямую зависит от того, насколько успешно банк умеет привлекать новых клиентов и удерживать текущих. Эти два вектора требуют разных подходов: если первое направление связано с первичным интересом и охватом, то второе – с построением доверия и формированием устойчивых отношений.

Консенсус в отношении устоявшейся трактовки понятия «корпоративный клиент банка» или «корпоративный клиент коммерческого банка» на сегодняшний день в научной литературе по-прежнему не достигнут. Причиной этого можно считать, что любое научное исследование представляет собой многофакторный взгляд и особенность выводов каждого исследователя [1–3; 10; 13; 15; 16]. Проведённый анализ источников показал, что понятие «корпоративный клиент коммерческого банка» в данный момент ни в одном нормативно-правовом документе не разъясняется.

Целью данного исследования является поиск сигналов о наличии проблем, связанных с совершенствованием системы удержания и привлечения корпоративных клиентов (далее – КК) в территориальном филиале коммерческого банка.

Теоретическая основа и методы исследования.

Основу исследования составляет комплексный подход, объединяющий элементы из области банковского дела, менеджмента и маркетинга взаимоотношений. Такой подход позволяет сформировать концептуальную основу для анализа и разработки практических рекомендаций.

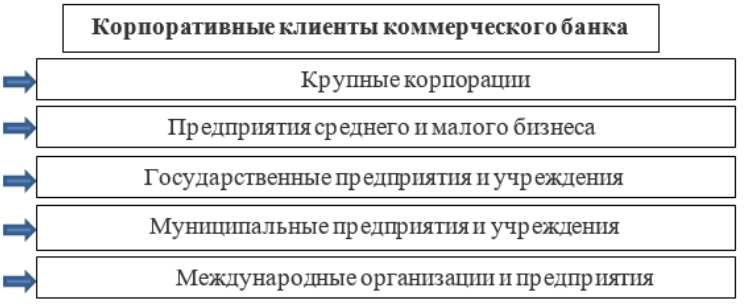
Основная часть исследования – это системный подход. КК и его взаимодействие с коммерческим банком рассматриваются как сложная система. Это позволяет анализировать не только прямые контакты между сотрудниками банка и КК, но и все обязательные процессы от времени обработки заявок и перечня основных услуг до качества IT-инфраструктуры.

Методологический инструментарий исследования использовался таким образом, чтобы учитывать как теоретические основы, так и получение объективных эмпирических данных для решения практических задач. Применяется комбинация общенаучных и специальных методов: анализ данных из открытых источников, анализ научных публикаций, статистический анализ, обобщение, сравнение, контент-анализ, SWOT-анализ и др.

Основные результаты.

Вопросы взаимодействия коммерческих банков с КК, а именно с корпоративным направлением ведения бизнеса, выстраивание отношений с ключевыми клиентами (крупным бизнесом и МСП) всегда актуальны для финансово-банковского сектора [17, с. 61].

Проведенный анализ источников [4; 5; 9; 15], позволил авторам сформулировать сегментированный состав КК коммерческого банка, который представлен на рисунке 1.



Источник: составлено авторами по данным [4; 5; 9; 15]
Рис. 1. Сегментированный состав КК коммерческого банка

В условиях рыночной экономики особую значимость приобретает комплексный подход к работе с КК. Он предполагает не только активное расширение базы заказчиков, но и выстраивание устойчивых связей с существующими заказчиками. Эффективный менеджмент процессами привлечения и удержания КК требует их сопровождения на всех этапах: «от первого контакта до послепродажного обслуживания» [7, с. 584].

В пределах анализа современных методов привлечения и удержания КК систематизируем ключевые подходы, получившие распространение в корпоративной среде (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к привлечению и удержанию корпоративных клиентов банка

Подход	Описание
Клиентоориентированная модель	Системная ориентация на интересы клиента во всех элементах бизнес-процесса
Интегрированные коммуникации	Комплексное использование каналов связи с единым содержательным управлением
Управление репутацией	Формирование устойчивого восприятия надёжности и открытости делового партнёрства для своевременной корректировки действий
Анализ удовлетворённости	Мониторинг ожиданий и восприятия заказчика
Формирование бренда	Повышение значимости предложения через качество, надёжность и доверительное сопровождение
Совместный маркетинг (комаркетинг)	Согласованное продвижение совместно с партнёрами при наличии сопряжённых продуктов
Электронные B2B-платформы	Использование специализированных цифровых площадок для выхода на профессиональную аудиторию
Контент на основе экспертности	Публикация аналитических и технических материалов, подтверждающих компетентность
Рекомендательное продвижение	Установление новых связей через существующих клиентов и партнёров
Предиктивная аналитика	Идентификация рисков снижения активности клиента на основе поведенческих данных
Формирование клиентских сообществ	Организация каналов обратной связи и включения клиентов в процессы развития продукта
Организация каналов обратной связи и включения клиентов в процессы развития продукта	Повышение квалификации заказчиков для эффективного использования сложных решений

Источник: составлено авторами по данным [6; 14].

Подходы, представленные в табл. 1, показывают многоплановые формы взаимодействия с КК, основанные на синтезе аналитических, стратегических, информационных и коммуникационных инструментов.

Исходя из предположения, что КК закупают продукцию или услуги коммерческого банка, для осуществления своей деятельности или развития бизнеса представим сегментацию клиентов по моделям организации деятельности по категориям: тип клиентов, цикл сделок, подход к продажам и маркетингу (табл. 2).

Таблица 2

Сегментация КК коммерческого банка по моделям организации деятельности

Тип модели	Тип клиента	Особенности организации деятельности
B2B-клиенты (Business-to-Business)	Это компании, которые покупают у банка услуги для использования в своем бизнесе	Партнера выбирают осознанно и долго, потому что от предложения банка зависит их результат
B2G-клиенты (Business-to-Government)	Это госструктуры, которые заключают договоры с бизнесом через тендеры или госзакупки	Необходимо строго соблюдать правила участия в тендерах и подготовки документации
B2C-клиенты (Business-to-Consumer)	Это компании, которые продают товары или услуги конечным потребителям – физическим лицам	Короткий цикл сделки, разовые или регулярные покупки в зависимости от специфики продукта
B2B2C-клиенты (Business-to-Business-to-Consumer)	Это компании, которые продают партнёру товар, который затем реализует конечным пользователям. Например, банк предлагает кредиты через автосалоны	Принимают свои решения быстро, но в условиях ограниченного бюджета. Массовое продвижение через массовые каналы (социальные сети, интернет)

Источник: составлено авторами по данным [12; 14].

В сегментах КК коммерческих банков сегодня одним из ключевых моментов деятельности становится систематический мониторинг удовлетворённости потребителей, где взаимодействие выстраивается по принципам модели B2B [6, с. 225].

Особенность модели B2B-клиенты определяет приоритет объективного обоснования, корпоративной совместимости и прозрачности договоренностей. Привлечение новых КК в банковской сфере связано с экспозицией банком своих возможностей к долговременному обслуживанию и досконального учёту внутренних процессов клиента. В свою очередь, удержание КК опирается на систематическом пересмотре совместных интересов, предсказуемости изменения норм и правил, а также постоянного присутствия коммуникации по принципу обратной связи.

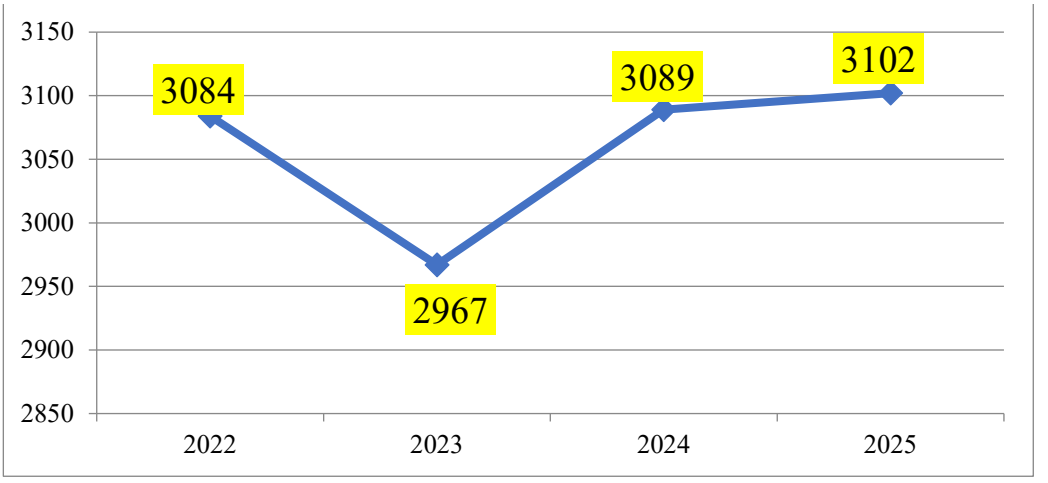
Поиск сигналов о наличии проблем системы удержания и привлечения КК проводился на базе территориального филиала ведущего коммерческого банка Российской Федерации. Главным моментом для любого коммерческого банка соответствие закону «О банках и банковской деятельности» [11]. Данный закон закладывает правовую основу для создания коммерческих банков на территории России.

Организационная структура исследуемого территориального филиала коммерческого банка представлена на рисунке 2.

Источник: составлено авторами

Рис. 2. Организационная структура территориального филиала коммерческого банка

На диаграмме рисунка 3 показана динамика притока и оттока КК исследуемого территориального филиала коммерческого банка за 2022–2025 годы. Анализ данных показывает V-образную динамику начального периода с последующим переходом на плато стабилизации. В ситуации тенденции просматриваются три основных этапа:



Источник: составлено авторами по данным годовых отчетов

Рис. 3. Динамика количества КК территориального филиала коммерческого банка

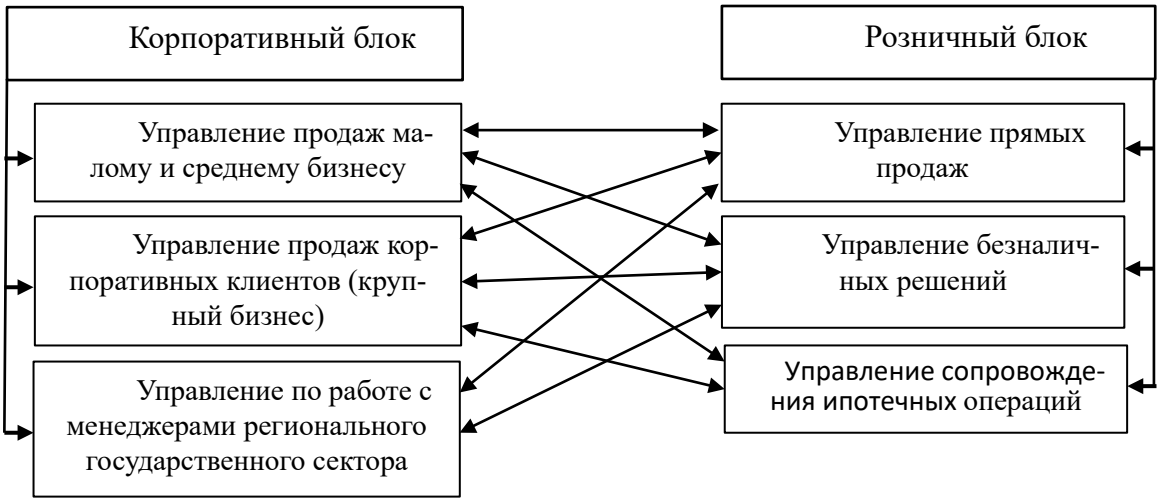
Период спада (с 2022 по 2023 г.) наблюдалось сокращение клиентской базы на 117 единицы, или примерно на 3,77% (с 3084 до 2967). Это снижение связано с общероссийскими экономическими проблемами, оптимизацией расходов в деятельности бизнеса, а также банкротства части малого и среднего бизнеса.

Период восстановления (с 2023 по 2024 г.) произошел резкий рост числа КК на 122 единицы (+4,09%), что не только компенсировало падение предыдущего периода, но и вывело показатель на новый уровень – 3089 КК. Такой рост связан с успешной работой по возвращению ушедших КК и привлечению новых, за счет запуска конкурентоспособных продуктов и программ к новым экономическим реалиям.

На стадии стабилизации (с 2024 по 2025 г.) продолжился рост, но его темпы резко замедлились. Прирост составил всего 13 клиентов (+0,41%). Достижение показателя в 3102 говорит о том, что рынок для традиционного банковского обслуживания в регионе близок к насыщению. Филиал израсходовал потенциал роста КК и перешло к фазе удержания имеющихся позиций и плавному увеличению базы.

Динамика показывает, что за весь исследуемый период наблюдается чистый прирост в 135 клиентов (+0,58%). Однако, этот незначительный общий рост скрывает возможную изменчивость внутри периода, что в дальнейшем может привести к снижению экстенсивного развития территориального филиала коммерческого банка.

В рамках исследования банковской деятельности был проведён контент-анализ должностных инструкций сотрудников территориального филиала коммерческого банка. Это позволило выявить и систематизировать прямые взаимосвязи между подразделениями, которые непосредственно задействованы в процессах привлечения и удержания КК (рис. 4).



Источник: составлено авторами

Рис. 4. Схема взаимосвязи между структурными подразделениями территориального филиала коммерческого банка непосредственно участвующих в системе удержания и привлечения корпоративных клиентов

На приведённой схеме видно, что ключевую роль в работе с КК играют следующие подразделения:

– управление прямых продаж специализируется на реализации зарплатных и социальных проектов для бизнеса;

– управление безналичных решений занимается внедрением торгового эквайринга и организацией различных видов платежей;

– управление сопровождения ипотечных операций сфокусировано на ипотечных программах для КК и активном сотрудничестве с застройщиками.

Кроме того, все подразделения розничного блока тесно взаимодействуют с сотрудниками блока «Корпоративный бизнес и CIB», что обеспечивает синергию и повышает эффективность работы по привлечению и удержанию клиентов из корпоративного сегмента.

С учетом общей характеристики и результатов деятельности территориального филиала коммерческого банка был выполнен анализ основных факторов, влияющих на совершенствования системы удержания и привлечения КК коммерческого банка. Для оценки степени их влияния использовалась технология SWOT-анализа, представленная в исследованиях А.С. Шпака и др. [18–20], М.В. Илюхиной и др. [8]. Актуальные исследования по SWOT-анализу не требуют использование всеми признанной классической методологии оценки факторов. Современные стратегии развития на основе результатов SWOT-анализа формируются без явной оценки факторов.

К проведению *SWOT*-анализа в качестве экспертов привлекались специалисты территориального филиала коммерческого банка, непосредственно участвующие в обслуживании КК, поскольку они обладают необходимой информацией о текущем положении объекта управления, его слабых и сильных сторонах, угрозах и возможностях. Данные об экспертах представлены в табл. 3.

Таблица 3

Данные об экспертах, принявших участие в *SWOT*-анализе

Данные	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5
Должность	Начальник управления	Начальник отдела	Начальник отдела	Менеджер	Специалист
Возраст	48	34	31	25	28
Пол	Мужской	Женский	Женский	Мужской	Женский

Источник: составлено авторами.

Исходя из табл. 3, можно увидеть, что эксперты – женского и мужского пола (3 из 2 экспертов). Возрастной диапазон респондентов – от 25 до 48 лет. Поиск респондентов осуществлялся на основании деловых и личных знакомств с сотрудниками территориального филиала коммерческого банка. Опрос проходил в онлайн режиме посредством использования видеозвонков Max, через общение по электронной почте и в личной встрече.

Всем экспертам были представлены бланки для заполнения результатов их мнения (суждения) по этапам *SWOT*-анализа.

На первом этапе эксперты сформулировали факторы внешней и внутренней среды, с разбивкой по сторонам SWOT-анализа, влияющие на деятельность территориального филиала на региональном банковском рынке. Далее авторами были отобраны по пять факторов сильных стороны (S), слабых стороны (W), возможностей (O) и угроз (T), влияющие на территориальный филиал и наиболее часто встречающихся у экспертов.

На втором этапе для определения ранга фактора, авторами на основании мнений экспертов, была разработана шкала качественной и количественной оценки фактора в условных единицах – в баллах по пятибалльной шкале значений критериев. За оценки взяты 7 критериев, влияющие на территориальный филиал, и наиболее часто встречающиеся у экспертов.

На третьем этапе на основе отобранных факторов внешней и внутренней среды, с разбивкой по сторонам SWOT-анализ, шкалы оценки для определения ранга факторов и оценок в баллах на основе мнений экспертов определяем сумму баллов каждого фактора. Далее для каждой группы факторов S, W, O и T, в зависимости от набранной суммы баллов, был определён ранг фактора.

На четвертом этапе для поиска и анализа сигналов о проблемах в системе удержания и привлечения КК в территориальном филиале коммерческого банка, с целью оптимизации, в матрицу были взяты с каждой стороны по три фактора, которые имеют наибольший ранга (табл. 4).

Обсуждение полученных результатов.

На основе полученных данных SWOT-анализа территориального филиала коммерческого банка можно сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Принадлежность территориального филиала к ресурсной и технологической базе головного офиса банка в части единых банковских процессов, позволяет считать главным конкурентным преимуществом перед другими региональными банками (S1, S2, S3).

Таблица 4

Матрица SWOT-анализа территориального филиала коммерческого банка

1. Сильные стороны	Сумма баллов	Ранг фактора	2. Слабые стороны	Сумма баллов	Ранг фактора
S1. Развитость цифровых кредитных процессов, позволяющих сократить срок рассмотрения кредитных заявок	25	1	W1. Выдача средств по кредитам юрлиц проводятся в ручном режиме и возможна лишь с 9:00 до 17:40 по м. в.	20	1
S2. Принадлежность филиала к ресурсам коммерческого банка в части единых процессов, методологии, источников фондирования	21	2	W2. Длительное нахождение стандартных кредитных заявок в ожидании рассмотрения из-за большого количества заявок и загруженности штата специалистов	19	2

Окончание таблицы 4

S3. Высокое технологическое сопровождение банковских процессов на базе портала коммерческого банка	20	3	W3. Длительное время ожидания посетителей в офисах из-за постоянного большого потока посетителей	15	3
3. Благоприятные возможности	Сумма баллов	Ранг фактора	4. Возможные угрозы	Сумма баллов	Ранг фактора
O1. Рост бизнеса и прибыли корпоративных клиентов, построение долгосрочных и стабильных отношений с банком, рост числа заявок на оборотное финансирование	22	1	T1. Строгий комплаенс-контроль в рамках 115-ФЗ приводит к частым запросам документов со стороны банка	20	1
O2. Развитие ИИ и моделей машинного обучения и совершенствование на их основе моделей оценки кредитного риска	16	2	T2. Рост ключевой ставки Банка России, потребность частого пересмотра бизнес-моделей банка, рост процентных рисков	16	2
O3. Возможность подготовки квалифицированных кадров на базе совместной университетской кафедры банковского дела и банка	14	3	T3. Рост числа мошеннических звонков и атак на клиентов, мошенники представляются сотрудниками банка	15	3

Источник: разработано авторами.

Сбои в работе приложений онлайн, задержки с СМС-кодами и сложности с безналичной оплатой являются самой слабой стороной в деятельности филиала (W1). Это усугубляется длительными процедурами рассмотрения обращений клиентов (W3). Так появляется противоречие между наличием технологического потенциала (S1, S3) и проблем в работе с клиентами (W1, W3).

Рост бизнеса и прибыли КК, построение долгосрочных и стабильных отношений с коммерческим банком, рост числа заявок на оборотное финансирование является самой благоприятной возможностью (O1). Территориальный филиал должен выступать для своих КК не только кредитором, но и помощником в сложных условиях ведения бизнеса и возникающих финансовых рисках, максимально используя для этого технологические возможности IT-портала банка.

Подводя итоги исследования, связанного с поиском и анализом сигналов о проблемах в системе удержания и привлечения КК, а также результатами SWOT-анализа, можно выделить следующие сигналы о наличии проблем (табл. 5).

Анализируя характер выявленных проблем, авторами был установлен операционный разрыв между цифровым каналом, как ключевым фактором конкурентоспособности на рынке B2B-услуг, и физическим каналом, выполняющем функции персонального консультирования и поддержки КК. При таком разрыве успех одной подсистемы нередко создает проблемы для другой. Основным источником разногласий в системе удержания и привлечения КК является разногласие между подсистемами привлечения и удержания клиентов. Разногласие заключается в несоответствии их показателей эффективности (KPI) и операционных целей, что приводит к созданию двух обособленных систем вместо единого клиентского пути.

Взаимосвязь между подсистемами привлечения и удержания КК находится в состоянии ограниченной автономии, представляя собой два самостоятельных функциональных блока, объединенных лишь через общие процессы, например, открытие счета. У данных подсистем разные цели мотивации, поэтому отсутствует общая технологическая платформа для управления полным жизненным циклом КК. Такая модель порождает операционные сбои, фрагментирует клиентский путь и ведет к снижению лояльности КК.

На основе результатов проведённого исследования и перечня выявленных сигналов сформулируем ключевую проблему и сделаем её декомпозицию (рис. 5).

Таблица 5

Сигналы о наличии проблем, связанных с системой удержания и привлечения КК в территориальном филиале коммерческого банка

Проблема	Сигнал (артефакт)
Сбои в работе приложений онлайн, задержки с СМС-кодами и сложности с безналичной оплатой	Снижение доверие к цифровым каналам, что может привести к оттоку клиентов, чувствительных к стабильности онлайн-сервисов
Снижение корпоративного кредитного портфеля из-за высокой ключевой ставки и низкого спроса на кредиты по рыночным ставкам, потребность частого пересмотра бизнес-моделей банка, рост процентных рисков	Это ограничивает возможности привлечения новых клиентов через кредитование. Снижение инвестиционной активности предприятий. Навязывание дополнительных услуг и продуктов
Длительное нахождение стандартных кредитных заявок в ожидании рассмотрения из-за большого количества заявок и загруженности штата кредитных специалистов	Невозможность принимать оперативные решения в филиалах из-за несовершенной организационной структуры. Слабая связь между подразделениями
Длительное время ожидания посетителей в офисах из-за постоянного большого потока посетителей	Текучесть кадров. Социальная нагрузка по неэффективным территориям. Сокращение рентабельности банковских операций
Строгий комплаенс-контроль в рамках 115-ФЗ приводит к частым запросам документов со стороны банка, ограничениям дистанционного банковского обслуживания при малейших подозрениях в сомнительных схемах	Высокая стоимость комиссий. Повышенное внимание к деятельности со стороны общественности и регулятора. Нестабильность хозяйственного, налогового и др. законодательств в России
Рост числа мошеннических звонков и атак на клиентов, мошенники представляются сотрудниками банка, снижение доверия населения к бренду. Необходимость постоянного обновления систем безопасности требует значительных инвестиций	Утечки данных клиентов, риски кибербезопасности, хакерские атаки. Потеря клиентов из-за ухудшения сервисного обслуживания или имиджа банка. Технологические сбои могут затрагивать не только приложения, но и банкоматы или терминалы оплаты
Отсутствие специализированного направления для привлечения новых клиентов и поддержание отношений с существующими клиентами с целью повышения объема продаж и увеличения прибыли	Низкие проценты по вкладам. Неэффективная ценовая политика и недостаточная работа с потребностями клиента. Отсутствие отдельных банковских продуктов, ориентированных на формирование потребности у КК

Источник: составлено авторами.

Заключение.

И так, ключевая проблема в системе удержания и привлечения КК в территориальном филиале коммерческого банка – это операционный разрыв и отсутствие бесшовной интеграции между цифровыми сервисами и физической инфраструктурой банка (прямой контакт с сотрудниками банка, операционное обслуживание, персональное консультирование и поддержка), что приводит к фрагментации единого клиентского пути КК. Данная ключевая проблема порождает ключевые подпроблемы в системе удержания и привлечения КК.

Источник: составлено авторами
Рис. 5. Ключевая проблема и её декомпозиция

Для устранения операционного разрыва и построения бесшовного клиентского пути требуется комплексный подход, включающий технологические, организационные и корпоративные изменения.

В качестве практического решения ключевой проблемы предлагаем для территориального филиала коммерческого банка реализовать концепцию «Трансформации клиентского пути: переход к бесшовной омниканальной модели». Её суть заключается в переходе от системы «многоканального банка» к системе «банка-экосистемы».

Список литературы

1. Ашба А.М. Тенденции развития кредитования корпоративных клиентов российскими коммерческими банками / А.М. Ашба // Инновации и инвестиции. – 2016. – №11. – С. 34–38. – EDN BVNUSN.

2. Борисов А.Б. Большой экономический словарь /А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.

3. Взаимосвязь банковских продуктов, реализуемых корпоративным клиентам, с банковскими услугами и операциями // Образовательный портал «Справочник». – URL: https://spravochnick.ru/bankovskoe_delo (дата обращения: 23.06.2026).

4. Волков, И.Ю. Продвижение банковских услуг для корпоративных клиентов / И.Ю. Волков // Сборник научных статей аспирантов Московской международной академии: сборник статей. – М.: Московская международная академия, 2024. – С. 174–177. – EDN BTPVRD.

5. Воробьева И.Г. Современные подходы к понятию «корпоративные клиенты коммерческих банков» / И.Г. Воробьева, В.Е. Давыдов // Рыночная экономика и финансово-кредитные отношения: ученые записки. – Ростов н/Д.: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2024. – С. 201–206. – EDN TSKDZZ.

6. Давыденко Е.А. Возможности использования бренда работодателя для привлечения клиентов / Е.А. Давыденко, М.М. Каншаев // Бренд-менеджмент. – 2023. – №3. – С. 222–230. DOI 10.36627/2618-8902-2023-3-3-222-230. EDN LWXXGH.

7. Зуб А.Т. Управление проектами: учебник и практикум для академич. бакалавриата / А.Т. Зуб. – М.: Юрайт, 2019. – 422 с.

8. Илюхина М.В. Привлечение клиентов малого бизнеса на обслуживание в ПАО Сбербанк: открытие расчетного счета / М.В. Илюхина, А.А. Нагина, О.Н. Чернышова // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: материалы XI Международной научно-практической конференции (Тамбов, 18 мая 2022 года). – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. – С. 228–242. – EDN WWQPDX.

9. Корпоративные клиенты: кто это и как с ними работать // Бизнес-журнал Тарасова Константина. – URL: https://journal.tarasovkn.ru/korporativnye-klienty-kto-eto-i-kak-s-nimi-rabotat/ (дата обращения: 23.06.2026).

10. Костикова, В.И. Теоретические основы и технологии комплексного обслуживания корпоративных клиентов в коммерческом банке / В.И. Костикова // Транспортное дело России. – 2016. – №2. – С. 62–63. – EDN VZZQRF.

11. О банках и банковской деятельности: ФЗ от 02.12.1990 №395-1 (ред. от 14.07.2022 №331-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/7534595396 (дата обращения: 23.06.2026).

12. Сараев А.А. Сравнительный анализ особенностей и инструментов маркетинговой деятельности в B2B и B2C сегментах / А.А. Сараев // Экономика и предпринимательство. – 2024. – №8 (169). – С. 812–814. – DOI 10.34925/EIP.2024.169.8.153. – EDN EFBGFW.

13. Старикова Е.Т. Стратегия обслуживания корпоративных клиентов в «Кошелев-банк» / Т.Е. Старикова, А.В. Кузнецов, И.Е. Сирота // Вестник Международного института рынка. – 2018. №2. – С. 49–55. – EDN: VLJPMG.

14. Файзиев И.И. Подходы к привлечению и удержанию клиентов в B2B-сегменте / И.И. Файзиев // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 206–209. – EDN CBAGST.

15. Филиппова Б.А. Определение термина «корпоративный клиент коммерческого банка» / Б.А. Филиппова // Путь в науку. Экономические науки 2023, (46). – С. 120–122. – URL: https://journals.psu.by/specialists_economics_sciences/article/view/5151 (дата обращения: 23.06.2026).

16. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. проф. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 1165 с.

17. Чжу К. основные тематические направления корпоративной прессы ПАО Сбербанк / К. Чжу, Д.А. Барковский // Идеи и новации. – 2022. – Т. 10, №3. – DOI 10.48023/2411-7943_2022_10_3_95. – EDN UESDMN

18. Шпак А. С. Деятельность органов государственной власти по развитию агропромышленного комплекса как составной части региональной инновационной системы Приморского края / А.С. Шпак, В.А. Лобко // Приоритеты социально-гуманитарных наук в условиях глобализации: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (Белгород, 28.02.2023 года) / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: АПНИ, 2023. – С. 34–43. – EDN YGEPHT.

19. Шпак А.С. Оценка факторов, влияющих на экономику Приморского края, с использованием технологии SWOT-анализа / А.С. Шпак // Известия Дальневосточного федерального университета: экономика и управление. – 2014. – №4 (72). – С. 37–57. – EDN TZVOSH

20. Шпак А.С. Применение методики SWOT-анализа для оценки факторов, влияющих на систему социальной поддержки населения в Приморском крае / А.С. Шпак, А.А. Данилов, Л.Н. Никифорова // В мире научных открытий. – 2015. – №3–5. – С. 2382–2417. – EDN RQMALF

Щербинина Дарья Олеговна
студентка
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ И УСТОЙЧИВЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА

Аннотация: *в работе рассматриваются концепции устойчивого и социально ответственного маркетинга как современных бизнес-стратегий. Устойчивый маркетинг определен как подход, ориентированный на производство экологически чистых продуктов, использование перерабатываемой упаковки и внедрение «зеленых» технологий на всех этапах жизненного цикла товара. Социально ответственный маркетинг проанализирован как инструмент продвижения, учитывающий социальные и этические вопросы, основанный на прозрачности и стремлении к позитивному влиянию на общество. Выявлены общие преимущества данных стратегий (улучшение имиджа, рост лояльности потребителей) и их ключевые недостатки: высокие затраты на внедрение, сложность оценки эффективности, а также риск «зеленого камуфляжа» и конкуренция за внимание аудитории. На основе примеров компаний ПАО «Сбербанк» и ООО «Сплат Глобал» сделан вывод о том, что, несмотря на ограничения в реализации, обе модели выступают как социально значимые, обеспечивая баланс между коммерческими целями и интересами общества и природы.*

Ключевые слова: *устойчивый маркетинг, социально ответственный маркетинг, экологическое потребление, «зеленые» инициативы, социальная ответственность бизнеса, этика, прозрачность, репутация компании, утилизация, перерабатываемая упаковка.*

Проблемы экологии и заботы о потребителе все чаще затрагиваются у производителей как одни из самых важных проблем в производстве, ведь важно не только выносить максимальную выгоду, но и думать о последствиях.

Устойчивый маркетинг – это стратегия, направленная на производство чистых продуктов, актуализируя экологическое потребление и утилизацию без вреда для природы. Выпуск товара в утилизируемых упаковок, а также перерабатываемой тары и есть пример устойчивого маркетинга, продукция компании ООО «Сплат Глобал» – биоразлагаема на 80%, ведь в составе упаковки нет вредных веществ для человека и окружающей среды. Также во внимание берётся схема «качественный товар = долговечный».

Целью устойчивого маркетинга является не только сохранение окружающей среды, но и привлечение потребителей путём использования привлекательного дизайна, инновационных технологий и актуализации товара для аудитории через рекламу к стремлению к экологически чистому миру. Применение и использование устойчивого маркетинга создаёт бизнесу репутацию компании, которая привлекает партнёров и потребителей, который поддерживают «зелёные» инициативы. За счёт устойчивого маркетинга бизнес охватывает новые аудитории, продаёт им товар, тем самым увеличивая прибыль.

В 1992 году концепция устойчивого развития получила статус глобальной программы на историческом саммите ООН в Рио-де-Жанейро, где была принята декларация по окружающей среде.

Первые упоминания термина устойчивого маркетинга появились в 1995 году в работах Д. Шета и А. Парватияра, в их понимании термин включал в себя такие факторы как экологический порядок, экономическое развитие с помощью применения инновационных технологий и новых производств. В настоящее время устойчивый маркетинг направлен не только на защиту экологии, но и на тесную взаимосвязь с обществом [2].

В 2015 году ООН утвердила 17 глобальных целей устойчивого развития, направленных на ликвидацию нищеты, борьбу с неравенством и защиту планеты до 2030 года. Таким образом, экологизация деятельности стала ключевым фактором экономического развития и фундаментально изменила принципы взаимоотношений в системе «продавец – потребитель».

Помимо плюсов в применении устойчивого маркетинга, к которому относится забота о будущем планеты и сохранении природы, существует и ряд недостатков:

– регулярное внесение изменений в нормативные акты, которые в последствии препятствуют лёгкому внедрению новых методов устойчивого маркетинга;

– высокие затраты на реализацию, которые представляют собой крупные траты на внедрение и применение в бизнесе новых, современных технологий;

– отсутствие чёткого плана действий в ведении бизнеса и сложность в оценке эффективности работы.

Социально ответственный маркетинг – это подход к продвижению, который учитывает социальные и экологические вопросы в деятельности компании и в работе с потребителями. Основной целью данного подхода является понимание своей социальной ответственности и чистых и сознательных действиях.

Ключевые принципы социально ответственного маркетинга – это прозрачность, этика, стремление к долгосрочному развитию, позитивное влияние и активное взаимодействие с клиентами и потребителями.

Примером компании, действующей по методике социально ответственного маркетинга, можно назвать компанию ПАО «Сбербанк». На сайте банка ПАО «Сбербанк» есть раздел «Наш вклад в общество», где приведены образовательные проекты, социальные проекты по строительству школ и переработке мусора, а также благотворительные акции.

Преимуществами применения социально ответственного маркетинга являются:

– улучшение имиджа компании: такие компании, которые активно участвуют в социальных инициативах, воспринимаются как более ответственные и надёжные в план доверия покупателей.

– привлечение покупателей: потребители чаще выбирают бренды, которые поддерживают социальные и экологические инициативы.

– повышение доверия: социально ответственные практики способствуют повышению лояльности покупателей.

В качестве основных проблем в запуске социально ответственного маркетинга, которые можно выделить в системе:

– не все компании понимают значимость социально ответственного маркетинга и его влияние на бизнес, что может привести к недостаточной реализации социальных инициатив;

– некоторые компании могут использовать социально ответственный маркетинг как маркетинговый трюк, не имея реальных социальных инициатив;

– высокая конкуренция среди компаний, занимающихся социально ответственным маркетингом, приводит к тому, что становится сложнее и проблематичнее выделиться на фоне других компаний и заполучить внимание клиентов и потребителей [1].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что социально ответственный и устойчивый маркетинг имеет множество преимуществ, но при этом выделяется ограниченность в реализации. Данные модели выступают как социально значимые для общества, ведь одна из них борется за поддержание экологичности, а другая за честность и прозрачность в ведении бизнеса.

Список литературы

1. Машкина В.К. Социально ответственный маркетинг / В.К. Машкина, Н.А. Криковцева // Маркетинг в 3-м тысячелетии: материалы Междунар. науч.-практич. интернет-конф. преподавателей, аспирантов, студентов (Донецк, 25 апр. 2025 г.). – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 97–99. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82563108_67867410.pdf (дата обращения: 16.06.2026).

2. Свистунов Д. Устойчивый маркетинг: понятие, решение, принципы, этапы реализации / Д. Свистунов // Сайт компании «Генератор продаж». – URL: https://sales-generator.ru/blog/ustojchivyj-marketing/?ysclid=mqhty983h3583421758 (дата обращения: 16.06.2026).

3. Свистунов Д. Устойчивый маркетинг: понятие, принципы, этапы реализации / Д. Свистунов // Официальный сайт ПАО «Сбербанк». – URL: https://sales-generator.ru/blog/ustojchivyj-marketing/?ysclid=mqhty983h3583421758 (дата обращения: 16.06.2026).

Юшин Всеволод Сергеевич
студент
ФГБОУ ВО «МИРЭА –
Российский технологический университет»
г. Москва
Научный руководитель
Ермаков Дмитрий Николаевич
почётный работник высшего профессионального образования РФ,
почётный работник науки и техники РФ,
д-р экон. наук, д-р полит. наук, канд. ист. наук, академик
Российской академии естественных наук (РАЕН), профессор, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Москва

ВНЕДРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА (НА ПРИМЕРЕ ООО «КОМПАНИЯ СПЭЙСИ»)

Аннотация: в статье исследуются особенности формирования системы мотивации персонала на предприятии текстильной отрасли. Рассматриваются современные подходы к стимулированию работников, сочетающие материальные и нематериальные методы воздействия. На примере ООО «Компания Спэйси» проведен анализ существующей системы управления персоналом, выявлены ее слабые стороны и предложены направления совершенствования. Сделан вывод о том, что внедрение гибкой системы мотивации позволяет повысить производительность труда, сократить текучесть кадров и укрепить конкурентоспособность организации.

Ключевые слова: мотивация персонала, стимулирование труда, управление персоналом, KPI, производительность труда, нематериальная мотивация, текстильная отрасль, корпоративная культура.

Автор выражает искреннюю благодарность Ермакову Дмитрию Николаевичу – профессору кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти Института технологий управления МИРЭА – Российский технологический университет, профессору кафедры туризма Московский государственный университет спорта и туризма, доктору экономических наук, доктору политических наук, кандидату исторических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации – за научное руководство, профессиональную поддержку, ценные рекомендации и помощь в подготовке исследования.

Введение.

Вопрос повышения эффективности труда персонала в последние годы приобретает особую значимость для российских предприятий. Экономическая нестабильность, дефицит квалифицированных кадров и высокая конкуренция вынуждают организации уделять повышенное внимание вопросам управления человеческими ресурсами.

Для компаний, работающих в сфере текстильного производства и интерьерного дизайна, профессионализм сотрудников является одним из главных факторов успешной деятельности. Качество готовой продукции, соблюдение сроков изготовления заказов и уровень обслуживания клиентов напрямую связаны с вовлеченностью работников в производственный процесс.

На многих предприятиях система стимулирования сотрудников основывается преимущественно на фиксированной заработной плате. Однако подобный подход не всегда обеспечивает высокий уровень заинтересованности работников в результатах труда. В современных условиях организациям требуется внедрение комплексных механизмов мотивации,

ориентированных не только на финансовое поощрение, но и на развитие корпоративной культуры, профессионального роста и внутренней вовлеченности сотрудников.

1. Теоретические основы мотивации персонала.

Под мотивацией персонала принято понимать совокупность факторов и управленческих инструментов, направленных на побуждение сотрудников к достижению целей организации. Эффективная система стимулирования должна учитывать интересы работников и одновременно обеспечивать реализацию стратегических задач предприятия.

В современной практике управления персоналом выделяют материальные и нематериальные методы мотивации. К материальным относятся заработная плата, премии, бонусы и компенсации. Нематериальное стимулирование включает признание достижений, возможность карьерного роста, обучение, участие в принятии решений и создание благоприятной рабочей атмосферы.

Среди наиболее известных теорий мотивации особое место занимает теория потребностей А. Маслоу. Согласно данной концепции, человек стремится удовлетворять потребности постепенно – от базовых физиологических до потребностей самореализации. Следовательно, система стимулирования должна учитывать различные уровни потребностей работников.

Ф. Герцберг в своей двухфакторной теории разделял факторы мотивации на гигиенические и мотивирующие. Наличие достойных условий труда предотвращает неудовлетворенность сотрудников, однако само по себе не формирует заинтересованность в работе. Для повышения эффективности труда необходимы дополнительные мотивирующие факторы: признание заслуг, профессиональный рост и расширение ответственности.

2. Анализ системы мотивации ООО «Компания Спэйси».

ООО «Компания Спэйси» осуществляет деятельность в сфере производства солнцезащитных систем, карнизов, текстильных изделий и интерьерных решений. Компания располагает собственным производственным цехом и выполняет индивидуальные проекты для частных и корпоративных клиентов.

В организации трудятся производственные сотрудники, дизайнеры, специалисты по работе с клиентами и административный персонал. Особенностью деятельности предприятия является высокая зависимость качества конечного продукта от квалификации работников и эффективности взаимодействия между подразделениями.

Проведенный анализ показал, что действующая система мотивации ориентирована преимущественно на материальное стимулирование. Основным инструментом поощрения сотрудников является заработная плата и периодические премиальные выплаты. Вместе с тем отсутствуют четкие показатели оценки эффективности труда, а нематериальные способы мотивации используются недостаточно активно.

Среди ключевых проблем можно выделить слабую связь между результатами работы и системой премирования, отсутствие механизмов профессионального развития персонала и недостаточную вовлеченность сотрудников в процессы развития организации. Это может негативно отражаться на производительности труда и качестве обслуживания клиентов.

Таблица 1

Основные проблемы системы мотивации

Проблема	Возможные последствия
Отсутствие KPI	Снижение эффективности работы
Слабая нематериальная мотивация	Падение вовлеченности персонала
Недостаток обучения	Снижение качества работы
Непрозрачность премирования	Недовольство сотрудников

3. Предложения по совершенствованию системы мотивации.

Для повышения эффективности деятельности ООО «Компания Спэйси» целесообразно внедрить комплексную систему мотивации персонала, сочетающую финансовые и нематериальные методы стимулирования.

Одним из приоритетных направлений является внедрение KPI – ключевых показателей эффективности. Использование KPI позволит объективно оценивать результаты работы сотрудников и сделать систему премирования более прозрачной.

Для производственного персонала рекомендуется использовать показатели, связанные с соблюдением сроков изготовления заказов, количеством производственного брака и качеством выполненных работ. Для менеджеров и дизайнеров целесообразно учитывать объем продаж, количество повторных заказов и уровень удовлетворенности клиентов.

Особое внимание необходимо уделить развитию нематериальной мотивации. Предприятию рекомендуется организовать внутренние программы обучения, систему наставничества, корпоративные мероприятия и регулярную обратную связь между руководством и сотрудниками.

Дополнительным инструментом повышения вовлеченности персонала может стать развитие корпоративной культуры, ориентированной на командную работу, профессиональный рост и признание достижений сотрудников.

4. Оценка эффективности предлагаемых мероприятий.

Внедрение обновленной системы мотивации позволит повысить заинтересованность сотрудников в результатах труда и улучшить показатели деятельности предприятия.

Ожидается рост производительности труда, снижение текучести кадров, уменьшение количества производственных ошибок и повышение уровня удовлетворенности клиентов. Кроме того, повышение вовлеченности сотрудников будет способствовать укреплению конкурентных позиций предприятия на рынке текстильной продукции и интерьерного дизайна.

Комплексный подход к управлению персоналом способен обеспечить более устойчивое развитие организации и повысить эффективность использования человеческих ресурсов.

Заключение.

В ходе исследования были изучены современные подходы к мотивации персонала и проведен анализ системы стимулирования сотрудников ООО «Компания Спэйси».

Установлено, что существующая система мотивации нуждается в совершенствовании, поскольку недостаточно учитывает специфику деятельности предприятия и не обеспечивает высокий уровень вовлеченности персонала.

Предложенные мероприятия, включающие внедрение KPI, развитие нематериальной мотивации и совершенствование корпоративной культуры, позволят повысить эффективность работы сотрудников и улучшить финансово-экономические показатели организации.

Список литературы

1. Веснин В.Р. Управление персоналом. Теория и практика / В.Р. Веснин. – М.: Проспект, 2022. – 688 с.

2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации / А.Я. Кибанов. – М.: Инфра-М, 2023. – 695 с.

3. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2020. – 400 с.

4. Одегов Ю.Г. Управление персоналом / Ю.Г. Одегов. – М.: Юрайт, 2022. – 467 с.

5. Armstrong M. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice / M. Armstrong. – London: Kogan Page, 2021. – 824 p.

Юшин Всеволод Сергеевич
студент
ФГБОУ ВО «МИРЭА –
Российский технологический университет»
г. Москва
Научный руководитель
Ермаков Дмитрий Николаевич
почётный работник высшего профессионального образования РФ,
почётный работник науки и техники РФ,
д-р экон. наук, д-р полит. наук, канд. ист. наук,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН),
профессор, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Москва

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ПРИМЕРЕ ООО «КОМПАНИЯ СПЭЙСИ»

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы совершенствования системы мотивации персонала на современном предприятии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности деятельности организаций в условиях высокой конкуренции и кадрового дефицита. На примере ООО «Компания Спэйси» проанализированы особенности действующей системы стимулирования сотрудников, выявлены основные проблемы в области управления персоналом и предложены направления ее совершенствования. Особое внимание уделено внедрению системы KPI, развитию нематериальной мотивации, совершенствованию премирования и укреплению корпоративной культуры. Сделан вывод о том, что комплексный подход к мотивации персонала способствует повышению производительности труда, улучшению качества продукции и укреплению конкурентоспособности предприятия.*

Ключевые слова: *мотивация персонала, стимулирование труда, управление персоналом, KPI, производительность труда, корпоративная культура, нематериальная мотивация, эффективность предприятия.*

Введение.

В современных экономических условиях человеческий капитал является одним из ключевых факторов устойчивого развития организации. Эффективность деятельности предприятия зависит не только от финансовых и производственных ресурсов, но и от качества управления персоналом, уровня вовлеченности сотрудников и их заинтересованности в результатах труда.

Особую значимость система мотивации приобретает для предприятий производственной сферы. В таких организациях качество продукции, соблюдение сроков выполнения заказов и уровень клиентского сервиса напрямую зависят от профессионализма и ответственности работников. Недостаточная мотивация персонала может привести к снижению производительности труда, увеличению количества ошибок и росту текучести кадров.

ООО «Компания Спэйси» осуществляет деятельность в сфере производства текстильной продукции и интерьерных решений. Специфика работы предприятия требует высокого уровня качества продукции, эффективного взаимодействия сотрудников и ориентации на потребности клиентов. В связи с этим совершенствование системы мотивации персонала является важным условием повышения эффективности деятельности организации.

Цель исследования заключается в разработке направлений совершенствования системы мотивации персонала ООО «Компания Спэйси».

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

– рассмотреть теоретические основы мотивации персонала;

– проанализировать действующую систему стимулирования сотрудников;

– выявить основные проблемы мотивации персонала;

– предложить мероприятия по совершенствованию системы мотивации.

Объектом исследования является ООО «Компания Спэйси».

Предметом исследования выступает система мотивации и стимулирования персонала предприятия.

Теоретические аспекты мотивации персонала.

Мотивация персонала представляет собой процесс побуждения сотрудников к эффективному выполнению трудовых обязанностей и достижению целей организации. Основной задачей системы мотивации является формирование заинтересованности работников в результатах труда и повышении эффективности деятельности предприятия.

В современной практике управления персоналом выделяют материальные и нематериальные методы стимулирования. Материальная мотивация включает заработную плату, премии, бонусы и различные компенсационные выплаты. Нематериальная мотивация связана с признанием достижений сотрудников, карьерным ростом, профессиональным развитием, корпоративной культурой и созданием благоприятного психологического климата в коллективе.

Согласно теории А. Маслоу, потребности человека формируются поэтапно – от базовых физиологических потребностей до потребностей в самореализации [4, с. 63]. Это означает, что сотрудники мотивируются не только уровнем заработной платы, но и возможностью профессионального развития, признанием и стабильностью.

Ф. Герцберг выделял гигиенические и мотивирующие факторы. К гигиеническим факторам относятся условия труда, заработная плата и отношения в коллективе. Их отсутствие вызывает неудовлетворенность сотрудников. Мотивирующие факторы связаны с достижениями, признанием и ответственностью [2, с. 117].

Для современных организаций наиболее эффективным является комплексный подход к мотивации персонала, при котором материальное стимулирование сочетается с нематериальными инструментами воздействия.

Таблица 1

Основные виды мотивации персонала

Вид мотивации	Содержание	Результат
Материальная	Заработная плата, премии, бонусы	Повышение заинтересованности в результате
Нематериальная	Признание, обучение, карьерный рост	Повышение вовлеченности
Социальная	Корпоративная культура, поддержка коллектива	Улучшение психологического климата
Профессиональная	Развитие компетенций	Повышение качества работы

Таким образом, эффективная система мотивации должна учитывать как финансовые интересы сотрудников, так и их профессиональные и социальные потребности.

Анализ системы мотивации персонала ООО «Компания Спэйси».

ООО «Компания Спэйси» осуществляет деятельность в сфере производства текстильной продукции и интерьерных решений. Основными направлениями работы предприятия являются изготовление солнцезащитных систем, штор, карнизов и жалюзи. Компания работает как с частными, так и с корпоративными клиентами, что требует высокого уровня клиентского сервиса и качества продукции.

В структуру персонала организации входят производственные сотрудники, дизайнеры, специалисты по работе с клиентами, монтажные специалисты и административный

персонал. Каждая категория работников выполняет различные функции, поэтому система мотивации должна учитывать специфику их деятельности.

Проведенный анализ показал, что в организации преимущественно используются материальные методы стимулирования. Основными инструментами являются фиксированная заработная плата и премиальные выплаты. Однако действующая система мотивации не в полной мере ориентирована на повышение вовлеченности персонала и достижение стратегических целей предприятия.

Одной из основных проблем является отсутствие прозрачной системы оценки эффективности труда сотрудников. Работники не всегда понимают, какие показатели влияют на размер премирования и каким образом оцениваются результаты их деятельности. Это снижает стимулирующую функцию премий и может вызывать недовольство внутри коллектива.

Кроме того, в организации недостаточно развиты механизмы нематериальной мотивации. На предприятии отсутствует системный подход к признанию достижений сотрудников, развитию корпоративной культуры и профессиональному обучению персонала. В результате снижается уровень вовлеченности работников и их заинтересованность в развитии компании.

Таблица 2

Основные проблемы системы мотивации ООО «Компания Спэйси»

Проблема	Возможные последствия
Отсутствие KPI	Снижение производительности труда
Непрозрачность премирования	Недовольство сотрудников
Недостаточное развитие нематериальной мотивации	Снижение вовлеченности
Недостаток обучения персонала	Снижение качества работы
Слабая система обратной связи	Повторение ошибок

Недостаточная мотивация сотрудников может привести к ухудшению качества продукции, увеличению количества рекламаций и снижению уровня клиентского сервиса. Для производственного предприятия подобные проблемы способны негативно повлиять на финансовые показатели и деловую репутацию организации.

В то же время эффективная система стимулирования позволяет повысить производительность труда, укрепить корпоративную культуру, улучшить взаимодействие между подразделениями и повысить удовлетворенность клиентов.

Направления совершенствования системы мотивации персонала.

Для повышения эффективности деятельности ООО «Компания Спэйси» необходимо совершенствовать существующую систему мотивации персонала. Одним из ключевых направлений является внедрение системы KPI – ключевых показателей эффективности.

Использование KPI позволит установить прозрачную связь между результатами труда сотрудника и размером его вознаграждения. Для производственного персонала могут использоваться показатели выполнения производственного плана, отсутствия брака и соблюдения сроков изготовления заказов. Для менеджеров по работе с клиентами – объем продаж, количество повторных обращений и уровень удовлетворенности клиентов.

Таблица 3

Предлагаемые KPI для сотрудников ООО «Компания Спэйси»

Категория персонала	Показатель KPI
Производственные сотрудники	Выполнение производственного плана
Производственные сотрудники	Количество брака
Менеджеры	Объем продаж
Менеджеры	Повторные обращения клиентов
Монтажные специалисты	Отсутствие рекламаций

Важным направлением является совершенствование системы премирования. Премии должны зависеть не только от общего результата деятельности предприятия, но и от личного вклада сотрудника. Такой подход позволит повысить ответственность работников и стимулировать их к достижению лучших результатов.

Кроме того, предприятию рекомендуется развивать нематериальную мотивацию. Для этого целесообразно внедрить:

– систему признания достижений сотрудников;
– программы обучения и повышения квалификации;
– наставничество;
– корпоративные мероприятия;
– регулярную обратную связь между руководством и персоналом.

Развитие корпоративной культуры также является важным элементом системы мотивации. Формирование благоприятного психологического климата способствует укреплению командного взаимодействия и повышению вовлеченности сотрудников в деятельность организации.

Таблица 4

Предлагаемые мероприятия по совершенствованию мотивации

Мероприятие	Ожидаемый результат
Внедрение KPI	Повышение прозрачности оценки труда
Совершенствование премирования	Рост заинтересованности сотрудников
Обучение персонала	Повышение качества работы
Развитие наставничества	Снижение количества ошибок
Развитие корпоративной культуры	Улучшение взаимодействия в коллективе

Реализация предложенных мероприятий позволит повысить производительность труда, снизить текучесть кадров и улучшить качество продукции и клиентского сервиса.

Заключение.

В ходе исследования были рассмотрены теоретические аспекты мотивации персонала и проведен анализ системы стимулирования сотрудников ООО «Компания Спэйси».

Установлено, что действующая система мотивации предприятия нуждается в совершенствовании. Основными проблемами являются отсутствие прозрачной системы оценки эффективности труда, недостаточное развитие нематериальной мотивации и ограниченное использование современных инструментов управления персоналом.

Для повышения эффективности деятельности организации предложены мероприятия по внедрению системы KPI, совершенствованию премирования, развитию обучения персонала и укреплению корпоративной культуры.

Реализация предложенных мероприятий позволит повысить производительность труда, улучшить качество продукции, снизить текучесть кадров и укрепить конкурентные позиции ООО «Компания Спэйси».

Список литературы

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. – М.: Питер, 2021. – 832 с.
2. Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг. – СПб.: Питер, 2021. – 512 с.
3. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: учебник / А.Я. Кибанов. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 695 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2020. – 400 с.
5. Одегов Ю.Г. Управление персоналом: учебник и практикум / Ю.Г. Одегов. – М.: Юрайт, 2022. – 467 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
7. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала: учеб. пособие / С.А. Шапиро. – М.: Кнорус, 2022. – 288 с.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Боровкова Валерия Анатольевна
канд. экон. наук, доцент, доцент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург
Боровкова Виктория Анатольевна
д-р экон. наук, доцент, доцент
АНО ВО «Международный банковский институт»
г. Санкт-Петербург
Александров Вадим Владиславович
магистрант
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ДОСТУПНОСТИ БАНКОВСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ КОМПАНИЙ: МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ НА ДАННЫХ ВСЕМИРНОГО БАНКА

Аннотация: *в статье исследуется связь между доступностью банковского финансирования и инвестиционной активностью компаний в межстрановом разрезе. Оценивание выполнено методом наименьших квадратов с робастными стандартными ошибками HC3. Наиболее устойчивая связь с инвестиционным банковским финансированием выявлена для доли фирм, использующих банки для финансирования оборотного капитала. Это позволяет заключить, что ключевое значение имеет не столько формальный доступ к кредиту, сколько фактическая включенность компаний в банковские отношения.*

Ключевые слова: *банковское финансирование, инвестиционная активность, компании, межстрановой анализ, Всемирный банк, OLS-регрессия.*

Введение. Доступ к внешним источникам финансирования остается одной из центральных вопросов для каждой компании [2]. Инвестиции в расширение производственных мощностей, обновление оборудования и внедрение технологий требуют устойчивого притока капитала. Для значительной части компаний, особенно в странах с неразвитым фондовым рынком, банковский кредит выступает основным каналом внешнего финансирования [1]. В этой связи анализ связи между банковским финансированием и инвестиционной активностью компаний представляет как теоретический, так и практический интерес.

Проблема выбора источников финансирования традиционно связана с вопросами структуры капитала, финансовых ограничений и инвестиционных решений. Если компания имеет доступ к кредитной линии или уже использует банковское финансирование в текущей деятельности, это потенциально облегчает переход к инвестиционному финансированию. Однако формальное наличие кредита не гарантирует, что фирма реально использует банковский канал для долгосрочных вложений. В связи с этим важно различать доступность банковского финансирования как таковую и его фактическое использование.

Данные Всемирного банка [3; 4] позволяют рассмотреть этот вопрос в межстрановом контексте. В исследовании используются показатели, отражающие долю компаний, применяющих банковское финансирование для инвестиций и оборотного капитала, а также макрофинансовые характеристики стран [5–7]. Такой подход дает возможность оценить, какие именно аспекты финансовой среды в большей степени связаны с инвестиционным поведением фирм.

Цель работы заключается в оценке связи между доступностью банковского финансирования и инвестиционной активностью компаний на основе межстрановых данных Всемирного банка. Для достижения цели решаются следующие задачи: формирование базы данных по выбранным странам; определение набора показателей, характеризующих банковское финансирование компаний и макрофинансовую среду; проведение корреляционного и регрессионного анализа; интерпретация полученных результатов.

Материалы и методы. Эмпирическая база сформирована с использованием открытых данных Всемирного банка. В работе применяются показатели World Bank Enterprise Surveys, отражающие финансовое поведение фирм, и показатели World Development Indicators, характеризующие финансовую и макроэкономическую среду стран. Загрузка данных выполнена через World Bank Indicators API в среде Google Colab. Первоначально был задан список из 35 стран за период 2005–2024 гг. По зависимой переменной получено 110 наблюдений, однако из-за пропусков по отдельным показателям итоговая регрессионная модель построена по последнему доступному межстрановому срезу из 28 стран. Перечень и интерпретация использованных переменных представлены в таблице 1.

Таблица 1

Переменные, использованные в эмпирическом анализе

Переменная	Обозначение	Интерпретация
Firms using banks to finance investment, % of firms	bank_investment	Доля фирм, использующих банки для финансирования инвестиций; зависимая переменная
Firms using banks to finance working capital, % of firms	working_capital (WC)	Доля фирм, использующих банки для финансирования оборотного капитала
Domestic credit to private sector by banks, % of GDP	private_credit (PC)	Объем банковского кредита частному сектору относительно ВВП
GDP per capita, constant prices	ln_gdp_per_capita (lnGDP)	Логарифм ВВП на душу населения как контроль уровня экономического развития

В качестве зависимой переменной выбран показатель bank_investment. Основной фактор – working_capital. Этот показатель ценен тем, что отражает не формальный доступ к банковским услугам, а фактическое использование компаниями банковского финансирования для текущих операций. В модель также включены private_credit и ln_gdp_per_capita, позволяющие учесть развитие банковского сектора и общий уровень экономического развития страны. Итоговая регрессионная спецификация имеет следующий вид:

$$bank_investment_i=\beta_0+\beta_1 working_capital_i+\beta_2 private_credit_i+\beta_3 ln_gdp_per_capita_i+\varepsilon_i \quad (1)$$

где $bank_investment_i$ – доля фирм, использующих банки для инвестиционного финансирования в стране i;

$working_capital_i$ – доля фирм, использующих банки для финансирования оборотного капитала;

$private_credit_i$ – внутренний кредит частному сектору банками в процентах к ВВП;

$ln_gdp_per_capita_i$ – логарифм ВВП на душу населения; ε_i – случайная ошибка модели.

Оценивание выполнено методом наименьших квадратов (OLS). Для повышения устойчивости статистических выводов использованы робастные стандартные ошибки HC3. Дополнительно проведены проверка мультиколлинеарности с помощью VIF, тест Бройша-Пагана и тест Уайта на гетероскедастичность. Логика построения эмпирической модели проиллюстрирована на рисунке 1.

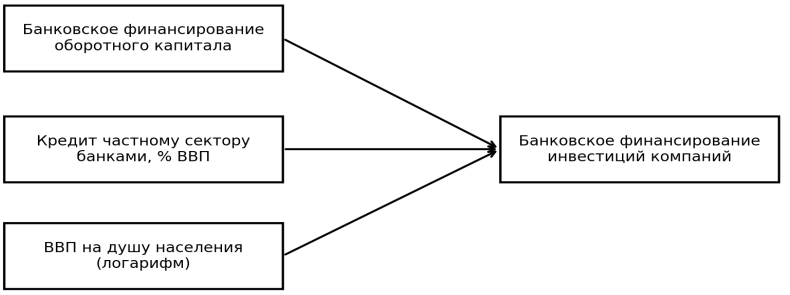


Рис. 1. Логика эмпирической модели

Результаты исследования и их обсуждение. На первом этапе была оценена расширенная модель, включающая показатель доли фирм с банковским кредитом или кредитной линией. Однако этот показатель оказался статистически незначимым и одновременно повышал мультиколлинеарность, поскольку содержательно близок к использованию банков для финансирования оборотного капитала. Поэтому в итоговой спецификации оставлен более содержательный показатель working_capital, отражающий реальное использование банковского канала в текущей деятельности компаний.

Итоговая модель построена по 28 странам. Коэффициент детерминации составил 0,622, скорректированный коэффициент детерминации – 0,574. Это означает, что включенные факторы объясняют около 62% межстрановой вариации доли фирм, использующих банки для финансирования инвестиций. Общая характеристика итоговой модели приведена в таблице 2. Для межстранового анализа с ограниченным числом наблюдений такой уровень объясняющей способности можно считать высоким.

Таблица 2

Общая характеристика итоговой модели

Показатель	Значение
Количество стран в итоговой регрессии	28
Метод оценивания	OLS
Тип стандартных ошибок	HC3
R^2	0,622
Adj. R^2	0,574
F-statistic	17,04
Prob (F-statistic)	3,83e-06

Оценки коэффициентов, их стандартные ошибки и уровни значимости представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты итоговой регрессионной модели

Перем.	Коэф.	Ст. ош. HC3	t	p	95% ДИ
const	39,8919	20,5576	1,9405	0,0642	[-2,5368; 82,3206]
WC	0,7149	0,1013	7,0544	<0,001	[0,5057; 0,9240]
PC	-0,0538	0,0615	-0,8751	0,3902	[-0,1808; 0,0731]
lnGDP	-2,9955	2,1580	-1,3881	0,1779	[-7,4493; 1,4584]

Визуализация полученных коэффициентов регрессии и их доверительных интервалов показана на рисунке 2.

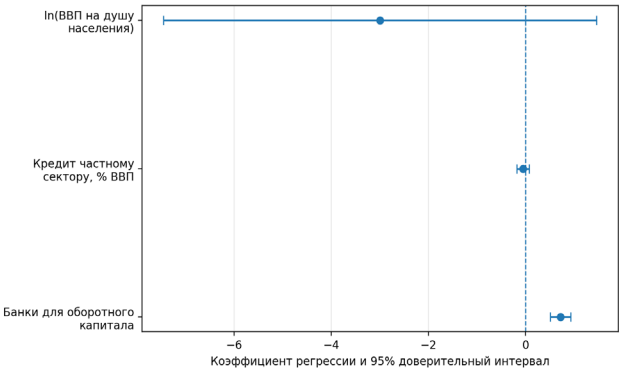


Рис. 2. Оценки коэффициентов итоговой OLS-модели

Наиболее значимый результат получен для переменной working_capital. Коэффициент при ней составил 0,7149 при p <0,001. Это означает, что увеличение доли фирм, использующих банки для финансирования оборотного капитала, на 1 процентный пункт связано с ростом доли фирм, использующих банки для инвестиционного финансирования, примерно на 0,71 процентного пункта. Связь статистически значима и сохраняется при использовании робастных стандартных ошибок.

Содержательная интерпретация этого результата заключается в следующем. Для инвестиционной активности компаний ключевое значение имеет не столько формальная доступность кредита, сколько фактическое участие компаний в банковском финансировании текущих операций. Если фирма уже использует банк для покрытия потребностей в оборотном капитале, она, вероятно, обладает кредитной историей, налаженными отношениями с финансовой организацией и опытом привлечения заемных средств. Это снижает барьеры при переходе к инвестиционному финансированию.

Переменная private_credit демонстрирует отрицательный, но статистически незначимый коэффициент. Следовательно, на данной выборке нельзя утверждать, что общий объем банковского кредита частному сектору напрямую связан с использованием банков для финансирования инвестиций фирм. Это может объясняться тем, что макроуровневый показатель отражает общий масштаб кредитования в экономике, но не показывает, насколько этот кредит доступен именно компаниям, реализующим инвестиционные проекты.

Логарифм ВВП на душу населения также не показал статистически значимого влияния. Уровень экономического развития страны в данной модели не выступает самостоятельным объясняющим фактором инвестиционного банковского финансирования компаний после учета working_capital и private_credit. Этот результат подчеркивает важность не только общего уровня развития экономики, но и конкретных механизмов взаимодействия бизнеса с банковским сектором. Результаты проверки мультиколлинеарности (значения VIF) приведены в таблице 4 и визуализированы на рисунке 3.

Таблица 4

Проверка мультиколлинеарности

Переменная	VIF
working_capital	7,134
private_credit	3,507
ln_gdp_per_capita	8,817

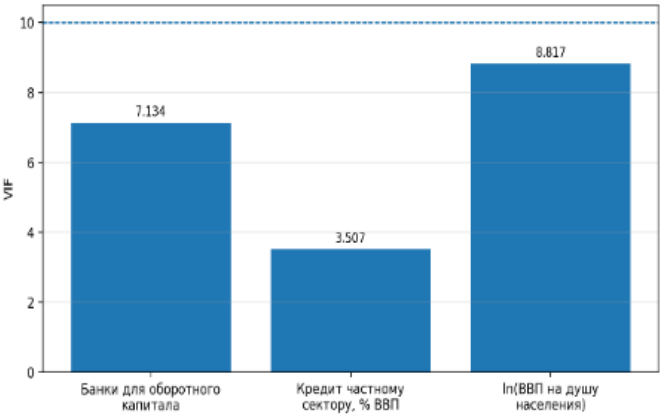


Рис. 3. Проверка мультиколлинеарности по VIF

Проверка мультиколлинеарности показала, что значения VIF не превышают критический уровень 10. Наибольшие значения получены для ln_gdp_per_capita и working_capital, однако они остаются в допустимых пределах. Следовательно, модель пригодна для содержательной интерпретации, хотя ограниченный размер выборки накладывает определенные осторожности.

Результаты тестирования остатков модели на гетероскедастичность представлены в таблице 5 и на рисунке 4. Тест Бройша-Пагана и тест Уайта не выявили признаков гетероскедастичности: p-value во всех вариантах превышают 0,05. Оснований отвергать гипотезу о постоянной дисперсии ошибок нет. Тем не менее в итоговой модели сохранены робастные стандартные ошибки HC3, поскольку они повышают надежность выводов при малом числе наблюдений.

Таблица 5

Тесты на гетероскедастичность

Тест	Показатель	Значение
Бройша-Пагана	LM Statistic	2,8106
Бройша-Пагана	LM p-value	0,4218
Бройша-Пагана	F Statistic	0,8926
Бройша-Пагана	F p-value	0,4592
Уайта	LM Statistic	8,6799
Уайта	LM p-value	0,4673
Уайта	F Statistic	0,8985
Уайта	F p-value	0,5461

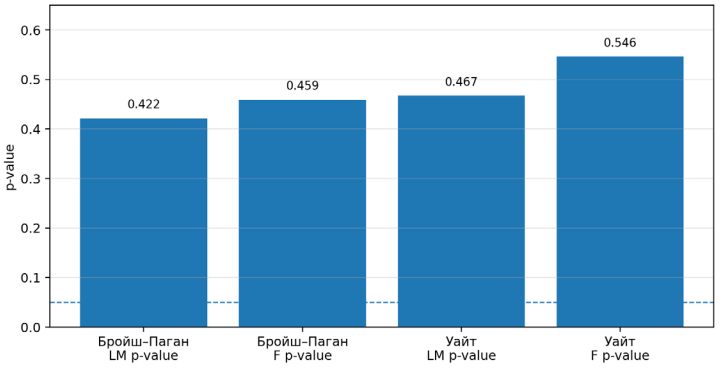


Рис. 4. Результаты тестов на гетероскедастичность

Полученные результаты позволяют уточнить понимание «доступности банковского финансирования». Сам по себе доступ к кредиту важен, но он не всегда автоматически трансформируется в инвестиционную активность. Более сильная связь наблюдается там, где фирмы уже реально используют банковский сектор для текущей деятельности. Это указывает на то, что устойчивые отношения между компаниями и банками могут выступать важным условием для последующего инвестиционного финансирования.

Заключение. В статье проведен межстрановой анализ связи между банковским финансированием и инвестиционной активностью компаний на основе данных Всемирного банка. Итоговая регрессионная модель показала, что наиболее значимым фактором выступает доля фирм, использующих банки для финансирования оборотного капитала. Увеличение этого показателя на 1 процентный пункт связано с ростом доли фирм, использующих банки для финансирования инвестиций, примерно на 0,71 процентного пункта.

Основной вывод заключается в том, что для инвестиционной активности компаний важна не столько формальная доступность банковского кредита, сколько фактическая включенность фирм в банковское финансирование. Компании, уже использующие банки для текущих потребностей, чаще опираются на банковский канал и при финансировании инвестиций. Этот результат согласуется с логикой корпоративных финансов: кредитная история, доверие между банком и заемщиком и накопленный опыт взаимодействия снижают барьеры для привлечения капитала на инвестиционные цели.

Практическое значение результатов состоит в том, что меры по развитию корпоративного финансирования должны быть направлены не только на увеличение общего объема банковского кредита, но и на расширение реального доступа компаний к банковским продуктам. Особого внимания заслуживают инструменты, помогающие компаниям формировать кредитную историю, использовать банковское финансирование оборотного капитала и постепенно переходить к более крупным инвестиционным проектам.

Ограничения исследования связаны с неполной доступностью данных Enterprise Surveys по странам и годам, а также с межстрановым характером выборки. Перспективы дальнейших исследований включают построение панельных моделей, разделение стран по уровню дохода и включение институциональных факторов, характеризующих защиту прав кредиторов и качество финансового регулирования.

Список литературы

1. Банки и банковское дело / под ред. В.А. Боровковой. – В 2 ч. – М.: Юрайт, 2026.

2. Рынок ценных бумаг и корпоративные финансы / В.А. Боровкова, В.А. Боровкова, Д.Г. Родионов, А.А. Степанчук. – СПб.: Лань, 2026.

3. World Bank. World Bank Indicators API Documentation. – URL: https://data-helpdesk.worldbank.org/knowledgebase/topics/125589-developer-information (дата обращения: 31.05.2026).

4. World Bank. Enterprise Surveys: Data and Methodology. – URL: https://www.enterprisesurveys.org/en/data (дата обращения: 31.05.2026).

5. World Bank. Firms using banks to finance investment (% of firms), indicator IC.FRM.BNKS.ZS. URL: https://data.worldbank.org/indicator/IC.FRM.BNKS. ZS (дата обращения: 31.05.2026).

6. World Bank. Firms using banks to finance working capital (% of firms), indicator IC.FRM.BKWC.ZS. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/ IC.FRM.BKWC.ZS (дата обращения: 31.05.2026).

7. World Bank. Domestic credit to private sector by banks (% of GDP), indicator FD.AST.PRVT.GD.ZS. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/FD.AST.PRVT.GD.ZS (дата обращения: 31.05.2026).

Жабина Татьяна Василиевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПАО «МЕЧЕЛ»)

Аннотация: *в статье исследуется проблема применимости классических методов оценки финансовой устойчивости к системообразующим предприятиям с экстремальной долговой нагрузкой. Проведен сравнительный анализ коэффициентного, агрегатного, интегрального и стоимостного подходов на примере ПАО «Мечел». Доказано, что традиционные статические методы формируют ложноотрицательные сигналы («математический дефолт»), игнорируя реальную операционную способность бизнеса генерировать денежные потоки. Обоснована необходимость перехода от балансовой диагностики к динамическому моделированию с учетом фактора нефинансовой поддержки.*

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, инструментарий оценки, вероятность банкротства, коэффициентный анализ, агрегатный метод, экономическая добавленная стоимость, Z-счет.*

В современных экономических условиях, характеризующихся высокой волатильностью рынков и изменением стоимости заемного капитала, инструментарий оценки финансовой устойчивости перестает быть чисто счетной процедурой и трансформируется в элемент стратегического контроллинга. Механическое использование классических моделей часто приводит к искажению реальной картины финансового положения организации. Особую актуальность данный вопрос приобретает при анализе стратегически значимых предприятий, функционирующих в условиях экстремальной долговой нагрузки.

Целью данного исследования является верификация эффективности традиционного диагностического инструментария на данных реального сектора экономики. В качестве объекта исследования выбрано ПАО «Мечел» – одна из крупнейших вертикально-интегрированных горнометаллургических компаний России, уникальный финансовый профиль которой сформировался под влиянием агрессивной долговой стратегии прошлых лет.

Анализ финансового состояния ПАО «Мечел» за 2022–2024 гг. методами классической коэффициентной диагностики выявляет системный методологический коллапс. Традиционный коэффициентный анализ демонстрирует глубокую неплатежеспособность предприятия. Так, коэффициент автономии в 2024 году составил 0,019, что многократно ниже нормативного значения, а коэффициент финансового левериджа достиг аномального уровня в 51,56. Отрицательные значения коэффициентов обеспеченности запасов собственными источниками свидетельствуют о том, что формирование запасов происходит исключительно за счет внешнего финансирования. В таких условиях коэффициентный метод превращается в «статистический шум», транслируя ложные сигналы об устойчивости при малейших колебаниях баланса (например, резкий «взлет» текущей ликвидности до 2,19 в 2024 году за счет роста дебиторской задолженности).

Динамика основных индикаторов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика избранных показателей финансовой устойчивости ПАО «Мечел» за 2022–2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024	Норматив
Коэффициент автономии	0,032	0,056	0,019	> 0,5
Коэффициент финансового левериджа	30,117	16,835	51,562	< 1,5
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	-18,297	-104,396	-12,345	> 0,1
Коэффициент текущей ликвидности	1,070	0,152	2,191	> 2,0

Применение агрегатного метода (модели А.Д. Шеремета) подтверждает глубокий структурный дисбаланс. В 2023 году холдинг находился в кризисном финансовом состоянии (трехкомпонентный показатель {-; -; -}), когда совокупных кредитных ресурсов формально не хватало даже для обеспечения минимально необходимых производственных запасов. Тем не менее, предприятие обеспечило непрерывность операционного цикла, а в 2024 году вернулось в область относительного равновесия за счет наращивания долгосрочных обязательств. Это доказывает, что агрегатный метод фиксирует лишь «балансовую видимость» риска, игнорируя реальную способность менеджмента трансформировать структуру долга в критические моменты [3, с. 146].

Интегральные прогностические системы (модели оценки вероятности банкротства) также выдают ложноотрицательные сигналы. Пятифакторная модель Э. Альтмана фиксирует итоговый Z-балл в глубокой «красной зоне» на протяжении всего исследуемого периода (в 2024 году интегральный показатель составил 0,032), фактически «наказывая» компанию за накопленные убытки прошлых лет и игнорируя текущую способность генерировать выручку. Модель Г.В. Савицкой, считающаяся более адаптированной для отечественного реального сектора, аналогично демонстрирует максимальную вероятность дефолта ($Z = -6,747$ в 2024 г.), так как структурное отсутствие собственных оборотных средств нивелирует даже успешные операционные результаты [2, с. 356].

Стоимостной подход на базе расчета экономической добавленной стоимости (EVA) также фиксирует процесс интенсивного разрушения стоимости капитала. В 2024 году, на фоне резкого роста средневзвешенной стоимости капитала (WACC) до 21%, показатель EVA составил глубоко отрицательную величину (-39,3 млрд руб.), несмотря на наличие стабильной операционной прибыли в 12,4 млрд руб. С точки зрения стоимостного подхода, компания функционирует в режиме «финансового донорства», однако на практике остается дееспособным и ключевым игроком рынка [1, с. 908].

Для систематизации выявленных несоответствий результаты исследования сведены в единую аналитическую панель (табл. 2).

Таблица 2

Сводная оценка эффективности диагностического инструментария финансовой устойчивости на примере ПАО «Мечел»

Группа методов / Модель	Итоговый вердикт (2022–2024 гг.)	Соответствие реальности	Основная причина искажения результата
Коэффициентный анализ	Глубокая неплатежеспособность	Нет	Игнорирование возобновляемого характера кредитных линий и господдержки
Агрегатный метод (Шеремет)	Кризисное состояние (-; -; -)	Частично	Базируется на запасах, которые ничтожны в сравнении с объемом накопленного долга
Модель Э. Альтмана (Z-счет)	Неминуемый крах ($Z < 1,23$)	Нет	Чрезмерный вес фактора накопленных убытков прошлых лет
Стоимостной подход (EVA)	Разрушение ценности ($EVA < 0$)	Да	Верно фиксирует экономическую неэффективность при высокой ставке WACC

Выявленный когнитивный диссонанс между учетными данными и реальной операционной деятельностью обусловлен «ловушкой отрицательного собственного капитала». Классические модели фиксируют балансовую неплатежеспособность как свершившийся факт, полностью игнорируя способность производственных активов генерировать стабильный денежный поток для поэтапного обслуживания долга. Кроме того, традиционный инструментарий не способен оцифровать фактор стратегической значимости системообразующего предприятия и эффект «Too Big to Fail» (слишком велик, чтобы упасть), при котором банки-кредиторы предпочитают долгосрочную реструктуризацию долга жесткой процедуре банкротства.

Таким образом, результаты исследования доказывают, что классический инструментарий финансовой диагностики находится в состоянии системного кризиса применительно к капиталоемким холдингам с высокой долговой нагрузкой. Для обеспечения объективной оценки финансовой устойчивости подобных предприятий необходим принципиальный отказ от статического мониторинга балансовых остатков в пользу динамического моделирования операционных денежных потоков и качественной оценки долгового управления.

Список литературы

1. Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика / В.В. Ковалев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 1104 с.

2. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Инфра-М, 2024. – 378 с.

3. Шеремет А.Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций / А.Д. Шеремет, Е.В. Негашев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 208 с.

Зарамышев Азир Аскерович
студент
Каракян Киркор Сергеевич
студент
Научный руководитель
Пантелеева Ольга Борисовна
канд. экон. наук, доцент

Краснодарский филиал
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Краснодар, Краснодарский край

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗАДАЧЕ ЛИНЕЙНОЙ МОДЕЛИ АМОРТИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается линейная модель амортизации как один из наиболее распространённых методов расчёта износа основных средств предприятия. Исследуются математические основы линейного метода, его экономический смысл и практическое применение в деятельности организаций. Особое внимание уделяется формуле расчёта амортизационных отчислений, анализу остаточной стоимости объекта и интерпретации полученных результатов. Работа содержит теоретическую часть, практические вычисления и примеры применения линейной модели в экономике предприятия.*

Ключевые слова: *амортизация, линейная модель амортизации, математическое моделирование, основные средства, остаточная стоимость, амортизационные отчисления, информационные технологии, экономическое моделирование, бухгалтерский учёт, ERP-системы.*

1. Введение.

Амортизация играет важную роль в экономике предприятия, поскольку позволяет учитывать постепенный износ оборудования, зданий, транспорта и других основных средств. В

процессе эксплуатации активы теряют свою стоимость вследствие физического и морального износа. Для того чтобы правильно учитывать эти изменения, используется механизм амортизации [1, с. 24].

Одним из наиболее простых и понятных способов расчёта является линейная модель амортизации. Она основана на предположении, что объект теряет стоимость равномерно в течение всего срока службы. Данный метод широко применяется в бухгалтерском учёте, финансовом анализе и экономическом планировании благодаря простоте вычислений и удобству практического использования [1, с. 57].

С математической точки зрения линейная амортизация представляет собой функцию, описывающую равномерное уменьшение стоимости объекта во времени. Использование математических моделей позволяет не только выполнять расчёты, но и прогнозировать будущие расходы предприятия, связанные с заменой оборудования и обновлением основных фондов [2, с. 103].

Актуальность темы заключается в том, что линейная модель амортизации активно используется практически на каждом предприятии независимо от отрасли деятельности. Правильное определение амортизационных отчислений влияет на себестоимость продукции, финансовый результат и эффективность управления ресурсами организации.

2. Теоретическая часть.

2.1. Понятие амортизации.

Амортизация – это процесс постепенного переноса стоимости основных средств на себестоимость продукции или услуг в течение срока их полезного использования [1, с. 76].

Основными средствами могут быть:

− здания;

− оборудование;

− транспорт;

− производственные машины;

− компьютерная техника.

Экономический смысл амортизации заключается в том, что предприятие постепенно возвращает денежные средства, затраченные на приобретение объекта [3, с. 41].

2.2. Линейная модель амортизации.

Линейная модель предполагает равномерное списание стоимости объекта. Это означает, что ежегодная сумма амортизации остаётся постоянной.

Основная формула линейной амортизации имеет вид:

$$A = \frac{C-S}{T} \quad (1)$$

где:

A – ежегодная сумма амортизации;

C – первоначальная стоимость объекта;

S – ликвидационная стоимость;

T – срок полезного использования.

Данная формула показывает, какая часть стоимости объекта будет списываться ежегодно.

2.3. Остаточная стоимость.

После начисления амортизации стоимость объекта уменьшается. Остаточная стоимость определяется по формуле:

$$\text{Сост} = C - A*t \quad (2)$$

где:

Сост – остаточная стоимость;

t – количество лет эксплуатации.

Формула показывает зависимость стоимости объекта от времени использования.

3. Построение математической модели.

Пусть:

− первоначальная стоимость оборудования равна C;

− срок службы составляет T лет;
− ликвидационная стоимость равна S.

Тогда ежегодная амортизация постоянна и определяется формулой (1).

Стоимость объекта через t лет эксплуатации будет вычисляться следующим образом:

$$C(t) = C - \frac{C-S}{T} * t \quad (3)$$

Полученная функция является линейной, поскольку изменение стоимости происходит равномерно [2, с. 188].

Из формулы видно:
− при увеличении времени эксплуатации стоимость уменьшается;
− скорость уменьшения стоимости остаётся постоянной;
− график функции представляет собой прямую линию.

4. Практический пример.

Рассмотрим пример применения линейной модели амортизации.

Предприятие приобрело производственный станок стоимостью 150000 ₽. Предполагаемая ликвидационная стоимость составляет 30000 ₽. Срок полезного использования – 6 лет.

Необходимо:
− определить ежегодную амортизацию;
− рассчитать остаточную стоимость через несколько лет эксплуатации.

4.1. Расчёт амортизации.

Используем формулу (1):

$$A = \frac{150000-30000}{6} \quad (4)$$

$$A = \frac{120000}{6} \quad (5)$$

Следовательно, ежегодно предприятие будет списывать 20000 ₽.

4.2. Расчёт остаточной стоимости.

Через 1 год:

$$C_{\text{ост}} = 150000 - 20000 \cdot 1 = 130000 \text{ ₽} \quad (6)$$

Через 2 года:

$$C_{\text{ост}} = 150000 - 20000 \cdot 2 = 110000 \text{ ₽} \quad (7)$$

Через 3 года:

$$C_{\text{ост}} = 150000 - 20000 \cdot 3 = 90000 \text{ ₽} \quad (8)$$

Через 6 лет:

$$C_{\text{ост}} = 150000 - 20000 \cdot 6 = 30000 \text{ ₽} \quad (9)$$

Полученное значение совпадает с ликвидационной стоимостью объекта.

4.3. Таблица амортизации.

Таблица 1

Год эксплуатации	Амортизация, ₽	Остаточная стоимость, ₽
1	20000	130000
2	20000	110000
3	20000	90000
4	20000	70000
5	20000	50000
6	20000	30000

Применение подобных расчётов широко используется в бухгалтерском и финансовом анализе предприятий [4, с. 52].

5. Анализ результатов.

Проведённые вычисления показывают, что линейная модель обеспечивает равномерное уменьшение стоимости объекта.

Основные преимущества метода:
− простота вычислений;

− удобство использования;
− предсказуемость расходов;
− возможность долгосрочного планирования.

Однако линейная модель имеет и недостатки. На практике многие объекты изнашиваются неравномерно. Например, оборудование может терять эффективность быстрее в первые годы эксплуатации. В таких случаях используются другие методы амортизации:

− метод уменьшаемого остатка;
− производственный метод;
− ускоренная амортизация.

Несмотря на это, линейный метод остаётся наиболее распространённым благодаря своей универсальности и простоте [1, с. 112].

6. Роль информационных технологий.

В современных условиях расчёт амортизации выполняется автоматически с использованием информационных систем и специализированного программного обеспечения.

Наиболее распространённые технологии:

− ERP-системы;
− бухгалтерские программы;
− базы данных;
− электронные таблицы;
− аналитические платформы.

Например, Microsoft Excel позволяет автоматически рассчитывать амортизацию и строить графики изменения остаточной стоимости. ERP-системы помогают учитывать основные средства предприятия и формировать финансовую отчётность.

Использование информационных систем позволяет автоматизировать финансовые расчёты и повысить эффективность управления предприятием [5, с. 94].

Заключение.

В ходе исследования была рассмотрена линейная модель амортизации как один из основных методов расчёта износа основных средств предприятия. Были изучены математические основы модели, рассмотрены формулы расчёта амортизационных отчислений и остаточной стоимости объекта.

Практический пример показал, что линейный метод позволяет равномерно распределять стоимость оборудования в течение срока его эксплуатации. Данный подход широко применяется в экономике и бухгалтерском учёте благодаря своей простоте и удобству.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что математическое моделирование играет важную роль в финансовом управлении предприятием и помогает принимать эффективные экономические решения [2, с. 267].

Список литературы

1. Грибов В.Д. Экономика предприятия / В.Д. Грибов, В.П. Грузинов. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 336 с.
2. Кремер Н.Ш. Высшая математика для экономистов / Н.Ш. Кремер. – М.: Юнити-Дана, 2022. – 471 с.
3. Балдин К.В. Информационные системы в экономике / К.В. Балдин, В.Б. Уткин. – М.: Дашков и К, 2021. – 395 с. EDN UAIMGX
4. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология / Е.С. Вентцель. – 6-е изд., стер. – М.: КноРус, 2013. – 192 с.
5. Трофимов В.В. Информационные технологии в экономике и управлении / В.В. Трофимов. – СПб.: Юрайт, 2021. – 353 с.

Кобзев Максим Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВЫХ РЕФОРМ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ АКТИВНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация: *в статье исследуется воздействие налоговых реформ на предпринимательскую активность субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в Российской Федерации и на уровень экономической безопасности. Цель работы – выявление причинно-следственных связей между последовательными изменениями налогового законодательства (включая регуляторные «гильотины», специальные налоговые режимы, корректировку пороговых значений для самозанятых) и деформациями деловой активности, такими как уход в теневой сектор, перераспределение ресурсов и инвестиционное поведение.*

Ключевые слова: *налоговые реформы, фискальная нагрузка, предпринимательская активность, малое и среднее предпринимательство, экономическая безопасность, теневой сектор, налоговое администрирование.*

Налоговая система государства – это механизм, способный стимулировать экономическую активность. В любой национальной экономике существует равновесие между уровнем государственного налогообложения и условиями для развития бизнеса. Смещение этого равновесия в результате налоговых реформ запускает цепную реакцию: предприниматели адаптируют свои стратегии, перераспределяют ресурсы или уходят в теневой сектор, что напрямую транслируется в уровень экономической безопасности страны.

Особую остроту эта проблема приобретает в периоды структурной трансформации экономики, когда налоговый маневр становится одновременно и вынужденной мерой реагирования на внешние шоки, и инструментом долгосрочной политики. В Российской Федерации последние годы характеризуются высокой частотой изменений налогового законодательства – от регуляторных «гильотин» до введения специальных режимов и корректировки порогов для самозанятых и МСП. Каждая такая реформа формирует новую реальность, где ставки, льготы и администрирование выступают драйверами или барьерами для предпринимательской активности. В этом контексте экономическая безопасность перестает быть абстрактной макроэкономической категорией, превращаясь в функцию способности предпринимательского сектора легально генерировать добавленную стоимость, инвестировать и создавать рабочие места без риска быть задавленным фискальным прессом.

Методы: диалектический подход к анализу нормативно-правовых изменений, а также методы системного синтеза для оценки мультипликативных эффектов реформирования налоговой системы.

Основная часть.

Теория налогового поведения сместила фокус с агрегированных ставок на индивидуальные реакции: предприниматель не просто платит или уклоняется, а конструирует сложные гибридные стратегии (легальная оптимизация, имитация деятельности, уход в тень), чувствительные к воспринимаемой справедливости системы. Институциональные концепции добавили недостающее звено – качество правил и их применение. Даже низкая ставка не стимулирует активность, если налоговое администрирование непредсказуемо, а реформы хаотичны. Взаимодействие этих трёх традиций позволяет объяснить, почему одинаковые по параметрам реформы дают разный эффект в разных странах и периодах.

Налоговые ставки представляют собой наиболее очевидный, но не всегда доминирующий механизм трансмиссии. Их изменение непосредственно воздействует на предельную доходность единицы предпринимательской деятельности, смещая точку безубыточности и

сокращая чистую прибыль, остающуюся в распоряжении хозяйствующего субъекта. Особую значимость данный механизм приобретает для малых и средних предприятий с низкой рентабельностью продаж (торговля, сфера услуг, общественное питание), где любое повышение эффективной ставки может перевести деятельность из зоны рентабельности в зону убыточности.

Льготные режимы (пониженные ставки для отдельных отраслей или видов деятельности) и специальные налоговые режимы (УСН, ЕСХН, патентная система, налог на профессиональный доход, автоматизированная УСН) представляют собой целенаправленное создание участков с пониженным фискальным трением внутри общего налогового пространства. Трансмиссионная функция этих режимов двойственна.

Налоговое администрирование – совокупность процедур учёта, отчётности, контроля, проверок и принудительного взыскания. Это формирует издержки соблюдения для предпринимателя. Эти издержки включают временные затраты на заполнение деклараций, расходы на бухгалтерское и юридическое сопровождение, издержки на программное обеспечение (онлайн-кассы, электронный документооборот), а также психологические издержки, связанные с неопределённостью исходов налоговых проверок. Для малых предприятий, особенно микробизнеса, величина издержек соблюдения может в 3–5 раз превышать сумму уплачиваемого налога, что делает их основным барьером легальной деятельности.

Налоговый комплаенс – готовность налогоплательщика добросовестно соблюдать налоговое законодательство. Он представляет собой интегральный поведенческий механизм, не сводимый к рациональному калькулированию выгод и издержек, а также включает в себя компоненты: инструментальный (расчёт вероятности обнаружения и суровости санкций), нормативный (внутреннее принятие налоговых обязательств как социальной нормы) и реляционный (доверие к государству и воспринимаемая справедливость налоговой системы).

За период 2015–2025 гг. российская налоговая система в сегменте предпринимательства прошла путь от фрагментарных точечных корректировок к комплексным структурным преобразованиям. Хронологически этот процесс распадается на три качественно различных этапа: посткризисная стабилизация (2015–2018 гг.), ковидный и постковидный стимулирующий период (2019–2023 гг.) и масштабная реформа с элементами фискальной консолидации (2024–2025 гг.). Каждый из этапов характеризуется специфическим набором инструментов – от снижения страховых нагрузок до введения принципиально новых режимов и прогрессивных шкал.

Таблица 1

Этапы налоговой политики РФ в отношении МСП (2015–2025 гг.)

Параметр	Этап I: 2015–2018	Этап II: 2019–2023	Этап III: 2024–2025
Доминирующая логика	Институциональное упорядочение	Стимулирование через налоговый эксперимент	Структурная реформа + фискальная консолидация
Ключевые нововведения	Налоговые каникулы для новых ИП, патентная система, надзорные каникулы	НПД (самозанятые), снижение страховых взносов до 15%,	Увеличение порогов УСН (450 млн руб.), НДС для УСН-шников, прогрессивный НДФЛ (до 22%)
Налоговая нагрузка на МСП	Стабильная, умеренная	Сниженная (антикризисные послабления)	Дифференцированная (с элементами повышения)
Рост численности МСП, %	~1–2% в год	3–4%	3,3%
Ключевые риски для системы	Фрагментарность, отсутствие системных стимулов	Нестабильность	Увеличение издержек соблюдения

Представленная периодизация фиксирует кумулятивный сдвиг налоговой политики в отношении МСП: от точечных инструментов институционального упорядочения на первом этапе – через широкомасштабный налоговый эксперимент (НПД, снижение страховых взносов) на втором – к комплексной структурной реформе с элементами фискальной консолидации на третьем этапе. При этом ускорение темпов роста численности МСП (с 1–2% до 3–4% и последующей стабилизацией на уровне 3,3%) сопровождается нарастанием системных рисков: если на начальных этапах доминировали фрагментарность и нестабильность правил, то к 2024–2025 гг. на первый план выходит угроза увеличения издержек соблюдения, связанная с усложнением налогового ландшафта и введением НДС для плательщиков УСН. Эволюция носит двойственный характер – рост формальной вовлечённости МСП достигается ценой повышения административной нагрузки и рисков теневой адаптации.

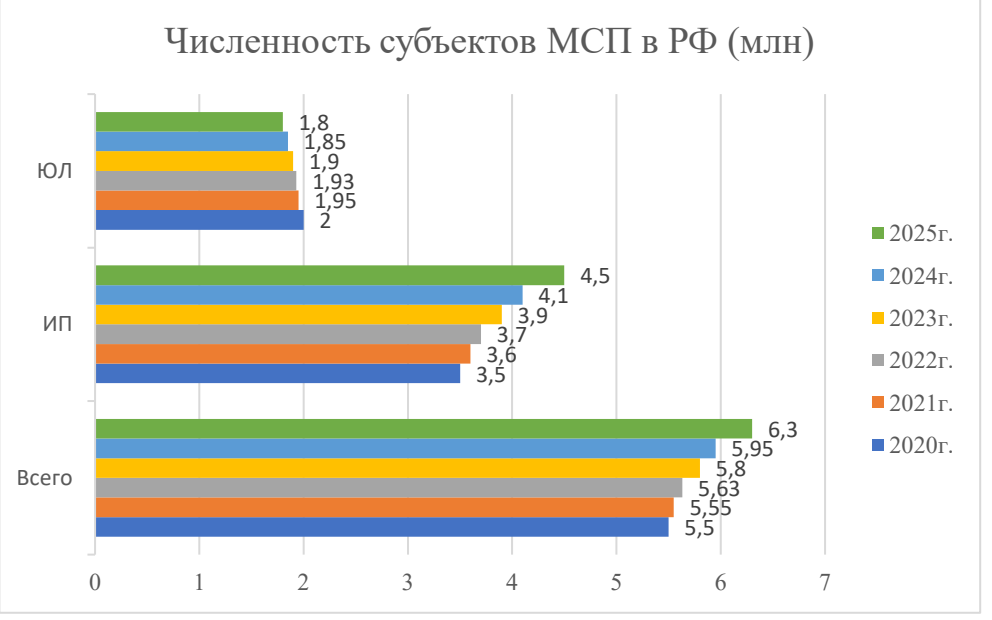


Рис. 1

Таким образом, за 2015–2025 гг. российская налоговая система в отношении МСП эволюционировала от набора разрозненных льгот к сложному, многослойному инструменту, сочетающему стимулирующие и фискально-консолидирующие (НДС для УСН, прогрессивный НДФЛ, усиление администрирования) элементы. Эта эволюция привела к рекордному росту формальной численности предпринимателей, но одновременно породила новые вызовы – «режимную мимикрию», пороговые ловушки и рост издержек соблюдения.

По состоянию на сентябрь 2025 года в стране насчитывалось более 6,5 млн субъектов МСП, обеспечивающих занятостью свыше 15 млн человек. Годовой прирост составил 203 тыс. единиц, или 3,3%. При этом структура претерпела характерные изменения: число индивидуальных предпринимателей выросло на 6% (плюс 243,9 тыс.), тогда как количество юридических лиц сократилось на 1,9% (минус 40,7 тыс.). Это свидетельствует о продолжении тренда на режимную мимикрию – переход предпринимателей из юрлиц в более льготные налоговые формы без создания принципиально новых бизнесов.

Таблица 2

Динамика численности МСП по категориям (февраль 2025 г.)

Категория МСП	Абсолютное значение (тыс.)	Изменение за месяц, тыс.
Микропредприятия	6370	+31,1 (+0,5%)
Малые предприятия	226,2	-436 (-0,2%)
Средние предприятия	20,9	-14 (-0,07%)

Наиболее существенный вклад в прирост внесли микропредприятия: за месяц (январь – февраль 2025 г.) их число увеличилось на 31,1 тыс., достигнув 6,37 млн. Число малых предприятий сократилось на 436, средних – на 14, что свидетельствует о сохранении эффекта «налоговой ловушки»: пороговые ограничения льготных режимов сдерживают масштабирование бизнеса.

Анализ межрегиональной вариации позволяет идентифицировать неоднородность трансмиссии налоговых реформ, обусловленную сложившейся отраслевой структурой и исходным уровнем предпринимательской активности. Федеральные округа – лидеры по абсолютному числу субъектов МСП: Центральный (около 2,1 млн), Приволжский (около 1,2 млн) и Южный (около 0,75 млн). Однако при оценке вовлечённости населения (доля занятых в МСП в общей численности занятых) лидируют Республика Калмыкия (63,1% при общероссийском показателе 40%), Санкт-Петербург (свыше 52%) и Новосибирская область (свыше 52%). На противоположном полюсе находятся регионы с высокой долей бюджетного сектора и сырьевой специализацией: Ненецкий автономный округ (доля МСП в ВРП – 2,3%), Ямало-Ненецкий автономный округ, Ингушетия.

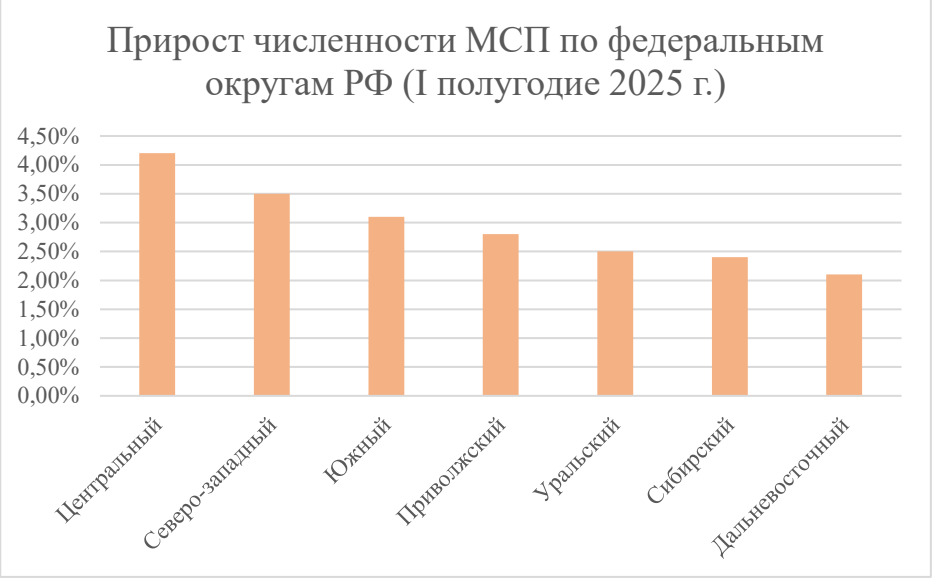


Рис. 2

Курганская область заняла 1-е место в Уральском федеральном округе по динамике всех трёх агрегированных показателей (численность субъектов, занятость, оборот), тогда как Челябинская область значительно улучшила позиции (+3-е место), а Свердловская область, напротив, продолжила ухудшение. Это позволяет предположить, что налоговые стимулы (включая региональные льготы по УСН и инвестиционные вычеты) оказывают более выраженный эффект в регионах с низким исходным уровнем предпринимательской активности – там пороговый эффект преодолевается легче, чем в насыщенных рынках.

Экономическая безопасность применительно к налоговым реформам не сводится к традиционному макроэкономическому триединству (суверенитет, стабильность, устойчивость). В рамках настоящего исследования выделяются три измеримых компонента, непосредственно чувствительных к изменениям фискальной политики:

− бюджетная когерентность – способность налоговой системы генерировать предсказуемые и достаточные поступления без дестимулирования деловой активности;

− легальность предпринимательского сектора – доля хозяйствующих субъектов, функционирующих в рамках правового поля, избегающая «серых» и теневых схем;

− пространственно-отраслевая устойчивость – отсутствие критических диспропорций между регионами и секторами, порождающих зоны налоговой депрессии.

Каждый из этих компонентов имеет количественные индикаторы, позволяющие оценить влияние конкретных реформ.

Налоговая реформа запускает механизм адаптивной фискальной оптимизации, который при определённых условиях трансформируется в эрозию базы. Введение НДС для УСН с 2026 г., по оценкам, может вывести из упрощённого режима 320–350 тыс. действующих предпринимателей, часть которых либо перейдёт в самозанятость (с более низкими ставками), либо уйдёт в тень. Помимо этого, массовый переход с ОСНО на специальные режимы (особенно НПД) снижает среднюю эффективную ставку; прирост числа самозанятых дал бюджету дополнительно 136 млрд руб. в 2025 г., но одновременно «размыл» базу по страховым взносам. Ещё до вступления реформы в силу предприниматели перестраивают поведение: во II полугодии 2025 г. зафиксирован рост обращений о закрытии бизнеса на 19%, что уже сократило прогнозируемые поступления по УСН на 4–5% в ряде регионов.

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных выводов, имеющих значение для понимания эффектов налоговых реформ в российском сегменте МСП. Во-первых, за период 2015–2025 гг. налоговая система в отношении малого и среднего предпринимательства эволюционировала от фрагментарных льгот к сложному многослойному конструкту, сочетающему стимулирующие механизмы (НПД, АУСН, пониженные страховые взносы) с фискально-консолидирующими элементами (введение НДС для УСН, прогрессивный НДФЛ, цифровизация администрирования). Эта эволюция привела к рекордному росту формальной численности субъектов МСП (свыше 6,5 млн), однако экстенсивная динамика во многом обязана «режимной мимикрии» – переходу из юридических лиц в индивидуальных предпринимателей и самозанятых без реального прироста деловой активности. Во-вторых, трансмиссия налоговых реформ в предпринимательскую активность опосредована четырьмя механизмами – ставками, льготными режимами, администрированием и налоговым комплаенсом. Эмпирически подтверждено, что снижение страховых взносов до 15% и введение НПД дали устойчивый положительный эффект (рост числа ИП на 11–12%), тогда как ужесточение администрирования (онлайн-кассы) и ожидание введения НДС для УСН провоцируют превентивную теневую адаптацию. Региональная дифференциация эффектов значима: налоговые стимулы работают лучше в депрессивных регионах с низким исходным уровнем предпринимательской активности, но почти бесполезны в сырьевых анклавах. В-третьих, воздействие налоговых реформ на экономическую безопасность носит асимметричный и разнонаправленный характер. Краткосрочные выгоды (легализация самозанятых, рост числа ИП) сменяются среднесрочными рисками: эрозией налоговой базы из-за сужения круга плательщиков УСН, массовой теневизацией (48% опрошенных предпринимателей демонстрируют готовность к уходу в тень или частичному сокрытию доходов) и углублением пространственных диспропорций, особенно в южных и кавказских регионах, где ожидаемое сокращение контингента УСН может достичь 15–18%.

Стремление увеличить бюджетную когерентность через введение НДС для УСН вступает в конфликт с целями сохранения легальности сектора и пространственной устойчивости. Без компенсирующих мер (дифференциация порогов по регионам и отраслям, переходные периоды для микробизнеса, налоговое консультирование) высок риск того, что экстенсивный рост

последних лет сменится сжатием легального сегмента МСП, что нанесёт прямой ущерб экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (части первая и вторая) (ред. от 26.05.2026).
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон №209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 29.12.2025).
3. Корчагина И.В. Экономическое пространство малых и средних предприятий: теоретические аспекты и тенденции развития / И.В. Корчагина, А.В. Старикова // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. №4. – С. 594–602. DOI 10.18334/гр.18.4.37453. EDN YGDHHH
4. Федеральная налоговая служба РФ. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16590205/ (дата обращения: 08.06.2026).
5. Опора России. – URL: https://opora.ru/ (дата обращения: 08.06.2026).
6. Марков А.Г. Поддержка малого бизнеса на современном этапе в России / А.Г. Марков, Ю.И. Климашова // Управление и экономика в XXI веке. – 2021. – №3. – С. 17–25. EDN LOAOOL
7. Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 09.06.2026).
8. КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/5bc46481589901e5ac516e41a554a61f46e2c127/ (дата обращения: 08.06.2026).

Кононенко Владислав Витальевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-167701

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ X5 GROUP И ПАО «МАГНИТ» НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВЫХ, ОПЕРАЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Аннотация: *в статье проводится финансово-экономическая диагностика конкурентоспособности X5 Group и ПАО «Магнит» на основе системы финансовых, ресурсно-операционных, клиентско-цифровых и интеграционных показателей. Обоснована необходимость комплексного подхода к оценке продуктовых розничных сетей, поскольку финансовые результаты формируются не только за счёт роста выручки и маржинальности, но и через эффективность торговой площади, оборачиваемость запасов, развитие программ лояльности, цифровых каналов и аналитических решений. На основе открытых корпоративных данных за 2023–2025 гг. проведена сравнительная диагностика X5 Group и ПАО «Магнит» с использованием контурного подхода, индекса CCI и индекса дисбаланса DI. Показано, что X5 Group сохраняет более высокий уровень финансово-экономической конкурентоспособности, тогда как у ПАО «Магнит» в 2025 г. усиливается разрыв между клиентско-цифровым и финансово-результативным контурами. Сделан вывод о необходимости оценки цифровизации ритейла через её способность преобразовываться в маржинальность, денежный поток, операционную эффективность и инвестиционную отдачу.*

Ключевые слова: *конкурентоспособность, продуктовый ритейл, X5 Group, ПАО «Магнит», финансовые показатели, операционная эффективность, цифровизация, CCI.*

Введение.

Российский продуктовый ритейл является одним из наиболее конкурентных сегментов розничной торговли. Крупнейшие федеральные сети конкурируют не только по масштабу торговой сети, уровню цен и широте ассортимента, но и по эффективности логистики, скорости оборота капитала, развитию цифровых каналов, программ лояльности и аналитики клиентских данных. В этих условиях традиционный финансовый анализ, основанный только

на выручке, маржинальности и долговой нагрузке, не позволяет в полной мере оценить устойчивость конкурентных преимуществ розничной сети.

В исследованиях управленческой эффективности подчёркивается, что финансовые показатели отражают результаты уже совершённых действий, тогда как клиентские, процессные и инновационные показатели позволяют оценивать факторы будущего финансового результата [1]. Для ритейла данный тезис имеет особое значение: рост выручки может сопровождаться ухудшением оборачиваемости запасов, ростом операционных расходов или недостаточной отдачей цифровых инвестиций. Поэтому оценка конкурентоспособности продуктовых розничных сетей должна объединять финансовые, операционные, клиентско-цифровые и интеграционные параметры.

Цель статьи состоит в проведении сравнительной финансово-экономической диагностики конкурентоспособности X5 Group и ПАО «Магнит» на основе системы финансовых, операционных и цифровых показателей. Для достижения цели используются данные консолидированной отчётности, операционных результатов, trading updates и презентаций компаний за 2023–2025 гг. [4–8].

Методический подход к диагностике конкурентоспособности.

Методическая основа статьи базируется на контурном подходе к оценке конкурентоспособности продуктовой розничной сети. В рамках данного подхода конкурентоспособность рассматривается как способность компании преобразовывать финансовые ресурсы, торговую площадь, товарные запасы, клиентскую базу и цифровые решения в устойчивый финансово-экономический результат. Такой подход соответствует логике построения композитных индикаторов, при которой разноразмерные показатели приводятся к сопоставимой шкале и агрегируются в интегральную оценку [2].

Для диагностики используются четыре контура. Финансово-результативный контур отражает рост выручки, маржинальность, операционный денежный поток, долговую нагрузку и отдачу инвестированного капитала. Ресурсно-операционный контур характеризует эффективность использования торговой площади, товарных запасов и операционных расходов. Клиентско-цифровой контур отражает развитие цифровых продаж, программ лояльности и клиентской базы. Интеграционный контур показывает, насколько цифровые и аналитические решения связаны с операционными и финансово-экономическими эффектами.

В статье используется интегральный индекс CCI, рассчитанный по формуле: $CCI = F \times (0{,}50 + 0{,}50FI)$, где F – финансово-результативный контур, FI – среднее значение ресурсно-операционного, клиентско-цифрового и интеграционного контуров. Дополнительно применяется индекс дисбаланса DI, который показывает внутреннюю согласованность контуров. Низкий DI означает более сбалансированную модель конкурентоспособности, высокий DI – наличие разрывов между финансовым, операционным, клиентско-цифровым и интеграционным развитием.

Сравнительная характеристика ключевых показателей X5 Group и ПАО «Магнит».

Сопоставление X5 Group и ПАО «Магнит» показывает, что конкурентный профиль компаний в 2025 г. различается не только по финансовым результатам, но и по качеству операционной и цифровой трансформации. Наиболее существенные различия представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые показатели X5 Group и ПАО «Магнит» за 2025 г.

Блок	Показатель	X5 Group	ПАО «Магнит»
Финансовый	Рост выручки, %	18,8	15,3
Финансовый	Валовая маржа, %	24,1	22,5
Финансовый	EBIT margin, %	5,3	3,8
Финансовый	CFO / Revenue, %	6,5	1,3
Финансовый	Net Debt / EBITDA, x	2,1	3,6
Финансовый	ROIC, %	18,1	9,6
Операционный	Выручка на 1 кв. м, тыс. руб.	399,5	310,0
Операционный	Дни запасов	34,6	39,2
Цифровой	Доля digital / GMV, %	6,2	5,3
Цифровой	Участники программы лояльности, млн	95,1	92,0

Источник: составлено и рассчитано автором на основе открытых корпоративных данных X5 Group и ПАО «Магнит» [4–8].

Примечание: показатели таблицы приведены по данным открытой корпоративной отчетности и презентационных материалов; показатели маржинальности и долговой нагрузки использованы в раскрываемом компаниями базисе, что учитывается при последующей контурной диагностике. Итоговые индексы в таблице 2 рассчитаны по расширенной системе показателей и не являются простым средним значением показателей, приведенных в таблице 1.

Данные таблицы 1 показывают, что X5 Group имеет более сильную финансово-результативную позицию. Компания демонстрирует более высокий темп роста выручки, более устойчивую валовую и операционную маржинальность, более сильную денежную конверсию и более высокую отдачу инвестированного капитала. Особенно важен разрыв по CFO / Revenue: у X5 Group показатель составляет 6,5%, тогда как у ПАО «Магнит» – 1,3%. Это указывает на более высокую способность X5 преобразовывать выручку и операционный масштаб в денежный поток.

Ресурсно-операционный контур также подтверждает преимущество X5 Group. Выручка на 1 кв. м торговой площади у X5 выше, а период оборота запасов короче. Для продуктового ритейла это имеет принципиальное значение, поскольку высокая оборачиваемость запасов снижает потребность в оборотном капитале и повышает устойчивость денежного потока. При этом цифровой контур у обеих компаний развивается достаточно активно: ПАО «Магнит» сокращает разрыв по доле digital / GMV и базе участников программы лояльности, однако эти цифровые показатели не сопровождаются сопоставимым финансовым результатом.

Результаты контурной диагностики CCI и DI.

Для обобщения различий между компаниями рассчитаны частные контурные индексы и итоговые показатели CCI и DI. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты контурной диагностики X5 Group и ПАО «Магнит» в 2023–2025 гг.

Компания	Год	F	RO	CD	I	CCI	DI
X5 Group	2023	0,850	0,610	0,495	0,501	0,653	0,118
X5 Group	2024	0,889	0,834	0,613	0,507	0,734	0,151
X5 Group	2025	0,834	0,814	0,748	0,597	0,717	0,076
ПАО «Магнит»	2023	0,459	0,250	0,000	0,292	0,271	0,125
ПАО «Магнит»	2024	0,486	0,470	0,549	0,491	0,365	0,025
ПАО «Магнит»	2025	0,074	0,275	0,751	0,792	0,059	0,298

Источник: рассчитано автором по системе контурной диагностики на основе открытых корпоративных данных [4–8].

Итоговые значения CCI показывают устойчивое преимущество X5 Group на всём рассматриваемом периоде. В 2023 г. индекс X5 составил 0,653, в 2024 г. – 0,734, в 2025 г. – 0,717. У ПАО «Магнит» значения CCI составили соответственно 0,271, 0,365 и 0,059. Следовательно, X5 Group эффективнее преобразует финансовые инструменты, операционные ресурсы и цифровые решения в финансово-экономический конкурентный результат.

Особое значение имеет динамика индекса DI. В 2023–2024 гг. у X5 Group наблюдался умеренный дисбаланс контуров, однако к 2025 г. DI снизился до 0,076, что соответствует низкому уровню дисбаланса. Это означает, что развитие операционного, клиентско-цифрового и интеграционного контуров стало более согласованным с финансовым результатом. У ПАО «Магнит» в 2024 г. DI был низким, но в 2025 г. вырос до 0,298, что указывает на выраженный внутренний разрыв.

Главная причина данного разрыва состоит в том, что у ПАО «Магнит» клиентско-цифровой и интеграционный контуры усиливаются быстрее, чем финансово-результативный контур. Иными словами, развитие цифровых решений, клиентской базы и публичной интеграции digital-проектов не трансформируется в сопоставимый уровень маржинальности, денежной конверсии и инвестиционной отдачи. В этом проявляется важное методическое ограничение оценки цифровизации ритейла: высокий уровень цифровых показателей сам по себе не означает устойчивого конкурентного преимущества, если он не подтверждается финансово-экономическим результатом.

Результаты.

Полученные результаты позволяют сделать несколько аналитических выводов. Во-первых, конкурентоспособность X5 Group формируется не только за счёт масштаба сети, но и за счёт более эффективного использования торговой инфраструктуры. Более высокая выручка на 1 кв. м и более короткий период оборота запасов указывают на более качественную трансформацию торговой площади и товарного капитала в выручку и денежный поток.

Во-вторых, финансово-результативный контур остаётся ключевым ограничителем для ПАО «Магнит». Несмотря на активное развитие клиентско-цифрового направления, компания демонстрирует более низкую маржинальность, более слабую денежную конверсию и более высокую долговую нагрузку. Это означает, что цифровые и клиентские решения должны оцениваться не по масштабу их внедрения, а по способности улучшать финансово-экономические параметры деятельности.

В-третьих, индекс DI показывает, что устойчивость конкурентного преимущества зависит не только от уровня итогового CCI, но и от внутренней согласованности контуров. Высокие значения отдельных цифровых или операционных показателей не компенсируют слабость финансового результата, если между контурами формируется существенный разрыв. Поэтому для управления конкурентоспособностью розничной сети необходимо одновременно контролировать финансовую эффективность, оборотный капитал, операционные расходы, клиентскую базу и отдачу цифровых инвестиций.

Заключение.

Проведённая финансово-экономическая диагностика показала, что X5 Group в 2023–2025 гг. сохраняет более высокий уровень конкурентоспособности по сравнению с ПАО «Магнит». Преимущество X5 формируется прежде всего за счёт более сильного финансово-результативного и ресурсно-операционного контуров: компания демонстрирует более высокую маржинальность, более устойчивую денежную конверсию, более высокую отдачу инвестированного капитала, лучшую выручку на 1 кв. м торговой площади и более короткий цикл запасов.

ПАО «Магнит» демонстрирует развитие клиентско-цифрового и интеграционного контуров, однако в 2025 г. эти направления не конвертируются в сопоставимый финансово-экономический результат. В результате индекс DI возрастает до выраженного уровня, что указывает на внутренний дисбаланс между цифровым развитием и финансовой отдачей бизнес-модели.

Таким образом, оценка конкурентоспособности продуктовых розничных сетей должна строиться не только на финансовых коэффициентах, но и на комплексной системе показателей, позволяющей связать финансовые, операционные, клиентско-цифровые и интеграционные результаты. Для X5 Group дальнейшее повышение конкурентоспособности связано с удержанием финансовой эффективности роста, повышением отдачи инвестиций, управлением оборотным капиталом и более формализованной оценкой финансового эффекта цифровых решений.

Список литературы

1. Kaplan R.S. The Balanced Scorecard – Measures That Drive Performance / R.S. Kaplan, D.P. Norton // Harvard Business Review. – 1992. – Vol. 70, No. 1. – С. 71–79. EDN BLHFZZ

2. OECD, European Commission, Joint Research Centre. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide. – Paris: OECD Publishing, 2008. – 158 с.

3. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda / P. C. Verhoef, T. Broekhuizen, Y. Bart [et al.] // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – С. 889–901. – DOI 10.1016/j.jbusres.2019.09.022. EDN BUXXSM

4. ПАО «Корпоративный центр ИКС 5». Финансовая отчетность. – URL: https://www.x5.ru/ru/investors/financial-statements/ (дата обращения: 03.05.2026).

5. X5 Group. X5 reports 18.8% revenue growth in 2025, 6.1% adjusted EBITDA margin pre-IFRS 16. – URL: https://www.x5.ru/en/news/x5-reports-18–8-revenue-growth-in-2025–6-1-adj-ebitda-margin-pre-ifrs-16/ (дата обращения: 03.05.2026).

6. X5 Group. Financial and operational results. – URL: https://www.x5.ru/en/investors/financial-and-operational-results/ (дата обращения: 03.05.2026).

7. ПАО «Магнит». Финансовая отчетность. – URL: https://www.magnit.com/ru/disclosure/financial-statements/ (дата обращения: 03.05.2026).

8. ПАО «Магнит». Отчеты и результаты. – URL: https://www.magnit.com/ru/shareholders-and-investors/results-and-reports/ (дата обращения: 03.05.2026).

Кудашева Ксения Александровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

БУХГАЛТЕРСКАЯ ОТЧЕТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОПУСКА К БЮДЖЕТНЫМ СРЕДСТВАМ: УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАКАЗЧИКА ПРИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДАННЫХ УЧАСТНИКОМ ЗАКУПКИ

Аннотация: *в статье исследуется проблема фальсификации данных бухгалтерской отчетности участниками закупок как угроза экономической безопасности заказчика при доступе к бюджетным средствам. Цель исследования – выявить основные мотивы участников закупок к искажению отчетных данных, систематизировать наиболее распространенные схемы фальсификации и предложить комплекс мер по их выявлению и нейтрализации.*

Ключевые слова: *бухгалтерская отчетность, государственные закупки, бюджетные средства, экономическая безопасность, фальсификация данных, заказчик, участник закупки, угрозы, финансовый анализ, цифровые технологии.*

Исследования, посвященные проблемам фальсификации бухгалтерской отчетности, как правило, фокусируются на угрозах для инвесторов, кредиторов и самого бизнеса. Однако роль отчетности как инструмента допуска к государственным средствам и связанные с этим риски для государства также активно изучаются. Бухгалтерская отчетность является краеугольным камнем при принятии решений о предоставлении государственных ресурсов. Законодательство в сфере закупок (например, Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд») требует от участников предоставления достоверной информации о своем финансовом положении. Зачастую, одним из критериев оценки надежности участника является его финансовая устойчивость, подтвержденная данными бухгалтерской отчетности. Государственные и муниципальные заказчики используют эту информацию для минимизации риска неисполнения контракта. Фальсификация данных бухгалтерской отчетности участником закупки может иметь серьезные негативные последствия для заказчика: неэффективное расходование бюджетных средств: Выбор ненадежного исполнителя может привести к тому, что контракт не будет исполнен надлежащим образом, или средства будут использованы не по назначению. Срыв выполнения государственных программ: неспособность выигравшего тендер участника выполнить свои обязательства может привести к задержкам или полной остановке реализации важных государственных проектов. Увеличение рисков для бюджета: государство может понести убытки, связанные с расторжением контрактов, взысканием неустоек (если это возможно) и необходимостью проведения повторных закупочных процедур. Подрыв доверия к системе государственных закупок: частые случаи выбора недобросовестных исполнителей из-за предоставления фальсифицированной отчетности снижает доверие общества к эффективности работы государственных органов.

Существенное расхождение темпов роста выручки и денежного потока от операционной деятельности.

Аномально быстрый рост дебиторской задолженности по сравнению с выручкой. Непрозрачная структура прочих доходов и расходов. Частые изменения учетной политики и оценочных значений. Предоставление отчетности, значительно отличающейся от отчетности компаний-аналогов в той же отрасли.

Фальсификация данных бухгалтерской отчетности участниками закупок, претендующих на получение бюджетных средств, представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности заказчика и государства. Эта угроза проявляется в виде неэффективного расходования бюджетных средств, срыва выполнения государственных программ и подрыва доверия к системе закупок. Для эффективной нейтрализации данной угрозы необходим комплексный подход, включающий как превентивные, так и детективные меры.

Система мер по нейтрализации угрозы.

1. Совершенствование процедур проверки финансового состояния участников.

Усиление требований к полноте и достоверности представляемой отчетности: Заказчики должны требовать предоставления полного комплекта бухгалтерской отчетности, включая пояснительную записку, где могут быть раскрыты существенные оценочные суждения менеджмента. Применение расширенного финансового анализа: помимо стандартных коэффициентов, следует применять индикаторы, сигнализирующие о возможных манипуляциях, такие как: сравнение темпов роста выручки и дебиторской задолженности. Анализ оборачиваемости запасов и их соответствия отраслевым нормам. Оценка доли долгосрочных обязательств и их динамики. Выявление необычно крупных или часто меняющихся статей прочих доходов/расходов. Сравнительный анализ с компаниями-аналогами: для выявления аномалий необходимо проводить сравнение финансового состояния участника с показателями других компаний, работающих в аналогичной отрасли и имеющих сопоставимые масштабы деятельности.

Проверка на наличие нетипичных сделок: особое внимание следует уделять сделкам со связанными сторонами, сделкам, совершаемым в конце отчетного периода, и сделкам с офшорными компаниями.

2. Внедрение инструментов цифровой аналитики.

Использование систем автоматизированного анализа отчетности: внедрение программного обеспечения, способного в режиме реального времени обрабатывать большие объемы данных, выявлять закономерности и аномалии, а также прогнозировать риски.

Применение машинного обучения для выявления паттернов мошенничества: Алгоритмы машинного обучения могут анализировать не только числовые данные, но и текстовую

информацию (пояснительные записки, аудиторские заключения), выявляя скрытые признаки манипуляций.

3. Ужесточение ответственности и повышение прозрачности.

Повышение ответственности за предоставление недостоверной информации: предусмотреть более жесткие санкции, включая исключение из реестра недобросовестных поставщиков, штрафы и, в случаях преднамеренной фальсификации, уголовную ответственность.

Взаимодействие с налоговыми органами и аудиторскими организациями: Налаживание обмена информацией для верификации данных, представленных участниками закупок.

Публикация информации о выявленных случаях фальсификации: Обеспечение прозрачности процесса закупок и информирование общественности о случаях мошенничества способствует повышению бдительности и укреплению доверия.

4. Развитие комплаенс-процедур у участников закупок.

Формирование корпоративной культуры добросовестности: компании, претендующие на получение бюджетных средств, должны внедрять строгие внутренние контрольные процедуры и этические стандарты.

Обязательное аудирование финансовой отчетности: для крупных участников или для получения значительных объемов бюджетных средств, обязательное проведение аудита независимыми аудиторскими организациями может стать дополнительным гарантом достоверности отчетности.

5. Повышение квалификации сотрудников заказчика.

Обучение специалистов по финансовому анализу и выявлению мошенничества: Сотрудники, ответственные за проведение закупочных процедур, должны обладать необходимыми знаниями и навыками для адекватной оценки финансового состояния участников.

Обеспечение достоверности бухгалтерской отчетности участников закупок, претендующих на бюджетные средства, является неотъемлемой частью системы экономической безопасности государства. Комплексный подход, включающий как совершенствование регуляторных механизмов, так и активное применение современных аналитических и цифровых инструментов, позволит минимизировать риски, связанные с фальсификацией отчетности, и обеспечить эффективное использование государственных ресурсов.

Список литературы

1. Выприцкая Г.В. Внешний и внутренний анализ финансового состояния / Г.В. Выприцкая // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – №2–1. – С. 103–104. EDN TFOCTF

2. Герасименко А. Финансовая отчетность для руководителей и начинающих специалистов / А. Герасименко. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 322 с. EDN VRTEUX

3. Копосова Н.Н. Комплексная оценка финансового состояния организации / Н.Н. Копосова // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2016. – №118–3. – С. 131–133. EDN XCDHWH

4. Финансовый менеджмент: учебное пособие / Т.П. Варламова, М.А. Варламова. – М.: Дашков и К°, 2014. – 408 с.

5. Лутфуллин Ю.Р. Управление изменениями как фактор развития культуры управления / Ю.Р. Лутфуллин // Актуальные вопросы формирования культуры предпринимательства: сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов экономического факультета СФ БашГУ / кол. авторов. – М.: Русайнс, 2018. – С. 164–168.

6. Пименова Т.И. Финансы современного предприятия / Т.И. Пименова. – М.: Олма-пресс, 2012. – 348 с.

Машкин Аркадий Львович
канд. экон. наук, доцент
Аристова Дарья Вадимовна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ)»
г. Москва

АНАЛИЗ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ НА ТРАНСПОРТЕ

Аннотация: *в статье рассматривается роль транспорта как ключевого фактора экономической деятельности, обеспечивающего развитие торговли, занятости и мобильности населения. Подчёркивается стратегическое значение отрасли и необходимость её адаптации к изменяющимся условиям, включая внедрение цифровых технологий и алгоритмов искусственного интеллекта. Обосновывается потребность в совершенствовании традиционных методов управления рисками и разработке новых стратегий выявления и минимизации быстроразвивающихся угроз. Особое внимание уделяется информационным, геополитическим и ценовым рискам, способным нанести системный ущерб транспортной отрасли. Отмечается, что базовым подходом к управлению рисками остаются стратегии уклонения, снижения, передачи или принятия рисков.*

Ключевые слова: *риски, ущерб, методы управления.*

Транспорт является жизненно важным фактором экономической деятельности во всех странах, способствуя развитию торговли, созданию рабочих мест и развитию туризма и ежедневного перемещения людей и грузов. Из-за своей стратегической важности сектор часто работает в тесном партнерстве с правительствами, которые вкладывают значительные средства в необходимую инфраструктуру, такую как морские порты, аэропорты, автомобильные и железные дороги. Отрасли требуется соответствовать постоянно меняющимся условиям, особенно в условиях широкого внедрения цифровых технологий, алгоритмов управления на основе ИИ, а также физических угроз [1]. Специалистам транспортной отрасли требуется продолжать совершенствовать традиционные методы управления рисками направленных на выявление, оценку и минимизацию негативных последствий неопределённости, т.е. разрабатывать новые стратегии для обнаружения и управления быстроразвивающимися рисками, а также быть готовым к появлению любых новых рисков. Постоянное обновление методов оценки текущих рисков, которые могут считаться наиболее заметными для транспортировки и логистики, и которые могут вызвать значительные сбои в работе, постепенно накапливаться, и в итоге нанести огромный системный ущерб, должно стать постоянной практикой. Такими, постоянно развивающимися рисками, особенно опасными для сферы транспорта, могут считаться информационные риски, или риски потери или подмены данных в результате кибератак, геополитические риски, которые приводят к прямому физическому ущербу и гибели людей может, что соответственно могут вызвать длительные перерывы в работе и репутационный ущерб. Цены на топливо остаются очень волатильными, что значительно влияет на норму прибыли, поскольку заправка топливом является одним из крупнейших операционных расходов для транспортных компаний. Список можно продолжить, но основой является все же выработать базовые методики управления рисками, используя широко известные направления: уклонение от риска, снижение, передачу или принятие [2].

Распределение ресурсов является одной из классических проблем в централизованной среде принятия решений, особенно применительно к транспорту и логистике [3]. Ответственные лица, принимающими решения, обычно заинтересованы в поиске наиболее предпочтительных планов распределения имеющихся в распоряжении ресурсов для удовлетворения поставленной цели, с учетом позиций различных заинтересованных сторон. Такой план распределения должен быть успешно адаптирован ко всем возможным сценариям, когда

потребность в ресурсах или мощность не являются детерминированными, поскольку транспортные процессы обычно характеризуются высоко динамичными информационными процессами. Чтобы лучше соответствовать динамичному характеру различных систем, процессы принятия решений, которые используются во многих областях транспорта и логистики, должны включать стохастические модели, присущие условиям неопределенности, т.к. в противном случае мы получим низкий уровень принятия решений. Кроме того, когда лица, принимающие решения, и заинтересованные стороны предпочитают низкий риск среди всех возможных сценариев, то помимо минимизации общих затрат для всех заинтересованных сторон, существуют мотивационные сценарии, которые дают индивидуальные преимущества и могут принести пользу только одной или нескольким сторонам, пожертвовав другими [4].

Внедрение системы управления транспортными рисками – это способ оценки конкретных рисков и разработки стратегии борьбы с этими рисками. Изменчивость рисков и необходимость удовлетворения спроса при одновременном снижении затрат вынуждают компании серьезно относиться к анализу транспортных рисков [5]. Просто слишком много данных для ручного сбора и анализа, и эти данные постоянно меняются, побуждая компании вывести свои аналитические возможности на новый уровень с использованием современных технологий [6].

Программное обеспечение для управления транспортными рисками, предлагающее актуальную и обновляющуюся информацию, дает компаниям возможность выявлять риски на ранней стадии их влияния, и своевременно предпринимать шаги для снижения выявленных рисков и принять надлежащие решения по их управлению, которые не только снизят риски, но и может служить мощным инструментом повышения продаж, который привлекает грузоотправителей, которые хотят знать, что их товары находятся в надежных руках. Когда транспортная компания не может внедрить эффективное решение по управлению транспортными рисками на практике, а управление рисками не является главным приоритетом менеджмента, то такая политика может пагубно сказаться на развитии бизнеса. Многие грузоотправители в настоящее время все больше спрашивают своих перевозчиков, какая политика действует для снижения рисков, которые могут повлиять на их перевозки. Без конкретного, четкого решения по управлению рисками, которые транспортные компании могут продемонстрировать клиентам, грузоотправители, скорее всего, отправятся в другое место. У них слишком много поставлено на карту, чтобы рисковать своими ценными грузами, цепочками поставок и репутацией [7].

Сегодня существуют разнообразные инструменты, которые могут помочь компаниям управлять рисками и реагировать на неконтролируемые события в режиме реального времени. Эти инструменты могут быть интегрированы со многими популярными ERP (Enterprise Resource Planning) и TMS (Transportation Management System), которые представляют собой два типа программного обеспечения для управления бизнес-процессами на транспорте, но имеющими разнотипные рамки применения. ERP – это комплексная система управления ресурсами предприятия. Она объединяет ключевые бизнес-процессы в единой информационной среде: финансы, складскую и производственную логистику, управление запасами, кадровую политику. TMS – это специализированное программное решение для управления транспортными операциями. Она сосредоточена на транспортных процессах и транспортной логистике [8].

Функциональная система управления рисками перевозок обеспечивает непрерывное измерение риска в режиме реального времени, в том числе опасности, включая погодные и стихийные бедствия, угрозы террористического плана [9]. Оценка риска может использоваться в качестве нормативного ориентира, при этом различные уровни риска определяю различные стратегии управления ими. Оценка риска исключает случайность в принятие управленческих решений, т.к. заранее расставлены приоритеты в проблемных местах. А

использование индексного метода статистического анализа может использоваться для понимания и оценки риска на сезонной или исторической основе [10].

Управление транспортными рисками может выглядеть неодинаково для разных бизнес-элементов, однако существуют базовые функции, которые должна стремиться внедрить каждая транспортная компания [11]. Опыт успешных транспортно-логистических компаний предлагает несколько полезных рекомендаций, стремящихся снизить риск, присущий их отрасли:

– разработка исполнительной поддержки для управления рисками;

– определение руководства по управлению рисками и организационных обязанностей;

– формализация подходов к управлению рисками с использованием целостного подхода для поддержки принятия решений и повышения успешности достижения стратегических целей и задач;

– использование управление рисками для пересмотра существующих политик, процессов и стандартов;

– внедрение управления рисками в существующие бизнес-процессы, затрагивающие финансовый и управленческий менеджмент определение владельцев рисков и управление рисками на соответствующем уровне;

– использование всех разнообразных инструментов анализа рисков, от простых до сложных [12].

Ключом к поиску решения по управлению транспортными рисками является понимание ценности доступности информации о непосредственном процессе транспортировки. Как грузоотправителям, так и перевозчикам требуется информация в режиме реального времени о грузах: что находится в каждом грузовике и как должен перевозиться конкретный груз, судоходные пути, ожидаемые и фактические сроки вывоза и доставки, а также все переменные, которые могут повлиять на эти факторы [13]. Переменных много, а некоторые непредсказуемы. Погода, стихийные бедствия, преступность, протесты или беспорядки, проблемы с инфраструктурой, здоровье и безопасность водителей, лесные пожары и другие проблемы могут прямо или косвенно влиять на надежность доставки. Прогнозируя эти переменные заранее, перевозчики могут лучше устанавливать соответствующие ожидания, снижать затраты и обеспечивать надлежащее обслуживание и доставку грузов, как и планировалось, соблюдаю временные рамки для каждого этапа транспортировки [14].

Решение для анализа транспортных рисков должно быть в состоянии не только удовлетворить текущие потребности компании, но также должно быть в состоянии масштабироваться по мере того, как ваша компания развивается, чтобы удовлетворить любой спрос на транспортные услуги, и включить в расчет любые риски, угрожающие цепочке поставок, которых нет сейчас, но возможны в будущем.

Список литературы

1. Чириканова Е.А. Инновационные процессы как фактор экономического развития / Е.А. Чириканова // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2018. – №4 (18). – С. 12. EDN VQABTW

2. Управление запасами: многофакторная оптимизация процессов поставок / Г.Л. Бродецкий, В.Д. Герами, А.В. Колик, И.Г. Шидловский. – М.: Юрайт, 2023. – 322 с.

3. Машкина Н.А. Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли в мире / Н.А. Машкина, А.Е. Велиев // ЦИТИСЭ. – 2020. – №1 (23). – С. 290–297. DOI 10.15350/24097616.2020.1.27. EDN ADZWXS

4. Финансовые стратегии бизнеса в современных условиях / Е.В. Алексеенко, Л.С. Артамонова, Г.И. Арутюнова [и др.]; под ред. И.В. Политковской, Т.А. Шпилькиной, М.А. Жидковой, В.И. Прусовой. – М., 2021.

5. Машкин А.Л. Оценка рисков и их страхование при реализации инфраструктурных проектов / А.Л. Машкин, Е.К. Телушкина // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2024. – С. 161–167. EDN PNWGVU

6. Чириканова Е.А. Особенности внедрения цифровых технологий в малом автотранспортном бизнесе / Е.А. Чириканова // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: сборник научных трудов. – М., 2023. – С. 166–170. EDN TODEWB

7. Матанцева О.Ю. Методы повышения точности прогноза затрат на осуществление перевозок / О.Ю. Матанцева, С.К.И. Залыгина // Научный вестник автомобильного транспорта. – 2024. – №3. – С. 3–11. EDN BTAIWN

8. Улицкая Н.М. Финансовая устойчивость транспортных предприятий в кризисных условиях / Н.М. Улицкая // Транспортное дело России. – 2026. – №2. – С. 17–22. EDN YZXRWY

9. Пономарева Е.С. Логистические риски в транспортной деятельности и способы их минимизации / Е.С. Пономарева // Молодой исследователь Дона. – 2024. – Т. 9, №2. – С. 58–61. EDN CHBBHD

10. Гоголина Е.С. Использование статистических индексов на транспорте / Е.С. Гоголина, А.Л. Машкин // Транспортное дело России. – 2018. – №5. – С. 88–89. EDN VKEISI

11. Машкин А.Л. Анализ рисков в глобальной системе международных транспортных коридоров (МТК) / А.Л. Машкин, Е.С. Гоголина, К.В. Хафизов // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: сборник научных трудов. – М., 2022. – С. 119–129. EDN KIIADS

12. Самойлов В.О. Управление рисками в международных грузоперевозках / В.О. Самойлов // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сборник статей IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 20 марта 2023 г.). – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. – С. 80–82. EDN ISBYRZ

13. Гоголина Е.С. Экономические аспекты аудита качества организации дорожного движения / Е.С. Гоголина, М.А. Дрейцен, А.Л. Машкин // Транспортное дело России. – 2019. – №3. – С. 91–92. EDN CBJABV

14. Улицкая Н.М. Экономическая эффективность мультимодальных перевозок / Н.М. Улицкая // Устойчивое развитие городского транспорта в Российской Федерации: сборник научных статей, посвященных 95-летнему юбилею Научно-исследовательского института автомобильного транспорта. – М., 2025. – С. 113–121. EDN KDJZRQ

Мягкая София Артемовна
бакалавр, студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

СИСТЕМА ФИНАНСОВЫХ ИНДИКАТОРОВ КАК РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *в современных условиях экономической нестабильности возрастает потребность в инструментах, способных предсказывать кризисные явления. Данная статья посвящена рассмотрению системы финансовых индикаторов – надежного инструмента раннего предупреждения угроз безопасности бизнеса. Актуальность темы обусловлена необходимостью быстрой адаптации компаний к внешним шокам. Комплексность подхода заключается в интеграции традиционных коэффициентов в динамическую модель оценки рисков. Предложенный комплекс показателей позволяет вовремя заметить негативные тренды. Практическая значимость работы состоит в возможности внедрения этой системы в реальный сектор для минимизации потерь. Таким образом, создается надежный барьер против угроз.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, финансовые индикаторы, эффективность, превентивные меры, экономический эффект, система безопасности, предупреждение угроз.*

Обеспечение экономической безопасности любой организации сегодня невозможно представить без детального анализа цифр. Финансовое состояние – это своего рода «пульс» бизнеса, по которому можно вовремя заметить приближающуюся «лихорадку» в виде банкротства или потери рыночных позиций. В данной статье рассматривается система финансовых индикаторов как ключевой механизм раннего обнаружения угроз. Когда внешняя среда

становится агрессивной, а рынки – нестабильными, именно математически выверенные показатели позволяют менеджменту не просто реагировать на проблемы, а предвидеть их.

Под финансовыми индикаторами следует понимать систему количественных и качественных параметров, которые отражают состояние ресурсов предприятия. Основная задача такой системы – сигнализировать о выходе параметров за пределы допустимых значений. Если рассматривать экономическую безопасность как состояние защищенности интересов собственников и персонала, то финансовая устойчивость выступает её фундаментом.

В рамках статьи выделяются три основных блока индикаторов, которые в совокупности формируют систему раннего предупреждения.

Первый блок – индикаторы ликвидности и платежеспособности. Они показывают, способна ли компания платить по счетам здесь и сейчас. Одним из ключевых здесь является *коэффициент текущей ликвидности* (Ктл), который рассчитывается по формуле:

$$К_{тл} = {Оборотные\ активы}/{Краткосрочные\ обязательства} \quad (1)$$

Считается, что значение ниже 1.5 уже является тревожным сигналом. Если показатель стремится к единице, система раннего предупреждения должна выдать сигнал о критическом уровне угрозы. Это означает, что компания живет без резерва, и любой сбой в поставках или задержка платежа от клиента могут парализовать деятельность.

Второй блок индикаторов касается финансовой устойчивости и структуры капитала. Важнейшим показателем здесь выступает *коэффициент автономии* (Ка), отражающий долю собственного капитала в общем балансе:

$$К_а = {Собственный\ капитал}/{Валюта\ баланса} \quad (2)$$

Обоснованным будет вывод, что падение этого показателя ниже 0.5 свидетельствует о чрезмерной зависимости от кредиторов. В условиях роста процентных ставок или кризиса банковской системы такая зависимость становится прямой угрозой экономической безопасности.

Третий блок включает индикаторы рентабельности. Если бизнес перестает генерировать прибыль, он начинает расходовать имеющиеся ограниченные ресурсы. Особое внимание следует уделять *рентабельности продаж* (*ROS*) и *рентабельности активов* (*ROA*). Резкое снижение этих показателей часто предшествует проблемам с ликвидностью, выступая самым ранним из возможных предупреждений.

Для наглядности можно представить структуру системы предупреждения в виде таблицы.

Таблица 1

Пороговые значения индикаторов для мониторинга угроз

Индикатор	Нормативное значение	Сигнал «Предупреждение»	Сигнал «Кризис»
Коэффициент текущей ликвидности	> 2.0	1.2 – 1.5	< 1.0
Коэффициент автономии	0.5 – 0.7	0.4 – 0.5	< 0.4
Рентабельность активов (ROA)	> 10%	2% – 5%	< 0% (убыток)
Доля просроченной дебиторской задолженности	< 5%	10% – 15%	> 20%

На основании приведенных данных можно резюмировать, что система раннего предупреждения работает по принципу «светофора». Как только индикатор попадает в желтую зону, служба безопасности и финансовый департамент обязаны начать разработку мер по стабилизации.

Стоит также уделить внимание интегральным моделям оценки рисков, таким как *модель Альтмана* или *модель Таффлера*. Эти формулы позволяют объединить несколько индикаторов в один индекс. Например, пятифакторная модель Альтмана (Z-счет) для производственных предприятий рассчитывается следующим образом:

$$Z = 1.2 \times X1 + 1.4 \times X2 + 3.3 \times X3 + 0.6 \times X4 + 1.0 \times X5 \quad (3)$$

где *X1* – отношение оборотного капитала к активам,

X2 – нераспределенная прибыль к активам,
X3 – операционная прибыль к активам,
X4 – рыночная стоимость капитала к обязательствам,
X5 – выручка к активам.

Полученное значение позволяет с высокой точностью (до 90% на горизонте одного года) предсказать возможное банкротство. Такие модели рассматриваются как важнейший аналитический надстрой над базовыми показателями.

Однако стоит заметить, что финансовые индикаторы не должны рассматриваться в отрыве от отраслевой специфики. Для торговой компании высокая оборачиваемость может компенсировать низкую маржинальность, тогда как для тяжелой промышленности такой подход недопустим. Настройка пороговых значений под специфику определённой компании – это обязательный этап построения системы безопасности.

Кроме того, нельзя игнорировать качественные индикаторы, которые часто называют «мягкими» сигналами. К ним относятся конфликты среди акционеров, частая смена главных бухгалтеров, задержки в представлении финансовой отчетности или резкое изменение учетной политики. Хотя эти факторы сложно оцифровать, в сочетании с негативной динамикой финансовых коэффициентов они дают практически стопроцентную картину надвигающейся угрозы.

Важным аспектом является автоматизация сбора данных. В эпоху цифровизации использование *Excel* для этих целей представляется архаичным. Современные *ERP*-системы позволяют выводить значения ключевых индикаторов на дашборд руководителя в режиме реального времени. Это превращает систему финансовых индикаторов из архива прошлых ошибок в инструмент оперативного управления. Как только линия графика на экране пересекает критическую отметку, включается протокол реагирования: поиск дополнительных источников финансирования, сокращение издержек или реструктуризация долгов.

Анализ теоретической части позволяет сделать вывод, что эффективность системы раннего предупреждения напрямую зависит от качества первичной информации. Если бухгалтерская отчетность искажена, то даже самая совершенная математическая модель выдаст ошибочный прогноз. Таким образом, информационная прозрачность становится еще одним столпом экономической безопасности.

В завершение стоит отметить, что никакая система индикаторов не является решением всех проблем. Она лишь подсвечивает проблемные зоны, но решения всегда остаются за менеджментом. Финансовые показатели – это ориентиры, с помощью которых управленцы и руководители бизнеса могут принимать стратегические решения для дальнейшего развития компании.

На основании изложенного можно резюмировать, что создание системы финансовых индикаторов является жизненно важной задачей для любого предприятия, стремящегося к долгосрочному выживанию. Интеграция ликвидности, устойчивости и рентабельности в единый мониторинговый контур позволяет обнаруживать угрозы на стадии их зарождения. Таким образом, обоснованным будет вывод о том, что финансовая диагностика выступает не просто элементом учета, а фундаментальным инструментом стратегического управления экономической безопасностью, позволяющим минимизировать риски и обеспечивать стабильное развитие организации в условиях неопределенности. Своевременное реагирование на сигналы системы предупреждения дает компаниям необходимый запас времени для маневра, что в конечном итоге определяет разницу между крахом и успешным преодолением кризиса.

Список литературы

1. Моденов А.К. Выбор экономически безопасной стратегии предприятия / А.К. Моденов, М.П. Власов // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2022 года). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 29–37. EDN EVSFEB

2. Моденов А.К. Методологические аспекты формирования информационно-аналитической деятельности в системе экономической безопасности / А.К. Моденов // Проблемы экономической безопасности в условиях цифровизации экономики: материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 23 марта 2022 года). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 77–95. EDN STWPZD

3. Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2023. – 608 с.

4. Усков В.В. Классические методы оценки государственного противодействия экономическим преступлениям в России / В.В. Усков, Д.Н. Полтораченко // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, №2. – С. 22–32. DOI 10.55186/2413046X_2025_10_2_35. EDN QATDCC

5. Усков В.В. Теоретические и правовые основы информационной безопасности как составной части системы экономической безопасности / В.В. Усков, О.В. Харченко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 31–34.

6. Uskov V. Compliance Control in the Context of Sanctions and Pandemics as a Method of Ensuring the Economic Security of a Transport Enterprise / V. Uskov, O. Kharchenko // Lecture Notes in Networks and Systems, 2023, 574 LNNS. – P. 1716–1723. DOI 10.1007/978-3-031-21432-5_184. EDN LGKZUX

7. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Москва. – URL: https://www.economy.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

8. Портал финансового мониторинга и отчетности. – URL: https://fedsfm.ru (дата обращения: 21.05.2026).

9. Рейтинговое агентство «Эксперт РА»: официальный сайт. – URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 22.05.2026).

10. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

Сидоров Андрей Олегович
аспирант, ассистент
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
г. Тамбов, Тамбовская область

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ

Аннотация: *статья посвящена исследованию зарубежного опыта использования механизмов защиты экономической безопасности субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на региональном уровне. Автором проанализированы подходы к поддержке МСП в США, Китае, Германии и Южной Корее. Особый акцент сделан на сочетании жестких (субсидирование, локализация) и мягких (цифровые экосистемы, комплаенс) инструментов. В условиях геополитической фрагментации последних лет и постпандемийной трансформации цепочек поставок предложены механизмы обеспечения экономической безопасности предпринимательства для России, учитывающие ограничения санкционного режима и задачи пространственного развития,*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, региональная экономика, МСП, санкционный комплаенс, цифровые платформы, индустриальные парки, экономическая устойчивость.*

Сегодня мировая экономика функционирует в режиме перманентного стресс-тестирования. Если ранее угрозы экономической безопасности предпринимательства носили циклический характер, то сегодня они приобрели структурное постоянство. Ключевыми вызовами для регионального бизнеса, согласно Докладу Всемирного банка «Global Economic Prospects» (январь 2026) [6], стали: фрагментация торговых блоков, волатильность цен на энергоносители и сырье, а также ускоренная инфляция издержек, достигающая в развитых странах 3,8% в годовом выражении.

Для России проблема нивелирования угроз на региональном уровне осложняется несколькими факторами. Во-первых, это высокая степень дифференциации субъектов Федерации по уровню деловой активности: в 2025 году разрыв между регионами-лидерами и аутсайдерами по индексу деловой среды достиг 4,7 раза (по данным рейтинга АСИ) [5]. Во-вторых, ужесточение санкционного давления в 2025 году (15-й и 16-й пакеты ЕС) вынуждает искать нетривиальные решения, выходящие за рамки классического протекционизма. Традиционные меры поддержки, основанные на прямых дотациях, демонстрируют снижающуюся эффективность из-за бюджетных ограничений.

Проблематика исследования заключается в противоречии между необходимостью обеспечения комплексной безопасности предпринимательства в регионах России и недостаточной изученностью прикладных зарубежных практик, адаптированных к условиям изолированной экономики. Цель работы – выявить релевантные зарубежные механизмы нивелирования угроз и предложить дорожную карту их трансформации в российскую практику с учетом современных реалий.

Дискуссия о пределах государственного вмешательства в региональную предпринимательскую безопасность остается острой как в зарубежной, так и в отечественной литературе.

М. Портер в своих поздних работах (2023–2025) акцентирует концепцию «конкурентного сосуществования», утверждая, что безопасность кластеров в 2020-х годах обеспечивается не изоляцией от глобального рынка, а способностью к быстрой конверсии логистических цепочек [7].

В противовес ему, немецкий экономист К. Фрайер [9] в исследовании 2025 года «Regional Resilience under Sanctions» доказывает, что в условиях принудительной автаркии (на примере Ирана и России) малый бизнес выживает исключительно за счет «теневой адаптации» и регионального меркантилизма, что снижает прозрачность, но повышает живучесть.

Китайская школа (Li Wei, Университет Цинхуа, 2026) делает упор на «цифровой суверенитет» малых форм хозяйствования. В публикациях школы последних лет [8] подчеркивается роль государственных платформенных решений (вроде национальной сети блокчейн-логистики BSN для МСП), которые снижают транзакционные риски на 30–40% по сравнению с рыночными механизмами.

Среди российских ученых академик А.Г. Аганбегян [1] настаивает на необходимости мобилизационной модели, указывая, что без форсированного роста денежной массы и «длинных денег» под 3–4% обеспечить модернизацию регионального предпринимательства невозможно.

Доктор экономических наук Е.М. Бухвальд в статьях, посвященных пространственному развитию [3], акцентирует внимание на юридический аспект, а именно, «угрозы безопасности порождаются правовой неопределенностью». Он призывает к введению моратория на изменение фискальных условий для МСП в отдельных регионах в течении 10 лет.

Позиция экспертов ЦБ РФ и Финансового университета [2] в вопросах поддержки предпринимательства сфокусирована на формировании технологического суверенитета в стране. Однако, как отмечает в процессе дискуссии профессор Н.В. Зубаревич [4], излишний технократизм в поддержке МСП размывает социальную функцию предпринимательства в депрессивных регионах, где практически бизнес – это форма самозанятости, а не инноваций.

Обобщая мнения отдельных ученых-экономистов, по мнению автора исследования, наступает время, когда тематика исследования все больше должна переходить в плоскость перехода от политики «спасения» МСП к политике «превентивной иммунизации» регионального предпринимательства.

С целью более глубокого раскрытия темы исследования, проведем анализ зарубежных практик по обеспечения экономической безопасности предпринимательства.

1. Опыт Соединенных Штатов Америки. Здесь необходимо отметить решоринг и преференции безопасности (The CHIPS and Science Act 2.0).

В 2025 году в США принят пакет поправок, расширяющих действие «Закона о чипах» на малый производственный бизнес. Созданы региональные «HubZones безопасности», где предприниматели, участвующие в цепочках решоринга (возврата производств из Азии), получают налоговые вычеты до 40% от капитальных затрат. Главный тренд 2026 года – увязка экономической безопасности с кибербезопасностью: с 1 января 2026 года для всех подрядчиков государственных тендеров на региональном уровне стало обязательным наличие сертификата CMMC 2.0 [11].

2. Опыт Германии – «защитные зонтики» для предпринимательства.

Германская модель основана на поддержке «скрытых чемпионов». В 2025 году из-за резкого роста цен на газ правительство запустило программу «Wirtschaftsschutz 2030». Ключевой мерой 2026 года стало субсидирование региональных гарантийных фондов на 90% (ранее было 50–70%), что позволило малым предприятиям Баварии и Баден-Вюртемберга перекредитоваться под 2,1% годовых, несмотря на более высокую ключевую ставку ЕЦБ. Также активно внедряются региональные «альянсы кибербезопасности», где атаки на IT-инфраструктуру одной компании автоматически блокируются силами земельного правительства [10].

3. Опыт Китая. Управляемая экосистема и суды по делам МСП.

КНР в 2025–2026 гг. демонстрирует жесткий подход к нивелированию рисков неплатежей, которые являются главной угрозой для регионального бизнеса. С 1 марта 2026 года в провинции Гуандун запущена пилотная система блокчейн-факторинга для МСП, где оплата подтвержденного госконтракта происходит автоматически в течение 24 часов. Параллельно в 2025 году создана сеть специальных коммерческих судов «быстрого реагирования», рассматривающих споры с участием малого бизнеса не дольше 20 дней. Это резко снизило издержки предпринимателей на юридическую защиту [8].

4. Опыт Южной Кореи – использование проактивного комплаенса.

Интересен опыт Сеула и Пусана (2025–2026), где муниципалитеты совместно с Торговой палатой внедрили систему ИИ-мониторинга регуляторных рисков. Система «RB-Protector» сканирует законодательные инициативы и предупреждает владельца кофейни или малого производства о грядущем изменении санитарных, пожарных или налоговых норм за 6 месяцев до их вступления в силу. Это позволяет предпринимателю адаптироваться превентивно, а не гасить пожар [12].

Компаративный анализ использования зарубежных механизмов обеспечения предпринимательства позволяет выделить три универсальных модуля зарубежного опыта, применимых в РФ, но требующих серьезной адаптации под современные реалии.

Таблица 1

Сравнительный анализ инструментов нивелирования угроз

Инструмент / Страна	США	Германия	Китай	Южная Корея	Применимость в РФ (1–5)
Прямое субсидирование кредитов	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая	2 (риск инфляции)
Цифровой протекционизм (платформы)	Высокая	Средняя	Высокая	Средняя	5 (импортозамещение ПО)
Превентивная юридическая защита	Средняя	Низкая	Высокая (суды)	Высокая (ИИ)	4
Принудительная локализация	Высокая	Низкая	Высокая	Средняя	3 (параллельный импорт)
Кибербезопасность как стандарт	Высокая	Высокая	Средняя	Средняя	5

Источник: составлено автором на основе [8–12].

Слепое копирование зарубежного опыта в современных условиях России нецелесообразно из-за уникальной комбинации санкций, структуры региональных рынков и низкой плотности экономического пространства. Однако критический анализ зарубежных подходов позволяет предложить следующие шаги по нивелированию угроз:

1. Переход от «поддерживающей» к «проектной» безопасности (на основе опыта Южной Кореи и Германии).

Предлагается создание в каждом субъекте РФ цифрового ситуационного центра МСП. Его задача – не сбор статистики, а ИИ-прогнозирование кассовых разрывов у ключевых работодателей региона на основе данных налоговых органов и банков (опыт корейского RB-Protector). Пилотные запуски таких систем в Татарстане и Московской области должны состояться до конца 2026 года.

2. Внедрение механизма «Блокчейн-заказ» (опыт КНР).

Острейшая проблема регионального бизнеса в РФ – неисполнение госконтрактов по срокам оплаты. Используя технологии распределенного реестра, можно внедрить смарт-контракты для субъектов МСП, выполняющих государственный и муниципальный заказ. При подтверждении акта приемки средства должны резервироваться казначейством автоматически, что устранит коррупционный фактор и риск кассовых разрывов.

3. Санкционный комплаенс как рыночное преимущество (опыт США и ЕС). В 2025–2026 гг. российские предприниматели столкнулись с «эффектом вторичных санкций» при расчетах с дружественными странами. Региональные ТПП должны разработать типовые пакеты «экстерриториального комплаенса» для МСП, позволяющие легально выстраивать логистику через третьи страны без риска блокировки активов. Это требует создания штата консультантов по санкционному праву за счет региональных бюджетов.

4. Интеграция в систему «светофор» ЦБ РФ. Опираясь на немецкий опыт гарантийных фондов, необходимо сегментировать региональное МСП не по отраслям, а по уровню стрессоустойчивости («зеленый» – устойчив, «желтый» – ситуационная помощь, «красный» – санация или управляемый уход с рынка). Для «зеленой» группы должны быть доступны кредиты по плавающей ставке, привязанной не к ключевой ставке ЦБ, а к индексу деловой активности конкретного региона.

Таким образом, нивелирование угроз экономической безопасности предпринимательства в российских регионах лежит не в плоскости увеличения бюджетных вливаний, а в плоскости «умного регулирования» и цифровизации доверия. Зарубежный опыт показывает, что устойчивость достигается там, где государство выступает не донором, а инфраструктурным партнером, снимающим неопределенность будущего.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. О необходимости мобилизационной модели социально-экономического развития России в условиях санкций / А.Г. Аганбегян // Экономическое возрождение России. – 2025. – №4 (82). – С. 15–29.

2. Бодрунов С.Д. Технологический суверенитет и экономика предложения: новые контуры / С Д. Бодрунов // Экономист. – 2026. – №1. – С. 3–14.

3. Бухвальд Е.М. Стратегическое пространственное планирование: макрорегионы и субъекты Российской Федерации / Е.М. Бухвальд // Журнал российского права. – 2020. – №3. – С. 31–44. – DOI: 10.12737/jrl.2020.028. EDN ODIHCE

4. Зубаревич Н.В. Региональные проекции российской экономики: кризис vs развитие / Н.В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2026. – №2. – С. 48–67.

5. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Аналитический доклад 2025. – URL: https://files-k2.asi.ru/iblock/f56/f56d03a5ee9670a11036e5878fc1909e/Issledovanie_po_itogam_formirovaniya_Natsionalnogo_reytinga_2025–2_.pdf (дата обращения: 21.06.2026).

6. Global economic outlook. Global Economic Prospects, January 2026 (English). D.C.: World Bank Group. – URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/099710001132613726 January 2026. – 98 p. (дата обращения: 21.06.2026).

7. Porter M. Competitive Coexistence in Fragmented Markets / M. Porter, J. Heppelmann // Harvard Business Review. – 2025. – November-December. – P. 45–54.

8. Li Wei Blockchain Sovereignty for SMEs: China's BSN Ecosystem in 2025–2026 / Li Wei 8 // Tsinghua Business Review. – 2026. – Vol. 14. – P. 88–102.
9. Frayer K. Regional Resilience under Sanctions: Case Studies of Russia and Iran. – Munich: Ifo Institute Press, 2025. – 210 p. / Li Wei 8 // Tsinghua Business Review. – 2026. – Vol. 14. – P. 88–102.
10. Wirtschaftsschutz 2030: Jahresbericht des Bundesministeriums für Wirtschaft und Klimaschutz. – Berlin, 2026. / Li Wei 8 // Tsinghua Business Review. – 2026. – Vol. 14. – P. 88–102.
11. The CHIPS and Science Act 2.0: SME Provisions. U.S. Senate Committee on Commerce. – Washington, 2025 / Li Wei 8 // Tsinghua Business Review. – 2026. – Vol. 14. – P. 88–102.
12. South Korea will introduce comprehensive AI regulations https://news.rambler.ru/tech/55767806-yuzhnaya-koreya-vvedet-kompleksnoe-regulirovanie-ii/ / Li Wei 8 // Tsinghua Business Review. – 2026. – Vol. 14. – P. 88–102.

Соболева Софья Владимировна
студентка
Научный руководитель
Труш Евгения Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ ЗАКОНОВ ОРГАНИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *в работе рассматривается объективная необходимость организационных изменений в условиях динамичной внешней среды. На основе анализа семи фундаментальных законов организации (синергии, наименьших, самосохранения, онтогенеза, информированности и упорядоченности, единства анализа и синтеза, гармонии) раскрываются механизмы адаптации и устойчивого развития систем. Теоретические положения иллюстрируются практическими примерами из экономики Магаданской области, демонстрирующими действие данных законов в экстремальных климатических и логистических условиях. Особое внимание уделено роли человеческого фактора, системности преобразований и балансу между стабильностью и динамикой. Сделан вывод, что управление изменениями, опирающееся на объективные закономерности, является ключевой компетенцией менеджмента и условием долгосрочной конкурентоспособности организаций.*

Ключевые слова: *организационные изменения, законы организации, управление развитием, адаптивность, человеческий фактор, Магаданская область.*

Цель данной работы: исследовать объективную необходимость организационных изменений через призму общих законов организации и проиллюстрировать их практическое применение на примере предприятий и инфраструктуры Магаданской области.

Задачи:

1) раскрыть сущность и взаимодополняемость семи общих законов организации;

2) проанализировать проявление данных закономерностей в специфических условиях Крайнего Севера (горнодобывающий и рыбопромышленный секторы, транспортная логистика);

3) выявить роль человеческого фактора, системного подхода и баланса стабильности/динамики в успешном внедрении преобразований;

В условиях стремительного НТП и изменения конъюнктуры предприятия вынуждены адаптировать стратегии и структуры управления, направляя нововведения на повышение качества и снижение затрат под давлением конкуренции и потребителей. Устойчивое развитие организаций базируется на объективных закономерностях, фундаментальной из которых является закон синергии [2,3,5]. Его суть в том, что потенциал организации при согласованном

взаимодействии элементов существенно возрастает, не равняясь их простой арифметической сумме. Практическим подтверждением в региональном контексте выступает интеграция горнодобывающих предприятий Магаданской области («Купол», «Дукат») с логистическими операторами и морским портом. Выстраивание скоординированных цепочек создания стоимости обеспечивает системный эффект, при котором сокращение издержек и ускорение оборачиваемости ресурсов превышают сумму результатов изолированного функционирования участников [1].

Следующий принцип – закон наименьших: устойчивость целого определяется наименьшей относительной устойчивостью его составных частей [5]. В управлении это требует своевременной диагностики и усиления слабых компонентов (кадры, технологии, процессы) для превентивного управления рисками. В условиях Крайнего Севера это особенно остро: устойчивость цепочки часто зависит от уязвимых участков (разрушенные мосты, размывы Колымской трассы, отказы генераторов, дефицит специалистов). Ответом региональных предприятий становится модернизация инфраструктуры, переход на гибридные энергоустановки и целевая подготовка кадров (например, на базе СВГУ), что стабилизирует систему и снижает операционные издержки.

Третий принцип – закон самосохранения: система объективно стремится сохранить целостность и рационально расходовать ресурсы. Это проявляется в борьбе за выживание, оптимизации затрат и адаптации к внешней среде [2]. Магаданские рыбопромышленные компании в ответ на изменение миграции рыбы, ужесточение квот и рост логистических издержек переходят к глубокой переработке, развитию аквакультуры и освоению новых экспортных рынков, превращая оптимизацию в ключевой механизм долгосрочного сохранения конкурентоспособности.

Четвёртый принцип – закон онтогенеза (развития), отражающий тенденцию системы к достижению максимального потенциала при последовательном прохождении всех этапов жизненного цикла [5]. В Магаданской области это воплощается в трансформации морского порта из советского транзитного узла в современный цифровой многофункциональный терминал, гибко адаптирующий инфраструктуру под меняющиеся торговые маршруты [4].

Пятый принцип – закон информированности и упорядоченности: порядок в системе не может превышать объем имеющейся информации. Качество управленческих решений и вероятность самосохранения напрямую зависят от полноты и оперативности данных, а инвестиции в ИТ усиливают адаптивность. Внедрение ГИС-мониторинга вечной мерзлоты, спутниковой навигации для зимников и цифровых платформ лицензирования в регионе трансформирует данные в организационный порядок, выступая базовым механизмом снижения аварийности в экстремальных условиях.

Шестой принцип – закон единства анализа и синтеза: процессы дифференциации (углублённой специализации) неизбежно компенсируются процессами интеграции (кооперации). В управленческой практике это требует баланса разделения функций и координации, а также гибкости архитектуры. В Магаданском горнопромышленном комплексе операционная специализация (бурение, обогащение, логистика) успешно интегрируется через единый цифровой диспетчерский центр.

Седьмой принцип – закон гармонии (композиции и пропорциональности): цели организации должны быть иерархически согласованы, а ресурсы распределены пропорционально с учетом баланса интересов стейкхолдеров [2]. В регионе это находит воплощение в стратегии социально-экономического развития, синхронизирующей экономические (недропользование), социальные (удержание кадров) и экологические приоритеты, что минимизирует системные противоречия.

Примеры Магаданской области подтверждают: в условиях сурового климата, высокой логистической стоимости и турбулентности рынков изменения являются объективной необходимостью. Законы организации имеют дуалистическую природу, реализуясь на универсальном (общем) и адаптивном к локальным условиям (особенном) уровнях. Их синтез

формирует основу для трансформаций, поскольку в современной экономике стагнация неизбежно ведёт к утрате адаптивности и рыночных позиций [3].

Ключевые принципы успешного управления изменениями включают следующее.

Системность и целеполагание: преобразования должны охватывать взаимосвязанные компоненты в строгом соответствии с объективными законами организации.

Учёт человеческого фактора: успех внедрения зависит от открытой коммуникации, вовлечения сотрудников и психологической адаптации персонала.

Баланс стабильности и динамики: зрелая организация избегает хаотичной реорганизации, превращая непрерывное обновление в норму и устойчивое конкурентное преимущество [2].

Таким образом, управление изменениями становится ключевой компетенцией менеджмента, позволяющей системно трансформировать внешнюю турбулентность в вектор долгосрочного роста.

Список литературы

1. Золотодобывающая промышленность: аналитический обзор // Delprof.ru: портал деловой информации. – URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/zolotodobyvayushchaya-promyshlennost/ (дата обращения: 08.05.2026).

2. Необходимость изменений для обеспечения устойчивого развития организации в условиях современных вызовов и турбулентности окружающей среды / И.Л. Авдеева, Н.В. Захаркина, Л.В. Парахина // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – №4 (42). – С. 12–25. – EDN: XTJYND. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-izmeneniy-dlya-obespecheniya-ustoychivogo-razvitiya-organizatsii-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov-i-turbulentnosti (дата обращения: 10.05.2026).

3. Необходимость организационных изменений // Образовательный портал «Справочник». – URL: https://spravochnick.ru/menedzhment/upravlenie_izmeneniyami/neobhodimost_organizacionnyh_izmeneniy/ (дата обращения: 09.05.2026).

4. Правительство Магаданской области: официальный портал. – URL: https://www.49gov.ru/press/press_releases/index.php?id_4=92863 (дата обращения: 10.05.2026).

5. Теория организаций: учебные материалы / Финансовый университет при Правительстве РФ. – М., 2016. – URL: https://studfile.net/preview/6195539/page:20/ (дата обращения: 08.05.2026).

Соболева Софья Владимировна
студентка
Научный руководитель
Труш Евгения Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩИХ ЗАКОНОВ ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *в работе рассматриваются теоретические основы и практические механизмы управления организационными изменениями. Систематизированы классификация, диагностические признаки и причины необходимости трансформаций, а также проанализированы тактический и стратегический подходы к их реализации. Особое внимание уделено природе сопротивления персонала и принципам его минимизации. На примерах ПАО «Полюс» и Министерства цифрового развития Магаданской области продемонстрирована эффективность проактивного управления изменениями. Сделан вывод о том, что системный подход, прозрачные коммуникации и учёт человеческого фактора являются ключевыми условиями устойчивой конкурентоспособности организаций.*

Ключевые слова: *организационные изменения, управление изменениями, классификация нововведений, сопротивление персонала, политики внедрения, организационная трансформация.*

Методы реализации изменений:

– политики внедрения: директивная, переговорная, достижения общих целей, аналитическая, метод проб и ошибок;

– управленческие подходы: реактивный (адаптационный) и проактивный (превентивный);

– работа с персоналом: открытое информирование, предварительная оценка трудностей, поощрение инициативы, индивидуальная компенсация (переобучение, тренинги, психологическая поддержка);

– организационные механизмы: переход от разовых проектов к культуре непрерывных улучшений, стандартизация инструментов, минимизация операционных простоев на этапе внедрения.

Цель данной работы является систематизировать теоретические основы, классификации и практические механизмы управления организационными изменениями для повышения эффективности их внедрения и устойчивости развития организаций.

Задачи.

1. Раскрыть сущность, причины и диагностические признаки необходимости организационных изменений.

2. Классифицировать виды нововведений и определить ключевые объекты трансформаций.

3. Выявить типы сопротивления персонала и сформулировать принципы работы с человеческим фактором.

4. Проанализировать тактические и стратегические подходы, а также политики внедрения изменений.

5. Проиллюстрировать теоретические положения практическими кейсами коммерческого (ПАО «Полюс») и государственного (Минцифры Магаданской области) секторов.

Организационные изменения неотъемлемы для современных компаний. В крупных зарубежных корпорациях они реализуются параллельно со специальными проектами по управлению преобразованиями и минимизации сопротивления персонала.

Преобразования необходимы для сохранения конкурентоспособности на рынке и привлекательности в качестве работодателя. Ключом к успеху выступает грамотное преподнесение, реализация и управление изменениями.

Ввиду относительной новизны феномена организационных изменений, единого подхода к их восприятию пока не сформировано. Реорганизация является не самоцелью, а средством повышения эффективности через внедрение инноваций. Для предотвращения «усталости от изменений» рекомендуется соблюдать баланс: регулярные незначительные корректировки и масштабные стратегические преобразования с интервалом в 4–5 лет, что обеспечивает лучшее усвоение нововведений персоналом.

Инициирование изменений обусловлено внешними (конкуренция, новые технологии, законодательство) и внутренними факторами (бюрократизация, кадровые и организационные дисбалансы). Потребность в преобразованиях диагностируется по стагнации показателей, сопротивлению персонала и разрыву между формальными и фактическими процессами. Раннее выявление этих маркеров позволяет перейти к проактивному управлению изменениями, минимизируя риски и обеспечивая устойчивость развития организации [4].

Таблица 1

Классификация изменений и нововведений

Критерий	Вид
По содержанию	Технико-технологические, товарно-производственные, экономические, организационно-управленческие, социальные, правовые
По организации проведения	Запланированные / незапланированные
По срокам	Краткосрочные / долгосрочные
По способу осуществления	Экспериментальные (апробация) / прямые
По объёму	Точечные (правила) / системные (процессы) / стратегические (принципы управления)
По назначению	Повышение эффективности, улучшение условий труда, обогащение содержания труда, повышение управляемости, улучшение качества продукции
По периодичности	Разовые / многоступенчатые

Для системного анализа организационных трансформаций необходимо идентифицировать ключевые объекты преобразований: цели деятельности, структуру управления, технологии и кадровый состав.

Реализация изменений оказывает двойственное воздействие на организацию. К положительным эффектам относятся снижение издержек и рост производительности, к отрицательным – финансовые затраты, временное падение эффективности и социальная напряжённость. Учёт этих последствий на этапе планирования позволяет минимизировать риски проводимых преобразований.

Эффективность трансформаций определяется выбором методологии, охватывающей тактический аспект (своевременность внедрения, адаптация персонала, снижение сопротивления) и стратегический (интеграция непрерывных изменений в управленческую культуру как устойчивую норму развития).

По временной ориентации выделяют реактивный подход (адаптация к уже произошедшим изменениям, несущая риск потери позиций) и проактивный (опережающее инициирование преобразований). Современная практика показывает, что устойчивое конкурентное преимущество обеспечивают организации, сочетающие тактическую гибкость со стратегической проактивностью.

Успех изменений критически зависит от учёта человеческого фактора. Сопротивление персонала обычно обусловлено экономическими (риск снижения дохода), психологическими (страх перед новым) и социально-психологическими (потеря статуса в коллективе) угрозами.

Для минимизации деструктивного сопротивления необходимо открытое информирование коллектива, предварительная оценка трудностей, поощрение инициативы снизу и индивидуальная компенсация усилий через переобучение и психологическую поддержку [3].

Практическая реализация принципов управления изменениями в Магаданской области демонстрирует соответствие современным теоретическим моделям. На примере ПАО «Полюс» и Министерства цифрового развития и связи Магаданской области прослеживается глубокая интеграция преобразований в долгосрочную стратегию развития.

В ПАО «Полюс» технико-технологические преобразования органично дополняются организационно-управленческими изменениями. Внедрение трёхэтапной модели повышения операционной эффективности формирует культуру непрерывных улучшений. Сопротивление персонала снижается через социально-экономические меры: профессиональный рост, целевое обучение и прозрачную мотивацию, что нивелирует экономические и психологические угрозы. Проактивная стратегия компании и стандартизация инструментов способствуют долгосрочной конкурентоспособности и удержанию кадров в сложных условиях региона [1].

Аналогичные закономерности наблюдаются в госсекторе при внедрении межсетевого экрана UserGate в Министерстве цифрового развития и связи Магаданской области. Проект стал ответом на ужесточение требований к информационной безопасности. Ключевым фактором успеха выступил проактивный подход и предварительный анализ потребностей, что обеспечило тактическую своевременность и стратегическую интеграцию нововведений. Минимизация негативных последствий достигнута за счет минимального простоя инфраструктуры, а регулярные обновления подтверждают циклический характер изменений. Высокая квалификация исполнителей позволила настроить баланс между безопасностью и удобством пользователей, подчеркивая критическую роль человеческого фактора и необходимости обучения персонала при внедрении автоматизированных решений [2].

Обобщая представленную практику, можно констатировать, что успешное проведение организационных изменений требует системного анализа причин трансформации, формулировки измеримых целей, учёта человеческого фактора и выбора адекватной политики внедрения. Оба кейса подтверждают фундаментальный принцип: изменения должны быть управляемыми, а не хаотичными. Стратегическое управление изменениями, сочетающее проактивность, прозрачность коммуникаций и системную работу с персоналом, выступает ключевым фактором долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности как коммерческих, так и государственных организаций в современных условиях.

Список литературы

1. Крупнейший золотодобытчик в России набирает экспертов по операционной эффективности // АлгоритмИнфо: информационно-аналитический портал. – URL: https://algoritminfo.ru/krupnejshij-zolotodobytchik-v-rossii-nabiraet-jekspertov-po-operacionnoj-jeffektivnosti/ (дата обращения: 01.06.2026).

2. Проект: Министерство цифрового развития и связи Магаданской области (UserGate E-серия. Межсетевые экраны) // TAdviser : портал об информационных технологиях и электронном бизнесе. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Министерство_цифрового_развития_и_связи_Магаданской_области_(UserGate_E-серия_Межсетевые_экраны) (дата обращения: 01.06.2026).

3. Шефер А.Ю. Управление изменениями в организации: выпускная квалификационная работа / А.Ю. Шефер; науч. рук. О.А. Трофимова; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург: УрГПУ, 2018. – URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/65880/2/04Shefer2.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

4. Крутиков В.К. Управление изменениями: учебно-методическое пособие / В.К. Крутиков, Т.В. Дорожкина, Ю.В. Зайцев, О.В. Федорова. – Калуга: Эйдос, 2014. – 85 с. – ISBN 978-5-905697-98-2. – URL: https://vkrutikov.ru/files/docs/38/upravlenie-izmeneniyami.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

Соколова Лариса Георгиевна
д-р экон. наук, профессор
Красноярский институт железнодорожного транспорта (филиал)
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»
г. Красноярск, Красноярский край

ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТОЙ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация: *результаты деятельности предприятий определяет квалификационный и профессиональный потенциал трудового коллектива, управление которым во многом зависит от организации рациональной системы оплаты труда. В статье рассмотрены методические аспекты организации оплаты труда в постсоветское время и современных условиях. Проведен анализ дифференциации оплаты труда по видам экономической деятельности и категориям работников. Обоснованы направления формирования политики заработной платы на предприятии. Предложены направления в области регулирования оплаты труда.*

Ключевые слова: *оплата труда, управление заработной платой, формировании политики, денежные доходы.*

Размер оплаты труда является основным критерием участия субъектов производственных отношений в распределении результатов деятельности. С помощью заработной платы осуществляется воздействие на трудовые отношения, на воспроизводство рабочей силы, на всю систему распределительных отношений.

Заработная плата по своей экономической сущности выполняет две функции: является основной формой необходимого продукта и служит критерием общественной оценки труда. Управление заработной платой существует во всех экономических формациях и является одной из самых сложных и ответственных подсистем общей системы управления трудом [1].

В СССР принципы управления заработной платой были заложены в декрете Совнаркома РСФСР 1921 года «Основное положение по тарифному вопросу» [2]. В управлении заработной платой учитывалось, что она представляет собой особую, специфическую форму необходимого продукта и главный источник дохода рабочих и служащих. В Российской Федерации в 1970 году доля заработной платы в структуре денежных доходов населения составляла 82,8%; в 1980 г. – 82,4%, в 1985 г. – 80,9%, в 1988 г. – 80,7% [3]. Это достигалось за счет формирования заработной платы рабочих и служащих на основе единых государственных нормативов и тарифов. В общегосударственном масштабе определялась количественная зависимость между результатами деятельности предприятия и средствами, оставляемыми ему на увеличение заработной платы. Госпланом СССР разрабатывались нормативы образования фонда заработной платы, которые доводились до министерств и ведомств на пятилетний период. Таким образом, распределение необходимого и прибавочного продукта строго согласовывалось на общегосударственном уровне. На федеральном уровне управления разрабатывалась и утверждалась система территориального регулирования заработной платы, а также отдельные гарантии и компенсации лицам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера, приравненным к ним местностях, в южных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Тарифная часть заработной платы руководителей и специалистов регулировалась также в централизованном порядке, посредством установления должностных окладов.

Таким образом, государственное регулирование позволяло сохранять пропорции в оплате труда различных отраслей и категорий, работающих на протяжении длительного времени, о посредственно увязывая их с приростом объемов производства и производительностью труда.

Отход от централизованной системы планирования и ценообразования с 1992 года не могли не сказаться на управлении заработной платой, когда государство сократило свое влияние на формирование фонда оплаты труда и его влияние стало носить ограничительный характер. Регулирование оплаты труда на предприятиях и в организациях стало осуществлять через систему социального партнерства. В современных условиях формы и системы оплаты труда предприятия и организации определяют самостоятельно в коллективных договорах, а сокращение государственных функций в формировании политики оплаты труда работников способствовало развитию ряда негативных тенденций.

Во-первых, снизилась роль заработной платы в формировании доходов значительной части населения как основного источника дохода работников (табл. 1).

Таблица 1

Структура денежных доходов населения по источникам поступления за 2013–2025 годы [4] в процентах к итогу

Годы	Доходы от предпринимательской и иной производственной деятельности	Оплата труда	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Прочие денежные поступления (включая скрытую зарплату
2013	7,0	55,1	18,7	4,7	14,5
2023	6,9	60,7	17,9	7,1	7,4
2025	7,0	59,2	16,2	11,0	6,6
2023 к 2013	98.6	110.2	95.7	151.1	51.0
2025 к 2013	100	107.4	86.6	234.0	45.5

За анализируемый период произошло снижение доли социальных выплат и прочих денежных поступлений, включая скрытую заработную плату. Несмотря на устойчивое положение оплаты труда в формировании доходов населения ее роль, по сравнению с наличием прямого государственного регулирования, значительно снизилась (почти на 25 процентных пункта).

Во-вторых, нарушены пропорции в оплате труда различных отраслей и категорий работающих (табл. 2).

При государственном регулировании заработной платы сферы деятельности ранжировались не только по тяжести труда (летный состав, шахтеры), но и по значимости отрасли для национальной безопасности (наука, тяжелая промышленность). В современных условиях размер заработной платы варьируется от доходности сферы деятельности на международном, федеральном или региональном рынках сбыта. Такая ситуация усугубляет сложившуюся диспропорцию в доходах населения, несмотря на положительную тенденцию к сокращению разрыва.

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата работников по видам деятельности за 2025 г. [4]

Вид деятельности	Среднемесячная заработная плата (руб.)	Уровень среднемесячной заработной платы к показателю по РФ (%%)
РФ	101784	100,0
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	77735	76,4
добыча полезных ископаемых	167330	164,4
обрабатывающие производства	100967	99,8
из них: производство одежды	51256	50,3
деятельность финансовая и страховая	216870	213,1
образование	71344	70,1

В 2000 г. соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей заработной платой составляло 34,0 раза, в 2013 г. – 15,8 раза и в 2025 – 12,7 раза [4].

Снижение роли заработной платы в формировании доходов населения обусловлено многими причинами и, свидетельствует о развитии негативных тенденций, проявляющихся в характеристике жизненного уровня населения. В России пока не отработан действенный механизм формирования доходов персонала. Поэтому в этом отношении весьма полезен опыт стран с рыночной экономикой. Государственное регулирование минимальной заработной платы является инструментом макроэкономической политики на национальном уровне.

Многие страны приняли законы о минимальном размере оплаты труда, особенностью которых является соответствие ее размера конвенции МОТ: ФРГ (1952 г.), Индии (1957 г.), Японии (1959 г.), США (1938 г.), Великобритании (1959 г.). Во Франции (1970г.) устанавливается межпрофессиональный минимум «роста» заработной платы. Вопросы индексации заработной платы Бельгии, Греции, Дании, Италии и Нидерландах носит общенациональный характер и оговариваются в трехсторонних национальных соглашениях. В Японии, Великобритании, Швейцарии индексация заработной платы проводится на уровне отраслей и фирм, путем заключения коллективных договоров между работодателями и профсоюзами. В ряде стран – Австрии, Германии, Норвегии, Португалии, Швеции формальный механизм индексации, обеспечивает автоматическое повышение заработной платы в связи с ростом потребительских цен [3].

Причины, способствующие уменьшению значения роли заработной платы в формировании доходов населения в РФ, возможно, сгруппировать по нескольким направлениям:

– развитие не формального, а реального уровня социального партнерства;

– доведение уровня минимальной заработной платы до уровня рационального, а не минимального потребительского бюджета;

– производительность труда, как основное мерило размера индексации оплаты труда [5];

– влияние заработной платы, как основного фактора, на уровень жизни населения.

Учитывая данные направления совершенствования оплаты труда работников предприятия в проводимой политики заработной платы, требуется тщательно и продуманно выбирать варианты ее организации, для повышения заинтересованности работников не только в приросте индивидуальных показателей производственной деятельности, но и в увеличении корпоративных критериев.

Современные концепции заработной платы базируются на двух направлениях теоретической мысли – теории «предельной производительности» и коллективно-договорной теории заработной платы. Эти факторы и должны быть положены в основу формирования политики заработной платы предприятия (рис. 1).

Рассматривая более подробно каждое направление формирования оплаты труда на предприятии, будут учтены в объеме потребления: цены на потребительские товары, индекс уровня жизни; в производительности труда: экономические показатели предприятия, темпы роста производительности труда и заработной платы [6].

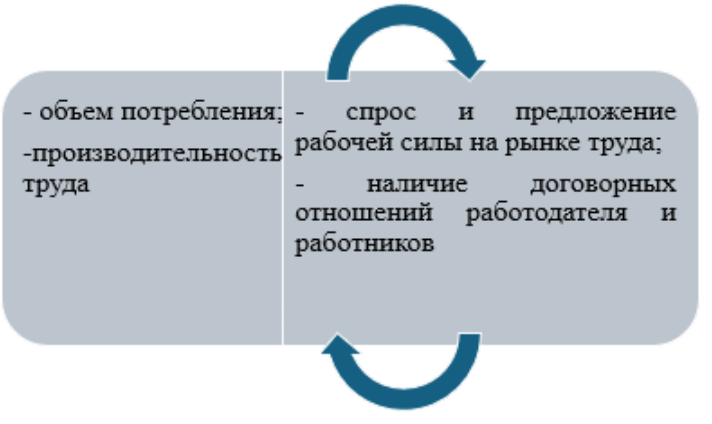


Рис. 1. Направления формирования оплаты труда на предприятии

Отражение этих факторов, непосредственно влияющих на уровень оплаты труда в нормативных документах коллективно договорного процесса даст возможность обосновывать повышение заработной платы работников организации исходя из роста производительности

труда, цены продукции и складывающегося коэффициента распределения, т.е. доли заработной платы в добавленной стоимости.

Список литературы

1. Костенькова Т. А. Разработка политики заработной платы на предприятии // Экономика труда. – 2020. – Т. 7, №8. – С. 725–734. DOI 10.18334/et.7.8.110732. EDN UGAQZI
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1944. – С. 849–852.
3. Соколова Л. Г. Производительность: теория, измерение, проблемы роста: монография / Л.Г. Соколова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2001. – 167 с.
4. Структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_13kv.xlsx (дата обращения: 29.06.2026).
5. Соколова Л.Г. Управление производительностью труда на различных уровнях хозяйствования: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Лариса Георгиевна Соколова. – Иркутск, 2004. – 360 с. EDN NNIIRP
6. Соколова Л.Г. Влияние производительности труда на economic показатели предприятия / Л.Г. Соколова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – №9 (158). – С. 1390–1394. DOI 10.34925/EIP.2023.158.09.269. EDN TFGIIL

Спицын Дмитрий Александрович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ РЕВИЗИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ОБЪЕКТЫ, МЕТОДЫ И СПЕЦИФИКА КОНТРОЛЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности проведения ревизии в строительных организациях. Анализируются специфические объекты ревизионного контроля, характерные для строительной отрасли, включая сметную документацию, строительные материалы, объемы выполненных работ и незавершенное производство. Описываются специальные методы контроля, такие как контрольные обмеры и инвентаризация незавершенного строительства. Выявляются типичные нарушения, характерные для строительной сферы, и предлагаются направления совершенствования ревизионной работы.*

Ключевые слова: *ревизия, строительство, строительный контроль, сметная документация, контрольные обмеры, незавершенное производство, материальные ценности.*

Введение.

Строительная отрасль занимает особое место в экономике любой страны, поскольку продукцией строительства являются объекты, формирующие основные фонды – жилые дома, производственные здания, дороги, инженерные сооружения. Специфика строительного производства – длительность цикла, многообразие используемых материалов, привлечение субподрядчиков, сложная система расчетов за выполненные работы – определяет особые требования к организации контрольных мероприятий.

Ревизия в строительстве представляет собой систему контрольных действий, направленных на проверку законности, целесообразности и экономической эффективности хозяйственных операций, осуществляемых строительными организациями. Цель настоящей работы – выявить и систематизировать особенности ревизионного контроля в строительной сфере, определить ключевые объекты проверки и методы их исследования.

Объекты ревизии в строительстве.

Специфика строительного производства обусловливает особый перечень объектов ревизионного контроля. В таблице 1 представлена систематизация основных объектов ревизии в строительстве с указанием предмета проверки и характерных нарушений.

Таблица 1

Объекты ревизии в строительстве и предмет проверки

№	Объект ревизии	Что проверяется	Характерные нарушения
1	Сметная и проектная документация	Наличие утвержденных смет, соответствие цен, обоснованность расчетов	Включение работ по объектам, не предусмотренным титульными списками; завышение сметной стоимости
2	Договоры подряда и субподряда	Правильность оформления, полнота условий, расчеты	Отсутствие договоров, завышение стоимости по дополнительным соглашениям
3	Строительные материалы	Приемка, хранение, списание по нормам, фактический расход	Недостачи, необоснованное списание, неправильное применение норм расхода
4	Объемы выполненных работ (СМР)	Соответствие актам приемки, наличие контрольных обмеров	Приписки объемов, повторная оплата, завышение единичных расценок
5	Использование машин и механизмов	Фактическое время работы, простои, распределение затрат по объектам	Завышение машино-часов, необоснованное отнесение затрат
6	Незавершенное производство	Состав, объемы, документальное оформление	Неполнота описи, перерасход затрат на «долгостроях»
7	Расчеты с заказчиками	Правильность предъявления объемов, акты сверки	Необоснованное предъявление работ к оплате

Приступая к ревизии, необходимо проверить обеспеченность организации производственными нормами расхода строительных материалов и трудовых затрат, наличие планов строительства, соответствие объектов строительства утвержденным титульным спискам, а также наличие договоров и смет. Выборочной проверке подлежат сметные расчеты – ревизор должен установить правильность расчета статей сметы, обоснованность применяемых цен, отсутствие случаев включения в отчеты работ по объектам, не предусмотренным титульными списками.

Особое внимание уделяется проверке строительных материалов. В строительстве применяется широкая номенклатура материалов, которые для целей бухгалтерского учета группируются на основные (кирпич, бетон, пиломатериалы), конструкции и детали (трубы, сборные элементы), а также прочие материалы (топливо, запасные части). Ревизор проверяет организацию приемки и хранения материалов, правильность списания их на затраты производства, соблюдение установленных норм расхода.

Методы ревизионного контроля в строительстве.

При проведении ревизии в строительстве используются как общие методы документального и фактического контроля, так и специальные приемы, характерные именно для строительной отрасли. В таблице 2 представлена классификация методов ревизионного контроля применительно к строительной сфере.

Таблица 2

Методы ревизионного контроля в строительстве

Группа методов	Конкретные методы и приемы	Применение в строительстве
Документальный контроль	Формальная и арифметическая проверка, юридическая оценка, встречная проверка	Проверка смет, договоров, актов формы КС-2, журналов работ
Фактический контроль	Инвентаризация, пересчет, взвешивание, обмер	Проверка наличия материалов, объемов выполненных работ
Специальные методы (строительные)	Контрольный обмер, инструментальные измерения, экспертиза	Установление фактических объемов работ, качества материалов, соответствия проекту
Аналитические методы	Сравнение, коэффициентный анализ, балансовые увязки	Анализ расхода материалов на единицу работ, сравнение с нормативами

Ключевым специальным методом ревизии в строительстве является *контрольный обмер* выполненных работ. Это инструментальное измерение фактически выполненных объемов строительно-монтажных работ с целью проверки достоверности данных, отраженных в актах приемки. Обязательным требованием при проведении контрольного обмера является участие специалиста-строителя, иначе акт контрольного обмера не будет иметь юридической силы.

В таблице 3 приведены основные виды контрольных обмеров и их назначение.

Таблица 3

Виды контрольных обмеров в строительстве

Вид контрольного обмера	Содержание	Когда проводится
Сплошной	Измерение всех выполненных работ по объекту	При выявлении массовых приписок, по решению руководства
Выборочный	Измерение отдельных видов работ или участков	В плановом порядке, при ограниченных сроках ревизии
Повторный (внезапный)	Повторное измерение после предыдущего обмера	При сомнениях в достоверности первичного обмера
Экспертный	С привлечением независимых экспертов-строителей	При судебных спорах, особо крупных нарушениях

Практика проведения контрольных обмеров выявляет следующие типичные нарушения, систематизированные в таблице 4.

Таблица 4

Типичные нарушения, выявляемые при контрольных обмерах

№	Вид нарушения	Содержание	Способ выявления
1	Фактическое невыполнение работ	Работы указаны в актах, но не выполнены	Сплошной обмер всех работ
2	Завышение объемов	Объем в актах больше фактического	Инструментальный обмер, расчет
3	Включение ранее оплаченных работ	Повторная оплата одних и тех же работ	Сравнение с предыдущими актами
4	Завышение расценок	Применение расценок, не соответствующих условиям работ	Проверка смет, технический анализ
5	Включение работ по несуществующим объектам	Работы предъявлены по объектам, отсутствующим в титульном списке	Сверка с проектной документацией

Ревизия использования строительных машин и механизмов.

Затраты на эксплуатацию строительных машин и механизмов достигают значительных сумм, поэтому контроль за их использованием представляет собой важное направление ревизии. Для учета работы строительных машин применяются специализированные формы первичной документации: рапорт о работе башенного крана (форма № ЭСМ-1), путевой лист строительной машины (форма № ЭСМ-2), рапорт о выработке строительной машины (форма № ЭСМ-3).

Ревизор анализирует степень использования парка строительных машин по времени и производительности, фактическую сменность работы, целосменные и внутрисменные простои. При ревизии необходимо проверить правильность распределения затрат на содержание и эксплуатацию машин между объектами строительства, что особенно важно при использовании собственных и арендованных механизмов.

Ревизия незавершенного производства.

Незавершенное строительное производство – один из наиболее сложных объектов ревизионного контроля. Ревизор должен установить правильность оформления инвентаризационных материалов: наличие подписей всех членов комиссии, полноту описания состава

незавершенного производства, отсутствие исправлений и приписок объема работ, своевременность утверждения актов.

В таблице 5 приведен пример расчета выявленных завышений объемов работ при проведении контрольного обмера на условном объекте.

Таблица 5

Пример расчета завышения объемов работ по результатам контрольного обмера

Вид работ	Единица измерения	По актам приемки (фактический объем по документам)	По контрольному обмеру (фактический объем на объекте)	Завышение объема	Сметная расценка за единицу (руб.)	Сумма завышения (руб.)
Кладка стен из кирпича	м³	120	108	12	4 500	54 000
Бетонные работы (фундамент)	м³	85	79	6	5 200	31 200
Штукатурка стен	м²	480	425	55	380	20 900
Устройство полов	м²	320	290	30	620	18 600
Итого						124 700

Как видно из таблицы 5, сумма завышения по четырем видам работ составила 124 700 рублей. При обнаружении таких расхождений ревизор должен потребовать пересчета стоимости выполненных работ и корректировки актов приемки.

Особое внимание обращается на объекты, на которых длительное время не проводились работы, а также на объекты, где выявлен значительный перерасход материальных и других затрат. При проверке материалов повторного использования ревизор сопоставляет данные сметно-технической документации с фактически оприходованными материалами.

Типичные нарушения и злоупотребления.

В ходе ревизий строительных организаций выявляются следующие характерные нарушения, систематизированные в таблице 6.

Таблица 6

Типичные нарушения в строительной сфере и их последствия

№	Нарушение	Способ совершения	Последствия	Рекомендуемые меры контроля
1	Приписки объемов работ	Включение в акты фактически невыполненных работ	Завышение стоимости перед заказчиком, необоснованное получение средств	Обязательные контрольные обмеры, участие технадзора
2	Необоснованное списание материалов	Списание сверх производственных норм, хищение	Искажение себестоимости, недостачи	Инвентаризации, анализ норм расхода
3	Завышение расценок	Применение расценок, не соответствующих условиям работ	Увеличение сметной стоимости	Экспертиза смет, проверка коэффициентов
4	Сокрытие перерасхода материалов	Отражение расхода по нормам вместо фактического	Искажение учета, возможность хищения	Анализ отклонений, внезапные проверки
5	Включение в акты ранее оплаченных работ	Повторное предъявление одних и тех же объемов	Двойная оплата	Сверка с журналами работ, базами данных

Одним из признаков нарушений является наличие «красных» (дебетовых) остатков в материальных отчетах производителей работ, что может свидетельствовать о приписках. При обнаружении таких фактов ревизор должен тщательно изучить порядок контроля за списанием материалов со стороны производственно-технического отдела и бухгалтерии.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ревизия в строительстве обладает существенной спецификой, обусловленной особенностями строительного производства как объекта контроля. Ключевыми отличиями являются следующие.

1. *Многообразие объектов ревизии* – от сметной документации до незавершенного производства (систематизировано в таблице 1).

2. *Применение специальных методов фактического контроля*, важнейшим из которых является контрольный обмер (виды обмеров представлены в таблице 3).

3. *Наличие типичных для отрасли нарушений*, в первую очередь приписок объемов работ и необоснованного списания материалов (систематизированы в таблицах 4 и 6).

4. *Необходимость расчета экономического эффекта от выявленных нарушений*, как показано в таблице 5.

Эффективность ревизионной работы в строительстве во многом зависит от квалификации ревизоров, их знания технологии строительного производства и нормативной базы. Перспективными направлениями совершенствования ревизии в строительстве являются внедрение автоматизированных систем контроля объемов работ и использования материалов (включая BIM-технологии), а также развитие методов последующего контроля с применением технологий лазерного сканирования и геодезических измерений.

Список литературы

1. Abbasova S. Methodological Aspects of Audit of Accounting of Production Costs in Construction Organizations / S. Abbasova, B. Novruzov // Journal of International Economics and Management. – 2025. – Vol. 1. No. 1. – P. 14–21.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №190-ФЗ от 29.12.2004 (ред. от 25.12.2023).

3. Контроль и ревизия в строительстве: учебное пособие. – URL: https://vuzlit.com/627331/osobennosti_revizii_nekotorym_vidam_deyatelnosti (дата обращения: 10.06.2026).

4. Крамаровский Л.М. Контроль и ревизия в строительстве / Л.М. Крамаровский. – М.: Финансы, 1974. – 232 с.

5. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029–2014 (ОКВЭД 2): утв. Приказом Росстандарта №14-ст от 31.01.2014 (ред. от 10.11.2023). – М., 2023.

6. Об определении понятий нового строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения действующих предприятий: Письмо Минфина России №80 от 29.05.1984. – М., 1984.

7. Хилинский Г.А. Ревизия финансово-хозяйственной деятельности строительных организаций / Г.А. Хилинский. – М., 1976. – 187 с.

Уянаева Мадина Батыровна
канд. экон. наук, доцент
Байсиева Милана Руслановна
студентка

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

СТАДИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ИНТЕРНЕТ-СТАРТАПА И ИХ СПЕЦИФИКА В КОНТЕКСТЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация: *в статье рассмотрены стадии жизненного цикла интернет-стартапа на основе классических моделей С. Бланка и Э. Риса. Выявлены сильные и слабые стороны каждой стадии. Особое внимание уделено отраслевой специфике туристических интернет-стартапов, обусловленной цифровой сезонностью, зависимостью от партнерских сетей, высокой стоимостью привлечения клиентов и регуляторными барьерами. Сформулированы ключевые факторы коммерческой эффективности на каждом этапе развития.*

Ключевые слова: *интернет-стартап, жизненный цикл стартапа, туристическая отрасль, цифровая сезонность.*

Целью исследования является выявление сильных и слабых сторон туристических интернет-стартапов на разных стадиях их жизненного цикла и выявление факторов и условий обеспечения их эффективности.

Методика исследования включает применение таких методов как анализ статистических данных, сравнительный анализ и метод экспертных оценок.

Жизненный цикл интернет-стартапа включает несколько ключевых стадий. Выделим сильные и слабые стороны каждой из них, основываясь на описаниях моделей «Customer Development» С. Бланка [2] и Lean Startup Эрика Риса [5], а также данных масштабных исследований развития стартапов – CB Insights [14], Startup Genome [11]. Детальный анализ каждой стадии (табл. 1) позволяет выявить следующие закономерности. Отметим, что сильные стороны ранних стадий (гибкость, минимальные затраты) превращаются в слабости на этапе зрелости (инерционность, потеря гибкости), что подтверждает цикличность развития интернет-стартапов.

Таблица 1

Анализ сильных и слабых сторон интернет-стартапов
в зависимости от стадии жизненного цикла проекта

Категория	Сильные стороны	Слабые стороны
Идея	1. Низкие стартовые затраты 2. Гибкость изменения параметров проекта, включая ключевые 3. Возможность выявления и получения уникальной ниши 4. Минимальные риски и незначительные расходы на изменение проекта	1. Нет экспертизы гипотезы 2. Высокий риск провала стартапа 3. Финансовая неопределенность 4. Недостаток информации для построения надежных прогнозов
MVP	1. Быстрая проверка концепции 2. Получение обратной связи от первых пользователей 3. Возможность оперативной доработки продукта/услуги	1. Ограниченный или недоработанный функционал 2. Риск негативного первого впечатления 3. Недостаток ресурсов на продвижение

Окончание таблицы 1

Категория	Сильные стороны	Слабые стороны
Стадия роста	1. Получение реальной выручки и апробация бизнес-модели 2. Рост числа пользователей и формирование PMF* 3. Формирование Unit-экономики 4. Аккумулирование надежных данных для A/B-тестов	1. Необходимость наращивания инфраструктуры 2. Опережающий рост затрат 3. Кризис управления 4. Психологическое давление и выгорание основателей
Масштабирование	1. Выход на новые рынки 2. Значительный рост доходов 3. Привлечение инвестиций 4. Оптимизация процессов	1. Операционные сложности 2. Риски ухудшения качества продукта/сервиса 3. Регуляторные барьеры 4. Обострение конкуренции
Зрелость	1. Устойчивое положение на рынке 2 Стабильный доход и клиентская база 3. Узнаваемость бренда 4. Возможность инвестировать в развитие и инновации	1. Инерционность бизнес-процессов 2. Сложности с внедрением радикальных изменений 3. Риск утраты гибкости 4. Давление со стороны более сильных конкурентов

*Product-Market Fit (PMF) – соответствие продукта рынку.

На этапе «идея» формируется миссия стартапа, определяется уникальное ценностное предложение (UVP), проводится первичное исследование рынка, целевой аудитории и проблемы, которую должен решить продукт. Команда задаётся вопросами: «Что именно мы хотим изменить?», «Кому это нужно?» и «Почему сейчас?». На данном этапе разработчики тратят ресурсы только на проработку концепции, исследование рынка и формирование команды. Нет затрат на разработку продукта, маркетинг и поддержку. Можно свободно менять гипотезы, целевую аудиторию, бизнес-модель без обязательств перед инвесторами или пользователями. Вместе с тем, по данным CB Insights, в 2023–2024 годах 35% провалов стартапов были обусловлены отсутствием рыночной потребности в продукте [14].

На этапе «MVP» (Minimum Viable Product – минимально жизнеспособный продукт) разрабатывается продукт с базовым функционалом, который позволяет решить основную проблему потребителя [12]. Цель – получить обратную связь от первых пользователей, проверить гипотезы о рынке, целевой аудитории, её потребностях, спросе и каналах продвижения. На этом этапе тестируются маркетинговые каналы, воронка продаж, сервисная поддержка. Могут появиться первые лояльные клиенты и продажи. Возможно проведение радикальной смены бизнес-идеи, если первоначальные гипотезы не оправдываются. Так, по данным исследования стадий роста интернет-стартапов, проведенного Harvard Business Review (2022), на стадии MVP 60% проектов требуют кардинальной смены бизнес-модели после обратной связи [13].

Этап «рост» подтверждает жизнеспособность бизнес-модели: реальная выручка и растущая база пользователей свидетельствуют о достижении PMF, а появление Unit-экономики (расчёт прибыльности на единицу продукта/услуги) позволяет прогнозировать прибыльность. В то же время наращивание инфраструктуры требует крупных инвестиций, а опережающий рост затрат может привести к кассовым разрывам. Кризис управления возникает из-за нехватки квалифицированных кадров и усложнения процессов.

На этапе «масштабирование», если продукт доказал жизнеспособность, стартап начинает расширяться: увеличивается команда, оптимизируются процессы, продукт выходит на новые рынки, наращиваются объёмы продаж. Стратегии масштабирования могут включать географическую экспансию, диверсификацию продуктов, партнёрские сети, вертикальную интеграцию и другие подходы.

Крупнейшее исследование интернет-стартапов Startup Genome [11], проанализировавших запуск и развитие 3200 проектов, позволило сделать вывод о том, что одной из главных

причин их провалов на рынке (около 30%) являлось преждевременное масштабирование, а проекты, которые масштабировались правильно, демонстрировали опережающий рост (более чем в 20 раз по сравнению с проектами, масштабированными преждевременно).

Стадия зрелости интернет-стартапа – это период стабильности, но и серьёзных вызовов. Успешные компании преодолевают инерцию через стратегические инвестиции в инновации, гибкость организационной структуры, баланс между эффективностью текущего бизнеса и поиском новых возможностей.

Базовая модель жизненного цикла (Идея → MVP → Рост → Масштабирование → Зрелость) применима к туристическим интернет-стартапам, как и к любым другим цифровым проектам [2]. Каждая стадия имеет характерные сильные и слабые стороны, которые необходимо учитывать при стратегическом планировании.

Туристическая отрасль накладывает существенные ограничения и создает дополнительные риски на каждом этапе. Однако, несмотря на универсальность базовой модели, специфика туристической отрасли вносит существенные коррективы в прохождение каждой стадии. Рассмотрим эти особенности детально (табл. 2).

Таблица 2

Отраслевая специфика сильных и слабых сторон туристических интернет-стартапов на разных стадиях жизненного цикла

Категория	Сильные стороны	Слабые стороны
Идея	1. Возможность использовать тренд на внутренний туризм в РФ [9] 2. Возможность заполнить ниши, освободившиеся после ухода международных платформ (Booking.com [6], Airbnb [4]) 3. Спрос на персонализированные маршруты и нишевые виды туризма (гастротуризм, экотуризм, промышленный туризм) [8] 1. Поддержка со стороны государства [7] (гранты, субсидии для туристических стартапов)	1. Сезонность спроса в туризме затрудняет оценку реальной потребности [8] 2. Сложность прогнозирования спроса из-за влияния внешних факторов (геополитика, курсы валют, эпидемиологическая обстановка) 3. Дефицит качественных данных по локальным туристическим направлениям 4. Высокая конкуренция за ниши, освободившиеся после ухода международных платформ
MVP	1. Возможность протестировать спрос на новые форматы (авторские туры, локальный опыт, иммерсивные экскурсии) 2. Быстрое получение обратной связи от ранних пользователей – любителей путешествий 3. Гибкость в адаптации под сезонные тренды 4. Использование готовых API для интеграции с поставщиками (авиакомпании, отели, экскурсии)	1. Высокие требования пользователей к качеству контента 2. Зависимость от партнёрских интеграций – задержки в подключении поставщиков снижают скорость запуска 3. Риск негативного восприятия из-за ошибок в планировании маршрутов 4. Ограниченная монетизация на ранних стадиях (партнёры могут не платить комиссию за тестовые бронирования)
Стадия роста	1. Рост спроса на внутренний и локальный туризм в РФ [1] 2. Возможность использовать сезонные пики (лето, новогодние праздники) для ускоренного привлечения пользователей при наличии необходимой инфраструктуры [8] 3. Развитие партнёрских программ с региональными туроператорами и гидами 4. Внедрение персонализации на основе данных о поведении пользователей	1. Цифровая сезонность: резкие колебания спроса по месяцам, кассовые разрывы и сложность удержания клиентов в межсезонье 2. Высокая стоимость привлечения клиента (CAC*) из-за конкуренции с крупными агрегаторами 3. Проблемы с масштабированием инфраструктуры в пиковые сезоны 4. Риски отмены бронирований и возвратов, особенно в условиях нестабильности

Окончание таблицы 2

Масштабирование	1. Выход на новые регионы РФ с уникальными туристическими продуктами [3] 2. Диверсификация услуг (добавление экскурсий, трансферов, активностей к бронированию жилья и билетов) 3. Партнёрства с региональными администрациями и туристическими кластерами 4. Положительный эффект масштаба: снижение операционных издержек в расчете на одно бронирование при росте объемов [1]	1. Сложности локализации под региональные особенности (логистика, инфраструктура, культурные различия) 2. Зависимость от цифровых партнёрских сетей (онлайн-турагентств, глобальных дистрибуционных систем, платёжных систем) 3. Риски потери качества сервиса при быстром росте (задержки в обработке бронирований, ошибки в маршрутах) 4. Валютные риски и зависимость от курсовых колебаний при международных расчетах
Зрелость	1. Возможность инвестировать в инновации (VR-туры, ИИ-планировщики маршрутов) 2. Стратегические партнёрства с авиакомпаниями, отелями, региональными властями 3. Доступ к государственным программам поддержки туризма 4. Устойчивая клиентская база, лояльность к бренду и накопленные данные для глубокого анализа предпочтений туристов	1. Регуляторные барьеры (законодательство о персональных данных, требования к онлайн-бронированию) 2. Риск потери цифровой гибкости из-за бюрократизации процессов и снижение доли новых продуктов в портфеле (< 15%) 3. Низкая окупаемость R&D-проектов** (ROI инноваций), давление со стороны новых стартапов и снижение темпов роста выручки из-за насыщения рынка 4. Рост текучести среди ключевых сотрудников (гиды, IT-специалисты, менеджеры по работе с партнёрами)

*Customer Acquisition Cost (CAC) – стоимость привлечения клиента.
**Research and Development (R&D) – исследования и разработки.
***Return on Investment (ROI) – окупаемость инвестиций.

Анализ данных таблицы 2 свидетельствует о том, что движение по стадиям жизненного цикла для туристических интернет-стартапов имеет ряд уникальных особенностей, которые необходимо учитывать при стратегическом планировании. Если в общем случае слабой стороной стадии идеи является отсутствие проверки гипотезы, то в туризме эта проблема усугубляется сезонностью спроса, которая искажает реальную картину потребности. Рассмотрим ключевые вызовы и стратегии их преодоления и обеспечения успешной реализации стартапов.

1. Цифровая сезонность и кассовые разрывы. В отличие от интернет-стартапов в сфере «Software as a Service» (SaaS) или EdTech, где доход относительно равномерен, туристический онлайн-бизнес жестко привязан к календарю. Пик бронирований приходится на высокий сезон (лето, новогодние праздники), а в остальное время выручка может падать более чем на 50–70%. Это создает хроническую проблему управления цифровыми денежными потоками: затраты на контекстную рекламу («PPC»/«Pay-Per-Click» – оплата за клик), SEO-оптимизацию (Search Engine Optimization – оптимизация под поисковые системы) и зарплату IT-специалистов остаются высокими, а доход поступает неравномерно.

2. Зависимость от цифровых партнерских сетей. Туристический интернет-стартап редко владеет физическими активами (отелями, самолетами). Его ядро – это цифровая партнерская сеть, интегрированная через API (Application Programming Interface – программный

интерфейс приложения). На стадии идеи и MVP это не критично, но при масштабировании зависимость от поставщиков становится главным узким местом.

3. Высокая стоимость цифрового привлечения клиента (CAC – Customer Acquisition Cost). Рынок онлайн-бронирования характеризуется высокой конкуренцией за поисковый трафик. Стоимость клика по ключевым запросам чрезвычайно высока. По данным Яндекс.Радар, средняя стоимость клика по запросам в категории «Туризм и путешествия» в 2024 году составляла 50–120 руб., что в 2–3 раза выше, чем в среднем по другим коммерческим категориям [10]. На стадии роста это приводит к тому, что CAC может превышать LTV (Lifetime Value – пожизненная ценность клиента), если стартап не сформировал сильный бренд или не нашел узкую нишу с низкой конкуренцией. Это объясняет, почему многие туристические интернет-стартапы проваливаются именно на данном этапе.

4. Цифровое регулирование и защита данных. Туристическая отрасль в России и мире является одной из самых зарегулированных в цифровой среде. Требования к финансовым гарантиям туроператоров (Федеральный закон №132-ФЗ), правила продажи электронных билетов (Приказ Минтранса №241), закон о персональных данных №152-ФЗ создают дополнительную инфраструктурную нагрузку на интернет-стартапы. По оценкам экспертов, затраты на обеспечение соответствия регуляторным требованиям могут составлять до 15–20% операционного бюджета на ранних стадиях [1]. На стадии зрелости несоблюдение регуляторных норм может привести к блокировке сайта, крупным штрафам или запрету на обработку платежей.

Таким образом, жизненный цикл туристического интернет-стартапа проходит те же стадии, что и любой технологический проект, но с существенной отраслевой спецификой. Ключевыми факторами их коммерческой эффективности являются:

На стадии идеи: обоснованный выбор цифровой ниши, свободной от прямой конкуренции с крупными туристическими онлайн-платформами (Aviasales, Ostrovok.ru и другие) и способность быстро проверить гипотезу без значительных вложений в IT-инфраструктуру.

На стадии MVP: фокус на решении конкретной цифровой проблемы путешественника (поиск уникальных маршрутов, упрощение бронирования, персонализация рекомендаций) с использованием готовых API-интеграций, чтобы получить лояльную аудиторию и протестировать спрос без капитальных затрат.

На стадии роста: умение управлять сезонными онлайн-пиками и кассовыми разрывами (создание финансовых резервов, диверсификация предложений на межсезонье, привлечение бридж-финансирования), не жертвуя качеством цифрового сервиса и скоростью загрузки платформы.

На стадии масштабирования: создание устойчивой цифровой партнёрской сети (заключение долгосрочных контрактов с поставщиками, диверсификация каналов бронирования) и автоматизация ключевых бизнес-процессов (обработка заказов, маршрутизация, платежи) для сохранения качества сервиса при расширении географии и росте объемов бронирований.

На стадии зрелости: постоянная борьба с инерцией через корпоративные инновации (внедрение VR-туров, ИИ-рекомендаций, динамического ценообразования), сохранение предпринимательской культуры и гибкости IT-архитектуры (микросервисы, облачная инфраструктура), позволяющей быстро адаптироваться к изменениям рынка и регуляторной среды.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что ключевым конкурентным преимуществом туристических интернет-стартапов на всех стадиях жизненного цикла является способность сочетать технологическую гибкость с глубоким пониманием отраслевой специфики, включая управление сезонностью, регуляторными рисками и партнёрскими отношениями.

Список литературы

1. Аналитика туристического рынка РФ // АТОР. – URL: https://www.atorus.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).

2. Бланк С. Стартап: Настольная книга основателя / С. Бланк, Б. Дорф; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 640 с.

3. Итоги 2022–2023 годов: развитие внутреннего туризма // Ростуризм (Федеральное агентство по туризму). – URL: https://tourism.gov.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).
4. РБК. Airbnb уходит из России (2022). – URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).
5. Рис Э. Бизнес с нуля: Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели / Э. Рис; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 256 с.
6. ТАСС. Booking.com приостановил работу в России (2022). – URL: https://tass.ru/ekonomika/14228119 (дата обращения: 17.04.2026).
7. Фонд содействия инновациям. Программа «Старт-Туризм». – URL: https://fasie.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).
8. Сезонность туристического рынка РФ: статистика бронирований (2022–2023) // АТОР. – URL: https://www.atorus.ru/node/51750 (дата обращения: 17.04.2026).
9. Яндекс. Исследования. Тренды туризма в России (2023). – URL: https://yandex.ru/company/researches/ (дата обращения: 17.04.2026).
10. Яндекс.Радар. Средняя стоимость клика по категориям. – URL: https://radar.yandex.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).
11. Global Startup Ecosystem Report (GSER) 2025 // Startup Genome. – URL: https://startupgenome.com/report/the-global-startup-ecosystem-report-2025/introduction (date of access: 17.04.2026).
12. Svartsevich Y. Travel MVP Development: The Complete Guide for 2026 / Y. Svartsevich. – URL: https://www.upsilonit.com/blog/travel-mvp-development (date of access: 17.04.2026).
13. The Harvard Business Review Prize for 2022: The Best Article on Entrepreneurship. – URL: https://www.hbs.edu/news/releases/Pages/2022-hbr-prize-winner.aspx (date of access: 17.04.2026).
14. The Top 20 Reasons Startups Fail // CB Insights. – URL: https://s3-us-west-2.amazonaws.com/cbi-content/research-reports/The-20-Reasons-Startups-Fail.pdf (date of access: 17.04.2026).

Филимонов Максим Вадимович
магистрант
Федулкина Виктория Сергеевна
магистрант

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург

КОМПЛЕКСНОЕ ОТРАСЛЕВОЕ ИТ-РЕШЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА

Аннотация: *в статье рассматриваются современные тенденции развития делового туризма и обосновывается необходимость создания комплексного отраслевого ИТ-решения, объединяющего процессы организации командировок, деловых мероприятий, учёта расходов и оценки результатов в единой цифровой среде. На основе анализа мировой, российской и региональной статистики показано, что рынок делового туризма и MICE переходит от экстенсивной модели роста к модели управляемой деловой мобильности, где ключевое значение приобретают скорость согласования, уровень цифрового контроля, соблюдение корпоративной политики и экономическая отдача мероприятий. Российский рынок демонстрирует высокие темпы восстановления и внутреннюю концентрацию спроса, однако существующие локальные решения автоматизируют лишь отдельные операции, а не весь сквозной цикл. Предложена концепция комплексной платформы, интегрирующей travel-, MICE-, expense- и CRM-контуры. Платформенный подход способен снизить транзакционные издержки, повысить прозрачность расходов и управляемость деловой активности.*

Ключевые слова: *деловой туризм, MICE, цифровизация, ИТ-платформа, управление командировками, корпоративные расходы, деловые мероприятия.*

В условиях трансформации корпоративной мобильности деловой туризм всё в большей степени рассматривается не как совокупность разрозненных командировок, а как управляемый бизнес-процесс, напрямую связанный с эффективностью продаж, переговоров, проектной координации и мероприятий. По данным Global Business Travel Association, мировой

объём расходов на деловые поездки в 2024 г. достиг 1,47 трлн долл. США, а прогноз на 2025 г. составил 1,57 трлн долл.; тем самым рынок уже превысил допандемийный уровень в номинальном выражении [1].

В научной литературе подчёркивается, что современный MICE-сегмент развивается в логике «MICE 5.0», при которой цифровые технологии становятся не вспомогательным, а системообразующим фактором управления событиями, участниками и данными [2].

Следовательно, актуальность разработки комплексного отраслевого ИТ-решения определяется не только ростом самого рынка, но и структурным усложнением его управленческого контура [1; 2].

Мировая практика показывает, что в центре конкурентоспособности делового туризма находятся не абсолютные объёмы поездок, а показатели их результативности. Согласно данным GBTA, средние расходы на одну деловую поездку достигли 1 128 долл. США, а 74% респондентов совершили от одной до пяти поездок в течение года [1].

Параллельно растёт значимость смешанного формата bleisure, что усложняет логику планирования и усиливает требования к персонализированным цифровым сервисам [2].

В европейских исследованиях показано, что цифровые технологии повышают конкурентоспособность туристского сектора за счёт ускорения обмена данными, расширения платформенного взаимодействия и снижения информационной асимметрии между участниками рынка. В этой связи эффективное отраслевое ИТ-решение для делового туризма должно обеспечивать не только бронирование, но и управление политикой поездки до момента возникновения расхода, координацию MICE-процесса, интеграцию с корпоративной средой и последующую аналитику делового результата [1; 2].

Особенно показательным является кейс Санкт-Петербурга как одной из ключевых российских дестинаций делового туризма. По официальным данным городского Комитета по развитию туризма, в 2024 г. Санкт-Петербург посетили с деловыми целями более 1,2 млн человек, а вклад делового туризма в экономику города превысил 80 млрд руб. [3].

По данным NF Group, средняя стоимость номера в качественных средствах размещения города достигла 7,5 тыс. руб. в сутки, средняя загрузка составила 65,7%, а RevPAR вырос до 4,9 тыс. руб. [4].

Таким образом, деловой сегмент в Петербурге выполняет не только функцию обслуживания корпоративного спроса, но и функцию стабилизации гостиничной доходности, особенно в сочетании с конгрессно-выставочной активностью. Это делает город логичной площадкой для внедрения комплексной отраслевой платформы, способной объединить интересы корпоративных заказчиков, гостиниц, площадок, перевозчиков и региональной инфраструктуры [3; 4].

В научной литературе по цифровой трансформации туризма подчёркивается, что цифровизация создаёт наибольший эффект там, где она охватывает не отдельную операцию, а целостную цепочку создания ценности. Так, С.А. Кириллова отмечает, что цифровая трансформация туристской отрасли требует перехода от эпизодического внедрения сервисов к системному изменению бизнес-моделей и управленческих механизмов [5]. В.С. Боголюбов и С.А. Боголюбова указывают на высокий потенциал цифровых платформ как инструмента координации распределённых участников туристского рынка [6].

Н.В. Биттер и соавт. показывают, что в сфере туризма и гостеприимства новые возможности цифровой трансформации связаны прежде всего с интеграцией данных, сервисов и клиентских сценариев [7].

Вместе с тем даже специализированные решения для документооборота командировок, о которых пишут М.Я. Рабовская и О.Н. Смирнова, решают лишь часть задачи, поскольку фокусируются преимущественно на внутреннем согласовании и кадрово-документарной логике [8].

Следовательно, ключевая проблема современного российского делового туризма состоит не в отсутствии цифровых инструментов как таковых, а в их фрагментарности и слабой связности между travel-, event-, accounting- и outcome-контурами [5–10].

На основании анализа современного состояния рынка целесообразно разграничить уже реализованные в практике решения и то, что предлагается в качестве авторской концепции. В практике уже достаточно широко представлены системы онлайн-бронирования, сервисы учёта командировочных расходов, электронный документооборот, а также частично автоматизированные механизмы согласования поездок. Кроме того, российские корпоративные сервисы демонстрируют заметный эффект в части операционной автоматизации: например, отдельные кейсы показывают сокращение согласования поездки с суток до 10 минут и значительное снижение ручной нагрузки на организаторов [9].

Однако в существующей практике, как правило, отсутствует единая отраслевая архитектура, в которой командировка, деловое мероприятие, блокирование номеров, бюджет мероприятия, фактические расходы, закрывающие документы и коммерческий результат объединялись бы в одном цифровом цикле. Авторское предложение состоит в создании платформы, которая связывает пять функциональных уровней: цифровую заявку и «policy-check» до покупки; единый инвентарь транспорта, размещения и групповых поездок; модуль «MICE-sourcing» с подбором площадок и «room-block management»; модуль платежей и расходов с интеграцией в 1С и ЭДО; аналитический слой, оценивающий не только затраты, но и деловой результат поездки или события. В отличие от уже применяемых сервисов, такая модель ориентирована не на автоматизацию отдельной процедуры, а на управление экономической эффективностью деловой мобильности как целого [3–8].

Принципиальное преимущество комплексного отраслевого ИТ-решения заключается в формировании единой «data-модели» делового туризма. В такой модели заявка на поездку, бюджет, маршрут, бронирование, участие в мероприятии, фактические расходы, документы и коммерческий результат фиксируются как элементы одного объекта управления. Это позволяет перейти от традиционного контроля постфактум к управлению до возникновения расхода. Для компаний это выражается в росте доли поездок, оформленных через корпоративный канал, в сокращении отклонений от «travel policy», в снижении доли ручных платежей и в ускорении подготовки отчётности. Для дестинаций и партнёров это создаёт основу для более точного управления загрузкой гостиниц, «room blocks», «event-space» и смежной инфраструктурой. На основании анализа загруженного проектного материала можно считать реалистичными консервативные ориентиры результата: сокращение согласования стандартной поездки до 10–15 минут, рост доли бронирований через цифровой канал до 85–90%, снижение расходов на командировки в первый год внедрения на 12–18%, сокращение трудозатрат на обработку расходных документов на 40–50%, а также экономию 4–6 часов при подборе площадки для одного делового мероприятия. Поскольку эти показатели сформированы как проектные KPI, они отражают не уже достигнутый среднерыночный результат, а целевой ориентир предлагаемой модели. Кроме того, ИТ-решение может быть востребованным в набирающем популярность сегменте bleisure-туризма – формате путешествий, объединяющем деловые поездки с отдыхом [10].

Таким образом, результаты проведённого анализа позволяют утверждать, что комплексное отраслевое ИТ-решение для делового туризма должно рассматриваться как инструмент не сервисного, а стратегического уровня. Его внедрение позволяет устранить ключевой дефицит современного рынка – разобщённость между бронированием, согласованием, MICE-координацией, расходами и аналитикой. В условиях роста стоимости поездок, усиления требований к соблюдению корпоративной политики и повышения значения событийной экономики именно платформенный подход обеспечивает максимальный управленческий эффект. Для российского рынка, ориентированного преимущественно на внутренние поездки, особенно важны локализация под 1С и ЭДО, рублёвые расчёты, интеграция с поставщиками размещения и транспорта, а также учёт региональной специфики деловых дестинаций.

Для Санкт-Петербурга, обладающего высокой MICE-активностью и значительным вкладом делового туризма в городскую экономику, подобная платформа может стать не только корпоративным продуктом, но и элементом дестинационного управления. Практическая рекомендация состоит в том, что внедрение такого решения целесообразно начинать с пилотного сценария в сегменте средних и крупных компаний, регулярно совмещающих командировки с деловыми мероприятиями, а последующее масштабирование строить на интеграции корпоративного заказчика, цифровой платформы и сети партнёров дестинации [4–11].

Список литературы

1. Global Business Travel Association. GBTA BTI Outlook 2025. Executive Summary. – URL: https://gbta.org/wp-content/uploads/GBTA-BTI-Report_2025_Executive-Summary-FINAL.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

2. Hur D. Are we ready for MICE 5.0? An investigation of technology use in the MICE industry using social media big data / D. Hur, S. Lee, H. Kim // Tourism Management Perspectives. – 2022. – Vol. 43. – Art. 100991. DOI 10.1016/j.tmp.2022.100991. EDN CZJDJS

3. Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга. Вклад делового туризма в экономику Петербурга превысил 80 млрд рублей. – URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_tourism/news/294168/ (дата обращения: 18.03.2026).

4. Широкова О. Рынок гостиничной недвижимости Санкт-Петербурга. 2024 г. – URL: https://clck.ru/3USsFX (дата обращения: 18.03.2026).

5. Кириллова С.А. Цифровая трансформация туризма: тренды, задачи, способы решения / С.А. Кириллова // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2020. – №3. – С. 75–81. DOI 10.31040/2222-8349-2020-0-3-75-81. EDN OBOEQG

6. Боголюбов В.С. Потенциал использования цифровых платформ в туризме / В.С. Боголюбов, С.А. Боголюбова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – №4–2. – С. 156–162. DOI 10.17513/vaael.2778. EDN BZGKUL

7. Сфера услуг туризма и гостеприимства: новые возможности в контексте цифровой трансформации / Н.В. Биттер, Л.Б. Нюренбергер, Н.Е. Петренко, В.А. Быкова // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. №5. – С. 2443–2458. DOI 10.18334/epp.14.5.120991. EDN ODSFSH

8. Севрюков И.Ю. Цифровая трансформация сферы туризма и гостеприимства: потенциал, тренды, региональный аспект / И.Ю. Севрюков // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. №3. – С. 1739–1758. DOI 10.18334/epp.15.3.122286. EDN YIFLBW

9. Погорелов Н.В. Трансформация аналитических подходов в гостиничной индустрии России: переход от глобальных к локальным системам / Н.В. Погорелов, К.М. Татуева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 14. №11(164). – С. 57–68. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.11.14.007. EDN FMNXKH

10. Погорелов Н.В. Анализ направлений развития российского гостиничного бизнеса в сегменте bleisure-туризма / Н.В. Погорелов, А.Д. Жилинская // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 13. №12(165). – С. 89–98. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.13.009. EDN CQMVXS

Чечкина Екатерина Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ И КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности гражданско-правовой ответственности индивидуальных предпринимателей и ООО. Отмечается, что индивидуальные предприниматели несут повышенную ответственность (без вины, всем имуществом), тогда как участники ООО отвечают только в пределах вкладов в уставный капитал. В 2024 году количество банкротств ИП выросло на 19,6%. Повышенная ответственность ИП несправедлива из-за отсутствия критериев профессионализма. Предложено либо закрепить обязательное профильное образование для ИП, либо ограничить взыскание имуществом, приобретённым в ходе предпринимательской деятельности.*

Ключевые слова: *индивидуальный предприниматель, ответственность, общество с ограниченной отвлечённостью.*

Бизнес-понятие, с которым все мы сталкиваемся ежедневно, потребляя продукты предпринимательской деятельности. Мы живём в эпоху, где «бизнес» стал олицетворением развития общества и некой константой, жизнь без которой современный человек себе представить уже не может.

История развития российского предпринимательства весьма интересна и многогранна, далеко не всегда указанная деятельность была направлена на получение прибыли, как мы привыкли сейчас думать. Так, С.В. Морозов (русский предприниматель и меценат XIX века) очень выгодно купил в США большую партию хлопка. Вскоре цены на него резко увеличились, и он мог бы продать этот хлопок и получить большую прибыль, чем от произведённых из него товаров на его фабрике. На вопрос, почему он этого не сделал, последовал ответ: «Я же капиталист, а не спекулянт, на моих фабриках десятки тысяч рабочих, а у них есть семьи. Если я не обеспечу их работой, как же они будут жить?» [1]. Каждый предприниматель в первую очередь был заинтересован в достижении общего социального блага, и только потом – в получении прибыли, что совершенно не укладывается в концепцию современных нормативно-правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность.

В Российской Федерации предпринимательскую, то есть деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, осуществляют индивидуальные предприниматели, корпоративные коммерческие и унитарные коммерческие организации. Конечно, каждая из указанных форм существует в установленных государством пределах, а многие – с помощью поддержки, оказываемой со стороны государства. Государственная поддержка должна создавать благоприятные организационно-экономические условия для товаропроизводителей [2].

Каждая из этих форм имеет свои особенности правового статуса, касающиеся, в первую очередь, ответственности. Рассмотрим порядок несения ответственности индивидуальным предпринимателем и обществом с ограниченной ответственностью (далее – ООО) как наиболее часто используемой организационно-правовой формой коммерческих корпоративных юридических лиц.

Гражданское законодательство не содержит определения термина «индивидуальный предприниматель». Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности. В соответствии со ст. 2 Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие её, должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке. При этом ст. 23 ГК РФ устанавливает, что в таком случае государственная регистрация осуществляется не в качестве юридического лица. Таким образом, можно заметить, что индивидуальным предпринимателем является лицо, осуществляющее на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в установленном законом порядке. В некоторых случаях деятельность может признаваться предпринимательской, а лицо – индивидуальным предпринимателем, если даже государственной регистрации не было осуществлено, однако решение данного вопроса является прерогативой суда, который будет оценивать объект и объём соответствующей деятельности, размер полученной прибыли, цели её использования и другие факторы [3].

Гражданско-правовая ответственность индивидуальных предпринимателей, как и других участников предпринимательской деятельности, несёт повышенную (по сравнению с гражданско-правовой ответственностью обычных физических лиц, не являющихся предпринимателями) нагрузку [4].

Повышенный характер ответственности индивидуальных предпринимателей выражается не только в ответственности без вины, но и в солидарном характере обязательств нескольких должников-предпринимателей, если законом, иными правовыми актами или условиями обязательства не предусмотрено иное.

Данное обстоятельство обусловлено презумпцией того, что физическое лицо, основным видом деятельности которого является предпринимательская, есть профессионал. В связи с этим они не только несут повышенный уровень ответственности, но и отвечают по обязательствам всем принадлежащим им имуществом. Однако данная позиция будет являться абсолютно обоснованной лишь в том случае, если профессионализм будет закреплён в качестве одного из критериев осуществления предпринимательской деятельности. Далеко не все индивидуальные предприниматели действительно являются специалистами какой-либо области, с чем и связано большое количество лиц, признаваемых банкротами в результате процедуры банкротства. Так, в 2024 году из Единого реестра индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) по причине банкротства исключено 2188 человек, что на 359 человек, или 19,6 %, больше, чем в 2023 году [5]. Поэтому необходимо разрешить вопрос, касающийся уровня ответственности индивидуального предпринимателя – либо внесением обязательного критерия наличия высшего образования в соответствующей сфере предпринимательской деятельности, что в полной мере не повлияет на уровень компетенции, однако создаст некоторую гарантию для кредиторов, либо установлением ограничений на взыскание с имущества индивидуального предпринимателя. К примеру, закрепить, что лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, отвечает по обязательствам лишь тем имуществом, которое было им приобретено в ходе её осуществления.

Для сравнения рассмотрим далее порядок несения ответственности ООО. Участники общества, принимая решение о его создании, тем самым формируют уставный капитал ООО за счёт вносимых ими денежных вкладов. Именно стоимостью внесённых вкладов в уставном капитале общества они несут финансовую ответственность перед кредиторами организации [6]. То есть ООО отвечает по своим обязательствам самостоятельно тем имуществом, которое у него имеется, сформированным за счёт вкладов. Участники ООО, внося вклады, утрачивают право собственности на переданное имущество, они не отвечают по обязательствам ООО, и только в порядке исключения могут быть привлечены к несению субсидиарной ответственности. Таким образом, несмотря на то что участники ООО, как и индивидуальные

предприниматели, являются профессионалами, они не несут повышенной ответственности перед кредиторами.

Можно сделать вывод, что несение повышенной ответственности индивидуальным предпринимателем не является целесообразным и справедливым, так как на данный момент не существует критериев, относящих указанных лиц к профессиональным участникам рынка. Стоит внести изменения в гражданское законодательство либо для уточнения признаков индивидуальных предпринимателей, либо для снижения уровня ответственности.

Список литературы

1. Гудашова Л. Предпринимательство в России: проблемы и особенности / Л. Гудашова // Современная конкуренция. – 2013. – №2. – С. 39–45. EDN RXFDUB.

2. Моисеев А.В. Аспекты государственной поддержки сельского хозяйства в РФ / А.В. Моисеев, М.И. Захарова // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых / отв. за вып. А.Г. Кощаев. – 2016. – С. 1157–1158.

3. Сергиенко В.К. Понятие «индивидуальный предприниматель» в российском законодательстве / В.К. Сергиенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2003. – №S10. – С. 73–81.

4. Славова Н.А. Гражданско-правовая ответственность индивидуальных предпринимателей / Н.А. Славова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – №108–6. – С. 129–132. DOI 10.18411/trnio-04-2024-341. EDN QCLVAK

5. Всё больше банкротов – индивидуальных предпринимателей. – URL: https://dolgcons.ru/news/vsyo-bolshe-bankrotov-%E2%80%94-individualnyix-predprinimatelej (дата обращения: 01.11.2025).

6. Гартина Ю.А. Понятие и правовая природа общества с ограниченной ответственностью / Ю.А. Гартина, М.В. Буркина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №8(212). – С. 83–85.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Акопьян Виктор Альбертович
канд. пед. наук, доцент
Министерство образования Самарской области
г. Самара, Самарская область
Научный руководитель
Трегубова Татьяна Моисеевна
д-р пед. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма»
г. Казань, Республика Татарстан

ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА

Аннотация: *в статье показана важная роль оценки формирования функционально грамотных выпускников системы общего образования, представлены уровни сформированности функциональной грамотности, принятые в российской и международной системах общего образования. Цель статьи – представить конструктивный анализ уровней сформированности функциональной грамотности и дать оценку международным системам мониторинга ее развития, в частности, PISA. Ведущими методами исследования были теоретический анализ научной литературы и личный опыт как организатора и руководителя на примере школ Самарского региона.*

Ключевые слова: *функциональная грамотность, оценка, уровни мастерства, мониторинг, PISA.*

Функциональная грамотность (ФГ) – это способность личности успешно использовать знания, умения и компетенции, полученные в системе образования, и в жизни для решения реальных практических задач в повседневных ситуациях [1, 3]. Оценка функциональной грамотности в международных экзаменах, таких как, например, PISA (Programme for International Student Assessment – Программа для международной оценки обучающихся), – это сложный и многоуровневый процесс, который сильно отличается от привычных школьных контрольных. Главная задача их – не проверить, как ученик запомнил формулы, а понять, умеет ли он применять знания в ситуациях, максимально приближенных к реальной жизни. Иными словами, вместо абстрактных задач ученикам предлагают жизненные ситуации (кейсы). Например, нужно выбрать самый выгодный тариф мобильной связи, спланировать поездку, проанализировать счета за коммунальные услуги или оценить достоверность информации в интернете. Чтобы успешно справиться, недостаточно просто знать предмет, нужно уметь анализировать информацию, делать выводы и аргументировать свое решение [7].

Результаты оцениваются по 1000-балльной шкале, но самое главное – это уровни функциональной грамотности, которых выделяют шесть – шесть уровней мастерства. Эта система позволяет не просто сказать «справился» или «не справился», а понять, насколько глубоко ученик владеет тем или иным навыком.

Хорошо понятны эти уровни, например, касательно математической грамотности. Так, на 6 (высшем) уровне обучающийся может работать со сложными формулами, находить нестандартные решения, это – уровень продвинутого математического мышления. На 5 уровне обучающийся может анализировать и сравнивать сложные модели, аргументировать свою позицию и решения. На 4 уровне обучающийся успешно работает с конкретными моделями, может создавать графики и таблицы. На 3 уровне обучающийся четко выполняет предложенные процедуры, умеет работать с процентами и пропорциями. На втором (пороговом) уровне

обучающийся правильно отвечает на вопросы в известном контексте, может выполнять рутинные простые операции. Уровень 1 (базовый): обучающийся понимает только буквальный смысл простых заданий и может выполнять лишь самые очевидные действия.

Ключевым порогом здесь является 2-й уровень. Считается, что ученик, не достигший его, обладает недостаточными базовыми навыками для полноценного функционирования в современном обществе

Задания разработаны так, чтобы оценить навык на разных уровнях сложности. Например, в одном кейсе могут быть вопросы разных уровней. Это видно на примере задания про тыкву, а именно:

– низкий уровень (поиск информации): Прямой вопрос по тексту: «Что делают из тыквы?» Чтобы ответить, достаточно найти предложение в тексте;

– средний уровень (понимание): Вопрос на выбор верных утверждений по содержанию текста, где нужно отсеять неверную информацию;

– высокий уровень (осмысление): Вопрос: «В чем состояла цель эксперимента, который проводили ребята?» Здесь нужно не найти готовый ответ, а сделать вывод на основе прочитанного, показав понимание задачи.

Такой подход позволяет точно определить сильные и слабые стороны обучающегося: на каком уровне он уверенно работает, а где начинает испытывать трудности.

Таким образом, в центре всего процесса находятся ученики, а сама система их оценки – это многоуровневая структура: от Организации экономического сотрудничества и развития на международной арене до конкретного учителя, который составляет практико-ориентированное задание для своего класса.

Исследование PISA, а также его российский аналог («Оценка по модели PISA»), обычно проходит в компьютерной форме [2]. Участники – это школьники в возрасте 15 лет. Сами исследователи признают, что обеспечение объективности таких масштабных тестов – задача нетривиальная. На результаты могут влиять такие факторы, как пропуски заданий или исключение некоторых групп школьников из выборки, что может приводить к небольшому завышению общих результатов по стране. Эти сложности учитываются при разработке методологии и интерпретации данных [5].

Оценка в PISA – это не столько про «правильный/неправильный» инструмент оценивания, сколько про качество применения знаний. Вместо поиска единственного верного варианта ученику нужно проанализировать ситуацию, выбрать подходящий инструмент, выполнить расчеты и обосновать свое решение. Поэтому в заданиях часто встречаются вопросы с развернутым ответом, где важен сам ход мыслей и аргументация, а не только конечный результат.

В целом, укажем, что изучение и оценка функциональной грамотности – это комплексный процесс, в котором участвуют организации, исследователи и педагоги на международном, национальном и локальном уровнях. Всех их объединяет одна цель: понять, насколько хорошо система образования готовит молодых людей к реальной жизни [1].

Представим, как эта работа организуется на различных уровнях. На международном уровне главным координатором исследования функциональной грамотности в мире является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Именно она с 2000 года проводит самое авторитетное международное исследование, которое оценивает, как учащиеся 15 лет применяют свои знания для решения практических задач [6]. В России за внедрение и оценку функциональной грамотности отвечают несколько ключевых структур, а именно: Министерство просвещения РФ и Рособрнадзор. Именно они определяют государственную политику, запускают общероссийские и региональные исследования по модели PISA и утверждают необходимые нормативные документы. Институт стратегии развития образования РАО (г.Москва) является ключевым научно-методическим центром, чьи эксперты разрабатывают сами задания для оценки уровня функциональной грамотности, формируют «банк» таких заданий и создают методические пособия для учителей (серия «Учимся для

жизни»). Региональные институты повышения квалификации, например, Самарский областной институт (СИПКРО) занимается разработкой региональных моделей мониторинга и оказывает методическую помощь педагогам на местах [5].

Но главные «полевые» исследователи в области изучении функциональной грамотности – это сама система общего образования, сами школы, что проявляется в двух ключевых аспектах: обучающиеся – главные участники и педагоги (школьные команды).

Именно школьники, чаще всего в возрасте 15 лет, выступают в роли основного объекта исследования. Их результаты и являются главным источником данных о качестве образования. В школах создаются специальные проектные и методические команды, которые внедряют задания на развитие функциональной грамотности в учебный процесс, отслеживают прогресс учеников и анализируют результаты. Например, педагоги могут разрабатывать собственные межпредметные модели мониторинга [2]. Отдельные ученые и педагоги также разрабатывают специализированные инструменты, например, онлайн-тренажеры для развития читательской грамотности у младших школьников, чтобы подготовить их к международным исследованиям.

В заключение укажем, что критика концепции PISA действительно обширна и носит системный характер. Споры вокруг неё ведутся на нескольких уровнях – от методологии и культурной предвзятости до политического использования результатов и навязывания неолиберальной идеологии. Одной из центральных проблем является утверждение, что PISA создаёт иллюзию точности и объективности, в то время как ее методология далека от совершенства, прежде всего потому, что дает неполную картину качества образования, а оценивает лишь «результатную часть» образования, преимущественно когнитивные навыки в чтении, математике и естественных науках, и не может дать всесторонней оценки системы. Кроме того, это не лонгитюдное исследование, поэтому оно не может отслеживать прогресс учеников или показывать причинно-следственные связи [6].

В совокупности эти критические замечания рисуют образ PISA не просто как объективного теста, а как мощный политический и культурный инструмент. Он не только упрощает сложную реальность образования до нескольких цифр, но и активно формирует глобальную образовательную политику, часто в ущерб локальным контекстам и ценностям.

Список литературы

1. Алексашина И.Ю. Формирование и оценка функциональной грамотности учащихся: учебно-методическое пособие / И.Ю. Алексашина, О.А. Абдулаева, Ю.П. Киселев; науч. ред. И.Ю. Алексашина. – СПб. : КАРО, 2019. – 160 с.

2. Акопьян В.А. Система подготовки учителей химии к использованию компьютерных технологий обучения учащихся средних общеобразовательных школ: 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: дис. … канд. пед. наук / Виктор Альбертович Акопьян. – Самара, 2004. – 197 с. – EDN NMSZNX.

3. Акопьян В.А. Формирование функциональной грамотности обучающихся общеобразовательных организаций: роль современной образовательной среды / В.А. Акопьян // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №6(109). – С. 162–165. – DOI 10.24412/1991-5497-2024-6109-162-165. – EDN NJZBGM.

4. Акопьян В.А. Организационно-педагогические условия формирования функциональной грамотности школьников: региональная специфика / В.А. Акопьян // Ярославский педагогический вестник. – 2024. – №6(141). – С. 20–28. – DOI 10.20323/1813-145X-2024–6-141–20. – EDN YHQCPW.

5. Басюк В.С. Инновационный проект Министерства просвещения «Мониторинг формирования функциональной грамотности»: основные направления и первые результаты / В.С. Басюк, Г.С. Ковалева // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2019. – Т. 1, №4 (61). – С. 13–33. – URL: https://school47.centerstart.ru/sites/school47.centerstart.ru/files/tmp/doc/ (дата обращения: 23.06.2026). – EDN QHDFQS

6. Трегубова Т.М. Зарубежные модели дополнительного профессионального образования: теоретико-методологический анализ : науч.-метод. пособие / Т.М. Трегубова, А.Р. Масалимова. – Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2015. – 66 с.

7. Туленкова Л.А. Личностно-ориентированный подход в формировании личностных универсальных учебных действий / Л.А. Туленкова // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2019. – №5–1. – С. 15–19. – EDN UVLPVC

Бабенко Анастасия Олеговна
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-166968

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖЕНСКОЙ АУДИТОРИИ ПРИ ВЫБОРЕ ОДЕЖДЫ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация: *в статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного среди молодых женщин Краснодара (18–35 г.). С помощью расширенного инструмента «Матрешка узнаваемости» проанализированы уровни подсказанной и спонтанной узнаваемости иностранных и федеральных брендов одежды, выявлены рассогласования между узнаваемостью, показателем Tom of Mind и реальной конверсией в покупку. Обнаружена возрастная модация позиционирования брендов: один и тот же бренд может относится к разным классам в группах 18–24 г. и 25–35 г. Разработана типология четырех потребительских сегментов (практичный классик, практичный консерватор, осознанный перфекционист, цифровой утилитарист) с описанием их канальных предпочтений, сервисных приоритетов, стилевых и ценностных ориентиров. Показано, что Wildberries является единой доминирующей платформой для всех сегментов, а дифференциация связана с дополнительными сервисными функциями. Предложены направления маркетинговых стратегий в зависимости от сочетания узнаваемости и конверсии.*

Ключевые слова: *узнаваемость бренда, классификация брендов, типология потребителей, маркетинговое исследование, поведенческие паттерны.*

Для выявления потребительских предпочтений и факторов выбора одежды в цифровой среде среди молодежи Краснодара проведено маркетинговое исследование (опрос). Выборка: 75 женщин. Анкета в Yandex Forms распространялась через соцсети.

Для женской аудитории 18–24 г. и 25–35 г. использован инструмент «Матрешка узнаваемости» (ТОМ, подсказанная и спонтанная узнаваемость). Данные по выявлению уровня осведомленности респондентов об иностранных и федеральных брендах одежды представлены на рисунке 1.

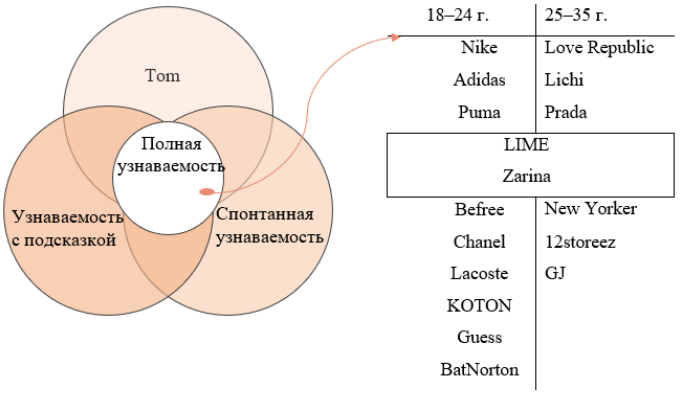


Рис. 1. Матрешка узнаваемости брендов российского рынка одежды (ж)

Многие бренды с полной узнаваемостью в возрастных группах не пересекаются (исходя их данных опроса). Женщины 18–24 г. полностью узнают 11 брендов (спортивные, масс-рыночные и премиальные марки). Женщины 25–35 г. полностью узнают 10 брендов (преобладают российские бренды и несколько международных). LIME и Zarina – свидетельствуют о

межпоколенческой устойчивости данных брендов, тогда как остальные предпочтения в брендах полностью сменяются с возрастом [3, с. 65].

Чтобы системно диагностировать позиции брендов в сознании потребителей, нами разработана классификация брендов с учетом расширенного инструмента «Матрешка узнаваемости», таблица 1.

Таблица 1

Классификация брендов с учетом расширенного инструмента «Матрешка узнаваемости»

Классификация	Расширенная матрешка узнаваемости			
	Узнаваемость с подсказкой (%)	Спонтанная узнаваемость (%)	Tom (%)	Конверсия в покупку (%)
Лидеры полной узнаваемости	> 80	>15	> 5	> 10
Высокоспонтанные, не приоритетные	>90	>10	< 10	< 10
Известные с подсказкой (ТОМ есть, покупок нет)	50–70	5–15	2–10	0
Конверсионные середняки	50–70	5–15	2–10	>10
Нишевые с потенциалом	<55	<5	2–5	5–10
Премиум-невидимки (ТОМ есть, узнаваемости нет)	0	0	0–3	0
Перспективные	> 70	5–15	2–10	> 10
Спящие гиганты	> 80	<10	< 3	< 10
Абсолютный лидер спонтанной узнаваемости	0	>25	> 10	0
Пассивно-знакомые	> 50	> 0	0	<10
Пассивные	> 50	0–3	0	0
Слабоузнаваемые	< 50	< 3	< 3	0
Спонтанно вспоминаемые	0	> 0	> 0	0
Исключительно спонтанные	0	> 0	0	0

В таблице 1 представлены критерии отнесения бренда к классам расширенной «Матрешки узнаваемости». Каждый класс характеризуется уникальной комбинацией интервалов подсказанной и спонтанной узнаваемости, показателя ТОМ и конверсии в покупку. Предложенная классификация позволяет выявлять рассогласования между различными уровнями узнаваемости и реальным покупательским поведением.

Далее данная классификация была применена к ключевым брендам, выделенным по результатам опроса (табл. 2).

Таблица 2

Классификация ключевых игроков российского рынка одежды

Бренд	Классификация	
	18–24 г.	25–35 г.
1	*2*	*3*
Nike	Лидеры полной узнаваемости	Пассивные
Adidas	Лидеры полной узнаваемости	Пассивно-знакомые
Puma	Высокоспонтанные, не приоритетные	Пассивно-знакомые
LIME	Перспективные	Лидеры полной узнаваемости
Befree	Перспективные	Пассивно-знакомые
Zarina	Перспективные	Конверсионные середняки
Chanel	Перспективные	Пассивные

Окончание таблицы 2

1	*2*	*3*
Gucci	Перспективные	Премиум-невидимки (ТОМ есть, узнаваемости нет)
Bershka	Перспективные	Спонтанно вспоминаемые
H&M	Перспективные	Исключительно спонтанные
Lacoste	Спящие гиганты	Пассивно-знакомые
GJ	Спящие гиганты	
KOTON	Спящие гиганты	Пассивно-знакомые
Guess	Спящие гиганты	Пассивные
Prada	Спящие гиганты	Высокоспонтанные, не приоритетные
Zara	Абсолютный лидер спонтанной узнаваемости	Спонтанно вспоминаемые
Lichi	Пассивно-знакомые	Перспективные
12storeez	Пассивно-знакомые	Нишевые с потенциалом
New Yorker	Пассивные	Нишевые с потенциалом
Love Republic	Пассивные	Известные с подсказкой (ТОМ есть, покупок нет)
ECRU	Пассивные	Пассивные
DUB	Пассивные	Слабоузнаваемые
U.S. Polo	Пассивные	Слабоузнаваемые
Mascotte	Пассивные	Слабоузнаваемые
BatNorton	Слабоузнаваемые	
Antony Morato	Слабоузнаваемые	
Giovanni Lidano	Слабоузнаваемые	
Forest	Слабоузнаваемые	
Mango	Спонтанно вспоминаемые	
Matrona	Спонтанно вспоминаемые	Только спонтанная
2mood	Исключительно спонтанные	Спонтанно вспоминаемые
Versache	Исключительно спонтанные	Премиум-невидимки (ТОМ есть, узнаваемости нет)
LV	Исключительно спонтанные	
Diesel	Исключительно спонтанные	Спонтанно вспоминаемые
Levi’s	Исключительно спонтанные	Спонтанно вспоминаемые

Исходя из данных таблицы, нами были выявлены закономерности. Одной из них является декомпозиция поведенческих воронок. У значительной части брендов отсутствует прямая корреляция между уровнями подсказанной и спонтанной узнаваемости, Top of Mind и фактической конверсией в покупку. Это подтверждает рассогласование трёх типов потребительского поведения: «знаю при подсказке», «вспоминаю спонтанно», «покупаю» [2, с. 10].

Следующая важная закономерность – возрастная модация позиционирования бренда. Один и тот же бренд может относиться к разным «классам» для рассматриваемых групп. Это указывает на трансформацию восприятия с переходом потребителя в старшую возрастную когорту.

Также нами были замечены патерны восприятия брендов среди опрошенной аудитории:

– GJ – инвариантный бренд (высокая подсказанная узнаваемость при низкой конверсии в обеих группах).

– BatNorton, Antony Morato, Giovanni Lidano, Forest: не формируют значимого присутствия в сознании целевой аудитории.

– Mango – вспоминается потребителями (без подсказок), но не закреплён через системное знание у обеих возрастных групп.

– Louis Vuitton (LV) – крайняя форма разрыва между брендом и сознанием потребителя: престижный бренд спонтанно приходит на ум, но не вспоминается при подсказке.

В ходе эмпирического исследования типологизированы потребители одежды по предпочтениям в каналах покупки одежды, таблица 3 [1].

Таблица 3

*С*оциально-демографический профиль, предпочтения по каналам покупки

Параметр	Портрет потребителя			
	Прагматичный классик	Практичный консерватор	Осознанный перфекционист	Цифровой утилитарист
Возраст	25–35 г.	18–24 г.	25–35 г.	18–24 г.
Сфера деятельности	Бизнес Управление IT и цифровые технологии	Безработный (студент)	Мода Дизайн Искусство	Маркетинг PR Реклама
Предпочтения в отношении каналов и платформ покупки	Маркетплейс Онлайн магазин с возможностью примерки (сайт)	Маркетплейс Онлайн магазин с возможностью примерки (сайт)	Маркетплейс Онлайн магазин с возможностью примерки (сайт)	Маркетплейс
	Наличие большого ассортимента товаров Удобство возврата и обмена товаров	Условия доставки (скорость, стоимость, удобство) Удобство интерфейса и навигации	Удобство интерфейса и навигации Цена на товар	Условия доставки (скорость, стоимость, удобство) Удобство возврата и обмена товаров
	Wildberries	Wildberries	Wildberries	Wildberries
	Фото на модели	Фото на модели	Фото на модели	Фото на модели
Значимые сервисные функции	Отзывы других покупателей о товарах Персонализированные рекомендации	Отзывы других покупателей о товарах Примерка одежды	Удобный процесс возврата товаров Быстрая доставка Отзывы других покупателей о товарах	Быстрая доставка и возможность самовывоза Отзывы других покупателей о товарах

Исходя из данных таблицы 3, все четыре выделенных типа потребительниц объединяет ряд общих характеристик [4, с. 300]:

– доминирующая платформа для покупки одежды у всех сегментов выступает Wildberries;

– значимо визуальное представление товара «фото на модели»;

– предпочитают маркетплейс и онлайн-магазин с возможностью примерки.

При этом ключевое различие между типами заключается в акцентах на дополнительные сервисные функции. Таким образом, при единой платформенной основе потребители демонстрируют дифференцированные сервисные приоритеты, что подтверждает обоснованность предложенной типологии.

Для понимания почему потребитель выбирает те или иные бренды и модели, необходимо обратиться к поведенческим паттернам и ценностным ориентирам, таблица 4. Это позволяет перейти от описания внешних условий покупки к внутренним мотивационным драйверам целевой аудитории.

Таблица 4

Поведенческие паттерны и ценностные ориентиры типов потребителей

Параметр	Портрет потребителя			
	Прагматичный классик	Практичный консерватор	Осознанный перфекционист	Цифровой утилитарист
Возраст	25–35 г.	18–24 г.	25–35 г.	18–24 г.
Критерии выбора одежды	Качество материала Дизайн и стиль одежды Цена и доступность	Качество материала Удобство и комфорт при ношении Дизайн и стиль одежды Цена и доступность	Качество материала Дизайн и стиль одежды Соответствие модным тенденциям Цена и доступность	Качество материала Удобство и комфорт при ношении Скидки и акции, распродажи
Стилевые, цветовые предпочтения	Классический стиль	Классический стиль	Минимализм	Кэжуал
	Работа Деловые встречи Выражение своей индивидуальности	Работа Повседневная носка Прогулки	Повседневная носка Работа Деловые встречи Прогулки	Повседневная носка Прогулки Неформальные встречи
	Нейтральные и базовые оттенки (белый, черный, серый, бежевый)	Нейтральные и базовые оттенки (белый, черный, серый, бежевый)	Не придерживается определенной цветовой гаммы	Не придерживается определенной цветовой гаммы
Отношение к модным трендам и источники информации	Редко, главное – это мой стиль, а не тренды	Редко, главное – это мой стиль, а не тренды	Иногда, ориентируюсь на стиль, но учитываю тренды	Иногда, ориентируюсь на стиль, но учитываю тренды
	Реклама в поисковике	От друзей, знакомых, родных	Соц. Сети, группы	Соц. Сети, группы
	Иногда интересуюсь брендами	Нет не отслеживаю	Да, в социальных сетях (Instagram (принадлежит признанной в России экстремистской Meta), Telegram и т. д.)	Да, в социальных сетях (Instagram (принадлежит признанной в России экстремистской Meta), Telegram и т. д.)

Разработанная типология доказывает, что каждый из четырёх сегментов обладает выраженным, внутренне непротиворечивым профилем потребления. Бренды, внедряющие дифференцированные коммуникации и ассортиментные решения под каждый портрет, получают возможность персонализировать маркетинговые коммуникации, адаптировать ассортиментную политику и повышать релевантность потребительского предложения для каждого выделенного сегмента [5].

Полученные результаты позволяют дифференцировать маркетинговые стратегии для брендов:

– с высоким знанием, но низкой конверсией необходим ретаргетинг;

– с высокой конверсией, но низкой узнаваемостью – охватные кампании.

Список литературы

1. Вечкасов К.А. Портрет целевой аудитории бренда одежды: страхи, потребности и самостоятельный анализ / К.А. Вечкасов. – URL: https://vechkasov.ru/blog/articles/analiz-celevoj-auditorii-brendy-odezhdyna-2025-god (дата обращения: 13.05.2026).
2. Закускин С.В. Преобразование характеристик потребительского выбора и предпочтений при обработке результатов маркетинговых исследований / С.В. Закускин // Практический маркетинг. – 2022. – Т. 5, №302. – С. 3–13. – ISSN 2071-3762. – DOI 10.24412/2071-3762-2022-5302-3-13. EDN HSNQJF
3. Индустрия моды в цифровую эпоху: тренды и технологии // Медиа альманах. – 2021. – Т. 1, №4. – С. 60–69. – ISSN 1992-4611. – DOI 10.30547/mediaalmanah.
4. Мельникова А.В. Восприятие потребителями товаров индустрии моды / А.В. Мельникова // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, №2. – С. 297–307. – ISSN 2222-534X. – DOI 10.18334/epp.10.2.100474. EDN RLSMNO
5. Чебурова К.С. Успешные стратегии для продажи одежды и обуви онлайн: тренды 2024 года / К.С. Чебурова. – URL: https://cart-power.ru/blog/trendy-2024-goda-dlya-onlajn-prodazhi-odezhdy/ (дата обращения: 14.05.2026).

Белкина Ирина Александровна
студентка

Илларионова Оксана Владиславна
заведующая библиотекой

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВЛИЯНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ЧТЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Аннотация: *в статье представлены результаты эмпирического исследования влияния библиотечного обслуживания на читательскую активность сельского населения как одного из ключевых социально-экономических процессов, определяющих качество человеческого капитала на селе. Цель работы – выявить реальные формы этого влияния и оценить их эффективность в контексте сохранения культурной идентичности и социальной стабильности сельских территорий. Материалом послужили отчёты Централизованной библиотечной системы Аликовского муниципального округа Чувашской Республики за 2021–2025 гг. (20 библиотек) и данные мини-опроса 100 читателей, проведённого в феврале-марте 2026 года. Методы включали анализ статистических показателей, анкетирование и сравнительный анализ с региональными данными. Установлено, что библиотечное обслуживание выступает фактором социальной сплочённости и культурного развития сельского сообщества. На основе выявленных проблем предложены меры по оптимизации режима работы, расширению клубной деятельности и адаптации зарубежных практик.*

Ключевые слова: *библиотечное обслуживание, сельское население, чтение, социально-экономические процессы, читательские предпочтения, качество жизни, модельная библиотека.*

Сельские библиотеки России на протяжении последних десятилетий функционируют в условиях кадрового дефицита, старения фондов и территориальной разобщённости населённых пунктов. По данным исследователей за 2014–2023 гг. сеть сельских библиотек сократилась на 7,4% [1, с. 51]. Это сокращение является не только отраслевой, но и социально-экономической проблемой, поскольку именно эти учреждения остаются для значительной части сельских жителей единственным центром культурной и информационной жизни. Библиотека

на селе выполняет функцию «социального лифта», обеспечивая доступ к знаниям и информации независимо от уровня дохода и удалённости от города. В Чувашской Республике охват сельского населения библиотечным обслуживанием достигает 82,5% [2, с. 20], что делает регион показательным для изучения механизмов влияния библиотеки на чтение как социально-культурной практики, формирующей человеческий потенциал территории. Цель данной статьи – на примере ЦБС Аликовского муниципального округа Чувашской Республики выявить реальные формы этого влияния, оценить их эффективность через количественные и опросные данные и предложить пути совершенствования в контексте социально-экономического развития сельских территорий.

Базой исследования выступила Централизованная библиотечная система Аликовского муниципального округа Чувашской Республики, включающая 20 библиотек (центральная, детская и 18 сельских филиалов). Анализировались отчёты МБУК «ЦБС Аликовского муниципального округа» за 2021–2025 гг., а также данные о деятельности государственных и муниципальных библиотек Чувашской Республики за 2024 год [2]. Для оценки восприятия библиотечных услуг читателями в феврале-марте 2026 г. проведён мини-опрос (анкетирование) 100 респондентов на базе центральной библиотеки и четырёх сельских филиалов (Большевыльская, Чувашско-Сорминская, Яндобинская, Таутовская) методом случайной выборки с использованием пяти закрытых вопросов анкеты; сравнительный и корреляционный анализ полученных данных с региональными показателями Ежегодного доклада о деятельности библиотек Чувашской Республики за 2024 год. Методология исследования базируется на понимании чтения как социально-экономического ресурса: читающая популяция обладает более высоким образовательным потенциалом, адаптивностью к изменениям и способностью к саморазвитию, что критически важно для сельских территорий, переживающих структурную трансформацию. Ограничением исследования является локализация выборки преимущественно в крупных филиалах – жители 12 малых деревень, обслуживаемые через передвижные пункты, остались вне опроса.

Библиотечная система Аликовского муниципального округа обслуживает около 15 тыс. жителей, из которых более 70% проживают в сельской местности. Сохраняется типичная для села проблема: 12 малых деревень (с числом жителей менее 100 человек) не имеют стационарных библиотек и обслуживаются через передвижные пункты выдачи. Это создаёт дифференциацию доступа к культурным и информационным услугам внутри муниципального округа, что может усиливать социально-экономическое неравенство между жителями крупных и малых населённых пунктов. Кадровый состав насчитывает 28 сотрудников, средний возраст – 49 лет, лишь 4 человека моложе 35 лет. Заработная плата библиотекаря (около 18 тыс. руб.) ниже среднерегионального уровня, что является общероссийской проблемой сельских библиотек, сдерживающей приток молодых специалистов и снижающей инвестиционную привлекательность отрасли в целом.

Ключевые показатели работы ЦБС Аликовского муниципального округа за пятилетний период представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные количественные показатели работы библиотек ЦБС Аликовского округа (2021–2025 гг.)

Год	Число читателей (чел.)	Книговыдача (экз.)	Посещаемость (посещений)	Книговыдача на одного читателя (экз.)
2021	9 850	158 200	78 500	16,1
2022	9 720	152 400	75 200	15,7
2023	9 540	149 800	80 100	15,7
2024	9 630	151 200	84 300	15,7
2025	9 700	153 500	86 000	15,8

Число читателей сократилось в 2021–2023 гг. на 310 человек (3,1%), что связано с пандемийными ограничениями и естественной убылью сельского населения. Однако к 2025 г. показатель стабилизировался на уровне 9,7 тыс., что свидетельствует о сохранении ядра лояльной аудитории. Более показательной выглядит динамика посещаемости: после падения до 75,2 тыс. в 2022 г. она выросла до 86 тыс. в 2025 г., увеличившись на 9,6% по сравнению с 2021 г. и на 14,4% по сравнению с антирекордным 2022 г. Это подтверждает востребованность библиотеки как социального института даже в условиях цифровизации: люди продолжают нуждаться в живом общении, коллективных формах досуга и публичном пространстве.

При этом книговыдача на одного читателя остаётся почти неизменной (15,7–16,1 экз. в год). Этот факт требует отдельного комментария: рост посещаемости достигается в основном за счёт активизации массовых мероприятий (литературные вечера, конкурсы, клубные заседания), а не за счёт углубления индивидуальной работы с книгой. С точки зрения социально-экономической эффективности это означает, что библиотека всё больше выполняет функцию центра социальной коммуникации, а не только книговыдачи. Такая трансформация соответствует мировым трендам, но требует пересмотра критериев оценки деятельности библиотек. Иными словами, люди приходят в библиотеку чаще, но берут домой примерно столько же книг, что и раньше. Это косвенно подтверждается и опросными данными: 52% респондентов посещают мероприятия лишь время от времени, а 20% – почти не посещают, что оставляет значительный резерв для роста.

Сравнение с региональными показателями [2, с. 21–22] показывает, что динамика Аликовского округа в целом в целом соответствует общереспубликанским тенденциям. В Чувашской Республике в 2024 г. число посещений муниципальных библиотек выросло на 17% по сравнению с 2023 г., а количество обращений удалённых пользователей увеличилось на 40% за три года. Аликовский округ демонстрирует более скромный, но устойчивый рост – 14,4% за три года, что объясняется более слабой материально-технической базой (лишь 4 сельских филиала имеют высокоскоростной интернет) и консервативностью читательской аудитории. Это поднимает вопрос о цифровом неравенстве как факторе, ограничивающем социально-экономическое развитие сельских территорий.

Наиболее системно в ЦБС реализуются три направления: краеведение (проект «Литературная карта Аликовского округа», издан буклет «Писатели и поэты нашего округа» тиражом 300 экз.), экологическое просвещение (программа «Живая планета», проект «Экосумка вместо пакета») и работа с семьёй (клуб «Семейный очаг», акция «Книга в подарок» – 250 книг подарено в 2024 г.). Эти направления напрямую воздействуют на социальный капитал территории: краеведение укрепляет локальную идентичность, семейные программы снижают риски социальной изоляции, экологическое просвещение формирует ответственное отношение к среде обитания. В 2025 году на средства республиканского бюджета в округе открыта модельная детская библиотека с различными зонами отдыха и занятий, а также современными лабораториями для юных изобретателей, сенсорной комнатой для детей с особыми нуждами здоровья [3]. Как отмечается в Ежегодном докладе, за период 2020–2024 гг. в Чувашии создано 28 модельных библиотек (5,8% от общего количества муниципальных библиотек), что даёт положительную динамику: количество пользователей увеличилось на 6%,

стационарных посещений – на 20% [2, с. 12–13, 16]. Аликовская модельная детская библиотека, открытая в 2025 г., в перспективе может дать аналогичный эффект для детской и семейной аудитории округа.

Для оценки эффективности применяемых форм и выявления реальных барьеров был проведён опрос 100 читателей. Социально-демографический портрет респондентов: женщины – 68%, мужчины – 32%; возрастная структура: до 25 лет – 18%, 26–40 лет – 22%, 41–60 лет – 35%, старше 60 лет – 25%. Почти половина опрошенных имеют читательский стаж более 10 лет, что говорит о высокой лояльности, но одновременно – о трудностях привлечения новых читателей – потенциальном риске сужения социальной базы библиотеки в долгосрочной перспективе.

В таблице 2 систематизированы ответы на пять ключевых вопросов.

Таблица 2

Результаты мини-опроса читателей ЦБС Аликовского округа (*n=100*)

Вопрос	Варианты ответа	%
1. Устраивает ли вас режим работы библиотеки?	да / нет / затруднились	72 / 18 / 10
2. Как часто вы посещаете библиотечные мероприятия?	регулярно / время от времени / почти не посещаю	28 / 52 / 20
3. Какие формы работы хотели бы видеть чаще? (можно несколько ответов)	встречи с интересными людьми / обучающие занятия / литературные вечера / выставки новинок	62 / 48 / 35 / 28
4. Влияет ли библиотека на ваш выбор книг для чтения?	да / нет / частично	54 / 30 / 16
5. Что для вас является главным препятствием для более частого чтения?	нехватка времени / нет интересных новых книг / плохое зрение или здоровье / отвлекают гаджеты и интернет	45 / 28 / 15 / 12

При интерпретации этих данных важно учитывать их внутреннюю противоречивость. С одной стороны, 72% респондентов удовлетворены режимом работы. С другой – 18% не удовлетворены, и это в основном читатели из малых филиалов, работающих лишь три дня в неделю. С социально-экономической точки зрения это означает неравенство доступа к услугам внутри округа: жители малых деревень получают библиотечное обслуживание в усечённом объёме, что может усугублять их социальную изоляцию и ограничивать возможности для саморазвития. Неудовлетворённость графиком коррелирует с низкой посещаемостью мероприятий: среди тех, кто ответил «почти не посещаю» (20%), доля недовольных режимом выше в 2,5 раза. Таким образом, расширение часов работы малых филиалов может стать драйвером роста не только посещаемости, но и читательской активности в целом.

Особого внимания заслуживает ответ на четвёртый вопрос: 54% признают влияние библиотеки на выбор книг. Это высокий показатель, особенно в эпоху цифровых рекомендательных сервисов. Он подтверждает, что авторитет сельского библиотекаря как эксперта и навигатора в мире книг сохраняется. Ещё 16% ответили «частично», то есть в той или иной степени библиотека влияет на читательский выбор 70% опрошенных. Это прямое подтверждение гипотезы исследования о значимом влиянии библиотечного обслуживания на чтение сельского населения.

Пятый вопрос выявил главные препятствия. Нехватка времени (45%) – объективный фактор, связанный с занятостью сельских жителей (ведение личного подсобного хозяйства, работа вахтовым методом). Однако 28% указывают на отсутствие новых интересных книг. С учётом того, что ежегодное поступление в ЦБС составляет около 1200 экз. при нормативе обновления 3% (для фонда в 212 тыс. экз. это более 6 тыс. экз. в год), проблема объективна. Низкая скорость обновления фонда – это не только библиотечная, но и социально-экономическая проблема: устаревший книжный фонд снижает конкурентоспособность библиотеки

как источника актуальной информации по сравнению с интернетом, что ведёт к оттоку читателей и ослаблению культурного потенциала территории. Читатели, особенно в возрастной группе 41–60 лет, остро чувствуют дефицит современной художественной и прикладной литературы.

Полученные результаты согласуются с общей картиной по республике. Согласно Ежегодному докладу, в 2024 году в библиотеках Чувашской Республики действовали 827 любительских клубов по интересам, которые объединили более 12,3 тыс. человек. С их участием проведено свыше 7,8 тыс. мероприятий. Наиболее популярными среди читателей являются литературные клубы, краеведческие объединения, семейные клубы и экологические кружки [2, с. 49–50].

Обобщая результаты опроса, можно сделать следующие выводы. Уровень удовлетворённости библиотечным обслуживанием в целом высокий, но есть резервы для улучшения (режим работы, частота мероприятий, обновление фонда). Библиотека оказывает заметное влияние на читательский выбор более половины опрошенных. Наиболее востребованными формами работы являются краеведческие мероприятия, встречи с интересными людьми и обучающие занятия. Читатели готовы посещать библиотеку чаще, если будут расширены часы работы и предложены новые сервисы. С точки зрения социально-экономических процессов, проведённое исследование позволяет утверждать, что библиотечное обслуживание выступает фактором сохранения социальной стабильности на селе. Оно обеспечивает: доступ к информации (снижение информационного неравенства); культурную преемственность (сохранение локальной идентичности); социальную интеграцию уязвимых групп (пожилые, дети, безработные); развитие человеческого капитала (обучающие программы, продвижение чтения).

Ограничением данного исследования является небольшой объём выборки (100 респондентов) и её локализация (преимущественно читатели центральной библиотеки и четырёх крупных филиалов). Жители малых деревень, обслуживаемые через передвижные пункты, оказались вне выборки, поэтому их мнение о качестве обслуживания требует отдельного изучения.

Рекомендации по совершенствованию библиотечного обслуживания в контексте социально-экономического развития округа. Исходя из выявленных, предлагаются следующие меры:

– институциональная мера: для филиалов с трёхдневным графиком добавить один вечерний день (например, работу до 19:00) или субботние часы. Это может повысить охват работающих жителей (22% в выборке – люди 26–40 лет, многие из которых заняты в будние дни), а также позволит сократить социально-экономическое неравенство в доступе к услугам между жителями малых и крупных населённых пунктов;

– инвестиционная мера: активизация внебюджетного комплектования за счёт регулярных акций книгодарения с привлечением школ, администраций и районной газеты «Аликовский вестник»; использование ресурсов Национальной электронной библиотеки. Обновление фонда следует рассматривать как инвестицию в человеческий капитал территории, сопоставимую по значимости с финансированием образования;

– коммуникационная мера: расширение клубной работы с опорой на востребованные форматы, создать на базе центральной библиотеки краеведческий клуб «Истоки» для старшего поколения, молодёжный дискуссионный клуб «Литературный перекрёсток» и клуб финансовой грамотности с приглашением специалистов и активнее информировать о мероприятиях через социальные сети и СМС-рассылки;

– инновационная мера: адаптация зарубежных практик, показавших эффективность в схожих условиях:

Мобильный сервис «кемпинг + чтение» (опыт китайской провинции Чжэцзян, признан IFLA в 2025 году одним из 10 самых креативных проектов мира): организация выездных читальных залов на берегу реки или лесной поляне, совмещённых с краеведческими экскурсиями и чтением произведений чувашских писателей. Как сообщает [7], за год проект привлёк

12 тыс. новых читателей (+80%) и увеличил выдачу книг на 110%. Для Аликовского округа это способ повысить привлекательность библиотеки для молодёжи и семей с детьми.

«Семенная библиотека» (опыт Молдовы и Грузии, поддержанный ПРООН): обмен семенами местных сортов растений на базе библиотеки с проведением лекций агрономов и обзорами сельскохозяйственной литературы [6]. Для Аликовского округа, где сельские жители активно ведут личные подсобные хозяйства, это особенно актуально.

Программа волонтёров-посредников чтения (опыт бразильской организации Vaga Lume): обучение старшеклассников и студентов основам рекомендации книг и проведения громких чтений для младших детей [5]. В Аликовском округе это позволит привлечь молодёжь к библиотечной деятельности и частично решить проблему кадрового дефицита в малых филиалах. С социально-экономической точки зрения это снижает безработицу среди молодёжи через неформальную занятость и развивает социальный капитал территории.

Исследование показало, что библиотечное обслуживание в Аликовском муниципальном округе сохраняет устойчивое положительное влияние на чтение сельского населения и выступает значимым фактором социально-экономической стабильности территории. Несмотря на сокращение числа жителей и хроническое недофинансирование, система сумела стабилизировать ядро читателей (около 9,7 тыс. человек) и увеличить посещаемость с 78,5 до 86 тыс. за пять лет. Более половины читателей (54%) признают влияние библиотекарей на свой читательский выбор, что доказывает сохраняющийся авторитет сельского библиотекаря как социального агента, влияющего на культурный и образовательный уровень сообщества. Однако дальнейшее развитие требует преодоления ключевых барьеров: неудобного графика работы в малых филиалах (18% не удовлетворены режимом) и низкой скорости обновления фондов (28% указали на нехватку новых книг). Эти барьеры имеют не только отраслевой, но и социально-экономический характер: они воспроизводят неравенство в доступе к культурным благам и снижают качество человеческого капитала сельских территорий. Адаптация успешных зарубежных практик – мобильных читальных залов на природе, «семенных библиотек» для огородников, волонтёрского посредничества – с учётом местной специфики позволит превратить текущие проблемы в точки роста и укрепить позиции библиотек как институтов, способствующих устойчивому социально-экономическому развитию села.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым изучением читательских практик жителей малых деревень (оставшихся за рамками данной выборки), а также с разработкой методики оценки экономической эффективности библиотечных мероприятий и их вклада в социально-экономическое развитие сельских территорий.

Список литературы

1. Домбровская И.В. Сельские библиотеки России в 2014–2023 гг.: результаты мониторинга Российской национальной библиотеки / И.В. Добровская, В.В. Рыкова // Труды ГПНТБ СО РАН. – 2025. – №1. – С. 49–56. EDN: CAVVRI. DOI 10.20913/2618-7515-2025-1-49-56

2. Ежегодный доклад о деятельности государственных и муниципальных библиотек Чувашской Республики за 2024 год / Нац. б-ка Чуваш. Респ.; сост. М.В. Андрюшкина, Т.В. Белова. – Чебоксары, 2025. – 99 с.

3. Открытие детской модельной библиотеки в Аликовском муниципальном округе // Аликовский муниципальный округ Чувашской Республики. – URL: https://alikov.cap.ru/press_center/news/2025/09/05/otkritie-detskoj-modeljnoj-biblioteki-v-alikovskom-municipaljnom-okruge (дата обращения: 20.03.2026).

4. Отчет о деятельности МБУК «Централизованная библиотечная система Аликовского муниципального округа» за 2021–2025 годы. – Аликово, 2026. – 45 с.

5. Connecting Across Cultures in Remote Communities with the Power of Books. – URL: https://coachingfederation.org/blog/connecting-across-cultures-in-remote-communities-with-the-power-of-books (дата обращения: 20.03.2026).

6. Growing Seed Libraries: From Community Exchange to Resilient Food Systems. – URL: https://undp.cz/growing-seed-libraries-from-community-exchange-to-resilient-food-systems/ (дата обращения: 20.03.2026).

7. Huzhou's creative library project gets global recognition. – URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/huzhou/2025–05/30/c_1097375.htm (дата обращения: 20.03.2026).

Ефремов Евгений Андреевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОБЛЕМА НЕХВАТКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧУВАШСКОЙ АССР В 1960-е гг. И МЕТОДЫ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Аннотация: *в статье описываются возникшая в середине 1960-ых гг. проблема нехватка квалифицированной рабочей силы в Чувашской АССР, а также методы, используемые республиканским руководством для её решения.*

Ключевые слова: *образование, промышленность, СССР, Чувашская АССР, рабочие, ИТР.*

Проблема обеспечения предприятий квалифицированной рабочей силой остро стояла перед управляющими кадрами на протяжении всего советского периода. Процесс индустриализации ставил этот вопрос всё острее. Чувашская АССР в годы семилетки начала форсировано трансформироваться из сельскохозяйственного региона в индустриальный и это ставило перед руководством республики задачу в подготовке рабочих, которые могли бы начать работу на новых и расширяющихся старых промышленных предприятиях республики.

Одним из таких модернизирующихся предприятий был Чебоксарский завод тракторных запасных частей. К середине 1960-ых гг. завод активно расширял сталелитейное производство, а в 1964 г. заводом была выплавлена первая партия стали в Чувашской АССР. Однако для успешного выполнения производственных планов, предприятию были необходимы инженеры и рабочие с соответствующей квалификацией общим количеством в 857 человек, из которых 109 – ИТР, 748 – рабочих. При этом 518 рабочих должны были иметь квалификацию, которая требовала длительной специальной подготовки [2, л. 6–7] Низкая квалификация и нехватка рабочих на ряде участков (участок предкамер, втулок клапана, замыкающей втулки) отмечается в целом как отдельная проблема завода, от решения которой зависело дальнейшее выполнение плана и эффективность работы предприятия.

Руководство предприятия в целом отмечает неблагополучное положение с подготовкой квалифицированных рабочих. За 9 месяцев 1965 г. их было подготовлено 660 чел. из 1500. Особенно плохо ситуация обстояла с подготовкой слесарей (22 из 170), земледелов (7 из 50) и термистов (29 из 50). Не было также организовано массовое обучение ИТР из числа практиков. В кузнечно-штамповочном цехе из 21 человека ИТР практиков в школе мастеров обучался лишь один. Остальные никакими формами учёбы по повышению квалификации не охвачены не были [2, л. 45].

Помимо нехватки квалифицированных кадров в производстве, их нехватка ощущалась также и в области управления оным. Так, на передовых предприятиях республики в 1960-е гг. начали создаваться машино-счётные станции (МСС), используемые для расчётов основных экономических показателей производства. И одной из самых распространённых проблем в работе этих станций была именно нехватка квалифицированных кадров для работы на счётно-перфорационных машинах. Эта проблема отмечается и на МСС завода тракторных запчастей, и на МСС хлопчатобумажного комбината, и на МСС ЗЭИМа, а также на аналогичных станциях, расположенных на других крупных промышленных предприятиях республики [Л, с. 7–9].

Для повышения квалификации рабочих, было необходимо создание новых учебных заведений (как средних, так и высших), а также расширение и углубление уже существовавших учебных программ и увеличение приёма учащихся в уже существующие образовательные учреждения. И в конце 1960-ых республика начала решение этой проблемы.

В области народного образования в рамках восьмой пятилетки была выдвинута задача осуществить в основном переход ко всеобщему среднему образованию. В решении этой задачи важное место принадлежало общеобразовательной школе. Органы народного образования, педагогические коллективы при активном участии общественности проделали значительную работу по осуществлению всеобщего среднего образования молодежи [5, с. 66–67].

Первым на подготовку рабочих из числа учащихся, окончивших 8 классов, которые наряду с профессией получали среднее (полное) общее образование, перешло в 1969 г. ПТУ №1. В системе профтехобразования профессию получал примерно каждый пятый рабочий промышленности и строительства, каждый третий рабочий транспорта и связи. Начало увеличиваться число средних специальных учебных заведений. В 1967 г. в Чебоксары из Мариинского Посада был переведен строительный техникум, который начал осуществлять подготовку техников по промышленному и гражданскому строительству, строительству и эксплуатации сантехнических систем и вентиляции. Чувашская республиканская культурно-просветительная школа в 1969 г. была преобразована в Чувашское республиканское культурно-просветительное училище, готовившее кадры для учреждений культуры. В 1970 г. в целях подготовки специалистов связи среднего звена для предприятий Чувашии и соседних регионов в Чебоксарах открылся техникум связи. Первоначально обучение велось по четырем специальностям: районная связь и радиофикация, автоматическая электросвязь, многоканальная связь, линейно-кабельные сооружения связи. С развитием современных технологий в отрасли совершенствовались системы и программы обучения, появились новые специальности [6].

За восьмую пятилетку в целом сеть профессионально-технических училищ по всей республике была расширена. К концу 1970 года в Чувашской АССР работало 14 городских и 1 сельское училище, в которых обучалось 8,3 тыс. учащихся по 58 видам специальностей. За 1966–1970 гг. было подготовлено 23,5 тыс. квалифицированных молодых рабочих. Из этого числа 5,6 тысяч было направлено на промышленные предприятия, 4,3 тысячи – в строительство, 0,8 тысяч – в колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия [5, с. 69] За тот же период промышленно-производственный персонал увеличился на 27,4 процента и достиг в 1970 г. 146,8 тыс. человек. В машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности он возрос на 50, электротехнической промышленности – на 53, приборостроении – на 31, в промышленности тракторного и сельскохозяйственного машиностроения – на 22 процента [4, с. 185].

Дальнейшее развитие получило также среднее специальное и высшее образование. В Чебоксарах был открыт машиностроительный техникум. В 24 средних специальных учебных заведениях в 1970/71 учебном году обучалось 21,7 тыс. учащихся. ССУЗами республики за пять лет было выпущено 21 тыс., а ВУЗами – 5,6 тыс. специалистов для различных отраслей народного хозяйства. Крупным событием в жизни республики явилось открытие постановлением Совета Министров Союза ССР от 17 августа 1967 года Чувашского государственного университета, которому было присвоено имя выдающегося просветителя И. Н. Ульянова. Университет был основан на базе филиала Московского энергетического института (во вновь открываемый вуз вошли три факультета МЭИ – электротехнический, электрификации промышленности и общетехнический) и историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института. Кроме четырех указанных факультетов, дополнительно были открыты химический, медицинский и экономический факультеты, а с 1968/69 учебного года организован физико-математический. В 1970/71 учебном году в трех вузах республики (ЧГУ, ЧГПУ и сельскохозяйственном институте) обучалось 12,6 тыс. студентов против 10,4 тыс. в 1965/66 учебном году. В ВУЗах и научно-исследовательских институтах республики работало около 1,2 тыс. научных работников, в числе которых было более трехсот докторов и кандидатов наук. С 1968/69 учебного года при университете была открыта аспирантура по 7 специальностям, а кроме того она имелась и в педагогическом институте.

К середине 1970-ых гг. в СССР в основном был завершён переход ко всеобщему среднему образованию. Материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. показывают значительные перемены в образовательном уровне советских граждан. В ВВЭР наибольшее число имеющих высшее, среднее полное и неполное образование на тысячу занятых в течение всего периода оставалось в Чувашской Республике, где оно выросло с 441 до 814. Перепись 1970 г. зафиксировала опережение Чувашей по этому показателю России в целом. Но если принимать в расчёт уровень образования от общего среднего и выше, то тогда положение республик и областей меняется. По доле наиболее образованной части самодеятельного населения в 1959 г. они выстраиваются в следующей последовательности: Нижегородская область (165 чел. на 1000 занятых), Мордовия (143), Марий Эл (133), Чувашия (129), Кировская область (125) [1, с. 120–121].

Таким образом можно отметить, что в связи с индустриальной трансформацией, перед Чувашской АССР в 1960-е гг. встала серьёзная задача по подготовке квалифицированных кадров для промышленности. И республиканские власти, осознавая серьёзность этой проблемы, вкладывали в её решение все возможные ресурсы, что уже в конце восьмой пятилетки давало свои плоды.

Несмотря на достигнутые успехи, стоит отметить, что проблема нехватки квалифицированных кадров оставалась и в последующее десятилетие, однако постепенно эта проблема решалась с введением новых направлений образования, увеличением подготовленных кадров и расширением набора обучающихся. В целом Чувашская АССР смогла справиться с нехваткой квалифицированной рабочей силы в достаточно сжатые сроки, хотя и очевидно, что полностью решить эту проблему не удалось.

Список литературы

1. Бойко И.И. Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960–1985 гг.) / И.И. Бойко. – Чебоксары, 1997. – 256 с. EDN SDAQNL

2. ГАСИ Ф. 1. – Оп. 28. – Д. 826.

3. ГАСИ Ф.1. – Оп. 34. – Д. 82.

4. Изоркин А.В. История промышленности и рабочего класса Чувашии. Июнь 1941 г. – 1980 г. / А.В. Изоркин. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1982. – 256 с.

5. Прокопьев И.П. Народное хозяйство Чувашии: итоги и перспективы / И.П. Прокопьев. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1972. – 103 с.

6. Чебоксары 1964–1991 год. Развитие народного образования, науки и культуры. – URL: http://www.workshome.ru/cheboksary-1964–1991-god/razvitie-narodnogo-obrazovaniya-nauki-i-kultury/ (дата обращения: 15.06.2026).

Жукова Ольга Геннадьевна
старший преподаватель
Каипбекова Саида Валихановна
аспирант, ассистент кафедры
Пашаева Аида Магомедовна
студентка
Эфендиева Ясмин Мубариз кызы
студентка
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ КАК ОБЪЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ: ТЕОРИЯ, ЗАТРАТЫ И РИСКИ

Аннотация: *оценка стоимости жизни человека – междисциплинарная проблема, находящаяся на стыке экономики, социологии, медицины и права. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обоснования компенсационных выплат при ущербе жизни и здоровью; расчёта социально-экономических эффектов от мер безопасности и здравоохранения; принятия управленческих решений в сфере охраны труда и экологии. Затратный подход – один из ключевых методов, основанный на оценке издержек, необходимых для поддержания/восстановления здоровья и продления жизни. Риски для жизни и здоровья требуют количественной оценки, чтобы сопоставить затраты на их снижение с ожидаемым эффектом. Цель работы – систематизировать теоретические основы оценки стоимости жизни, проанализировать применимость затратного подхода и его ограничения.*

Ключевые слова: *здоровье, жизнь, анализ, методы, затраты, экономическая оценка.*

В условиях рыночной экономики здоровье человека, пожалуй, действительно становится самой главной ценностью [1, с. 75].

Объективная экономическая оценка стоимости здоровья и жизни человека представляет собой междисциплинарное исследование, охватывающее экономику, медицину и социальную политику. В условиях растущих затрат на здравоохранение и необходимости эффективного распределения ресурсов возрастает потребность в разработке надежных методик оценки экономической стоимости человеческого здоровья и жизни. Отсутствие единой системы измерения препятствует анализу эффективности медицинских и страховых программ, а также формированию справедливых компенсационных механизмов.

Затратный подход выступает одним из основных методов объективного определения стоимости здоровья. Он основывается на анализе прямых и косвенных затрат, связанных с поддержанием и восстановлением здоровья, включая расходы на медицинское обслуживание, профилактические мероприятия, реабилитацию и потерю трудоспособности. Такой подход позволяет количественно оценить экономическую нагрузку, которую налагает ухудшение здоровья, а также определить потенциальные выгоды от инвестиций в здравоохранение.

Однако оценка стоимости жизни человека на разных этапах жизненного цикла требует учета множества переменных. Детальный разбор стоимости должен включать возрастные характеристики, состояние здоровья, профессиональную активность, а также влияние социальных факторов. Анализ жизненного цикла способствует более точной оценке, отражающей динамику стоимости здоровья в различные периоды и уменьшающей риск искажения показателей при использовании усредненных данных.

Риски для здоровья и жизни человека существенно влияют на экономическую оценку. Экспертиза и прогнозирование вероятности наступления различных событий, таких как заболевания, травмы или преждевременная смерть, позволяют интегрировать риск в модель затратного подхода. Это обеспечивает более реалистичное представление экономической

стоимости, учитывая возможность наступления неблагоприятных исходов и необходимость страховых механизмов.

Как отмечает в своей работе, А. Митрахович, печально, когда здоровье по тем или иным причинам дает сбой, но когда человек сам или член его семьи лишается здоровья по чьей-то вине, то это уже крайне трагично. Справедливо, что виновное лицо обязано в таких ситуациях возместить вред пострадавшему, но, к сожалению, не всегда это происходит добровольно, и человек, понесший существенные потери здоровья, вынужден обращаться в суд [2].

При наличии объективных доказательств, свидетельствующих о виновности лица и факте причинения вреда здоровью, суды почти всегда удовлетворяют иск, однако в любом деле всегда имеются свои особенности, которые мы предлагаем рассмотреть.

Экономические теории предоставляют фундамент для понимания стоимости жизни человека, обеспечивая системный взгляд на сложные экономические и социальные последствия, связанные с утратой здоровья или жизни. В экономике стоимость отражает количество ресурсов, необходимых для производства товара или услуги, в то время как цена – это выражение стоимости в денежной форме, установленное на рынке. Ценность жизни выходит за рамки простой цены и стоимости, обозначая субъективное, социально-экономическое и этическое значение, придаваемое человеческому существованию и её качеству. Теория человеческого капитала рассматривает здоровье и жизнь как важнейшие элементы капитала индивида, способствующие генерированию дохода и социальной активности. Потеря здоровья воспринимается как снижение продуктовой способности человека, а потеря жизни – как полное прекращение экономического вклада. Эта концепция фокусируется на измерении экономических потерь, вызванных уменьшением активного периода трудовой деятельности. Однако она ограничена тем, что не учитывает нематериальные аспекты жизни, связанные с психосоциальными факторами и благополучием.

С точки зрения теории максимизации полезности жизненная ценность определяется через предпочтения индивидов, которые выражают свою готовность платить за снижение рисков, угроз здоровью и жизни. Модель «готовности платить» раскрывает экономическую оценку жизни через средство, позволяющее выявить максимально допустимые финансовые траты на меры безопасности и медицинские услуги. Это придает экономической оценке субъективный характер, детализирующий индивидуальные различия в приоритетах и уровне риска, который готов принять человек.

Теория оптимального риска в условиях неопределенности дополняет оценку стоимости жизни, предлагая анализ баланса между выгодами и убытками от принятия или снижения риска для здоровья или жизни. Комплексный подход включает представление риска как вероятности неблагоприятных событий и их экономических последствий. Он отражает экономическую рациональность индивидов и обществ в вопросах распределения ресурсов на предупреждение и лечение.

Различение понятий стоимости, цены и ценности жизни имеет критическое значение при формировании методологической базы оценки. Стоимость здоровья и жизни – это объективная мера экономических затрат, цена – ее выражение в денежной форме на рынке товаров и услуг здравоохранения, а ценность – комплексный критерий, включающий экономические, этические и социальные аспекты, влияющие на принятие решений в области здравоохранения и социальной политики.

Рассмотрим конкретный затратный подход к оценке стоимости человеческой жизни и здоровья, который базируется на учете всех расходов, связанных с сохранением, восстановлением или потерей здоровья. Метод затратного подхода построен на детальном анализе финансовых потоков, непосредственно или косвенно связанных с медицинскими и социальными аспектами жизни индивида. Главной составляющей этого метода является учет прямых медицинских затрат. Они включают расходы на медицинское обследование, лечение, медикаментозное обеспечение, хирургические вмешательства и реабилитацию. Для определения этих затрат собираются данные из медицинских учреждений, страховых компаний и

государственных структур здравоохранения, что обеспечивает объективность и полноту информации. Анализ может быть как индивидуальным, так и агрегированным, в зависимости от целей исследования. Косвенные затраты играют не менее важную роль. К ним относятся потери заработка вследствие временной нетрудоспособности или инвалидности, расходы на присмотр и уход за больными, а также снижение производительности труда. Особое внимание уделяется оценке потерь трудоспособного периода жизни, ведь утрата профессиональной активности приводит к экономическим потерям как для самого человека, так и для общества. Косвенные затраты часто превосходят прямые медицинские расходы и требуют применения комплексных моделей расчетов. В рамках затратного подхода может применяться методика дисконтирования будущих затрат и потерь. Это позволяет оценить текущую стоимость ресурсов, связанных с ожидаемыми расходами или убытками в будущем, с учетом времени и стоимостных изменений. Использование коэффициента дисконтирования обеспечивает сопоставимость затрат, возникающих в разные периоды жизни, что важно при оценке хронических заболеваний или долгосрочных последствий травм.

Для практического использования затратного подхода разработаны определенные алгоритмы, включающие этапы сбора данных, идентификации видов затрат, их классификации на прямые и косвенные, а также расчет и агрегирование итоговой стоимости. Обычно алгоритм начинается с анализа медицинской документации и финансовых отчетов, продолжается оценкой трудовых потерь и завершается расчетом полной экономической нагрузки. Это последовательное выполнение операций обеспечивает полноту и точность оценки.

На практике метод затратного подхода широко применяется в экономическом обосновании инвестиционных программ здравоохранения, страховании, а также при разработке государственных социальных программ. Его результаты используются для сравнения экономической эффективности различных методов лечения и профилактики заболеваний, а также при определении компенсаций пострадавшим в несчастных случаях. Следует подчеркнуть, что метод имеет техническую сложность и требует качественных данных для адекватного отражения реальных затрат.

Важным этапом совершенствования затратного подхода является интеграция анализа рисков, поскольку неопределенность наступления неблагоприятных событий и вариативность затрат влияют на точность и адекватность оценок. Учет рисков позволяет адаптировать существующие модели стоимости к реальным условиям, делая экономическую оценку более динамичной и приближенной к жизненным ситуациям.

Риски являются неотъемлемой составляющей при оценке стоимости здоровья, поскольку они напрямую влияют на вероятность наступления событий, способных существенно изменить экономическую нагрузку, связанную с человеческой жизнью и её качеством. В экономическом контексте риск представляет собой вероятность возникновения негативных последствий для здоровья или жизни, что включает в себя заболевания, травмы, утрату работоспособности или преждевременную смерть. Учет этих факторов позволяет направить внимание не только на текущие затраты, но и на потенциальные будущие убытки, обусловленные неопределенностью в состоянии здоровья. Одним из элементов влияния риска является его вариативность в зависимости от демографических и социальных характеристик индивида. Различия в возрасте, профессии, уровне доступа к медицинской помощи и условиям окружающей среды определяют уровень и типы угроз, с которыми сталкивается человек. Например, у молодых трудоспособных лиц риски связаны в основном с профессиональными травмами и авариями, тогда как пожилые чаще подвержены хроническим заболеваниям и сопутствующим им затратам. Такая диверсификация рисков требует дифференцированного подхода при экономической оценке.

Важным аспектом является влияние риска на структуру затрат. Увеличение вероятности наступления неблагоприятного события ведет к росту прямых медицинских расходов, а также к увеличению косвенных потерь, таких как утрата доходов и снижение производительности. При этом уровень риска определяет степень инвестиционной активности в

профилактику и страхование. Риски могут также оказывать мультипликативный эффект – сочетание нескольких неблагоприятных факторов зачастую приводит к экспоненциальному увеличению экономической нагрузки.

Страховые механизмы и системы социального обеспечения выступают инструментами управления рисками, снижая индивидуальные финансовые потери вследствие ухудшения здоровья или смерти. Включение оценки эффективности таких инструментов в экономическую модель позволяет более полно представить реальную стоимость здоровья на уровне общества. При этом оценка риска интегрируется с анализом затрат не только для текущих, но и для потенциальных инвестиций в меры по снижению риска.

Прогнозирование и моделирование рисков основывается на статистических данных и эмпирических исследованиях, позволяющих выявлять вероятности и распределение неблагоприятных событий. Это способствует разработке более точных и динамически адаптируемых моделей экономической оценки, учитывающих вариативность и неопределенность. При этом критически важно обновлять данные и модели с учетом изменений в медицинских технологиях, социально-экономической ситуации и демографии.

Учет рисков при оценке стоимости жизни и здоровья делает результаты расчётов более реалистичными и применимыми в практике принятия решений. Игнорирование неопределенности приводит к систематическим ошибкам и недооценке потенциальных затрат, что в свою очередь снижает качество экономических рекомендаций и стратегий. Таким образом, интеграция анализа рисков является фундаментальным элементом объективной оценки, обеспечивая баланс между затратами и ожидаемыми выгодами.

Необходимость комплексного включения факторов риска в экономические расчёты обусловлена также разнообразием условий и сценариев, в которых происходит взаимодействие здоровья и экономики. Этот подход обеспечивает более глубокое понимание взаимосвязи между состоянием здоровья, степенью риска и экономическими последствиями, что создает прочную основу для сравнительного анализа методик и практик оценки стоимости в разных социальных и экономических системах.

Список литературы

1. Каипбекова С.В. Объективная цена здоровью / С.В. Каипбекова // Конституционные основы противодействия преступности в России: к 30-летию Конституции Российской Федерации: сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции – Ставрополь: Параграф, 2024. – С. 78–84. EDN UQMUTL

2. Митрахович А. Объективная цена вреда здоровью / А. Митрахович // Административное право. – 2021. – №4.

Завражнов Василий Владимирович
канд. пед. наук, доцент
Басова Екатерина Владимировна
бакалавр, студентка

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
г. Арзамас, Нижегородская область

DOI 10.31483/r-167575

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОГРАММ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация: *статья посвящена изучению возможностей повышения уровня социальной адаптации, экономической устойчивости и психологического благополучия неполных семей. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современных условиях количество неполных семей в Российской федерации неуклонно растет. Данная тенденция порождает целый спектр специфических социально-экономических и психологических вызовов, требующих пристального научного внимания и разработки эффективных стратегий социальной поддержки. В статье выполняется анализ деятельности ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям «Теремок» Воскресенского муниципального округа», определяются перспективные направления социальной работы с неполными семьями, разрабатывается проект программы социальной поддержки неполных семей.*

Ключевые слова: *неполные семьи, адресность, социальная поддержка, межведомственное взаимодействие.*

В современных условиях количество неполных семей в Российской федерации неуклонно растет. Это зачастую связано с увеличением разводов, сменой приоритетов в жизни, рождением детей вне официальных отношений и т. д. Данная тенденция порождает целый спектр специфических социально-экономических и психологических вызовов, требующих пристального научного внимания и разработки эффективных стратегий социальной поддержки. Неполные семьи, особенно те, в которых воспитываются несовершеннолетние дети, в большей степени подвержены риску социальной изоляции, материальной необеспеченности и психоэмоциональных расстройств, что негативно сказывается на их общем благополучии и потенциале развития.

Динамика социально-экономических факторов оказывает существенное влияние на формирование и функционирование неполных семей. Селиванова О.В. и Коробкова Н.Ю. [5, с. 147–156] отмечают, что низкий уровень доходов, нестабильность занятости, неблагоприятные жилищные условия зачастую являются сопутствующими характеристиками неполных семей, усугубляя их социальную уязвимость. Киряева Д.А. подчеркивает, что российские неполные семьи сталкиваются с более выраженными социально-экономическими вызовами по сравнению с полными семьями [3, с. 310–318]. Садыков Р.М. и Большакова Н.Л. анализируют многоаспектные вызовы и меры поддержки, связанные с социальным положением неполных семей [4, 198–208].

Важно отметить, что современные подходы к помощи неполным семьям часто объединяют разные методы. Например, социальное сопровождение – это когда семья получает поддержку долгое время. Это может включать консультации психолога, помощь педагогов, юридическую поддержку и помощь в решении финансовых и жилищных вопросов [2, с. 4].

Для нашего исследования, особый интерес представляет анализ деятельности ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям «Теремок» Воскресенского муниципального округа» (далее – ГБУ «ЦСПСиД «Теремок») [1].

Анализ деятельности учреждения позволил выявить ряд потребностей неполных семей, с которыми сталкиваются специалисты ГБУ «ЦСПСиД «Теремок». Выявленные особенности

в деятельности, а также предложенные инновации в организации социальной работы с неполными семьями учтены при разработке программы социальной поддержки неполных семей в ГБУ «ЦСПСиД «Теремок».

Цель программы: создание условий для повышения уровня социальной адаптации, экономической устойчивости и психологического благополучия неполных семей, проживающих на территории Воскресенского муниципального округа.

Ключевые задачи программы.

1. Создание чёткого и эффективного механизма выявления и учёта неполных семей, нуждающихся в социальной поддержке, с использованием современных информационных технологий и расширением сотрудничества с другими организациями.

2. Разработка и внедрение новых, востребованных и адресных социальных услуг, направленных на решение наиболее острых проблем неполных семей (материальных, жилищных, психологических, педагогических), с учётом их специфических потребностей.

3. Формирование устойчивой системы межведомственного взаимодействия с организациями и ведомствами системы социальной защиты населения, а также с общественными организациями и бизнесом для обеспечения комплексной поддержки неполных семей.

4. Активизация использования инновационных форм и методов работы с неполными семьями, направленных на повышение их социальной активности, развитие потенциала самопомощи и улучшение психологического климата в семье.

5. Модернизация материально-технической базы учреждения, обеспечение специалистов необходимым оборудованием и ресурсами для качественного предоставления социальных услуг.

6. Организация систематического повышения квалификации сотрудников учреждения по вопросам социальной работы с неполными семьями, с учётом современных тенденций и лучших практик в данной сфере.

7. Реализация комплекса мероприятий, направленных на формирование позитивного общественного мнения о неполных семьях, преодоление негативных стереотипов и предрассудков, а также повышение их социального статуса.

Предлагаемая программа социальной поддержки неполных семей в ГБУ «ЦСПСиД «Теремок» реализуется в три взаимосвязанных этапа: ориентировочный, основной и заключительный, обеспечивающих последовательность и системность работы.

1. Ориентировочный этап (продолжительность: 1 месяц).

Ключевая цель: создание благоприятной организационной и методической базы для эффективной реализации программы.

2. Основной этап (продолжительность: 9 месяцев).

Ключевая цель: практическая реализация комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня социальной адаптации, экономической устойчивости и психологического благополучия неполных семей.

3. Заключительный этап (продолжительность: 2 месяца).

Ключевая цель: проведение всесторонней оценки результатов реализации программы, определение перспективных направлений для дальнейшего развития деятельности учреждения в сфере социальной работы с неполными семьями.

Предложенная программа учитывает специфические проблемы и потребности неполных семей, а также особенности функционирования ГБУ «ЦСПСиД «Теремок». Она включает в себя комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на оказание адресной социальной помощи, эффективное содействие в трудоустройстве, организацию разнообразного досуга, квалифицированную психологическую поддержку и значительное повышение родительской компетентности. Важным элементом программы является активизация межведомственного взаимодействия и использование инновационных форм и методов работы, ориентированных на повышение социальной активности и развитие потенциала самопомощи среди неполных семей.

Программа может реализовываться сотрудниками ГБУ «ЦСПСиД «Теремок» в тесном взаимодействии с организациями и ведомствами системы социальной защиты населения, а также с активным привлечением волонтёров, представителей общественных организаций, бизнес-структур и других заинтересованных сторон.

Таким образом, в современных условиях количество неполных семей в Российской федерации неуклонно растет. Проведённый анализ деятельности ГБУ «ЦСПСиД «Теремок» позволил не только оценить существующие формы и методы социальной работы с неполными семьями, но и выявить перспективные направления для её совершенствования, что создаёт прочную основу для разработки эффективной и научно-обоснованной программы социальной поддержки данной категории граждан. Представленная программа социальной работы с неполными семьями в ГБУ «ЦСПСиД «Теремок» разработана на основе тщательного анализа теоретических и практических аспектов проблемы.

Список литературы

1. ГБУ «Центр социальной помощи детям «Теремок» Воскресенского муниципального округа. – URL: http://cspsd-vsk.soc52.ru/ (дата обращения: 30.05.2026).

2. Завражнов В.В. Адресная социально-педагогическая помощь неполным семьям / В.В. Завражнов, Е.В. Столярова, С.В. Каляскина // Научные горизонты: международный научный журнал. – 2023. – №6 (70). – С. 4.

3. Киряева Д.А. Социально-экономические проблемы современных российских полных и неполных семей: социологический анализ / Д.А. Киряева // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2020. – №1 (4). – С. 310–318. EDN CARPEA

4. Садыков Р.М. Социальное положение неполных семей в России: вызовы и меры их поддержки / Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова // Уфимский гуманитарный научный форум: материалы научно-практической конференции. – 2024. – Т. 19, №3. – С. 198–208.

5. Селиванова О.В. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики / О.В. Селиванова, Н.Ю. Коробкова // Социально-трудовые исследования. – 2024. – №1 (54). – С. 147–156. DOI 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156. EDN PWGIDK

Зотова Полина Сергеевна
бакалавр, студентка
Научный руководитель
Троценко Нина Николаевна
канд. пед. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Ставрополь, Ставропольский край

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОРГАНИЗАЦИЮ И МЕТОДИКУ ПРОВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 1972–1984 гг.)

Аннотация*: в статье рассматривается трансформация организационно-методических подходов к обеспечению безопасности на Олимпийских играх в период с 1972 по 1984 год. На основе анализа исторических документов, парламентских отчётов и научных исследований показано, что теракт на мюнхенской Олимпиаде (1972) стал отправной точкой для форми-рования новой модели организации спортивных мега-событий – «олимпийской крепости». Особое внимание уделяется влиянию этих изменений на инфраструктуру соревнований, психологическую подготовку спортсменов, регламенты работы тренерских штабов и логистику перемещения делегаций. Делается вывод о необходимости интеграции мер безопасности в систему управления спортивными мероприятиями как о неотъемлемом элементе современной методики физического воспитания и спортивной тренировки.*

***Ключевые слова**: Мюнхенская трагедия, Олимпийские игры, безопасность спортивных событий, контртерроризм, спортивная инфраструктура, психологическая подготовка, организация соревнований, медиатизация спорта.*

Введение.

Современное олимпийское движение невозможно представить без сложной системы безопасности, включающей многокилометровые периметры, биометрический контроль, многоуровневые пропускные пункты и постоянное присутствие вооружённых сил. Однако так было не всегда. До 1972 года безопасность на крупных международных соревнованиях рассматривалась преимущественно как функция поддержания общественного порядка, а не как полноценный элемент организации мероприятия. Кардинальный перелом произошёл в сентябре 1972 года в Мюнхене, когда палестинские террористы проникли в Олимпийскую деревню, убили двух членов израильской делегации и захватили девять заложников. В ходе неудачной спасательной операции погибли все заложники и один полицейский. Эта трагедия не только потрясла мировое сообщество, но и заставила организаторов спортивных событий принципиально пересмотреть подходы к обеспечению безопасности.

В отечественной и зарубежной литературе Мюнхен-1972 традиционно анализируется как провал спецслужб и политический кризис [1; 2]. Однако для теории и методики физического воспитания важны иные аспекты: как изменились организационные стандарты проведения соревнований, какое влияние новые требования оказали на подготовку спортсменов, работу тренеров и психологический климат в сборных командах.

Цель данной статьи – проследить эволюцию систем безопасности на Олимпийских играх 1972–1984 гг. и выявить методические уроки, которые могут быть использованы в современной практике организации спортивных мероприятий.

Олимпийские игры 1972 года в Мюнхене задумывались как «беззаботные» – организаторы сознательно отказались от военизированной охраны, чтобы продемонстрировать демократическую Германию. Олимпийская деревня не имела защитных периметров, пропускная система была минимальной, а персонал безопасности был одет в пастельную униформу и напоминал скорее стюардов. Бюджет безопасности оценивался всего в 2 млн долларов – ничтожная сумма для события такого масштаба [3]. Трагедия обнажила катастрофические недостатки: отсутствие специально обученных антитеррористических групп, неадекватное вооружение полиции, отсутствие радиосвязи между участниками операции и непрофессиональное планирование спасательной миссии [4].

С позиций теории физической культуры Мюнхен продемонстрировал, что игнорирование внешних угроз делает уязвимой саму суть спортивного праздника. Спортсмены оказались не только участниками соревнований, но и заложниками политических конфликтов. Для тренеров и спортивных психологов это стало сигналом: необходимо учить команды действовать в условиях неопределённости, а также разрабатывать алгоритмы экстренной эвакуации и информационного взаимодействия с организаторами. Однако в 1972 году такие рекомендации ещё не были сформулированы – ответные меры носили реактивный характер.

Кроме того, прямая телевизионная трансляция теракта на 900 миллионов зрителей [1] выявила новый фактор – медиатизацию кризиса. Хотя позже было доказано, что террористы не следили за ходом операции по телевизору [5], сам факт глобального эфира изменил психологическое восприятие событий. Спортсмены, находившиеся в Олимпийской деревне, оказались в центре информационной бури, что не могло не сказаться на их эмоциональном состоянии. Для методики спортивной подготовки это означало необходимость включения в программы психологической поддержки элементов работы с медиа-стрессом.

Первыми Играми, прошедшими после мюнхенского шока, стали Олимпийские игры 1976 года в Монреале. Организаторы сделали ставку на физическую изоляцию: Олимпийская деревня была окружена 3-метровым забором из колючей проволоки, доступ контролировался через немногочисленные КПП, в автобусах с делегациями присутствовали вооружённые солдаты. В обеспечении безопасности участвовало около 17–18 тыс. человек

(полиция, армия, частные охранники), а расходы составили 52 млн канадских долларов – более чем в 25 раз превысив мюнхенский бюджет [3]. Важно, что планы безопасности были засекречены на десятилетия, что создало прецедент информационной закрытости.

Для спортивной педагогики Монреаль принёс два ключевых новшества. Во-первых, изменилась логистика перемещения спортсменов – строгие пропускные режимы удлинили время на вход и выход, что повлияло на расписание тренировок и восстановительных процедур. Тренерам пришлось адаптировать режим дня команд к новым реалиям. Во-вторых, массовое присутствие военных создало психологический фон, который мог негативно влиять на состояние атлетов. Спортивные психологи заговорили о необходимости специальной подготовки, направленной на снижение тревожности в условиях «осаждённого города». Однако системных исследований в то время не проводилось – меры оставались эмпирическими.

Олимпийские игры 1980 года в Москве представляли собой качественно иной этап – не реактивное укрепление, а заблаговременное планомерное построение системы тотального надзора. КГБ и МВД СССР начали подготовку за несколько лет: была проведена «чистка» города от лиц с криминальным прошлым, бомжей и неблагонадёжных элементов, а в структуре Пятого управления КГБ создан специальный Одиннадцатый отдел для контроля за безопасностью Игр [6]. Олимпийская деревня и объекты превратились в изолированные анклавы с многорядной системой пропусков, круглосуточным патрулированием и тотальной проверкой документов. Игры прошли без серьёзных инцидентов, что было признано большим достижением.

С позиций организации спортивных мероприятий Москва-80 продемонстрировала, что абсолютная безопасность достижима ценой всеобъемлющего контроля и ограничения свобод. Для тренеров и спортсменов это означало жёсткий режим передвижения, минимальные контакты с внешним миром и полную зависимость от решений администрации. Психологическая нагрузка на атлетов возрастала, поскольку они чувствовали постоянный надзор. В методическом плане это стимулировало развитие психологической подготовки к работе в условиях закрытой среды, но в советской системе акцент делался скорее на дисциплине, чем на психологической поддержке. Тем не менее опыт Москвы-80 был учтён при организации последующих Игр.

Олимпийские игры 1984 года в Лос-Анджелесе стали переломными: они впервые организовывались частной некоммерческой корпорацией LAOOC, которая нанимала полицию и спецслужбы на контрактной основе. Бюджет безопасности составил рекордные 55–150 млн долларов [3; 7]. К охране привлекли около 17 тыс. человек, включая 6 тыс. полицейских Лос-Анджелеса, 2,5 тыс. бойцов Национальной гвардии, 1 тыс. агентов ФБР. Над городом постоянно патрулировали до 100 вертолётов. Но главным достижением стала межведомственная координация: были созданы Объединённый разведывательный комитет по борьбе с терроризмом и Координационный совет правоохранительных органов, где чётко разграничивались зоны ответственности между ФБР, местной полицией и другими службами [7].

Для теории и методики физического воспитания эта модель важна по нескольким причинам. Во-первых, она показала, что безопасность может быть эффективно интегрирована в общую организационную структуру без ущерба для спортивной составляющей – при условии грамотного планирования. Во-вторых, была разработана система информационной работы с участниками: делегации получали чёткие инструкции, тренировочные занятия были адаптированы к времени прохождения КПП. В-третьих, Лос-Анджелес впервые в полной мере учёл медийный аспект – спецслужбы управляли информационными потоками, чтобы не создавать паники и не давать террористам возможностей для эфирного шантажа. Этот опыт лёг в основу современных стандартов безопасности на всех крупных спортивных событиях, включая Олимпийские игры, чемпионаты мира по футболу и другие мега-события.

Проведённый анализ позволяет установить чёткую эволюцию организационно-методических подходов к безопасности на Олимпийских играх в период 1972–1984 гг.

1. Мюнхен-1972 – точка отсчёта, выявившая полное отсутствие системной работы по защите участников. Методический урок: необходимость специальной подготовки организаторов, тренеров и спортсменов к действиям в кризисных ситуациях.

2. Монреаль-1976 – реактивное усиление физического периметра, массовое привлечение военных. Методический урок: изменение режима дня и логистики требует учёта при планировании тренировочного процесса.

3. Москва-1980 – тотальный государственный контроль, обеспечивший абсолютную безопасность, но создавший высокий психологический прессинг. Методический урок: введение программ психологической адаптации к замкнутой среде и жёсткому регламенту.

4. Лос-Анджелес-1984 – синтез предыдущего опыта в скоординированную модель с участием частных организаторов. Методический урок: эффективное взаимодействие всех служб позволяет минимизировать негативное влияние мер безопасности на спортивную деятельность.

Таким образом, мюнхенская трагедия 1972 года запустила цепную реакцию изменений, которые к 1984 году привели к формированию устойчивой модели «олимпийской крепости». Эта модель сегодня является стандартом для всех мега-событий. Однако для специалистов в области физической культуры важно понимать, что эти изменения не ограничиваются техническими аспектами – они затрагивают психологическую подготовку спортсменов, методику организации тренировок, расписание соревнований и даже выбор мест проведения. Современный тренер и спортивный менеджер обязаны владеть компетенциями в области безопасности, уметь работать с повышенной тревожностью атлетов и обеспечивать информационную гигиену команды.

Вопрос о том, как сохранить гуманистическую миссию спорта в условиях милитаризации периметров, остаётся дискуссионным. Однако бесспорно, что интеграция безопасности в систему управления спортивными мероприятиями – это объективная реальность, и игнорировать её в методике подготовки нельзя. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных психолого-педагогических программ, позволяющих минимизировать стресс для спортсменов в условиях «крепостной» организации соревнований.

Список литературы

1. Reeve S. One Day in September: The Full Story of the 1972 Munich Olympics Massacre and the Israeli Revenge Operation «Wrath of God» / S. Reeve. – New York: Arcade Publishing, 2000. – 304 p. – URL: https://archive.org/details/onedayinseptembe0000reev/mode/2up (date of access: 15.06.2026).

2. Zamir Z. With Open Eyes (Be'einaim Pekuhot) / Z. Zamir. – Jerusalem: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.

3. Duckworth A. Protecting the Games: The International Olympic Committee and Security, 1972–1984 / A. Duckworth, T.M. Hunt // Olympika: The International Journal of Olympic Studies. – 2016. – Vol. XXV. – P. 5–30. – URL: https://idrottsforum.org/olympika-the-international-journal-of-olympic-studies-volume-xxv-2016/ (date of access: 15.06.2026).

4. Bericht der Bundesregierung über die Vorgänge bei den Olympischen Spielen 1972 in München: Drucksache 7/3066. – Bonn: Deutscher Bundestag, 17.01.1975. – URL: https://dserver.bundestag.de/btd/07/030/0703066.pdf (date of access: 15.06.2026).

5. Hänni A. The TV That Never Was: Re-Examining the Myth of Terrorists Watching Live Broadcasts During the 1972 Munich Attack / A. Hänni, D. Aufleger, L. Kreller // Research Reports of the «Re-Examining the Attack at the 1972 Olympics» Project. – Munich: Leibniz Institute for Contemporary History, April 2025. – URL: https://www.aufarbeitung-olympia72.de/en/research/reports/munich-olympics-attack-the-tv-that-never-was (date of access: 15.06.2026).

6. Coaffee J. Security and the Threat of Terrorism / J. Coaffee, P. Fussey // Olympic Cities: City Agendas, Planning and the World's Games, 1896–2032 / ed. by G. Poynter, I. MacRury. – 4th ed. – London: Routledge, 2024. – Ch. 11. – P. 249–264.

7. Ильин Е.П. Психология физического воспитания / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 384 с.

8. Гиссен Л.Д. Психология и психогигиена в спорте / Л.Д. Гиссен. – М.: Физкультура и спорт, 1973. – 208 с.

9. Николаев А.Н. Психология спортивной деятельности: учебное пособие / А.Н. Николаев. – М.: Спорт, 2019. – 312 с.

10. Сопов В.Ф. Психологическая подготовка спортсменов к соревнованиям / В.Ф. Сопов. – М.: Человек, 2019. – 288 с.
11. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры (общие основы) / Л.П. Матвеев. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 543 с.
12. Платонов В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В.Н. Платонов. – М.: Советский спорт, 2010. – 820 с.
13. Филимонова С.И. Организационно-педагогические условия обеспечения безопасности занятий физической культурой и спортом / С.И. Филимонова, О.В. Козырева, А.С. Корягин // Теория и практика физической культуры. – 2020. – №5. – С. 103–105.
14. Кабачков В.А. Организация и проведение спортивных соревнований: учебное пособие / В.А. Кабачков, А.Н. Полухин. – М.: Физкультура, 2018. – 176 с.
15. Houlihan B. Sport, Policy and Politics: A Comparative Analysis / B. Houlihan. – London: Routledge, 1997. – 340 p. – URL: https://archive.org/details/sportpolicypolit0000houl (date of access: 15.06.2026).
16. Murray S. Sports Diplomacy: Origins, Theory and Practice / S. Murray. – London: Routledge, 2018. – 261 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/345631963_Sports_Diplomacy_Origins_Theory_and_Practice (date of access: 15.06.2026).
17. Herzog M. GSG 9: From Munich to Mogadishu: The Birth of Germany's Counterterrorism Force / M. Herzog. – Havertown: Casemate Publishers, 2025. – 328 p.
18. Mason G. The True Story Behind September 5 / G. Mason; interviewed by O.B. Waxman // Time. – 2024. – December 12. – URL: https://time.com/7200414/september-5-true-story/ (date of access: 15.06.2026).
19. Rubin B. The Palestine Liberation Organization: Terrorism and History / B. Rubin, Y. Saïgh. – London: I.B. Tauris, 2007.

Казанков Анатолий Игоревич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОФИЛАКТИКА И БОРЬБА С НАРКОМАНИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема распространения наркомании и методы её профилактики. На основе судебной статистики и данных Управления ООН по наркотикам и преступности обоснована актуальность проблемы. Отмечено, что глобализация и развитие синтетических наркотиков снимают географические и агроклиматические барьеры. Анализируются методы профилактики: показательные презентации и видеоролики; реабилитационные центры; тренинги. Предложен комплексный подход к борьбе с наркоманией.*

Ключевые слова: *наркомания, профилактика, реабилитация, тренинги, синтетические наркотики.*

Согласно судебной статистике, приведённой на основе анализа совершённых преступлений за 2019–2024 гг., количество лиц, осуждённых по статьям, связанным с оборотом, хищением, контрабандой, склонением к потреблению наркотических и психотропных веществ, составляет 13% от общего числа осуждённых [1]. Более того, число людей, употребляющих наркотики, выросло до 292 миллионов в 2022 году, что представляет собой рост в 20 процентов за 10 лет, согласно докладу Управления ООН по наркотикам и преступности [2].

Данные показатели свидетельствуют о том, что современный мир, несмотря на существующие средства борьбы, по-прежнему остаётся подвержен влиянию наркотических средств.

Значительный рост и развитие глобализации приводят к тому, что совершение подобных преступлений становится не такой сложной задачей, включающей в себя взаимодействие не только определённых физических лиц и организаций, но и системы органов таможенного контроля и пограничных служб безопасности.

К настоящему времени произошла нивелировка исторического разделения мира на страны-потребители наркотиков и страны-производители. Однако по-прежнему одним из основных источников наркопроизводства остаётся ряд регионов планеты: Андский пояс (Колумбия, Перу, Боливия), «Золотой полумесяц» (Афганистан, Пакистан, Иран), «Золотой треугольник» (Мьянма, Лаос, Таиланд) [3]. Удельный вес наркопроизводства составляет производство синтетических наркотиков. Это означает, что перед наркобизнесом, во-первых, снимаются последние географические и агроклиматические барьеры, во-вторых, исчезает необходимость преодоления остающихся на современном этапе таможенных, пограничных и транспортных барьеров [4].

Таким образом, можно заметить, что проблема распространения наркомании остаётся актуальной. В связи с чем возникает необходимость разработки и внедрения новых способов борьбы и профилактики наркомании.

Одним из наиболее значимых способов, применяющихся на практике среди курсантов, слушателей образовательных организаций, являются показательные презентации и видеоролики, которые показывают в школах и университетах. При проведении некоторых исследований выяснили, что такой метод является одним из самых эффективных. После просмотра высказывались негативные комментарии относительно влияния наркотиков на организм человека, стало очевидно, что многим людям было неприятно смотреть на последствия применения наркотических средств [5]. Действительно, на психическое состояние, особенно детское, легко воздействовать посредством создания запоминающихся видеороликов, так как они, будучи впервые показанными ребёнку, оставляют ярко негативные впечатления.

В том случае, когда лицо уже находится под влиянием наркотических средств в течение некоторого промежутка времени, необходимо применение профилактических мер. Например, создание специализированных реабилитационных центров, где будут оказывать необходимую медицинскую помощь. В России действуют подобные учреждения, однако их количество не такое большое; в частности, на данный момент в Российской Федерации действует около полутора тысяч государственных реабилитационных центров, однако помощь, оказываемая в них, не всегда носит гуманный характер по отношению к больному. Так, есть множество случаев, когда люди, оказываясь в подобных учреждениях, не получали необходимую помощь и находились фактически в заточении [6].

Действенный метод – проведение тренингов. Человек усваивает информацию быстрее, если обучение проходит интерактивно, когда он имеет возможность одновременно с получением информации обсуждать неясные моменты, задавать вопросы, а также закреплять полученные знания, формировать навыки поведения. Такой метод вовлекает участников в процесс, а сам процесс обучения становится легче и интереснее [7]. Приобретение собственного опыта является основой процесса познания во время тренинга. Неформальную обстановку общения на тренинге обеспечивает ведущий. Он общается с участниками на равных: он – такой же, как и все, он часть группы. Он вместе с группой устанавливает правила работы. Он ведёт группу к поставленной цели.

Существуют и определённые правила работы с группой во время проведения тренинга.

Во-первых, конфиденциальность, которая заключается в том, что личные данные человека должны оставаться в сохранности, не передаваться окружающим.

Психологические знания, приёмы и техники могут и должны использоваться вне группы и пропагандироваться участниками окружающим – особенно если речь идёт о профилактике наркозависимости. Однако конкретные истории участников группы, их переживания, неудачи должны оставаться внутри. Человек не должен переживать, что его история станет известна широкому кругу лиц вопреки его воле.

Во-вторых, активность участников, предполагающая активные действия, вовлечённость в процесс тренинга.

Активность участников тренинговой группы носит особый характер, отличный от активности человека, слушающего лекцию или читающего книгу. В тренинге люди вовлекаются в

специально разработанные действия. Это может быть проигрывание той или иной ситуации, выполнение упражнений, наблюдение за поведением других по специальной схеме.

В-третьих, принцип исследовательской (творческой) позиции. Суть этого принципа заключается в том, что в ходе тренинга участники группы осознают, обнаруживают, открывают идеи, закономерности, уже известные в психологии, а также, что особенно важно, свои личные ресурсы, возможности, особенности.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема борьбы с наркоманией является весьма актуальной в современном обществе. Для достижения положительных результатов профилактики и борьбы с данной проблемой могут быть применены различные способы, так, например, показ анимационных видеороликов, которые могут оказать положительное влияние на подсознание человека. Создание реабилитационных центров способствует помощи тем, кто уже столкнулся с указанной проблемой. Проведение систематических тренингов направлено как на недопущение вовлечения лица в сферу потребления наркотиков, так и на профилактику наркотической зависимости.

Список литературы

1. Верховный суд хочет смягчить наказание за хранение наркотиков без цели сбыта. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/28/1113190-verhovnii-sud-predlagaet-smyagchit-nakazanie-za-hranenie-narkotikov-bez-tseli-sbita (дата обращения: 25.06.2024).

2. Число людей, употребляющих наркотики, выросло на 20 процентов за 10 лет. – URL: https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453676 (дата обращения: 26.06.2025).

3. Халиуллин А.И. К вопросу о соотношении понятий «наркомания» и «наркотизм» / А.И. Халиуллин // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – №4. – С. 159–162. EDN OFZTRT

4. Садыкова Р.Г. Общество против наркотиков / Р.Г. Садыкова, А.А. Карапетян. – 2002. – 54 с.

5. Слободская А.В. Стигматизационное влияние программ профилактики наркомании / А.В. Слободская // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – №11. – С. 83–87. EDN SFOAOX

6. «Бессмысленная жестокость». Как люди с зависимостями спасались из заточения в подмосковном рехабе. – URL: https://www.bbc.com/russian/articles/c62r2dnl692o (дата обращения: 26.06.2025).

7. Шайдурова Т.Ю. Тренинг, как один из методов профилактики наркомании у подростков / Т.Ю. Шайдурова // Новые педагогические исследования. – 2007. – №3. – С. 206–210. EDN MCAKKZ

Ключников Дмитрий Сергеевич
бакалавр, студент
Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Брянск, Брянская область

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ И ДОЛГОСРОЧНОМУ РАЗВИТИЮ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: *в статье сосредоточено внимание на ключевых политико – правовых механизмах деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации, обеспечивающих социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики. Основное внимание уделено правовым, институциональным, финансовым, инфраструктурным и инвестиционным инструментам восстановления экономики, включая государственную программу развития новых субъектов, режим свободной экономической зоны, межведомственную координацию и участие субъектов Российской Федерации в шефской помощи. Обосновано, что результативность восстановительной политики на текущем этапе имеет промежуточный характер: административные и операционные результаты уже подтверждаются, однако долгосрочный социально-экономический эффект зависит от достижения целевых*

ориентиров до 2030 г., устойчивости финансирования, степени рисков, качества управления и расширения инвестиционной активности в регионе.

Ключевые слова: *Донецкая Народная Республика, восстановление, органы исполнительной власти, социально-экономическое развитие, государственная программа, свободная экономическая зона, риски управления, эффективность управления.*

Актуальность исследования определяется тем, что восстановление Донецкой Народной Республики выступает не только инфраструктурной задачей, но и сложным направлением публичного управления, где одновременно решаются вопросы правовой интеграции, бюджетного планирования, пространственного развития, социальной поддержки населения, модернизации коммунального хозяйства, восстановления производственной базы и включения региона в общероссийскую систему государственных услуг. Нормативной отправной точкой служит Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 №5-ФКЗ, которым Донецкая Народная Республика принята в Российскую Федерацию и образована в составе Российской Федерации как новый субъект. С момента принятия закона деятельность федеральных и региональных органов исполнительной власти получила правовую основу для перехода от чрезвычайного восстановления к программному развитию, поскольку речь стала идти не о разовых мерах помощи, а о формировании устойчивой системы управления территорией в составе федеративного государства.

Научная новизна рассматриваемого подхода состоит в оценке восстановления ДНР не как суммы строительных мероприятий, а как многоуровневого механизма государственного управления, соединяющего конституционно-правовую интеграцию, государственную программу, межбюджетное финансирование, режим свободной экономической зоны, деятельность федеральных министерств, участие регионов-шефов и развитие региональных исполнительных структур. Методологическую основу анализа образуют метод анализа документов, системный анализ, программно-целевой подход, институциональный анализ и оценка результативности по проверяемым управленческим признакам: наличие правового основания, закрепление целей, ресурсное обеспечение, межведомственная координация, измеримые результаты и ограничения публичной отчетности. Такой подход позволяет уйти от описательности и рассмотреть эффективность через соотношение целей, механизмов и достигнутых результатов.

Центральным программным инструментом стала государственная программа Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», утвержденная постановлением Правительства РФ от 22.12.2023 №2255. В программе закреплена цель преодоления социально-экономического отставания новых субъектов и достижения к 2030 г. уровня среднероссийских показателей качества жизни и общероссийского уровня социально-экономического развития. Значение программы состоит в переводе восстановительных мероприятий в режим целевого государственного планирования: инфраструктура, жилищная сфера, коммунальные системы, дороги, социальные объекты, предпринимательская активность и инвестиционный климат рассматриваются как взаимосвязанные элементы развития территории, а не как изолированные объекты ремонта [4, с. 4438].

Институциональный механизм восстановления ДНР опирается на распределение функций между Правительством РФ, профильными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти ДНР, публично-правовыми компаниями, институтами развития и субъектами Российской Федерации, участвующими в шефской помощи. Минстрой России занимает ключевое место в координации инфраструктурного блока, поскольку восстановление жилья, коммунальных сетей, социальных объектов и городской среды требует единого технического заказчика, проектной документации, строительного контроля и синхронизации бюджетных потоков. При таком устройстве органы исполнительной власти выполняют не только распорядительные функции, но и функции интегратора: они

связывают федеральные ассигнования, региональные потребности, отраслевые стандарты и фактическое состояние объектов на территории ДНР.

Финансовый механизм имеет решающее значение, поскольку восстановление территории с высокой степенью повреждения инфраструктуры не может быть обеспечено только региональными доходами. В федеральном бюджете на 2026 г. и плановый период 2027–2028 гг. по государственной программе восстановления и социально-экономического развития новых регионов указаны ассигнования 298,4 млрд руб. на 2026 г., 330,1 млрд руб. на 2027 г. и 326,8 млрд руб. на 2028 г., что в сумме составляет около 955,3 млрд руб. за три года. Основная часть средств связана с федеральным проектом восстановления инфраструктуры и содействия экономическому развитию, включая коммунальные системы, дороги, жилье, социальную поддержку граждан, фондовые и инфраструктурные механизмы. Наличие многолетнего финансового горизонта повышает управляемость процесса, поскольку подрядные, проектные и региональные решения получают бюджетную базу не на один финансовый год, а на среднесрочный период.

Правовой механизм экономической активизации связан с Федеральным законом от 24.06.2023 №266-ФЗ о свободной экономической зоне на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области, Херсонской области и на прилегающих территориях. Закон установил особый правовой режим предпринимательской и иной деятельности, определил органы управления свободной экономической зоной и закрепил срок функционирования зоны до 31.12.2050. Управленческий смысл режима СЭЗ состоит в том, что восстановление предприятий и создание новых рабочих мест переводятся из сферы прямого бюджетного финансирования в сферу инвестиционного стимулирования: государство формирует условия, при которых бизнес получает преференции, а регион – налоговую базу, занятость и производственную кооперацию[5, с. 34–35].

Эффективность режима СЭЗ подтверждается количественными признаками включения бизнеса в восстановительную повестку. По данным Правительства РФ, за два года действия режима преференциями свободной экономической зоны пользовались 144 компании в ЛНР, 141 компания в ДНР, 54 участника в Запорожской области и 40 участников в Херсонской области. Для ДНР показатель 141 участник важен не сам по себе, а как индикатор изменения модели восстановления: регион постепенно переходит от логики компенсации ущерба к логике формирования инвестиционных проектов, производственных площадок и занятости. При этом эмпирические подтверждения полной окупаемости льгот и долгосрочного эффекта для валового регионального продукта пока отсутствуют в открытой сопоставимой статистике, поэтому оценка инвестиционной эффективности требует дальнейшего наблюдения.

Социальный механизм восстановления включает обеспечение доступности медицинских, образовательных, молодежных, жилищных и коммунальных услуг. Наиболее проверяемые показатели относятся к инфраструктурным результатам. Минстрой России сообщил, что с 2022 г. в ДНР восстановлено 146 объектов здравоохранения; отдельно фиксируются проекты строительства новых медицинских центров и капитального ремонта действующих учреждений. На уровне новых регионов в целом Минстрой России указывал на восстановление более 24 тыс. объектов с 2022 г., модернизацию 1576 км коммунальных сетей и 1486 объектов коммунальной инфраструктуры. Для оценки эффективности это означает, что органы исполнительной власти достигли значимого выхода на физически измеримый результат: ремонт и ввод объектов, восстановление сетей, возвращение социальных учреждений к работе. В то же время агрегированный характер части сведений не позволяет без дополнительных региональных отчетов точно отделить вклад ДНР от общего массива работ по четырем новым субъектам [2, с. 6779].

Особую роль играет механизм шефской помощи субъектов Российской Федерации, поскольку он расширяет административные и ресурсные возможности федерального центра. Субъекты-шефы участвуют в восстановлении школ, больниц, детских садов, дорог, дворовых территорий, общественных пространств и коммунальной инфраструктуры. По данным

Правительства РФ, за 2022–2025 гг. на подшефных территориях ДНР субъектами Дальневосточного федерального округа восстановлено более 1 тыс. объектов инфраструктуры. Достоинство механизма состоит в разгрузке федеральных органов исполнительной власти и ускорении локальных работ; слабая сторона заключается в риске неодинакового качества планирования и исполнения по разным территориям, что требует единых методик контроля, прозрачного учета объектов и регулярной сверки с региональными программами развития.

Транспортный и коммунальный блок выступает базой социально-экономической нормализации, поскольку без дорог, воды, тепла, электроэнергии и канализации невозможно восстановить ни социальные услуги, ни промышленное производство. Правительство РФ в 2025 г. направляло около 5,4 млрд руб. на восстановление дорожного хозяйства в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях до конца 2025 г.; в ДНР отдельным направлением стала работа по капитальному ремонту обхода Донецка протяженностью порядка 50 км. Водоснабжение ДНР сохраняет статус одного из наиболее сложных вопросов: Минстрой России в июле 2025 г. проводил оперативные совещания и штаб по водоснабжению, где рассматривались наращивание мощностей подачи воды, расчистка водоемов и переброска воды из альтернативных источников. Отсюда вытекает, что эффективность исполнительной власти в коммунальной сфере пока имеет смешанный характер: система управления создана, работы ведутся, но устойчивый результат зависит от технического состояния сетей, водных ресурсов и безопасности инфраструктуры [3, с. 3091].

Оценка эффективности требует разграничения трех уровней. Первый уровень – административная эффективность, выраженная в создании правовой и организационной системы управления. По данному критерию результат достигнут: ДНР включена в российское правовое поле, утверждена государственная программа, сформированы бюджетные коды, действует режим СЭЗ, федеральные и региональные органы исполнительной власти получили полномочия и инструменты. Второй уровень – операционная эффективность, выраженная в восстановлении объектов, ремонте сетей, запуске проектов, предоставлении социальной поддержки и подключении бизнеса к преференциальному режиму. По данному критерию результат подтверждается открытыми цифрами по объектам здравоохранения, объектам инфраструктуры, участникам СЭЗ и бюджетным ассигнованиям. Третий уровень – социально-экономическая эффективность, выраженная в устойчивом росте доходов населения, занятости, инвестиций, качества городской среды и доступности услуг. По данному критерию окончательная оценка преждевременна, поскольку целевой горизонт установлен до 2030 г., а часть показателей имеет ограниченную публичность или неполную сопоставимость.

Убедительность механизма восстановления повышается за счет того, что он сочетает прямые и косвенные инструменты. Прямые инструменты включают федеральные субсидии, имущественные взносы публично-правовым компаниям, капитальный ремонт, восстановление социальных объектов, дорожные работы и адресную социальную поддержку граждан, утративших жилье или имущество. Косвенные инструменты включают СЭЗ, налоговые и административные преференции, инвестиционные проекты, развитие промышленной кооперации, вовлечение регионов-шефов и интеграцию ДНР в национальные проекты. Такая комбинация повышает устойчивость восстановительной политики, поскольку бюджетные расходы закрывают первоочередные потребности, а экономические стимулы формируют базу для самостоятельного развития региона [1, с. 2533].

Объективная оценка требует учета ограничений. Во-первых, восстановление ДНР проходит в условиях сохраняющихся угроз безопасности, что увеличивает стоимость работ, усложняет логистику, снижает предсказуемость сроков и требует дополнительной защиты объектов. Во-вторых, значительная часть инфраструктуры имеет накопленный износ, возникший не только в период боевых действий, но и в результате длительного недоинвестирования. В-третьих, открытые статистические данные по новым субъектам пока не всегда сопоставимы с данными по старым субъектам Российской Федерации за длительный период. В-четвертых, часть материалов государственной программы имеет ограниченный режим доступа, а

сведения о ходе реализации и оценке эффективности публикуются не в полном объеме. Поэтому научно корректная позиция состоит не в утверждении окончательной эффективности, а в признании промежуточной результативности при наличии сохраняющихся структурных рисков.

Практическое значение анализа состоит в том, что деятельность органов исполнительной власти Российской Федерации в ДНР демонстрирует переход к особой модели восстановительного управления. Она отличается от стандартной региональной политики тем, что объединяет аварийное восстановление, адаптацию законодательства, бюджетное выравнивание, институциональное строительство, инвестиционное стимулирование и социальную реабилитацию территории. В обычных условиях данные направления реализуются последовательно; в ДНР они развиваются одновременно. Поэтому управленческая эффективность зависит не только от объема выделенных средств, но и от способности органов власти синхронизировать строительные, коммунальные, социальные, промышленные и правовые решения[7, с. 7151].

Вывод заключается в том, что механизмы деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации по восстановлению Донецкой Народной Республики имеют комплексный и институционально оформленный характер. На правовом уровне создана основа включения ДНР в систему российской публичной власти; на программном уровне установлена цель выхода новых субъектов к 2030 г. на среднероссийские показатели качества жизни; на финансовом уровне предусмотрен многолетний федеральный ресурс почти 955,3 млрд руб. на 2026–2028 гг. по общей программе восстановления новых регионов; на экономическом уровне действует СЭЗ, в которой по состоянию на 2025 г. участвовала 141 компания из ДНР; на инфраструктурном уровне подтверждены восстановление 146 объектов здравоохранения в ДНР и масштабные работы по социальным, коммунальным и дорожным объектам. Эффективность на текущем этапе следует признать промежуточной: административные и операционные результаты подтверждены, но долгосрочный социально-экономический эффект зависит от достижения целевых показателей 2030 г., устойчивости безопасности, качества межведомственной координации, расширения открытой статистики и способности региона перейти от восстановления разрушенного фонда к самостоятельному развитию экономики.

Список литературы

1. Исаков Н.А. Инструменты интеграции новых регионов в национальное пространство Российской Федерации / Н.А. Исаков, К.И. Неткачев // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, №8. – С. 2125–2140. DOI 10.18334/ce.18.8.121505. EDN GWEJCW

2. Исаков Н.А. Инструменты развития новых регионов в экономическом пространстве России: теоретический и функциональный аспект / Н.А. Исаков, С.Л. Орлов // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, №11. – С. 6777–6788. DOI 10.18334/epp.14.11.122102. EDN XVAAJD

3. Костенок И.В. Современная материально-вещественная база и перспективы развития важнейших отраслей новых регионов России / И.В. Костенок, Я.В. Хоменко // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, №11. – С. 3083–3106. DOI 10.18334/ce.18.11.122115. EDN GNGOET

4. Кузьмина А.С. Эволюция подходов к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в XXI веке / А.С. Кузьмина, И.Л. Федоров // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, №7. – С. 4429–4450. DOI 10.18334/epp.15.7.123273. EDN IIXRMC

5. Пивоварова О.В. Восстановительный процесс как основа интеграции и поступательного развития новых регионов России / О.В. Пивоварова, С.Л. Орлов // Вестник Института экономических исследований. – 2024. – №2 (34). – С. 32–42. EDN ALZFUY

6. Орлов С.Л. Совершенствование государственного регулирования регионального развития новых регионов России / С.Л. Орлов, А.С. Кузьмина // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, №12. – С. 7147–7160. DOI 10.18334/epp.14.12.122216. EDN JYRNJB

Красникова Наталья Николаевна
магистрант
Пусева Мария Владимировна
канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Липецкая область

DOI 10.31483/r-167055

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье рассматриваются трудности, с которыми сталкивается молодежь при выборе профессии, цель профориентации. Авторами описан опыт Липецкой области на примере Центра молодежной карьеры.*

Ключевые слова: *молодежь, профессиональные предпочтения, профориентация, профессия.*

В настоящее время в России проводится активная политика занятости молодежи, которая состоит в том, что у молодых людей со школьной скамьи начинают формировать профессиональные предпочтения. Это связано с тем, что при выборе будущей профессии большая часть молодежи сталкивается со следующими трудностями:

– молодежь недостаточно информирована о профессиях и специальностях, востребованных на рынке труда;

– многие молодые люди неосознанно подходят к выбору будущей профессии [1, с. 188].

– нестабильность на рынке труда, также оказывает влияние, профессии, которые были востребованы раньше могут стать не востребованными через несколько лет.

Все эти проблемы вызывают необходимость проведения ранней профориентации у современной молодежи.

Формирование профессиональных предпочтений современной молодежи – это процесс, включающий в себя взаимодействие различных факторов, и использование методов профориентации [4, с. 27].

Цель профориентации заключается в том, чтобы оказать содействие современной молодежи в формировании профессиональных предпочтений и помочь сделать осознанный выбор будущей профессии, которая будет соответствовать их интересам, ценностям и способн6остям [2, с. 83].

Процесс формирования профессиональных предпочтений современной молодежи необходим для того, чтобы:

1) сформировать баланс спроса и предложения на рынке труда. В субъектах нередко возникает несбалансированность между спросом и предложением на рынке труда. Это вызвано тем, что в некоторых регионах возникают ситуации, когда на рынке труда преобладают вакансии инженерно-технических профессий, а молодежь отдает предпочтение гуманитарным, для этого и необходим баланс между спросом и предложением;

2) данный процесс также играют важную роль в снижении оттока молодежи в регионах, что сегодня заметно наблюдается во многих субъектах Российской Федерации;

3) целенаправленное формирование профессиональных предпочтений влияет на процесс подготовки специалистов, необходимых потребностям регионального рынка труда, путем проведения анализа профессиональных предпочтений молодежи и последующей корректировке образовательных программ.

Рассмотрим факторы, которые могут влиять на формирование профессиональных предпочтений.

1. Внешние: уровень заработной платы, популярность профессии, возможность трудоустройства. Также значительное влияние оказывает ближайшее окружение.

2. Внутренние: интерес, возможности для профессионального роста и саморазвитие.

Существуют также методы, которые используются при проведении профориентации [3, с. 45]. Рассмотрим некоторые из них: тесты и опросники; групповые занятия, мастер-классы; посещение экскурсий и дней открытых дверей и др.

В Липецкой области в 2024 году открылся Центр молодежной карьеры – место, где молодым людям помогают найти не только работу, но и развить компетенции.

Мероприятия, которые проводятся в Центре направлены на формирование профессиональных предпочтений у современной молодежи. Рассмотрим некоторые из этих мероприятий:

– маршрутизация – это поддержка студентов и школьников, которая начинается со знакомства с профессией до трудоустройства. В нее входит: профориентация, практика, экскурсия на производства, консультация и помощь в поиске работы;

– ярмарка учебных мест – мероприятие, где молодые люди знакомятся с учебными заведениями региона и узнают об актуальных направлениях подготовки;

– профессиональная диагностика – проводится с применением нейротехнологий, после которой человека консультирует профориентолог.

Таким образом опыт Липецкой области показывает, что формирование предпочтений у молодежи требует комплексного подхода и применения современных методов профессиональной диагностики для того, чтобы молодые люди не ошиблись с выбором будущей профессии.

Список литературы

1. Панина С.В. Профессиональная ориентация: учебник и практикум для среднего профессионального образования / С.В. Панина, Т.А. Макаренко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 363 с.

2. Панина С.В. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся: учебник и практикум для вузов / С.В. Панина, Т.А. Макаренко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 363 с.

3. Пряжников Н.С. Организация и методика производственного обучения: профориентология: учебник для среднего профессионального образования / Н.С. Пряжников. – М.: Юрайт, 2026. – 405 с.

4. Антонова М.В. Педагогика: воспитание обучающихся и профориентационная работа: учебник для вузов / М.В. Антонова. – М.: Юрайт, 2026. – 213 с.

Кузьмина Анна Михайловна
студентка
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»
г. Самара, Самарская область

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Аннотация: *в статье исследуется вопрос применения искусственного интеллекта для анализа социально-экономических характеристик сельских поселений на примере двух районов Самарской области. В эксперименте сравниваются нейросетевые модели GigaChat и DeepSeek. Показано, что использование только интернет-поиска может приводить к ошибкам, тогда как загрузка официальных документов (паспортов поселений) значительно повышает достоверность результатов. Делается вывод о необходимости верификации данных, полученных с помощью ИИ, и о перспективности использования нейросетей для оптимизации сельской инфраструктуры.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросетевые модели, сельские поселения, социально-экономический анализ, школьная инфраструктура, демографическая ситуация,*

логистические тупики, GigaChat, DeepSeek, Самарская область, оптимизация данных, паспорта поселений.

Развитие сельских поселений напрямую зависит от двух ключевых факторов: роста или стабилизации численности населения и доступности социальных благ, к которым относятся образование, медицина, торговля и культура. Логистические тупики, то есть территории с ограниченной транспортной доступностью, существенно ухудшают положение сельских жителей, поскольку затрудняют доставку товаров, оказание медицинских услуг, посещение школ и детских садов. В результате ускоряется отток молодых семей в крупные городские агломерации, а демографическая ситуация в сельской местности продолжает ухудшаться. В представленном докладе подробно рассматриваются и сравниваются два района Самарской области – Хворостянский и Шигонский – с акцентом на школьную инфраструктуру как один из важнейших элементов социальной среды.

Если обратиться к данным официального сайта Росстата по Самарской области за период с 1991 по 2024 год, можно наблюдать отчётливую тенденцию сокращения числа школ (рис. 1).

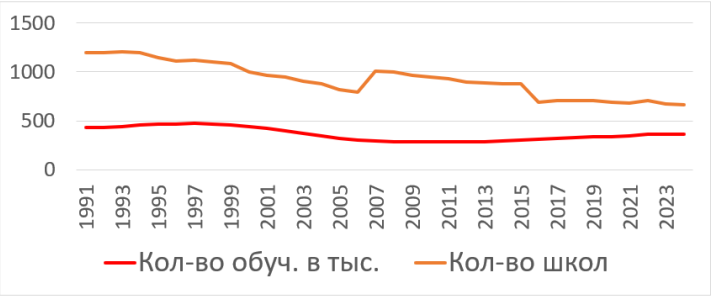


Рис. 1

Заметим, что присутствует существенное уменьшение количества образовательных учреждений, причём это сокращение не коррелирует напрямую с динамикой численности обучающихся. В процессе развития сельских поселений действительно наблюдается тенденция к уменьшению числа функционирующих школ в некоторых районах, что связано с демографическими изменениями и снижением численности населения. В то же время в рамках программ модернизации системы образования и привлечения молодых специалистов реализуются мероприятия по обновлению существующих учебных заведений и строительству новых школ. Это позволяет повысить качество образовательных услуг, обеспечить доступность обучения для детей из отдалённых и малонаселённых районов, а также создать условия для развития кадрового потенциала региона.

Однако при попытке поиска информации на официальных источниках исследователь сталкивается с определёнными трудностями. Многие данные о состоянии образовательной инфраструктуры, логистической ситуации и развитии сельских территорий могут быть недостаточно актуальными, разрозненными или вовсе недоступными в открытом доступе. При обычном поиске в интернете также возникает проблема недостатка нужной информации. Среди официально размещаемых данных найти сведения о каждом населённом пункте в едином структурированном виде практически невозможно. В связи с этим мы обратились к технологиям искусственного интеллекта, чтобы получить представление о том, как распределены школы в сельских населённых пунктах, и взяли для примера Хворостянский и Шигонский районы.

В эксперименте мы использовали две нейросетевые модели: GigaChat и DeepSeek. Сначала мы обратились к GigaChat с запросом привести перечень населённых пунктов Хворостянского района с указанием, где есть школы и сколько там обучающихся. Затем попробовали найти такую же информацию по Шигонскому району. В обоих случаях GigaChat выдал

правильные названия посёлков и достоверные данные по школам, что подтверждает его способность достаточно качественно структурировать информацию при отсутствии официальных сводных таблиц. Далее мы обратились к DeepSeek с тем же запросом, но с подключением поиска по интернету. По Хворостянскому району DeepSeek нашёл заметно меньше информации, чем GigaChat. По Шигонскому району тенденция сохранилась: объём найденных сведений оказался небольшим, кроме того, модель выдала неверные результаты, указав школы в тех населённых пунктах, где они фактически отсутствуют.

Для получения более надёжных данных мы использовали официальные паспорта поселений, размещённые на сайтах администраций. С официального сайта Хворостянского района была взята последняя актуальная версия паспорта поселения, приведем некоторые данные из этого документа (рис. 2).

Аналогично по Шигонскому району были представлены страницы из паспорта поселения, также полученного с официального сайта. После этого мы снова обратились к DeepSeek, но уже с загрузкой файла паспорта поселения. В этом случае качество ответа значительно повысилось: модель правильно извлекла данные о школах и численности учащихся, а ошибки, характерные для режима простого поиска, исчезли.

Форма № 12

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Перечень объектов и наименование населенных пунктов, в которых они располагаются	Численность данного населенного пункта или обслуживаемого микрорайона	Мощность			Характеристика здания			
		Мест, коек, посещений и др.	Кв. м общей площади в школах, палатной площади на	Факт. число учащихся в школах и детей в детских	Типовое или приспособленное	Требуют замены из-за ветхости или аварийности	Требуют капитального ремонта	Необходима реконструкция
3. Детсад ст.Чагра	548	30		30	приспособленное	-	+	-
4. Березово-Рощинский детсад с.Березовая Роща	312	15		10	приспособленное	-	-	-
5. Еланский детсад с.Елань	458	25		20	приспособленное	-	-	-
6. Прогресский детсад п.Прогресс	1502	58		44	типовое	-	-	-
7. Владимировский детсад с.Владимировка	968	28		30	типовое	-	+	-
8. Липовский детсад с. Липовка	417			15		-	-	-
ВСЕГО по школам:	**16308**	**2729**	**33721**	**1476**				
1. МОУ Хворостянская средняя	5186	586	7372	521	типовое	+	-	-

Рис. 2

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что искусственный интеллект может использоваться как инструмент сбора и анализа социально-экономической и статистической информации, особенно при работе с открытыми источниками и официальными документами. Однако полученные с его помощью данные нуждаются в обязательной перепроверке по надёжным официальным источникам. Наиболее качественные и достоверные результаты достигаются в том случае, когда в нейросетевую систему загружаются непосредственно исходные файлы – паспорта поселений, отчёты, статистические сборники, – а не используется только поиск по интернету. Мы предполагаем, что использование технологий искусственного интеллекта позволит повысить эффективность процесса оптимизации сети образовательных учреждений в Самарской области за счёт сокращения времени на ручной сбор и структурирование данных, а также за счёт выявления логистических тупиков и проблемных зон, требующих первоочередного вмешательства.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по Самарской области. – URL: https://samarastat.gks.ru (дата обращения: 01.06.2026).

2. Паспорт Хворостянского района Самарской области (актуальная версия). – URL: https://hvostanka.ru (дата обращения: 01.06.2026).
3. Паспорт Шигонского района Самарской области. – URL: https://shigony.samregion.ru (дата обращения: 01.06.2026).
4. Техническая документация нейросетевой модели GigaChat. – URL: https://developers.sber.ru/gigachat (дата обращения: 01.06.2026).
5. Техническая документация нейросетевой модели DeepSeek. – URL: https://deepseek.com (дата обращения: 01.06.2026).

Маланина Ксения Алексеевна
студентка

Научный руководитель
Андреев Геннадий Иванович
канд. пед. наук, заведующий кафедрой

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В СЕЛЬСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК

Аннотация: *в статье анализируется практика организации детских праздников в сельском учреждении культуры на базе Синьяльского Дома творчества Чебоксарского муниципального округа. Представлены результаты анкетирования родителей (N=14), описана авторская игровая квест-программа экологической направленности. Выявлены измеримые социальные изменения: 92,8% родителей высоко оценивают качество праздников, 100% отмечают положительное влияние на развитие детей, особенно в сфере коммуникации (85,7%) и уверенности в себе (85,7%). Автор приходит к выводу, что детский праздник в условиях села является эффективным инструментом социализации, а системная досуговая деятельность даёт измеримый социально-экономический эффект: снижение доли интернет-досуга, рост посещаемости культурных учреждений и укрепление социальных связей на селе.*

Ключевые слова: *детские праздники, Синьяльский дом творчества, сельское учреждение культуры, квест-программа, анкетирование родителей, методические рекомендации, социально-культурная деятельность, социальная эффективность, досуговые практики, человеческий капитал, интерактивные форматы.*

Детский праздник в современном селе – явление, выходящее далеко за рамки простого развлечения. В условиях ограниченной инфраструктуры, дефицита кружков и секций, а также высокой занятости родителей на сельскохозяйственных работах именно праздничные мероприятия в домах культуры становятся для ребёнка пространством эмоциональной разрядки, творческой самореализации и живого общения со сверстниками. Праздник выступает инструментом социализации, позволяя ребёнку в игровой форме усваивать нормы поведения и социальные роли. Однако большинство методических разработок ориентировано на городские учреждения с их материально-техническими возможностями. Сельские же дома культуры часто работают в режиме «ручного управления»: старый реквизит, совмещение должностей, разновозрастная аудитория на одном мероприятии и слабая информационная поддержка.

Настоящее исследование выполнено на базе Синьяльского Дома творчества (далее – Синьяльский ДТ), входящего в структуру МБУ «ЦКС» Чебоксарского муниципального округа. Цель работы – изучить, как организация детских праздников влияет на социальные процессы

в сельской местности, и оценить социальную эффективность этой деятельности. Для достижения цели решались задачи: охарактеризовать деятельность Синьяльского ДТ в части детского досуга; представить результаты анкетирования родителей; описать и проанализировать авторскую квест-программу; сформулировать практические рекомендации.

Материалом для анализа послужили учредительные и отчётные документы Синьяльского ДТ, сценарные планы шести праздничных мероприятий, проведённых в 2024–2026 гг. («День защиты детей», «Волшебный Новый год», «Масленица», квест «Океаны и моря по земле текут не зря», «День травяного чая», «День Земли»). Основным методом сбора первичной информации выступило анкетирование родителей (N=14), чьи дети регулярно посещают праздничные мероприятия. Анкета включала 8 вопросов закрытого и открытого типа, охватывающих частоту посещения, оценку качества, выявленные изменения в ребёнке, предпочтительные форматы и информированность. Дополнительно проведена экспертная беседа с заведующей Синьяльским ДТ Андреевой Ириной Леонидовной. Использовались методы наблюдения (автор присутствовал на трёх мероприятиях), контент-анализа и статистической обработки. Как подчёркивают А.В. Дмитриева и Т.В. Баркалова, «организатор детского досуга должен владеть социально-культурными технологиями и постоянно искать новые средства и методы для успешного создания мероприятий» [1]. Именно этот принцип стал ориентиром при разработке и анализе праздничных программ в Синьяльском ДТ.

Синьяльский ДТ входит в состав МБУ «ЦКС» Чебоксарского муниципального округа с 2015 года. Учреждение расположено в селе Синьялы, население которого составляет около 1200 человек. В штате – 4 постоянных сотрудника: заведующий, художественный руководитель, хореограф и художник-оформитель. Все имеют профильное образование. Детские праздники проводятся 1–2 раза в месяц, преимущественно в вечернее время (с 17:00 до 19:00), что связано с занятостью детей в школе и работой родителей. Основные форматы: театрализованные представления, календарно-обрядовые праздники (Масленица, Новый год), игровые программы и квесты.

Особенность сельского учреждения – разновозрастной состав участников. На один праздник приходят дети от 5 до 15 лет, что требует от сценариста двойной работы: удержать внимание малышей яркими персонажами и при этом не «оскорбить» интеллект подростков примитивными конкурсами. Техническое оснащение слабое: есть один проектор (недостаточной яркости для дневного времени), старая акустика, микрофоны часто «фонят». Реквизит и костюмы шьют и мастерят своими руками – это и проблема, и преимущество, поскольку такие вещи обладают уникальным «ручным» шармом.

Из беседы с заведующей Ириной Леонидовной Андреевой выяснилось, что самыми популярными у детей являются игровые программы с элементами соревнования и театрализованные представления с участием знакомых сказочных героев. Главные трудности – информирование родителей (объявление на двери часто не срабатывает) и нехватка денег на покупку призов и обновление техники. «Мы привыкли выкручиваться, – говорит заведующая. – Но хотелось бы не выкручиваться, а работать по-современному».

Для получения объективной картины мы опросили 14 родителей, чьи дети посещают праздники в Синьяльском ДТ не менее полугода. Распределение ответов показало устойчивую лояльность аудитории.

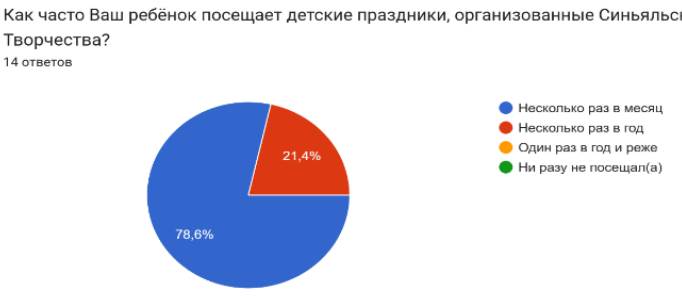


Рис. 1. Частота посещения детских праздников

На диаграмме видно, что большинство родителей (78,6%) приводят детей несколько раз в год – как правило, на крупные календарные события. Каждый пятый респондент (21,4%) посещает мероприятия несколько раз в месяц, что говорит о наличии постоянного «ядра» семьи с высокой культурной активностью. Важно, что вариант «ни разу не посещал» не выбрал никто – это указывает на 100-процентный охват целевой аудитории.

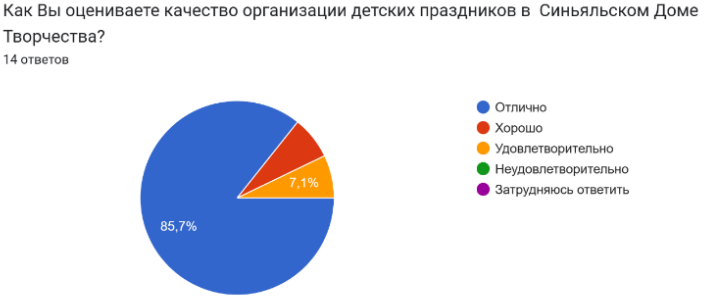


Рис. 2. Оценка качества организации праздников

Оценка «отлично» составила 85,7% (12 человек). «Хорошо» и «удовлетворительно» получили по 7,1% (по 1 человеку). Таким образом, совокупная положительная оценка («хорошо» + «отлично») достигла 92,8%. Столь высокий показатель свидетельствует о профессиональной работе коллектива ДТ, который при минимальных ресурсах удерживает качество на достойном уровне. С точки зрения анализа социально-экономических процессов, это интерпретируется как высокая социальная эффективность: при низких бюджетных затратах достигнута максимальная удовлетворённость потребителя услуги.

Рис. 3. Влияние праздников на развитие ребёнка

Здесь получен самый единодушный ответ: 100% родителей отметили положительное влияние. Из них 71,4% выбрали вариант «очень сильно способствуют», а 28,6% – «скорее способствуют». Ни один респондент не сказал, что праздники никак не влияют на развитие. Это

подтверждает теоретический тезис о том, что грамотно организованный детский праздник решает не только развлекательные, но и педагогические задачи.

Рис. 4. Какие изменения в ребёнке заметили родители?

Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов. Наиболее часто отмечались: развитие коммуникативных навыков (85,7%), повышение уверенности в себе (85,7%), раскрытие творческих способностей (78,6%) и формирование чувства коллективизма (78,6%). Приобщение к традициям и культуре назвали 57,1% опрошенных, воспитание патриотизма – 42,9%. Таким образом, родители ценят в первую очередь социально-коммуникативный эффект праздника: ребёнок учится общаться, договариваться, не бояться публики. Эти изменения имеют долгосрочное социально-экономическое значение: сформированные в детстве коммуникативные навыки повышают будущую конкурентоспособность на рынке труда и снижают риски социальной изоляции.

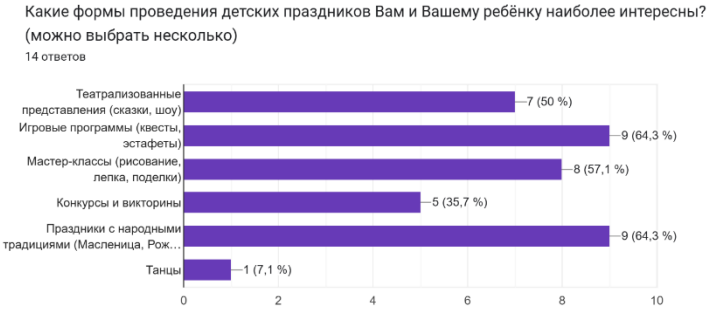


Рис. 5. Предпочтительные форматы праздников

Родители могли выбрать несколько вариантов. Игровые программы (квесты, эстафеты) набрали 64,3%. Столько же (64,3%) получили праздники с народными традициями (Масленица, Рождество). Мастер-классы привлекают 57,1% опрошенных, театрализованные представления – 50%, конкурсы и викторины без активного движения – только 35,7%. Данные чётко показывают запрос на интерактив: дети не хотят сидеть и слушать, они хотят участвовать. В этой связи показательно наблюдение Э.В. Фомина и А.А. Резниченко: «Наиболее интересными формами для подростков являются музыка, танцы, игры, квизы и квесты с использованием компьютерных технологий, но учреждения культуры не всегда учитывают эти интересы» [2, с. 388]. Синьяльский ДТ, напротив, старается опираться на эти предпочтения, что и объясняет высокие оценки родителей.

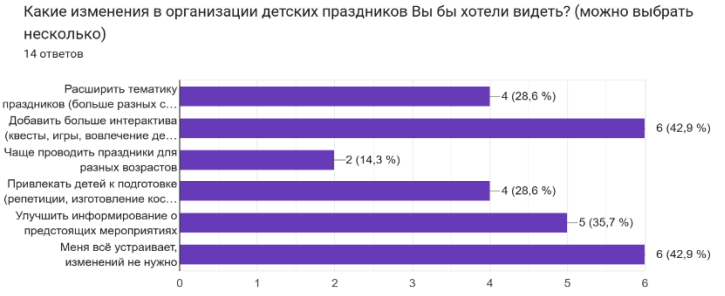


Рис. 6. Что можно улучшить?

Здесь мнения разделились. 42,9% родителей считают, что нужно добавить больше интерактива. Столько же (42,9%) уверены, что менять ничего не надо – всё и так хорошо. 35,7% предложили улучшить информирование о предстоящих событиях. Расширить тематику праздников и привлекать детей к подготовке хотят 28,6%, а 14,3% высказались за раздельные праздники для разных возрастов. Интересно, что в другом вопросе об оценке информирования 64,3% родителей поставили «хорошо», а 28,6% – «отлично». Однако в открытых комментариях жалобы на оповещение повторялись. Это противоречие объяснимо: родители довольны существующими каналами (объявление на дверях, редкие посты в соцсетях), но хотели бы получать информацию оперативнее – через мессенджеры и школьные чаты.

Результаты анкетирования показали, что наибольший спрос у родителей (64,3%) вызывают именно игровые форматы – квесты и эстафеты, где ребёнок не сидит в зале, а активно действует. В то же время традиционные праздники с пассивной ролью зрителя теряют привлекательность (конкурсы и викторины без движения выбрали только 35,7%). Сотрудники Синьяльского ДТ учли этот запрос и сделали ставку на разработку интерактивных программ. Одним из наиболее удачных примеров стала *квест-программа «Океаны и моря по земле текут не зря»,* программа была разработана автором статьи совместно с художественным руководителем ДТ в марте 2026 года и приуроченная к Всемирному дню воды (22 марта). Участники – 10 детей в возрасте 10–13 лет. Цель: сформировать бережное отношение к водным ресурсам через игровую деятельность.

Сценарий строился на легенде о «Кристалле Чистой Воды», который разбил злой персонаж Суховей. Детям предстояло пройти пять станций, выполнить задания и собрать осколки кристалла.

1. Станция «Найди меня, если сможешь». В закрытой коробке скрыт порядок бутылок с цветной водой. Команда должна выставить свои бутылки в таком же порядке, угадывая последовательность. Задание развивает логику, память и коллективное обсуждение.

2. Станция «Ребусы и загадки». Дети разгадывали тематические ребусы (океан, туча, родник) и отвечали на вопросы о мировом океане, круговороте воды в природе.

3. Станция «Химическая» (игра на ассоциации). Ведущий называет явление (ручей, водопад, цунами, капля), а дети должны изобразить его пластикой и мимикой без слов. Развивает невербальную коммуникацию и воображение.

4. Станция «Экологический патруль». Ключевая станция с точки зрения воспитательного эффекта. Перед детьми разложены муляжи мусора: пластиковые бутылки, пакеты, батарейки, ампулы, бумага. Задача – рассортировать отходы по контейнерам. Затем ведущий объясняет, почему батарейки и градусники нельзя выбрасывать в обычное ведро, и куда их нужно сдавать.

5. Станция «Водопроводчики» (эстафета). Команда выстраивается в цепочку и передаёт стаканчик с водой над головой, последний выливает в общую ёмкость. Моделирует путь воды в водопроводе, развивает координацию.

Финалом стало совместное складывание осколков кристалла и произнесение экологической клятвы: «Я обещаю беречь воду, закрывать кран и не бросать мусор в реку». Дети произносили её хором – педагогический приём, который закрепляет установку через эмоциональное переживание и публичное обязательство.

Оценка эффективности проводилась через мини-опрос сразу после квеста и спустя неделю. Если до начала программы только 20% детей знали, какой мусор самый опасный для воды (правильный ответ: батарейки и ртутные лампы), то после квеста – 90%. Кроме того, родители отметили, что дети стали следить за краном дома и приносить использованные батарейки в ДТ. Таким образом, квест достиг не только развлекательной, но и просветительской, поведенческой цели. С позиции социально-экономического анализа, это пример высокой социальной эффективности при низкой ресурсоёмкости – именно такой подход наиболее востребован в сельских учреждениях с ограниченным бюджетом.

На основе выявленных проблем и успешного опыта квеста сформулированы рекомендации для Синьяльского ДТ и аналогичных сельских учреждений.

Планирование и маркетинг. Проводить предварительный опрос родителей в мессенджерах за месяц до события, чтобы узнать актуальные темы и форматы. Информацию о празднике размещать не позднее чем за 14 дней: в родительских чатах, на школьной доске объявлений, в группе ДТ во «ВКонтакте». Комбинировать онлайн и офлайн – в селе это работает надёжнее всего.

Организация и логистика. При разновозрастной аудитории использовать зонирование зала: для малышей – мягкая зона с ковриками, для старших – игровое пространство. При ограниченном бюджете активнее использовать грантовые возможности (Президентский фонд культурных инициатив, гранты Главы Чувашии). Наладить взаимопомощь с соседней школой и клубами: обмен звуковой аппаратурой, костюмами, автобусом для подвоза детей из дальних деревень.

Разработка программы. Добавить больше интерактивных форматов: квесты, логические челленджи, мастер-классы. Для подростков – формат «сами себе режиссёры», когда старшие дети готовят фрагмент программы для младших. Даже при отсутствии денег на дорогой реквизит атмосферу создают самодельные растяжки, тематическая музыка и живая игра ведущего (как в квесте про воду, где использовались только картон, пластиковые стаканы и фантазия).

Привлечение детей к подготовке. Дать детям реальные роли: рисовать афиши, помогать украшать зал, готовить простые номера. Самых активных поощрять публичной благодарностью и маленькими призами (раскраски, наклейки). Это повышает ответственность и превращает ребёнка из пассивного зрителя в соавтора.

Оценка эффективности. После каждого мероприятия проводить короткий блиц-опрос родителей (3 вопроса в чате) и устный опрос детей («Что понравилось больше всего? Что было скучно?»). Вести журнал учёта, где фиксировать количество участников, возникшие трудности и удачные находки. Сравнивать показатели по годам – это единственный способ увидеть реальную динамику.

Проведённое исследование подтвердило, что Синьяльский Дом творчества является работающей и востребованной моделью организации детского досуга в сельской местности. Родители высоко оценивают качество праздников (92,8% положительных оценок) и отмечают их комплексное влияние на развитие детей – особенно в сфере коммуникации, уверенности и командного взаимодействия. Разработанная и апробированная квест-программа «Океаны и моря по земле текут не зря» доказала, что при минимальных материальных затратах можно добиться высокого педагогического и просветительского эффекта.

С точки зрения социально-экономических процессов полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, системная организация детских праздников способствует переориентации досуговых практик: дети начинают больше времени проводить в живом общении и меньше – в виртуальной среде (85,7% родителей отмечают рост

коммуникативных навыков). Во-вторых, праздничные мероприятия укрепляют социальную инфраструктуру села: Дом творчества превращается из места эпизодических визитов (78,6% родителей посещают праздники несколько раз в год, 21,4% – несколько раз в месяц) в центр повседневной культурной активности. В-третьих, высокая социальная эффективность (92,8% положительных оценок при минимальных бюджетных затратах) подтверждает, что инвестиции в организацию детского досуга в сельских учреждениях культуры – это не «развлекательные расходы», а вложения в человеческий капитал и социальную стабильность территории. Предложенные подходы могут быть тиражированы в других клубных учреждениях Чебоксарского муниципального округа.

Список литературы

1. Дмитриева А.В. Специфика инновационных форм технологий в организации детского досуга / А.В. Дмитриева, Т.В. Баркалова // Культура и время перемен. – 2017. – №4 (17). – URL: https://s.esrae.ru/timekguki/pdf/2017/4(19)/279.pdf (дата обращения: 03.06.2026). EDN: YNMIIE

2. Фомин Э.В. Технологии организации досуга подростков в условиях сельского учреждения культуры: опыт и перспективы / Э.В. Фомин, А.А. Резниченко // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. – Чебоксары, 2026. – С. 387–400. EDN: DIUHVR

Михайлова Эмилия Антоновна
студентка
Афанасьева Оксана Николаевна
д-р экон. наук, профессор, преподаватель

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия
внешней торговли Минэкономразвития РФ»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *ранее глобализация и открытость рынков являлись ключевыми идеями в политике множества стран. В настоящее время на первое место выходит тенденция регионализации. Региональные организации берут на себя решения ключевых экономических и политических задач, пока глобальные институты ослабевают в своих позициях. В статье рассмотрены особенности современной регионализации. Авторы раскрывают понятие и содержание регионализации, этапы и тенденции ее развития. Приводятся особенности мегарегиональных торговых соглашений (МРТС), трансрегионализации, накопительной интеграции.*

Ключевые слова: *регионализация, мировая экономика, международные отношения, мегарегиональные торговые соглашения, трансрегионализация, накопительная интеграция.*

В настоящее время из-за перестройки глобальных цепочек поставок, роста геополитической нестабильности, а также кризиса глобальных институтов можно говорить о переломе мировой системы, что подталкивает страны к созданию союзов, которые выходят за рамки привычных правил ВТО. Если раньше глобализация и открытость рынков являлись ключевыми идеями в политике множества стран, то сейчас на первое место выходит тенденция регионализации. Региональные организации берут на себя решения ключевых экономических и политических задач, пока глобальные институты ослабевают в своих позициях.

Под регионализацией понимается усиление связей между странами, а также передача властных полномочий с государственного уровня на региональный. Согласно теории Бэлы Балаши, этот процесс происходит последовательно, начиная от зоны свободной торговли происходит переход к таможенному союзу, а затем от общего рынка к полной экономической интеграции. На практике теория реализуется в основном в рамках зон свободной торговли, которые на современном этапе меняют представление о регионализации как явления в

рамках одного географического региона [2]. Регионализация – это не новое явление, однако сейчас происходит его качественная трансформация, охватывающая весь мир. В настоящее время современные процессы в научной литературе характеризуют не только как усиление регионализации, но и проявление деглобализации. Пандемия COVID-19, энергетический кризис, события 2022 года, торговое противостояние США и Китая, а также рост санкционного давления продемонстрировали высокую уязвимость мировой экономики. В результате государства начали уделять больше внимания вопросам экономической безопасности, устойчивости цепочек поставок и развитию региональных механизмов сотрудничества [1].

Для большего понимания особенностей современной регионализации важно рассмотреть основные этапы развития этого процесса. В научной литературе обычно выделяют четыре этапа [7]. Первый этап охватывает период с середины XIX века до 1940-х годов и ему присущ политический мотив объединения. Именно тогда создаются первые двусторонние таможенные союзы в Европе, в качестве примеров можно привести Австро-Венгерский таможенный союз 1851 г. и Франко-монакский таможенный союз 1865 г.. Подобные союзы использовались прежде всего для защиты национальных рынков, при этом сама экономическая интеграция ещё не была самостоятельной целью, а скорее рассматривалась как часть государственной политики.

Второй этап, охватывающий вторую половину XX века, в научной литературе получил название «классического». Он связан с активным развитием интеграционных процессов, прежде всего в Европе. Важным событием становится подписание в 1947 году Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которое стало основой для формирования современной многосторонней торговой системы. Экономическое сотрудничество на данном этапе стало более устойчивым и институционализированным, а сама идея экономической интеграции становится ведущей из тенденций мировой экономики.

Третий этап регионализации, который принято обозначать как этап глобализирующегося сетевого регионализма, начинается в начале 2000-х годов. Его главная особенность – стремительный рост числа торговых соглашений, а также расширение сфер их регулирования. Если до этого соглашения в основном охватывали лишь товарные рынки, то теперь они также включают услуги, инвестиции, цифровую торговлю и др.

По данным ВТО на конец 2025 года насчитывается 380 таких действующих соглашений, и эта цифра постоянно растет (рис. 1).

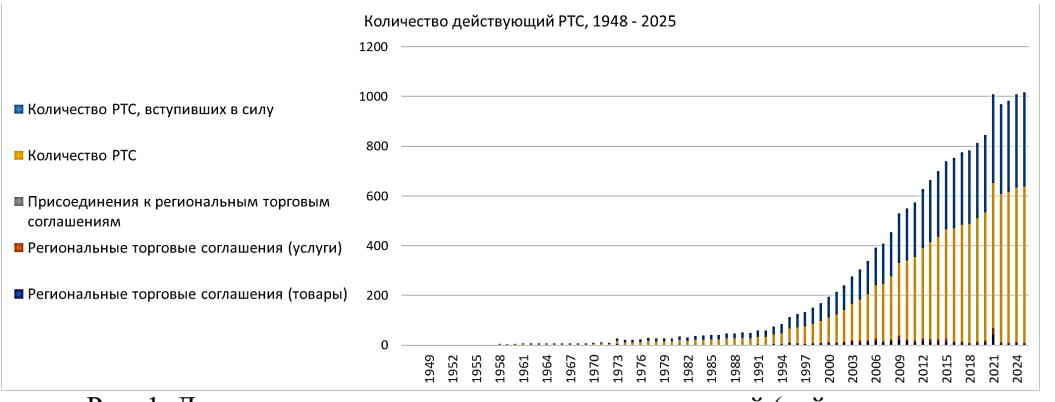


Рис. 1. Динамика региональных торговых соглашений (действующих или нотифицированных в 1948–2025 гг.) по состоянию на декабрь 2025 г

Источник: WTO. Regional Trade Agreements. Database 2025. URL: https://rtais.wto.org/UI/Charts.aspx (дата обращения: 15.03.2026)

Только четыре страны мира не являются участниками какого-либо РТС (Мавритания, Южный Судан, Джибути и Сомали), что говорит о всеобъемлющем и универсальном характере явления.

Сейчас выделяют четвёртый этап, характеризующийся расширением понятия регионализация: соглашения приобретают всё более глубокий характер, который выходит за рамки классических представлений ВТО, этот этап связывают с понятием мегарегионализм [7; 8].

Одной из самых заметных тенденций последних лет становится заключение все большего числа межрегиональных торговых соглашений (МРТС). *Мегарегиональные торговые соглашения* (*МРТС*) – это соглашения, заключаемые между государствами, целыми регионами, которые оказывают значительное влияние на мировую торговлю, инвестиции, глобальные цепочки добавленной стоимости. Они объединяют не одну страну или отдельный регион, а сразу несколько крупных экономических зон, что позволяет участникам повышать эффективность торговли, снижать издержки и укреплять свои позиции на мировых рынках. Главное отличие МРТС – они выходят за пределы обычных правил ВТО [3]. Важно подчеркнуть, что ключевая задача МРТС заключается не в максимальном расширении числа участников и формировании «ВТО 2.0», а в том, чтобы в рамках более узкой группы стран с близкими взглядами достичь качественно нового уровня либерализации. Речь идет о создании нормативной базы, которая в наибольшей степени соответствует современным реалиям мировой торговли XXI века. Можно сказать, что появление такого явления как МРТС говорит о новом, качественном этапе развития мировой торговли и мировых рынков, экстенсивная модель трансформируется в интенсивную. Мегарегиональные торговые соглашения меняют привычные механизмы регуляции отношений, модель экономического сближения стран становится более гибкой по сравнению с классическими интеграционными процессами.

Параллельно появляется ещё одна тенденция – *трансрегионализация* [7]. Всё большее число соглашений заключается странами, которые находятся на разных континентах, в удалении друг от друга, что свидетельствует о значительном изменении в понимании регионализации, ведь основной причиной, по которой страны заключали торговые соглашения ранее являлась географическая близость территорий, наличие общих границ или соседей, сейчас же мы видим, что этот фактор перестаёт играть ключевую роль при заключении РТС. Этот процесс во многом обусловлен изменением глобальных цепочек поставок, ведь различные этапы производства создания продукта распределены между предприятиями, раскиданными по всему миру, другими причинами также служат цифровизации торговли, улучшение развития систем коммуникации, а также глобализация. Так, одним из первых транснациональных объединений стало Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) – подписанное в 2017 году, позже оно было переименовано во Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство (ВПТТПП). В 2021 же году подписали соглашение о Всеобъемлющем региональном партнёрстве (ВРЭП) [9].

Наравне с этим, участниками торговых соглашений становятся не только отдельные страны, но и уже существующие торговые блоки. Если ранее сторонами РТС выступали преимущественно отдельные страны, то сегодня в подписании соглашений принимают участие интеграционные объединения всех уровней. В результате возникают межблоковые соглашения, а также соглашения между объединениями и отдельными странами. Так, одним из примеров таких соглашений может служить подписанное в 2026 году соглашение о создании зоны свободной торговли между Европейским союзом и МЕРКОСУР, а также соглашение о зоне свободной торговли ЕС и Индии. Данные соглашения ещё находятся на стадии ратификации и пока не вступили в силу, но ожидается, что они окажут значительное влияние на мировую экономику и торговли.

Помимо этого, в настоящее время исследователи выделяют тип интеграции, который не подходит под её классическое определение. Речь идёт о *накопительной интеграции* [5; 6]. Её особенность заключается в том, что страны объединяются для реализации конкретных экономических и инфраструктурных задач, по сути такое взаимодействие охватывает все сферы

экономики: торговля, финансы, инвестиции, а также вопросы логистики и транспортной инфраструктуры и др. Главная задача данного типа интеграции – сотрудничество в достижении определённой цели в рамках различных проектов. Важной чертой накопительной интеграции является более гибкий характер участия стран. В отличие от традиционных интеграционных объединений, подобные проекты обычно не требуют строгого соблюдения единых правил. Благодаря этому участие в них становится возможным для более широкого круга государств. Примером накопительной интеграции является инициатива, проводимая Китаем, «Пояс и путь» [5]. Другим примером накопительной интеграции может служить Азиатское-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), в 2025 году 18 стран входят в этот союз. Помимо этого, БРИКС+ также можно отнести к данному типу интеграции, эту организацию всё чаще рассматривают как пример современных гибких форм интеграции, площадку для встреч крупнейших развивающихся государств. Особенностью БРИКС+ является прежде всего отсутствие жёстких наднациональных институтов и больше функционирует как площадка координации [1].

Таким образом, современная регионализация значительно отличается от ранних этапов своего развития. Наряду с классическими региональными объединениями активно развиваются мегарегиональные и трансрегиональные соглашения, а также гибкие форматы накопительной интеграции. Они качественно преобразуют привычное понимание процессов регионализации, что свидетельствует о трансформации мировой экономической системы, в которой границы между регионами становятся менее значимыми, а ключевую роль начинают играть глобальные экономические связи и сети взаимодействия.

Список литературы

1. Афанасьева О.Н. Регионализация мировой экономики / О.Н. Афанасьева, А.А. Ильина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – №10 (128). – С. 33–37. DOI 10.24412/2411-0450-2025-10-33-37. EDN HPLTYE

2. Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки / А.А. Байков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, №4. – С. 38–53. DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53. EDN ZUFNMJ

3. Лихачев А.Е. Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства / А.Е. Лихачев, А.Н. Спартак // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – №5. – С. 20–27. EDN QJGHKV

4. Черняховский Б.И. Регионализация как этап глобализации: современные тренды и влияние на мировую экономику / Б.И. Черняховский // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21, №2 (75). – С. 74–83. DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-74-83. EDN TJUKFX

5. Хейфец Б.А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики / Б.А. Хейфец // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19, №4. – С. 7–22. DOI 10.17323/1996-7845-2024-04-01. EDN EFIIWV

6. Хейфец Б.А. Накопительная модель международной экономической интеграции / Б.А. Хейфец // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, №1. – С. 35–52. DOI 10.31249/kgt/2023.01.02. EDN XUJXXH

7. Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам / А.Н. Спартак // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, №4. – С. 13–37. DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37. EDN ZUFNLZ

8. Спартак А.Н. Новый этап регионализации: основное содержание, вызовы для многосторонней торговой системы и постсоветской интеграции / А.Н. Спартак // Международная торговля и торговая политика. – 2016. – №2 (6). – С. 8–27. EDN VZYVNF

9. Семенова А.А. Мегарегиональные торговые соглашения: угроза или новое перспективное направление либерализации мировой торговли? / А.А. Семенова // Экономические отношения. – 2023. – Т. 13, №1. – С. 11–24. DOI 10.18334/eo.13.1.117347. EDN XJGRTA

Молодых Татьяна Андреевна
магистрант
Пусева Мария Владимировна
канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Липецкая область

DOI 10.31483/r-167054

КАРЬЕРНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: *в статье рассматривается карьерное консультирование как поддержка граждан, понятие карьерный консультант и методы проведения карьерного консультирование. Авторами описан опыт зарубежных стран.*

Ключевые слова: *карьерное консультирование, карьерный консультант, поддержка, профессиональное развитие.*

В современном мире карьерное консультирование это самый распространенный инструмент на рынке труда, что вызвано изменениями в обществе и потребностями граждан

Карьерное консультирование представляет собой комплексную поддержку, направленную на профессиональное развитие, и позволяет людям формировать эффективную стратегию планирования карьеры, в отличие от поиска работы или составления резюме [1, с. 44].

Основная цель – это помочь человеку выделить его слабые и сильные стороны для того, чтобы выстроить карьерные цели и разработать план их достижения.

Карьерное консультирование проводит карьерный консультант – это специалист деятельность которого направлена на оказание помощи в построении карьеры и выборе профессии. Он помогает оценить способности и знания клиента, разработать стратегию карьерного развития, выбрать направление переобучения или переквалификации и др. [2, с. 71].

Карьерный консультант оказывает следующие виды услуг.

1. Проводит анализ навыков и предпочтений клиента посредством изучения резюме, проведения беседы о карьере и образовании, а также осуществляет тестирование его способностей.

2. Специалист содействует в постановке целей различных видов: горизонтального развития (увеличение компетенций и навыков в рамках текущей профессиональной деятельности), смена профессии (в случае неудовлетворенности текущей) и перехода к самозанятости

3. Осуществляет поддержку в поиске работы и др.

Рассмотрим методы, которые карьерный консультант использует в своей деятельности. Выделяют следующие методы:

– карьерная диагностика это проведение анализа ценностей, навыков, опыта и предпочтений клиента с помощью психометрических тестов, структурированного интервью и методов профориентации;

– проведение подготовки к интервью благодаря проведению имитации собеседований, анализа поведения клиента, разбор вопросов и кейсов [3, с. 152];

– осуществляет поддержку в собеседовании, путем проведения консультирования по вопросам оплаты труда, социального пакета и условий трудового договора.

Рассмотрим карьерное консультирование как инструмент социальной поддержки граждан на примере опыта зарубежных стран.

В США карьерное консультирование является элементом национальной политики в образовательной и социальной сферах. Оно содержит практический опыт с различными категориями граждан, решение конкретных проблем развития карьеры и теоретические разработки

[4, с. 178]. Система включает в себя специализированные организации, которые занимаются научными исследованиями и оказывают помощь.

В основе карьерного консультирования лежат психолого-педагогические приемы, направленные на решение следующих задач: реализацию возможностей индивида в быстро меняющихся социально-экономических условиях, становление ответственности и самостоятельности индивида.

В Финляндии выстроилась система профориентации, обеспечивающая поддержку различных категорий граждан на протяжении всей их жизни.

В стране действует национальная межведомственная рабочая группа, которая включает в себя региональные. Цель такой системы – оказание адресной помощи в построении профессионального пути и регулирование карьеры путем непрерывного образования.

Таким образом, карьерное консультирование это не просто инструмент социальной поддержки граждан, а целая система, которая показывает эффективные результаты. На примере опыта зарубежных стран видно, что этой системе уделяется большое внимание и она входит в национальную политику стран.

Список литературы

1. Консультирование и коучинг персонала в организации: учебник и практикум для вузов / под ред. Н.В. Антоновой, Н.Л. Ивановой. – М.: Юрайт, 2026. – 370 с.

2. Психология труда: учебник для вузов / под ред. Е.А. Климова, О.Г. Носковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 308 с.

3. Панина С.В. Профессиональная ориентация: учебник и практикум для среднего профессионального образования / С.В. Панина, Т.А. Макаренко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 363 с.

4. Ломакина Т.Ю. Организация поддержки развития карьеры в США / Т.Ю. Ломакина, А.С. Соколова // Отечественная и зарубежная практика, 2012. – №1 (4). – С. 177–185.

Павленко Светлана Александровна
канд. психол. наук, интегративный психолог,
трансформационный коуч ICTA, игропрактик
г. Жлобин, Республика Беларусь

DOI 10.31483/r-167259

СУВЕРЕННОСТЬ САМОСОЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРАКТИК

Аннотация: *на основе классических и современных социологических теорий анализируется суверенность самосознания как способность индивида к рефлексивной автономии в условиях цифровизации. Рассматривается влияние алгоритмических платформ на трансформацию идентичности и интериоризацию норм. Вводится понятие «цифровой конгруэнтности» – критерия аутентичности онлайн-присутствия. Эмпирические данные (трансформационные игры проекта MIRSVETA, 2020–2025, n = 184) подтверждают эффективность игровых практик как инструмента развития рефлексивной автономии. Описывается портрет суверенной личности и её отличие от иных уровней самосознания. Обосновывается необходимость включения практик развития самосознания в социальную политику и образование.*

Ключевые слова: *суверенность, самосознание, идентичность, цифровая среда, социология личности, социальное конструирование реальности, трансформационная игра, рефлексивная автономия, цифровая конгруэнтность.*

Современное общество переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную повсеместной цифровизацией всех сфер социальной жизни. Социальные сети, алгоритмические платформы, экономика внимания создают принципиально новую среду обитания человека, в которой традиционные механизмы социализации и формирования идентичности оказываются деформированными. Социологи фиксируют феномен «индивидуализации» [2; 11],

при котором индивид вынужден самостоятельно конструировать свою биографию, но при этом попадает в ловушки алгоритмического управления, становясь объектом «надзорного капитализма» [9].

В этих условиях особую актуальность приобретает понятие *суверенности* – не в классическом политико-юридическом смысле, а как социологической характеристики личности, способной к автономному самоопределению и сохранению целостности «Я» перед лицом внешних давлений. Суверенность самосознания означает способность индивида к рефлексивной автономии [4], то есть к осознанию и пересмотру интериоризированных социальных программ и к выстраиванию собственной системы ценностей на основе внутреннего выбора, а не пассивного принятия внешних предписаний.

Цель статьи – представить социологический анализ суверенности самосознания в контексте цифровой среды, выделить критерии суверенной личности, а также обосновать трансформационные игры как социотехническую практику, способствующую развитию рефлексивной автономии. Задачи: 1) проанализировать классические и современные социологические подходы к идентичности и самосознанию; 2) выявить специфику воздействия цифровой среды на процессы интериоризации и конструирования идентичности; 3) описать портрет суверенной личности и её отличие от иных уровней самосознания в социологической перспективе; 4) представить эмпирические данные о развитии суверенности через трансформационные игры; 5) сформулировать социально-политические и педагогические рекомендации.

Теоретическую базу составляют труды Э. Дюркгейма [5] о социальной солидарности и аномии, М. Вебера [3] о рационализации и «расколдовании мира», П. Бергера и Т. Лукмана [1] о социальном конструировании реальности, Э. Гидденса [4] о рефлексивной модернизации, У. Бека [2] об обществе риска, З. Баумана [11] об индивидуализированном обществе, а также исследования цифровой среды С. Зубофф [9] и Б.-Ч. Хана [18]. Эмпирическую основу составляют данные, полученные автором в ходе применения трансформационных игр проекта MIRSVETA (2020–2025 гг., n=184), а также материалы качественного анализа отзывов участников.

1. Социологические основания: идентичность и самосознание в контексте социального конструирования.

1.1. Идентичность как результат интериоризации.

В социологической традиции идентичность понимается как результат процесса социализации, в ходе которого индивид интериоризирует социальные нормы, ценности и роли, превращая их во внутренние регуляторы поведения. Э. Дюркгейм, рассматривая механизмы социальной интеграции, подчёркивал, что коллективные представления формируют сознание индивида, обеспечивая солидарность [5]. Однако в условиях современного общества, характеризующегося ослаблением традиционных институтов, этот процесс усложняется.

П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» показали, что идентичность формируется в процессе интериоризации объективированных социальных значений, которые затем субъективируются [1, с. 98–104]. Индивид рождается в уже готовый мир смыслов, и его идентичность есть результат непрерывного диалога между внешней социальной структурой и внутренним опытом. В цифровую эпоху этот диалог приобретает новые характеристики: человек одновременно находится в нескольких символических вселенных (различные платформы, алгоритмические рекомендации), каждая из которых предъявляет свои требования и предлагает свои идентификационные матрицы. Возникает феномен «фрагментированной интериоризации», когда индивид усваивает противоречивые нормативные системы, не имея возможности их интеграции.

1.2. Кризис идентичности в рефлексивной модернизации

Э. Гидденс в концепции «рефлексивной модернизации» утверждает, что в условиях поздней современности идентичность становится «рефлексивным проектом», который индивид вынужден постоянно пересобирать [4, с. 75]. Традиционные институты (семья, профессия, религия) перестают задавать устойчивые траектории жизненного пути, и человек

оказывается перед необходимостью самостоятельно конструировать свою биографию. Это создаёт возможности для автономии, но одновременно порождает тревогу и неуверенность.

У. Бек вводит понятие «общества риска», показывая, что современный индивид сталкивается с глобальными рисками, которые невозможно предсказать или проконтролировать [2]. В таких условиях идентичность становится уязвимой, а её кризис – не исключением, а нормой. З. Бауман дополняет эту картину, описывая переход от «твёрдой» модерности к «текучей», где все социальные формы, включая идентичность, становятся временными и неустойчивыми [11, с. 45]. Человек вынужден постоянно «примерять» новые идентичности, не успевая их интегрировать.

В классической психосоциальной теории Э. Эриксона кризис идентичности рассматривался как нормативный этап развития, завершающийся обретением целостности [20]. Однако в условиях рефлексивной модернизации, как отмечает Гидденс, кризис может стать перманентным состоянием [4]. Это особенно актуально для цифровой среды, где алгоритмы постоянно подталкивают к смене ролей и образов.

1.3. Самосознание как социологическая категория: от онтологии к рефлексии.

Социология, в отличие от психологии, рассматривает самосознание не только как индивидуальную способность, но и как продукт социальных взаимодействий. Дж. Мид, развивая идеи символического интеракционизма, показал, что самосознание формируется через принятие роли другого и рефлексию социальных ожиданий [цит. по 1]. Однако в современной социологии существует и более глубокая традиция, восходящая к феноменологии и экзистенциализму, которая различает идентичность (социально конструируемое содержание) и самосознание как онтологическое основание.

С этой точки зрения, самосознание – это не просто рефлексия социальных ролей, а способность выходить за их пределы, осознавая себя как нечто большее, чем набор идентичностей. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что индивид может «экстернализировать» свои идентичности, осознавая их как продукты социального конструирования [1, с. 114]. Это и есть первый шаг к суверенности – способности видеть свои идентичности как инструменты, а не как тюрьму.

2. Цифровая среда как социальный институт: новые механизмы конструирования идентичности.

2.1. Алгоритмическое управление и экономика внимания.

Цифровые платформы выступают не просто техническими посредниками, а полноценными социальными институтами, конструирующими реальность. С. Зубофф вводит понятие «надзорный капитализм», подчёркивая, что платформы извлекают прибыль из прогнозирования поведения пользователей [9]. Алгоритмы рекомендаций создают «пузырьковые фильтры», которые ограничивают доступ к альтернативным точкам зрения и формируют изолированные информационные среды.

С социологической точки зрения, это означает, что процессы интериоризации социальных норм выходят из-под контроля традиционных институтов (семьи, школы, религии) и переходят к алгоритмическим системам. Человек усваивает не столько ценности, транслируемые родителями или учителями, сколько те паттерны поведения, которые поощряются алгоритмами (лайки, репосты, комментарии). Происходит сдвиг от социального контроля к алгоритмическому.

2.2. Социальное сравнение и предрешённая идентичность.

Одним из ключевых механизмов формирования идентичности в цифровой среде является социальное сравнение. В классической социологии Ч. Кули и Дж. Мид показали, что «зеркальное Я» формируется через отражение в других. Однако цифровая среда радикально меняет этот механизм: объектами сравнения становятся не реальные люди из ближайшего окружения, а тщательно отредактированные образы, создаваемые алгоритмами и самими пользователями.

Как показывают исследования [19], это приводит к асимметричному сравнению: несовершенное, реальное «Я» сравнивается с тысячами совершенных, но фиктивных «Других». Следствием является хроническое ощущение неполноценности и зависимость от внешней валидации. В терминах социологии это можно рассматривать как форму аномии (Дюркгейм), когда нормативные ориентиры размыты, а индивид не может найти устойчивых критериев самооценки.

В этих условиях человек, стремясь избежать тревоги неопределённости, может «выбрать» одну из модных ролей, не проживая её внутренне. Это механизм формирования *предрешённой идентичности* (Дж. Марсия) в цифровом формате: идентичность не рождается изнутри, а заимствуется извне как модный товар. Такая идентичность хрупка и рушится при первых же неудачах, что усиливает социальную нестабильность.

2.3. Фрагментация «Я» и диффузия идентичности

Одним из наиболее разрушительных эффектов цифровой среды является фрагментация «Я». Человек существует одновременно на множестве платформ, каждая из которых требует создания специфического образа. Профессиональный образ в LinkedIn, неформальный – во ВКонтакте, эстетический – в Instagram. Эти «Я»-фрагменты часто не связаны между собой и могут противоречить друг другу. Алгоритмы каждой платформы подкрепляют и усиливают именно тот аспект личности, который на ней проявлен, создавая изолированные «эхо-камеры идентичности».

С социологической точки зрения, это прямое культивирование состояния *диффузной идентичности*. Человек перестаёт ощущать себя единым целым; он превращается в набор ситуативных ролей, переключаемых в зависимости от контекста. Исчезает внутренний стержень, который соединял бы эти роли. Ответ на вопрос «Кто я?» становится контекстуально зависимым, а целостная биографическая наррация утрачивается. Бын-Чхоль Хан называет это «эрозией ритуалов» и нарративов, ранее скреплявших идентичность [18].

2.4. Цифровая конгруэнтность как социологический критерий.

На основе гуманистической психологии К. Роджерса [14] введём понятие *цифровой конгруэнтности* – степени соответствия между подлинным, внутренне переживаемым «Я» человека и его самопрезентацией в цифровой среде. В социологическом ключе это можно рассматривать как меру аутентичности социального действия в цифровом пространстве. Высокая цифровая конгруэнтность предполагает осознанное и аутентичное проецирование своих ценностей, убеждений и эмоций в онлайн-пространстве. Низкая конгруэнтность ведёт к разрыву между реальным и цифровым «Я», что является формой социальной аномии.

Дополнительными критериями выступают *осознанность* (понимание природы цифровых данных и алгоритмов, т.е. социологическая рефлексия) и *целостность* (способность интегрировать онлайн- и офлайн-опыт в единую биографию). Эти критерии могут служить основой для диагностики и развития суверенности, а также для оценки социальных последствий цифровизации.

3. Суверенность самосознания: социологический портрет и уровни.

3.1. Уровни самосознания в социальном контексте.

Опираясь на результаты многолетних исследований [13; 15; 16], выделим несколько уровней самосознания, которые различаются по степени рефлексивной автономии и способности к социальному взаимодействию.

Низший уровень (*спящее сознание*). Человек полностью отождествлён с социальными ролями и интроектами. Он не различает свои и навязанные желания, не осознаёт бессознательных программ. Его поведение управляется автоматическими реакциями, а кризис идентичности переживается как катастрофа. Социологически это соответствует состоянию аномии [5] или тотальной интериоризации без рефлексии.

Средний уровень (*пробуждающееся сознание*). Начинается рефлексия. Человек способен наблюдать за своими мыслями и чувствами, различать «свои» и «чужие» голоса. Он вступает в мораторий – активный поиск собственных ценностей. Однако может попадать в ловушку бесконечного поиска без принятия обязательств. Социологически это соответствует состоянию «рефлексивного проекта» (Гидденс) без его завершения.

Высокий уровень (*суверенное сознание*). Достигается способность к разотождествлению: человек осознаёт себя как чистое присутствие, «Свидетеля», который не сливается с идентичностями. Он гибко использует социальные роли, но не определяется ими. Его идентичность – результат осознанного выбора, основанного на ценностях. Он способен выдерживать неопределённость без тревоги, не нуждается во внешней валидации. Социологически это соответствует состоянию «активного общества» [21], где индивид является субъектом, а не объектом социальных процессов.

3.2. Портрет суверенной личности.

Суверенная личность обладает следующими качествами, имеющими социологическое измерение:

– *рефлексивная автономия* [4]: способность осознавать основания своих выборов и при необходимости пересматривать их. Она не подчиняется авторитетам автоматически, но способна к сотрудничеству на основе осознанного согласия. Это форма «диалогической автономии» (Ю. Хабермас), где свобода не противостоит обществу, а реализуется через него;

– *идентификационная устойчивость*: сохраняет ядро «Я» при смене социальных ролей и контекстов. Даже в цифровой среде она не фрагментируется, поскольку помнит, что она – больше, чем любой профиль. Социологически это соответствует понятию «структурированной идентичности» (Э. Гидденс), где нарративная целостность обеспечивает устойчивость;

– *многомерная ответственность*: принимает последствия своих решений, включая их социальный и трансгенерационный эффект. Понимает, что её действия влияют на окружающих и будущие поколения. Это форма «солидарности» (Дюркгейм) на новом уровне – не механической, а органической, основанной на рефлексии;

– *цифровая конгруэнтность*: её онлайн-присутствие аутентично внутренним ценностям; она не играет роли ради лайков, а использует цифровые инструменты для самовыражения и общения. Это позволяет ей избегать разрыва между реальным и виртуальным «Я», который ведёт к аномии;

– *разотождествление*: умеет отличать себя от своих мыслей, эмоций, ролей. Это позволяет ей не впадать в тревогу при неудаче или критике, так как её ценность не привязана к конкретному образу. Социологически это можно рассматривать как способность к «экстернализации» идентичностей [1], позволяющую сохранять свободу;

– *наличие внутреннего компаса*: опирается на собственные ценности, а не на внешние оценки. Это не означает ригидности; ценности могут пересматриваться, но процесс пересмотра – осознанный, а не пассивный. Это условие для «активного гражданства» [21].

3.3. Отличие суверена от иных уровней.

Суверен отличается от пробуждающегося тем, что он не просто ищет, а уже нашёл внутреннюю опору, позволяющую ему не терять себя ни в офлайн-, ни в онлайн-мире. Он не отрицает идентичности, но владеет ими, а не они им. Это позволяет ему выступать не объектом социальных манипуляций, а субъектом социального действия.

Таблица

Критерий	Спящий уровень	Пробуждающийся	Суверен
Отношение к идентичности	Отождествлён с ролью	Ищет, пробует, сомневается	Осознанно использует роль
Реакция на внешнюю оценку	Зависит, тревожится	Колеблется	Внутренне устойчив
Способность к рефлексии	Отсутствует	Развивается	Интегрирована
Устойчивость к фрагментации	Низкая	Средняя	Высокая
Цифровая конгруэнтность	Низкая	Средняя	Высокая
Социальное действие	Пассивное, конформное	Поисковое, неустойчивое	Активное, осознанное

4. Трансформационные игры как социотехническая практика развития суверенности.

4.1. Социологическая интерпретация игрового метода.

Трансформационные игры представляют собой форму социального взаимодействия, которая может быть проанализирована в рамках социологической теории игр (Й. Хёйзинга, Д. Эльконин). Они создают «магический круг» – особое пространство, где временно приостанавливаются обычные социальные иерархии и нормы, позволяя участникам экспериментировать с новыми формами поведения. С точки зрения социологии, это форма «социального эксперимента» в безопасной среде.

Разработанная автором «Система развития Самосознания» © включает 10 трансформационных игр, направленных на развитие девяти функций самосознания [13]. Игры используют механизмы метафорических карт, случайности (бросок кубика), групповой динамики и рефлексивных вопросов ведущего. Они создают пространство, где участник может выявить интериоризированные социальные программы и начать процесс их пересмотра.

4.2. Игровые механизмы как инструменты социологической рефлексии.

Метафорические карты активируют символическое мышление, позволяя участнику увидеть свои социальные роли и идентичности со стороны. Это соответствует процессу «экстернализации» (Бергер, Лукман), когда индивид выносит вовне то, что ранее казалось неотъемлемой частью себя.

Случайность (*бросок кубика*) моделирует непредсказуемость социальной реальности, тренирует способность к адаптации и рефлексии в условиях неопределённости – ключевого фактора общества риска [2].

Групповая динамика («*зеркала*») позволяет участникам увидеть множественность интерпретаций одной и той же ситуации, развивая децентрацию – способность учитывать разные социальные перспективы. Это основа для формирования гражданской солидарности.

Рефлексивные вопросы ведущего направляют самоисследование, переводя его в плоскость осознания социальной обусловленности своих выборов. Участник учится различать «свои» и «чужие» голоса, что является формой социологической рефлексии.

Структурированный путь (четыре круга матрицы, Лестница Иакова) символизирует поэтапное освобождение от социальных, родовых и психологических программ, что в социологическом ключе соответствует процессу обретения рефлексивной автономии [4].

4.3. Эмпирические данные о развитии суверенности.

В период 2024–2026 гг. было проведено исследование с участием 184 человек (контрольная группа – 124, экспериментальная – 60). Участники экспериментальной группы прошли полный цикл игровых практик. Результаты показали статистически значимые улучшения, которые можно интерпретировать как рост суверенности:

– удовлетворённость жизнью (SWLS): медиана увеличилась с 20 до 24 пунктов (+20%);

– субъективная оценка качества жизни (WHOQOL): медиана с 88 до 98 (+11,4%);

– депрессивные симптомы (шкала Бека): медиана снизилась с 10 до 4 пунктов (-60%);

– осознанность (CAMS, FFMQ): улучшения у 66–85% участников в зависимости от субшкалы;

– самооценка (шкала Розенберга): повысилась у 66,7% участников;

– интеллектуальная оценка риска: улучшения у 84% участников.

Корреляционный анализ выявил значимые связи между когнитивной и эмоциональной осознанностью и удовлетворённостью жизнью ($r=0,462$, $p<0,01$), а также между осознанностью и снижением депрессивных симптомов ($r=-0,424$, $p<0,01$). Эти данные свидетельствуют о том, что трансформационные игры эффективно развивают рефлексивные способности, лежащие в основе суверенности.

4.4. От фрагментации к целостности: социальный эффект.

Анализ отзывов участников показывает, что игровые практики способствуют:

– осознанию интроектов («Я всегда считала, что быть громкой – плохо, а в игре услышала голос мамы»);

– выявлению родовых сценариев («Дедушка потерял всё в войну, и в нашей семье деньги ассоциируются с опасностью»);

– переопределению границ («Впервые разрешила себе сказать «нет»);

– обретению внутреннего авторитета («Я поняла, что никто не даст мне разрешения быть собой, кроме меня самой»).

С социологической точки зрения, эти изменения означают переход от пассивного принятия социальных норм к активному их переосмыслению, от конформности к автономии, от фрагментации к целостности. Это создаёт предпосылки для формирования активного гражданского общества, где индивиды являются не объектами управления, а субъектами социального действия.

5. Социальное измерение: от суверенности личности к устойчивому сообществу.

5.1. Суверенность как ресурс социальной интеграции.

Развитие суверенности самосознания имеет не только индивидуальное, но и социальное значение. В условиях «общества риска» [2] и рефлексивной модернизации [4] способность к автономному выбору и ответственности становится ключевым ресурсом для социальной интеграции. Исследования показывают, что люди с развитым самосознанием демонстрируют более высокую жизнестойкость (resilience), лучше справляются с кризисами и вносят больший вклад в развитие сообществ [17].

Суверенная личность не склонна к аномии [5], поскольку её автономия не отрицает социальных связей, а предполагает их на основе осознанного согласия. Она способна к диалогу, уважению других границ, но при этом сохраняет критическую дистанцию, что необходимо для здорового функционирования гражданского общества. В терминах Э. Дюркгейма, это переход от механической солидарности (основанной на сходстве) к органической (основанной на взаимозависимости), но на новом уровне рефлексии.

5.2. Трансформационные игры как площадка для социального диалога.

В рамках проекта MIRSVETA игры проводятся не только для индивидуального развития, но и для работы с социальными группами. Участники из разных профессиональных, возрастных и социальных слоёв встречаются в игровом пространстве, где временно приостанавливаются обычные иерархии и создаётся атмосфера доверия. Это позволяет обсуждать актуальные социальные проблемы (экология, образование, социальная справедливость) в безопасной обстановке, генерировать коллективные решения и брать на себя ответственность за их реализацию.

Такой формат способствует формированию активного сообщества, где каждый голос имеет значение. Участники учатся не только выявлять проблемы, но и искать пути их решения, что является ключевым аспектом развития социально ответственного поведения. С социологической точки зрения, это форма «социального капитала» [П. Бурдьё], создающая ресурс для коллективных действий.

5.3. Перспективы: от цифровой грамотности к цифровой мудрости.

Конечная цель социальной политики и образования сегодня – не помочь человеку создать «успешную цифровую идентичность», а помочь ему достичь такого глубокого и устойчивого самосознания, которое не может быть поколеблено никакими лайками, трендами или алгоритмами. Это переход от цифровой грамотности к *цифровой мудрости* – способности использовать мощнейшие инструменты современности для обогащения, а не разрушения своей личности.

Развитие суверенности самосознания становится не просто психологической задачей, но и важным направлением социальной политики. Инвестиции в образование, направленное на развитие рефлексии, критического мышления и эмоционального интеллекта, могут рассматриваться как стратегический выбор общества, стремящегося сохранить человеческий потенциал в эпоху цифровой трансформации.

Заключение.

Проведённый социологический анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Цифровая среда трансформирует классические механизмы социализации и формирования идентичности. Алгоритмическое управление, экономика внимания и фрагментация «Я» подталкивают индивида к незрелым статусам идентичности (предрешённость, диффузия), что в социологической перспективе может рассматриваться как новая форма аномии.

2. Суверенность самосознания выступает ключевым ресурсом, позволяющим человеку сохранять целостность «Я» в условиях цифровой фрагментации. Она включает способность к рефлексивной автономии [4], разотождествлению с навязанными идентичностями, цифровую конгруэнтность и опору на внутренние ценности. Социологически суверенность соответствует переходу от пассивного объекта социальных воздействий к активному субъекту социального действия.

3. Портрет суверенной личности существенно отличается от характеристик «спящего» и «пробуждающегося» уровней самосознания. Суверен не отрицает идентичности, но владеет ими осознанно, что делает его устойчивым к манипуляциям и способным к конструктивному социальному взаимодействию.

4. Трансформационные игры, разработанные в рамках «Системы развития Самосознания», доказали свою эффективность как социотехнический инструмент развития суверенности. Эмпирические данные свидетельствуют о значительном повышении осознанности, удовлетворённости жизнью и снижении депрессивной симптоматики у участников.

5. Развитие суверенности имеет не только индивидуальное, но и социальное значение. Суверенные личности становятся основой для формирования активного, ответственного сообщества, способного к диалогу и решению сложных социальных проблем. Это создаёт предпосылки для перехода от общества потребления к обществу со-творчества.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку социологических методов измерения суверенности, адаптацию трансформационных игр для различных социальных групп (подростки, пожилые, люди в кризисных ситуациях) и интеграцию игровых практик в образовательные программы и социальную политику.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. EDN RAYTKJ

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: АСТ, 2021. – 352 с.

4. Гидденс Э. Ускользающий мир / Э. Гидденс. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.

5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.

6. Деси Э. Самодетерминация: психология мотивации и благополучия / Э. Деси, Р. Райан. – СПб.: Питер, 2021. – 384 с.

7. Евстратова Ю.А. Человеческая идентичность в цифровую эпоху: гуманитарные и социальные аспекты: монография / Ю.А. Евстратова, Н.Н. Исаева, И.В. Власова. – М.: Инфра-М, 2024. – 140 с.

8. Зубофф С. Эпоха надзорного капитализма: борьба за будущее человечества на новом рубеже власти / С. Зубофф. – Нью-Йорк: PublicAffairs, 2019. – 704 с.

9. Кабат-Зинн Дж. Осознанность для начинающих: возвращение настоящего момента и вашей жизни / Дж. Кабат-Зинн. – Боулдер: Sounds True, 2012. – 200 с.

10. Марсия Дж.Э. Идентичность в подростковом возрасте / Дж.Э. Марсия // Справочник по психологии подростков / под ред. Дж. Адельсона. – Нью-Йорк: Wiley, 1980. – С. 159–187.

11. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: Смысл, 2021. – 288 с.

12. Павленко С.А. Влияние игровых практик на развитие самосознания личности: дис. ... канд. психол. наук / С.А. Павленко. – Ярославль: МАПН, 2025. – 187 с.

13. Павленко С.А. Цифровая идентичность как социокультурный конструкт: глубокий анализ и образовательные альтернативы в эпоху цифровизации / С.А. Павленко // Социальная психология и общество. – 2024. – №2. – С. 45–62.

14. Павленко С.А. Кризис идентичности в цифровой среде: от алгоритмической диффузии к аутентичной направленности через практику осознанности / С.А. Павленко // Психологические исследования. – 2025. – №1. – С. 22–39.
15. Павленко С.А. Социально ответственные игры: от развлечения к изменению реальности / С.А. Павленко // Современная социология: новые вызовы и практики. – 2025. – №3. – С. 78–94.
16. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
17. Хан Б.-Ч. Психополитика: Неолиберализм и новые технологии власти / Б.-Ч. Хан. – М.: Ad Marginem Press, 2022. – 144 с.
18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
19. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood / J.M. Twenge. – New York: Atria Books, 2017. – 400 p.
20. Etzioni A. The Active Society / A. Etzioni. – New York: The Free Press, 1968. – 698 p.

Пестич Марк Александрович
студент
Кизим Виктория Романовна
студентка
Научный руководитель
Пантелеева Ольга Борисовна
канд. экон. наук, доцент

Краснодарский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
г. Краснодар, Краснодарский край

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗАДАЧЕ МАКСИМИЗАЦИИ ПРИБЫЛИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *задача максимизации прибыли является одной из ключевых в микроэкономике и теории фирмы. В ходе работы была построена математическая модель функции прибыли, выведены условия её максимума и проведён анализ поведения функции. Особое внимание уделено экономической интерпретации результатов, ограничениям модели, технологиям и IT-системам на предприятии для повышения эффективности производством и финансами. В процессе исследования рассматривается влияние автоматизации, сопоставляются математические выводы с экономическим смыслом, что позволяет получить более целостное представление о задаче оптимизации.*

Ключевые слова: *прибыль, функция прибыли, оптимизация, предельная выручка, предельные издержки, экономико-математическая модель, информационные технологии.*

1. Введение.

На первом этапе работы задача максимизации прибыли казалась очевидной: необходимо найти разность между доходами и затратами и определить её максимум. Однако при более детальном рассмотрении становится ясно, что даже в такой базовой модели скрывается значительное количество нюансов, влияющих на результат.

Прибыль является не только финансовым результатом работы, но и отражает эффективность использования ресурсов и уровень технологического развития предприятия. Именно поэтому максимизация прибыли рассматривается как основная цель деятельности большинства предприятий [1].

С математической точки зрения задача сводится к исследованию функции прибыли и нахождению её экстремума. Но в реальности существует изменение спроса, колебание цен и конкуренция, которые будут оказывать огромное влияние на результат. Именно поэтому

особое значение приобретают информационные технологии, позволяющие быстрее обрабатывать информацию и принимать эффективные и рациональные управленческие решения. Так, например, многие предприятия используют ERP-системы, базы данных, системы автоматизации производства и аналитические платформы для расчёта затрат, прогнозирования спроса и оценки прибыли.

2. Построение функции прибыли.

Пусть x – объём выпуска продукции.

Тогда прибыль определяется как:

$$P(x) = R(x) - C(x) \quad (1)$$

где R(x) – выручка, а C(x) – издержки.

На практике выручка зависит от цены и объёма продаж:

$$R(x) = p(x) \cdot x \quad (2)$$

При этом цена обычно изменяется в зависимости от спроса. В большинстве случаев увеличение объёма продаж приводит к снижению цены товара, что соответствует закону спроса.

Издержки можно представить следующим образом:

$$C(x) = C_0 + C_v(x) \quad (3)$$

где C_0 – постоянные издержки, а $C_v(x)$ – переменные.

Подставляя (2) и (3) в (1), получаем:

$$P(x) = p(x)x - C_0 - C_v(x) \quad (4)$$

На современных предприятиях расчёт подобных функций выполняется автоматически с использованием специализированного программного обеспечения. Бухгалтерские системы, CRM-платформы и ERP-системы позволяют собирать информацию о продажах, расходах и производстве в режиме реального времени. Использование таких технологий значительно повышает точность расчётов и снижает вероятность ошибок [2].

3. Условия максимизации прибыли.

На данном этапе возникает вопрос: как определить такой объём производства, при котором прибыль максимальна?

Рассматривается промежуток:

$0 \le x \le x_{max}$

где x_{max} определяется производственными, финансовыми или рыночными ограничениями.

3.1. Необходимое условие экстремума.

В рамках математического анализа максимум функции ищется через производную:

$$P'(x) = R'(x) - C'(x) \quad (5)$$

Приравнивая её к нулю, получаем:

$$P'(x) = 0 \quad (6)$$

или

$$R'(x) = C'(x) \quad (7)$$

Именно это соотношение оказалось ключевым для всей дальнейшей работы.

3.2. Экономическая интерпретация.

На следующем этапе стало важно понять, что именно означает это равенство.

Обозначим:

MR – предельная выручка

MC – предельные издержки

Тогда условие принимает вид:

$$MR = MC \quad (8)$$

Иначе говоря, предприятие должно производить до тех пор, пока дополнительная единица продукции приносит столько же дохода, сколько стоит её производство.

Интересно отметить, что это условие выглядит достаточно простым, но за ним стоит важная логика поведения фирмы.

Если MR > MC, производство выгодно расширять. Если MR < MC, дальнейшее увеличение объёма становится неэффективным.

3.3. Проверка максимума.

После нахождения критической точки необходимо убедиться, что она действительно соответствует максимуму функции.

Поэтому необходимо проверить:

$$P''(x) < 0 \quad (9)$$

А также рассмотреть значения функции на границах:

$$P(0),\ P(x_{max}) \quad (10)$$

Этот этап особенно важен при использовании компьютерных систем анализа данных, поскольку автоматические вычисления требуют корректной математической проверки результатов.

4. Численный пример.

Для проверки модели был рассмотрен конкретный пример:

$$R(x) = 20x - x^2 \quad (11)$$

$$C(x) = 4x + 10 \quad (12)$$

Такие функции позволяют наглядно проследить зависимость прибыли от объёма производства.

4.1. Функция прибыли.

$$P(x) = 16x - x^2 - 10 \quad (13)$$

4.2. Поиск максимума

Найдём производную:

$$P'(x) = 16 - 2x \quad (14)$$

$16 - 2x = 0$

Приравняем её к нулю:

$$x = 8 \quad (15)$$

4.3. Анализ результата.

На этом этапе было важно не просто получить значение, но и понять его смысл.

При $x < 8 \rightarrow$ прибыль увеличивается.

При $x > 8 \rightarrow$ прибыль уменьшается. (16)

Это означает, что найденная точка действительно является максимумом.

4.4. Проверка.

$$P''(x) = -2 < 0 \quad (17)$$

Условие максимума выполняется.

4.5. Максимальная прибыль.

$$P(8) = 54 \quad (18)$$

Интерпретация.

Полученный результат показал, что оптимальный объём производства равен 8. Попытка увеличить выпуск приводит к тому, что издержки начинают расти быстрее выручки.

На практике подобные вычисления могут выполняться автоматически в электронных таблицах, аналитических платформах или специализированных экономических программах. Например: Microsoft Excel позволяет строить графики прибыли и вычислять экстремумы, Python используется для анализа данных и математического моделирования, SQL-базы данных помогают хранить информацию о продажах и расходах.

5. Обобщение модели.

После анализа конкретного примера возникла необходимость рассмотреть более общий случай.

Пусть:

$$p(x) = a - bx \quad (19)$$

Тогда:

$$R(x) = ax - bx^2 \quad (20)$$

$C(x) = cx + d$ (21)

Следовательно:

$P(x) = ax – bx^2 – cx – d$ (22)

5.1. Оптимальный объём

$P'(x) = a – 2bx – c$ (23)

$x^* = (a – c) / (2b)$ (24)

5.2. Максимальная прибыль

$P(x^*) = (a – c)^2 / (4b) – d$ (25)

Интерпретация.

Данный результат позволил сделать несколько важных выводов:

- рост издержек уменьшает прибыль;
- увеличение чувствительности спроса снижает объём производства;
- рост спроса стимулирует увеличение выпуска продукции;
- повышение эффективности производства способствует росту прибыли.

В условиях цифровой экономики предприятия всё чаще используют программные комплексы для автоматической оптимизации подобных параметров.

Современные информационные системы способны:

- моделировать различные сценарии развития бизнеса;
- прогнозировать финансовые показатели;
- оценивать риски;
- рассчитывать оптимальные объёмы производства;
- проводить анализ эффективности инвестиций.

Таким образом, математическое моделирование становится важной частью цифрового управления предприятием [3].

6. Роль информационных технологий в управлении прибылью предприятия.

В последние годы цифровизация бизнеса стала одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности предприятий.

Информационные технологии позволяют значительно повысить эффективность управления финансовыми и производственными процессами [4].

Наиболее распространённые IT-решения:

- ERP-системы;
- CRM-системы;
- системы бизнес-аналитики (BI);
- облачные технологии;
- системы управления базами данных;
- технологии искусственного интеллекта.

Заключение.

В ходе исследования была рассмотрена задача максимизации прибыли с использованием методов математического анализа. Была построена функция прибыли, получено условие оптимума MR = MC и выведены формулы оптимального объёма производства.

Проведённый анализ показал, что математические методы позволяют эффективно исследовать экономические процессы и находить оптимальные управленческие решения [5].

Работа показала, что даже простая модель позволяет глубже понять экономические процессы. При этом важным оказалось не только получение формул, но и их интерпретация.

В целом можно отметить, что сочетание математического подхода и экономического анализа позволяет получить более полное представление о поведении фирмы.

Список литературы

1. Грибов В.Д. Экономика предприятия / В.Д. Грибов, В.П. Грузинов. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 336 с.

2. Балдин К.В. Информационные системы в экономике / К.В. Балдин, В.Б. Уткин. – М.: Дашков и К, 2021. – 395 с. EDN UAIMGX

3. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология / Е.С. Вентцель. – М.: КноРус, 2020. – 192 с.

4. Трофимов В.В. Информационные технологии в экономике и управлении / В.В. Трофимов. – СПб.: Юрайт, 2021. – 353 с.
5. Кремер Н.Ш. Высшая математика для экономистов / Н.Ш. Кремер. – М.: Юнити-Дана, 2022. – 471 с.

Петров Денис Сергеевич
канд. филос. наук, доцент, доцент
Сьянова Анастасия Александровна
заведующий лабораторией

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
г. Воронеж, Воронежская область

DOI 10.31483/r-155942

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента социальной архитектуры в контексте современных урбанистических практик. Анализируются концептуальные основы применения ИИ-технологий для проектирования социальных пространств, управления городской инфраструктурой и формирования новых моделей социального взаимодействия. Предлагается теоретическая рамка, интегрирующая подходы социальной архитектуры, социологии города и компьютерных наук. Обосновывается тезис о том, что искусственный интеллект выступает не только техническим средством оптимизации городских процессов, но и фактором глубинного переструктурирования социальных отношений, пространственных практик и режимов управления. На основе анализа отечественных и зарубежных практик (Сингапур, Барселона, Москва, Хельсинки) выявляются ключевые тенденции, возможности и риски использования ИИ в проектировании городской среды. Исследуются амбивалентные эффекты алгоритмического управления городом – от повышения качества жизни и демократизации планирования до рисков алгоритмической дискриминации, эрозии публичного пространства и размывания демократической подотчётности. Особое внимание уделяется этическим и социокультурным аспектам внедрения алгоритмических систем в процессы градостроительного планирования. Делается вывод о необходимости формирования междисциплинарного подхода, учитывающего как технологический потенциал ИИ, так и гуманистические ценности устойчивого городского развития.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, устойчивое развитие, социальное пространство, умный город, урбанистика, городское планирование, социальная архитектура, социотехнические системы.*

Современные города переживают период глубокой трансформации, обусловленной конвергенцией технологических инноваций, демографических сдвигов и социокультурных изменений. По данным ООН, к 2050 году около 68 процентов мирового населения будет проживать в городских агломерациях, что создаёт беспрецедентные вызовы для систем городского управления и социального проектирования. На этом фоне искусственный интеллект стремительно превращается из узкоспециализированного технического инструмента в системообразующий фактор городского развития, всё чаще рассматриваемый как фундаментальный компонент нового подхода к проектированию городской среды.

Понятие «социальная архитектура» описывает процесс целенаправленного формирования социальных структур и практик посредством организации материальной и символической среды. Данное понятие имеет глубокие корни в социологической теории: от идей П. Бурдьё о связи физического и социального пространства до концепции А. Лефевра о

производстве пространства как социальном процессе. Появление технологий машинного обучения, глубоких нейронных сетей и генеративных моделей радикально расширяет инструментарий социального проектирования, позволяя анализировать паттерны городского поведения, прогнозировать социальные последствия архитектурных и управленческих решений и создавать адаптивные системы управления городской средой в реальном времени. Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в городскую ткань порождает целый спектр вопросов о границах алгоритмической рациональности, рисках воспроизводства социального неравенства и соотношении технократического управления с демократическим участием горожан.

Актуальность данного исследования определяется тем, что стремительное расширение практик использования искусственного интеллекта в городском управлении существенно опережает их теоретическое осмысление. Существующие работы преимущественно фокусируются либо на технологических аспектах внедрения интеллектуальных систем, либо на социальной критике алгоритмических решений, тогда как интегративный подход, способный охватить многомерность проблематики, остаётся недостаточно разработанным. Российский контекст цифровой трансформации городов имеет свою специфику, связанную как с масштабностью технологических внедрений, так и с особенностями институциональной среды.

Целью настоящей статьи является разработка концептуальной рамки для понимания роли искусственного интеллекта как инструмента социальной архитектуры, а также анализ актуальных урбанистических практик её реализации в различных контекстах. Методологическую основу исследования составляют: акторно-сетевая теория, рассматривающая технологии как активных участников социальных процессов; концепция «код/пространства», указывающая на онтологическую зависимость пространственного опыта от программного кода; триалектическая модель производства пространства А. Лефевра, а также традиция критической урбанистики. Используется сочетание теоретического анализа, сравнительного метода и анализа конкретных случаев.

Связь между пространственной организацией и формами социальной жизни представляет собой одну из ключевых тем социальной теории и урбанистики. Классическая социологическая традиция, начиная с Э. Дюркгейма, фиксировала зависимость форм социальной солидарности от пространственной организации общества. Г. Зиммель анализировал влияние урбанистической среды большого города на психологию и социальность индивидов, показывая, как пространственная плотность, интенсивность стимулов и анонимность городской жизни формируют специфический тип личности. Л. Мамфорд рассматривал город как «социальный артефакт», в котором материальные структуры воплощают и воспроизводят определённые формы общественной организации.

Принципиальный вклад в понимание отношения пространства и общества внёс Анри Лефевр, предложивший триалектическую модель, выделяющую три взаимосвязанных измерения: пространственную практику (воспринимаемое пространство повседневных маршрутов и рутин), репрезентации пространства (концептуализированное пространство планировщиков, архитекторов и технократов) и пространства репрезентации (проживаемое пространство, наделённое символическими значениями и аффективными ассоциациями). Эта модель позволяет увидеть, что городское пространство не является нейтральным вместилищем социальных процессов, но активно производится через взаимодействие материальных практик, концептуальных схем и субъективных переживаний [1].

Пьер Бурдьё развил эту линию анализа, показав, как физическое пространство города воспроизводит и легитимирует структуры социального неравенства. Расположение различных социальных групп в городском пространстве – в центральных или периферийных районах, в престижных или депрессивных кварталах – не является случайным, но отражает и закрепляет иерархию социальных позиций. Мишель де Серто дополнил этот анализ вниманием к «тактикам» повседневного использования пространства, посредством которых горожане трансформируют и присваивают навязанные им пространственные порядки, создавая собственные маршруты, ритмы и значения внутри заданных рамок [2].

Принципиальная новизна современной ситуации состоит в том, что социальная архитектура городов всё в большей степени определяется не только физическими структурами зданий, улиц и площадей, но и цифровыми инфраструктурами – алгоритмами, данными, платформами, сенсорными сетями. Роб Китчин и Мартин Додж ввели понятие «код/пространство», указывающее на онтологическую зависимость пространственного опыта от программного кода: современный аэропорт без работающей системы регистрации – это уже не аэропорт в функциональном смысле, а пространство розничной торговли без платёжных систем утрачивает свою функциональную идентичность [3]. Лоуренс Лессиг показал, что программный код выполняет регулятивную функцию, аналогичную функции закона: он определяет, что возможно и что невозможно в данном пространстве, какие действия доступны и какие заблокированы. Это позволяет предложить расширенную трактовку социальной архитектуры, включающую три измерения: материальное (физическая среда), институциональное (нормы, правила, организации) и алгоритмическое (цифровые системы, определяющие условия доступа, мобильности и взаимодействия).

Для адекватного понимания роли искусственного интеллекта в социальной архитектуре города необходимо преодолеть как технологический детерминизм, рассматривающий технологии как внешнюю силу, предопределяющую социальные изменения, так и наивный инструментализм, сводящий технологию к нейтральному средству реализации человеческих намерений. Подход, развиваемый в рамках исследований науки и технологий, рассматривает технологии как социотехнические системы – гетерогенные ассамбляжи, в которых материальные артефакты и социальные практики взаимно конституируют друг друга. Бруно Латур показал, что в подобных сетях человеческие и нечеловеческие акторы обладают «агентностью» – способностью трансформировать ход действия. Лэнгдон Уиннер продемонстрировал, что технические конструкции обладают «политикой» – способностью структурировать властные отношения независимо от намерений своих создателей [4].

Искусственный интеллект в городском управлении представляет собой именно такую сложную социотехническую систему, включающую обучающие данные, алгоритмические модели, вычислительную инфраструктуру, организационные контексты и человеческих акторов. Каждый из этих компонентов привносит собственные ограничения и предрасположенности. Сафия Ноубл показала, как поисковые алгоритмы воспроизводят расовые и гендерные стереотипы. Кэти О'Нил продемонстрировала систематическое усиление социальной дискриминации формально «нейтральными» алгоритмами в сферах кредитования, страхования и правоприменения. Шошана Зубофф описала экономическую логику «надзорного капитализма», в которой человеческий опыт выступает сырьём для извлечения поведенческих данных и прогнозирования поведения [5].

Опираясь на триалектику Лефевра, мы предлагаем выделить три измерения трансформирующего воздействия искусственного интеллекта на городское пространство. Первое измерение связано с пространственной практикой: сенсорные сети, данные мобильных устройств и социальных сетей, обрабатываемые алгоритмами машинного обучения, создают многослойную цифровую модель города, которая не просто отражает реальность, но конструирует определённый её образ, выделяя одни аспекты и затеняя другие. Второе измерение затрагивает репрезентации пространства: генеративные алгоритмы и параметрическое моделирование позволяют создавать проектные решения с учётом множества параметров, однако формализация целевых функций неизбежно связана с ценностными выборами, определяющими, какие параметры подлежат оптимизации и чьи потребности приоритизируются. Третье измерение касается пространств репрезентации: навигационные сервисы, рекомендательные системы и «умные» интерфейсы формируют индивидуализированный опыт городского пространства, активно конструируя проживаемое пространство города для каждого пользователя.

Одним из ключевых механизмов воздействия искусственного интеллекта на городское пространство является алгоритмическая сортировка – автоматизированная классификация индивидов, территорий и потоков, влияющая на распределение ресурсов, возможностей и

рисков. Дэвид Лайон указывает, что современные системы наблюдения функционируют не столько как механизмы тотального надзора, сколько как системы дифференцирующей сортировки: они классифицируют индивидов по категориям и определяют их доступ к услугам, пространствам и жизненным шансам. Системы предиктивной полиции, такие как PredPol и HunchLab, формируют «карты рисков», на основании которых определяется интенсивность полицейского патрулирования. Критические исследования показали, что подобные системы систематически воспроизводят расовую и социально-экономическую сегрегацию, поскольку обучающие данные отражают не столько реальное распределение преступности, сколько исторически сложившиеся паттерны правоприменения, неравномерно затрагивающие различные социальные группы [6].

Другим фундаментальным механизмом выступает процесс датафикации – превращения разнообразных аспектов городской жизни в данные, доступные для алгоритмической обработки. Этот процесс носит не нейтральный характер: решения о том, какие параметры измерять, каким образом их категоризировать и какие метрики использовать, предопределяют то, что «видят» алгоритмические системы, следовательно, и то, что становится объектом управленческого внимания. Городские администрации, опирающиеся на алгоритмическую аналитику, неизбежно склоняются к приоритезации количественно измеримых параметров эффективности в ущерб качественным характеристикам городской среды, таким как атмосфера места, чувство принадлежности или культурная идентичность квартала.

Цифровые платформы, опирающиеся на алгоритмы искусственного интеллекта, становятся мощными инфраструктурными посредниками городской жизни. Платформы краткосрочной аренды жилья приводят к «туристификации» жилых кварталов – вытеснению постоянных жителей, росту арендных ставок и разрушению устоявшихся соседских сообществ. Платформы мобильности и навигации формируют «предпочтительные» маршруты, перераспределяя потоки людей и, как следствие, экономическую активность между различными районами города. Рекомендательные системы создают персонализированные «карты» города для каждого пользователя, фрагментируя общее пространство на множество непересекающихся индивидуальных «пузырей». Это наблюдение перекликается с предупреждением Ханны Арендт о том, что публичное пространство, понимаемое как пространство общего мира, в котором люди являются друг другу, может быть разрушено фрагментацией совместного опыта [7].

Одновременно развивается противоположная тенденция – подрыв приватности в публичном пространстве. Системы наблюдения и распознавания лиц превращают публичное пространство города в пространство тотальной идентификации. Шошана Зубофф описала экономическую модель «надзорного капитализма», в которой публичное пространство утрачивает традиционно присущие ему качества анонимности и свободы. Эмпирические исследования подтверждают, что осведомлённость о наблюдении с использованием систем распознавания лиц влияет на готовность граждан посещать определённые места, участвовать в публичных мероприятиях и вступать в контакты с определёнными людьми. Мишель Фуко в своём анализе паноптикума показал, что дисциплинарная власть действует не столько через прямое принуждение, сколько через интериоризацию «взгляда» наблюдателя, и алгоритмические системы наблюдения воспроизводят эту логику в новом технологическом контексте [8].

Наиболее развитым направлением является анализ городских данных. Современные города генерируют огромные объёмы данных из транспортных систем, датчиков окружающей среды, платёжных систем, социальных сетей, геопространственных сервисов. Алгоритмы кластеризации и глубокого обучения выявляют паттерны перемещения горожан, прогнозируют транспортный спрос и оптимизируют маршрутные сети. Системы искусственного интеллекта, интегрированные с сетями экологических датчиков, обеспечивают мониторинг качества воздуха, уровня шума, городского теплового острова. Учитывая, что экологическое неблагополучие непропорционально затрагивает социально уязвимые группы,

экологическая аналитика на основе искусственного интеллекта имеет прямое значение для обеспечения экологической справедливости.

Генеративное проектирование предполагает использование алгоритмов для автоматического создания множества проектных вариантов на основе заданных параметров и ограничений. В урбанистическом масштабе аналогичные подходы применяются для проектирования кварталов, районов и транспортных сетей. Генеративно-состязательные сети, вариационные автокодировщики и модели диффузии открывают возможности для визуализации и экспериментирования с городской средой. Проект CityScope, разработанный в MIT Media Lab, использует технологии искусственного интеллекта и интерактивных моделей для создания городских симуляторов, позволяющих в реальном времени моделировать последствия градостроительных решений. Однако выбор параметров оптимизации – определение того, что считать «хорошим» городским пространством – остаётся человеческим решением, нередко принимаемым в условиях недостаточной рефлексии его социальных последствий. Если алгоритм оптимизирует плотность застройки и экономическую эффективность, но не учитывает параметры социального разнообразия, инклюзивности или культурной идентичности, результатом может стать пространство формально оптимальное, но социально неадекватное.

Системы искусственного интеллекта используются для управления городской инфраструктурой в реальном времени: адаптивное управление транспортом, оптимизация энергетических систем, анализ использования общественных пространств. Платформа SURTRAC, разработанная в Университете Карнеги-Меллона, использует многоагентное обучение с подкреплением для координации работы светофоров и продемонстрировала сокращение времени в пути на двадцать пять процентов и снижение выбросов на двадцать один процент. В Москве с 2019 года функционирует интеллектуальная транспортная система, включающая более ста семидесяти тысяч детекторов транспортного потока, систему адаптивного управления светофорами и алгоритмы прогнозирования заторов. Однако оптимизация транспортных потоков нередко ориентирована на максимизацию общей пропускной способности системы, что может приводить к ухудшению транспортной доступности для жителей периферийных районов.

Важным направлением является использование искусственного интеллекта для усиления гражданского участия в городском планировании. Технологии обработки естественного языка позволяют анализировать большие массивы текстовых данных – обращения граждан, комментарии на городских платформах, публикации в социальных сетях – для выявления проблем, потребностей и предпочтений горожан. Цифровые двойники городов, интегрирующие данные из множества источников и возможности моделирования, позволяют проводить эксперименты с городской средой в виртуальном пространстве, оценивая последствия различных решений до их реализации. Платформы партиципаторного планирования, такие как Decidim в Барселоне или «Активный гражданин» в Москве, интегрируют элементы искусственного интеллекта для организации и анализа предложений граждан. Вместе с тем критический анализ показывает, что алгоритмы модерации и ранжирования предложений структурируют участие, делая одни формы высказывания более видимыми, чем другие, и что цифровое участие нередко подменяет реальное вовлечение граждан в процесс принятия решений, создавая иллюзию демократичности при фактическом сохранении технократического управления.

Сингапур представляет собой наиболее масштабный и систематический пример использования искусственного интеллекта в качестве инструмента социальной архитектуры. Инициатива Smart Nation, запущенная в 2014 году, предполагает интеграцию алгоритмических технологий во все аспекты городского управления – от транспорта и здравоохранения до жилищного обеспечения и социальных услуг. Проект Virtual Singapore представляет собой детальный цифровой двойник города-государства, интегрирующий трёхмерную модель городской среды с данными о транспортных потоках, энергопотреблении, экологических условиях и демографических характеристиках. Платформа используется для моделирования последствий градостроительных решений, оптимизации размещения инфраструктуры и

координации действий различных городских агентств. Вместе с тем сингапурская модель наглядно демонстрирует амбивалентность алгоритмического управления: высокая степень интеграции данных и централизация управления обеспечивают эффективность, но одновременно создают инфраструктуру тотального наблюдения. Система распознавания лиц и анализа поведения в общественных пространствах формирует режим постоянной идентификации, потенциально подрывающий гражданские свободы и автономию горожан. Сингапурский опыт ставит фундаментальный вопрос о совместимости высокой эффективности алгоритмического управления с сохранением демократических ценностей.

Принципиально иную модель представляет Барселона, которая с 2015 года сформулировала концепцию «цифрового суверенитета». Данная концепция основана на нескольких ключевых принципах: данные, генерируемые городскими сервисами, являются общественным достоянием; технологические решения подчинены демократическому контролю; алгоритмические системы служат расширению гражданского участия, а не его подмене. Платформа Decidim, разработанная при поддержке городской администрации, представляет собой открытую инфраструктуру для организации партиципаторных процессов – от бюджетирования до стратегического планирования. Элементы искусственного интеллекта используются для анализа и систематизации предложений граждан, выявления приоритетных тем и облегчения согласования различных интересов. Принципиальным является то, что платформа создана как программное обеспечение с открытым исходным кодом, что обеспечивает прозрачность и возможность общественного аудита алгоритмических механизмов. Барселона также инициировала программу DECODE, направленную на создание инфраструктуры, позволяющей горожанам контролировать свои данные и определять условия их использования. Данный подход представляет собой попытку альтернативного ответа на вызовы датафикации – ответа, основанного не на отказе от технологий, а на их демократизации [9].

Москва представляет собой показательный пример масштабного внедрения алгоритмических технологий в городское управление. Столица располагает одной из крупнейших в мире сетей видеокамер с функцией распознавания лиц, интеллектуальной транспортной системой, платформой электронного участия. С точки зрения технологической эффективности московский опыт демонстрирует значительные достижения: сокращение среднего времени в пути, повышение раскрываемости правонарушений, оптимизация работы городских служб. Однако социальные эффекты этих внедрений требуют критического осмысления. Система видеонаблюдения с распознаванием лиц де-факто переструктурирует социальное пространство города, определяя границы допустимого поведения посредством интериоризации «взгляда» алгоритмического наблюдателя. Платформа «Активный гражданин» подвергается критике за ограниченность предлагаемых опций голосования, непрозрачность алгоритмов обработки результатов и недостаточную связь результатов с реальным принятием решений.

Хельсинки и Амстердам представляют примеры городов, активно работающих над институционализацией алгоритмической прозрачности и подотчётности. Оба города разработали «реестры алгоритмов» – публичные базы данных, содержащие информацию обо всех алгоритмических системах, используемых городскими властями. Каждая запись содержит описание алгоритма, его назначение, используемые данные, потенциальные риски и механизмы контроля. Хельсинки также реализует принцип сохранения «аналоговых» альтернатив цифровым сервисам: граждане должны иметь возможность получать городские услуги, не прибегая к цифровым платформам. Данные инициативы, при всей их ограниченности, указывают на возможность формирования модели городского управления, в которой алгоритмические системы подчинены демократическому контролю.

Сравнительный анализ четырёх моделей позволяет выявить несколько закономерностей. Во-первых, степень централизации алгоритмического управления обратно пропорциональна степени демократического контроля над ним: чем более интегрирована система, тем сложнее обеспечить её подотчётность. Во-вторых, модель собственности на данные является ключевым фактором, определяющим социальные эффекты алгоритмизации: корпоративная модель (данные как собственность платформенных компаний) и публичная модель (данные как

общественное достояние) порождают принципиально различные последствия для горожан. В-третьих, наличие или отсутствие институтов алгоритмической подотчётности определяет возможность граждан влиять на параметры алгоритмического управления и оспаривать его решения.

Одной из центральных проблем является непрозрачность алгоритмических систем. Сложные модели машинного обучения, в особенности глубокие нейронные сети, функционируют как «чёрные ящики»: даже их разработчики не всегда способны объяснить, почему система приняла то или иное решение. В контексте городского управления это означает, что решения, затрагивающие жизнь тысяч и миллионов горожан, могут приниматься на основании логики, недоступной для общественного контроля. Непрозрачность алгоритмов создаёт принципиальную асимметрию власти: те, кто контролирует алгоритмы, обладают возможностью наблюдать и классифицировать остальных, оставаясь невидимыми сами. Требование «объяснимого искусственного интеллекта» является необходимым, но недостаточным ответом: техническая интерпретируемость модели не тождественна социальной подотчётности, поскольку объяснение того, «как» алгоритм принял решение, не отвечает на вопрос о том, «почему» именно эти параметры были выбраны в качестве определяющих и «кто» несёт ответственность за последствия. Необходимы институциональные механизмы – общественный аудит алгоритмов, публичные слушания, право граждан на информацию о принципах работы алгоритмических систем, затрагивающих их жизнь.

Тесно связана с проблемой непрозрачности проблема алгоритмической дискриминации – систематического воспроизводства и усиления социального неравенства посредством формально «нейтральных» алгоритмических решений. Механизм дискриминации может быть прямым, когда алгоритм использует защищённые характеристики в качестве предикторов, или косвенным, когда формально нейтральные переменные выступают прокси-переменными для расы, класса или гендера. Вирджиния Юбэнкс подчёркивает, что автоматизация управленческих решений представляет наибольшую угрозу именно для уязвимых групп населения: бедных, расовых меньшинств, мигрантов – тех, кто в наименьшей степени способен оспорить алгоритмические решения и в наибольшей степени зависит от государственных услуг. В городском контексте алгоритмическая дискриминация проявляется в автоматизированном распределении муниципального жилья, ценообразовании общественного транспорта, определении зон повышенного полицейского внимания, системах оценки «качества» городской среды [6].

Внедрение систем искусственного интеллекта в городское управление порождает фундаментальную проблему распределения агентности и ответственности. Когда решение о распределении ресурсов, маршрутизации транспорта или уровне полицейского присутствия принимается алгоритмом, возникает вопрос: кто несёт ответственность за его последствия – разработчик алгоритма, городская администрация, заказавшая его внедрение, оператор системы, или же ответственность размывается между многочисленными акторами, делая невозможной её атрибуцию? Латур показал, что в гетерогенных сетях, включающих человеческих и нечеловеческих акторов, действие не может быть однозначно приписано какому-либо одному узлу сети: оно является распределённым. Применительно к системам искусственного интеллекта это означает, что традиционная модель ответственности, предполагающая идентифицируемого субъекта, совершившего действие и способного дать отчёт о его основаниях, оказывается неадекватной. Институциональная архитектура городского управления, как правило, не предусматривает механизмов подотчётности алгоритмических систем, что создаёт зону безответственности, в которой технологические решения с существенными социальными последствиями принимаются без надлежащего демократического контроля [4].

На основе проведённого анализа мы считаем возможным сформулировать пять принципов, образующих нормативную рамку социально ответственного применения искусственного интеллекта в городской среде.

Первый принцип – «право на город» в цифровую эпоху. Лефевр определял право на город как право жителей участвовать в производстве городского пространства – не только в смысле

потребления городских услуг, но в смысле активного формирования условий собственной жизни. Дэвид Харви, развивая эту концепцию, подчёркивает, что право на город «есть не просто право индивидуального доступа к ресурсам, воплощённым в городе: это право менять город, изменяя себя». Перенесение этого принципа в цифровой контекст предполагает, что горожане должны обладать правом участвовать в определении того, какие алгоритмические системы внедряются в их городе, каким целям они служат и какие ценности в них заложены. Это предполагает требование открытости алгоритмов, используемых в городском управлении, обеспечение возможности их общественного аудита и создание механизмов, позволяющих гражданам оспаривать алгоритмические решения [1].

Второй принцип – алгоритмическая справедливость. Алгоритмические системы не должны систематически создавать или воспроизводить необоснованное неравенство. Реализация этого принципа предполагает систематическую оценку воздействия алгоритмических систем на различные социальные группы, аналогичную оценке воздействия на окружающую среду; обеспечение представительства уязвимых групп в процессе проектирования и внедрения систем искусственного интеллекта; создание механизмов компенсации для лиц, пострадавших от алгоритмических решений. Важно подчеркнуть, что понятие алгоритмической справедливости не является самоочевидным: существует множество конкурирующих формальных определений справедливости, которые невозможно реализовать одновременно, и выбор между ними является по существу политическим, а не техническим решением.

Третий принцип – дополняемость. В противовес тенденции к полной автоматизации, выражаемой формулой «город, управляемый данными», предлагается модель «города, информируемого данными», в которой системы искусственного интеллекта выступают не заменой, а дополнением человеческого суждения. Данный принцип предполагает, что за алгоритмическими системами сохраняется функция сбора, анализа и визуализации информации, тогда как окончательные решения, затрагивающие жизнь горожан, принимаются людьми – демократически избранными представителями, профессиональными экспертами или самими гражданами. Принцип дополняемости предполагает также сохранение аналоговых альтернатив цифровым услугам: граждане должны иметь возможность получать городские услуги, не прибегая к цифровым платформам, в противном случае «умный город» рискует стать городом, исключающим тех, кто не обладает необходимыми цифровыми компетенциями или сознательно отказывается от использования цифровых технологий.

Четвёртый принцип – демократическое управление алгоритмами. Как было показано при анализе практик, в ряде городов уже предпринимаются значимые шаги в направлении институционализации алгоритмической подотчётности: Барселона приняла стратегию цифрового суверенитета, Амстердам и Хельсинки разработали реестры алгоритмов, Нью-Йорк создал специальную комиссию по алгоритмической подотчётности. Подобные инициативы указывают на возможность формирования модели городского управления, в которой алгоритмические системы подчинены демократическому контролю. Реализация данной модели требует не только политической воли, но и существенных изменений в профессиональной подготовке городских управленцев, развития алгоритмической грамотности граждан и формирования исследовательского сообщества, способного работать на стыке информатики, урбанистики и социальных наук.

Пятый принцип – экологическая и социальная устойчивость. Системы искусственного интеллекта, используемые в городском управлении, должны оцениваться не только по критериям экономической эффективности и технического совершенства, но и по их вкладу в достижение целей устойчивого развития. Это предполагает интеграцию экологических и социальных параметров в целевые функции алгоритмов, используемых в градостроительном проектировании, транспортном планировании, управлении энергетическими системами. Генеративные модели городского дизайна должны включать критерии энергоэффективности, биоразнообразия, социальной инклюзивности и культурного разнообразия наряду с традиционными параметрами плотности, связности и экономической отдачи. Город – это не машина, которую можно оптимизировать по одному параметру, а сложная адаптивная система,

управление которой требует поддержания динамического баланса множества взаимосвязанных факторов [10].

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, существенных как для теоретического осмысления роли искусственного интеллекта в социальной архитектуре, так и для практической реализации проектов «умного города».

Искусственный интеллект выступает полноценным агентом социальной архитектуры – силой, активно конструирующей условия социального взаимодействия, перераспределяющей ресурсы и возможности, формирующей новые режимы видимости и невидимости в городском пространстве. Алгоритмические системы определяют, кто с кем встречается, какие маршруты доступны, какие районы считаются безопасными или опасными, чьи голоса слышны в системе городского управления. Они формируют невидимую архитектуру, которая не менее действенно, чем физическая застройка, структурирует городскую жизнь. Предложенная концептуальная рамка, опирающаяся на триалектику Лефевра, позволяет систематически анализировать это воздействие на уровнях пространственной практики, репрезентаций пространства и пространств репрезентации.

Воздействие искусственного интеллекта на социальную архитектуру города носит принципиально амбивалентный характер. Алгоритмические системы способны повышать эффективность городских процессов, улучшать качество услуг, расширять возможности экологического мониторинга и гражданского участия. Генеративные модели открывают новые горизонты проектирования, а цифровые двойники позволяют моделировать последствия решений до их реализации. Одновременно системы искусственного интеллекта несут в себе риски алгоритмической дискриминации, эрозии приватности и публичности, размывания ответственности и технократической подмены демократических процедур. Амбивалентность этих эффектов не является случайной; она коренится в самой природе искусственного интеллекта как социотехнического конструкта, воплощающего определённые ценности, интересы и властные отношения.

Сравнительный анализ практик Сингапура, Барселоны, Москвы, Хельсинки и Амстердама показывает, что существуют принципиально различные модели интеграции искусственного интеллекта в городское управление, каждая из которых по-своему решает фундаментальное противоречие между эффективностью и демократичностью. Сингапурская модель демонстрирует максимальную технологическую эффективность при минимальном демократическом контроле; барселонская модель цифрового суверенитета предлагает демократическую альтернативу корпоративной модели «умного города»; модели Хельсинки и Амстердама акцентируют принцип алгоритмической прозрачности; московский опыт сочетает масштабное технологическое внедрение с недостаточной рефлексией социальных последствий. Ни одна из этих моделей не может считаться универсальной, однако их сравнительный анализ позволяет выявить ключевые параметры, определяющие социальные эффекты алгоритмизации городского управления.

Адекватный ответ на вызовы алгоритмизации городской среды не может быть ни безоговорочно технооптимистическим, ни неолуддитским. Необходима позиция критической рецепции, предполагающая осмысленный, демократически контролируемый выбор того, какие алгоритмические системы, ради каких целей и на каких условиях внедряются в городскую среду. Сформулированные принципы – право на город в цифровую эпоху, алгоритмическая справедливость, дополняемость, демократическое управление алгоритмами и устойчивое развитие – составляют нормативную рамку, позволяющую оценивать и направлять процессы алгоритмизации городского управления.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением конкретных случаев внедрения систем искусственного интеллекта в российских городах с точки зрения их социальных эффектов; разработкой методологии алгоритмического аудита городских систем управления; углублённым сравнительным анализом регуляторных моделей различных городов; философско-антропологическим осмыслением трансформации городского опыта в условиях алгоритмической среды; разработкой практических инструментов интеграции

принципов алгоритмической справедливости в процессы градостроительного проектирования. Каждое из этих направлений способно внести существенный вклад в понимание того, как технологии искусственного интеллекта изменяют не только инфраструктуру, но и саму архитектуру городского общежития – способ, которым люди живут вместе в городе.

Список литературы

1. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с. EDN TRPTCI
2. Де Серто М. Изобретение повседневности. Кн. 1. Искусство делать / М. де Серто. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. – 330 с.
3. Kitchin R. Code/Space: Software and Everyday Life / R. Kitchin, M. Dodge. – Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 290 p.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с. EDN SYZVMJ
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М., 2022. – 784 с.
6. O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy / C.O'Neil. – New York: Crown Publishing, 2016. – 272 p.
7. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
9. Morozov E. Rethinking the Smart City: Democratizing Urban Technology / E. Morozov, F. Bria. – New York: Rosa Luxemburg Stiftung, 2018. – 58 p.
10. Batty M. The New Science of Cities / M. Batty. – Cambridge, MA: MIT Press, 2013. – 520 p.

Поздеева Ольга Геннадьевна
канд. экон. наук, доцент
Балуто Давид Александрович
магистрант

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье проводится анализ ключевых угроз экономической безопасности Свердловской области, обусловленных как эндогенными, так и экзогенными факторами, включая структурно-отраслевые диспропорции региональной экономики, высокую концентрацию в сырьевом секторе, а также воздействие глобальных макроэкономических и геополитических рисков. Результаты исследования обосновывают необходимость диверсификации отраслевой структуры региональной экономики, повышения инвестиционной привлекательности и активизации инновационного потенциала, а также совершенствования институциональной среды.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, угрозы, интегральный индекс экономической безопасности, нейтрализация угроз, регион.*

Современная экономическая конъюнктура, детерминированная глобальными геополитическими трансформациями и сопутствующими санкционными ограничениями, актуализирует проблематику обеспечения экономической безопасности на всех уровнях хозяйствования. В условиях возрастающей роли регионов в формировании национального экономического потенциала, вопросы гарантирования их экономической устойчивости приобретают стратегическое значение [1; 4; 6]. Достижение сбалансированного социально-экономического развития, как субъектов Российской Федерации, так и государства в целом, требует систематического мониторинга угроз экономической безопасности, их превентивной идентификации и разработки эффективных механизмов нивелирования.

Свердловская область, являясь крупнейшим субъектом Уральского федерального округа, обладает стратегическим значением для обеспечения экономической устойчивости Российской Федерации. Географическое положение региона на границе европейской и азиатской частей страны сочетается с высоким промышленным потенциалом, что выражается в значительной доле обрабатывающей промышленности (31%) и добывающего сектора (24%) в структуре валового регионального продукта, суммарно достигающей 55%. Территориальная особенность Свердловской области заключается в комплексном сочетании богатой минерально-сырьевой базы, многоотраслевой структуры промышленного производства, развитого научно-технического потенциала и высококвалифицированного кадрового состава.

Обеспечение экономической безопасности региона выступает важным условием его долгосрочной устойчивости и поступательного социально-экономического развития. Содержательная интерпретация данной категории подразумевает способность территориальной социально-экономической системы гарантировать стабильную восходящую динамику экономического роста, поддержание высокого уровня занятости и качества жизни населения, рациональное природопользование, а также формирование адекватных институциональных и организационно-экономических механизмов противодействия внутренним и внешним угрозам [5].

Анализ динамики интегральной оценки экономической безопасности Свердловской области представлен в таблице 1. Для расчёта интегральных показателей были использованы коэффициенты соотношения, которые позволяют провести нормирование относительного порогового значения, которое принимается за единицу [3].

Таблица 1

Интегральная оценка экономической безопасности
Свердловской области за 2023–2025 гг. [2]

Год	Наименование составляющих экономической безопасности региона						Оценка уровня ЭБР
	Производственная	Научно-техническая	Инвестиционная	Социальная	Демографическая	Финансовая	
2023	0,983	0,728	0,651	1,068	0,967	0,548	0,733
	низкая	критическая	кризисная	нормальная	низкая	кризисная	низкая
2024	0,863	0,742	0,658	1,004	0,950	0,696	0,703
	низкая	критическая	кризисная	нормальная	низкая	кризисная	низкая
2025	0,953	0,826	0,696	0,94	0,897	0,563	0,719
	низкая	низкая	кризисная	низкая	низкая	кризисная	низкая

Представленные данные свидетельствуют об устойчивом сохранении уровня экономической безопасности региона в категории «низкий». Несмотря на незначительную позитивную корректировку в 2025 году (прирост на 0,016 пункта по сравнению с 2024 годом),

фундаментального изменения общего тренда и перехода на более высокий уровень безопасности не произошло.

Анализ экономической безопасности Свердловской области по функциональным составляющим позволил выявить векторы как позитивной, так и негативной динамики.

Позитивные моменты проявляются в научно-технической безопасности, которая демонстрирует наиболее выраженную восходящую тенденцию (в 2023 г. индекс составил 0,728, в 2024 г. – 0,742, в 2025 г. – 0,826). Зафиксирован переход индекса из кризисной зоны в категорию «низкий уровень». Данная положительная динамика, вероятнее всего, является следствием реализации региональных мер стимулирования инновационной деятельности и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Позитивная направленность в инвестиционной безопасности, характеризуется умеренной, но устойчивой положительной динамикой (рост на 0,045 пункта за трехлетний период). Несмотря на поступательное увеличение показателя, его абсолютные значения по-прежнему удерживают данную составляющую в рамках кризисного состояния.

Негативная динамика проявилась в остальных четырёх составляющих экономической безопасности Свердловской области.

В сфере финансовой безопасности выявлена высокая степень волатильности показателя. После существенного скачка в 2024 году (прирост 0,148 пункта), в 2025 году зафиксировано резкое снижение (на 0,133 пункта), нивелировавшее предыдущие достижения и вернувшее индекс к значениям 2023 года. Подсистема стабильно классифицируется как находящаяся в кризисном состоянии.

В социальной безопасности наблюдается устойчивая нисходящая тенденция (снижение с 1,068 до 0,94). Утрата позиций и переход из категории «нормальный» в «низкий» уровень свидетельствуют о нарастании имущественной дифференциации, снижении реальных располагаемых доходов и общем падении качества жизни населения.

Демографическая безопасность демонстрирует непрерывное снижение индекса и отрицательная динамика коррелирует с углублением процессов депопуляции, естественной убылью населения и усилением миграционного оттока.

Производственная безопасность характеризуется циклическими колебаниями. После существенного провала в 2024 году (снижение на 0,12 пункта), в 2025 году наблюдается частичная реабилитация показателя. Тем не менее, уровень 2023 года не достигнут, а производственная составляющая оценивается как находящаяся на «низком» уровне экономической безопасности.

Результаты проведенного анализа позволяют идентифицировать шесть фундаментальных угроз экономической безопасности Свердловской области, систематизированных по ключевым направлениям:

Структурно-сырьевые диспропорции. Высокая концентрация валового регионального продукта (ВРП) в секторах металлургического производства и добычи полезных ископаемых обусловливает критическую уязвимость региональной экономики к конъюнктурным колебаниям мировых рынков. Для нивелирования рисков внешних экономических шоков необходима структурная трансформация, предполагающая диверсификацию экспортного портфеля и расширение номенклатуры продукции с высокой добавленной стоимостью.

Угрозы научно-технической безопасности (критический уровень). Наблюдается устойчивая тенденция к снижению инновационной активности: за изучаемый период снизились значения показателей: удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженных промышленных товаров и доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками. Интегральный индекс научно-технической составляющей экономической безопасности сохраняет низкие значения (0,826), что свидетельствует о технологическом отставании.

Ухудшение состояния инвестиционной составляющей, которая находится на кризисном уровне, связано с высоким уровнем износа основных производственных фондов (51,8% при пороговом значении в 40%). При этом показатели «коэффициент обновления основных

фондов» и «доля инвестиций в основной капитал в структуре ВРП» находятся на уровнях, не достигающих пороговых значений, что тормозит так необходимую модернизацию производственной базы.

На низком уровне экономической безопасности, также находится и демографическая составляющая. Свердловская область характеризуется достаточно устойчивой депопуляцией: отрицательный годовой темп изменения численности населения, высокий коэффициент депопуляции, низкий суммарный коэффициент рождаемости.

В рассматриваемый период в Свердловской области увеличилась социальная дифференциация и произошло снижение качества жизни населения, что выражается в углубление имущественного расслоения населения, а именно коэффициент фондов практически в два раза превысил пороговое значение, коэффициент замещения упал значительно ниже порогового значения. В результате этих процессов социальная составляющая экономической безопасности региона перешла из группы «нормальный уровень» в 2023 году в группу «низкий уровень» в 2025 году.

Инфляционная нестабильность (кризисный уровень). Индекс потребительских цен демонстрирует устойчивое превышение пороговых значений: 112,9% (2023 г.), 109,1% (2024 г.) и 112,6% (2025 г.) при нормативном ограничении на уровне 105%. При этом следует отметить позитивную тенденцию в сфере бюджетной политики: дефицит бюджета по отношению к ВРП остается на приемлемом уровне (максимум 1,2%), обеспечивая базовую макрофинансовую стабильность.

Среди основных направлений нейтрализации угроз экономической безопасности Свердловской области можно выделить следующие:

– расширять ассортимент производимой продукции для продвижения разнообразия производственных отраслей, развития инновационных технологий и стимулирования диверсификации экспорта;

– снижение структурной неустойчивости и уязвимости региональной финансовой системы к макроэкономическим шокам;

– необходимость дальнейшего наращивания технологического потенциала для достижения нормативных пороговых значений;

– повышение эффективности целевых программ, направленных на сохранность и воспроизводство человеческого капитала региона.

разработка и имплементация более масштабных и стимулирующих мер инвестиционной политики.

Список литературы

1. Лев М.Ю. Региональные аспекты экономической безопасности / М.Ю. Лев, Е.С. Сазонова // Экономическая безопасность. – 2026. – Т. 9, №5. – DOI 10.18334/ecsec.9.5.126074. – EDN HNUYXT.

2. Свердловская область в 2021–2025 годах: Статистический сборник. – URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04023_2021–2025.pdf

3. Сюпова М.С. Система индикаторов экономической безопасности региона / М.С. Сюпова, Н.А. Бондаренко // Вестник ТОГУ. – 2019. – №4 (55). – С. 67–80. EDN CPOPCO

4. Шайхразиева, Я. И. Понятие и элементы экономической безопасности региона / Я.И. Шайхразиева // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4 апреля 2025 года). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 464–467. EDN IXFAIE

5. Широкова О.В. Экономическая безопасность региона: угрозы и перспективы их снижения / О.В. Широкова // ЭФО. – 2022. – №2. – С. 42–52.

6. Шохин В.К. К вопросу об определении понятий «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность региона», их соотносимости / В.К. Шохин // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: материалы IX Международной научно-практической конференции (Гатчина, 24 ноября 2023 года). – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2024. – С. 135–138. EDN USIMMM

Riazantseva Polina Andreevna
student
Riazantseva Daria Andreevna
student
Kravchenko Sofia Antonovna
student
Shipil' Daria Denisovna
student
Letuchaia Sofia Romanovna
student
Kostenko Alina Nikolaevna
student
Sharapova Olga Vladimirovna
assistant of the department
MIREA – Russian Technological University
Moscow

SHAPING MODERNITY: CORE SOCIO-ECONOMIC DRIVERS AND THEIR SOCIETAL CONSEQUENCES

Abstract: *this article offers a systematic examination of the principal socioeconomic processes that shape the structure, stability, and evolution of contemporary societies. Moving beyond reductionist economic models, it adopts an interdisciplinary framework integrating sociological theory, political economy, and empirical observation. Key processes analyzed include digitalization and platform capitalism, financialization, demographic transitions, labor market flexibilization, and the socio-economic dimensions of environmental change. The paper argues that these processes are not unfolding in isolation but interact dialectically, producing paradoxical outcomes such as simultaneous wealth concentration and precarity, hyper-connectivity and social fragmentation. Drawing on evidence from post-industrial economies and emerging markets, the article demonstrates how national institutional contexts mediate global pressures. The conclusion outlines policy-relevant strategies for fostering inclusive and sustainable development in an era of systemic uncertainty.*

Keywords: *socio-economic processes, digitalization, financialization, labor market precarity, demographic transition, environmental inequality, platform capitalism, social stratification, welfare state transformation, just transition.*

Рязанцева Полина Андреевна
студентка
Рязанцева Дарья Андреевна
студентка
Кравченко Софья Антоновна
студентка
Шипиль Дарья Денисовна
студентка
Летучая Софья Романовна
студентка
Костенко Алина Николаевна
студентка
Шарапова Ольга Владимировна
ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: *в статье предлагается систематический анализ основных социально-экономических процессов, которые формируют структуру, стабильность и эволюцию современных обществ. Выходя за рамки упрощенных экономических моделей, она опирается на междисциплинарную основу, объединяющую социологическую теорию, политическую экономию и эмпирические наблюдения. Анализируемые ключевые процессы включают цифровизацию и платформенный капитализм, финансиализацию, демографические изменения, повышение гибкости рынка труда и социально-экономические аспекты изменений окружающей среды. В статье утверждается, что эти процессы разворачиваются не изолированно, а диалектически взаимодействуют, приводя к парадоксальным результатам, таким как одновременная концентрация богатства и нестабильность, взаимосвязанность и социальная фрагментация. Опираясь на опыт постиндустриальных экономик и развивающихся рынков, в статье демонстрируется, как национальные институциональные условия влияют на глобальное давление. В заключении излагаются важные для политики стратегии содействия инклюзивному и устойчивому развитию в эпоху системной неопределенности.*

Ключевые слова: *социально-экономические процессы, цифровизация, финансиализация, нестабильность рынка труда, демографический переход, экологическое неравенство, платформенный капитализм, социальная стратификация, трансформация государства всеобщего благосостояния, справедливый переход.*

Introduction. Understanding the socio-economic processes that drive historical change and shape daily life is a foundational task of the social sciences. These processes-ranging from industrialization and urbanization in the past to financialization and digitalization today-constitute the deep structures upon which social hierarchies, cultural values, and political conflicts are built. In the early twenty-first century, the pace and complexity of these transformations have intensified dramatically, creating both unprecedented opportunities and severe dislocations.

Socio-economic processes can be defined as the recurring, structured patterns of interaction between economic activity-production, distribution, exchange, and consumption-and the social arrangements that organize human life, including class structures, status orders, family forms, and collective identities. Unlike simple economic trends, socio-economic processes incorporate feedback loops: economic changes alter social relations, which in turn reshape economic behavior.

This article has three principal aims. First, it provides a conceptual map of the most significant socio-economic processes operating globally today. Second, it analyzes the mechanisms through which these processes generate outcomes such as inequality, social mobility, political polarization, and well-being. Third, it discusses how different national and regional contexts-varying in welfare state regimes, labor market institutions, and cultural norms-mediate the effects of these processes.

The central argument is that contemporary socio-economic dynamics are characterized by a fundamental paradox. On one hand, global productive capacity and technological sophistication have reached levels unimaginable a generation ago. On the other hand, relative deprivation, subjective insecurity, and social fragmentation have risen in many societies. This paradox cannot be explained by purely economic factors; it requires attention to institutional disintegration, the individualization of risk, and the erosion of collective bargaining power.

The article proceeds as follows. Section 2 reviews classical and contemporary theoretical frameworks for analyzing socio-economic change. Section 3 identifies and elaborates four key transformative processes: digitalization and platform capitalism, financialization, demographic and migratory dynamics, and the socio-economic dimensions of environmental degradation. Section 4 offers comparative empirical illustrations from different national contexts, highlighting variation in outcomes despite common global pressures. Section 5 concludes with theoretical reflections and policy implications.

Theoretical perspectives on socio-economic change.

No single theory fully captures the complexity of socio-economic processes. Instead, an intelligent eclecticism drawing from several traditions is required.

2.1 Classical foundations.

Marx: relations of production generate class conflict. Concepts of exploitation, commodification, and alienation remain central for analyzing gig work and financial extraction.

Durkheim: rapid change without moral regulation produces anomie-relevant to breakdown of occupational communities and rising depression under neoliberalism.

Weber: rationalization (algorithmic management, metrics) and the class/status distinction explain why credentials and cultural capital increasingly determine outcomes.

2.2 Contemporary extensions.

World-systems theory (Wallerstein): core-periphery hierarchy explains persistent underdevelopment and fragile democracies.

Regulation theory (Aglietta, Boyer): Fordism (mass production/consumption) gave way to neoliberalism (deregulation, flexibilization). Digital capitalism remains unstable.

Feminist political economy: foregrounds social reproduction (unpaid care work). Financialization cuts public services, shifting burdens onto women.

Major socio-economic processes reshaping contemporary societies.

This section examines four interconnected processes of particular salience today.

3.1 Digitalization and the rise of platform capitalism.

Platforms algorithmically manage labor, bypass protections, and concentrate power. Consequences: precarization (growth of gig work, the «precariat»), skill polarization (high and low demand, mid-skill decline), and spatial divergence (gentrification vs. peripheral decline).

3.2 Financialization.

Dominance of financial motives. Households offset wage stagnation with debt (mortgages, student loans). Corporate shareholder value maximization favors buybacks over investment. Macro result: asset-based inequality surpasses labor income, reducing intergenerational mobility.

3.3 Demographic transitions and migration.

Aging North creates fiscal strain and care worker shortages, fueling global care chains. Youth bulges in the South, without sufficient formal jobs, drive instability and emigration. Migration generates remittances but also cultural backlash.

3.4 Environmental degradation and the green transition.

Climate impacts are unequal (poor bear more). Low-carbon transition creates new industries but destroys old jobs. A «just transition» is needed. Carbon pricing can be regressive unless revenues are redistributed.

Empirical manifestations across national contexts.

Global processes produce nationally specific outcomes mediated by institutions, path dependencies, and political struggles. Three brief case illustrations demonstrate this variation.

United States: extreme financialization, wage stagnation, union collapse, geographic disparities (coastal gentrification vs. Rust Belt «deaths of despair»), political polarization.

Germany: coordinated capitalism under strain. Hartz IV reforms expanded precarious Mini-Jobs. Aging and green transition conflicts (Energiewende) persist.

Brazil: structural heterogeneity (formal vs. 40% informal). Commodity booms helped temporarily, but middle-income trap and political crisis reversed gains. Amazon destruction linked to global demand and weak state capacity.

Conclusion.

These processes are not inevitable-they result from political choices. Reregulation and re-socialization of risk are possible. Standard metrics (GDP, unemployment) are insufficient; distributional, subjective, and ecological indicators matter.

New social contracts should decouple security from standard employment: portable benefits, universal basic services, lifelong learning.

Future research: comparative historical studies, causal mechanism analysis, and democratic experimentalism (participatory budgeting, citizen assemblies).

References

1. Understanding socio-economic processes is a prerequisite for just, sustainable, democratic action. The urgency grows as change accelerates.
2. Piketty T. (2022). A Brief History of Equality. Harvard University Press.
3. Standing G. (2021). The Precariat: The New Dangerous Class. Bloomsbury Academic.
4. Milanovic B. (2019). Capitalism, Alone. Harvard University Press.
5. Fraser N. (2022). Cannibal Capitalism. Verso.
6. Rodrik D. (2018). Populism and the economics of globalization. Journal of International Business Policy, 1(1), 12–33. https://doi.org/10.1057/s42214-018-0001-4. EDN: XSVJVG
7. Schor J.B. (2020). After the Gig. University of California Press.
8. Case A., Deaton A. (2020). Deaths of Despair and the Future of Capitalism. Princeton University Press.
9. OECD (2024). Employment Outlook 2024: The Future of Work. OECD Publishing.
10. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). (2023). AR6 Synthesis Report: Climate Change 2023.
11. Boyer R. (2022). The Political Economy of the New Deal and the New Globalization. Routledge.

Соколова Дарья Александровна
студентка
Дулина Галина Сергеевна
канд. психол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА ВУЗА К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности сквозь призму классических теорий инноваций. Опираясь на концептуальные идеи Й. Шумпетера, открывшего неразрывную связь между инновациями и предпринимательством, представлены результаты исследования на выборке из 300 студентов. Выявлено, что мотивация к успеху высока у всех, однако будущие экономисты демонстрируют высокую ответственность, а студенты технических специальностей – склонность к шумпетерианскому инновационному риску.*

Ключевые слова: *психологическая готовность, предпринимательская деятельность, инновации, Йозеф Шумпетер, мотивация, локус контроля.*

В современных макроэкономических условиях фигура предпринимателя выступает фундаментальным драйвером развития общества, катализатором технологического суверенитета и внедрения инноваций. Однако глубокое понимание природы этого явления невозможно без обращения к истокам экономической психологии. Выдающийся мыслитель Йозеф Шумпетер совершил революцию в понимании бизнеса: он первым открыл инновационную сущность предпринимательства. Согласно теории Й. Шумпетера, предприниматель – это не просто коммерсант или администратор, а «созидательный разрушитель», чья главная функция заключается во внедрении новых комбинаций, продуктов и бизнес-моделей, разрушающих старые рыночные шаблоны.

Переход к экономике знаний предъявляет повышенные требования к кадровому потенциалу. Успешность малого бизнеса в условиях неопределенности во многом зависит от внутренних психологических ресурсов молодых специалистов. Государство активно поддерживает молодежные инициативы (гранты, бизнес-инкубаторы), однако статистика показывает, что значительная часть студенческих стартапов не доходит до стадии практической

реализации. Это указывает на глубокий разрыв между теоретической подготовкой студентов и их реальной психологической готовностью брать на себя ответственность в конкурентных рыночных условиях.

Целью исследования стало эмпирическое выявление социально-психологических детерминант готовности к ведению бизнеса у студенческой молодежи и сравнительный анализ этих качеств у представителей разных профилей обучения. Гипотеза заключается в том, что структура предпринимательской готовности неоднородна: студенты экономических направлений обладают более высокой интернальностью, а представители технических специальностей, следуя концепции Й. Шумпетера, более склонны к осознанному инновационному риску.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено эмпирическое исследование на базе ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова». Общий объем выборки составил 300 респондентов. Для проведения сравнительного анализа выборка была разделена на три равные квотные группы по 100 человек: студенты экономических, технических и гуманитарных профилей.

В качестве диагностического инструментария применен комплекс методик: авторская анкета; методика диагностики мотивации к успеху Т. Элерса; опросник «Оценка готовности к риску» (RSK) А.М. Шуберта; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием H-критерия Краскела-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни.

Анализ результатов первичного анкетирования показал высокую степень лояльности молодежи к сфере бизнеса. Подавляющее большинство (около 85%) оценивают эту деятельность позитивно и считают престижной. Тем не менее, готовность носит преимущественно декларативный характер. Лишь 14,7% респондентов имеют регулярный опыт самостоятельного заработка, а 76% имеют лишь поверхностные знания об инфраструктуре поддержки стартапов.

Опираясь на данные методики Т. Элерса, проанализирован уровень мотивации к достижению успеха у студентов разных профилей (табл. 1).

Таблица 1

Показатели мотивации к успеху по методике Т. Элерса

Направление обучения	Средний балл	Уровень по ключу методики
Экономические направления	20,61	Умеренно высокий / Слишком высокий
Технические направления	20,01	Умеренно высокий
Гуманитарные направления	19,82	Умеренно высокий

Как показывают данные таблицы 1, умеренно высокий уровень стремления к успеху свойственен абсолютно всем группам (средние баллы находятся в диапазоне 19,82 – 20,61). Расчет значимости различий не выявил статистически значимых различий. Проактивность и нацеленность на конструктивный результат – это универсальный драйвер современной студенческой молодежи. Однако стратегии достижения этого успеха кардинально различаются.

Исследование готовности к риску в ситуациях неопределенности по методике А. М. Шуберта выявило яркую дифференциацию среди студентов (табл. 2).

Таблица 2

Показатели готовности к риску по методике А. М. Шуберта

Направление обучения	Средний балл	Уровень готовности к риску
Технические направления	-7,69	Средний (адекватный) уровень
Экономические направления	-13,75	Склонность к осторожности
Гуманитарные направления	-18,40	Высокая осторожность

Согласно результатам анализа ($p < 0,001$), студенты технических направлений обладают значимо более высокой готовностью к риску. Именно эта группа ближе всего подошла к

портрету предпринимателя-инноватора по Й. Шумпетеру. Их специфика инженерного мышления и толерантность к дефициту информации формируют оптимальный психологический базис для запуска прорывных технологических стартапов.

Анализ локуса контроля выявил иную закономерность. По ключевой шкале «Интернальность в достижениях» опросника Дж. Роттера (Таблица 3) безоговорочно лидируют будущие экономисты (41,66 балла).

Таблица 3

Показатели интернальности в области достижений (методика УСК)

Направление обучения	Интернальность (Ид)
Экономические направления	41,66
Технические направления	39,70
Гуманитарные направления	39,44

Результаты статистической проверки подтвердили, что студенты экономического профиля значимо чаще берут на себя личную ответственность за карьерные и финансовые успехи. При этом они избегают непросчитанных рисков, демонстрируя рациональную экономическую осторожность.

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что выдвинутая гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение. Психологическая готовность студенческой молодежи к предпринимательству не является однородной. Экономисты строят свои карьерные стратегии на жестком внутреннем локусе контроля и ответственности, стремясь минимизировать финансовые угрозы. В то же время студенты технических профилей в полной мере реализуют идеи Й. Шумпетера, опираясь на осознанный новаторский риск и готовность действовать в условиях высокой неопределенности. Выявленные дифференцированные портреты доказывают необходимость разработки адресных программ развития бизнес-компетенций и поддержки профильных стартап-инкубаторов в системе высшего образования.

Список литературы

1. Журавлев А.Л. Социальная психология российского предпринимательства: Концептуальные основы / А.Л. Журавлев, В.П. Позняков. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 480 с. EDN SUNAML

2. Макклелланд Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб.: Питер, 2017. – 672 с.

3. Роттер Дж. Социальное обучение и клиническая психология / Дж. Роттер. – М.: Наука, 2018. – 240 с.

4. Хизрич Р. Предпринимательство / Р. Хизрич, М. Питерс. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 160 с.

5. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

Сомова Софья Романовна
магистр, руководитель, ведущий бизнес-психолог
Штырхунова Марина Витальевна
бакалавр, ассистент-исследователь

Консалтинговое агентство «Время лидеров»
г. Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ БИЗНЕС-КЛУБОВ: КОУЧИНГОВЫЙ ПОДХОД

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности психологического сопровождения предпринимателей и организаций в процессе создания и развития бизнес-клубов. Актуальность исследования обусловлена ростом популярности предпринимательских сообществ и одновременно недостаточной разработанностью практических инструментов психологической поддержки лидеров подобных проектов. На основе анализа литературы по организационной психологии и психологическому сопровождению, а также результатов глубинных интервью с основателями бизнес-клубов, автором предложена структура психологического сопровождения предпринимателей на разных этапах жизненного цикла сообщества. Особое внимание уделяется коучинговому подходу как инструменту развития лидерской позиции, стратегического мышления и устойчивости предпринимателя в условиях неопределенности.*

Ключевые слова: *психологическое сопровождение бизнес-клубов, коучинг предпринимателей.*

Невозможно представить современную управленческую, консультативную и образовательную практику без использования коучингового подхода. В частности, в такой сфере бизнес-деятельности как комьюнити-менеджмент. Объединение предпринимателей в бизнес-клубы становится значимым трендом, отвечающим на потребность в качественных социальных связях, антихрупкости [1] и ресурсной поддержке в период экономического кризиса. Однако создание и развитие коммерческого сообщества – это вызов для лидера, требующий не только управленческих, но и психологических знаний и навыков. Проблема заключается в том, что многие предприниматели не придают должного значения психологическим аспектам, влияющим на организацию, а также отсутствует общее методическое обеспечение для специалистов по работе с бизнес-клубами.

Бизнес-психология определяется как междисциплинарная отрасль психологической науки и практики, которая изучает бизнес как многоплановое явление и направлена на повышение эффективности бизнес-деятельности, оптимизацию взаимодействия субъектов бизнеса как между собой, так и со всеми заинтересованными сторонами. В психологии бизнеса выделяются три уровня анализа: личностный (работа с личностью предпринимателя), социально-психологический (работа с группами и организациями) и социальный (бизнес как социальный институт) [2]. Психологическое сопровождение рассматривается как метод, позволяющий сформировать специальные условия, помогающие принимать решения в определенных жизненных обстоятельствах [3]. По мнению ряда авторов, ключевые направления деятельности организационного психолога – психодиагностика, психокоррекция, психоконсультирование, психопрофилактика и психологическое просвещение – определяют функции психологического сопровождения [4].

Особенности работы с предпринимателями требуют отдельного внимания. Так, российские предприниматели обладают склонностью к риску, ориентированностью на успех, готовностью к конкуренции, независимостью, нонконформизмом [5]. Более того, предприниматели способны выдерживать неопределенность и обладают внутренним локусом контроля [6]. Потребность в творчестве у многих выдающихся предпринимателей выражается в

желании «основать частную империю», при этом основным мотивом становится ощущение радости от этого процесса [7]. Согласно опросу, проведённому образовательной программой «Стартап Академии» Школы управления Сколково, среди 1191 предпринимателя 26% отметили ухудшение качества здоровья в связи с постоянной тревогой, 22% – одиночество, 20% – дефицит кадров [8]. Эти данные указывают на наличие запроса на психологическое сопровождение предпринимателей.

Прототипами современных бизнес-клубов считаются джентльменские клубы Англии XVII-XVIII веков [9]. Сегодня бизнес-клубы выполняют функции нетворкинга, менторства и обмена опытом. Ключевой метрикой эффективности для данного вида бизнеса является коэффициент удержания клиентов (CRR), повышение которого на 5% позволяет повысить прибыль на 25–95% [10; 11].

Для разработки подхода к психологическому сопровождению бизнес-клубов в 2023–2024 годах были проведены глубинные интервью с основателями действующих бизнес-клубов (N=3). Вопросы касались истории создания клуба, мотивации создания, проблемных зон, отношения к бизнес-психологии. Результаты показали, что две трети респондентов не знают, чем занимается бизнес-психолог и чем он может быть полезен бизнесу; все респонденты отметили, что вероятнее всего обратились бы к бизнес-психологу не на старте создания клуба, а на этапе масштабирования; на этапе создания и запуска респонденты обращались к коллегам «по цеху», а не к бизнес-психологу; две трети респондентов отмечают, что основными проблемными зонами бизнес-клубов являются новизна, LTV участников, мотивация команды и стратегия развития; ключевой мотивацией создания бизнес-клуба стала потребность в общении с сильными коллегами «на равных», а не экономическая выгода.

Выбор коучингового подхода в качестве методологической основы психологического сопровождения бизнес-клубов обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в психологии бизнеса на личностном уровне основными фокусами внимания являются процессы самоидентификации и самоопределения предпринимателя, его внутренние конфликты, кризисы и процесс принятия решений. Именно эти темы наиболее эффективно прорабатываются за счет инструментов коучинга, что предполагает не директивное консультирование, а создание условий для самостоятельного нахождения решений самим клиентом. Психологическое консультирование в бизнесе характеризуется акцентированием ответственности клиента и созданием условий, поощряющих волевое поведение [2]. Во-вторых, предприниматели способны выдерживать неопределенность и обладают внутренним локусом контроля – они сами задают правила и видят в любой ситуации возможности для развития [6]. Именно эта характеристика делает коучинговый формат органичным для данной категории клиентов. В-третьих, коучинг базируется на актуализации ресурсов самого клиента через партнерский диалог. Именно прошлый опыт, а не опыт, выработанный в тренинге «здесь и теперь», становится основой обучения, развития и целеполагания [12]. Коуч занимает позицию фасилитатора, направляющего процесс порождения человеком субъективного опыта с целью стимулировать развитие. Этот опыт базируется на пережитом в прошлом, коуч выступает «зеркалом», помогающим отрефлексировать его в качестве индивидуального «поведенческого автографа» [13].

На этапе создания бизнес-клуба (от момента формирования концепции до 1 года) коучинговый подход направлен на решение следующих задач. Первая задача – формирование готовности лидера к запуску проекта. Через коучинговые вопросы и техники (модель GROW, SMART-анализ, «Стратегия Диснея») лидер проясняет свои истинные цели, ресурсы и ограничения. Результаты глубинных интервью показывают, что ключевой мотивацией создания бизнес-клуба для основателей является потребность в общении с сильными коллегами «на равных», и коучинг помогает превратить этот внутренний запрос в устойчивую основу для построения бизнес-модели. Вторая задача – создание первичной архитектуры сообщества. Коуч сопровождает лидера в процессе самостоятельного определения миссии клуба, ценностей и форматов взаимодействия. Как показали проведенные интервью, основатели клубов

часто субъективно полагают, что понимают технологию создания сообщества, однако на практике спустя 2–3 месяца их проекты оказываются в состоянии «заморозки» или «стагнации». Коучинговый подход позволяет систематизировать эти представления и перевести их в измеримые действия. Третья задача – работа с границами и ролями. Согласно типологии Е.А. Климова, бизнес-клубы относятся к сфере услуг категории «человек-человек» [14], что требует от лидера компетентности в установлении правил и коммуникативных форматов. Коучинг через проективные техники («Колесо ценностей», «Я-реальный / Я-идеальный») позволяет сформировать устойчивый образ лидера и его роли внутри сообщества. Четвертая задача – удержание фокуса на долгосрочной мотивации, а основным мотивом предпринимателя является получение положительных эмоций от процесса выстраивания своего бизнеса [7], и коучинговое сопровождение помогает не потерять этот внутренний драйвер.

На этапе развития бизнес-клуба (от 1 года деятельности) коучинговый подход трансформируется. Основной фокус смещается с индивидуальной работы с лидером на групповой коучинг руководящего состава и команды клуба. Психологическое сопровождение в организации включает психологическое просвещение персонала и анализ результатов социально-психологического мониторинга [4]. Групповой коучинг позволяет синхронизировать команду вокруг общей стратегии, проработать коммуникативные барьеры и распределить зоны ответственности. Особое значение приобретает работа с факторами, влияющими на коэффициент удержания клиентов (CRR). В рамках коучингового подхода это реализуется через серию исследовательских интервью с бывшими и действующими участниками клуба (N=10–15 на каждую группу). Результаты этих интервью становятся основой для стратегической сессии с лидером и последующих групповых коучинговых сессий с командой. В отличие от тренинга, где участники обучаются на опыте, моделируемом «здесь и теперь», в коучинге опыт обучает самого человека через рефлексию его собственных прошлых ситуаций [12; 13]. Именно это свойство делает коучинг оптимальным инструментом для работы с CRR: обращаясь к реальному опыту ухода или продления членства, участники и команда клуба самостоятельно приходят к пониманию ключевых психологических факторов удержания.

Экспертная оценка предложенного подхода проводилась с участием 6 коллег – бизнес-психологов, HR-директоров, основателей сообществ. Результаты оценки: целостность и качество подхода – 50% экспертов оценили на 4 балла, 50% – на 5 баллов (по 5-балльной шкале); соответствие заявленной цели – 33% на 4 балла, 67% на 5 баллов. Преимуществами подхода эксперты назвали наличие четкого пошагового плана сопровождения, структурность и возможность адаптации для других видов бизнеса.

Таким образом, коучинговый подход в психологическом сопровождении бизнес-клубов выступает как сквозная методология, объединяющая индивидуальную работу с лидером на этапе создания и групповую работу с командой и участниками на этапе развития. Этот выбор обоснован психологическими особенностями предпринимателей [5; 6], природой бизнес-клуба как системы «человек-человек» [14] и доказанной эффективностью коучинга в ситуациях неопределенности и высокой личной ответственности. Содержание психологического сопровождения различно на разных этапах: на этапе создания фокус направлен на коучинговую работу с личностью лидера, формирование готовности к запуску и создание первичной архитектуры сообщества; на этапе развития фокус смещается на исследование психологических факторов, влияющих на коэффициент удержания клиентов, и групповой коучинг команды. Представленный подход может быть использован в практической деятельности бизнес-психологов и коучей, а также способствует развитию такого направления, как бизнес-психология.

Список литературы

1. Taleb N.N. Antifragile: Things That Gain from Disorder. – Random House, 2012.

2. Иванова Н.Л. Психология бизнеса: учебник / Н.Л. Иванова, В.А. Штроо, Н.В. Антонова. – 2024.

3. Бабакова Т.А. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в университете / Т.А. Бабакова, Е.А. Раевская, А.С. Сухоруков [и др.]; под ред. проф. Т.А. Бабаковой. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – 104 с. EDN WZBVHD

4. Евстифеева Е.А. Особенности психологического сопровождения персонала в организации / Е.А. Евстифеева, С.И. Филиппченкова, Е.В. Балакшина // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2018. – Вып. 2. – С. 43–48. EDN XTBFIL

5. Позина М.Б. Исследовательские горизонты изучения психологии российского предпринимательства / М.Б. Позина, З.Г. Ханова // Современная конкуренция. – 2020. – №2 (78). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovatelskie-gorizonty-izucheniya-psihologii-rossiyskogo-predprinimatelstva (дата обращения: 05.06.2026).

6. Карпов А.В. Психология предпринимателя и вопросы развития предпринимательского образования в России / А.В. Карпов, Н.В. Клюева // Современная конкуренция. – 2018. – №1 (67). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-predprinimatelya-i-voprosy-razvitiya-predprinimatelskogo-obrazovaniya-v-rossii (дата обращения: 05.06.2026).

7. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). – М.: Прогресс, 1982.

8. Forbes Russia. Почти треть предпринимателей рассказала о недостатке финансирования в 2023 году. – URL: https://www.forbes.ru/svoi-biznes/505410-pocti-tret-predprinimatelej-rasskazala-o-nedostatke-finansirovania-v-2023-godu (дата обращения: 03.07.2026).

9. Бизнес-клуб «Атланты». История бизнес-клубов. – URL: https://atlanty.ru/media/business-clubs-history/ (дата обращения: 05.06.2026).

10. Emailsoldiers. Коэффициент удержания клиентов (CRR). – URL: https://emailsoldiers.ru/glossary/crr (дата обращения: 03.07.2026).

11. Harvard Business School. The economics of e-loyalty. – URL: https://hbswk.hbs.edu/archive/the-economics-of-e-loyalty (дата обращения: 05.06.2026).

12. Кларин М.В. Новая развивающая практика – коучинг. Новая профессия – коуч / М.В. Кларин // Образовательные технологии. – 2014. – №1. – С. 71–80.

13. Спиваковский В.Е. Рефлексия профессиональной позиции как фактор успешности трудовой деятельности / В.Е. Спиваковский // Развитие личности. – 2012. – №2. – С. 152–165. EDN QLUQMJ

14. Резапкина Г.В. Психология и выбор профессии: программа предпрофильной подготовки / Г.В. Резапкина. – М.: Генезис, 2005. – 208 с.

Хубецова Алла Алановна
студентка
Научный руководитель
Ситохова Татьяна Ельзарикоевна
канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЯМЫ НА РЫНОК ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние демографической ямы на рынок труда Российской Федерации. На основе актуальных данных Росстата, Банка России, Минтруда России и утвержденных документов демографической политики показано, что российский рынок труда одновременно сталкивается с рекордно низкой безработицей, ограниченным притоком молодых работников, ростом демографической нагрузки и усилением конкуренции работодателей за квалифицированные кадры. Сделан вывод о том, что демографический фактор уже перешел из разряда долгосрочных социальных рисков в число текущих ограничений экономического роста. При этом снижение напряженности на рынке труда возможно только при сочетании мер демографической политики, повышения производительности труда, расширения занятости отдельных групп населения, развития профессионального образования и управляемой трудовой миграции.*

Ключевые слова: *демографическая яма, рынок труда, рабочая сила, кадровый дефицит, занятость, безработица, старение населения, производительность труда, Российская Федерация.*

Введение

Демографическая ситуация всё заметнее влияет на экономическое развитие России. Если ещё несколько лет назад разговор о демографической яме чаще связывался с долгосрочными прогнозами, то в 2024–2026 гг. её последствия стали непосредственно проявляться на рынке труда: работодатели сообщают о нехватке работников, безработица держится около исторических минимумов, а заработная плата растёт быстрее, чем производительность в ряде отраслей. В результате демографическая проблема перестаёт быть только вопросом социальной политики и становится фактором макроэкономической устойчивости, регионального развития и конкурентоспособности предприятий.

Для российского рынка труда ключевое значение имеет не только общая численность населения, но и возрастная структура. Низкая рождаемость 1990-х и начала 2000-х годов привела к тому, что в экономически активные возраста вошли относительно малочисленные поколения. В то же время численность старших возрастных групп растёт, а это увеличивает нагрузку на систему социальной поддержки и здравоохранения. Данная комбинация формирует двойное давление: с одной стороны, сокращается приток молодых кадров, с другой – экономика нуждается в работниках для обслуживания растущих потребностей стареющего населения.

Актуальность темы усиливается тем, что последствия демографической ямы имеют инерционный характер. Даже при улучшении рождаемости в ближайшие годы положительный эффект для рынка труда возникнет только через два десятилетия, когда новые поколения войдут в трудоспособный возраст. Поэтому текущие решения должны быть направлены не только на стимулирование рождаемости, но и на более эффективное использование имеющихся трудовых ресурсов.

Цель статьи заключается в оценке влияния демографической ямы на рынок труда Российской Федерации и определении основных направлений адаптации экономики к ограниченному предложению рабочей силы. Для достижения цели рассматриваются демографические предпосылки сокращения трудового потенциала, анализируются современные показатели занятости и безработицы, а также раскрываются каналы влияния демографических изменений на работодателей, заработную плату и отраслевую структуру занятости.

Демографическая основа кадрового дефицита

Демографическая яма имеет отложенный эффект. Падение рождаемости в 1990-е годы сначала отражается на численности детей, затем на контингенте школьников и студентов, и только после этого – на численности молодых работников. Именно поэтому рынок труда ощущает последствия демографических провалов не сразу, а через 18–25 лет. Для России это особенно важно: малочисленные поколения 1990-х годов уже стали частью рабочей силы, а последующее снижение рождаемости ограничивает будущий приток кадров.

По уточнённым оценкам Росстата, численность населения России на 1 января 2025 г. составляла около 146,12 млн человек. При этом по итогам 2024 г. естественная убыль населения сохранялась: число родившихся составило около 1,22 млн детей, а суммарный коэффициент рождаемости – примерно 1,4 ребёнка на одну женщину. Эти значения ниже уровня простого воспроизводства населения, что означает сохранение демографического давления на будущий рынок труда [1; 2].

Важная особенность современной ситуации состоит в том, что формальное повышение доли населения трудоспособного возраста не устраняет проблему кадрового дефицита. На показатель влияет пенсионная реформа и изменение границ трудоспособного возраста, но бизнес сталкивается не с абстрактной долей населения, а с конкретным количеством доступных работников нужной квалификации, возраста, здоровья и территориальной мобильности. Поэтому даже при относительной стабилизации общей численности трудоспособного населения может сохраняться дефицит молодых специалистов, рабочих кадров и сотрудников в отраслях с физически тяжёлыми условиями труда.

Данные таблицы показывают, что проблема рынка труда заключается не в одном отдельном показателе. При низкой безработице и высокой занятости экономика сталкивается с ограниченным свободным резервом работников. Это означает, что расширение производства, запуск инвестиционных проектов и развитие новых отраслей всё чаще упираются не только в доступ к финансированию или оборудованию, но и в наличие персонала.

Проявление демографической ямы на рынке труда

Первый канал влияния демографической ямы – сокращение притока молодых работников. Группы молодых людей, как правило, обеспечивают обновление структуры рынка труда: они адаптируются очень быстро, легко могут менять место жительства, а также профессию, активнее принимают участие в деятельности новых секторов экономики. Когда таких работников меньше, предприятия вынуждены дольше искать персонал.

Второй канал – старение кадров. Это не обязательно снижение качества труда, но тем не менее несёт определённые риски. Для отраслей, в которых важна высокая физическая нагрузка, этот канал имеет особое значение: там сложнее заменить молодых работников сотрудниками старших возрастов без проведения модернизации в области технологий.

Третий канал – рост заработной платы и издержек работодателей. В условиях, когда свободных работников мало, повышение оплаты труда становится одним из основных инструментов привлечения и удержания персонала. Это улучшает положение занятых, но одновременно повышает себестоимость продукции и услуг. Если рост зарплат не сопровождается ростом производительности, возникает риск переноса издержек в цены, снижения маржинальности бизнеса или отказа от части инвестиционных проектов.

Отраслевые и региональные последствия

Демографическая яма усиливает неравномерность развития рынка труда. В крупных городах и экономически сильных регионах работодатели имеют больше возможностей для привлечения работников за счёт заработной платы, карьерных перспектив, социальной инфраструктуры и качества городской среды. В регионах с меньшей деловой активностью отток молодёжи дополнительно снижает кадровый потенциал. Это приводит к тому, что часть территорий одновременно сталкивается с демографическим старением, миграционным оттоком и нехваткой специалистов.

Наиболее чувствительными к демографическим ограничениям являются отрасли, где труд трудно быстро заменить технологиями или где требуется длительная подготовка кадров. К таким сферам относятся промышленность, строительство, транспорт и логистика, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, социальное обслуживание, инженерно-технические профессии. Для них дефицит работников означает не только рост расходов на персонал, но и риск недовыполнения производственных планов.

Отдельного внимания заслуживает бюджетная сфера. При старении населения растёт потребность в медицинских, социальных и реабилитационных услугах. Одновременно сама бюджетная сфера конкурирует за работников с частным сектором, где заработная плата в дефицитных профессиях может расти быстрее. В результате возникает напряжение между общественной потребностью в услугах и ограниченными возможностями привлечения кадров.

Для бизнеса демографическая яма меняет кадровую стратегию. Если раньше многие компании могли строить управление персоналом на постоянном притоке новых работников, то теперь они вынуждены удерживать сотрудников, вкладываться в обучение, пересматривать графики, автоматизировать процессы и более внимательно работать с корпоративной культурой. Иначе кадровый дефицит превращается в прямое ограничение роста.

Государственная политика и направления адаптации

Ответ на демографическую яму не может быть сведён только к мерам поддержки рождаемости. Они необходимы, но их эффект для рынка труда будет отложенным. Если ребёнок родится в 2026 г., то на рынок труда он выйдет ориентировочно в 2040-е годы. Следовательно, в ближайшие 10–15 лет ключевое значение будут иметь меры, позволяющие лучше использовать уже имеющийся человеческий капитал.

К таким мерам относится повышение производительности труда. Это наиболее устойчивый способ смягчить дефицит работников, потому что он позволяет производить больше продукции и услуг при той же численности персонала. Однако повышение производительности невозможно только административным путём. Оно требует инвестиций в оборудование, цифровизацию, управленческие технологии, обучение работников и пересмотр бизнес-процессов.

Второе направление – вовлечение в занятость групп населения, чей трудовой потенциал используется не полностью. Речь идёт о гражданах старших возрастов, женщинах с детьми, молодёжи, людях с инвалидностью, жителях малых городов и сельских территорий. Для этого нужны гибкие форматы занятости, доступная инфраструктура ухода за детьми, программы переподготовки, дистанционная работа там, где она возможна, а также адаптация рабочих мест.

Третье направление – модернизация профессионального образования. Демографическая яма особенно болезненна тогда, когда малочисленные поколения ещё и получают профессии, не соответствующие потребностям экономики. Поэтому система среднего профессионального и высшего образования должна быстрее реагировать на запросы работодателей. Национальный проект «Кадры» прямо ориентирован на удовлетворение потребности экономики в работниках за счёт дополнительного вовлечения людей в занятость и более точной подготовки под реальные запросы рынка [6].

Заключение

Демографическая яма оказывает системное влияние на рынок труда Российской Федерации. Её последствия проявляются в сокращении притока молодых работников, старении рабочей силы, усилении отраслевых и региональных дисбалансов, росте заработной платы и ограничении кадровых резервов. Современная ситуация отличается тем, что кадровый дефицит уже нельзя объяснить только временной конъюнктурой. Он имеет глубокую демографическую основу, связанную с низкой рождаемостью прошлых десятилетий и текущим уровнем воспроизводства населения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что демографическая проблема – это не только социальная, но и экономическая проблема. Устойчивость рынка труда Российской Федерации напрямую зависит от быстрой адаптации государства к новой возрастной структуре населения.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики. Демографический прогноз Российской Федерации до 2046 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 19.06.2026).

2. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2025: статистический сборник. – М.: Росстат, 2025.

3. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России: январь-февраль 2026 года. – М.: Росстат, 2026.

4. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 19.06.2026).

5. Банк России. Доклад «Региональная экономика: комментарии ГУ». Материалы 2025–2026 гг. – URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 19.06.2026).

6. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Национальный проект «Кадры». – URL: https://mintrud.gov.ru/ (дата обращения: 19.06.2026).

7. Распоряжение Правительства РФ «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» №615-р от 15.03.2025.

Четверикова Надежда Анатольевна
канд. социол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
университет им. В.А. Бондаренко»
г. Оренбург, Оренбургская область

КАСТОМИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Аннотация: *в статье рассмотрены содержательные аспекты кастомизации. Уточнено, что в современных социальных отношениях между производителем и потребителем услуг (товаров) доверие является основой для выстраивания качественных продолжительных взаимодействий.*

Ключевые слова: *кастомизация, доверие, социальная технология, потребительское поведение управление потребительским поведением.*

Изменения в обществе, связанные со становлением «Индустрии 4.0», показывают нам, как цифровые технологии меняют модели производства и потребления [1]. Потребление в настоящее время становится не просто процессом использования какого-либо продукта, а целым комплексом взаимодействий в условиях цифровой трансформации социально-экономических отношений. В таких условиях наряду с дифференциацией, индивидуализацией и персонализацией предложений возникает необходимость применения современных (инновационных) технологий организации потребительского выбора и управления потребительским поведением. Одной из таких технологий является кастомизация.

Кастомизация – это процесс адаптации продуктов (товаров, услуг) под индивидуальные потребности конкретного клиента (потребителя) или группы клиентов [4]. Кастомизация как социальная технология представляет собой стандартизированный набор шагов с чётко определёнными правилами и пределами реализации, в которой заложены основы максимально полного учёта потребностей, ценностей и мотивов потребления. Ключевые компоненты кастомизации как управленческой технологии целесообразно рассматривать в рамках дихотомии «субъект (исполнитель) – объект (потребитель)», отражающей трансформацию характера взаимодействия в системе предоставления услуг (производства товаров). Роль потребителя в данном случае активна – потребитель-соавтор, потребитель-инициатор участвует в совместном проектировании (создании) продукта; его вовлечённость повышает воспринимаемую ценность и лояльность. Заметим, что в процессе предоставления потребителю возможностей кастомизации продукта производитель конструирует пространство допустимых вариантов выбора (задаёт набор опций для выбора), в рамках которого потребитель осуществляет выбор, а субъект управления – регулирует траекторию принятия потребительского решения, мягко направляет поведение потребителя.

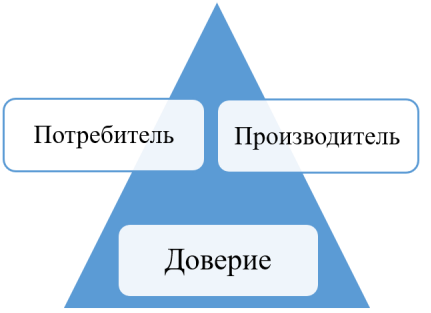


Рис. 1. Доверие – основа кастомизации

Таким образом, кастомизацию можно рассматривать как высший уровень доверительных взаимоотношений между потребителем и производителем, где значимы механизмы обратной связи, есть возможность выражения собственной идентичности согласно закреплённым нормам и правилам, прозрачны правила и границы выбора.

Обратимся к специфике кастомизации в сфере туризма и гостеприимства, где она особенно значима, так как в этой сфере ценность создаётся в опыте, а не в материальном продукте, и в настоящее время проявляется в новом фокусе – интеграции с технологиями искусственного интеллекта.

В современных условиях стандартная модель туристического обслуживания с позиции формирования незабываемых впечатлений утрачивает свою привлекательность: простого приобретения тура и размещения в объекте с базовым набором качественных услуг уже недостаточно для удовлетворения запросов туристов. На фоне достаточно насыщенного рынка туристских и гостиничных предложений потребитель ориентирован на продукт, максимально релевантный его индивидуальным потребностям. Он ожидает не формального соответствия минимальным стандартам, а предвосхищения своих ожиданий с учётом личных предпочтений и факторов прямого и косвенного влияния. Приоритетом для современного туриста становятся не столько сами услуги, сколько уникальный опыт: эмоционально насыщенные впечатления, продуманное удобство и высокий уровень персонального комфорта [3]. В такой ситуации кастомизация проявляется в конструкторах туров, где потребитель сам собирает маршрут, выбирает темп и тип активностей. Индивидуальный подход проявляется в подборе тура менеджером под профиль потребителя; персонализация основана на анализе прошлых поездок и прошлого опыта.

Благодаря созданию интеллектуальных цифровых ассистентов (чат-ботов), автоматизации заселения, предиктивной кастомизации программы лояльности, применению концепции «Smart rooms», 3D-предпросмотру и возможности конфигурации маршрутов, номеров, услуг питания, развлечений мы можем наблюдать, как формируется не просто лучший сервис, а создаётся кастомизированный продукт с чётко управляемой вариативностью [2; 3]. Таким образом, кастомизация становится не риском, а инструментом повышения качества и удовлетворённости потребителя.

Итак, кастомизация выступает технологией управления потребительским поведением, позволяя производителю (исполнителю) формировать спрос через предложение персонализированных решений. Предоставляя клиенту возможность самостоятельно настраивать продукт, сделать его «своим» и под себя, компания усиливает его вовлечённость, эмоциональную привязанность к бренду, тем самым передавая часть управленческих функций потребителю, что повышает вероятность покупки и повторных обращений. Для социологии управления кастомизация интересна как пример трансформации управленческих отношений: потребитель становится соавтором, а управление – более гибким и рефлексивным.

Список литературы

1. Колмыкова М.А. Управленческие отношения в Индустрии 4.0 / М.А. Колмыкова, Н.А. Четверикова // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2023. – №4. – С. 65–74. EDN UMVHCZ

2. Ляйхлер А.К. Инновационные парадигмы: интеграция технологий ИИ как драйвер повышения конкурентоспособности на примере AMAKS Hotels & Resort / А.К. Ляйхлер // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. №S1.

3. Некрасов А.М. Персонализация и инновационные цифровые технологии, как актуальные тренды развития индустрии туризма и гостеприимства / А.М. Некрасов // Стратегии и современные тренды развития предприятий туристского и гостиничного бизнеса: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 22 апреля 2022 г.). – М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2022. – С. 189–196. EDN PJMOXJ

4. Рагойша С.М. Инновационные технологии маркетинговой деятельности предприятия / С.М. Рагойша // Новости науки и технологий. – 2023. – №1(64). – С. 40–47. EDN HOKDJN

Шуликов Алексей Олегович
канд. полит. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Камчатский государственный
технический университет»
г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский край

DOI 10.31483/r-168311

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ: СТРУКТУРА, ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: *в статье приведена характеристика основных этапов становления политической элиты в Российской Федерации и в Камчатском регионе, рассмотрены факторы, оказывающие влияние на формирования политической элиты в регионе. Указана роль региональных акторов при формировании региональной политической элиты. Проведен анализ основных тенденции по формированию политической элиты в Камчатском крае, причин внутриэлитных конфликтов.*

Ключевые слова: *выборы, региональная политическая элита, Камчатский край, губернатор, внутриэлитный конфликт, законодательное собрание Камчатского края.*

Камчатский край – один из немногих регионов Дальнего Востока, где наиболее рельефно проявились ключевые противоречия современной региональной политики. В 2025 году завершился важный политический цикл: выборы губернатора, которые стали не просто рядовой избирательной кампанией, а «точкой сборки» всех накопившихся конфликтов между федеральным центром и региональными элитами. Изучение того, как этот цикл протекал и чем завершился, позволяет не только оценить расстановку сил в конкретном субъекте, но и спроецировать эти выводы на всю систему взаимодействия федеральной власти и местных элитных групп в условиях геополитического разворота России на Восток.

Камчатский край обладает уникальным геополитическим положением, богатыми природными ресурсами и особой социально-экономической динамикой. На протяжении всего постсоветского периода формирование региональной политической элиты находилось под воздействием как общероссийских тенденций, так и региональной специфики.

Политическая элита России на современном этапе формируется под влиянием исторических, институциональных и социально-экономических факторов. В последние десятилетия ключевыми тенденциями стали централизация, ротация кадров, технологизация управления и трансформация каналов рекрутинга. Рассмотрим основные механизмы и тенденции.

Как и с начала 2000-х гг., после прихода В.В. Путина на пост президента РФ, сохраняется существенная роль при формировании политической элиты представителей силовых структур (ФСБ, ФСО, МВД, Министерства обороны и пр.) в многих ключевых назначениях [4].

После существенной трансформации процедуры назначения глав регионов: от свободных выборов до «фактического» назначения и возврата к выборам с использованием «муниципальных фильтров» – процесс назначения глав регионов стал достаточно управляемым и контролируемым. Отдельные эксцессы на региональных выборах не отменяют общую тенденцию. Также под контроль глав регионов был поставлен процесс назначения руководителей местного самоуправления.

К уже ставшему традиционным каналу привлечения новых кадров в состав политической элиты – выпускники образовательных организаций (преимущественно РАНХиГС, СПбГУ, ВШЭ) и через политические партии (в первую очередь, «Единая Россия», «Новые люди») – появились нетрадиционные каналы, курируемые администрацией президента РФ: различные программы привлечения кадров – «Лидеры России», «Школа губернаторов», «Время героев», «Россия – страна возможностей» и др. [5].

Эти процессы приобретают особую остроту на Дальнем Востоке, где реализуются масштабные инфраструктурные проекты – от модернизации Восточного полигона до развития

Северного морского пути и мастер-планов городов. Успех этих проектов напрямую зависит от эффективности регионального управления, а значит, от способности федеральных назначенцев выстраивать рабочие отношения с местными элитами [1]. Конфликт на Камчатке, таким образом, становится не локальным эпизодом, а модельным кейсом для всей дальневосточной политики [2].

Следовательно, ключевыми трендами в 2000–2025 гг. стали:

− централизация власти и построение жесткой «вертикали» власти;

− усиление административного контроля;

− преимущественное назначение на должность руководителей регионов «варягов»;

− рост доли технократов (экономисты, цифровики) в правительстве;

− «цифровой транзит» публично-властных отношений [1].

При сложившихся тенденциях в ближайшем будущем российская политическая элита может столкнуться со следующими вызовами:

− конфликт поколений в элите;

− рост протестных настроений, что потребует новых механизмов кооптации;

− усиление роли спецслужб на фоне геополитической напряженности.

Таким образом, российская политическая элита эволюционирует в сторону гибридной модели – сочетания силового контроля, технократии и цифровых инструментов. Однако ключевым трендом остается жесткая централизация при сохранении элементов клановости в регионах.

Сложившуюся структуру региональной политической элиты Камчатского края формируют следующие компоненты.

1. Федерально-региональная связка: Владимир Солодов (бывший врио губернатора с 2020 г.) – «варяг» с федеральным бэкграундом и администрация, где ключевые должности до недавнего времени занимали и занимают назначенцы, часто связанные с федеральным центром или являющиеся выходцами из других регионов, приглашённых губернатором.

2. Депутаты Законодательного собрания, часть из которых представляют местное бизнес-сообщество, а также влиятельные экс-чиновники предыдущей администрации.

3. Бизнес-элита включает, в первую очередь, рыбопромышленников, а также представителей туристического и энергетического сектора (менее влиятельны, но их статус и влиятельность постоянно растут).

4. Силовые структуры. Отдельным и всё более значимым актором в региональном политическом поле выступают силовые структуры. В Камчатском крае, как и в других дальневосточных регионах, они выполняют двойную функцию: с одной стороны, являются проводниками федеральной воли, с другой – сохраняют неформальные связи с местными элитными группами. Их позиция в конфликте между губернатором и рыбопромышленниками нередко становится решающей, что создаёт дополнительный уровень неопределённости и требует отдельного анализа.

5. Научно-экспертное сообщество: вулканологи, экологи и др.

К ключевым факторам формирования региональной политической элиты можно отнести:

− «Рыбный» лоббизм (оба сенатора от Камчатского края являются владельцами крупнейших рыбодобывающих предприятий Камчатского края);

− конфликты между местными рыбопромышленниками и федеральными холдингами;

− федеральное вмешательство;

− экологическая повестка как инструмент влияния;

− конфликты внутри региональной политической элиты.

Приход Владимира Солодова спровоцировал конфликт с местными элитными группами, особенно с «рыбопромышленными кланами» и «старой чиновничьей гвардией». Конфликт носит системный характер и затрагивает несколько ключевых аспектов (табл. 1).

Таблица 1

Основные стороны конфликта

Группа	Интересы	Методы давления
Команда губернатора	Централизация управления, достижение «внешнего» эффекта	Административный ресурс, кадровые чистки, поддержка федерального центра
Рыбопромышленные кланы	Сохранение контроля над квотами и переработкой рыбы, минимизация налогов	Лоббизм в Москве, саботаж реформ, медийные атаки
Региональные чиновники	Сохранение статус-кво, противодействие «варягам»	Бюрократическое сопротивление, утечки компромата
«Силовики»	Баланс между лояльностью центру и связями с местными группами	Избирательное применение закона (поддержка/блокировка инициатив)

На протяжении длительного времени стороны указанного конфликта придерживались следующих тактик (табл. 2).

Таблица 2

Тактики сторон

Губернатор Солодов В.В.	Региональная элита
Кадровые перестановки («варяги»)	Саботаж через бюрократию
Апелляция к федеральному центру	Лоббирование в Госдуме/Совете Федерации
PR на экологии и цифровизации	Медийные атаки («Солодов губит край»)

Избирательная кампания 2025 года стала своеобразным «моментом истины» для всех сторон конфликта. Победа В. Солодова не отменила системных противоречий, но показала, что ни одна из сторон не обладает ресурсами для полного подавления оппонентов. Компромиссы, на которые пошёл губернатор (поддержка рыбопромышленников в вопросах квот и налогообложения, корректировка кадровой политики в пользу местных кадров), свидетельствуют о том, что даже при жёсткой федеральной вертикали региональные элиты сохраняют способность к торгу. Вопрос в том, насколько эти уступки были тактическими (до окончания выборов) и последуют ли за ними новые витки конфликта.

В результате по итогам первого срока губернатору Камчатского края перед началом нового избирательного цикла для «удачной избирательной кампании» пришлось пойти на компромиссы, в частности поддержать рыбопромышленные компании в сфере распределения «квот», распределения рыбных участков и предоставить льготы в области налогообложения. Также немаловажным шагом является пересмотр кадровой политики, устранение или сокращение полномочий наиболее одиозных «варягов» из органов исполнительной власти, расстановка на ключевых позициях представителей местного сообщества, имеющих авторитет среди основных региональных акторов. Но, скорее всего, это «отступление» носит временный характер до окончания избирательного цикла.

Необходимо отметить, что указанный конфликт типичен для многих регионов России, где федеральные «технократы» сталкиваются с местными региональными элитами [3].

Исходя из выше сказанного, возможный успех В. Солодова зависит прежде всего от двух факторов.

1. Поддержка со стороны федерального центра.

2. Способность создать новую коалицию с купированием причин вышеперечисленных конфликтных факторов.

Победа В. Солодова на выборах 2025 года не означает окончание конфликта, но переводит его в новую фазу – от открытого противостояния к поиску устойчивого баланса. Успех губернатора в новом сроке будет зависеть не столько от поддержки центра, сколько от способности трансформировать временные компромиссы в постоянную модель взаимодействия с местными элитами. Камчатский случай показывает, что эффективное управление на Дальнем Востоке невозможно без учёта региональной специфики, а попытки её игнорирования лишь

продлевают конфликтный цикл, снижая управляемость территорий в условиях, когда от этого зависит выполнение национальных задач.

Список литературы

1. Кочетков А.П. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – №1. – С. 109–134. DOI 10.24866/1813-3274/2022-1/109-134. EDN WJIBWM
2. Романовский А.А. Ротация губернаторского корпуса в регионах Дальневосточного федерального округа: тенденции и особенности / А.А. Романовский // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2024. – Т. 30. №2. – С. 162–170. DOI 10.2109/2227-9245-2024-30-2-162-170. EDN BRIVGY
3. Шуликов А.О. К вопросу о факторах консолидации и фрагментации политических элит / А.О. Шуликов // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами: материалы Пятой международной научно-практической конференции (Петропавловск-Камчатский, 26–28 апреля 2016 года). – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2016. – С. 20–24. EDN YJWZFT
4. Шуликов А.О. Региональная элита в российском актуальном политическом процессе (на материалах Камчатского края): дис. ... канд. полит. наук / А.О. Шуликов. – Петропавловск-Камчатский, 2018. – 246 с. EDN HGQADR
5. Юшкина Н.А. Профессиональные лифты в политическую элиту России / Н.А. Юшкина // Цифровая социология. – 2020. – №4. – С. 25–35. DOI 10.26425/2658-347X-2020-3-4-25-35. EDN CPCYOA

Якушин Владимир Николаевич
студент
Бурда Антон Алексеевич
студент
Бабенко Богдан Дмитриевич
студент
Смирнов Илья Сергеевич
студент
Титов Максим Дмитриевич
студент
Научный руководитель
Чернявская Наталья Евгеньевна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
г. Москва

ТЕХНОЛОГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация: *в статье рассматривается взаимосвязь между развитием информационных технологий и трансформацией социально-экономических систем. Особое внимание уделяется роли английского языка как международного средства коммуникации в мировой экономике и тому, как современные цифровые инструменты снижают языковые барьеры. Анализируются технологии машинного перевода, обработки естественного языка и речевого взаимодействия, а также их влияние на глобальную торговлю, рынок труда и образование. Делается вывод о постепенном снятии ограничений, связанных с владением иностранным языком, и формировании новых требований к компетенциям участников социально-экономических отношений.*

Ключевые слова: *информационные технологии, цифровая трансформация, социально-экономическая система, английский язык, машинный перевод, языковой барьер, глобализация.*

Введение. Современный этап развития общества характеризуется глубокими преобразованиями социально-экономических систем, вызванными стремительным прогрессом информационных технологий (Information Technology, IT). Цифровая трансформация (digital transformation) пронизывает все сферы деятельности – от промышленного производства до финансов и государственного управления, создавая новые модели взаимодействия между людьми, предприятиями и государствами. Параллельно с этим глобализация (globalization) делает английский язык основным инструментом международной торговли, дипломатии и научного обмена. Долгое время владение английским воспринималось как обязательное условие успешной интеграции в мировую экономику, однако бурное развитие технологий искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI) и машинного обучения (machine learning, ML) ставит под вопрос абсолютность этого требования. Цель настоящей статьи – показать, каким образом информационные технологии не только трансформируют социально-экономические системы, но и постепенно снимают ограничения, связанные со знанием иностранного языка, открывая новые возможности для участников глобального рынка.

Информационные технологии как драйвер изменений социально-экономических систем. Под воздействием IT социально-экономическая система (socio-economic system) переходит от индустриальной модели к цифровой (digital economy), основанной на данных и сетевых взаимодействиях. Ключевыми проявлениями этой трансформации выступают платформенная экономика (platform economy), интернет вещей (Internet of Things, IoT), облачные вычисления (cloud computing) и распределённый реестр (distributed ledger). Например, международные торговые площадки, такие как Alibaba или Amazon, позволяют предпринимателю из любой страны реализовывать продукцию по всему миру без физического присутствия на зарубежном рынке. При этом коммуникация с контрагентами, оформление сделок и логистика всё чаще опосредуются цифровыми сервисами, в которые встроены алгоритмы автоматического перевода (automatic translation).

Не менее значимым фактором становится удалённая работа (remote work), получившая массовое распространение в последние годы. Организации формируют распределённые команды (distributed teams), участники которых проживают в разных часовых поясах и говорят на разных языках. Эффективность такого сотрудничества напрямую зависит от способности IT-инструментов нивелировать коммуникационные барьеры. Таким образом, информационные технологии не просто ускоряют экономические процессы, но и меняют саму архитектуру социально-экономических отношений, делая её более гибкой, децентрализованной и инклюзивной (inclusive).

Роль английского языка в международной экономике. На протяжении XX века английский язык утвердился в качестве lingua franca глобальной экономики. Подавляющая доля международных контрактов, стандартов финансовой отчётности, научных публикаций и технической документации создаётся именно на нём. Согласно исследованиям, более 90% информации в сети Интернет, имеющей отношение к бизнесу и технологиям, представлено на английском языке. В результате знание английского стало критическим ресурсом, определяющим конкурентоспособность как отдельных специалистов, так и целых национальных экономик.

Однако такая ситуация порождает неравенство: доступ к передовым знаниям и выгодным рынкам получают преимущественно те страны и индивиды, которые обладают достаточным уровнем языковой подготовки. Английский язык выступает своего рода фильтром, ограничивающим полноценное участие в глобальной социально-экономической системе для сотен миллионов людей, чей родной язык не относится к индоевропейской семье или чьи образовательные системы не обеспечивают качественного обучения. В этом контексте преодоление языкового барьера (language barrier) с помощью технологий приобретает не только экономическое, но и социальное измерение.

Технологии преодоления языкового барьера. Наиболее впечатляющие результаты в снятии языковых ограничений демонстрируют технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP). Современные системы машинного перевода, такие как Google

Translate и DeepL, перешли от статистических методов к нейросетевым архитектурам на основе трансформеров (transformers), что позволило значительно повысить качество и естественность перевода. Сегодня они способны обрабатывать тексты, близкие по стилю к профессиональному переводу, а также поддерживать двусторонний голосовой перевод (voice translation) в режиме реального времени.

Дополняют картину системы распознавания речи (speech recognition) и синтеза речи (speech synthesis), интегрированные в приложения видеоконференций и мессенджеров. Например, платформа Microsoft Teams предлагает субтитры и перевод выступлений непосредственно во время онлайн-собраний, а Skype Translator обеспечивает голосовое общение на десятках языков. Аппаратные решения – наушники-переводчики (translator earbuds) – делают межъязыковое общение ещё более органичным. Все эти инструменты объединяет общий принцип: они стремятся сделать язык незаметным, превратив его из барьера в фоновый процесс, не требующий от пользователя специальных знаний.

В таблице 1 представлены основные вехи развития технологий машинного перевода, отражающие их растущий потенциал в социально-экономической сфере.

Таблица 1

Эволюция технологий машинного перевода

Этап	Период	Основной метод	Уровень качества перевода	Влияние на коммуникацию
Правила (Rule-based)	1970–1990	Лингвистические правила	Низкий, буквальный перевод	Ограниченное применение в справочных системах
Статистический (SMT)	1990–2015	Анализ параллельных корпусов	Средний, шаблонные конструкции	Начало массового использования в онлайн-сервисах
Нейросетевой (NMT)	2015-наст.	Трансформеры, глубокое обучение	Высокий, естественный стиль	Интеграция в бизнес-процессы, устный перевод
Контекстный и мультимодальный	2020-е	Большие языковые модели (LLM)	Очень высокий, учёт контекста	Персонализированный перевод, полная прозрачность

Трансформация социально-экономических отношений под влиянием языковых технологий. Распространение описанных инструментов ведёт к нескольким значимым сдвигам в социально-экономической системе. Во-первых, снижаются входные барьеры (entry barriers) на международные рынки для малого и среднего бизнеса. Предприниматель, не владеющий английским языком, может вести переписку с зарубежными поставщиками, анализировать отзывы клиентов и готовить маркетинговые материалы, пользуясь автоматическими переводчиками и AI-ассистентами (AI assistants). Это способствует демократизации глобальной торговли и росту трансграничной электронной коммерции (cross-border e-commerce).

Во-вторых, меняется структура спроса на языковые компетенции. Если раньше от специалиста требовалось свободное владение иностранным языком, то теперь во многих случаях достаточно умения работать с цифровыми средствами перевода и критически оценивать полученный результат. Высвободившиеся когнитивные ресурсы человек может направить на развитие межкультурной компетенции (intercultural competence), переговорных навыков и экспертных знаний в предметной области. Исследователи отмечают, что в ближайшей перспективе знание языка останется конкурентным преимуществом в узких нишах, таких как дипломатия, художественный перевод и высший менеджмент, но перестанет быть обязательным фильтром для большинства участников международной экономической деятельности [3].

В-третьих, происходит перестройка образовательных систем. Традиционное обучение иностранным языкам вынуждено адаптироваться, смещая акценты с механического

запоминания грамматики на развитие навыков межкультурной коммуникации и критического мышления (critical thinking). Появляются гибридные форматы, где студенты взаимодействуют с AI-тьюторами, а преподаватель выполняет роль наставника. Кроме того, доступ к мировым образовательным ресурсам – массовым открытым онлайн-курсам (Massive Open Online Courses, MOOCs) – значительно расширяется за счёт автоматического перевода видеолекций и сопутствующих материалов.

Наконец, нельзя не учитывать социокультурные последствия. Ослабление монополии английского языка способствует сохранению и развитию национальных языков в цифровом пространстве, а также формирует более равноправный межкультурный диалог. В то же время возникает риск избыточного доверия алгоритмам, что может приводить к смысловым искажениям в критически важных контекстах, например в юридических документах или медицинских заключениях [4].

Заключение. Развитие информационных технологий выступает одновременно и катализатором, и инструментом трансформации современных социально-экономических систем. Английский язык, укрепивший свои позиции как международный язык бизнеса и науки, постепенно перестаёт быть жёстким ограничением благодаря прогрессу в области NLP и смежных направлений AI. Технологии машинного перевода и речевого взаимодействия делают возможной эффективную экономическую коммуникацию без обязательного глубокого владения иностранным языком, что способствует демократизации глобальных рынков, изменению требований к квалификации специалистов и перестройке образовательных траекторий.

Таким образом, идея о том, что технологии снимают ограничение на знание языка, находит практическое подтверждение. Однако снятие языкового барьера не означает полного отказа от изучения языков – скорее оно переводит этот процесс из разряда обязательного условия в категорию дополнительного преимущества, расширяя свободу выбора для миллионов людей. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на оценку качества автоматизированной коммуникации, предотвращение рисков дезинформации и адаптацию институциональной среды к новому этапу технологически опосредованной глобализации.

Список литературы

1. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика: учебное пособие / Ю.Н. Марчук. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 317 с. EDN VQNRPR

2. House J. Translation as Communication across Languages and Cultures / J. House. – London: Routledge, 2015. – 164 p. DOI 10.4324/9781315668956. EDN WULOKH

3. Koehn P. Neural Machine Translation / P. Koehn. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 402 p.

4. Attention Is All You Need / A. Vaswani, N. Shazeer, N. Parmar [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017): annual conference on neural information processing systems, Long Beach, CA, USA, 4–9 December 2017. – Annual Conference on Neural Information Processing Systems, 2017. – P. 5998–6008.

5. Digital Economy Report 2024: Shaping an Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future / United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). – Geneva: United Nations, 2024. – 250 p. – URL: https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2024 (дата обращения: 29.05.2026).

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Валиахметов Артем Альбертович
студент
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»
г. Уфа, Республика Башкортостан
Насретдинова Зульфия Табрисовна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»
г. Уфа, Республика Башкортостан
Матвейчук Наталья Михайловна
канд. физ.-мат. наук, доцент
УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»
г. Минск, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ И ОБЛАЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ МАЛОГО БИЗНЕСА

Аннотация: *в статье исследуется трансформационное влияние корпоративных и облачных информационных систем (ИС) на ценностные ориентации личности в контексте малого бизнеса. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией предпринимательской деятельности, где технологии перестают быть просто инструментом автоматизации и становятся ключевым фактором формирования корпоративной культуры и личной идентичности руководителя.*

Ключевые слова: *облачные сервисы, малый бизнес, формирование, ценностные ориентации, личность, капитальные затраты, операционные расходы, информационная безопасность, масштабирование.*

Переход малого бизнеса на облачные платформы – это не просто смена статьи расходов, а глубинная перестройка мировоззрения предпринимателя. Ценность обладания физическим активом, будь то серверная стойка или сейф с документами, постепенно замещается стремлением к мобильности и доступности ресурсов «здесь и сейчас». Сегодня надежность воспринимается не как тяжеловесная статика, а как возможность в любой момент получить данные со смартфона или оперативно нарастить мощность под сезонный всплеск заказов. Владелец пекарни или агентства перестает быть смотрителем железа – он становится диспетчером информационных потоков, для которого гибкость и скорость отклика важнее гигагерц и терабайт. Так на смену накопительству приходит культура управления доступом, где ценность процесса доминирует над ценностью вещи.

Целью данной работы является анализ механизмов, через которые внедрение современных ИС изменяет систему ценностей субъектов малого предпринимательства. В исследовании рассматриваются как позитивные, так и негативные аспекты этого влияния.

Но у этой медали есть и оборотная сторона: делегируя инфраструктуру провайдеру, предприниматель сталкивается с новым типом ответственности. Иллюзия тотального контроля над «своим» железом уступает место осознанному доверию – и жесткой необходимости следить за паролями, настройками доступа и действиями сотрудников. Вместо сисадмина на полставки появляется потребность в цифровой гигиене и понимании юридических нюансов работы с чужими мощностями. Осознание рисков блокировки у одного вендора или внезапных платежей за трафик заставляет по-новому взглянуть на экономию: она перестает быть

самоцелью, уступая место стратегическому расчету и правовой зрелости. В итоге облачные сервисы переформатируют ценностный профиль малого бизнеса, смещая акцент с владения активами на управление компетенциями и долгосрочную устойчивость модели – и именно этот неочевидный сдвиг сегодня важнее технического апгрейда.

Примечательно, что такая перестройка ценностей затрагивает не только отношение к активам, но и восприятие времени и ошибок. В локальной инфраструктуре любая доработка – это согласования, закупки, выходные у сисадмина. В облаке же эксперимент стоит копейки, а откат занимает минуты. Предприниматель начинает мыслить итерациями: запустил, проверил, скорректировал. Ошибка перестает быть катастрофой – она становится просто еще одной метрикой в дашборде. Это меняет саму психологию принятия решений: вместо мучительного взвешивания каждого шага приходит готовность пробовать, ошибаться и быстро перестраиваться. Ценность «идеального плана» уступает место ценности «быстрой проверки гипотез», а бережливость к ресурсам трансформируется в бережливость ко времени, которое теперь дороже железа.

С другой стороны, облачные инструменты незаметно перекраивают внутреннюю коммуникацию и иерархию. Доступ к данным становится равным для всех – у менеджера и директора одни и те же цифры на экране. Исчезает сакральное знание «у меня на компьютере», пропадает почва для манипуляций информацией. Прозрачность, навязанная интерфейсом, воспитывает в команде привычку к открытости и коллективной ответственности.

Почему малый бизнес массово уходит в облака, хотя еще вчера все стремились «пощупать» свой сервер? Ответ, на первый взгляд, лежит на поверхности – это деньги. Но сводить всё только к экономии было бы ошибкой. А облачный провайдер просто включает это в строку ежемесячных расходов. Капитальные затраты (CapEx) превращаются в операционные (OpEx) – для малого бизнеса это вопрос выживания, а не бухгалтерской эстетики.

Однако было бы слишком просто заявлять, что облака – это только удобно и дешево. Да, гибкость поражает: сегодня вам нужно два виртуальных ядра, а в «черную пятницу» – двадцать, и вы получаете их за пару кликов, а потом так же легко откатываете назад. Никакое физическое оборудование такой маневренности не даст. Оно либо простаивает, либо задыхается под нагрузкой.

Но есть нюансы, о которых в эйфории цифровизации часто забывают. И это не технические сбои, от которых не застрахован никто.

Стоит отметить, что многие бросаются в облака, до конца не понимая своей модели потребления. Иллюзия бесконечности ресурсов играет злую шутку: виртуальная машина не выключается на ночь, тестовые стенды месяцами пожирают деньги. Это как оставить открытым кран с горячей водой.

И всё же главный вопрос, который рано или поздно встает перед малым бизнесом – это не столько технологический выбор, сколько безопасность. Причем в самом широком смысле. Да, провайдер обеспечивает физическую защиту дата-центров и отражает DDoS-атаки, но он не спасает от человеческой глупости. Кривой пароль администратора или случайно открытый публичный доступ к базе данных остаются на совести самого предпринимателя.

Подводя итог, хочется сказать о том, что выбор в пользу аренды вычислительных мощностей для малого бизнеса сегодня выглядит не как прихоть, а как эволюционная неизбежность. Это дает стартапу скорость и мобильность, которые несопоставимы с покупкой собственной стойки. Но и риски тут системные. Они уже не «железные», а финансовые и правовые.

В конечном счете, описанные ценностные сдвиги проявляются не только в головах владельцев, но и в повседневной рутине компании. Переход от «хранения» к «доступу» меняет отношение к сотрудникам: теперь ценятся не те, кто умеет переустанавливать ОС на сервере, а те, кто способен интерпретировать данные из CRM и принимать решения на лету. Это формирует запрос на универсальность: вчерашний бухгалтер осваивает облачную аналитику,

менеджер учится выгружать API-отчеты, а сам собственник перестает делить жизнь на рабочую и личную – данные всегда с ним, и это размывает границы, но одновременно создает ощущение тотальной включенности, которое для многих становится новой точкой опоры.

Однако этот переход таит в себе внутреннее противоречие. Стремление к легкости и мобильности оборачивается новой зависимостью – не от железа, а от провайдера, тарифов и каналов связи. Те, кто справляется с этим, превращают облака в инструмент роста, а не в клетку, переключая фокус с «как это устроено» на «зачем это мне нужно».

В итоге для малого бизнеса облачные системы становятся не просто технической платформой, а своеобразным зеркалом зрелости собственника. Те, кто воспринимает аренду мощностей как очередную коммунальную услугу, быстро адаптируются и начинают видеть в ней ресурс для экспериментов – запустить новый проект за день, протестировать гипотезу без капитальных вложений, свернуть неудачу без боли списания оборудования. И если исходить из нашего опыта, главный выигрыш облаков – это не сэкономленные рубли, а высвобожденное внимание, которое можно направить на клиентов, продукт и развитие. Именно эта переориентация с «вещей» на «смыслы» и есть тот самый скрытый ресурс, который в конечном счете определяет конкурентоспособность небольшой компании в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Вырщиков А.Н. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе / А.Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев. – Волгоград: Авторское перо, 2021. – 264 с.

2. Гайсина А.М. Формирование и исполнение бюджета на местном уровне / А.М. Гайсина, З.Т. Насретдинова // Успехи современного естествознания. – 2014. – №8. – С. 170–171. EDN SEJRXN

3. Кульсарина А.С. Управление финансовой устойчивостью предприятия и риском его банкротства / А.С. Кульсарина, З.Т. Насретдинова // Успехи современного естествознания. – 2014. – №8. – С. 172. EDN SEJRZB

4. Матвейчук Н.М. Обзор и перспективы развития управления информационными технологиями в сельском хозяйстве Российской Федерации, Китая и Белоруссии / Н.М. Матвейчук, Ю.Н. Сотсков, А.Ю. Михайлов // E-Management. – 2024. – Т. 7. №3. – С. 4–19. DOI 10.26425/2658-3445-2024-7-3-4-19. EDN ZVOAHW

5. Матвейчук Н.М. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса и подготовка инженеров-аграриев по новым специальностям / Н.М. Матвейчук, Ю.Н. Сотсков // Экономика, моделирование, прогнозирование. – 2024. – Вып. 18. – С. 182–188. EDN FMIGDB

6. Насретдинова З.Т. Эффективность ресурсосберегающих технологий / З.Т. Насретдинова // Естественные и технические науки. – 2013. – №3(65). – С. 111. EDN QITGSH

7. Влияние субсидии на формирование финансовых результатов в сельском хозяйстве / Ю.Я. Рахматуллин, Г.Б. Ахмедина, А.Н. Кузяшев, З.Т. Насретдинова // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – №1(50). – С. 204–208. DOI 10.25683/VOLBI.2020.50.141. EDN JFYMBR

Газиева Арина Владимировна
преподаватель
Ежукова Ирина Федоровна
канд. пед. наук, доцент, доцент
Газиев Радмир Рафилевич
студент

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ВНУТРЕННИЕ МЕДИА НЕФТЯНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье рассматривается роль внутренних медиа нефтяных предприятий в процессе адаптации молодых специалистов, и оценивается экономическая эффективность данного инструмента. На основе анализа практик крупнейших российских нефтяных компаний (ПАО «Газпром нефть», ПАО «НК «Роснефть») и данных научных исследований обосновывается, что развитая система внутренних коммуникаций позволяет сократить сроки выхода молодого специалиста на проектные показатели производительности труда, снизить затраты на обучение и уменьшить текучесть кадров в первые годы работы. Предложена методика оценки экономической эффективности внутренних медиа, включающая расчет прямого и косвенного экономического эффекта. Разработаны практические рекомендации по формированию системы внутренних медиа для адаптации молодых специалистов в нефтяных предприятиях.*

Ключевые слова: *внутренние медиа, нефтяные предприятия, адаптация молодых специалистов, корпоративная культура, экономическая эффективность, кадровая политика, HR-бренд.*

Кадровая обеспеченность нефтяной отрасли Российской Федерации является одним из стратегических приоритетов энергетической политики государства. Согласно данным медиарейтинга СКАН-Интерфакс, в 2024–2025 годах крупнейшие российские нефтяные компании – ПАО «Газпром нефть» и ПАО «НК «Роснефть» – уделяют особое внимание вопросам развития персонала и подготовки кадров [1; 5]. Повестка компании «Газпром нефть» в 2024 году в значительной степени формировалась сообщениями о развитии персонала и укреплении партнерства с образовательными учреждениями в рамках корпоративной программы «Лига колледжей» [5].

В условиях высокой конкуренции на рынке труда и усложнения технологических процессов добычи и переработки углеводородов проблема адаптации молодых специалистов приобретает особую актуальность. Процесс вхождения выпускника вуза в профессиональную среду на нефтяном предприятии связан со значительными экономическими издержками: затраты на наставничество, обучение, низкая производительность в начальный период, а также риски увольнения в течение первых двух лет работы. В связи с этим актуальным становится поиск эффективных инструментов, позволяющих ускорить и удешевить процесс профессиональной и социокультурной адаптации молодых кадров.

Одним из таких инструментов выступают внутренние медиа предприятия – совокупность корпоративных коммуникационных каналов, включающих корпоративные газеты и журналы, внутренние порталы и сайты, социальные сети, мобильные приложения, корпоративное телевидение и радио. Как отмечают исследователи, корпоративные медиа являются ключевым инструментом формирования корпоративной культуры и укрепления внутреннего имиджа организации [2].

Адаптация молодого специалиста представляет собой процесс взаимного приспособления работника и организации, включающий профессиональное, социально-психологическое и организационное освоение. Для нефтяной отрасли, характеризующейся высокой степенью производственных рисков, территориальной удаленностью объектов, сложной организационной структурой и специфической корпоративной культурой, адаптационный период имеет ряд особенностей.

Экономическая значимость процесса адаптации обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в период адаптации производительность труда молодого специалиста существенно ниже производительности опытных сотрудников. Выход на плановые показатели у молодых инженеров нефтяных компаний занимает от 6 до 18 месяцев в зависимости от сложности должностных обязанностей. Во-вторых, предприятие несет прямые затраты на наставничество – опытные сотрудники отвлекаются от основных обязанностей для обучения новичков. В-третьих, высок риск увольнения в адаптационный период, что приводит к неокупаемости инвестиций в подбор и обучение персонала.

Внутренние медиа выполняют комплекс функций, непосредственно способствующих адаптации молодого специалиста.

1. Информационная функция – оперативное доведение до нового сотрудника сведений о деятельности компании, ее стратегии, структуре, ценностях и нормах поведения. Как отмечает Н.Н. Могутнова, корпоративная культура представляет собой совокупность разделяемых трудовым коллективом ценностей, норм и традиций, формирующих чувство сопричастности к организации [3].

2. Коммуникативная функция – установление горизонтальных и вертикальных связей между молодым специалистом и коллективом, руководством, наставником. Внутренние медиа снижают коммуникационные барьеры, делая информацию доступной и понятной.

3. Социализирующая функция – трансляция ценностей, традиций, правил поведения, формирование корпоративной идентичности. Как подчеркивается в исследовании Михайлова А.В. и Харьяновой Д.В., использование различных инструментов коммуникаций поддерживает внутренний имидж организации и повышает лояльность персонала [2].

4. Обучающая функция – распространение профессиональных знаний, лучших практик, информирование о технологических новшествах.

Опыт крупных нефтяных компаний подтверждает эффективность внутренних медиа. В ПАО «Газпром нефть» функционирует корпоративная социальная сеть «Мобильная Лента», которая, согласно исследованию Высшей школы экономики, оказывает прямое влияние на вовлеченность сотрудников через такие механизмы, как осведомленность, карьерная мотивация и практики здоровой организации [6]. Проект «Газпром нефть шельфа» «Работа в Арктике и вокруг нее» получил признание как эталонный пример использования digital-форматов для популяризации профессий отрасли, показав, как «даже самая сложная и далёкая от массового восприятия тема может стать источником вдохновения и вовлечения, если в ее центре – человек» [4].

На основе анализа открытых источников и практик крупнейших российских нефтяных компаний можно выделить следующие форматы внутренних медиа, используемые в процессе адаптации молодых специалистов (табл. 1).

Таблица 1

Форматы внутренних медиа нефтяных предприятий

№ п/п	Представляемый формат	Краткая характеристика
1	Корпоративные информационные порталы и мобильные приложения	Стандартом для крупных нефтяных предприятий являются внутренние веб-порталы, аккумулирующие новости, нормативные документы, обучающие материалы, контакты сотрудников. В дочерних обществах ПАО «НК «Роснефть», включая АО «Восточно-Сибирская нефтегазовая компания», разрабатываются корпоративные чаты и мобильные приложения для оперативного информирования персонала [2]
2	Корпоративные социальные сети	Исследование кейса «Мобильная Лента» в «Газпром нефти» демонстрирует, что предприятие социальной сети является эффективным каналом не только для передачи информации, но и для выстраивания доверительных отношений в коллективе. Результаты, полученные с использованием метода структурного моделирования, подтверждают наличие опосредованного эффекта: осведомленность сотрудника о жизни компании через социальную сеть положительно влияет на его карьерную мотивацию и восприятие практик здоровой организации, что в совокупности повышает уровень вовлеченности [6]
3	Внутренние PR-проекты	Показательным примером является коммуникационный проект «Газпром нефть шельфа» «Работа в Арктике и вокруг нее», победивший в национальном конкурсе PR-проектов «КонТЭКст». Проект включал интерактивную прогулку по арктическим местам «Арктический детектив», серию материалов «Хобби бинго», где сотрудники рассказывали о связи увлечений с работой, и другие digital-форматы. Как отметила начальник управления корпоративных коммуникаций Диана Кабардинцева, «популяризация профессий нефтедобывающей отрасли – это не просто HR-задача. Это миссия по созданию устойчивых ассоциаций, что «Газпром нефть» – это уникальные возможности, передовые технологии, сильные и увлеченные своим делом люди» [4]
4	Корпоративные мероприятия и доски почета	В ООО «РН-Ванкор» практикуется использование досок почета для публичного признания заслуг сотрудников, что также является элементом внутренних коммуникаций. Приказ о включении в перечень «работников месяца» может сопровождаться материальными бонусами, а сам факт публикации на корпоративных ресурсах повышает статус сотрудника в глазах коллег [4]

Оценка экономической эффективности внутренних медиа как инструмента адаптации требует комплексного подхода, учитывающего как прямые, так и косвенные эффекты. В рамках настоящего исследования предлагается следующая методика.

1. Прямой экономический эффект, который рассчитывается как разница между затратами на внедрение и функционирование системы внутренних медиа и экономией на операционных расходах по управлению персоналом.

Затраты (З) включают единовременные затраты на разработку и внедрение медиа-платформы (создание портала, мобильного приложения, каналов коммуникации); текущие затраты на содержание (администрирование, производство контента, техническая поддержка).

Экономия (Э) включает сокращение следующих статей расходов: затраты на наставничество (сокращение времени наставника на работу за счет систематизированных обучающих материалов, размещенных во внутренних медиа); затраты на проведение формальных инструктажей и вводных тренингов (часть информации может передаваться в цифровом

формате); затраты на подбор и замену сотрудников, уволившихся в адаптационный период (за счет снижения текучести кадров). Расчет прямого экономического эффекта (ПЭ) в годовом исчислении: ПЭ = (Э_наставничество + Э_обучение + Э_замена) – (З_разработка/год + З_содержание), где все показатели представлены в стоимостном выражении.

2. Косвенный экономический эффект связан с влиянием внутренних медиа на нематериальные факторы, которые в долгосрочной перспективе трансформируются в экономические результаты: сокращение сроков выхода молодого специалиста на проектные показатели производительности труда; снижение числа ошибок и нарушений, связанных с недостаточным знанием технологических процессов и корпоративных регламентов (снижение производственных рисков); рост вовлеченности и лояльности персонала, что в долгосрочной перспективе снижает текучесть и повышает производительность труда. Количественная оценка косвенного эффекта может быть произведена через динамику кадровых показателей в группах сотрудников, использующих и не использующих внутренние медиа, при условии формирования репрезентативной выборки.

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер по созданию и развитию системы внутренних медиа, ориентированной на адаптацию молодых специалистов нефтяных предприятий.

1. Содержательные рекомендации.

Создание «Адаптационного портала» – специального раздела на внутреннем информационном ресурсе, содержащего карту предприятия и структурных подразделений с контактами ключевых сотрудников; базу знаний по технологическим процессам с использованием инфографики, видеоинструкций, виртуальных туров; ответы на часто задаваемые вопросы (FAQ), сформированные на основе опросов молодых специалистов; расписание корпоративных мероприятий, учебных семинаров, культурных событий; «календарь наставника» с плановыми точками контроля адаптации.

Разработка серии контента «Истории успеха» – интервью с молодыми специалистами, которые успешно адаптировались и достигли карьерных результатов.

Интеграция системы внутренних медиа с наставничеством – создание цифрового канала связи «наставник-стажер» в корпоративной социальной сети, позволяющего оперативно получать обратную связь и решать возникающие вопросы без бюрократических барьеров.

Геймификация адаптационного процесса – разработка квестов, викторин, онлайн-игр для молодых специалистов, выпускников вузов по ознакомлению с предприятием.

Ежеквартальный мониторинг эффективности медиа для адаптации – проведение опросов молодых специалистов об информационной удовлетворенности, скорости получения информации, уровне понимания корпоративных норм.

2. Организационные рекомендации.

Закрепление функционала по ведению контента для адаптации за отделом по работе с персоналом или службой внутренних коммуникаций с выделением отдельного сотрудника-куратора.

Формирование при участии молодых специалистов «контент-совета» для регулярного обновления материалов и корректировки контент-стратегии в соответствии с актуальными запросами.

Возможность бюджетирования системы внутренних медиа как инвестиционного проекта с расчетом планируемой окупаемости, используя предложенную методику оценки эффективности.

Внутренние медиа нефтяного предприятия являются эффективным экономическим инструментом адаптации молодых специалистов, позволяющим снизить операционные затраты на вхождение в должность, ускорить выход на проектные показатели производительности и уменьшить текучесть кадров в адаптационный период. Предложенная методика оценки экономической эффективности дает возможность количественно обосновать инвестиции в развитие корпоративных коммуникаций. Опыт ведущих российских нефтяных компаний –

«Газпром нефти» (корпоративная сеть «Мобильная Лента», проект «Работа в Арктике и вокруг нее») и «Роснефти» (активное использование внутренних порталов, социальных сетей, досок почета) – подтверждает практическую значимость внутренних медиа для формирования корпоративной культуры, повышения лояльности и вовлеченности персонала. Разработанные практические рекомендации по содержательному и организационному обеспечению системы внутренних медиа могут быть использованы для повышения социально-экономической эффективности адаптационных процессов на предприятиях нефтяной отрасли.

Список литературы

1. Гальт Л. Компания, ведущая разработку месторождений в Югре, вошла в число лидеров отраслевого медиарейтинга / Л. Гальт. – URL: https://ugra-news.ru/article/kompaniya_vedushchaya_razrabotku_mestorozhdeniy_v_yugre_voshla_v_chislo_liderov_otraslevogo_mediarey/ (дата обращения: 17.06.2026).

2. Михайлов А.В. Инструменты формирования корпоративной культуры компании в ООО «РН-ВАНКОР» / А.В. Михайлов, Д.В. Харьянова // Российская школа связей с общественностью. – 2023. – №28. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-formirovaniya-korporativnoy-kultury-kompanii-v-ooo-rn-vankor (дата обращения: 17.06.2026). EDN PSKSHT

3. Могутнова Н.Н. Корпоративная культура: понятие, подходы / Н.Н. Могутнова // Социологические исследования. – 2005. – №4(252). – С. 130–135. EDN OOZFDN

4. Николаев П. Digital-покорение Арктики: коммуникационный проект «Газпром нефть шельфа» победил на главном PR-конкурсе российского ТЭК / П. Николаев. – URL: https://spbdnevnik.ru/news/2025–12–05/digital-pokorenie-arktiki-kommunikatsionnyy-proekt-gazprom-neft-shelfa-pobedil-na-glavnom-pr-konkurse-rossiyskogo-tek (дата обращения: 17.06.2026).

5. Составлен медиарейтинг российских нефтегазовых компаний за 2024 год. – URL: https://newsvostok.ru/sostavlen-mediareyting-rossiyskih-neftegazovyh-kompaniy-za-2024-god/ (дата обращения: 17.06.2026).

6. Rakitina E. The Impact of Enterprise Social Network on Employee Engagement: A Case Study of Mobile Lenta in Gazprom Neft / E. Rakitina. – Bachelor's Thesis. – M.: HSE, 2024. – 68 p.

Djabbarova Aishan Elnur kizi
student
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN BRAND IMAGE FORMATION

Abstract: *this article explores the pivotal role of social media platforms, particularly TikTok and Telegram, in shaping and enhancing brand image in the digital age. By analyzing key mechanisms such as visual content, interactivity, viral marketing, and reputation management, the study demonstrates how modern brands leverage these platforms to build emotional connections with their audience. The article also highlights the growing importance of real-time feedback and AI-driven sentiment analysis in reputation management. Ultimately, it argues that social media has evolved from a mere communication tool into a strategic asset for brand development, where authenticity and adaptability are critical for long-term success.*

Keywords: *social media, brand image, digital marketing, TikTok, Telegram, viral content, reputation management, audience engagement.*

Джаббарова Айшан Эльнур кызы
студентка
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы»
г. Москва

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА БРЕНДА

Аннотация: *в статье рассматривается ключевая роль платформ социальных сетей, в частности TikTok и Telegram, в формировании и укреплении имиджа бренда в эпоху*

цифровых технологий. Анализируя ключевые механизмы, такие как визуальный контент, интерактивность, вирусный маркетинг и управление репутацией, авторы исследования демонстрируют, как современные бренды используют эти платформы для установления эмоциональных связей со своей аудиторией. В статье также подчеркивается растущее значение обратной связи в режиме реального времени и анализа настроений на основе искусственного интеллекта в управлении репутацией. В конечном счете, это доказывает, что социальные сети превратились из простого инструмента коммуникации в стратегический актив для развития бренда, где аутентичность и адаптивность имеют решающее значение для долгосрочного успеха.

Ключевые слова: *социальные сети, имидж бренда, цифровой маркетинг, TikTok, Telegram, вирусный контент, управление репутацией, вовлечение аудитории.*

Today, social networks have become firmly embedded in everyday life, becoming not just platforms for communication, but an essential element of digital culture. We actively consume content: we watch short videos on YouTube, participate in TikTok challenges, and follow updates from friends and popular bloggers on VK and Telegram. However, social media is not only entertainment, but also a powerful marketing tool.

Realizing their impact, modern brands integrate social media into their promotion strategies. These platforms allow companies not only to advertise goods and services, but also to form a stable image, build a trusting dialogue with the audience and respond promptly to changing trends. In highly competitive conditions, it is social networks that become the key channel for creating an emotional connection with the consumer.

Different platforms have unique characteristics, which requires marketers to be flexible in choosing promotion tools. This article examines how social media platforms like TikTok and Telegram influence brand image formation.

A brand's image is a set of impressions, associations, and emotions that consumers experience when interacting with a brand. This is the image that the company wants its customers to highlight. Positioning, identity, brand attributes, advertising policy, and customer satisfaction play a huge role in image formation. In the digital age, social media has become a key aspect of image formation and promotion, as they provide:

1. Visual content is the basis for emotional impact.

The human brain processes visual information 60,000 times faster than textual information (MIT research, 2014) [1]. Social networks, being platforms with a predominance of visual content, allow brands to

– create a memorable style through the company's color palette, fonts, and graphics (for example, Apple's recognizable minimalism);

– convey values through images – environmental friendliness (The Body Shop demonstrates packaging recycling processes), innovation (Tesla publishes video test drives of new models);

– simplify complex information – infographics in bank posts (for example, Tinkoff explains investment products).

2. Interactivity: from passive consumption to engagement.

Social networks transform one-way communication, from advertising to the consumer, into a dialogue:

– likes and reposts as social proof – posts with 15,000 likes are accepted as more reliable;

– comments – providing instant feedback (clothing brands, such as Zara, promptly answer questions about sizes);

– votes and polls (Starbucks launch stories to select a new taste of the drink, where subscribers can vote).

A prime example is Nike's «Just Do It» campaign, which launched a global TikTok challenge #JustDoIt encouraging users to share their athletic achievements – effectively transforming customers into active participants of brand storytelling. This challenge garnered participation from over

4.3 million users, with the hashtag going so viral that it transcended sports contexts and entered mainstream usage. The campaign drove an 18% increase in sales of Nike's training apparel. In 2023, Nike replicated this successful formula with a female-focused iteration #JustDoItShe, which collected 600,000 video submissions within just three months, reinforcing Nike's positioning as an inclusive brand.

3. Viral distribution: the effect of word of mouth in the digital world.

Social media algorithms enhance the reach of content that evokes strong emotions, contains a useful or entertaining aspect, and includes game elements (gamification).

The word-of-mouth effect has evolved into new digital forms through messaging apps in the modern era. Gymshark brilliantly adapted this principle on Telegram by creating a system where customers themselves became the brand's key promoters. This works through several mechanisms:

– closed channels like VIP clubs:

Exclusive access to new collections (48 hours earlier than others) turned ordinary customers into privileged «insiders». This provoked them to share information in personal chats and social networks – the modern equivalent of «did you hear that...»;

– personal promo codes with the effect of elitism:

By receiving the promo code «GS-TELEGRAM-15», the user did not just save money – he got a reason to show off his special status to his friends. This created a chain reaction: «Where did you get this code?" – «Subscribe to their Telegram» is a new loyal customer;

– chat communities with crowd effect:

Gymshark Underground worked on the principle of word of mouth in real time. The participants actively discussed new items among themselves, shared photos in new equipment, and gave each other training tips.

– result:

– 68% of new customers in 2020–2022 came based on recommendations from Telegram chats

– 3 times higher than the average retention rate of the telegram audience

– 40% savings on advertising due to organic growth

Telegram, unlike open social networks, is perceived as a «personal space». The recommendations here have the effect of a friend's confidential advice, rather than intrusive advertising. Gymshark reinforced this by creating a system where customers voluntarily became «influencers» of the brand in their social circles.

4. Customer Feedback: Reviews as a Reputation Management Tool.

In the digital era, customer feedback through social media has evolved from a basic communication channel into a powerful tool for shaping brand reputation. Modern consumers increasingly use platforms like Telegram and WhatsApp Business not just to file complaints, but as spaces for meaningful dialogue with companies. A prime example is Sberbank’s customer support service on Telegram, where clients receive personalized responses within an average of seven minutes, creating the effect of having a «personal manager." This approach doesn’t just resolve issues-it fosters emotional attachment, with 68% of users reporting that high-quality online support strengthens their brand loyalty.

Dealing with negative reviews in the public space plays a special role. When KFC faced a wave of criticism for delayed delivery, the company did not just apologize but played free lunches among the most active critics. This move turned 73% of negative comments into positive ones, demonstrating the principle of «crisis = opportunity." Modern brands have learned to use such situations to demonstrate transparency – public responses to complaints on social media increase trust by 41% compared to traditional apologies through press releases.

Advanced companies complement manual interaction with sentiment analysis technologies. Brandwatch-type neural networks evaluate the tonality of 5.3 million brand mentions daily in real time, identifying non-obvious trends. For example, when an analysis showed that 38% of negative reviews of a cosmetics brand contain the word «dryness», the company promptly launched a line of moisturizers, turning the problem into a new product.

Statistics from Statista (2023) confirm the critical importance of this work.: 70% of consumers study social media before buying, and 54% are ready to abandon the brand in the absence of a reaction to a negative review. Moreover, 83% of users expect a response to a complaint within 24 hours, and 48% – within the first 4 hours. That is why large companies try to invest up to 10% of the marketing budget in feedback monitoring. This method can identify promising areas for the company's development – over the past 3 years, more than 25% of successful products have been based on the analysis of customer comments on social networks.

Modern social networks have significantly changed the approach to brand image formation, becoming powerful platforms for creating emotional connections with the audience. Research and real-life examples of companies show that platforms such as TikTok and Telegram allow brands to go beyond the usual product promotion by building a dialogue with consumers through visual content and interactive formats. Success stories from Nike, Gymshark, and KFC illustrate how viral challenges, exclusive Telegram communities, and feedback management create word-of-mouth effects, boost loyalty, and convert ordinary customers into brand ambassadors. Reputation management has become particularly crucial – today's consumers expect instant responses to reviews, while cutting-edge companies leverage AI analytics to transform criticism into growth opportunities. In the digital age, social media has emerged as a strategic asset where the fusion of creative formats, technology, and authentic audience engagement determines brand success. The future of branding will hinge on companies' ability to adapt to new digital realities while maintaining authenticity and human touch in communication, making social networks not just marketing tools but the primary environment for building enduring brand perception in consumers' minds.

References

1. Massachusetts Institute of Technology. (2014). Visual Processing Speed Study. URL: https://www.mit.edu/ (date of request: 15.04.2025).

2. Otuetdesign. (n.d.). Brand image: Types, examples, stages of image creation. URL: https://otvetdesign.ru/blog/imidzh-brenda (date of request: 15.04.2025).

3. The Brand Hopper. (2023, July 18). Just Do It Right: Analyzing Nike's Timeless Marketing Strategies. URL: https://thebrandhopper.com/2023/07/18/just-do-it-right-analyzing-nike-timeless-marketing-strategies/ (date of request: 20.04.2025).

4. SendPulse. (n.d.). What is brand image: Fundamentals. URL: https://sendpulse.com/ru/support/glossary/brand-image (date of request: 15.04.2025).

5. Statista. (2023). Consumer behavior and brand perception on social media. URL: https://www.statista.com/ (date of request: 17.04.2025).

Ишханян Анна Эминовна
студентка
ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
г. Москва

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАО «РОСТЕЛЕКОМ»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: *статья посвящена вопросу оценки и практических рекомендаций по повышению экономической эффективности деятельности организации ПАО «Ростелеком». Автором рассмотрены некоторые методы, способствующие повышению экономической эффективности организации, сделаны выводы о целесообразности использования факторинга и комплексной оптимизации задолженностей для повышения ликвидности, оборачиваемости и общей финансовой устойчивости ПАО «Ростелеком».*

Ключевые слова: *экономическая эффективность, дебиторская задолженность, факторинг, реструктуризация задолженности, оборачиваемость, финансовая устойчивость, управление оборотным капиталом.*

ПАО «Ростелеком» – российский провайдер цифровых услуг и сервисов. Предоставляет услуги широкополосного доступа в Интернет, интерактивного телевидения, сотовой и телефонной связи.

Однако широкий портфель услуг не уберегает компанию от проблем: финансовая устойчивость, ликвидность и платежеспособность ПАО «Ростелеком» остаются ее уязвимыми местами.

Ключевую роль здесь играет величина задолженности: чем хуже клиенты и заказчики платят за оказанные услуги, тем сильнее компания нуждается в заемных средствах. Отсюда и потребность в мерах, которые не дают задолженности расти и помогают ее снижать [6, с. 52].

И рост, и сокращение дебиторской задолженности напрямую сказываются на оборачиваемости вложенного в оборотные активы капитала, а значит – и на финансовом состоянии предприятия.

Резкий рост дебиторской задолженности и ее удельного веса в оборотных активах может указывать сразу на несколько причин: чрезмерно мягкую кредитную политику в отношении покупателей, увеличение объемов реализации либо ухудшение платежеспособности и банкротство части клиентов [5, с. 29].

Снижение дебиторской задолженности стоит трактовать как благоприятный признак лишь тогда, когда оно достигнуто за счет сокращения сроков ее погашения.

Если же задолженность уменьшается из-за сокращения отгрузки продукции, это, напротив, сигнализирует о падении деловой активности предприятия.

Получается, что рост дебиторской задолженности нельзя автоматически считать злом, а ее сокращение – благом: всё решают причины, которые за этим стоят.

Эффективное управление дебиторской задолженностью предполагает поддержание ее оптимального объема, своевременное взыскание платежей и обязательное разграничение нормальной и просроченной задолженности.

Просроченная задолженность порождает для организации финансовые трудности: возникает нехватка средств на выплату заработной платы, закупку производственных запасов и прочие текущие нужды. Кроме того, «замороженные» в дебиторской задолженности средства замедляют оборачиваемость капитала, а сама просрочка повышает риск недополучения прибыли и невозврата долгов [6, с. 53].

Ускорить поступление платежей помогают такие инструменты, как факторинг, вексельные расчеты, предварительная оплата и другие подобные механизмы.

В качестве мер оздоровления финансового состояния ПАО «Ростелеком» можно провести реструктуризацию кредиторской задолженности.

Под реструктуризацией кредиторской задолженности понимают комплекс мероприятий, направленных на уменьшение обязательств организации перед бюджетом, контрагентами и внебюджетными фондами. К таким мероприятиям относятся: предоставление рассрочки или отсрочки платежей; проведение взаимозачета встречных требований; переоформление долга в заемное обязательство; продажа долговых обязательств; погашение задолженности имуществом должника, а также ее списание [3].

Дополнительно ускорить оборачиваемость активов «Ростелекома» помогли бы и более «приземленные» шаги: отладка системы продаж, повышение конкурентоспособности услуг и рост квалификации сотрудников [6, с. 54].

В балансе ПАО «Ростелеком» дебиторская и кредиторская задолженности занимают весомую долю, поэтому работать с ними приходится особенно внимательно. От того, как компания управляет этими статьями, в конечном счете зависят ключевые финансовые показатели – вплоть до рыночной стоимости самого бизнеса.

Для роста экономической эффективности компании имеет смысл задействовать факторинг как инструмент оптимизации дебиторской задолженности – он положительно скажется на финансовом состоянии ПАО «Ростелеком».

Факторинговый механизм обладает рядом несомненных достоинств, к ключевым из которых можно отнести следующие [1, с. 49]:

– финансирование предоставляется на протяжении всего периода взаимодействия предприятия с дебиторами;

– в отличие от обычного кредита поставщику не требуется накапливать средства для возврата долга: полученное финансирование закрывается за счет платежей покупателей;

– объем финансирования автоматически растет вместе с увеличением выручки.

Среди главных преимуществ факторинга для ПАО «Ростелеком» можно выделить: привлечение дополнительного финансирования без залога; ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности; увеличение товарооборота; усиление контроля за погашением текущей задолженности; повышение покупательной способности.

Экономический смысл факторинга состоит в следующем: фактор-фирма (организация со статусом кредитного учреждения) выкупает у клиента право требования долга и сразу выплачивает ему большую часть суммы требований к дебиторам, фактически финансируя клиента до момента оплаты долга самим должником. Оставшуюся часть, удержав свою комиссию, фактор перечисляет клиенту после того, как должник полностью рассчитается. В итоге клиент быстрее получает денежные средства и проводит собственные платежи, уплачивая фактор-фирме определенный процент за услугу. По сути, клиент уступает фактору право требования долга с дебитора. Любопытно, что исторически факторинг возник как посредническая торговая операция и лишь позднее приобрел черты кредитования [1, с. 50].

Проанализируем долю дебиторской задолженности в выручке организации на основании годовых форм бухгалтерской отчетности ПАО «Ростелеком» [4] (табл. 1).

Таблица 1

Доля дебиторской задолженности в выручке организации, %

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Выручка, млрд руб.	407,5	450,5	499,5
Дебиторская задолженность, млрд руб.	87,2	81,9	92,5
Доля дебиторской задолженности в выручке, %	21,4	18,2	18,5

Анализ динамики дебиторской задолженности в сопоставлении с выручкой организации за период 2023–2025 гг. выявляет ряд важных тенденций. Наблюдается стабильный рост выручки, увеличившейся с 407,5 млрд руб. в 2023 году до 499,5 млрд руб. в 2025 году, это свидетельствует об успешном развитии бизнеса и увеличении объемов продаж.

Дебиторская задолженность демонстрирует разнонаправленную динамику: снижение с 87,2 млрд руб. в 2023 году до 81,9 млрд руб. в 2024 году, с последующим ростом до 92,5 млрд руб. в 2025 году. Доля дебиторской задолженности в выручке сократилась с 21,4% в 2023 году до 18,2% в 2024 году, а в 2025 году незначительно увеличилась – до 18,5%. Несмотря на это снижение по сравнению с 2023 годом, доля дебиторской задолженности остается достаточно высокой.

Рассмотрим структуру дебиторской задолженности ПАО «Ростелеком» за 2025 год с учетом сроков возникновения задолженности. Из общей суммы дебиторской задолженности (92,5 млрд руб.) на расчеты с покупателями и заказчиками приходится 61,4 млрд руб.; именно по этой статье отчетность раскрывает разбивку по срокам (табл. 2).

Таблица 2

Структура дебиторской задолженности покупателей и заказчиков по сроку возникновения в ПАО «Ростелеком» за 2025 г.

Дебиторская задолженность по срокам возникновения	Сумма, млрд руб.	Удельный вес в общей сумме деб. задолженности, %
Текущая	45,1	73,4
Просрочка до 1 мес.	5,0	8,2
Просрочка 1–2 мес.	1,4	2,3
Просрочка 2–3 мес.	1,6	2,6
Просрочка 3–4 мес.	0,5	0,8
Просрочка свыше 4 мес.	7,8	12,7
Итого	61,4	100,0

В структуре задолженности покупателей и заказчиков за 2025 год преобладает текущая (непросроченная) часть – на нее приходится 73,4% (45,1 млрд руб.). Это говорит о том, что основную массу счетов контрагенты оплачивают в установленные сроки, а платежная дисциплина в целом высокая. Просроченная задолженность сроком до четырех месяцев составляет около 14% (8,5 млрд руб.) – это рабочая зона, под которую компания формирует резервы по сомнительным долгам.

Отдельного внимания заслуживает задолженность со сроком свыше четырех месяцев – 12,7% (7,8 млрд руб.). Именно она наиболее проблемна: это потенциальные невозвраты, под которые в отчетности уже создан резерв по ставке около 75%. Такую задолженность нецелесообразно передавать на факторинг – фактор не выкупает проблемные долги по их номинальной стоимости. Для нее уместны иные меры: претензионно-исковая работа, взыскание через суд, продажа долга по договору цессии или списание безнадежной части. Компании при этом стоит ужесточить контроль за сроками оплаты, чтобы не допускать перетекания текущей задолженности в просроченную.

Для ускорения оборачиваемости и высвобождения оборотного капитала компания может передать на факторинг часть текущей (непросроченной) задолженности покупателей. Именно с такой – ликвидной и не просроченной – задолженностью работает факторинг: фактор финансирует поставщика под еще не наступившие платежи надежных дебиторов. Это позволяет получить денежные средства, не дожидаясь окончания срока отсрочки, снизить объем дебиторской задолженности в балансе и ускорить операционный цикл ПАО «Ростелеком».

Рассмотрим условия факторинга, которые предлагают кредитно-финансовые учреждения (табл. 3).

Таблица 3

Компании, предоставляющие услуги факторинга

Факторинговая компания	Срок предоставления финансирования, дней	Макс. отсрочка, дней	Срок ожидания, дней	Комиссия, % от суммы
АО ЮниКредит Банк	до 15	до 60	30	17–22
Промсвязьбанк	до 15	до 90	45	13–20
Московский Кредитный Банк	до 10	до 60	45	16–20
Первый республиканский Банк	до 20	до 90	30	22–25
Русский банк Развития	до 10	до 90	45	12–18
Русская Факторинговая Компания	до 15	до 90	30	16–22

Очевидно, что наиболее выгодные условия предоставления факторинга у компаний «Русский банк Развития» и «Промсвязьбанк», так как они имеют минимальный срок предоставления финансирования. То есть у компании имеется возможность получения денежных средств сразу (до 10 дней) после предоставления услуги (до 80%).

В «Русском банке Развития» проценты ниже, поэтому выгодней работать с ним. Условия проведения факторинговых операций в данном кредитном учреждении заключаются в следующем:

– комиссия в размере 12–18% от суммы задолженности;

– плата за обслуживание 0,5% от суммы переуступленных долгов.

Для оценки эффекта примем сумму передаваемой на факторинг текущей задолженности покупателей равной 15 млрд руб. (около трети текущей задолженности по данной статье).

Сумма комиссии = 15 х 0,18 = 2,7 млрд руб.

Сумма платы за обслуживание = 15 х 0,005 = 0,075 млрд руб.

Сумма высвобожденных в результате факторинга денежных средств составит: 15 – 2,7 – 0,075 = 12,2 млрд руб.

В результате денежные средства, которые компания получила бы лишь по истечении срока отсрочки, поступают почти сразу – в течение 10 дней – в распоряжение ПАО «Ростелеком». Это сократит текущие финансовые потребности и повысит финансовую устойчивость организации.

Высвобожденные средства (12,2 млрд руб.) пополняют оборотный капитал и могут быть направлены на развитие услуг или погашение дорогих заемных средств. При этом они не увеличивают выручку напрямую – экономический эффект факторинга проявляется в ускорении оборачиваемости дебиторской задолженности и сокращении периода ее оборота:

365 / (499,5 / (92,5 – 15)) = 57 дн. (против 68 дн. до факторинга).

Сведем полученные результаты в таблицу 4.

Таблица 4

Оценка экономической эффективности факторинговой операции, млрд руб.

Показатель	До факторинга	После факторинга
Выручка, млрд руб.	499,5	499,5 (без изменений)
Дебиторская задолженность, млрд руб.	92,5	92,5–15 = 77,5
Оборачиваемость дебиторской задолженности, количество оборотов	499,5 / 92,5 = 5,4	499,5 / 77,5 = 6,4
Продолжительность оборота дебиторской задолженности, дни	365 / 5,4 = 68	365 / 6,4 = 57

Проведенные расчеты показывают, что факторинг заметно улучшает финансовые показатели компании. Дебиторская задолженность сокращается на 15 млрд руб., а в оборот компании поступает 12,2 млрд руб. высвобожденных денежных средств – этот ресурс можно направить на развитие услуг или погашение заемных средств. Как следствие, оборачиваемость дебиторской задолженности ускоряется с 5,4 до 6,4 оборота, а период одного оборота сокращается примерно на 11 дней – с 68 до 57. Важно подчеркнуть: факторинг не увеличивает выручку напрямую, его эффект состоит в ускорении возврата вложенных средств и высвобождении оборотного капитала. За этими цифрами стоит вполне конкретный смысл: компания быстрее возвращает вложенные средства, эффективнее использует финансовые активы и наращивает деловую активность. Именно поэтому факторинг текущей дебиторской задолженности можно рекомендовать ПАО «Ростелеком» как действенный инструмент повышения экономической эффективности.

Список литературы

1. Агбидимэ Р. Анализ деловой активности организации / Р. Агбидимэ. – СПб., 2023. – 67 с.

2. Велижанская, С.С. Анализ и контроль дебиторской задолженности / С.С. Велижанская. – URL: https://www.profiz.ru/peo/5_2019/analiz_zadolzhennosti/ (дата обращения: 24.06.2026).

3. Воробьева, О.В. Анализ дебиторской и кредиторской задолженности / О.В. Воробьева. – URL: https://upr.ru/article/analiz-debitorskoy-i-kreditorskoy-zadolzhennosti/ (дата обращения: 24.06.2026).
4. Годовая бухгалтерская отчетность ПАО «Ростелеком». – URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=141&type=3 (дата обращения: 24.06.2026).
5. Давлетшина С.М. Оценка финансового состояния организации (предприятия): учебное пособие / С.М. Давлетшина, О.П. Мендель. – Уфа: УГАТУ, 2021. – 110 с.
6. Зотова М.В. Бухгалтерская финансовая отчетность как источник информации об имущественном положении и финансовых результатах организации (на примере ПАО «Ростелеком») / М.В. Зотова. – М., 2023. – 66 с.

Колесникова Валерия Алексеевна
бакалавр, студентка
Научный руководитель
Самусева Татьяна Валентиновна
канд. экон. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
г. Москва

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация: *в статье рассматривается влияние цифровизации на эффективность деятельности предприятий речного транспорта. Актуальность обусловлена незаменимой ролью речного транспорта в транспортном сообщении труднодоступных регионов России. Проанализированы история внедрения цифровых технологий и современный опыт использования ERP-систем и аппаратуры спутниковой навигации. Установлено, что цифровизация способствует оптимизации деятельности, повышению безопасности перевозок и сокращению издержек, что положительно сказывается на функционировании всей судоходной отрасли.*

Ключевые слова: *речной транспорт, судоходная отрасль, безопасность перевозок, труднодоступные регионы, ERP-системы, цифровизация.*

Сегодня трудно найти отрасль,
в которой нет позитивных примеров
использования новых технологий.
Сергей Кудряшев

Судоходная отрасль, а именно морской и внутренний водный транспорт, – это одна из передовых отраслей экономики, обеспечивающая доставку грузов в самые труднодоступные уголки страны. Обеспечение развития судоходной отрасли является одним из приоритетных направлений для транспортной сети Российской Федерации.

Эффективное использование водных путей снижает нагрузку на другие виды транспорта и позволяет значительно сократить затраты на перевозку груза, что влияет на конечную цену продукции. Особо следует отметить использование речных водных путей как единственного способа доставки в отдельные труднодоступные регионы.

Ярким примером незаменимости речного транспорта в логистической цепочке является Арктическая зона. Сложный рельеф местности, слаборазвитая сеть автомобильной инфраструктуры и полное отсутствие железнодорожных путей делают речные перевозки критически важным элементом логистики, при этом осуществление таких перевозок ограничено сроком речной навигации, длящейся с мая по октябрь.

От эффективного функционирования предприятий речного транспорта, осуществляющих свою деятельность в Арктической зоне, зависит своевременный завоз жизнеобеспечивающих грузов, поскольку многие населённые пункты, а также различные места добычи

полезных ископаемых, а именно каменного угля, природного газа и нефти, в том числе газового конденсата, находятся в отдалённых и труднодоступных районах Российской Федерации.

В настоящее время цифровизация играет большую роль в развитии компаний различных сфер деятельности, и судоходная отрасль не является исключением, поскольку цифровая трансформация является значимым компонентом повышения качества перевозок и улучшения работы речных портов.

Важность цифровизации на предприятиях речного транспорта обусловлена тем, что зачастую перевозки с помощью речного транспорта – это не альтернатива, а единственный возможный вариант транспортного сообщения. Согласно данным Федерального агентства морского и речного транспорта, общая протяжённость водных путей федерального значения составляет более 100 тыс. км и охватывает 64 субъекта Российской Федерации, при этом 78% из них являются безальтернативными для доставки грузов и пассажиров, в том числе для обеспечения «Северного завоза» [2].

Для определения влияния цифровизации на эффективность деятельности предприятий речного транспорта необходимо рассмотреть понятие «цифровизация». Цифровизация, или цифровая трансформация, – это процесс интеграции цифровых технологий в различные аспекты бизнеса, направленный на оптимизацию процессов, улучшение взаимодействия с клиентами и партнёрами, а также на повышение операционной эффективности [3, с. 10].

Процесс цифровизации в России начался в конце XX века с появления первых автоматизированных ERP-систем (Enterprise Resource Planning), призванных оптимизировать бухгалтерские и управленческие процессы предприятий.

Одной из ведущих российских программ ERP-систем, которая давно зарекомендовала себя как комплексная информационная система для управления деятельностью предприятия, является «1С». Благодаря своей гибкости, простоте настройки и широким возможностям для интеграции с другими системами «1С» приобрела популярность среди российских предприятий и широко используется в различных отраслях, включая государственную структуру.

Предприятия речного транспорта не являются исключением и активно используют программное обеспечение на базе «1С: Предприятие» для мониторинга подвижных объектов и фактических маршрутов, контроля заправок и расхода топлива, учёта и анализа финансово-хозяйственной деятельности и автоматизации документооборота.

Примером эффективности использования программного обеспечения на базе «1С» является создание «1С:ERP Управление предприятием 2» для Акционерного общества «Судоходная компания «Волжское пароходство» (АО «Волга-флот»). Использование указанного программного обеспечения на базе «1С: Предприятие 8» позволило ускорить обработку рейсов и грузоперевозок, сократить время закрытия рейсов, а также сократить трудозатраты по обработке производственных операций в подразделениях, время сбора и обработки рейсовых данных и статистической отчётности [4].

Использование программ ERP-систем позволяет комплексно автоматизировать деятельность всего предприятия, интегрируя процессы от оптимизации документооборота до упрощения процессов управления судами.

Для обеспечения безопасности перевозок, обеспечения рационального использования техники и получения оперативных данных предприятия речного транспорта используют современные средства навигационного оборудования – аппаратуру спутниковой навигации ГЛОНАСС (Глобальная навигационная спутниковая система) или ГЛОНАСС/GPS. Устройствами спутникового слежения оснащаются: пассажирский водный транспорт, сухогрузы и наливные суда, промысловый флот и другие виды самоходных судов.

Спутниковая навигация ГЛОНАСС используется совместно с различными программами, например, Системой судовой технической диагностики (ССТД) ServiceMarine – все данные, собираемые и обрабатываемые системой, доступны на web-сервисе «SmartService»

СервисМарин в виде детальных графиков и отчётов за любой выбранный период времени, что позволяет увеличить эффективность деятельности флота и уровень безопасности перевозок.

Особое место среди современных цифровых технологий стоит выделить системе автономного судовождения, поскольку оно не просто добавляет новые инструменты, а трансформирует саму отрасль.

В декабре 2023 г., в рамках форума «Цифровая трансформация», Россия впервые в мире приступила к коммерческой эксплуатации инновационного автомобильно-железнодорожного парома «Генерал Черняховский», работающего на линии «Морской порт Усть-Луга – Морской порт Калининград» и оснащённого системой полуавтономного управления.

Система автономного управления включает в себя: автономную навигационную систему, систему координированного управления, систему компьютерного зрения, оптическую систему анализа надводной обстановки и состояния судна.

Данная технология получает развитие и на речных судах; уже проведены успешные испытания автономного судовождения в акваториях рек, что открывает перспективы её применения в рамках деятельности предприятий внутреннего водного транспорта.

Важно отметить, что развитие цифровизации на транспорте является не только инициативой отдельных предприятий, но и целенаправленной государственной политикой.

Основой для цифровой трансформации отрасли служит национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», реализуемый с 2025 г. по 2030 г. [5].

Проект стал продолжением национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализовывавшейся с 2019 г. по 2024 г., направленной на ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере и повышение конкурентоспособности страны [6].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2023 г. №3097-р утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации транспортной отрасли до 2030 года. Целью данного распоряжения являются повышение качества транспортно-логистических услуг (их доступности и скорости при снижении стоимости), развитие бесшовных перевозок, обеспечение их безопасности и снижение нагрузки на окружающую среду [7]. Реализация документа строится на приоритетном использовании отечественного программного обеспечения и применении технологий искусственного интеллекта.

Отдельным инструментом цифровой трансформации выступает национальный проект «Эффективная транспортная система», в состав которого входит федеральный проект «Цифровая трансформация транспорта». По экспертным оценкам, общий экономический эффект от внедрения цифровых технологий в транспортной отрасли к 2035 году должен составить порядка 1,5 трлн рублей [8].

Проанализировав опыт применения различных видов цифровых технологий на предприятиях речного транспорта, можно отметить, что цифровая трансформация водного транспорта развивается в едином русле с общегосударственной политикой.

Внедрение цифровых решений оказывает положительное влияние на экономические показатели компаний за счёт оптимизации различных процессов деятельности предприятий водного транспорта, а именно следующее.

1. Предотвращение рисков, связанных с человеческим фактором – автоматизация рутинных операций и использование поддержки принятия решений снижают вероятность ошибок при планировании рейсов, расчёте загрузки судов, оформлении документации и контроле соблюдения нормативов.

2. Снижение себестоимости перевозок – цифровые инструменты помогают эффективнее управлять расходами топлива, оптимизировать маршруты, сокращать простои судов и минимизировать обслуживание.

3. Снижение административных издержек – переход на электронный обмен данными (EDI) и различные цифровые инструменты уменьшают трудозатраты на обеспечение операционной деятельности и повышают финансовую эффективность компании.

4. Увеличение пропускной способности – внедрение интеллектуальных систем ускоряет обработку грузов в портах и повышает оборачиваемость флота, что увеличивает объём перевезённых грузов без расширения судов.

5. Рост конкурентоспособности – цифровые сервисы улучшают качество обслуживания и повышают лояльность клиентов.

Вместе с тем процесс цифровизации сопряжён с рядом сдерживающих факторов, к которым относятся следующие.

1. Высокая стоимость внедрения цифровых решений и длительные сроки их окупаемости.

2. Дефицит квалифицированных «цифровых» кадров.

3. Зависимость от внешних технологических партнёров.

4. Необходимость обеспечения информационной безопасности.

5. Слабая развитость инфраструктуры на отдалённых арктических маршрутах.

Преодоление указанных барьеров требует системного подхода, включающего импортозамещение программного обеспечения, целенаправленную подготовку кадров и государственную поддержку.

Для успешной трансформации отрасли будет иметь особое значение формирование отраслевых центров компетенций, которые могли бы координировать обмен лучшими практиками между предприятиями, инициировать и проводить пилотные проекты, а также предоставлять необходимую методологическую поддержку компаниям, находящимся на разных уровнях цифровой зрелости. Это особенно актуально для небольших и средних судоходных компаний, которым зачастую не хватает внутренних ресурсов для самостоятельной реализации масштабных цифровых инициатив.

Именно сочетание мер государственной политики и инициативы самих предприятий создаст условия для устойчивой цифровой трансформации отрасли.

Таким образом, в рамках данной статьи было определено, что цифровизация является ключевым фактором повышения эффективности предприятий речного транспорта. Несмотря на существенные барьеры, системный подход, включающий в себя государственную поддержку, позволит успешно внедрить цифровую трансформацию, укрепив позиции речного транспорта в транспортной системе России и обеспечив его долгосрочную конкурентоспособность в условиях меняющейся экономической среды.

Список литературы

1. Ураган данных: как проходит цифровая трансформация российского бизнеса в 2024 г. – URL: https://sber.pro/publication/uragan-dannih-kak-prohodit-tsifrovaya-transformatsiya-rossiiskogo-biznesa-v-2024-godu/ (дата обращения: 24.03.2025).

2. Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот). – URL: https://morflot.gov.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/rechnoy_flot/vvt/ (дата обращения: 23.03.2025).

3. Шошина Е.А. Система 1С как основа цифровой трансформации в бизнесе / Е.А. Шошина // Молодой ученый. – 2025. – №1(552). – С. 10.

4. В судоходной компании «Волжское пароходство» построена единая информационная среда оперативного учета. – URL: https://consulting.1c.ru/cases/107847.html (дата обращения: 24.03.2025).

5. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». – URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 01.04.2025).

6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. – URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/4–1.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

7. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» №3097-р от 03.11.2023. – URL: https://mintrans.gov.ru/documents/2/12953 (дата обращения: 05.04.2025).

8. Национальный проект «Эффективная транспортная система». Федеральный проект «Цифровая трансформация транспорта». – URL: https://национальныепроекты.рф (дата обращения: 28.03.2025).

Кононова Виктория Евгеньевна
студентка
Научный руководитель
Соколова Ирина Александровна
канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
г. Хабаровск, Хабаровский край

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается современная концепция управления корпоративной социальной ответственностью, как важный элемент системы устойчивого развития общества. Управление корпоративной социальной ответственностью реализуется в организациях на внешнем уровне, через взаимодействие с государством и обществом и на внутреннем через управление человеческими ресурсами. В конкуренции за достойных сотрудников на рынке труда, организации используют различные современные инструменты и методы. На взгляд автора, управление корпоративной социальной ответственностью можно рассматривать как один из таких эффективных инструментов, который благотворно влияет на создание благоприятной рабочей атмосферы внутри компании, на стабильность кадрового состава, повышает лояльность, удовлетворенность и вовлеченность сотрудников, способствует формированию позитивного бренда работодателя.*

Ключевые слова: *корпоративная социальная ответственность, управление человеческими ресурсами, устойчивое развитие, концепция «тройного итога».*

Сегодня, в связи с изменениями современной экономической системы, особое значение приобретает тема устойчивого развития, которая предполагает эффективное взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества. Участие компаний в решении вопросов устойчивого развития трактуется как проявление их социальной ответственности. Корпоративная социальная ответственность (КСО) понимается как философия поведения и концепция ведения бизнеса, направленная на удовлетворение ожиданий всех заинтересованных сторон ради достижения целей устойчивого развития [2].

КСО является важным аспектом деятельности каждой компании. Это целое направление, которое стало неотъемлемой частью деятельности организаций. С каждым годом значение социальной ответственности растёт в связи с тем, какое влияние оно оказывает на внутреннюю и внешнюю среду предприятия [4].

Таблица 1

Значение КСО для компании и государства

Значение КСО для организаций	Значение КСО для государства
Формирование конкурентных преимуществ – повышает лояльность потребителей, повышает уровень доверия к бренду за счёт чёткой стратегии	Снижение социальной напряжённости – через КСО-программы бизнес помогает решать ряд социальных проблем: поддержка уязвимых слоев населения, создание рабочих мест и строительство социальной инфраструктуры
Привлечение и удержание сотрудников – сотрудники ориентируются на ценности организации и уровень комфорта во время работы, а не на заработную плату, благодаря программам устойчивого развития и вкладу в общественную деятельность увеличивается лояльность сотрудников	Экономия бюджетных средств – активная позиция бизнеса позволяет перераспределять государственные ресурсы с прямого финансирования социальных проектов на другие приоритетные задачи

Окончание таблицы 1

Повышение операционной эффективности и внедрение инноваций – реализация программ стимулирует внедрение технологий, что способствует развитию бизнеса	Повышения качества человеческого капитала – инвестиции бизнеса в образование, спорт и здоровье сотрудников напрямую влияют на качество рабочей силы в стране
Управление рисками – интеграция экологических и социальных аспектов в управленческие решения позволяет компании расширять горизонты планирования, учитывать более широкий спектр рисков и своевременно на них реагировать	Достижение национальных целей устойчивого развития – активность бизнеса в социальной и экологической сферах является драйвером для достижения целей, поставленных государством

Таким образом, КСО играет важную стратегическую роль для двух направлений. Для бизнеса – это инструмент повышения конкурентоспособности и управления репутационными рисками. Для государства – это способ решения социальных, экологических и экономических задач без прямого бюджетного финансирования.

КСО включает в себя реализацию большого количества проектов внутри предприятия в разных направлениях. Для того, чтобы определить направление, актуальное в последние годы, был проведён анализ победителей премии HR-бренд в направлении «Мир» за последние 5 лет. Анализ представлен в виде таблицы ниже [3].

Таблица 2

Анализ проектов-победителей премии «HR-бренд» в направлении «Мир»

Год	Ключевые проекты-победители	Тема проекта
2021	Heineken	Цифровая организационная трансформация
	«Ростелеком»	Прогнозирование увольнения сотрудников по собственному желанию
	Softline	Комплексная трансформация HR-практик
2022	«Леруа Мерлен Россия»	«Календарь добрых дел» – социальные инициативы и укрепление культуры
	Softline	Комплексная HR-трансформация
	«Вкусно – и точка»	Системы построения и развития карьеры
2023	СИБУР	Проект «Менделеев» / «NeuroMendeleev» – цифровое лидерство и развитие командной работы
	АШАН Ритейл Россия	Программа «#Снова_вместе» – возврат ранее уволенных сотрудников
	AZIMUT Hotels	Проект «#Azimutзабота» – внедрение системы ценностей
2024	«Черкизово»	Адаптация и обучение иностранных сотрудников с помощью ИИ
	ВкусВилл	Программа внутреннего предпринимательства «Бизнес внутри бизнеса»
	ГК «Русский Краб»	Проект «Море возможностей 2. Новые горизонты» – привлечение молодых профессионалов

Анализ проектов за последние годы показывает, что основной темой, является создание рабочей атмосферы, где в центре внимания находится работник.

Рабочая атмосфера складывается из многих факторов, но одним из важных является рабочее окружение, которое охватывает физические, социальные и организационные аспекты.

1. Физические условия рабочего окружения: санитарно-гигиенические условия труда, комфортный офис и рабочее место, современное оборудование, планирование работ.

2. Социальная среда – отношения в коллективе, наличие поддержки со стороны руководства, возможность профессионального роста и развития, корпоративные ценности, стиль руководства.

3. Организационная среда – нормы, правила, установки, регламенты, график работы, организационная структура и иерархия.

4. Формат работы – это способ организации рабочего процесса, определяющий место, время и способы выполнения сотрудниками своих обязанностей. Сотрудник должен понимать, в каком формате работы он будет эффективен, какие потребности закрывает тот или иной формат работы [5].

Можно отметить тенденцию изменений проектов с течением времени: в 2021 году это были небольшие инициативы, а в 2024 году они переросли в использование и внедрение искусственного интеллекта. Но основная мысль проектов остаётся прежней – компании хотят выстроить систему, в которой люди могут учиться, развиваться и строить карьеру.

Важность данной идеи подкрепляется главной проблемой современного рынка труда – удержание уже имеющихся специалистов. Так как создание комфортных условий стало базой работы организаций, то в номинации победили те, кто с помощью новых технологий показывает, что сотрудник – это не просто исполнитель, а человека с потенциалом.

Этот подход к управлению персоналом органично вписывается в более широкую концепцию «Тройного итога». Данная концепция перестала быть исключительно этическим выбором и превратилась в фактор конкурентоспособности бизнеса. Актуальность разработки дорожной карты по её безопасному внедрению обусловлена трансформацией потребительского и инвестиционного поведения.

В связи с этим цель изменений в организации заключается в повышении эффективности и производительности. Любые инновации несут в себе риски, которые связаны не только с показателями, но и с реакцией персонала, который становится объектом и субъектом преобразований. Поэтому важно учитывать факторы, которые могут повлиять на качественное и «безболезненное» внедрение нововведений.

Чтобы повысить готовность к изменениям, руководитель должен помочь персоналу понять пользу инноваций для организации в целом и для каждого сотрудника в отдельности.

Безопасное внедрение инноваций является одним из приоритетов работников TOP-менеджмента, так как именно они предупреждают такие реакции сотрудников, как отрицание нужности и важности изменений, индифферентность (отсутствие интереса к успешной реализации проекта изменений), страх нехватки знаний и компетенций, скептицизм (как со стороны рядовых сотрудников, так и менеджеров) [1].

Корпоративная социальная ответственность (КСО) является важным инструментом для улучшения качества корпоративного управления. Она включает в себя планирование, мониторинг и оценку деятельности компании, а также способствует повышению репутации компании. КСО нацелена не только на реализацию конкретных целей, но и на поиск эффективных стратегий, которые снизят риски и увеличат вклад компании в общественное развитие.

К основным принципам построения эффективной системы корпоративной социальной политики можно отнести: рассмотрение корпоративной социальной политики, учет проблем взаимодействия предприятия и внешней среды, учет норм корпоративной культуры при разработке основных направлений социальной политики предприятия. Эти принципы помогают компаниям интегрировать социальные аспекты в свою деятельность, создавая устойчивую и ответственную бизнес-модель.

Список литературы

1. Винтер Н.М. Внутриорганизационные и межведомственные коммуникации: учеб. пособие / Н.М. Винтер. – М.: РТУ МИРЭА, 2023. – 85 с.

2. Одинцова Н.А. Роль корпоративной социальной ответственности для ключевых участников рынка в России / Н.А. Одинцова // Вестник ТИУиЭ. – 2024. – №4. – С. 24–27. EDN FXDNDM

3. Премия HR-бренд // Премия HR-бренд. – URL: https://hrbrand.ru (дата обращения: 08.05.2026).

4. Симхович В.А. Корпоративная социальная ответственность и корпоративная устойчивость: управленческий контекст / В.А. Симхович // Социологический альманах. – 2025. – №16. – С. 42–50. EDN AAEJIC

5. Соколова И.А. Управление карьерой сотрудника как инструмент привлечения и удержания персонала / И.А. Соколова, Т.В. Зенкова // Экономика и предпринимательство. – 2025. – №11 (184). – С. 1467–1472. DOI 10.34925/EIP.2025.184.11.256. EDN HVDZMU

Кузнецов Артур Валерьянович
аспирант
Научный руководитель
Морозова Наталия Витальевна
канд. экон. наук, доцент, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые направления устойчивого развития промышленных предприятий Чувашской Республики в контексте современных экономических и экологических вызовов. Есть необходимость устойчивого развитие промышленных предприятий в Чувашской Республике, так как отличительной особенностью и сильной стороной региона является то, что в регионе развит в основном промышленный сектор. Цель настоящей статьи – систематизировать основные направления и рассмотреть практические результаты устойчивого развития промышленных предприятий Чувашской Республики, выявить ключевые факторы успеха и определить перспективные векторы дальнейшего развития*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, регион, промышленность, бизнес, Чувашская Республика, инновации, ESG-принципы, бережливое производство, кластеры, государственная поддержка.*

Устойчивое развитие промышленных предприятий – это комплексный процесс, который, несомненно, ведет к развитию региона и решению проблем населения на региональном уровне [1]. При этом повышается условия жизни жителей региона путем достижения сбалансированности социально-экономического и экологического развития. При этом необходимо использовать все сильные стороны региона, необходимо использовать ресурсный потенциал региона. Очень важно использовать особенности экономики, инфраструктуры, промышленности и потенциальных возможностей отдельных городов, относящихся к данному региону. Многие ученые-экономисты изучали способы формирования устойчивого развития с целью повышения эффективности экономической деятельности всех субъектов экономических отношений. Мы согласны с мнением Имамвердиева М. И., который рассматривает «устойчивое развитие как процесс качественного изменения, при котором при воздействии внешних и внутренних факторов сохраняется экономический потенциал, экономический рост, инновационное развитие, эффективное использование трудовых, финансовых, имущественных ресурсов, удовлетворяются потребности своих работников, обслуживаемого контингента в настоящем времени и не ставятся под угрозу эти тенденции в будущем» [2, с. 156]. В широком смысле цель механизма управления устойчивым развитием промышленного предприятия – обеспечение самовозобновляющихся процессов на предприятии посредством гармонизации взаимоотношений с экономической, социальной и экологической средой [3, с. 15]. А в узком смысле – обеспечение руководства предприятия полной, оперативной и достоверной информацией о процессах устойчивого развития, протекающих на данном промышленном предприятии [4, с. 12]. Следует отметить, что в стратегических документах Чувашской республики введено понятие «осознанность развития». Осознанность развития -это реализация задач на основе комплексного планирования и бережного отношения к среде обитания, то есть на базе принципов устойчивого развития. Поэтому в 2025 году на XV Чебоксарском экономическом форуме тема «Чувашия – осознанность развития» была центральной. В рамках деловой программы рассматривались три взаимосвязанных аспекта этой концепции: развитие человеческого капитала, сбалансированное развитие региона и создание

устойчивой экономической модели. Этот подход органично интегрирует экономические, социальные и экологические измерения устойчивого развития. Существует рейтинг уровня устойчивости регионов по всем субъектам Российской Федерации, В таблице 1 приведен рейтинг по Приволжскому Федеральному округу.

Таблица 1

Уровень устойчивости регионов ПФО

№ п/п	Регионы / субъекты	T	K	Z	Уровень устойчивости
1	Республика Башкортостан	1,2959	2,4074	1,77	высокий
2	Республика Марий Эл	1,3161	2,0477	1,64	средний
3	Республика Мордовия	1,3346	2,2451	1,73	средний
4	Республика Татарстан	1,3430	3,3776	2,13	абсолютный
5	Удмуртская Республика	1,3013	2,1923	1,69	средний
6	Чувашская Республика	1,3275	2,3283	1,76	высокий
7	Пермский край	1,2983	2,2286	1,70	средний
8	Кировская область	1,2885	2,1254	1,65	средний
9	Нижегородская область	1,3533	3,3440	2,13	абсолютный
10	Оренбургская область	1,2641	1,6359	1,44	умеренный
11	Пензенская область	1,3185	2,3505	1,76	высокий
12	Самарская область	1,2966	2,5533	1,82	высокий
13	Саратовская область	1,2926	2,2397	1,70	средний
14	Ульяновская область	1,3060	2,2842	1,73	средний

Из таблицы 1 видно, что по сравнению другими регионами уровень устойчивости регионов ПФО в Чувашской Республике -высокий. Мы считаем, что высокий устойчивости Чувашской Республики по сравнению с другими регионами, говорит о сбалансированности «триады» аспектов устойчивого развития (социального, экологического и экономического). Однако авторы рекомендуют применять также политический (географическое положение, значимость территории, лояльность населения) и институциональный аспекты, так как в современных условиях политические процессы стали особенно острыми, а население стало более активно проявляться в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Результаты теоретических и прикладных изысканий показали, что основу экономики Чувашской Республики составляют промышленность – 32,7% [5]. Именно промышленный комплекс Чувашии создаёт треть валового регионального продукта и включает 61 системообразующее и крупное предприятие, на которых трудятся более 45 тыс. человек. За последние пять лет промышленное производство выросло более чем на 54%, значительно превысив средний показатель по России [5]. При этом именно в Чувашской Республике важно внедрение бережливого производства и повышение производительности труда.

В Чувашской Республике очень важна технологическая модернизация и инновации в промышленности. Развитие промышленных кластеров рассматривается в Чувашской Республике как эффективный инструмент повышения конкурентоспособности организаций за счёт промышленной кооперации. Так, по состоянию на 1 января 2025 года в Чувашской Республике сформированы восемь кластеров: электротехнический кластер (ИНТЭК), промышленный кластер высокотехнологичного оборудования «АБАТ», кластер производителей изделий для комплексного оснащения помещений, дверной кластер «ПИКОП», IT-кластер, кластер приводного машиностроения, машиностроительный кластер, кластер рециклинга сырья и отходов, кластер текстильной и лёгкой промышленности. Стратегии развития шести кластеров утверждены распоряжениями Кабинета Министров Чувашской Республики. В новых условиях устойчивого развития необходимо дальнейшее развитие и укрепление промышленной кооперации технологически связанных предприятий. В связи с этим в Чувашской Республике планируется создать три новых промышленных кластера:

– в секторах тракторостроения;
– станкостроения;
– производства беспилотных систем.

Мы считаем, что есть необходимость систематизировать основные направления и механизмы обеспечения устойчивого развития промышленных предприятий Чувашской Республики в современных реалиях и выявить ключевые факторы успеха и определить перспективные векторы дальнейшего развития [5]. Как было отмечено, Чувашская Республика декларировала приверженность принципам устойчивого развития. Следует отметить, что фундаментом устойчивого развития промышленного сектора Чувашии служит комплексная система стратегического планирования. Следует отметить стратегические документы такие как стратегия развития промышленности республики до 2030 года и комплексную программу развития Чувашии до 2030 года. В Концепции цели и задачи устойчивого развития Чувашской Республики синхронизированы с национальными целями России и международными целями устойчивого развития.

Важно отметить, что правительство Чувашии выстроило систему «умного» управления экономикой: министерства используют единую информационную панель с ключевыми показателями предприятий в режиме реального времени, под постоянным контролем находится 141 системообразующее предприятие. Такой подход позволяет своевременно выявлять проблемы и оказывать точечную поддержку, что существенно повышает устойчивость промышленного сектора. Однако, мы считаем, что для реализации таких амбиционных целей в Чувашской Республике не хватает специалистов в области устойчивого развития. Для достижения всего комплекса целей устойчивого развития, включая качественную перестройку региональных систем государственного, муниципального и корпоративного управления на основе ESG-принципов есть необходимость совместно поддерживать динамичный баланс ESG-факторов: экономический рост, социальный прогресс и воспроизводство природной среды.

Следует отметить, что внедрение инструментов бережливого производства стало важным направлением устойчивого развития промышленных предприятий Чувашии. В рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» цели включают рост производительности труда и инвестиционной активности, а также снижение негативного влияния на окружающую среду.

Ключевым инструментом развития бережливых компетенций в республике стал образовательный симулятор «Фабрика процессов». В 2024 году обучение прошли 460 специалистов, в 2025 году – более 380 человек. Всего на сегодняшний день обучение основам бережливого производства прошли уже более 750 сотрудников предприятий и организаций [5]..

Реализация комплекса мер по устойчивому развитию промышленности приносит ощутимые экономические результаты. По итогам 2025 года индекс промышленного производства в Чувашской Республике составил 102,7%, а в обрабатывающих отраслях – 104,2% [5].

Итак, устойчивое развитие промышленных предприятий Чувашской Республики представляет собой многогранный процесс, охватывающий экономические, технологические, экологические и социальные аспекты. Мы считаем, что ключевыми факторами успеха выступают:

– масштабная государственная поддержка (увеличение в 30 раз);
– технологическая модернизация ведущих предприятий;
– внедрение бережливых производственных практик;
– внедрение новых кластеров;
– обучение (повышение квалификации) специалистов в области устойчивого развития;
– последовательная интеграция ESG-принципов в промышленную политику.

Показательным является комплексный подход, при котором экономический рост не рассматривается в отрыве от экологической ответственности и социальной стабильности. Как подчеркнул глава республики Олег Николаев, «задачи понятны, задачи масштабны, и мы

справимся». Системная работа по всем направлениям устойчивого развития позволяет Чувашской Республике не только укреплять промышленный потенциал, но и создавать основу для долгосрочного процветания региона, обеспечивая рост доходов и социального благополучия жителей.

Дальнейшие перспективы связаны с реализацией Комплексной программы развития до 2030 года, развитием особой экономической зоны, расширением спектра отраслевых кластеров и углублением интеграции принципов устойчивого развития в деятельность промышленных предприятий всех форм собственности. Опыт Чувашской Республики может служить примером для других регионов России, стремящихся к сбалансированному и устойчивому промышленному развитию.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021 г. №1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401409630/?ysclid=mbj9cu5k89664580691 (дата обращения: 21.06.2026).

2. Имамвердиева М.И. Система факторов формирования устойчивого развития промышленных предприятий / М.И. Имамвердиева // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, №8. – С. 3283–3294. – DOI 10.18334/ce.15.8.113143. – EDN NYRKDT

3. Фролов В.Г. Формирование механизма развития промышленного предприятия в условиях цифровизации / В.Г. Фролов, О.В. Трофимов, Т.С. Мартынова // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – №8. – с. 2243–2262. – doi: 10.18334/epp.10.8.110719. EDN SBWVDQ

4. Государственный региональный портал по малому и среднему предпринимательству в Санкт-Петербурге. – URL: www.pmp.crpp.ru/report/financing/ (дата обращения: 15.06.2026).

5. Министерство экономического развития и имущественных отношений. Отчет о деятельности Министерства экономического развития и имущественных отношений Чувашской Республики за 2020 год // Министерство экономического развития и имущественных отношений: сайт. – URL: https:// https://minec.cap.ru/action/otchet-o-deyateljnosti-ministerstva (дата обращения: 19.06.2026).

Мурадов Сергей Владиленович
студент
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
г. Москва
Научный руководитель
Ермаков Дмитрий Николаевич
почётный работник высшего профессионального образования РФ,
почётный работник науки и техники РФ,
д-р экон. наук, д-р полит. наук, канд. ист. наук, академик
Российской академии естественных наук (РАЕН), профессор, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Москва

РОЛЬ HR-СТРАТЕГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ В ИННОВАЦИОННЫХ СЕКТОРАХ

Аннотация: *в статье выявлены роли современных HR-стратегий в обеспечении организационной устойчивости инновационных альянсов и разработка подходов к минимизации рисков «культурного отторжения» в условиях интеграции. В работе доказана необходимость проведения регулярного аудита корпоративной среды для превентивного выявления «зон трения». Сформулирована концепция «избирательной ассимиляции», позволяющая сохранять творческую свободу малых инновационных компаний при их поглощении крупными игроками.*

Ключевые слова: *стратегические альянсы, инновационный менеджмент, HR-стратегии, корпоративная культура, культурная синхронизация, интеллектуальный капитал, избирательная ассимиляция, высокотехнологичные компании.*

В современных условиях альянсы между высокотехнологичными компаниями сталкиваются с барьером, который исследователи называют «столкновением организационных ДНК». Когда гибкий стартап вступает в партнерство с крупной корпорацией, разница в скорости принятия решений и допустимом уровне риска становится критической. Как отмечает С. Кузнецова, успех долгосрочного сотрудничества напрямую коррелирует с ранней диагностикой несовместимости управленческих стилей [1]. Без активного вмешательства кадровых служб культурные трения способны уничтожить до 70% потенциальной стоимости сделки еще на этапе запуска.

Для перехода от формального договора к реальному взаимодействию необходимо задействовать инструменты мягкой силы. Ключевым механизмом интеграции является создание мобильных проектных групп. Пример компании Toyota и Subaru при разработке совместной платформы показывает, что ротация инженеров между штаб-квартирами помогла преодолеть различия в подходах к проектированию. HR-департаменты в таких случаях фокусируются на развитии «культурного интеллекта» (CQ) участников. Исследование Т. Смирновой подчеркивает, что сотрудники с высоким CQ выступают мостами между структурами, снижая уровень межличностной напряженности в первые месяцы работы [2].

Синхронизация стимулов – обязательное условие. В альянсе Renault-Nissan одной из сложнейших задач была разработка бонусной системы, которая бы не вызывала чувства несправедливости у сотрудников разных национальных и корпоративных культур. HR-стратегия должна ориентировать персонал на достижение целей альянса, а не только своих материнских структур. Л. Васильев указывает, что отсутствие общих KPI приводит к «информационному эгоизму», когда специалисты скрывают ноу-хау от партнеров [3].

Совместное обучение (Action Learning) позволяет создать единую терминологическую базу. Например, в биофармацевтических альянсах, таких как Pfizer и BioNTech, критически важным стало обучение управлению качеством по единым стандартам. А. Морозов в своем анализе отмечает, что программы непрерывного обучения играют роль «социального клея», превращая разрозненные группы в единое сообщество практиков [4].

Для контроля процесса сближения недостаточно финансовых отчетов. Эффективные организации используют:

– индекс вовлеченности в проекты альянса;

– анализ социальных сетей (SNA): отслеживание частоты и качества неформальных контактов между сотрудниками компаний-партнеров;

– оценку текучести талантов: потеря ключевых разработчиков после заключения союза – индикатор культурного отторжения.

Е. Петрова доказывает, что регулярный аудит корпоративного климата позволяет выявлять «зоны трения» до того, как они масштабируются в полноценный конфликт [5].

Важно помнить о стратегии сохранения идентичности. В технологическом секторе малые компании часто покупаются ради их творческой свободы. Если HR-департамент поглощающей стороны навяжет жесткие стандарты, инновационный потенциал будет подавлен. И. Дмитриев аргументирует необходимость «избирательной ассимиляции», при которой сохраняются локальные особенности субкультур, а интеграция происходит только на уровне стратегического планирования [6].

Процесс формирования стратегического партнерства начинается не с юридического оформления, а с качественного отбора участников и определения принципов их взаимодействия. С.А. Кузнецова подчеркивает, что формирование устойчивых команд в таких структурах требует особого подхода к управлению знаниями, где создание общих интеллектуальных активов становится приоритетной задачей менеджмента [1]. При этом ключевым фактором

выживаемости альянса является способность HR-служб сбалансировать интересы разных стейкхолдеров на этапе проектирования системы управления.

В условиях международной кооперации критическое значение приобретает способность сотрудников эффективно работать в условиях многообразия. Т. Ю. Смирнова указывает на то, что культурный интеллект (CQ) выступает катализатором эффективности международных команд [2]. Высокий уровень CQ позволяет минимизировать когнитивные искажения и быстрее достигать синергии в инновационных проектах, где взаимопонимание между инженерами и менеджерами из разных стран является фундаментом успеха.

Организация труда в технологических союзах часто отходит от традиционной иерархии в сторону сетевых моделей. Л.В. Васильев в своих работах доказывает, что в сетевых структурах классические методы стимулирования теряют эффективность [3]. Для удержания и вовлечения персонала в таких объединениях необходимо внедрять механизмы мотивации, основанные на горизонтальных связях, возможности профессионального роста внутри экосистемы и причастности к созданию прорывных технологий.

Успех высокотехнологичных альянсов в XXI веке определяется не только патентами и капиталом, но и качеством человеческого взаимодействия. HR-стратегия трансформируется из административной функции в стратегический механизм синхронизации смыслов. Применение научно обоснованных подходов к управлению культурой позволяет компаниям не просто сосуществовать, но и создавать эмерджентный эффект, недоступный при работе в одиночку.

Таким образом, интеграция HR-процессов при создании высокотехнологичных альянсов должна носить комплексный характер. Опираясь на современные исследования, можно выделить три вектора управления:

– образовательный: развитие системы непрерывного обучения для выравнивания компетенций [4];

– психологический: учет культурных различий и ментальных барьеров [2; 5].

стратегический: фокус на сохранении интеллектуального капитала и гибкой мотивации в условиях трансформации [3; 6].

Список литературы

1. Кузнецова С.А. Стратегические альянсы: формирование и управление / С.А. Кузнецова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2018. – №1. – С. 15–24.

2. Смирнова Т.Ю. Культурный интеллект как фактор эффективности международных команд в инновационных проектах / Т.Ю. Смирнова // Экономика и менеджмент систем управления. – 2019. – №3 (33). – С. 88–95.

3. Васильев Л.В. Механизмы мотивации в сетевых организационных структурах / Л.В. Васильев // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2020. – Т. 9, №2. – С. 44–50.

4. Морозов А.П. Непрерывное обучение в системе управления знаниями современных корпораций / А.П. Морозов // Инновации и инвестиции. – 2021. – №5. – С. 112–117.

5. Петрова Е.И. Психологические аспекты интеграции при слияниях и поглощениях в ИТ-сфере / Е.И. Петрова // Экономическая психология: современное состояние и перспективы развития. – 2022. – С. 201–208.

6. Дмитриев И.Г. Стратегическое управление интеллектуальным капиталом в условиях технологической трансформации / И.Г. Дмитриев // Менеджмент в России и за рубежом. – 2023. – №4. – С. 34–41.

Мурадов Сергей Владиленович
студент
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
г. Москва
Научный руководитель
Ермаков Дмитрий Николаевич
почётный работник высшего профессионального образования РФ,
почётный работник науки и техники РФ,
д-р экон. наук, д-р полит. наук, канд. ист. наук,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН),
профессор, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Аннотация: *в статье рассматриваются современные методы повышения квалификации персонала в контексте цифровой трансформации и развития рынка дополнительного профессионального образования. Анализируются классические и деятельностные формы обучения, цифровые форматы, саморазвитие и система корпоративного образования, их влияние на человеческий потенциал организации. На основе данных Businesstat, Росстата и ВЦИОМ показаны макроуровневые тенденции развития ДПО и эволюция установок работников к обучению в течение жизни. Выявлен разрыв между декларируемой значимостью постоянного обучения и реальным участием в программах, обоснованы управленческие последствия для системы управления персоналом.*

Ключевые слова: *повышение квалификации, дополнительное профессиональное образование, цифровое обучение, корпоративное образование, управление персоналом, человеческий потенциал.*

Развитие человеческих ресурсов (human resources – человеческий капитал организации как совокупность знаний, навыков и мотивации работников) становится ключевым фактором конкурентоспособности организаций в условиях цифровой экономики и ускоряющихся технологических изменений. А. В. Ванкевич подчеркивает, что система управления человеческими ресурсами должна опираться на принцип непрерывного обучения и целенаправленного развития компетенций, а не только на администрирование кадровых процедур [1, с. 25]. В этих условиях повышение квалификации перестает быть формальной обязанностью раз в несколько лет и превращается в стратегический инструмент обновления знаний и поддержания адаптивности персонала [2, с. 47]. При этом сами методы обучения радикально меняются: от разовых очных курсов к гибким цифровым формам, индивидуальным траекториям и интеграции обучения в повседневную трудовую деятельность [3, с. 553]. Таким образом, современная система повышения квалификации представляет собой комплекс взаимосвязанных форм и методов, встроенных в общую стратегию управления персоналом организации [4, с. 88].

Под повышением квалификации в современной трактовке понимается не только освоение краткосрочных программ дополнительного профессионального образования (ДПО), но и более широкий спектр образовательных практик, направленных на обновление и углубление профессиональных компетенций на основе уже имеющегося образования [5, с. 55]. А. С. Белогоров предлагает рассматривать профессиональное развитие как многомерный процесс, включающий формальное обучение, неформальное образование (обучение через практику и обмен опытом) и саморазвитие работника [5, с. 2]. Такой подход согласуется с концепцией

«обучения в течение всей жизни» (lifelong learning – идея о том, что человек учится непрерывно на протяжении всего жизненного пути), когда граница между «учебой» и «работой» постепенно размывается [6, с. 47]. Е. Л. Кудрина и В. И. Ярных подчеркивают, что в рамках системы корпоративного образования необходимо сочетать различные форматы – от традиционных курсов до цифровых платформ и проектного обучения [3, с. 90]. Следовательно, анализ современных методов повышения квалификации требует учитывать как институциональные формы ДПО, так и внутриорганизационные практики обучения персонала [7, с. 59].

Одним из ключевых драйверов трансформации методов повышения квалификации является цифровизация бизнес-процессов и управленческих решений. О. Ю. Брюхова и Н. Н. Старцева отмечают, что цифровая трансформация создает двойной запрос: организациям необходимы новые цифровые компетенции работников, а системы обучения должны использовать цифровые технологии как основной инструмент реализации образовательных программ [2, с. 552]. Цифровое обучение, по Г. Г. Дерябиной и Н. В. Трубниковой, выступает не просто альтернативой традиционным формам, а новым трендом корпоративного образования, обеспечивающим масштабируемость, гибкость и персонализацию обучения (настройку под потребности конкретного работника) [7, с. 2486]. Е. А. Семионова и Г. С. Токарева подчеркивают, что государственные программы цифровизации экономики прямо стимулируют развитие рынка ДПО, в том числе в части курсов по цифровым компетенциям, управлению данными и использованию искусственного интеллекта [6, с. 61]. В результате цифровые решения – платформы дистанционного обучения, вебинары, онлайн-курсы, симуляторы – становятся неотъемлемой частью системы повышения квалификации персонала [8, с. 447].

А. С. Белогоров предлагает выделять несколько крупных групп современных методов профессионального развития: саморазвитие, деятельностное развитие и классические формы обучения, модернизированные с учетом цифровых технологий [5, с. 4]. Саморазвитие включает инициативное освоение новых знаний и навыков работником на основе личных образовательных целей, в том числе через онлайн-курсы, профессиональные сообщества и самостоятельное изучение литературы [5, с. 5]. Деятельностное развитие (обучение через деятельность) предполагает включение сотрудников в специальные проекты, ротации, участие в кросс-функциональных командах, где обучение происходит в процессе решения реальных задач организации [9, с. 236]. Классические формы обучения – курсы, семинары, тренинги – по-прежнему широко применяются, но их формат меняется: усиливается практическая направленность, используется смешанное обучение и элементы геймификации (игровых механизмов для повышения вовлеченности) [4, с. 56]. Такая кластеризация позволяет организациям осознанно конструировать портфель методов повышения квалификации, соответствующий стратегическим задачам и ресурсным возможностям [3, с. 92].

Методы саморазвития особенно востребованы в условиях быстрого обновления знаний, когда организация физически не успевает формализовать все потребности в обучении в виде курсов и программ. А. С. Белогоров отмечает, что работодатели все активнее стимулируют индивидуальное обучение сотрудников: предоставляют доступ к библиотекам онлайн-курсов, компенсируют часть стоимости внешних программ, разрабатывают корпоративные рекомендации по самообразованию [5, с. 8]. Важным инструментом становится микрообучение (microlearning – короткие учебные модули длительностью 5–15 минут, встроенные в рабочий график), позволяющее дозированно обновлять знания без длительного отрыва от работы [2, с. 560]. Такие методы хорошо сочетаются с подходом, ориентированным на развитие «мягких навыков» (soft skills – коммуникация, командная работа, управление временем), которые трудно формализовать в виде разовых курсов [1, с. 145]. Вместе с тем, акцент на саморазвитии порождает риск роста неравенства между высоко мотивированными работниками и теми, кто не готов инвестировать личное время и ресурсы в обучение, что требует от HR-службы целенаправленной поддержки и мотивации персонала [5, с. 10].

Деятельностные методы – обучение в действии – позволяют связать развитие компетенций с решением конкретных задач организации. А. В. Прокопьев и Т. Н. Чернышова показывают, что участие работников в проектных командах, процессах непрерывного улучшения и внедрении инноваций непосредственно способствует росту их человеческого потенциала, то есть способности устойчиво обеспечивать высокий результат в меняющихся условиях [9, с. 238]. К таким методам относятся наставничество (mentoring – передача опыта от более опытного сотрудника к менее опытному), коучинг (coaching – сопровождение, ориентированное на раскрытие потенциала работника через вопросы и обратную связь), рабочие стажировки и временные перемещения (job rotation – временный перевод на другую должность или участок работы) [1, с. 180]. Преимущество деятельностных методов состоит в высокой степени приближенности обучения к реальным условиям труда и возможности развивать одновременно профессиональные и управленческие компетенции [9, с. 240]. В то же время их эффективность зависит от качества управленческих практик и культуры организации: при формальном подходе такие методы могут превратиться в простое перераспределение нагрузки без выраженного образовательного эффекта [4, с. 58].

Классические методы обучения – очные и дистанционные курсы, семинары, тренинги – сохраняют значимую роль, но подвергаются серьезной модернизации. К. П. Санатина и С. А. Ярушева отмечают, что традиционные программы повышения квалификации становятся более адресными, ориентированными на конкретные профессиональные стандарты и компетентностные модели организации [4, с. 55]. Вместо универсальных лекционных курсов активно применяются практико-ориентированные тренинги, разбор кейсов, моделирование рабочих ситуаций [9, с. 242]. По наблюдениям Е. Л. Кудриной, в систему корпоративного образования все чаще включаются модульные программы, в которых сотрудники могут выбирать набор модулей в зависимости от индивидуального плана развития [3, с. 94]. Существенное влияние оказывает и распространение смешанного формата (blended learning – сочетание онлайн и офлайн обучения), позволяющего совмещать гибкость цифровой среды с преимуществами живого взаимодействия [7, с. 2490]. Таким образом, классические методы не исчезают, а интегрируются в более сложные образовательные конструкции.

Цифровые технологии стали инфраструктурной основой значительной части современных методов повышения квалификации. О. Ю. Брюхова и Н. Н. Старцева показывают, что организации переходят от разрозненных курсов к созданию цифровых экосистем обучения на базе LMS (Learning Management System – системы управления обучением), в которых фиксируются траектории развития и результаты сотрудников [2, с. 557]. Г. Г. Дерябина и Н. В. Трубникова подчеркивают, что цифровое обучение позволяет масштабировать корпоративные программы, снижать удельные затраты на обучение одного работника и учитывать различия в исходном уровне компетенций через адаптивные курсы [7, с. 2494]. Ч. А. Шабурдаев отмечает, что ключевым преимуществом цифровых технологий в ДПО является возможность оперативно обновлять контент и быстро запускать новые программы по запросу работодателей [8, с. 448]. Вместе с тем автор обращает внимание на проблемы цифрового разрыва (неравного доступа к технике и интернету) и дефицита цифровых педагогических компетенций преподавателей, что снижает эффективность внедряемых решений [9, с. 449]. Таким образом, цифровизация создает как возможности, так и новые риски в сфере повышения квалификации персонала.

На макроуровне динамика развития рынка дополнительного профессионального образования (ДПО – программы для уже работающих специалистов, направленные на обновление и углубление их квалификации) подтверждает рост значимости современных форм повышения квалификации. Согласно демо-версии отчета Businesstat, в 2020–2024 гг. число учащихся программ ДПО в России увеличилось примерно на 28% и достигло около 8,5 млн человек [10]. Такой прирост нельзя объяснить только «модой» на обучение: он отражает устойчивый запрос со стороны реального сектора экономики, где работодатели сталкиваются с дефицитом квалифицированных кадров и вынуждены активно доучивать сотрудников под

изменяющиеся технологические и регуляторные условия [10]. Дополнительно на спрос влияет изменение возрастной структуры рабочей силы: растет доля работников среднего и старшего возраста, для которых ДПО становится основным каналом профессионального обновления и адаптации к цифровой трансформации рабочих мест [10]. В обзоре подчеркивается, что наиболее заметный всплеск интереса к программам ДПО пришелся на 2022 г., когда значительная часть работников оказалась перед необходимостью либо переобучения, либо существенного обновления компетенций, прежде всего в сфере информационных технологий и цифровых сервисов [10]. Важная тенденция состоит в увеличении доли программ, связанных с цифровыми компетенциями, управлением проектами и анализом данных, что напрямую отражает запрос бизнеса на работников, способных эффективно действовать в цифровой среде и работать с большими массивами информации [6, с. 63]. Для организаций эти данные означают, что конкуренция за обучающиеся ресурсы – качественные цифровые курсы, экспертов-практиков, партнерские программы с провайдерами ДПО – будет усиливаться, а простое отсутствие собственной продуманной политики в области развития персонала становится фактором стратегического риска [10].

Официальная статистика дополнительно подтверждает институционализацию ДПО для отдельных категорий персонала, прежде всего государственных гражданских и муниципальных служащих, для которых повышение квалификации закреплено нормативно. В специальном сборнике Росстата, посвященном дополнительному профессиональному образованию кадров государственной гражданской и муниципальной службы в 2021 году, фиксируется не эпизодическое, а систематическое участие служащих в программах повышения квалификации и профессиональной переподготовки, при этом данные дифференцированы по категориям должностей, ведомственной принадлежности и уровням власти [11]. Анализ показывает, что преобладающей формой остается именно повышение квалификации, тогда как доля программ профессиональной переподготовки существенно ниже, что указывает на ориентацию системы преимущественно на обновление компетенций в рамках уже сложившейся специализации, а не на радикальную смену профессиональной траектории [11]. По сути, ДПО для госслужащих закрепляет модель «углубления» и «осовременивания» существующих компетенций (например, в управлении, правоприменении, работе с населением), а не модель массовой переквалификации [1, с. 210]. Для организаций государственного сектора это означает необходимость не ограничиваться формальным выполнением нормативов по числу обученных сотрудников, а выстраивать связку между программами ДПО и реальными управленческими задачами, уделяя особое внимание развитию цифровых, аналитических и коммуникативных компетенций, без которых невозможно качественно реализовывать государственные услуги и проекты [1, с. 210; 11]. В противном случае значительная часть затрат на обучение рискует превращаться в «бумажную отчетность», не приводящую к заметным изменениям в поведении и результативности персонала.

Социологические данные ВЦИОМ демонстрируют постепенную, но достаточно устойчивую эволюцию образовательных установок населения в пользу регулярного повышения квалификации и концепции «обучения в течение всей жизни». Согласно опросу «Обучение длиною в жизнь», доля респондентов, считающих необходимым повышать квалификацию каждый год, выросла с 23% в 2004 г. до 35% в 2024 г., тогда как доля тех, кто не видит в повышении квалификации никакой необходимости, снизилась с 16% до 8% [12]. Это означает, что идея постоянного обновления знаний постепенно становится частью массового сознания и воспринимается как нормальная составляющая профессиональной биографии, а не как экстраординарное событие [12]. Однако фактическое участие в образовательных практиках заметно отстает от декларируемых установок: только 8% опрошенных в 2024 г. заявили, что проходят обучение в данный момент, и 25% проходили его в течение последнего года, тогда как 39% не участвовали ни в каких формах обучения за последние пять лет [12]. Такая картина свидетельствует о наличии глубокой «разрывающейся вилки» между пониманием важности образования и реальными действиями, что часто объясняется нехваткой времени,

финансовыми ограничениями, отсутствием понятных предложений по обучению и слабой поддержкой со стороны работодателей [13]. Для организаций эти результаты означают, что одних цифровых платформ и формального доступа к курсам недостаточно: требуется целенаправленная система мотивации и стимулирования участия сотрудников в обучении, а также интеграция результатов обучения в процедуры оценки труда, продвижения по службе и формирования кадрового резерва [5, с. 8]. Одновременно опрос ВЦИОМ указывает на значительный нереализованный потенциал расширения программ повышения квалификации, ориентированных на разные возрастные и образовательные группы работников, включая тех, кто давно не учился и испытывает психологический барьер перед возвращением в образовательную среду [12].

Свод ключевых макроуровневых показателей, отражающих развитие рынка ДПО и отношение работников к регулярному повышению квалификации, представлен в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые показатели развития ДПО и установок работников к повышению квалификации

Показатель	Значение (по данным источников)	Источник
Изменение числа слушателей программ ДПО в России, 2020–2024 гг.	Рост примерно на 28%, до ≈ 8,5 млн человек	[10]
Основные направления роста содержательной структуры программ ДПО	Цифровые компетенции, управление проектами, анализ данных	[6, с. 63; 10]
Преобладающая форма ДПО для госслужащих	Краткосрочные программы повышения квалификации	[11]
Доля программ профессиональной переподготовки в системе обучения госслужащих	Существенно ниже по сравнению с программами повышения квалиф.	[11]
Доля респондентов, считающих нужным повышать квалификацию ежегодно	Рост с 23% (2004 г.) до 35% (2024 г.)	[12]
Доля респондентов, не видящих необходимости в повышении квалификации	Снижение с 16% до 8% за период 2004–2024 гг.	[12]
Доля граждан, не участвовавших в обучении за последние 5 лет	39%	[12]

Такая совокупная картина показывает, что современная система повышения квалификации развивается одновременно «сверху» и «снизу»: с одной стороны, государство и крупные корпоративные заказчики институционализируют ДПО, закрепляя его нормативно и финансово, с другой – постепенно меняются установки самих работников, пусть и с заметным разрывом между осознанной необходимостью и реальным участием в обучении. Для управления персоналом это означает, что современные методики повышения квалификации должны опираться не только на богатый набор форм и цифровых инструментов, но и на учет этих макроуровневых трендов, превращая развитие компетенций из эпизодической активности в системный и измеряемый элемент кадровой политики организаций [1, с. 210; 5, с. 8].

Содержательный анализ современных методов повышения квалификации показывает, что наибольший эффект достигается при их сочетании в рамках систем корпоративного образования. Е. Л. Кудрина и В. И. Ярных рассматривают корпоративное образование как целостную систему, включающую корпоративные университеты, учебные центры, цифровые платформы и партнерские программы с внешними провайдерами ДПО [3, с. 92]. В этой системе классические курсы выполняют роль базового уровня, деятельностные методы обеспечивают углубление и закрепление компетенций, а саморазвитие и цифровые форматы позволяют поддерживать актуальность знаний между крупными образовательными событиями [3, с. 94]. А. В. Прокопьев и Т. Н. Чернышова связывают эффективность методов обучения с их влиянием на развитие человеческого потенциала – способности работников к творческому

решению задач, инициативности и ответственности [9, с. 242]. По сути, современная система повышения квалификации стремится перейти от модели трансляции знаний к модели развития компетенций и профессиональной субъектности работника (готовности самостоятельно ставить и решать профессиональные задачи) [1, с. 145].

Важную роль в практике российских организаций играет дополнительное профессиональное образование как формализованный канал повышения квалификации. Е. А. Семионова и Г. С. Токарева показывают, что реализация национальных и федеральных проектов в сфере цифровой экономики и искусственного интеллекта привела к существенному расширению программ ДПО, финансируемых за счет государства и работодателей [6, с. 65]. Такие программы часто ориентированы на конкретные профессиональные стандарты и позволяют работникам получить документ о квалификации, признаваемый на рынке труда [4, с. 58]. Ч. А. Шабурдаев подчеркивает, что значительная часть ДПО сегодня реализуется в дистанционном формате, что повышает доступность обучения для работников из регионов и малых организаций [8, с. 447]. В то же время автор обращает внимание на необходимость обеспечения качества цифровых программ, в том числе через аккредитацию провайдеров, разработку единых требований к содержанию курсов и системе оценки результатов обучения [8, с. 449].

Специфическую роль в системе повышения квалификации играют программы, реализуемые в рамках федеральных проектов и государственных инициатив. В. В. Шеховцов и соавторы анализируют практику ДПО слушателей, участвующих в реализации федеральных проектов, и отмечают, что такие программы часто выступают инструментом тиражирования управленческих и цифровых технологий, заложенных в национальные проекты [13, с. 120]. Авторы фиксируют, что основным форматом остается повышение квалификации, тогда как профессиональная переподготовка используется ограниченно, чаще для формирования кадровых резервов [13, с. 122]. При этом значительная часть программ, по их оценке, носит риск формализации: обучение проводится для выполнения нормативных показателей, а связь с реальными задачами служащих оказывается слабой [13, с. 124]. Этот вывод во многом релевантен и для коммерческих организаций, где формальное выполнение планов обучения может подменять реальную работу по развитию компетенций.

Статистические и теоретические данные в совокупности позволяют перейти к оценке эффективности современных методов повышения квалификации персонала. С одной стороны, рост числа участников программ ДПО и распространение цифровых форм обучения свидетельствуют о расширении образовательных возможностей работников и институционализации непрерывного обучения как нормы [6, с. 63; 10]. С другой стороны, данные ВЦИОМ о том, что почти 40% респондентов не участвовали ни в каких обучающих мероприятиях за последние пять лет, указывают на значительные разрывы в доступе к современным методам развития, которые частично связаны с отраслью, размером организации и уровнем должности [12]. А. С. Белогоров акцентирует внимание на том, что эффективность методов определяется не только их инновационностью, но и встроенностью в систему управления результативностью и мотивацией труда [5, с. 10]. Если обучение не связано с карьерными перспективами, изменением задач и механизмами признания достижений, оно воспринимается работниками как дополнительная нагрузка, а не как ресурс развития [9\, с. 240].

Таким образом, анализ современных методов повышения квалификации персонала показывает, что они представляют собой многокомпонентную систему, включающую традиционные и инновационные формы, цифровые и деятельностные практики, формальное ДПО и саморазвитие. На уровне методов наиболее заметными тенденциями являются цифровизация обучения, распространение смешанных форм, усиление роли проектной деятельности, наставничества, коучинга и микрообучения. На уровне институций наблюдается рост рынка дополнительного профессионального образования, активное развитие корпоративных университетов и образовательных платформ, а также включение обучения в механизмы реализации государственных и корпоративных стратегий. На уровне установок персонала

усиливается понимание необходимости регулярного обновления компетенций, но сохраняется разрыв между декларациями и реальной вовлеченностью в обучение.

Перспективы дальнейшего развития системы повышения квалификации связаны с углублением интеграции обучения и работы, расширением индивидуальных образовательных траекторий, развитием инструментов оценки эффективности обучения и возврата инвестиций в человеческий капитал (ROI – показатель, отражающий соотношение затрат и результатов). Для организаций ключевой задачей становится не просто внедрение модных решений в области EdTech, а построение согласованной системы, в которой выбор методов повышения квалификации опирается на стратегические цели, анализ потребностей и данные об эффективности уже реализованных программ. В этом контексте современные методы повышения квалификации персонала выступают не только средством адаптации к изменениям, но и инструментом формирования проактивных, обучающихся организаций, способных создавать и использовать новые знания быстрее конкурентов.

Список литературы

1. Ванкевич Е.В. Управление человеческими ресурсами современной организации: теория и практика: монография / Е.В. Ванкевич. – Витебск: ВГТУ, 2020. – 268 с.

2. Брюхова О.Ю. Обучение персонала в современной организации: ориентация на цифровизацию / О.Ю. Брюхова, Н.Н. Старцева // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, №2. – С. 551–566.

3. Кудрина Е.Л. Теоретико-методологические аспекты системы корпоративного образования / Е.Л. Кудрина, В.И. Ярных // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2022. – №1 (45). – С. 88–95.

4. Санатина К.П. Повышение квалификации кадров: современные методы / К.П. Санатина, С.А. Ярушева // Общество, экономика, управление. – 2021. – Т. 6, №1. – С. 54–59.

5. Белогоров А.С. Современные методы профессионального развития и обучения персонала организации / А.С. Белогоров // StudNet. – 2021. – №5. – С. 1–12.

6. Семионова Е.А. Дополнительное профессиональное образование и цифровизация / Е.А. Семионова, Г.С. Токарева // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30, №9. – С. 58–66.

7. Дерябина Г.Г. Цифровое обучение сотрудников как новый тренд в корпоративном образовании / Г.Г. Дерябина, Н.В. Трубникова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, №6. – С. 2485–2500.

8. Шабурдаев Ч.А. Цифровые технологии в системе дополнительного профессионального образования / Ч.А. Шабурдаев // Цифровые технологии в АПК: состояние, потенциал и перспективы развития: сб. тр. всерос. науч.-практ. конф. – Махачкала, 2022. – С. 447–450.

9. Прокопьев А.В. Современные методы обучения персонала в организации и их влияние на развитие человеческого потенциала / А.В. Прокопьев, Т.Н. Чернышова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – №4 (ч. 2). – С. 236–243.

10. Анализ рынка дополнительного профессионального образования в России в 2020–2024 гг., прогноз на 2025–2029 гг. – URL: https://businesstat.ru/images/demo/additional_professional_education_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

11. Дополнительное профессиональное образование кадров государственной гражданской и муниципальной службы в 2021 году. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13288 (дата обращения: 27.11.2025).

12. Обучение длиною в жизнь: динамика участия россиян в дополнительном образовании и переподготовке. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1 (дата обращения: 27.11.2025).

13. Шеховцов В.В. Дополнительное профессиональное образование слушателей в ходе реализации федеральных проектов / В.В. Шеховцов, А.С. Плотников, О.В. Фетисова // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29, №4. – С. 119–126.

Недвижай Павел Дмитриевич
студент
Научный руководитель
Недвижай Светлана Викторовна
канд. экон. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Ставрополь, Ставропольский край

ВЗАИМОСВЯЗЬ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА И КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *в статье исследуется, как операционная эффективность, достигаемая через Lean, становится инструментом создания ценности для клиента, что в совокупности формирует устойчивое конкурентное преимущество предприятия.*

Ключевые слова: *бережливое производство, клиентоориентированность, ценность для потребителя, операционная эффективность, производительность труда, Kaizen, Kanban, конкурентное преимущество.*

В условиях перехода к экономике знаний и усиления глобальной конкуренции традиционные модели управления, ориентированные исключительно на внутреннюю эффективность, демонстрируют свою ограниченность. Современный этап развития промышленных и сервисных предприятий характеризуется парадигмальным сдвигом: от парадигмы «производить то, что мы умеем» к парадигме «производить то, что нужно клиенту». В этом контексте концепция бережливого производства, зародившаяся в производственной системе Toyota и направленная на устранение потерь (муда), не может рассматриваться в отрыве от стратегической клиентоориентированности.

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска синергетического эффекта от интеграции этих двух управленческих подходов. Изолированное внедрение инструментов бережливого производства часто приводит к оптимизации процессов, не создающих ценности для конечного потребителя (например, ускорение производства неликвидной продукции). В то же время декларативная клиентоориентированность без должной операционной эффективности оборачивается высокими издержками и неспособностью предложить конкурентную цену. Таким образом, проблема заключается в разработке и апробации механизмов, обеспечивающих неразрывную связь между созданием ценности для клиента и радикальным сокращением внутренних потерь, что в совокупности формирует устойчивое конкурентное преимущество через рост производительности труда и общей эффективности бизнеса.

В основе философии бережливого производства лежит понятие ценности. Ценность – это любое действие или процесс, за который клиент готов платить. Все остальные действия классифицируются как потери. Это определение является мостом, напрямую соединяющим Lean-философию с клиентоориентированным подходом. Клиентоориентированность в данном контексте перестает быть функцией исключительно отдела маркетинга или продаж и становится сквозным принципом организации всей деятельности предприятия.

Взаимодействие этих двух концепций носит двусторонний характер:

– клиентоориентированность как вектор для Lean. Понимание потребностей клиента позволяет точно определить, какие процессы создают ценность, а какие являются потерями. Без глубокого анализа Voice of the Customer (Голоса клиента) усилия по оптимизации могут быть направлены не по адресу. Например, сокращение времени на финальную упаковку продукта может быть потерей, если для клиента ключевым фактором является индивидуальная подарочная упаковка;

– Lean как инструмент реализации клиентоориентированности. Инструменты бережливого производства обеспечивают операционную базу для выполнения обещаний, данных клиенту. Система Just-in-Time (Точно в срок) позволяет поставлять продукцию именно тогда,

когда она нужна клиенту. Система Kanban обеспечивает гибкость производства под конкретные заказы. Стандартизация рабочих процессов гарантирует стабильное качество продукта или услуги.

Таким образом, эффективность и производительность являются не самоцелью Lean, а необходимым условием для создания ценности для клиента с минимально возможными издержками.

Рассмотрим механизм влияния интеграции бережливого производства и клиентоориентированности на ключевые показатели деятельности предприятия на конкретных примерах из российской промышленности в соответствии с таблицей 1.

Таблица 1

Влияние интеграции бережливого производства и клиентоориентированности на ключевые показатели деятельности российских промышленных предприятий

Пример 1: Промышленное производство (машиностроение)	
	Предприятие: ПАО «КАМАЗ» (внедрение принципов Lean на сборочных линиях)
Исходная ситуация	Длительный производственный цикл (срок изготовления грузового автомобиля по спецзаказу мог превышать 60 дней), высокий уровень незавершенного производства и складских запасов комплектующих
Интегрированное решение	Внедрение системы Kanban на сборочном конвейере было синхронизировано с работой клиентского портала. Портал позволял дилерам и крупным корпоративным клиентам конфигурировать заказ в режиме реального времени. Информация о комплектации автомобиля мгновенно передавалась в производственную систему. На основе этих данных система Kanban запускала «вытягивание» только тех комплектующих, которые требовались для конкретного заказа
Точные данные и результат	Сокращение производственного цикла: Срок изготовления автомобиля по индивидуальному заказу сократился с 60 до 25 дней (снижение на 58%). Рост производительности труда: за счет устранения простоев и оптимизации логистики внутри цеха выработка на одного производственного рабочего выросла на 22% в натуральном выражении. Снижение запасов: Уровень складских запасов дорогостоящих комплектующих снизился на 35%, что высвободило значительный объем оборотных средств. Эффект для клиента: Клиент получил возможность получить автомобиль нужной комплектации значительно быстрее, что стало мощным конкурентным преимуществом КАМАЗа на рынке
Пример 2: Сфера услуг (банковский сектор)	
	Предприятие: Крупный универсальный коммерческий банк (условный пример)
Исходная ситуация:	Клиенты жаловались на длительное ожидание в отделениях при открытии счетов и получении справок. Среднее время обслуживания одного клиента составляло 25 минут
Интегрированное решение	Проведение хронометража процесса с точки зрения клиента. Анализ показал, что из 25 минут 15 минут клиент проводил в ожидании своей очереди или пока операционист искал информацию в разных базах данных. Была внедрена система предварительной записи через мобильное приложение (клиентоориентированный шаг) и стандартизированы рабочие места операционистов: все необходимые программы и шаблоны документов были объединены в единый интерфейс (Lean-шаг)
Точные данные и результат	Сокращение времени ожидания: Среднее время ожидания в очереди сократилось с 15 до 3 минут. Повышение операционной эффективности: Время непосредственного обслуживания клиента сократилось до 7 минут. Общий эффект: Общее время визита клиента в банк сократилось с 25 до 10 минут (снижение на 60%). Рост производительности: Один операционист стал способен обслужить в 2.5 раза больше клиентов за смену без увеличения интенсивности труда. Эффект для клиента: значительно вырос уровень удовлетворенности (NPS) и лояльность к банку за счет уважения к его времени

Интеграция принципов бережливого производства и стратегической клиентоориентированности представляет собой не простое суммирование двух управленческих концепций, а их синергетическое слияние. Эффективность в этой связке перестает быть самоцелью и становится инструментом обеспечения ценности для потребителя. Производительность выступает как мера способности предприятия создавать эту ценность с минимальными затратами ресурсов.

Анализ практического опыта ведущих российских компаний демонстрирует прямую корреляцию между внедрением интегрированного подхода и достижением измеримых бизнес-результатов: сокращением производственного цикла на 40–60%, ростом выработки на 15–25% и значительным снижением уровня запасов. В долгосрочной перспективе такая модель управления формирует устойчивую бизнес-систему, способную не только быстро реагировать на текущие запросы рынка, но и предвосхищать будущие потребности клиентов, обеспечивая тем самым доминирующее положение в отрасли.

Рассмотрим таблицу 2, в которой обобщена информация, как конкретные инструменты Lean помогают реализовать клиентоориентированный подход на практике.

Таблица 2

Механизм реализации клиентоориентированности через инструменты Lean

Инструмент Lean	Принцип действия	Ценность для клиента
1. Картирование потока создания ценности (VSM)	Визуализация всего процесса от заказа до поставки с разделением действий на создающие ценность, необходимые (но не ценные) и чистые потери	Прозрачность и скорость: позволяет выявить и устранить «узкие места» и простои, которые клиент ощущает как задержки, фокусируя улучшения на том, что для него действительно важно
2. Система «Точно в срок» и Канбан	Организация производства по принципу «вытягивания», когда следующий этап забирает детали с предыдущего только по сигналу о реальной потребности	Гибкость и актуальность: обеспечивает быструю адаптацию к изменению спроса или конфигурации заказа, гарантируя поставку свежего продукта без устаревших запасов
3. Система 5S	Рациональная организация рабочего пространства (сортировка, порядок, чистота, стандартизация, совершенствование)	Скорость и надежность: сокращает время на поиск инструментов и информации, что напрямую ускоряет обслуживание. Создает образ профессиональной и надежной компании
4. Poka-Yoke	Создание условий, при которых совершить ошибку невозможно или она становится сразу заметной	Гарантия качества: предотвращает дефекты и ошибки в процессе оказания услуги, гарантируя клиенту получение именно того, что он заказал, и формируя доверие к бренду
5. Стандартизированная работа	Документирование и внедрение наилучшего известного способа выполнения операций для обеспечения стабильности	Стабильное качество: обеспечивает предсказуемый и одинаково высокий результат независимо от исполнителя, создавая у клиента уверенность в продукте или услуге

Инструменты бережливого производства служат не просто набором техник для сокращения затрат, а операционной платформой, которая позволяет воплотить клиентоориентированность из стратегического лозунга в ежедневную реальность. Взаимосвязь здесь прямая: Lean определяет, как доставить ценность, а клиентоориентированность – какую именно ценность создавать. Как показано в таблице 2, каждый из рассмотренных инструментов Lean на операционном уровне направлен на решение задачи по созданию ценности для конечного потребителя.

Таким образом, инструменты Lean создают операционную среду, в которой компания может надежно и эффективно выполнять свои обещания перед клиентом: поставлять нужный продукт (JIT), нужного качества (Poka-Yoke), в нужном месте и в нужное время (5S), стабильно и без лишних затрат для обеих сторон.

Внедрение инструментов бережливого производства создает для клиента ценность не напрямую, а через трансформацию внутренних процессов компании. Клиент не видит, как организована производственная линия или как оптимизирован документооборот, но он напрямую ощущает результаты этих изменений.

В конечном счете, все эти ценности сливаются в одну главную: клиент получает именно то, что он хочет, тогда, когда он хочет, по справедливой цене и с минимальными для него усилиями. Это и есть высшая форма клиентоориентированности, которую делают возможной инструменты бережливого производства.

Список литературы

1. Харитонова А.С. Проблемы внедрения бережливого производства в производственной отрасли и пути их решения / А.С. Харитонова // Молодой ученый. – 2024. – №47 (546). – С. 551–554.

2. Галанин Ф.С. Оптимизация производственной деятельности современного российского предприятия инструментами бережливого производства / Ф.С. Галанин // Молодой ученый. – 2025. – №9 (560). – С. 31–33. EDN VCMTLY

3. Соболева Н.А. Управление затратами корпорации / Н.А. Соболева // Молодой ученый. – 2025. – №6 (553). – С. 146–148.

Недвижай Павел Дмитриевич
студент
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Ставрополь, Ставропольский край
Научный руководитель
Устаев Рустам Мерзеферович
канд. экон. наук, доцент
Институт экономики и управления
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Ставрополь, Ставропольский край

БЕРЕЖЛИВОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ФИЛОСОФИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается концепция бережливого производства как современный инструмент повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий. Анализируются исторические корни и эволюция подхода, его ключевые принципы и методы, а также особенности внедрения в российских условиях. Особое внимание уделено практическим аспектам трансформации бизнес-процессов, вовлечению персонала и формированию культуры непрерывных улучшений. На примере отечественных компаний и национального проекта «Производительность труда» демонстрируются экономические и организационные эффекты от внедрения бережливых технологий.*

Ключевые слова: *бережливое производство, эффективность управления, оптимизация бизнес-процессов.*

В современном мире, где конкуренция становится всё жёстче, а ресурсы -дефицитнее, вопросы эффективности управления приобретают стратегическое значение. Одним из наиболее востребованных подходов к оптимизации бизнес-процессов выступает бережливое производство (lean production). Эта концепция, зародившаяся в Японии, сегодня активно интегрируется в российскую практику и становится неотъемлемой частью стратегии устойчивого развития предприятий самых разных отраслей. В настоящей статье рассматриваются

теоретические основы бережливого производства, его ключевые принципы и методы, а также анализируется отечественный опыт внедрения и перспективы дальнейшего развития.

Исторически бережливое производство возникло как ответ на вызовы послевоенной Японии, когда острый дефицит ресурсов требовал максимальной отдачи от каждого производственного процесса. Основоположником подхода считается Тайити Оно, разработавший Производственную систему Toyota (TPS). В 1990-х годах концепция получила мировое признание и трансформировалась в универсальную управленческую философию, применимую не только в промышленности, но и в сфере услуг, IT, медицине и государственном управлении. В России интерес к lean начал активно формироваться в 2000-х годах, а с 2017 года внедрение бережливого производства получило нормативную поддержку на государственном уровне. Национальный проект «Производительность труда» стимулирует предприятия к освоению современных инструментов управления, что особенно актуально в условиях необходимости импортозамещения и повышения устойчивости экономики.

В основе lean лежит системный подход к управлению, включающий такие принципы, как определение ценности для клиента, картирование потока создания ценности, организация непрерывного потока, pull system (производство «точно в срок») и стремление к совершенству (кайдзен). Все процессы должны быть ориентированы на создание ценности, за которую готов платить потребитель. Визуализация всех этапов позволяет выявить и устранить операции, не добавляющие ценности. Устранение простоев и задержек между этапами производства обеспечивает непрерывность потока, а выпуск продукции только по реальному спросу минимизирует запасы. Постоянное вовлечение сотрудников в процесс улучшений формирует культуру непрерывного совершенствования.

Для реализации этих принципов используются такие инструменты, как 5S (организация рабочего пространства), канбан (управление потоком задач и материалов), PDCA (цикл Деминга) для постоянного улучшения процессов, SMED (быстрая переналадка оборудования) и Poka-Yoke (защита от ошибок). Эти методы позволяют не только структурировать работу, но и сделать процессы прозрачными, управляемыми и устойчивыми к сбоям.

Внедрение бережливого производства позволяет снизить издержки и потери, повысить производительность и качество продукции, высвободить производственные площади, повысить вовлечённость персонала и укрепить конкурентоспособность. Однако существуют и ограничения: зависимость от логистики при работе по системе «точно в срок», сопротивление сотрудников изменениям, необходимость долгосрочных инвестиций и трансформации корпоративной культуры. Преодоление этих вызовов требует системного подхода и последовательной работы с персоналом.

В России бережливое производство активно внедряется на предприятиях КАМАЗ, ГАЗ, Сбербанк, ОДК и других. С 2017 года действуют национальные стандарты по lean, а национальный проект «Производительность труда» охватывает уже более 5000 предприятий. Примеры успешных кейсов демонстрируют значительный экономический эффект: экономия сотен миллионов рублей, сокращение времени производственного цикла, высвобождение площадей для новых производств. Это свидетельствует о том, что бережливое производство становится не только инструментом повышения эффективности, но и фактором обеспечения технологического суверенитета и устойчивого развития экономики.

Таким образом, бережливое производство – это не разовый проект, а долгосрочная стратегия трансформации бизнеса. Для России lean становится не только инструментом повышения эффективности, но и фактором обеспечения технологического суверенитета и устойчивого развития экономики. Внедрение бережливого производства требует системного подхода, вовлечения всех уровней управления и постоянного обучения, что подтверждается успешным опытом российских предприятий.

Список литературы

1. Вумек Дж.П. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Дж.П. Вумек, Д.Т. Джонс. – М.: Альпина Паблишер, 2025. – 450 с.

2. Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / Дж. Лайкер. – М.: Альпина Паблишер, 2025. – 400 с.

Попова Ирина Михайловна
канд. экон. наук, доцент
Абдулина Елена Андреевна
младший научный сотрудник

Саратовский филиал
ФГБОУ ВО «Приволжский государственный
университет путей сообщения»
г. Саратов, Саратовская область

DOI 10.31483/r-168239

ВЛИЯНИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА В УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль работодателей в становлении личности молодого специалиста, а также критерии качества подготовки специалистов. Уделено внимание формированию различных навыков у выпускника в процессе взаимодействия с работодателями. Рассчитана экономия от затрат на текучесть кадров и экономия в период адаптации. Сделаны выводы о влиянии работодателей на профессиональные и личностные качества молодого специалиста.*

Ключевые слова: *молодой специалист, рынок труда, работодатель, качество подготовки, учебные заведения, конкурентоспособность, профессиональные и личностные компетенции, практико-ориентированный подход, эффективное взаимодействие.*

Актуальность данной темы обусловлена высокими требованиями рынка труда к уровню качества подготовки молодых специалистов. К примеру, к молодым специалистам ОАО «РЖД» следует относить выпускников образовательных организаций очной формы обучения в возрасте до 30 лет, получивших диплом о высшем или среднем профессиональном образовании или окончивших аспирантуру и трудоустроенных в год окончания обучения [1]. Выпускники должны обладать высокой конкурентоспособностью, хорошими предметными базовыми знаниями и при этом сформированными навыками профессиональной деятельности. Критерии достижения высокого уровня качества подготовки специалистов представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Критерии достижения высокого уровня качества подготовки специалистов

В современных условиях серьезное внимание уделяется практико-ориентированной адаптации студентов к будущей профессиональной деятельности. Рассмотрению данного вопроса посвящены научные труды Н.В. Кузьминой, Н.С. Моровой, Л.В. Лежниной, Г.У. Матушанского, Т.М. Трегубовой, А.В. и др.

Был проведен опрос работодателей для выявления личностных и профессиональных качеств, которыми, по их мнению, должен обладать выпускник или молодой специалист. На рисунке 2 представлены качества, которые должны быть присущи выпускникам учебных заведений.

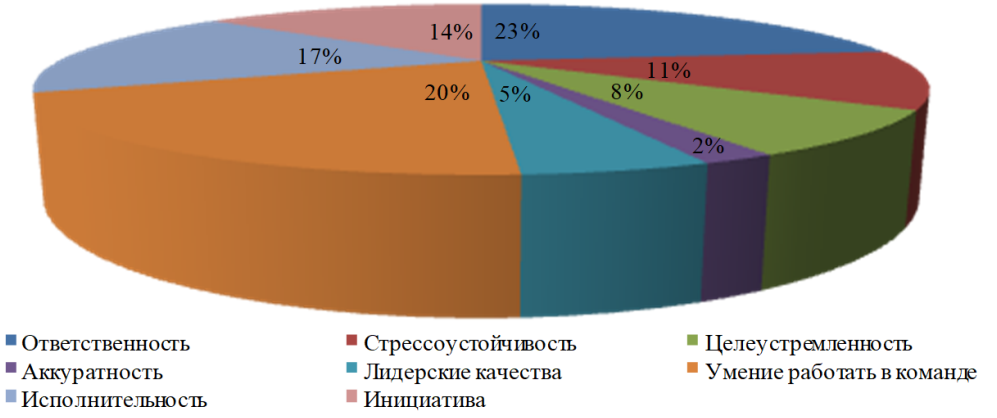


Рис. 2. Качества, которые должны быть присущи выпускникам учебных заведений

В современных условиях задачей учебных заведений является гармонизация уровня теоретической подготовки и практических навыков, что позволит выпускать специалистов различных профессий достаточно высокого уровня. В учебных заведениях, где внимание было сосредоточено на теоретической подготовке, сейчас происходит переход к реальной профессиональной деятельности. Работодатели являются не просто потребителями кадров. Активное вовлечение работодателей в образовательный процесс помогают сформировать у студентов как профессиональные («hard skills»), так и личностные («soft skills») компетенции [3].

Формами взаимодействия учебных заведений и работодателей являются:

− целевая контрактная подготовка, в рамках которой обеспечивается прямая связь между обучением и трудоустройством, а у студента формируются чувство ответственности и понимание того, что он обеспечен после окончания учебного заведения работой;

− производственные и преддипломные практики, которые дают возможность студенту лучше узнать специфику будущей специальности и получить реальный опыт;

− совместные проекты и научные работы, которые развивают у студентов креативное мышление, при этом опыт работодателей поможет определить актуальные темы для разработки;

− участие работодателей в государственной итоговой аттестации. Работодатели оценивают качество подготовки выпускников, рекомендуя при этом учебному заведению актуальные темы выпускных квалификационных работ, компетенции, которые необходимо сформировать у выпускников.

В рамках проводимых мероприятий «День открытых дверей» на встречу с абитуриентами приходят работодатели, которые проводят практико-ориентированные беседы, рассказывают о возможности заключения целевых договоров.

В современных условиях при изменении федеральных государственных образовательных стандартов работодатели совместно с учебными заведениями утверждают основные профессиональные образовательные программы, программы практик и государственной итоговой

аттестации в соответствии с установленными нормативными актами и методическими рекомендациями.

Что касается получения навыков личностных компетенций soft skills, то они формируются через наставничество, стажировки и участие в корпоративной культуре компаний. По мнению работодателей эти навыки очень важны. Поступив на работу, выпускники должны уметь работать в команде, быть готовыми к постоянному развитию, а также обладать стрессоустойчивостью.

Что касается практико-ориентированного обучения, то вовлечение работодателей в учебный процесс (привлечение специалистов к преподаванию, участию в научно-практических конференциях, проведению мастер-классов) позволяет студентам преодолеть разрыв между теорией и практикой.

Преподаватели с производства привлекаются в основном как руководители практики и выпускных квалификационных работ, а также для участия в государственной итоговой аттестации.

В период обучения для студентов часто проводятся экскурсии по местам их будущей работы, где им рассказывают о специфике той или иной профессии. Представители работодателя участвуют во всех торжественных мероприятиях, проводимых в учебных заведениях [4].

Проведено исследование по различным дирекциям, которое показало, что при отсутствии вовлеченности работодателя в образовательный процесс около 25% сотрудников уходили из компании ОАО «РЖД» в период испытательного срока, а 31% задумывались об увольнении в первый месяц работы. Это было обусловлено тем, что выпускники, получая теоретические навыки, имели мало представления о своей профессии. Любое предприятие заинтересовано в снижении затрат на текучесть кадров и повышении преданности компании.

Экономия от снижения затрат на текучесть кадров рассчитывается по формуле:

$$Э_т = (T_{до} - T_п) \cdot S_з \cdot N_р, \quad (1)$$

где $T_{до}$ – уровень текучести кадров до мероприятий;

$T_п$ – уровень текучести кадров после мероприятий;

$S_з$ – стоимость замены одного работника, руб.;

$N_р$ – количество работников, чел.

Если текучесть кадров снизилась с 20% до 15% при штате 100 человек и средней стоимости замены одного сотрудника (поиск, адаптация, обучение) в 200000 рублей, то экономия от снижения затрат на текучесть кадров составит 1000000 рублей.

Существенное значение имеет экономия в период адаптации, которая достигается за счет взаимодействия образовательной организации с работодателями, которая вычисляется по формуле:

$$Э_т = (B_{до} - B_п) \cdot П_{ср} \cdot Р_н, \quad (2)$$

где $B_{до}$ – время адаптации до мероприятий, мес.;

$B_п$ – время адаптации после мероприятий, мес.;

$П_{ср}$ – средняя производительность, руб.;

$Р_н$ – количество новых сотрудников, чел.

Тогда если до внедрения программы адаптация занимала 3 месяца, а после внедрения будет занимать 1,5 месяца, при средней производительности 70 000 рублей в месяц и приёме 15 сотрудников в год, экономия составит 1575000 рублей.

Таким образом, эффективная коммуникация между работодателями и учебными заведениями позволит добиться взаимовыгодного сотрудничества, обеспечить более качественное образование, получить квалифицированные кадры. Привлечение работодателей к образовательному процессу дает возможность подготовить выпускника, готового к требованиям

современного рынка труда, обладающего высокой адаптивностью и стремлением к профессиональному росту.

Список литературы

1. Распоряжение ОАО «РЖД» «Об утверждении Положения о молодом специалисте ОАО «РЖД» №1397р от 18.07.2017. – URL: https://base.garant.ru/71749326/ (дата обращения: 03.06.2026).
2. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» №2233-р от 17.08.2024. – URL: http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIgqO7.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
3. Богачева О.А. Формирование системы гибких навыков (soft skills) у студентов в условиях современного рынка труда / О.А. Богачева // International journal of professional science. – 2021. – №2. – С. 5–9. EDN ZTSLZV
4. Белых А.И. Администрация факультета и ее роль в формировании личности молодого специалиста / А.И. Белых // Сиб. мед. журн. (Иркутск). – 2010. – №7. – С. 48–52. EDN NBFSVB
5. Хлебникова Н.В. Возможности взаимодействия вуза и институтов рынка труда в практико-ориентированной адаптации студентов к профессии / Н.В. Хлебникова // Матрица научного познания: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – №11–2. – Уфа: Омега Сайс, 2020. – С. 339–341.

Спицын Дмитрий Александрович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ФИНАНСОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема роли автоматизации в процессе финансовых расследований, проводимых в целях обеспечения экономической безопасности предприятия. Анализируются ограничения ручных методов сбора и обработки информации, классифицируются виды финансовых махинаций, наиболее эффективно выявляемые с помощью программных средств. На примере схемы вывода денежных средств через фиктивные консультационные услуги демонстрируется возможность автоматизированного выявления признаков противоправных действий. Обосновывается экономическая эффективность внедрения систем автоматизированного мониторинга (AML-систем) для организаций среднего бизнеса.*

Ключевые слова: *автоматизация, финансовые расследования, финансовые махинации, экономическая безопасность, AML-системы, форензик-анализ, фирмы-однодневки.*

Введение.

В условиях цифровой трансформации экономики объём финансовых операций, совершаемых хозяйствующими субъектами, неуклонно возрастает. Одновременно с этим усложняются схемы финансовых махинаций, включая многоступенчатые налоговые уклонительные схемы, использование фирм-однодневок и коррупционные механизмы. Традиционные методы финансовых расследований, основанные на ручной обработке информации, характеризуются низкой скоростью, высокой трудоёмкостью и подверженностью ошибкам. Указанные методы не позволяют оперативно обрабатывать большие массивы данных и своевременно выявлять признаки правонарушений. Внедрение автоматизированных систем в процесс финансовых расследований является объективной необходимостью для обеспечения экономической безопасности предприятий.

Цель настоящей работы – теоретическое обоснование необходимости автоматизации финансовых расследований и разработка практических рекомендаций по внедрению

автоматизированных инструментов в систему экономической безопасности предприятия. Методы исследования: анализ нормативно-правовой базы и специальной литературы, классификация, метод экспертных оценок, экономико-математическое моделирование.

Основная часть.

Понятие и этапы финансового расследования. Финансовое расследование представляет собой комплекс мероприятий, направленных на сбор, анализ и оценку информации о финансовых операциях и хозяйственных связях субъекта экономической деятельности с целью выявления признаков противоправных действий, установления их участников, механизмов и последствий. В отличие от аудита, ориентированного на проверку достоверности отчётности, финансовое расследование направлено на выявление умышленных искажений, мошеннических схем, налоговых уклонений и коррупционных платежей.

Независимо от конкретной методики, финансовое расследование включает пять последовательных этапов: планирование, сбор и первичная обработка информации, аналитическая обработка данных, формирование выводов и доказательственной базы, реализация результатов. Наиболее эффективная автоматизация достигается для этапов сбора информации (автоматизированные запросы к базам данных ЕГРЮЛ, СПАРК, Контур-Фокус) и аналитической обработки (автоматическое построение цепочек контрагентов, выявление аномалий, скоринг транзакций).

Ограничения ручных методов. Проводимые вручную финансовые расследования сталкиваются с рядом существенных ограничений: большой объём данных (крупное предприятие совершает тысячи платежей ежедневно); низкая скорость обработки (к моменту завершения ручной проверки денежные средства могут быть уже выведены); высокая вероятность ошибок (человек может пропустить совпадение IP-адресов, незначительные расхождения в суммах); сложность выявления скрытых взаимосвязей между десятками контрагентов; высокая стоимость ручного труда, которая может оказаться сопоставимой с суммой выявленного ущерба.

Автоматизация позволяет решить указанные проблемы за счёт сплошного контроля всех операций, сокращения времени расследования в 3–10 раз, выявления аномалий, визуализации связей между контрагентами и снижения влияния человеческого фактора.

Классификация финансовых махинаций и реестр рисков. Финансовые махинации подразделяются на налоговые преступления (уклонение от уплаты налогов, незаконное возмещение НДС), мошенничество в сфере корпоративных финансов (присвоение активов, фиктивные сделки), коррупционные схемы (откаты, коммерческий подкуп), а также операции по легализации доходов, полученных преступным путём.

Для целей автоматизации составлен реестр рисков (таблица 1), в котором каждый риск оценён по шкале последствий (1–10) и вероятности (1–10) с расчётом интегрального уровня (произведение). Наиболее высокие риски (красная зона): использование фирм-однодневок (56 баллов), карусельные схемы уклонения от НДС (54 балла) и вывод активов через транзитные счета (45 баллов). Указанные риски требуют первоочередного внедрения автоматизированного контроля.

Таблица 1

Реестр рисков финансовых махинаций (фрагмент)

№	Наименование риска	Оценка последствий	Оценка вероятности	Уровень риска
1	Использование фирм-однодневок	8	7	56
2	Карусельная схема уклонения от НДС	9	6	54
3	Вывод активов через транзитные счета	9	5	45

Анализ конкретной схемы махинации. В качестве примера рассмотрена схема вывода денежных средств из компании через фиктивные консультационные услуги с последующим

обналичиванием через корпоративные карты и офшорные структуры. Участники схемы: топ-менеджер (инициатор), главный бухгалтер (оформляет фиктивные документы), техническая компания-однодневка (ООО «Консалт-Сервис»), офшорная компания (Кипр/BVI), дроп-владельцы корпоративных карт.

Числовой расчёт показывает: при выводе 12 млн руб. потери бюджета (недополученный налог на прибыль и НДС) составляют 4,4 млн руб., совокупный ущерб для организации и бюджета – 16,4 млн руб. Ключевые признаки схемы: транзитный характер операций (поступление и списание в течение 1–3 дней), совпадение IP-адресов и регистрационных данных, отсутствие детализации в актах выполненных работ, регулярное снятие наличных с корпоративных карт.

Методы и инструменты автоматизированного выявления. Выделяются три группы методов. Первая – анализ контрагентов (due diligence) с использованием СПАРК, Контур-Фокус и сервисов ФНС, позволяющий проверять регистрацию, отчётность, судебные дела, выявлять массовые адреса и совпадения IP. Вторая – мониторинг банковских операций (AML-системы), отслеживающий транзитный характер, обналичивание и переводы в офшоры. Третья – документальный контроль с применением OCR-систем, анализирующих первичные документы на наличие детализирующих формулировок.

Экономическая эффективность автоматизации. Для типовой организации среднего бизнеса с годовым оборотом 500 млн руб. ежегодный ущерб от финансовых махинаций оценивается в 10 млн руб. Внедрение стандартной AML-системы (стоимость лицензии 800 тыс. руб./год, интеграция 400 тыс. руб., обучение 50 тыс. руб., сопровождение 200 тыс. руб./год) позволяет предотвратить 60% махинаций. Предотвращённый ущерб составляет 6 млн руб. в год. Чистый эффект первого года – 4,55 млн руб., срок окупаемости затрат первого года – 3,48 месяца (таблица 2).

Таблица 2

Экономическая эффективность внедрения системы автоматизации

Показатель	Значение
Годовой оборот организации	500 000 000 руб.
Ежегодный ущерб без автоматизации	10 000 000 руб.
Предотвращённый ущерб (60%)	6 000 000 руб.
Затраты первого года (всего)	1 450 000 руб.
Чистый эффект первого года	4 550 000 руб.
Срок окупаемости затрат первого года	3,48 месяца

Комплекс мероприятий. Разработаны мероприятия по четырём направлениям: организационные (создание отдела экономической безопасности из 3–5 сотрудников); технологические (внедрение AML-системы и OCR-анализа); процедурные (обязательная due diligence, дополнительное согласование нестандартных платежей, ежемесячная сверка корпоративных карт); образовательные (обучение сотрудников форензик-анализу, регулярные семинары, анонимное информирование). Предложен поэтапный план внедрения на период от 1 до 12 месяцев.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Финансовое расследование представляет собой структурированный процесс из пяти этапов, при этом ручные методы обладают существенными ограничениями по скорости, объёму и точности. Автоматизация позволяет преодолеть эти ограничения за счёт сплошного контроля, визуализации связей и снижения влияния человеческого фактора. Составленный реестр рисков показывает, что наиболее опасными угрозами являются использование фирм-однодневок, карусельные схемы и вывод активов. Анализ конкретной схемы вывода 12 млн руб. через фиктивные консультационные услуги выявил совокупный ущерб в размере 16,4 млн руб., что подтверждает необходимость автоматизации. Экономический расчёт доказал целесообразность внедрения стандартной AML-системы для организации с оборотом 500 млн руб.: срок окупаемости

составляет 3,48 месяца, чистый эффект первого года – 4,55 млн руб. Предложенный комплекс мероприятий по четырём направлениям позволяет создать многоуровневую систему противодействия финансовым махинациям. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка отраслевых методик автоматизации и внедрение методов предиктивного анализа на основе машинного обучения.

Список литературы

1. Грачёв А.В. Финансовые расследования: теоретические и практические аспекты / А.В. Грачёв. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 288 с.

2. Ермаков В.В. Финансово-экономическая безопасность: учебник / В.В. Ермаков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 412 с.

3. Кудрявцев А.А. Интегрированный риск-менеджмент: учебник / А.А. Кудрявцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2022. – 712 с.

4. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» №115-ФЗ от 07.08.2001 (ред. от 30.12.2024).

5. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 28.02.2025).

6. Федеральный закон «Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая» №117-ФЗ от 05.08.2000 (ред. от 01.04.2025).

7. Контур-Фокус: официальный сайт. – URL: https://focus.kontur.ru (дата обращения: 20.05.2026).

8. СПАРК – информационно-аналитическая система: официальный сайт. – URL: https://www.spark-interfax.ru (дата обращения: 20.05.2026).

9. Федеральная налоговая служба: официальный сайт. – URL: https://www.nalog.ru (дата обращения: 20.05.2026).

10. Association of Certified Fraud Examiners (ACFE). Occupational Fraud 2024: A Report to the Nations – Global Study on Occupational Fraud and Abuse. – Austin, TX: ACFE, 2024. – 104 p.

Томилов Глеб Александрович
студент
Тукова Екатерина Александровна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»
г. Екатеринбург, Свердловская область

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОПЫТ ТРЕЙД-МАРКЕТИНГА В ОПТОВОЙ КОМПАНИИ «АВТО-ТРАСТ»

Аннотация: *в статье рассматривается, как цифровая трансформация меняет подходы к управлению трейд-маркетингом в оптовой торговле. На примере компании «Авто-Траст» – поставщика автозапчастей в Уральском федеральном округе – показано, как внедрение B2B-портала, автоматизированной программы лояльности и мобильных приложений помогает повысить эффективность работы с клиентами-автомагазинами и СТО. Предложены рекомендации по дальнейшему развитию цифровых инструментов. Статья будет полезна студентам, изучающим маркетинг и управление продажами.*

Ключевые слова: *трейд-маркетинг, цифровая трансформация, оптовые продажи, B2B-портал, программа лояльности, автозапчасти, управление организацией.*

Цифровая трансформация меняет управление трейд-маркетингом в оптовой торговле. В статье на примере компании «Авто-Траст» – поставщика автозапчастей в УрФО – анализируются современные цифровые инструменты и их влияние на продажи. Цель работы – проанализировать подходы и предложить шаги по развитию. Методы исследования: анализ данных компании (CRM, B2B-портал за 2024–2025 гг.), интервью с руководителем отдела, экономическая оценка (ROI, сокращение трудозатрат).

Трейд-маркетинг – это деятельность по стимулированию продаж в торговом канале. Если в рознице мы работаем с конечным покупателем, то в опте – с посредниками: магазинами, станциями техобслуживания, дилерами. Задача трейд-маркетолога – сделать так, чтобы этим партнёрам было выгодно и удобно закупать продукцию именно у нас [3]

Раньше инструменты были простыми: скидки за объём, редкие акции «при покупке комплекта – подарок», печатные каталоги и визиты торгового представителя. Управление держалось на личных отношениях и интуиции руководителя отдела продаж. Минусы такого подхода – низкая прозрачность, сложность оценки эффективности, долгая реакция на изменения спроса.

Цифровая трансформация приносит в трейд-маркетинг три главных изменения:

Переход к данным. Теперь каждое действие клиента (заказ, просмотр товара, участие в акции) фиксируется в системе. Можно точно посчитать, какая акция сработала лучше.

Автоматизация коммуникаций. Вместо ручного обзвона – рассылки и push-уведомления, которые формируются на основе истории покупок.

Личный кабинет как точка контакта. Клиент сам видит цены, остатки, свои бонусы и может заказать товар в любое время.

Компания «Авто-Траст» работает на рынке автозапчастей Уральского федерального округа более 28 лет. Её клиенты – автомагазины и станции технического обслуживания. Чтобы оставаться конкурентоспособной, компания внедряет цифровые решения.

В компании внедрены цифровые инструменты: B2B-портал (доля заказов выросла до 61%, время сократилось до 7 минут, ошибки снизились на 41%), автоматизированная программа лояльности (повторные заказы выросли на 27%), мобильное приложение для торговых представителей (производительность выросла на 35%) и сегментированные рассылки (отклик выше, чем у массовой рекламы).

Несмотря на позитивный эффект, цифровая трансформация в «Авто-Траст» столкнулась с рядом барьеров [1]:

Среди основных барьеров: сопротивление персонала (30% менеджеров старше 45 лет игнорировали CRM), технические сбои (в ноябре 2025 года портал не работал 8 часов), цифровое неравенство клиентов (15% мелких СТО заказывают по телефону из-за отсутствия интернета) и усталость от рассылок (отписка 10–12% клиентов из-за частоты 3 раза в неделю).

Вывод: цифровые инструменты требуют постоянной донастройки и учёта человеческого фактора.

Цифровая трансформация – не мода, а необходимость для современной оптовой компании. На примере «Авто-Траст» мы увидели, как B2B-портал, программа лояльности, мобильное приложение и сегментированные рассылки меняют трейд-маркетинг: делают его адресным, измеримым и оперативным. Это напрямую влияет на рост продаж и укрепление отношений с партнёрами.

Список литературы

1. Вертакова Ю.В. Цифровая трансформация управления компанией: основные тренды и вызовы / Ю.В. Вертакова, В.А. Плотников // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2023.

2. Голубков Е.П. Маркетинг для профессионалов и студентов / Е.П. Голубков. – М.: Юрайт, 2023.

3. Данько Т.П. Управление маркетингом: учебник / Т.П. Данько, О.В. Китова. – М.: Юрайт, 2021.

4. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К.Л. Келлер. – 15-е изд. – СПб.: Питер, 2020.

5. Мельник М.В. Цифровой маркетинг в B2B: от лидогенерации до лояльности / М.В. Мельник. – М.: Кнорус, 2024.

6. Официальный сайт компании «Авто-Траст». – URL: https://new.a-trast.ru (дата обращения: 10.06.2026).

Трушников Андрей Викторович
магистрант
Научный руководитель
Жданова Ольга Сергеевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
г. Киров, Кировская область

НАУКОЁМКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВЫШЕНИИ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ДИСТАНЦИИ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ ОАО «РЖД»)

Аннотация: *в статье рассматривается роль наукоёмких технологий в повышении энергоэффективности инфраструктуры железнодорожного транспорта в условиях цифровой трансформации экономики и обеспечения технологического суверенитета. На примере статических генераторов реактивной мощности и прогнозного обслуживания оборудования обоснован наукоёмкий характер цифрового ресурсосбережения. Показано, что наукоемкость определяется конвергенцией силовой электроники, интеллектуальных алгоритмов автоматизации и обработки больших данных. Представлены результаты разработки инновационного проекта внедрения статических генераторов реактивной мощности и системы цифрового мониторинга на объектах дистанции электроснабжения с оценкой прогнозного энергетического и экономического эффекта (на примере Кировской дистанции электроснабжения ОАО «РЖД»). Сделан вывод о том, что наукоёмкость рассматриваемых технологий обеспечивает переход от компенсирующего управления ресурсами к предупреждающему на основе интеллектуального анализа данных.*

Ключевые слова: *ресурсосбережение, энергоэффективность, наукоёмкие технологии, цифровая трансформация, импортозамещение, статические генераторы реактивной мощности, прогнозное обслуживание, цифровой мониторинг, тяговое электроснабжение, инновационный проект.*

В современных условиях повышение эффективности деятельности высокотехнологичных и инфраструктурных отраслей во многом определяется уровнем внедрения инновационных технологий, обеспечивающих снижение потерь ресурсов, повышение надёжности оборудования и совершенствование процессов управления [1]. Цифровая трансформация промышленности способствует переходу от традиционных методов эксплуатации к интеллектуальным системам управления ресурсами, ориентированным на предупреждение потерь и повышение производственной устойчивости [7]. Государственная политика в данной сфере закреплена в Федеральном законе «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» и в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, ориентирующей экономику на освоение наукоёмких технологий [5; 6].

Понятие ресурсосбережения в научной литературе трактуется с различных позиций. По мнению Р. А. Фатхутдинова, ресурсосбережение представляет собой систему организационно-технических мероприятий, направленных на рациональное использование ресурсов и повышение эффективности деятельности организации [8]. В исследованиях В. М. Гальперина и соавторов оно рассматривается как инструмент снижения издержек и повышения экономической эффективности функционирования предприятия [2]. С точки зрения инновационного менеджмента ресурсосбережение всё чаще рассматривается как элемент технологической модернизации предприятия: в условиях цифровой экономики повышение эффективности использования ресурсов достигается за счёт внедрения инновационных решений, автоматизации процессов и интеллектуальных систем диагностики оборудования [1]. Согласно теории технологических укладов, развиваемой в работах С. Ю. Глазьева,

конкурентоспособность экономики определяется освоением производств нового технологического уклада, основанного на цифровых технологиях, силовой электронике и интеллектуальных системах управления [3].

Одним из ключевых направлений развития ресурсосбережения становится цифровизация производственных и инфраструктурных процессов. В высокотехнологичных инфраструктурных системах ресурсосбережение всё чаще реализуется через внедрение технологий цифрового мониторинга технического состояния оборудования, автоматизированных систем диагностики, интеллектуального учёта энергоресурсов и методов прогнозного обслуживания. Значительную роль играют технологии анализа больших данных, позволяющие обрабатывать большие объёмы информации о техническом состоянии оборудования и режимах работы инфраструктуры, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать риски отказов [7]. Особое значение приобретают интеллектуальные системы мониторинга, обеспечивающие непрерывный контроль параметров функционирования объектов, своевременное выявление отклонений и предупреждение аварийных ситуаций.

Система тягового электроснабжения железнодорожного транспорта относится к числу наиболее энергоёмких инфраструктурных систем. Её функционирование связано со значительными затратами электроэнергии, эксплуатацией дорогостоящего оборудования и необходимостью обеспечения бесперебойного движения поездов [9]. В связи с этим ресурсосбережение в системе электроснабжения становится одним из приоритетных направлений повышения эффективности железнодорожной отрасли, что закреплено в энергетических стратегиях федерального и отраслевого уровня [7; 10]. Применительно к системе тягового электроснабжения наибольший интерес представляют статические генераторы реактивной мощности, а также технология прогнозного обслуживания оборудования. Принципиально важно, что внедрение указанных решений не сводится к простой замене изношенного оборудования: по своему содержанию это наукоёмкие инновации, основанные на сочетании трёх технологических оснований – силовой электроники, интеллектуальных алгоритмов автоматизации и обработки больших данных.

Первым технологическим основанием выступает силовая электроника. В отличие от пассивных конденсаторных установок, статический генератор реактивной мощности представляет собой управляемое устройство на базе полупроводниковых преобразователей, осуществляющее динамическую компенсацию реактивной мощности и стабилизацию параметров напряжения в реальном времени. Быстродействующее регулирование позволяет адаптивно реагировать на изменение нагрузки тяговой сети, снижать технологические потери электроэнергии и повышать качество электроснабжения.

Вторым основанием являются интеллектуальные алгоритмы автоматизации. Работа статических генераторов реактивной мощности и систем цифрового мониторинга обеспечивается алгоритмами автоматического регулирования режимов электроснабжения, которые в реальном времени анализируют параметры сети и формируют управляющие воздействия без непосредственного участия оператора. Это позволяет перейти от регламентного управления к адаптивному и придаёт технологии свойства интеллектуальной системы [7].

Третьим основанием выступает обработка больших данных. Технология прогнозного обслуживания основана на непрерывном сборе и анализе данных о фактическом техническом состоянии оборудования и использует аналитические модели, прогнозирующие вероятность отказов по фактическому состоянию. В отличие от планово-предупредительного ремонта по регламенту, такой подход позволяет планировать ремонтные воздействия на основе данных, сокращая количество отказов, аварийность и затраты на обслуживание [9].

Таким образом, наукоёмкость рассматриваемых технологий определяется не отдельными элементами, а именно сочетанием трёх оснований – силовой электроники, интеллектуальных алгоритмов автоматизации и обработки больших данных. Это сочетание превращает внедрение статических генераторов реактивной мощности и прогнозного обслуживания из локальной замены оборудования в наукоёмкую инновацию, обеспечивающую переход от компенсирующего управления ресурсами к предупреждающему на основе данных.

Практическая значимость наукоёмких технологий ресурсосбережения раскрыта в проведённом исследовании на примере Кировской дистанции электроснабжения. В рамках работы разработан инновационный наукоёмкий проект внедрения статических генераторов реактивной мощности и системы цифрового мониторинга с функцией прогнозного обслуживания на объектах дистанции, объединяющий отдельные мероприятия в единый управляемый комплекс. Выбор данного направления обоснован результатами, полученными на объектах-аналогах Горьковской дирекции по энергообеспечению, где внедрение статических генераторов реактивной мощности уже подтвердило высокий потенциал снижения технологических потерь: суммарный энергетический эффект на объектах-аналогах превысил 1,6 млн кВт·ч в год. Это свидетельствует о наличии резерва дальнейшего повышения энергетической эффективности и в Кировской дистанции электроснабжения.

Для проекта в соответствии с принципами проектного управления разработан паспорт, фиксирующий цель, содержание, тип инновации и параметры инвестиционной фазы. Проект предусматривает внедрение двух комплектов оборудования; срок инвестиционной фазы составляет 12 месяцев, оценочный объём инвестиций – около 22 млн. руб. Прогнозируемое снижение технологических потерь электроэнергии оценивается приблизительно в 1,64 млн кВт·ч в год, что при среднем тарифе для инфраструктурных подразделений соответствует годовому экономическому эффекту порядка 9,8 млн. руб. Оценка инвестиционной эффективности, выполненная при ставке дисконтирования 15% и горизонте расчёта 7 лет, показала положительный результат: чистый дисконтированный доход составил около 15,4 млн руб., внутренняя норма доходности – около 36%, дисконтированный срок окупаемости – порядка 3,3 года. Для управления проектом построена матрица рисков, в которой к наиболее значимым отнесены риск срыва сроков поставки оборудования, риск превышения бюджета и риск недостижения проектного энергетического эффекта; по каждому из них предусмотрены меры реагирования.

Развитие наукоёмких технологий ресурсосбережения непосредственно связано с задачами технологического суверенитета и импортозамещения. Освоение отечественного производства силовой электроники, систем цифрового мониторинга и программного обеспечения для управления режимами электроснабжения является условием устойчивости инфраструктуры к внешним ограничениям и независимости от поставок импортных комплектующих [4; 6]. Соответствующие приоритеты закреплены в государственной промышленной политике и в Стратегии цифровой трансформации железнодорожного холдинга, ориентированной на внедрение интеллектуальных систем управления инфраструктурой на собственной технологической базе [7].

Таким образом, наукоёмкие технологии ресурсосбережения в инфраструктуре железнодорожного транспорта представляют собой основу перехода от традиционной модели контроля затрат к интеллектуальной системе управления ресурсами, ориентированной на предупреждение потерь. Наукоёмкость статических генераторов реактивной мощности и прогнозного обслуживания определяется сочетанием силовой электроники, интеллектуальных алгоритмов автоматизации и обработки больших данных, а разработанный инновационный проект подтверждает практическую реализуемость и инвестиционную целесообразность таких решений. Их применение в системе тягового электроснабжения позволяет одновременно снижать технологические потери электроэнергии, повышать надёжность инфраструктуры и обеспечивать устойчивость перевозочного процесса, что соответствует приоритетам государственной научно-технологической и энергетической политики [5; 10].

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Экономика России: стратегия развития в условиях модернизации / А.Г. Аганбегян. – М.: Дело, 2022. – 432 с.

2. Гальперин В.М. Экономика предприятия: учебник / В.М. Гальперин, С.М. Игнатьев, В.И. Моргунов. – М.: Инфра-М, 2022. – 352 с.

3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С.Ю. Глазьев. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с. EDN YSXIUV

4. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 №488-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 28.06.2026).
5. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 №145. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470762/ (дата обращения: 28.06.2026).
6. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 №261-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения: 28.06.2026).
7. Стратегия цифровой трансформации холдинга «РЖД» до 2030 года / ОАО «РЖД». – URL: https://company.rzd.ru/ (дата обращения: 28.06.2026).
8. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент: учебник / Р. А. Фатхутдинов. – М.: Инфра-М, 2023. – 448 с.
9. Экономика железнодорожного транспорта: учебник / под ред. Н.П. Терёшиной. – М.: УМЦ ЖДТ, 2018. – 996 с.
10. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. – URL: https://minenergo.gov.ru/ (дата обращения: 28.06.2026).

Филиппова (Антонова) Карина Александровна
магистрант
Луцков Игорь Алексеевич
магистрант

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-168016

ОЦЕНКА АКТИВОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ИСТОЧНИКОВ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются методические аспекты анализа имущественного положения организации в условиях банкротства. Основным источником анализа служит бухгалтерская отчетность, достоверность которой подтверждается инвентаризацией. Выделены ключевые показатели имущественного положения: доля внеоборотных и оборотных активов, темпы их роста, динамика дебиторской и кредиторской задолженности, величина реальных активов. Проведён сравнительный анализ методик (Киселёв, Ковалёв, Савицкая). Состав и структура имущества зависят от вида деятельности и источников финансирования. Универсальные нормативные значения отсутствуют, акцент – на динамику показателей.*

Ключевые слова: *активы, анализ, баланс, банкротство, бухгалтерская отчетность, имущественное положение, организация, прогнозирование, финансовое состояние.*

Современная рыночная среда диктует жесткие условия функционирования для всех экономических субъектов. Оздоровление экономики путем избавления от неэффективных организаций, защита интересов кредиторов, создание благоприятного инвестиционного климата в стране, возможность восстановления финансовой устойчивости, платежеспособности организаций, оказавшихся в сложном положении, но в принципе жизнеспособных, потенциально перспективных – все это явилось предпосылками совершенствования законодательства о банкротстве. В ходе процедур банкротства арбитражными управляющими проводится анализ показателей деятельности организации. Основным источников для проведения арбитражными управляющими анализа показателей деятельности организации является бухгалтерская (финансовая) отчетность [2, с. 32–37].

Соответственно, для подтверждения достоверности показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности в обязательном порядке проводится инвентаризация активов и обязательство организации [1, с. 46].

Имущественное положение организации является очень важным элементом анализа финансового состояния, особенно с точки зрения оценки перспектив ее развития. Известно, что организация может ставить перед собой краткосрочные и долгосрочные цели. Реализация краткосрочных целей, как правило, связана с повышением суммы прибыли и рентабельности, что в свою очередь, связано с оптимизацией затрат, повышением эффективности использования ресурсов. С точки зрения краткосрочных проблем осуществление инвестиций в основные средства и увеличение имущества организации в целом может считаться нецелесообразным, так как не приносит быстрого дохода, а, кроме того, появляются риски неокупаемости объектов вследствие не только внутренних, но и внешних факторов.

Однако при реализации долгосрочной стратегии развития любой организации в первую очередь встают вопросы ее качественного ресурсного обеспечения, что в конечном итоге повысит независимость организации от арендодателей и иных партнеров, позволит более гибко управлять затратами и ценами, укрепит конкурентоспособность и деловую репутацию [3, с. 15–19].

Следовательно, при осуществлении прогнозной оценки финансового состояния организации анализ имущественного положения приобретает не менее важную роль, чем анализ финансовой устойчивости [6, с. 154–158].

Формирование имущества организации осуществляется с учетом многих факторов, основными из которых можно считать вид хозяйственной деятельности, объемы и структуру источников финансирования. Вид деятельности оказывает прямое влияние на состав и структуру имущества организации. Если производственное предприятие в условиях постоянного развития технологий в первую очередь будет зависеть от наличия необходимого оборудования для выпуска продукции, то торговая организация будет делать акцент на формирование пользующихся спросом товаров для перепродажи, а при формировании основных средств сделает выбор в пользу складского помещения.

Источники финансирования оказывают влияние на состав и структуру имущества в том аспекте, что при наличии достаточного объема собственных и долгосрочных источников организация может позволить себе долгосрочные инвестиции в основные средства без риска утраты финансовой устойчивости, тогда как за счет краткосрочных источников целесообразно приобретать более ликвидные активы (преимущественно оборотные).

Основу информационного обеспечения анализа имущественного положения организации составляет бухгалтерский баланс. Он позволяет оценить соотношение между внеоборотными и оборотными активами, структуру источников финансирования имущества, изменение стоимости активов в целом и по видам за два года. Более обширные выводы можно сделать при наличии пояснений к бухгалтерскому балансу, в которых раскрывается состав, движение основных средств, запасов, дебиторской и кредиторской задолженностей.

При отсутствии таких пояснений аналитические возможности по оценке имущественного положения значительно снижаются [4, с. 21–25].

Проведение анализа имущественного положения организации предполагает применение в первую очередь горизонтального и вертикального анализа баланса. Однако для прогнозирования имущественного положения целесообразно использовать трендовый и факторный анализ, а для оценки эффективности структуры баланса – коэффициентный анализ.

Цель управления имущественным положением организации – оптимизация структуры ее имущества. Структура имущества может считаться оптимальной, если она соответствует производственным потребностям (то есть потребностям в соответствии с видом деятельности), позволяет своевременно окупать инвестиции, соответствует имеющимся источникам финансирования.

Соответствие источникам финансирования необходимо потому, что если организация в соответствии с производственной необходимостью приобретет оборудование за счет краткосрочного кредита, то несмотря ни на какую эффективность его использования может иметь трудности с погашением этого кредита из-за несоответствия сроков окупаемости имущества (амортизации) и сроков возврата кредита.

Можно сказать, что в отношении имущества организации необходимо соотносить свои желания (потребности) со своими возможностями (капиталом).

Среди показателей, характеризующих имущественное положение организации, выделяют следующие (табл. 1).

Таблица 1

Показатели имущественного положения организации
по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности

Показатели	Расчет	Содержание
1. Доля внеоборотных активов	$\frac{\text{Внеоборотные активы}}{\text{Итог баланса}}$	Существенность долгосрочных инвестиций организации
2. Доля оборотных активов	$\frac{\text{ОБоротные активы}}{\text{Итог баланса}}$	Существенность мобильных активов, способствующих ускорению оборачиваемости в целом
3. Темп роста внеоборотных активов	$\frac{\text{Внеоборотные активы на конец года}}{\text{Внеоборотные активы на начало года}}$	Динамика долгосрочных инвестиций
4. Темп роста оборотных активов	$\frac{\text{Оборотные активы на конец года}}{\text{Оборотные активы на начало года}}$	Динамика оборотных активов, ее соответствие динамике продаж
5. Соотношение темпов роста оборотных и внеоборотных активов	$\frac{\text{Темп роста оборотных активов}}{\text{Темп роста внеоборотных активов}}$	Способность долгосрочных инвестиций к окупаемости
6. Абсолютное изменение валюты баланса	Итог баланса на конец года − Итог баланса на начало года	Прирост (снижение) стоимости имущества
7. Темп роста дебиторской задолженности	$\frac{\text{Дебиторская задолженность на конец года}}{\text{Дебиторская задолженность на начало года}}$	Динамика дебиторской задолженности, ее соответствие динамике выручки
8. Темп роста кредиторской задолженности	$\frac{\text{Кредиторская задолженность на конец года}}{\text{Кредиторская задолженность на начало года}}$	Динамика кредиторской задолженности, ее соответствие динамике запасов
9. Соотношение темпов роста дебиторской и кредиторской задолженностей	$\frac{\text{Темп роста кредиторской задолженности}}{\text{Темп роста кредиторской задолженности}}$	Однонаправленность динамики дебиторской и кредиторской задолженностей
10. Абсолютный прирост нераспределенной прибыли	Нераспределенная прибыль на конец года − Нераспределенная прибыль на начало года	Выполнение требования расширенного воспроизводства
11. Величина реальных активов	Нематериальные активы + Основные средства + Запасы + Незавершенное производство	Производственный потенциал организации
12. Доля денежных средств и краткосрочных финансовых вложений в оборотных активах	$\frac{\text{Денежные средства + Краткосрочные финансовые вложения}}{\text{Оборотные активы}}$	Ликвидность оборотных активов
13. Доля основных средств во внеоборотных активах	$\frac{\text{Основные средства}}{\text{Внеоборотные активы}}$	Производственные возможности организации

Увеличение величины и доли оборотных активов, как правило, оценивается положительно, так как способствует ускорению оборачиваемости активов в целом.

Состав как внеоборотных активов, так и оборотных активов, не однороден. Организация может иметь существенную долю внеоборотных активов, но не иметь основных средств для ведения хозяйственной деятельности. Это может быть в случае, если общество практикует долгосрочные инвестиции в целях получения дополнительного дохода от выданных займов или долгосрочных депозитов в банках.

Любые финансовые вложения, а тем более долгосрочные, отвлекают средства из оборота и, по существу, являются финансированием деятельности иных юридических лиц.

Состав оборотных активов различается вследствие различной степени ликвидности каждого их вида. Запасы необходимы для ведения бесперебойной, ритмичной деятельности, однако они являются наименее ликвидным видом активов организации. В торговле более высокая степень ликвидности запасов, чем в производстве, так как в торговле отсутствуют процесс производства и незавершенное производство. Дебиторская задолженность – более ликвидный актив, чем запасы, отражает обязательства покупателей за отгруженные товары, продукцию, выполненные работы и услуги, однако если превышается оптимальный для продавца срок расчетов, то она теряет свою ликвидность. Абсолютно ликвидным активом являются только денежные средства, но их излишек приводит к их обесцениванию, потере альтернативного дохода. К абсолютно ликвидным активам принято причислять краткосрочные финансовые вложения, но они отвлекают средства из оборота, как и долгосрочные, только на меньший срок. Следовательно, в отношении каждой организации необходимо выявить особенности состава его имущества, оценить соответствие активов по составу и структуре потребностям организации.

Для показателей имущественного положения отсутствуют универсальные нормативные значения, так как каждая организация имеет индивидуальные потребности в имуществе и индивидуальные финансовые возможности. Поэтому акцент в оценке имущественного положения делается на показатели динамики. Среди существующих методик анализа имущественного положения можно выделить следующие, представленные в таблице 2 [7, с. 71–74].

Таблица 2

Методики анализа имущественного положения организации

Составляющие методики	Киселев М.В.	Ковалев В.В.	Савицкая Г.В.
Цели и задачи анализа	Динамический анализ за ряд лет, оценка выявленных проблем	Повышение реальности учетных данных и составление агрегированного аналитического баланса	Выявление основных тенденций изменения активов и их структуры
Объекты анализа	Активы, источники их формирования	Имущество и финансовое положение	Имущество и эффективность его использования
Показатели	Состав и структура активов, собственного капитала, обязательств	Динамика валюты баланса, структура баланса, соотношение собственного и заемного капитала	Структура капитала, структура внеоборотных и оборотных активов, состояние и использование запасов и денежных средств
Способы анализа	Горизонтальный, вертикальный анализ, сравнительный аналитический баланс	Вертикальный, горизонтальный анализ, аналитический баланс-нетто	Вертикальный, горизонтальный анализ, факторный анализ, логический анализ

Как видим из таблицы 2, все методики оценки имущественного положения предполагают применение горизонтального и вертикального анализа.

Целесообразным считается также проведение анализа структуры и динамики по укрупненному аналитическому балансу [5, с. 141–147]. То есть для оценки имущественного положения, с одной стороны, нет необходимости выделять все виды активов и обязательств, предусмотренные в балансе, некоторые статьи можно опустить или укрупнить. С другой стороны, наоборот, может возникнуть необходимость расшифровать некоторые статьи баланса. В любом случае должны быть проанализированы динамика и структура активов и источников их формирования.

Список литературы

1. Актуальные вопросы теории и практики экономического развития Российской Федерации: монография / под ред. Т.Ю. Серебряковой, Т.Я. Сильвестровой. – М.: Русайнс, 2024. – 184 с.

2. Антонова М.В. Качественные характеристики показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности организаций потребительской кооперации / М.В. Антонова // Состояние и перспективы развития государства и общества в условиях модернизации: диалог науки и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 32–37. EDN UMVDKX

3. Антонова М.В. Концепция устойчивого развития и ее влияние на информационное обеспечение управления организациями потребительской кооперации / М.В. Антонова // Экономика и управление: теория, практика, инновации: сб. материалов Междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного работника образования Чувашской Республики, д-ра экон. наук, проф. Е.А. Еленевской (29 апреля 2014 г.). – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2014. – С. 15–19. EDN URJMDX

4. Антонова М.В. Формирование консолидированной отчетности организаций потребительской кооперации / М.В. Антонова // Российская государственность: история, современность и перспективы (1150-летию Российской государственности, 100-летию Российского университета кооперации и 50-летию Чебоксарского кооперативного института (филиала), 10–11 октября 2012 года: сборник материалов Международной научно-практической конференции). – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2012. – С. 21–25. EDN YMOSXN

5. Антонова М.В. Формирование отчетности организаций потребительской кооперации в условиях устойчивого развития / М.В. Антонова // Инновационное развитие экономики. – 2014. – №1(18). – С. 141–147. EDN RYEUIB

6. Никандрова Р.С. Пути укрепления финансового состояния организации / Р.С. Никандрова, М.В. Антонова // Государство и общество России в контексте современных геополитических вызовов: новации, экономика, перспективы: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2021. – С. 154–158. EDN GDHWMS

7. Родина С.Е. Механизм оценки имущественного потенциала предприятия по данным бухгалтерской отчетности / С.Е. Родина // Экономика и эффективность организации производства. – 2017. – №26. – С. 71–74. EDN ZXYSNV

Хомутова Д. О.
студентка
Научный руководитель
Анисимова Марина Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСОПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *внедрение цифровых технологий и методов искусственного интеллекта создает новые возможности для совершенствования процессов повышения конкурентоспособности предприятий. Выявлены направления применения искусственного интеллекта на предприятии мебельной промышленности. Отмечается важность использования искусственного интеллекта для анализа потребительских изменений и прогнозирования влияния инфляционных процессов на стоимость продукции.*

Ключевые слова: *конкурентоспособность, искусственный интеллект, цифровизация, предприятие.*

В современных условиях развития экономики особую актуальность приобретает вопрос повышения конкурентоспособности предприятий. Оптимизация производственных процессов требует автоматизацию и роботизацию через внедрение автоматизированных линий и роботизированных комплексов для повышения производительности труда и снижения затрат [1]. В.В. Кравченко отмечается, что для сохранения высокого уровня конкурентоспособности, предприятиям недостаточно производить продукты, а необходимо использовать искусственный интеллект как базовую опцию [2]. Отечественные авторы внесли значительный вклад в развитие роли искусственного интеллекта в трансформацию бизнес – практик предприятий, нацеленных на повышение конкурентоспособности. Е.Н. Стариков, А. И. Тютюнник рассматривают возможности искусственного интеллекта для повышения эффективности и качества производственных процессов, в частности, машинное обучение и анализ данных могут использоваться для обслуживания оборудования, что помогает предотвратить поломки и минимизировать простой [3]. А. В. Коноваленко выявил направления операционного управления предприятием, по которым искусственный интеллект помогает производственным компаниям обгонять конкурентов: управление данными, прогнозирование бизнес-тенденций, планово-предупредительное техобслуживание оборудования и автоматизация рутинных задач [4]. М.А. Анисимова отмечает усиление использования искусственным интеллектом бизнес – моделей, основанных на динамичных инновациях, что позволяет быстро адаптироваться к меняющейся среде [5]. В настоящее время как теоретиками, так и практиками указывается, что развитие искусственного интеллекта на предприятиях способствует значительным изменениям в способах организации производства и управления операциями. Цифровизация производства через использование IoT, Big Data и MES-систем позволяет осуществлять мониторинг, управление и оптимизацию производственных процессов в реальном времени. Гибкость производства обеспечивает возможность быстрой перестройки производственных линий под выпуск различных моделей и партий, адаптируясь к меняющимся заказам, а внедрение энергосберегающих технологий способствует снижению издержек.

Особенно важным применение искусственного интеллекта становится для предприятий промышленного комплекса, что может способствовать повышению уровня их конкурентоспособности. Как показывает практика, применение искусственного интеллекта на предприятиях мебельной промышленности осуществляется в следующих направлениях:

1. Оперативный сбор открытых данных, касающихся спроса на различные виды мебельной продукции, которую реализует организация, что позволяет эффективно формировать ассортиментный ряд. Кроме того, положительный эффект достигается за счет сбора информации о поставщиках сырья, что позволяет выявить наиболее выгодные условия поставок.

2. Использование ресурса API Яндекс. Метрики, предоставляющего API и обеспечивающего доступ к данным посредством программного интерфейса. Это создает условия для самостоятельной разработки скриптов или приложений, предназначенных для сбора, анализа и визуализации данных. Существует возможность написания программы, которая будет выполнять необходимые действия без необходимости использования веб-интерфейса. При использовании API можно автоматизировать различные процессы, например, настроить автоматическую генерацию отчетности в требуемом формате. Кроме того, возможности API Яндекс. Метрики применимы в рекламной деятельности предприятия, поскольку система позволяет осуществлять обработку статистики поисковых запросов.

3. Использование сервиса FullStory для анализа поведения пользователей на веб-сайте организации. FullStory представляет собой платформу для поведенческой аналитики, которая осуществляет сбор детальных данных о взаимодействии пользователей с веб-сайтами и приложениями. FullStory помогает организациям отслеживать и анализировать взаимодействие пользователей с мобильными приложениями, веб-сайтами и онлайн-контентом. Платформа предоставляет информацию о поведении пользователей, которая способствует оптимизации цифрового опыта и увеличению показателей конверсии. К основным возможностям FullStory относятся следующие функции:

– воспроизведение сессий позволяет увидеть путь пользователя на веб-сайте или в приложении;

– тепловые карты обеспечивают визуальный анализ того, как люди взаимодействуют с контентом, и определяют области, требующие улучшения;

– сегментация пользователей позволяет создавать пользовательские сегменты для анализа взаимодействия различных типов пользователей с продуктом или веб-сайтом;

– аналитика конверсий дает возможность увидеть, каким образом различные действия и выбор влияют на коэффициент конверсии в конкретных терминах.

4. Использование чат-бота для коммуникации с клиентами на веб-сайте. Благодаря инструменту Smartbot AI появляется возможность автоматизировать ответы на большинство типовых вопросов и начать экономить на поддержке без потери качества. Для подключения бота с искусственным интеллектом, который отвечает на вопросы клиентов подобно живому оператору, необходимо наличие веб-сайта с подключенным Jivochat, а также PDF-файла с ответами на часто задаваемые вопросы. Адаптация под базу знаний компании означает, что чат-бот со временем начинает владеть всей необходимой информацией и адаптируется под конкретного клиента и отвечает на вопросы без задержек. Выполнение рутинных действий включает обработку входящих сообщений, консультирование по продукту, получение контактов и их сохранение в CRM или Google-таблицу.

Важным преимуществом внедрения искусственного интеллекта является возможность контроля пользовательских интерфейсов с целью недопущения манипулирования потребителями [6]. Система способна автоматически, используя постоянно развивающиеся алгоритмы, анализировать потребительские изменения и прогнозировать влияние инфляционных процессов на стоимость продукции.

Список литературы

1. Анисимова М.А. Средства правовой защиты от монополистической деятельности цифровых платформ / М.А. Анисимова // Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг: монография. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 70–82. – DOI 10.31483/r-154626. – EDN ANPGHP.

2. Кравченко В.В. Искусственный интеллект и бизнес: внедрение и применение искусственного интеллекта / В.В. Кравченко // Сборник докладов Международной научно-технической конференции молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова (Белгород, 29–30 мая 2025 года). – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2025. – С. 271–276. – EDN IYZYFC.

3. Стариков Е.Н. Сильный искусственный интеллект как интегратор отдельных технологий искусственного интеллекта в систему технологий / Е.Н. Стариков, А.И. Тютюнник // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – №112–7. – С. 31–36. – DOI 10.18411/trnio-08-2024–330. – EDN GQFWBA.

4. Коноваленко А.В. Управление в эпоху искусственного интеллекта: влияние искусственного интеллекта на принятие решений в бизнесе / А.В. Коноваленко // Беларусь в современном мире: материалы XVII Международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Гомель, 23–24 мая 2024 года). – В 2 ч. – Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», 2024. – С. 93–96. – EDN LUTBKH.

5. Анисимова М.А. Регулирование конкуренции в сфере интеллектуальной собственности как условие развития наукоемкой экономики / М.А. Анисимова // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы III Уральского экономического форума (Екатеринбург, 21–22 октября 2021 года). – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2021. – С. 71–74. – EDN ENSRVH.

6. Анисимова М.А. Зарубежный опыт антимонопольного регулирования цифровых рынков – уроки для России / М.А. Анисимова // Наука и Образование. – 2024. – Т. 7, №3. – EDN JPXMZT.

Чуваньков Владимир Сергеевич
студент
Лунегов Виктор Николаевич
студент
Научный руководитель
Пантелеева Ольга Борисовна
канд. экон. наук, доцент

Краснодарский филиал
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Краснодар, Краснодарский край

ЗАДАЧА МАКСИМИЗАЦИИ ДОХОДА: ОТ ПРОИЗВОДНОЙ К УПРАВЛЕНЧЕСКОМУ РЕШЕНИЮ

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос максимизации дохода как прикладной задачи высшей математики, находящейся на пересечении математического анализа, микроэкономики и исследования операций. Показано, что максимум дохода определяется не интуитивным стремлением продать как можно больше, а анализом функции спроса, производной, эластичности и ограничений. На конкретном числовом примере раскрыт алгоритм нахождения оптимального объема продаж; отдельно выделена практическая значимость задачи для ценообразования, производства, цифровых сервисов и управленческих решений.*

Ключевые слова: *доход, функция спроса, оптимизация, производная, эластичность, математическое программирование, ограничения.*

Введение

В экономике существует, на первый взгляд, странный парадокс: предприятие может продавать больше единиц товара и одновременно получать меньший доход. Скидка увеличивает спрос, но каждая новая единица продается дешевле. Повышение цены увеличивает доход с одной продажи, но часть покупателей уходит. Поэтому вопрос «как заработать больше?» в строгом математическом смысле часто означает не «как продать максимум», а «как найти точку равновесия между ценой и количеством». Именно здесь задача максимизации дохода перестает быть бытовым советом и становится задачей высшей математики.

Актуальность темы усиливается тем, что сегодня решения о цене, ассортименте, загрузке производственных мощностей и цифровых тарифах принимаются быстрее, чем раньше. Онлайн-магазин меняет цену в течение дня, сервис подписки проверяет несколько тарифных

планов, транспортная компания распределяет места при ограниченной вместимости. Во всех этих случаях за красивым интерфейсом скрывается один и тот же математический вопрос: при каких значениях переменных функция дохода достигает наибольшего значения?

1. Математическая постановка: доход как функция

В простейшей модели доход R(q) определяется произведением цены p на количество проданного товара q. Если цена зависит от объема продаж, то функция принимает вид $R(q) = p(q)q$. Такая запись компактна, но в ней уже содержится ключевой конфликт: при увеличении q цена p(q), как правило, уменьшается. Математический анализ позволяет описать этот конфликт через производную, то есть через скорость изменения дохода при небольшом изменении объема продаж [1, с. 214].

Если функция R(q) дифференцируема и максимум достигается внутри допустимого промежутка, необходимое условие оптимума имеет вид $R'(q) = 0$. Экономический смысл этого равенства прост: в точке максимального дохода предельный доход равен нулю. До этой точки каждая дополнительная единица увеличивает общую выручку, после нее – уменьшает. Однако одного равенства производной нулю недостаточно: нужно проверить характер экстремума. Если $R''(q) < 0$, функция в данной точке является вогнутой, и найденная точка действительно соответствует локальному максимуму.

Классический пример – линейная функция спроса $p(q) = a – bq$, где $a > 0$ и $b > 0$. Тогда $R(q) = aq – bq^2$, а производная $R'(q) = a – 2bq$. Отсюда оптимальный объем продаж равен $q^* = a/(2b)$. Эта формула показывает важный управленческий вывод: максимальный доход достигается не при максимальном возможном спросе, а в середине между нулевым объемом и объемом, при котором цена упала бы до нуля. Математика буквально отрезвляет маркетинг: «больше трафика» не всегда означает «больше денег».

Числовой пример: расчет максимального дохода.

Рассмотрим простую модель: цена единицы товара зависит от объема продаж по формуле $p(q) = 100 – 2q$, где q – количество проданных единиц. Тогда функция дохода имеет вид $R(q) = q(100 – 2q) = 100q – 2q^2$. Уже здесь видно, что рост количества продаж одновременно увеличивает множитель q и снижает цену p(q), поэтому максимум не может быть найден простым перебором крайних значений.

Для нахождения оптимального объема вычислим производную: $R'(q) = 100 – 4q$. Необходимое условие внутреннего максимума имеет вид $R'(q) = 0$, следовательно, $100 – 4q = 0$, откуда $q^* = 25$. При таком объеме цена составит $p(25) = 100 – 2 \cdot 25 = 50$, а максимальный доход будет равен $R(25) = 25 \cdot 50 = 1250$.

Проверка через вторую производную подтверждает характер найденной точки: $R''(q) = -4 < 0$, значит, функция дохода вогнута, а $q^* = 25$ действительно дает максимум. Смысл результата важен не меньше самого вычисления: наибольшая выручка возникает не при самой высокой цене и не при максимальном числе продаж, а в точке баланса между ценой и спросом.

Таблица 1

Основные математические формы задачи максимизации дохода

Ситуация	Модель	Метод	Результат
Один товар	$R(q) = p(q)q$	Производная и вторая производная	Оптимальный объем продаж
Несколько товаров	$R(x) = \Sigma\, pi(x)xi$	Градиент, матрица Гессе	Оптимальный ассортимент
Ограниченные ресурсы	$\max R(x)$, $Ax \le b$	Множители Лагранжа, условия Куна-Таккера	Оптимальный план при ограничениях
Динамическая цена	R зависит от времени и спроса	Численные методы, сценарный анализ	Гибкая ценовая стратегия

2. Эластичность спроса: почему максимум появляется не случайно

Более глубокое объяснение задачи дает понятие эластичности спроса. Эластичность показывает, насколько чувствительно количество спроса реагирует на изменение цены. Если

спрос эластичен, небольшое снижение цены заметно увеличивает количество покупок. Если спрос неэластичен, покупатели реагируют слабо, и снижение цены может лишь «съесть» доход. В теории спроса максимум выручки при обычных предпосылках соответствует ситуации единичной эластичности: относительное изменение количества уравновешивает относительное изменение цены [2, с. 305].

Именно поэтому задача максимизации дохода важна не только для математики, но и для анализа рынка. Одна и та же цена может быть оптимальной для товара повседневного спроса и совершенно неэффективной для нишевого продукта. В первом случае потребитель может быть чувствителен к небольшой разнице в цене, во втором – большее значение имеют бренд, редкость, сервис или доверие. Модель не отменяет здравый смысл, но заставляет выразить его в измеримых параметрах.

В цифровой экономике это особенно заметно. Стриминговый сервис, образовательная платформа или облачное хранилище продают не одну вещь, а доступ к системе. Для них доход зависит от количества пользователей, тарифа, срока подписки и вероятности отказа. Формально это уже не одна переменная q, а несколько переменных: $R(x1, x2,..., xn)$. Максимизация такой функции требует аппарата функций многих переменных: частных производных, градиента и анализа ограничений.

3. Ограничения: реальная задача почти никогда не бывает свободной

Учебная модель с одной переменной полезна, но реальная задача почти всегда имеет ограничения. Компания не может бесконечно производить товар: есть склад, сырье, время сотрудников, бюджет на рекламу, законодательные требования и пропускная способность логистики. Поэтому задача принимает вид условной оптимизации: требуется максимизировать функцию дохода при заданной системе ограничений. В линейном случае используется аппарат линейного программирования, а при нелинейных функциях – методы нелинейного программирования и условия оптимальности Куна-Таккера [3, с. 149].

Смысл ограничений не сводится к технической детали. Именно они часто меняют ответ. Например, математически наиболее выгодный объем продаж может требовать производственной мощности, которой нет. Тогда максимум на свободной функции недостижим, и оптимум переносится на границу допустимого множества. В геометрической интерпретации решение находится не там, где функция «хотела бы» быть максимальной, а там, где ей позволяет находиться реальность.

Это особенно важно для предприятий с несколькими продуктами. Если два товара используют один и тот же ресурс, рост продаж одного товара может уменьшить возможность продавать другой. В такой ситуации максимизация дохода превращается в задачу выбора структуры ассортимента. Математическая модель помогает увидеть скрытую цену ресурса: сколько дохода теряет организация из-за нехватки одного часа работы, одной единицы сырья или одного рекламного канала.

4. Доход, прибыль и риск ошибочного критерия

Здесь возникает принципиальная дискуссия: всегда ли нужно максимизировать именно доход? В экономике более строгой целью часто считается максимизация прибыли, где прибыль определяется как $\pi(q) = R(q) – C(q)$, а $C(q)$ – функция затрат. Доход показывает поток денег от продаж, но не показывает, сколько стоило его получить. Поэтому слепое стремление к максимальной выручке может привести к ситуации, когда компания выглядит большой по обороту, но слабой по финансовому результату.

Однако максимизация дохода не является ошибочной сама по себе. Она оправдана, когда затраты почти не меняются при увеличении числа пользователей, когда организация стремится занять рынок, увеличить долю аудитории или стабилизировать денежный поток. Например, для цифрового продукта с высокими первоначальными затратами и низкой предельной стоимостью обслуживания дополнительного пользователя выручка может быть ключевым показателем на раннем этапе развития. В других случаях этот критерий должен уступать прибыли, устойчивости или минимизации риска.

Таким образом, математическая задача не заменяет постановку цели. Она лишь делает цель точной. Нельзя получить правильный ответ, если неправильно выбран критерий оптимизации. В этом заключается зрелость прикладной математики: она не обещает универсального рецепта, но требует ясности в вопросе. Формула работает честно, но только в пределах тех предпосылок, которые в нее заложены [4, с. 382].

5. Практическая значимость задачи максимизации дохода

Практическая ценность задачи максимизации дохода состоит в том, что она переводит управленческую интуицию на язык проверяемых расчетов. В розничной торговле такая модель помогает определить цену, при которой скидка уже не стимулирует достаточный рост спроса. В производстве она позволяет оценить, какой объем выпуска стоит считать рациональным, если дальнейшее расширение продаж требует дополнительных ресурсов или снижает среднюю цену реализации.

Особенно заметна эта логика в цифровой экономике. Онлайн-кинотеатр, облачный сервис, образовательная платформа или мобильное приложение работают с тарифами, подписками и пакетами доступа. Стоимость обслуживания дополнительного пользователя может быть низкой, но неправильно выбранная цена быстро меняет общий доход. Поэтому методы оптимизации используются не только в классической экономике, но и в аналитике данных, маркетинге, управлении продуктом и построении динамического ценообразования.

Для будущего специалиста по экономике, управлению или информационным технологиям данная задача имеет еще одно значение: она показывает, как высшая математика превращается в инструмент принятия решений. Производная здесь выступает не абстрактной операцией, а способом ответить на практический вопрос: стоит ли повышать цену, снижать ее, расширять выпуск или остановиться на текущем объеме. Именно поэтому задача максимизации дохода является удобным примером связи математической теории с реальной хозяйственной практикой.

Заключение

Задача максимизации дохода показывает, что высшая математика не является набором отвлеченных символов. Производная, вогнутость, эластичность, градиент и ограничения описывают реальные управленческие конфликты: между ценой и спросом, масштабом и ресурсами, оборотом и устойчивостью. В простейшем виде задача сводится к поиску максимума функции одной переменной; в развитом виде она превращается в систему моделей, где учитываются несколько товаров, ограничения ресурсов и поведение потребителей.

Главный вывод состоит в том, что максимальный доход редко достигается на краю: не при самой низкой цене, не при самой высокой цене и не при максимальном количестве продаж. Он возникает в точке математического баланса. Будущее этой темы связано с алгоритмическим ценообразованием, большими данными и автоматическим подбором тарифов. Но даже самые сложные цифровые системы опираются на старую математическую идею: прежде чем действовать, нужно понять форму функции. А это уже не магия бизнеса, а дисциплина мышления.

Список литературы

1. Кремер Н.Ш. Высшая математика для экономистов: учебник / Н.Ш. Кремер. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 479 с. – EDN KSQIMJ

2. Вэриан Х.Р. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход / Х.Р. Вэриан. – М.: Юнити, 1997. – 767 с.

3. Таха Х.А. Введение в исследование операций / Х.А. Таха. – М.: Вильямс, 2005. – 912 с. – EDN QJONXJ

4. Chiang A.C. Fundamental Methods of Mathematical Economics / A.C. Chiang, K. Wainwright. – New York: McGraw-Hill, 2005. – 688 p.

Шеренкова Мария Петровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-168293

ПРЕОДОЛЕНИЕ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация: *в статье исследуется проблема кадрового дефицита как одного из ключевых барьеров на пути успешной реализации политики импортозамещения в Российской Федерации. Цель исследования – систематизировать основные причины возникновения кадрового разрыва в условиях технологической трансформации экономики, проанализировать существующие форматы взаимодействия бизнеса и образовательных учреждений и предложить комплекс стратегических мер по преодолению кадрового голода в приоритетных отраслях промышленности.*

Ключевые слова: *кадровый дефицит, импортозамещение, взаимодействие бизнеса и образования, профессиональные компетенции, дуальное обучение, целевая подготовка, рынок труда, инженерные кадры, образовательные стандарты, человеческий капитал.*

Анализ современных публикаций и исследовательских подходов.

Современная научная литература, посвященная вопросам кадрового обеспечения экономики и реализации политики импортозамещения, уделяет значительное внимание проблеме структурного дисбаланса между спросом на квалифицированные кадры и предложением на рынке труда. Исследования зачастую фокусируются на макроэкономических аспектах, отраслевых диспропорциях и поиске эффективных механизмов восполнения кадрового потенциала.

1. Природа и структура кадрового дефицита в условиях импортозамещения. Основная проблема кадрового обеспечения импортозамещения заключается в системном несоответствии между профилем подготовки выпускников образовательных учреждений и реальными потребностями промышленных предприятий. Этот разрыв проявляется в технологическом аспекте, когда внедрение новых отечественных производственных линий и программных продуктов требует компетенций, которые отсутствуют в классических образовательных программах, а также в демографическом плане, поскольку старение инженерно-технических кадров и низкая привлекательность рабочих профессий среди молодежи приводят к естественной убыли квалифицированных специалистов. Серьезным фактором выступает географическая диспропорция, обусловленная концентрацией промышленных мощностей в одних регионах и образовательных центров в других, что создает устойчивый дисбаланс на локальных рынках труда. Наконец, существенное влияние оказывает устаревание материально-технической базы образования, когда учебные лаборатории и станки не соответствуют реальному промышленному оборудованию, на котором предстоит работать выпускникам, что резко снижает их готовность к самостоятельной производственной деятельности и удлиняет период адаптации на рабочем месте.

2. Мотивы недостаточной интеграции бизнеса в образовательный процесс. Пассивная позиция работодателей в вопросах формирования образовательных программ и недостаточное инвестирование в подготовку будущих кадров связаны с комплексом объективных и субъективных факторов. Среди них особое место занимает краткосрочный горизонт планирования, когда предприятия ориентированы на операционные результаты и не готовы вкладываться в подготовку специалистов, окупаемость которых наступает через три-пять лет после начала работы. Не менее значимы риски переманивания, поскольку инвестиции в обучение студента могут не окупиться, если после получения образования он трудоустроится к

конкуренту, что особенно актуально в условиях высокой мобильности молодых кадров и дефицита специалистов на рынке. К этому добавляется несовершенство нормативной базы, выражающееся в отсутствии четких механизмов софинансирования подготовки кадров и налоговых преференций для предприятий-партнеров образовательных учреждений, а также административная инерция, проявляющаяся в сложности корректировки государственных образовательных стандартов под быстро меняющиеся потребности конкретных отраслей. В совокупности эти факторы формируют ситуацию, при которой бизнес предпочитает переманивать уже готовых специалистов, а не инвестировать в их подготовку с нуля, что усугубляет кадровый дефицит в долгосрочной перспективе.

3. Типичные схемы и стратегии преодоления кадрового дефицита. В сложившихся условиях бизнес и образовательные учреждения выработали ряд практических механизмов взаимодействия, имеющих как успешные примеры, так и системные недостатки. Наиболее распространенной формой является целевое обучение, предполагающее заключение договоров между предприятием, абитуриентом и вузом, гарантирующих трудоустройство после выпуска, однако на практике часто отсутствует контроль за выполнением обязательств, а размер стипендий оказывается неконкурентоспособным. Создание базовых кафедр непосредственно на предприятиях, где преподают действующие инженеры и руководители, позволяет приблизить содержание образования к реальным производственным задачам, но системным ограничением здесь выступает недостаточная педагогическая квалификация промышленного персонала. Организация производственной практики и дуальное обучение с чередованием теории и практики сталкиваются с проблемой формального подхода со стороны предприятий, использующих студентов как бесплатную рабочую силу без реального обучения и наставничества. Корпоративные университеты, создаваемые внутри крупных компаний, позволяют оперативно закрывать текущие компетентностные разрывы, однако их деятельность ограничена рамками одной организации и не решает системных проблем кадрового обеспечения отрасли в целом, что требует поиска новых, более эффективных форм кооперации.

4. Влияние цифровой трансформации и риск-ориентированного подхода. Современные подходы к кадровому планированию, описанные в работах отечественных и зарубежных исследователей, подчеркивают важность интеграции цифровых платформ для сопряжения спроса и предложения на рынке труда. Создание отраслевых цифровых профилей компетенций позволяет с высокой точностью прогнозировать потребности в специалистах и своевременно корректировать образовательные программы в соответствии с изменяющимися требованиями промышленности. Применение риск-ориентированного подхода дает возможность сосредоточить усилия на подготовке кадров для наиболее критических отраслей, где срыв импортозамещения несет наибольшие системные риски для экономической безопасности страны, однако реализация таких подходов требует серьезной методологической проработки и консолидации усилий всех заинтересованных сторон. Цифровизация процессов взаимодействия бизнеса и образования, включая создание единых баз данных о кадровых потребностях, онлайн-платформ для стажировок и дистанционных форм повышения квалификации, может стать важным инструментом преодоления информационной асимметрии и повышения эффективности сотрудничества, но при условии преодоления цифрового неравенства между регионами и отраслями.

Выводы и система мер по обеспечению эффективности взаимодействия бизнеса и образования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что недостаточная координация между образовательными учреждениями и промышленными предприятиями, формальный характер существующих форм сотрудничества и инерционность образовательной системы создают прямые предпосылки для сохранения кадрового дефицита, тем самым ставя под угрозу успешную реализацию политики импортозамещения и технологический суверенитет страны. Для предотвращения этих негативных последствий необходима системная работа, направленная на повышение качества и результативности взаимодействия бизнеса и образовательных учреждений по следующим ключевым направлениям.

1. Совершенствование нормативно-правовой базы. Требуется внесение изменений в Федеральный закон «Об образовании», закрепляющих обязательное участие представителей профильных предприятий в аккредитации инженерно-технических образовательных программ. Необходима разработка отраслевых профессиональных стандартов с детальным описанием трудовых функций с учётом специфики импортозамещающих производств. Целесообразно предоставление налоговых льгот предприятиям, инвестирующим в развитие материально-технической базы учебных заведений и организацию производственных стажировок, что создаст экономическую мотивацию для бизнеса к долгосрочному участию в подготовке кадров.

2. Развитие института целевого обучения. Необходимо ужесточить требования к отбору абитуриентов на целевые места, включив профориентационное тестирование и собеседование с представителями предприятия. Размер стипендий для целевиков следует повысить до уровня, конкурентоспособного с оплатой труда на аналогичных позициях. Целесообразно введение штрафных санкций за неисполнение обязательств по трудоустройству как для выпускников, так и для предприятий-заказчиков, а также создание единой электронной базы целевых договоров для мониторинга исполнения обязательств.

3. Модернизация образовательных программ и стандартов. Желателен переход от жёстких образовательных стандартов к гибким моделям, позволяющим включать до 30–40% дисциплин, определяемых региональными рынками труда и конкретными работодателями. Необходимо внедрение проектно-ориентированного обучения с выполнением реальных производственных задач в рамках курсовых и дипломных работ. Требуется обновление материально-технической базы через государственно-частное партнёрство, оснащение лабораторий современным оборудованием и сокращение сроков актуализации программ до одного года для технологически динамичных отраслей.

4. Создание эффективных форм практической подготовки. Следует ввести обязательное дуальное обучение для технических специальностей с объёмом практической подготовки не менее 40% от общего времени. Необходима разработка единых стандартов производственной практики, исключающих использование студентов в качестве низкоквалифицированной рабочей силы, а также сертификация предприятий-партнёров по кадровому, материально-техническому и методическому потенциалу. Целесообразно создание отраслевых учебно-производственных кластеров для совместного использования ресурсов несколькими предприятиями и образовательными учреждениями.

5. Стимулирование участия бизнеса в образовательном процессе. Рекомендуется внедрение системы грантовой поддержки для преподавателей-практиков с производства. Необходима организация ежегодных конкурсов среди предприятий за лучшую практику кадровой подготовки с присвоением статуса «опорного работодателя» и предоставлением приоритетного доступа к госзаказу. Важно развивать корпоративные пенсионные программы и жилищные сертификаты для молодых специалистов, а также создавать общеотраслевые центры компетенций с привлечением опытных наставников с предприятий.

6. Развитие системы прогнозирования кадровых потребностей. Требуется создание на базе отраслевых министерств постоянно действующих рабочих групп для среднесрочного и долгосрочного прогнозирования потребности в кадрах. Необходима интеграция данных о кадровых потребностях предприятий в единую цифровую платформу «Работа России» и образовательные порталы. Целесообразно проведение ежегодных форсайт-сессий с участием науки, бизнеса и государства, а также мониторинг трудоустройства выпускников с обязательной обратной связью от работодателей о качестве подготовки по каждой образовательной программе.

Таким образом, преодоление кадрового дефицита требует системной трансформации взаимодействия бизнеса и образования – от прогнозирования потребностей до оценки компетенций выпускников. Комплексное применение предложенных мер позволит не только ликвидировать текущий кадровый разрыв, но и создать устойчивый механизм воспроизводства человеческого капитала, обеспечивающий технологический суверенитет и конкурентоспособность российской промышленности.

Список литературы

1. Лелявина Т.А. Управление развитием кадрового потенциала и его реализацией в целях повышения экономической безопасности предприятия / Т.А. Лелявина, А.В. Шеховцова // Экономическая безопасность в строительной сфере: опыт, проблемы, перспективы: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 21 ноября 2020 года). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2020. – С. 130–137. – EDN MHDBIC.
2. Усков В.В. Методы оценки влияния импортозамещения на стимулирование развития отечественного производства в РФ / В.В. Усков, Д.А. Дударов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, №9А. – С. 691–698. – DOI: 10.34670/AR.2022.28.57.005. EDN UAZALQ
3. Продовольственная безопасность России в условиях санкционного давления / А.А. Дышекова, З.С. Шибзухов, З.А. Иванов [и др.] // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – №1. – С. 194–201. DOI 10.47576/2949-1894.2024.1.1.023. EDN EOIDFD
4. Пилова Ф.И. Импортозамещение как средство достижения продовольственной безопасности страны / Ф.И. Пилова, М.М. Пшукова, Э.В. Шагербиева // Сельскохозяйственное землепользование и продовольственная безопасность: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки РФ, КБР, Республики Адыгея профессора Б.Х. Фиапшеву. – Нальчик, 2023. – С. 305–308. EDN VDTDPO
5. Пилова Ф.И. Проблемы кадрового обеспечения сельских территорий в России / Ф.И. Пилова, А.А. Шхашемишева // Наука, образование и бизнес: новый взгляд или стратегия интеграционного взаимодействия: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти первого Президента Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова. – Нальчик, 2023. – С. 290–293. EDN UIMFWS

Шматко Антон Тарасович
аспирант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

DOI 10.31483/r-168204

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОПТИМИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА ТРАНСПОРТА НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования интегрированной транспортной экосистемы на предприятиях нефтедобычи в условиях глобальной цифровизации. Неэффективная организация транспортных потоков ведет к корпоративным убыткам и негативным экстерналиям для регионов присутствия компаний. Целью исследования является разработка методологических основ интегрированной оценки и оптимизации транспортных бизнес-процессов с применением инструментов финансового аудита и комплексного бизнес-анализа. Автором предложена методика оценки эффективности, базирующаяся на синергии подходов ARIS, Lean, Six Sigma и сбалансированной системы показателей. Практическая апробация на примере реального отраслевого проекта продемонстрировала значительный экономический эффект, выраженный в снижении операционных затрат и росте чистой приведенной стоимости, а также подтвердила улучшение экологических метрик за счет снижения углеродного следа.*

Ключевые слова: *цифровая транспортная экосистема, бизнес-анализ, нефтедобывающая промышленность, логистика, устойчивое развитие, показатели эффективности, финансовый аудит.*

Введение.

Нефтегазовая отрасль традиционно выступает ключевым драйвером экономики многих субъектов Российской Федерации, формируя значительную часть валового регионального продукта и налоговых поступлений. В условиях глобального энергоперехода и ужесточения требований к экологической и социальной ответственности бизнеса роль нефтедобывающих

компаний трансформируется, превращая их в важнейших участников процесса обеспечения устойчивого развития территорий. Особое место в производственно-сбытовой цепочке занимают транспортные процессы, которые являются важнейшим связующим звеном отрасли, но одновременно выступают источником повышенных экологических рисков и масштабной нагрузки на региональную инфраструктуру. Неэффективная организация транспортных потоков ведет не только к прямым корпоративным убыткам, но и к негативным экстерналиям для региона, таким как ускоренный износ дорожного полотна, рост аварийности и увеличение углеродного следа. В современных условиях нестабильности рынка, санкционного давления и необходимости импортозамещения программного обеспечения традиционные методы управления логистикой полностью исчерпали свой потенциал [2, с. 16]. Возникает острая необходимость перехода к концепции цифровой транспортной экосистемы, основанной на интеграции Интернета вещей, искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки методологических подходов, синхронизирующих цели корпоративной эффективности предприятий с задачами устойчивого социально-экономического развития регионов.

Основная часть.

Вопросы логистики и управления цепями поставок широко освещены в фундаментальных трудах отечественных и зарубежных исследователей, однако проблема формирования интегрированной транспортной экосистемы, объединяющей цифровые технологии мониторинга с задачами ESG-повестки, остается недостаточно изученной. Требует существенного развития методический инструментарий оценки влияния оптимизации корпоративного транспорта на операционные и стратегические показатели компании. В рамках данного исследования под бизнес-процессом понимается логически выстроенная и целенаправленная совокупность взаимосвязанных операций, реализуемых в границах организационной структуры для получения измеримого результата. Использование передовых практик бизнес-анализа позволяет формализовать и задокументировать эти процессы, создавая прочную основу для их последующего глубокого аудита и оптимизации.

Для комплексного анализа разработана авторская методика оценки эффективности бизнес-процессов, которая базируется на синергии нескольких современных управленческих концепций. Применение архитектуры интегрированных информационных систем ARIS позволяет осуществлять визуальное моделирование и четкую дифференциацию процессов на основные, вспомогательные и управленческие, исключая дублирование функций. Концепция бережливого производства Lean внедряется с целью выявления и устранения скрытых потерь, таких как необоснованные простои техники и холостые пробеги. Инструментарий Six Sigma используется для снижения вариативности и минимизации критических ошибок при обработке диспетчерских заявок. Для стратегической синхронизации всех операционных целей применяется сбалансированная система показателей BSC, охватывающая финансовую перспективу, клиентскую удовлетворенность, качество внутренних процессов и потенциал обучения персонала [5, p. 210]. Ключевые показатели эффективности в данной архитектуре выступают главным инструментом непрерывного оперативного мониторинга.

Особое внимание в рамках исследования уделяется инструментам финансового аудита, позволяющим объективно оценить рентабельность внедрения цифровых решений. Практическая апробация предложенной методологии была проведена на примере масштабного отраслевого проекта цифровизации транспортной логистики, реализуемого в крупной нефтедобывающей компании. Проект охватывает интеграцию бортовых телематических терминалов, диспетчерских служб и аналитических платформ для непрерывного мониторинга автопарка, насчитывающего более десяти тысяч единиц специализированной техники. Применение разработанной методики позволило выявить слабые места в логистических цепочках и оперативно перестроить маршрутизацию с использованием алгоритмов GPS-трекинга и автоматизированных ERP-систем.

Внедрение интегрированной модели управления продемонстрировало высокую результативность по всем ключевым направлениям оценки. Доля маршрутов, оптимизированных по времени и расстоянию, превысила девяносто пять процентов, а среднее время

автоматического расчета логистического пути сократилось до тридцати секунд. Снижение количества аварийных ситуаций по причине технических неисправностей достигло восьмидесяти процентов благодаря своевременному предиктивному анализу состояния транспортных средств. Экологический эффект выразился в пропорциональном сокращении вредных выбросов в атмосферу, что стало прямым следствием экономии моторного топлива. Финансовые результаты проекта, подтвержденные методами инвестиционного анализа, обобщены и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Обобщенные показатели экономической эффективности проекта цифровизации транспортных бизнес-процессов

Показатель эффективности	Расчетное значение
Инвестиционные затраты (CAPEX) единовременно	256,00 млн руб.
Текущие операционные затраты (OPEX) в первый год	67,00 млн руб.
Годовая экономия от внедрения методики (первый год)	238,25 млн руб.
Чистая приведенная стоимость (NPV) за период	999,83 млн руб.
Внутренняя норма доходности (IRR)	33%
Индекс прибыльности (PI)	1,77
Дисконтированный срок окупаемости (DPP)	4,41 года

Представленные в таблице 1 данные наглядно свидетельствуют о высокой инвестиционной привлекательности разработанных технико-организационных решений. Основной вклад в формирование годовой экономии вносит радикальная оптимизация расхода горюче-смазочных материалов, составляющая более восьмидесяти процентов от общего объема сбереженных средств в первый год эксплуатации системы. Высокие значения чистой приведенной стоимости и внутренней нормы доходности подтверждают значительное превышение генерируемых доходов над понесенными затратами, что минимизирует общие финансовые риски предприятия. Высвобождение значительных объемов денежных средств за счет оптимизации логистики создает прочную базу для дальнейшего технологического обновления корпоративного парка.

Заключение.

Проведенное исследование доказывает, что внедрение предложенной методологии интегрированной оценки эффективности бизнес-процессов в систему непрерывного мониторинга транспорта является мощным инструментом повышения конкурентоспособности нефтедобывающих компаний в эпоху цифровизации. Разработанный методический комплекс позволяет не только оптимизировать внутрикорпоративную логистику, но и способствует гармоничному развитию экономики регионов присутствия за счет снижения экологической нагрузки и повышения общей безопасности дорожного движения. Полученные результаты обладают высокой степенью адаптивности и могут быть успешно масштабированы на смежные промышленные отрасли, характеризующиеся сложной и распределенной логистической инфраструктурой. Дальнейшие научные изыскания в данной области целесообразно направить на более глубокую интеграцию нейросетевых алгоритмов для совершенствования предиктивной аналитики и автоматизированного моделирования логистических рисков.

Список литературы

1. Гаджинский А.М. Логистика: учебник / А.М. Гаджинский. – М.: Дашков и К, 2021. – 408 с.

2. Кудрявцев И.А. Современные подходы к управлению транспортными процессами в нефтяной промышленности / И.А. Кудрявцев // Нефтегазовое дело. – 2022. – №4. – С. 15–22.

3. Панов В.К. Автоматизация процессов транспортировки на предприятиях нефтегазовой отрасли / В.К. Панов // Научные труды ИГиНТ. – 2021. – №2. – С. 44–50.

4. Сосновский А.В. Экологические аспекты транспортировки углеводородов / А.В. Сосновский // Экология и промышленность России. – 2019. – №8. – С. 33–39.

5. Laudon K.C. Management Information Systems: Managing the Digital Firm / K.C. Laudon, J.P. Laudon. – Pearson Education, 2021. – 576 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аллаярова София Ринатовна
студентка
Романов Павел Алексеевич
студент
Научный руководитель
Сафаров Владислав Раильевич
старший преподаватель

Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Сибай, Республика Башкортостан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РОЛЬ ЕГРН И ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ

Аннотация: *в статье рассматриваются преимущества и недостатки цифровизации правоотношений земельного права, а также роль ЕГРН и влияние электронных сервисов на процесс решения вопросов в сфере земельных правоотношений.*

Ключевые слова: *земельное право, цифровизация, ЕГРН, электронные сервисы, преимущества, недостатки.*

Отрасль права, регулирующая земельные отношения, вопросы покупки и продажи, владения и управления недвижимости, называется земельным правом. Типы земельных правоотношений: право собственности, вещное право и обязательственные права. Источником земельного права является Земельный Кодекс РФ.

Цифровизация – это переход процессов управления и решения вопросов в электронный формат. Документация, отчетности, консультации и оказание услуг переводятся в удаленный формат. Переход на электронные сервисы является одним из признаков развития современного государства.

Теперь аукционы по торговле земельными участками можно проводить онлайн, сопутствующая документация также может быть оцифрована и подписана электронной подписью, которая подтверждает принятые действия и решения. С помощью электронных ресурсов появляется возможность контролировать вопросы земельного правоотношения: сделки и их сроки, правомерность, контроль и прочее [2].

Государственная программа «Цифровая экономика РФ» направлена на оптимизацию программных обеспечений и переход на электронный формат вопросов государственных учреждений. Внедрение различных электронных ресурсов позволяет обеспечить правомерность сделок, а также повышает прозрачность процедур и сокращает риски мошеннических операций, не считая случаев мошеннических операций от сторонних приложений и номеров, а также фальсификации документов и дезинформировании.

Рассмотрим основные электронные сервисы, позволяющие регулировать земельные отношения:

- ЕГРН (Единый Государственный Реестр Недвижимости) или rosreestgov.ru. – главный сервис по регулировании земельный отношений;
- torgi.gov.ru и torgi-rossii.rf. – сервисы с помощью которых проходят сделки по продаже и покупке недвижимого имущества;
- ФГИСТП (Федеральная государственная информационная система территориального планирования *fgistp.economy.gov.ru*. – сервис по реализации градостроительной деятельности [3].

Цифровизация земельного права имеет как преимущества, так и недостатки. Среди преимуществ цифровизации мы можем отметить следующие:

- сокращение времени и усилий на оказание услуг;

- использование нейросетей, в функционал которых входит распознавание заявлений, выявление ошибок, проверка документов и др.
- отсутствие необходимости в посещении организаций и отсутствие необходимости стоять в живой очереди;
- ускорение решение вопросов, сокращение затрачиваемого времени на выполнение задач (например, программа «моя выписка»);
- забота об экологии, снижение количества бумаги на документацию и других материалов (например, программа «стоп бумага»).

Среди недостатков цифровизации земельных правоотношений, мы можем выделить следующие:
- отсутствие прямого контакта со специалистами;
- необходимость в оборудовании;
- технические неполадки;
- сложность пользования электронными сервисами для некоторых категорий людей, например, для пожилых людей;
- отсутствует система контроля действий организаций, связанных с земельным правом;
- высокая опасность мошенничества в сети [5].

Рассмотрим подробнее роль ЕГРН в вопросах цифровизации земельных правоотношений. Данный электронный сервис предоставляет услуги: регистрацию недвижимости, услуги ППК Роскадастра, техническую поддержку по актуальным вопросам, а также предоставление на сайте справочной информации, актуальных изменений в земельном праве, извещения о продаже имущества и его долей и др. [4].

Ключевым в вопросе цифровизации является повышение эффективности решения вопросов, связанных с земельными правоотношениями, а также улучшения качества оказываемых услуг. С помощью цифровизации данных у государства появляется возможность отслеживать сделки в случае несостыковок или правонарушений.

Доступность сервисов обеспечивает доступность к информации для граждан, что повышает осведомленность в вопросах земельного права. Роль электронного сервиса ЕГРН как цифрового сервиса, основывается на реализации единой базы данных [1].

Исходя из этого, цифровизация земельных отношений является шагом прогресса в ходе развития государственной системы правоотношений, позволяющая ускорить процесс совершения сделок и контроля за ними, а также улучшить качество оказываемых услуг.

Таким образом, мы рассмотрели особенности цифровизации электронных сервисов по вопросам земельного права, а также преимущества и недостатки перехода на электронные сервисы.

Список литературы

1. Бахвалова Е.В. Понятие ЕГРН, проблемы обновления сведений ЕГРН / Е.В. Бахвалова, А.А. Костюк, Р.Б. Гольдман // Студенческие научные работы землеустроительного факультета: сборник статей по материалам Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – 2018. – С. 80–84. EDN UTWZTB

2. Григорова А.М. Цифровая трансформация государственного управления земельными ресурсами в Российской Федерации / А.М. Григорова // Исследования молодых ученых: материалы CXV Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2026 г.). – Казань: Молодой ученый, 2026. – URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/549/19197 (дата обращения: 03.07.2026).

3. Колиева А.Э. Нормативная правовая база для регулирования земельных отношений в условиях цифровизации / А.Э. Колиева // Вестник экономики и права. – 2025. – С. 1–2.

4. Королев С.Ю. Правовая политика в сфере цифровизации управления земельным фондом Российской Федерации / С.Ю. Королев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – №2. – С. 224–233. DOI 10.24412/1608-8794-2023-2-224-233. EDN GWSNKY

5. Садакова В.В. Применение цифровых технологий в сфере регистрации объектов недвижимости: проблемы и ключевые тенденции / В.В. Садакова, Т.С. Хныкина // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сборник трудов всероссийской научной и учебно-практической конференции. – 2020. – №3. – С. 316–321. EDN TUTFJH

Аралбаева Айлина Фаизовна
студентка
Кагарманов Дияз Иделевич
студент
Сафаров Владислав Раильевич
старший преподаватель

Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Сибай, Республика Башкортостан

НОВЫЙ ПОРЯДОК ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ: САНАЦИЯ ГРАНИЦ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ

Аннотация: *в статье анализируются изменения законодательства о перераспределении земельных участков, вступившие в силу в 2025–2026 годах. Рассматриваются понятие «санации» границ, основания для перераспределения, предельные параметры изменения площади участков, а также вопросы соблюдения баланса между публичными интересами и правами частных собственников. Авторы приходят к выводу, что новый порядок является инструментом реестровой «санации», который при правильном применении не нарушает, а защищает права добросовестных владельцев.*

Ключевые слова: *перераспределение земель, санация границ, ограничение прав собственников, земельный участок, границы населенных пунктов, ЕГРН, реестровая ошибка, межевание.*

Земельное законодательство в последние годы меняется быстро. Главная цель – навести порядок в учёте земельных участков. Весь этот массив недвижимости, который десятилетиями оформлялся по упрощённой схеме, теперь надо привести к единому стандарту. Один из главных инструментов – перераспределение земель. С 2025–2026 годов порядок этой процедуры серьёзно обновился [1; 2].

Федеральный закон от 30 января 2026 года №12-ФЗ внёс изменения в статьи 39.28 и 39.29 Земельного кодекса. Появилось новое основание для перераспределения – случаи, когда форма или расположение участка делают его эксплуатацию затруднительной. Например, если границы участка имеют «изломанную» конфигурацию, которую невозможно нормально использовать, или если участок пересекается с соседними земельными полосами. Раньше собственник в такой ситуации мог только идти в суд. Теперь есть административный путь – через соглашение о перераспределении. Но есть важное условие: перераспределение по этому основанию допускается только один раз в отношении одного участка [1].

Закон также установил пределы увеличения площади участка – не более чем на 1000 квадратных метров. Это сделано для того, чтобы собственники не пытались отхватить лишние гектары под видом исправления границ. Если участок увеличивается, собственник доплачивает разницу в стоимости. Регионы могут устанавливать льготы – например, освобождать от платы многодетные семьи или пенсионеров [2].

Помимо перераспределения, законодательство ввело меры по «санации» – оздоровлению – реестра недвижимости. С 1 марта 2025 года действует Федеральный закон №487-ФЗ. Если у участка нет учтённых границ в ЕГРН, его нельзя продать, подарить или передать по наследству. Также нельзя зарегистрировать право на дом, построенный на таком участке. Регистратор обязан приостановить сделку, пока не будет проведено межевание. Это жёсткая мера, но она заставляет собственников наконец-то определить границы своих участков. Сколько споров возникает из-за того, что сосед передвинул забор на метр? Если бы границы были чёткими и внесёнными в реестр, этих проблем бы не было [3].

С 1 февраля 2024 года работают поправки, внесённые законом №438-ФЗ. Они касаются ситуаций, когда границы частного участка пересекаются с границами населённого пункта или лесного фонда. Раньше это был тупик: собственник не мог ничего сделать, чиновники разводили руками, а суды были завалены исками. Теперь процедура есть. Если на этапе межевания обнаружилось такое пересечение, правообладатель пишет заявление в орган, который принимал документы, и тот обязан исправить неточность. Изменения в правила землепользования и застройки для таких случаев вносятся без публичных слушаний, которые раньше занимали до полугода. Это серьёзное ускорение процедуры [4].

Многие собственники беспокоятся: не ущемляет ли новый порядок их права? Действительно, отказ от межевания теперь блокирует сделки. Установлен лимит увеличения площади – всего 1000 метров. Перераспределение возможно только один раз. В некоторых случаях участок даже может уменьшиться. Всё это вызывает тревогу. Но давайте посмотрим правде в глаза. Эти ограничения направлены не против добросовестных владельцев, а против тех, кто привык пользоваться чужой землёй без документов. У кого границы уже уточнены и внесены в реестр, тот ничего не теряет. Напротив, его права становятся более защищёнными, потому что границы становятся юридически бесспорными [1; 3].

Важно понимать, что перераспределение – это не изъятие земли. При изъятии для государственных нужд собственнику платят компенсацию или дают другой участок, и процесс идёт через суд. При перераспределении же собственник сам подписывает соглашение. Он добровольно соглашается на то, чтобы его участок поменял форму или чуть-чуть уменьшился в обмен на удобные границы. Никто с полицией не приходит. Это добровольная процедура, и в этом её ключевое отличие от изъятия [2].

Судебная практика по этим вопросам только складывается. Чаще всего споры возникают из-за размера платы за увеличение участка или отказа чиновников. Верховный Суд разъяснил: перераспределение не должно ухудшать положение собственника. Если участок становится меньше, собственник вправе требовать компенсации [1; 4].

Есть и практические проблемы. Процедура перераспределения на деле занимает от нескольких месяцев до года. Причина – долгие согласования, загруженность чиновников, необходимость проводить кадастровые работы. В некоторых регионах электронный документооборот работает плохо, документы теряются, сроки затягиваются. Для решения этой проблемы нужно внедрять современные информационные системы и устанавливать чёткие сроки для каждого этапа. Также стоит расширить список случаев, когда плата за перераспределение не взимается. Например, если реестровая ошибка возникла не по вине собственника, а из-за ошибки кадастрового инженера или чиновника, то почему собственник должен за это платить? Логично, что такие расходы должно брать на себя государство [3; 5].

Стоит сказать и о защите прав смежных землепользователей. При перераспределении затрагиваются интересы не только заявителя, но и его соседей. Если изменение границ одного участка влечёт изменение границ другого, необходимо согласие соседнего собственника. Закон это требование сохраняет. Однако на практике бывает, что сосед не даёт согласия без выкупа или просто из вредности. В таких случаях перераспределение невозможно, и собственнику остаётся только суд. Это слабое место нового порядка, которое требует дополнительной проработки [2; 4].

Что в итоге? Новый порядок перераспределения земель – это сбалансированный механизм. Он наводит порядок в реестре недвижимости. С одной стороны, он требует от собственников определённых затрат и действий. С другой – даёт им инструменты для исправления ошибок и защиты своих прав. Разговоры о том, что этот порядок ограничивает права собственников, сильно преувеличены. Скорее, он ограничивает возможности для злоупотреблений. Добросовестный владелец от такой «санации» только выигрывает: его границы становятся бесспорными, а споры с соседями уходят в прошлое [1; 2].

Дальнейшее развитие этого механизма должно идти по пути упрощения процедур. Нужно сделать так, чтобы исправить реестровую ошибку можно было быстро и без суда. Нужно

расширять гарантии для добросовестных собственников, особенно для тех, кто пострадал от ошибок чиновников. Нужно наладить электронное взаимодействие между Росреестром, кадастровыми инженерами и муниципалитетами. Россия движется от эпохи «дачной амнистии» к эпохе точного и прозрачного учёта земли. Перераспределение – один из ключевых инструментов этого перехода, и от того, как он будет работать на практике, зависит доверие граждан к земельной реформе [3; 5].

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ (ред. от 30 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №44. – Ст. 4147.

2. Федеральный закон от 30 января 2026 г. №12-ФЗ «О внесении изменений в статьи 39.28 и 39.29 Земельного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – №5. – Ст. 782.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №487-ФЗ: принят Государственной Думой 17 декабря 2024 года: одобрен Советом Федерации 20 декабря 2024 года / Российская Федерация // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №53, ч. 1. – Ст. 8497.

4. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. №438-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – №32. – Ст. 6170.

5. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 31 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №29. – Ст. 4344.

Ахметшин Аяз Айдарович
студент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В БИЗНЕСЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются правовые аспекты применения искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности. Акцент сделан на том, что цифровая трансформация экономики приводит к активному внедрению ИИ в бизнес-процессы, однако существующее правовое регулирование не всегда успевает за развитием технологий. Анализируются ключевые проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в коммерческой практике: неопределённость его правовой природы, сложности квалификации договорных отношений, вопросы надлежащего исполнения обязательств при использовании самообучающихся систем, а также особенности распределения ответственности между участниками предпринимательской деятельности. Отдельное внимание уделяется вопросам интеллектуальной собственности, возникающим при создании результатов с использованием ИИ, и проблеме признания таких результатов объектами авторского права в соответствии со ст. 1228 ГК РФ. Рассматриваются также риски, связанные с обработкой персональных данных, включая применение Федерального закона №152-ФЗ «О персональных данных», и проблема правовой ответственности оператора при использовании алгоритмических систем. В статье подчёркивается, что предпринимательские отношения всё чаще требуют адаптации традиционных гражданско-правовых конструкций к особенностям цифровой экономики. Делается вывод о необходимости развития правового регулирования и формирования более гибких подходов к определению статуса искусственного интеллекта, а также механизмов распределения рисков между участниками предпринимательской деятельности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, предпринимательская деятельность, гражданско-правовая ответственность, интеллектуальная собственность, персональные данные, договорные отношения, цифровая экономика.*

Цифровая трансформация экономики постепенно перестаёт быть абстрактным трендом и всё плотнее входит в повседневную деловую практику. Бизнес всё активнее использует технологии искусственного интеллекта, которые ускоряют процессы, помогают анализировать большие массивы информации и, что немаловажно, позволяют иначе выстраивать управленческие решения. Но возникает закономерный вопрос: готово ли право к такой скорости изменений? Ответ не столь очевиден.

Проблема начинается уже с определения ИИ. В юридической плоскости отсутствует единое понимание того, что именно считать искусственным интеллектом. Пишут, что искусственный интеллект можно считать:

1) «компьютерной программой (программой для ЭВМ) в соответствии со ст. 1261 ГК РФ;

2) компьютерную технологию – «сочетание процедур, реализующих функции сбора, получения, накопления, хранения, обработки, анализа и передачи информации в организационной структуре с использованием средств вычислительной техники, или, иными словами, совокупность процессов циркуляции и переработки информации и описание этих процессов»;

3) научное направление – сферу научной деятельности, охватывающую крупные проблемы фундаментального и прикладного характера в определенной области науки» [1].

Очевидно, что в предпринимательской деятельности ИИ чаще всего выступает не как самостоятельный объект прав, а как инструмент или способ извлечения прибыли. Сегодня даже в России довольно много организаций предлагают свои услуги по включении технологий искусственного интеллекта в бизнес-процессы для оптимизации расходов, увеличения эффективности деятельности и т. п. В литературе пишут, что «ИИ в различных отраслях позволяет компаниям повышать эффективность, снижать затраты и улучшать качество услуг, что способствует их конкурентоспособности» [2].

Но с правовой точки зрения, правовой режим такого инструмента напрямую влияет на содержание договорных отношений. Например, при заключении договоров на разработку и внедрение ИИ-решений стороны обычно опираются на положения о лицензионных договорах (ст. 1235 ГК РФ), договорах подряда (гл. 37 ГК РФ) или оказания услуг (гл. 39 ГК РФ). Но специфика ИИ, его неоднородность, его способность к обучению и изменению поведения, плохо вписывается в классические конструкции.

Например, хозяйствующий субъект заключает договор на разработку системы прогнозирования спроса, основанной на технологиях искусственного интеллекта. По результатам исполнения обязательства разработчик передаёт заказчику программный продукт, способный к самообучению, вследствие чего его функциональные характеристики со временем изменяются по сравнению с состоянием на момент передачи. В этой связи возникает вопрос о критериях надлежащего исполнения обязательства: может ли оно считаться исполненным в полном объёме, если последующее поведение системы отличается от первоначально согласованных параметров. Однозначного ответа на данный вопрос нет.

В связи с этим в предпринимательской практике всё чаще наблюдается тенденция к усложнению договорных конструкций. Стороны детализируют условия, касающиеся функциональных характеристик ИИ-систем, пределов их изменения, а также распределения рисков, связанных с возможными ошибками алгоритмов. Иногда включаются положения о тестировании, обучении системы и последующем сопровождении. А данные факты в свою очередь налагают особенные требования к наличию знаний у юристов, сопровождающих заключения подобного рода сделок.

Отдельный пласт проблем связан с ответственностью в предпринимательских отношениях. Так, в силу ст. 401 ГК РФ предприниматели несут ответственность независимо от вины, если иное не предусмотрено законом или договором. Буквально трактуя данное положение закона, становится ясно, что использование ИИ не освобождает от ответственности за неисполнение обязательств. Даже если ошибка допущена алгоритмом.

Приведем конкретный пример: онлайн-платформа (например, маркетплейс) использует ИИ для динамического ценообразования. В результате сбоя система устанавливает

некорректно низкую цену, и товар массово выкупается, и компания несёт убытки. Можно ли сослаться на «ошибку алгоритма», в случае если заказы будут отменены в принудительном одностороннем порядке? Если заказы были сделаны потребителями в смысле, установленном Законом о защите прав потребителей, то ответ однозначно нет. Данный факт подтверждается судебной практикой: Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей от 23 октября 2024 со ссылкой на Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 января 2024 г. №2-КГ23–8-К3.

Кроме того, применительно к настоящей теме интеллектуальная собственность в предпринимательских отношениях также приобретает особую специфику. Результаты, созданные с использованием ИИ, активно вовлекаются в коммерческий оборот, это могут быть рекламные материалы, программный код, аналитические отчёты и иные продукты, имеющие самостоятельную экономическую ценность и отвечающие признакам интеллектуальной собственности. Сегодня ст. 1228 ГК РФ связывает авторство исключительно с физическим лицом, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности.

В этой связи пишут, «если участие человека незначительно или вовсе отсутствует, то его деятельность нельзя признать творчеством (в смысле юридическим фактом, влекущим возникновение авторских прав). Например, если пользователь с помощью нейросети генерирует изображение на основании фразы, то он не творит, так как объективную форму изображения генерирует именно нейросеть» [3]. Нет сомнений, что многие организации сегодня используют ИИ технологии для создания рекламных текстов или визуального контента, что помогает оптимизировать расходы и не обращаться к профильным специалистам. Но в случае спора может оказаться, что такие материалы не соответствует критериям объекта авторского права, поскольку отсутствует необходимый элемент творческой деятельности человека. Это создаёт правовую неопределённость, что не позволяет защитить права и интересы субъектов предпринимательской деятельности.

Отдельного рассмотрения требует вопрос соотношения технологий искусственного интеллекта и правового режима персональных данных. Сегодня в условиях цифровизации общественных отношений, многие субъекты хозяйственных отношений вынуждены обрабатывать в большей или меньшей степени персональные данные своих клиентов. И именно в данном ключе, использование технологий искусственного интеллекта приобретает отдельное значение, так как многие предприниматели используют ИИ в целях обработки массива данных.

С одной стороны, как пишут, преимуществом использования ИИ при обработке персональных данных выступает то, что «не осознает информацию о личной жизни субъекта данных, а действует только в рамках своего алгоритма» и соответственно не может подобную информацию распространить третьим лицам и тем самым нарушить положения законодательства [4].

Но, с другой стороны, именно эта «алгоритмическая нейтральность» ИИ не снимает правовых рисков, а лишь переносит их в иную плоскость. Ведь искусственный интеллект не обладает самостоятельной правосубъектностью, а значит, все последствия обработки персональных данных в конечном счёте возлагаются на оператора, то есть на предпринимателя, использующего соответствующую систему. И здесь возникает практический вопрос: можно ли считать обработку данных добросовестной и законной, если решение формируется алгоритмом, принцип работы которого зачастую непрозрачен даже для самого пользователя? В каком случае за ошибки, допущенные искусственным интеллектом, должен отвечать разработчик программы? Возможно ли регрессное взыскание административного штрафа за нарушение законодательства о персональных данных с разработчика, в случае если последним допущены ошибки при создании ИИ? Ответов на данные вопросы нет.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в рамках предпринимательских отношений в России сегодня возможно, однако, это сопряжено с целым массивом пробелов в праве. Вместе с тем нельзя не отметить, что развитие правового регулирования всё

же постепенно происходит. На уровне стратегического планирования закрепляются подходы к развитию цифровых технологий, включая искусственный интеллект, что отражено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года.

Список литературы

1. Архиереев Н.В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики / Н.В. Архиереев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 5–20. DOI 10.33184/pravgos-2025.3.1. EDN RCZQWT

2. Удальцова Н.Л. Практика применения и проблемы внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы компании / Н.Л. Удальцова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, №3. – С. 1487–1500. DOI 10.18334/epp.15.3.122388. EDN ELMDUR

3. Милюков С.А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав / С.А. Милюков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – №1 (47). – С. 63–73. DOI 10.58741/23134852_2025_1_6. EDN HTQGFD

4. Литвин И.И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом / И.И. Литвин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – №4. – С. 112–118. EDN ZXXJUD

Бадамшина Валерия Ренатовна
студентка
Суворова Екатерина Анатольевна
студентка
Научный руководитель
Ковтун Ирина Сергеевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ СОХРАНЯТЬ ПРИРОДУ И ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в статье приводятся конституционно-правовые основы обязанности каждого сохранять природу и окружающую среду, закреплённой в статье 58 Конституции Российской Федерации. Всесторонне исследуется практика реализации данной обязанности в системе экологического права, выявляются системные проблемы правоприменения, включая декларативность отдельных норм, пробелы в механизмах привлечения к ответственности и недостаточную эффективность контрольных процедур. На основе анализа правоприменительной практики 2025–2026 годов и новейших изменений законодательства предлагаются конкретные пути совершенствования правового регулирования, включая усиление ответственности за экологические правонарушения, развитие института общественного контроля, цифровизацию надзорной деятельности и совершенствование механизмов возмещения вреда окружающей среде.*

Ключевые слова: *конституционная обязанность, охрана окружающей среды, экологическое право, экологические правонарушения, правоприменение.*

Авторы благодарят Ковтун Ирину Сергеевну за осуществление научного руководства при написании статьи.

Статья 58 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляет обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [3]. Данное предписание носит универсальный характер, так как оно адресовано как гражданам, так и юридическим лицам, а также органам публичной власти.

Конституционная экологическая обязанность обладает рядом отличительных черт: она является публично-правовой по своей природе, императивной и обеспеченной возможностью государственного принуждения [2, с. 112].

Анализ конституционных принципов экологического права позволяет выделить такие основополагающие начала, как приоритет экологических прав и интересов человека, принцип соразмерности при осуществлении природоохранных мер, а также принцип охраны климата. Именно эти конституционные принципы служат критериями оценки эффективности реализации обязанности, установленной в ст. 58 Конституции РФ [1, с. 454].

Следует констатировать, что конституционные экологические права и обязанности находятся в устойчивом диссонансе: при прогрессивном конституционном закреплении этих прав наблюдается их ограниченное, зачастую декларативное воплощение в правоприменительной практике [1, с. 455]. Именно этот разрыв между конституционно установленным долженствованием и реальным поведением субъектов экологических правоотношений представляет собой основную проблему, требующую разрешения.

Так, анализ правоприменительной практики последних лет свидетельствует о сохранении высокой степени латентности экологических правонарушений и недостаточной эффективности механизмов привлечения к ответственности. По данным Росприроднадзора, в 2025 году территориальными органами ведомства было подано в суды 1552 иска на общую сумму 166 млрд рублей о взыскании вреда, причинённого окружающей среде (основная часть исков касалась водных объектов на 97 млрд рублей), что в три раза превышает аналогичные показатели 2024 года (1075 исков на 54 млрд рублей) [8].

Также по результатам работы ведомства в 2025 году было выявлено 29,3 тысячи нарушений и возбуждено 12,8 тысячи дел об административных правонарушениях, сумма штрафов превысила 547 млн рублей [8]. В сфере уголовно-правовой охраны природы отмечается сохранение высокой доли «сырьевых» составов преступлений, прежде всего незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), которая составляет почти половину всех экологических преступлений. В Красноярском крае в 2025 году число таких преступлений сократилось на 38% с 663 до 411 фактов. Вместе с тем, в Забайкальском крае за 9 месяцев 2025 года зарегистрировано 396 экологических преступлений, что на 18,2% больше аналогичного показателя предыдущего года. Приведённые данные свидетельствуют о значительной региональной дифференциации как уровня экологической преступности, так и качества противодействия ей [8; 11].

Одним из наиболее сложных аспектов реализации конституционной экологической обязанности является доказывание факта нарушения и определение лица, ответственного за причинённый вред. В практике Верховного Суда РФ неоднократно подчёркивалось, что судами нижестоящих инстанций не всегда исследованы все доказательства по делу, позволяющие установить непосредственного причинителя вреда.

В Определении от 19 января 2026 г. по делу №А19-3121/2024 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты нижестоящих судов и направила дело на новое рассмотрение, указав на необходимость более тщательного исследования всех обстоятельств причинения вреда окружающей среде [5]. В Определении от 24 апреля 2025 г. №309-ЭС24-22782 Суд также отметил, что администрация муниципального образования может быть привлечена к ответственности за бездействие и неисполнение возложенных на неё законом обязанностей в области обеспечения охраны окружающей среды [6]. Соответственно, проблема установления субъекта ответственности остаётся одной из центральных в правоприменительной практике.

На нормативном уровне ключевой проблемой остаётся несогласованность и фрагментарность экологического законодательства. Большинство норм, направленных на реализацию ст. 58 Конституции РФ, разрозненно содержатся в Земельном, Водном, Лесном кодексах, Законе об охране окружающей среды и иных многочисленных актах. Отсутствует единый системообразующий акт, который бы комплексно регулировал механизмы реализации

данной конституционной обязанности как для граждан, так и для юридических лиц и публично-правовых образований [2, с. 158].

Существенным недостатком является также недостаточная эффективность мер административной и уголовной ответственности. Сумма штрафов в 547 млн рублей при общем объёме причинённого вреда в 166 млрд рублей наглядно демонстрирует, что штрафные санкции для нарушителей зачастую экономически менее обременительны, нежели соблюдение природоохранных требований [8]. Кроме того, сохраняются проблемы фиксации экологических правонарушений, в частности, при доказывании факта и масштаба загрязнения, что затрудняет привлечение виновных к ответственности [4].

На наш взгляд, позитивная тенденция ужесточения экологического регулирования в 2025–2026 годах должна быть продолжена. Как показывает практика, рост исковых требований Росприроднадзора (втрое по сумме за год) является следствием не только активизации надзорной деятельности, но и усиления материально-правовых норм. Федеральным законом от 20.02.2026 №31-ФЗ, вступившим в силу с 3 марта 2026 года, в КоАП РФ внесены изменения, в том числе уточнена ст. 8.5.1 об административной ответственности за непредставление либо недостоверное представление отчётности о массе товаров, упаковки в рамках расширенной ответственности производителей [9].

Видится целесообразным дальнейшее последовательное увеличение ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду. Постановлением Правительства РФ на 2026–2030 годы уже внесены соответствующие изменения. Целесообразно также расширение практики применения кратных штрафов за грубые нарушения и введение уголовной ответственности для должностных лиц, систематически допускающих экологические нарушения.

Также переход контрольно-надзорной деятельности в электронный формат оформления ключевых документов с 2026 года создаёт предпосылки для повышения прозрачности экологического контроля и расширения участия граждан в природоохранной деятельности. Постановлением Правительства РФ от 11.03.2026 №255 скорректированы правила организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды [7]. Данная мера должна способствовать более активному привлечению граждан и общественных объединений к реализации конституционной обязанности сохранять природу.

Перспективным направлением является внедрение инструментов цифрового экологического мониторинга с участием граждан. С 1 января 2026 года в Москве начат трёхгодичный эксперимент по дистанционному выявлению нарушений с использованием технических и программных средств. Аналогичные практики (включая применение беспилотных авиационных систем, аэрофотосъёмки, тепловизионной съёмки) получают распространение и в сфере надзора за полигонами отходов [12, с. 240–241]. Развитие подобных технологий и привлечение к их использованию общественности представляются крайне целесообразными.

Наиболее значимой новацией в рассматриваемой сфере является законопроект №1050064-8 о внесении изменений в Закон «О недрах», предусматривающий создание пользователями недр финансового обеспечения выполнения обязательств по рекультивации земель [10]. Аналогичный подход должен быть распространён на все виды природопользования: водопользование, лесопользование, пользование объектами животного мира. Создание системы обязательного финансового обеспечения (страхования, банковских гарантий, резервных фондов) позволит гарантировать восстановление нарушенных природных объектов даже в случае банкротства или ликвидации природопользователя.

Федеральным законом от 29.12.2025 №578-ФЗ, вступающим в силу с 1 марта 2026 года, за муниципалитетами закрепляются новые полномочия в сфере охраны окружающей среды. Кроме того, вносятся изменения в ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», вступающие в силу с 1 сентября 2026 года и предусматривающие создание экспертного совета при уполномоченном федеральном органе исполнительной власти, а также наделение Правительства РФ правом устанавливать дополнительные условия для регистрации проектов в реестре углеродных единиц [10]. Расширение компетенции местного самоуправления в

сфере экологии позволит более оперативно и адресно реагировать на локальные экологические проблемы и эффективнее реализовывать конституционную обязанность сохранять природу на муниципальном уровне.

Таким образом, конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду создаёт необходимый правовой фундамент для формирования эффективной системы охраны окружающей среды в Российской Федерации [3]. Однако, как показал проведённый анализ, её реализация сталкивается с системными проблемами: декларативность многих правовых норм, низкая эффективность контрольных механизмов, недостаточная скоординированность законодательства [2]. Цифры экологической преступности и масштабы причиняемого вреда (166 млрд рублей ущерба по заявленным искам только в 2025 году) свидетельствуют о том, что имеющийся правовой инструментарий пока не позволяет в полной мере обеспечить реализацию обязанности, установленной в ст. 58 Конституции РФ [11].

Перспективными направлениями дальнейшего совершенствования законодательства должны стать создание единого системообразующего акта, дальнейшая цифровизация экологического контроля с вовлечением институтов гражданского общества [10], а также последовательное увеличение экономической ответственности за экологические правонарушения. Только комплексное решение указанных проблем позволит превратить конституционную обязанность сохранять природу из декларативного предписания в реально действующий регулятор экологических отношений.

Список литературы

1. Благодарная Д.А. Проблемы реализации экологических прав граждан в РФ / Д.А. Благодарная, Ж.В. Пушкина // Молодой ученый. – 2025. – №51 (602). – С. 453–456. EDN MJGUQX

2. Вакула М.А. Экологическое право в XXI веке: актуальные проблемы, вызовы и решения: монография / М.А. Вакула, И.А. Умнова-Конюхова. – М.: РУДН, 2021. – 260 с. EDN UJVHEN

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.09.2025 №7-КГ25-2-К2.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2026 по делу №А19-3121/2024.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 №309-ЭС24-22782 по делу №А50-15416/2023.

7. Постановление Правительства РФ от 11.03.2026 №255 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2024 №877».

8. Росприроднадзор подвёл итоги экологического контроля в 2025 году. – URL: https://www.trudohrana.ru/news/115631-rosprirodnadzor-podvel-itogi-ekologicheskogo-kontrolya-v-2025-godu (дата обращения: 10.05.2026).

9. Федеральный закон от 20.02.2026 №31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

10. Федеральный закон от 29.12.2025 №578-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

11. Экология становится дороже: сумма исков Росприроднадзора к бизнесу в 2025 году выросла втрое. – URL: https://mungaz.su/oficial/56386-ekologiya-stanovitsya-dorozhe.html (дата обращения: 10.05.2026).

12. Шешнёв А.С. Антропогенная трансформация геолого-геоморфологического субстрата в системе «Карьер – несанкционированная свалка» (на примере полигона в посёлке Октябрьском, Саратов) / А.С. Шешнёв // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2012. – №1 (63). Вып. 1. – С. 235–244. EDN PCMTCJ

Гаврилова Ульяна Александровна
студентка
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
Москва

ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: *статья посвящена исследованию актуальных проблем охраны авторских прав в сети Интернет. Рассматриваются основные виды нарушений, современные механизмы правовой охраны и проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется анализу эффективности действующего законодательства Российской Федерации, международно-правовым механизмам защиты, а также проблемам, связанным с развитием технологий искусственного интеллекта. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой сфере.*

Ключевые слова: *авторское право, интеллектуальная собственность, сеть Интернет, охрана авторских прав, пиратство, ответственность.*

С развитием цифровых технологий и глобальной сети Интернет проблема правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности приобретает особую актуальность. Интернет, предоставляя беспрецедентные возможности для распространения и использования произведений науки, литературы и искусства, одновременно создает условия для массового нарушения авторских прав. Как справедливо отмечает Д.А. Филиппов, «с развитием цифровых технологий и интернет-ресурсов тема правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, размещённых в сети Интернет становится всё более актуальной. Это связано с тем, что новые изобретения в эпоху цифровизации требуют более детального законодательного регулирования авторского права» [1].

Основной проблемой остается несанкционированное распространение контента. Согласно ст. 1270 ГК РФ, к числу способов использования произведения относится его доведение до всеобщего сведения через Интернет [2]. Однако технические возможности сети значительно опережают развитие правовых механизмов защиты.

В России правовая база охраны авторских прав в цифровой среде включает:

– Гражданский кодекс РФ (часть четвертая), устанавливающий общие положения об авторских правах и способы их защиты;

– Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

– Федеральный закон от 2 июля 2013 года №187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (так называемый «антипиратский закон»).

Основными международными документами в данной сфере являются:

1) Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г.);

2) Всемирная конвенция об авторском праве (1952 г.);

3) Договор ВОИС по авторскому праву (1996 г.);

4) Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе».

В российской правовой системе предусмотрены три вида ответственности за нарушение авторских прав: гражданско-правовая, административная и уголовная. Гражданско-правовая

ответственность наступает на основании ст. 1252 и 1301 ГК РФ и предусматривает возможность взыскания компенсации. Административная ответственность установлена ст. 7.12 КоАП РФ, уголовная – ст. 146 УК РФ. Однако, как справедливо отмечают исследователи, имеющиеся меры по охране авторских прав в РФ действуют не в полном объеме, а размеры административных санкций представляются недостаточными для создания превентивного эффекта [3].

Несмотря на существующие меры, нарушение авторских прав в Интернете остается массовым явлением. Основные проблемы включают:

1) пробелы в законодательстве. Действующие нормы не всегда учитывают современные тенденции развития технологий и цифровой среды;

2) технические сложности защиты. Несмотря на наличие технических средств защиты (цифровые водяные знаки, системы фильтрации контента, системы цифрового отпечатка), их эффективность ограничена;

3) плагиат и недобросовестное использование контента. Распространены случаи присвоения авторства, переработки чужих произведений без разрешения, а также использования контента в коммерческих целях без разрешения правообладателя;

4) недостаточная юридическая грамотность пользователей. Многие пользователи не осознают своих прав и последствий нарушения авторских прав, что способствует распространению нарушений.

Нелегальные интернет-ресурсы, распространяющие нелицензионный контент, причиняют серьёзный вред авторам и держателям авторских прав. Следует подчеркнуть, что даже малозначительные на первый взгляд нарушения способны обернуться тяжелыми последствиями как для рядовых пользователей, так и для создателей контента.

В свете ограниченности исключительно репрессивной модели все большее внимание привлекают альтернативные способы охраны авторских прав. Как отмечает В.Л. Энтин, особый интерес представляет опыт поиска баланса интересов пользователей правообладателей и поисковых систем, исследуется нормативное регулирование доступа к произведениям в режиме онлайн в России, США и Европейском Союзе [4].

Для усиления охраны авторских прав предлагается комплекс следующих решений:

– внедрение автоматизированных систем отслеживания контента;

– применение технологий распределенного реестра (блокчейн) для фиксации прав;

– внедрение блокчейн-технологий для учета прав;

– приведение национальных правовых норм в соответствие с международными стандартами;

– усиление санкций за правонарушения в цифровом пространстве.

Защита авторских прав в глобальной сети – это сложная многоаспектная проблема. В условиях непрерывного технического прогресса и трансформации способов распространения произведений требуется постоянная корректировка законодательства и подходов к правовой охране. Тесное взаимодействие между разными странами и применение передовых технологических решений способны существенно повысить уровень защищенности в данной сфере.

Список литературы

1. Филиппов Д.А. Основы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, размещённых в сети Интернет / Д. А. Филиппов // Аграрное и земельное право. – 2025. – №2 (242). – С. 402–403. DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_402. EDN SBXQTW

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ: принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №52 (ч. 1). – Ст. 5496.

3. Кузьмин К.А. Охрана авторских прав в сети Интернет (Российская и международная практика) / К.А. Кузьмин // Юридическая наука. – 2016. – №2. – С. 76–79. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-avtorskih-prav-v-seti-internet-rossiyskaya-i-mezhdunarodnaya-praktika (дата обращения: 02.07.2026).

4. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи): монография / В.Л. Энтин. – М.: Статут, 2017. – 216 с. – ISBN 978-5-8354-1383-6. EDN XRVVHZ

5. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (измененная 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 1. – С. 3–34.

Денисов Леонид Викторович
доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область
Вьюниченко Савелий Сергеевич
магистрант
Московский областной филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
г. Красногорск, Московская область
Спатарь Андреина Андреевна
магистрант
Московский областной филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
г. Красногорск, Московская область

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация: *в статье рассматриваются психологические особенности взаимодействия следователей с представителями средств массовой информации на этапе предварительного расследования уголовных дел. Анализируются психологические барьеры, возникающие в процессе профессиональной коммуникации, особенности восприятия информации различными категориями общественности, риски манипулятивного воздействия и дезинформации. Обосновывается необходимость формирования у следователей коммуникативной и конфликтной компетентности, навыков управления информационными потоками и психологической защиты от негативного влияния медиасреды.*

Ключевые слова: *предварительное расследование, средства массовой информации, психологические аспекты взаимодействия, коммуникативная компетентность следователя, информационно-психологическая безопасность, следственная тайна, манипулятивное воздействие.*

Взаимодействие следователей с представителями средств массовой информации в ходе предварительного расследования уголовных дел представляет собой многоаспектный процесс, требующий не только правовой, но и глубокой психологической подготовки, что обусловливает своевременность и актуальность настоящей публикации. Современная медиасреда, характеризующаяся стремительной цифровизацией и широким распространением информационно-телекоммуникационных технологий, создает как новые возможности для правоохранительных органов, так и серьезные психологические риски.

Один из основных видов профессиональной деятельности следователя органов внутренних дел – информационно-познавательная. Расследование преступления – это процесс реконструкции прошедшего события через анализ следов, оставшихся в настоящем. При этом следователь постоянно находится в ситуации дефицита информации, неопределенности,

противодействия со стороны заинтересованных лиц. В таких условиях взаимодействие со средствами массовой информации может стать важным ресурсом получения криминалистически значимых сведений от населения.

Однако это взаимодействие сопряжено с рядом психологических противоречий. С одной стороны, следователь заинтересован в помощи общественности и СМИ как канале связи с потенциальными свидетелями и очевидцами преступлений. С другой стороны, он обязан соблюдать требования следственной тайны, защищать участников процесса от разглашения сведений, которые могут повредить расследованию или создать угрозу безопасности граждан. Это противоречие порождает психологическое напряжение, требует от следователя умения балансировать между открытостью и закрытостью информации.

Журналисты же, в свою очередь, руководствуются собственной профессиональной логикой: стремлением к сенсационности, оперативности публикации, привлечению внимания аудитории. Они часто не обладают достаточными юридическими познаниями, не всегда понимают процессуальные ограничения, действующие в отношении следователя. Это создает почву для конфликтов и непонимания.

В процессе взаимодействия следователя с представителями СМИ нередко возникают различные психологические барьеры, в частности: семантический, статусно-ролевой, барьер недоверия, барьер установки – и другие. Они упоминаются и достаточно подробно описываются многими российскими исследователями, в частности: И.И. Павловой [13, с. 107–112]; Л.В. Ершовой [7, с. 52–57; 6, с. 644–649]; А.В. Бутырской [5, с. 3–6]; О.Е. Беркович, Е.Б. Матрёшиной [1, с. 31–36].

Преодоление этих барьеров требует развития коммуникативной компетентности следователя – способности устанавливать и поддерживать необходимые контакты, выбирать адекватные формы и методы общения, управлять информационными потоками.

При принятии решения об обращении к общественности через СМИ следователь должен учитывать психологические закономерности восприятия и переработки информации различными категориями граждан. Эффективность обращения зависит от множества факторов: возраста, образования, профессиональной принадлежности потенциальных свидетелей, времени и места совершения преступления.

Психологические исследования показывают, что человек воспринимает информацию избирательно, в соответствии со своими установками, интересами, ценностными ориентациями. Нам близка позиция ряда ученых об уместности в выделении уровней восприятия информации, носящих соответственно осознанный, малоосознанный и бессознательный характер, при этом передать человек может только осознаваемую информацию, которая постоянно находится под влиянием подсознательных процессов [2, с. 46–53; 4, с. 62–68; 8, с. 114–118; 9, с. 194–197].

В связи с этим, как нам представляется, при подготовке обращения следователь должен: четко определить целевую аудиторию (жители конкретного района, представители определенных профессий, возрастных групп); использовать понятный, доступный язык, избегая сложной юридической терминологии; обеспечить конкретность и лаконичность сообщения, чтобы оно не потерялось в информационном шуме; учитывать психологические характеристики канала передачи информации (телевидение, радио, печатные издания, интернет-ресурсы имеют различные возможности по привлечению и удержанию внимания аудитории). Особое внимание следует уделять фотороботам, видеозаписям с мест преступлений, аудиозаписям – эти материалы обладают высокой степенью воздействия на эмоциональную сферу граждан, способны активизировать процессы припоминания у очевидцев.

Взаимодействие со СМИ несет в себе не только позитивный потенциал, но и серьезные психологические риски. Информация, размещенная в СМИ, может быть использована преступниками для противодействия расследованию: они получают представление о степени осведомленности следователя, о направлениях поиска, о свидетельской базе. Это позволяет

им корректировать свое поведение, оказывать давление на свидетелей, уничтожать доказательства.

Кроме того, недобросовестные журналисты могут искажать информацию, полученную от следователя, формируя в общественном сознании ложное представление о ходе расследования. Публикации, содержащие домыслы, слухи, непроверенные факты, способны дезорганизовать работу следователя, создать информационный хаос, в котором трудно выделить достоверные сведения.

Психологическое давление со стороны СМИ может оказываться и непосредственно на следователя. Резонансные уголовные дела привлекают повышенное внимание журналистов, которые стремятся получить эксклюзивные комментарии, подробности расследования. Следователь оказывается в ситуации постоянного контроля, критики, иногда необоснованных обвинений в непрофессионализме. Это порождает стресс, эмоциональное выгорание, снижает эффективность работы.

Исходя из результатов произведенного нами научного анализа, полагаем, что для минимизации этих рисков необходимо: четко разграничивать информацию, которая может быть предана огласке, и сведения, составляющие следственную тайну; использовать психологические приемы дозированной подачи информации, когда следователь сознательно направляет внимание общественности на определенные аспекты дела, оставляя в тени другие обстоятельства; применять методы дезинформации преступников через СМИ (в рамках закона и этических норм); развивать навыки психологической защиты от негативного воздействия медиасреды: способность сохранять эмоциональную устойчивость, критически оценивать публикации, не принимать необоснованную критику близко к сердцу.

Взаимодействие следователя с представителями СМИ нередко приобретает конфликтный характер. Конфликты могут возникать из-за отказа следователя предоставить запрашиваемую информацию, из-за негативных публикаций о работе правоохранительных органов, из-за вмешательства журналистов в процесс расследования.

Юридико-психологической науке и практике известно, что конфликтная компетентность следователя предполагает: знание природы и динамики конфликтов; умение прогнозировать конфликтные ситуации и предупреждать их; владение стратегиями поведения в конфликте (сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление, соперничество) и умение выбирать адекватную стратегию в зависимости от ситуации; навыки управления собственными эмоциями в конфликте и понимания эмоционального состояния оппонента; способность к конструктивному диалогу, поиску взаимоприемлемых решений [3, С. 80–84] При этом следователь должен избегать авторитарного, агрессивного стиля взаимодействия с журналистами.

Современная медиасреда характеризуется высокой степенью динамичности, непредсказуемости, манипулятивности. Информация распространяется мгновенно через множество каналов – традиционные СМИ, интернет-издания, социальные сети, мессенджеры. Следователь не всегда способен контролировать эти потоки, предвидеть последствия публикаций [3, с. 80–84; 11, с. 152–155].

В этих условиях важнейшей задачей становится обеспечение информационно-психологической безопасности расследования. Это позволяет нам согласиться с мнением ряда авторов о том, что следственная практика наряду с известными профессиональными задачами предполагает: мониторинг информационного пространства, отслеживание публикаций, касающихся расследуемого дела; оперативное реагирование на ложную информацию, слухи, дезинформацию путем предоставления официальных комментариев; взаимодействие с пресс-службами правоохранительных органов, которые обладают профессиональными навыками работы со СМИ; обучение следователей основам медиаграмотности, психологии массовых коммуникаций, техникам защиты от манипулятивного воздействия [12, С. 38–45], [10, С. 212–213]

Полагаем, что психологическая подготовка следователя к взаимодействию со СМИ должна начинаться уже на этапе профессионального обучения в ведомственных образовательных организациях. В учебные программы целесообразно включать специальные курсы, тренинги, практикумы, направленные на развитие коммуникативных навыков, конфликтологической компетентности, медиаграмотности.

Эффективность взаимодействия следователя со СМИ во многом определяется уровнем развития его рефлексивных способностей. Рефлексия – это способность человека осознавать свои внутренние психические процессы и состояния, а также то, как он воспринимается другими людьми.

В юридической науке и практике принято в контексте профессиональной деятельности следователя рассматривать проявления рефлексии в нескольких аспектах: когнитивном; эмоциональном; коммуникативном.

Развитие рефлексивных способностей происходит через анализ собственного опыта взаимодействия со СМИ, обсуждение сложных случаев с коллегами, участие в супервизорских группах, где опытные специалисты помогают менее опытным осмыслить психологические аспекты профессиональной коммуникации.

На основании проведенного научного исследования, нам представилось возможным сделать следующие выводы. Взаимодействие следователей с представителями средств массовой информации в процессе предварительного расследования уголовных дел представляет собой сложный психологический феномен, требующий специальной подготовки и высокого уровня профессионализма. Успешность этого взаимодействия определяется множеством факторов: коммуникативной и конфликтной компетентностью следователя, пониманием психологических закономерностей восприятия информации, умением управлять информационными потоками, способностью обеспечивать информационно-психологическую безопасность расследования.

В современных условиях цифровизации общества и стремительного развития медиатехнологий возрастает значение психологической подготовки следователей к работе со СМИ. Необходимо включение в образовательные программы специальных дисциплин и тренингов, направленных на формирование медиаграмотности, развитие коммуникативных навыков, повышение стрессоустойчивости при взаимодействии с журналистами.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: изучение психологических особенностей взаимодействия следователей с новыми цифровыми медиа (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги); разработка психологических методов противодействия дезинформации и манипулятивному воздействию через СМИ; создание системы психологической поддержки следователей, работающих по резонансным уголовным делам с повышенным вниманием медиа.

Список литературы

1. Беркович О.Е. Психология организации личной безопасности в экстремальных условиях деятельности: учебное пособие / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина, И.И. Павлова. – Казань: Бук, 2024. – 70 с. – ISBN 978-5-907839-14-4. – EDN OUBCOZ.

2. Беркович О.Е. Юридическая психология в правоохранительной деятельности: учебное пособие для курсантов, слушателей и студентов-юристов по дисциплине «Юридическая психология в правоохранительной деятельности», «Юридическая психология», «Оперативно-розыскная психология» / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина. – Казань: Бук, 2022. – 146 с. – ISBN 978-5-00118-932-9. – EDN ELICIO.

3. Беркович О.Е. Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы по делам о моральном вреде в рамках уголовного и гражданского судопроизводства / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – №4 (32). – С. 80–84. – EDN VCWYQT.

4. Богомолова А.Г. Тактические особенности взаимодействия следователя с общественностью в современных условиях в ходе расследования преступления / А.Г. Богомолова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 19. №3. – С. 62–68. DOI 10.24412/2587-9820-2021-3-62-68. EDN VFLLKL

5. Бутырская А.В. Современные реалии и исторические аспекты становления классификации судебных экспертиз в России / А.В. Бутырская, А.М. Шувалова, О.Е. Беркович // Российский следователь. – 2021. – №7. – С. 3–6. – DOI 10.18572/1812-3783-2021-7-3-6. – EDN PAVESJ.

6. Галий Е.А. Методы развития управленческих компетенций руководителей органов государственной власти и местного самоуправления / Е.А. Галий, Л.В. Ершова, Е.Я. Анисимов // Экономика и предпринимательство. – 2024. – №5 (166). – С. 644–649. – DOI 10.34925/EIP.2024.166.5.129. – EDN RDDQLU.

7. Ершова Л.В. Диагностика профессиональной пригодности кадров государственного управления / Л.В. Ершова, О.Г. Селивоненко // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2020. – Т. 9, №4. – С. 52–57. – DOI 10.12737/2305-7807-2020-52-57. – EDN UQKYYS.

8. Зорин Р.Г. Принципы и формы взаимодействия следователя со средствами массовой информации при расследовании уголовных дел / Р.Г. Зорин, А.Г. Клименко // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №8. С. 51–56.

9. Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений / Д.Н. Лозовский // Общество и право. – 2015. – №2 (52). – С. 194–197. EDN TWDKCX

10. Маликова Н.В. Некоторые формы взаимодействия органов предварительного расследования со средствами массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений / Н.В. Маликова // Аграрное и земельное право. – 2023. – №4 (220). – С. 212–213. DOI 10.47643/1815-1329_2023_4_212. EDN GMLSWG

11. Нечаев В.В. Психологические условия взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания как факторы, обеспечивающие эффективность и результативность расследования / В.В. Нечаев, И.Е. Теренков, А.А. Никоноров // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2023. – №4. – С. 152–155. DOI 10.24412/2658-638X-2023-4-152-155. EDN RLAFFD

12. Павлов И. В. Патриотическое воспитание подростков: учебно-методическое пособие / И.В. Павлов, И.И. Павлова, В.И. Павлов. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. – 321 с. – EDN UHKFLT.

13. Павлов И.В. Готовность сотрудников ОВД к профилактике правонарушений несовершеннолетних / И.В. Павлов, И.И. Павлова, Е.В. Фогель // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – №2 (26). – С. 107–112. – EDN KLSMSZ.

Ефремова Ирина Дмитриевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ИНСТИТУТ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РФ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация: *статья посвящена вопросу анализа института бесплатной юридической помощи (БЮП) в Российской Федерации на примере Краснодарского края. Рассматриваются правовые основы функционирования государственной и негосударственной систем БЮП, практика государственного юридического бюро, включая ключевые статистические показатели. Особое внимание уделяется системным проблемам, снижающим эффективность реализации конституционного права на квалифицированную помощь: недостаточному финансированию, узости критериев нуждаемости, отсутствию единых федеральных стандартов качества, территориальной недоступности, децентрализации управления, неопределённости ответственности субъектов БЮП. Обосновывается необходимость комплексной реформы, предполагающей закрепление федеральных стандартов качества, установление мер ответственности, пересмотр критериев нуждаемости, введение нормативов территориальной доступности и активное развитие дистанционных форм.*

Ключевые слова: *бесплатная юридическая помощь, государственное юридическое бюро, Краснодарский край, эффективность, стандарты качества, доступность, правовое регулирование.*

Правовое регулирование бесплатной юридической помощи (БЮП) в Российской Федерации осуществляется на основе Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №324-ФЗ [8] и принятых в его развитие законов субъектов РФ. Существенное значение имели изменения, внесённые Федеральным законом от 1 июля 2021 г. №257-ФЗ, наделившие государственные юридические бюро правом направления официальных запросов [9]. В Краснодарском крае базовым актом выступает Закон от 23 апреля 2013 г. №2697-КЗ, который не только воспроизводит федеральные гарантии, но и существенно расширяет перечень получателей помощи [5]. Региональные власти последовательно расширяют категории граждан, имеющих право на БЮП, что подтверждается внесённой в декабре 2025 г. законодательной инициативой [7].

Центральным звеном государственной системы БЮП является государственное казённое учреждение Краснодарского края «Государственное юридическое бюро Краснодарского края» (ГосЮрБюро) [1]. За десятилетний период (2015–2025 гг.) его специалистами обработано более 85 тыс. обращений, из них свыше 14 тыс. – в 2025 г [4]. Приём ведётся в десяти населённых пунктах края, а для жителей отдалённых и сельских территорий с 2022 г. организовано 857 выездных приёмов, в том числе с использованием мобильного офиса. Подобные мобильные юридические приёмные рассматриваются в научной литературе как один из наиболее перспективных инструментов преодоления территориального неравенства в доступе к правовой помощи [3, с. 416]. Дополнительно помощь оказывается на площадках фонда «Защитники Отечества». Негосударственная система представлена юридическими клиниками вузов, например, клиникой Кубанского ГАУ [10].

Федеральным законом №64-ФЗ от 23 марта 2026 г. перечень получателей помощи расширен за счёт лиц, ходатайствующих о признании беженцами или вынужденными переселенцами [11]. Краснодарский край, добавив к 15 федеральным ещё 15 региональных категорий (включая многодетные семьи, пострадавших от ЧС, вынужденно покинувших территории ЛНР, ДНР, Украины, участников СВО и их семьи), довёл общее число льготных категорий до 30, что является самым высоким показателем в стране [6].

Несмотря на положительную динамику, системный анализ выявляет ряд проблем, снижающих эффективность института БЮП. Во-первых, финансирование не успевает за ростом числа обращений, что ограничивает расширение штата и филиальной сети. Во-вторых, используемый федеральным законодательством критерий нуждаемости (доход ниже прожиточного минимума) исключает граждан, чей доход незначительно превышает порог, но которые объективно не могут оплатить юридическую помощь. В-третьих, отсутствуют единые федеральные стандарты качества. Как подчёркивает Е.А. Гринь, действующее законодательство не содержит детализированных требований к содержанию и срокам консультирования, а также эффективных механизмов привлечения консультантов к ответственности за некачественные услуги; доказывание факта неквалифицированной помощи и причинённого вреда на практике крайне затруднено, что фактически оставляет клиентов без адекватной защиты [2, с. 6]. В-четвёртых, сохраняется территориальное неравенство в доступности БЮП: жители отдалённых районов фактически лишены правовой защиты, а мигранты и беженцы сталкиваются с языковым барьером, что усугубляет их уязвимость. Известен, например, случай многодетной семьи беженцев из Таджикистана, которая в 2023 г. лишилась права на социальное жилье из-за неверного оформления документов, вызванного отсутствием юриста, способного оказать помощь на родном языке [3, с. 417]. В-пятых, децентрализованная модель управления, при которой полномочия распределены между Минюстом России и органами власти субъектов, не предусматривает единого координационного центра, вырабатывающего стратегию и осуществляющего мониторинг. В-шестых, законодательство не устанавливает чётких критериев качества и мер ответственности субъектов БЮП, что лишает граждан возможности защитить свои права при ненадлежащем оказании помощи.

Устранение выявленных проблем требует не точечных изменений, а комплексной реформы. Представляется необходимым реализовать следующие меры.

Во-первых, законодательно закрепить единые федеральные стандарты качества БЮП, включающие требования к квалификации специалистов, максимальные сроки оказания отдельных видов помощи (например, письменное консультирование – не более 10 рабочих дней), обязательный досудебный порядок обжалования. Для объективной оценки качества необходимо внедрить систему обратной связи с получателями услуг и публичное рейтингование субъектов БЮП, что, как отмечается в литературе, будет способствовать повышению их профессиональной ответственности [2, с. 7].

Во-вторых, создать на федеральном уровне независимый координационный орган – Федеральную службу по координации бесплатной юридической помощи (или наделить соответствующими функциями существующий орган) с территориальными подразделениями. К его функциям необходимо отнести утверждение методических рекомендаций, ведение единого реестра субъектов БЮП, аккредитацию юридических клиник, проведение независимого аудита качества и подготовку ежегодного доклада. Дополнительно следует активизировать роль саморегулируемых организаций юристов в разработке профессиональных стандартов и досудебном урегулировании споров между консультантами и клиентами.

В-третьих, дополнить ФЗ №324-ФЗ нормами о дисциплинарной ответственности сотрудников гос. юр. бюро и адвокатов за грубые нарушения стандартов, предусмотреть возможность приостановления или лишения аккредитации негосударственных центров при систематическом некачественном оказании помощи, а также предоставить гражданам право на компенсацию морального вреда, причинённого ненадлежащим оказанием БЮП.

В-четвёртых, пересмотреть критерии нуждаемости, применяя многокомпонентный подход, учитывающий доход на члена семьи, наличие иждивенцев, фактические расходы на лечениечто позволит охватить помощью граждан, формально не относящихся к малоимущим, но нуждающихся в поддержке.

В-пятых, установить на федеральном уровне минимальные нормативы обеспеченности населения БЮП: не менее одного государственного юридического бюро (или филиала) на 200 тыс. жителей, а в труднодоступных и малонаселённых местностях – обязательное проведение выездных приёмов не реже двух раз в месяц. Дополнительным инструментом должно стать развитие дистанционных форм (видеоконсультации, портал госуслуг) с простым интерфейсом для маломобильных и пожилых граждан.

Реализация предложенного комплекса мер позволит перейти от фрагментарной модели, зависящей от усмотрения региональных властей, к унифицированной общефедеральной системе, обеспечивающей равный доступ к качественной бесплатной юридической помощи независимо от места проживания гражданина. Это укрепит доверие к государственным механизмам защиты прав.

Список литературы

1. Бесплатная юридическая помощь // Официальный сайт государственного юридического бюро Краснодарского края. – URL: https://gosurburo.krasnodar.ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch/ (дата обращения: 11.05.2026).

2. Гринь Е.А. Правовой механизм обеспечения качества юридического консультирования: теоретические основы и проблемы реализации в правоприменительной практике / Е.А. Гринь // Юриспруденция: теория и практика. – 2025. – №6. – С. 4–9. EDN HFXEJW

3. Гринь Е.А. Проблемы и пути совершенствования юридического консультирования социально уязвимых категорий граждан в Российской Федерации / Е.А. Гринь, В.В. Закорко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – С. 416–418. – ISSN 1815–1337. – DOI 10.47643/1815–1337_2025_7_416. EDN FIRDBK

4. Джаримок А. За 10 лет в краевом Госбюро приняли 85 тыс. обращений // Кубань 24. – URL: https://kuban24.tv/item/azamat-dzharimok-za-10-let-v-kraevom-gosyurbyuro-prinyali-85-tys-obrashhenij (дата обращения: 11.05.2026).

5. О бесплатной юридической помощи на территории Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 23.04.2013 № 2697-КЗ // Адвокатская палата Краснодарского края. – URL: https://apkk.ru/documents/attorneys/npa/zkk-free-legal-assistance/ (дата обращения: 11.05.2026).

6. Кубанские депутаты обсудили оказание бесплатной юрпомощи жителям края // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8100071 (дата обращения: 11.05.2026).

7. На Кубани расширят случаи оказания бесплатной юридической помощи // Кубань 24. – URL: https://kuban24.tv/item/na-kubani-rasshiryat-sluchai-okazaniya-besplatnoj-yuridicheskoj-pomoshhi (дата обращения: 11.05.2026).

8. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №48 (ч. I). – Ст. 6725.

9. О внесении изменений в статью 17 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»: Федеральный закон от 01.07.2021 №257-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. I). – Ст. 5085.

10. Юридическая клиника Кубанского государственного аграрного университета // Официальный сайт КубГАУ. – URL: https://old.kubsau.ru/university/departments/yuridicheskaya-klinika/ (дата обращения: 12.05.2026).

11. О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»: Федеральный закон от 23.03.2026 №64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 13. – Ст. 1519.

Ефремова Светлана Вадимовна
студентка
Научный руководитель
Гарифуллина Алсу Ринатовна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОВЫЕ НОВАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЦИФРОВЫМ МАНИПУЛЯЦИЯМ НА ВЫБОРАХ

Аннотация: *статья посвящена анализу изменений в избирательном законодательстве, внесённых Федеральным законом от 2 мая 2026 года №130-ФЗ, в части противодействия цифровым манипуляциям. Рассматриваются запрет на использование синтетических образов и голосов (дипфейков) в предвыборной агитации, усиление защиты персональных данных как барьера против микротаргетинга, а также введение обязательной маркировки агитационных материалов с участием лиц, аффилированных с иностранными агентами. Делается вывод, что закон закладывает правовые основы для защиты избирателей от скрытого алгоритмического воздействия, однако оставляет пробелы в сфере всеобщей маркировки ИИ-контента и экстерриториального действия запретов.*

Ключевые слова: *избирательное законодательство, дипфейки, цифровые манипуляции, Федеральный закон №130-ФЗ, гласность выборов, синтетический контент, микротаргетинг.*

Цифровая трансформация избирательных процессов создаёт новые риски для реализации конституционного права граждан на свободное волеизъявление. Как отмечает С.В. Петрова, «в условиях цифровой трансформации публичной власти область реализации избирательных прав приобретает новое правовое измерение, требующее конституционно-правового переосмысления» [3]. Технологии искусственного интеллекта, дипфейки и микротаргетинг становятся инструментами скрытого воздействия на избирателей, что требует адекватного правового реагирования.

Федеральный закон от 2 мая 2026 года №130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] представляет собой системный ответ на указанные вызовы. Документ вносит изменения преимущественно в Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5]. Закон вступил в силу 2 мая 2026 года и

применяется к выборам, назначенным после этой даты. В центре внимания законодателя оказались три ключевые угрозы: дипфейки, микротаргетинг и анонимное распространение манипулятивного контента с участием иностранных агентов.

Наиболее резонансная новация – прямой запрет на использование в агитационных материалах изображений (образов) и воспроизведения голосов людей, созданных с применением информационных технологий. Запрет охватывает не только реальных лиц, но и вымышленные образы, а также образы умерших граждан. Исключения строго ограничены: кандидат может использовать собственное изображение и голос, а избирательное объединение – образ и голос выдвинутого кандидата. Допускается использование образа иного гражданина РФ (старше 18 лет) только при наличии его письменного согласия и при отсутствии ограничений (недееспособность, нахождение в местах лишения свободы, причастность к экстремистской деятельности).

Таким образом, закон устанавливает презумпцию запрета синтетических образов, а разрешённые случаи носят исчерпывающий характер. Как справедливо отмечается в доктрине, «открытыми оставались вопросы о правовой природе агитации с использованием искусственного интеллекта, детализации норм о границах его использования, этической стороне инновационной предвыборной агитации» [2]. Закон №130-ФЗ восполняет этот пробел.

С научной точки зрения данный запрет представляет собой реализацию принципа информационной безопасности избирательного процесса, который, по мнению С.В. Дудченко, является ключевым направлением совершенствования защиты избирательных прав в цифровую эпоху [1]. Закон имплицитно закрепляет принцип информированного согласия как условие легитимности использования цифровых образов в политической коммуникации.

Второе направление – усиление контроля за использованием персональных данных в избирательных целях. Закон предоставляет Центральной избирательной комиссии доступ к данным Единого портала госуслуг для сверки с системой «Выборы».

Усиление контроля за достоверностью и защитой персональных данных ограничивает возможности построения «цифровых профилей» без надлежащих правовых оснований. Базовым регулятором здесь выступает Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных» [4], статья 15 которого закрепляет, что обработка данных в целях политической агитации допускается только с предварительного согласия субъекта, а оператор обязан немедленно прекратить обработку по требованию субъекта. Закон №130-ФЗ усиливает этот механизм, обеспечивая более надёжную верификацию данных избирателей.

Третье направление – введение обязательной маркировки агитационных материалов, в которых используется изображение или голос лица, аффилированного с иностранным агентом. Такие материалы должны содержать прямое указание на данный статус. Эта норма вписывается в общую логику законодательства об иностранных агентах, в частности, в запрет для иноагентов осуществлять деятельность, способствующую или препятствующую выдвижению и избранию кандидатов. Как разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ, иностранные агенты вправе участвовать в выборах при условии маркировки всех агитационных материалов и указания статуса в бюллетенях. Маркировка служит инструментом информирования избирателя о возможном внешнем влиянии, что согласуется с доктринальным подходом, требующим «запрета манипулятивных практик» и прозрачности внешнего воздействия.

Закон №130-ФЗ закладывает правовые основы для защиты избирателей от скрытого алгоритмического воздействия, однако его ограничения очевидны.

Во-первых, закон не вводит всеобщей маркировки контента, созданного с помощью ИИ. Запрет касается только предвыборной агитации и только случаев использования образов людей. Контент, сгенерированный ИИ в иных целях (например, информационные материалы, не являющиеся агитацией), остаётся вне правового регулирования, что создаёт риск обхода запрета через маскировку агитационных материалов под информационные.

Во-вторых, экстерриториальное действие запретов остаётся неопределённым. Агитационные материалы могут распространяться через зарубежные платформы, не подпадающие

под юрисдикцию РФ, и закон не содержит механизмов противодействия такому обходу. Как отмечает С.В. Петрова, цифровизация избирательного процесса требует «конституционно-правового переосмысления» [3], включая вопросы экстерриториального применения национального законодательства.

Наконец, эффективность ограничений микротаргетинга остаётся под вопросом без создания полноценного механизма контроля за обработкой и передачей персональных данных третьим лицам в политических целях.

В заключение отметим, что Федеральный закон от 2 мая 2026 года №130-ФЗ представляет собой важный шаг в формировании правового режима противодействия цифровым манипуляциям на выборах. Законодатель последовательно реализует три направления: запрет дипфейков, усиление защиты персональных данных и маркировка материалов с участием иноагентов. Однако системный анализ показывает, что закон оставляет нерешёнными ключевые вопросы: отсутствие всеобщей маркировки ИИ-контента, неопределённость экстерриториального действия запретов и недостаточность позитивных регуляторных механизмов. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на «устранение правовых пробелов, возникших в связи с активным внедрением цифровых технологий в избирательный процесс», чтобы обеспечить не только запрет манипулятивных практик, но и создание устойчивой системы защиты избирательных прав в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Дудченко О.С. Особенности совершенствования защиты избирательных прав в условиях внедрения цифровых технологий / О.С. Дудченко, Т.Ю. Фролова // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №9. – С. 11–17. DOI 10.17803/1994-1471.2024.166.9.011-017. EDN IXNCAL

2. Ильиных А.В. Предвыборная агитация и искусственный интеллект: новые правовые горизонты и преграды / А.В. Ильиных // Международный научно-исследовательский журнал. – 2026. – №3. – С. 147–151. DOI 10.60797/IRJ.2026.165.30. EDN EOUXNW

3. Петрова С.В. Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права / С.В. Петрова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – №2. – С. 59–68. EDN DJCDQG

4. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 // Собрание законодательства РФ. – №31. – Ст. 3451.

5. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 // Собрание законодательства РФ. – №24. – Ст. 2253.

6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №130-ФЗ от 02.05.2026 // Официальный интернет-портал правовой информации. – №0001202605020015. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.06.2026).

Захарова Софья Витальевна
студентка
Путилина Полина Романовна
студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО СЕМЕЙНОМУ ПРАВУ РОССИИ

Аннотация: *алиментные обязательства представляют собой важнейший институт семейного права, направленный на защиту материальных интересов нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи. В современных условиях возрастания количества разводов и изменений семейных отношений вопрос об алиментах приобретает особую актуальность. Наличие алиментных обязательств обеспечивает выполнение семьей своих социальных функций по поддержке несовершеннолетних детей, нетрудоспособных родителей и других близких родственников. Практика демонстрирует, что выполнение обязательств по*

алиментам нередко сталкивается с различными трудностями. Недобросовестные алиментщики, «теневая» занятость и проблемы с взысканием долгов требуют усовершенствования юридических инструментов для эффективного функционирования системы алиментов. Эта проблема сохраняет свою актуальность не только для судебной системы, но и для общества в целом, поскольку вопросы защиты прав детей и других уязвимых групп граждан имеют приоритетное значение для любого правового государства. Таким образом, необходимы меры по улучшению правовых механизмов, которые помогут обеспечить стабильное исполнение алиментных обязательств и защитят интересы всех участников процесса. Эффективное решение этих вопросов станет важным шагом к созданию справедливой и защищенной социальной среды, в которой права и интересы детей будут надежно охраняться.

Ключевые слова: *алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, взыскание алиментов, содержание несовершеннолетних детей, ответственность родителей.*

Алименты – денежные средства на содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних нетрудоспособных членов семьи. Они представляют собой юридически обязательные платежи, которые могут быть установлены как по добровольному соглашению, так и по решению суда.

Главная цель алиментов заключается в обеспечении материальной поддержки тех, кто не может самостоятельно себя обеспечивать – в первую очередь, это касается несовершеннолетних детей, нетрудоспособных родителей, супругов или других близких родственников.

Алименты выплачиваются регулярно, чаще всего ежемесячно, что обеспечивает стабильное содержание получателя. Этот вид обязательств имеет личный характер – они предназначены для конкретного лица и не могут быть переданы третьим лицам.

Право на алименты возникает на основании родственных отношений и при наличии законных условий, таких как нуждаемость и неспособность к самообеспечению. В случае уклонения от уплаты алиментов предусмотрено их принудительное взыскание через суд.

В законодательстве, в частности в Семейном кодексе РФ, уделяется большое внимание вопросу алиментных обязательств, так гл. 13 предусматривает алиментные обязательства родителей и детей, гл. 14 алиментные обязательства супругов и бывших супругов, гл.15 алиментные обязательства других членов семьи, гл. 17 порядок уплаты и взыскания алиментов.

У законодательства особое внимание к семье, потому что семья решает демографические, социальные и экономические задачи [1, с. 230].

Различают следующие виды алиментных обязательств:

– алиментные обязательства родителей и детей;

– алиментные обязательства супругов и бывших супругов;

– алиментные обязательства иных членов семьи (братьев и сестер; дедушки, бабушки и внуков; воспитанников и воспитателей; пасынков, падчериц, отчима и мачехи) [2, с.154].

Из определения алиментов можно выделить следующие основные принципы алиментных обязательств.

1. *Принцип нуждаемости и нетрудоспособности.* Алименты выплачиваются тем членам семьи, которые из-за своего положения (например, несовершеннолетние дети или нетрудоспособные родители) не способны сами себя обеспечивать. Право на получение алиментов возникает при наличии явной нужды в финансовой помощи.

2. *Принцип соразмерности содержания.* Размер алиментов определяется с учетом как нужд получателя, так и возможностей плательщика. Законодательство стремится сбалансировать интересы обеих сторон, чтобы платежи не обременяли плательщика чрезмерно, но в то же время соответствовали нуждам получателя.

3. *Принцип добровольности и принудительности.* Алименты могут быть выплачены как по обоюдному соглашению сторон, так и в принудительном порядке на основании решения суда [3, с. 180]. Если одна из сторон уклоняется от выполнения алиментных обязательств, закон допускает возможность их взыскания через процессуальные меры исполнения.

Говоря о исполнении алиментных обязательств, необходимо сказать, что плательщиком может быть только дееспособное физическое лицо, которое обладает алиментноспособностью, то есть способностью самостоятельно исполнять обязанность по уплате алиментов [4, с. 54].

Плательщик будет являться субъектом обязательства. Объектом же выступают действия плательщика алиментов по передаче имущественного содержания получателя алиментов.

Уплата алиментов может осуществляться как в добровольном порядке, так и в судебном порядке [5, с. 176]. Данный порядок предусмотрен Семейным Кодексом РФ.

Добровольный порядок подразумевает, что стороны – родитель, который обязан платить алименты, и тот, кто имеет право на их получение (либо его законный представитель, как, например, родитель маленького ребенка) – свободно договариваются о сумме, способе и условиях выплат алиментных обязательств. Это закреплено в 99 статье СК РФ, где устанавливается, что стороны могут заключить соглашение об уплате алиментов, это позволяет существенно сократить сроки [6, с. 467].

Это соглашение заключается в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению, что придает ему силу исполнительного документа. В данном соглашении закрепляются: размер алиментов, периодичность выплат, а также способы выплаты алиментов.

Если стороны не смогли прийти к соглашению добровольно, алименты могут быть взысканы через суд. В статье 122 ГПК РФ закреплено, что взыскание алиментов может происходить через судебный приказ. тот приказ выносится судьей единолично, без вызова сторон и проведения судебного заседания, на основании заявления лица, требующего алименты [7, с. 20].

Судебный приказ должен быть выдан в течение 5 дней с момента подачи заявления. При этом приказ обладает силой исполнительного документа, и если должник не оспорит его в течение 10 дней после получения, он вступает в законную силу и передается для исполнения. В случае взыскания алиментов на несовершеннолетних детей, суд обычно устанавливает их в долевом отношении к доходам плательщика, что указано в статье 81 СК РФ:

– 1/4 дохода на одного ребенка;
– 1/3 дохода на двух детей;
– 1/2 дохода на трех и более детей

Таким образом можно сделать вывод, что алиментные обязательства играют ключевую роль в семейном праве, защищая интересы членов семьи, нуждающихся в помощи, таких как несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители и супруги.

В российском законодательстве предусмотрены два главных способа выплаты алиментов: добровольный, когда стороны подписывают нотариально заверенное соглашение, и судебный, который применяется в случае возникновения споров или отказа от выполнения добровольных обязательств. Судебный порядок может осуществляться через вынесение судебного приказа или в виде искового производства, в зависимости от конкретной ситуации.

Решения судов по алиментным делам имеют важное значение для обеспечения стабильного материального обеспечения, особенно когда одна из сторон уклоняется от выполнения своих обязательств.

Эффективное правоприменение, ориентированное на защиту прав получателей алиментов, требует не только строгого соблюдения действующих норм, но и возможного улучшения механизмов контроля и взыскания, что становится особенно актуальным в условиях сложной социально-экономической обстановки.

Список литературы

1. Бондов С.Н. Семейное право: учебник / С.Н. Бондов. – М., 2012. – 334 с.
2. Бутаева Э.С. Семейное право Российской Федерации: учеб.-метод. пособие / Э.С. Бутаева, А.В. Хевсаков. – Владикавказ: Терек, 2016. – 455 с.

3. Саркисян В.Г. Применение примирительных процедур как способ защиты прав предпринимателей / В.Г. Саркисян, В.А. Попова // Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова): материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2023. – С. 180–182. – EDN NZWIUN.

4. Гонгало Б.М. Алиментное обязательство / Б.М. Гонгало // Семейное и жилищное право. – 2016. – №5. – С. 53–56. EDN WJHCYP

5. Величко А.В. Подсудность гражданских дел мировому судье / А.В. Величко, В.Г. Саркисян // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы круглого стола №6 со всероссийским и международным участием. – Шахты, 2021. – С. 176–178. – EDN VBILPM.

6. Торосян М.С. К вопросу о понятии и значении процессуальных сроков в гражданском процессе / М.С. Торосян // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. – В 3 ч. – Краснодар, 2021. – С. 466–469. – EDN FHFFEZ.

7. Антонян Т.А. Актуальные проблемы приказного производства в рамках гражданского судопроизводства / Т.А. Антонян // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. – В 3 ч. – Краснодар, 2021. – С. 19–22. – EDN XPCTCN.

Илюшкин Арсений Алексеевич
студент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан
Лягин Кирилл Айратович
соискатель, старший преподаватель
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

ПОЗНАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу правомерного поведения как одной из ключевых категорий теории права и правоприменительной практики. В работе рассматриваются актуальные проблемы познания сущности и признаков правомерного поведения, анализируются различные подходы к его научной дефиниции. Особое внимание уделено влиянию субъективных и объективных факторов, оказывающих влияние на формирование моделей правомерного поведения. Отдельно предлагаются пути совершенствования критериев классификации правомерного поведения в рамках исследования юридической науки и практики.*

Ключевые слова: *правомерное поведение, типология, личность, правовая политика, правоприменительная политика, эффективность права.*

Актуальность исследования правомерного поведения обусловлена его центральной ролью в обеспечении стабильности и эффективности правовой системы. В условиях современного правового государства именно правомерное поведение выступает основой социального порядка, легитимности власти и реализации правовых норм. Однако, несмотря на кажущуюся очевидность этого феномена, его сущность, мотивационные механизмы и критерии классификации остаются предметом научных дискуссий. Изучение правомерного поведения выходит за рамки простого следования закону, затрагивая глубокие вопросы взаимодействия личности, общества и государства, ценностных ориентаций и правосознания. В данном исследовании нам хотелось бы более подробно остановиться на многообразии классификаций правомерного поведения, а также исследовать некоторые аспекты проблематики данного феномена.

В основе оценки действий и поступков любого человека лежит их сопоставление с предписаниями норм права. Такое сопоставление позволяет выделять правомерное поведение, противоправное и юридически безразличное. Останавливая внимание на правомерном поведении, отметим, что в учебной литературе чаще всего оно определяется как совокупность поступков и действий, которые в полной мере соответствуют всем требованиям норм права.

Ряд исследователей понимают правомерное поведение как общественно необходимое, желательное или допустимое с точки зрения интересов общества поведение граждан и коллективов, состоящее в соблюдении норм права, гарантируемое и охраняемое государством. Правомерное поведение – это обусловленная культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального действия права, основанная на сознательном выполнении его целей и требований. Отдельно подчёркивается, что, во-первых, правомерное поведение – это сознательное проявление человеческой воли. Во-вторых, поведение оценивается с помощью его сопоставления с целями и требованиями права. В-третьих, внутренние регуляторы, или мотивы поведения, определяются культурно-нравственными качествами и ориентациями личности, а также её жизненным опытом [4].

В науке и юридической литературе чаще всего выделяют следующие основные черты правомерного поведения:

1) общественная полезность (означает заинтересованность общества в соблюдении установленного правопорядка, в уважении к закону, в соблюдении его требований);

2) массовость проявления (правомерное поведение присуще многим или даже большинству людей, иначе общество не могло бы нормально функционировать);

3) сознательность (сводится к выбору человеком варианта поведения: правомерного или противоправного);

4) активность в выполнении установленных правом требований (предполагает самостоятельность гражданской и нравственной позиции).

Классификация правомерного поведения – это фундаментальный, но в то же время один из самых дискуссионных вопросов в теории права. Несмотря на существование множества типологий, основанных, например, на субъекте или отрасли права, в юриспруденции до сих пор нет единой и общепризнанной модели. Это связано как с разнообразием методологических подходов, так и со сложностью самого объекта – поведения, которое регулируется правом, но реализуется в различных формах, мотивах и целях. Современные исследователи стремятся переосмыслить устоявшиеся классификации, учитывая новые социальные, информационные и правовые реалии. В центре их внимания оказываются такие аспекты, как мотивация, уровень правовой культуры и процессы цифровой трансформации. В частности, правомерное поведение всё чаще рассматривается не просто как соблюдение норм, а как форма реализации правовой культуры, где ключевую роль играет ценностно-мотивационный компонент. Учёные подчёркивают, что внешнего соблюдения закона недостаточно. Поведение может считаться по-настоящему правомерным только в том случае, если оно основано на внутреннем осознании ценности права. В связи с этим в современных исследованиях акцентируется различие между устойчиво осознанным и ситуативно-конформным поведением [1].

Наибольшее распространение получила классификация типов правомерного поведения в зависимости от его мотивации, то есть внутренней регуляции поведения людей. Этот же подход является и наиболее дискуссионным в научном сообществе. Критика этого подхода заключается в трудности достоверной оценки субъективной мотивации в рамках осуществления и реализации правоприменительной политики государства. По этому критерию принято выделять четыре типа правомерного поведения: маргинальное, конформистское, стереотипное и социально-активное.

Маргинальный тип правомерного поведения представляет собой пограничное состояние между соблюдением и нарушением закона. В его основе лежит не уважение к правовым нормам, а исключительно страх перед наказанием и осуждением со стороны общества, коллектива или близких. Личности с такой установкой изначально предрасположены к совершению

правонарушений и внутренне не одобряют предписания права. Однако они сознательно выбирают правомерный образ действий, руководствуясь исключительно личным расчётом и пониманием невыгодности последствий, то есть неизбежности ответственности. Ключевой характеристикой маргинального поведения является его крайняя неустойчивость. Такой человек будет действовать в рамках закона лишь до тех пор, пока уверен в неотвратимости наказания. Как только появляется возможность избежать ответственности, он с высокой вероятностью совершит правонарушение. Для данной категории лиц также свойственна деформация ценностных установок и социальных ориентиров. Таким образом, маргинальное поведение представляет собой вынужденное, ситуативное соблюдение закона, основанное на боязни негативных последствий, а не на внутреннем убеждении в его справедливости.

Конформистское поведение представляет собой пассивное следование правовым нормам, основанное на стремлении приспособиться к своему окружению. В этом случае человек действует правомерно не в силу внутреннего убеждения, а потому, что так принято в обществе, среди его родственников, коллег или знакомых. В основе такого поведения лежит адаптация к внешним условиям и мнению большинства, а не собственная принципиальная позиция. Индивид принимает существующий правовой порядок без его критического осмысления и не стремится к каким-либо изменениям. Важно отметить, что это подчинение носит преимущественно внешний характер: человек меняет свои действия, чтобы заслужить одобрение группы, но его внутренние убеждения и взгляды при этом остаются прежними. Он просто следует за большинством, чтобы избежать конфликта и сохранить социальное одобрение.

Соблюдение закона может быть как привычным, так и социально-активным. В первом случае человек действует правомерно автоматически, по устоявшейся привычке, так как это стало для него нормой, основанной на убеждённости в пользе права. Высшим же типом является социально-активное поведение, которое проистекает из солидарности с законом и желания ему следовать. Оно не только глубоко одобряется обществом и государством, но и характеризуется инициативой, творческим исполнением правовых предписаний и высокой правовой культурой личности. Именно эти два типа поведения считаются наиболее предпочтительными.

Проблема систематизации правомерного поведения является одной из центральных в общей теории права. Существующее многообразие классификаций подчёркивает сложность этого феномена и его многоуровневую природу как социальной и юридической категории. Отсутствие единого психологического основания у различных типов правомерного поведения создаёт значительные трудности как для его научного анализа, так и для эффективного применения правовых норм на практике. В связи с этим представляется целесообразным разработать интегративную типологию. Такой подход предполагает объединение и обобщение всех существующих вариантов классификаций в единую, более стройную и понятную систему, что позволит преодолеть методологические разногласия и создать целостное представление о данном явлении.

1. По степени социальной активности:

а) пассивное правомерное поведение: строгое следование запретам и исполнение предписаний права в необходимом объёме;

б) активное правомерное поведение: использование прав в полной мере, участие в правотворчестве, защита прав других.

2. По форме реализации правовых норм (это формально-юридическая классификация, которая в большей мере описывает поведение через то, как работают нормы действия, нежели само поведение как социальный феномен): соблюдение, исполнение, использование, применение, нарушение.

Данная классификация является более простой и понятной для изучения и тем самым решает проблему классификации и познания. Правомерное поведение представляет собой сложный, многогранный объект познания, изучение которого требует преодоления ряда методологических проблем. Основная трудность заключается в необходимости совместить

анализ его внешней, формальной стороны (соответствие нормам права) с исследованием внутренней, мотивационной составляющей, что предполагает переплетение многообразия юридических и социальных наук.

Подводя определённые итоги, отметим, что, на наш взгляд, перспективным направлением для исследования института правомерного поведения выступает разработка динамических и ситуативных моделей, которые исследовали бы правомерное поведение не как статичный тип, а как состояние, способное трансформироваться под воздействием изменения законодательства, правоприменительной практики [2], социально-экономических условий и личного опыта индивида. Такой подход позволит не только глубже понять природу законопослушания, но и выработать более эффективные правовые и социальные технологии для его укрепления.

Список литературы

1. Артемьева Т.В. Правомерное поведение как форма реализации правовой культуры / Т.В. Артемьева, Д.А. Муратшина // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – №3(44).

2. Лягин К.А. Современные направления правовой политики России в области защиты прав и свобод личности / К.А. Лягин, Р.Р. Рахматуллин // Правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в современных условиях: материалы научно-практической конференции (к 25-летию Университета управления «ТИСБИ») (Казань, 3–5 октября 2016 г.). – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2016. – С. 47–49. EDN YNPAIT

3. Лягин К.А. Эффективность права и правового регулирования: общетеоретические аспекты / К.А. Лягин // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 18 декабря 2024 года. – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 304–307. EDN LPJOJC.

4. Оксамытный В.В. Правовое воспитание как непрерывный процесс формирования правовой культуры личности / В.В. Оксамытный, Т.В. Цветикова // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях: материалы X Международной научно-практической конференции (Караганды, 14 апреля 2023 г.). – Караганда: Кент-LTD, 2023. – С. 53–56. EDN NPUQMB

Крашенинникова Камилла Валерьевна
студентка
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО СУПРУГАМИ ЗАЛОГОВОГО ИМУЩЕСТВА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация: *процедура реализации имущества гражданина в делах о несостоятельности (банкротстве) при наличии имущества, подлежащего реализации, вызывает споры, возникающие между позициями судов, должником, его финансовым управляющим и кредиторами. Соблюдение баланса интересов – ключевая категория, которыми оперируют участники дела о несостоятельности (банкротстве). Особую сложность приобретает реализация залогового имущества, связанной с необходимостью субсидиарного применения норм гражданского законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве) с учетом складывающейся судебной практики и принятыми залоговыми кредиторами регламентами реализации такого имущества на торгах. В статье отражаются наиболее актуальные проблемы реализации залогового имущества и осуществляется поиск путей их преодоления.*

Ключевые слова: *арбитражный процесс, дела о несостоятельности (банкротстве), процедура реализации имущества, залоговое имущество, совместная собственность супругов.*

В настоящее время законодательство о несостоятельности (банкротстве) испытывает необходимость в совершенствовании, в связи с чем наблюдается постоянное внесение изменений в содержание его норм, пересматривающие в том числе порядок реализации имущества гражданина.

Немаловажную роль имеют толкования Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Именно взаимосвязь существующих норм законодательства, актов толкования и разъяснения высших судебных инстанций оказывают значительное влияние на порядок реализации залогового имущества в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.

Обозначенная сфера является безграничной и может быть предметом диссертационных исследований, поэтому настоящая статья посвящена основным направлениям дискуссионной тематики, одной из которых является реализация совместно нажитого супругами залогового имущества.

В законодательстве о несостоятельности (банкротстве) имеется норма, предусмотренная пунктом 7 статьи 213.26, согласно которой имущество, совместное с супругом или бывшим, включается в конкурсную массу при банкротстве гражданина по общим правилам. Супруг участвует в решении вопросов реализации. Доля гражданина в выручке идет в конкурсную массу, остаток – супругу. При совместных обязательствах часть средств выплачивается после их погашения [1, с. 41].

Указанная норма вызывает сложности в ее применении, в том числе в связи с отсутствием единой практики в различных судебных округах о распределении денежных средств, вырученных от продажи залогового имущества.

Некоторая часть юридического сообщества считает, что половина вырученной суммы должна направляться супругу (бывшему супругу) должника, однако данная позиция опровергается действующими нормами гражданского, семейного законодательства, законодательства о несостоятельности (банкротстве) и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Так, относительно залогового имущества супруги признаются созалогодателями (созаемщиками) [2, с. 70]. Как пояснил Верховный Суд Российской Федерации 80 процентов выручки от реализации залогового имущества направляются залоговому кредитору. Относительно 20 процентов имеются правила, предусмотренные пунктом 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве, согласно которой:

– десять процентов могут быть направлены на погашение требований первой и второй очередей, если таковые имеются;

– полностью погашаются расходы финансового управляющего на проведение процедуры, включая 7 процентов в качестве вознаграждения за реализацию имущества.

Стоит оговориться, что в судебной практике сложился подход, когда максимальная доля погашения расходов финансового управляющего составляет 10 процентов. Здесь следует отметить ошибочность понимания двух абзацев обозначенного пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротства, когда во избежание риска возникновения конфликтных ситуаций финансовый управляющий не погашает свои расходы более чем на 10 процентов от стоимости реализованного залогового имущества при отсутствии иного источника формирования конкурсной массы. Такому подходу способствует и противоречивая практика судебных округов, вызванной в том числе отсутствием стабильного процессуального поведения со стороны кредиторов.

При этом в данных дискуссиях важно заметить, что при буквальном толковании норм законодательства о несостоятельности (банкротстве) какие-либо противоречия отсутствуют, отчего следует возможность полного погашения расходов финансового управляющего на проведение процедуры, не ограничивая его десятью процентами.

Оставшиеся денежные средства после погашения 80 процентов залоговому кредитору, требований первой и второй очереди, а также расходов финансового управляющего, должны быть направлены залоговому кредитору.

Необходимо рассмотреть два примера, которые отразят практическую действительность обозначенного вопроса.

Первый пример.

Требования залогового кредитора – 0,8 млн рублей;

Размер денежных средств, вырученных от реализации – 1 млн рублей.

В первом примере из 1 млн. рублей, вырученных от реализации залогового имущества, 80 процентов направляется залоговому кредитору, а именно 0,8 млн рублей, тем самым погашая его требования на 100 процентов.

Из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации следует, что супруг (супруга) является должником по обеспечительному обязательству и на нее также возлагается обязанность несения этих расходов [3, с. 48]. После погашения текущих расходов должника, включая расходы финансового управляющего на проведение процедуры, оставшиеся денежные средства могут быть выплачены супругу (супруге) в части, причитающейся ему (ей) в результате раздела имущества.

Второй пример.

Требования залогового кредитора – 1,2 млн рублей;

Размер денежных средств, вырученных от реализации – 1 млн рублей.

Во втором примере из 1 млн. рублей, вырученных от реализации залогового имущества, 80 процентов направляется залоговому кредитору, а именно 0,8 млн рублей, тем самым погашая его требования на 75 процентов.

В дальнейшем погашаются требования первой и второй очереди реестра требований кредиторов при их наличии, полностью погашаются текущие расходы по общим обязательствам и расходы финансового управляющего.

Оставшиеся денежные средства полностью направляются залоговому кредитору, поскольку 80 процентов, направленные от стоимости реализации имущества, не смогли полностью погасить требования залогового кредитора.

Таким образом, супругу (супруге) из стоимости реализации залогового не полагается какая-либо денежная сумма.

Что касается первого примера, интересной темой для обсуждения мог быть стать приоритет между требованиями первой и второй очереди реестра требований кредиторов и денежными средствами, полагающиеся супруге в случае, если требования залогового кредитора погашены на 100 процентов.

Поскольку в ситуации, когда требования залогового кредитора погашены на 100 процентов, включены требования в первую и вторую очередь реестра требований кредиторов, имеющие по смыслу пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве приоритет над текущими расходами и расходами финансового управляющего, которые, в свою очередь, признаются для супруга (супруги) должника общими, возникает закономерный вопрос должен ли супруг (супруга) нести обязательства и по ним.

При анализе судебного постановления Верховного Суда Российской Федерации сложно дать ответ на данный вопрос, поскольку в рассмотренном деле требования залогового кредитора не были погашены на 100 процентов. При этом, действительно, на практике залоговые требования погашаются на 100 процентов в исключительных случаях, потому обозначенный вопрос является в настоящее время теоретическим.

Таким образом, законодательство о несостоятельности (банкротстве) требует совершенствования в части распределения средств между кредиторами и супругом (супругой) должника. Верховный суд Российской Федерации даёт важные разъяснения по этому вопросу, однако на практике всё равно возникают споры. Необходимо выработать единый порядок

относительно распределения оставшихся после выплат кредитору средств между супругом (супругой) должника и определить приоритеты между различными очередями требований.

Список литературы

1. Амврозов И.Д. Реализация совместного имущества супругов / И.Д. Амврозов, А.Е. Митрофанова // PRO.Право. – 2023. – Т. 5, №1. – С. 40–45. EDN XUWVDS
2. Корюкаева Т.Г. Актуальные вопросы судебной практики в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц / Т.Г. Корюкаева, А.А. Шаталова // PRO.Право. – 2021. – Т. 2, №2. – С. 67–81. EDN GSMRZX
3. Елисеева А.А. Банкротство физических лиц: проблемы судебно-арбитражной практики / А.А. Елисеева // Eo ipso. – 2023. – №8. – С. 33–58. EDN JTAWUE

Крюков Антон Александрович
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

ВЕЩНЫЕ ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Аннотация: *в статье автор анализирует сущность вещных прав на земельный участок, соотносит их содержания, а также выявляет сложившиеся в России тенденции законодательного регулирования имущественных правоотношений и противопоставляет их сложившимся потребностям современного имущественного оборота. Так, актуальность темы исследования заключается в неразрешенности вопроса о необходимости внесения дополнений в отечественное гражданское законодательство в части конкретизации содержания уже закрепленных ограниченных вещных прав, корректировки их перечня. В процессе исследования были использованы нормативно-догматический, статистический историко- и сравнительно-правовой методы. Ключевыми результатами работы являются формулирование авторского понятия «вещных прав», выявление неравномерности процесса перехода пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования в право собственности и законодательного закрепления перечня отрицательных сервитутов.*

Ключевые слова: *вещные права, право собственности, ограниченные вещные права, земельный участок, правообладатель, сервитут, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования.*

Земельные участки являются одними из важнейших объектов имущественного оборота во всех мировых правопорядках, поскольку они количественно ограничены самой природой, но при этом любое хозяйство как частное, так и государственное нуждается в их активном использовании, кроме того, без них невозможно существование других объектов недвижимости, поэтому законодательное регулирование соответствующих правоотношений нуждается в четкости и отсутствии коллизий.

Отечественное регулирование вещных прав на земельные участки тесно сопряжено с переходом в конце прошлого века от господства государственной собственности на землю к разнообразию ее форм, закрепленных законодательно: частная, муниципальная и государственная. Однако указанный переход не был и не мог быть осуществлен одномоментно, в связи с чем законодатель был вынужден прибегнуть к введению «временных» и нетипичных для континентального права ограниченных вещных прав на рассматриваемые объекты.

Понятие «вещных прав».

Для целей настоящего исследования необходимо выделить ключевые особенности вещных прав. Во-первых, как отмечает Е. А. Суханов, вещное право «характеризуется «юридической прочностью» (обеспеченностью)» [16], иными словами, право тесно связано с вещью, обременяет ее, что выражается в том, что право является независимым от смены

собственника вещи. По критерию «прочности» вещные права принято разделять на право собственности (полное) и ограниченные вещные права (частичные).

Во-вторых, вещное право – абсолютно, поскольку пассивные обязанности, например не причинять вред вещи, возлагаются не на конкретного контрагента, а на всех третьих лиц, которые потенциально могут взаимодействовать с вещью.

Наконец, объектом вещных прав всегда является индивидуально определенная вещь. В противном случае господство определенного лица над вещью было бы невозможно, так как вещь не выделена из общей массы вещей, определенных общими родовыми признаками. Следовательно, в случае гибели вещи прекращается и обременяющее ее вещное право.

Однако ряд исследователей выделяют дополнительные (факультативные) признаки вещных прав. Так, Е.А. Суханов указывает, что особенностью, отличающей вещные права об обязательственных, является закрытость их перечня, установленная законом (numerus clausus). Из этого правовед, со ссылкой на немецких цивилистов, выводит следующий признак – публичность [16]. Регистрация (фиксация) вещных прав необходима по причине их абсолютности, т. е. обязательности для третьих лиц. Стоит отметить, что вещные права, за исключением права собственности, применимы только к недвижимым вещам, а значит, подлежат обязательной государственной регистрации в любом случае.

Б.М. Гонгало, кроме того, относит особые способы их защиты к признакам вещных прав [4]. Тем не менее, данное утверждение является, с точки зрения российского гражданского права, спорным, поскольку ст. 305 ГК РФ предусмотрена защита прав и владельца по договору посредством виндикационного и негаторного исков, обусловлено это, в первую очередь, стремлением законодателя защитить владельцев в правоотношениях с государством (к примеру, арендаторов).

Таким образом несмотря на то, что как в науке, так и в законодательстве отсутствует общепринятое понятие «вещных прав» [2], руководствуясь обозначенными выше признаками, можно определить, что вещные права – это исчерпывающим образом определенные законом (в случае с недвижимыми вещами – подлежащие обязательной государственной регистрации) абсолютные имущественные права, устанавливающие степень обременения индивидуально определенных вещей и степень господства лица над ними.

Исходя из содержания п. 1 ст. 209 и п. 1 ст. 216 ГК РФ, к вещным правам на земельный участок относятся право собственности, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования и сервитуты. Отметим, также, что относимые российским гражданским законодательством к ограниченным вещным правам право оперативного управления и право хозяйственного ведения, по нашему мнению, не являются таковыми, так как, во-первых, устанавливаются не в отношении индивидуально определенных вещей, а имущественных комплексов, включающих в себя имущественные права и обязанности, исключительные права, во-вторых, их содержание в каждом конкретном случае определено не только законом, но и уставом юридического лица, и, наконец, земельные участки не относятся к объектам данных прав, то есть предоставляются на иных основаниях, например, на праве аренды.

С нашей точки зрения, указанное отнюдь не отвечает потребностям имущественного оборота, характерного для рыночной системы, так, согласно данным федерального статистического наблюдения, на 1 января 2025 года в частной собственности находилось 136 543,7 тыс. га земельных участков, что составило всего 7,9% земельного фонда страны [12, с. 26]. С 2010 года, за 15 лет, данный показатель вырос всего на 0,1% [5].

Настоящие сведения, отражающие соотношение видов собственности на земельные участки, косвенно свидетельствуют о необходимости расширения перечня закрепленных гражданским законодательством ограниченных вещных прав на рассматриваемый объект, поскольку, как это будет описано далее, нормативный перечень фактически исчерпывается сервитутом, как единственным «живым» ограниченным вещным правом. Так, правомочия несобственников в настоящее время преимущественно определяются договором аренды

земельного участка, т.е. институтом обязательственного, а не вещного права. Если приобретение в частную собственность затруднено как правовыми, так и социально-экономическими факторами, то имущественный оборот необходимо мотивировать иными механизмами для использования.

Тем не менее в целях наиболее корректного сравнения содержания вещных прав на земельные участки будем руководствоваться именно законодательно закрепленным перечнем.

Триада правомочий.

Содержание права собственности, как полного вещного права, принято рассматривать через разделение его на три правомочия: владение, пользование и распоряжение (п. 1 ст. 209 ГК РФ). Именно наличие у лица всех трех правомочий на один объект одновременно позволяет ему осуществлять над вещью полное господство, в свою очередь, в зависимости от отсутствия какого-либо (каких-либо) из них дает основание квалифицировать право в качестве ограниченного вещного права.

Важно отметить, что, согласно мнению авторитетных отечественных цивилистов, триада правомочий собственника должна, также, оцениваться через призму их осуществления в интересе (п. 2 ст. 209 ГК РФ) и властью собственника (данный признак напрямую не определен в ГК РФ) [7, с. 360–361]. Такая власть собственника определяется и ограничивается исключительно законом, что, в частности, в отношении земельного участка вытекает из норм земельного законодательства и п. 3 ст. 209 ГК РФ.

Итак, в континентальной традиции владение – это возможность фактического обладания вещью, тем не менее в российской научной среде вопрос остается дискуссионным – владение – это право или факт? По нашему мнению, указанное напрямую зависит от «степени вызревания» владения. Владение признается ГК РФ обособленным правом, например, защита прав владельца, не являющегося собственником предусмотрена ст. 305 ГК РФ, однако для возникновения права необходим юридический факт, а после – содержание. Следовательно, владение все же первично как факт, предшествующий его выражению в праве [15].

В свою очередь, пользование заключается в юридически обеспеченной возможности извлекать из вещи ее полезные свойства, удовлетворять потребности или получать от нее плоды, продукцию и доходы. По общему правилу, установленному ст. 136 ГК РФ, все поступления от использования принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом или договором, что, в частности, имеет ключевое значение для классификации ограниченных вещных прав на категории.

Распоряжение является наиболее «сильным» правомочием собственника, поскольку под ним понимается юридически обеспеченная возможность определять юридическую судьбу вещи вплоть до уничтожения, ведущего к прекращению самого права собственности. Соответственно, наличие такого правомочия у кого-то, кроме собственника, противоречило бы самой природе ограниченных вещных прав. Стоит отметить, что хотя в настоящее время в отношении земельных участков российским правопорядком не предусмотрены ограниченные вещные права, содержанием которых предусматривалась бы возможность распоряжения самим ограниченным вещным правом, однако закрепление подобных ограниченных вещных прав предлагается «Концепцией развития гражданского законодательства РФ» 2009 г. (далее по тексту – Концепция) и Проектом Федерального закона №47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) (далее по тексту – Проект) – право застройки земельного участка (суперфиций) и право постоянного владения и пользования земельным участком (эмфитевзис).

Именно одновременное наличие всех трех описанных полномочий у лица дает основание считать его собственником вещи.

Признаки и классификация ограниченных вещных прав.

Квалифицирующими признаками любого ограниченного вещного права являются свойство следования и его производность (зависимость) от права собственности. Первое качество выражается в связи рассматриваемого права с вещью, а не с личностью ее владельца. Так, при прекращении права собственности прежнего собственника и его возникновении у нового ограниченное вещное право правомочного лица не прекращается, а переходит с вещью, обременяя ее.

Вторая особенность вытекает из первой и заключается в том, что ограниченное вещное право существует исключительно при наличии права собственности, поскольку ограничение невозможно при отсутствии «ограничиваемого».

Наконец, любое ограниченное вещное право, как это следует из самого понятия, включает в себя лишь часть правомочий из триады.

Для наиболее полного анализа содержания каждого из ограниченных вещных прав необходимо разделить их на категории, обобщающие типовые особенности.

Дореволюционный цивилист И.А. Покровский, опираясь на доктрину континентальных правопорядков, выделял три группы ограниченных вещных прав в зависимости от их содержания [13, с. 207–208]:

1) права пользования чужой вещью, объем содержания которых может сильно различаться от института к институту, например, сервитут, право постоянного (бессрочного) пользования и право пожизненного наследуемого владения. Так, все закрепленные в ГК РФ ограниченные вещные права относятся именно к указанной категории;

2) права на получение известной ценности из чужой вещи, например право залога;

3) права на приобретение чужой вещи, в частности – преимущественное право покупки.

Е.А. Суханов, в свою очередь, отмечая, что отечественным законом к перечню ограниченных вещных права отнесена исключительно первая категория, предлагает систему по критерию объекта, а не содержания [16], в контексте которой мы рассмотрим только ограниченные вещные права по использованию чужих земельных участков: сервитуты, право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования.

Сервитут.

В силу абз. 1 п. 1 ст. 274 ГК РФ сервитут – право ограниченного пользования земельным участком, которое предоставлено собственником по требованию другого лица. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 274 ГК РФ «сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута» [3].

При этом на данный момент перечень «других нужд» гражданским законодательством не установлен, что не соответствует признаку его «закрытости», вытекающему из природы вещных прав. Хотя еще в Концепции и Проекте (ст. ст. 301.6–301.10) были указаны возможные к закреплению категории сервитутов: а) сервитуты перемещения или доступа на чужой участок для прохода, проезда, прогона скота, перевозки груза и т. п.; б) коммунальные сервитуты; в) строительные сервитуты; г) сервитуты для пользования участком недр; д) сервитуты мелиорации [8].

Необходимость внесения в ГК РФ именно этого перечня в первую очередь обусловлено частотой применения подобных сервитутов на практике, поскольку именно за установлением подобных способов использования земельных участков лица обращаются с требованиями в суд.

Кроме того, несмотря на диспозитивность указанных выше норм, из их содержания следует, что сервитут может быть только положительным, но не отрицательным.

Так, если положительный сервитут – это ограниченное вещное право воздействия управомоченного лица на чужой земельный участок (право прохода/проезда, право эксплуатации

линейных объектов и т. п.), то отрицательный – это ограничение правомочий собственника, выражающееся в праве управомоченного лица запрещать первому осуществлять определенные действия, воздержаться от их реализации, например, возводить здания и сооружения, загораживающие доступ к свету или виду.

Отметим, что п. 5.2 Концепции и п. 1 ст. 301.1 Проекта предусмотрена возможность введения деления сервитутов на рассмотренные группы, закрепленная на уровне федерального закона, однако в отличие от абз. 2 п. 5.1 Концепции перечень отрицательных сервитутов не предложен разработчиками. На наш взгляд, исходя из современных тенденций возможного использования земельного участка, уместными к закреплению являются: сервитуты солнечного света, ветра, вида, а также запрета использования служащего участка для вредной и опасной для окружающей среды, жизни и здоровья людей деятельности.

Право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (*бессрочного*) *пользования.*

Согласно ст. 266 ГК РФ содержание права пожизненного наследуемого владения включает в себя правомочия владения и пользования земельным участком, но не распоряжения (за исключением перехода по наследству), что и отличает его от права собственности.

Ключевыми же особенностями данного ограниченного вещного права являются: субъектом права может быть исключительно гражданин, земельный участок при этом находится в государственной или муниципальной собственности, возникновение нового права, то есть предоставление участка на таком праве, на настоящий момент и в будущем законом не допускается (п. 13 ст. 1 Федерального закона от 23.06.2014 №171-ФЗ (ред. от 02.05.2026) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Кроме того, исходя из содержания ст. 265 ГК РФ, право пожизненного наследуемого владения приобретается по основаниям и в порядке, которое предусмотрены земельным законодательством, однако соответствующие положения ЗК РФ были из него исключены, образуя фактический пробел.

Отличие постоянного (бессрочного) пользование от описанного выше ограниченного вещного права заключается в двух аспектах. Во-первых, его субъектами могут быть исключительно лица, указанные в п. 2 ст. 39.9 ЗК РФ, к ним относятся: органы государственной власти и органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения (бюджетные, казенные, автономные, казенные предприятия, центры исторического наследия президентов РФ, прекративших исполнение своих полномочий и Банк России [6]. Во-вторых, предоставление земельного участка в постоянное (бессрочное) пользование осуществляется на основании решения уполномоченного органа.

Правомочное лицо осуществляет владение и пользование земельным участком, предоставленным на праве постоянного (бессрочного) пользования в соответствии со ст. 40 ЗК РФ, однако оно «не вправе распоряжаться такими земельными участками, за исключением случаев заключения соглашения об установлении сервитута и передачи земельного участка в безвозмездное пользование гражданину в виде служебного надела» (п. 3 ст. 269 ГК РФ). В случае реорганизации, исходя из п. 3 ст. 268 ГК РФ, право переходит в порядке правопреемства.

Сами по себе права возникли на закате тотального господства государственной собственности на землю как переходные институты, исключающие распоряжение, поэтому в рамках современного имущественного оборота они не имеют практического смысла в применении. В связи с тем, что права, возникшие до введения ЗК РФ в действие, были сохранены п. 1 ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 №137-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о введении в действие ЗК РФ), также, необходимо отметить законодательную попытку «перевода» права пожизненного наследуемого владения в полноценное право собственности путем положения п. 9.1. ст. 3 указанного федерального закона, предусматривающего «дачную амнистию».

Указанное наименование получила процедура упрощенной регистрации права собственности на земельный участок, предоставленный гражданину на праве пожизненного наследуемого владения до 30 ноября 2001 года (до введения в действие ЗК РФ). Ограниченное вещное право в такой ситуации приравнивается к праву собственности (исключая случаи, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность).

В свою очередь, согласно п. 2 ст. 3 Закона о введении в действие ЗК РФ установлена обязанность юридических лиц по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования на право аренды или по приобретению земельного участка в собственность.

Срок действия «дачной амнистии» с 1 сентября 2006 года, то есть с момента вступления в силу Федерального закона от 30.06.2006 №93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества», продлевался большое число раз, на момент написания настоящей статьи в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2021 №478-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «дачная амнистия» действует до 1 марта 2031 года.

Согласно официальной информации Росреестра на 21 августа 2025 года посредством процедуры 7,8 миллионов ограниченных вещных прав на земельные участки были переведены в права собственности [1]. При этом объем земельных участков, переведенных из пожизненного наследуемого владения, с каждой пятилеткой значительно не увеличивается, так, например, в 2024 году объем земельных участков, находящихся в пользовании лиц, осуществляющих ведение личных подсобных хозяйств, на рассматриваемом праве составлял 2,8% от общего числа [12, с. 49], в 2020 году – 3,4% [11, с. 58], в 2015 году – 4,0% [10, с. 64], в 2010 году – 5,1% [9, с. 76]. Хотя вывод об эффективности механизма сделать не представляется возможным, поскольку публичная статистика не отражает информацию о количестве прав, которые только подлежат переоформлению, все указанное выше свидетельствует о медленных темпах «устранения» пользования земельными участками на праве пожизненного наследуемого владения de facto.

Таким образом, регулирование указанных прав до сих пор имеет место быть постольку, поскольку имущественные отношения, основанные на этих правах, все еще существуют на практике.

Однако рассмотренные ограниченные вещные права имеют правовой аналог в виде эмфитевзиса (право постоянного землевладения), сущность которого заключается в долгосрочном наследуемом и отчуждаемом праве аренды (владение и пользование чужим земельным участком) земельного участка за плату [14]. Субъектами права могут быть как граждане, так юридические лица, а основанием возникновения является договор.

В рамках растущей стоимости на приобретение земельных участков и малого их обработанного числа эмфитевзис не столько желательным для введения институтом, сколько необходимым, поскольку его основным целевым назначением является обработка земли в сельскохозяйственных целях. Содержание настоящего права наиболее приближено к праву собственности, при этом обладая экономическими преимуществами: отсутствие затрат на приобретение земельного участка, большая эффективность в использовании, вытекающая из обязанности сохранять объект недвижимости, а в случаях, предусмотренных договором, и производить его улучшение.

Заключение.

Согласно проведенному анализу, вещные права – это исчерпывающим образом определенные законом абсолютные имущественные права, устанавливающие степень обременения индивидуально определенных вещей и степень господства лица над ними.

Степень полноты вещного права находится в зависимости от количества имеющихся у лица правомочий на земельный участок и способа их реализации, одновременное наличие всех трех и государственной регистрации позволяет правомочному лицу осуществлять над

участком полное господство, обратное, в свою очередь, свидетельствует о том, что право – ограниченное.

Согласно закрытому перечню, закрепленному в ГК РФ, ограниченными вещными правами на земельный участок являются сервитут (единственный полноценно существующий и актуальный институт), право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования.

На данный момент перечень «других нужд», для которых может быть установлен сервитут, гражданским законодательством не установлен, что противоречит его правовой природе ограниченного вещного права, кроме того, желательными к закреплению являются понятие и перечень отрицательных сервитутов, например, солнечного света, ветра, вида, а также запрета использования служащего участка для вредной и опасной для окружающей среды, жизни и здоровья людей деятельности.

В то же время в связи с «постепенным отмиранием» и невозможностью возникновения новых прав пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования, а также в условиях растущей стоимости на приобретение земельных участков и малого их обработанного числа необходимым аналогом указанных прав является эмфитевзис, отвечающий как потребностям развития отечественной экономики на уровне граждан, так и сохранению земельного потенциала территорий.

Список литературы

1. Более 16 миллионов прав собственности оформлено по дачной амнистии // Росреестр: сайт. – URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/bolee-16-millionov-prav-sobstvennosti-oformleno-po-dachnoj-amnistii/ (дата обращения: 29.04.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / под ред. П.В. Крашенинникова. – В 3 т. – Т. 1. Комментарий к части первой. – М., 2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. – № 32. – Ст. 3301. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гражданское право: учебник / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. – 3-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Доля находящихся в частной собственности земель в РФ составляет 7,8% // RB.RU: сетевой журн. – URL: https://rb.ru/article/dolya-nahodyashhihsya-v-chastnoy-sobstvennosti-zemel-v-rf-sostavlyaet-78/ (дата обращения: 30.04.2026).

6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. №136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 29 окт. – №44. – Ст. 4147. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Иоффе О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 360–361.

8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобр. решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. // Вестник ВАС РФ. – 2009. – №11. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Национальный доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году / Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. – М.: Росреестр, 2011. – URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 30.04.2026).

10. Национальный доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2015 году / Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. – М.: Росреестр, 2016. – URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 30.04.2026).

11. Национальный доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2020 году / Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. – М.: Росреестр, 2021. – URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 30.04.2026).

12. Национальный доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 году / Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. – М.: Росреестр, 2025. – URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/Национальный%20доклад%202024.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2001. – 353 с.

14. Проект федерального закона №47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Рыбалов А.О. Владение в российском праве: quo vadis? / А.О. Рыбалов // Вестник гражданского права. – 2019. – №5. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». DOI 10.24031/1992-2043-2019-19-5-110-127. EDN IYWCVE

16. Суханов Е.А. Вещное право: науч.-познават. очерк / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Махмутов Ильнур Айратович
студент
Миннахметова Ильсина Ильдаровна
студентка
Научный руководитель
Гафурова Светлана Равилевна
старший преподаватель

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ВНЕСУДЕБНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С СУДЕБНЫМ ПОРЯДКОМ

Аннотация: *формирование альтернативных процедур на основе посредничества при разрешении споров в частноправовой сфере является признанным вектором эволюции современной юридической науки и законодательства, тогда как возможность применения таких способов в публично-правовых спорах и создание альтернативных форм решения дел, отнесенных к юрисдикции судов, рассматривающих те или иные административно-правовые споры, достаточно редка, а данный вопрос критически оценивается и учеными, и опытными практикующими юристами. Проблематика альтернативных процедур урегулирования споров все чаще становится предметом научных изысканий ученых-юристов*

Ключевые слова: *спор, соглашение, переговоры, конституционная база, юрисдикция.*

В каждой правовой системе существуют правила, регулирующие юрисдикцию ее судов при разрешении гражданских, уголовных и даже международных споров. Согласно судебной практике, при столкновении с административными актами, субъективные права снижаются до уровня законных интересов и должны быть защищены перед административным судьей, это происходит в тех случаях, когда акты являются нелегитимными, поскольку представляют собой результат злоупотребления властью. Однако если административный акт издан «в отсутствие полномочий», он не способен ущемлять право на законный интерес, поэтому при

сохранении субъективной правовой ситуации судебная защита предоставляется обычным судьей.

Эта общая система разделения юрисдикций противопоставляется другому критерию, не предусмотренному в качестве общего, но все чаще используемому в современном законодательстве, а именно разделению юрисдикций на так называемые «блоки дел». То есть, по закону все дела передаются на рассмотрение обычному судье или административному судье, независимо от характера рассматриваемой ситуации. В отношении блоков дел, переданных административному судье, мы говорим об «исключительной юрисдикции».

Разделение юрисдикции между обычными судьями и другими судьями, в частности, административными судьями, касается внешних границ юрисдикции обычного судьи. Конституция Российской Федерации (Далее – Конституция) подтверждает бинарную систему законных интересов и субъективных прав, устанавливая административного судью в качестве естественного судьи законных интересов, а обычного судью – в качестве естественного судьи субъективных прав [1].

По мнению В.В. Бородина и Т.Г. Фурмана, внесудебное урегулирование административных споров – это структурированная процедура, которая состоит из взаимосвязанных этапов, а именно:

1) принятие дела арбитром-посредником (медиатором) к производству;

2) подготовка к переговорам;

3) переговоры;

4) заключение соглашения о результатах процедуры;

5) исполнение определения суда по итогам урегулирования административного спора во внесудебном порядке [2, с. 87].

Исключительная юрисдикция административного судьи, также подтверждается тем, что последний обладает юрисдикцией и в отношении субъективных прав. Данная юрисдикция является ограниченной конкретным кругом вопросов, которые должны быть прямо указаны законодателем.

Таким, административный судья обладает «общей юрисдикцией законности» в отношении авторитетных административных положений, нарушающих законные интересы; и обладает специальной «исключительной юрисдикцией», которая распространяется на субъективные права в конкретных вопросах, указанных в обычном праве.

Конституция передает в ведение обычного права определение судьи, обладающего полномочиями аннулировать акты государственной власти в случаях и с последствиями, предусмотренными самим законом. Кроме того конституционная база показывает, что в тех случаях, когда администрация совершает частноправовые действия (например, заключает договор) или просто материальные поступки (например, дорожно-транспортное происшествие), это не является осуществлением публичной функции, и, следовательно, государственная администрация находится на одном уровне с другими субъектами правовой системы и несет ответственность перед обычными судами (за неисполнение обязательств и за правонарушения, не связанные с договором).

В.Е. Бондаренко считает, что в тех случаях, когда администрация осуществляет властные меры, представляющие собой исполнение государственных функций, действующая правовая система определяет судью, обладающего юрисдикцией, на основе четырех критериев, в основе которых лежат:

1) тип причиненного вреда субъективной ситуации; это основано на дихотомии субъективных прав и законных интересов: за первые отвечает судья общей юрисдикции, за вторые – судья административного суда.

2) предмет спора; данный критерий относит предмет спора к компетенции обычного судьи или административного судьи независимо от типа рассматриваемой ситуации.

3) тип пострадавшей субъективной ситуации; критерий, основанный на этом, является исторически самым старым и до сих пор остается общим и остаточным среди других.

4) материя; исторически критерий возник для того, чтобы избежать неопределенностей, которые в некоторых случаях порождает общий критерий, и до сих пор остается не универсальным критерием [3, с.51].

Конституция в большей степени использует критерий «предмета спора» для определения исключительной юрисдикции административного судьи, но менее ясно, легитимизирует ли Конституция также исключительную юрисдикцию рядового судьи. Согласно первоначальной реконструкции, нет никаких конституционных препятствий для того, чтобы законодатель передал обычному судье целую сферу юрисдикции, в которой государственная администрация действует как государственный орган и в которой существуют как ситуации субъективных прав, так и законных интересов. В иной интерпретации, Конституция подразумевает, что обычный судья является судьей только субъективных прав, в то время как административный судья является естественным судьей законных интересов; следовательно, законодатель не может предусмотреть случаи исключительной юрисдикции судьи.

Так, охраняя возможность «полной юрисдикции» правительства над государственным управлением, включая право аннулировать административные акты, это касалось бы внутренних ограничений, т.е. полномочий, которые правительство может осуществлять над государственным управлением в пределах своей юрисдикции, без ущерба для соблюдения внешних ограничений и, следовательно, невозможности наделить правительство исключительной юрисдикцией, распространяющейся на знание законных интересов.

И.А. Гроник утверждает, что даже споры, касающиеся субъективных прав, отнесенных к административной юрисдикции, должны оставаться исключительно в компетенции профессиональных судей, поскольку, в свете параметров, установленных Конституционным судом, они все же предполагают осуществление власти. Субъективные права, о которых идет речь, в силу своей специфической природы и очевидной связи с общественными интересами, не могут быть переданы в арбитраж. Те же самые причины, которые оправдывают передачу таких споров в исключительную административную юрисдикцию, должны, соответственно, подразумевать и их исключение из арбитража [4, с.1116].

С аналогичной точки зрения можно также утверждать, что, подобно тому как законные интересы считаются «недоступными» из-за их связи с общественными интересами, субъективные права, подпадающие под исключительную административную юрисдикцию, также следует считать недоступными, учитывая их необходимую связь с осуществлением государственной власти. И нельзя не отметить то, что допущение возможности обращения к арбитражу споров, касающихся прав, которые, как утверждается, были нарушены положением о концессии, не только приведет к сохранению различия между правами и интересами.

Более того, О.В. Журкина и Е.И. Максименко считают, что сам законодательный выбор передачи знаний по определенным спорам, касающимся субъективных прав, в исключительную юрисдикцию отвечает цели концентрации юрисдикционной защиты в руках одного судьи, предотвращая любое возможное вмешательство других органов, принимающих решения, будь то обычный судья или арбитр, поскольку закон, устанавливающий особую юрисдикцию, «является положением публичного порядка, выходящим за рамки доступности в правовых вопросах, приписываемых сторонам» [5, с. 141].

Напротив, подчеркивается, что нет достаточных оснований для исключения законных интересов из сферы арбитража, отличающих их от субъективных прав, в том числе на основе резкой критики традиционного аргумента относительно предполагаемой недоступности правовых позиций, связанных с законными интересами. Как только будет признана возможность арбитража для споров, подлежащих административной юрисдикции, ограничение, основанное на характере используемой правовой позиции, станет бессмысленным; вместо этого должны применяться общие правила, определяющие пределы допустимости споров.

Оба тезиса подчеркивают, что законные интересы и субъективные права на практике очень часто неразличимы, особенно в случаях, касающихся исключительной юрисдикции. На практике, помимо сомнений в конкретной квалификации правовой позиции, заявленной

апеллянтом, часто встречаются случаи, когда субъективные права и законные интересы действуют одновременно. Поэтому предложенный критерий различения, даже несмотря на вышеупомянутые возражения, может оказаться сложным в применении. Таким образом, проблематичным может быть предположение, что действия, направленные на принудительное исполнение административного решения, установившего нарушение законных интересов, являются правомерными.

Однако, на ключевые вопросы: «В чём заключается предмет спора?», «Это субъективное право на принудительное исполнение или законный интерес, установленный на предварительном слушании?», А.Н. Новиков и Д.Н. Слабкая утверждают, что, в любом случае, арбитр никогда не сможет осуществлять замещающие полномочия, типичные для исполнения решений, которые находятся в юрисдикции судов по существу дела, но этот аргумент касался бы пределов полномочий арбитра по принятию решений, не затрагивая при этом сферу действия арбитража на предварительных слушаниях [6, с. 52]. По-видимому, невозможно утверждать, что существует абсолютное ограничение на допустимость споров, подпадающих под сферу административной юрисдикции, распространяющейся на рассмотрение существа дела в арбитражном порядке. Следовательно, в подобной ситуации следует признать возможность обращения к арбитражу, даже если очевидна связь с лежащей в основе правовой позицией законного интереса.

Итак, некоторое несовершенство правового регулирования общественных отношений в Российском государстве, не вполне удовлетворительное состояние противодействия коррупции, недостаточно высокий уровень правового сознания граждан и другие негативные факторы являются плодотворной основой для возникновения конфликтов различной правовой природы, и судебная система иногда не вполне готова к надлежащему, результативному и своевременному реагированию на многочисленные обращения за защитой нарушенных прав, свобод и интересов. К сожалению, принятие многочисленных мер по оптимизации судопроизводства – сокращение срока рассмотрения дела и основных процессуальных сроков, введение упрощенных процедур – не достигло своей цели в полной мере. Именно поэтому осознание важности распространения альтернативных судопроизводству способов разрешения правовых споров, в частности административно-правовых, открывает новые перспективы совершенствования механизмов правового государства в Российской Федерации, а их разнообразие является показателем зрелости правовой системы страны и готовности государства к сотрудничеству, обусловливает рост уровня правовой культуры граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 06.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Бородин В.В. Новые законодательные акценты в процедуре медиации и юридические принципы альтернативного урегулирования споров / В.В. Бородин, Т.Г. Фурман // Социология и право. – 2021. – №4 (54). – С. 85–91. DOI 10.35854/2219-6242-2021-4-85-91. EDN WYBPEF

3. Бондаренко В.Е. Инициирующая роль суда в формировании организационных условий к урегулированию спора в альтернативной процедуре / В.Е. Бондаренко // Правовая культура. – 2023. – №4 (55). – С. 50–53. EDN ZQOFLP

4. Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии / И.А. Гроник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, №4. – С. 1113–1124. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124. EDN OYIRCY

5. Журкина О.В. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая / О.В. Журкина, Е.И. Максименко // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, №6–1. – С. 138–143. DOI 10.34670/AR.2020.63.35.051. EDN ADOGDH

6. Новиков А.В. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации / А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – С. 48–54. DOI 10.34670/AR.2020.28.82.008. EDN WUHKKF

Меджидов Фарид Арастунович
магистрант
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: *в статье рассматривается комплекс организационно-правовых механизмов, направленных на обеспечение законности в сфере государственных закупок. Автор анализирует эволюцию нормативной базы, ключевые принципы и институты контроля, а также современные вызовы, связанные с цифровой трансформацией закупочной деятельности. Особое внимание уделяется соотношению и практическому применению базовых законов, регламентирующих данную сферу. На основе анализа выявлены системные проблемы правоприменения и предложены направления для совершенствования правового регулирования с целью повышения эффективности, прозрачности и добросовестной конкуренции при расходовании бюджетных средств.*

Ключевые слова: *государственные закупки, законность, правовое регулирование, Федеральный закон №44-ФЗ, Федеральный закон №223-ФЗ, цифровизация, контроль, прозрачность, эффективность бюджетных расходов.*

Обеспечение законности при осуществлении государственных закупок является краеугольным камнем эффективного и ответственного расходования бюджетных средств, а также важнейшим условием развития добросовестной конкуренции и противодействия коррупции. Организационно-правовые основы данной сферы в Российской Федерации представляют собой многоуровневую систему, построенную на базе конституционных принципов, кодифицированного законодательства и подзаконных нормативных актов.

Центральными элементами этой системы являются два федеральных закона: Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ №44) и Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – ФЗ №223). Их дуализм определяет основное разграничение: ФЗ №44 регулирует закупки всех государственных и муниципальных заказчиков, устанавливая жесткие, императивные процедуры, направленные на максимальную прозрачность и унификацию. ФЗ №223 применяется к закупкам госкорпораций, компаний с государственным участием, субъектов естественных монополий и иных организаций, указанных в законе, предоставляя им большую свободу в формировании собственной закупочной политики при соблюдении общих принципов, что, как отмечает О.В. Синчурин, создает риски злоупотреблений и требует повышенного внимания со стороны контролирующих органов [1].

Обеспечение законности реализуется через комплекс организационных механизмов, закрепленных в ФЗ №44. К ним относятся следующие.

1. Принципы контрактной системы: открытость, прозрачность, обеспечение конкуренции, профессионализм заказчика, стимулирование инноваций, ответственность за результативность.

2. Единая информационная система (ЕИС): Все этапы закупки, от планирования до исполнения контракта, подлежат обязательному размещению в ЕИС, что обеспечивает публичный контроль.

3. Регламентированные процедуры: электронные аукционы, конкурсы, запросы котировок и предложений. Их строгая цифровая фиксация минимизирует субъективное вмешательство.

4. Контрольные и надзорные органы: Федеральное казначейство (осуществляет кассовое сопровождение), Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) (контролирует соблюдение процедур и рассматривает жалобы), Счетная палата и органы государственного (муниципального) финансового контроля.

5. Ответственность должностных лиц: административная, уголовная, гражданско-правовая.

Современным трендом, кардинально меняющим организационные основы, является цифровизация. Как отмечают А.Н. Вакуленко и О.С. Белокрылова, цифровизация трансформирует не только инструменты, но и саму философию управления закупками, смещая фокус с формального соблюдения процедур на достижение реальной эффективности и аналитику данных. Внедрение электронных площадок, единого реестра контрактов, механизма электронных подписей и протоколов (электронный акт) значительно повышает прозрачность и снижает операционные издержки. Однако, как справедливо указывает А.В. Волков, цифровизация порождает и новые правовые проблемы: вопросы юридической значимости цифровых действий, кибербезопасности, защиты данных, а также цифрового неравенства среди потенциальных поставщиков [2]. Кроме того, автоматизация процессов требует адекватной цифровой компетентности сотрудников заказчиков.

Несмотря на развитую нормативную базу, в практике обеспечения законности сохраняются системные проблемы. Среди них: формальный подход к описанию объектов закупки (технические задания «под конкретного поставщика»), использование неконкурентных способов определения поставщика (закупка у единственного поставщика) не по прямому назначению, низкое качество планирования, приводящее к многочисленным изменениям в контрактах, а также сложность привлечения к ответственности недобросовестных участников. Кроме того, наличие двух параллельных систем регулирования (ФЗ №44 и ФЗ №223) создает сложности для участников рынка и требует от них различной компетенции.

Таким образом, организационно-правовые основы обеспечения законности в сфере госзакупок в России представляют собой динамично развивающуюся систему, основанную на детальном законодательном регулировании и институтах контроля. Цифровая трансформация выступает ключевым фактором, усиливающим прозрачность и эффективность этой системы. Однако для полноценной реализации принципа законности необходимы дальнейшие шаги по гармонизации законодательства, развитию превентивного контроля на основе big data, повышению профессионального уровня заказчиков и формированию культуры добросовестности среди всех участников закупочной деятельности. Только комплексный подход, сочетающий жесткие правовые рамки, современные технологии и кадровый потенциал, позволит обеспечить подлинную законность и оптимальное использование государственных ресурсов.

Список литературы

1. Синчурин О.В. Некоторые проблемы правового регулирования сферы закупок товаров, услуг и работ для обеспечения государственных и муниципальных нужд / О.В. Синчурин // Закон и право. – 2019.

2. Вакуленко А.Н. Цифровизация управления публичными закупками / А.Н. Вакуленко, О.С. Белокрылова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. EDN EWZKNK

3. Волков А.В. Проблема правового регулирования государственных и муниципальных закупок в условиях цифровизации / А.В. Волков // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, №3 (72).

4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

5. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ.

Московченко Виолетта Антоновна
студентка
Овдиенко Артем Александрович
студент
Научный руководитель
Петров Игорь Валентинович
д-р экон. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЧИН НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию правовой природы определения причин недействительности договора купли-продажи. Отмечается, что институт недействительности сделок формирует фундаментальную основу гражданского оборота, а участники рынка сталкиваются с рисками признания соглашений недействительными. Судебная статистика фиксирует устойчивый рост количества споров. Квалификация оснований недействительности напрямую влияет на правовые последствия для сторон, а применение реституции зависит от точного установления причин нарушения закона. Результаты исследования помогут судьям и правоприменителям точнее квалифицировать пороки сделок, а выявленные закономерности способствуют устранению ошибок при оценке доказательств. Сделан вывод о необходимости дальнейшей дифференциации оснований ничтожности и оспоримости.*

Ключевые слова: *договор купли-продажи, недействительность сделок, ничтожность, оспоримость, Гражданский кодекс, судебная практика, пороки волеизъявления, реституция, защита прав потребителей, правовая природа.*

Введение.

Институт недействительности сделок составляет фундаментальную основу гражданского оборота, договор купли-продажи представляет наиболее массовый вид обязательств. Участники рынка сталкиваются с рисками признания соглашений не имеющими юридической силы, судебная статистика фиксирует устойчивый рост количества споров.

Квалификация оснований недействительности напрямую влияет на правовые последствия для сторон, применение реституции зависит от точного установления причин нарушения закона. Существующие нормы Гражданского кодекса требуют дальнейшего доктринального осмысления, практика применения законодательства выявляет проблемы единообразия в решениях судов.

Целью исследования выступает комплексный анализ правовой природы определения причин недействительности договора купли-продажи, в том числе определение ключевых проблем в данном правовом поле.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в систематизации подходов судебной практики 2025 года к квалификации пороков волеизъявления в договорах купли-продажи. В работе установлено, что потребительская защита по Закону №2300–1 и оспоримость по ст. 179 ГК РФ образуют конкурирующие механизмы, применение которых судами остаётся непоследовательным; предложен критерий их разграничения по субъектному составу.

Материалы и методы. В работе использован формально-юридический метод при анализе статей 166–181 ГК РФ и сравнительно-правовой – при сопоставлении позиций Верховного Суда и судов общей юрисдикции по спорам 2023–2025 годов. Были использованы

сравнительно-правовой анализ, логико-правовая интерпретация и описательный метод для анализа судебной практики.

Результаты. Анализ показал, что статьи 166–181 ГК РФ образуют замкнутую систему, однако её практическое применение выявляет несколько устойчивых противоречий. Закон разделяет недействительные сделки на два вида: оспоримые и ничтожные. В связи с этим у них разные правила признания недействительными и разные последствия.

Оспоримые сделки становятся недействительными только по решению суда. Для этого заинтересованное лицо должно доказать, что при заключении сделки были серьёзные нарушения – например, его обманули, заставили под угрозой или применили насилие.

Ничтожные сделки – это совсем другое. Они изначально недействительны, с самого момента их совершения. Судебное решение здесь не обязательно. Так происходит, когда сделка грубо нарушает закон – например, не соблюдена обязательная форма или не проведена государственная регистрация.

К категории оспоримых относятся сделки, признаваемые недействительными исключительно в силу судебного решения при условии доказывания заинтересованной стороной наличия специфических пороков волеизъявления или субъектного состава, к числу которых законодатель относит нарушения требований закона, не затрагивающие публичные интересы (пункт 1 статьи 168), совершение сделки под влиянием существенного заблуждения (статья 178), обмана, насилия, угрозы или стечения тяжёлых обстоятельств (статья 179), а также действия гражданина, не способного в момент совершения понимать значение своих действий или руководить ими (статья 177), и сделки, совершённые без необходимого согласия третьего лица или органа, когда закон не устанавливает их ничтожность (статья 173.1).

Особое место в системе оспоримых оснований занимает статья 170, регулирующая мнимые и притворные сделки, которые при определённых условиях могут оспариваться заинтересованными лицами, хотя доктринально они чаще квалифицируются как ничтожные в силу изначального несоответствия действительной воле сторон.

Ничтожные сделки, напротив, характеризуются абсолютной недействительностью с момента их совершения независимо от судебного признания, что обусловлено грубым нарушением императивных норм, посягающих на основы правопорядка, публичные интересы или права охраняемых законом субъектов.

К этой группе ничтожных сделок относятся:

− сделки, которые нарушают закон и при этом затрагивают публичные интересы или права третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ);

− сделки, заключённые с целью, которая явно противоречит основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ);

− классические мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ).

Также законодатель признаёт ничтожными:

− сделки, совершённые гражданами, признанными недееспособными из-за психического расстройства (п. 1 ст. 171 ГК РФ);

− сделки, совершённые детьми до 14 лет (малолетними) – п. 1 ст. 172 ГК РФ.

Это сделано для защиты самых уязвимых участников гражданского оборота. Кроме того, ничтожными считаются сделки в следующих случаях:

− несоблюдение обязательной нотариальной формы, если закон прямо указывает, что это влечёт ничтожность (п. 3 ст. 163 ГК РФ);

− совершение сделки без необходимого согласия (например, органа опеки, собрания участников и т. д.), если закон устанавливает, что такое нарушение делает сделку ничтожной (п. 1 ст. 173.1 ГК РФ);

− распоряжение имуществом с нарушением установленных законом запретов или ограничений (п. 1 ст. 174.1 ГК РФ).

Подобная иерархическая структура норм позволяет обеспечить баланс между стабильностью гражданского оборота и необходимостью защиты нарушенных прав, создавая методологическую основу для единообразного применения законодательства в судебной практике.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что признание недействительными условий договоров, нарушающих императивные нормы законодательства о защите прав потребителей, осуществляется судами на основании пункта 2 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так, в решении Сосновского районного суда Челябинской области по делу №2–2312/2025 пункт договора подряда, ограничивающий размер неустойки десятью процентами, был признан ничтожным как ущемляющий права потребителя по сравнению с установленными законом гарантиями, поскольку законодатель исходит из приоритета специальных норм Закона «О защите прав потребителей» над диспозитивными условиями гражданско-правовых соглашений, что в полной мере применимо и к договорам купли-продажи с участием граждан-потребителей.

Вторым существенным направлением судебной практики выступает квалификация сделок, заключённых под влиянием обмана или в результате неправомерных действий третьих лиц с использованием средств дистанционной идентификации, что нашло отражение в решении Индустриального районного суда города Барнаула по делу №2–502/2025.

Кредитный договор, оформленный посредством мобильного приложения при наличии вредоносного программного обеспечения на устройстве потребителя, был признан незаключённым вследствие отсутствия подлинного волеизъявления стороны, причём данная правовая позиция имеет непосредственное значение для договоров купли-продажи, совершаемых в электронной форме, поскольку банки и иные профессиональные участники оборота обязаны предпринимать повышенные меры предосторожности при дистанционном оформлении обязательств, обеспечивая достоверность идентификации волеизъявления контрагента.

Третьим аспектом правоприменительной деятельности является оценка сделкоспособности граждан в момент совершения юридически значимых действий, что иллюстрируется решением Железнодорожного районного суда города Воронежа по делу №2–727/2025, где суд, опираясь на выводы посмертной судебно-психиатрической экспертизы, отказал в признании завещания недействительным по основанию статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации, установив, что наличие хронического заболевания и приём обезболивающих препаратов сами по себе не свидетельствуют о неспособности гражданина понимать значение своих действий, причём данный подход экстраполируется на договоры купли-продажи, поскольку бремя доказывания психического состояния, исключающего осознанное волеизъявление, возлагается на лицо, оспаривающее сделку, а наличие нотариального удостоверения или соблюдение письменной формы создаёт презумпцию дееспособности и осознанности действий участника гражданского оборота.

В судебной практике по делам об оспаривании договоров купли-продажи системно проявляется проблема недостаточного выяснения юридически значимых обстоятельств, в частности игнорирование фактического состояния сторон в момент заключения сделки.

Так, в определении Верховного Суда РФ №55-КГ21–4-К8 от 27.07.2021 по делу наследника Юрия Порываева было отменено взыскание денежных средств, поскольку нижестоящие суды не учли данные психиатрической экспертизы, подтверждающей неспособность продавца осознавать значение своих действий при отчуждении имущества, что в соответствии со ст. 177 ГК РФ влечёт недействительность всех связанных с договором волеизъявлений, включая подтверждение оплаты.

Ошибки в оценке доказательств и неправильное применение материальных норм права также ведут к нарушению принципов правовой определённости, что наглядно демонстрирует практика рассмотрения дела №49-КГ18–60 (Определение ВС РФ от 15.01.2019 по иску Дмитриевой Т.В.), где апелляционная инстанция признала сделку недействительной вследствие заблуждения.

Однако Верховный Суд указал на отсутствие мотивированной оценки расписки, акта приёма-передачи и заключения эксперта, подтверждающих реальность передачи денежных средств и понимание продавцом характера сделки, а также на недопустимость игнорирования ранее вынесенных судебных актов при установлении факта оплаты.

Неправильное применение норм о неравноценном встречном предоставлении и о последствиях действий по доверенности создаёт лишние риски для стабильности гражданского оборота. Арбитражный суд Московского округа в делах № А40–26824/2017 и № А40–161486/2017 признал, что отклонение цены от рыночной на 24,5% и более уже считается существенным при оспаривании сделок по ст. 61.2 Закона о банкротстве. В то же время, когда оспариваются сделки, совершённые по доверенности, суды часто применяют принцип эстоппель (запрет на противоречивое поведение). Если человек своим дальнейшим поведением фактически подтвердил сделку, потом он уже не может успешно её оспорить. Этот подход хорошо прослеживается в обзорах судебной практики по статьям 174 и 185–189 ГК РФ.

Практическая значимость. Результаты исследования помогут судьям и юристам правильно определять пороки воли (когда человек подписал договор не по своей настоящей воле) при спорах о признании договоров купли-продажи недействительными. Выявленные закономерности судебной практики позволяют меньше ошибаться при оценке доказательств и находить справедливый баланс: с одной стороны, сохранять стабильность гражданского оборота, а с другой – надёжно защищать права уязвимых людей.

Перспективы. Совершенствование законодательства требует дальнейшей дифференциации оснований ничтожности и оспоримости с учётом специфики электронных сделок. Судебная система нуждается в унификации подходов к оценке психического состояния сторон и применению норм о защите прав потребителей в рамках договорных обязательств. Перспективным направлением станет разработка чётких критериев существенности отклонения цены и последствий действий представителей для минимизации правовых рисков.

Выводы. Правильное определение пороков воли (когда человек не понимал, что делает, или был обманут) и нарушений формы договора – это важная гарантия правовой стабильности. Благодаря этому действующие договоры не расторгают без серьёзных оснований. Эффективность всего института недействительности сделок в итоге зависит от двух вещей: насколько точно суд устанавливает реальные обстоятельства дела и насколько единообразно все толкуют обязательные нормы закона.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон №51-ФЗ от 30.11.1994 (статьи 166–181, глава 9). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.06.2026).

2. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по доверенности и недействительности сделки. – URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-2a8e7fee-2bbc-542d-95e6–86be833730d2/ (дата обращения: 13.03.2026).

3. Определение Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–161486/2017. – URL: https://exiora.ru/publication/neekvivalentnye-sdelki-kak-sudy-opredelyayut-neravnotsennost-vstrechnogo-ispolneniya/ (дата обращения: 13.03.2026).

4. Определение Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–26824/2017. – URL: https://exiora.ru/publication/neekvivalentnye-sdelki-kak-sudy-opredelyayut-neravnotsennost-vstrechnogo-ispolneniya/ (дата обращения: 13.03.2026).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2021 г. №55-КГ21–4-К8. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/esli-prodavets-ne-ponimal-svoikh-deystviy-pri-podpisanii-dkp-to-net-dokazatelstv-chto-on-poluchil-oplatu/ (дата обращения: 13.03.2026).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2019 г. №49-КГ18–60. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15012019-n-49-kg18–60/ (дата обращения: 13.03.2026).

7. Решение Железнодорожного районного суда г. Воронежа Воронежской области от 28 августа 2025 года по делу №2–727/2025 по иску ФИО1 к ФИО4 о признании завещания недействительным. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 14.03.2026).

8. Решение Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 11 сентября 2025 года по делу №2–502/2025 по иску ФИО1 к публичному акционерному обществу «Банк ВТБ» о признании сделки недействительной, возложении обязанности и компенсации морального вреда. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 14.03.2026).

9. Решение Сосновского районного суда Челябинской области от 11 сентября 2025 года по делу №2–2312/2025 по иску ФИО1 к индивидуальному предпринимателю ФИО2 о признании договора подряда в части недействительным, взыскании неустойки и штрафа. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 14.03.2026).

Нещеретов Роман Васильевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются составляющие принципа гласности в гражданском судопроизводстве РФ. Проведен анализ правовых основ открытости судебного разбирательства. Выявлены проблемы правоприменения, препятствующие реализации принципа гласности. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в действующие законодательство для обеспечения действий принципа гласности.*

Ключевые слова: *принцип гласности, открытость судебного разбирательства, правовое просвещение.*

В соответствии со ст. 123 Конституции Российской Федерации, разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом. Это положение более детально раскрывается в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ), который помимо того, что закрепляет открытость судебного заседания, также устанавливает, в каких случаях судебное заседание может быть закрытым. Однако открытость судебного заседания является лишь одной из составляющих принципа гласности. Сущность гласности заключается в обеспечении возможности любому совершеннолетнему дееспособному лицу присутствовать в открытом судебном заседании, что, несомненно, в свою очередь, обеспечивает в целом прозрачность осуществления правосудия [1].Она подразумевает, что присутствовать во время проведения судебного заседания может любое лицо, в том числе не наделенное никаким процессуальным статусом. То есть, если законом не установлено, что судебное заседание должно быть закрытым, и о проведении закрытого судебного заседания не вынесено судом определения, то формально любое лицо, желающее посетить судебное заседание, может это сделать. Однако в действительности попасть на судебное заседание не так просто, в связи с чем большая часть заседаний проходят при пустом зале [2]. Возникает ситуация, при которой лица, желающие посетить судебное заседание, не могут это сделать, в частности из-за неосведомленности о времени и месте рассмотрения и разрешения конкретного дела, а также из-за низкого уровня правовой культуры граждан. Данный перечень причин не является исчерпывающим, существуют и другие объективные препятствия для посещения судебного заседания. Так, например, нередко возникают ситуации, когда судебные приставы, обеспечивающие порядок непосредственно в здании суда, могут не пустить гражданина посетить судебное заседание. Это может быть связано как с необходимостью обеспечить безопасности, так и с нежеланием осуществлять действия по проверке документов лица.

Для разрешения данной ситуации необходимо осуществлять правовое просвещение граждан: посредством образовательных программ, цифрового информирования освещать возможность участия в судебном заседании, а также пошаговую реализацию указанного права –

ознакомиться с местом и временем судебных заседаний на сайте суда, на входе в здание суда предъявить паспорт, пройти в зал судебного заседания и занять место для публики. Кроме того, требуется обеспечить реальную доступность информации о дате, времени и месте рассмотрения и разрешения дел, а также ввести дисциплинарную ответственность для лиц, которые препятствуют свободному посещению гражданами судебных заседаний.

Существенно ограничивает право лиц на посещение судебного заседания то, что залы судебных заседания малы, что физически не позволяет разместиться желающим. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 №35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» было установлено, что проводить судебные заседания в помещениях, исключающих возможность присутствия в них лиц, не являющихся участниками процесса, представителей редакций средств массовой информации (журналистов), не допускается.

В настоящее время обязать проводить судебные заседания только в помещениях, вмещающих желающих присутствовать, представителей средств массовой информации, невозможно, введение данной обязанности потребует большого количества затрат. Для разрешения данной проблемы необходимо организовать проведение видеотрансляции на сайте суда. Так, лицо, желающее посетить судебное заседание, сможет это сделать. Таким образом, будет и гарантирована гласность судебного разбирательства, и это не приведет к неудобствам при рассмотрении и разрешении дела. Примером весьма успешной видеотрансляции является транслирование разбирательства в Верховном Суде Российской Федерации по делу Ларисы Долиной. Его могли посмотреть все желающие, что в дальнейшем оказало серьезное влияние на уровень правовой культуры граждан. Можно отметить, что такой подход позволил не только обеспечить реализацию принципа гласности, но и в действительно оказал существенное влияние на понимание некоторых правовых процессов гражданами.

Следующей важной составляющей принципа гласности является то, что закрытое судебное заседание проводится только в случаях, установленных федеральным законом. Так, ГПК РФ устанавливает, что разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина.

Возникает неясность, что включает в себя понятие «тайна». С одной стороны, ГПК РФ достаточно четко ограничивает, какие именно сведения являются «тайной» для проведения закрытого судебного заседания, с другой – исходя из текста ст. 10 ГПК РФ, можно сделать вывод, что лицо может заявить ходатайство о проведении закрытого судебного заседания вне указанных причин, что создает почву для злоупотребления лицом своим правом, несмотря на то, что во всех цивилистических видах судопроизводства в процессуальных кодексах закреплено правило о необходимости добросовестного использования сторонами предоставленных им процессуальных прав [3].

При принятии решения о проведении закрытого судебного заседания суды должны учитывать содержание информации о личной жизни лица, а также возможные последствия ее раскрытия [4], далеко не все сведения, связанные с личной жизнью, должны быть основанием для проведения закрытого судебного заседания.

Для разрешения указанной проблемы необходимо исчерпывающе установить, при наличии каких именно причин судебное заседание может быть закрытым, что исключит произвольное толкование термина «тайна», а также повысит уровень доверия граждан к правосудию. Данная практика существует в зарубежном законодательстве, где устанавливается

исчерпывающий перечень оснований для проведения закрытого судебного заседания. В том случае, если судья не допускает публику до рассмотрения и разрешения дела по иным причинам, не перечисленным в законе, это является основанием для отмены судебного решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип гласности является важной составляющей гражданского судопроизводства. Однако, несмотря на существующее правовое закрепление, существуют некоторые проблемы правоприменения. Для их нивелирования необходимо внести соответствующие из изменения в ГПК РФ с целью гарантии принципа гласности.

Список литературы

1. Зеленская Л.А. Использование информационных технологий в судопроизводстве в целях обеспечения реализации принципа гласности / Л.А. Зеленская // Точки научного роста: на старте десятилетия науки и технологии: материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2022 г. (Краснодар, 12 мая 2023 года). – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – С. 895–897. – EDN MQMPZA.

2. Коропец Н.В. Открытость правосудия – эволюция принципа гласности судебного разбирательства / Н.В. Коропец // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – №9 (13). – С. 150–153. EDN VVNHKH

3. Зеленская Л.А. Некоторые аспекты злоупотребления процессуальными правами участниками судопроизводства / Л.А. Зеленская // Сборник статей по материалам ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2024 год: сборник трудов конференции (Краснодар, 5 февраля 2025 года). – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2025. – С. 871–872. – EDN XCNAJT.

4. Буинова И.Е. Закрытое судебное заседание в гражданском процессе / И.Е. Буинова, Э.Х. Губайдуллина // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков. сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 80–85. DOI 10.34755/IROK.2022.12.75.031. EDN VIYSEA

Паевская Светлана Леонидовна
старший преподаватель
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики»
г. Санкт-Петербург

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В РФ: ТРУДНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ

Аннотация: *в статье рассматривается историческая эволюция института защиты здоровья в России от обычного права до современной системы. Проанализированы современные вызовы: неравенство доступа, кадровый дефицит, низкое финансирование, опасные рекомендации медицинских блогеров. Предложены меры: реестр блогеров, маркировка контента, блокировка опасной информации. Обоснована необходимость кодификации медицинского законодательства.*

Ключевые слова: *правая система, источник права, медицинская деятельность, доступ к медицинскому обслуживанию, цифровые технологии, системная кодификация.*

История зарождения и становления института защиты здоровья человека – это длительный и многовековой процесс, который неразрывно связан с развитием и формированием российской государственности и правовой системы. Каждому периоду присущи свои уникальные черты и особенный подход к пониманию и определению субъектного состава медицинской деятельности, объёму прав пациентов и законодательному закреплению.

Первыми источниками медицинского права являются обычаи славянских племён, которые впоследствии превратились в обычное право [5]. В Древнерусском государстве медицина развивалась по нескольким направлениям: *народная, монастырская, светская*. В Киевской

Руси во времена язычества и веры в природное могущество главными способами лечения являлись *заговоры и заклинания*.

К концу X в. монастырское врачевание и массовое крещение Руси вытеснили язычество, поэтому православие, заимствованное из Византии, привнесло в Древнюю Русь установившуюся там связь церквей с лечением. Вскоре стали появляться первые больницы при монастырях. Самые ранние упоминания о правовом регулировании врачевания находят своё отражение в *«Русской Правде»* и в *«Церковном Уставе»* 996 года Владимира Святославича [1].

Вплоть до конца XV века медицинская деятельность осуществлялась преимущественно монастырскими врачами. Переломным моментом стало развитие и укрепление Московского государства, которое поспособствовало возникновению и зарождению государственной медицины. По инициативе Ивана IV Грозного в 1520 году была учреждена Аптекарская палата, которая спустя некоторое время была преобразована Борисом Годуновым в Аптекарский приказ, деятельность которого регулировала организацию медицинского обеспечения [8]. В 1653 году при Стрелецком приказе была открыта школа костоправов, а в 1654 году при Аптекарском приказе – первая школа русских лекарей. Пётр I издал серию указов, которые улучшали санитарное состояние города и систематизировали деятельность медицинских учреждений (Воинский устав 1716 года и Морской устав 1720 года) [6]. В 1768 году впервые по инициативе Екатерины II было проведено прививание оспы. В эпоху правления Александра I произошла реорганизация органов управления здравоохранением: на смену Медицинской коллегии пришёл Медицинский департамент, включённый в структуру Министерства внутренних дел. Правовое регулирование медицинской деятельности в период с 1857 года по октябрь 1917 года обеспечивалось Единым Врачебным Уставом, закреплявшим нормы медицинского права. Параллельно развивалась земская медицина, основанная на участковом принципе обслуживания сельского населения. В 1917 году медицина в России представля собой децентрализованную и разрозненную систему, которая включала в себя *земскую, фабричную, городскую и ведомственную медицину* без какого-либо единого центра управления и руководящего органа. Период после Октябрьской революции знаменуется реформированием и существенным изменением вышеназванной медицинской системы и формированием уникальной и новой государственной модели здравоохранения.

В условиях Великой Отечественной войны деятельность системы здравоохранения была сконцентрирована на четырёх основных направлениях: *лечение раненых, предупреждение и пресечение эпидемий, защита здоровья детей и медицинское обеспечение тыла*. Значимым итогом этого периода стало формирование комплекса инновационных подходов к лечению.

Вывести медицинскую науку на уровень самостоятельной отрасли права и задать отдельное направление государственного управления позволила организация Академии медицинских наук СССР в 1944 году. Период начала 1990-х годов негативно повлиял на систему здравоохранения. Но, несмотря на значительные трудности и кризис, система здравоохранения не утратила своей функциональности. После распада Советского Союза в 1991 году наступил новый, современный этап нормативного правового регулирования медицинской деятельности. Система здравоохранения приобрела многоуровневую структуру: *государственная, муниципальная и частная*, а законодательное регулирование – сочетать в себе *международный, федеральный и региональный уровни*, а также подзаконные акты. Таким образом, история становления института оказания медицинской помощи и защиты здоровья человека в России позволяет выделить три качественно разных этапа институциональной эволюции: *дореволюционный, советский и постсоветский*. Каждый исторический этап сформировал действующие до сих пор правовые механизмы, например территориальный подход к организации медицинской помощи и разделение компетенций между федеральным и региональным уровнями. Обеспечение здоровья граждан в России исторически основывалось на главенствующей роли государства в предоставлении медицинских услуг.

Обращение к историко-правовому материалу позволяет утверждать, что в иных отраслях права внедрение аналогичных унифицированных и кодифицированных конструкций

объективно повышало эффективность правовой защиты всех категорий участников соответствующих правоотношений. Следовательно, легитимация медицинского права посредством разработки специального кодифицированного акта является закономерным и обоснованным этапом развития отечественной правовой системы. Рассматривая такое явление, как человеческая жизнь, появляется понимание, что важным аспектом выступает не только само существование индивида, но также качество жизни и полноценность реализации возможностей человека в процессе жизнедеятельности.

За последние несколько десятилетий право на медицинскую помощь и заботу о здоровье стало одним из важнейших в праве. Особенно отчётливо это становится заметно на фоне глобализации, войн, изменения климата, миграции и растущего неравенства – как социального, так и экономического. Пандемии, распространение хронических болезней, войны и демографическое старение – всё это делает соблюдение правовых стандартов в здравоохранении всё более актуальным.

Современная система здравоохранения РФ представляет собой интегрированную структуру, объединяющую *государственный, муниципальный и частный секторы*. Её функционирование обеспечивается совокупностью органов власти, реализующих управленческие полномочия посредством специальных механизмов. Данные механизмы позволяют осуществлять регулирование отрасли – в том числе через инструменты долгосрочного и оперативного планирования, – а также проводить контроль на базе действующего нормативно-правового регулирования. При этом здоровье населения выступает ключевым фактором благосостояния нации: оно обусловливает качество жизни граждан, их трудоспособность, возможности для создания семьи и вклад в социально-экономическое развитие государства.

Одним из острых вызовов, стоящих перед российским здравоохранением, выступает неравенство доступа к медицинскому обслуживанию. Самый низкий уровень удовлетворённости медицинским обслуживанием отмечен в Пермском крае (40,4%) и Херсонской области (42,2%) по состоянию на май 2026 года [9]. Более позитивные оценки качества получаемых услуг фиксируются в мегаполисах, где запускаются масштабные программы по обновлению инфраструктуры и привлекаются высококвалифицированные специалисты. В Москве и Санкт-Петербурге уровень удовлетворённости в 1,5 раза превышает общероссийский показатель. Также актуальным вопросом для здравоохранения является привлечение кадров. Согласно данным исследования ВЦИОМ, значительная часть респондентов фиксирует ключевые проблемы системы здравоохранения: 83% указывают на дефицит кадров и недостаток компетенций у медицинских работников (в том числе на нехватку врачей и их высокую загруженность), а 70% – на низкую доступность медицинских услуг, обусловленную территориальной удалённостью учреждений и недостаточным количеством больниц [4].

Активное внедрение цифровых технологий и растущий интерес к дистанционному медицинскому консультированию приводят к тому, что многие пользователи получают информацию о здоровье через онлайн-ресурсы. Но при этом значительная доля так называемых «медицинских блогеров» даёт опасные рекомендации, опираясь не на доказательную базу, а на личный опыт или сомнительные интернет-источники [3]. Проблему их распространения можно решить введением принципа «разрешено просвещать, но запрещено лечить без диплома», подкреплённого проверкой достоверности информации, жёсткой маркировкой контента и быстрой блокировкой откровенно опасных материалов, а также внесением поправок в Федеральный закон №323-ФЗ и Кодекс об административных правонарушениях, прямо определив, что публичное распространение персонифицированных рекомендаций диагностического или лечебного характера лицом, не имеющим медицинского образования и не состоящим в реестре, является незаконным занятием медицинской деятельностью и влечёт административный штраф. Параллельно с запретами нужно вводить в школах и поликлиниках памятки и короткие курсы для пациентов, особенно пожилых, о том, как отличить настоящего врача от мошенника в интернете. В Государственной Думе обсуждается возможность создания реестра медицинских блогеров и введения обязательной маркировки их контента [2]. Добровольно-обязательная верификация через портал Госуслуг позволит

определять, есть ли у человека действующая медицинская аккредитация, которая будет подтверждаться отметкой «Врач» на основных цифровых платформах. Также необходим инструмент быстрого реагирования. В случае выявления в контенте призывов к отказу от лечения заболеваний, опасных для окружающих, либо пропаганды методов терапии, отнесённых к запрещённым (в том числе научно не обоснованных), целесообразно наделить Росздравнадзор полномочием направлять требование о блокировке информации непосредственно в Роскомнадзор, минуя длительные судебные процедуры.

Право на медицинскую помощь ничего не стоит, если оно не подкреплено реальной возможностью получить лекарство здесь и сейчас, особенно когда речь идёт о жизненно важных препаратах. Низкий норматив финансирования программ лекарственного обеспечения ограничивает возможности поддержки всех нуждающихся. В 2025 году расходы на здравоохранение составили 3,5% от валового внутреннего продукта Российской Федерации, что ниже показателей предыдущих лет [7].

Фрагментарность и противоречивость действующего правового регулирования, размытость понятий и отсутствие эффективных механизмов баланса между бесплатной и платной медициной свидетельствуют о необходимости переход к качественно иному этапу – системной кодификации. Разработка и принятие Медицинского кодекса как единого, внутренне согласованного акта прямого действия назрела в полной мере. Такой акт создаст единый, внутренне непротиворечивый свод правил с чёткой иерархией, где будут собраны все основные принципы и нормы в одном документе, что резко упростит правоприменение.

Таким образом, институт оказания медицинской помощи прошёл сложный путь от первобытного врачевания, заговоров и земских форм организации до централизованной государственной модели советского периода и последующего перехода к современной многоуровневой структуре. Каждый исторический этап закладывал фундаментальные принципы, итогом чего стало конституционное признание права на здоровье в качестве неотъемлемого социального блага. Система законодательства в области медицины в Российской Федерации подошла к этапу, требующему глубокой структурной модернизации. Перспективы совершенствования правоприменительной практики напрямую связаны с необходимостью кодификации медицинского законодательства и устранения коллизий между техническими регламентами, клиническими рекомендациями и нормами права. Решение описанных проблем требует не точечных поправок, а принятия согласованной концепции развития медицинского права, основанной на балансе публичных интересов государства и частных прав пациента.

Список литературы

1. Баранкова Г.С. Изборник Святослава 1073 / Г.С. Баранкова // Большая российская энциклопедия. – Т. 10. – 2016. – URL: https://old.bigenc.ru/ (дата обращения: 03.06.2026).

2. В Госдуме предложили создать открытый реестр врачей-блогеров на портале госуслуг // Российская газета. – 2025. – URL: https://rg.ru/2025/ (дата обращения: 03.06.2026).

3. В Сеть с лицензией: блогеров в сфере медицины и финансов обяжут получать профобразование // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2025/ (дата обращения: 03.06.2026).

4. Здравоохранение в России: мониторинг // ВЦИОМ: официальный сайт. – URL: https://wciom.ru/ (дата обращения: 03.06.2026).

5. Назарова И.В. Из истории становления и развития медицинского права в Российской Федерации / И.В. Назарова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – №3(23).

6. Пашков К.А. Семашко – первый нарком здравоохранения: монография … доктора медицинских наук / К.А. Пашков. – М.: Полиграф Вектор, 2024. – С. 86. EDN BDJDLT

7. Попов С.И. Лекарственное обеспечение граждан РФ за счет средств федерального бюджета: особенности и проблемы / С.И. Попов, С.С. Самсонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2024. – Т. 11. №2. – С. 216. DOI 10.22363/2312-8313-2024-11-2-212-220. EDN KTUZLY

8. Самищенко С.С. Судебная медицина / С.С. Самищенко. – М.: Юрайт, 2026. – С. 105.

9. Удовлетворенность населения медицинской помощью по результатам оценки общественного мнения // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): официальный сайт. – URL: https://fedstat.ru/indicator/ (дата обращения: 03.06.2026).

Панасюк Анна Николаевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

НЕДОПУСТИМОСТЬ ПРОИЗВОЛЬНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ КРТ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

Аннотация: *в статье исследуется проблема произвольного определения границ территорий комплексного развития (далее – КРТ) в Российской Федерации. Анализируется коллизия норм статьи 30 Градостроительного кодекса РФ, допускающая принятие решений о КРТ в отношении территорий, не отражённых в правилах землепользования и застройки. Исследуется региональная практика установления минимальной площади КРТ, а также анализируется фактическая площадь заключаемых договоров, демонстрирующая высокий разброс значений. На основе анализа делается вывод, что отсутствие чётких критериев формирования границ КРТ создаёт риски злоупотребления правом со стороны публичных органов при включении привлекательных земельных участков без объективной необходимости обновления, что нарушает права правообладателей. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства.*

Ключевые слова: *комплексное развитие территорий, границы территории КРТ, злоупотребление правом, права правообладателей, правила землепользования и застройки.*

Институт комплексного развития территорий, закреплённый главой 10 Градостроительного кодекса РФ [2], является в настоящее время ключевым правовым механизмом пространственного преобразования городских территорий. Принятие Федерального закона №494-ФЗ [7] ознаменовало переход к системному подходу в обновлении застроенных и освоении незастроенных территорий. Однако практика применения КРТ выявила ряд системных проблем, одной из наиболее острых из которых является вопрос об определении границ территории, в отношении которой принимается решение о комплексном развитии.

Правовая определённость границ КРТ имеет фундаментальное значение для всех участников градостроительных отношений. Для правообладателей земельных участков и объектов недвижимости попадание в границы КРТ влечёт существенные правовые последствия: начиная от ограничения возможности изменения вида разрешённого использования и получения разрешения на строительство и заканчивая риском принудительного изъятия имущества для публичных нужд [8]. Вместе с тем анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о наличии серьёзных проблем в данной сфере, порождающих правовую неопределённость и риски злоупотреблений со стороны органов публичной власти.

Система правового регулирования установления границ территорий КРТ содержит внутренние противоречия, основанные на коллизии частей 5.1 и 5.2 статьи 30 ГрК РФ. Часть 5.1 указанной статьи устанавливает, что на карте градостроительного зонирования в обязательном порядке определяются территории, в границах которых планируется осуществление деятельности по комплексному развитию. Данное требование создаёт предпосылку для формализации границ КРТ ещё до принятия соответствующего решения и заключения договора.

Однако уже в следующей части той же статьи законодатель вводит существенное исключение. Часть 5.2 статьи 30 ГрК РФ предусматривает, что если иное не установлено нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, решение о КРТ может быть принято в отношении территории, которая в соответствии с правилами землепользования и застройки (далее – ПЗЗ) на дату принятия решения не отнесена к территориям КРТ, либо в отношении территории, границы которой не совпадают с границами, указанными в ПЗЗ для таких территорий [14].

На практике это означает, что в большинстве регионов, где такой запрет не установлен, решение о КРТ может быть принято в отношении территории, которая отсутствует на карте градостроительного зонирования как территория, предназначенная для комплексного развития. При этом изменения в ПЗЗ вносятся уже после принятия решения о КРТ, в упрощённом порядке, с возможностью одновременной подготовки документации по планировке территории [8].

С 1 марта 2025 года редакция части 5.1 статьи 30 ГрК РФ изменилась: границы территорий КРТ могут не совпадать с границами территориальных зон и отображаться на отдельной карте, являющейся приложением к карте градостроительного зонирования. Данное изменение, формально направленное на упрощение процедуры, фактически расширило дискреционные полномочия органов публичной власти при определении границ территорий, подлежащих комплексному развитию.

Факт попадания земельного участка в границы КРТ, отражённые в ПЗЗ, сам по себе не создаёт для правообладателей формальных ограничений и не является основанием для изъятия имущества. Соответствующие последствия наступают только со дня принятия решения о КРТ или заключения договора о КРТ [8]. Однако на практике, как отмечается в юридической литературе, правообладатели уже не могут получить градостроительный план земельного участка и осуществлять застройку участка без применения механизма КРТ [8].

Кроме того, Верховный Суд РФ в 2023 году сформулировал позицию, согласно которой закрепление в ПЗЗ территории КРТ исключает предоставление находящихся в публичной собственности участков в границах такой территории для целей, не связанных с КРТ [8]. Тем самым правообладатели земельных участков, даже при отсутствии принятого решения о КРТ, оказываются в ситуации правовой неопределённости и не могут реализовать свои права по использованию принадлежащих им объектов недвижимости.

При этом «спящие» зоны КРТ в ПЗЗ могут существовать неопределённо долго – законом срок действия таких зон не установлен [8]. Это создаёт условия для злоупотреблений: публичные органы могут включать привлекательные земельные участки в границы КРТ без объективной необходимости обновления территории, блокируя тем самым возможность их самостоятельного освоения правообладателями.

Дополнительным фактором, способствующим произвольному формированию границ КРТ, является требование об осуществлении КРТ жилой застройки, нежилой застройки и незастроенной территории в границах одного или нескольких элементов планировочной структуры, их частей (пункт 1 статьи 65 ГрК РФ). При этом для КРТ по инициативе правообладателей такое требование не установлено.

Часть 3 статьи 65 ГрК РФ позволяет включать в границы территории КРТ жилой застройки любые объекты, расположенные в границах элемента планировочной структуры. Это порождает правовую неопределённость, поскольку субъекты РФ наделены практически неограниченными полномочиями по включению земельных участков в границы КРТ. Формальные критерии или порядок на федеральном уровне отсутствуют, что оставляет широкий простор для усмотрения органов публичной власти.

Осознание проблемы произвольного формирования границ КРТ привело к региональным инициативам по установлению минимальной площади территории, подлежащей комплексному развитию. Наиболее показательным примером является Красноярск, где в октябре 2025 года были приняты изменения в правила землепользования и застройки, устанавливающие минимальную площадь новой территории КРТ в 5 гектаров [9]. Инициатива касается договоров КРТ, заключаемых по инициативе правообладателей [9].

Как пояснили разработчики, такой размер позволяет разместить не только комплексное благоустройство и жильё, но и отдельно стоящий объект социальной инфраструктуры (например, детский сад на 190 мест) [9]. Поправки разрабатывались совместно с прокуратурой города, которая подчеркнула, что органы власти остаются активными участниками градостроительной политики, контролируя социальную наполняемость договоров КРТ [9].

Решение принято в интересах жителей и не останавливает работу в строительной отрасли, а направлено на формирование микрорайонов, а не отдельных жилых комплексов [9].

Аналогичные подходы обсуждаются и в других регионах. В Московской области уточнён минимальный размер земельного участка для определённых видов КРТ, который составляет 3 гектара, с возможностью уменьшения только в документации по планировке территории [1].

Необходимость введения минимальной площади КРТ обусловлена накопленным опытом и запросами граждан: часто возникали случаи, когда при создании нового жилого комплекса застройщик не обращал внимания на социальную потребность и обязательную инфраструктуру для комфорта жителей [9]. Установление минимальной площади направлено на обеспечение комплексного подхода к развитию территорий.

Анализ статистических данных о площади территорий, в отношении которых заключены договоры КРТ, свидетельствует о значительном разбросе значений и наличии большого количества договоров, площадь по которым существенно ниже региональных минимальных порогов. Это подтверждает тезис о произвольном формировании границ КРТ и рисках злоупотребления правом.

В Пермском крае заключено 43 договора КРТ в отношении более 770 гектаров земли, что даёт среднюю площадь около 18 гектаров на один договор [10]. Однако, как следует из приведённых данных, среди них присутствуют договоры на значительно меньшие площади: по реновации территории экстрим-парка – 3,88 гектара, по застройке земли «Пермь-Сити» – 2,56 гектара, по освоению земель в Лысьве – 1,3 гектара [10]. Указанные площади существенно ниже предлагаемого красноярского порога в 5 гектаров и не обеспечивают возможность размещения отдельно стоящих объектов социальной инфраструктуры.

В научной литературе также отмечается, что известны примеры, где площадь территории КРТ составляет и 0,43 гектара, и 77 гектаров [11]. Столь значительный разброс значений при отсутствии чётких критериев формирования границ КРТ свидетельствует об отсутствии единых подходов и создаёт риски произвольного определения границ.

Установление минимальной площади территории КРТ в региональном законодательстве является проявлением принципа добросовестности в градостроительной деятельности. Статья 2 ГрК РФ закрепляет в качестве одного из основных принципов обеспечение комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории [6].

Произвольное формирование границ КРТ, в том числе включение в такие границы небольших по площади, но привлекательных для застройки земельных участков без объективной необходимости обновления территории, может рассматриваться как злоупотребление правом. Включение в границы КРТ территории площадью 0,43 гектара, на которой не может быть размещена необходимая социальная инфраструктура, не соответствует целям КРТ, определённым пунктом 34 статьи 1 ГрК РФ: создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования. Если публичный орган включает в границы КРТ небольшой привлекательный земельный участок (например, площадью 0,5 гектара), не обременённый аварийным или ветхим жильём, под видом «комплексного развития» для передачи его застройщику, это может квалифицироваться как недобросовестное поведение, направленное на обход конкурсных процедур или занижение выкупной цены земельного участка.

Судебная практика признаёт, что генеральный план определяет планы развития территории в целом и не направлен на фиксацию существующего положения; градостроительное и земельное законодательство не предусматривает безусловного сохранения правового режима существующего землепользования для земельных участков, вид разрешённого использования которых не соответствует градостроительному регламенту [13]. Однако данная позиция не отменяет обязанности органов публичной власти действовать добросовестно и не допускать злоупотреблений при формировании границ КРТ.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Действующее законодательство о КРТ содержит внутренние противоречия в части установления границ территорий КРТ, обусловленные прежде всего коллизией между частью 5.1 статьи 30 ГрК РФ и частью 5.2 статьи 30 ГрК РФ. Данная коллизия создаёт правовую неопределённость и порождает риски злоупотреблений со стороны публичных органов при установлении границ КРТ.

Отсутствие детализированных критериев включения земельных участков в границы КРТ, вкупе с требованием об осуществлении КРТ в границах элемента планировочной структуры, создаёт риск произвольного и немотивированного распространения правового режима КРТ на земельные участки, не отвечающие установленным законом критериям.

Анализ региональной практики свидетельствует о необходимости установления на федеральном уровне минимальной площади территории КРТ, обеспечивающей возможность комплексного благоустройства и размещения отдельно стоящих объектов социальной инфраструктуры. Опыт Красноярска (5 гектаров) и Московской области (3 гектара) может быть использован при разработке федеральных требований.

Установление границ территории КРТ влечёт существенные правовые ограничения для правообладателей, включая запрет на изменение вида разрешённого использования, невозможность получения разрешения на строительство в отсутствие документации по планировке территории, а также риск принудительного изъятия имущества. Отсутствие временных ограничений на период между установлением границ КРТ в ПЗЗ и принятием решения о КРТ создаёт неопределённость и нарушает права правообладателей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 05.10.2022) // Российская газета от 15.12.1993, №237 // СПС «Консультант Плюс».

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. от 01.05.2026) // СПС «Консультант Плюс».

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» от 30.12.2020 №494-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс».

4. Кирсанов А.Р. Комплексное развитие территорий: итоги, проблемы, перспективы / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – №8. – С. 45–56.

5. Проблемы реализации КРТ. – URL: https://legalinsight.ru/articles/problemy-realizaczii-krt/ (дата обращения: 22.05.2026).

6. В Красноярске утвердили минимальный размер новых КРТ. – URL: https://gnkk.ru/news/minimalnyy-razmer-ploshhadki-dlya-krt-u/ (дата обращения: 22.05.2026).

7. Девелоперов «заКРТило». – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8162059 (дата обращения: 22.05.2026).

8. Верховный Суд подтвердил право властей изменять зонирование земель вопреки интересам собственника. – URL: https://cadastre.ru/news/1334 (дата обращения: 22.05.2026).

9. Об утверждении Правил согласования включения в границы территории, подлежащей комплексному развитию по инициативе правообладателей земельных участков для размещения объектов коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур: постановление Правительства РФ от 19.08.2020 №1260 (ред. от 14.04.2021) // СПС «Консультант Плюс».

Перовский Александр Владимирович
студент
Научный руководитель
Осин Алексей Константинович
канд. пед. наук, профессор
Российская академия естественных наук (РАЕН), доцент

Шуйский филиал
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
г. Шуя, Ивановская область

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье отмечается, что интеграция информационных технологий в различные сферы профессиональной деятельности, включая делопроизводство, порождает необходимость в формировании соответствующего законодательного регулирования. Предметом настоящего исследования является анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей применение информационных технологий в делопроизводстве, с целью выявления как уже урегулированных аспектов, так и существующих пробелов. Результаты анализа свидетельствуют о частичном законодательном охвате вопросов, связанных с использованием информационных технологий в делопроизводстве, при наличии нерешенных проблем.*

Ключевые слова: *цифровизация документооборота и управленческих процессов, применение электронных систем, автоматизация делопроизводственных операций, ИТ-решения, внедрение информационных систем, сфера управления документами.*

Стремительное увеличение информационных потоков, потенциал для повышения операционной эффективности путем автоматизации стандартных процедур, а также динамичное развитие информационных технологий стали катализаторами их имплементации в сферу делопроизводства. Данная тенденция закономерно привела к возникновению необходимости в нормативно-правовом обеспечении. Исследование действующего законодательства призвано установить его текущий уровень развития и определить области, в которых уже осуществляется регулирование применения информационных технологий.

Анализ законодательного регулирования применения информационных технологий в делопроизводстве был предметом рассмотрения в ряде научных публикаций. Так, в работе В. В. Корчагина, С. Ю. Кобзистого, Н. А. Андреевой и др. «Нормативно-правовая база применения систем электронного документооборота» (2014 г.) были идентифицированы ключевые нормативные акты, регламентирующие данную сферу на момент публикации. Впоследствии, в 2016 году, С. Ф. Мазур и Д. Д. Дементьев в статье «Отдельные вопросы совершенствования правового регулирования электронного документооборота» провели анализ требований к электронному документообороту и выявили существующие коллизии в законодательстве. В 2024 году К. Волинец в статье «Нормативно-правовое регулирование электронного документооборота» также представил обзор и анализ основных нормативно-правовых документов. Таким образом, проведенные исследования демонстрируют систематический анализ отдельных нормативно-правовых актов и выявление проблемных зон в законодательстве, касающемся использования информационных технологий в делопроизводстве.

В данной статье мы ставим перед собой в качестве основной цели раскрытие законодательной основы использования информационных технологий, выявив ключевые регулируемые вопросы. Для этого мы предпримем следующие шаги: 1) исследуем цели, задачи и

стратегические направления государственной политики в сфере информационных технологий; 2) сопоставим эти политические векторы с нормативно-правовыми актами, чтобы понять, какие аспекты ИТ подпадают под законодательное регулирование.

Основу государственной политики в сфере информационных технологий составляют три основополагающих документа: Стратегия развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 годы и до 2025 года(утвержденная распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 года №2036-р); Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы (утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года №203) и Государственная программа «Информационное общество» (утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №313). Они задают рамки для применения ИТ в различных областях, определяя общие принципы, цели и задачи, и формируют целостный подход государства к развитию этой сферы.

Анализ соответствующих документов позволяет выделить основные векторы государственной политики в области информационных технологий, имеющие прямое отношение к делопроизводству. Направления этих векторов следующие.

1. Гарантирование информационной безопасности: это первостепенная задача, решение которой предполагает ужесточение законодательных требований и отраслевых стандартов, а также совершенствование правового регулирования безопасной обработки данных. Важность безопасности подчеркивается при работе с конфиденциальной информацией, включая персональные данные, коммерческую и государственную тайну.

2. Расширение применения ИТ в деятельности государственных органов: ключевыми задачами являются создание надежной и безопасной системы взаимодействия между гражданами, организациями и властью, а также увеличение доли электронных государственных и муниципальных услуг.

3. Улучшение качества и результативности предоставления государственных услуг.

4. Стимулирование развития и внедрения электронного документооборота в организациях.

5. Обеспечение доступности традиционных форм получения услуг для населения.

Суть выделенных положений заключается в их воздействии на сферу делопроизводства, что, в свою очередь, определяет, как именно будут использоваться информационные технологии в этой области. Важно отметить, что эти же вопросы уже рассматриваются и регулируются в рамках отдельных нормативно-правовых актов, которые фокусируются на более специфических отраслях.

Закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (от 27.07.2006) является основополагающим документом, регулирующим все аспекты обращения с информацией, включая ее поиск, передачу, создание и распространение, а также применение информационных технологий и обеспечение безопасности данных. Он вводит четкие определения для таких понятий, как электронный документ и информационная система, которые активно применяются в делопроизводстве. Важнейшей частью закона являются статьи 11 и 11.1, которые легализуют электронный документооборот. Они гласят, что электронные сообщения, заверенные электронной подписью, имеют ту же юридическую силу, что и бумажные документы. Более того, закон обязывает государственные органы предоставлять и принимать информацию в электронном виде, если этого пожелают граждане или организации. Также закон устанавливает правила работы с государственными и муниципальными информационными системами. Таким образом, данный закон не только определяет терминологию в сфере информации, но и активно способствует развитию электронного документооборота, упрощает взаимодействие граждан с государственными учреждениями и регламентирует деятельность органов власти в области информационных технологий.

В соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006, обработка персональных данных – это комплекс действий, включающий сбор,

систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление и уничтожение персональных данных. Эти правила обязательны для исполнения органами власти, местного самоуправления, а также всеми юридическими и физическими лицами, работающими с личной информацией, как с применением технических средств, так и без них. Закон также устанавливает стандарты безопасности для защиты персональных данных. Главным приоритетом данного закона является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе обработки его персональных данных, включая гарантию их конфиденциальности и безопасности [2].

Закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 устанавливает правовую основу для использования электронных подписей в сфере гражданско-правовых сделок и при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Он подчеркивает, что документ не может быть признан недействительным лишь по причине его подписания электронной подписью. Важно, что электронные документы, заверенные электронной подписью, имеют ту же юридическую силу, что и их бумажные аналоги с личной подписью, при этом бумажные документы продолжают использоваться наряду с электронными [3]. Таким образом, данный закон охватывает как аспекты применения электронных подписей, так и вопросы электронного документооборота в целом.

Следующим значимым документом, регулирующим сферу информационных технологий, является Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота» №754 от 22.09.2009, устанавливающее Положение о системе межведомственного электронного документооборота. Этот акт определяет порядок электронного взаимодействия исключительно между федеральными и региональными органами государственной власти, а также организациями, выполняющими задачи Правительства РФ. Документ детализирует функции информационных систем в рамках электронного документооборота, такие как: отслеживание хода рассмотрения электронных сообщений участниками, передача докладов Президенту и Правительству РФ в электронной форме, а также обмен другими документами между участниками. Основные принципы, на которых базируется межведомственный электронный документооборот, включают минимизацию затрат и обеспечение конфиденциальности информации [4].

Согласно Постановлению Правительства РФ «Об утверждении Правил обмена документами в электрон-ном виде при организации информационного взаимодействия» №1264 от 24.07.2021, федеральные, региональные и муниципальные органы власти, а также государственные и муниципальные учреждения обязаны осуществлять информационное взаимодействие путем электронного обмена документами. Установленный порядок предусматривает использование системы межведомственного электронного документооборота для этих целей.

Федеральное законодательство служит основой для разработки нормативных актов в субъектах Российской Федерации. В качестве примера можно привести закон Ивановской области «Об информатизации в Ивановской области» от 14.12.2006 №59-РЗ, который был принят в соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ. Этот региональный закон определяет стратегические направления развития информатизации в Ивановской области, которые имеют прямое отношение к сфере делопроизводства. Среди этих направлений: создание и развитие региональных государственных информационных систем, обеспечение эффективного использования информационных технологий государственными органами для предоставления услуг, а также формирование и развитие элементов «электронного правительства» Ивановской области. Закон направлен на обеспечение прозрачности информации о деятельности органов власти для населения и организаций, налаживание информационного обмена между различными уровнями власти и обеспечение возможности получения государственных и муниципальных услуг в электронном формате. В частности, закон определяет порядок

использования государственных информационных систем, дает определение «электронному правительству» и его инфраструктуре, а также регулирует доступ к электронным государственным и муниципальным услугам с использованием электронной подписи [6].

Ивановская область также внедрила нормативную базу для электронного документооборота. Важным шагом стало Постановление Правительства №206 от 20.06.2011, которое установило Положение о межведомственной системе электронного документооборота государственных органов региона и определило ее основополагающие принципы. Дополнительно, Указ губернатора №230 от 17.07.2014 определил список официальных документов, которые могут передаваться между ведомствами в электронном формате или в виде электронных копий. Таким образом, региональное законодательство в сфере информационных технологий гармонизировано с федеральным, затрагивая аналогичные вопросы.

Регулирование вопросов, обозначенных в Стратегиях и Государственной программе, осуществляется посредством федеральных законов, Постановления Правительства и нормативно-правовых актов Ивановской области. Современное законодательство в области информационных технологий для делопроизводства акцентирует внимание на таких аспектах, как информационная безопасность, внедрение ИТ в государственные структуры, оптимизация предоставления услуг, переход к электронному документообороту и сохранение альтернативных способов получения услуг.

Несмотря на наличие правовой базы, существуют проблемы, связанные с недостаточной детализацией норм и отсутствием единого подхода к реализации требований законодательства на практике. Например, вопросы обработки персональных данных требуют дополнительного урегулирования.

Для дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования необходимы:

1) разработка единых стандартов и рекомендаций по применению информационных технологий в делопроизводстве;

2) повышение уровня квалификации сотрудников, отвечающих за ведение электронного документооборота;

3) совершенствование системы контроля и мониторинга соблюдения нормативных актов.

Существующие правовые нормы, затрагивающие данную проблематику, в основном ориентированы на государственные и муниципальные органы власти и учреждения, игнорируя при этом сферу делопроизводства с использованием ИТ в негосударственных организациях. Таким образом, анализ текущего состояния нормативно-правового регулирования показывает необходимость дальнейшей работы по совершенствованию правовых механизмов, обеспечивающих эффективное использование информационных технологий в делопроизводстве.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. – 2006. – №165.

2. Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 2006. – №4131.

3. Федеральный закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011.

4. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота» №754 от 22.09.2009 (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. – 2009. – №183.

5. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия» №1264 от 24.07.2021 (ред. от 25.02.2025). – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.05.2025).

6. Закон Ивановской области «Об информатизации в Ивановской области» №59-РЗ от 14.12.2006 (ред. от 14.11.2023) // Известия Ивановской области. – 2007. – №9.

Попазов Николай Васильевич
канд. социол. наук, магистрант
Северо-Западный филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-168194

ГАРАНТИЙНЫЙ СРОК В ДОГОВОРЕ ПОДРЯДА: ПРЕСЕКАТЕЛЬНЫЙ, ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ИЛИ СРОК СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА? ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ИСЧИСЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется правовая природа гарантийного срока в договоре подряда, остающаяся одной из наиболее дискуссионных проблем при обсуждении вопросов ответственности подрядчика за качество результата работ. Автор сопоставляет различные концепции, согласно которым гарантийный срок рассматривается как пресекательный срок, как претензионный срок либо как срок существования обеспечительного обязательства. Методологическую основу составляет анализ норм статей 720, 722, 724, 754–756 Гражданского кодекса Российской Федерации в их системной связи, а также обобщение арбитражной практики, включая дела № А56–90192/2024 и № А32–49864/2022 и позиции высших судебных инстанций. По результатам исследования обосновывается вывод о том, что гарантийный срок не является пресекательным сроком в строгом смысле и должен квалифицироваться как сложный материально-правовой период существования гарантийного обязательства, связанный с моментом обнаружения недостатков и распределением бремени доказывания между заказчиком и подрядчиком.*

Ключевые слова: *договор подряда, гарантийный срок, качество работ, скрытые недостатки, приемка результата работ, ответственность подрядчика, пресекательный срок, претензионный срок, бремя доказывания, судебная практика.*

Гарантийный срок в договоре подряда представляет собой один из наиболее спорных элементов конструкции ответственности подрядчика за качество результата работ. Несмотря на наличие прямого нормативного регулирования в статьях 721–724, 754–756 ГК РФ, в судебной практике по-прежнему отсутствует полное единообразие в вопросах правовой природы гарантийного срока, момента начала его течения, соотношения с правилами о приемке результата работ и предельными сроками обнаружения недостатков [2–4].

Проблема осложняется тем, что гарантийный срок в подряде находится на стыке нескольких правовых режимов. С одной стороны, он выражает обязанность подрядчика обеспечить соответствие результата условиям договора в течение определенного периода; с другой стороны, он служит процессуально и материально значимым ориентиром для предъявления требований заказчика, связанных с недостатками результата работ. Именно поэтому в доктрине и практике возникает вопрос: является ли гарантийный срок разновидностью пресекательного срока, сроком существования обеспечительного обязательства подрядчика, либо лишь специальным периодом обнаружения дефектов и реализации охранительных притязаний [2; 4; 5].

Представленные тезисы справедливо акцентируют внимание на трех взаимосвязанных проблемах: во-первых, на неопределенности правовой природы гарантийного срока; во-вторых, на трудностях определения момента начала его течения; в-третьих, на конкуренции между правилами о явных недостатках при приемке и гарантийным режимом скрытых дефектов. Эти вопросы имеют не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку именно от их разрешения зависят пределы ответственности подрядчика, распределение бремени доказывания и возможность взыскания расходов на устранение дефектов.

Нормативная основа гарантийного срока в договоре подряда.

Общее правило закреплено в пункте 1 статьи 722 ГК РФ: если законом, иным правовым актом, договором подряда или обычаями делового оборота предусмотрен гарантийный срок, результат работы должен в течение всего этого срока соответствовать условиям договора о качестве. Тем самым законодатель связывает гарантийный срок не просто с возможностью предъявления претензии, а с продолжением обязанности подрядчика обеспечить надлежащее качество результата работ в течение установленного периода [2].

Статья 724 ГК РФ закрепляет, что заказчик вправе предъявить требования, связанные с недостатками результата работы, обнаруженными в течение гарантийного срока. Для строительного подряда эта конструкция усиливается специальными нормами статьи 755 ГК РФ, согласно которым подрядчик гарантирует достижение объектом строительства показателей, предусмотренных технической документацией, и возможность его эксплуатации в соответствии с договором на протяжении гарантийного срока [5].

Для строительного подряда важна и статья 756 ГК РФ, из которой в судебной практике выводится пятилетний предельный срок обнаружения недостатков, если речь идет о строительных работах. Арбитражный суд Краснодарского края со ссылкой на постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2007 №12354/06 прямо указал, что предельный срок обнаружения дефектов по договорам строительного подряда составляет пять лет и не может быть уменьшен законом [5].

Из этих норм следует, что гарантийный срок нельзя сводить только к процессуальному сроку предъявления требований. Его юридическая функция шире: он определяет временной горизонт, в пределах которого качество результата предполагается обеспеченным подрядчиком, а обнаружение недостатков влечет специальный режим ответственности и перераспределения бремени доказывания [2; 5].

Правовая природа гарантийного срока.

Классический пресекательный срок прекращает само субъективное материальное право по истечении установленного периода. Применительно к гарантийному сроку такой подход выглядит чрезмерно жестким, поскольку нормы ГК РФ не формулируют прямого указания на прекращение права заказчика автоматически по истечении гарантийного периода, а лишь определяют пределы действия гарантии качества и специальные условия предъявления требований [2; 5].

Вместе с тем, практическое восприятие гарантийного срока нередко приближается именно к пресекательной модели. В деле № А56–90192/2024 арбитражный суд подробно исходил из договорного условия, по которому гарантийный срок исчислялся с даты подписания акта сдачи-приемки, и оценивал, были ли недостатки выявлены именно в пределах этого срока; обнаружение дефектов в течение гарантийного периода послужило достаточным основанием для взыскания расходов на их устранение. Такой подход показывает, что истечение гарантийного срока имеет существенное материально-правовое значение и фактически ограничивает стандартную возможность опоры на презумпцию ответственности подрядчика [4].

Однако полное отождествление гарантийного срока с пресекательным сроком методологически неверно. Во-первых, в строительном подряде действует специальная статья 756 ГК РФ о предельном сроке обнаружения недостатков, что свидетельствует о разграничении собственно гарантийного срока и общего внешнего предела выявления дефектов. Во-вторых, судебная практика знает подход, согласно которому истечение установленного сторонами гарантийного срока само по себе не всегда исключает возможность предъявления требований о недостатках строительных работ, если действует специальный предельный срок, предусмотренный законом [5; 6].

Более точной представляется квалификация гарантийного срока как срока существования особого обеспечительного состояния обязательства подрядчика по качеству результата работ. В течение этого периода действует усиленный стандарт ответственности подрядчика, включающий презумпцию его вины за выявленные дефекты и обязанность доказать, что

недостатки возникли вследствие нормального износа, ненадлежащей эксплуатации или иных исключающих обстоятельств. Следовательно, гарантийный срок не прекращает абстрактно любое притязание заказчика, но завершает действие специального гарантийного режима [5].

Соотношение с правилами о приемке и явных недостатках.

Одной из наиболее сложных проблем является соотношение гарантийного срока с правилами статьи 720 ГК РФ о приемке результата работы. Пункт 3 статьи 720 ГК РФ предусматривает, что заказчик, принявший работу без проверки, лишается права ссылаться на недостатки, которые могли быть установлены при обычном способе ее приемки, то есть на явные недостатки [2].

Указанное правило нередко воспринимается судами как самостоятельный барьер для защиты заказчика. В Информационном письме Президиума ВАС РФ об обзоре практики разрешения споров по договору строительного подряда подчеркивалось, что подрядчик может ссылаться на то, что заказчик, подписав акт без надлежащей проверки, утратил право заявлять о явных недостатках. Следовательно, уже на этапе приемки формируется важнейшее разграничение между явными и скрытыми дефектами [3].

Именно здесь возникает обозначенная в тезисах конкуренция сроков. Короткий срок и сама логика приемки направлены на оперативное выявление и фиксацию явных недостатков, тогда как гарантийный срок обслуживает выявление недостатков скрытых, проявляющихся уже в процессе эксплуатации. Нормативная проблема состоит в том, что на практике стороны и суды не всегда четко отделяют одну категорию дефектов от другой, вследствие чего пропуск этапа фиксации явных недостатков ошибочно распространяется и на скрытые дефекты, проявившиеся позднее.

Судебная практика подтверждает необходимость такого разграничения. В публикации о позиции Верховного Суда РФ по определению от 05.02.2025 №303-ЭС24–16745 отмечено, что подрядчик обязан устранять скрытые дефекты, выявленные уже после подписания акта приемки, а бремя доказывания эксплуатационного характера выявленных проблем лежит на подрядчике. Эта позиция соответствует самой логике гарантийного обязательства: подписание акта приемки не нейтрализует гарантию в отношении тех недостатков, которые объективно не могли быть обнаружены при обычной приемке [1; 2].

Начало течения гарантийного срока.

Следующий дискуссионный вопрос касается момента начала течения гарантийного срока. На практике договоры часто определяют его как период, исчисляемый с даты подписания акта сдачи-приемки выполненных работ. Именно такой подход использован, например, в деле № А56–90192/2024, где по каждому из договоров суд исходил из даты подписания сторонами акта сдачи-приемки и путем календарного исчисления устанавливал конечную дату действия гарантии [4].

Такой способ удобен с точки зрения правовой определенности, однако не всегда учитывает специфику подрядных отношений. При поэтапной сдаче работ, при передаче сложного объекта в несколько стадий, а также в случаях, когда эксплуатация результата объективно начинается позднее подписания промежуточных или итоговых актов, формальная привязка только к акту приемки способна искажать экономический и юридический смысл гарантии.

Особенно остро эта проблема проявляется в строительном подряде, где отдельные элементы результата работ могут вводиться в эксплуатацию в разные периоды. Если исчислять гарантийный срок исключительно с даты подписания акта, то часть конструктивных элементов может фактически утратить значительную часть гарантийной защиты еще до начала полноценной эксплуатации объекта. Отсюда возникает потребность в более гибком подходе, учитывающем не только юридический акт приемки, но и реальный момент передачи результата для целевого использования [4].

При этом существующая практика тяготеет к договорному формализму: если стороны четко согласовали начало течения гарантийного срока с даты подписания акта, суды, как правило, придерживаются именно этого критерия. Поэтому в целях правовой определенности

при заключении договора подряда особое значение приобретает ясное согласование начального момента гарантии, в том числе отдельно по этапам, пусковым комплексам и скрытым работам [4].

Бремя доказывания и действие гарантийного режима.

Одно из ключевых практических последствий действия гарантийного срока состоит в перераспределении бремени доказывания. В пределах гарантийного срока суды обычно исходят из презумпции вины подрядчика в отношении обнаруженных недостатков, а подрядчик должен доказать, что дефекты возникли вследствие нормального износа, ненадлежащей эксплуатации, ошибок заказчика либо иных исключающих причин [1; 5].

В деле № А32–49864/2022 Арбитражный суд Краснодарского края прямо указал, что в пределах гарантийного срока действует презумпция вины подрядчика, но одновременно заказчик обязан доказать сам факт возникновения недостатка в результате работы подрядчика. По этой причине иск был отклонен: суд пришел к выводу, что представленных актов и замеров недостаточно для доказательства причинной связи между выявленными дефектами и ненадлежащим исполнением подрядчика, а материалы дела свидетельствовали о возможной ненормативной эксплуатации объекта [5].

Напротив, в деле № А56–90192/2024 наличие недостатков, обнаруженных в пределах гарантийного срока, подтвержденных документально и не устраненных подрядчиком, позволило суду взыскать с него расходы заказчика на устранение дефектов как убытки. Сопоставление этих дел показывает, что гарантийный срок не освобождает заказчика от доказывания самого факта дефекта и его относимости к результату работ, но существенно усиливает его процессуальную позицию в части опровержения вины подрядчиком [4].

Таким образом, гарантийный срок выступает не только временным, но и доказательственным механизмом. Он формирует особый режим ответственности, при котором охрана интересов заказчика усиливается, а подрядчик несет повышенное бремя оправдания выявленных недостатков [1; 5].

Судебная практика арбитражных судов и ее основные подходы.

Анализ арбитражной практики позволяет выделить несколько устойчивых подходов. Первый состоит в том, что договорное условие о гарантийном сроке подлежит буквальному применению, прежде всего в части его продолжительности и начального момента, если оно сформулировано определенно [4].

Второй подход заключается в признании презумпции ответственности подрядчика за дефекты, выявленные в пределах гарантийного срока. Этот тезис последовательно подтвержден как делом № А32–49864/2022, так и иными судебными актами, на которые в нем сослался суд [5].

Третий подход состоит в необходимости четкого разграничения недостатков, являющихся следствием ненадлежащего выполнения работ, и дефектов, вызванных ненормальной эксплуатацией объекта. В деле № А32–49864/2022 подрядчику удалось доказать, что колейность и повреждение оборудования с высокой вероятностью связаны с эксплуатацией объекта с превышением проектных нагрузок, а потому гарантийные требования были отклонены [5].

Четвертый подход связан с сохранением силы гарантийного режима в отношении скрытых недостатков после подписания акта приемки. Эта линия подтверждается как нормой пункта 3 статьи 720 ГК РФ, которая касается только явных недостатков, так и современной практикой Верховного Суда РФ по скрытым дефектам [1; 2].

Наконец, судебная практика показывает, что гарантийный срок следует рассматривать в системной связи со статьями 722, 724, 755 и 756 ГК РФ, а не изолированно. Только такой подход позволяет разграничить: 1) срок приемочного контроля по явным недостаткам; 2) собственно гарантийный срок; 3) предельный срок обнаружения недостатков в строительном подряде [2; 3; 5].

Теоретические и практические выводы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что гарантийный срок в договоре подряда не является пресекательным сроком в строгом смысле этого понятия. Его истечение прекращает не любое возможное притязание заказчика, а прежде всего действие специального гарантийного режима, в рамках которого подрядчик отвечает по усиленной модели и несет презумпцию вины за выявленные дефекты [5; 6].

В то же время гарантийный срок нельзя сводить и к чисто претензионному сроку. Он выражает продолжение обязанности подрядчика обеспечивать качество результата на протяжении определенного времени, то есть выступает сроком существования особого элемента обязательственной связи между сторонами. Именно поэтому более убедительной представляется его квалификация как срока существования гарантийного обязательства по качеству результата работ [2; 5].

Для правоприменения наибольшее значение имеют три положения. Во-первых, необходимо четко разграничивать явные и скрытые недостатки, не смешивая последствия приемки результата работ с действием гарантийных обязательств. Во-вторых, договор должен максимально ясно определять начальный момент течения гарантийного срока, особенно при поэтапной сдаче и сложной структуре объекта. В-третьих, в судебном споре заказчик должен доказать сам факт недостатка и его связь с результатом работ, тогда как подрядчик в пределах гарантийного срока обязан опровергнуть презумпцию своей ответственности, доказав эксплуатационный либо иной внешний характер дефекта [1–5].

С учетом выявленных проблем целесообразно дальнейшее развитие как законодательного, так и судебного разграничения сроков в подрядных обязательствах. Наиболее востребованным представляется нормативное и разъяснительное уточнение соотношения статьи 720 ГК РФ, гарантийного срока по статье 722 ГК РФ и предельного срока обнаружения недостатков в строительном подряде по статье 756 ГК РФ. Такое уточнение способствовало бы формированию более предсказуемой практики и более точному балансу интересов заказчика и подрядчика [2; 5].

Список литературы

1. Верховный Суд РФ подтвердил ответственность подрядчика за скрытые дефекты. – URL: https://ancb.ru/publication/read/18918 (дата обращения: 16.06.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон №14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410. – URL: https://gkrfkod.ru/statja-720/ (дата обращения: 16.06.2026).

3. Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда: информационное письмо Президиума ВАС РФ №51 от 24.01.2000 // Вестник ВАС РФ. – 2000. – №3. – URL: https://arbitr.ru/materials/3001?path=%2Farxiv%2Fvas_info_letter%2F (дата обращения: 16.06.2026).

4. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22 сентября 2025 г. по делу № А56–90192/2024. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/oq6CBHo0MNQv/ (дата обращения: 16.06.2026).

5. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 июня 2023 г. по делу № А32–49864/2022. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FGAkj3x80AWj/ (дата обращения: 16.06.2026).

6. Черепенин В. Судами рассмотрено два интересных дела по гарантийным срокам / В. Черепенин. – URL: https://ruconst.com/articles/22951/ (дата обращения: 16.06.2026).

Прохоров Дмитрий Владимирович
студент
Научный руководитель
Николаева Екатерина Александровна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова»
г. Абакан, Республика Хакасия

ОРГАНЫ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация: *в обеспечении противодействия терроризму участвуют все органы государственной власти на федеральном уровне, на уровне субъекта Российской Федерации и на уровне местного самоуправления. Работа основывается на положении, в основе которого лежит принцип сдерживающего воздействия на поведение физических лиц, склонных к террористическим проявлениям. В статье рассматривается система органов власти, осуществляющих работу по противодействию терроризму на региональном уровне на примере Республики Хакасия*

Ключевые слова: *терроризм, противодействие терроризму, профилактика терроризма.*

Система органов власти, осуществляющих борьбу с терроризмом, представляет собой совокупность субъектов, наделённых компетенцией, позволяющих данным субъектам реализовывать мероприятия по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, а также ликвидировать последствия террористических актов, оказывать помощь пострадавших от террористических актов. Субъектами являются уполномоченные органы государственной власти, правоохранительные органы, органы местного самоуправления, которые наделены соответствующими компетенциями в соответствии с федеральным и региональным законодательством.

Основные направления противотеррористической деятельности определяет глава государства – Президент РФ. Именно он вырабатывает общую стратегию, принимает концепцию противодействия терроризму, устанавливает компетенцию органов исполнительной власти в сфере пресечения и борьбы с терроризмом.

Правительство Российской Федерации определяет компетенцию органов исполнительной власти в области противодействия терроризму, разрабатывает и осуществляется мероприятия по пресечению террористической деятельности, руководит деятельностью по минимизации и ликвидации последствий проявления терроризма. Именно оно является координирующим центром для регионарных властей, принимает все необходимые меры по антитеррористической защите всех жизненно важных объектов, информирует субъектов противодействия терроризма о наличии угрозе террористических атак и т. д., обладает руководящими полномочиями в сфере противодействия терроризму, которые закреплены в Постановлении Правительства РФ. Следуя данному Постановлению, каждый орган исполнительной власти наделен обязанностями в сфере противодействия терроризму. К примеру, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования призвана осуществлять контроль и надзор в области антитеррористической защищенности гидротехнических сооружений и т. д.

Министерство науки и высшего образования РФ разрабатывает и обеспечивает целый комплекс мер направленных на профилактику терроризма в сфере высшего образования. По инициативе Министерства в каждом субъекте созданы Координационные центры. Такой центр имеется и в ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Данный центр занимается реализацией просветительско-образовательных, информационно-аналитических и профилактических мероприятий, направленных на предупреждение терроризма и экстремизма среди молодежи. Так, в целях просвещения при центре в Институте истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова были организованны и проведены на безвозмездной основе курсы по различным образовательным

программам, таким как «Обеспечение антитеррористической защищённости объектов (территорий) образовательных организаций», «Реализация мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации», «Методика сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей и профилактики деструктивной идеологии» и др. Помимо этого Центр проводит и другие мероприятия совместно с правоохранительными органами. Например, круглый стол по вопросам сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории. На уровне средне-профессионального образования также могут проводится различные мероприятия в рамках детского-юношеского туризма [3, с. 163].

Высшее должностное лицо субъекта РФ обладает рядом полномочий в сфере противодействия терроризму. В частности Председатель Правительства Республики Хакасия также, как и другие губернаторы в своих регионах является Председателем антитеррористической комиссии в Республике Хакасия. Непосредственно в обязанности губернаторов входит:

– организация реализации государственной политики в области противодействия терроризму на территории субъекта Российской Федерации, через руководство учрежденной на уровне региона антитеррористической комиссии в субъекте;

– координирование деятельности органов государственной власти субъекта по предупреждению террористической деятельности, пресечению проявления терроризма во всех его формах. Также в случае террористических атак в обязанности губернаторов входит ликвидация последствий преступлений террористической направленности.

Высший исполнительный орган власти субъекта РФ, также как исполнительный орган федеральной власти обязан организовывать и реализовывать все необходимые меры по противодействию терроризму. В отличие от федеральных властей высший орган исполнительной власти на уровне субъекта обязан постоянно проводить на своей территории мониторинг общественно-политических, социальных, экономических и других процессов для выявления угрозы терроризма и предпринимать все меры для их устранения. Политика субъекта РФ должна быть направлена на устранение предпосылок для возникновения конфликтов, которые бы провоцировали террористические проявления. Власти субъекта РФ должны предпринимать все необходимые меры чтобы не формировалась социальная база терроризма.

Органы местного самоуправления принимают активное участие в работе по противодействию терроризму посредством разработки и реализации муниципальных программ в области предупреждения террористической деятельности. Так, в целях противодействия идеологии терроризма в соответствии с «Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг.» утверждённым Президентом РФ городским Управлением образования администрации г. Абакана был принят план основных мероприятий в сфере противодействия идеологии терроризма в образовательных городских учреждениях, который включает в себя мероприятия антитеррористической направленности [2]. Уделение большого внимания именно образовательным учреждениям в рамках политико-правового просвещении подрастающего поколения не случайно, так как воспитательный ресурс – мощное средство в формировании антитеррористической идеологии молодежи.

Правоохранительные органы, по нашему мнению, составляют целую группу органов, осуществляющих меры, направленные на профилактику терроризма, на непосредственное предотвращение террористических актов, на ликвидацию последствий от террористических актов. Особенностью деятельности данных органов является то, что они не только занимаются профилактическими мерами, но, прежде всего, непосредственно выявляют и пресекают террористическую деятельность. Ведут следствие, оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию преступлений террористического характера. Противодействием терроризму занимаются следующие правоохранительные органы – Федеральная служба безопасности (ст. 9. ФЗ «О Федеральной службы безопасности»); Министерство внутренних дел РФ; Министерство юстиции РФ; Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Важную роль в предотвращении и ликвидаций последствий террористических актов играют группированные силы и средства Вооруженных сил РФ. В ФЗ «О противодействии терроризму» ст. 6 предусматривает участие Вооруженных сил РФ в пресечении полетов воздушных судов, которые используются для совершения теракта; аналогично имеют право пресекать террористические действий во внутренних водах РФ, принимают участие в контртеррористической операции, пресечение международных террористических действий за пределами России.

Важным шагом в формировании общегосударственной системы противодействия терроризму, предусматривающей комплексный подход к решению проблемы на основе четкой координации действий всех субъектов антитеррористической деятельности, стало создание по решению Президента РФ Национального антитеррористического комитета (НАК), а в его составе – Федерального оперативного штаба (ФОШ). Данные органы противодействия терроризма имеются в каждом субъекте РФ. В Республике Хакасия НАК возглавляет Глава Республики – В.О. Коновалов, ФОШ возглавляет начальник Управления ФСБ по Республике Хакасия М.С. Родецкий. Основной задачей данных органов является выявление, предупреждение, пресечение всех видов террористической деятельности. В случае совершения преступления террористической направленности в задачи данных органов входит раскрытие, расследование деяний, с этой целью в их компетенции находится процесс осуществления оперативно-розыскных мероприятий, направленных на защиту прав и интересов граждан, общества и государства. Особенностью правового статуса указанных органов выступает тот факт, что НАК является органом, который обеспечивает координацию деятельности всех органов исполнительной власти на уровне, федеральной, региональной и местной власти по противодействию терроризму и экстремизму.

Надзор за осуществлением законодательства в области противодействия терроризму осуществляет Прокуратура РФ. Так, в Хакасии в 2024 г. Прокуратурой РХ в целях устранения нарушений закона о противодействии терроризма было «принесено 126 протестов на незаконные правовые акты, в суд направлено 179 заявлений, внесено 445 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной и административной ответственности привлечено 321 лицо, объявлено 149 предостережений» [1].

В заключении отметим, что на сегодняшний день в Российской Федерации создана эффективная система органов по противодействию терроризму и экстремизму. Взаимодействие данных органов регламентируется различными нормативными правовыми актами как федерального, регионального, так и ведомственного значения.

Список литературы

1. В Прокуратуре Хакасии проведено заседание коллегии. – URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 25.04.2025).

2. О реализации мер по противодействию идеологии терроризма: Приказ Управления образования администрации г. Абакана от 31 янв. 2024 г. №50. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Тарасова О.Е. Детско-юношеский туризм как образовательно-воспитательная среда / О.Е. Тарасова, О.Н. Шулбаев // Наука и образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции (Караганда, 29 апреля 2022 года) / Частное учреждение Академия «Bolashaq». – Т. 2. – Караганда: РИО «Болашақ-Баспа»; Частное учреждение «Академия «Болашак», 2022. – С. 163–166. EDN HYICHM

Рутковский Павел Сергеевич
преподаватель
ФГКОУ ВО «Московский университет
МВД России им. В.Я. Кикотя»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности исполнения отдельных видов административных наказаний сотрудниками органов внутренних дел. На основе анализа действующего административного законодательства и судебной практики выявлена проблематика правоприменения и выработаны предложения для дальнейшего совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *административное наказание, сотрудники полиции, административное право.*

На современном этапе общественного развития прослеживается тенденция к значительному росту числа административных правонарушений. При этом защита прав и свобод личности, общества и государства остается фундаментальным направлением деятельности правоохранительных органов. Кроме того, на сотрудников полиции возлагаются обязанности по пресечению преступлений и административных правонарушений, а также по обеспечению правопорядка. Для надлежащего выполнения своих обязанностей государственные органы и уполномоченные должностные лица наделены широким спектром полномочий, направленных на регулирование общественных отношений, включая применение административных наказаний. Именно поэтому развитие пенитенциарной системы в Российской Федерации остается одним из ключевых направлений совершенствования законодательства страны.

В соответствии со ст. 3.1 КоАП РФ, административное наказание представляет собой меру ответственности, применяемую государством в отношении лица, совершившего противоправное действие (бездействие), с целью недопущения дальнейшего совершения данным субъектом правонарушений, в том числе пресечения противоправного поведения других граждан [1]. Также необходимо заметить, что помимо воспитательной цели административное наказание включает в себя карательную составляющую, что является характерной чертой любой отрасли права. Кроме того, положения административного законодательства позволяют выделить особенности административного наказания:

1) административное наказание, наряду с любой другой санкцией, выступает мерой ответственности;

2) данное наказание может применяться к лицу только в случае реального совершения административного правонарушения;

3) административное наказание применяется в отношении конкретного лица за конкретное совершенное противоправное деяние в соответствии с нормами административного законодательства;

4) сущность административного наказания заключается в наступлении неблагоприятных последствий посредством частичного ограничения прав и свобод лица на определенный временной период;

5) административные наказания неизбежно влекут за собой негативные последствия для лица, нарушившего законодательство, в том числе после истечения формального срока наказания.

Кроме того, в основе системы применения административных наказаний лежит ряд фундаментальных принципов, благодаря которым соблюдается справедливость процесса. Ключевыми такими принципами выступают законность, которая заключается в неотступном соответствии назначаемой меры ответственности правовому содержанию, и

индивидуализация, для которой необходимо учитывать, как конкретные обстоятельства дела, так и личность лица, совершившего административное правонарушение.

Далее, важнейшим условием является запрет на применение двойного наказания за одно и то же правонарушение, что защищает лицо от повторного преследования. Также выделяется принцип совокупной ответственности, который позволяет одномоментно привлекать к наказанию и физическое, и юридическое лицо за совершение одного и того же деяния. В то же время действует правило о неуклонности исполнения административного наказания: правонарушитель не может быть освобожден от возложенных на него обязанностей, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Также система выделяет принцип соразмерности, согласно которому тяжесть наказания должна соответствовать характеру и последствиям совершенного деяния. Кроме того, допускается освобождение от административной ответственности в силу малозначительности, когда деяние формально является правонарушением, но не несет под собой значительной общественной опасности.

Перечень административных наказаний, закрепленный в ст. 3.2 КоАП РФ, является исчерпывающим и включает в себя одиннадцать видов: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета правонарушения; лишение специального права; административный арест; административное выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства; дисквалификация; административное приостановление деятельности; обязательные работы; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований.

Важно отметить, что одним из наиболее значимых практических вопросов административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции выступает надлежащее разграничение административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния. Самым ярким примером является хищение чужого имущества. Ключевой разграничивающий критерий в квалификации данного состава – стоимость похищенного имущества. Согласно ст. 7.27 КоАП РФ, мелким хищением чужого имущества признается деяние, сумма которого не превышает: по ч. 1 настоящей статьи – 1000 рублей, по ч. 2 настоящей статьи – не менее 1000 рублей и не более 2500 рублей. В случае если стоимость похищенного имущества превышает 2500 рублей, деяние квалифицируется как уголовно наказуемое по ст. 158 УК РФ [2, с. 47].

Важно сказать, что роль сотрудников полиции в области исполнения административных наказаний определяется несколькими функциями. Во-первых, в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ, сотрудники ОВД вправе составлять протоколы об административных правонарушениях. Во-вторых, именно на сотрудников полиции возлагается исполнение постановления об административном аресте (ст. 32.8 КоАП РФ), обеспечивающее при этом содержание задержанных лиц в специальных помещениях территориальных органов внутренних дел в соответствии с Приказом МВД РФ №83 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста» [3]. В-третьих, сотрудники ОВД применяют меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, включая доставление и административное задержание.

Далее необходимо сказать об административном аресте – наиболее строгом виде административного наказания. Согласно ст. 3.9 КоАП РФ, сущность данной санкции заключается во временной изоляции лица, совершившего административное правонарушение, от общества на срок до 15 суток (в случае совершения деяния в условиях чрезвычайного или военного положения – до 30 суток). Данная мера назначается лишь судом и является исключительной. Кроме того, выделяется перечень лиц, к которым административный арест не может быть применен: женщины, имеющие детей в возрасте до 14 лет, беременные женщины, несовершеннолетние, инвалиды I–II групп, военнослужащие и приравненные к ним лица, сотрудники ОВД, таможенных органов и государственной противопожарной службы. Реализация

ареста возложена на органы полиции, при этом срок административного задержания включается в срок отбывания наказания.

Однако практика применения данной санкции выявляет значительный пробел. Согласно ч. 3 ст. 25.1 и ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ, дела об административных правонарушениях подлежат рассмотрению в день поступления материалов с обязательным условием привлечения правонарушителя в суд. При этом ни ст. 27.2 КоАП РФ, ни иные нормы законодательства не регламентируют момент обязательного доставления сотрудниками полиции, составившими протокол, правонарушителя в суд. Как следствие, суды оставляют материалы без рассмотрения [4].

Далее необходимо затронуть один из наиболее часто применяемых видов наказания в деятельности полиции – административный штраф, представляющий собой определенную сумму, взыскиваемую с лица, совершившего административное правонарушение (ст. 3.5 КоАП РФ). Согласно данной статье, сумма штрафа может составлять от 100 рублей (в случае ДТП – от 500 рублей) до 60000000 рублей. При этом анализ действующих норм позволяет выявить явную диспропорцию: управление транспортным средством с неисправной тормозной системой влечет наложение административного штрафа в размере 500 рублей, в то время как за незаконную установку знака «Такси» сумма штрафа устанавливается в десятки раз крупнее, невзирая на несравненно меньшую степень общественной опасности. Данные коллизии нарушают принцип соразмерности наказания и порождают избирательность правоприменения. Отдельную проблематику в данной области создают лица с высоким уровнем дохода, для которых даже максимальные суммы штрафа не являются значительными.

Также необходимо затронуть обязательные работы (ст. 3.13 КоАП РФ). Их сущность заключается в безвозмездном выполнении работ в свободное от основного вида деятельности время. В своих научных трудах многие правоведы считают целесообразным более широкое применение данного вида наказания в качестве альтернативы административному аресту, поскольку оно обеспечивает реальное претерпевание определенных неудобств без элемента изоляции правонарушителя от общества.

Таким образом, систематизация обозначенных коллизий позволяет выделить проблематику по пяти ключевым направлениям для дальнейшего совершенствования законодательства. Во-первых, необходимо устранить пробел в вопросе координации сотрудников ОВД и судов: в ст. 27.2 следует внести уточнение об обязательном доставлении сотрудниками полиции лица в суд, а в ст. 29.4 КоАП РФ суды следует наделить правом вынесения постановления о приводе лица. Во-вторых, систему санкций в области административного штрафа надлежит видоизменить посредством введения базовой ставки со штрафным коэффициентом с учетом всех смягчающих и отягчающих обстоятельств по аналогии с законодательством зарубежных стран. В-третьих, необходимо внедрить балльную систему учета дорожных нарушений для конкретизации уровня общественной опасности правонарушений и, как следствие, более качественного избрания административного наказания. Реализация указанных мер в перспективе позволит скорректировать имеющиеся в законодательстве противоречия и привести правоприменительную практику в соответствие с фундаментальными признаками законности, соразмерности и неотвратимости наказания.

Список литературы

1. Федеральный закон «Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации» №195-ФЗ от 30.12.2001. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.05.2026).

2. Попенков А.В. К вопросу о разграничении преступлений и административных правонарушений, связанных с хищением чужого имущества / А.В. Попенков, Е.Н. Клещина // Органы следствия Министерства внутренних дел России на страже правопорядка (к 56 годовщине образования следствия в органах внутренних дел): сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции (Москва, 6 апреля 2019 г.). – М.: Сириус, 2019. – С. 45–47. – EDN LQCABY

3. Приказ МВД России «Об утверждении правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного наказания» №83 от 10.02.2014. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 31.05.2026).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса об административных правонарушениях» №5 от 24.03.2005 (с изм. и доп. на 03.03.2020). – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 31.05.2026).

Саркисян Валентина Георгиевна
канд. юрид. наук, доцент
Руднев Владислав Русланович
магистрант

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ОПРОВЕРЖЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, ПОРОЧАЩИХ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Аннотация: *статья посвящена правовым и процессуальным особенностям опровержения сведений, порочащих деловую репутацию индивидуального предпринимателя. Анализируются условия применения данного способа защиты (ст. 152 ГК РФ), доказательственная база, форма и сроки опубликования опровержения, а также судебная практика в условиях цифровизации. Рассматриваются преимущества опровержения как публичной меры восстановления репутации и его ограничения, связанные с техническими сложностями исполнения в сети Интернет и отсутствием прямой компенсации убытков.*

Ключевые слова: *индивидуальный предприниматель, опровержение сведений, недостоверность сведений, нематериальные блага, способы защиты.*

Правовая основа опровержения опирается на восстановление социальной справедливости и репутационного статуса. Данный способ защиты выступает не только в качестве репрессивной, но и превентивной меры защиты. Это обусловлено тем, что публичный характер опровержения позволяет устранить негативное воздействие на общественное мнение [9, с. 65]. В науке гражданского права опровержение рассматривается как мера реституционного характера. Это обусловлено тем, что целью опровержения является устранение последствий нарушения. При этом, новых обязательств имущественного характера не возникает. Это обусловлено тем, что они подрывают доверие контрагентов и потребителей. В отличие от мнений или критики, выраженных добросовестно, порочащие сведения носят оценочный характер [8, с. 136].

Применительно к деятельности индивидуального предпринимателя такие сведения могут быть размещены в виде отзывов на маркетплейсах, либо опубликованы в СМИ, например, в Telegram-каналах. Репутационные потери выражаются в снижении выручки или расторжении контрактов. В предпринимательской деятельности порочащие сведения должны иметь причинно-следственную связь с хозяйственной сферой. Бремя доказывания ложности распространенных сведений лежит на истце, т.е. индивидуальном предпринимателе [1, с. 87].

Опровержение порочащих сведений от иных мер защиты нематериальных благ обуславливает специфику данного способа защиты. Такая специфика обусловлено публичным, а также восстановительным характером данной меры. Поэтому нередко данный способ защиты выступает в качестве альтернативы или дополнения компенсации морального вреда. Опровержение сведений, порочащих деловую репутацию, ориентировано на информационное воздействие в целях устранения вреда посредством распространения сведений иного характера. Компенсация морального вреда, в отличие от рассматриваемого способа защиты, носит имущественно-компенсационный характер. Для индивидуального предпринимателя, чьи нематериальные блага тесно связаны с бизнесом, опровержение выступает наиболее оптимальным способом защиты. Это обусловлено тем, что в настоящее время предпринимательская деятельность осуществляется в условиях цифровой публичности. Алгоритмы сервисов могут усилить воздействие причиненного вреда [2, с. 99].

Условия применения опровержения сведений, порочащих индивидуального предпринимателя, как способа защиты, опираются на положения ст. 152 ГК РФ. В качестве субъективных условий применения данного способа защиты рассматривается внутренний состав

правонарушения. Прежде всего, речь идет о содержании сведений и об их воздействии. Прежде всего, такие сведения являются объективно ложными, а также обладают способностью умалять честь, достоинство или деловую репутацию. Ложность порочащих сведений устанавливается путем сопоставления сведений с фактическими обстоятельствами, подтвержденными документами. Умаление репутации оценивается путем сопоставления с контекстом [8, с. 136]. Для индивидуального предпринимателя порочащими являются сведения, в которых содержатся утверждения о мошенничестве при совершении сделок, а также о систематическом нарушении сроков, фальсификации продукции или некомпетентности. Данные сведения должны подрывать профессиональный авторитет и вызывать негативную социальную оценку. Во-вторых, следует дать оценку такому свойству как неразрывная связь сведений с предпринимательской деятельностью. Нарушение всегда влечет за собой измеримые последствия, например, убытки из-за потери контрактов, снижения выручки, отказа в кредитовании [5, с. 768].

Объективные условия применения опровержения связаны с формой и способом распространения сведений. Прежде всего, речь идет о публичном распространении таких сведений. Публичное распространение обусловливает необходимость эквивалентного опровержения для нейтрализации воздействия на неопределенный круг лиц. Способы опровержения должны быть связаны с применением средств массовой информации. Непубличные разговоры или закрытая переписка исключают опровержение. В настоящее время для индивидуального предпринимателя публичность распространения сведений, порочащих репутацию, критична, поскольку бизнес зависит от отзывов, которые учитывают алгоритмы поисковых сервисов [7, с. 46].

Объем распространения сведений оказывает влияние на соразмерность опровержения. Доказать наличие оснований применения данного способа защиты должен истец. Он обязан представить комплекс доказательств, например, в виде скриншотов, архива публикаций с датами и просмотрами, документы, опровергающие ложность, свидетельские показания контрагентов о репутационных потерях и экспертные заключения по расчету ущерба. Экспертиза репутационных потерь приобретает ключевое значение. Например, проведение лингвистической экспертизы позволяет установить порочащий характер сведений. Презумпция добросовестности ответчика опровергается только убедительными фактами. Процессуальные особенности реализации данного способа защиты опираются на положения ст. 152 ГК РФ. Данные особенности позволяют обеспечить соразмерность и эквивалентность восстановления нарушенного репутационного статуса в публичной сфере. Форма опровержения строго привязана к способу и объему первоначального распространения порочащих сведений.

Если сведения были распространены в печатном издании, опровержение публикуется в аналогичном формате, если с использованием теле- и радиосредств, то опровержение осуществляется в эфире с сопоставимым хронометражем и временем трансляции. Если порочащие индивидуального предпринимателя сведения размещены в интернете, опровержение должно быть опубликовано на том же сайте, социальной сети или платформе с обеспечением доступа для всех пользователей [4, с. 180]. Объем опровержения не должен пребывать объема порочащих сведений. Вместе с тем, опровержение должно содержать такие элементы как указание на недостоверность конкретных утверждений, ссылку на судебное решение и дату публикации оригинала. Содержание опровержения определяется судом или по согласованию сторон.

Сроки реализации данного способа защиты строго регламентированы законодателем. Так, ответчик обязан опубликовать опровержение в течение 10 суток со дня вступления судебного решения в законную силу. В отсутствие опровержения в указанный срок суд назначает принудительный порядок. Учитывая, что репутационные риски способы оказать негативное воздействие на деятельность индивидуального предпринимателя, суды сокращают срок до 3–5 суток [3, с.8]. Судебная практика применения данного способа защиты нематериальных

благ индивидуального предпринимателя развивается с учетом цифровизации предпринимательской деятельности.

В настоящее время нарушения концентрируются на маркетплейсах, в поисковых системах и агрегаторах отзывов. В арбитражных спорах индивидуальных предприниматели требуют размещения опровержений на платформах вроде Wildberries, Ozo№ или Avito. Например, суды обязывают администрацию маркетплейса разместить опровержение отзыва о «некачественных товарах» в профиле продавца на 30 суток с индексацией в поисковой выдаче. Исполнение судебных решений об опровержении порочащих сведений может исполняться принудительно. В таком случае к исполнению судебного решения привлекают службу судебных приставов. При неисполнении судебного решения возбуждается исполнительное производство.

Судебные приставы вправе налагать штрафы за каждый день просрочки, а также блокировать доступ к сайту/аккаунту по представлению Роскомнадзора. Дополнительно может применяться временная блокировка домена, изъятие серверов или запрет на публикации до исполнения. Таким образом, процессуальные особенности реализации данного способа защиты нематериальных прав индивидуального предпринимателя обеспечивают оперативность и эффективность. Кроме того, реализация данного способа защиты позволяет гармонизировать гражданско-правовые механизмы с цифровыми реалиями, что способствует стабилизации предпринимательского оборота [7, с. 46].

Преимущества и ограничения данного способа защиты устанавливаются посредством анализа его эффективности. Ключевым преимуществом выступает выраженный репутационный эффект, который заключается в нейтрализующем воздействии на общественное мнение и деловые связи посредством публичного распространения информации о недостоверности порочащих сведений. В отличие от компенсации морального вреда, которая остается в сфере частноправовых отношений, опровержение оказывает воздействие на неопределенный круг потребителей, контрагентов, кредиторов. Его воздействие позволяет скорректировать искаженное восприятие и восстановить доверие. Ограничения опираются на технические сложности реализации в сети Интернет, где динамичность контента и алгоритмы снижают эффективность публикации. Размещение опровержения на том же ресурсе часто сталкивается с сопротивлением администраторов платформ, удалением постов. Вторым ограничением является отсутствие прямой компенсации убытков. Опровержение восстанавливает репутацию, но не покрывает имущественные потери, связанные с упущенной выгодой, расходами на рекламу. Судебная практика применения опровержения сведений, порочащих индивидуального предпринимателя, как меры защиты нематериальных благ демонстрирует устойчивое развитие. Данное положение служит отражением специфики споров, связанных с предпринимательской деятельностью.

Список литературы

1. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, Т.Ю. Баришпольская [и др.]; под ред. Е.С. Болтановой. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 647 с.

2. Губин Е.П. Предпринимательское право Российской Федерации / Е.П. Губин, П.Г. Лахно. – 3-е изд. – М.: Норма, 2020. – 315 с.

3. Казакевич Е.И. Принципы предпринимательского права: закрепление в законодательстве и реализация в практической деятельности / Е.И. Казакевич // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2020. – №2. – С. 8–15.

4. Попова В.А. Применение примирительных процедур как способ защиты прав предпринимателей / В.А. Попова // Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 2023. – С. 180–182. – EDN NZWIUN.

5. Саркисян В.Г. К вопросу о применения досудебного (претензионного) порядка урегулирование спора для защиты гражданских прав субъектов предпринимательской деятельности / В.Г. Саркисян // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: материалы Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского ГАУ, Кощаев. – Краснодар, 2022. – С. 768–771. – EDN KTCESX.

6. Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика / Е.В. Скурко // Правоведение. – 2006. – №2 (265). – С. 55–61. EDN KWUHDR

7. Степин А.Б. Принципы осуществления и защиты гражданских прав: вопросы теории и практики / А.Б. Степин // Адвокатская практика. – 2022. – №6. – С. 46–49. DOI 10.18572/1999-4826-2022-6-46-50. EDN AKBLGI

8. Черных Е.А. Актуальные социально-трудовые аспекты самозанятости в современной России / Е.А. Черных, Н.В. Локтюхина // Экономическое возрождение России. – 2021. – №1 (67). – С. 136–140. DOI 10.37930/1990-9780-2021-1-67-136-151. EDN LYQRSP

9. Шувалов И.И. Правовая категория «Предпринимательская деятельность»: законодательная дефиниция и реальность / И.И. Шувалов // Журнал российского права. – 2020. – №5. – С. 65–69. DOI 10.12737/jrl.2020.055. EDN NFFMHY

Сафаров Владислав Раильевич
старший преподаватель
Кужин Ильсен Азаматович
студент
Гладков Даниил Александрович
студент

Сибайский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Сибай, Республика Башкортостан

САМОВОЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: *в статье разбираются правовые аспекты самовольного занятия земли – одного из самых частых нарушений в этой сфере. Анализируются признаки такого правонарушения по Земельному кодексу РФ и КоАП РФ. Авторы рассматривают, какие последствия наступают для нарушителя: штрафы, снос построек, возврат участка. Делается вывод о том, что практика нуждается в улучшении, особенно в части оперативности возврата земли законным владельцам.*

Ключевые слова: *самовольное занятие земельного участка, земельное правонарушение, административная ответственность, самовольная постройка, защита прав собственника.*

Право собственности на землю – один из краеугольных камней всего нашего законодательства. Конституция РФ это право охраняет, Земельный кодекс подробно расписывает, как земля может переходить от одного владельца к другому, как ей пользоваться и когда права на неё прекращаются. Но на деле сплошь и рядом возникают ситуации, когда человек без всяких на то оснований берёт и занимает чужой участок – целиком или частью. Закон называет это «самовольным занятием земельного участка».

В статье 1 и статье 76 Земельного кодекса собраны основные признаки. Самовольное занятие – это когда лицо фактически завладело участком, но никаких прав на него не имеет: нет ни собственности, ни аренды, ни бессрочного пользования. Ключевой момент – воля законного хозяина на передачу участка отсутствовала [1; 2].

За такое нарушение Кодекс об административных правонарушениях (статья 7.1) предусматривает штраф [3]. Но его размер зависит от того, установлена ли кадастровая стоимость участка. Если да – штраф для граждан составит от 1 до 1,5 процента от этой стоимости, но в любом случае не меньше пяти тысяч рублей. Если кадастровую стоимость не посчитали – штраф фиксированный: от пяти до десяти тысяч рублей. Должностным лицам придётся заплатить больше, юридическим – ещё больше. Однако штраф – это не всё. Нарушителя всё равно заставят вернуть участок и привести его в порядок [3].

Что ещё грозит самовольщику? Статья 76 Земельного кодекса говорит: участок возвращается собственнику, и никаких компенсаций за то время, пока им пользовались незаконно,

нарушитель не получит. Более того, он обязан сам привести землю в пригодное состояние. Плюс ко всему, на сумму неосновательного обогащения за фактическое пользование чужим участком могут начислить проценты по статье 395 Гражданского кодекса [2; 4].

Помимо административных и гражданско-правовых санкций, важно учитывать и иные правовые механизмы, которые могут быть задействованы при самовольном занятии земельных участков. Например, органы местного самоуправления вправе обратиться в суд с требованием об освобождении земельного участка в порядке статьи 60 Земельного кодекса РФ. При этом бремя доказывания незаконности владения и пользования участком по общему правилу возлагается на лицо, которое осуществляет самовольное занятие. Однако на практике сбор необходимых доказательств часто затруднён из-за отсутствия оперативного доступа к кадастровым сведениям.

Для наглядности основные виды ответственности при самовольном занятии земельного участка можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Виды юридической ответственности за самовольное занятие земельного участка

Вид ответственности	Нормативный акт	Характер санкции
Административная	ст. 7.1 КоАП РФ	Штраф от 1 до 1,5% кадастровой стоимости (но не менее 5 000 руб.) либо фиксированный штраф 5 000 – 10 000 руб.
Гражданско-правовая	ст. 76 ЗК РФ, ст. 395 ГК РФ	Возврат участка собственнику, взыскание неосновательного обогащения, проценты за пользование чужими средствами
Правовой механизм сноса	ст. 222 ГК РФ	Снос самовольной постройки за счёт нарушителя

Как видно из таблицы, законодатель предусматривает комплекс мер, направленных не только на наказание нарушителя, но и на восстановление нарушенных прав законного владельца. При этом наиболее суровой санкцией является снос постройки, так как он влечёт значительные финансовые и временные издержки для самовольного застройщика.

Самые сложные случаи – когда на самовольно занятом участке ещё и построили что-то. Тут вступает в силу статья 222 Гражданского кодекса о самовольной постройке. Постройка признаётся самовольной, если её возвели на участке, который под это не отводили, либо если разрешённое использование участка такое строительство не допускает. Суд может принять решение о сносе – за счёт того, кто строил. Исключение бывает, если у нарушителя есть право выкупить участок или взять его в аренду. Но даже в этом случае от административной ответственности его никто не освобождает [4].

Из судебной практики можно выделить три типовых сценария. Первый – сосед передвинул забор и тем самым захватил пару метров чужого участка. Второй – человек использует землю, которая принадлежит государству или муниципалитету, но никаких документов не оформил. Третий – начал строить гараж или сарай без разрешения, на участке, который ему не принадлежит. Во всех этих случаях доказывать законность своего владения придётся тому, кто участок использует.

Главная головная боль для законного владельца – долгая процедура возврата земли. Административное дело по статье 7.1 КоАП РФ не отменяет необходимости идти в суд, чтобы выселить нарушителя и снести незаконные постройки. А суды, как известно, могут тянуться годами. За это время собственник терпит убытки, а нарушитель продолжает пользоваться чужим. Вдобавок даже выигранное решение суда не всегда исполняется – приставы перегружены, должник прячется или не платит.

Как сделать так, чтобы права собственников защищались эффективнее? По моему убеждению, упор надо делать на взаимодействие Росреестра, муниципального земельного контроля и службы судебных приставов. Но это работа системная. А ещё очень важна правовая грамотность населения. Многие искренне не понимают, что сдвинуть забор на метр на

соседский участок или застроить пустырь за гаражами без документов – это не бытовая хитрость, а нарушение закона, за которым последует наказание.

Подводя итог, скажу: самовольное занятие земельного участка – серьёзное правонарушение, посягающее на конституционное право собственности. Нарушителя ждёт штраф, возврат участка и возмещение ущерба. Для надёжной защиты собственников необходимо упростить процедуры возврата незаконно занятых участков и усилить разъяснительную работу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ (ред. от 25 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №44. – Ст. 4147.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1. – Ст. 1.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

Сементьев Юрий Александрович
бакалавр, студент
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ, СОЗДАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОПРОСЫ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается правовая неопределенность, возникающая при использовании результатов, созданных с применением систем искусственного интеллекта, в предпринимательской деятельности. Отдельное внимание в работе уделяется анализу принадлежности исключительного права, роли творческого вклада человека, договорных условий и правового положения участников коммерческого оборота. По итогам исследования сформулированы предложения, которые позволяют конкретизировать порядок подтверждения творческого вклада человека и распределения исключительных прав на созданный результат.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, предпринимательская деятельность, исключительное право, правовой режим, правообладатель.*

Системы искусственного интеллекта все активнее применяются в предпринимательской деятельности. С их помощью создаются рекламные тексты, изображения, элементы дизайна, программный код, описания товаров, аналитические материалы и иные объекты, которые могут использоваться для извлечения прибыли и продвижения товаров или услуг. При этом правовая оценка таких результатов остается неоднозначной, поскольку российское право связывает авторство не с технической генерацией, а с творческим трудом человека.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что субъектам предпринимательской деятельности важно не только использовать результаты, созданные с применением искусственного интеллекта, но и понимать, кому принадлежит исключительное право на них. М.А. Кудинов, ссылаясь на законодательство, указывает, что «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат»

[4, с. 8]. С данной позицией следует согласиться, поскольку действующая модель авторского права не позволяет признать систему искусственного интеллекта самостоятельным автором.

Правовой режим объектов, созданных с применением искусственного интеллекта, зависит не только от внешнего вида результата. В соответствии со ст. 1259 ГК РФ объектами авторских прав признаются произведения науки, литературы и искусства независимо от их достоинств, назначения и способа выражения [3]. При этом сама по себе внешняя форма результата еще не решает вопрос о его охране, поскольку российская модель авторства связывает произведение с творческим трудом человека.

Если технологии искусственного интеллекта используются как инструмент, правовая оценка выглядит более устойчивой. Пользователь формирует замысел, задает параметры, отбирает варианты, редактирует результат и доводит его до коммерчески пригодного состояния. В такой ситуации искусственный интеллект не заменяет автора, а выступает сложным техническим средством. Например, предприниматель может использовать генератор изображений для подготовки рекламного макета, но итоговое решение будет зависеть от выбора композиции, цветовой схемы, смыслового акцента и последующей доработки человеком. Именно такой вклад позволяет связать результат с творческой деятельностью человека. Согласно ст. 1257 ГК РФ автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано [3].

Иная ситуация возникает при почти самостоятельной генерации. Если пользователь вводит короткий запрос и без изменений использует полученный результат, доказать творческий вклад значительно сложнее. Объект может быть полезным и экономически ценным, но его охраноспособность становится спорной. В научных трудах по этому поводу рассматриваются разные подходы, включая авторство искусственного интеллекта, абсолютное авторство человека, служебное произведение, соавторство и общественное достояние [4, с. 7]. Однако ни один из этих подходов пока не стал универсальным решением, поскольку действующее право не признает искусственный интеллект самостоятельным субъектом авторских прав.

Для коммерческого оборота важно не столько признать систему автором, сколько определить, кто вправе использовать объект, передавать права, запрещать использование третьим лицам и защищать результат при споре. Согласно ст. 1229 ГК РФ исключительное право позволяет правообладателю использовать результат интеллектуальной деятельности, распоряжаться им, а также разрешать или запрещать его использование другим лицам [3]. Поэтому вопрос о принадлежности исключительного права имеет практическое значение для субъектов предпринимательской деятельности.

Первым возможным правообладателем может быть пользователь ИИ-системы. Такой вывод обоснован в тех случаях, когда именно он управляет созданием результата и использует его для конкретной предпринимательской цели. Л.С. Артений указывает, что «генерируемые изображения относятся к сфере интересов пользователя и формируется путем обработки пользовательских данных» [1, с. 4]. С данной позицией следует согласиться, поскольку в коммерческом обороте ценность результата обычно возникает у того лица, которое ставит задачу, использует собственные материалы и принимает решение о дальнейшем применении объекта.

Другим правообладателем может стать работодатель. Если работник создает текст, дизайн, изображение или программный элемент с применением технологий искусственного интеллекта в пределах трудовых обязанностей, то результат может рассматриваться через модель служебного произведения. В соответствии со ст. 1295 ГК РФ исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором между работодателем и автором не предусмотрено иное [3]. Для предпринимательской деятельности это важно, поскольку применение искусственного интеллекта работником не устраняет служебный характер результата, если объект создан в рамках трудовой функции и задания работодателя.

В отношениях с заказчиком особое значение приобретает договорное распределение исключительного права. Если объект создается с применением искусственного интеллекта по заданию заказчика, в договоре необходимо прямо определить, кому принадлежит итоговый результат и в каком объеме он может использоваться. Это связано с тем, что распоряжение исключительным правом осуществляется через договор об отчуждении исключительного права или лицензионный договор [3]. При отсутствии такого условия возникает риск неопределенности, поскольку передача готового материала не всегда означает передачу исключительного права на него.

Отдельного рассмотрения требует правовое положение разработчика или правообладателя ИИ-системы. Его интерес чаще связан не с каждым пользовательским текстом или изображением, а с самой программой, ее компонентами, алгоритмами и дополнительным кодом, который может возникать при функционировании самообучающейся системы [1, с. 4–5]. Поэтому требуется различать результат, созданный для пользователя, и элементы, относящиеся к работе самой программы.

В результате принадлежность исключительного права не должна определяться автоматически фактом использования систем искусственного интеллекта. Более обоснованной является оценка через совокупность обстоятельств, включая творческий вклад человека, характер результата, условия договора, служебную связь, пользовательское соглашение платформы и предпринимательская цель использования объекта [4, с. 8]. Такой подход позволяет сохранить человеческую основу авторского права и одновременно учитывать реальные потребности коммерческого оборота.

Определение правообладателя является не единственной сложностью при использовании объектов, созданных с применением искусственного интеллекта. В предпринимательской деятельности важно установить, кому может принадлежать исключительное право, и подтвердить это право при передаче результата, его коммерческом использовании или возникновении спора.

Первый проблемный аспект связан с доказыванием творческого вклада человека. Если результат получен через ИИ-сервис без сохранения запросов, вариантов генерации, правок и итоговой доработки, позднее сложно доказать, что объект создан не полностью самостоятельно. Это важно с учетом ст. 1257 ГК РФ, поскольку автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано [3]. В таком случае отсутствие доказательств человеческого участия может поставить под сомнение саму возможность ссылаться на исключительное право.

Договорная неопределенность также влияет на правовой режим результата. Исполнитель может использовать технологии искусственного интеллекта при создании текста, дизайна, презентации или программного элемента, но договор не всегда фиксирует, допускается ли такая технология и кому принадлежит итоговый объект. В соответствии со ст. 1234 и 1235 ГК РФ распоряжение исключительным правом обычно оформляется через договор об отчуждении права или лицензионный договор [3]. Поэтому для предпринимательской деятельности важно заранее закреплять переход прав, гарантии оригинальности и ответственность сторон.

Другой проблемный аспект связан с возможным сходством результата с уже существующими объектами. В научной работе по данной теме отмечается мнение Г.И. Уваркина, который говорит, что «использование генеративного ИИ для создания контента влечет множество проблем регулятивного и правоприменительного характера» [2, с. 293]. С данной позицией следует согласиться, поскольку предприниматель может столкнуться с вопросом о собственном праве на результат и с претензиями третьих лиц, если созданный объект окажется похожим на ранее охраняемое произведение, товарный знак или элемент фирменного стиля.

В связи с этим проблемные аспекты связаны не с применением искусственного интеллекта, а с отсутствием доказательств человеческого участия, договорной определенности и предварительной проверки результата. Поэтому для предпринимательской деятельности

важно заранее фиксировать процесс создания объекта и условия перехода исключительного права.

Таким образом, правовой режим объектов, созданных с применением искусственного интеллекта, должен определяться не через факт использования технологии, а через участие человека в создании результата. Если человек формирует замысел, задает параметры, отбирает и дорабатывает итоговый объект, появляется основание связывать результат с его творческим вкладом. В предпринимательской деятельности это имеет прямое значение для принадлежности исключительного права. Правообладателем может быть пользователь, работодатель или заказчик, но только при наличии понятного правового основания. Если не зафиксировать, кто именно участвовал в создании объекта и кому передаются права на него, в дальнейшем может возникнуть спор о законности его использования. Поэтому для предпринимательской деятельности важно не только получить объект с помощью искусственного интеллекта, но и заранее оформить правовые основания его применения.

Список литературы

1. Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве / Л.С. Артений // Вестник науки и образования. – 2019. – №7–1 (61). – С. 1–6.

2. Искусственный интеллект и право / И.Ю. Богдановская, Е.В. Васякина, А.А. Волос [и др.] // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 278–306.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №52 (1 ч.). – Ст. 5496.

4. Кудинов М.А. К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом / М.А. Кудинов // Новый юридический вестник. – 2022. – №2 (35). – С. 7–10. EDN NRMDYB

Халимов Данил Ильич
студент
Научный руководитель
Тарасова Ольга Евгеньевна
канд. филос. наук, доцент

Казанский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО СЛУЖБУ В ПОЛИЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы кадрового дефицита в органах внутренних дел Российской Федерации, обусловленные низким уровнем оплаты труда, повышенной психоэмоциональной нагрузкой, снижением престижа профессии и управленческой несогласованностью. Обоснована необходимость законодательного закрепления инструкции по информированию сотрудников об их социальных правах и гарантиях с возложением обязанностей на подразделения по работе с личным составом.*

Ключевые слова: *полиция, сотрудник ОВД, социальные гарантии сотрудника ОВД, служба в органах внутренних дел.*

Несмотря на то, что законодательная база на достаточно высоком уровне регламентирует службу в органах внутренних дел, в частности в полиции, на сегодняшний день существует ряд проблем, связанных со служебной деятельностью полицейского, что показывает особую актуальность исследуемой темы. За последние три-четыре года исследователи и кадровые работники МВД РФ говорят о «кадровом голоде» [1, с. 93]. В последнее время мы наблюдаем упадок востребованности профессии сотрудника органов внутренних дел, что влечёт подрыв

охранительных функций государства и кризис правоохранительной системы в целом. Нежелание идти на службу в полицию связано со служебной нагрузкой, нормы которой зачастую превышаются при условии небольшого штата сотрудников и неоправданной, по мнению большинства сотрудников, оплаты труда. Но исследователи указывают и другие причины невостребованности профессии: во-первых, низкий уровень материального довольствия сотрудников полиции, особенно на уровне субъекта РФ; во-вторых, повышенная эмоционально-психическая нагрузка и наличие личной угрозы здоровью и жизни сотрудника; wтретьих, низкий уровень престижа (у большинства граждан данная профессия ассоциируется как «недостойная профессия»); в-четвёртых, сложность карьерного роста; в-пятых, причины, по которым люди уходят из органов, кроются в управленческой несогласованности, так как имеется обилие противоречивых указаний, контрольных сроков, увеличение отчётов, что демотивирует силовиков буквально с первых дней службы; шестая причина невостребованности службы в органах внутренних дел связана с современной геополитической ситуацией. На сегодняшний день служащий в полиции имеет большую вероятность быть откомандированным на территории проведения специальной военной операции для укрепления правопорядка [4, с. 101], что многих отталкивает от поступления на службу в полицию.

На наш взгляд, данная проблема нехватки кадров должна решаться в нескольких направлениях – и в управленческо-организационном, и в законодательном. В частности, Правительством РФ и МВД РФ должны проводиться постоянные своевременные мониторинги по выявлению состояния социальной обеспеченности полицейских, а также членов их семей (ближайших родственников) с целью своевременного совершенствования законодательства в области социального обеспечения служащих в органах. Данные улучшения в законодательстве должны коснуться следующих вопросов.

Во-первых, улучшения системы оплаты труда. Следует сказать несколько слов о денежном довольствии, которое является «оплатой труда» сотрудников полиции. На наш взгляд, оклад старшего и среднего начальствующего состава на сегодняшний день имеет небольшой размер; справедливо будет устанавливать его размер равным размеру минимального размера оплаты труда по региону. На сегодняшний день размеры должностных окладов сотрудников полиции устанавливаются рядом нормативных актов, основным из которых является Приказ МВД РФ от 30.10.2023 г. В соответствии с Приказом МВД РФ оперативный дежурный, дознаватель, участковый уполномоченный полиции имеет оклад в размере 19 976 руб., что касается данных должностей на территории г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга, Ленинградской области, то оклад устанавливается в размере 21 974 руб. [3].

Многие исследователи указывают, что такой подход к оплате труда является явно дискриминационным, нарушающим ч. 3 ст. 37 Конституции РФ. Стратегия трудового законодательства исходит из позиций: «компенсационные и стимулирующие выплаты должны обусловливаться особыми условиями работы, а также степенью её сложности, количеством и качеством» (ст. 129 ТК РФ). Считаем, что более высокие оклады должны быть установлены тем, чей труд более сложен, и исключать территориальный характер.

Во-вторых, улучшение социального стимулирования. Самая злободневная проблема – это обеспечение жильём сотрудников полиции. В первую очередь данная проблема связана с нехваткой жилья, особенно в крупных городах; вторая проблема – предоставляемое жильё низкого качества, зачастую оно требует значительных вложений, т.е. требует ремонта. Политика субсидий на сегодняшний день не гарантирует получения жилья из-за высоких цен на недвижимость. Сотрудник полиции вынужден оформлять ипотечные кредиты, что автоматически снимает его с учёта нуждающихся в предоставлении жилья. В данной ситуации мы видим выход в разработке специальных условий ипотечного кредитования для сотрудников органов внутренних дел, которая будет заключаться в сниженной процентной ставке. Данная политика сделает полицейских более защищёнными от социальных рисков [2, с. 253].

Правовой статус сотрудника полиции базируется на правах, обязанностях и ответственности, которые регламентируются законодательством. Но отметим, что в нормах встречаются неточности, которые следует изменить или отредактировать:

− ст. 10 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывает, что сотрудник органов внутренних дел – это «гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава». На наш взгляд, некорректно сформулирована норма ввиду отсутствия указания на гражданство Российской Федерации. Статью следует дополнить словосочетанием «гражданин Российской Федерации»;

− п. 5 ст. 11 Федерального закона о службе в ОВД указывает на право сотрудника вносить предложения о совершенствовании деятельности федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Однако ввиду введённой практики анкетирования, как правило, ведётся опрос, где следует указать как положительные, так и негативные стороны службы, в то же время как законодательство не содержит положения о защите сотрудника в случае негативного высказывания ввиду неудовлетворительного положения. Следует внести нормы, защищающие права сотрудника в случае высказываний об отрицательных сторонах прохождения службы;

− ст. 4 Федерального закона о службе в ОВД, закрепляющая принципы службы в органах внутренних дел, необходимо дополнить такими принципами, как обладание сотрудником органов внутренних дел профессионализмом и компетентностью; взаимодействие с общественными объединениями и гражданами. Данные принципы должны быть указаны в федеральном законе ввиду особенности службы в полиции и правового статуса государственного служащего.

На сегодняшний день в сфере социальной поддержки сотрудников органов внутренних дел имеются широкие социальные гарантии, которые регламентируются большим количеством нормативных правовых актов. В силу загруженности и интенсивности работы сотрудники полиции не всегда в полном объёме знают о своих социальных правах и гарантиях. В этой связи считаем необходимым законодательно закрепить инструкцию по информированию и непосредственному предоставлению социальных гарантий рядовым сотрудникам, возложив эти обязанности на подразделение по работе с личным составом МВД.

В заключение отметим, что в целом законодательство, регламентирующее службу в полиции, отвечает запросам своего времени, стандартам и требованиям, предъявляемым федеральным законодательством к таким видам государственной службы, как государственная служба в органах внутренних дел. Рассмотренные нами предложения по изменению и дополнению законодательства сделают систему нормативного правового регулирования службы в полиции более содержательной и приемлемой в сегодняшних условиях.

Список литературы

1. Ваховский Д.В. Кадровый голод Министерства внутренних дел современной России: анализ и методология ликвидации / Д.В. Ваховский // Молодой ученый. – 2023. – №38(485). – С. 93–95. EDN CTFKPQ

2. Николаева Е.А. Государственная социальная поддержка: проблема дефинитивного характера / Е.А. Николаева, О.Е. Тарасова // Наука и образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции (Караганда, 28 апреля 2023 г.). Т. 1. – Караганда: РИО «Болашак-Баспа», 2023. – С. 253–255. EDN HYJPGF

3. Приказ МВД России «Об установлении размеров месячных окладов в соответствии с замещаемой должностью по нетиповым должностям сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» №373 от 16.06.2025.

4. Саукова-Сальникова Е.К. Систематизация особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД / Е.К. Саукова-Сальникова // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – №4. – С. 101–104. DOI 10.24412/2658-638X-2022-4-101-104. EDN VKJOIO

Харисов Разиль Рустамович
магистрант
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА КОММЕРЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ

Аннотация: *единоличный исполнительный орган – обязательный орган любой коммерческой корпорации, играющий важную роль в управлении корпорацией. В статье освещаются ключевые аспекты правового статуса единоличного исполнительного органа. Автор рассматривает актуальные вопросы правосубъектности и полномочий единоличного исполнительного органа, а также отдельное внимание уделяет проблеме разграничения норм корпоративного и трудового права в регулировании правового статуса единоличного исполнительного органа.*

Ключевые слова: *единоличный исполнительный орган, коммерческая корпорация, управление коммерческой корпорацией, правовой статус органа коммерческой корпорации.*

Согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Правовая природа органа юридического лица двоякая: в ней сочетаются начала особого представительства юридического лица и самостоятельность органа, выражающаяся в его правосубъектности.

Роль исполнительных органов управления коммерческой корпорации, главным образом, заключается в непосредственной реализации воли тех органов, которые принимают ключевые решения по управлению – общего собрания участников и совета директоров. Вместе с тем исполнительные органы на уровне своей компетенции сами образуют волю юридического лица. Важным элементом правового статуса исполнительного органа, на наш взгляд, является его право не выполнять указаний общего собрания акционеров, если его действия принесут вред интересам общества, предусмотренное п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Единоличный исполнительный орган (далее – ЕИО) – обязательно создаваемый орган юридического лица. Примечательно, что гражданское законодательство не приводит перечня вопросов, составляющих компетенцию ЕИО. Законодатель лишь очерчивает пределы компетенции ЕИО. Такие пределы определяются:

1) компетенцией общего собрания и совета директоров. Согласно п. 3 ст. 65.3 ГК РФ устанавливается особый принцип определения компетенции ЕИО, по выражению И.С. Шиткиной – принцип остаточной компетенции [1, с. 24]. Суть данного принципа заключается в том, что ЕИО осуществляет любые полномочия, которые не охвачены компетенцией общего собрания и совета директоров;

2) текущей деятельностью коммерческой корпорации. Вопросы, не связанные с текущей деятельностью, не могут входить в компетенцию ЕИО, даже при теоретической применимости к ним остаточного принципа. Критерий отнесения того или иного полномочия к текущей деятельности допускает как сужение, так и расширение перечня полномочий ЕИО. Ключевым правовым источником, конкретизирующим компетенцию ЕИО, является устав корпорации, но устав не исчерпывает всех возможных вопросов.

В литературе отмечается также, что компетенция ЕИО зависима от конфликта интересов, например, при банкротстве, внутрихолдингового регулирования, корпоративных обычаев [2, с. 30]. Полагаем, указанные критерии следует рассматривать как частности текущей деятельности;

3) интересами корпорации. Фактически реализация ЕИО полномочий, входящих в пределы, определяемые предыдущими пунктами, проходит также и третий рубеж – проверку на соответствие интересам корпорации. То есть, если какое-либо действие, теоретически входящее в компетенцию ЕИО, по существу, не отвечало интересам корпорации, ЕИО несет за это ответственность.

Более подробная детализация правового статуса исполнительных органов приводится в положениях специальных законов. Стоит также отметить, что отдельные полномочия ЕИО коммерческих корпораций рассредоточены в нормах различных нормативных правовых актов. Например, согласно ч. 1 ст. 7 Закона о бухучете на ЕИО возлагается организация ведения бухгалтерского учета и хранения документов бухучета. Согласно ч. 1 ст. 27, ч. 5 ст. 80 НК РФ ЕИО ответственен за уплату налогов и сдачу налоговых деклараций.

Касательно правового статуса ЕИО представляется необходимым осветить следующий важный аспект.

Правовой статус ЕИО управления коммерческой корпорации регулируется системой норм корпоративного и трудового права, в связи с чем обозначенная проблематика является довольно противоречивой. Стоит согласиться с М.А. Рожковой в том, что ЕИО не должен восприниматься исключительно как работник, осуществляющий трудовую функцию, в особенности при его участии в корпоративных отношениях [3, с. 25]. Также представляется верной позиция О.В. Гутникова, который указывает, что согласно п. 4 ст. 53 ГК РФ отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются ГК РФ и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах. Тем самым признана корпоративная и при этом гражданско-правовая природа управленческих отношений между юридическим лицом и лицами, входящими в состав органов юридического лица [4, с. 148].

Так, проблема определения правового статуса директора коммерческой корпорации сводится, главным образом, к определению соотношения п. 4 ст. 53 ГК РФ, согласно которому отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются гражданским законодательством, и гл. 43 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), регулирующей особенности труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации.

На наш взгляд, правовой статус директора коммерческой корпорации не должен сводиться исключительно к гражданско-правовому или трудовому регулированию. Гражданское право составляет основу российского частного права. Трудовое право – так же является отраслью частноправового характера, самостоятельность которой обусловлена спецификой методов правового регулирования: в целом трудовые отношения регулируются диспозитивными нормами, но в части, требующей защиты работника как наиболее уязвимой стороны отношений, имеет место императив. Трудовое право регулирует особую группу гражданских правоотношений и в соотношении с гражданским правом может быть охарактеризовано в качестве специального. В свою очередь, корпоративное право не обладает самостоятельностью, в связи с чем рассматривается нами как система общих норм, обобщенная по признаку специфики регулируемых отношений.

С учетом изложенного мы полагаем, что требования норм трудового законодательства должны учитываться в правовом статусе директора коммерческой корпорации в полной мере. Как указал Пленум Верховного Суда РФ: «трудовая функция руководителя состоит в осуществлении руководства организацией, в том числе выполнении функций ее единоличного исполнительного органа, т.е. в совершении от имени организации действий по реализации ее прав и обязанностей, возникающих из гражданских, трудовых, налоговых и иных правоотношений» [5].

При этом конфликты между нормами трудового и корпоративного права в контексте статуса директора должны разрешаться с учетом оценки характера самого конфликта: так, если спорные отношения попадают под прямое действие ТК РФ, то разрешаются на основании

трудовых норм. Если речь идет о конфликте в рамках корпоративных отношений, то разрешать его следует силами норм корпоративного права.

Список литературы

1. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография / И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2022. – 316 с.
2. Косякин И.А. Конфликт интересов в деятельности единоличного исполнительного органа / И.А. Косякин // Право и экономика. – 2021. – № 7. – С. 29–33. EDN TRHNBZ
3. Аитова Ю.Ф. К вопросу об определении компетентного органа по спорам о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / Ю.Ф. Аитова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – №5. – С. 23–27. DOI 10.18572/1812-383X-2022-5-23-27. EDN PRXAQZ
4. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О.В. Гутников. – М., 2019. – 488 с. EDN KXKHHD
5. О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – №7. – Июль.

Хеж Софья Эдуардовна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТА ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация*: в статье рассматривается проблема признания криптовалюты полноценным объектом финансовых правоотношений в России. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых финансовых технологий, ростом оборота криптовалют и отсутствием адекватного правового регулирования данной сферы. Цель исследования – предложить направления для включения криптовалюты в систему финансовых правоотношений и определить правовые возможности для этого. В методологическую основу были положены общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), а также частно-научные – формально-юридический, сравнительно-правовой и анализ судебной практики. Практическая значимость исследования состоит в разработке финансово-правовых мер по признанию криптовалюты объектом финансовых правоотношений.*

Ключевые слова*: криптовалюта, легитимация, объект финансовых правоотношений, финансовое право, цифровые финансовые активы, Банк России, правовое регулирование.*

Актуальность исследования проблемы легитимации криптовалюты как объекта финансовых правоотношений в России обусловлена фундаментальной трансформацией финансовых рынков под влиянием цифровизации. Традиционное понимание объектов финансовых правоотношений, к которым относятся денежные средства, государственные и муниципальные фонды, бюджетные ассигнования, налоги и сборы, сталкивается с необходимостью признания новых цифровых феноменов. В условиях санкционного давления и необходимости укрепления национальной финансовой суверенности особую значимость приобретает достаточное правовое регулирование оборота криптовалют и признание их легальными объектами финансовых правоотношений [3].

Основной вектор правового регулирования в данной сфере задает Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу в 2020 году. Под цифровыми финансовыми активами в нем понимаются цифровые права, которые могут выражаться в денежных требованиях, в праве на получение дохода по эмиссионным ценным бумагам, в

участии в капитале непубличных акционерных обществ. Последующие изменения, внесенные в конце 2025 года, ввели понятие «долговых цифровых финансовых активов» – это разновидность цифровых прав, ограниченная исключительно денежными требованиями [1].

Отмеченные позитивные изменения не устраняют, однако, ряда существенных пробелов в признании криптовалюты объектом правового регулирования. В российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «криптовалюта». Данный термин широко используется в доктрине и деловом обороте, однако формально не закреплён, что затрудняет единообразное толкование правовых норм правоприменительными органами. Криптовалюта не отнесена ни к объектам гражданских прав (статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации – ГК РФ), ни к объектам финансовых правоотношений. Отсутствие легального определения и чёткого правового статуса создаёт проблемы для судебной защиты прав владельцев криптовалют, для их включения в конкурсную массу при банкротстве, для наследования и для исполнения налоговых обязательств [2].

Серьезную проблему для признания криптовалюты легальным объектом создает отсутствие правового регулирования деятельности участников её оборота. Криптообменники и криптобиржи фактически находятся в серой зоне при отсутствии требований к их регистрации, лицензированию и отчётности. Неконтролируемый отток капитала через криптовалютные каналы создаёт возможности для уклонения от налогообложения и легализации доходов, полученных преступным путём. Дополнительным фактором риска выступает международная изоляция России в сфере обмена налоговой информацией по криптоактивам: Российская Федерация не присоединилась к глобальному стандарту Cryptoasset Reporting Framework (CARF), разработанному Организацией экономического сотрудничества и развития, в то время как 75 стран уже обязались внедрить этот стандарт, а 48 юрисдикций, включая Великобританию, все страны Европейского союза, Бразилию, Канаду, Японию и Южную Корею, начали сбор данных с 1 января 2026 года [6].

В декабре 2025 года Банк России представил Концепцию регулирования криптовалют, которая задала основные ориентиры для признания криптовалюты в правовом поле на ближайшую перспективу [4]. В данном документе зафиксирован переход Банка России от полного запрета к правовому регулированию оборота криптовалют. Криптовалюты предлагается признать объектами гражданских прав (имуществом), но запретить их использование как платёжного средства внутри России. Доступ к операциям дифференцируется: для лиц без специального статуса вводятся ограничения, для профессиональных участников же наоборот расширенные возможности. Для неквалифицированных лиц устанавливается обязательное подтверждение понимания юридических последствий и годовой лимит – 300 тысяч рублей. Профессиональным же участникам предполагается разрешить покупку любых криптовалют без количественных ограничений. Разработку соответствующих законодательных актов планируется завершить к 1 июля 2026 года, а с 1 июля 2027 года – ввести ответственность за незаконное оказание услуг посредниками на рынке криптовалют.

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие варианты решения проблемы легитимации криптовалюты в качестве объекта финансовых правоотношений:

В качестве первоочередной меры предлагается закрепление легального определения криптовалюты в законодательстве. Целесообразно дополнить ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статьёй, содержащей определение криптовалюты как цифровой валюты, создаваемой и учитываемой в распределённом реестре, добавить положения о ее эмиссии. Одновременно необходимо дополнить статью 128 ГК РФ с указанием на криптовалюту как на объект гражданских прав (подходит к пункту иное имущество).

Следующий подход – легализация криптообменников с их обязательным лицензированием. Необходимо предусмотреть возможность легальной работы криптообменников после включения в специальный реестр Банка России, установить требования к их регистрации, лицензированию и отчётности. Для нелегальных обменников необходимо ввести

административную и уголовную ответственность по аналогии с ответственностью за нелегальную банковскую деятельность, как это предлагается в концепции Банка России.

Третьим направлением выступает признание криптовалюты валютной ценностью, что в качестве предложения вносит Концепция Банка России. Данное решение позволит распространить на операции с криптовалютами режим валютного контроля, включая обязанность резидентов уведомлять налоговые органы об открытии и закрытии счетов на иностранных криптобиржах, а также о движении средств по таким счетам.

Отдельное решение заключается в присоединении к международному стандарту CARF. Россия не участвует в CARF, что создаёт риски использования криптовалют для уклонения от налогообложения и оттока капитала за рубеж. Тем временем, данная мера позволит получать информацию об операциях российских граждан на зарубежных криптоплатформах для целей налогового контроля, осуществлять автоматический обмен информацией с налоговыми органами других стран-участниц [5].

Итак, в настоящем времени проблема легитимации криптовалюты в качестве объекта финансовых правоотношений в Российской Федерации остаётся нерешённой. Эволюция законодательства о цифровых финансовых активах, а также концепция Банка России о регулировании криптовалют свидетельствуют о переходе от запретительной модели регулирования к модели контролируемой легализации. Внедрение предложенные вариантов решения внедрение позволит не только урегулировать обращение криптовалют, но и укрепить финансовую безопасность государства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31. – Ст. 5018.

2. Федеральный закон от 15.12.2025 №466-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 3 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №51. – Ст. 8912.

3. Аминова Э.М. Влияние внешних рисков на обеспечение финансовой и экономической безопасности Российской Федерации / Э.М. Аминова // Право и управление. XXI век. – 2020. – Т. 16, №2 (55). – С. 68–75. DOI 10.24833/2073-8420-2020-2-55-68-75. EDN MWTDIR

4. ЦБ представил концепцию регулирования криптовалют // Ведомости. – 2025. – 23 декабря. – URL: https://www.vedomosti.ru (дата обращения: 14.04.2026).

5. Чумаков М.В. Криптовалюта в правовом поле Российской Федерации: состояние, проблемы и тенденции развития / М.В. Чумаков // Финансовые рынки и банки. – 2026. – №2. – С. 302–304. EDN АНОЕНТ

6. 48 countries launch global collection of data on crypto transactions. – URL: https://leomining.ru (date of access: 14.04.2026).

Чечкина Екатерина Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

СООТНОШЕНИЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В КАССАЦИОННЫХ СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И В СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье анализируются процессуальные особенности двух видов кассационного пересмотра в гражданском процессе: в кассационном суде общей юрисдикции и в Судебной коллегии Верховного Суда РФ. Выявлены различия в порядке подачи жалоб и основаниях для отмены решений. Для второго пересмотра основания – существенные нарушения норм права, однако их определение законодательно не закреплено. Предложено внести изменения в ГПК РФ, конкретизировав критерии существенных нарушений материального и процессуального права.*

Ключевые слова: *кассационный пересмотр, гражданский процесс, существенные нарушения, Верховный Суд РФ.*

Один из самых актуальных и, пожалуй, обсуждаемых процессуалистами на протяжении длительного времени продолжает оставаться вопрос о совершенствовании процессуального порядка пересмотра вступивших в силу судебных постановлений, что обусловлено многими, в подавляющем большинстве, объективными факторами [1]. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) закрепляет два вида пересмотра дела в кассационном порядке.

Сущность кассационного производства состоит в проверке законности судебных решений, поиске судебных ошибок и их исправлении, а также в осуществлении судебного контроля вышестоящих судов над нижестоящими и создании условий для правомерной работы судов первой и второй инстанций.

Значение пересмотра дел в кассационном порядке состоит в том, что таким образом осуществляется реализация принципа законности, согласно которому гражданские дела должны рассматриваться и разрешаться в точном соответствии с нормами материального права и при условии строгого соблюдения норм процессуального права [2], то есть в том случае, если лицо полагает, что дело было рассмотрено с нарушением норм права, у него есть возможность и право на рассмотрение дела в законном порядке. Более того, кассационный порядок пересмотра дел является базой для изучения законодательства, составления и анализа статистики судебной практики. Таким образом, можно сделать вывод о причинах осуществления пересмотра, что позволит в дальнейшем принять необходимые меры, направленные на их минимизацию.

Несмотря на то что кассационный пересмотр в кассационном суде общей юрисдикции и в Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации имеет общие цели и задачи, существуют и существенные отличия.

Так, во-первых, если более детально рассмотреть значение, то некоторые авторы выделяют пересмотр в Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (далее – второй кассационный пересмотр) в качестве дополнительной гарантии законности [3], так как данная стадия является исключительной и неординарной, далеко не все жалобы рассматриваются в судебном заседании.

Отсюда можно выделить следующее существенное различие – в рамках второго кассационного пересмотра осуществляется отбор жалоб, которые будут рассмотрены в судебном заседании, в то время как пересмотр дела в кассационном суде общей юрисдикции (далее –

первый кассационный пересмотр) является сплошным, все жалобы проверяются в судебном заседании [4].

Рассмотрим порядок подачи кассационной жалобы. Так, в рамках первого кассационного пересмотра жалобу необходимо подавать через суд первой инстанции, в котором было рассмотрено дело. В свою очередь суд первой инстанции должен в течение трёх дней осуществить отправку жалобы в кассационный суд общей юрисдикции. Второй кассационный пересмотр предполагает подачу жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации. Это связано с необходимостью обеспечить максимально эффективный судебный контроль, нивелировав этапы, тормозящие осуществление судопроизводства.

Подача кассационной жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации означает, что существует затянувшееся нарушение норм, которое необходимо скорее устранить.

Следует рассмотреть отличия оснований для изменения и отмены судебных решений. Так, для первого кассационного пересмотра предусмотрены, согласно ГПК РФ, следующие основания: несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела; нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. К неправильному применению норм материального права относятся:

− неприменение закона, подлежащего применению;

− применение закона, не подлежащего применению;

− неправильное истолкование закона. Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения, а также безусловные нарушения, указанные в ст. 379.7 ГПК РФ.

Для второго кассационного пересмотра установлено, что основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права. Стоит отметить, что указаний на то, что является существенными нарушениями, нет, что порождает множество проблем правоприменения.

Для разрешения данного пробела стоит внести некоторые изменения в ГПК РФ, указав на то, что существенные нарушения норм материального права представляют собой неприменение закона, подлежащего применению; применение закона, не подлежащего применению; неправильное истолкование закона. Существенное нарушение норм процессуального права также можно конкретизировать, сославшись на ст. 379.7 ГПК РФ.

Можно сделать вывод, что пересмотр судебного решения в кассационном суде общей юрисдикции и в Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации имеют существенные отличия. Для наиболее полного разграничения необходимо ввести критерии, по которым можно определить понятия «существенные нарушения норм материального и процессуального права» как основания для изменения или отмены судебных решений.

Список литературы

1. Зеленская Л.А. Некоторые вопросы соотношения способов проверки вступивших в силу судебных постановлений в гражданском судопроизводстве / Л.А. Зеленская // 30 лет юридической науки КУБГАУ: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Краснодар, 10 декабря 2021 г.) / под ред. В.Д. Зеленского; отв. за вып. С.А. Куемжиев, А.А. Тушев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2021. – С. 64–68. EDN NZMEUU.

2. Черенков А.Д. Принцип законности в гражданском процессуальном праве / А.Д. Черенков, С.Ш. Саидова // Аллея науки. – 2025. – Т. 2. №4(103). – С. 401–405. EDN ZMFZPI

3. Зеленская Л.А. К вопросу о сущности процессуальных полномочий председателя Верховного суда Российской Федерации / Л.А. Зеленская // Юриспруденция: теория и практика. – 2023. – №1. – С. 41–45. EDN FYWICO.

Шайдуллина Айсылу Артуровна
студентка
Лягин Кирилл Айратович
соискатель, старший преподаватель

УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРОБЕЛАХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация*: в статье рассматривается правоприменительная политика государства в условиях существования пробелов в действующем законодательстве. Анализируются причины их возникновения и способы преодоления. Особое внимание уделяется применению аналогии закона и аналогии права как инструментам восполнения существующих пробелов. Обосновывается значение правоприменительной политики в обеспечении эффективного правового регулирования, что особо важно в контексте декларированной задачи построения правового и социального государства.*

Ключевые слова*: правовая политика, правоприменительная политика, пробелы в праве, аналогия закона, аналогия права, государство.*

Правовая политика государства в целом представляет собой целенаправленную и системную деятельность по формированию, развитию и совершенствованию правовой системы, обеспечивающую регулирование общественных отношений. Эффективность правовой политики во многом определяется не только качеством нормативного материала, но и уровнем его реализации на практике. В этой связи представляется необходимым обратиться к рассмотрению правоприменительной политики государства как важнейшего элемента и направления осуществления общей правовой политики [3].

Правоприменительная политика государства представляет собой научно обоснованную и последовательную деятельность государственных и общественных институтов. Она направлена на выработку стратегии и тактики применения права, а также на создание условий для эффективной правоприменительной работы и правового развития государства. Простыми словами, правоприменительная политика – это продуманная и системная работа государственных органов и общества, целью которой выступает определение того, как именно должны применяться законы, а также создание всех необходимых условий для того, чтобы правовая система государства работала эффективно с учётом потребностей и тенденций современного общества.

Проблема существования пробелов в законодательстве не является новой, поскольку вопросы эффективности отдельных законов поднимались юридической наукой в различные исторические периоды. Отметим, что в российской правовой системе главный и официально закреплённый источник права – это нормативно-правовой акт. Важно понимать, что ни одно законодательство, даже в своей развитой форме, не может предусмотреть всё многообразие ситуаций. Даже существующий нормативный акт, который, казалось бы, должен содержать соответствующее правовое опосредование, регулирует общественные отношения в общем порядке и тем самым может не предусматривать некоторые возможные коллизии, которые могут возникнуть на практике, что ведёт к появлению пробелов в законодательстве.

Отдельно стоит сказать о том, что на пробелы в законодательстве большое влияние оказывает динамичность общественных отношений, опережающая правотворческую деятельность. Данное явление является естественным следствием, поскольку некоторые ситуации в тот или иной период времени не получили правового регулирования в виде соответствующей нормы. Само законодательство сформировано и применяется на основе определённых

принципов и правил, которые как раз находят своё отражение в правовой политике государства в целом и правоприменительной в частности.

Соотношение правовой политики государства и пробелов в законодательстве проявляется прежде всего в сфере правоприменительной деятельности, где отсутствие прямого нормативного регулирования отдельных общественных отношений требует выработки компенсаторных механизмов.

В условиях наличия пробелов правоприменительная практика, в свою очередь, ориентируется на использование правовой аналогии. При этом правовая политика государства определяет допустимые пределы такого усмотрения, тем самым обеспечивая баланс между необходимостью восполнения пробелов и соблюдением принципа законности. Хочется обратить внимание на то, что эффективность правоприменительной деятельности в подобных ситуациях зависит от уровня развития правовой системы, качества юридической техники и степени согласованности нормативного материала.

Для устранения пробелов в законодательстве существует институт правовой аналогии, в котором выделяют два основных её вида: аналогию закона и аналогию права. Для аналогии как правового института характерны следующие признаки: обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия относительно определённой группы правовых отношений, а также воздействие на отношения, которые непосредственно не урегулированы [5].

Следовательно, сущность аналогии заключается в том, чтобы обеспечить регулирование тех общественных отношений, которые на момент их возникновения не получили прямого закрепления в законодательстве, но требуют такого же правового урегулирования. Иными словами, при отсутствии конкретной нормы законодатель должен устранить подобный пробел путём издания соответствующего правового предписания, тогда как субъект правоприменительный орган использует механизм аналогии для восполнения или преодоления выявленных пробелов в праве [2].

Применение аналогии основывается на идее единообразного разрешения сходных общественных отношений: если ситуации по своему содержанию близки, то и правовые последствия должны определяться одинаково. В национальном законодательстве условия применения аналогии права и аналогии закона предусмотрены в гражданском праве. Статья 6 Гражданского кодекса Российской Федерации разграничивает понятия «аналогия закона» и «аналогия права», устанавливая между ними чёткое различие и определяя особенности их применения в конкретных ситуациях [1].

Аналогия закона предполагает применение нормы права, регулирующей сходные по своему содержанию общественные отношения, при отсутствии прямого нормативного предписания. Данный способ позволяет обеспечить преемственность правового регулирования и сохранить его системность. В случаях, когда применение аналогии закона невозможно в силу отсутствия сходной нормы, используется аналогия права, основанная на обращении к общим принципам, началам и смыслу законодательства. По мнению некоторых исследователей, к аналогии права обращаются лишь тогда, когда невозможно подобрать близкую, аналогичную норму. Применение аналогии права требует более высокого уровня правосознания и подготовки правоприменительных органов, поскольку это связано с оценочной деятельностью и необходимостью выявления практической сущности правового регулирования [4].

Таким образом, подводя определённые итоги, отметим, что использование аналогии закона и аналогии права выступает важнейшим средством восполнения пробелов в законодательстве, обеспечивая непрерывность правового регулирования и возможность разрешения конкретных юридических ситуаций даже при отсутствии прямого нормативного закрепления. Одновременно с этим данные механизмы способствуют выявлению недостатков действующего законодательства и стимулируют его дальнейшее совершенствование.

В заключение необходимо отметить, что правоприменительная политика государства играет ключевую роль в обеспечении стабильности и правопорядка, особенно в условиях наличия пробелов в законодательстве. Эффективное преодоление таких пробелов невозможно без

научно обоснованного, последовательного и комплексного подхода со стороны государственных органов и институтов гражданского общества. Стратегия и тактика деятельности правоприменительных органов должны быть направлены не только на оперативное восполнение правовых пробелов с помощью аналогии закона, аналогии права или судебного прецедента, но и на создание долгосрочных механизмов, предотвращающих возникновение подобных ситуаций в будущем. Это требует постоянного мониторинга правоприменительной практики, анализа судебной деятельности и своевременного совершенствования нормативно-правовой базы. Таким образом, качество правоприменительной политики напрямую определяет уровень правовой защищённости граждан и организаций, а также способствует гармоничному развитию всей правовой системы Российской Федерации. Только системная работа по устранению пробелов и совершенствованию механизмов политики применения права способна обеспечить верховенство закона и укрепить доверие общества к государству, что особенно важно в рамках политики повышения эффективности законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.03.2026).

2. Сабанина Н.О. К вопросу о механизмах преодоления правовых пробелов в системе правоприменения: роль аналогии и разграничение полномочий законодателя и правоприменителя / Н.О. Сабанина, Н.В. Кузнецова, Н.Н. Панов // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: материалы конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. – С. 100–110.

3. Лягин К.А. Эффективность права и правового регулирования: общетеоретические аспекты / К.А. Лягин // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 18 декабря 2024 г.). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 304–307. EDN LPJOJC

4. Пиголкин А.С. Теория государства и права: учебник для вузов / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 516 с.

5. Романенко Д.И. Аналогия в системе российского гражданского права / Д.И. Романенко // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №9(70). – С. 76–80. DOI 10.17803/1994-1471.2016.70.9.076-080. EDN XQOEPR

ТРУДОВОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кильдиярова Ильсия Кирамовна
студентка
Научный руководитель
Сафаров Владислав Раильевич
старший преподаватель

Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Сибай, Республика Башкортостан

АВТОМАТИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА

Аннотация: *в статье анализируется влияние автоматизации и внедрения искусственного интеллекта на рынок труда. Рассматриваются понятие технологической безработицы, отрасли, наиболее подверженные автоматизации, а также правовые механизмы защиты работников в новых условиях. Авторы приходят к выводу, что автоматизация неизбежно приведёт к сокращению ряда профессий, но одновременно создаст новые рабочие места, требующие иной квалификации.*

Ключевые слова: *автоматизация, технологическая безработица, искусственный интеллект, рынок труда, цифровая экономика, защита работников, переквалификация.*

Технологии развиваются стремительно. Ещё двадцать лет назад никто не мог представить, что кассиры в магазинах начнут исчезать, а грузовики будут ездить без водителей. Сегодня это реальность. Автоматизация проникает во все сферы жизни: от промышленности до банковского дела, от логистики до юриспруденции. Вместе с этим растёт страх перед технологической безработицей. Люди боятся потерять работу и не найти новую [1; 2].

Что такое технологическая безработица? Это явление, при котором внедрение машин, роботов и программного обеспечения приводит к высвобождению работников, чьи функции больше не нужны. В отличие от кризисной безработицы, технологическая носит структурный характер. Она не проходит сама собой, когда экономика восстанавливается. Она требует от человека смены профессии, обучения новым навыкам, иногда – переезда в другой регион [3].

Какие профессии в зоне риска? Первыми под удар попали рабочие специальности. Конвейерные линии на заводах теперь обслуживают роботы. Сварщики, сборщики, упаковщики – многие из них остались без работы. Затем пришла очередь офисных сотрудников. Бухгалтеры, операторы call-центров, переводчики, копирайтеры – всё это постепенно автоматизируется. Искусственный интеллект пишет тексты, переводит документы, проверяет отчёты. Делает это быстрее и дешевле человека [2].

Особенно показателен пример банковской сферы. Ещё лет десять назад в любом отделении банка сидело по 10–15 операционистов. Сегодня их заменили терминалы и мобильные приложения. Человек нужен только для сложных операций или консультаций. В Сбербанке за последние пять лет количество сотрудников сократилось на десятки тысяч, хотя объём услуг вырос в разы. Это и есть технологическая безработица в чистом виде [3].

Однако не всё так мрачно. История знает примеры, когда технологии не убивали рабочие места, а трансформировали их. Когда появились автомобили, извозчики потеряли работу. Но появились водители, механики, работники автозаправок. Когда компьютеры вошли в офисы, исчезли машинистки и секретари-стенографистки. Зато появились программисты, системные администраторы, дизайнеры. Так и сейчас: автоматизация одних профессий ведёт к появлению других [5].

Какие новые профессии уже возникают? Операторы дронов, специалисты по кибербезопасности, промпт-инженеры (те, кто умеет правильно задавать вопросы нейросетям),

аналитики данных, разработчики нейросетей. Это квалифицированные, высокооплачиваемые должности. Но проблема в том, что бывший кассир или водитель не может просто так взять и стать аналитиком данных. Для этого нужно учиться, часто – несколько лет. И не у всех есть на это время и деньги [1; 2].

Вот главная дилемма технологической безработицы. Скорость изменений на рынке труда выше, чем скорость переобучения работников. Человек теряет работу сегодня, а новую профессию может получить только через год-два. Что он будет делать это время? Как будет кормить семью? Ответов на эти вопросы пока нет ни у государства, ни у бизнеса.

Что говорит закон? Трудовой кодекс РФ пока не содержит специальных норм о технологической безработице. Работник, попавший под сокращение из-за автоматизации, получает те же гарантии, что и при обычном сокращении штата: выходное пособие, сохранение среднего заработка на время поиска работы, приоритетное право на трудоустройство на вакансии у того же работодателя. Но этого явно недостаточно [2].

В развитых странах уже пытаются решать эту проблему. В Германии действуют программы повышения квалификации, которые финансирует государство вместе с бизнесом. Работник, чью профессию автоматизировали, может бесплатно пройти переобучение и получать пособие на это время. В Финляндии экспериментировали с безусловным базовым доходом – выплачивали безработным деньги без всяких условий. Эксперимент показал, что люди не перестают искать работу, зато меньше нервничают и тратят время не на отчёты в центр занятости, а на реальное обучение [3; 4].

Что можно предложить для России? Во-первых, нужно менять систему профессионального образования. Она должна стать гибкой. Короткие курсы, модульное обучение, возможность быстро получить новую специальность – вот что нужно. Во-вторых, бизнес должен участвовать в переобучении. Если компания увольняет человека из-за внедрения роботов, она обязана оплатить ему курсы повышения квалификации. В-третьих, государству стоит запустить программу «цифровых ваучеров» – каждый потерявший работу из-за автоматизации получает сертификат на бесплатное обучение любой IT-специальности [1].

Важный вопрос: кто должен платить за переобучение? Логично, что бизнес, который внедряет автоматизацию и получает от этого экономию. Но у бизнеса другой аргумент: мы инвестируем в технологии, чтобы оставаться конкурентными. Если нас заставят ещё и платить за обучение уволенных, мы уйдём в другой регион или вообще закроемся. Государство должно найти баланс. Например, ввести налог на роботов – невысокий процент от стоимости автоматизированного рабочего места. Собранные средства направлять на переобучение и поддержку уволенных [2; 3].

Ещё один аспект – возрастная дискриминация. Человеку за пятьдесят сложнее переучиваться, чем двадцатилетнему. Но именно люди старшего поколения чаще всего попадают под сокращение при автоматизации. Нужны специальные программы для них: более длительные курсы, наставничество, частичная занятость на период обучения. Суды уже рассматривают дела, где уволенного из-за автоматизации пожилого работника восстанавливали, потому что работодатель не предложил ему альтернативную вакансию или не предоставил возможности переобучиться [3; 4].

Что в итоге? Автоматизация и технологическая безработица – это неизбежность. Остановить прогресс нельзя, да и не нужно. Роботы и нейросети делают жизнь удобнее, товары – дешевле, а людей освобождают от рутинной работы. Но государство и бизнес должны подготовиться к этому переходу. Массовые увольнения без системы переобучения и поддержки приведут к социальному взрыву. Люди не против технологий, они против того, что их бросают на произвол судьбы [1; 2].

Главный вывод: технологическая безработица – это не приговор, а вызов. Справиться с ним можно, если заранее менять систему образования, создавать фонды переобучения за счёт бизнеса и не забывать о социальной защите. Те профессии, которые исчезают, никто не

вернёт. Но те, которые появляются, могут быть не хуже. Вопрос лишь в том, успеем ли мы подготовить к ним людей [4].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №31. – Ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1. – Ст. 3.
3. Успенская Е.В. Цифровая экономика и рынок труда: вызовы и перспективы / Е.В. Успенская. – М.: Инфра-М, 2024. – 280 с.
4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 (ред. от 25 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №30. – Ст. 4883.

Лавриненко Александра Александровна
канд. юрид. наук, доцент
Калининградский филиал
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Калининград, Калининградская область

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация*: в статье рассмотрены подходы к правовому регулированию отношений при прохождении службы в органах внутренних дел с точки зрения применения к ним трудового законодательства. Автор проводит анализ возможности субсидиарного применения трудового законодательства к служебно-трудовым отношениям в органах внутренних дел.*

Ключевые слова*: трудовое законодательство, сотрудник органов внутренних дел, служебно-трудовые правоотношения, органы внутренних дел.*

В современных условиях проблема эффективной реализации государством правоохранительной функции остаётся весьма актуальной, поскольку на возможности решения задач, возложенных на систему правоохранительных органов, воздействуют такие факторы, как режим финансовой экономии и значительная нехватка служащих в силовых ведомствах. Кадровый дефицит сформировался и в МВД России: в последнее время стало весьма затруднительно комплектовать подразделения профессионально подготовленными сотрудниками. Выступая в Государственной Думе, министр внутренних дел В. Колокольцев заявил, что число вакансий в органах внутренних дел достигло 212 тысяч. В первую очередь речь идёт о «ключевых подразделениях, непосредственно контактирующих с населением». Сегодня это уже социальная проблема общероссийского характера, так как рассматриваемая тенденция не может не отражаться на состоянии национальной безопасности и защищённости населения страны [1, с. 39]. В связи с этим обостряется вопрос о повышении уровня привлекательности службы в органах внутренних дел.

Эффективность привлечения граждан на государственную службу зависит от ряда факторов: прежде всего от уровня заработной платы, объёма социальных гарантий, полноценного обеспечения условий для выполнения должностных обязанностей.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел по своей природе относится к категории наёмного труда, так как она осуществляется лицами, находящимися в подчинении у работодателя, и обладает возмездным характером. Вместе с тем это один из видов государственной службы, подпадающих под действие специального законодательства. В связи с этим специфика службы в органах внутренних дел выражается в симбиозе трудовых и служебных отношений, что создаёт почву для неопределённости в её правовом регулировании.

Предметом регулирования трудового законодательства являются трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения. На государственных служащих, согласно ст.

11 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о государственной службе. При этом, в соответствии со ст. 5 ТК РФ, нормы трудового права, содержащиеся в иных федеральных законах, должны соответствовать Трудовому кодексу. Важно иметь в виду, что трудовое законодательство относится к сфере регулирования частноправовых отношений, что предопределяется принципами свободы труда, равенства прав и возможностей работников.

Правовой основой прохождения службы в системе МВД России являются Федеральный закон «О полиции» [2], Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел» [3] и ряд других нормативно-правовых актов. Они закрепляют масштабный комплекс норм, складывающихся в административный правовой институт, регулирующий публично-правовые отношения в рассматриваемой нами сфере.

Таким образом, следует подчеркнуть, что трудовые отношения в сфере деятельности органов внутренних дел регулируются принципиально разными по своей сути отраслями права – трудовым и административным, – что не может способствовать единообразию правоприменительной практики. Например, иски сотрудников органов внутренних дел, поданные по одним и тем же основаниям, в одних случаях рассматриваются судами как служебные, а в других – как трудовые, в связи с чем при их разрешении применяются разные нормы права.

Статья 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел» предусматривает применение трудового законодательства к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, но только в тех случаях, когда они неурегулированы специальным законодательством. Вместе с тем в названном нормативно-правовом акте есть нормы, прямо указывающие на ситуации, когда возникает необходимость применения положений именно трудового законодательства, а также на субъектов правоотношений, деятельность которых в органах внутренних дел рассматривается исключительно как трудовая. Это, например, касается правоотношений, возникающих между МВД России и стажерами или беременными женщинами-сотрудниками.

Необходимо обратить внимание на то, что несформированность единообразного подхода к правоотношениям в сфере прохождения службы в органах внутренних дел является следствием отсутствия разграничения правового статуса их сотрудника как наёмного работника и как представителя силовой структуры. Это связано с тем, что сотрудник органов внутренних дел обладает особым правовым статусом, предполагающим, помимо прав и обязанностей, которые характерны для работников, наличие ряда ограничений и запретов, соблюдение которых является обязательным условием прохождения им службы.

Если исходить из общепринятых начал трудового законодательства, то установление для работников каких-либо ограничений и запретов недопустимо. С другой стороны, необходимо учитывать позицию Конституционного Суда по данному вопросу. А она основывается на ст. 55 Конституции, которая закрепляет основания ограничения прав и свобод человека и гражданина (в том числе для обеспечения обороны страны и безопасности государства). «Установленные нормативными актами запреты... в отношении сотрудников органов внутренних дел, – пишет С.П. Матвеев, – являются обоснованными с позиции закона и объяснимыми с точки зрения специфики и условий службы» [4, с. 170].

В свою очередь, В.Б. Гольцов и В.С. Озеров указывают на то, что связь трудового права с нормативной базой деятельности органов внутренних дел прослеживается, в частности, в прямом репродуцировании норм трудового законодательства [5, с. 82]. Например, положения, определяющие нормальную продолжительность рабочего дня и регулирующие порядок привлечения сотрудников к исполнению обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности рабочего дня, в ночное время и выходные дни, являются повторением требований, закреплённых в ТК РФ.

К нарушению прав сотрудников органов внутренних дел могут приводить правовые коллизии, возникающие при внесении изменений в ТК РФ либо законы, регламентирующие их служебно-трудовую деятельность. Так случилось, например, когда «законодатель предпринял попытку ограничить работодателя в возможности необоснованного лишения работников премии, что теоретически должно способствовать установлению более справедливых систем премирования на предприятиях» [6, с. 63]. Однако изменения, внесённые в ст. 135 ТК РФ, не в полной мере коррелируют с нормами, определяющими порядок поощрения сотрудников органов внутренних дел и наложения на них взысканий.

Таким образом, есть основания констатировать, что необходимость субсидиарного применения норм трудового законодательства в деятельности органов внутренних дел влечёт за собой правоприменительную неопределённость: нормы какой отрасли права являются превалирующими в вопросе о правовом статусе их сотрудника – трудовой или административной?

Список литературы

1. Лавриненко А.А. Работа с законными представителями будущих абитуриентов образовательных организаций МВД России в рамках профориентации / А.А. Лавриненко, А.В. Петровская // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. – Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. – С. 39–44. EDN ZIJPQZ

2. Федеральный закон «О полиции» №3-ФЗ от 07.02.2011.

3. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №342-ФЗ от 30.11.2011.

4. Матвеев С.П. Служба в органах внутренних дел: проблемы субсидиарного применения трудового законодательства / С.П. Матвеев // Вестник Воронежского государственного университета. – 2019. – №2. – С. 159–173. EDN OLPJED

5. Гольцов В.Б. Обзор норм трудового права в законодательстве о службе в органах внутренних дел / В.Б. Гольцов, В.С. Озеров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №1(61). – С. 81–84. EDN SFDXJB

6. Лавриненко А.А. Об изменении подходов к установлению системы премирования работников в контексте трудового законодательства / А.А. Лавриненко // XIV Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы международной научно-практической конференции. – Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2026. – С. 63–64. EDN TFGVOR

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ПРИНЦИП ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕТСКОГО ТРУДА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: *в статье затронута проблема незаконного использования детского труда, обозначены международно-правовые и российские условия законности привлечения детей к трудовой деятельности. Автором рассмотрены способы выявления эпизодов незаконного использования детского труда и меры борьбы с ними.*

Ключевые слова: *Международная организация труда, детский труд, минимальный возраст приема на работу, трудовой договор, законные представители.*

Соблюдение принципа ограничения детского труда необходимо прежде всего для обеспечения прогресса в обществе. Очевидно, что без возможности получить образование ни о каком социально-экономическом развитии страны не может быть и речи [1, с. 118].

Конвенция МОТ №138 «О минимальном возрасте приема на работу», принятая в Женеве 26 июня 1973 года, оговаривает, что по общему правилу минимальный возраст приема на работу не может быт ниже возраста окончания обязательного школьного образования и во

всяком случае не может быть ниже 15 лет. В свою очередь, для государств с недостаточно развитыми экономикой и системой образования, предусмотрен пониженный минимальный возраст приема на работу, составляющий 14 лет. Национальным законодательством или правилами может допускаться прием на работу лиц в возрасте от 13 до 15 лет для легкой работы, которая не является вредной для их здоровья или развития и не наносит ущерба посещаемости школы. В то же время, для работ, которые могут нанести вред здоровью или нравственности подростка, минимальный возраст составляет 18 лет.

Чрезмерная гибкость Конвенции МОТ №138 повлекла ее неспособность в одиночку обеспечивать реализацию принципа ограничения детского труда и послужила одной из причин принятия 1 июня 1999 года Конвенции МОТ №182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», которая содержит конкретные меры (включая уголовно-правовые) для искоренения наихудших форм детского труда [2, с. 50 – 51; 3, с. 155]. К наихудшим формам детского труда Конвенция МОТ №182 относит рабство, использование детей в проституции и порноиндустрии; использование детей в иной уголовно наказуемой деятельности, приносящей доход [4, с. 132]. За данные преступные формы детского труда установлена уголовная ответственность (п. «б» ч. 2 ст. 127.2, ч. 3 ст. 240, ст. 240.1, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 241, ч. 2 ст. 242, ст. 242.1, ст. 242.2 УК РФ).

В соответствии со ст. 63 ТК РФ минимальный возраст для приема на работу по общему правилу составляет 16 лет, для тяжелых и опасных работ – 18 лет, для легкого труда – 14 лет, для творческого труда в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках – с рождения. С 16 лет несовершеннолетний вправе самостоятельно заключать трудовой договор (при определенных условиях – с 15 лет), в 14 – 15 лет – с согласия хотя бы одного из законных представителей, до 14 лет – договор заключается родителями за малолетних.

Обратимся к примеру нарушения принципа ограничения детского труда, имевшему место быть в 2019 году в Дубровинской школе в Новосибирской области. Прокуратурой района была проведена проверка по обращению одного из родителей детей данной школы. Было установлено, что в период с 03.06.2019 по 07.06.2019 года 10 учащихся 5 класса и 3 учащихся 7 класса работали в школе без оформления трудового договора. Работу дети производили на основании приказа директора школы «Об организации проведения летней трудовой практики обучающихся в 2018–2019 учебном году». Дети выполняли работы по прополке школьного участка, поливали и садили цветы. Они работали по 2 часа в день. Заработная плата детям не была выплачена. Письменного согласия законных представителей детей на выполнение детьми данных работ школа представить не смогла.

Прокурор Мошковского района Новосибирской области усмотрел нарушение школой ст. 63, 68, 136 ТК РФ и в защиту интересов детей обратился в суд с иском о взыскании заработной платы [5]. Нарушение положений ст. 63 ТК РФ состояло в том, что учащиеся пятого класса не достигли 14 лет, а работы по прополке школьного участка, полив и посадка цветов не относятся к творческому труду в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках.

Касаемо законного представительства интересов несовершеннолетних при реализации ими права на труд суд обратил внимание на следующее. Согласно ч. 4 ст. 34 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» привлечение обучающихся без их согласия и согласия их законных представителей к труду, не предусмотренному образовательной программой, запрещается. Важнейшим условием привлечения ребенка к труду в образовательном учреждении является наличие добровольного согласия его и его законных представителей. Данное согласие может быть оформлено в форме отдельного документа, либо условие об этом должно содержаться в договоре между образовательным учреждением и родителями. В случае, если добровольное согласие от ребенка и его законных представителей не получено, а ребенок, тем не менее, привлекается к труду, это является принудительным трудом, который, согласно ст. 37 Конституции РФ и ст. 4 ТК РФ, запрещен. Таким образом,

ребенок и его законные представители не давали согласия на использование труда ребенка, то его нельзя привлекать к труду, в т.ч. дежурить по школе, классу, или принимать участие в летней трудовой практике и др.

Суд обязал школу уплатить каждому несовершеннолетнему, привлеченному к труду без оформления трудового договора, за 8 часов работы 1076 рублей (исходя из размера МРОТ в 2019 году, равного 11280 руб.), а также 12 руб. 58 коп. в качестве компенсации за задержку выплаты заработной платы [5].

Судебных дел об эксплуатации детского труда гораздо меньше, чем соответствующих нарушений. Законные представители детей часто бездействуют в данных ситуациях по следующим причинам: 1) считают данную проблему незначительной; 2) боятся портить отношение с сотрудниками школы; 3) в силу своей низкой правовой грамотности не усматривают в субботниках или летней трудовой практике ребенка нарушения прав ребенка и не подозревают, что для этого требуется их согласие и согласие ребенка; 4) не имеют с ребенком доверительных отношений, то есть ребенок не рассказывает о своих проблемах родителям.

Данная проблема должна решаться следующими способами. Во-первых, путем широкого освещения в обществе для массового осознания данной проблемы родителями. Во-вторых, посредством формирования у учителей «советской закалки» нового представления о детском труде на курсах повышения квалификации. В-третьих, путем анкетирования школьников (по поводу отсутствия или наличия в их жизни случаев привлечения к труду) органами власти без привлечения к нему школьных учителей.

Список литературы

1. Штринева Т.И. Современные принципы трудового права Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / Татьяна Ивановна Штринева. – СПб., 2001. – 160 с.

2. Смирнов Д.А. Нетипичные нормативно-правовые предписания в системе норм трудового права: монография / Д.А. Смирнов. – М.: Проспект. – 2017. – 152 с.

3. Смирнов Д.А. Некоторые аспекты содержания международно-правового принципа действенного запрещения детского труда / Д.А. Смирнов // Сборник тезисов VII Международной научно-практической конференции «Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ). – М.: Проспект. – 2011. – С. 153–156. EDN VQNFHH

4. Абдрашитов В.М. Международно-правовое регулирование детского труда: причины и возможные пути решения данной проблемы / В.М. Абдрашитов, К.В. Сафронова // Символ науки. – 2023. – №10–2. – С. 129 – 134. EDN VLKDFR

5. Решение Мошковского районного суда Новосибирской области от 10 сентября 2019 года по делу №2-665/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/3Jj3oVMlWmYr/ (дата обращения: 27.06.2026).

Сафаров Владислав Раильевич
старший преподаватель
Кужин Ильсен Азаматович
студент
Гладков Даниил Александрович
студент

Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Сибай, Республика Башкортостан

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ В ОТРАСЛИ ТРУДОВОГО ПРАВА

Аннотация: *в статье анализируется взаимодействие гражданского и трудового права в механизме осуществления и защиты субъективных прав работников. Рассматриваются правовые конструкции, заимствованные трудовым правом из гражданского: сроки, соглашения, компенсации, возмещение морального вреда. Автор приходит к выводу, что гражданско-правовые инструменты органично дополняют трудовое право, но их применение требует учёта специфики трудовых отношений.*

Ключевые слова: *трудовое право, гражданское право, субъективные права, защита прав работника, компенсация морального вреда, трудовой договор, соглашение сторон.*

Трудовое право традиционно рассматривается как самостоятельная отрасль, основанная на публично-правовых началах и императивном методе регулирования. Однако в последние десятилетия наблюдается активное заимствование трудовым правом гражданско-правовых конструкций: сроков, соглашений, договорных механизмов, института компенсации морального вреда. Это порождает необходимость осмысления гражданско-правового механизма осуществления и защиты субъективных прав в трудовой сфере [1; 2].

Одним из ключевых примеров является трудовой договор. По своей юридической природе он относится к трудовому праву, но механизм его заключения, изменения и расторжения во многом заимствован из гражданско-правового института договора. Стороны свободны в заключении договора (ст. 56 ТК РФ), могут определить его содержание по соглашению (в пределах, установленных законом), могут расторгнуть его по соглашению сторон (ст. 78 ТК РФ). Это классические гражданско-правовые конструкции – свобода договора и соглашение сторон [4].

Ещё один пример – сроки. Трудовое право оперирует понятиями сроков исковой давности (ст. 392 ТК РФ), сроков предупреждения об увольнении, сроков выплаты заработной платы. Сама категория «срок» пришла в трудовое право из гражданского. Работник пропустил срок обращения в суд – суд отказывает в иске, если нет уважительных причин. Это гражданско-правовая логика, адаптированная к трудовым отношениям [5].

Компенсация морального вреда – ещё один яркий пример. Статья 237 ТК РФ прямо предусматривает, что моральный вред, причинённый работнику неправомерными действиями работодателя, возмещается в денежной форме. Механизм определения размера компенсации заимствован из гражданского права (ст. 151, 1099–1101 ГК РФ): учитываются степень вины нарушителя, степень физических и нравственных страданий, требования разумности и справедливости. Судебная практика по трудовым спорам о компенсации морального вреда активно ссылается на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам [6].

Особого внимания заслуживает институт материальной ответственности. В трудовом праве существует материальная ответственность работника за ущерб, причинённый работодателю (глава 39 ТК РФ), и материальная ответственность работодателя за ущерб, причинённый работнику (глава 38 ТК РФ). Оба этих института базируются на гражданско-

правовых принципах: полное возмещение ущерба, вина как основание ответственности, учёт формы вины, ограничение ответственности. Однако есть и отличия, обусловленные спецификой трудовых отношений: работник отвечает только за прямой действительный ущерб, а работодатель – за все виды ущерба, включая упущенную выгоду [4; 7].

Гражданско-правовой механизм защиты проявляется и в процедурных аспектах. Работник может защищать свои права в суде, обращаясь с иском (гражданско-правовая процедура). Он может требовать не только восстановления нарушенного права, но и компенсации, а также возмещения убытков. Суд при рассмотрении трудового спора руководствуется Гражданским процессуальным кодексом РФ, что также сближает трудовую защиту с гражданско-правовой [2].

Самозащита трудовых прав (ст. 379–380 ТК РФ) – это ещё один институт, имеющий аналоги в гражданском праве. Работник может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, или от работы, непосредственно угрожающей его жизни и здоровью. Это право на самозащиту, которое реализуется без обращения в суд. Гражданское право также допускает самозащиту (ст. 14 ГК РФ), хотя и в более ограниченных пределах [3].

Вместе с тем, использование гражданско-правовых механизмов в трудовом праве имеет свои границы. Трудовое право сохраняет публично-правовые начала: государственный надзор, обязательность трудового договора, запрет ухудшения положения работника по сравнению с законом. Свобода договора в трудовом праве ограничена императивными нормами. Например, стороны не могут договориться о заработной плате ниже МРОТ или о дополнительных основаниях увольнения, не предусмотренных законом. Это принципиальное отличие от гражданского права, где свобода договора практически не ограничена [4; 5].

Анализ судебной практики показывает, что наиболее часто гражданско-правовые механизмы применяются при разрешении споров о взыскании заработной платы (сроки исковой давности), о компенсации морального вреда, о материальной ответственности работника, об увольнении по соглашению сторон. Суды в этих спорах активно ссылаются на нормы Гражданского кодекса РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам [6].

Проблемным остаётся вопрос о соотношении трудового и гражданско-правового договора. На практике работодатели нередко заключают с работниками гражданско-правовые договоры (подряда, возмездного оказания услуг) вместо трудовых, чтобы сэкономить на налогах и социальных гарантиях. Судебная практика выработала критерии для переквалификации таких договоров в трудовые: наличие подчинения правилам внутреннего трудового распорядка, выполнение работы по определённой трудовой функции, обеспечение работодателем условий труда, регулярная выплата вознаграждения. Если эти признаки установлены, договор признаётся трудовым независимо от его названия [7; 8].

Для повышения эффективности гражданско-правового механизма защиты трудовых прав представляется целесообразным:

– унифицировать подходы к исчислению сроков исковой давности по трудовым спорам, приблизив их к гражданско-правовым;

– расширить практику применения компенсации морального вреда по всем категориям трудовых споров, а не только по делам о дискриминации и незаконном увольнении;

– упростить процедуру взыскания заработной платы, внедрив судебный приказ по бесспорным требованиям (по аналогии с гражданским процессом);

– усилить ответственность работодателя за заключение гражданско-правовых договоров вместо трудовых [1; 5].

Таким образом, гражданско-правовой механизм осуществления и защиты субъективных прав в трудовом праве – это реально действующий и эффективный инструмент. Он позволяет работникам использовать гибкие договорные конструкции, обращаться за судебной защитой, требовать компенсации убытков и морального вреда. Однако его применение должно учитывать публично-правовую природу трудовых отношений и не приводить к ухудшению

положения работника по сравнению с императивными гарантиями трудового законодательства. Дальнейшее развитие этого механизма видится в разумной гармонизации двух отраслей права при сохранении социальной направленности трудового права [2; 8].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1. – Ст. 3.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

4. Лушников А.М. Трудовое право России: учебник / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – 5-е изд. – М.: Проспект, 2023. – 800 с.

5. Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения / В.Н. Скобелкин. – М.: Вердикт, 2021. – 372 с.

6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. №33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – №1.

7. Гейхман В.Л. Трудовое право: учебник для вузов / В.Л. Гейхман, И.К. Дмитриева. – М.: Юрайт, 2022. – 550 с.

8. Ершова Е.А. Правовая природа трудового договора / Е.А. Ершова // Трудовое право. – 2023. – №4. – С. 12–18.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Анисимов Олег Евгеньевич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматриваются отдельные элементы криминалистической модели преступлений, связанных с нарушением требований транспортной безопасности, особенности обстановки, способов совершения преступлений данного вида и характеристика личности преступника.*

Ключевые слова: *криминалистическая модель преступления, преступления, связанные с нарушением требований транспортной безопасности, нарушение требований в области транспортной безопасности.*

Криминалистическая модель преступлений дает характеристику преступлений определенного рода или вида и включает в себя сведения о его криминалистически значимых признаках и, соответственно, их закономерных связях между собой. Криминалистическая модель преступлений имеет первостепенное значение для формирования частных методик расследования.

Ответственность за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба, предусмотрена статьей 263.1 УК РФ – Нарушение требований в области транспортной безопасности [1].

Криминалистическая модель преступлений в качестве основных элементов включает в себя сведения об обстановке преступления, способе совершения преступления, о типичных следах преступления и вероятных местах их нахождения, о предмете преступного посягательства и личности преступника [2].

Обстановка совершения данного вида преступления на объекте транспортной инфраструктуры напрямую зависит от технических и технологических характеристик объекта транспортной инфраструктуры (включая геологические, гидрологические и географические особенности дислокации объекта транспортной инфраструктуры), а также организации их эксплуатации и функционирования, а также от системы принятых мер по защите от актов незаконного вмешательства [3].

А обстановка совершения преступления на транспортном средстве будет зависеть от марки, модели, категории и класса транспортного средства, назначения, маршрута и вида перевозки, наличия технических средств обеспечения транспортной безопасности и мест их размещения, а также от мер, которые осуществляются субъектом транспортной инфраструктуры, по обеспечению транспортной безопасности транспортного средства [4].

Способ совершения преступления, в соответствии с Федеральным законом «О транспортной безопасности», это акт незаконного вмешательства т.е. «противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий» [5].

Совместным приказом Минтранса РФ, ФСБ России, МВД РФ от 5 марта 2010 №52/112/134 «Об утверждении перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» утвержден перечень потенциальных угроз актов незаконного вмешательства в деятельность объекта транспортной инфраструктуры к которым относятся: угроза захвата, угроза взрыва, угроза размещения или попытки размещения на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве взрывных устройств (взрывчатых веществ), угроза поражения опасными веществами, угроза захвата критического элемента объекта транспортной инфраструктуры и (или) транспортного средства, угроза взрыва критического элемента объекта транспортной инфраструктуры и (или) транспортного средства, угроза размещения или попытки размещения на критическом элементе объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве взрывных устройств (взрывчатых веществ), угроза блокирования, угроза хищения [6].

Реалии сегодняшнего дня показывают, что реализация угроз взрыва, размещения или попытки размещения на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве и их критических элементах взрывных устройств (взрывчатых веществ), угроза поражения опасными веществами, может быть осуществлена с помощью беспилотных аппаратов.

Типичные следы преступлений, связанных с нарушением требований транспортной безопасности, по механизму образования схожи, например, с террористическим актом, совершенным с применением взрывных устройств (взрывчатых веществ), опасных веществ, захватом заложников, различными видами хищений, но обусловлены предметом преступного посягательства.

Предметом преступного посягательства являются объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, понятие которых раскрывается в ст.1 Федерального закона «О транспортной безопасности».

Личность преступника характеризуется различными параметрами. По типу можно разделить преступников на внешних, внутренних и комбинированных, которые в свою очередь бывают одиночными и групповыми. Оснащенность характеризуется наличием финансовых средств, транспорта, специальной техникой, огнестрельного и холодного оружия, химических, взрывчатых веществ. Преступники обладают специальной физической подготовкой, а также имеют подготовку владения оружием и техническими средствами. В тактическом плане действия преступников могут сопровождаться силовым и вооруженным нападением, скрытным или обманным проникновением на объект транспортной инфраструктуры и (или) транспортное средство, а также на их критические элементы [7].

Криминалистическая модель преступлений, связанных с нарушением требований транспортной безопасности позволяет:

оценивать на первоначальном этапе расследования полноту имеющейся информации о деянии, подпадающем под признаки преступления, связанного с нарушением требований транспортной безопасности;

определять информацию, указывающую на признаки преступления, и ее возможные источники;

выдвигать следственные версии и планировать комплекс как неотложных, так и последующих следственных действий для поиска, фиксации, изъятия и исследования следов преступления и установления лица, его совершившего;

выбирать криминалистическую технику необходимую для обнаружения, фиксации, сохранения и изъятия следов преступления.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mo7hglxsgn792570775 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрайт, 2026. – 643 с. – ISBN 978–5-534-17759-6 // Образовательная платформа Юрайт: сайт. – URL: https://urait.ru/bcode/589903 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Приказ Минтранса России от 12.04.2010 №87 (ред. от 26.02.2019) «О порядке проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств». – URL: https://sudact.ru/law/prikaz-mintransa-rf-ot-12042010-n-87/?ysclid=moe5f5d167525875766 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Рекомендации по оформлению Паспорта обеспечения транспортной безопасности транспортного средства (группы транспортных средств). – URL: https://rosavtodor.gov.ru/storage/app/media/uploaded-files/rekomendatsii.doc?ysclid=moe632uvze177846401 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Федеральный закон от 09.02.2007 №16-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О транспортной безопасности». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/?ysclid=moe677gt3f948241333 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Приказ Минтранса РФ, ФСБ России, МВД РФ от 05.032010 №52/112/134 «Об утверждении перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств». – URL: https://mvd.consultant.ru/documents/12668?items=1&page=1 (дата обращения: 10.04.2026).

7. Об издании и применении ОДМ 218.4.009-2011 «Методические рекомендации по проведению оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры автомобильного транспорта»: Распоряжение Федерального дорожного агентства от 15.11.2011 №867-р // Федеральное дорожное агентство: официальный сайт. – URL: https://rosavtodor.gov.ru/file/11972 (дата обращения: 10.04.2026).

Вирясова Юлия Олеговна
курсант
Научный руководитель
Кубанов Валерий Викторович
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ПОБЕГОВ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПОБЕГОВОЙ АКТИВНОСТИ ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы предупреждения побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС). На основе анализа статистических выявлено смещение побеговой активности с преодоления периметра к комбинированным схемам с использованием мобильной связи, мессенджеров, предварительной разведки, подкупа сотрудников. Проанализированы способы побегов, выделены новые угрозы. В соответствии с Концепцией развития УИС до 2030 года предложены меры профилактики. Отмечается, что предупреждение побегов должно строиться на комплексной модели, объединяющей инженерную защиту, цифровой контроль, оперативную работу и кадровую подготовку.*

Ключевые слова: *побег, уголовно-исполнительная система, профилактика, цифровизация, колония-поселение.*

Побег из места лишения свободы, из-под ареста либо из-под стражи относится к числу преступлений, посягающих на установленный порядок исполнения приговора, режим изоляции, безопасность персонала, осуждённых, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц, находящихся на территории учреждения. Уголовно-правовая оценка данного деяния закреплена в ст. 313 УК РФ. Эта норма предусматривает ответственность за одиночный побег, групповой побег, деяние с применением опасного насилия, угрозы, оружия либо предметов, используемых в качестве оружия [2, ст. 313]. Содержание нормы указывает на повышенную

общественную опасность побега: лицо уклоняется от исполнения наказания либо меры пресечения, нарушает управляемость режима, создаёт угрозу жизни и здоровью сотрудников, граждан, представителей иных служб.

Актуальность исследуемой темы сохраняется, несмотря на развитие инженерной защиты периметра, систем видеонаблюдения, пропускного режима и ведомственного контроля. На практике побеговая активность смещается от примитивного преодоления ограждений к комбинированным схемам, при которых физическое действие соединяется с предварительной разведкой режима, поиском «мёртвых зон», использованием трудовой занятости, медицинских выездов, транспорта, средств связи, подкупа либо психологического давления на сотрудников. По данным В.Б. Ворощука, в 2024 г. 48 из 49 побегов из-под надзора были совершены из колоний-поселений и участков колоний-поселений, при этом наибольшая доля приходилась на выводные производственные и рабочие объекты – 28 фактов, или 57,1% [4, с. 477–478]. Данные показатели указывают на необходимость переноса профилактического внимания с одного лишь периметра исправительного учреждения на удалённые объекты труда, маршруты перемещения, медицинские организации, места приобретения продуктов и иные пространства временного ослабления надзора.

В актуальной практике сохраняются традиционные способы побегов: преодоление основного ограждения, подкоп, разрушение элементов инженерной защиты, скрытие в транспорте, уход через контрольно-пропускной пункт, рывок при конвоировании, использование отвлекающего манёвра, укрытие на производственном объекте до снятия охраны. Вместе с тем указанные способы получили новую технологическую основу. Подготовка побега опирается на незаконно полученные мобильные телефоны, мессенджеры, карты местности, фотографии охраняемой зоны, информацию от лиц вне учреждения, сведения о графике несения службы, состоянии камер, датчиков, замков, запирающих устройств, маршрутах служебного транспорта. Р.А. Филипьев и Е.А. Рахманкин выделяют среди распространённых способов преодоление инженерно-технических средств охраны и надзора, незаконное прохождение КПП, отвлекающие манёвры, использование тайников на временных объектах, выведение из строя технических средств охраны [6, с. 86–87]. Следовательно, предмет профилактики должен охватывать не только момент выхода за линию охраны, но и весь период подготовки: получение запрещённых предметов, подбор соучастников, накопление информации, изготовление приспособлений, проверку реакции персонала.

Особую опасность представляет совершение побега с использованием недостатков инженерно-технических средств охраны и надзора. Речь идёт не о случайном уходе, но о предварительном выявлении слабых участков периметра, некачественно обслуживаемых рубежей обнаружения, зон слабого обзора камер, неисправных замков, неработающих извещателей, незащищённых люков, коммуникаций, дверей, технологических проходов. В исследованиях по вопросам охраны учреждений УИС указывается на наличие «мёртвых зон» в рубежах обнаружения, возможности обхода охранных извещателей, использование конструктивных элементов ограждений при подготовке побега, недостатки комиссионных обследований и регламентного обслуживания [3, с. 267–268]. В связи с этим техническая профилактика должна строиться не на формальном наличии камер, датчиков и ограждений, а на постоянной проверке работоспособности всей системы, моделировании вероятных маршрутов ухода, тестировании скорости реагирования резервных групп, документировании отказов оборудования.

Отдельную группу образуют побеги из-под надзора в колониях-поселениях и на участках колоний-поселений. Специфика режима данных учреждений предполагает расширенный объём передвижения осуждённых, трудоустройство за пределами основной территории, контакт с гражданскими организациями, перемещение к рабочим местам, в магазины, медицинские учреждения. Указанные обстоятельства усиливают значение личностной диагностики, профилактического учёта, оценки семейных конфликтов, долговых обязательств, отказов в условно-досрочном освобождении, употребления алкоголя либо наркотических средств, намерения избежать перевода в учреждение иного вида. При переводе осуждённого в

колонию-поселение значение имеет не формальная положительная характеристика, но реальная устойчивость правомерного поведения, дисциплинарная история, круг общения, реакция на ограничения, уровень трудовой мотивации, сведения оперативных подразделений [4, с. 478–480].

Новой угрозой выступает использование беспилотных летательных аппаратов при доставке средств связи, зарядных устройств, режущих предметов, наркотических средств, иных запрещённых предметов. Даже при отсутствии прямого участия БПЛА в момент побега доставленные предметы формируют материальную базу подготовки: связь с внешними соучастниками, получение инструментов, координация маршрута, подкуп посредников, наблюдение за перемещением сотрудников. Концепция развития УИС до 2030 года ориентирует систему на совершенствование мер профилактики побегов и доставки запрещённых предметов с применением новых технологий, в числе которых названы беспилотные управляемые летательные аппараты [1]. Практическое значение имеют радиомониторинг, визуальное наблюдение воздушного пространства, регламентация действий дежурных смен при обнаружении БПЛА, оборудование периметра средствами фиксации полёта, взаимодействие с территориальными органами внутренних дел и Росгвардией, быстрый осмотр мест предполагаемого сброса.

Актуальным способом ухода остаётся побег при конвоировании либо при нахождении в медицинской организации. Рост нагрузки на временные караулы, перемещение подозреваемых, обвиняемых и осуждённых в больницы, ожидание приёма, нахождение в помещениях с гражданскими лицами, ограниченная возможность полного инженерного контроля создают повышенный риск. Профилактика указанного способа должна выражаться в индивидуальном плане конвоирования, проверке помещений до прибытия, исключении контакта с посторонними лицами, применении переносных технических средств контроля, непрерывной связи с дежурной частью, уточнении маршрута движения, предварительном обмене информацией с медицинской организацией, фиксации всех внештатных обстоятельств. Недостатки временной охраны в медицинских организациях, отсутствие реального контроля за службой временных караулов и неприменение переносных ИТСОН прямо выделяются исследователями среди уязвимых мест охраны [3, с. 268].

Профилактика побегов не сводится к усилению наказания либо увеличению числа сотрудников на постах. Результативная модель должна быть риск-ориентированной. Каждый осуждённый, склонный к побегу, должен рассматриваться через совокупность признаков: срок наказания, категория преступления, поведение после отказа в УДО, дисциплинарные взыскания, наличие внешних контактов, семейные конфликты, долги, участие в неформальных группах, отношение к труду, попытки получить запрещённые предметы, интерес к территории учреждения, маршрутам вывода, графику службы. При наличии совокупности признаков администрация учреждения обязана применять индивидуальную профилактическую работу, усиленный контроль при выводе на работу, проверку переписки и телефонных контактов в пределах закона, психологическое сопровождение, оперативное наблюдение, внеплановые проверки наличия.

Цифровая трансформация УИС задаёт новое направление предупреждения побегов. Концепция развития УИС до 2030 года предусматривает создание единой информационной системы, применение искусственного интеллекта при обеспечении безопасности, видеоаналитики, прогнозирования поведения осуждённых и сотрудников, защищённого информационного пространства [1]. В сфере профилактики побегов указанные положения имеют прикладной характер. Видеоаналитика способна фиксировать длительное нахождение лица у запретной зоны, отклонение от разрешённого маршрута, скопление лиц в необычном месте, попытку закрыть камеру, перемещение предметов к ограждению, нестандартное поведение при выводе на работу. Биометрическая идентификация снижает риск подмены личности на выводных объектах, при проверках наличия, перемещении через КПП, проведении работ за пределами учреждения. Электронный мониторинг осуждённых колоний-поселений и

участков колоний-поселений обеспечивает контроль маршрута, времени нахождения на рабочем объекте, отклонения от разрешённой зоны, снятия либо повреждения контрольного устройства.

Использование цифровых средств само по себе не гарантирует безопасности. Техника теряет профилактическое значение при отсутствии обученного персонала, регламентного обслуживания, единых алгоритмов реагирования, персональной ответственности за игнорирование сигналов. Внедрение видеоаналитики, биометрии, электронного мониторинга, переносных устройств проверки личности должно сопровождаться подготовкой сотрудников. Г.О. Гусеян, А.В. Бондарева, Д.Н. Химеденова и Ю.С. Кухарев связывают цифровую трансформацию УИС с необходимостью повышения цифровой грамотности сотрудников и включения в подготовку практических навыков работы с автоматизированными информационными системами [5, с. 10–20]. Без указанного кадрового компонента новые системы будут использоваться формально, а сигналы тревоги – восприниматься как техническая помеха.

Антикоррупционная профилактика имеет самостоятельное значение. Подкуп сотрудника, получение информации о графике службы, маршрутах конвоирования, местах расположения камер, наличии неисправностей, порядке досмотра транспорта, слабом контроле выводного объекта превращает побег из спонтанного действия в организованную схему. Меры предупреждения должны охватывать ротацию сотрудников на уязвимых участках, контроль уровня жизни персонала в пределах антикоррупционного законодательства, служебные проверки при каждом факте проноса запрещённых предметов, анализ повторяющихся нарушений на одном посту, проверку неформальных контактов сотрудников с родственниками осуждённых, аудиторскую оценку работы КПП, видеоконтроль процедур досмотра транспорта и грузов.

Организационные меры должны соединяться с инженерными. На уязвимых объектах необходимы регулярные комиссионные обследования периметра с участием представителей охраны, режима, оперативных подразделений, инженерных служб. Проверке подлежат ограждения, датчики, видеокамеры, освещение, люки, подвальные помещения, склады, мастерские, места хранения инструментов, участки вывода осуждённых, площадки погрузки, маршруты движения транспорта. При выявлении слабого места необходим не акт ради акта, а конкретный срок устранения, ответственное лицо, контроль исполнения, повторная проверка. На производственных объектах целесообразны внезапные сверки наличия, учёт инструментов до начала и после окончания работ, контроль расхода материалов, запрет несанкционированного нахождения в технических помещениях, проверка транспорта с применением досмотровых средств.

Психологическая профилактика не должна восприниматься второстепенной. Побег подготавливается не только физически, но и мотивационно. Лицо постепенно принимает решение уйти, оценивает последствия, ищет поддержку, выбирает момент, проверяет реакцию сотрудников. Работа психолога и воспитательной службы приобретает значение раннего выявления признаков напряжения: резкая замкнутость, конфликт с родственниками, утрата надежды на УДО, страх перед переводом, угрозы самовольного ухода, интерес к маршрутам и графикам, попытки передать имущество другим лицам, сбор личных вещей. Указанные признаки должны передаваться в режимные и оперативные подразделения не в форме общей характеристики, а в виде конкретных сведений, пригодных для принятия профилактического решения.

Следовательно, предупреждение побегов из учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, должно строиться на комплексной модели. Указанная модель соединяет правовую квалификацию деяния, индивидуальную оценку личности, инженерную защиту, цифровой контроль, кадровую подготовку, оперативную работу, антикоррупционный надзор, контроль выводных объектов, защиту медицинских выездов, противодействие БПЛА и перекрытие каналов доставки запрещённых предметов. Научная и практическая значимость темы состоит в переходе от описания традиционных способов побегов к выявлению технологически

обновлённых схем, при которых подготовительные действия происходят заранее, распределяются между несколькими лицами и используют пробелы организационного, технического, кадрового характера.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» №1138-р от 29.04.2021 (ред. от 27.05.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №20. – Ст. 3397.
2. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
3. Ворощук В.Б. Актуальные вопросы охраны современных учреждений УИС России / В.Б. Ворощук, С.Г. Машкин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №3(231). – С. 266–269.
4. Ворощук В.Б. Побеги осужденных из-под надзора: современное состояние проблемы / В.Б. Ворощук // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – С. 477–480. EDN UUJKXG
5. Проблемы профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы России в условиях проведения цифровой трансформации / Г.О. Гусеян, А.В. Бондарева, Д.Н. Химеденова, Ю.С. Кухарев // Полицейская деятельность. – 2024. – №3. – С. 10–20. DOI 10.7256/2454-0692.2024.3.70672. EDN TMWIJO
6. Филипьев Р.А. Роль инженерно-технических средств охраны и надзора в предупреждении и пресечении побегов осужденных из мест лишения свободы / Р.А. Филипьев, Е.А. Рахманкин // Уголовная юстиция. – 2023. – №22. – С. 85–90. DOI 10.17223/23088451/22/15. EDN SGTPEX

Ворсин Алексей Михайлович
магистрант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
г. Киров, Кировская область

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ ОПАСНОГО И ОСОБО ОПАСНОГО РЕЦИДИВА В СТ. 18 УК РФ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема регулирования видов рецидива, обусловленная неполным перечнем сочетаний нового преступления, прежних осуждений и назначенного наказания в ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ. С применением формально-юридического, системного и доктринального методов установлено, что п. 46[1] Постановления Пленума Верховного Суда РФ №58 способствует унификации судебной практики, однако не устраняет необходимости прямого закрепления соответствующих положений в УК РФ. Обоснована необходимость внесения изменений в ст. 18 УК РФ для соблюдения принципов законности, правовой определенности и единообразия судебной практики.*

Ключевые слова: *рецидив преступлений, опасный рецидив, особо опасный рецидив, судебное толкование, правовая определенность, Пленум Верховного Суда РФ.*

Статья 18 УК РФ закрепляет определение рецидива, а также выделяет опасный и особо опасный рецидив [5]. При этом термин «простой рецидив» в законе не назван, однако он используется в доктрине для обозначения рецидива, который отвечает признакам ч. 1 ст. 18 УК РФ, но не достигает критериев опасного или особо опасного рецидива.

В силу ч. 5 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений влечёт более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ, а также иные последствия, предусмотренные законодательством РФ. При назначении наказания по ст. 68 УК РФ учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершённых и новых преступлений, а также обстоятельства, указывающие на недостаточность прежнего исправительного воздействия. Поэтому неопределённость в вопросе о том, является ли конкретное сочетание преступлений простым, опасным или особо опасным рецидивом, непосредственно влияет на объём уголовно-правовых последствий для осуждённого лица.

Проблема состоит в том, что буквальная конструкция ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ построена как закрытый перечень комбинаций признаков, учитываемых при признании рецидива опасным

или особо опасным. Формулировки, указанные в ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ, не в полной мере охватывают все сопоставимые по общественной опасности ситуации. К их числу относится, например, совершение особо тяжкого преступления лицом, ранее два или более раза осуждённого к лишению свободы за умышленные преступления средней тяжести, а также совершение особо тяжкого преступления лицом, ранее осуждённого за тяжкое преступление к реальному лишению свободы. Аналогичный пробел обнаруживается при совершении тяжкого преступления с назначением реального лишения свободы лицом, ранее дважды осуждённым к реальному лишению свободы за тяжкое и особо тяжкое преступления.

В доктрине указанная проблема отмечалась неоднократно. А.В. Бриллиантов обращал внимание на то, что законодательное описание видов рецидива представляет собой исчерпывающие комбинации признаков. Следовательно, если конкретное сочетание не подпадает под опасный или особо опасный рецидив, формально оно должно оцениваться как простой рецидив. В то же время автор допускал, что системное толкование способно учитывать повышенную общественную опасность таких случаев, но окончательное решение должно быть законодательным [1, с. 20].

Неполноту конструкции ст. 18 УК РФ признавал и А.И. Сорокин, указывавший, что предусмотренные законом модели не исчерпывают всех возможных сочетаний соответствующих признаков. Автор указывает, что закон не предусматривает случай опасного рецидива, когда лицо, ранее осуждённое за тяжкое преступление, совершает особо тяжкое преступление, и предлагает дополнить ч. 2 ст. 18 УК РФ новым пунктом [3, с. 9]. И.И. Сюбаев поддерживал системное распространение разъяснений Верховного Суда РФ на случай совершения особо тяжкого преступления лицом, ранее два и более раза осуждённым к лишению свободы за умышленные преступления средней тяжести. Одновременно автор подчёркивал необходимость точного установления предусмотренного законом признака осуждения к лишению свободы: последующая замена другого наказания лишением свободы не равнозначна назначению лишения свободы непосредственно приговором суда [4, с. 73].

С 23 декабря 2025 г. постановлением Пленума Верховного Суда РФ №40 Постановление Пленума Верховного Суда РФ №58 было дополнено пунктом 46^1, в котором разъяснено, что при определении опасного или особо опасного вида рецидива учитывается осуждение к реальному лишению свободы, назначенное именно приговором суда [2].

Кроме того, разъяснено, что совершение особо тяжкого преступления лицом, ранее два и более раза осуждённым к лишению свободы за умышленные преступления средней тяжести, а также лицом, ранее осуждённым за тяжкое преступление к реальному лишению свободы, образует опасный рецидив. Совершение тяжкого преступления с назначением реального лишения свободы лицом, ранее дважды осуждённым к реальному лишению свободы – за тяжкое и особо тяжкое преступления, образует особо опасный рецидив.

Формулировка «по смыслу статьи 18 УК РФ», использованная в п. 46^1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №58, распространяет режим опасного и особо опасного рецидива на сочетания юридически значимых признаков, прямо не закреплённых в ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ. С одной стороны, такое разъяснение устраняет очевидную непоследовательность уголовного закона и ориентирует суды на единообразное применение ст. 18 УК РФ. Вместе с тем оно не решает главную проблему – соответствующие сочетания по-прежнему не закреплены в самом тексте ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ.

Согласно ст. 3 УК РФ преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ. Применение уголовного закона по аналогии не допускается. Поскольку признание рецидива опасным или особо опасным ухудшает уголовно-правовое положение лица, расширение перечня таких оснований исключительно посредством судебного толкования находится на границе допустимого разъяснения законов. Постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют важное значение для единообразия практики, но они не должны подменять законодательное закрепление оснований усиления уголовно-правовых последствий.

Следовательно, наиболее правильным способом устранения указанного пробела является внесение изменений непосредственно в ст. 18 УК РФ. Часть 2 ст. 18 УК РФ целесообразно дополнить пунктом «в» следующего содержания: «в) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее это лицо два или более раза было осуждено за умышленное преступление средней тяжести к лишению свободы либо ранее было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы». Такая редакция прямо закрепит оба случая, которые в настоящее время названы только в п. 46[1] Постановления Пленума №58.

Пункт «а» ч. 3 ст. 18 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раза было осуждено за тяжкие и (или) особо тяжкие преступления к реальному лишению свободы».

Данная формулировка охватывает не только случай одного прежнего осуждения за тяжкое и одного прежнего осуждения за особо тяжкое преступление, прямо разъяснённый Пленумом Верховного Суда РФ, но и два или более прежних осуждения за особо тяжкие преступления. Такое решение является последовательным, поскольку указанные случаи обладают не меньшей общественной опасностью по сравнению с двумя прежними осуждениями за тяжкие преступления.

Дополнительно в п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ целесообразно заменить слова «два раза было осуждено» словами «два или более раза было осуждено». Это обеспечит единообразие законодательной техники: при описании опасного и особо опасного рецидива закон будет учитывать не только строго два прежних осуждения, но и большее их количество. Отсутствие такой формулировки формально создаёт ненужную казуистичность, поскольку лицо с тремя или более прежними осуждениями не может рассматриваться как менее опасное по сравнению с лицом, имеющим ровно два прежних осуждения.

Таким образом, п. 46[1] Постановления Пленума Верховного Суда РФ №58 следует оценивать как необходимое правоприменительное решение. Судебное толкование способно обеспечить формирование единообразной практики, однако формальная определённость уголовного закона требует прямого закрепления соответствующих сочетаний в ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ. Законодательная реализация предложенных изменений позволит устранить риск применения уголовного закона по аналогии, повысить предсказуемость уголовно-правовых последствий и обеспечить более согласованную классификацию видов рецидива преступлений.

Список литературы

1. Бриллиантов А.В. Проблемы применения дефиниции «рецидив преступлений» / А.В. Бриллиантов // Уголовное право. – 2010. – №2. – С. 15–20.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года №58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» №40 от 23.12.2025. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35291/ (дата обращения: 15.06.2026).

3. Сорокин А.И. Множественность преступлений и ее уголовно-правовая оценка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Сорокин. – М., 2008. – 30 с. EDN NKQLVX

4. Сюбаев И.И. О некоторых вопросах, возникающих при определении вида рецидива преступлений / И.И. Сюбаев // Уголовное право. – 2015. – №2. – С. 68–74.

5. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. – 1996. – №113.

Дедов Станислав Витальевич
студент

Научный руководитель
Макасеева Ася Александровна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

ФЕНОМЕН РОМАНТИЗАЦИИ И ЭСТЕТИЗАЦИИ СКУЛШУТИНГА В TIKTOK: МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация: *в статье рассматриваются механизмы романтизации и эстетизации скулшутинга в TikTok. Проблема заключается в том, что клиповый формат платформы и алгоритмическая система рекомендаций способны снижать критическую дистанцию к насилию и способствовать его символической нормализации в молодежной медиасреде. В качестве общих направлений профилактики обозначены мониторинг деструктивного контента, развитие медиаграмотности, деконструкция романтизированных образов агрессора и формирование устойчивого критического восприятия цифровых репрезентаций насилия.*

Ключевые слова: *скулшутинг, TikTok, романтизация насилия, эстетизация агрессии, геймификация, цифровая нормализация, профилактика.*

В последние годы скулшутинг перестал восприниматься исключительно как акт физического насилия в пространстве образовательных учреждений. Он трансформировался в сложный социокультурный феномен, в котором значительную роль играет медиасреда. В условиях цифровизации акты массового насилия приобретают дополнительное измерение – символическое и коммуникативное, становясь объектом репрезентации, интерпретации и потребления. Особое место в этом процессе занимает социальная сеть TikTok, обладающая уникальными характеристиками: клиповым форматом, алгоритмической лентой рекомендаций и высокой степенью вовлеченности пользователей. Эти особенности способствуют не только быстрому распространению информации, но и формированию специфических практик, в рамках которых насилие может приобретать эстетизированные и даже нормализованные формы.

Исследование посвящено анализу механизмов романтизации и символической нормализации скулшутинга в TikTok. Под символической нормализацией в данном случае понимается не юридическое оправдание насилия, а его культурное присвоение, эмоциональная упаковка и включение в привычные форматы цифрового потребления. В фокусе статьи находятся не статистические показатели скулшутинга и не личностные особенности преступников или аудитории, а способы медиарепрезентации, через которые насилие может восприниматься как эстетически привлекательный, игровизированный или мемориально закрепленный образ.

В отечественных исследованиях скулшутинг рассматривается как комплексное явление, связанное с социальными, информационными и коммуникационными факторами. Авторы обращают внимание на роль буллинга, социальной изоляции и деструктивного интернет-контента, а также на риск формирования признаков экстремистской идеологии [4, с. 339; 10, с. 116]. Важным аспектом является медиатизация насилия. Преступление изначально проектируется как событие, рассчитанное на последующее распространение и восприятие аудиторией [5, с. 78]. В этой связи TikTok выступает не просто каналом трансляции, а активным участником формирования девиантного дискурса. Алгоритмическая система

рекомендаций усиливает распространение эмоционально насыщенного контента, включая материалы, связанные с насилием. Как отмечают исследователи новых медиа, подобные платформы способны не только отражать, но и конструировать социальную реальность, формируя ценностные установки и модели поведения [6, с. 16–26; 3, с. 2209–2214].

Одним из ключевых механизмов символической нормализации является геймификация трагедии. В TikTok элементы реальных нападений – видеозаписи, реконструкции, символика – превращаются в короткие клипы, адаптированные под развлекательный формат. Это соответствует тенденциям клипового мышления, при котором сложные и трагические события редуцируются до фрагментарных визуальных образов. В результате происходит снижение критической дистанции и формирование эффекта «потребления насилия» [2, с. 195].

Другим значимым процессом является эстетизация «зла». Визуальная культура TikTok способствует созданию привлекательных образов, в которых элементы агрессии интегрируются в модные и стилистические тренды. Исследования показывают, что эстетизация насилия в современной культуре приводит к его символической нормализации и снижению уровня отторжения [1, с. 11–13]. В молодежной среде это проявляется в воспроизводстве образов, ассоциированных с агрессорами: через одежду, музыку, визуальные эффекты и сценарии самопрезентации. С этим связано формирование эмоциональной вовлеченности в подобные медиарепрезентации. Пользователи не только потребляют контент, но и включают его элементы в собственные визуальные практики: подбор музыки, монтаж, подписи, оформление профиля и сценарии самопрезентации. В условиях цифровой среды такие формы вовлечения могут снижать дистанцию между осуждением насилия и его эстетизированным воспроизведением [8, с. 203–214].

Третьим важным элементом является развитие коммеморативных практик. В TikTok формируются цифровые ритуалы, связанные с датами массовых убийств, именами преступников и символикой трагедий. Эти практики, с одной стороны, могут выполнять функцию коллективной памяти, однако в ряде случаев они способствуют повторной актуализации и закреплению девиантных моделей поведения. Как отмечается в исследованиях, мемориализация в цифровой среде может приобретать амбивалентный характер, сочетая элементы скорби и скрытой героизации [7, с. 22].

Таким образом, TikTok функционирует как среда «массового вещания на узкую аудиторию», где алгоритмы подбирают контент, максимально соответствующий интересам пользователя. Это создает эффект замкнутых информационных пузырей, внутри которых происходит усиление девиантных установок. В результате платформа не только отражает существующие тенденции, но и активно участвует в их воспроизводстве. С точки зрения профилактики это требует переосмысления подходов к предупреждению скулшутинга. Традиционные меры, ориентированные только на контроль и наказание, оказываются недостаточными в условиях цифровой среды. Необходим комплексный подход, включающий мониторинг деструктивного контента, развитие медиаграмотности, формирование устойчивости к манипулятивным воздействиям и создание контрнарративов, снижающих привлекательность романтизированного образа агрессора [9, с. 24–25]. Особое значение приобретает деконструкция визуальных и смысловых кодов, через которые насилие представляется как эффектный или эстетически привлекательный сюжет.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что символическая нормализация скулшутинга в TikTok представляет собой сложный социально-коммуникативный феномен, обусловленный взаимодействием медийных, социальных и платформенных факторов. Платформа выступает не только средством распространения информации, но и активной средой, формирующей рамки восприятия насилия. Геймификация трагедии, эстетизация «зла» и цифровые коммеморативные практики создают условия для размывания границ между осуждением насилия и его потреблением как визуального контента. В этих условиях профилактика должна охватывать несколько направлений: системный мониторинг и оперативное ограничение материалов, героизирующих или эстетизирующих насилие; развитие

медиаграмотности школьников, студентов, родителей и педагогов; включение в образовательную работу разборов манипулятивных визуальных приемов; создание альтернативных информационных материалов, в которых акцент делается на последствиях насилия, ценности жизни и помощи пострадавшим; взаимодействие образовательных организаций, психологических служб, правоохранительных органов и администраций цифровых платформ. Отдельное значение имеет работа с языком и визуальными кодами. Необходимо не только удалять опасные материалы, но и снижать привлекательность романтизирующего нарратива вокруг фигуры агрессора. Такой подход позволяет сместить профилактику от формального запрета к формированию устойчивого критического восприятия медиаконтента.

Список литературы

1. Аскерова М.А. Понятие насилия в современной культуре. Эстетизация насилия / М.А. Аскерова // Вестник магистратуры. – 2020. – №4–3 (103). – С. 11–13. EDN QKZXEP

2. Баева Л.В. Социальная десенсебилизация в пространстве медиакультуры / Л.В. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2026. – №1 (86). – С. 186–199. DOI 10.54398/1818-510X.2026.86.1.017. EDN SLLOLP

3. Красиков В.И. Как алгоритмы социальных сетей и социально-психологические уязвимости формируют участников радикальных онлайн-сообществ / В.И. Красиков, В.И. Кудашов // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2023. – №12. – С. 2208–2215. EDN GYEVEV

4. Лукашкова И.Л. Феномен скулшутинга: причины и профилактика / И.Л. Лукашова, А.А. Ященко // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – №2 (12). – С. 337–341. EDN QMEEBF

5. Мамонтова Э.А. Возникновение и динамика развития феномена скулшутинга в России / Э.А. Мамонтова // Право: история и современность. – 2023. – №1. – С. 71–81. DOI 10.17277/pravo.2023.01.pp.071-081. EDN ORJFVA

6. Плотникова М.В. Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok) / М.В. Плотникова // Вопросы управления. – 2021. – №2 (69). – С. 16–30. DOI 10.22394/2304-3369-2021-2-16-30. EDN MMONRL

7. Погребная Н.С. Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе / Н.С. Погребная // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – №1 (31). – С. 19–30. DOI 10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30. EDN TUURWW

8. Позднякова М.Е. Подростки и их родители в российском цифровом пространстве: проблема киберагрессии / М.Е. Позднякова, В.В. Брюно // Россия реформирующаяся. – 2024. – №22. – С. 202–228. DOI 10.19181/ezheg.2024.8. EDN CYVZKM

9. Пучнин А.В. О противодействии идеологии скулшутинга, распространяемой с использованием информационных технологий, как экстремистской угрозе / А.В. Пучнин, В.Б. Батоев // Общество и право. – 2023. – №1 (83). – С. 22–26. EDN WJFQIG

10. Пучнин А.В. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних / А.В. Пучнин, М.Ю. Пучнина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – №3 (91). – С. 115–120. DOI 10.35750/2071-8284-2021-3-115-120. EDN ICAZWX

Колодиева Ирина Николаевна
курсант
Научный руководитель
Кубанов Валерий Викторович
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В УИС ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: *в статье анализируется роль систем видеонаблюдения в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы использования технических средств надзора и контроля, описываются современные технологии аудиовизуального мониторинга, включая системы интеллектуального анализа видео, распознавания лиц и биометрической идентификации. Особое внимание уделяется проблемам организационного и технического обеспечения систем безопасности, вопросам модернизации инженерно-технических средств охраны, перспективам развития искусственного интеллекта в пенитенциарных учреждениях. Работа содержит актуальные статистические данные за 2024–2025 годы, иллюстрирующие влияние цифровых технологий на раскрываемость преступлений и стабилизацию оперативной обстановки в исправительных учреждениях. Практическая значимость исследования заключается в определении направлений совершенствования системы технического надзора в условиях цифровой трансформации УИС.*

Ключевые слова: *технические средства надзора и контроля, видеонаблюдение, уголовно-исполнительная система, цифровая трансформация, видеоаналитика, правовое регулирование, пенитенциарная система.*

Использование технических средств надзора и контроля в учреждениях уголовно-исполнительной системы регламентируется статьей 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, определяющей их использование в целях предупреждения побегов, преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и получения необходимой информации о поведении осужденных [1]. Видеонаблюдение становится одним из самых эффективных способов повышения эффективности надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. По данным директора ФСИН А.А. Гостева, озвученным в мае 2025 года на Петербургском международном юридическом форуме, использование видеокамер в учреждениях УИС в 2024 году позволило предотвратить 134 попытки суицида и шесть побегов, а также 178 конфликтных нарушений, включающих возможные драки и групповые правонарушения [2].

На территории ИУ технические средства используются для защиты периметра, организация видеонаблюдения как на его границах, так и на внутренней территории, а также для соблюдения контроля доступа к определенным объектам уголовно-исполнительной системы [3]. К концу 2024 года количество установленных камер значительно возросло – например, в московском СИЗО-2 «Бутырка» в рамках пилотного проекта «Цифровое СИЗО» действует свыше 350 интеллектуальных видеокамер с функцией аналитики и распознавания инцидентов [3].

Современные системы видеонаблюдения, которые оснащены функцией распознавания лиц и интеллектуальной обработкой биометрических данных, значительно повышают результативность надзора за лицами, которые находятся под стражей и отбывают наказание в виде лишения свободны. администрацию исправительных учреждений под расписку уведомлять осужденных о применении средств надзора и контроля.

Одной из ключевых задач остается не просто техническое оснащение объектов, но создание интегрированных систем безопасности, позволяющих координировать действия различных служб, быстро принимать решения и следить за безопасностью в режиме реального времени. Но остается нерешенной проблема устаревания инженерных сооружений и недостаточного финансирования технического переоснащения – на протяжении последних лет до 30% объектов УИС были оборудованы средствами, требующими ремонта или даже не пригодными к эксплуатации.

Концепцией развития УИС Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрено проведение цифровой трансформации УИС и внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности учреждений и органов [4].

Наиболее яркими примерами реализации этого направления стали проекты «Цифровое СИЗО» в московской «Бутырке» и «Цифровая ИК» во Владимирской области.

Проект «Цифровое СИЗО», запущенный в конце 2022 года при поддержке правительства Москвы, включает в себя систему «инцидент-менеджмента» – более 350 камер с видеоаналитикой автоматически распознают многие нештатных ситуаций в режиме реального времени. Это позволяет персоналу мгновенно среагировать и исключить инцидент на самой ранней стадии.

Практический опыт регионов демонстрирует значительное влияние современных систем видеонаблюдения на раскрываемость преступлений. Внедрение в Перми единой системы видеонаблюдения комплекса «Безопасный город» привело к увеличению раскрываемости преступлений на 50%, использование камер позволило также увеличить количество пресеченных административных правонарушений на 18%. В 2024 году технические средства видеонаблюдения в системе МВД позволили выявить 4,5 тысячи граждан, разыскиваемых за совершение противоправных деяний. Видеорегистраторы продемонстрировали свою высокую эффективность в осуществлении надзора за осужденными. Полученные записи, сделанные посредством видеорегистраторов, являются своего рода аудиовизуальным доказательством при составлении актов о нарушении осужденным установленного порядка отбывания наказания.

Правовое регулирование применения технических средств надзора и контроля требует дальнейшего совершенствования. Сравнительное изучение концепций развития УИС показывает, что органы исполнительной власти, которые представлены ФСИН России, целенаправленно продвигают интеграцию передовых инженерных и технических решений, основанных на принципах искусственного интеллекта, в работу СИЗО и ИУ. Это поможет вести постоянное видеонаблюдение и предупреждать противоправные деяния, нарушающие установленный режим содержания в рамках пенитенциарной системы [5].

Необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу, т.е. разработать более подробные ведомственные и законодательные акты, регламентирующие порядок и процедуры применения технических средств контроля в колониях-поселениях и исправительных центрах. Нужна определенная модернизация Закона РФ №5473-1 от 1993 года в части улучшения порядка видеофиксации осужденных на основе современных телекоммуникационных систем и технологий, применения передовых инженерных и технических средств.

Важным нормативным документом является Приказ Минюста России от 30 ноября 2023 года №359 «Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях», а также Распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2023 года №3171-р «Об утверждении Перечня технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных учреждений». Эти документы определяют условия правового регулирования применения технических средств, однако практика показывает необходимость дальнейшей детализации процедур [6].

Анализ отображает, что речь идет исключительно о технических средствах надзора, не затрагивая сферу охранных инженерно-технических средств, при этом охрана и надзор, согласно статье 82 УИК РФ устанавливаются как однотипные элементы.

Список литературы

1. Белкин В.Ю. Технические средства надзора в исправительных учреждениях ФСИН России: правовые и организационные аспекты их использования / В.Ю. Белкин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2015. – №5. – С. 31–33. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-sredstva-nadzora-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-fsin-rossii-pravovye-i-organizatsionnye-aspekty-ih-ispolzovaniya (дата обращения: 23.06.2026). EDN UYGMNT

2. Глава ФСИН Гостев сообщил о предотвращенных побегах с помощью видеокамер // РБК. – 19.05.2025. – URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/19/05/2025/682b3bdd9a79472cdf3ca93a (дата обращения: 17.05.2026).

3. Первый в России цифровой СИЗО запустили в Бутырке: ИИ и биометрия в работе ФСИН // Коммерсантъ. – 11.01.2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8339047 (дата обращения: 17.05.2026).

4. Ямбаев Д.О. Облачный центр анализа и обработки данных как структурный компонент цифровой трансформации и развития искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / Д.О. Ямбаев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – №10. – С. 62–70. – DOI: 10.51522/2307–0382–2023–257–10–62–70. EDN SJLUKJ

5. Чернышов Е.В. Вопросы правового регулирования применения технических средств надзора и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Е.В. Чернышов // Человек: преступление и наказание. – 2023. – Т. 31. №4. – С. 512–518. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovogo-regulirovaniya-primeneniya-tehnicheskih-sredstv-nadzora-i-bezopasnosti-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy (дата обращения: 18.05.2026).

6. Шамсунов С.Х. Вопросы правового регулирования применения технических средств надзора и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С.Х. Шамсунов // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – №1. – С. 124–128. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovogo-regulirovaniya-primeneniya-tehnicheskih-sredstv-nadzora-i-bezopasnosti-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy (дата обращения: 18.05.2026).

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

НЕПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье анализируются правовые аспекты неправомерного использования инсайдерской информации на фондовом рынке в условиях цифровизации. На основе легальной дефиниции выделены признаки инсайдерской информации: ограниченная доступность, точность и конкретность сведений, способность существенно влиять на цены финансовых инструментов. Рассмотрены виды ответственности: гражданско-правовая, административная и уголовная. Предложено снизить пороговое значение криминализации для усиления правовой защиты от инсайдерских злоупотреблений.*

Ключевые слова: *цифровизация, рынок ценных бумаг, инсайдерская информация, инвестиционное мобильное приложение, инвестор.*

Цифровизация, характерная не только для российского, но и для зарубежных фондовых рынков [1, с. 87; 2, с. 3; 3, с. 66; 4, с. 179], способствовала увеличению скорости совершения сделок с финансовыми продуктами и росту их числа не только за счёт удобства инфраструктуры, но и за счёт облегчённого доступа к большому потоку информации, влияющему на инвестиционные и иные финансовые решения.

Информация и степень её точности на фондовом рынке имеют колоссальное значение. Достаточно вспомнить происшествие с главным героем фильма «Спросите Синди», который

из-за ложной инвестиционной информации потерял все свои сбережения, так как купленные им акции очень сильно упали в цене из-за банкротства фирмы, являющейся их эмитентом, а также подставил под удар сбережения своих клиентов, из-за чего лишился брокерской работы; но затем впоследствии благодаря инсайдерской информации он за несколько минут, удачно инвестировав заёмные средства, снова разбогател. В связи с тем, что из-за инсайдерской информации может случиться мощный «передел собственности», за неправомерное использование инсайдерской информации может наступить административная (ст. 15.21 КоАП РФ) [5, с. 88], уголовная (ст. 185.6 УК РФ) [6, с. 213], гражданско-правовая ответственность (ч. 7 ст. 7 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.07.2010 №224-ФЗ) [7, с. 6].

Существенный вклад в научное осмысление неправомерного использования инсайдерской информации внесли, в частности, Т.Ч. Ахмедов [8], Ю.В. Михаленко [9], А.В. Мартыненко [10], А.Ф. Ахмадуллина [11].

Чтобы выявить признаки инсайдерской информации, необходимо обратиться к п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 №224-ФЗ, в котором содержится легальная дефиниция данного явления. Необходимо обратить внимание на неудачность следующей формулировки анализируемого предписания: «инсайдерская информация – точная и конкретная информация, которая не была распространена и распространение которой может оказать существенное влияние на...». В случае неправомерного распространения инсайдерская информация не перестаёт считаться таковой, в связи с чем более корректным будет являться использование словосочетания «распространение которой ограничено» взамен формулировки «которая не была распространена». В целом логическое толкование указанной дефиниции позволяет выделить следующие признаки инсайдерской информации: 1) ограниченная доступность информации; 2) точность сведений; 3) конкретность информации (чёткая привязка к определённым активам); 4) способность существенно влиять на цены финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров.

Примерами инсайдерской информации являются: планы поглощений и слияний до их публичного анонсирования; данные о грядущих изменениях в руководстве компании; результаты клинических испытаний фармацевтических компаний; информация о предстоящих аудиторских проверках или исках и т. п. [5, с. 86].

Гражданско-правовая ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации реализуется в форме возмещения убытков, при этом сделки, совершённые с использованием инсайдерской информации, считаются действительными, а недобросовестные выгодоприобретатели по сделкам возвращают другой стороне ту часть суммы, которая является необоснованно полученным доходом или нечестно сэкономленными сбережениями (ч. 7 и ч. 8 ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 №224-ФЗ).

Кроме гражданско-правовой ответственности, за неправомерное использование инсайдерской информации на лицо возлагается административная или уголовная ответственность. Если противоправное использование инсайдерской информации причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода или избежанием убытков в крупном размере, то наступает уголовная ответственность, в противном случае – административная ответственность.

На наш взгляд, в российском законодательстве градация административной и уголовной ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации является неоптимальной. Состав уголовно наказуемого неправомерного использования инсайдерской информации имеет один из самых завышенных низших порогов криминализации в размере 5,5 млн руб. среди преступлений в сфере экономической деятельности. До 2024 года низшим пороговым значением криминализации преступления, предусмотренного ст. 185.6 УК РФ, являлся ущерб (незаконный доход, необоснованно избегнутые убытки) в размере 3 млн 750 тыс. руб., при этом количество приговоров, вынесенных по ст. 185.6 УК РФ, даже при

былом значении низшего порога криминализации, было крайне низким (за 2023 г. – один приговор, за 2024 г. – два приговора по всей России) [6, с. 214]. В связи с этим расцениваем как крайне необоснованное повышение порогового значения криминализации в отношении неправомерного использования инсайдерской информации, осуществлённое законодателем в 2024 году.

Таким образом, в эпоху цифровой трансформации инсайдерская информация, являясь нематериальным экономическим благом, нуждается в усиленной правовой защите. За неправомерное использование инсайдерской информации предусмотрена гражданско-правовая ответственность, а также в зависимости от размера причинённого ущерба – административная или уголовная ответственность. На наш взгляд, произведённое законодателем в 2024 году повышение порогового значения криминализации с 3 млн 750 тыс. руб. до 5,5 млн руб. в отношении уголовно наказуемого неправомерного использования инсайдерской информации является необоснованным, так как количество приговоров, связанных с привлечением к уголовной ответственности по ст. 185.6 УК РФ, даже при былом значении низшего порога криминализации, было крайне низким.

Список литературы

1. Нигметзянов Ш.А. Цифровизация рынка ценных бумаг / Ш.А. Нигметзянов, А.В. Погодин // Инновационные аспекты развития науки и техники: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – М.: Добросвет, 2021. – С. 86–91. EDN UEUZEG

2. Adetiloye K.A. Constraints to capital market growth in African economies: The case of Nigeria / K.A. Adetiloye, A.A. Babajide, N.F. Ugwu // Journal of Finance and Investment Analysis. – 2015. – No. 3. – P. 1–16.

3. Casper M. Die elektronische Schuldverschreibung – eine Sache? / M. Casper, L. Richter // Zeitschrift für Bankrecht und Bankwirtschaft. – 2022. – No. 2. – S. 65–83. DOI 10.15375/zbb-2022-0203. EDN EKRMUC

4. Bartlitz D. Die Rechtsnatur elektronischer Wertpapiere / D. Bartlitz // Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht. – 2023. – No. 2. – S. 178–205.

5. Исаков Р.О. Инсайдерская информация как угроза информационной безопасности: понятие, информационная и правовая природа / Р.О. Исаков, А.Ю. Шапошников // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. – 2025. – №3. – С. 84–92. EDN TYUARC

6. Князьков А.А. Неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6 УК РФ): доктринальные оценки признаков состава и правоприменительные перспективы / А.А. Князьков, М.А. Бурнацев // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 213–214. EDN FNZIHU

7. Татлыбаев Б.В. Гражданско-правовая ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации на фондовом рынке в российском праве и праве Соединенных Штатов Америки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.В. Татлыбаев. – М., 2015. – 35 с. EDN ZPYGTP

8. Ахмедов Т.Ч. Методы противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком в системе обеспечения экономической безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Ч. Ахмедов. – СПб., 2015. – 24 с. EDN ZPWDCR

9. Михаленко Ю.В. Правовые основы и механизмы противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг в ЕС: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Михаленко. – М., 2019. – 211 с. EDN SXBUYU

10. Мартыненко В.А. Инсайдерство и манипулирование ценами на рынке ценных бумаг: дис.... канд. экон. наук / В.А. Мартыненко. – М., 2007. – 125 с. EDN NJMDNT

11. Ахмадуллина А.Ф. Гражданско-правовой режим инсайдерской информации: дис.... канд. юрид. наук / А.Ф. Ахмадуллина. – Казань, 2020. – 210 с. EDN TLCCTG

Миннахметова Ильсина Ильдаровна
студентка
Миролюбов Сергей Леонидович
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРОБЛЕМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ВОЕННОЙ АДВОКАТУРЫ

Аннотация: *в статье рассмотрено одно из практических направлений адвокатуры – военное. Сопоставлены понятия «адвокат» и «военный адвокат». Разобрана специфика военного юриста в оказании помощи военнослужащим. Проанализирован вопрос о выделении самостоятельной категории военный адвокат, что обосновывается авторами через призму оснований для этого.*

Ключевые слова: *адвокат, военный адвокат, военная служба, военнослужащий, специализация.*

Права и свободы человека призваны высшей ценностью в Российской Федерацией. За всеми закреплены общие-конституционные права. Однако в зависимости от положения, рода деятельности человек может обладать и иными «привилегиями», которые являются специфическими по отношению к общим правам. Например, одной из такой категорий граждан являются – военнослужащие. В силу своего вида деятельности, законодатель наделил их дополнительными военно-служебными правами [1, с. 172]. Наличие той или иной гарантии обусловлено особенностью работы, статуса военнослужащего. В вопросе о несправедливости расширения круга полномочий того или иного лица, нельзя забывать о «возмездности» предоставляемых гарантий, так помимо служебных прав на лицо накладываются и дополнительные обязанности.

Согласно статье 22 Федерального закона от 27.05.1998 №76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащим обеспечивается право на защиту [2]. Помимо этого, Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. №1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» подчеркивает служебный характер данного права: «Государство гарантирует правовую и социальную защиту военнослужащих, осуществляет охрану их жизни и здоровья, а также иные меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе.» [3]. Одним из субъектов, оказывающих юридическую помощь, является адвокат. Институт адвокатуры в военной сфере является своеобразным, обладающим своей спецификой. С научной точки зрения в рамках данного вопроса могут возникать споры касаемо разграничения понятий адвоката и военного адвоката.

Военный адвокат понятие, существующее исключительно в доктрине. Законодатель ни в одном нормативно-правовом не выделил этот институт, как самостоятельный. Из этого следует, что такой специалист обладает всеми чертами, присущими адвокату. Федеральный закон от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет адвоката как: лицо, получившие в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность [4]. В уголовно-процессуальном законодательстве адвокат характеризуется следующим образом: лицо, участие которого обусловлено защитой прав и интересов подозреваемого/обвиняемого, а также оказыванием им юридической помощи [5]. Данное понятие подразумевает адвоката, как защитника в рамках уголовного процесса. Таким образом, военным адвокатом может является любое лицо, получившее соответствующий статус для оказания юридической помощи, чья деятельность направлена на защиту прав и интересов военнослужащего. Иных

требований законодатель не предусматривает. Однако, на наш взгляд, на практике нормативно закрепленный термин толкуется шире. Помимо предусмотренных требований такой специалист обладать познаниями в военной сфере и иметь представление о военной службе. Незнание специфики этого направления, адвокат может столкнуться с трудностями при оказании юридической помощи.

Несомненно, в основе создания данного направления адвокатской деятельности лежат особенности военной службы, которые неизвестны широкому круг лиц. Именно поэтому, по нашему мнению, на практике военный адвокат это не любой адвокат, а лишь тот, кто обладает специальными познаниями в этой сфере. Выделение самостоятельного института военной адвокатуры возможно обосновать через призму различных обстоятельств.

Преступления против военной службы существуют наравне с иными составами, определёнными уголовным законодательством, однако имеют свою специфику. Выделение подобных преступлений в отдельную категорию, также подчеркивает их своеобразие. Оказание помощи военнослужащему требует знание нюансов, возникающих в военной сфере. На наш, взгляд, это только подчеркивает идею законодателя в выделении институтов военной службы в отдельную особую категорию, куда также может войти военный адвокат.

К тому же деятельность адвокатом в оказании помощи военнослужащим имеет свое специальное регулирование, имеющее приоритет перед общими положениями. Так, Правительством Российской Федерации 23 июля 2005 года принято Постановление N 445 «О порядке оказания адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами» [6]. Принятие данного акта закрепило порядок оказания юридической помощи военнослужащим, представления его в непосредственно в судебном процессе. Помимо этого, закреплены и гарантии самого адвоката – оплата работы.

В вопросе защиты прав военнослужащих стоит упомянуть и о других субъектах, например, суд. Система судов общей юрисдикции Российской Федерации имеет отдельное звено военных судов. В данном случае военный и суд, и военный адвокат – это сопоставляемые понятия, а в основе сравнения лежат основания выделения таких институтов. Ключевая роль создания военных судов состоит в: «усилении специализации, целью которой является наиболее полное и квалифицированное рассмотрение той или иной категории дел, обладающих значительной спецификой» [7, с. 369]. Эти знания необходимы суду, и, в частности, конкретному судье для того, чтобы правильно квалифицировать деяния, совершенные военнослужащими, а также вынести в отношении этих лиц справедливое решение. Помимо судов можно отметить о военных прокурорах, следователях (военные следственные управления). Данные институты не новы для Российского государства, они действовали при Российской Империи, в советское время. Особенность таких специалистов состоит в том, что они связаны с военной службой. Таким образом, видно, что государство заинтересован в наличии собственных правовых институтов в военной сфере, наделенных своей спецификой.

Отдельным основанием существования военного адвоката хотелось бы выделить образование, которое получает адвокат. Как было отмечено ранее, военный адвокат должен соответствовать тем же требованиям, что и любой адвокат. Однако в системе российского образования можно увидеть наличие специальностей, готовящих работников именно для военной сферы, военных юристов, военных прокуроров. Несомненно, нашим законодательством не выдвигается обязанность прохождения обучения в соответствующих образовательных организациях. Однако их существование позволяет готовить более квалифицированных сотрудников, которые разбираются в военном праве. Учась на юриста в уголовном направлении в обычном университете, нельзя обучиться всем тонкостям военной сферы, поскольку на это не делается упор.

Нельзя не затронуть тему, касаемую внешнеполитической ситуации Российской Федерации в нынешнее время – проведение специальной военной операции. В данных условиях

стоит остро вопрос о военных преступлениях, а именно об их росте. Большую роль играют те юристы, адвокаты, которые обладают специальными познаниями военной службы. Внешняя политики государства только подтверждает необходимость увеличения числа «военных адвокатом», поскольку не смотря на нестабильную обстановку, права военнослужащих не должны нарушаться.

На наш взгляд, военный адвокат – это выработанное практикой понятие, характеризующее лицо дополнительными более углубленными познаниями военного права. Более того, не каждый адвокат будет браться за оказание помощи в этой сфере без должных знаний, и не каждый обратится к адвокату, которые не позиционирует себя как специалиста в области военного права. Все это, по нашему мнению, может стать основанием для нормативного закрепления понятия военного адвоката, с указанием на необходимую квалификацию. Это позволит защищать права военнослужащих, оказывать им помощь более компетентно.

Список литературы

1. Бельтоев З.А. Понятие правового статуса военнослужащих / З.А. Бельтоев // Молодой ученый. – 2022. – №16 (411). – С. 172–174. – URL: https://moluch.ru/archive/411/90658 (дата обращения: 24.05.2026). EDN TJDMFD

2. Федеральный закон от 27.05.1998 №76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/8cfc613abaa24993ea521dedc21a6455b0be7336/ (дата обращения: 24.05.2026).

3. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. №1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/3a6079a42b92da64302ae34604ec24556ae433c6/ (дата обращения: 24.05.2026).

4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 №63-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №23. – Ст. 2102.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №52. – Ст. 4921.

6. Постановление Правительства РФ от 23 июля 2005 г. №445 «О порядке оказания адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – №31. – Ст. 3226.

7. Суздаль С.Ф. Специализированные военные суды в России: современные проблемы и пути развития / С.Ф. Суздаль // Молодой ученый. – 2022. – №23 (418). – С. 369–370. – URL: https://moluch.ru/archive/418/92742 (дата обращения: 24.05.2026). EDN GKVFZL

Паксютова Мария Ивановна
бакалавр, студентка

Кубанов Валерий Викторович
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СНЯТИЯ СУДИМОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация: *в статье исследуется правовая природа и сущность снятия судимости за совершенное преступление. Производится анализ особых условий снятия судимости. Исследуется отечественное законодательство, регулирующее указанные правоотношения. Кроме того, в статье отражены актуальные проблемы в правовом регулировании института снятия судимости.*

Ключевые слова: *судимость, снятие судимости, уголовно-правовые отношения, законодательство.*

Аннулирование всех правовых последствий, связанных с установлением судимости, представляет собой снятие судимости.

Рассуждая о судимости, О.М. Ушаков справедливо указывает на существование в общественном сознании устойчивого стереотипа, при котором негативное восприятие преступного деяния автоматически проецируется на личность самого правонарушителя. В результате от такого лица превентивно ожидают рецидива или девиантного поведения в будущем [1].

Многие исследователи сходятся во мнении, что наличие у гражданина неснятой или непогашенной судимости накладывает серьёзный негативный отпечаток на всю его последующую жизнедеятельность. Общество склонно дистанцироваться от таких индивидов, воспринимая их как источник повышенной общественной опасности, которая гипотетически продолжает от них исходить.

Базовые нормативные контуры института досрочного прекращения судимости закреплены в статье 86 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Законодатель зафиксировал принципиальную возможность освобождения лица от этого правового обременения до истечения общих сроков его автоматического погашения.

Для осуществления данной процедуры уголовный закон выдвигает ряд императивных требований, среди которых ключевое значение имеют возмещение причинённого вреда и демонстрация безупречного поведения в процессе и после отбывания назначенного судом наказания. Функциональное назначение этого института заключается в стимулировании правопослушного поведения и обеспечении эффективной ресоциализации бывших осуждённых [2].

Тем не менее практическое применение указанной нормы сталкивается с серьёзными трудностями из-за неопределённости ключевых оценочных понятий, используемых в законе. В частности, ни уголовный, ни уголовно-процессуальный закон не раскрывают содержательное наполнение термина «безупречное поведение».

В научной литературе сформировались различные подходы к интерпретации данной категории.

В.В. Сверчков предлагает трактовать безупречное поведение как комплекс действий лица в бытовой, профессиональной, учебной и иных сферах, который наглядно и убедительно доказывает избыточность дальнейшего применения к нему мер государственного контроля и правовых ограничений [3].

В свою очередь, Д.А. Семенова придерживается более прагматичного подхода, связывая безупречность исключительно с фактом несовершения лицом новых правонарушений (как уголовных, так и административных) в течение всего периода судимости [4].

Однако отсутствие чётких законодательных критериев и легальных дефиниций приводит к отсутствию единообразия судебной практики в оценке исправления лица и полноты заглаживания вреда. Нормативное закрепление признаков «безупречного поведения» могло бы нивелировать этот правовой вакуум.

Разнородность позиций судов различных инстанций наглядно подтверждается материалами судебной практики.

Например, Шестой кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 20 августа 2025 года №77–2324/2025 отменил решение нижестоящего суда, отказавшего гражданину в удовлетворении ходатайства о снятии судимости. Кассационная инстанция указала, что судом не была дана надлежащая оценка положительным данным о личности заявителя, который полностью выплатил штраф по приговору суда, имел исключительно положительные характеристики, задолженности по административным штрафам отсутствовали и занимался благотворительностью. Отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции не дал им надлежащей оценки и пришёл к выводу о том, что они не являются основанием для признания поведения осуждённого безупречным, но при этом не мотивировал, какие именно действия со стороны осуждённого могли бы свидетельствовать о его поведении как о безупречном.

Вместе с тем Московский городской суд в апелляционном постановлении от 18 марта 2026 года №10–5249/2026 признал законным решение об отмене условного осуждения и снятии судимости. Суд согласился с выводами о безупречности поведения осуждённого, основываясь на том, что в период отбывания наказания осуждённый трудоустроен, положительно характеризуется как по месту жительства, так и по месту работы, имеет благодарности, возместил причинённый преступлением ущерб, к уголовной и административной ответственности не привлекался, условия отбывания наказания не нарушал. Указанные обстоятельства обоснованно привели к выводу о признании поведения осуждённого безупречным и, при отсутствии долговых обязательств, связанных с возмещением вреда от преступления, о наличии достаточных оснований для снятия судимости.

С точки зрения процессуального механизма инициатором снятия судимости чаще всего выступает сам гражданин, направляющий соответствующее ходатайство в суд. Помимо этого, досрочное прекращение данного статуса может быть следствием реализации высших государственно-правовых актов – амнистии или помилования.

Принципиальное разграничение понятий «снятие судимости» и «погашение судимости» дано в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года №14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости». Если погашение представляет собой автоматический процесс, наступающий в силу закона по истечении определённого времени без издания специальных актов, то снятие судимости по смыслу ч. 5 ст. 86 УК РФ всегда требует вынесения индивидуального судебного решения в рамках статьи 400 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Как отмечает А.В. Ульянова, судебная процедура призвана гарантировать объективную и беспристрастную оценку посткриминального поведения субъекта (особенно совершившего особо тяжкие посягательства) во избежание досрочного освобождения от ограничений лиц, сохраняющих общественную опасность [5].

При этом законодатель установил барьер против злоупотребления правом: в случае судебного отказа заявить повторное ходатайство разрешается не ранее чем через один год с момента вынесения соответствующего постановления (ч. 5 ст. 400 УПК РФ).

Внесудебный порядок досрочного снятия судимости реализуется через институты амнистии (компетенция Государственной Думы Российской Федерации согласно ст. 84 УК РФ) и помилования (исключительное право Президента Российской Федерации по ст. 85 УК РФ).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчёркивал комплексную, межотраслевую природу амнистии, которая интегрирует в себе нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Согласно диспозиции статьи 84 УК РФ, акты амнистии могут применяться на разных этапах реализации уголовной ответственности, дифференцируя меры смягчения положения лиц, совершивших преступления. Конкретный круг попадающих под амнистию субъектов и условия её реализации определяются Государственной Думой в соответствующих постановлениях.

Например, Постановление Государственной Думы от 24 апреля 2015 года №6576–6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» предусматривало освобождение условно осуждённых от наказания со снятием судимости. При этом императивные ограничения, содержащиеся в пунктах 6 и 13 данного акта, исключали применение амнистии к лицам, признанным злостными нарушителями режима отбывания наказания.

В соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ, снятие судимости (как досрочное, так и автоматическое) полностью ликвидирует её правовые последствия, предусмотренные уголовным законом. Однако на практике данная процедура носит ограниченный характер и не распространяется на информационную сферу жизнедеятельности гражданина. Сведения о факте

привлечения к уголовной ответственности бессрочно сохраняются в специализированных базах данных.

Хотя снятая судимость не может учитываться при квалификации новых деликтов, назначении уголовных санкций и применении иных мер уголовно-правового воздействия, она продолжает генерировать серьёзные латентные ограничения в иных отраслях права.

Ярким примером выступает статья 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливающая безусловный и пожизненный запрет на ведение педагогической и иной деятельности, связанной с несовершеннолетними, для лиц, имеющих или когда-либо имевших судимость.

Дополнительной проблемой выступает отсутствие в законе дифференцированных сроков, по истечении которых лицо приобретает право на обращение с ходатайством о снятии судимости, хотя в зарубежных правовых системах этот вопрос успешно решён с учётом категории тяжести преступлений.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать следующие выводы. Институт снятия судимости выполняет важнейшую гуманистическую функцию, однако его практическая реализация парализована терминологической неопределённостью категорий «безупречное поведение» и «возмещение вреда». Дефицит чётких нормативных критериев лишает судебную практику стабильности и единообразия. Кроме того, отсутствуют определённые сроки снятия судимости, что присутствует в зарубежных правовых системах. Особенно остро стоит вопрос о прекращении последствий судимости в случае её снятия. Фактически большое количество общеправовых последствий судимости продолжают создавать препятствия для трудоустройства лиц и их полноценной социальной реинтеграции.

Список литературы

1. Ушаков О.М. Компьютерные атаки на компании и некоторые сложности в расследовании таких преступлений / О.М. Ушаков // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2023. – С. 229–232. EDN SKBXGD

2. Ушаков О.М. Некоторые формы адвокатского образования – проблемы организации и законодательной регламентации / О.М. Ушаков // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – №104–10. – С. 111–114. DOI 10.18411/trnio-12-2023-568. EDN QMNXPW

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 233.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Есакова. – М.: Проспект, 2010. – С. 155.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – С. 167.

Паксютова Мария Ивановна
бакалавр, студентка
Научный руководитель
Кубанов Валерий Викторович
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ОБ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию генезиса судимости как самостоятельной уголовно-правовой категории. Автор анализирует исторические предпосылки формирования данного института до его официального закрепления в российском праве. На основе изучения дореволюционных нормативных актов выделены ключевые этапы становления правовых последствий совершения преступления, предшествовавших современному пониманию судимости.*

Ключевые слова: *судимость, уголовно-правовая категория, история права, правовые последствия, дореволюционное законодательство.*

В современной доктрине уголовного права дискуссия о времени и механизмах зарождения института судимости всё ещё остаётся открытой. Очевидно, что базовые элементы любого правового феномена закладываются задолго до их формального закрепления в текстах законов, и судимость в этом смысле не является исключением – её корни уходят вглубь истории социальных регуляторов.

Данное явление имеет естественно-правовую природу, тесно связанную с развитием человека и межчеловеческих отношений. Ретроспективный взгляд на эволюцию отечественного законодательства показывает, что на каждом историческом этапе существовали правовые или квазиправовые инструменты, выполнявшие те же функции, что и современная судимость.

Как обоснованно указывает И.А. Архенгольц, взаимоотношения в человеческом обществе строятся на контрасте – «свой» и «чужой» [1]. В древности «провинившиеся» подвергались необратимой стигматизации – клеймению или физическому калечению. Подобные неизгладимые знаки служили визуальным маркером опасности лица для окружающих. Параллельно применялись меры социальной изоляции, например, запрет на участие в сакральных ритуалах. Можно сделать вывод о том, что указанный механизм трансформировался в институт судимости [2].

Чаще всего появление «судимости» связывают с изданием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Тем не менее, из взглядов некоторых исследователей усматриваются отдельные признаки судимости, появившиеся намного ранее [3].

Первые законодательные шаги в данном направлении прослеживаются с XIV века через развитие концепции рецидива, когда законодатель начал постепенно ужесточать санкции для лиц, совершающих правонарушения повторно.

Ярким примером служит Двинская грамота (ст. 5), установившая прогрессивную шкалу наказаний за кражу. Как отмечает А.А. Зимин, за первую кражу следовала материальная ответственность (продажа имущества ради компенсации ущерба); повторное посягательство грозило продажей всего имущества нарушителя, а при наличии исключительных обстоятельств его даже могли продать в холопы; третий же факт хищения карался смертной казнью. Важно, что при каждом осуждении на тело преступника наносилось клеймо. Эта метка выступала наглядным аналогом документального подтверждения прежней судимости [4].

Схожий подход зафиксирован в Псковской судной грамоте. Она предписывала проявлять снисхождение к вору дважды, наказывая его соразмерно вине, но за третий доказанный

эпизод (равно как и за хищение из Кремля) устанавливалась смертная казнь. Эти нормы наглядно демонстрируют, что учёт прошлого криминального опыта напрямую влиял на меру ответственности, что косвенно подтверждает существование прообраза судимости.

Дальнейшее развитие эта тенденция получила в Судебнике 1497 года и Первом своде законов Русского государства. Судебник 1497 года является первым кодексом централизованного русского государства. Например, статьями 11 и 13 указанного Судебника Ивана III устанавливалась смертная казнь за повторное воровство. Там же закреплено понятие «ведомые лихие люди», то есть лица с репутацией злоумышленников и профессиональные преступники, неоднократно совершавшие злодеяния.

Помимо повторности совершения преступления, уже говорится о совершении преступления после окончания отбывания наказания и об отягчении меры ответственности.

Судебник 1550 года продолжил эту линию. Предусмотрена повышенная ответственность за рецидив в статье 56: назначалась смертная казнь за повторный криминальный эпизод. Однако в отличие от Судебника 1497 года указанное правило применялось только в случае признания нарушителем содеянного под пыткой. Если признание отсутствовало, высшая мера заменялась бессрочным тюремным заключением.

Принятое в 1649 году Земским собором Соборное уложение существенно расширило перечень деяний, где повторность выступала квалифицирующим признаком. Если ранее рецидив связывался преимущественно с имущественными преступлениями (кражами), то теперь ужесточение наказания затронуло сферу незаконного оборота алкоголя (корчемство) и табака. В нём также отмечено влияние осуждения на дальнейшее место жительства лица, отбывшего наказание.

Несмотря на отсутствие в данных документах чёткого определения судимости, преступление, совершённое повторно, наказывалось строже.

Элементы исследуемого института обнаруживаются и в законодательстве просвещённого абсолютизма. Устав благочиния Екатерины II (1782 года) связывал признание рецидива с обязательным условием – полным отбытием наказания за предыдущее преступление, хотя эта норма изначально касалась лишь узкого круга посягательств на собственность.

Существенный вклад в доктрину внёс Н.С. Таганцев, анализировавший Свод законов 1832 года. Он отмечал, что под повторением понималась ситуация, когда наказанный ранее субъект вновь совершал аналогичное деяние. Именно Н.С. Таганцев обосновал необходимость отнесения повторности к общим условиям преступности, сделав этот принцип универсальным для всех составов [5].

Полноценное нормативное оформление правовых последствий осуждения произошло в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Закон прямо закрепил поражение в правах для лиц, прошедших через систему наказаний. Речь шла о запрете на вступление в государственную и гражданскую службу, установлении постоянного надзора со стороны полиции, ограничениях на смену места жительства. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения А.Ф. Сиротова и А.Ф. Кухтиной, согласно которой данные меры имели общеправовой характер, а их отдельные элементы (в трансформированном виде) сохранились и в современном уголовном праве России [6].

Вместе с тем срок, в течение которого лицо, претерпевшее наказание, являлось судимым, так и не был установлен.

В законодательном акте 1903 года ограничения выражались во временном или постоянном запрете на проживание в определённом месте. Впервые определены сроки погашения судимости.

Ретроспективный анализ дореволюционного этапа позволяет сформулировать несколько ключевых обобщений:

– терминологически понятие «судимость» в указанный период ещё не выделилось в самостоятельную дефиницию;

− отдельные содержательные элементы этого института латентно развивались внутри уголовно-правовой категории рецидива, не имея автономного статуса;

− на ранних этапах судимость выполняла исключительно утилитарную роль – она служила главным основанием для усиления репрессии при повторном нарушении закона;

− нормативно-правовые акты, содержащие положения о рецидиве, являлись основой для становления института судимости в уголовном праве России.

Несмотря на обилие научных работ, исторические рамки возникновения судимости остаются предметом дискуссий.

Исходя из изложенного выше, традиционная привязка этого события к реформе 1845 года верна лишь отчасти. Содержательное и функциональное наполнение института судимости формировалось на протяжении веков, постепенно переходя от физической стигматизации к сложному правовому статусу личности.

Список литературы

1. Архенгольц И.А. Судимость и её общеправовые последствия: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Архенгольц. – Екатеринбург, 2018. – 256 с. EDN BRVBZL

2. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: с приложением предметного алфавитного указателя. – Неофиц. изд. – СПб.: Книжный магазин В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

3. Грамматчиков М.В. Судимость: тенденции развития и пути совершенствования: монография / М.В. Грамматчиков, И.А. Кириллов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. – С. 8. DOI 10.51980/2006_171. EDN YVFORT

4. Зимин А.А. Правда русская / А.А. Зимин. – М., 1999. – URL: http://annales.info/rus/zimin/zimpr_11.htm (дата обращения: 03.04.2026). EDN RNMDEP

5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 2 / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – С. 311.

6. Сиражев А.Ф. Судимость и ее уголовно-правовое значение: учебное пособие / А.Ф. Сиражев, Т.В. Кухтина. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – 71 с. – URL: https://dspace.susu.ru (дата обращения: 15.04.2026).

Покинтелица Катарина Артёмовна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОУЧАСТИИ

Аннотация: *в случае совершения убийства в соучастии могут возникнуть проблемы, связанные с правильной квалификацией преступного деяния. Не всегда в практической деятельности удается сразу верно установить все признаки состава преступления, что влечет за собой ошибки в квалификации. В рамках проведенного анализа положений уголовного законодательства РФ, а также теоретических положений уголовно-правовой науки были выявлены некоторые из существующих проблем при квалификации убийства, совершенного в соучастии. Преодоление таких проблем возможно способами, связанными с законодательной модернизацией уголовного закона, а также повышением уровня юридической грамотности правоприменителей.*

Ключевые слова: *преступление, убийство, соучастие в преступлении, группа лиц, квалификация преступления.*

Убийство представляет собой умышленное причинение смерти другому человеку согласно ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса РФ [1] (далее – УК РФ). Соучастие в преступлении предполагает умышленное совместное участие 2-х или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Институт соучастия в уголовном праве является самостоятельной категорией, используемой при квалификации множества различных преступлений.

Соучастие предполагает повышение уровня общественной опасности деяния, т.к., как правило, объем негативных последствий, наступающих в связи с совершением преступления сразу несколькими лицами, намного больше, чем при совершении преступного посягательства в одиночку.

Как следует из ст. 33 УК РФ, соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник. Все указанные виды соучастников характерны для совершения такого преступления, как убийство. Институт соучастия при совершении убийства является предметом множества различных споров и дискуссий в современной науке уголовного права. Это связано с существующими неточностями правового регулирования, а также ошибками в правоприменении. Соучастники убийства несут уголовную ответственность в соответствии с тем наказанием, которое им назначается по приговору суда.

В уголовно-правовой доктрине нередко поднимаются проблемы, связанные с квалификацией убийства, которое было совершено в соучастии. Причиной возникновения таких проблем могут быть законодательные неточности в правовом регулировании, а также неверное применение отдельных правовых норм на практике.

Одной из таких проблем является закрепление конструкции группы лиц по предварительному сговору в ст. 35 УК РФ, что влияет на уголовно-правовую оценку убийства, совершенного в соучастии. Вопросы, связанные с совершением убийства в соучастии, зачастую становятся предметом теоретических споров и дискуссий. В теории права отмечается, что группа лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ) может существовать даже в случае участия в преступлении только одного исполнителя, действующего с иными соучастниками деяния. При этом любое соучастие, при котором происходит распределение ролей, представляется более опасным деянием. В связи с этим, некоторые правоведы предлагают вменять п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ вне зависимости от количества лиц, выполняющих объективную сторону [2, с. 204].

Данная позиция не соответствует положениям уголовного права о дифференциации уголовной ответственности. В таком случае, будет иметь место ярко выраженное несоответствие наказания и степени общественной опасности совершенных преступных деяний. Законодатель не случайно разделил соучастников на виды и предусмотрел особенности ответственности соучастников преступления в ст. 34 УК РФ. В связи с этим, действия одного исполнителя и других соучастников не могут квалифицироваться по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Ответственность каждого из участников убийства должна быть определена с учетом их индивидуального поведения в рамках совершенного деяния.

Представляется целесообразной выработка единой позиции по вопросу количества исполнителей при совершении убийства группой лиц по предварительному сговору, поскольку в настоящее время отсутствует единообразное понимание ч. 2 ст. 35 УК РФ в части, касающейся субъектного состава группы лиц по предварительному сговору. Вместе с тем в основе проблем уголовно правовой оценки убийств, совершенных в соучастии, лежит конструкция ст. 35 УК РФ, в которой раскрывается содержание различных форм соучастия. В частности, нормативное определение группы лиц по предварительному сговору не определяет количество лиц, непосредственно выполняющих объективную сторону преступления.

В рамках квалификации убийства, совершенного в соучастии, могут возникать проблемы, связанные с разграничением понятий «организатор» и «заказчик» убийства [3, с. 120]. Чаще всего вопросы разграничения указанных ролей поднимаются при совершении убийства по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Отметим, что правовой статус заказчика не обозначен в нормах УК РФ, а потому данное понятие может использоваться в следственной практике, но в приговоре суда должно быть указано правильное определение роли данного лица: организатор – лицо, организовавшее совершение преступления (ч. 3 ст. 33 УК РФ). Данной характеристики достаточно для определения указанной роли. Организатор убийства по найму не принимает непосредственного участия в совершении преступления.

Убийство по найму заключается в совершении умышленного причинения смерти другому человеку за материальную или иную выгоду. Организация убийства по найму или подстрекательство, пособничество в таком убийстве квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 33 УК РФ. Для квалификации необходимо установить умысел и его направленность. К примеру, организатор убийства по найму может предложить исполнителю преступления совершить убийство за вознаграждение, предоставить необходимую информацию, высказывать требования о совершении активных действий для достижения результата убийства (смерть потерпевшего).

Отдельные вопросы при квалификации соучастия вызывают случаи убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). В теории уголовно-правовой науки отмечается, что мать новорожденного ребенка может принимать участие в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, по-разному [4, с. 166]. По данному вопросу выделяются следующие возможные варианты соучастия:

1) мать новорожденного ребенка является соисполнителем преступления;

2) мать новорожденного ребенка является организатором, пособником или подстрекателем преступления;

3) мать новорожденного ребенка является исполнителем преступления, действующим под угрозой, обманом, уговоров либо иными факторами, склоняющими ее к совершению данного преступления.

Привилегированный правовой статус матери, регламентированный диспозицией ст. 106 УК РФ, распространяет свое действие только в отношении матери. Иные участники преступления не могут «воспользоваться» привилегированным составом преступления в свою пользу: указанное обстоятельство не будет расцениваться в качестве смягчающего в отношении иных соучастников преступления. Действия матери новорожденного ребенка квалифицируются по ст. 106 УК РФ, в том числе со ссылкой на ст. 33 УК РФ, если мать является организатором, подстрекателем, пособником. Действия иных соучастников преступления должны квалифицироваться по п. «в» и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное в соучастии (конкретная форма соучастия определяется в зависимости от имеющих место фактических обстоятельств).

Таким образом, в настоящее время в теории уголовного права выделяются различные проблемы, связанные с квалификацией убийства, совершенного в соучастии. Некоторые из таких проблем были изложены в тексте настоящей научной работы. Преодоление обозначенных недостатков возможно посредством правильного уяснения правоприменителями истинного смысла положений уголовного закона, а также верного толкования содержания таких положений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

2. Машин А.А. Теория и практика квалификации убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору / А.А. Машин, А.Г. Донченко // Конституционные и административно-правовые основы российской государственности: история, современность и перспективы развития. – 2015. – С. 202–206. EDN YMLPEN

3. Жазаев З.В. Особенности личности заказчика и организатора убийства по найму / З.В. Жазаев // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – №2. – С. 119–121. EDN PYLTZP

4. Хашина Н.Н. Проблема квалификации убийств, совершенных в соучастии / Н.Н. Хашина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. – №1 (15). – С. 164–167. EDN SSYOAF

Покинтелица Катарина Артёмовна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОРМ СОУЧАСТИЯ В УБИЙСТВЕ

Аннотация: *формы соучастия в убийстве представлены в виде традиционных форм, присущих любому виду преступного деяния. Разграничение таких форм необходимо для правильной квалификации преступления, а также индивидуализации уголовной ответственности каждого из соучастников убийства. На основании анализа положений уголовного закона, судебной практики и теории уголовно-правовой науки были выявлены отдельные проблемы, связанные с необходимостью установления в каждом уголовном деле верной формы соучастия. Предложенные в рамках статьи предложения по преодолению выявленных проблем могут быть использованы в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, а также в законотворческой деятельности.*

Ключевые слова: *убийство, соучастие, формы соучастия, группа лиц, организованная группа, преступное сообщество.*

Норма ст. 105 УК РФ (убийство) [1] не разделяет формы соучастия на различные квалифицирующие признаки. Данные формы объединены в диспозиции п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (кроме преступного сообщества). Пленум ВС РФ ссылается на необходимость в каждом таком случае применять положения ст. 35 УК РФ, устанавливающей общие правила определения форм соучастия в преступлении. Каждый отдельный случай совершения убийства в соучастии предполагает, что суд должен индивидуально оценивать собранные по делу доказательства, а также степень участия каждого из участников убийства в совершенном преступлении. Однако, Постановление Пленума ВС РФ №1 [2] не содержит ответов на все проблемные вопросы, которые возникают в судебно-следственной практике.

Разграничение между формами соучастия в убийстве осуществляется в зависимости от согласованности поведения соучастников, от степени общественной опасности их действий, однако размер уголовной ответственности за каждую из таких форм предусмотрен одинаковый. Данное положение представляется не совсем логичным. Такая проблема вызывает сомнения у ряда ученых. Так, в теории права есть мнение о том, что перечисление всех форм в одном пункте не имеет значения и достаточно лишь указать про группу лиц [3, с. 68]. Однако, группа лиц – это лишь одна из форм соучастия, и указывать ее одну в квалифицирующих составах убийства было бы логически неправильно. Кроме того, судья в таком случае лишится возможности сделать наказание более справедливым, ссылаясь на ту или иную форму соучастия при назначении наказания в большую или меньшую сторону санкции.

Также возникает проблема, связанная с возможностью применения п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ при наличии участников преступления (не являющихся, с точки зрения уголовного закона, субъектами преступления) и одного субъекта преступления, подлежащего уголовной ответственности. Некоторые юристы считают, что убийство группой лиц возможно только при участии 2-х или более субъектов преступления [4, с. 177]. Другие придерживаются мнения о том, что в таком убийстве может быть и один субъект [5, с. 53]. От остальных участников, не подлежащих уголовной ответственности (дети, невменяемые), достаточно лишь совместности действий. Считаем, что во избежание ошибок, необходимо квалифицировать убийство одним субъектом преступления, который использовал лиц, не подлежащих уголовной ответственности, как своих соучастников, по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку такое деяние имеет большую общественную опасность по сравнению с убийством, совершенным одним лицом.

Отдельное внимание уделяется вопросам, связанным с совершением уголовного деяния преступным сообществом (преступной организацией) согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ. Отсутствие в п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ ссылки на ссылки на преступное сообщество (преступную организацию) объясняется разъяснениями Пленума ВС РФ, изложенными в постановлении №12 [6]. Так, исходя из содержания п. 16, 20 указанного постановления Пленума ВС РФ, следует, что совершение преступным сообществом (преступной организацией) убийства (или нескольких убийств) подлежит квалификации по ч. 2 ст. 210 УК РФ и по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ; при этом, если убийство совершено участником преступного сообщества (преступной организации) в рамках «эксцесса исполнителя», его действия квалифицируются по соответствующей части ст. 105 УК РФ без ссылки на ст. 210 УК РФ.

Полагаем, что отсутствие в п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ указания на преступное сообщество (преступную организацию) не влечет за собой каких-либо существенных негативных последствий для судебно-следственной практики, а также не создает ситуации несправедливого назначения наказания. По данному вопросу следует придерживаться позиций Конституционного Суда РФ, который подробно разъяснил разницу между ст. 105 и ст. 210 УК РФ, в том числе со ссылкой на Постановление Пленума ВС РФ №12. Как указывает КС РФ, в данном случае реализуется принцип «non bis in idem», который исключает повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойной учет одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности [7].

Несмотря на то, что в правоприменительной практике не возникает проблем с квалификацией убийства, совершенного в такой форме соучастия, как преступное сообщество (преступная организация), полагаем, что в ч. 2 ст. 105 УК РФ следует добавить пункт «ж.1», предусматривающий ответственность за такое деяние. Отсутствие прямой законодательной нормы в действующем уголовном законе относительно указанного вопроса создает ситуацию, при которой ответ на вопрос о квалификации содеянного необходимо получать из разъяснений высших судебных инстанций России: Пленум ВС РФ, КС РФ. Фактически разъяснения судов становятся «новыми нормами», чего не может быть в российской правовой системе. Разъяснения судов должны преследовать цель толкования норм права, а не их установление (создание). В связи с этим думается, что внесение таких изменений не будет лишним и не повлечет за собой какой-либо правовой неопределенности или двусмысленности. При этом в Постановление Пленума ВС РФ №1 в таком случае предлагаем добавить разъяснения, основанные на толковании предложенной нами нормы и ст. 210 УК РФ: как сопряженное с участием в преступном сообществе (преступной организации) следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанного преступления. Содеянное в таких случаях квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных п. «ж.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 2 ст. 210 УК РФ, за исключением случаев, предусмотренных в пункте 20 Постановления Пленума ВС РФ №1, касающихся ситуации «эксцесса исполнителя».

Таким образом, разграничение форм соучастия в убийстве необходимо для целей правильной квалификации содеянного. В зависимости от поведения отдельных участников преступления, в том числе субъектов преступления, от степени их вины, от активности роли каждого из соучастников, а также от иных фактических обстоятельств квалификация соучастия в убийстве может различаться. В рамках настоящего исследования были выявлены некоторые проблемные моменты, связанные с разграничением между собой таких форм соучастия в убийстве, как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Несмотря на то, что законодатель не разделяет указанные формы соучастия в диспозиции ч. 2 ст. 105 УК РФ, все же на практике необходимо всегда учитывать и правильно определять форму соучастия.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. №1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – №3.
3. Нгуен Жа Ха. Ответственность за убийство по уголовным кодексам Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам: дис. ... канд. юрид. наук / Жа Ха Нгуен. – Краснодар, 1999. – 199 с.
4. Белокуров О. В. Пределы толкования уголовного закона / О.В. Белокуров // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (30–31 мая 2002 г.). – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 175–180.
5. Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости / Г. Есаков, А. Рарог // Российская юстиция. – 2002. – №1. – С. 51–53. – EDN UINHNO
6. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. №12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – №8.
7. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. №3-П // СЗ РФ. – 2003. – №14. – Ст. 1302.

Родин Михаил Антонович
студент
Научный руководитель
Кубанов Валерий Викторович
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ, СВЯЗАННЫХ С ОХРАНОЙ УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности и проблемы применения биометрических данных с целью обеспечения установленного порядка и условий отбывания наказаний в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Проведен анализ возможности внедрения в систему применения биометрии новых методов.*

Ключевые слова: *биометрические данные, персональные данные, идентификация личности, уголовно-исполнительная система, охрана учреждений, пропускной режим, СКУД.*

Биометрические данные человека в современном мире являются устоявшейся частью повседневной жизни практически каждого члена общества – смартфоны новых поколений имеют функции разблокировки экрана посредством распознавания лица или отпечатка пальца. Отпечатки также используются в умных замках квартир для обеспечения наибольшего уровня безопасности.

Правовое определение биометрических данных дано в федеральном законе №152 «О персональных данных»: «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность» [1]. Представленная дефиниция определяет круг сведений, относящихся к биометрии.

Совокупность всех биометрических данных следует разделить на биологические и физиологические. К биологическим относятся сведения, отражающие особенности организма на молекулярном уровне (группа крови, резус фактор, ДНК). Физиологические, в свою

очередь, можно разделить на группы статических и динамических сведений. Статические (от лат. staticus – недвижимый) – это такие признаки, которые являются неизменными в течение всей жизни человека, к примеру, общие черты лица, сетчатка глаза, папиллярные узоры пальцев. Хотя, даже статические данные не всегда остаются постоянными на протяжении всей жизни человека. Динамические сведения – это характеристики человека, обладающие чертой изменчивости в течении жизни человека (походка, мимика, жестикуляция) [2].

Биометрические данные традиционно и наиболее распространенно применяются в криминалистике в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Охрана учреждения как правовой институт также следует данным целям, при этом превалирующей является цель предупреждения и предотвращения преступлений.

Следует упомянуть, что биометрические данные человека относятся к категории персональных данных, что предполагает особый порядок их получения, хранения и обработки, который в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы регламентирован Приказом Минюста от 23 июня 2020 г. №417 [3].

Организация охраны в учреждениях уголовно-исполнительной системы осуществляется в целях обеспечения пропускного режима на территорию объекта и перемещения по нему, безопасности на объекте, предупреждения и пресечения совершения преступлений. Реализация данных целей непосредственно связана с биометрией.

Цели охраны исполняются на практике совокупностью методов идентификации, в которые входит дактилоскопирование, распознавание личности по антропологическим чертам, установление личности по голосу, сетчатке глаза. Разнообразие методов идентификации по различным типам биометрических данных имеет ряд преимуществ: высокая точность при сочетании нескольких типов данных, удобство использования при наличии системности.

Средства использования биометрических данных в исправительных колониях, тюрьмах и следственных изоляторах отличаются разнообразием и эффективностью. Система контроля и управления доступа (СКУД) является лучшим решением в обеспечении безопасности и контрольно-пропускного режима в учреждениях уголовно – исполнительной системы. На данный момент СКУД считается самым инновационным решением проблем учёта, наблюдения и охраны учреждений и объектов УИС. СКУД представляет собой систему сложных подконтрольных функций, в которую входит обеспечение в учреждении линии связи, системы видеонаблюдения и возможность ограничения прохода на определенные участки учреждения, посредством внедрения в систему картотеки биометрических данных лиц.

Основной подсистемой СКУД можно назвать специальное программное обеспечение «Синергет СКДЛ СО», предназначенное для формирования базы данных и биометрической идентификации сотрудников учреждения ФСИН и спецконтингента. Данное СПО в текущее время используется при осуществлении пропускного режима на территорию исправительного учреждения, составления разнообразных автоматических отчетов по перемещению лиц, регистрации нетипичных событий. Система «Синергет СКДЛ СО» включает в себя следующие элементы: дактилоскопический сканер, считыватель проксимити карт и модуль распознавания лиц [4].

Использование биометрических данных в целях охраны учреждения на практике сталкивается с некоторыми проблемными вопросами. Учитывая то, что средний показатель недобора кадров в колониях и СИЗО в целом по стране превышает 37% [5], можно выявить ряд задач, которые исполняются непосредственно сотрудниками УИС и автоматизировать, упростить их выполнение при помощи использования уже имеющихся технических средств.

Методы и средства, присущие СПО «Синергет СКДЛ СО», возможно применять не только лишь для осуществления пропускного режима, но и в иных режимных мероприятиях. Так, вечерняя и утренняя поверки, а также учет лиц в промышленной зоне и иных территориальных единицах учреждения возможны с применением биометрической идентификации посредством видеонаблюдения или установки дактилоскопических сканеров в соответствующих местах. Дистанционные задачи сократили бы нагрузку на сотрудников исправительных

учреждений, а также повысили бы их безопасность, ведь минимизация контакта с осужденными снижает риск совершения преступления против жизни и здоровья сотрудника.

Очевидно, что любой механизм и система имеют некоторые недостатки, исключением не является и биометрическая база данных. Некоторые типы биометрических данных имеют признак изменчивости с течением времени или от механического воздействия. Так, папиллярные узоры пальцев человека могут стираться от грубых воздействий на руки (к примеру, тяжелая работа на промзоне), формы лица могут меняться от изменения веса человека, а также от появления шрамов, опухолей и порезов. Для реализации введения в функционал СПО «Синергет СКДЛ СО» новых задач и повышения эффективности применения в текущем состоянии, несомненно, необходимо периодическое обновление баз биометрических данных подконтрольных лиц.

Законодательство о персональных данных, включая биометрические данные, может быть недостаточно четким в отношении их использования в контексте УИС. Вопросы о том, какие именно биометрические данные могут быть собраны и как они должны обрабатываться, могут оставаться неясными.

Разработка специальных нормативных актов, дополняющих ФЗ №152-ФЗ «О персональных данных», которые бы конкретизировали порядок сбора, хранения, обработки и использования биометрических данных в УИС, решила бы законодательные неопределенности и определила бы четкие алгоритмы и порядки действий в области использования биометрии.

Список литературы

1. О персональных данных: федеральный закон (принят 27 июля 2006 г. №152-ФЗ; с изм. и доп. от 24 июня 2025 г. №156-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 12.05.2026).

2. Степенко В.Е. Биометричские персональные данные / В.Е. Степенко, А.Д. Богдановская // Евразийский Союз Ученых. – №4. – 2020. – С. 15-19. EDN IYBBVV

3. Об обработке персональных данных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: приказ Минюста (принят 23 июня 2020 г. №417). – URL: https://minjust.consultant.ru/documents/46979?items=1&page=15 (дата обращения 12.05.2026).

4. Денисенко О.И. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы / О.И. Денисенко, И.С. Жаров, Ж.А. Кадралеева // Вестник Самарского юридического института. – №4. – 2024. – С. 113–119. DOI 10.37523/SUI.2024.60.4.017. EDN VMDHDZ

Свиридова Ярослава Михайловна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ВИДЫ УБИЙСТВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ИХ ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ПРОСТОГО СОСТАВА УБИЙСТВА

Аннотация: *в статье исследуются вопросы, касающиеся видов убийств в уголовном праве и их отграничение от простого состава убийства. В представленном исследовании рассмотрены основные определения, касающиеся данной тематики, также понятия, относящиеся к данным правоотношениям, и подробно анализированы статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Проанализирована судебная практика по поводу убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). В свою очередь, были сформулированы основные проблемы, встречающиеся в правоприменительной практике, и подведен итог данного исследования.*

Ключевые слова: *убийство, деяние, новорожденный ребенок, признаки, преступление.*

Убийство считается одним из наиболее тяжких преступлений, предусмотренных российским уголовным законодательством.

В теории уголовного права убийством признается противоправное, умышленное лишение жизни другого лица. Однако, несмотря на общую норму ст. 105 УК РФ, существуют различные составы преступления, которые различаются по степени общественной опасности и наказуемости.

Начнем с простого состава. Им признается убийство без квалифицирующих признаков, а именно такое преступление совершено без заранее спланированных мотивов мести и ненависти по каким-либо признакам, например расы и национальности [3, с. 312].

Отметим, что обычным примером простого убийства будет являться убийство в ссоре или в порыве гнева и ревности.

Обращаясь к ст. 105 УК РФ, необходимо выделить, что за простое убийство предусмотрено лишение свободы сроком от шести до пятнадцати лет.

В продолжение стоит указать на то, что особенностью простого убийства является отсутствие в совершенном деянии специальных признаков, которые предусмотрены ст. 106–108 УК РФ, именно поэтому такую норму называют основной и резервной. А именно в случае отсутствия специальных признаков суд будет опираться на норму ст. 105 УК РФ.

Далее, перейдем к квалифицированным видам убийств. К ним необходимо относить те составы преступления, которые содержат отягчающие признаки, существенно повышающие степень тяжести содеянного.

В законодательстве выделяют классификацию таких видов убийств:

1. По объекту:

а) убийство двух или более лиц;

б) убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

в) убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека;

г) убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

2. По способу:

а) убийство, совершенное с особой жестокостью;

б) убийство, совершенное общеопасным способом.

3. По мотивам:

а) убийство, из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом;

б) убийство, из хулиганских побуждений;

в) убийство, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

г) убийство, в целях использования органов или тканей потерпевшего.

4. По определенной связи с другими совершенными преступлениями:

а) убийство, сопряженное с похищением человека;

б) убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом;

в) убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Отметим, что простое убийство отграничивается от квалифицированного путем установления хотя бы одного вышеперечисленного признака. А именно, ели присутствует один или более квалифицированных признаков, то деяние будет считаться квалифицированным.

Важно указать и на то, что за совершение преступления с квалифицированными признаками преступник наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. Однако на смертную казнь на сегодняшний день наложен мораторий.

Помимо простого состава и квалифицированного, существуют еще и привилегированные составы убийства.

Выделим, что к привилегированным составам убийства относятся деяния, при совершении которых в первую очередь будут учитывать те обстоятельства, которые существенно снижают степень общественной опасности преступления.

В главе 16 УК РФ выделены отдельные статьи с привилегированными составами убийств:

1. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Особенностью данной статьи является психофизиологическое состояние женщины после рождения новорожденного ребенка. А именно, женщины после родов, находясь в эмоционально-неуравновешенном и психическом состоянии, могут спокойно убить новорожденного малыша, несмотря ни на что. Однако, это всего лишь смягчающее обстоятельство, а не полостью освобождающее лицо от уголовной ответственности, и наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок [4, с. 222];

2. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Основанием такого деяния является внезапно возникшее сильное душевное волнение, которое может быть вызвано насилием или издевательством. Такое преступление наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. *Убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ).*

Важно отметить, что превышением пределов необходимой обороны – это действия умышленного характера, которые не соответствуют степени общественно опасного посягательства.

Такое преступление наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Необходимо отметить, что привилегированный состав отличается от простого тем, что он имеет особенности, которые, прежде всего, снижают общественную опасность по сравнению с простым убийством.

Однако, несмотря на понятный и обширный перечень статьей в УК РФ, в правоприменительной практике все равно существуют проблемы отграничения составов преступления. Так, достаточно популярной проблемой является отграничение «простой» ссоры от хулиганских побуждений.

Раннее было отмечено, что простая ссора в виде бытового конфликта не показывает пренебрежение к обществу, что нельзя не сказать про хулиганские побуждения, которые именно демонстрируют агрессию и неуважение к обществу.

Также существует проблема отграничения убийства матерью новорожденного от простого деяния. В УК РФ указано, что убийство новорожденного ребенка матерью совершается после родов, а также женщина при совершении данного преступления находится в психическом состоянии.

Отметим, что проблемой является то, что достаточно сложно путем экспертизы определить, как долго будет длиться у матери вышеотмеченное состояние, а именно это дни, недели, месяца? Состояния, которые предусмотрены законодателем для применения положений ст. 106 УК РФ, содержат психологический и психический аспекты, в связи с чем по каждому уголовному делу об убийстве матерью новорожденного ребенка целесообразным представляется назначение и проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы в целях диагностики и оценки состояния матери на момент совершения преступного посягательства [1, 1569].

Отметим, что в случае убийства новорожденного ребенка матерью по причине того, что в дальнейшем у нее нет желания его воспитывать, то в таком случае состав убийства является простым.

Анализируя судебную практику, нельзя не отметить то, что в реальной жизни существуют такие случаи, когда женщина не желает воспитывать своего новорожденного ребенка и убивает его после родов.

Так, женщина родила ребёнка тайно и из-за нежелания его содержать, после родов убила его за гаражами и оставила новорождённого в снегу. В свою очередь, Суд осудил её на три года лишения свободы. При этом было установлено экспертизой, что замысел убить ребёнка существовал изначально, то есть был сформирован до родов. Суд, при вынесении приговора опирался на ст. 105 УК РФ, а не на ст. 106 УК РФ, так как девушка не находилась в невменяемом состоянии [2].

Подводя итоги по данному исследованию, необходимо отметить, что каждое преступление требует тщательного анализа всех обстоятельств, признаков и особенностей, так как этот анализ влияет на дальнейшую судьбу обвиняемого.

Список литературы

1. Капица Т.А. Использование экспертиз в расследовании убийств матерью новорожденного ребенка / Т.А. Капица // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – №93. – С. 1569–1589. – EDN RPZYWL.

2. Приговор Промышленного райсуда г. Курска от 7 июля 2011 г. По делу №1–272–11г. // СПС «Консультант Плюс».

3. Свешников А.С. Виды убийства в уголовном праве и их отграничение от простого состава убийства / А.С. Свешников // Молодой ученый. – 2023. – №52 (499). – С. 312–313. – EDN DGKSVV

4. Шикула И.Р. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемные вопросы квалификации / И.Р. Шикула // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 7, №3. – С. 203–205. – EDN YNFPOX

Соловьев Олег Геннадиевич
канд. юрид. наук, доцент
Бражник Сергей Дмитриевич
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТА ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА (СТ. 196 УК РФ)

Аннотация: *в статье даётся технико-юридический анализ закрепления признаков объекта преднамеренного банкротства. Исследуются статистические данные о распространённости указанного преступления, характер и размеры ущерба, причиняемого банкротскими преступлениями, для понимания содержания общественной опасности посягательства, закреплённого в ст. 196 УК РФ. Рассматриваются особенности предмета.*

Ключевые слова: *уголовное право, преступление, юридическая техника экономическая деятельность, преднамеренное банкротство, общественная опасность, объект и предмет преступления.*

Статья публикуется в рамках проекта: ЯрГУ (проект VIP–022).

Актуальность исследования вопросов банкротства в Российской Федерации обусловлена сложной экономической ситуацией, в которой находится страна. В условиях экономической нестабильности особое значение приобретает соблюдение законодательства, регулирующего отношения в сфере несостоятельности (банкротства), а также обеспечение финансовой

устойчивости хозяйствующих субъектов. Институт банкротства выполняет важную функцию в экономике государства, способствуя выводу из хозяйственного оборота неэффективных предприятий, восстановлению платёжеспособности должников и повышению общей эффективности экономической системы. В конечном итоге это оказывает положительное влияние на экономические показатели государства и способствует формированию конкурентной рыночной среды. Вместе с тем в сфере банкротства сохраняется ряд серьёзных проблем. Одной из наиболее опасных является злоупотребление процедурами несостоятельности, выражающееся в совершении преднамеренных и фиктивных банкротств. Подобные деяния представляют значительную общественную опасность, поскольку наносят ущерб кредиторам, работникам организаций, государству и экономике в целом. При этом выявление и доказывание фактов преднамеренного банкротства нередко вызывает существенные трудности в деятельности правоохранительных органов по причине некачественного законодательного оформления [1, с. 78].

Статистические данные свидетельствуют о том, что проблема квалификации преднамеренного банкротства сохраняет свою актуальность. Так, с 2019 по 2025 год количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 196 УК РФ, остаётся относительно стабильным, существенно не меняется и держится на уровне около 150 случаев в год. Вместе с тем число лиц, осуждённых за преднамеренное банкротство, остаётся незначительным: в 2019 году было осуждено 22 человека, в 2020 году – 15 человек, в 2021 – 18 человек, в 2022 году было осуждено 23 человека, в 2023 – 21, в 2024 – 28, в 2025 году – всего 11 человек. Данные показатели свидетельствуют о наличии существенных проблем в выявлении и расследовании рассматриваемых преступлений. Очевидно, что действующее законодательство содержит отдельные пробелы и возможности для злоупотреблений, которыми пользуются недобросовестные должники с целью уклонения от исполнения своих обязательств [2, с. 236]. Несмотря на наличие значительного количества научных исследований, посвящённых вопросам противодействия преднамеренному банкротству, проблемы квалификации данного преступления и применения соответствующих норм по-прежнему требуют дальнейшего теоретического осмысления и практического совершенствования. В связи с этим возникает необходимость разработки более эффективных механизмов регламентации и правоприменения, способных повысить результативность борьбы с преднамеренным банкротством.

В настоящей работе мы рассмотрим вопросы законодательного оформления признаков объекта. Так, родовым объектом преднамеренного банкротства являются общественные отношения в сфере экономики. Данный вывод подтверждается тем, что ст. 196 УК РФ расположена в разделе VIII «Преступления в сфере экономики». Отнесение преднамеренного банкротства к числу преступлений в сфере экономики обусловлено тем, что совершение действий, заведомо влекущих неспособность должника удовлетворить требования кредиторов, причиняет вред не только отдельным кредиторам, но и экономическим отношениям в целом. В результате нарушается нормальное функционирование рыночных механизмов, снижается уровень защищённости участников гражданского оборота и затрудняется реализация принципов справедливой конкуренции.

Для различения преднамеренного банкротства и смежных преступлений необходимо определить видовой и непосредственный объект. Видовым объектом преднамеренного банкротства выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок осуществления экономической деятельности. На наличие именно такого видового объекта указывает расположение ст. 196 УК РФ в главе 22 УК РФ. Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных статьей 196 УК РФ, на наш взгляд, следует признать совокупность общественных отношений в сфере реализации установленного порядка процедуры банкротства и нормальной хозяйственной и производственной деятельности предприятий, организаций, индивидуальных предпринимателей и отдельных граждан. В свою очередь, Н.А. Лопашенко предлагает рассматривать непосредственный объект преднамеренного

банкротства, предусмотренного ст. 196 УК РФ, как совокупность общественных отношений экономического характера, основанных на принципе недопустимости заведомо противоправных форм поведения участников экономической деятельности [3, с. 285]. Данная точка зрения, на наш взгляд, является неверной, поскольку подобное определение фактически характеризует видовой объект преступлений в сфере экономической деятельности, а не непосредственный объект преднамеренного банкротства. Вследствие этого они не позволяют выявить особенности общественных отношений, на которые непосредственно направлено преступное посягательство, и затрудняют разграничение ст. 196 УК РФ со смежными составами преступлений, предусмотренными главой 22 УК РФ [4].

Следовательно, непосредственным объектом преднамеренного банкротства следует признать общественные отношения, обеспечивающие законное функционирование института банкротства и нормальное осуществление экономической деятельности. Данная позиция представляется наиболее обоснованной, поскольку она в полной мере отражает характер общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 196 УК РФ. Уголовная ответственность по ст. 196 УК РФ возникает при причинении крупного ущерба, что подразумевает наличие дополнительного объекта – имущественных интересов кредиторов, который необходим для квалификации действия как преднамеренного банкротства [4]. Кроме того, в рамках рассматриваемого состава преступления может быть выделен факультативный объект, под которым понимаются общественные отношения, которым вред причиняется не во всех случаях совершения преступления, однако возможность такого вреда объективно существует. Значение факультативного объекта заключается в том, что посягательство на него способно существенно повысить степень общественной опасности деяния, что должно приниматься во внимание при индивидуализации уголовной ответственности и назначении наказания. К числу таких отношений при преднамеренном банкротстве относятся интересы службы в коммерческих организациях, а также отношения, связанные с надлежащим ведением бухгалтерского и иного хозяйственного учёта [5, с. 327].

Вопрос о предмете преднамеренного банкротства является дискуссионным. В отличие от ст. 195 УК РФ, диспозиция ст. 196 УК РФ не содержит прямого указания на предмет преступления. В связи с этим в доктрине отсутствует единый подход к его определению. Одни авторы связывают предмет преднамеренного банкротства с имущественным комплексом должника, а другие полагают, что предмет преступления в данном составе отсутствует как обязательный элемент. Представляется, что последняя позиция является более обоснованной, поскольку законодатель в диспозиции ст. 196 УК РФ акцентирует внимание не на воздействии на конкретный предмет, а на совершении действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность должника удовлетворить требования кредиторов.

Список литературы

1. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / А.В. Иванчин; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 2014. – 352 с. EDN YHFTJF

2. Соловьев О.Г. Преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ): некоторые проблемы толкования и правоприменения / О.Г. Соловьев // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 236–237. EDN QZOTEE

3. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н.А. Лопашенко. – М., 2006. – 720 с. EDN QXBSQP

4. Середа И.М. Объект преднамеренного банкротства / И.М. Середа, А.Г. Середа // Пролог: журнал о праве. – 2018. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-prednamerennogo-bankrotstva (дата обращения: 20.06.2026). DOI 10.21639/2313-6715.2018.1.3

5. Усольцева А.В. Объективные признаки преднамеренного и фиктивного банкротства / А.В. Усольцева // Молодой ученый. – 2024. – №26(525). – С. 326–329. EDN CQJOVI

Соловьева Людмила Юрьевна
магистрант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ актуальных проблем социального контроля над киберпреступностью в Российской Федерации. Рассматривается феноменология современных киберугроз, включая использование искусственного интеллекта, атаки на критическую информационную инфраструктуру и модели преступности «как услуга» (CaaS). Исследуется текущее состояние правового регулирования и деятельности правоохранительных органов, выявляются ключевые пробелы, такие как недостаточная скорость адаптации законодательства, проблемы с квалификацией составов преступлений и сложности международного сотрудничества. На основе анализа предлагается комплекс мер по совершенствованию социально-правового регулирования, включающий развитие специализированных подразделений, усиление публично-частного партнерства, внедрение прорывных технологий и реализацию масштабных программ по повышению цифровой грамотности населения. Особое внимание уделяется необходимости построения комплексной системы защиты жертв киберпреступлений.*

Ключевые слова: *киберпреступность, социальный контроль, правовое регулирование, кибербезопасность, защита жертв, правоохранительные органы, цифровая гигиена, Российская Федерация.*

Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни в начале XXI века, привела к фундаментальным изменениям в структуре социальных взаимодействий, экономических отношений и механизмах государственного управления. Наряду с неоспоримыми благами, которые принесли информационно-коммуникационные технологии, возникло и стремительно развивается новое, виртуальное пространство для противоправной деятельности. Киберпреступность представляет собой один из наиболее динамичных и социально опасных вызовов современности, требующий адекватных мер социального и правового контроля, способных не только реагировать на уже совершённые деяния, но и работать на упреждение, предотвращая переход девиантных отношений в институционализированную преступную систему.

Традиционные подходы к противодействию преступности, сложившиеся в эпоху доминирования физических коммуникаций и территориальной юрисдикции, зачастую оказываются неэффективными в условиях анонимности, трансграничности и высокой технологичности киберугроз. В России масштабы и сложность этой проблемы стремительно нарастают, что актуализирует необходимость научного осмысления существующих вызовов и поиска путей оптимизации государственной и общественной реакции. Как справедливо отмечает доктор социологических наук, профессор Ю.Ю. Комлев, «цифровые технологии в жизнедеятельности современного человека привели не только к позитивным, но и к негативным последствиям. Среди них наибольшие риски представляет киберпреступность, темпы роста которой возрастают с каждым годом». Целью данной статьи является выявление ключевых проблем социального контроля над киберпреступностью в России и оценка возможностей применения комплексных механизмов социально-правового регулирования для их решения, с особым акцентом на кадровое обеспечение правоохранительных органов и развитие специализированных подразделений.

Современная киберпреступность в России характеризуется быстрой эволюцией и диверсификацией, принимая всё более изощрённые и технологически оснащённые формы. К числу наиболее актуальных угроз относятся следующие феномены.

Использование искусственного интеллекта (ИИ). Киберпреступники начали применять технологии ИИ для создания убедительных фишинговых сообщений, которые имитируют стиль письма конкретных людей и обладают безупречной грамматикой, что значительно усложняет их обнаружение традиционными средствами антивирусной защиты. Кроме того, ИИ используется для автоматизации и масштабирования атак, например, для сканирования уязвимостей или одновременного развертывания вредоносных программ по множеству целей. Как подчеркивает Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, «самым новым вызовом для следователей является применение злоумышленниками искусственного интеллекта для совершения противоправных действий. Например, для подделки голоса и изображения человека при телефонных разговорах с родственниками с целью хищения средств».

Атаки на критическую информационную инфраструктуру (КИИ). Наблюдается устойчивый рост целенаправленных атак на объекты энергетики, здравоохранения, транспорта и агропромышленного комплекса. Например, в 2025 году была зафиксирована волна атак группировки Cloud Atlas на российские предприятия АПК с использованием уязвимостей в Microsoft Office. Подобные атаки несут риск не только значительных финансовых потерь, но и дестабилизации жизнеобеспечения целых регионов, что переводит их в разряд угроз национальной безопасности.

Эволюция программ-вымогателей. Традиционные схемы вымогательства, основанные на блокировке доступа к данным, сменились более изощрёнными моделями с двойным вымогательством, когда злоумышленники не только шифруют данные жертвы, но и похищают их, угрожая последующей публикацией в случае неуплаты выкупа. Это создаёт дополнительное психологическое давление на пострадавших и повышает вероятность выплаты требований.

Рост мошенничеств с использованием социальной инженерии. По данным на 2025 год, около 35 % попыток обмана приходится на звонки от лжесотрудников Центрального банка и правоохранительных органов. Также широко распространены схемы под видом сотрудников служб доставки (20 %) и несанкционированный перевыпуск SIM-карт (15 %). Эти цифры свидетельствуют о том, что основным уязвимым звеном в системе кибербезопасности остаётся человеческий фактор, а точнее – недостаточный уровень критического мышления и цифровой грамотности населения.

Преступность как услуга (CaaS – Crime-as-a-Service). Набирает обороты модель, при которой киберпреступники предоставляют друг другу в аренду хакерские инструменты, инфраструктуру и услуги, что значительно снижает «порог входа» в криминальную деятельность и масштабирует угрозу. Как отмечает профессор Комлев, анализируя этот тренд, «динамичный криминальный мир быстро реагирует на технологические изменения», и киберпреступность «всё больше направлена в отношении многочисленных частных пользователей социальных сетей и Интернета».

Анализ текущей ситуации позволяет выявить ряд системных проблем, препятствующих эффективному противодействию киберпреступности в России. Эти проблемы носят не только правовой, но и организационный, технологический и социальный характер.

Правовые пробелы и отставание законодательства. Действующая глава 28 Уголовного кодекса РФ (ст. 272–274), принятая в иной технологической реальности, не в полной мере охватывает спектр современных киберугроз. Отсутствуют чёткие законодательные определения таких понятий, как «киберпреступность», «компьютерная атака», «информационная угроза», что приводит к сложностям в квалификации преступлений и формировании единообразной судебной практики. Как справедливо отмечает Председатель СК России, «принцип внесения изменений должен быть от общего к частному. Первоочередной инициативой является проработка законопроекта по дополнению общей части Уголовного кодекса новым отягчающим

обстоятельством – совершение преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта».

Недостаточная эффективность правоохранительной системы. Расследование киберпреступлений сопряжено с трудностями сбора и фиксации цифровых доказательств, которые отличаются «хрупкостью» и могут быть легко оспорены в суде. Зачастую привлекаемые специалисты не обладают достаточной квалификацией для раскрытия сложных технических деталей преступлений. Несмотря на создание в декабре 2024 года специализированного отдела по расследованию киберпреступлений в составе Главного следственного управления СК России, проблема межведомственного взаимодействия и кадрового дефицита остаётся острой. На региональном уровне, как свидетельствует опыт Мурманской области, подразделения по борьбе с киберпреступностью созданы сравнительно недавно – во исполнение Указа Президента РФ от 30 сентября 2022 года, и процесс накопления экспертизы находится в начальной стадии.

Трансграничный характер угроз. Большинство кибератак совершается из-за рубежа, что создаёт непреодолимые процессуальные и политические барьеры для оперативного расследования и привлечения виновных к ответственности. Как подчёркивает руководство СК России, «учитывая нежелание представителей ряда зарубежных мессенджеров, социальных сетей и других агрегаторов информации взаимодействовать с российскими правоохранительными органами, на их помощь рассчитывать не приходится». Механизмы международного сотрудничества, такие как Конвенция о киберпреступности Совета Европы, в текущих геополитических условиях работают не в полную силу, хотя Россия активно участвует в разработке альтернативной конвенции ООН против киберпреступности.

Низкий уровень цифровой грамотности населения. Значительная часть успеха киберпреступников строится на манипулировании пользователями, которые пренебрегают правилами «кибергигиены»: используют простые пароли, переходят по подозрительным ссылкам, не обновляют программное обеспечение и бездумно делятся личной информацией в социальных сетях. Профессор Комлев в своих исследованиях обращает внимание на феномен «кибервиктимизации», подчёркивая, что «пользователи интернета, социальных сетей и цифровых платежных систем – основные жертвы пандемии киберпреступности».

Одним из ключевых направлений повышения эффективности противодействия киберпреступности является развитие специализированных подразделений и, что особенно важно, подготовка высококвалифицированных кадров для работы в этой сфере. Данная проблематика находится в центре научных интересов профессора Ю.Ю. Комлева, который предлагает концептуально новые подходы к решению кадрового дефицита.

Как отмечает профессор Комлев, «на мировом рынке труда по мере роста киберпреступности сложился высокий и устойчивый спрос на подготовку специалистов по кибербезопасности, по розыску киберпреступников и расследованию киберпреступлений – киберполицейских. Однако подготовленных специалистов такого рода в России хронически не хватает». Это дефицит имеет как количественное, так и качественное измерение. В то время как крупный бизнес активно привлекает IT-специалистов с медианной зарплатой 150 000 рублей и выше, в органах внутренних дел, по экспертным оценкам, средняя зарплата оперативного сотрудника не намного превышает 60 000 рублей. В таких условиях, как резюмирует профессор Комлев, «закрепить специалиста по кибербезопасности – выпускника гражданского вуза в правоохранительных органах практически нереально. Надо готовить свои ведомственные кадры».

Выход из этой ситуации профессор Комлев видит в создании междисциплинарных образовательных программ, интегрирующих правовые, поведенческие и технологические знания. Он обосновывает необходимость подготовки киберполицейских в рамках магистерских программ с профилем «расследование цифровых преступлений». Такая программа должна обеспечить синтез фундаментальных знаний в области цифровых технологий, методологии защиты цифровой информации, криптографии, электронной коммерции, а также

специальных дисциплин, изучающих кибердевиантность и киберпреступность, документирование цифровых следов и методику расследования.

Принципиально важным, по мнению профессора Комлева, является использование ведомственной образовательной системы МВД России, где уже сформирован фундамент правовых и девиантологических исследований, с привлечением специалистов из IT-сферы и правоприменительной практики. Такой подход позволит готовить специалистов, которые «хорошо разбираются в праве, в девиантных практиках, цифровых технологиях, способах совершения деликтов, расследования и противодействия цифровым преступлениям». В качестве успешных примеров он приводит программы подготовки специалистов по кибербезопасности в Московском и Санкт-Петербургском университетах МВД России, а также недавнюю инициативу по подготовке медиаполицейских в Российской академии народного хозяйства и государственной службы для выявления деструктивных материалов в интернете.

В 2025–2026 годах эта концепция получила дальнейшее развитие в связи с принятием комплекса законодательных мер, закрепляющих роль профильных подразделений в системе противодействия киберпреступности. В Следственном комитете, как сообщил А.И. Бастрыкин, создан специализированный отдел, «обладающий профессиональными кадрами и необходимой программно-аппаратной базой», где внедрён инструментарий для аналитики больших объёмов данных, исследования криптовалютных транзакций и преодоления систем шифрования.

Для построения эффективной системы контроля над киберпреступностью необходим комплексный подход, сочетающий правовые, организационные, технологические и социальные меры.

Совершенствование законодательной базы. Требуется внесение изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, направленных на детализацию составов киберпреступлений, закрепление современных правил работы с цифровыми доказательствами и криминализацию новых видов противоправной деятельности (например, криптоджекинга, массового создания ботнетов, использования технологий искусственного интеллекта как отягчающего обстоятельства). Как справедливо указывает А.И. Бастрыкин, также необходимо проанализировать отдельные составы преступлений, чтобы понять, «где применение таких технологий преступниками представляет наиболее высокую общественную опасность».

Развитие кадрового потенциала. Целесообразно усилить потенциал киберполиции и других правоохранительных органов путём создания профильных учебных программ, курсов переподготовки и привлечения специалистов из частного сектора. Опыт таких стран, как США, где принят специализированный Cybersecurity Act, свидетельствует о важности концентрации экспертизы и создания национальных центров по борьбе с киберпреступностью.

Публично-частное партнёрство. Активное усиление публично-частного партнёрства, взаимодействие государства с компаниями в сфере информационной безопасности, телекоммуникаций и финансов позволит обмениваться данными об угрозах в режиме, близком к реальному времени, и оперативно блокировать мошеннические схемы. Как отмечается в утверждённой Правительством РФ в августе 2025 года концепции противодействия киберпреступности, необходимо активное использование цифровых двойников, искусственного интеллекта и мобильных приложений для прогнозирования и пресечения кибератак.

Защита жертв киберпреступлений и повышение цифровой грамотности. Необходимо создание удобных и доступных механизмов для пострадавших, включая упрощённую процедуру подачи заявлений и получение психологической помощи. Профессор Комлев подчёркивает, что профилактика кибердевиантности должна строиться «в контексте формирования основ цифрового общества и цифрового гражданства», что предполагает вовлечение молодёжи в цифровую культуру через образовательные программы.

Актуальные проблемы социального контроля над киберпреступностью в России носят комплексный характер и связаны с быстрой эволюцией угроз, несовершенством законодательства, недостаточной технической оснащённостью правоохранительных органов,

кадровым дефицитом и низкой цифровой культурой населения. Как показывает научный анализ, проведённый профессором Ю.Ю. Комлевым, одним из наиболее перспективных направлений решения кадровой проблемы является внедрение междисциплинарных магистерских программ по подготовке киберполицейских в ведомственной образовательной системе, позволяющих синтезировать правовые, технологические и девиантологические знания.

Возможности для полноценного применения механизмов социально-правового регулирования заключаются в синтезе жёстких правовых мер, направленных на ужесточение ответственности и совершенствование процедур расследования, с гибкими социальными инструментами, такими как публично-частное партнёрство, образовательные инициативы и внедрение прорывных технологий. Только комплексный и опережающий подход, учитывающий как формальные институциональные механизмы, так и неформальные практики социального контроля, позволит построить в России устойчивую систему противодействия киберпреступности, обеспечивающую защиту как интересов государства и бизнеса, так и прав рядовых граждан. Цифровой социальный контроль, по справедливому замечанию профессора Комлева, должен опираться «на цифровые технологии и искусственный интеллект, что делает их адекватными вызовам XXI века».

Список литературы

1. Киберпреступность и киберконфликты: Россия // Tadviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Киберпреступность_и_киберконфликты_:_Россия (дата обращения: 18.11.2025).

2. 13 простых правил, которые помогут вам не стать жертвой киберпреступления. – URL: https://agapovka.ru/pravoohranitelnye-struktury/stranica-prokurora/prokuror-razyasnyaet/13-prostyh-pravil-kotorye-pomogut-vam-ne-stat-zhertvoi-kiberprestupleniya (дата обращения: 18.11.2025).

3. Черенцов Р.С. Проблемы правового регулирования киберпреступности в современной России / Р.С. Черенцов // Актуальные исследования. – 2025. – №21(256). – Ч. III. – С. 54–56. EDN TAKFKN

4. Что такое киберпреступность и как защитить себя? // Kaspersky.ru. – URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime (дата обращения: 18.11.2025).

5. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 21.04.2025). – Ст. 272–274.

6. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума и киберпреступности к подготовке киберполицейских / Ю.Ю. Комлев // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – №2. – С. DOI 10.24412/1998-5533-2025-2-378-382. EDN FREOSN

Соловьева Людмила Юрьевна
магистрант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

ПОЗИТИВНАЯ ДЕВИАЦИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ОТ ДОГОНЯЮЩЕЙ РЕАКЦИИ К ОПЕРЕЖАЮЩЕМУ КОНТРОЛЮ

Аннотация: *статья посвящена исследованию феномена позитивной девиации в правовом регулировании противодействия киберпреступности в Российской Федерации в период 2017–2025 годов. В работе обосновывается, что российская правовая система демонстрирует сознательное, конструктивное отклонение от устаревающих правовых норм, направленное на создание более эффективных и адекватных цифровой эпохе правовых конструкций. Автор анализирует эволюцию международно-правового регулирования – от Будапештской конвенции Совета Европы 2001 года к Ханойской конвенции ООН против киберпреступности (2024–2025), а также национальную стратегию противодействия киберпреступности, включая Концепцию государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ (2024) и План мероприятий по её реализации (2025).*

В статье рассматриваются ключевые проблемы правоприменительной практики: сложности квалификации киберпреступлений, дефицит квалифицированных кадров для киберполиции, отсутствие процессуального статуса данных, полученных с использованием систем искусственного интеллекта, а также низкая эффективность межведомственного взаимодействия. На основе анализа научных позиций профессора Ю.Ю. Комлева, П.А. Скобликова, А.Ю. Сергеева, О.В. Широковой, П.С. Швыряева и Е.В. Фомина предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства, включая разработку Федерального закона «О базовых гарантиях прав жертв киберпреступлений» и внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части легализации использования технологий искусственного интеллекта в следственной деятельности.

Особое внимание уделяется подготовке специализированных кадров для киберполиции, обосновывается необходимость внедрения междисциплинарных магистерских программ в ведомственной образовательной системе МВД России. Автор приходит к выводу, что интеграция формальных правовых механизмов и неформальных практик социального контроля с использованием потенциала средств массовой информации и цифровых технологий является наиболее перспективным направлением построения устойчивой системы противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: *киберпреступность, позитивная девиация, социальный контроль, правовое регулирование, Конвенция ООН против киберпреступности, Ханойская конвенция, Будапештская конвенция, искусственный интеллект, киберполиция, цифровые доказательства, защита жертв, кибердевиантность, цифровая грамотность, уголовно-процессуальное законодательство, межведомственное взаимодействие, подготовка кадров, цифровая трансформация, правоприменительная практика, профилактика киберпреступлений, неформальный социальный контроль.*

В эпоху цифровой трансформации, когда, по экспертным оценкам, до 40% всех преступлений совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий, традиционные правовые механизмы оказываются в положении «вечно догоняющих». Российская правовая система, столкнувшись с этим вызовом, демонстрирует феномен позитивной девиации – сознательного, конструктивного отклонения от устоявшихся, но устаревающих норм в целях создания более эффективных и адекватных времени правовых конструкций. Это отклонение направлено не на разрушение правопорядка, а на его усиление через адаптацию к новой цифровой реальности.

Как отмечает доктор социологических наук, профессор Ю.Ю. Комлев, «цифровые технологии в жизнедеятельности современного человека привели не только к позитивным, но и негативным последствиям. Среди них наибольшие риски представляет киберпреступность, темпы роста которой возрастают с каждым годом». Профессор Комлев подчеркивает, что в современной науке сформировалось новое предметное поле цифровой девиантологии, которое лежит «на пересечении криминологии как социологической науки о преступности, цифровой социологии, традиционной позитивистской и постмодернистской юриспруденции, психологии, педагогики, семиотики, теории масс-медиа и других наук». В своих исследованиях он акцентирует внимание на дуализме и контекстуальности социальной нормы и девиантности, обосновывая необходимость интегративного исследования различных проявлений девиантности и преступности на основе дополнительности объективистских и субъективистских интерпретаций социальной нормы. Предложенный исследовательский ракурс, по его убеждению, «обладает практически ценным эвристическим потенциалом при изучении кибердевиантности и киберпреступности для совершенствования моделей социального контроля над ними в новом мире».

В контексте цифровой девиантологии профессор Комлев определяет кибердевиантность как «множество проявлений девиантного поведения в киберпространстве Интернета, состоящих в нарушении социальных норм с использованием компьютеров, цифровых технологий,

обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их конечных пользователей» [5]. При этом он обращает внимание на принципиальное обстоятельство: «в настоящее время кибердевиантность в целом… все больше направлена в отношении многочисленных частных пользователей социальных сетей и Интернета». Пользователи интернета, социальных сетей и цифровых платежных систем становятся основными жертвами «пандемии киберпреступности», что актуализирует проблему кибервиктимизации и требует выработки эффективных механизмов защиты прав граждан в цифровой среде.

А.Ю. Сергеев и О.В. Широкова в своем исследовании мошенничества в цифровом обществе отмечают, что «цифровизация социальных отношений создает принципиально новую среду для противоправной деятельности, где традиционные механизмы социального контроля утрачивают свою эффективность». Авторы подчеркивают, что мошенничество в цифровом обществе приобретает системный характер, а его профилактика требует не только правовых, но и социально-психологических мер воздействия на потенциальных жертв и преступников.

П.А. Скобликов обращает внимание на фундаментальную проблему оценки реальных масштабов киберпреступности. В своей работе он выдвигает и обосновывает гипотезу о том, что «фактические масштабы киберпреступности многократно превышают официально регистрируемые показатели». По его мнению, «правоприменительные органы недостаточно ориентированы на своевременное и тщательное выявление преступлений, совершаемых с использованием ИКТ», а сообщения о таких преступлениях «часто не получают немедленной процессуальной реакции и во многих случаях рассматриваются спустя длительное время после подачи, как правило, сотрудниками, не обладающими необходимыми навыками, криминалистическими инструментами и процессуальными полномочиями». В результате, как резюмирует Скобликов, «субъекты уголовной политики не имеют точного представления о ситуации в этой сфере контроля над преступностью», что делает невозможным принятие обоснованных управленческих решений.

Особую значимость приобретает разработанная П.А. Скобликовым система критериев оценки эффективности работы подразделений по противодействию киберпреступности. Он предлагает, чтобы «выявление таких преступлений поощрялось, даже если виновные лица не установлены», а «к дополнительным преференциям должны приводить своевременное выявление и фиксация улик, получение оперативно значимой информации, что может в дальнейшем способствовать установлению виновных, их задержанию, возмещению ущерба».

В рамках диссертационного исследования П.С. Швыряева, защищенного в МГУ имени М.В. Ломоносова, киберпреступность определяется как «незаконная деятельность по поиску и эксплуатации социальных и технических уязвимостей социо-цифровой системы». Автор обосновывает, что киберпреступность возникает и активизируется «на стыке технического и социального, в условиях дисбаланса между ними, возникающего, когда происходит освоение обществом новых цифровых технологий». Анализ пятилетней динамики развития киберпреступности в России, проведенный Швыряевым, позволяет сделать вывод о «критическом росте значения социальных факторов киберпреступности»: «по мере нарастания технических возможностей защиты фокус внимания киберпреступного сообщества сместился в сторону человека – к самому слабому звену в системе защиты от киберугроз». Эффективная стратегия противодействия, по мнению автора, должна быть «направлена на создание такого состояния системы, в котором вероятность эксплуатации уязвимостей минимизирована, а порог проникновения сквозь защитный барьер системы высок и сложен», и базироваться на принципах «системности, долговременности, непрерывности, упреждающего характера».

Е.В. Фомин в своих работах, посвященных определению понятийного аппарата киберпреступности, подчеркивает сложность и дискуссионность терминологических подходов. Он отмечает, что в девиантологии «многие понятия не устоялись, что определяет актуальность предложенных определений и подходов». Фомин рассматривает соотношение понятий «компьютерная преступность», «киберпреступность» и «интернет-преступность», обосновывая

необходимость их четкого разграничения для целей правоприменения и статистического учета. По его мнению, «компьютерная преступность» может рассматриваться в узком и широком смыслах, причем в узком смысле она шире по объему и содержанию таких понятий, как «киберпреступность» и «интернет-преступность».

П.А. Скобликов, в свою очередь, критически оценивает попытки определения киберпреступности через категорию «сфера высоких технологий», указывая, что такое понимание «чрезмерно сужает анализируемое понятие и лишает его практического смысла». Он подчеркивает, что отступление от формального определения размывает содержание киберпреступности и создает трудности для правоприменительной практики.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что проблематика противодействия киберпреступности находится в фокусе внимания многих исследователей, при этом остаются дискуссионными как определение самого понятия «киберпреступность», так и оценка эффективности существующих механизмов социального и правового контроля. Концепция позитивной девиации, предложенная в данной статье, позволяет рассматривать эволюцию правового регулирования в этой сфере как сознательное и конструктивное отклонение от устаревающих норм, направленное на адаптацию правовой системы к вызовам цифровой эпохи.

Обзор основных правовых документов за период 2017–2025 годов показывает, что к 2025 году сформировался многоуровневый правовой каркас противодействия киберпреступности, сочетающий международные инициативы, национальную стратегию и конкретные правоприменительные нормы. Этот процесс представляет собой классический пример позитивной девиации в сфере международного права, где отдельные государства сознательно отклоняются от устаревающих международных соглашений в пользу более адекватных современным реалиям правовых конструкций.

На международном уровне ключевым событием стало принятие Конвенции ООН против киберпреступности, получившей неофициальное название «Ханойская конвенция». Инициированный Россией в 2017 году проект был окончательно принят Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2024 года и подписан 73 государствами, включая Россию, в октябре 2025 года. Как отмечает Совет по развитию гражданского общества и правам человека, инициатива России по созданию универсального механизма привлечения к ответственности за преступления в сфере ИКТ была услышана и проработана на международном уровне. Еще в 2017 году российские дипломаты указали на неприемлемость информационной гегемонии западных стран, возможности вмешательства зарубежных спецслужб в работу компьютерных сетей других государств и предложили разработать альтернативу Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года – глобальную конвенцию ООН.

Этот документ стал ответом на ограниченность действовавшей с 2001 года Будапештской конвенции Совета Европы, которую многие страны, включая Россию, Китай и Индию, воспринимали как «нерепрезентативную» и чрезмерно привязанную к западным правовым подходам. Как отмечает Генеральный прокурор России Александр Гуцан, конвенция «построена на принципах равенства всех государств, а также принципах невмешательства в их внутренние дела». Показательно, что большинство стран мира разделяют российские подходы, сознают общую ответственность за реализацию принципа мирного сосуществования в информационном пространстве на основе уважения суверенитета, национального законодательства и традиций отдельных государств. Это, кстати, принципиальное отличие Конвенции ООН от Будапештской конвенции, которая, по мнению экспертов, «фактически легитимизировала право США без уведомления властей других стран вторгаться в их информационное пространство для сбора цифровых улик».

Ханойская конвенция закрепила принцип равенства государств-участников и создала рамки для оперативной правовой помощи, экстрадиции и, что критически важно, обязанности стран разрабатывать программы компенсации ущерба и реабилитации жертв киберпреступлений. Как подчеркнули представители Интерпола, «Конвенция обеспечивает прочную

правовую и оперативную основу для скоординированных глобальных действий по борьбе с киберпреступностью, способствует гармонизации криминализации киберпреступлений, устанавливает процессуальные правила обмена электронными доказательствами и укрепляет международное сотрудничество в области профилактики и технической помощи».

Ключевое идеологическое различие между Будапештской и Ханойской конвенциями лежит в подходах к запуску расследований. Будапештская конвенция требовала предоставления доказательств «экстремизма» или «терроризма» на начальном этапе, что могло использоваться для политического давления. Ханойская конвенция, продвигаемая Россией, предлагает отталкиваться от собранных данных и косвенных признаков, что является более гибким и технологичным подходом, соответствующим логике оперативно-розыскной деятельности. Это уточнение формулы международной правовой помощи можно считать прямой позитивной девиацией, направленной на деполитизацию сотрудничества.

В контексте международно-правового регулирования профессор Комлев обращает внимание на необходимость системного подхода к изучению киберпреступности как формы девиантного поведения. Он подчеркивает, что «в девиантологии многие понятия не устоялись, что определяет актуальность предложенных определений и подходов». Это методологическое замечание имеет прямое отношение к международному нормотворчеству: неопределенность ключевых понятий создает риски неэффективности правовых механизмов и требует постоянной рефлексии и уточнения дефиниций.

Е.В. Фомин также обращает внимание на сложность терминологических определений, отмечая, что отождествление таких понятий, как «киберпреступность», «компьютерная преступность» и «интернет-преступность», «размывает содержание киберпреступности» и создает трудности для правоприменительной практики.

На национальном стратегическом уровне основополагающим документом выступила Концепция государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2024 года №4154-р. Согласно документу, одной из важных частей государственной системы должна стать специализированная цифровая платформа, обеспечивающая оперативный обмен информацией между правоохранительными органами, Центральным банком, кредитными организациями и операторами связи для установления всех обстоятельств и лиц, причастных к мошенническим действиям.

Концепция также предусматривает создание механизма оперативной приостановки операций с денежными средствами, использовавшимися в преступной деятельности, и совершенствование уголовного законодательства, в котором должны появиться новые определения видов преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется повышению уровня осведомлённости граждан, в первую очередь пожилых, о методах мошенников и способах защиты от их действий. Для этого предлагается размещать социальную рекламу, цель которой – сформировать у граждан цифровую грамотность. К участию в такой социальной рекламе необходимо привлекать известных представителей культуры, науки и информационного сообщества.

Практическим воплощением концепции стало Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2025 года №2207-р, утвердившее детальный план мероприятий. Этот план синхронизировал работу всех ведомств (МВД, ФСБ, Минцифры, Банк России и др.) и сместил акцент с чистого преследования преступников на комплексную защиту граждан, включив меры по профилактике, повышению цифровой грамотности и техническому противодействию мошенникам. План 2025 года меняет расплывчатые формулировки о «необходимости взаимодействия» на конкретные поручения и сроки. Например, он предписывает проработать вопрос об обязанности операторов связи и интернет-провайдеров в автоматическом режиме уведомлять правоохранительные органы о признаках преступлений, а также интегрировать во все основные государственные и банковские приложения модули обязательного

информирования граждан об угрозах. Это переход от рекомендации к императиву, возложение прямой ответственности на цифровых посредников.

В уголовном и уголовно-процессуальном праве базой остаются статьи 272–274 УК РФ (глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации»), криминализирующие неправомерный доступ, создание вредоносных программ и нарушение правил эксплуатации. Однако динамика преступности (мошенничество, кибертравля, груминг) постоянно требует их интерпретации и дополнения. Важным шагом стало введение уголовной ответственности для «дропперов» (денежных мулов) – лиц, предоставляющих преступникам свои банковские карты или счета для отмывания средств, что ранее было слабым звеном в цепочке расследования.

Анализ документов показывает отчетливый тренд на уточнение и расширение правовых дефиниций, движимый необходимостью закрывать возникающие правовые пробелы и адаптироваться к новым тактикам злоумышленников. Если изначально нормы были сфокусированы на защите компьютерной информации и имущественных прав (хищение денег), то к 2025 году в поле зрения законодателя и правоприменителя попали нематериальные блага. В официальных разъяснениях и планах мероприятий наравне с мошенничеством фигурируют кибербуллинг, киберпреследование (сталкинг) и кибергруминг – действия, направленные на причинение психологического вреда, особенно несовершеннолетним. Это отражает понимание, что вред от киберпреступности не сводится к финансовым потерям.

Как отмечает П.С. Швыряев, современные масштабы и последствия киберпреступности – это «симптом перехода преступности в киберпространство и ее превращения в одного из основных бенефициаров цифровизации, при одновременном нарастании рисков и угроз для других сторон этого процесса». Этот вывод подтверждает необходимость комплексного подхода к противодействию, учитывающего как технические, так и социальные аспекты проблемы.

Одним из ключевых направлений повышения эффективности противодействия киберпреступности является развитие специализированных подразделений и, что особенно важно, подготовка высококвалифицированных кадров для работы в этой сфере. Данная проблематика находится в центре научных интересов профессора Ю.Ю. Комлева, который предлагает концептуально новые подходы к решению кадрового дефицита.

Как отмечает профессор Комлев, «на мировом рынке труда по мере роста киберпреступности сложился высокий и устойчивый спрос на подготовку специалистов по кибербезопасности, по розыску киберпреступников и расследованию киберпреступлений – киберполицейских. Однако подготовленных специалистов такого рода в России хронически не хватает». Это дефицит имеет как количественное, так и качественное измерение. В то время как крупный бизнес активно привлекает IT-специалистов с высокой оплатой труда, в органах внутренних дел закрепить специалиста по кибербезопасности – выпускника гражданского вуза практически нереально. Как резюмирует профессор Комлев, «надо готовить свои ведомственные кадры».

Выход из этой ситуации профессор Комлев видит в создании междисциплинарных образовательных программ, интегрирующих правовые, поведенческие и технологические знания. Он обосновывает необходимость подготовки киберполицейских в рамках магистерских программ с профилем «расследование цифровых преступлений». Такая программа должна обеспечить синтез фундаментальных знаний в области цифровых технологий, методологии защиты цифровой информации, криптографии, электронной коммерции, а также специальных дисциплин, изучающих кибердевиантность и киберпреступность, документирование цифровых следов и методику расследования.

Принципиально важным, по мнению профессора Комлева, является использование ведомственной образовательной системы МВД России, «где сформирован фундамент правовых, девиантологических исследований и знаний» с привлечением специалистов из IT-сферы и правоприменительной практики. Такой подход позволит готовить специалистов, которые

«хорошо разбираются в праве, в девиантных практиках, цифровых технологиях, способах совершения деликтов, расследования и противодействия цифровым преступлениям». В качестве успешных примеров он приводит программы подготовки специалистов по кибербезопасности в Московском и Санкт-Петербургском университетах МВД России.

В 2025–2026 годах эта концепция получила дальнейшее развитие в связи с принятием комплекса законодательных мер, закрепляющих роль профильных подразделений в системе противодействия киберпреступности. Концепция государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, прямо предусматривает создание специальных подразделений для расследования такого рода преступлений. В Следственном комитете создан специализированный отдел, обладающий профессиональными кадрами и необходимой программно-аппаратной базой, где внедрен инструментарий для аналитики больших объемов данных, исследования криптовалютных транзакций и преодоления систем шифрования.

П.А. Скобликов, анализируя проблему кадрового обеспечения, отмечает, что «отсутствие четких критериев оценки эффективности работы подразделений по противодействию киберпреступности» является одним из факторов, препятствующих профессиональному развитию сотрудников и привлечению квалифицированных специалистов. Он предлагает, чтобы «выявление таких преступлений поощрялось, даже если виновные лица не установлены», а «к дополнительным преференциям должны приводить своевременное выявление и фиксация улик, получение оперативно значимой информации».

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема использования систем искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов. Если изначально использование таких систем (как «Криминалист», «Спрут» и др.) носило экспериментальный характер, то к 2025 году остро встал вопрос об их правовом статусе. Эксперты прямо указывают на правовой барьер: данные, полученные с помощью ИИ, не могут служить прямым доказательством в суде без изменений в УПК РФ. Таким образом, де-факто сложившаяся инновационная практика требует легитимации через де-юре уточнение процессуальных норм.

Как отмечается в научной литературе, «несмотря на бесспорные плюсы применения новых технологий в экспертной деятельности, авторами предлагается закрепить в УПК РФ принципы такого использования, что обусловлено назначением уголовного судопроизводства и его основополагающими принципами». Вместе с тем, практика применения ИИ уже существует: в Следственном комитете с его помощью выявляют закономерности преступного поведения, работает программа распознавания лиц, сопоставляющая изображения разыскиваемых с видеозаписями. В четырех регионах РФ нейросети переводят устную речь в текст при составлении протоколов заседаний. В Генеральной прокуратуре нейросети используют для обработки миллионов обращений граждан, криминологического прогноза и выявления долгосрочных рисков.

Вместе с тем, использование общедоступных ИИ-сервисов (вроде ChatGPT) при подготовке процессуальных документов создает серьезные процессуальные риски. Как отмечают специалисты, «использование общедоступных сервисов при подготовке протоколов нарушает требования ст. 161 УПК РФ о неразглашении данных предварительного расследования». Это создает риск нарушения тайны следствия при передаче данных в облачные сервисы и подмены «внутреннего убеждения» должностного лица алгоритмом.

Президент РФ поручил правительству, Верховному суду, МВД, Следственному комитету и ФСБ изучить целесообразность признания использования ИИ при совершении правонарушений отягчающим обстоятельством. Это поручение свидетельствует о признании необходимости правового регулирования данной сферы на высшем уровне.

Профессор Комлев, рассматривая перспективы цифрового социального контроля, подчеркивает, что он должен опираться на системное понимание природы кибердевиантности и учитывать контекстуальность социальных норм в цифровой среде. Интегративный подход, обоснованный в работах профессора Комлева, позволяет «при изучении кибердевиантности

использовать методологическую триангуляцию, включающую методы бесконтактных опросов, фокус-группы, дискурсивный анализ, контент-анализ цифровой текстовой и видеоинформации, вычислительные алгоритмы для обработки структурированных и неструктурированных больших данных».

На основании выявленных тенденций и с учетом мнений исследователей можно предложить следующие направления для совершенствования законодательства, направленные на усиление защиты жертв киберпреступлений.

Необходимо дополнить УПК РФ специальной главой или статьями, регламентирующими: право на оперативную информационную и психологическую помощь – создание механизма немедленного подключения психологической службы и специалиста по цифровой безопасности при первичном обращении жертвы (особенно в случаях кибергруминга или травли); упрощенную процедуру обеспечения гражданского иска в киберпреступлениях, а также введение возможности наложения обеспечительных мер (арест криптокошельков, электронных счетов) по заявлению потерпевшего на ранней стадии расследования на основе представленных им данных (скриншоты, логи переводов); гарантии защиты от ревиктимизации путем введения четких правил ограничения доступа обвиняемого и его защиты к персональным данным и цифровому контенту жертвы в ходе следствия.

П.С. Швыряев в своем исследовании подчеркивает, что «эффективная стратегия противодействия киберпреступности должна быть направлена на создание такого состояния системы, в котором вероятность эксплуатации уязвимостей минимизирована, а порог проникновения сквозь защитный барьер системы высок и сложен». Это предполагает не только технические меры, но и правовую защиту жертв на всех этапах уголовного судопроизводства.

На основе разработки и законодательного закрепления плана «Национального стандарта цифровой гигиены и реагирования на инциденты» 2025 года предлагается принять федеральный закон, обязывающий все организации, работающие с персональными данными (банки, соцсети, госорганы), внедрять единый модуль экстренного реагирования. Этот модуль должен предоставлять пользователю, заподозрившему мошенничество или ставшему жертвой атаки, чек-лист действий (заблокировать карту, сменить пароли, сохранить доказательства) с возможностью автоматической отправки заявления в правоохранительные органы. В стандарт следует включить обязательные регулярные проверки цифровых следов для уязвимых категорий (дети, пожилые) с согласия их законных представителей с использованием этичных ИИ-алгоритмов, настроенных на выявление признаков груминга, буллинга или финансовых манипуляций.

Для преодоления дефицита экспертных ресурсов необходимо законодательно урегулировать порядок привлечения специалистов частных IT- и кибербезопасностных компаний к проведению экспертиз и оперативному анализу данных в рамках следственных действий на основе специального сертификата и в условиях соблюдения процессуальной тайны. Закон должен предусматривать механизм ответственности и страхования для таких частных экспертов, а также иммунитет от претензий за добросовестное нарушение лицензионных соглашений (EULA) при исследовании вредоносного ПО в интересах следствия.

П.А. Скобликов подчеркивает, что «современная уголовная политика поощряет правоохранительные органы представлять искаженную, но приемлемую картину криминологической ситуации, а не противостоять неблагоприятным реалиям». Преодоление этого дисбаланса требует разработки и внедрения объективных критериев оценки эффективности, закрепленных на концептуальном уровне и последовательно реализуемых на практике.

В развитие предыдущих предложений представляется целесообразным сформулировать конкретные законопроекты и проект поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части использования технологий искусственного интеллекта).

1.Федеральный закон «О базовых гарантиях прав жертв киберпреступлений». Статья 1 устанавливает дополнительные гарантии правовой, социальной и психологической защиты лиц, пострадавших от преступлений, совершенных с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий. Статья 3 закрепляет право на экстренную цифровую помощь: каждый потерпевший вправе получить в течение 24 часов с момента обращения в правоохранительные органы консультацию специалиста по цифровой безопасности, направленную на минимизацию ущерба (блокировка учетных записей, отзыв компрометированных данных, настройка защиты). Финансирование обеспечивается за счет средств фонда, формируемого из конфискованных у киберпреступников активов. Статья 5 предусматривает создание обезличенного государственного реестра моделей, схем и цифровых следов кибератак для анализа и профилактики. Банки, операторы связи и иные организации обязаны вносить в него данные об инцидентах. Потерпевшие вправе бесплатно получить справку о внесении своего случая в реестр для обращения в суд или страховую компанию.

2. Проект поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части использования технологий искусственного интеллекта). Предлагается ввести новую статью 164.1 «Особенности проведения следственных действий с использованием систем искусственного интеллекта». Пункт 1 устанавливает допустимость данных, полученных в результате обработки информации системами искусственного интеллекта, сертифицированными уполномоченным Правительством РФ органом, в качестве источника доказательств. Пункт 2 требует процессуального оформления результатов работы системы ИИ в виде заключения специалиста, в котором в обязательном порядке раскрываются использованные алгоритмы, набор данных для обучения и степень вероятности вывода. Алгоритм не может быть засекречен от защиты и суда. Пункт 3 вводит этические ограничения: запрещается использование систем ИИ, осуществляющих оценку личности, прогнозирование потенциальной преступной деятельности лица, не причастного к расследуемому событию, а также массовый нецелевой скрининг личных коммуникаций.

Правовая инновация в сфере противодействия киберпреступности в России к 2025 году действительно представляет собой яркий пример позитивной девиации. Система последовательно отклоняется от архаичных, неэффективных в цифровую эпоху подходов: от узкого имущественного понимания вреда к комплексной защите личности, от политизированных международных схем к технологичному доказательному сотрудничеству, от пассивного ожидания обращений граждан к активной превенции с использованием ИИ.

Как показывает анализ научной литературы, проведенный профессором Ю.Ю. Комлевым, одним из наиболее перспективных направлений решения кадровой проблемы является внедрение междисциплинарных магистерских программ по подготовке киберполицейских в ведомственной образовательной системе, позволяющих синтезировать правовые, технологические и девиантологические знания. Профессор Комлев обоснованно утверждает, что подготовку киберполицейских «предлагается реализовать в ведомственной образовательной системе, где сформирован фундамент правовых, девиантологических исследований и знаний с привлечением специалистов из IT-сферы и правоприменительной практики». При этом он подчеркивает необходимость интегративного подхода к изучению кибердевиантности, что имеет прямое отношение к формированию образовательных стандартов для киберполицейских.

А.Ю. Сергеев и О.В. Широкова акцентируют внимание на том, что мошенничество в цифровом обществе «приобретает системный характер, а его профилактика требует не только правовых, но и социально-психологических мер воздействия на потенциальных жертв и преступников». Этот вывод согласуется с предложениями о формализации прав жертв и внедрении стандартов цифровой гигиены.

П.С. Швыряев обосновывает, что «эффективная стратегия противодействия киберпреступности может быть выстроена на основе концепции устойчивого цифрового развития», которая предполагает «такой подход к проектированию, внедрению и масштабированию цифровых продуктов и устройств, который обеспечивает минимальные риски зарождения и распространения преступной деятельности». Стратегия должна базироваться на принципах «системности, долговременности, непрерывности

Список литературы

1. Комлев Ю.Ю. Девиантное поведение и нормообразование: от протоморали к контекстуально выстроенному сконструированному праву эпохи постмодерна и интегративному изучению преступности / Ю.Ю. Комлев. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-i-normoobrazovanie-ot-protomorali-k-kontekstualno-vystroennomu-skonstruirovannomu-pravu-epohi-postmoderna-i (дата обращения: 18.06.2026).

2. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума и киберпреступности к подготовке киберполицейских / Ю.Ю. Комлев // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – №2. – С. 378–382. DOI 10.24412/1998-5533-2025-2-378-382. EDN FREOSN

3. Сергеев А.Ю. Мошенничество в цифровом обществе: социально-правовой анализ / А.Ю. Сергеев, О.В. Широкова // Вопросы криминологии. – 2025. – №3. – С. 45–58.

4. Швыряев П.С. Киберпреступность как социально-технический феномен : дис. ... канд. социол. наук / П.С. Швыряев. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2025. – 189 с.

5. Фомин Е.В. К вопросу о понятийном аппарате киберпреступности / Е.В. Фомин // Правовая информатика. – 2024. – №5. – С. 33–41.

6. Костенко Р.В. Проблемы нормативного обеспечения прозрачности экспертной деятельности при использовании новых технологий для анализа доказательств (на примере машинного обучения) / Р.В. Костенко, М.А. Духанова // Закон и право. – 2025. – №5. – С. 210–214. DOI 10.24412/2073-3313-2025-5-210-214. EDN ULBBHD

7. Конвенция ООН против киберпреступности (Ханойская конвенция): принята Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2024 г., подписана Российской Федерацией 25 октября 2025 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/cybercrime-convention (дата обращения: 18.06.2026).

8. Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (Будапештская конвенция): заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2009. – №12. – Ст. 1308.

9. Концепция государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: утв. распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. №4154-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №2. – Ст. 215.

10. Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2025 г. №2207-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №34. – Ст. 4120.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 28.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 30.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52 (ч. I). – Ст. 4921.

13. Генпрокурор Гуцан подписал в Ханое Конвенцию ООН против киберпреступности // Российская газета. – 2025. – 25 октября. – URL: https://rg.ru/amp/2025/10/25/genprokuror-gucan-podpisal-v-hanoe-konvenciiu-oon-protiv-kiberprestupnosti.html (дата обращения: 18.06.2026).

14. Правительство утвердило Концепцию государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – 2025. – 9 января. – URL: http://government.ru/dep_news/53922/ (дата обращения: 18.06.2026).

15. Судьба Конвенции ООН о противодействии киберпреступности: будет ли поддержана российская инициатива? // Совет по развитию гражданского общества и правам человека. – 2024. – 8 февраля. – URL: http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/sudba_konventsii_oon_o_protivodeystvii_kiberprestupnosti_budet_li_podderzhana_rossiyskaya_initsiativ/ (дата обращения: 18.06.2026).

16. Использование ИИ-сервисов при подготовке протоколов нарушает требования статьи 161 УПК // Уголовный процесс. – 2026. – 30 апреля. – URL: https://www.ugpr.ru/news/9808-ispolzovanie-ii-servisov-pri-podgotovke-protokolov-narushaet-trebovaniya-stati-161-upk (дата обращения: 18.06.2026).

17. Церемония подписания Конвенции ООН против киберпреступности открывается сегодня в Ханое // Иллюстрированный журнал Вьетнам на русском языке. – 2025. – 24 октября. – URL: https://vietnam.vnanet.vn/russian/ (дата обращения: 22.06.2026).

18. CoE at the Signing Ceremony of the UN Convention against Cybercrime in Hanoi // UNODC-KOSTAT Centre of Excellence. – 2025. – 25–27 October. – URL: https://coekostat.unodc.org/coekostat/en/news/20251025–27_coe-at-the-signing-ceremony-of-the-un-convention-against-cybercrime-in-hanoi.html (дата обращения: 18.06.2026).

Соловьева Людмила Юрьевна
магистрант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ НЕФОРМАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация: *в статье анализируется роль средств массовой информации в системе неформального социального контроля над киберпреступностью. Рассматриваются теоретические аспекты неформального социального контроля, его функции и механизмы. На основе анализа актуальных законодательных инициатив, материалов круглого стола «Алгоритмы самозащиты: роль СМИ в схватке с кибермошенничеством», а также практического опыта взаимодействия правоохранительных органов и журналистов обосновывается ключевая роль СМИ в формировании у граждан алгоритмов самозащиты и правового просвещения. Предлагаются конкретные направления повышения эффективности информационного воздействия СМИ в сфере противодействия киберпреступности.*

Ключевые слова: *киберпреступность, неформальный социальный контроль, СМИ, правовое просвещение, цифровая грамотность, алгоритмы самозащиты, профилактика преступлений.*

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества проблема киберпреступности перестала быть узкоспециализированным вызовом для правоохранительных органов и трансформировалась в один из ключевых факторов, дестабилизирующих национальную безопасность и устойчивость правопорядка. Масштабы данного феномена приобретают характер эпидемии: по итогам 2025 года доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, достигла 40% от общего числа зарегистрированных деяний, что в абсолютных цифрах выражается в 675 тысячах возбужденных уголовных дел. Эти статистические показатели красноречиво свидетельствуют не только о росте технической оснащенности криминальных элементов, но и о глубинном системном сдвиге в структуре общественных отношений, где виртуальное пространство становится основной ареной противоправных действий.

Парадоксальность текущей ситуации усугубляется разнонаправленными векторами развития: с одной стороны, мы наблюдаем неуклонное снижение общего уровня цифровой грамотности населения, особенно среди возрастных и социально уязвимых групп, а с другой – стремительное повышение изощренности преступных схем, включающих элементы социальной инженерии, психологического манипулирования и использования алгоритмов искусственного интеллекта. В этих условиях классические правовые (формальные) инструменты противодействия, базирующиеся на системе запретов, санкций и процессуальных норм, демонстрируют свою ограниченную эффективность. Как справедливо отмечается в современной криминологической литературе, девиантные отношения в цифровой среде глубоко укоренены в системе неформальных практик, повседневных коммуникаций и стихийно складывающихся социальных норм, что делает их малодоступными для прямого правового воздействия. Именно поэтому на передний план выходит необходимость развития неформальных механизмов социального контроля, способных работать на упреждение, формируя у граждан внутренние барьеры и установки, препятствующие переходу девиантных отношений в институционализированную преступную систему.

В данном контексте средства массовой информации (СМИ) приобретают статус стратегического актора, занимая особое, институционально значимое место в механизме неформального контроля. Функциональный потенциал СМИ далеко выходит за рамки простого информирования: они выступают в роли трансляторов социальных норм, агрегаторов

общезначимых ценностей, каналов правового просвещения и инструментов формирования коллективной резистентности к киберугрозам. Как образно выразился сенатор Сергей Перминов, «если до конкретного человека информация не будет доведена в доступной форме, то все, что мы будем делать, будет «обнуляться». Эта метафора точно схватывает суть проблемы: любые усилия государства, законодательные инициативы и полицейские операции останутся невостребованными, если они не будут подкреплены массированной, адресной и понятной информационно-разъяснительной работой на всех уровнях социальной стратификации.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе роли СМИ в системе неформального социального контроля над киберпреступностью. В рамках достижения этой цели предполагается решить следующие задачи: во-первых, теоретически обосновать разграничение формальных и неформальных механизмов контроля применительно к цифровой среде; во-вторых, выявить специфические функции медиа в профилактике киберпреступлений; в-третьих, на основе анализа актуальных законодательных инициатив и практических кейсов предложить пути повышения эффективности информационного воздействия, а также сформулировать этические принципы освещения данной проблематики.

В современной социолого-правовой науке категория «социальный контроль» традиционно рассматривается в дихотомии формального (институционального) и неформального (неинституционального) измерения. Формальный контроль олицетворяет собой систему государственных институтов (суд, прокуратура, полиция, органы исполнительной власти), действующих на основе жестко кодифицированных правовых норм и обладающих легитимным правом применения принудительных санкций. Его сила – в императивности, универсальности и формальной определенности, однако его слабость обнаруживается именно в сфере киберпреступности, где юрисдикционные барьеры, анонимность субъектов и высокая латентность деяний существенно снижают эффективность классических правоохранительных механизмов.

В противовес этому неформальный социальный контроль представляет собой совокупность спонтанно возникающих и целенаправленно культивируемых социальных норм, ценностных ориентиров, моральных установок и поведенческих практик, которые обеспечивают устойчивость общественного порядка через механизмы внутренней саморегуляции индивидов и групп. В отличие от формальных институтов, действующих по принципу «запрещено – наказано», неформальный контроль функционирует на уровне «принято – не принято», «опасно – безопасно», «допустимо – недопустимо», апеллируя к совести, здравому смыслу, репутационным рискам и социальному одобрению.

Принципиально важным для методологического анализа является различение девиантного явления как институционализированной системы (т. е. сложившейся криминальной экосистемы, включающей иерархию, специализацию и устойчивые связи) и девиантных отношений как первичных практик, отдельных актов отклоняющегося поведения, которые потенциально могут быть купированы на ранних стадиях с помощью средств социального контроля. Сущность неформального контроля в данном контексте заключается именно в предотвращении перехода спорадических девиантных отношений в системную, институционализированную девиантную структуру. Именно на этой логике строится современная модель профилактической работы в сфере киберпреступности, где приоритет отдается не столько постфактумному наказанию, сколько предварительному информированию, просвещению и формированию устойчивых навыков безопасного поведения.

Применительно к киберпреступности, неформальный социальный контроль обретает конкретные формы и методы, среди которых ключевое место занимает информационно-просветительская деятельность, направленная на повышение цифровой грамотности населения, развитие критического мышления при работе с контентом, а также внедрение культуры безопасного поведения в сети. Специфика цифровой среды накладывает на эти процессы особый отпечаток: информация здесь распространяется с беспрецедентной скоростью,

охватывает глобальную аудиторию, обладает высокой степенью интерактивности и масштабируемости, что превращает медиа-коммуникации в мощнейший рычаг социального воздействия.

Однако нельзя не учитывать и серьезные ограничения, присущие неформальному контролю в цифровой среде. К ним, в первую очередь, относятся: фрагментарность и неполнота данных, доступных широкой общественности (что затрудняет объективное восприятие угроз); асимметрия информации между профессиональными участниками рынка и рядовыми пользователями; а также потенциальный риск использования самих информационных технологий во вред обществу – например, для распространения фейков, манипуляции массовым сознанием или создания искусственной паники. Данные ограничения настоятельно требуют выработки сбалансированных, верифицированных и этически выверенных подходов к организации неформального контроля, где СМИ выступают не только транслятором, но и фильтром социально значимой информации.

Актуальная повестка государственной политики в сфере противодействия киберпреступности все более отчетливо смещается в сторону признания ключевой роли информирования как самостоятельной профилактической меры, а не лишь вспомогательного инструмента, сопровождающего репрессивные действия. Как подчеркнул заместитель Министра юстиции РФ Вадим Федоров, потенциал СМИ должен быть задействован для выстраивания в обществе принципиально новой культуры правосознания, причем делать это необходимо на опережение, упреждая преступные замыслы злоумышленников. Это означает, что медиа должны не просто констатировать факты совершения преступлений, но систематически, планомерно и доступно разъяснять гражданам механизмы мошенничества, алгоритмы распознавания угроз и правила самозащиты.

Особую значимость в этом контексте приобретает специализированное правовое просвещение с учетом психологической специфики киберпреступности. Как справедливо отмечает начальник отдела Генеральной прокуратуры РФ Олег Кипкаев, главное оружие современных киберпреступников – это не столько технический взлом, сколько умелое психологическое воздействие на человека, особенно на наиболее внушаемые и социально незащищенные группы, включая молодежь и пожилых людей. Задача СМИ, следовательно, состоит не в запугивании, а в спокойном, систематическом научении граждан распознавать манипулятивные техники, понимать природу фишинговых атак, отличать официальные уведомления от мошеннических предложений и, что самое важное, владеть четким, пошаговым алгоритмом действий в случае возникновения подозрений.

Ярким примером удачного формата информационного воздействия служат кампании, реализуемые через современные цифровые площадки с использованием меметичных и легко запоминающихся хештегов. Так, инициатива Генеральной прокуратуры под хештегом #КладиТрубку позволила в сжатые сроки охватить многомиллионную аудиторию в социальных сетях и мессенджерах, предложив простой и понятный рефлекторный алгоритм поведения при поступлении подозрительных звонков. Данный пример демонстрирует, как креативная подача и адаптация содержания к форматам новой медиасреды могут многократно усиливать эффективность профилактического посыла.

Однако информационная кампания не будет полноценной, если она ограничивается лишь общими призывами к бдительности. Как резонно заметил председатель Комитета Госдумы по информационной политике Сергей Боярский, «инструменты защиты у вас у всех под рукой, их нужно всего лишь включить». Задача СМИ заключается именно в том, чтобы донести до каждой категории граждан – от школьников до пенсионеров – не абстрактные лозунги, а практические, конкретные и адаптированные к уровню их цифровой компетенции инструменты: как настроить двухфакторную аутентификацию, как проверить подлинность сайта, как не передать код из СМС и куда обращаться в случае инцидента.

В 2025–2026 годах в Российской Федерации был принят и введен в действие комплекс законодательных актов, существенно расширяющих функциональные обязательства и

одновременно полномочия СМИ в области противодействия киберугрозам. Эти нормативные изменения, с одной стороны, формально закрепляют ответственность медиа за достоверность распространяемой информации о киберпреступлениях и обязательность их участия в государственных профилактических кампаниях, а с другой – создают правовую базу для более тесного взаимодействия журналистского сообщества с правоохранительными структурами и специальными службами.

Практический опыт свидетельствует, что эффективность неформального социального контроля возрастает на порядок, когда между СМИ и правоохранительными органами устанавливаются устойчивые каналы оперативного обмена информацией и совместной методической работы. Показательным примером здесь служат учебно-практические курсы для журналистов «Бастион-2026», проведенные в Амурской области при активном участии сотрудников Управления МВД России. В рамках этих курсов была реализована принципиально важная модель прямого обучения медиа-специалистов основам кибербезопасности.

Сотрудники отдела по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий провели серию углубленных занятий, посвященных не только общим вопросам защиты устройств и каналов связи, но и конкретным тактикам противодействия фишинговым атакам, целевым взломам аккаунтов, а также методам выявления и нейтрализации дезинформационных атак, направленных на дискредитацию официальных источников. Особое внимание в программе курсов уделялось психологически корректным способам информирования граждан о существующих цифровых угрозах – таким, чтобы информация была воспринята адекватно, не провоцировала панических настроений и не порождала чувства беспомощности. Как справедливо подчеркивалось организаторами, «от цифровой грамотности корреспондента напрямую зависит сохранность источников информации, целостность редакционных массивов и, в конечном счете, безопасность многомиллионной аудитории». Значимость такого рода взаимодействия трудно переоценить в условиях лавинообразного роста киберугроз, когда объективное и взвешенное информационное поле становится критическим ресурсом национальной устойчивости.

Освещение криминальной тематики в СМИ всегда сопряжено с повышенной этической ответственностью, а в сфере киберпреступности эта ответственность приобретает новые, доселе не встречавшиеся измерения. Наиболее остро данная проблема стоит в сегменте криминально-правовых программ и специализированных репортажей, где систематически фиксируются нарушения базовых журналистских и правовых принципов. Среди наиболее распространенных этических дефицитов можно выделить: прямое нарушение запрета на идентификацию жертв, что приводит к их вторичной травматизации и нарушению права на частную жизнь; неконтролируемое распространение деструктивных элементов контента (например, ссылок на фишинговые ресурсы в погоне за сенсационностью); непреднамеренную романтизацию образа киберпреступника как виртуозного «хакера-одиночки», противостоящего системе; а также использование пугающих, драматизированных формулировок, формирующих у аудитории чувство тотальной незащищенности и беспомощности.

Эти системные проблемы требуют не просто индивидуального осуждения, но институциональной рефлексии и выработки формализованных этических стандартов. В качестве практического решения предлагается разработка и имплементация специализированных рекомендаций для редакций СМИ по распространению информации о киберпреступлениях. Эти рекомендации должны включать: четкие критерии допустимой степени детализации сценариев мошенничества (во избежание превращения материалов в инструкции для подражателей); обязательные правила анонимизации и деидентификации жертв; строгие ограничения на использование мультимедийных элементов, воспроизводящих психологическое давление на зрителя; а также создание памяток для авторов и редакторов криминально-правовых программ, регламентирующих баланс между общественной значимостью информации и защитой индивидуальной безопасности.

Помимо этого, целесообразно внедрение механизмов общественно-профессионального аудита криминального контента, с участием как экспертов в области медиаэтики, так и специалистов-психологов, способных оценить долгосрочное воздействие материалов на различные возрастные и социальные группы. Только комплексный подход к этической регламентации позволит превратить СМИ из потенциального источника дезинформации и паники в надежного союзника государства и граждан в борьбе с цифровыми угрозами.

Проведенный анализ теоретических концепций, эмпирических данных и практических кейсов позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как научное, так и прикладное значение.

Во-первых, неформальный социальный контроль представляет собой не просто желательное, но абсолютно необходимое дополнение к формально-правовым механизмам противодействия киберпреступности. Его уникальная ценность заключается в способности воздействовать на досовершенный этап преступного поведения, формируя у граждан устойчивые внутренние барьеры и навыки самозащиты. Исключительно правовые меры, несмотря на их императивность, принципиально недостаточны в силу того, что девиантные отношения в цифровой среде глубоко вплетены в ткань повседневных неформальных практик, социальных норм и межличностных коммуникаций, которые не поддаются прямому нормативному регулированию.

Во-вторых, средства массовой информации занимают центральное, системообразующее место в архитектуре этого неформального контроля. Эффективность их деятельности, однако, не является автоматической и требует выстраивания стратегически продуманного, системного подхода, включающего регулярность тематических публикаций и эфиров, создание специализированных рубрик и порталов, разработку и распространение доступных памяток для разных целевых аудиторий, а также постоянное профессиональное взаимодействие с правоохранительными органами на основе принципов доверия и взаимной методической поддержки. Адаптация контента под различные социальные и возрастные когорты должна стать аксиомой медиа-планирования в этой сфере.

В-третьих, перспективным и наиболее результативным направлением развития системы противодействия киберпреступности является глубокая интеграция формальных (правоохранительных, судебных, регулирующих) и неформальных (медийных, просветительских, культурно-нормативных) механизмов в единую, синергийную систему. Такая интеграция предполагает не просто параллельное существование двух треков работы, а их органическое взаимопроникновение, где каждое правовое решение находит свое информационное и разъяснительное сопровождение, а каждая просветительская кампания подкрепляется реальными юридическими гарантиями защиты граждан.

Реализация предложенных направлений – от законодательного закрепления стандартов медиаучастия до внедрения этических кодексов и обучающих программ для журналистов – позволит существенно повысить эффективность неформального социального контроля над киберпреступностью. Это, в свою очередь, внесет весомый вклад в защиту конституционных прав и законных интересов граждан в условиях все более усложняющейся цифровой среды, где скорость реакции и качество информации становятся решающими факторами безопасности. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку количественных методик оценки эффективности различных медийных форматов, а также на изучение долгосрочных эффектов информационно-просветительских кампаний на трансформацию массового правосознания.

Список литературы

1. Ardelyanova Ya. Directions and measures of informal social control of corruption relations / Ya. Ardelyanova // The Scientific Heritage. – 2025. – №170. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/directions-and-measures-of-informal-social-control-of-corruption-relations (date of access: 03.06.2026).

2. В ГД рассказали, как будет работать закон о профилактике киберпреступлений. – URL: https://news.mail.ru/society/61987321/ (дата обращения: 10.06.2026).

3. Правительство решило установить слежку за подростками в интернете. – URL: https://www.moscowtimes.ru/2026/05/05/pravitelstvo-reshilo-ustanovit-slezhku-za-podrostkami-v-internete (дата обращения: 10.06.2026).
4. В Амурской области полицейские провели занятия для журналистов на курсах «Бастион-2026». – URL: https://news.rambler.ru/other/54387645-v-amurskoy-oblasti-politseyskie-proveli-zanyatiya-dlya-zhurnalistov-na-kursah-bastion-2026/ (дата обращения: 10.06.2026).
5. В Благовещенске полицейские провели занятия для журналистов на курсах «Бастион-2026». – URL: https://pressamagdagachi.ru/news/2026/06/03/v-blagoveschenske-politseyskie-proveli-zanyatiya-dlya-zhurnalistov-na-kursah-bastion-2026/ (дата обращения: 10.06.2026).
6. В российском интернете создадут кибердружины и запустят медиапатрули. – URL: https://www.fontanka.ru/2026/05/05/76854321/ (дата обращения: 10.06.2026).
7. Заседание Общественного совета при Роскомнадзоре. – URL: https://www.law.msu.ru/news/zasedanie-obshhestvennogo-soveta-pri-roskomnadzore (дата обращения: 05.06.2026).
8. Алгоритмы самозащиты: роль СМИ в схватке с кибермошенничеством. – URL: https://ruj.ru/news/algorithmy-samozashchity-rol-smi-v-skhvatke-s-kibermoshennichestvom/ (дата обращения: 15.04.2026).
9. С. Перминов: В борьбе с кибермошенниками роль СМИ – всеохватное объяснение. – URL: http://council.gov.ru/events/features/154321/ (дата обращения: 15.04.2026).
10. Депутат Толмачев рассказал о новых инициативах в сфере кибербезопасности. – URL: https://www.pnp.ru/social/deputat-tolmachev-rasskazal-o-novykh-inicziativakh-v-sfere-kiberbezopasnosti.html (дата обращения: 10.06.2026).

Стеблевская Дарья Дмитриевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРИЧИНЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Аннотация: *в статье проведен анализ некоторых причин, которые способствуют совершению преступления, поименованного в уголовном законе как «коммерческий подкуп». Выявленные причины обусловлены как внутренними, так и внешними факторами, оказывающими влияние на деятельность коммерческих и иных организаций, а также на лиц, осуществляющих управленческие функции в таких организациях. Для преодоления выявленных причин автором предложены отдельные варианты их устранения.*

Ключевые слова: *коммерческий подкуп, причины совершения преступления, управленец, корысть, преступление.*

Коммерческий подкуп представляет собой преступление, предусмотренное ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Коммерческим подкупом признается:

– ч. 1 ст. 204: незаконная передача «управленцу» (подкупополучателю) коммерческой или иной компании любого имущества либо незаконное оказание такому лицу имущественных услуг в целях совершения «управленцем» действий (или допущения бездействия) в интересах подкуподателя или иных лиц при условии, если такие действия (бездействие) относятся к служебным полномочиям подкупополучателя или последний вправе оказать содействие для совершения таких действий (бездействия);

– ч. 5 ст. 204: незаконное получение «управленцем» (подкупополучателем) любого имущества либо незаконное пользование оказанными ему имущественными услугами за совершение действий (бездействия), указанных в ч. 1 ст. 204 кодекса.

Уголовный закон в одной норме закрепил, по сути, фактически два самостоятельных состава преступления: дача подкупа и получение подкупа (по аналогии с дачей взятки – ст. 291

УК РФ и получением взятки – ст. 290 УК РФ). Несмотря на имеющиеся сходства между коммерческим подкупом и взяточничеством, все же указанные преступления носят самостоятельный характер, их отождествление недопустимо в силу прямого указания уголовного законодательства.

В настоящее время правоприменительная практика содержит немало примеров совершения коммерческого подкупа. По официальным сведениям от МВД России, за 2025 год было зарегистрировано 2420 заявлений о коммерческом подкупе, из них раскрыто 2103 преступления [1]. Несмотря на то, что в общем отчете о преступлениях экономической направленности доля преступлений, предусмотренных ст. 204 УК РФ, составляет всего 3,1%, это не свидетельствует об отсутствии актуальности у вопросов, связанных с их раскрытием, в том числе с установлением причин, которые способствуют совершению коммерческого подкупа. Актуальность данных вопросов подтверждается тем, что совершение коммерческого подкупа направлено, прежде всего, на осуществление посягательства в отношении нормального функционирования аппарата управления в любой коммерческой либо иной компании, не входящей в структуру органов публичной власти. Совершение рассматриваемого преступления создает общественную опасность для обеспечения нормальной здоровой частной конкуренции между равноправными организациями, создает существенные препятствия для развития предпринимательской среды, уменьшает уровень инвестиционной привлекательности российского бизнеса, создает сопротивление для развития экономики страны. Именно поэтому очень важно своевременно обнаружить причины, которые способствуют совершению данного преступления, и вовремя предотвратить их развитие. С учетом проведенного нами анализа отдельных положений теории криминологической науки можем выделить следующие причины, способствующие совершению коммерческого подкупа [2, с. 74].

1. Корыстные мотивы.

У некоторой части лиц, обладающих управленческими функциями, система ценностей построена на основах корысти. Желания, стремления человека улучшить свое материальное положение являются естественным и достойным, если их реализация не нарушает закон и права третьих лиц. Однако, подкупополучатели ради материальной выгоды готовы пренебречь установленными в уголовном законе запретами и ограничениями, а также пожертвовать своими профессионально-этическими навыками, которые должны составлять основу их поведения. Нравственно-психологические установки таких лиц подвержены сильной деформации, а потому являются одной из основных причин появления преступного поведения.

Преодоление подобной проблемы возможно только путем изменения процесса мышления преступников, что представляется довольно сложной и затруднительной задачей. Изменить мнение о необходимости совершения коммерческого подкупа заранее возможно, как нам представляется, только посредством донесения до ответственных лиц информации о предстоящем уголовном наказании за преступление (напомним, что за дачу предмета подкупа предусмотрено максимальное наказание от 2-х до 8-ми лет согласно ч. 1–4 ст. 204 УК РФ, а за получение – от 3-х до 12-ти лет согласно ч. 5–8 ст. 204 УК РФ).

2. Использование служебного положения в личных целях.

«Управленцы» в организациях могут считать, что их должности предоставлены им не в целях улучшения качества деятельности всей компании, а исключительно для удовлетворения личных целей. Собственные интересы таких лиц выходят у них на первый план, а интересы организации – остаются в стороне. Лица, осуществляющие управленческие функции, занимают толерантную позицию по вопросу возможного злоупотребления своей «властью» в компании, что негативно сказывается на обеспечении работоспособности всей организации: из-за этого вовлечение лица в совершение коммерческого подкупа становится довольной простой задачей [3, с. 197].

Борьба с подобным некорректным представлением «управленцев» о своей роли в жизни организации возможна тем же способом, который мы указали ранее.

3. Высокий уровень латентности преступления.

Приведенная нами ранее официальная статистика от МВД России отражает информацию только о тех преступлениях, которые были обнаружены. Зачастую коммерческий подкуп совершается в интересах как подкуподателя, так и подкупополучателя, а значит, информация о совершенном деянии не распространяется среди иных лиц. Это порождает безнаказанность преступников. В теории также отмечается низкая результативность деятельности правоохранительных органов, неадекватность санкций уголовных норм [4, с. 98]. Все это способствует формированию представлений о вседозволенности и уверенности в том, что уголовная ответственность злоумышленникам не грозит.

Противодействие выявленной причине совершения коммерческого подкупа возможно оказать посредством повышения уровня квалификации сотрудников правоохранительных органов по вопросам заблаговременного выявления готовящихся преступлений, предусмотренных ст. 204 УК РФ.

4. Низкий уровень внутреннего контроля организации.

В большинстве компаний отсутствуют структурные подразделения, отвечающие за внутреннюю безопасность, профилактику коррупции, внутренний контроль, аудит. Низкий уровень служебной дисциплины, бесконтрольность и безответственность управленческого персонала создают благоприятную почву для коррупционных правонарушений. Какие-либо коррупционные риски внутреннего или внешнего характера в таких случаях не оцениваются, не выявляются и не предупреждаются.

Решение проблемы видится, очевидно, во включении в штат организаций хотя бы одного специалиста по внутреннему контролю и безопасности, который сможем своевременно выявлять и предупреждать факты коммерческого подкупа или сообщать соответствующую информацию в уполномоченные правоохранительные органы.

5. Экономическая политика.

На современном этапе развития рыночных отношений в связи с непростой ситуацией во всем мире (экономические кризисы, военные столкновения, пандемии) государство вынуждено внедрять в правовое регулирование дополнительные запреты, ограничения, ужесточения для целей стабилизации экономических отношений внутри страны, а также усиливать контроль за соблюдением участниками правоотношений своих обязательств. Также государственные органы прибегают к изменению существующих налоговых отношений: повышение размеров налогов, прекращение поддержки малого и среднего бизнеса по отдельным направлениям и программам. Также влияние на экономическую среду оказывают инфляция, изменение валютного курса, нестабильность рынка ценных бумаг и т. д. Из-за всех вышеперечисленных обстоятельств, которые в той или иной мере оказывают негативное влияние на прибыль организации, некоторые из сотрудников таких организаций принимают решение о необходимости совершения действия, влекущего за собой получение имущественной выгоды, даже несмотря на то, что это прямо запрещено уголовным законом.

Устранение подобных проблем представляется очень серьезной и сложной задачей, т.к. восстановление стабильности экономики внутри страны во многом зависит от внешнеэкономической деятельности государства, которая не может меняться только по воле самого государства. Хотя любые законодательные изменения в экономической сфере направлены на поддержание стабильности самого государства и общества, это все равно может оказывать негативное воздействие на рассматриваемую нами проблему.

Таким образом, причины, которые способствуют совершению коммерческого подкупа, отличаются своим разнообразием. Нами были выявлены некоторые проблемные моменты по указанному вопросу, но при этом приведенный нами перечень причин является неисчерпывающим. Полагаем, что преодоление причин совершения коммерческого подкупа, в общем и

целом, зависит от объединения усилий государства и частного сектора в рамках существующего партнерства.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. Состояние преступности. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 20.05.2026).
2. Манжура А.В. Коммерческий подкуп: факторы, способствующие совершению преступления / А.В. Манжура // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Юридические науки. – 2024. – №6–1 (93). – С. 73–77.
3. Чумак А.В. Криминологическая характеристика личности взяточника / А.В. Чумак, Е.А. Шищенко // Академическая наука – проблемы и достижения: материалы X международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 196–198. – EDN XHRSMR

Стеблевская Дарья Дмитриевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Аннотация: *в статье указаны некоторые проблемы, возникающие при квалификации коммерческого подкупа. Существование проблем обусловлено внесенными в 2016 году законодательными изменениями в уголовный закон, в соответствии с которыми уголовная ответственность за указанное преступление была дифференцирована по признаку посредничества в подкупе и совершению мелкого подкупа. В связи с имеющимися в практике и теории противоречиями и недостатками квалификации преступления автором предложено внесение соответствующих изменений в уголовный закон в целях их преодоления.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп, квалификация преступления.*

Легальное определение понятия коммерческого подкупа закреплено в ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). При этом указанная норма включает в себя определение как передачи предмета коммерческого подкупа (ч. 1), так и получения (ч. 5). Несмотря на существующее официальное определение состава преступления, в правоприменительной практике возникают проблемы, вызванные неполнотой разъяснений законодателя о квалификации преступления.

Одной из актуальных проблем является квалификация действий лица, которое оказывает посреднические услуги в коммерческом подкупе. В 2016 году в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 г. №324-ФЗ в УК РФ была добавлена ст. 204.1, устанавливающая уголовную ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Однако, такая ответственность наступает для посредника только при условии установления значительного размера предмета коммерческого подкупа, который в настоящее время составляет 25 000 рублей (прим. 1 к ст. 204 УК РФ). В связи с этим в теории имеется ряд дискуссий относительно справедливости и разумности квалификации действий посредника, фактически передавшего предмет подкупа по поручению подкуподателя или подкупополучателя либо иным образом способствовавшего в достижении или реализации соглашения между указанными лицами, в размере менее 25 000 рублей.

В п. 28 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 г. №24 [1] содержится разъяснение, согласно которому работник, выполнивший поручение должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции, о передаче предмета коммерческого подкупа несет ответственность по ст. 204.1 УК РФ при наличии к тому оснований. Иных разъяснений по данному вопросу Пленум ВС РФ не предоставил.

Исходя из буквального системного толкования указанных разъяснений, а также положений ст. 204, 204.1 УК РФ, лицо, оказавшее посреднические услуги по передаче предмета коммерческого подкупа, привлекается к ответственности по ст. 204.1 УК РФ только при условии, если предмет коммерческого подкупа составляет сумму не менее 25 000 рублей. В иных случаях вопрос о квалификации действий такого лица разрешается в судебном порядке. Считаем, что данное обстоятельство представляет собой пробел в законодательстве, который подлежит устранению путем внесения изменений в нормы УК РФ.

Теория уголовного права содержит точку зрения, согласно которой установление значительного размера как обязательного признака объективной стороны преступления является попыткой законодателя декриминализировать действия посредника, направленные на передачу предмета подкупа в меньшем размере [2, с. 25]. При этом, если рассматривать передачу предмета подкупа в размере, меньшем значительного, как пособничество в совершении коммерческого подкупа, то возникает ситуация, при которой положение посредника в подкупе (ст. 204.1 УК РФ) лучше положения пособника в подкупе (ч. 5 ст. 33, ст. 204 УК РФ). Нам представляется, что общественная опасность посредничества в коммерческом подкупе на сумму 25 000 рублей и более, а также посредничества на сумму, например, 24 999 рублей и менее, не меняется, а потому назначение уголовного наказания для указанных лиц должно происходить по одним и тем же правилам по одной и той же норме УК РФ – ст. 204.1, с учетом всех заслуживающих внимание обстоятельств.

Это объясняется, прежде всего тем обстоятельством, что к посреднику, передавшему предмет коммерческого подкупа в не менее чем значительном размере, возможно применить прим. 1 к ст. 204.1 УК РФ, т.е. посредник может быть освобожден от ответственности, если он активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления и добровольно сообщил о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело. Однако, если посредник передал предмет подкупа в менее чем значительном размере, то к нему как к пособнику в коммерческом подкупе невозможно применить прим. 2 к ст. 204 УК РФ: согласно указанного примечания лицо может быть освобождено от ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1–4 статьи, т.е. только за передачу подкупа. В случае совершения получения предмета подкупа (ч. 5–8) возможность освобождения от ответственности не предусмотрена. Напомним, что посредник способствует как передаче, так и получению предмета коммерческого подкупа.

В теории уголовно-правовой науки предлагается полностью исключить возможность привлечения к уголовной ответственности посредников в случае их способствования передаче предмета коммерческого подкупа на сумму менее значительного размера, т.е. менее 25 000 рублей [3, С. 432]. С указанным предложением мы не согласны, т.к. считаем, что любое лицо, которое добровольно совершило преступные деяния, должно быть подвергнуто уголовному наказанию с учетом степени его вины, а также иных заслуживающих внимание обстоятельств. Это не означает, что посредник должен нести уголовную ответственность в том же самом объеме, что и непосредственный подкуподатель или подкупополучатель, однако, полное освобождение посредника в таком случае все равно недопустимо.

С учетом изложенного предлагаем ч. 1 ст. 204.1 УК РФ скорректировать, исключив из ее состава указание на значительный размер как обязательный признак объективной стороны. При этом признак значительного размера возможно добавить в содержание ст. 204.1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака.

Необходимость корректировки указанной нормы обусловлена также существованием довольной спорной в теории права позиции относительно квалификации действий посредника при мелком подкупе. В 2016 году наряду с посредничеством в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ) в уголовный закон была добавлена уголовная ответственность за совершение мелкого коммерческого подкупа – ст. 204.2 УК РФ: мелким коммерческим подкупом считается подкуп на сумму менее 10 000 рублей. Внесение таких законодательных корректировок,

на наш взгляд, не улучшило, а наоборот, усугубило уголовно-правовую квалификацию коммерческого подкупа, т.к. появилось еще больше вопросов к позиции законодателя.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 204.1 УК РФ, уголовная ответственность посредника возникает только в случае участия в коммерческом подкупе, но не в мелком коммерческом подкупе. Коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) и мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ) являются самостоятельными составами преступления, хотя и имеющие схожие признаки. Вместе с тем их отождествление невозможно. Применение ст. 204.1 УК РФ к посредничеству в мелком подкупе по аналогии недопустимо, т.к. запрет аналогии уголовного закона прямо закреплен в ч. 2 ст. 3 УК РФ. В теории уголовного права имеет место точка зрения относительно того, что аналогия, которая не ухудшает положение, применяться может. Однако, из буквального толкования уголовного закона это не вытекает.

С учетом существующего содержания ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ складывается парадоксальная ситуация: если посредник в подкупе передает сумму свыше 25 000 рублей, к нему возможно применить ст. 204.1 УК РФ, если менее 10 000 рублей, то можно привлечь по ст. 204.2 УК РФ, используя институт соучастия. В случае же содействия в подкупе размером свыше 10 000 рублей, но не более 25 000 рублей наступает правовой вакуум. В данной ситуации не совсем понятно, имеет ли место дефект правовой нормы или же это принципиальная позиция законодателя, что посредничество в размере до 25 000 рублей не обладает достаточной общественной опасностью, чтобы стать противоправным, но это не облегчит решение проблемы. Повторно отметим, что вне зависимости от размера предмета подкупа посредничество в его передаче/получении в любом случае обладает достаточной степенью общественной опасности, чтобы признаваться уголовным преступлением; при это квалификация действий посредника должна происходить с учетом всех заслуживающих внимание обстоятельств. К тому же, как показывает судебная практика [4], в случае совершения рассматриваемых преступлений лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при выполнении условий, указанных в примечаниях к ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ, что не оказывает негативного влияния на предлагаемые нами корректировки уголовного закона. В связи с изложенным предлагаем норму ст. 204.1 УК РФ изменить (с учетом ранее указанной нами позиции) путем добавления в состав объективной стороны указания на совершение не только коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), но и мелкого коммерческого подкупа (ст. 204.2 УК РФ).

Таким образом, квалификация коммерческого подкупа в теории и практике правового регулирования вызывает ряд вопросов. Некоторые проблемы были изложены нами в рамках настоящего исследования. По итогам анализа составов преступлений, предусмотренных ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ, был сделан вывод о необходимости законодательных корректировок ст. 204.1 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Полагаем, что в случае внесения предложенных нами изменений число проблемных вопросов относительно квалификации действий посредника в коммерческом подкупе сократится.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 №24 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – №9.

2. Яни П. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве / П. Яни // Законность. – 2013. – №2. – С. 24–27. EDN PVHMMR

3. Кострыкина В.В. Проблема квалификации коммерческого подкупа / В.В. Кострыкина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4 (44). – С. 427–432. EDN BUMJQJ

4. Постановление Мирового судьи судебного участка №1 по Арскому судебному району Республики Татарстан от 20.06.2025 по делу №01-0011/1/2025. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.05.2026).

Стеблевская Дарья Дмитриевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена высокой степенью общественной опасности преступлений против несовершеннолетних, поскольку дети являются наиболее уязвимой категорией населения. Одним из наиболее опасных видов преступности является привлечение несовершеннолетних к совершению противоправных деяний взрослыми лицами, так называемое вовлечение несовершеннолетнего в преступление. Такие деяния наносят значительный ущерб физическому, психическому и нравственному развитию ребенка, создавая угрозу здоровью и благополучию общества в целом. Цель статьи – комплексно исследовать уголовно-правовую характеристику вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, выявить особенности квалификации такого деяния, рассмотреть существующие проблемы правоприменительной практики и предложить пути их решения.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, соучастие в преступлении, неоконченное преступление, покушение на преступление, подстрекательство, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, вовлеченность.*

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления понимается умышленное воздействие лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста на сознание подростка с целью склонения его к участию в совершении преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Защита прав несовершеннолетних выступает одним из ключевых направлений государственной внутренней политики [1]. Для признания состава преступления достаточно установления факта осознанного влияния взрослого человека на волю несовершеннолетнего с намерением совершить какое-либо уголовное деяние независимо от того, реализовал ребенок замысел или нет.

При анализе понятия важно учитывать множество признаков, таких как объект преступления, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Помимо основных не стоит забывать и о недавно введенных квалифицирующих признаков, это вовлечение через интернет, вовлечение двух и более лиц, вовлечение ребенка до 14 лет.

Объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, психологическое и нравственное развитие подростков. Это обусловлено особой защитой детей законом ввиду их возрастной незрелости и повышенной восприимчивостью к негативному влиянию извне.

Объективная сторона выражается в активных действиях виновного лица, направленные на формирование у несовершеннолетнего желания участвовать в преступлении либо содействовать ему иным образом. К таким действиям относятся убеждение, обман, шантаж, угрозы и другие способы воздействия. Квалифицирующими признаками выступают: использование зависимого положения несовершеннолетнего, обещания материального вознаграждения, злоупотребление доверием или угроза жизни или здоровью ребенка или членов его семьи.

Субъектом рассматриваемого деяния является лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее способностью осознавать общественную опасность своих действий. Закон устанавливает повышенную ответственность для лиц старше восемнадцати лет, привлеченных к ответственности именно за вовлечение малолетних.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом, направленным на сознательное стремление вовлечь несовершеннолетнего в процесс совершения преступления путем активного воздействия на его личность.

Мотивация взрослого лица играет ключевую роль при оценке степени вины. Преступник может преследовать корыстные цели, личные интересы или иметь иной злой умысел, такой как месть или желание избавиться от конкурента.

Приведу пример из практики, Показания несовершеннолетних часто ограничены общими фразами. Круг свидетелей ограничен лицами, подтверждающими основное преступление. Отсутствуют ссылки на допросы законных представителей и лиц, подтверждающих отношения между обвиняемыми. В. вовлекла свою малолетнюю дочь в кражу, обещая забрать её к себе. П. вовлек младшего брата, используя авторитет старшего брата. Для получения основных доказательств, необходимо собрать показания несовершеннолетнего, лица, вовлекающего его и свидетелей. Вовлекающее лицо по результатам анализа следственной практики, около 20% вовлекателей являются родственниками, 70% – знакомыми, ранее незнакомые или малознакомые лица составляют не более 10%. может быть родственником или посторонним лицом [2]. Допрос подростка необходимо производить как можно раньше [3].

Данная практика показывает, что квалификация указанных составов представляет значительные трудности. Одна из основных проблем связана с отсутствием четких критериев определения момента начала вовлечения. Возникают сложности в доказывании наличия целенаправленного воздействия на сознание ребенка, особенно в случаях косвенного принуждения.

Также существенной проблемой остается установление конкретного мотива поведения взрослого лица, совершившего такое преступление. Часто мотивы трудно доказать в силу скрытого характера подготовки преступления, отсутствия свидетелей и трудностей сбора доказательств.

Наконец, серьезную проблему вызывает ситуация с дифференцированной ответственностью родителей и иных взрослых лиц, занимающихся воспитанием несовершеннолетних. По мнению некоторых исследователей, недостаточно внимания уделяется установлению роли опекунов, педагогов и других близких лиц в процессе формирования преступных наклонностей подростков.

Для повышения эффективности борьбы с данным видом преступлений предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство. Во-первых, предлагаю уточнить понятие «вовлеченности», в части 1 статьи 150 УК РФ дополнить его такими критериями, как систематичность, интенсивность и продолжительность воздействий. Далее, установить специальные правила доказывания часть третья статьи 150 УК РФ для случаев принудительного вовлечения, исключив возможность произвольного толкования признаков насильственного давления. Это могут быть данные сведения о месте и обстоятельствах встречи, содержание разговоров и возможных угроз, характер отношений между обвиняемым и жертвой, наличие вещественных доказательств и свидетельских показаний, при освидетельствовании несовершеннолетнего выяснить наличие телесных повреждений и состояния опьянения.

Эти протоколы могли бы стать инструментом стандартизации процедуры расследования дел подобного рода, облегчая сбор доказательной базы для повышения качества предварительного следствия.

Дальнейшие научные изыскания могли бы сосредоточиться на изучении эффективности введенных новелл и разработке новых методов противодействия детскому криминалу. Затрагивая вопрос введение дополнительных мер защиты потерпевших несовершеннолетних в виде специальных протоколов фиксации обстоятельств дела и специализированных органов следствия или создание системы профилактики среди социальных работников, учителей и медицинских специалистов, способствующих выявлению ранних признаков потенциального риска вовлечения подростков в криминал.

Особенно значимым представляется исследование уровня осведомленности самих детей о рисках участия в преступных группах и методах противодействия этому процессу. Важно

развивать просветительскую работу среди молодежи, формируя правильные установки и ценностные ориентиры.

Проблематика привлечения несовершеннолетних к совершению преступлений требует пристального внимания со стороны государства и гражданского общества. Только совместные усилия правоохранительных органов, образовательных учреждений и общественности позволят снизить уровень детской преступности и обеспечить нормальные условия развития подрастающего поколения.

Таким образом, дальнейшее изучение вопросов уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступления позволит выработать эффективные механизмы предупреждения и пресечения подобного вида деятельности, обеспечивая безопасность детей и общества в целом.

Список литературы

1. Волостных А.А. Актуальные проблемы и профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / А.А. Волостных // Вестник науки. – 2025. – №2 (83).

2. Тулеубекова М.М. Личность преступников, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность / М.М. Тулеубекова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2018. – №1 (20).

3. Солонникова Н.В. Некоторые проблемы расследования преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ / Н.В. Солонникова, М.Н. Кузьмин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – №1 (25).

4. Шевцова К.А. О некоторых проблемах квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / К.А. Шевцова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2022. – №4 (51).

5. Степанюк Е.А. Психологические особенности несовершеннолетних преступников: возможности психологической диагностики / Е.А. Степанюк // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2023. – №2. DOI 10.21702/ncpb.2023.2.5. EDN YENEND

6. Решетников А.Ю. Вовлечение в совершение общественно опасных действий: нормативные конструкции и вопросы уголовно-правовой оценки / А.Ю. Решетников // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – №1. DOI 10.19073/2306-1340-2019-16-1-43-48. EDN ZAYHUL

7. Ермолаева Л.Н. О некоторых пробелах законодательства по вопросам производства допроса несовершеннолетних подозреваемых / Л.Н. Ермолаева // Государственная служба и кадры. – 2021. – №5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-probelah-zakonodatelstva-po-voprosam-proizvodstva-doprosa-nesovershennoletnih-podozrevaemyh (дата обращения: 19.05.2025). DOI 10.24411/2312-0444-2021-5-224-225. EDN VNIXGX

Степанов Александр Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-166696

ФИНАНСОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МАХИНАЦИЯМ ПРИ ФИКТИВНОМ И ПРЕДНАМЕРЕННОМ БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: *в статье рассмотрены теоретические аспекты процедур банкротства в текущих условиях экономической ситуации России. Даны понятия преднамеренного и фиктивного банкротства, как видов мошеннических действий в области банкротства, проанализированы противоправные действия при преднамеренном и фиктивном банкротстве, изучены этапы расследования, как ключевой инструмент противодействия криминальному банкротству.*

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, банкрот, неплатежеспособность.*

Интерес к данной теме обусловлен тем, что в текущих условиях экономической ситуации в стране, многие хозяйствующие субъекты Российской Федерации, в независимости от его формы собственности, сталкиваются с ситуациями банкротства, усложнение экономических условий функционирования привели к необходимости официального признания организаций, которые не в состоянии справляться со своими долговыми обязательствами – банкротами.

Основными нормативными актами, которые регулируют процедуру банкротств в Российской Федерации, являются Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3].

Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Определение признаков банкротства юридических лиц базируется на принципе неплатежеспособности. Неплатежеспособность – термин, применяемый для оценки состояния физического или юридического лица, а также государства, при котором оно не в состоянии своевременно погашать свои обязательства, является банкротом [14].

Неплатежеспособность, являющаяся внешней формой несостоятельности, проявляется не сразу, а только на последних стадиях неэффективного ведения бизнеса. В современных условиях множество организаций, оказавшихся в сложном финансовом положении, для снижения долговой нагрузки объявляются банкротами. При этом нередки случаи, преднамеренного и фиктивного банкротства, которые, в свою очередь, посягают на общественные отношения, охраняемые нормами уголовного права.

Целью работы является рассмотрение теоретических аспектов процедур банкротства в текущих условиях экономической ситуации России, даны понятия и преднамеренного и фиктивного банкротства, как видов мошеннических действий в области банкротства, проанализированы действия при преднамеренном и фиктивном банкротстве, этапы расследования, как ключевой инструмент противодействия криминальному банкротству

Актуальность темы заключается в объективной необходимости получения системы научных знаний о преступлениях, связанных с неправомерными действиями при преднамеренном или фиктивном банкротстве, о проблемах практики их раскрытия и расследования, а также в разработке методики расследования данных преступлений с учетом особенностей развития современных экономических отношений в Российской Федерации.

В современных условиях для российской экономики, финансовая несостоятельность различных организаций, является очень актуальной из-за сложной экономической ситуации, связанной с санкциями применяемые со стороны недружественных стран, поэтому многим организациям становится труднее с каждым разом не только нормально функционировать и развиваться, но и даже сохранять свою платежеспособность. Организации столкнулись с большим количеством проблем, связанных не только с потерей и ограничением доступа к необходимым внешним финансовым ресурсам. Финансовые ресурсы, как фактор воздействующий на осуществление деятельности, определяют способность предприятия в обеспечении производства необходимыми материально-техническими средствами, а также принять различные управленческие решения.

Усложнение экономических условий функционирования привели к необходимости официального признания организаций, которые не в состоянии справляться со своими долговыми обязательствами – несостоятельными, банкротами. Основополагающими нормативными актами, которые регулируют банкротство в РФ, являются Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

Как для организаций, так и для граждан законодательством Российской Федерации предоставлена возможность списать непосильные долги через признание своей финансовой несостоятельности. Однако некоторые злоупотребляют своим правом, не являясь банкротами фактически, заявляют о своём банкротстве в надежде обманным путем избежать необходимости вносить платежи по кредитам, займам и другим обязательствам.

При выявлении признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, долги гражданина не спишут, а его самого ждёт наказание согласно законодательства Российской Федерации. Стоит отметить, что не только штрафные санкции и уголовная ответственность грозит за махинации в области банкротства, но при обнаружении фиктивности на ранних этапах процедур банкротства, суд может просто прекратить производство по делу. Иногда судья отказывает уже при подаче заявления, если видит признаки обмана. Даже если пройти процедуру банкротства до конца, в финале суд вынесет определение о том, что не освобождает должника от обязательств платить по долгам. Попытка ложного банкротства негативно отражается на финансовой репутации как физического так и юридического лица.

Преднамеренное и фиктивное банкротство в современных условиях становится все более распространенным способом уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Недобросовестные должники пытаются избежать выплаты долгов путем умышленного создания или увеличения неплатежеспособности, либо заведомо ложного объявления о банкротстве. В статье, рассмотрим наличие признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, этапы проведения проверки на фиктивное банкротство ответственность за преступления в области банкротства. Изучением данной темы занимались многие ученые такие как: Абшилава Г.В., Акинфиева В.В., Афанасьев А.Б., Сергеева И.А., Сергеев А.А., Кислощаев П.А., Суворова С.В. и многие другие, но стоит отметить, что данная тема остается до конца не изучена, финансовое расследование как ключевой инструмент выявления и противодействия махинациям при фиктивном и преднамеренном банкротстве требует дальнейшего изучения.

В настоящее время, в научной литературе существует множество трактовок понятий фиктивное банкротство выделив из каждой основное и сформировав свое определение, что фиктивное банкротство – ситуация, когда человек или компания сознательно используют процедуру банкротства не потому, что не могут платить по своим финансовым обязательствам, а потому, что так хотят избежать возврат средств по долгам.

Фиктивное банкротство – это заявление о несуществующей неплатежеспособности. Должник фактически имеет возможность рассчитаться с кредиторами, но умышленно вводит их в заблуждение, скрывая активы и искажая финансовую отчетность. Цель должника – получить незаконные льготы, а именно: списание долгов, отсрочку платежей, или вовсе уклонение от исполнения обязательств. Основное отличие заключается в фактическом финансовом состоянии должника. При фиктивном банкротстве неплатежеспособность не существует, а всё является махинацией в области процедуры банкротства. Должник заведомо ложно объявляет о своей несостоятельности, чтобы избежать выполнения обязательств перед кредиторами. В этом случае отсутствуют реальные признаки неплатёжеспособности, и должник намеренно вводит в заблуждение кредиторов и суд.

При преднамеренном банкротстве неплатежеспособность реальная, но создана искусственно. Должник совершает незаконные действия, направленные на неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по имеющимся денежным обязательствам. Основным отличием фиктивного от преднамеренного банкротства состоит в том, что в случае, когда банкротство носит преднамеренный характер, неспособность гражданина удовлетворить права кредитора становится следствием его сознательных действий или бездействий, например: необоснованно высокие траты, в том числе на предметы роскоши, с применением заёмных средств; продажа имеющегося имущества по необоснованно низким ценам или даже передача его в дар близким родственникам, при этом у банкрота сохраняется право пользования имущества, т.е. создается искусственное банкротство.

При этом фиктивное банкротство предполагает заведомо ложное объявление статуса банкрота с целью избежать исполнения обязательств и сохранить свой капитал например: несоответствие предоставленной информации и документации должником с собранными сведениями уполномоченными лицами; предоставление должником поддельных и

фальсифицированных документов о своем имуществе, а также о своих доходах и расходах, создавая преступную иллюзию банкротства.

Фиктивное банкротство является одним из наиболее распространенных видов мошенничества в сфере предпринимательства. Основная цель должника – скрыть свое реальное финансовое состояние.

Рассмотрим противоправные действия при фиктивном и преднамеренном банкротстве таблица 1.

Таблица 1

Противоправные действия при фиктивном и преднамеренном банкротстве

Фиктивное банкротство	Преднамеренное банкротство
- передачу имущества третьим лицам, включая родственников, активы выводятся из конкурсной массы	-совершает заведомо невыгодные сделки
- фиктивное увольнение сотрудников	- берет много кредитов, увеличивая сумму задолженности
- обналичивание денег и перевод денежных средств на сторонние счета	- продает активы компании по заниженным ценам
- искажение бухгалтерской отчетности, которая искусственно демонстрирует убытки или нулевой доход.	- меняет бухгалтерскую отчетность в свою пользу
- предоставление недостоверных данных о структуре долгов, наличии имущества, доходах или кредиторах в заявлении о банкротстве или в документах, прилагаемых к нему, как попытка ввести суд в заблуждение	- финансирование новых проектов или закупок, а долги перед кредиторами остаются.
	- фиксация искусственных убытков, искажении прибыли

Из данных таблицы очевидны преступные действия при процедуре банкротства, из признаков видно, что при фиктивном банкротстве – попытка скрыть активы и освободится от финансовых долгов, однако у физического лица и юридического лица имеется достаточно средств для расчетов с кредиторами и погашения обязательств, но такое лицо намеренно создает для третьих лиц и кредиторов видимость своей неплатежеспособности. При преднамеренном банкротстве – искусственное банкротство возникает по вине умышленных действий физлица, для возможности не платить по своим финансовым долгам.

Преднамеренное и фиктивное банкротство имеют общие черты:

1) основания – ложная или значительно искаженная картина финансовой несостоятельности;

2) цели – любыми путями вывести активы и избавиться от долгов под прикрытием своей несостоятельности;

3) последствия – наступление административной или уголовной ответственности.

Отличие в том, что признак фиктивного банкротства основан на предоставлении суду заведомо недостоверных сведений, а преднамеренного – на предпринятых заведомо невыгодных действиях должника, то есть, он в реальности отвечает всем признакам несостоятельности.

Преднамеренное и фиктивное банкротство являются одними из основных экономических преступлений, правовая ответственность за совершение которых регламентирована ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 «Фиктивное банкротство» гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» разд. VIII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [2].

В настоящее время фиктивное банкротство определено как «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным

предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб» [2].

Одной из важных задач финансового расследования при выявлении признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, как ключевого инструмента противодействию махинациям в области банкротства является проведение комплексного анализа документов и финансового поведения должника за определенный период, как правило, три года, включая время до и после подачи заявления о банкротстве.

Методика анализа финансового состояния включает следующие блоки анализа [13]:

1. Общая оценка финансового состояния предприятия и его изменения за три отчетных периода;
2. Анализ платежеспособности должника.
3. Анализ финансовой устойчивости должника.
4. Анализ деловой активности должника.

Этапы проведения финансового расследования при фиктивном и преднамеренном банкротстве представлены в таблице 2.

Таблица 2

Этапы проведения финансового расследования при фиктивном и преднамеренном банкротстве

Фиктивное банкротство	Преднамеренное банкротство
-анализ платежеспособности, подробный финансовый анализ документации	- проверка сделок на несоответствие рыночным условиям, которые были совершены на невыгодных условиях для организации, продажа оборудования, имущества по демпинговым ценам
- степень платежеспособности, показатель обеспеченности должника его активами, коэффициент текущей и абсолютной ликвидности	- степень платежеспособности, показатель обеспеченности должника его активами, коэффициент текущей и абсолютной ликвидности
-проверка сделок и других действий, которые могли стать причиной неблагоприятного состояния предприятия, проведение анализа сделок за последние 3 года деятельности фирмы	- выявление всех операций, которые привели к неплатежеспособности, резкое их увеличение в последнее время
- выявление, что физлицо незадолго до банкротства подарил или продал по низкой цене недвижимость своему родственнику	- выявление нецелевого использования средств и прочие нелогичные решения хозяйствующего субъекта
- организация, ранее бравшая небольшие краткосрочные займы, вдруг оформила несколько крупных кредитов на общую сумму, превышающую стоимость всех активов	-увеличение оплаты труда руководителей организации.
- предоставили недостоверную информацию о своем имуществе, попытка, скрыть часть активов	- выявление искусственных просрочек, чтобы обеспечить ложные обстоятельства, являющиеся поводом для объявления банкротства

Схема преднамеренного банкротства чаще всего применяется юридическими лицами. Ее особенность состоит в том, что все действия по доведению компании до плачевого финансового состояния проводятся заранее. Если у кредиторов или арбитражного управляющего возникают подозрения, что банкротство может быть преднамеренным или фиктивным, они могут ходатайствовать перед судом о назначении экспертизы. Оплачивать работу экспертов будет та сторона, которая подала иск о несостоятельности.

Однако следует отметить, что не существует универсальной схемы финансового расследования при преступном банкротстве, которая подходила бы для всех хозяйствующих субъектов Российской Федерации. Схемы преступного банкротства постоянно меняются, а каждая организация уникальна по своей структуре и имеет свои особенности

функционирования, возможности и потенциал. Поэтому схема финансового расследования, как инструмента противодействия криминальным махинациям с банкротством должна формироваться индивидуально для каждого предприятия, учитывая все его специфические особенности.

Преднамеренное и фиктивное банкротство – это серьёзные нарушения закона. Следует помнить, что банкротство это механизм защиты добросовестных должников, оказавшихся в трудной ситуации не по своей вине, а за все противоправные действия в области банкротства граждане, предприятия или индивидуальные предприниматели могут быть привлечены к уголовной ответственности и крупным штрафным санкциям предусмотренным законодательством Российской Федерации. Чтобы процедура банкротства прошла успешно и завершилась освобождением от долгов, важно соблюдать правила, предоставлять достоверные сведения и избегать любых неправомерных действий.

Список литературы

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – №43. – Ст. 4190.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.02.2017). – Ст. 197 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 09.05.2026).

4. Суворова С.В. К вопросу об определении контролирующих лиц должника / С.В. Суворова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – №1. – С. 37–40. DOI 10.18572/1812-383X-2022-1-37-40. EDN TOMCUZ

5. Наземцев Д.М. Проблемы применения правил о нотариальной форме сделок с долями в праве собственности на недвижимое имущество / Д.М. Наземцев // Нотариальный вестник. – 2023. – №3. – С. 38–46. – DOI: 10.53578/1819-6624_2023_3_38. EDN OSOYKQ

6. Обеспечение экономической безопасности предприятия: учеб. пособие / авт.-сост. С.А. Грачев, М.А. Гундорова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. – 420 с.

7. Макарьева В.И. Как не допустить банкротства / В.И. Макарьева, С.Г. Хозяева // Горячая линия бухгалтера. – 2005. – Специальный выпуск. – 264 с.

8. Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России / Е.В. Кравчук. – М.: Юстицинформ, 2013. – 160 с. EDN SDSZTL

9. Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 24–25 октября 2014 г.): избранные материалы / Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев [и др.]; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2015. – 400 с.

10. Шумаков А. Не виноват, но не угоден / А. Шумаков // ЭЖ-Юрист. – 2011. – №5. – С. 6–7.

11. Гейвандов Я.А. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации / Я.А. Гейвандов. – М.: Аванта+, 2003. – 496 с. EDN QQDWJN

12. Пирогова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / Е.С. Пирогова, А.Я. Курбатов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 338 с. – ISBN 978-5-534-16436-7. – URL: https://urait.ru/bcode/536075 (дата обращения: 09.05.2026).

13. Зубарев И.С. Финансовый анализ в условиях банкротства: учеб. пособие / И.С. Зубарев; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова». – Пермь: ИПЦ «Прокростъ», 2020. – 118 с. – ISBN 978-5-94279-488-0.

14. Борисов А.Б. Большой экономический словарь / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.

Цапина Вероника Андреевна
студентка
Научный руководитель
Куемжиева Елена Геннадьевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Аннотация: *в статье рассматривается криминалистическая характеристика пострадавших от преступлений, связанных с торговлей людьми, как важнейшее направление современной криминалистической науки. Раскрывается специфика личности потерпевших, обусловленная социально-экономическими, психологическими и правовыми факторами, определяющими их уязвимость перед преступным воздействием. Анализируется значение изучения личности жертвы для раскрытия и расследования преступлений, а также формулируются подходы к выявлению, фиксации и оценке индивидуальных признаков пострадавших. Автор акцентирует внимание на междисциплинарном характере проблемы, необходимости сочетания криминалистических и психолого-социальных методов исследования, а также значении гуманистического подхода при взаимодействии с жертвами торговли людьми. Сделан вывод о том, что глубокое понимание личности потерпевшего способствует не только повышению эффективности расследования, но и формированию более совершенной системы профилактики подобных преступлений.*

Ключевые слова: *криминалистика, торговля людьми, потерпевший, личность жертвы, криминалистическая характеристика, расследование, профилактика преступлений, виктимология.*

Торговля людьми является крайне опасной формой преступного поведения [1]. В современных условиях, характеризуемых нарастающими миграционными потоками, социально-экономическими контрастами и кризисом традиционных институтов социальной защиты, проблема торговли людьми приобретает особую многогранность и устойчивую криминологическую значимость. Она выступает не только в качестве правового явления, подлежащего уголовно-правовой оценке, но и как сложное социокультурное и психологическое явление, затрагивающее фундаментальные основы человеческого достоинства и свободы личности. При исследовании данного феномена особое внимание уделяется личности пострадавших, чья криминалистическая характеристика позволяет не только понять механизмы формирования преступной ситуации, но и выработать эффективные средства её предупреждения и расследования.

Изучая личность потерпевшего, следователь сталкивается с необходимостью выявления тех социально-психологических, демографических и поведенческих особенностей, которые обусловливают повышенную уязвимость конкретного лица перед действиями преступников. Сформировавшись под воздействием экономических трудностей, семейных дисфункций, миграционной неопределённости и информационной изолированности, эти особенности становятся питательной средой для реализации преступных намерений, направленных на эксплуатацию человека. Пострадавшие, оказавшиеся в зависимости от обстоятельств, нередко проявляют доверчивость, неосведомлённость о своих правах, склонность к риску в поисках лучшей доли, что делает их потенциальными объектами вербовки.

В криминалистическом смысле потерпевший от торговли людьми является не просто жертвой противоправного посягательства, а элементом целостной криминальной ситуации, где переплетаются действия преступников, особенности среды, формы коммуникации и

индивидуальные характеристики личности. Анализируя конкретные дела, следователи отмечают, что пострадавшие часто обладают признаками социальной дезадаптации: отсутствием устойчивых источников дохода, документарной незащищённостью, недостаточным уровнем образования и слабой ориентацией в правовой сфере. На фоне этих обстоятельств преступники, используя обман, психологическое давление или физическое принуждение, формируют контроль над личностью, превращая человека в средство удовлетворения материальных интересов преступной группы.

При этом, выявляя личностные характеристики жертв, следователь сталкивается с феноменом двойственной роли потерпевшего: с одной стороны, он является источником сведений, имеющих доказательственное значение, с другой – носителем психологической травмы, требующей осторожного и этически выверенного подхода. Пострадавший зачастую испытывает страх, стыд, чувство вины и внутреннее сопротивление воспоминаниям о пережитом, что препятствует полноценному взаимодействию со следствием. В этой связи особое значение приобретает профессиональная подготовка следователя, владеющего приёмами психологически корректного допроса и методами минимизации повторной виктимизации.

Следственная практика демонстрирует, что потерпевшие от торговли людьми могут различаться по возрасту, полу, социальному статусу, национальной принадлежности, однако их объединяет общий признак – оказавшись в ситуации эксплуатации, они лишаются контроля над собственной жизнью. Независимо от формы принуждения – будь то физическое насилие, угроза, долговая зависимость или эмоциональное давление, – потерпевший оказывается в состоянии подавления воли и разрушения идентичности. Эти обстоятельства требуют от следователя не только фиксации фактических данных, но и глубокого анализа личностных последствий, поскольку именно психологические изменения пострадавшего нередко раскрывают скрытые механизмы преступления.

Особое внимание заслуживает криминалистическое исследование поведенческих индикаторов, позволяющих идентифицировать лицо, подвергшееся торговле людьми. Наблюдая характерные проявления страха, чрезмерной настороженности, затруднённость в ответах, следователь получает возможность предположить наличие травматического опыта. Умение уловить эти признаки и корректно интерпретировать их значение становится неотъемлемой частью криминалистической диагностики. В ситуациях, когда жертва не осознаёт факт совершённого против неё преступления, именно совокупность косвенных признаков поведения, речи и внешнего вида помогает определить её действительное положение.

Отдельного внимания заслуживает вопрос документальной фиксации следов преступления, отражающихся на личности потерпевшего. Следственные органы сталкиваются с необходимостью фиксации медицинских, биологических, социальных и психологических последствий эксплуатации, поскольку именно они позволяют подтвердить факт преступного воздействия. В процессе расследования важно учитывать, что многие следы имеют не только физическую, но и поведенческую природу, проявляясь в изменениях речевых моделей, реакций на определённые стимулы, уровне доверия к окружающим. Все эти аспекты должны подвергаться экспертной оценке, что придаёт расследованию комплексный и междисциплинарный характер.

Одной из криминалистически значимых особенностей торговли людьми, осуществляемой в гласной форме, является то, что образующие ее действия лиц, совершающих преступления порождают большой объем идеальных следов в памяти потенциальных жертв и потребителей их услуг [2]. Говоря о криминалистической характеристике пострадавших, невозможно обойти вниманием проблему их процессуального статуса. На практике нередко возникают ситуации, когда лицо, фактически ставшее жертвой торговли людьми, не признаётся таковым из-за отсутствия формального заявления или доказательств прямого принуждения. В результате человек остаётся вне правового поля защиты, что противоречит основополагающим принципам гуманизма и справедливости. Отсюда вытекает необходимость совершенствования механизмов идентификации пострадавших, разработки типовых алгоритмов действий

для сотрудников правоохранительных органов, способных выявлять признаки эксплуатации даже при отсутствии явных жалоб.

Криминалистическая наука рассматривает потерпевшего не только как объект преступного воздействия, но и как источник информации, раскрывающий внутреннюю структуру преступного события Анализируя его показания, поведенческие особенности, обстоятельства вербовки и эксплуатации, следователь получает возможность реконструировать модель преступного поведения и выявить систему связей между участниками преступления. При этом важно не допустить механического отношения к личности потерпевшего, так как каждая ситуация является уникальной и требует индивидуального подхода, учитывающего культурные, языковые и эмоциональные различия.

В российской правоприменительной практике особое место занимает проблема взаимодействия правоохранительных органов с негосударственными структурами, оказывающими помощь пострадавшим. Отсутствие устойчивых механизмов межведомственного сотрудничества приводит к фрагментарности усилий и утрате значимой информации. Криминалистическая работа, направленная на изучение личности жертвы, должна строиться на принципах комплексности, включающих правовой, психологический и социологический анализ. Только при сочетании этих подходов возможно формирование объективной картины, способной служить основанием для эффективного расследования и последующего судебного разбирательства.

Исследуя криминалистическую характеристику пострадавших, нельзя не отметить важность превентивного аспекта. Осознание типичных черт и моделей поведения лиц, наиболее подверженных риску вовлечения в торговлю людьми, позволяет разрабатывать адресные программы профилактики, направленные на повышение правовой грамотности, развитие социальной поддержки и формирование устойчивых механизмов самозащиты. В этом контексте личность потерпевшего выступает не только объектом научного анализа, но и ключевым элементом общей стратегии противодействия преступности.

Завершая размышления о рассматриваемой проблематике, представляется возможным заключить, что криминалистическая характеристика пострадавших от торговли людьми является важнейшим инструментом познания природы данного преступления. в России уже наработан некоторый положительный опыт расследования данной категории преступлений [3]. Пострадавший перестаёт быть лишь статистической единицей или объектом доказательства – он становится носителем уникальной информации, раскрывающей сущность человеческой трагедии и одновременно указывающей пути её преодоления.

Список литературы

1. Пимакова О. Г. Криминологический аспект торговли людьми / О.Г. Пимакова // Государственная служба и кадры. – 2021. – №5. – С. 79–81. DOI 10.24411/2312-0444-2021-5-79-81. EDN JQAMGX

2. Дворкин А.И. Криминалистическая характеристика торговли людьми / А.И. Дворкин, Г.К. Смирнов // Бизнес в законе. – 2007. – №1. – С. 50–62. EDN JWQGRT

3. Кушпель Е.В. Криминалистическая характеристика связанной с торговлей людьми / Е. В. Кушпель // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2007. – №2 (5). – С. 129–138. EDN QILFBX

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Григорьев Сергей Сергеевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В СТРАНАХ СНГ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация*: в статье анализируется современное состояние института государственной службы в государствах – участниках СНГ. Выявляются общие тенденции, обусловленные историческим наследием и интеграционными процессами: унификация законодательства, внедрение цифровых технологий (электронное правительство), борьба с коррупцией, переход к сервисной модели («бережливая» бюрократия). Определены основные проблемы (политизация, текучесть кадров, низкая эффективность) и предложены перспективные пути развития, включая гармонизацию стандартов в рамках СНГ.*

Ключевые слова*: государственная служба, СНГ, административная реформа, цифровая трансформация, противодействие коррупции, кадровая политика, интеграция.*

Введение.

В условиях углубления евразийской интеграции (СНГ, ЕАЭС, Союзное государство) вопросы унификации и повышения эффективности государственной службы становятся критическими для конкурентоспособности стран-участниц.

Цель статьи: выявить общие тенденции развития госслужбы в странах СНГ и предложить направления её совершенствования в рамках регионального сотрудничества.

Задачи.

1. Сравнить правовые основы (модели: открытая/закрытая, карьерная/политическая).
2. Выделить ключевые вызовы (коррупция, цифровизация, профессионализм).
3. Сформулировать пути гармонизации стандартов госслужбы в СНГ.

Основные тенденции: унификация и гармонизация законодательства, кроме того:

– общая черта: переход от советской «номенклатурной» модели к профессиональной карьерной службе;

– примеры сближения: категории должностей, конкурсные процедуры, квалификационные требования, этические кодексы;

– роль Модельного закона СНГ (слабомандатный, но ориентирующий характер).

Цифровая трансформация госслужбы:

– Единые платформы: e-gov в Казахстане, «Госуслуги» в РФ, «Портал электронного правительства» в Беларуси.

– Тенденция: сокращение бумажного документооборота, межведомственное взаимодействие (SMART-служба).

– Проблема: цифровой разрыв между странами и внутри них.

Антикоррупционные механизмы:

Создание специализированных органов (Агентство по противодействию коррупции в Казахстане, Национальный совет по антикоррупционной политике в РФ).

Общие инструменты: декларирование доходов, ротация кадров, упрощение административных процедур.

Неоднородность успехов: Индекс восприятия коррупции (пример: Узбекистан – позитивная динамика после 2017 года).

Внедрение сервисной модели «государство для гражданина»:

– Стандарты государственных услуг, принцип «клиентоцентричности».

– «Центры обслуживания населения» (единые офисы) – общее заимствование (из практики Казахстана).

Общие проблемы:

– высокая политизация верхних уровней (зависимость от смены власти);

– текучесть кадров на среднем уровне (разрыв в оплате с бизнесом);

– недостаток независимой оценки качества работы госслужащих.

Обсуждение.

Сравнительный вывод: в странах СНГ доминирует смешанная модель (элементы карьерной и политической систем).

Факторы различий: уровень экономического развития, степень авторитарности/демократичности, членство в дополнительных интеграционных объединениях (ЕАЭС, ОДКБ).

Пути развития:

– сближение стандартов: принятие рамочных документов СНГ о квалификационных экзаменах и реестрах госслужащих;

– цифровые компетенции: обязательное включение IT-блоков в квалификационные требования (гармонизация профилей);

– внедрение KPI с адаптацией опыта Казахстана (оценка эффективности госорганов по прямым результатам);

– регулярные ротации между центральными и региональными уровнями (для снижения коррупции);

– образовательные программы на базе Академий госслужбы (сетевое взаимодействие в СНГ, взаимное признание дипломов о переподготовке).

Заключение.

Проведённый анализ показывает, что страны СНГ, несмотря на национальные различия, движутся по сходному пути реформирования государственной службы. Общими тенденциями стали цифровизация государственных услуг, внедрение антикоррупционных механизмов и переход к сервисной модели «государство для гражданина». Вместе с тем сохраняются и общие проблемы: политизация высших должностей, текучесть кадров и формальный характер многих антикоррупционных процедур. Роль институтов СНГ в гармонизации стандартов пока остаётся ограниченной в силу рекомендательного характера принимаемых документов. Перспективными направлениями развития являются взаимное признание квалификационных аттестатов госслужащих, унификация цифровых кадровых реестров и создание совместных образовательных программ. Главный вывод заключается в том, что повышение эффективности государственной службы на пространстве СНГ возможно не через копирование западных моделей, а через выработку общих евразийских стандартов, что укрепит профессионализм и доверие граждан к государственному аппарату.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.06.2026).

2. Федеральный закон от 27 мая 2003 года №58-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

3. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2008 года №202-З «О государственной службе в Республике Беларусь».

4. Указ Президента Республики Беларусь от 18 декабря 2009 года №635 «О некоторых мерах по совершенствованию государственной службы».

5. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года №416-V «О государственной службе».

6. Указ Президента Республики Казахстан от 20 января 2016 года №173 «О некоторых вопросах государственной службы».

7. Соглашение о сотрудничестве в области государственной службы и кадровой политики, подписанное странами СНГ.
8. Рекомендации Совета глав правительств СНГ по вопросам реформирования государственной службы.
9. Матузов Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М., 2021. EDN LJMKDV
10. Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: правовые аспекты / И.Н. Барциц // Власть. – 2020. – №8.

Исмаилов Заур Бахтиярович
студент
Ракитова Алена Сергеевна
студентка
Сидорова Виктория Алексеевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ТУРИЗМ И ГОСТЕПРИИМСТВО» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые аспекты реализации национального проекта «Туризм и гостеприимство», запущенного в 2025 году как преемник предыдущей программы. Анализируются структурные изменения, цели и инструменты достижения стратегических показателей. Внимание уделяется механизмам государственной поддержки, кадрового обеспечения и повышения туристической привлекательности России. Приводятся данные официальной статистики и экспертные оценки, отражающие текущее состояние отрасли.*

Ключевые слова: *национальный проект, туризм, индустрия гостеприимства, государственная поддержка, инфраструктура, внутренний туризм, федеральные проекты, кадровый потенциал.*

Актуальность туристической отрасли в современной России демонстрирует устойчивую и положительную динамику, которая становится одним из драйверов экономического роста РФ. Начиная с 2025 г. инструментом системного развития отрасли выступает новый национальный проект «Туризм и гостеприимство», который пришел на смену нацпроекту «Туризм и индустрия гостеприимство». Актуальность исследования в осмыслении первых результатов реализации масштабных государственных программ и оценки их эффективности в контексте достижения национальных целей развития. Целью исследования является анализ хода реализации национального проекта «Туризм и гостеприимство» по итогам первого года работы, выявить основные достижения и проблемные зоны в сфере кадрового дефицита. По данным Российского союза туриндустрии на 2025 год, в сфере туризма в России занято около 1,5 миллиона человек, при этом дефицит кадров в среднем по стране 20–25%, а в регионах – до 40%. В Ставропольском крае к 2029 г. в регионе недосчитывается более 5 тыс. квалифицированных работников в туризме. Наиболее острая нехватка ощущается среди поваров, горничных, официантов, гидов, экскурсоводов и медицинского персонала. Также есть дефицит кадров в туризме Северного Кавказа.

Методы решения кадрового дефицита в национальном проекте «Туризм и гостеприимство» следующие: 1) повышение престижа индустрии гостеприимства – достигается за счет создания позитивного образа индустрии в медийном пространстве и в кино, проведения бизнес-экскурсий и гостевых лекций практиков; 2) изменение подхода к привлечению и удержанию сотрудников – сюда входит рост уровня оплаты труда и комфорта рабочих мест, преодоление сезонности занятости за счет обучения смежным профессиям; 3) сохранение рабочих мест за представителями старшего поколения – привлекая людей старшего возраста, бизнес сможет решить проблему нехватки опытных квалифицированных кадров; 4) создание системы ранней профориентации – например открытие профильных и предпрофильных классов в школах.

Нацпроект «Туризм и гостеприимство» стартовал с 1 января 2025 г., который сменил действующий с 2021 г. проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [2]. Стратегическая цель соответствует Указу Президента РФ: повышение роли туристической отрасли в экономике страны и увеличению числа туристических поездок до 140 млн рублей к 2030 г. [3,5]. Достижение данной цели предполагает рост доли туризма в ВВП с текущих 2,9% до 5% к 2030 г. и увеличению экспорта туристических услуг в несколько раз [1].

Обоснованная структура национального проекта включает целых пять федеральных проектов, что отражает комплексных подход к развитию этой сферы: 1. Создание номерного фонда, инфраструктуры и новых точек притяжения; 2. Морские курорты (включая масштабный проект «Пять морей и озеро Байкала; 3. Туристическая привлекательность страны; 4. Кадры; 5. Промышленное обеспечение туризма [2; 4; 6]. Основные ресурсы в 2025 г. были сконцентрированы на первых трех направлениях [2]. Важнейшим инструментом реализации этого проекта выступает программа льготного кредитования в сфере строительства и реконструкции гостиниц, отелей и т. д. По состоянию на начало 2026 года в программу включено 344 проекта гостиниц и многофункциональных комплексов с общим номерным фондом, которая составляет более 73 тыс. номеров, а также 41 проект горнолыжных комплексов, аквапарков, парков для отдыха и развлечений. Общая стоимость этих проектов оценивается приблизительно в 1,9 трлн рублей [1; 8].

Результаты 2025 г. демонстрируют положительную динамику ввода новых объектов. Всего за год (с учетом всех источников финансирования) было введено 18,7 тыс. новых гостиничных номеров [2]. По данным Министерства экономразвития, в рамках программы льготного кредитования в эксплуатацию введено 36 гостиниц на 8,1 тыс. номеров, причем где-то 50% из них (18 объектов на 4 тыс. гостевых номеров) открылась именно в 2025 году [8]. Параллельно развивается сегмент модульных некапитальных средств размещения: уже 10 тыс. номеров, а на 2025–2027 гг. запланировано создание ещё более 10 тыс. номеров с финансированием 15 млрд рублей [1; 3].

Отдельного внимания заслуживает федеральный проект «Пять морей и озеро Байкал», предполагающий создание круглогодичных курортов на побережьях пяти морей и озера Байкал. Это самый масштабный проект РФ, рассчитанный на ежегодный прием более 10 млн туристов. К концу 2025 г. утверждены дорожные карты по 12 круглогодичным курортам, уже идут работы по созданию инфраструктуры в Дагестане и Бурятии [1]. Финансовая обеспеченность этого проекта приближается почти к 100%, с перспективой ежегодных инвестиций порядка 11 млрд рублей [2]. Реализуемые меры поддержки с растущим спросом на внутренний туризм обеспечили сохранение положительной динамике туристического потока людей. По результатам одиннадцати месяцев 2025 г. количество поездок по России достигли 82,9 млн, что на 5% превышает показатели предыдущего периода в 2024 году [1]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, общий прирост по итогам года составил 4% [3]. Важным событием для 2025 г. стала реформа классификации средств размещения, введена новая система обязательной классификации гостиниц. По итогам в реестре числится более 28 тыс. средств размещения совокупным объемом 967 тыс. номеров. Примечательно, что 12,5 тыс. объектов из этого числа ранее находились вне правового поля [5].

Запустили эксперимент по легализации гостевых домиков в 17 регионах страны, в рамках которого в госреестр включалось около 6 тыс. объектов [1]. В части повышения туристической привлекательности регионов активно развивается нацпроект портал «Путешествуем.рф», на котором опубликованы более чем 700 маршрутов. Для иностранных граждан запущен портал Discover Russia [1]. Привлекательным сигналом для въездного туризма стало решение о взаимной отмене виз с Китаем [2]. Развитие этой сферы сдерживается кадровым дефицитом. По оценкам экспертов, в горизонте реализации нацпроекта потребность в специалистах составляет около 400 тысяч человек [2]. Для решения задачи в структуру нацпроекта включен федеральный проект, который называется «Кадры». В 2025 г. обучение в федеральных центрах (Казань, Москва, Санкт-Петербург) прошли 6200 слушателей [1]. Планируется обучить до 53 тыс. специалистов, включая региональные команды по формированию трудового продукта и повышению производительности труда [3]. Реализация нацпроекта «Туризм и гостеприимство» показала, что стратегические приоритеты и механизмы господдержки работают. Зафиксирован рост номерного фонда, увеличение туристического потока и начало масштабных проектов, таких как «Пять морей». Для достижения целей 2030 г. (140 млн поездок по России, доля в ВВП 5%) предстоит решит ряд задач: кадровое обеспечения отрасли, привлечение частных инвестиций в условиях макроэкономической нестабильности и адаптации к внешним шокам. Приоритетом 2026 г. станет дальнейшая реализация крупных инвесторских проектов и продолжения работы по повышению качества сервиса и доступности туристических услуг для граждан.

Список литературы

1. Отдыхай с комфортом: итоги нацпроекта «Туризм и гостеприимство» в 2025 году // Национальные проекты РФ: официальный информационный портал. – URL: https://национальныепроекты.рф/news/otdykhay-s-komfortom-itogi-natsproekta-turizm-i-gostepriimstvo-v-2025-godu/ (дата обращения: 02.06.2026).

2. Туризм и гостеприимство // Стратегия 24: общественно-государственная платформа. – URL: strategy24.ru (дата обращения: 02.06.2026).

3. Новый национальный проект «Туризм и гостеприимство» // Приморский муниципальный округ Архангельской области: официальный сайт. – URL: gosuslugi.ru (дата обращения: 02.06.2026).

4. Национальный проект «Туризм и гостеприимство» // Вичугский муниципальный район: официальный сайт. – URL: gosuslugi.ru (дата обращения: 02.06.2026).

5. Михнева С.В. Новеллы государственного и муниципального управления современной России в ракурсе единой системы публичной власти / С.В. Михнева // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 294–297. EDN KLPMHP

Казанков Анатолий Игоревич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА КУРОРТОВ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема правового статуса курортов в Российской Федерации в связи с изменением законодательства. Предложено внести изменения в законодательство, закрепив сохранение статуса особо охраняемых природных территорий за существующими курортами.*

Ключевые слова: *земля, курорты, особо охраняемые природные территории, правовой статус.*

В соответствии со ст. 94 Земельного кодекса Российской Федерации, к землям особо охраняемых территорий относятся земли:

1) особо охраняемых природных территорий;

2) лечебно-оздоровительных местностей и курортов;
3) природоохранного назначения;
4) рекреационного назначения;
5) историко-культурного назначения;
6) особо ценные земли.

Согласно указанной статье, курорты относятся к землям особо охраняемых природных территорий, которые, в свою очередь, входят в состав особо охраняемых территорий.

На сегодняшний день существуют некоторые проблемы правового статуса курортов, так как, в соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 №469-ФЗ, лечебно-оздоровительные местности, курорты, курортные регионы, созданные до дня вступления в силу Федерального закона от 28 декабря 2013 года №406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также округа санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей, курортов и природных лечебных ресурсов, установленные до указанной даты, не являются особо охраняемыми природными территориями [1]. То есть курорты, образованные до 28 декабря 2013 года, не имеют статуса особо охраняемых природных территорий, а следовательно, не имеют и статуса курортов, так как это напрямую вытекает из Земельного кодекса Российской Федерации.

Ключевая проблема заключается в том, что в Российской Федерации большинство курортов были признаны таковыми задолго до вступления в силу указанного Федерального закона.

Так, Сочи получил статус курорта общегосударственного значения в мае 1925 года [2].

Указом Президента Российской Федерации от 22 сентября 1994 года №1954 району курорта Анапа придан статус федерального курортного региона [3].

В 2006 году города-курорты Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск были признаны курортами федерального значения [4].

Курорт Кашин включён в перечень курортов РСФСР, имеющих республиканское значение, постановлением Совета Министров РСФСР от 01.09.1983 №419 «Об утверждении положений о курортах Кашин, Кисегач, Увильды и Усть-Качка» [5].

Таким образом, ни один российский город не получил статус курорта после введения в действие рассматриваемого Федерального закона. Возникает ситуация, при которой рассматриваемый нормативно-правовой акт фактически упразднил существовавшие на протяжении многих лет курорты, лишив их статуса особо охраняемых природных территорий, и при этом не распространяет своё действие на новые места, так как их не существует. Прежде существовавшие курорты на данный момент имеют в некоторой степени маргинальное состояние, так как они, не являясь особо охраняемой природной территорией, не могут относиться к особо охраняемым территориям. Следовательно, они не относятся ни к одной категории земель.

С целью разъяснения возникшей ситуации необходимо пересмотреть указанную норму и внести соответствующие изменения, указав на сохранение имеющегося статуса земель особо охраняемых природных территорий и, как следствие, курортов за созданными местами.

Можно сделать вывод, что после внесения изменений в Федеральный закон «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» российские курорты перестали относиться к землям особо охраняемых природных территорий, лишившись категории земель. С целью уточнения данной неопределённости необходимо внести изменения в рассматриваемый нормативно-правовой акт и признать сохранившимся статус за существующими курортами.

Список литературы

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» №469-ФЗ от 04.08.2023 // СЗ РФ. – 2023. – №32. – Ст. 6201.

2. Эксперты обсудили дату празднования Дня города Сочи. – URL: https://sochi.ru/press-sluzhba/novosti/72/143476/ (дата обращения: 13.06.2025).
3. Указ Президента РФ «О федеральном курортном регионе Анапа» №1954 от 22.09.1994 // СЗ РФ. – 1994. – №22. – Ст. 2468.
4. Постановление Правительства РФ «О признании курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск, расположенных в Ставропольском крае, курортами федерального значения и об утверждении положений об этих курортах» №14 от 17.01.2006 // СЗ РФ. – 2006. – №4. – Ст. 387.
5. Курорт федерального значения Кашин // Государственный реестр курортного фонда РФ. – URL: https://kurort.minzdrav.gov.ru/articles/60 (дата обращения: 13.06.2025).

Ковалев Вячеслав Святославович
магистрант
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТА РФ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ВИДЫ

Аннотация: *целью исследования является рассмотрение видов угроз национальной и комплексной безопасности субъекта РФ в современных геополитических условиях. Проведена классификация угроз комплексной безопасности региона, охарактеризованы их виды и определено их значение для общества и государства.*

Ключевые слова: *безопасность, национальная безопасность, комплексная безопасность, обеспечение национальной безопасности, угрозы национальной безопасности.*

Субъекты РФ, как ключевые звенья государственного устройства, находятся на переднем рубеже противодействия широкому спектру вызовов – от терроризма и кибератак до экономической дестабилизации и чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Устойчивое и безопасное развитие страны напрямую зависит от способности каждого региона эффективно обеспечивать свою безопасность, что определяет необходимость целостного, системного подхода к данной проблеме. Определение безопасности целесообразно рассматривать с различных точек зрения. Так в толковом словаре русского языка отражено, что безопасность – это положение, при котором не угрожает опасность чему-либо. Безопасность имеет смысл анализировать с разных сторон – как определенное состояние и как функцию, обязательно закрепленную законодательно. Поэтому безопасность – не статика, а динамичная работа, требующая постоянного контроля. Для ее эффективного функционирования нужны ясные стратегии, грамотные процедуры и ресурсы, позволяющие предупреждать опасности, вовремя их замечать и реагировать на них. Безопасность предназначена для защиты объекта от различных угроз. Это состояние характеризуется отсутствием или минимальным уровнем опасности, позволяющим объекту функционировать в соответствии с заданными параметрами. Достижение безопасного состояния требует реализации комплекса мер, направленных на укрепление устойчивости и снижение уязвимости объекта. Оценка безопасности как состояния позволяет определить эффективность предпринятых мер и выявить области, требующие дальнейшего усиления защиты. Анализ законодательства РФ выявляет, что определение угрозы в настоящее время недооценено. Так в Федеральном законе от 8 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» неоднократно используется термин «угроза», однако, определение категории «угроза» не закрепляется [1].

В основе классификации угроз безопасности субъекта РФ лежат различные критерии. Наиболее распространенным является разграничение по сфере возникновения и

воздействия. В этом контексте выделяют политические, экономические, социальные, экологические, информационные, военные и техногенные угрозы. Каждая из этих категорий имеет свою специфику и требует разработки соответствующих стратегий противодействия.

Политическая нестабильность, сепаратистские настроения, экстремизм и терроризм представляют собой серьезные политические угрозы. Экономические угрозы связаны с финансовой нестабильностью, высоким уровнем безработицы, коррупцией и неэффективным использованием ресурсов. Социальные потрясения, демографические проблемы, этнические конфликты и рост преступности – факторы, дестабилизирующие социальную сферу. Экологические угрозы обусловлены загрязнением окружающей среды, природными катастрофами и ухудшением климатических условий [2].

Экономические угрозы обусловлены кризисными явлениями в экономике, финансовой нестабильностью, коррупцией, незаконной экономической деятельностью, неравномерным распределением ресурсов. Снижение уровня жизни населения и усиление социального расслоения также относятся к этой категории. Борьба с экономическими угрозами предполагает диверсификацию экономики, создание благоприятного инвестиционного климата, укрепление финансовой системы и усиление контроля за экономической деятельностью.

Социальные угрозы включают в себя демографический кризис, рост преступности, наркоманию, распространение социально опасных заболеваний, этническую и религиозную нетерпимость. Для противодействия необходимо укрепление системы здравоохранения, образования, социальной защиты населения, а также профилактика асоциального поведения и экстремизма.

Экологические угрозы вызваны загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов, стихийными бедствиями и техногенными катастрофами [3]. Предупреждение экологических угроз требуют осуществления природоохранных мероприятий, внедрения экологически чистых технологий, развития системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Информационная безопасность субъекта РФ подвергается угрозам в виде дезинформации, кибератак, пропаганды экстремистских идей и распространения ложной информации. Военные угрозы включают возможность вооруженного конфликта, террористических актов и диверсий на территории субъекта. Техногенные катастрофы, аварии на промышленных объектах и транспортных коммуникациях создают серьезные техногенные угрозы [4].

Угрозы безопасности могут быть классифицированы по масштабу (локальные, региональные, общероссийские), характеру (прямые, косвенные), времени воздействия (непосредственные, отсроченные) и степени управляемости (контролируемые, частично контролируемые, неконтролируемые). Применение комплексного подхода к классификации угроз позволяет создать более полную и адекватную картину рисков и разработать эффективную систему обеспечения безопасности субъекта РФ [5].

В современной научной литературе угрозы безопасности региона можно классифицировать по нескольким основаниям. Наиболее распространенный основан на разделении угроз по сферам общественной жизни, на которые они направлены. Данный подход напрямую коррелирует со структурой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6].

1. Социально-политические угрозы: 1) проявления терроризма и экстремизма: деятельность запрещенных на территории РФ организаций, вербовка, радикализация населения, совершение терактов; 2) коррупция в органах власти, подрывающая доверие населения к институтам власти; 3) рост уровня преступности; 4) нарастание социальной напряженности из-за низкого уровня жизни, высокой безработицы, социального неравенства.

2. Экономические угрозы. Высокая безработица подрезает покупательную способность людей и мешает развиваться малому и среднему бизнесу. Особенно уязвимы моногорода, которые живут за счет одного градообразующего предприятия. При любом экономическом шоке они первыми попадают под удар, а это ведет к социальной напряженности и оттоку населения.

3.Экологические угрозы. Вред, который наносится окружающей среде, оборачивается деградацией экосистем, снижением биоразнообразия и ухудшением здоровья людей. Грязная вода способствует распространению инфекций и делает воду непригодной. Загрязненная почва теряет плодородие, в сельхозпродукции накапливаются токсины, и качество жизни падает.

4. Военные и пограничные угрозы. Для регионов, которые находятся у границы, военные и пограничные угрозы – это проблемы, за которыми нужно следить постоянно и реагировать без промедления. Одна из них – активность иностранных разведок. Они собирают информацию о военной инфраструктуре, экономических ресурсах и политической обстановке в приграничных областях, это серьезно подрывает национальную безопасность.

Важность классификации в оценке уровня риска и расстановке приоритетов в том, на что тратить ресурсы. Когда система классификации налажена, регионы начинают быстрее реагировать на вызовы составлять комплексные планы по безопасности и согласовывать свои действия с федеральными властями и другими субъектами. Это помогает сохранять стабильность и обеспечивать устойчивое развитие и регионов, и всей страны.

Список литературы

1. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №1. – Ст. 2.

2. Петров К.М. Устойчивое развитие и экологическая безопасность: современные вызовы / К.М. Петров // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. – 2021. – Т. 66, №3. – С. 405–421.

3. Бучакова М.А. Территориальная координация в сфере охраны окружающей среды в РФ: монография / М.А. Бучакова; М-во внутренних дел Российской Федерации, Омская акад. – Омск: Омская акад. МВД России, 2009. – 131 с. EDN QRRLXZ

4. Белов П.Г. Системный анализ и моделирование опасных процессов в техносфере: учебник для вузов / П.Г. Белов, А.Ф. Козьяков, А.В. Смирнов. – М.: Юрайт, 2017. – 455 с.

5. Основы национальной безопасности: учеб. пособие / М.Ф. Гацко. – Ногинск: Издание Ногинского филиала РАНХ и ГС, 2014. – 130 с.

6. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов / И.Б. Кардашова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 332 с. EDN OPFYGL

7. Михнева С.В. Патриотическое воспитание молодежи как фактор развития и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей общества / С.В. Михнева, Ю.Г. Семикина // История Второй мировой войны: материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 151–156. EDN FEWIYD

Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Ковалев Вячеслав Святославович
магистрант

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТА РФ

Аннотация: *целью исследования является рассмотрение научно-теоретических основ и сущности национальной безопасности и ее роли в развитии государства в условиях современных геополитических тенденциях. Проанализирован категориальный аппарат, охарактеризовано понятие безопасности и национальной безопасности для общества и государства, рассмотрены тенденции в сфере обеспечения национальной безопасности.*

Ключевые слова: *безопасность, национальная безопасность, комплексная безопасность, обеспечение национальной безопасности, угрозы национальной безопасности.*

В условиях геополитической турбулентности, санкционного давления, усиления информационного противоборства и накопления рисков в критической инфраструктуре задача построения адекватной системы комплексной безопасности регионов становится одной из первостепенных в деятельности органов государственной власти. Пространственная неоднородность Российской Федерации, различия в экономическом, социальном и этноконфессиональном развитии субъектов обуславливают специфику угроз и требуют дифференцированных мер по их нейтрализации.

В этой связи, разработка и внедрение эффективных механизмов управления региональной безопасностью, основанных на анализе рисков и угроз, прогнозировании их развития и оперативном реагировании на возникающие вызовы, приобретает особую актуальность. Необходимо выстраивать многоуровневую систему, включающую элементы мониторинга, анализа, прогнозирования, планирования и реализации мер, направленных на предотвращение угроз, минимизацию их последствий и восстановление нормального функционирования жизнеобеспечивающих систем.

Можно отметить, что в научной литературе отображены разные подходы к определению «безопасность». В РФ термин «национальная безопасность» берет свое начало с 1995 года, а именно начинает регламентироваться в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» [1].

В современной российской правовой системе конституционное право охватывает сферу национальной безопасности, так как ключевые принципы и гарантии этой безопасности находят отражение в Конституции РФ [2]. Она устанавливает защищенность РФ, ее граждан и земель от различных видов угроз и опасностей, а также гарантирует устойчивое развитие страны в долгосрочной перспективе. Национальная безопасность РФ выступает неотъемлемой частью структуры ее национальных интересов. Важнейшим элементом системы обеспечения комплексной безопасности является защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности РФ. Это предполагает противодействие любым попыткам насильственного изменения конституционного строя, сепаратизму и экстремизму [3]. Особое внимание уделяется укреплению обороноспособности страны, поддержанию высокого уровня боеготовности Вооруженных Сил РФ, а также развитию военно-промышленного комплекса.

Профессор В.Г. Вишняков возражает относительно понятия «состояния безопасности», поскольку по его мнения, состояние представляет собой пассивное наблюдение, а не активные действия со стороны государства. Целесообразным, по его мнению, было бы использовать понятие «принятие мер», «защита», «гарантия», «обеспечение», как указано в Конституции РФ [4].

С.В. Гунич говорит, что под национальной безопасностью следует понимать состояние защищенности трех субъектов: личности, общества, государства. Таким образом, указанная защищенность направлена на внутренние и внешние угрозы, что позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность страны [5]. Под комплексной безопасностью РФ А.А. Куковский понимает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, достигаемое совместными действиями государственных и общественных институтов путем гибкого использования политических, экономических и иных средств, как во внутренней деятельности государства, так и на международном уровне [6].

Обеспечение государственной национальной безопасности, достигаемое согласованными действиями государственного аппарата и граждан, а также мерами по отражению общенациональных угроз, является ключевым фактором для эффективной охраны государственных интересов в текущих условиях. Однако, не все ученые рассматривают национальную безопасность исключительно как уровень защищенности. Часть ученых видит основу национальной безопасности в комплексе разнообразных обстоятельств. При этом, следует отметить, что национальные интересы не являются чем-то статичным. Они динамично

развиваются, изменяясь в зависимости от геополитической обстановки, внутренних социально-экономических процессов и научно-технического прогресса. Соответственно, и система обеспечения комплексной безопасности должна быть гибкой и адаптивной, способной оперативно реагировать на возникающие вызовы и угрозы.

Важную роль в обеспечении национальной безопасности играет формирование общенационального консенсуса относительно приоритетов и ценностей, которые необходимо защищать. Этот консенсус не может быть навязан сверху, он должен формироваться в результате широкого общественного диалога, с участием представителей различных социальных групп, экспертов и политических сил. Только при наличии такого консенсуса возможно достичь подлинно согласованных действий государства и граждан, направленных на защиту национальных интересов.

Современные угрозы национальной безопасности становятся все более сложными и многогранными. Они включают в себя не только традиционные военные угрозы, но и киберугрозы, экономические вызовы, информационные атаки, а также угрозы, связанные с изменением климата и пандемиями. Эффективная борьба с этими угрозами требует комплексного подхода, сочетающего в себе военные, экономические, дипломатические, информационные и правовые меры [7].

Комплексная национальная безопасность субъекта РФ представляет собой динамическое состояние защищенности его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, достигаемое за счет скоординированного взаимодействия органов государственной власти региона, местного самоуправления, организаций и населения в рамках единой системы, основанной на принципах централизации управления, субсидиарности и синергетического эффекта. Эффектность системы обеспечения комплексной безопасности субъекта РФ в решающей степени зависит от уровня развития регионального ситуационного центра как ядра, обеспечивающего оперативный мониторинг, прогнозирование моделирование угроз, управление силами и средствами в режиме реального времени, а также интеграцию с федеральными системами [8]. Существует правовое и ресурсное противоречие между возложенной на субъект РФ ответственностью за безопасность на своей территории и ограниченными полномочиями, и ресурсами для противодействия ряду угроз. Это требует четкого нормативного закрепления компетенции и механизмов взаимодействия с федеральным центром, а также развития государственно-частного партнерства в сфере защиты критической инфраструктуры.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. 1). – Ст. 3448.

2. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия / А.В. Возженников, А.А. Прохожев. – М.: Профессионал, 2000. – 234 с.

3. Комарова В.В. Конституционно-правовые основы региональной и местной безопасности в Российской Федерации / В.В. Комарова. – М.: Проспект, 2020. – 112 с.

4. Степанов А.В. Понятие категории «Национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ / А.В. Степанов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – №2 (28). – С. 9.

5. Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / С.В. Гунич // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – №6. – С. 15–17. EDN QCWVWB

6. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов / И.Б. Кардашова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 29–32. EDN ITUGVH

7. Михнева С.В. Патриотическое воспитание молодежи как фактор развития и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей общества / С.В. Михнева, Ю.Г. Семикина // История Второй мировой войны: материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 151–156. EDN FEWIYD

8. Михнева С.В. Новеллы государственного и муниципального управления современной России в ракурсе единой системы публичной власти / С.В. Михнева // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 294–297. EDN KLPMHP

Морозова Наталия Витальевна
канд. экон. наук, доцент, доцент, заведующий кафедрой
Минеева Наталья Владимировна
магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-167952

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: *статья посвящена вопросам модернизации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В работе использованы методы системно-структурного, сравнительно-правового и компаративного анализа. Выявлен деструктивный разрыв между долгосрочными федеральными ориентирами и реальной практикой ведомств на местах. В качестве решения предложена концепция внедрения региональной цифровой платформы предиктивной аналитики «Безопасное детство» (на примере Республики Марий Эл). Описана архитектура платформы, способная на основе искусственного интеллекта выявлять латентные маркеры неблагополучия (кибербуллинг, скрытые девиации) и сокращать время межведомственного обмена данными с двух недель до нескольких часов.*

Ключевые слова: *профилактика правонарушений, несовершеннолетние, безнадзорность, Концепция-2036, межведомственное взаимодействие, цифровая платформа, Республика Марий Эл.*

Как в России, так и в зарубежных странах интересы несовершеннолетнего защищаются законодательством. Так, например, множество правовых актов от международных соглашений до локальных ведомственных приказов регламентируют деятельность органов и учреждений, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Важнейшим международным актом выступает Конвенция Организации Объединённых Наций о правах ребёнка [2], которая в числе приоритетных мер выдвигает его защиту от всевозможных видов насилия, а Российская Конституция в статьях 38 и 72 подчёркивает, что социальными приоритетами государства выступает защита семьи и детства, которая находится в ведении как Российской Федерации, так и регионов [1].

Ключевым правовым актом в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является Федеральный закон №120-ФЗ, в котором определяются основания для профилактической деятельности различных государственных ведомств, а также их компетенция и полномочия в рассматриваемой сфере [3]. Что касается Республики Марий Эл, то профильным правовым актом в этой области выступает Закон Республики Марий Эл №42-З «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Республики Марий Эл» [5].

Практическая деятельность государственных органов в рассматриваемой сфере подразделяется на два направления: общая и адресная профилактика. Содержание данной работы включает: раннее выявление девиаций подростков, наличие проблем в семье, как правило, неблагополучной, поддержка психологами и педагогами детей-членов неблагополучной семьи, просветительско-правовая работа и организация досуга данной категории детей, их ресоциализация с применением восстановительных технологий и некоторые другие мероприятия.

Отметим, что деятельность государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений подростков носит комплексный характер, а критериями эффективности достижения целей выступают: защита каждого ребёнка от социального неблагополучия, наличие всех условий и возможностей для гармоничного развития, всемирная защита прав детей и их интересов, восстановление их нарушенных прав, первоочередная профилактическая работа, то есть искоренение не последствий, а причин. Кроме того, важное значение имеет переориентация девиантного подростка на законопослушную модель поведения, его успешная интеграция в общество и полноценная социализация.

В условиях стремительной цифровизации профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних смещается в сторону виртуальной среды. Так, сегодня подростковая преступность имеет уже другие причины и, соответственно, появляются новые виды преступлений, таких как: фишинг через мессенджеры, кибербуллинг, кибердиверсии и т. д. Традиционные системы профилактики становится неэффективными. Кроме того, существует проблема дублирования функций полиции комиссиями по делам несовершеннолетних, а также отсутствие «единого окна» помощи несовершеннолетним.

Нередко деятельность комиссий по делам несовершеннолетних носит не сколько координирующий, сколько «карательный» характер, в связи с чем возникает необходимость более строгого надзора со стороны прокуратуры, в частности за качеством реабилитационных программ для несовершеннолетних [6, с. 188]. Существует также проблема отсутствия первоначального учёта правонарушений несовершеннолетних на уровне образовательных организаций, которые не хотят портить «статистику» школы [7, с. 121].

Между тем, такой учёт и ранняя диагностика девиаций у учащихся могла бы дать возможность комиссии по делам несовершеннолетних начать работу с такими подростками на раннем этапе, не допустив совершения ими серьёзных правонарушений в дальнейшем. К сожалению, действующая модель профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних оставляет желать много лучшего.

Так, отсутствие единых стандартов психологической помощи, размытость правил ресоциализации подростков, а также дефицит высокопрофессиональных специалистов в этой сфере являются основными проблемами на данный момент. Новая Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года призвана модернизировать институты защиты детства, в том числе профилактику правонарушений несовершеннолетних детей [4]. В этом документе заложены стратегические правовые основы для усиления роли восстановительного правосудия и реализации механизмов кадровой реформы. Однако, на наш взгляд, в новой Концепции недостаточно проработаны проблемы взаимодействия в условиях латентных цифровых угроз и скрытого кибербуллинга.

Часто отсутствие оперативных каналов связи между ведомствами и традиционный бумажный оборот не позволяют достичь оптимального практического взаимодействия между органами внутренних дел, комиссиями по делам несовершеннолетних и образовательными организациями. Все это ведет, во-первых, к колоссальной потере времени, а во-вторых, к невозможности оперативно реагировать на попытки террористических и экстремистских организаций, а также кибермошенников втянуть подростков в противоправную деятельность.

На наш взгляд, в такой ситуации необходимо разработать и внедрить специальные инструменты, которые могли бы оперативно решать данные проблемы, начиная с регионального уровня. Так, предлагается создание и внедрение цифровой платформы «Безопасное детство», главной функцией которой будет выступать мониторинг социальных сетей подростков с целью раннего выявления их деструктивного поведения и скрытого кибербуллинга. В таблице 1 представлены компоненты платформы, практические механизм её реализации и ожидаемый профилактический эффект.

Если сравнивать вышеупомянутую Концепцию и проект «Безопасное детство», то нужно сказать, что второй вариант предпочтительнее, поскольку Концепция предполагает создание государственной информационной системы для выявления уже свершившихся фактов, тогда как проект носит предупредительный характер. Кроме того, деятельность государственных органов в силу масштабности, нередко сталкивается с задержками и инерцией, массивы поступающей информации нередко обрабатываются постфактум, тогда как региональная платформа «Безопасное детство» нацелена главным образом на выявление признаков неблагополучия подростков на раннем этапе, причём на уровне учреждений среднего образования, начиная с младших классов школы.

Таблица 1

Архитектура и функциональные компоненты региональной цифровой платформы предиктивной аналитики «Безопасное детство»

Компонент/Уровень платформы	Практический механизм реализации	Ожидаемый профилактический эффект
1. Технологический уровень (ИИ-мониторинг рисков)	Интеграция в образовательную среду Марий Эл специализированного отечественного ПО для автоматического анализа открытых профилей учащихся в социальных сетях на предмет маркеров агрессии, депрессивных состояний и подписок на деструктивные паблики	Раннее выявление латентных угроз. Выявление скрытого кибербуллинга и психологического неблагополучия до совершения подростком правонарушения или попытки суицида
2. Организационный уровень (Цифровое «единое окно»)	Создание защищенного сквозного канала связи и Единого цифрового реестра несовершеннолетних в социально опасном положении (СОП) для мгновенного обмена данными между школами, КДН и ЗП, Минсоцразвития РМЭ и ПДН МВД	Ликвидация временного вакуума. Сокращение сроков межведомственного уведомления и реагирования на экстренные сигналы с привычных 10–14 дней до нескольких часов
3. Нормативно-правовой уровень (региональная адаптация)	Внесение точечных дополнений в ст. 7 Закона Республики Марий Эл №42-З в части закрепления за органами образования обязанности вести регулярный цифровой мониторинг рисков виртуальной среды и незамедлительно передавать электронные карточки-сигналы	Легитимизация цифрового взаимодействия. Создание жесткой юридической обязанности для ведомств по ведению оперативного электронного документооборота вместо бумажного
4. Реабилитационный уровень (психологическое сопровождение)	Автоматическое формирование индивидуального цифрового трека ресоциализации подростка с подключением к платформе школьных психологов, центров психолого-педагогической помощи и наставников из «Движения Первых»	Смена вектора с карательного на восстановительный. Своевременное оказание адресной психологической помощи и вовлечение «трудного» подростка в позитивные социальные проекты

Таким образом, предлагаемая нами модель органичным образом дополняет стратегические направления Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Защита детей от сетевых угроз реализуется путём последовательного использования прикладного инструментария, который органично встроен в законодательство субъекта Федерации. Введение в практику такой платформы в Республике Марий Эл позволит не только выявлять на ранней стадии латентные цифровые угрозы, но и сокращать время реагирования на них до минимума, а также заменить карательные меры на мероприятия, носящие психолого-реабилитационный характер.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №11. – Ст. 1416.
2. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.
3. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» №120-ФЗ от 24.06.1999 (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – №26. – Ст. 3177.
4. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» №1272-р от 28.05.2026 (вместе с Планом мероприятий на 2026–2036 годы по реализации Концепции). – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.06.2026).
5. Закон Республики Марий Эл «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Республике Марий Эл» №42-З от 09.11.2005 (ред. от 28.12.2024); принят Госсобранием РМЭ 27.10.2005 // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2005. – №12 (I). – Ст. 445.
6. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений: монография / под науч. ред. В.В. Меркурьева. – М.: Проспект, 2023. – 456 с.
7. Ковалишина К.В. Актуальные проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних / К.В. Ковалишина // Сборник научных трудов «Новая Наука». – 2024. – С. 114–124.

Моторкина Анастасия Дмитриевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются нормативно-правовые основы и территориальные особенности организации местного самоуправления в городах федерального значения – Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе. Анализируются виды муниципальных образований, порядок изменения их границ, а также распределение полномочий между органами исполнительной власти субъектов и органами местного самоуправления. Внимание уделяется различиям в административно-территориальном устройстве каждого из трех городов.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, города федерального значения, внутригородские муниципальные образования, территориальная организация, административные округа, муниципальные округа.*

Правовое регулирование местного самоуправления в городах федерального значения РФ обладает значительной спецификой, обусловленной совмещением статуса субъекта федерации и крупного городского поселения. Как отмечено в статье С.А. Касаткина: «Система местного самоуправления позволяет местному населению принимать участие в непосредственном решении проблем и вопросов, которые затрагивают его интересы и жизнеобеспечение» [2, с. 203]. Основополагающим актом в данной сфере выступает Федеральный закон от 20.03.2025 №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Наряду с ним, отношения в сфере МСУ регулируются уставами и специализированными законами каждого из трех городов: Москвы, Санкт-Петербурга и

Севастополя. Важно отметить, что «местное самоуправление в России, и в частности в Москве, является результатом важных реформ демократического и либерального характера, которые начались в стране после 1991 г.» [3, с. 72].

Единственно возможной формой муниципальных образований на территориях городов федерального значения являются внутригородские муниципальные образования. Под ними понимаются публично-правовые образования, создаваемые на части территории города с постоянно проживающим населением, где местное самоуправление реализуется населением непосредственно и (или) через органы МСУ. Важной особенностью выступает требование о том, что территория муниципального образования должна полностью располагаться в пределах одного субъекта РФ. Также, как отмечает Д.В. Боенко «Основной территориальной единицей муниципальной власти является внутригородская территория города федерального значения, которая уже подразделяется на другие территории местной власти (муниципальные, городские или сельские округа и поселении)» [1, с. 359]. Установление, изменение границ и преобразование таких образований осуществляются законами соответствующего города федерального значения. При этом обязательно учитывается мнение населения затрагиваемых территорий, которое может быть выявлено посредством голосования либо выражено представительным органом муниципального образования.

Анализ территориального устройства г. Москвы позволяет выделить трехуровневую модель управления. Административный округ не является муниципальным образованием, а представляет собой территориальную единицу управления. Внутри административных округов располагаются муниципальные округа (районы). Органы исполнительной власти Москвы представлены префектурами во главе с префектами, которые назначаются и осуществляют исполнительно-распорядительную, координирующую и контрольную деятельность на территории округов. На уровне муниципального округа высшим должностным лицом выступает глава муниципального округа, избираемый Советом депутатов из своего состава. Представительным органом является Совет депутатов (не менее 10 человек), избираемый жителями. Управа района, в отличие от Совета депутатов, представляет собой территориальный орган исполнительной власти, подведомственный Правительству Москвы. Глава управы назначается Мэром Москвы. Префект координирует деятельность всех управ в пределах своего административного округа. Таким образом, на уровне районов Москвы фактически действуют два органа: представительный (Совет депутатов) и исполнительный (управа), причем последний имеет государственно-властную природу.

Территориальная организация МСУ в Санкт-Петербурге имеет свои черты. Административно-территориальными единицами выступают районы Санкт-Петербурга, внутри которых созданы муниципальные округа. Всего в городе насчитывается 111 муниципальных образований. Управление на уровне районов осуществляют главы администраций районов, назначаемые губернатором. Они руководят территориальными органами исполнительной власти – администрациями районов, которые подчиняются Правительству Санкт-Петербурга и реализуют государственные полномочия. В муниципальных округах высшим должностным лицом является глава муниципального образования, избираемый депутатами местного совета из своего состава и, как правило, возглавляющий данный совет. Важно отметить, что «появившийся в органах МСУ Санкт-Петербурга плюрализм мнений приобрел особую значимость, поскольку без достижения согласия для принятия решений невозможна работа представительного органа МСУ, а, следовательно, невозможна и реализация конституционного права граждан на осуществление местного самоуправления, законного функционирования органов МСУ по решению вопросов местного значения и исполнению отдельных государственных полномочий» [5, с. 9]. Контроль за исполнением местного бюджета возложен на контрольно-счетный орган. В Санкт-Петербурге наблюдается модель разграничения: районные

администрации как государственные органы и муниципальные советы с главой МО как органы местного самоуправления.

Сложную структуру демонстрирует г. Севастополь. В его составе выделяются 4 района, 9 муниципальных округов и одна внутригородская территория города федерального значения – город Инкерман. Для решения вопросов местного значения на уровне муниципальных образований созданы представительные органы – Советы муниципальных образований (Советы депутатов) и главы муниципальных образований. Управление районами Севастополя осуществляют районные администрации, подведомственные Правительству Севастополя. Высшим должностным лицом всего города выступает Губернатор Севастополя. Особый статус имеет город Инкерман, где сформированы Инкерманский городской Совет и Местная администрация. Глава города Инкермана возглавляет одновременно Совет и Администрацию, что указывает на высокую степень концентрации власти на уровне данной внутригородской территории по сравнению с муниципальными округами.

Таким образом, несмотря на единые федеральные принципы организации МСУ в городах федерального значения, каждый выработал собственную модель территориального устройства. Общей чертой выступает разделение государственного управления на уровне административных районов и собственно местного самоуправления на уровне муниципальных округов или внутригородских территорий. При этом г. Севастополь демонстрирует наличие г. Инкермана как внутригородской территории с особым правовым статусом. Важно отметить, что «необходимо искать пути совершенствования правового регламентирования избирательного процесса, с тем, чтобы оно максимально отвечало запросам современности и способствовало укреплению веры населения в необходимость непосредственного участия в формировании публичных органов государства в целом и местного самоуправления в частности» [4, с. 57].

Список литературы

1. Боенко Д.В. К вопросу эффективности местного самоуправления в городах федерального значения / Д.В. Боенко // Право и правосудие в современном мире: сборник научных статей молодых исследователей Ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28–29 марта 2025 года). – СПб.: Астерион, 2025. – С. 358–363. EDN GTDLEP

2. Касаткин С.А. Особенности территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации / С.А. Касаткин, О.Н. Маевская // Экономика, управление и право: национальный опыт и перспективное развитие: сборник материалов I Научно-практической конференции с международным участием (Бердянск, 10–11 октября 2024 года). – Симферополь: Ариал, 2024. – С. 203–205. EDN FKOONN

3. Миллер Д.Г. Особенности организации местного самоуправления в отдельных типах муниципальных образований в городе Москве – муниципальный округ, городской округ, поселение / Д.Г. Миллер // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, №4–1. – С. 71–77. DOI 10.34670/AR.2023.54.86.009. EDN WCSNHY

4. Проблемы организации и деятельности органов местного самоуправления: материалы межвузовского (ежегодного) студенческого круглого стола (Иркутск, 28 мая 2021 года) / отв. ред Н.В. Кешикова. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. – 93 с.

5. Семенов В.А. Современные вызовы становлению эффективного функционирования органов местного самоуправления (на примере г. Санкт-Петербурга) / В.А. Семенов, В.В. Ерешкин // Управленческое консультирование. – 2023. – №2 (170). – С. 8–23. DOI 10.22394/1726-1139-2023-2-8-23. EDN SILOJK

Моторкина Анастасия Дмитриевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Литвиненко Зоя Геннадиевна
канд. юрид. наук, доцент, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация: *в статье анализируется социальный контракт как новый для российской правовой системы механизм адресной социальной помощи. На основе эмпирических данных и доктринальных источников выявляются критерии эффективности данного инструмента, а также системные пробелы в его нормативно-правовом регулировании. Авторы приходят к выводу, что формальное внедрение договорной модели без изменения подхода к мониторингу и ответственности сторон снижает потенциал социального контракта как средства преодоления бедности.*

Ключевые слова: *социальный контракт, бедность, адресная социальная помощь, правовое регулирование, эффективность, пробелы в праве, субсидиарная ответственность.*

Государственная социальная политика занимает одно из центральных мест в системе функций современного российского государства. Её приоритетное значение зафиксировано в статье 7 Конституции РФ, провозглашающей Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Указе Президента РФ от 7 мая 2024 года №309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поставлены конкретные количественные ориентиры: снижение уровня бедности до 7% к 2030 году и до 5% к 2036 году, рост суммарного коэффициента рождаемости, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году. Достижение этих ориентиров невозможно без эффективной реализации социальной политики и четких правовых механизмов, регулирующих социальную сферу общества.

Феномен бедности в современной России, несмотря на декларируемые государственные усилия, сохраняет устойчивый характер. По данным Росстата, по итогам 2022 года за чертой бедности находилось 14,3 млн человек, или 9,8% населения [1]. Традиционная система социальной поддержки, основанная на категориальном подходе, не обеспечивала «выхода из бедности», а лишь временно сглаживала её острые проявления. В этих условиях законодатель обратился к инструменту социального контракта, закрепленному Федеральным законом от 17 июля 1999 г. №178-ФЗ «О государственной социальной помощи».

Как справедливо отмечает К.Н. Захарова, «социальный контракт представляет собой эффективный инструмент реализации государственной социальной политики, направленный на поддержку малоимущих граждан» [2]. Однако, за три года активного внедрения механизма выявился разрыв между нормативной моделью и правоприменительной реальностью. Цель настоящей статьи – определить эффективность социального контракта как правового инструмента преодоления бедности и выявить системные пробелы в его правовом регулировании.

А.Л. Благодир отмечает: «Социальный контракт занимает пограничное положение: он не является ни классическим договором оказания услуг, ни актом индивидуального правового

регулирования. Его природа – синтетическая, порожденная межотраслевыми связями права социального обеспечения и административного права» [3].

Такая неопределенность порождает первый правовой пробел: отсутствие единой процедуры изменения и расторжения контракта. В большинстве региональных нормативных актов говорится о возможности расторжения «в одностороннем порядке», но не уточняются основания, сроки уведомления и процедура досудебного урегулирования. Как следствие, суды вынуждены по аналогии применять нормы Гражданского Кодекса Российской Федерации, хотя законодатель прямо этого не предусмотрел.

Пробелы в правовом регулировании сферы социального обеспечения представляются в следующем.

Первый пробел законодательной системы – это неопределенность критериев «объективных уважительных причин» для невыполнения контракта. Ст. 8.1 Закона №178-ФЗ позволяет прекратить выплаты в случае неисполнения обязательств, но не раскрывает перечень уважительных причин.

Второй пробел – отсутствие механизма субсидиарной ответственности регионов. Финансирование социального контракта идет из федерального бюджета, но регионы самостоятельно разрабатывают программы. При этом, важно отметить, что «Программа социальной адаптации утверждается коллегиально, то есть создается межведомственная комиссия. В состав комиссии могут входить органы власти по вопросам регулирования занятости населения, социальной защиты населения, опеки и попечительства, регулирования малого и среднего предпринимательства, а также сельского хозяйства и иные заинтересованные органы и организации» [4].

Третий пробел – отсутствие правового статуса «социального куратора». В реальности функции сопровождения выполняют специалисты органов соцзащиты, перегруженные текущей работой. Закон не устанавливает их права на проверку достоверности информации, не регламентирует периодичность визитов, не предусматривает ответственности за формальное отношение.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что социальный контракт является эффективным правовым инструментом краткосрочной стабилизации доходов бедных семей, но не обеспечивает устойчивого преодоления бедности в силу институциональных пробелов.

Для повышения эффективности представляется необходимым провести следующие меры:

– закрепить на федеральном уровне единый перечень «уважительных причин» неисполнения контракта с правом судебного пересмотра;

– ввести механизм выравнивания региональных программ через минимальные социальные стандарты;

легализовать статус социального куратора как участника правоотношений по социальному контракту, наделив его правами и обязанностями, включая ответственность за ненадлежащее сопровождение.

Список литературы

1. Росстат. Социально-экономическое положение России. 2022: стат. сборник. – М., 2023. – 245 с.

2. Захарова К.Н. Социальный контракт в системе социальной защиты населения / К.Н. Захарова // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием), посвященной 10-летию науки и технологий (Красноярск, 17–18 апреля 2025 года). – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 2075–2077. EDN TZIWSX

3. Воскобитова Л.А. Разделение процессуальных функций как условие обеспечения права на справедливое судебное разбирательство // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №6 (103). – С. 128–138.

4. Благодир А.Л. Право социального обеспечения: система отрасли: монография / А.Л. Благодир; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Московская гос. юридическая акад.» им. О. Е. Кутафина, Ин-т (фил.) МГЮА им. О. Е. Кутафина в г. Кирове. – Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2011. – 185 с. EDN QSGUWR

5. Чигарева А.Н. Оказание социальной помощи на основе социального контракта / А.Н. Чигарева // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (Барнаул, 18–19 апреля 2023 года). – Барнаул: Пять плюс, 2023. – С. 19–21. EDN OFMMXR

6. Михнева С.В. Новеллы государственного и муниципального управления современной России в ракурсе единой системы публичной власти / С.В. Михнева // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 294–297. EDN KLPMHP

Плаксина Виктория Николаевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье проанализированы современные направления государственной политики Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта. Проведен анализ основных нормативно-правовых механизмов регулирования отрасли, исследованы актуальные проблемы развития массового и профессионального спорта. Особое внимание в работе уделено вопросам финансирования спортивной инфраструктуры, кадрового обеспечения отрасли, международной изоляции российского спорта. На основе анализа государственных программ и статистических данных предложены перспективы совершенствования государственной политики в области физической культуры и спорта.*

Ключевые слова: *государственная политика, физическая культура, спорт, спортивная инфраструктура, массовый спорт, социальная политика.*

Современная социальная политика государства должна быть направлена на оказание положительного воздействия на здоровье населения, демографию, на обеспечение безбарьерной среды и т. д. Важнейшими элементами социальной политики, оказывающими непосредственное влияние на эти процессы, являются физическая культура и спорт. В настоящее время спорт не является исключительно сферой физического развития человека и стал комплексным социально-экономическим институтом, который направлен на разные сферы (образование, медицина, экономика, международные отношения и национальная безопасность).

В Российской Федерации развитию физической культуры и спорта принадлежит стратегическое значение. Так, государством активно реализуются программы по строительству спортивной инфраструктуры, привлечению населения к занятиям спортом, подготовке спортивного резерва. Основными нормативными актами, регулирующими рассматриваемую сферу, являются: Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1], Постановление Правительства РФ от 30.09.2021 №1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [2], а также Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 №3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

Основными принципами, на которых основана современная государственная политика России в сфере физической культуры и спорта, являются:

1) принцип доступности спорта для всех категорий населения;

2) принцип укрепления здоровья граждан;

3) принцип поддержки массового спорта;

4) принцип развития спорта высших достижений.

Вместе с тем, в соответствии с государственной программой «Развитие физической культуры и спорта» основными целями государственной политики являются:

1) увеличение доли граждан, систематически занимающихся спортом;

2) развитие спортивной инфраструктуры;

3) повышение обеспеченности населения спортивными объектами;

4) развитие детско-юношеского спорта;

5) подготовка спортивного резерва;

6) укрепление международных позиций российского спорта.

Согласно официальным данным, по итогам 2024 года доля граждан России, систематически занимающихся физической культурой и спортом, составила 60,3%. Обеспеченность населения спортивными сооружениями – 62,8% [3]. Причем, по итогам 2025 года более 60% граждан вовлечены в регулярные спортивные занятия. Уровень обеспеченности спортивными сооружениями составляет около 63% [8].

Одним из наиболее важных направлений государственной политики стало развитие массового спорта. Так, после проведения Олимпийских игр в Сочи, чемпионата мира по футболу 2018 года и Универсиады в Казани наблюдался значительный рост объема спортивной инфраструктуры. Были построены новые стадионы, ледовые дворцы, бассейны, тренировочные базы и спортивные центры, которые продолжают активно использоваться для развития спорта

Немаловажное значение придается развитию школьного спорта. Во многих субъектах РФ осуществляются региональные программы модернизации школьных спортивных залов и строительства открытых спортивных площадок. Например, в Республике Татарстан, Москве и Московской области были созданы спортивные кластеры при общеобразовательных учреждениях.

Бесспорно, основным механизмом реализации государственной политики является финансирование отрасли. В России финансирование спорта происходит по смешанной модели и состоит из федерального, регионального и муниципального бюджета; внебюджетных инвестиций; спонсорских контрактов и ГЧП.

Несмотря на все это, развитие спортивной инфраструктуры в России остается неравномерным. Так, наиболее обеспеченными и развитыми регионами являются Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Краснодарский край и Московская область.

По информации вице-премьера РФ Дмитрия Чернышенко, вовлеченность граждан РФ в спорт в среднем по стране составляет 60,3%, а в сельской местности этот показатель равен 52% [5]. Основными причинами такого явления можно назвать нехватку спортивных сооружений, высокий уровень износа объектов, недостаточную транспортную доступность, кадровый дефицит.

Рассматривая проблему нехватки спортивных сооружений, целесообразно отметить, что большинство сооружений построены к крупным международным соревнованиям, которые на сегодняшний день нуждаются в бюджетной поддержке.

В последние годы государство ориентировано на строительство малобюджетных спортивных объектов шаговой доступности: универсальных площадок, физкультурно-оздоровительных комплексов и модульных спортивных сооружений.

Следующей немаловажной проблемой является кадровый дефицит, который особенно остро ощущается в малых городах и сельской местности.

Кадровыми проблемами являются низкий уровень заработной платы тренеров, возрастные особенности, недостаточная престижность профессии, дефицит специалистов по адаптивному спорту, переход квалифицированных тренеров в коммерцию.

Для решения проблемы в 2025 году началась реализация программы «Земский тренер» [7]. Ожидается, что специалисты, переезжающие работать в сельскую местность, будут получать государственные выплаты и социальные льготы. С 2026 года эта программа заработала на территории всей России.

«С 2022 года российские спортсмены сталкиваются с ограничениями на участие в международных соревнованиях. В некоторых видах спорта они полностью отстранены, а в других могут выступать только в нейтральном статусе» [6]. Но в 2026 году «Международная федерация плавания (World Aquatics) сняла ограничения с российских и белорусских спортсменов и допустила их до соревнований под своей эгидой с флагом и гимном» [9].

Наиболее серьезно ограничения затронули: легкую атлетику, биатлон, лыжный спорт, футбол, хоккей, гимнастику.

Вместе с тем возникли и экономические проблемы:

1) сокращение международных спонсорских контрактов;

2) снижение коммерческой привлекательности соревнований;

3) ограничение трансляций;

4) уменьшение международного обмена опытом.

Ввиду возникновения таких проблем, государство было вынуждено переориентировать спортивную систему на внутренние соревнования. Были организованы альтернативные турниры (Игры БРИКС и Игры будущего).

Так, проведенные в 2024 году в Казани «Игры будущего» в Казани в 2024 году, объединили традиционный спорт и киберспорт и стали попыткой формирования новых международных спортивных платформ.

Несмотря на ограничения, Россия продолжает сохранять высокие позиции в отдельных видах спорта: фигурном катании, художественной гимнастике, плавании и борьбе.

В качестве одного из наиболее значимых направлений государственной политики является развитие адаптивной физической культуры и спорта инвалидов. В последние годы государство увеличивает финансирование программ поддержки паралимпийского движения. Образуются специализированные спортивные центры, развивается система подготовки тренеров по адаптивному спорту.

Государственная политика в области физической культуры и спорта направлена на следующие перспективы развития.

1. Распространение и доступность массового спорта. Основное внимание необходимо уделять обеспечению широкого доступа населения к спорту. Для этого необходимо развивать доступную спортивную инфраструктуру, поддерживать школьный спорт и активно пропагандировать здоровый образ жизни.

2. Оптимизация системы финансирования. Необходимо совершенствовать механизмы финансирования через привлечение частных инвестиций в рамках ГЧП.

3. Развитие кадрового потенциала. Необходимо повысить уровень оплаты труда тренеров, расширить социальные гарантии, модернизировать систему спортивного образования.

4.Укрепление международных спортивных связей. Необходимо работать над установлением новых партнерских отношений.

Таким образом, государственная политика Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта является важнейшим направлением социальной политики государства. Так, за последние годы были достигнуты значимые результаты: вырос уровень вовлеченности населения в занятия спортом, сформирована современная спортивная инфраструктура, активно развивается система подготовки спортивного резерва. Несмотря на это, в рассматриваемой сфере имеется ряд проблем: инфраструктурное неравенство регионов, кадровый дефицит, международные ограничения.

Бесспорно, для эффективного развития спорта необходимо использование комплексного подхода, предполагающего модернизацию системы финансирования, развитие человеческого капитала и расширение международного сотрудничества.

В дальнейшем успешная реализация государственной политики в области физической культуры и спорта способна стать немаловажным фактором укрепления здоровья населения, повышения качества жизни граждан и стабильного социально-экономического развития Российской Федерации.

Список литературы

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон №329-ФЗ: принят Государственной Думой 16 ноября 2007 года: одобрен Советом Федерации 23 ноября 2007 года (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №50. – Ст. 6242.

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30.09.2021 №1661 (ред. от 29.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №41. – Ст. 6974.

3. О реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта для достижения национальных целей развития Российской Федерации: Постановление СФ ФС РФ от 18.06.2025 №219-СФ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №25. – Ст. 3311.

4. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 №3081-р (ред. от 07.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №49. – Ст. 7958.

5. Вовлеченность граждан в спорт в среднем по стране составляет 60,3% // РИА Новости Спорт: официальный сайт. – URL: https://ria.ru/20250723/chernyshenko-2030910008.html (дата обращения: 28.05.2026).

6. Глава СКР заявил, что ISU должны вернуть российских спортсменов // РИА Новости Спорт: официальный сайт. – URL: https://ria.ru/20260524/gulyaev--2094405371.html (дата обращения: 28.05.2026).

7. Программа «Земский тренер» // Министерство по физической культуре и спорту Ростовской области: официальный сайт. – URL: https://minsport.donland.ru/activity/68720/ (дата обращения: 28.05.2026).

8. Подведены итоги реализации госпрограммы «Спорт России» в 2025 году // Национальные проекты: официальный сайт]. – URL: https://национальныепроекты.рф/news/podvedeny-itogi-realizatsii-gosprogrammy-sport-rossii-v-2025-godu/ (дата обращения: 28.05.2026).

9. World Aquatics допустила российских спортсменов до соревнований с флагом и гимном // Forbes: официальный сайт. – URL: https://www.forbes.ru/sport/559090-world-aquatics-dopustila-rossijskih-sportsmenov-do-sorevnovanij-s-flagom-i-gimnom (дата обращения: 28.05.2026).

10. Бондаренко Н.М. Анализ роли спорта в поддержании физического и психического здоровья будущих агрономов / Н.М. Бондаренко, Г.В. Федотова // Высшее аграрное образование: состояние, проблемы и перспективы: сборник статей по материалам учебно-методической конференции (Краснодар, 1 марта 2025 года). – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, 2025. – С. 547–550. – EDN: NKPXWN.

11. Влияние контента в социальных сетях на формирование у студентов вузов устойчивого интереса к физической культуре и спорту / З.В. Кузнецова, Л.П. Федосова, Г.В. Федотова, Н.М. Бондаренко // Вестник спортивной науки. – 2025. – №5. – С. 63–67. – EDN: NOKWYO.

12. Руденок П.О. Влияние стресса на физическое и психическое здоровье студентов / П.О. Руденок, Г.В. Федотова // Человек. Социум. Общество. – 2025. – №10. – С. 140–144. – EDN: HITNHN.

Половцев Игорь Николаевич
генеральный директор
ООО «Архитектурная мастерская Сахновского»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-168337

О ПРИВЕДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ГОСТ Р 58203-2018 «ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УНИВЕРСАЛЬНУЮ ЦЕННОСТЬ ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ» НА СООТВЕТСТВИЕ ПРАВИЛАМ ИКОМОС

Аннотация*: при проведении работ вблизи объектов, внесенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, требуется проводить оценку воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия для обеспечения их сохранности. В статье анализируется утвержденный в 2018 году Национальный стандарт, определяющий состав отчета об оценке воздействия и производится сравнение его с рекомендациями Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест, а также предлагаются способы устранения выявленных несоответствий.*

Ключевые слова*: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, объект всемирного наследия, культурное наследие, универсальная ценность, оценка влияния, памятник истории и культуры, охрана памятников, ЮНЕСКО, ИКОМОС, национальный стандарт, ГОСТ Р 582903-2018.*

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 года №8595-XI была ратифицирована и 12 октября этого же года на территории Советского Союза вступила в силу принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 16 ноября 1972 года Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия [1].

Конвенция предусматривает формирование Списка объектов всемирного наследия. Объект, отвечающий одному из 6 критериев для объекта культурного наследия всемирного значения или 4 критериев для объекта природного наследия может быть ЮНЕСКО включён в Список всемирного наследия в соответствии с Руководством по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [2, 3]. Объекты, включенные в этот Список обладают наднациональной ценностью, значимой для всего населения нашей планеты.

В настоящее время Российская Федерация имеет на своей территории 34 объекта всемирного наследия [4], в том числе 23 объекта культурного наследия и 11 объектов природного наследия.

Для обеспечения сохранности этих объектов для последующих поколений важно обеспечить неизменность тех признаков, которые послужили основанием для включения ЮНЕСКО в перечень объектов всемирного наследия.

Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест (ICOMOS, ИКОМОС) в 2011 году разработал Руководство по осуществлению оценок воздействия на наследие в отношении объектов всемирного культурного наследия. С 2014 года русский перевод доступен на сайте Министерства культуры России [5].

С марта 2019 года в Российской Федерации действует разработанный Федеральным государственным унитарным предприятием «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские» и утвержденный Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Национальный стандарт ГОСТ Р 58203–2018 «Оценка воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия. Состав и содержание отчета» [6].

Безусловно, вопрос оценки воздействия на объекты всемирного наследия, расположенные на территории Российской Федерации, должен быть стандартизован и единообразно применяться на территории всей России.

Однако обязательность применения этого Национального стандарта вызывает большие сомнения. Дело в том, что с момента вступления в силу Федерального Закона от 27.12.2002 №184-ФЗ «О техническом регулировании» [7] национальные стандарты перешли в разряд документов добровольного применения, о чем было явно сказано в статье 15 этого закона. Принятый 29 июня 2015 года Федеральный закон №162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [8] в своей статье 26 также явно относит национальные стандарты к документам добровольного применения. Обязательными являются только ГОСТы по безопасности дорожного движения, национальной обороне, атомной энергетике, а также явно причисленные в Постановлениях Правительства России. Остальные Национальные стандарты (ГОСТы) обязательны лишь для тех, кто принял на себя добровольные обязательства исполнять этот документ.

Решением проблемы обязательности положений об оценке воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия могло бы стать утверждение этих правил Министерством культуры Российской Федерации в форме реставрационных норм и правил (РНиП). Положение о Министерстве культуры, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 №590 [9], как раз и предоставляет в пункте 5.2.22 Министерству культуры право самостоятельно принимать реставрационные нормы и правила в качестве нормативных правовых актов (т.е. обязательных для применения всеми документов) [10].

Отмечая важность появления документа, регламентирующего порядок проведения оценки воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия [11, p. 11], специалисты отмечают ряд внутренних противоречий [12]. Следует также отметить, что Национальный стандарт ГОСТ Р 58203-2018, описывая состав отчета, внес определенные коррективы в состав отчета, предложенный ИКОМОС.

Так предложенное ИКОМОС в составе отчета «представление о сфере воздействий, связанных с проектом или другими предложениями по изменению.» заменено в ГОСТ Р 58203–2018 на «представление о сфере взаимного влияния и воздействия условий, связанных как с проектными решениями, так и с другими предложениями по изменению места и окружения объекта», что позволяет обсуждать изменение местоположения объекта и его окружение.

Требование ИКОМОС изложить в отчете «четкие инструкции относительно того, как можно смягчить или избежать воздействий», заменены на «конкретные предложения и мероприятия, позволяющие избежать негативных воздействий или смягчить их», что переводит вопрос в обсуждение не всех возможных изменений, а только негативных (хотя негативность или позитивность влияния является оценочной категорией, зависящей от точки зрения автора отчета).

В ГОСТ Р 58203-2018 совершенно не раскрываются содержание таких важных элементов отчета, как «методология оценки воздействия», «история и описание объекта всемирного наследия», «анализ и оценка общего влияния предлагаемых изменений», «предлагаемые меры по предотвращению, уменьшению или компенсации последствий воздействия (меры по смягчению)», «выводы и заключения» (подпункты 4, 5, 7, 8 и 9 пункта 5.2). В Руководстве по осуществлению оценок воздействия на наследие в отношении объектов всемирного культурного наследия, подготовленном ИКОМОС, этим элементам посвящены 3 страницы и 4-х, описывающих содержание отчета.

Появление Национального стандарта «Оценка воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия. Состав и содержание отчета» упростило работу проектировщика и будущего пользователя, но может приводить к утрате универсальной ценности

памятника, поскольку требования заложенные в международном законодательстве подменяются облегченными требованиями, именуемые национальными, но принятыми в качестве добровольного (т.е. рекомендательного по своей сути) документа.

В 2022 году ЮНЕСКО и консультативными органами Комитета Всемирного наследия, ИККРОМ (Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей), ИКОМОС (Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест) и МСОП (Международного союза охраны природы) было разработано Руководство и методическое пособие по оценке воздействия в контексте Всемирного наследия (Guidance and Toolkit for Impact Assessments in a World Heritage context) [13].

С учетом вновь появившегося документа, регламентирующего порядок оценки воздействия на объекты всемирного наследия, Национальный стандарт ГОСТ Р 58203-2018, полагаем, должен претерпеть корректировку.

Поскольку ЮНЕСКО включает объект в список Всемирного наследия только после оценки его значимости Международным союзом охраны природы (МСОП) и Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), а также на основании рекомендации Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ), российские правила оценки воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия в обязательном порядке должны, по нашему мнению, быть рассмотрены профильным научным комитетом НК ИКОМОС Россия, утверждены Советом Национального Комитета ИКОМОС Россия и после этого утверждены Министерством культуры Российской Федерации в качестве документа обязательного применения.

Список литературы

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. – URL: https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

2. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия / пер. с англ. – М. : Институт Наследия, 2023. – 444 с. – ISBN 978-5-86443-406-2.

3. Колобов Р.Ю. Система охраны всемирного наследия: нормативный аспект / Р.Ю. Колобов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2025. – Т. 20, №2. – С. 215–239. DOI 10.35427/2073-4522-2025-20-2-kolobov. EDN NPRUTX

4. Мазуров Ю.Л. Всемирное наследие человечества и место в нем Российской Федерации / Ю.Л. Мазуров // Альманах ICOMOS. Москва 2025. – М.: НК ИКОМОС Россия, 2026. – С. 16–19. – ISBN 978-5-6051823-9-9.

5. Руководство по осуществлению оценок воздействия на наследие в отношении объектов всемирного культурного наследия. – URL: https://culture.gov.ru/documents/ (дата обращения: 22.06.2026).

6. Оценка воздействия на универсальную ценность объектов всемирного наследия. Состав и содержание отчета: Национальный стандарт ГОСТ Р 58203-2018. – М.: Стандартинформ, 2018. – 24 с.

7. О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 №184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №52, ч. 1. – Ст. 5140.

8. О стандартизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 №162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №27. – Ст. 3953.

9. О Министерстве культуры Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 №590 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №31. – Ст. 4758.

10. Половцев И.Н. Совершенствование норм, регламентирующих деятельность по реставрации объектов культурного наследия / И.Н. Половцев // Universum: экономика и юриспруденция. – 2015. – №7 (18). – С. 12. EDN TXUKST

11. Feyzulayev M.A. The potential of heritage impact assessment as a planning tool for sustainable management of urban heritage. The case study of Bukhara, Uzbekistan / M.A. Feyzulayev. – Anhalt University of Applied Sciences, 2019. – 95 p.

12. Марушина Н.В. Инструментарий управления всемирным наследием: HERITAGE IMPACT ASSESSMENT. Особенности и перспективы использования в России / Н.В. Марушина // Урбанистика. – 2023. – №1. – С. 60–77. DOI 10.7256/2310-8673.2023.1.39770. EDN JPSBYU

13. Руководство и методическое пособие по оценке воздействия в контексте Всемирного наследия (Guidance and Toolkit for Impact Assessments in a World Heritage context). – Алматы: Региональный Офис ЮНЕСКО в Алматы, 2024. – 88 с. – ISBN 978-92-3-400078-9.

Симонтенко Никита Сергеевич
студент
Краснодарский филиал
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Краснодар, Краснодарский край
Научный руководитель
Томбулова Елена Георгиевна
канд. юрид. наук, доцент
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье выявлены ключевые преимущества и недостатки цифровизации в судебной системе Российской Федерации. На сегодняшний день наблюдаются существенные преобразования в судебной системе страны, главным из которых является внедрение цифровизации, существенно повышающее уровень эффективности и качества правосудия. Обоснована необходимость детального анализа влияния цифровизации на судебную систему, а также выявления недостатков, требующих устранения.*

Ключевые слова: *право, судебная система, цифровизация, правосудие, цифровые технологии.*

Не вызывает сомнений тот факт, что цифровизация судебной системы Российской Федерации является одним из ключевых действующих направлений в развитии системы правосудия. Указанный процесс сопровождается внедрением новых цифровых технологий, автоматизацией процессов и переносом документооборота в цифровой формат. Главной целью преследуется повышение эффективности качества правосудия и всей судебной системы страны в целом. Опираясь на существующие научные труды в области цифровизации судебной системы, а также на действующую нормативно-правовую базу, появляется возможность углублённого изучения того, какие цифровые технологии внедряются в систему правосудия, а также какие на сегодняшний день существуют недостатки в этой области.

Одной из ключевых цифровых технологий в судах общей юрисдикции является государственная автоматизированная система «Правосудие». Указанная система значительно упрощает для граждан взаимодействие с судами общей юрисдикции, переводя часть документооборота в электронный формат. На сегодняшний день существует правовое регулирование работы ГАС «Правосудие». Ключевые аспекты в области приёма, учёта и регистрации документов, поступивших в цифровом виде в рамках административного, гражданского, уголовного судопроизводства с использованием ГАС «Правосудие», прописаны в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 №161 (ред. от 07.05.2026) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» [2].

Несмотря на значительное упрощение в области делопроизводства, которое предоставляет ГАС «Правосудие», она имеет ряд существенных проблем, на которых стоит акцентировать внимание. В научной статье «Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития» анализируются существующие проблемы электронного правосудия, где также указаны недостатки ГАС «Правосудие». Ликвидация этих недостатков может существенно повысить уровень эффективности работы судебной системы [4, с. 6].

Главным недочётом в действующей системе электронного документооборота является становление персональных данных общедоступными, что является грубым нарушением статьи 24 Конституции Российской Федерации [1]. Действующая позиция суда по этому вопросу приводит к серьёзному конфликту с основным законом страны, что впоследствии порождает сложности при применении и использовании законодательства. Опираясь на этот факт, существует необходимость исключить возможность появления персональных данных участников судопроизводства в открытом доступе с целью соответствия положениям Конституции Российской Федерации.

Следующим важным аспектом являются многочисленные хакерские атаки, которые несут в себе огромные риски – от утечек персональных данных вплоть до полного уничтожения информации. При этом возможно заражение различными вирусами компьютеров, используемых в судейских зданиях, что в совокупности может привести к нарушению непрерывности правосудия. Указанную проблему необходимо решить с помощью усиления безопасности цифровых систем, тем самым повышая эффективность отражения хакерских атак, что в свою очередь обеспечит защиту информации и персональных данных [4, с. 6–7].

Важной частью судебной системы Российской Федерации является арбитражная инстанция. На сегодняшний день в системе арбитражных судов Российской Федерации существует аналог ГАС «Правосудие», а именно система «Мой Арбитр». Эта государственная онлайн-система создана для дистанционного взаимодействия граждан и организаций с арбитражными судами Российской Федерации. Она позволяет подавать исковые заявления, жалобы и иные процессуальные документы в электронном виде, а также предоставляет возможность в режиме реального времени отслеживать все изменения, связанные с делом. Важную роль в нормативно-правовом регулировании системы «Мой Арбитр» играет Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 №100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)», предоставляющее ключевую нормативную базу для обеспечения деятельности систем электронного документооборота в арбитражных судах Российской Федерации [3].

Тем не менее цифровые технологии в арбитражной инстанции не избежали наличия своих недочётов. Ключевые проблемы в области арбитражного судопроизводства указаны в научной статье «Проблемы реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе». При этом стоит отметить, что система «Мой Арбитр» имеет существенно меньшее количество недостатков в сравнении с ГАС «Правосудие». Главными недостатками являются технические недоработки самой электронной системы. В частности, отмечаются проблемы с SMS-оповещением сайта, а также неравенство доступа к электронному судопроизводству, что вызвано разными техническими возможностями участников арбитражного процесса. Для решения указанных проблем необходима модернизация существующих цифровых систем для ликвидации сбоев и технических недочётов, а также предоставление возможности всем участникам арбитражного судопроизводства использовать системы электронного документооборота [5, с. 3–4].

Таким образом, на сегодняшний день происходит активное внедрение цифровизации в судебную систему Российской Федерации, что приносит существенные плюсы в области электронного документооборота, но при этом не исключает наличие недостатков, которые необходимо устранять в кратчайшие сроки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 17.06.2026).

2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» №161 от 15.12.2004 (ред. от 07.05.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51699/ (дата обращения: 17.06.2026).

3. Постановление Пленума ВАС РФ «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» №100 от 25.12.2013 (ред. от 11.07.2014). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/ (дата обращения: 17.06.2026).

4. Ерёменко А.К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития / А.К. Ерёменко // Вопросы российской юстиции. – 2023. – №29. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravosudie-problemy-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 18.06.2026).

5. Курочкин П.А. Проблемы реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе / П.А. Курочкин, Ю.Н. Радачинский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-elektronnogo-sudoproizvodstva-v-arbitrazhnom-protsesse (дата обращения: 18.06.2026). DOI 10.22394/2074-7306-2023-1-2-75-79. EDN ZOYYSL

Научное электронное издание

ПРАВО, ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Чебоксары, 25 июня 2026 г.)

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная вёрстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 06.07.2026 г.
Объем 8,17 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 58,67.

ООО «Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, ул. Гражданская, д.75, оф. 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com